

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

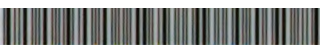
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929202 3

40

INDEXED

**БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
LXXXIX.**

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

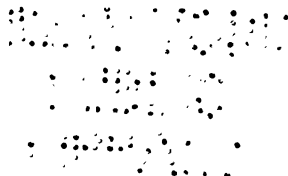
*Ἐροὶ δὲ τὶ ἀσχερὰ, τοῖς ἐτίροις μὴ δοκῶσαι παρὰ
ἑαυτῶν τὰ δίκαια μήτε γινώσκει μήτε ποιῶσαι; Ὅμοι
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δίκην των προσηγορίων ἀποθράσκω
ἐν τοῖς ἐπισημοῖσι οὐχ ὁμοίαν καταλιπερίτην τῶν
τε ἀδικούντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТЫЙ.

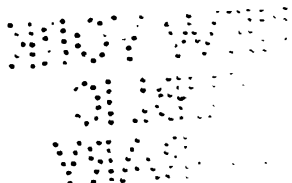
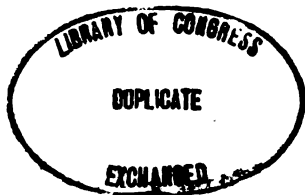
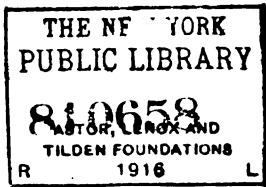
=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ВОЗВОЛЯЕТСЯ,

из чего, чтобы не отягачивать производство дела от Цensorской Комитетъ уведомилъ ее через
дисциплинарна. Санктпетербургъ. 9 июля 1848.

Цensorъ А. Кнунтенис.
Цensorъ С. Кутора.
Цensorъ Ш. Шлегель.

ТАНТАЛЬ.

=

Qu'importe à la nature féconde qu'une
pauvre créature comme moi vive ou meure!

STANL'

I.

Такъ какъ всякая недвижность считается выше движимости, разумѣется, за исключеніемъ денегъ, то я начну съ того, что у титулярнаго совѣтника Алексѣя Петровича Пискарева былъ домъ, полученный имъ въ наслѣдство отъ покойнаго родителя, и находился не подалеку отъ Покрова. Въ строгомъ смыслѣ, домъ этотъ нельзя было назвать домомъ: сложенный изъ барочныхъ досокъ и покрывавшійся на-бокъ, онъ имѣлъ болѣе видъ на-скоро выстроенной, лагерной кухни. Но какъ вѣтъ худа безъ добра, то и эта лачуга имѣла отчасти свою хорошую сторону: ни одинъ голодный смертный, проходя мимо Алексѣя Петровича, не ощущалъ зависти къ его «недвижности», а напротивъ того, думалъ про себя: «Эхъ-ма! вотъ въ какой труппѣ, подумаешь, люди живутъ!»

По долгу вѣрнаго рассказчика, я не долженъ, и не могу выпустить изъ виду этого обстоятельства, что домишко господина Пискарева въ лѣтніе мѣсяцы совершенно превращался и имѣлъ даже довольно поэтическую наружность. Тайна этого превращенія заключалась въ небольшомъ палисадникѣ. Четыре березки, посаженные въ простѣвкахъ, опушась зеленью, весьма ловко прикрывали архитектурные недостатки, а небольшія клумбы, вспаханныя чьей-то прилежною рукой, пестрѣли дпкой малиновой гвоздикой и яхонтовымъ полевымъ колокольчикомъ. Домишко Пискарева, столь жалкій во все время года, лѣтомъ представлялъ

что-то очаровательно свѣжее и благоухающее, и что-то такое, въ чемъ нельзя было не признать присутствія давно скончавшейся греческой богини Флоры.

Ознакомивъ нѣсколько читателя съ недвижностью Пискарева, мы просимъ войти въ его домъ и ознакомиться съ его семействомъ.

— Ну, Алексѣй Петровичъ, поздравляю васъ! сказала супруга Пискарева, дама довольно плотнаго сложенія, съ лицомъ, не выражающимъ ничего кромѣ здоровья.

— Съ чѣмъ это? спросилъ Пискаревъ.

— Какъ съ чѣмъ?... Неужто вы не догадываетесь?... Да съ тѣмъ, батюшка Алексѣй Петровичъ, что нашей Олинъгъ партія открывається.

— То есть, какъ это?...

— Охъ, родной! да вы, кажется, совсѣмъ изъ ума выжили съ тѣхъ-поръ, какъ вышли въ отставку. Пока служили, такъ были туда-сюда, а теперь, Господь васъ знаетъ, что съ вами такое!...

— Ой-ли?

— Да что тутъ «ой-ли»? Съ нѣкотораго времени у васъ какъ-будто, прости Господи, память отшибло! Вамъ говоришь дѣло, а вы, или несете околесную, или мурлычите себѣ подъ носъ....

Алексѣй Петровичъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Вы сомнѣваетесь?...

— Сомнѣваться я не сомнѣваюсь, а какъ-то мнѣ странно....

— Странно? Ни чуть это не должно быть вамъ странно.... Вы устарѣли, Господь съ вами, и теперь лучше молчите, да слушайте....

— Да вѣдь я, кажется, матушка, и безъ того тише воды, ниже травы....

— И прекрасно!... Такъ вотъ видите ли что, Алексѣй Петровичъ: у нашей Оли оказывается женихъ....

— Будто?

— Ну, да.... И такой женихъ, я вамъ скажу, что либо да съ два....

— Слава тебѣ, Господи!...

— Во истинѣ слава!

— А кто же это такой, матушка?...

— Эхъ, родной! вамъ все разжуй да въ ротъ положи.... Неужто вы сами не можете догадаться?...

— Хоть убей, нѣтъ!

— Хоть васъ убей, такъ вы не догадаетесь, а?....

— Хоть убей, такъ вѣтъ!

— Ахъ, Господи!... ужъ прямая вы стали, Алексѣй Петровичъ, глухая тетерка!... Говорила я вамъ, кажется, толкомъ: не подавайте въ отставку; служите, Алексѣй Петровичъ, такъ вы, куда тебѣ, чуть на дыбы не полѣзли.... А теперь, я васъ спрашиваю, вы что вы такое?... Отъ лѣви и бездѣйствія вы на челобѣка не похожи.... Все бы вамъ вѣсть, да спать.... а въ головѣ ни одной мысли пріюта не даете.... Я вамъ намекаю ясно, а вы спрашиваете: «кто, да кто?» Ну, кто же другой можетъ присвататься къ Ольѣ, какъ не Ониконъ.... Вѣдь онъ одинъ только у насъ и бы-ваетъ....

— Ониконъ?...

— Ну да! Иванъ Ильичъ Ониконъ.... Чему жъ вы такъ удивляетесь?...

— Удивляться я, матушка, не удивляюсь, да Иванъ Ильичъ чуть ли не вышелъ изъ лѣтъ. Онъ, почитай, безъ малаго, еле еле мнѣ не ровесникъ....

— Вотъ-те-на, что вы еще выдумали!... Я увѣрена, что онъ не старѣе меня....

— Ну, хоть бы и такъ, матушка!... все же, стало-быть, ему....

— Слушая васъ, сѣ-ей, уши вянуть.... Ну, что же, развѣ я стара, что ли?...

— Стары вы не стары, а все же такъ....

— Что вы этимъ хотите сказать?... Договаривайте, договаривайте....

— Да то, матушка, что и вы уже не въ первой, такъ сказать, молодости....

— Прошу покорно: не въ первой молодости!... Великая важность!...

— Важность не важность, а всё-таки для Оли, казалось бы, нужно жениха по-моложе....

— Вы говорите, и сами не знаете что!... Вылетаетъ языкомъ, и больше ничего!... Послушайте, Алексѣй Петровичъ, если вы на старости лѣтъ не хотите со мной ссориться, то я васъ прошу — молчите!... Не лепите какъ-нибудь вашихъ сужденій при Ониконѣ.... Безъ васъ ей и въ умъ не придетъ, что есть какая-нибудь разница между молодымъ и старымъ....

— Будь по-вашему, матушка....

— Во все продолженіе разговора, вы теперь только одно умное слово сказали....

Алексѣй Петровичъ, не привыкшій къ комплиментамъ жены,

по-видимому, и этимъ замѣчаніемъ былъ очень доволенъ. Потирая руки, и покачиваясь съ ноги на ногу, онъ бормоталъ сквозь зубы:

— Ну, то-то же и есть, матушка, вы видите сами, что мы еще не вовсе изъ ума выжили.... еще кое-что маракуемъ....

II.

Котя мы всё единодушно съ любовью повторяемъ Пушкина, и совершенно съ нимъ согласны, что петербургское лѣто «карриатура южныхъ зимъ», тѣмъ не менѣе нельзя однако жъ не сознаться, что и у насъ на сѣверѣ, въ болотѣ, выдаются такіе теплые и свѣтлые дни, которые заставляютъ невольно забыть, что мы заключены на край свѣта, въ сосѣдство съ Лапландіей. Человѣкъ такъ созданъ, что цѣнить только то, что рѣдко; на этомъ основаніи я полагаю, что всё пользующіеся хорошимъ климатомъ въ итегѣ пользуются не болѣе насъ. Въ томъ климатѣ, гдѣ каждый день хорошъ, никто и не думаетъ о погодѣ и, сверхъ-того, лишается удовольствія поговорить иногда о хорошей погодѣ.... У насъ въ Петербургѣ не то: куда вы суньтесъ, отъ лачуги до барскихъ палатъ, отъ газетныхъ фельетоновъ и до нынѣшнихъ повѣстей, рѣчь о погодѣ не умолкаетъ. А настанетъ весна, проглянетъ солнышко, замшатся деревья, и петербургецъ непремѣнно переѣзжаетъ на дачу; откажетъ себѣ во всемъ, а ужъ порадуется душу свою мннутнымъ тепломъ и чахлою зеленью. Въ описываемое нами время на дворѣ былъ іюль, и такой іюль, какого старожилы давнымъ-давно не запомнятъ.

Было часовъ семь утра; палисадникъ Алексѣя Петровича, освѣженный теплой росой, цвѣлъ и благоухалъ. Молоденькая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, нисколько не похожая ни на господина, ни на госпожу Пискаревыхъ, веселая какъ утро, свѣженькая какъ только-что распутившійся цвѣтокъ, прилежно трудилась надъ клумбами. То разгребала она землю, то поливала цвѣты, то обрывала полузавядшіе листья цвѣтовъ, и, казалось, была совершенно довольна.

Женщины вообще, а дѣвицы въ-особенности, не знаю на какомъ основаніи, стараются разыгрывать роль добродѣтельныхъ, чуждыхъ всему земному, способныхъ только *любить*, и больше ничего. Раскопавъ поглубже женскую природу, я, грѣшный человѣкъ, нахожу, что женщина, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, совсѣмъ не ангель, а такое же грѣшное существо, какъ и я.

Впрочемъ все, что я сказалъ, нисколько не относится къ Ольгѣ-

кѣ Пискаревой, какъ это видно уже изъ самаго ея занятія. Родившись въ бѣдности, она росла на рукахъ родителей и не училась танцванью и болтавью по-французски. Образование и наклонности Оливьки шли рука объ руку съ ея положеніемъ. Не сдѣлавшись свѣтскою барышней, она зато научилась понимать нужды родителей, видѣть вещи какъ они есть и, въ добавокъ, находить удовольствіе въ томъ, надъ чѣмъ каждая другая насмѣялась бы до-сыта. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, находить удовольствіе рыться въ землѣ и поливать цвѣты?... Это дѣло садовника, мужика, а не молодецкой дѣвушки.

Въ описываемое нами время случалось довольно часто, что госпожа Пискарева спрашиваетъ бывало у раскрасившейся Оливьки:

— Нагулялась ли ты?

— Нѣтъ, мамаша, обыкновенно отвѣчала Оливька.

— Какъ нѣтъ? да вѣдь ты цѣлое утро провозилась въ саду?

— Ахъ, маменька, этого все мало! Я бы, кажется, цѣлый вѣкъ прожила въ немъ.... Вы не можете себѣ представить, какъ теперь разросся плющъ, какъ развернулись гвоздички!... Я вамъ совѣтую, маменька, самимъ полюбоваться....

— Господь съ нимъ!... Да и тебѣ, Оливька, не худо иногда подумать о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ. Не вѣкъ же тебѣ, милая, копать въ землѣ, да за цвѣтами ухаживать!... Нужно также подумать, какъ бы пристроить себя.

— Да развѣ я не пристроена? наввно спросила Оливька.

— Ну, какъ же можно объ этомъ спрашивать! Какъ же это ты пристроена? Вѣдь тебѣ не вѣчно же быть на рукахъ у отца и матери....

— А отчего нѣтъ, маменька? Развѣ я вамъ въ тягость?

— Въ тягость ты не въ тягость; да вѣдь подумай, моя милая, что Алексѣй-то Петровичъ нашъ не по днямъ, а по часамъ хилѣетъ. Чего добраго, не къ тому будь сказано, ну что, если изъ него духъ вошь?... бѣда!... Случись это несчастіе, что мы съ тобой будемъ дѣлать?...

— Ахъ, маменька!... не говорите пожалуйста этого: мнѣ страшно....

— Чего тутъ не говорить!... Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.... Его святая воля!... а тебѣ, Оливька, нужно заранѣе объ этомъ подумать.... если женихъ прійдется, такъ и съ Богомъ....

— Да откуда же онъ прійдется?

— Богъ не безъ мплости!... можетъ быть, онъ ужъ и есть....

III.

Чѣмъ чище и проще натура, чѣмъ менѣе заражена пустыи-ми ложными химерами, тѣмъ она мягче и воспримчивѣй. Каждое слово разума глубоко имъ западаетъ на душу и еще глубже врѣзывается въ память. Послѣ бесѣды съ матерью, Олимпика долго была сама не своя; въ ея умѣ то и дѣло представлялась непрочность человѣческой жизни, и то, что она, волей не-волей, должна себя пристроить, то есть, *выйти замужъ*. Занятая этими мыслями, Олимпика съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачивала прежнюю дѣтскую безпечность; по утру она не такъ весело вскакивала съ постели; одѣвалась медленнѣй; в палисадникъ, который, до бесѣды съ матерью, казался ей земнымъ раемъ, теперь въ глазахъ ея сталъ не болѣе ни менѣе какъ палисадникомъ. Въшность потеряла въ глазахъ ея краски, и она на каждомъ шагу стала задумываться. Мысли о смерти отца и о замужествѣ какъ два неотвязные и страшные призрака преслѣдовали ея молодое воображеніе. Сначала эти мысли какъ-то несвязно путались между собой и порождали въ душѣ ея острое, болѣзненное чувство; но потомъ мало-по-малу она съ болѣшимъ хладнокровіемъ стала вдумываться въ слова матери; потомъ даже стала ихъ разбирать и, наконецъ, дошла дотого, что ясно стала видѣть и понимать, что отецъ ея, добрый Алексѣй Петровичъ, не безсмертенъ, что если Господу угодно будетъ призвать его грѣшную душу, то ей и матери, кромѣ слезъ о потерѣ близняго, прійдется оспротѣть и жить половинной его пенсіона. Наконецъ, она убѣдилась и въ томъ, что ей, во избѣжаніе всѣхъ этихъ несприятностей, необходимо *пристроиться*, то есть, *выйти замужъ*.

« Но за кого? » думала она. И при этомъ вопросѣ мысли ея опять какъ-то мѣшались и дотого спутывались, что она оставалась въ совершенномъ недоумѣніи, какъ пѣшеходъ, сбившійся съ дороги во время глухой и невастной ночи.

Выйти замужъ, по ея понятіямъ, значило найти такого человѣка, которому бы она могла понравиться, и который въ свою очередь самъ могъ бы тронуть ея сердце и, въ добавокъ, еще умѣлъ бы понравиться ея родителямъ. Этого человѣка она рѣшительно не могла принскать въ своемъ воображеніи. Такой человѣкъ ей даже во снѣ не грезился...

Въ домѣ ея родителей, кромѣ трехъ-четырехъ коломенскихъ салопницъ и кофейницъ, бывали только Иванъ Ильичъ Опиковъ и Вася Вьюнчиковъ. Ни тотъ, ни другой не могъ быть ея суже-

нимъ, по весьма логическому заключенію. Ониковъ казался ей такимъ старымъ, что ни какимъ образомъ не могъ понравиться; а Вася Вьючниковъ, хотя и привлекалъ нѣсколько вниманіе Олиньки, мало пользовался расположеніемъ родителей.

Она часто слышала, какъ, бывало, мать ея говорила Алексѣю Петровичу :

— Ахъ, Алексѣй Петровичъ... любила я покойницу Марю Сергѣевну Вьючникову, и ни какъ не думала, что она народитъ на свѣтъ Божій такого вертопраха какъ Вася.

— А что же вы находите въ немъ такого?... спрашивалъ обыкновенно Алексѣй Петровичъ.

— Да то-то и бѣда, что ровно ничего. Ну, выдачное ли это дѣло, чтобъ молодой человекъ, дворянскаго происхожденія, пошелъ на купеческую контору.... да еще и важничалъ этимъ!...

— Ово конечно....

— Это показываетъ, что въ мальчишкѣ нѣтъ ни стыда ни совѣсти.... Принималась я было говорить ему объ этомъ, такъ онъ еще меня на смѣшкѣ поднималъ.... Да, Алексѣй Петровичъ, Вася Вьючниковъ совѣтъ безправственный; отъ матери онъ не наследовалъ ни маковымъ зернышкомъ добродѣтели....

— Я съ вами согласенъ, говорилъ обыкновенно Алексѣй Петровичъ.

IV.

Кто-то очень справедливо замѣтилъ, что иногда молодость начинается довольно поздно. Въ самомъ дѣлѣ, изъ-подъ власти няньки мы выходимъ почти двѣнадцати лѣтъ; изъ-подъ ферулы наставниковъ мы едва-едва выбрасемся въ двадцать слѣшкомъ, и потомъ находимся подъ постоянною опекой родныхъ и покровителей, которые считаютъ насъ недорослями до конца жизни. Мнѣ самому случалось слышать, какъ вная почтенная барыня величала своего сына, юношу лѣтъ въ тридцать-пять, *шалуномъ* и *мальчишкой*. Я не буду доискиваться причины такой нравственной странности; но скажу нѣсколько словъ объ Ониковѣ, съ которымъ читатель нѣсколько знакомъ изъ разговора господъ Пискаревыхъ.

Иванъ Ильичъ Ониковъ, былъ въ лѣтахъ совершенной зрѣлости, о чемъ могъ засвидѣтельствовать даже знакъ пятнадцатилѣтней безпорочной службы, пристегнутый къ петлицѣ видъ мудра; но несмотря на это онъ имѣлъ нравъ юноши, скажу болѣе:

самое лицо, и вся фигура его, носили отпечатокъ какой-то незрѣлости. Идя по улицѣ, онъ такъ, бывало, сбивалъ пожатиями, такъ потряхиваетъ гривой, какъ-будто у него вѣтъ на головѣ ни одного сѣдаго волоса. Говорить онъ бойко и живо, какъ-будто не знаетъ пословицы: «Бѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами».... даже лицо его казалось издали *ничего*: всѣ черты были на своихъ мѣстахъ, глаза — бойки, улыбка откровенна, цвѣтъ лица романтически блѣденъ.... Но, ради Бога, если вы хотите сохранить плюзію относительно къ Опикову, не подходите къ нему близко. Очарованіе пропадетъ, исчезнетъ какъ сонъ.

Минимая живость Опикова была не что иное какъ болѣзненно-судорожная подвижность. Волоса, казавшіеся издали *blond cendré*, на самомъ дѣлѣ были волосы очень не выгоднаго цвѣту, и притомъ съ весьма значительною просѣдью. Блѣдный цвѣтъ лица Опикова, который на извѣстномъ разстояніи придавалъ ему поэтическое выраженіе, вблизи напоминалъ о старости и другихъ непріятностяхъ человѣческой жизни.

Нравственная сторона почтеннаго Ивана Ильича имѣла явную аналогію съ его наружностью. Въ характерѣ, во взглядѣ на вещи и въ самомъ поведеніи, не смотря на лѣта, сохранилось много юношескаго.

Какъ холодный и ученый біографъ, я не стану вдаваться въ мелочныя подробности, и по ниточкѣ разбирать всѣ обстоятельства и случайности жизни, которыя сложили, впоследствии, характеръ Опикова. Скажу коротко — онъ происходилъ, какъ большая часть людей, отъ *благородныхъ, но бѣдныхъ* родителей; воспитывался въ заведеніи, и былъ тамъ изъ лучшихъ учениковъ.

Къ чести Опикова, я не могу умолчать, что онъ, по выходѣ изъ заведенія, не сжѣгъ всѣхъ книгъ и тетрадей, какъ иногда это дѣлалось. Напротивъ, Опиковъ, проэкзаменовавъ самъ себя, и найдя большой пробѣлъ въ знаніяхъ нужныхъ честному гражданину, съ жадностью кинулся читать и учиться. Чѣмъ болѣе онъ пріобрѣталъ новыхъ свѣдѣній, тѣмъ недостаточнѣй казалось ему школьное образованіе. Голова человѣка, любящаго науку, похожа на бочку Дананды: сколько въ нее ни лей, все мало. Опиковъ учился съ жадностью; но, какъ бѣдный человѣкъ, онъ долженъ былъ еще уделять время на службу, которая его прокармливала. Дни Опикова проходили въ занятіяхъ. Такая жизнь не могла не изолировать его отъ общества, и не наложить на него особенной печати. Въ тридцать слишкомъ лѣтъ, Опиковъ, при всей своей книжной учености, былъ дитя-дитей. Время шло. Опиковъ схватился

за разумъ. Волею неволею, вспомнилъ, что книги созданы для общества; что человѣкъ, пользующійся выгодами жизни и учености, необходимо долженъ вносить ихъ въ сферу дѣйствительной жизни. Не знаю, долго ли укоренялось въ немъ это убѣжденіе; но достовѣрно могу сказать, что Ониковъ вдругъ переродился. До тѣхъ-поръ, женщина для него какъ бы не существовала; онъ даже какъ будто боялся ея; а теперь, вдругъ, почти ни съ того ни съ другаго, только спалъ и видѣлъ, чтобъ какимъ нибудь образомъ сойтись съ этой прекрасной половинной человѣческаго рода.

Придя домой, онъ уже не кидался на книги, а какъ молодой студентъ, прослушавшій лекцію профессора, только и думалъ какъ бы повеселѣе провести остальное время дня. Иванъ Ильичъ, чуждавшійся приличій, вдругъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, сталъ заниматься своимъ туалетомъ, посѣщать театры, гулянья и кацдптерскія.

Товарищи Оникова скоро замѣтили метаморфозу, происшедшую въ почтенномъ Иванѣ Ильичѣ. Онъ обзавелся щеголеватой формой, и, что называется, совсѣмъ переродился.

Судамъ и пересудамъ по этому случаю конца не было. Одинъ изъ младшихъ его товарищей говорилъ:

— Я васъ могу увѣрить, господа, что Иванъ Ильичъ вторился по уши. Я даже знаю въ кого, только сказать не хочу....

— Вздоръ! говорилъ старшій товарищъ: Иванъ Ильичъ влюбиться не можетъ; у него давнымъ-давно сердце изсохло отъ трудовъ и запятій.

— Говорите себѣ! возражалъ первый.

— Да ужъ такъ; я въ этомъ могу васъ увѣрить.... Если же вы хотите знать истинную причину, почему Иванъ Ильичъ сталъ такимъ гоголемъ, такъ изволите видѣть, онъ недавно познакомился въ домѣ одного богатаго кунца, у котораго одна дочь.... естественнѣйшій уродъ.... Ну, такъ вотъ онъ, какъ человѣкъ себѣ на умѣ, и думаетъ подцѣпить этого урода....

— Эго не можетъ быть! возражалъ первый: Иванъ Ильичъ такъ благороденъ, что онъ не продастъ себя.

— Благородство благородствомъ, а деньги деньгамъ....

Толки товарищей обыкновенно оканчивались ни чѣмъ; но каждый изъ нихъ видѣлъ однако же, что въ судьбѣ Оникова произошло большая перемѣна. Даже простые люди стали между собой поговаривать на счетъ Ивана Ильича.

— Миронъ, а Миронъ! замѣтилъ ты, какая нынче болючина у Ивана Ильича?...

— Какъ не замѣтить!... Богатая вещь!...

— А замѣтилъ ты, Миронъ, что и самъ Иванъ Ильичъ, какъ-будто другой сталъ: почитай лѣтъ десять съ костей долой!...

— Вѣстимо замѣтилъ!... На старости лѣтъ, грѣховодникъ, сталъ волосокъ къ волоску подбирать, не хуже молодыхъ людей.

— А отчего бы это, Мпроша?...

— Отчего?... вѣстимо отчего: можетъ быть получилъ наследство.

— Ой-ли?

— Отецъ умеръ, такъ вотъ и радость!...

— Какая же тутъ радость?...

— Батъка его Богу душу отдалъ, а у него явился деньжата да усадьбище, такъ вотъ онъ и бекешку себѣ справилъ!...

— Вотъ оно что!...

Хотя толки были діаметрально противоположны одинъ другому, однако ни тѣ, ни другіе, какъ кажется, не подтверждались на дѣлѣ.

V.

Въ обыкновенномъ разговорѣ часто употребляется выраженіе, что послѣ тиши наступаетъ буря. Разбирая строго эту бавальную фразу, мы находимъ, что въ ней дѣйствительно много истины. За примѣромъ не далеко ходить: Иванъ Ильичъ, прожившій всю молодость въ тиши своего кабинета, кинулся вдругъ, безъ всякой видной постепенности, въ общественныя удовольствія. Какъ занятія обезпечивали его дневное пропитаніе, то Ониковъ сначала довольствовался однимъ дешевыми удовольствіями. Пройтись по Невскому Проспекту, заглянуть подъ шляпку какой нибудь вертлявой дамѣ, забѣжать въ кондитерскую, завернуть къ сослуживцу и поболтать кой-о-чемъ, сдѣлалось для Оникова любимымъ препровожденіемъ времени.

Кругъ знакомства Ивана Ильича, само собой разумѣется, состоялъ изъ людей солидныхъ, но вообще на первыхъ порахъ онъ охотѣе знакомился съ людьми молодыми. Съ перваго взгляду, это можетъ показаться страннымъ, потому что и лѣта и самый чинъ Ивана Ильича, казалось-бы, должны были привлекать его къ противоположному по вѣсу; но тутъ я опять считаю лучшимъ напомнить читателю, что почтенный Иванъ Ильичъ, хотя уже въ лѣтахъ совершеннаго благоразумія, а только что выглянулъ изъ

поры на свѣтъ Божій. Его по всей справедливости можно было назвать пожилымъ юношей. Каждый, кто-бы узналъ всю подноготную его жизни, непременно пожалѣлъ бы объ немъ, какъ о чловѣкѣ, получившемъ огромное наследство, въ минуту предсмертной муки; каждый тогда, можетъ-быть, полюбилъ-бы его: но вѣдь, чужая жизнь потемки!...

Люди въ лѣтахъ не влюбили его зато, что онъ отпускалъ иногда такія вещи, которыя и молодому только-что впору. Молодежь, хотя и своспла его присутствіе, хотя и вслушивалась въ его нѣвія, большею частію современныя, тѣмъ не менѣе чувствовала при немъ какую-то неловкость, *malaise*, какъ говорятъ Французы. Какъ бы молодой чловѣкъ ни былъ доврчивъ, онъ волей-неволей всегда почти съ осторожностью глядитъ на морщинистый лобъ и сѣдую голову.

Ониковъ, хотя и безсознательно, ясно видѣлъ, что въ обществѣ молодежи ему какъ-то не совсѣмъ ловко; но онъ складывалъ вину на свою неловкость, и думалъ про себя: «Пообжнвусь.... перемелется — мука будетъ....»

Въ одинъ прекрасный вечеръ, — мы выражаемся такъ, не по заданной формѣ, а потому что этотъ петербургскій вечеръ дѣйствительно былъ прекрасенъ, — Иванъ Ильичъ, одѣтый шеголемъ, пробирался по Коломнѣ въ Екатерингофъ. Проходя мимо лачуги Пискарева, которая, какъ мы сказали, благодаря березкамъ, плющу и цвѣтамъ, въ лѣтнее время припимала довольно привлекательный видъ, Иванъ Ильичъ остановился, чтобы полюбоваться свѣжєю зеленью и подышать душистымъ воздухомъ. Конечно, Ониковъ не застоялся бы на одномъ мѣстѣ, еслибъ изъ покосившагося окна, не выглянуло хорошенькое личико Олиньки Пискаревой. Увидѣвъ это личико, Ониковъ забылъ и зелень и запахъ, и все вниманіе его обратилось на молодую дѣвushку. Нельзя пересказать, что дѣлалось въ сердцѣ Ивана Ильича! онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.... Олинька, въ свою очередь, вѣроятно, также замѣтила Оикова, потому что тотчасъ же опустила стору, какъ бы желая скрыться отъ любопытнаго взора.

Многіе утверждаютъ, что чувство глубокой любви никогда не зараждается съ перваго взгляду. Они конечно правы, въ нѣкоторомъ отношеніи, но далеко не во всѣхъ. Каждое правило имѣетъ свои исключенія: чловѣкъ, говорится, чловѣку рознь; слѣдовательно и воспримчивость людей различна. Тотъ, кого судьба введетъ по обыкновенной, проторенной колѣѣ, конечно не влюбится съ перваго взгляду, потому что опытность, запасъ горь-

нихъ фактовъ, всегда охолодитъ, если не совѣмъ заморозитъ, въ немъ первое движеніе сердца. Но что можетъ остановить порывы неопытнаго юноши, или такого юнаго старика какъ Онниковъ?... Для нихъ наружность — душа, взглядъ — убѣжденіе.

Какъ-бы ни странно показалось читателю, но истина требуетъ сказать, что Онниковъ, увидя Олиньку, съ перваго взгляду влюбился въ нее.

Когда стора опустилась, Онниковъ постоялъ вѣсколько секундъ на одномъ мѣстѣ; потомъ нѣхотя сдвинулся и прочелъ имя владѣтеля лачуги.

Лицо Ивана Ильича ожило, и онъ, потирая, руки сказалъ про себя:

— Ба! да это человѣкъ знакомый! Я съ нимъ когда-то служилъ.... Дай зайдѣ? вѣдь мы когда-то съ нимъ были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Онниковъ вошелъ въ калитку. Цѣпная собака встрѣтила его не совѣмъ дружелюбно, но Ивацъ Ильичъ не робѣлъ: онъ позволилъ у крыльца, ему отперли дверь и объявили, что хозяинъ дома.

Добрый Алексѣй Петровичъ отъ души обрадовался старому сослуживцу и принялъ его, какъ говорится, съ распростертыми объятіями. Самъ Онниковъ, никакъ не ожидавшій такого радушія, на нѣкоторое время забылъ головку, примавившую его къ старому сослуживцу. Послѣ размѣна обыкновенныхъ фразъ и воспоминаній, отчасти оффиціальныхъ, Иванъ Ильичъ не примкнулъ спросить:

— А что, Алексѣй Петровичъ, вѣдь вы, сколько я помню, женаты?

— Какъ же не женаты!... женаты. Жены вѣтъ дома: она отправилась по хозяйству, а дочка дома; я вамъ ее представлю, — и съ этими словами Алексѣй Петровичъ позвалъ Олиньку.

Не стану надоедать моему читателю описаніемъ скучной сцены рекомендацій. Скажу коротко, что послѣ этого перваго случайнаго визита, Онниковъ сдѣлался не только постояннымъ гостемъ въ домѣ Пискарева, но даже заставилъ госпожу Пискареву шить на него серьезныя виды.

VI.

Олинька по своему характеру и образованію была дика и застенчива, но тѣмъ неменѣе откровенна. Она не боялась говорить правды. Слова *да* и *нѣтъ*, употреблялась ею въ прямомъ ихъ

значеніи; и потому когда госпожа Пискарева, въ одно прекрасное утро, разрѣшила сомнѣніе Олиньки и объявила ей, что суженой ея никто другой, какъ Иванъ Ильичъ Онниковъ, Олинька сначала-было призадумалась, но потомъ, какъ-бы не довѣряя матери, искоса на нее посмотрѣла, и улыбнулась такъ задушевно и искренно, что почтенная госпожа Пискарева, принявъ, вѣроятно, эту улыбку въ обратномъ ея значеніи, погладила по головѣ и поцѣловала дочь.

— Я напередъ была увѣрена, сказала почтенная дама, что ты не будешь прочь отъ такой партіи....

Олинька опять посмотрѣла на мать, но въ этотъ разъ улыбка уже не сопровождала взгляда.

— Иванъ Ильичъ, продолжала госпожа Пискарева: во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ основательный и серьезный. Этакой солидный мужъ, хоть бы и не тебѣ, такъ пара....

— И вы не шутите, маменька? наивно спросила Олинька, смотря на свою мать.

— Чтѣ ты этимъ хочешь сказать?

— Да то маменька, что вы, вѣрно, шутите: Иванъ Ильичъ добрый человѣкъ, это правда; его можно любить и уважать какъ знакомаго, но выйти за него замужъ — это ужасъ!....

— Прощу покорно!

— Иванъ Ильичъ, на мои глаза, не моложе папеньки....

— Прощу покорно!.... да развѣ ты, сударыня, была на его крестинахъ?.... И какое дѣло тебѣ до его лѣтъ?.... Не въ лѣтахъ сила, а въ добромъ человѣкѣ....

— Воля ваша, сказала Олинька: а Иванъ Ильичъ мнѣ не правится. Помнится, мамаша, вы не разъ говорили при мнѣ, что жена должна любить мужа больше всего на свѣтѣ; ну, посудите сами, какъ я могу любить Онникова больше всѣхъ?....

— Вишь чтѣ понесла! сказала съ досадою почтенная дама. Я, признаюсь тебѣ, Ольга, думала, что ты не дура, а теперь вижу, къ-несчастью, что я ошиблась.... Ты такая дурачья, что Боже упаси и помилуй!....

— Ахъ, маменька! душенька-маменька! ужъ если меня необходимо выдать замужъ, то выдатьте меня лучше за Ванчку....

— За кого? спросила госпожа Пискарева, какъ-будто не довѣряя своему слуху.

— За Васеньку Вьюнчикова?

— За Вьюнчикова! гнѣвно повторила госпожа Пискарева.

— Ну, да; за Вьюнчикова.

Видно было, что вся кровь бросилась въ голову почтенной дамы: она побагровѣла, ноги и руки у ней затряслись, казалось, что сильнѣй этого удара для нея быть не могло. Послѣ продолжительной паузы, госпожа Пискарева, какъ-бы опять не довѣряя своему слуху, спросила:

— Повтори еще разъ, Ольга, что ты тамъ такое сказала?

— Да тѣ, мамевка, что ужъ если итти замужъ, то лучше за Вьюнчикова, чѣмъ за Ивана Ильича.

При этомъ почтенная дама всплеснула руками и, казалось, готова была кричать караулъ.

— Нѣтъ для тебя моего родительскаго благословія!.... Такъ вотъ какъ ты, Ольга, утѣшаешь родителей? Такъ вотъ какъ ты отличаешься намъ за родительское попеченіе?... Прошу покорно, за Вьюнчикова, вѣтрогона, готова итти, а Ивану Ильичу — отказъ! Ты, Ольга, Бога не боишься, людей въ грошъ не ставишь. Васккъ Вьюнчикову я не только не отдамъ тебя, а собаку мою пожалѣю.... Вьюнчиковъ, не человекъ, сударыня, а вѣтрогонъ. Въ мужья онъ не годится, сударыня.... Впрочемъ, что съ тобой говорить!.... Когда ты уродилась дурафѣей, когда ты не можешь чернаго отъ бѣлаго отличить, такъ на то у тебя есть родители, которые, благодаря Бога, умѣютъ понимать вещи....

Это былъ первый крупный разговоръ Оливки съ матерью, впрочемъ, не кончившійся ни чѣмъ положительнымъ. Госпожа Пискарева, недовольная сужденіями дочери, не вытерпѣла и ушла а Оливка осталась при своемъ мнѣніи.

— Нѣтъ, сказала она: маменька шутить. Ея слова — обманъ, и больше ничего. Передъ Иваномъ Ильичемъ—я ребенокъ, а онъ передо мною — старикъ-старикомъ.... Какая же между нами можетъ быть любовь.... Нѣтъ! маменька, вѣрно шутила!.... Вѣрно, хотѣла напугать меня, какъ, бывало, пугала старая няня, рассказывая мнѣ передъ сномъ про Лѣшаго, про Бабу-Ягу Костяную Ногу....

На другой день разговоръ между матерью и дочерью повторился со всѣми подробностями, и изъ этого вторичнаго tête-à-tête Оливка поняла ужъ ясно, что это не была ни шутка, ни сказка. Она увидѣла, что отъ нея требуютъ жертвы, что ее, въ видахъ необходимости, хотять связать съ человекомъ, къ которому она не чувствуетъ ни малѣйшей симпатіи. Оливкѣ стало страшно, такъ страшно, что она рѣшилась на отчаянный поступокъ.

VII.

Иванъ Ильичъ, пораздумавшись, примѣшенъко направилъ свои стопы къ Покрову. Онъ шелъ съ такой самодовольной улыбой на лицѣ, что каждый проходящій, если бъ только обратилъ на него вниманіе, навѣрное подумалъ бы, что онъ или получилъ награжденіе, или, по-крайней-мѣрѣ, — нияншиникъ. Но собственно, Иванъ Ильичъ награды не получалъ и о днѣ своихъ ниянши очень мало заботился; тѣмъ не менѣе на сердцѣ у него былъ праздникъ. Онъ шелъ, какъ уже догадывается читатель, къ Пискаревымъ, и надѣялся въ этотъ день не только увидѣть Олннку, не только поцѣловать ея маленькую и пухленькую ручку, но даже обнять, облобызать и поклониться ей въ вѣчной любви и вѣрности. Онъ наканунѣ сдѣлалъ *предложеніе*, и теперь шелъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ. Къ стыду всѣхъ пожилыхъ людей, къ числу которыхъ Иванъ Ильичъ имѣлъ печальную честь принадлежать, онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣхъ какъ въ своемъ существованіи. Многимъ, можетъ-быть, любопытно будетъ узнать причину этой ложной увѣренности. Вѣдь если человѣкъ не глупый, и въ такихъ лѣтахъ какъ Иванъ Ильичъ, на чтѣнибудь надѣется, такъ, вѣрно, онъ надѣется не безъ основанія, не безъ нѣкоторыхъ радикальныхъ причинъ. Такое заключеніе читатель, повидному, чрезвычайно логично; но бываютъ случаи, обстоятельства, когда вѣрныя логическія послышки ведутъ къ самымъ невѣрнымъ заключеніямъ. Отчего? спросятъ. Оттого что люди рѣдко задаются истиной. Оттого что люди, при всемъ своемъ умѣ, задаются не тѣмъ что умно, а тѣмъ что льститъ ихъ самолюбію. Олнковъ, хотя и юнъ по душѣ, крайне устарѣлъ по наружности, а наружная форма едва ли не все для молодости. При такихъ понятіяхъ Ивана Ильича, онъ необходимо снѣшивалъ пользу съ удовольствіемъ. Онъ думалъ такъ: Олннка не видала никого кромѣ меня, слѣдовательно я не могу ей не нравиться.... Олннка чувствительна, стало-быть не можетъ не оцѣнить моей привязанности; наконецъ, Олннка выросла въ бѣдности: слѣдственно для нея малѣйшій призракъ довольства — приманка.

Все это такъ, Иванъ Ильичъ, совершенно такъ; но для чего же вы еще не спросили у вашей совѣсти, можетъ ли идти въ рядъ старость съ молодостью? Пріятно ли видѣть на гнилломъ трупѣ багрянный свѣжій вѣнокъ?

Какъ бы то ни было, Олнковъ былъ такъ счастливъ и ве-

селя, что, придя къ Пискаревымъ, не замѣтилъ ни кислой физиономіи стариковъ, ни смущенія Олиньки, ни даже Вьюнчикова, который глядѣлъ на него во всё глаза.

Обѣдъ прошелъ благополучно, и только къ вечеру разыгралась настоящая драма, именно въ то время, когда Иванъ Ильичъ вздумалъ-было направить разговоръ касательно его предложенія.

Олинька, не теряя времени, вскочила съ своего мѣста, подошла къ Ивану Ильичу, и, дружески взявъ его за руку, спросила:

— А вы ничего не знаете о моей радости?

— О какой радости? спросилъ Олиньковъ въ недоумѣніи.

— А вотъ пойдете-ка въ садъ....

Иванъ Ильичъ машинально послѣдовалъ за Олинькой.

Когда они вышли изъ комнаты, госпожа Пискарева пристально посмотрѣла на мужа, а потомъ, покосясь на Вьюнчикова, махнула рукой и что-то пробормотала сквозь зубы.

— Какая же у васъ это, Ольга Алексѣевна, радость, спросилъ Олиньковъ: ужъ не распустился ли на клумбочкѣ новый цвѣточекъ?....

— Да, именно, сказала Олинька, но потомъ пожавъ руку Ивана Ильича, она прошептала ему:

— Я должна съ вами серьезно переговорить....

По тѣлу Ивана Ильича пробѣжали мурашки.

— Маменька мнѣ сказала, продолжала съ живостью Олинька, что вы дѣлаете на мой счетъ предложеніе. Правда ли это?....

Олиньковъ кивнулъ головой.

— Ахъ, продолжала Олинька: этого я отъ васъ ни какъ не ожидала!.... До этой минуты, я думала, что вы меня любите и никогда не рѣшитесь на этотъ поступокъ....

Иванъ Ильичъ пристально посмотрѣлъ на Олиньку, потеръ лобъ рукой и сказалъ:

— Я васъ не понимаю!....

— О, это я вижу!.... Но отвѣчайте мнѣ, Иванъ Ильичъ, любите ли вы меня?....

— Люблю ли я васъ?....

— Да.

— Ужъ если я рѣшился сдѣлать вамъ предложеніе.... то...

— То это и значить, что вы меня вовсе не любите.... Вы сдѣлали предложеніе не мнѣ, а моимъ родителямъ.... Если бы

вы прежде спросилъ у меня согласія, то я бы вамъ наотрѣвъ отказала.

— Почему это?

— Потому что я молода, а вы стары.... потому что я уже люблю.....

— Кого?

— Вьюнчикова....

Иванъ Ильичъ отскочилъ на шагъ отъ Олнйки и, скрестивъ руки по-наполеоновски, сказалъ:

— Если вы любите Вьюнчикова, такъ выходите за него.... Богъ съ вами.... я отступаюсъ отъ моего предложенія.... Выходите за него замужъ, живите съ нимъ.... Будьте счастливы!....

— Все это хорошо, сказала Олнйка: вы отрекаетесь отъ меня.... но вы поселили раздоръ въ нашемъ семействѣ между моимъ отцомъ и матерью....

— Какъ это?....

— Маменька хочетъ чтобы я вышла за васъ, а маменька проситъ меня за Вьюнчикова...

— Ну, а вы что, Ольга Алексѣевна?

— Я.... да развѣ я вамъ этого не сказала? Любить и уважать васъ какъ добраго знакомаго, я вѣчно готова, но выйти за васъ замужъ — невозможно.... Любя васъ, Иванъ Ильичъ, я вамъ не совѣтую жениться.... Васъ ни одна дѣвушка не полюбитъ какъ мужа....

Ониковъ печально покачалъ головой.

— Послушайте, Иванъ Ильичъ.... душенька, Иванъ Ильичъ! Скажите маменькѣ, что вы пошутили, что вы не сватались за меня, а только такъ.... съиграли комедію....

— Хорошо, сказалъ Иванъ Ильичъ: будь по вашему!....

— И вы на меня не сердитесь? спросила Олнйка, протянувъ руку Ивану Ильичу.

— Ни мало-мальски! отвѣчалъ Ониковъ, глубоко вздохнувъ.

— Когда я буду вѣнчаться съ Вьюнчиковымъ, вы прійдете къ намъ?

— О, непременно!....

VIII.

Послѣ грустнаго разговора съ Олнйкой, Иванъ Ильичъ какъ-будто съ неба слышалъ, или вѣрнѣе сказать, провалился въ

преисподнюю.... Бѣдный Оникъ такъ растерялся, что рѣшительно не могъ отдать себѣ отчета, какъ онъ ушелъ отъ Пискаревыхъ, какъ онъ доѣхалъ до дому, какъ вошелъ въ свою комнату. Выраженіе «человѣкъ потерялъ голову» шло къ нему какъ нельзя лучше. Время беретъ свое. Мало-по-малу угаръ разсѣвался вокругъ Ивана Ильича и онъ нѣсколько отрезвился. Бываютъ такія странности въ проявленіяхъ жизни человѣческой, о которыхъ, по выраженію Шекспира, и не снилось нашимъ мудрецамъ. Ну, кто по обще-принятой морали, не предпочтетъ трезваго пьяному? А между-тѣмъ, отрезвленіе Оникова едва ли не было во сто разъ печальнѣе его забвенія.

Лишь только Иванъ Ильичъ пришелъ въ себя, онъ схватилъ себя за волосы, ударилъ кулакомъ по столу и произнесъ такія вещи насчетъ употребленія времени въ первую юность свою, которая, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я нахожусь въ необходимости утратить отъ читателя.

Чтобы какъ-нибудь спрятаться отъ самого себя, отъ собственныхъ своихъ мыслей, Иванъ Ильичъ позвалъ своего Санхо-Пансу Петрушку, который, давнымъ давно, Богъ знаетъ какими путями, нашелъ Гораціевскую истину,—она же скрывается въ винѣ,—*in vino veritas*,—и напивался съ самаго позаранка. Въ описываемый нами вечеръ Петрушка былъ болѣе нежели когда-нибудь вѣренъ Горацію. Онъ напился такъ, что даже сонъ отрезвитель не могъ выгнать паровъ истины изъ его головы.

Покачиваясь со стороны на сторону, Петрушка вошелъ въ комнату барина и хриплымъ голосомъ спросилъ:

— Чего изволите?...

— Ты опять пьянъ, Петруша! сказалъ ему Иванъ Ильичъ, но уже не тѣмъ укоряющимъ и грознымъ голосомъ, который обыкновенно употреблялъ въ такихъ случаяхъ.

— Маленько таки того-съ.... виновать, батюшка Иванъ Ильичъ....

— Виновать-то ты виновать, Петруша!... А скажи-ка пожалуйста, вѣдь я чай, погребки еще не закрыты?...

— Теперь, Иванъ Ильичъ, почитай что закрыты.... Впрочемъ францезину можно добыть въ форточку, или съ задняго крыльца....

— Если можно, такъ вотъ тебѣ рубль...

— Какого прикажете?

— Какого дадутъ. Я, братецъ, въ винахъ толгу не знаю....

Петрушка, въ нормальномъ положеніи и на сухія комиссіи, былъ человѣкъ чрезвычайно неповоротливый. Онъ мямлилъ, зѣвалъ по сторонамъ, и то, что другой дѣлаетъ въ минуту, онъ

едва-едва въ часъ справлялъ. Пошлетъ-ли его Иванъ Ильичъ въ лавочку, онъ заговорится съ лавочникомъ; отправить ли на почту, онъ идетъ на-долгихъ; а тутъ Петрушка повернулся какъ бѣсъ по шучьему велѣнью. Едва Ониковъ успѣлъ перевести духъ, какъ Петрушка уже ставилъ передъ нимъ бутылку хересу и стаканъ.

Непривыкшій къ такой расторопности своего камердинера, Ониковъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и спросилъ:

— Какъ же это ты такъ скоро?...

— Да ужъ такъ, Иванъ Ильичъ! По какой другой части Ярославецъ не гождь; а что касается до трактирной, такъ ужъ съ тѣмъ возьмите; хоть кого заткнемъ за поясъ.

— Да отчего же вы это, всѣ Ярославцы, хорошо служите только по одной трактирной части? сказалъ Иванъ Ильичъ, проглотивъ стаканъ вина.

— Не по одной трактирной, а и по бильярдной также.

— Ну, да это все одно и то же, сказалъ Иванъ Ильичъ, выпивъ другой стаканъ вина.

— Оно, сударь, такъ.... Да что прикажете дѣлать?... Ужъ такой народъ уродился: грамотный, да больно щеголоватый.... Безъ часовъ и другихъ какихъ ни на есть «фильдебрясовъ» Ярославецъ Ярославцу на глаза не кажись.... осмѣть, окаянный!

— Вотъ оно что! сказалъ Иванъ Ильичъ, какъ ракъ раскрасѣвшійся. ✕

— Да, сударь! Видно, уже такъ Богу угодно.... отцы согрѣшили, а дѣти расплачиваются.

Ониковъ изъ подлобья посмотрѣлъ на Петрушку и повторилъ его слова:

— Отцы согрѣшили, а дѣти расплачиваются....

— Вѣстимо такъ, Иванъ Ильичъ. У насъ, въ ярославской губерніи, съ поконовъ вѣку, ведется такая зараза, что-де каждый учись грамотѣ....

— Такъ что же тутъ дурнаго? спросилъ Ониковъ, бессмысленно поглядывая на своего Санко-Пансу.

— Что тутъ дурнаго? иронически воскликнулъ Петрушка: что дурнаго?...

Ониковъ, утомленный волненіемъ дня и ослабленный непривычнымъ возмѣненіемъ, отправился на сонъ грядущій; но улегшись въ постель, ему какъ-то не спалось, и онъ черезъ нѣсколько минутъ снова позвалъ своего камердинера.

— Слышишь, Петруша? сказалъ Иванъ Ильичъ, потягиваясь

на постели: я давно хотѣлъ спросить тебя, отчего это ты, братецъ, не женишься?... Вѣдь тебѣ, я чай, уже лѣтъ тридцать; промѣшкаешь еще лѣтъ десятокъ, такъ ужъ тогда будетъ поздно.... ни одна молодая дѣвка не пойдетъ за тебя....

— Эхъ, сударь! проговорилъ Петрушка, зѣвая во весь ротъ: что это вамъ пришло въ голову!... Ну, зачѣмъ, да и какъ можно жениться нашему брату? Вотъ, изволите видѣть, женись, такъ возьми себѣ *обузу* на шею. Съ одной своей головой, еле-еле маячишься на бѣломъ свѣтѣ.... Такъ куда тутъ браться за гузъ....

— Такъ неужто жъ такъ таки прожить цѣлый свой вѣкъ?..

— А отчего жъ-бы и вѣтъ, сударь?...

— Скучно, братецъ, ей-ей скучно жить бобылемъ на свѣтѣ!

— Скучно-то оно скучно, Иванъ Ильичъ, да что будешь дѣлать?...

Иванъ Ильичъ потянулся на постели и крикнулъ. Петрушка продолжалъ:

— Одна голова: говорится пословица, никогда не бѣдна.... А тамъ, при случаѣ, и при деньгахъ, сударь, можно всегда найти жену. Были бы только деньги: старость не бѣда.

— Какъ это?

— Какъ?... Эхъ, сударь... много всякихъ женщинъ на Божьемъ свѣтѣ: которой нужна въ мужѣ молодость, а которой деньги.

— Да вѣдь это значитъ продавать свое сердце....

— Оно отчасти, сударь, такъ сказать, правда. Да вѣдь есть же, говорятъ, такіе люди, что и не женись живутъ припѣваючи, которые продаютъ свой умъ за деньги.... и никто ихъ за это не порицаетъ: умъ, дескать, товаръ, какъ юфть и овесъ. Такъ зачѣмъ же женщинамъ не продавать своего сердца?... товаръ — батюшка Иванъ Ильичъ — точно такой же товаръ какъ умъ, деготь, лапти и прочее.

Иванъ Ильичъ опять протянулся, и, потерѣвъ себѣ голову, пробормоталъ что-то.... Изъ этого бормотанья видно было, что онъ не вовсе отвергалъ философію Петрушки, но сонъ уже началъ одолевать Ивана Ильича.

Скоро раздался храпъ, и Петрушка убрался во свояси.

IX.

На другой день Иванъ Ильичъ проснулся съ растерзаннымъ сердцемъ, и съ большой головой отъ хересу. Къ довершенію несчастія, Оникову нужно было остаться дома. Въ это роковое

утро, Иванъ Ильичъ готовъ былъ скорѣй провалиться сквозь землю чѣмъ оставаться глазъ на глазъ съ самимъ собой. Предшествовавшій день всею тягостью своей леглъ ему на плеча. Съ этого собственно дня, можно сказать, Иванъ Ильичъ унасъ съ неба на землю; помнилъ, что еще вчера былъ въ раю, а сегодня пошелъ онъ по міру; еще вчера утромъ Иванъ Ильичъ, идя изъ должности къ Пискаревымъ, былъ въ эмпиреяхъ; а вечеромъ или, говоря поэтически, съ закатомъ солнца, закатилось и счастье Онникова. Надежды не только измѣнили ему, но, казалось, еще безсозвѣстно дразнили его. До того времени ему и въ голову не приходило вспомнить о своихъ лѣтахъ, а теперь, невольно, взглянувши въ зеркало, онъ понялъ, что время надъ человѣкомъ имѣетъ тиранскую власть. Иванъ Ильичъ увидѣлъ, напримѣръ, что время выдергиваетъ и бѣлить волосы, сушить кожу, сгоняетъ румянецъ, и покрываетъ щеки какой-то болѣзненной желтизной. Мало этого, Иванъ Ильичъ понялъ также, что Ольга Алексѣевна, отвергнувъ его предложенія, дѣйствительно имѣла много основаній... Но самая тяжелая мысль, которая болѣе всего давила душу Ивана Ильича, была та, что Вьючниковъ, котораго до той поры онъ считалъ нулемъ, на повѣрку одержалъ надъ нимъ верхъ.

Кромѣ этого основнаго горя, Иванъ Ильичъ не безъ отвращенія также вспомнилъ, какъ онъ въ припадкѣ малодушія прибѣгъ къ хересу... Выдаются минуты въ жизни человѣка, когда онъ при всемъ своемъ себялюбіи, еслибъ могъ, кажется, плюнуть бы на себя.

Цѣлый этотъ день Иванъ Ильичъ провелъ въ невыразимыхъ нравственныхъ пыткахъ. Напрасно онъ хватался за книгу; книга отталкивала его отъ себя. За обѣдомъ онъ ѣсть ничего не могъ, ссылаясь на то что будто бы столъ былъ дурно приготовленъ. Петрушка видѣлъ, что Иванъ Ильичъ больно не въ своей тарелкѣ, и думалъ про себя: «Эхъ, дурно ты, баринъ, дѣлаешь, что не изволишь спохмѣлиться!»

Горе нестерпимо, какъ зубная боль, но, такъ же какъ зубная боль, оно непродолжительно и прерывисто. Къ вечеру, ужъ Богъ знаетъ какимъ-образомъ, Иванъ Ильичъ нѣсколько поуспокоился. Уиъ, этотъ мучитель, въ немъ задремалъ, а сердце зашло прежнюю пѣсню.

Вечеръ на дворѣ былъ прекрасный. Голубое небо было чисто какъ зеркало, а золотая луна, окруженная легкимъ паромъ,

поэтически рисовалась на горизонтѣ, и магической силой призывала къ себѣ взглядъ каждаго.

Иванъ Ильичъ одѣлся, и, какъ говорится, отправился куда глаза глядятъ. Человѣкъ никогда такъ не цѣнитъ своего здоровья какъ въ минуту выздоровленія. Иванъ Ильичъ, при всемъ своемъ горѣ, шелъ припѣваючи и, незамѣтнымъ образомъ, очутился у Покрова, возлѣ самаго полисадника Пискаревыхъ. Сердце Ивана Ильича ёкнуло; но онъ прошелъ не оглядываясь мимо, боясь, чтобы не превратиться въ соляной столбъ.

Пройдя мимо, Оникову послышалось, что кто-то его зоветъ.... онъ сталъ прислушиваться, и, дѣйствительно, услышалъ свое имя.

— Иванъ Ильичъ! Иванъ Ильичъ! что же вы къ намъ не зайдете?

Ониковъ сначала было не повѣрилъ своему слуху; но призваніе снова повторилось, и Иванъ Ильичъ не выдержалъ, вошелъ въ домъ Пискарева.

Только что Ониковъ вошелъ въ дверь, Олинька рука объ-руку съ Вьюнчиковымъ встрѣтила его, и чуть-чуть не заговорила его.

— Поздравьте меня, Иванъ Ильичъ, говорила весело Олинька: маменька наконецъ согласилась отдать меня за Васеньку.

— Поцѣлуйте меня, Иванъ Ильичъ, говорилъ Вьюнчиковъ: Олинька моя!...

Ониковъ безсознательно пожалъ руку Олинькѣ, поцѣловалъ Вьюнчикова и пробрался въ комнату, гдѣ сидѣли старикъ.

Алексѣй Петровичъ и супруга его видимо коснулись другъ на друга. Какъ только Ониковъ вошелъ къ нимъ, супруги какъ будто ожили.

— Не вините меня, Иванъ Ильичъ, сказала госпожа Пискарева: все это надѣлалъ Алексѣй Петровичъ!

— Не обвиняйте также и меня, любезный Иванъ Ильичъ; Олинька у меня дѣвка молодая, такъ нельзя же ее принудить выйти за нашего брата старика.

Ониковъ глубоко вздохнулъ.

— Простите, батюшка, Иванъ Ильичъ, моему дурню; онъ, какъ видите, совсѣмъ изъ ума выжилъ.

Ониковъ опять глубоко вздохнулъ.

— По его глупому разсужденію, для нашей Олиньки только и свѣта въ глазу, что Вьюнчиковъ.... Ну, да вы, батюшка Иванъ Ильичъ, будьте спокойны: не вынче, такъ послѣ найдете себѣ невѣсту почище нашей Олиньки!...

Ониковъ вышелъ изъ дому Пискаревыхъ еще съ большою грустью чѣмъ наканунѣ.

X.

Недѣль пять спустя, въ одно изъ воскресеній, послѣ вечерни, не смотря на дождливую погоду, у церкви Покрова былъ большою сѣздь. Человѣкъ, закутанный съ головы до ногъ въ шинель, бродилъ вокругъ церкви. Толпа тѣснилась на паперти. Когда раздалось въ толпѣ: — идуть! молодые идуть! — незнакомецъ пробился сквозь народъ, и сталъ у самыхъ дверей. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и незнакомецъ увидѣлъ Вьюнчикова, ведущаго подъ руку Ольгу Алексѣвну; увидѣлъ какъ они сѣли въ карету.... болѣе уже онъ ничего не видалъ; въ глазахъ у него зарыбило, руки и ноги затряслись. Не поддержи его добрый человѣкъ, онъ бы не устоялъ на ногахъ.

Не нужно, кажется, ломать себѣ голову, чтобы отгадать, кто былъ этотъ незнакомецъ. Очнувшись, Иванъ Ильичъ увидѣлъ, что онъ стоитъ одинъ одинѣшенекъ на паперти, прислонясь къ стѣнѣ, и что вокругъ его нѣтъ ни одной живой души. Сначала онъ приподнял шляпу, потомъ надвинулъ ее; потомъ произнесъ что-то довольно хриплымъ голосомъ, пошелъ, какъ говорится, куда глаза глядятъ.

Нѣтъ ничего темнѣе и неразгаданнѣй природы человѣческой. Какъ ни скудны знанія наши въ физиологін, но, *положа руку на совесть*, мы должны сознаться, что природа для насъ гораздо доступнѣе нежели человѣкъ человѣку. Каждый недоучка вполне убѣжденъ въ истинѣ теорій Галилея и Ньютона; каждый, если не вполне, то отчасти, понимаетъ силу печатанія и паровъ. Но кто, спрашивается, какой сердцеѣдецъ знаетъ законы, по которымъ душа его движется? Человѣкъ до-сей-поры остается для человѣка потемки — *oiseau noir!*

Если бы кто-нибудь могъ заглянуть въ сердце Оникову, въ то время какъ онъ стоялъ на паперти, каждый бы сказалъ: этому человѣку все постыло. Теперь же, когда онъ сошелъ съ паперти и приглядывался къ двусмысленно прохаживающей шляпкѣ, каждый имѣлъ полное право подумать, что это — старый волокита, заклятый врагъ всѣхъ законныхъ узъ, лицо, очень смахивающее на престарѣлаго Донъ-Жуана.

Сердце Ивана Ильича пробитое насквозь свадьбою (Олинкн, вдругъ послѣ перваго удара, ни съ того ни съ сего открылось для какой-то бессознательно-дѣтской радости.

— Эхъ-ма! подумалъ про себя Ошниковъ: вѣдь умъ что суждено, того не миновать. Дѣло сдѣлано; такъ ужъ его ни чѣмъ не поправишь. Оленькѣ я показался старъ: ну, и будь по ея?... Живи она себѣ съ молодыми! Молодыхъ женщинъ много можно найти на бѣломъ свѣтѣ. Петрушка не дуракъ, и говоритъ тоже.... Сердце, разумѣтся, товаръ, такой же какъ и умъ. Мой же умъ покупаютъ? Такъ зачѣмъ же бы мнѣ не поторговать какое-нибудь сердце.... еще не проданное.... но готовое къ продажѣ.... Коммерціи цвѣтутъ народы...

Впередѣ Ошниковъ идетъ дама. Онъ подлетѣлъ къ ней такъ легко и непринужденно, какъ-будто у него горя въ поминѣ не было, какъ-будто онъ никогда не зналъ Оленьки; какъ-будто ему все равно вышла ли она за него, за Вьюнчикова, или за кого другаго.

— Позвольте-съ!... Вы идете одиѣ, сказалъ Иванъ Ильичъ незнакомой дамѣ: неужто ли вамъ, я буду вашими провожатыми.

Дама, свѣжей наружности, оглянулась, и ни сколько не испугавшись незнакомца, произнесла:

— Ахъ, какъ вы меня испугали!

— Будто?

— Разумѣтся!... какъ же не испугаться, когда молодой человекъ начинаетъ преслѣдовать.

— Ну что же?... спросилъ Иванъ Ильичъ, и подумалъ про себя: Выходитъ на повѣрку-то, что я не всѣмъ еще кажусь старымъ?...

— Да то....

— Да что же такое? спросилъ Ошниковъ такъ нѣжно и сладко, что дама невольно обратилась къ нему, поглядѣла пристально въ лицо, и вскрикнула:

— Ахъ!...

— Чтò вы это ахнули? спросилъ Иванъ Ильичъ, видимо охорашиваясь.

— Такъ-съ.... ничего-съ.... сказала дама, и казалось нѣсколько прибавила шагу.

— Воля ваша, я отъ васъ не отстану пока не узнаю причины... тутъ что-нибудь да таится.

— Любопытство — женскій порокъ, а вѣдь вы кажется не женщина....

Ошниковъ подумалъ про себя:

— Да вѣдь это находка!... хороша какъ розанчикъ, да еще и умна какъ профессоръ....

Минута молчанія не замедлила прерваться вопросомъ Ивана Ильича.

— Вамъ рѣшительно неудобно взять меня въ проводники?...

— Отчего же бы и нѣтъ, иронически сказала дама: да вѣдь я живу далеко.... вы устанете....

— За вами я готовъ хоть на край города....

Незнакомка подозрительно взглянула на Ивана Ильича и, нахнувъ рукой, спросила:

— Ужъ будто?

— Вы этому не вѣрите?

— Вѣрять, я, пожалуй, вамъ вѣрю: да что же скажетъ ваша жена, когда вы придете поздно домой.... что подумаютъ ваши домашніе?...

— А почему вы думаете, что я жевать? спросилъ Онниковъ.

— Почему?... ужъ я знаю почему....

— А вотъ вы, сударыня, и не отгадали! Я человекъ холостой.... божуь, холостой!

Незнакомка опять поглядѣла въ лицо своему преслѣдователю и, усмѣхнувшись, сказала:

— Не вѣрю.

— Отчего же вы, позвольте васъ спросить, не вѣрите?

— Да оттого!

— А отчего именно?...

— Ахъ, Боже мой!... да оттого, что вы въ такихъ ужъ лѣтахъ....

Этотъ отвѣтъ не очень пришелся по сердцу Ивану Ильичу, и онъ какъ-будто сконфузился; но мало-по-малу, придя въ себя, онъ спросилъ:

— А чтò же, развѣ я, сударыня, кажусь старъ на ваши глаза?

Незнакомка, на этотъ разъ, остановила на Иванѣ Ильичѣ довольно снисходительный взглядъ, и медленно произнесла:

— Я этого не говорю....

— Дурень, чтò ли?

— О! совсѣмъ нѣтъ!

Онниковъ оправился. Это восклицаніе протекло цѣлительнымъ бальзамомъ по его сердцу, и онъ началъ находить, что незнакомка — премиленькое существо; щеки у нея, подумалъ онъ, такія розовыя, глазки такіе живые, такіе блестящіе, что хоть бы какой-нибудь барышня такъ въ пору. Иванъ Ильичъ не ограничился этимъ, и дошелъ до такого забытья, что мысленно сталъ даже сравнивать прелести незнакомки съ прелестями.... кого бы

вы думали?... но объ этомъ ни слова. Изъ уваженія къ герою моей поѣстки, я долженъ это предоставить на догадку самого читателя. /

Черезъ нѣсколько минутъ молчаніе было прервано незнакомкой:

— А вотъ и домъ, сказала она довольно вѣжно, въ которомъ я живу... прощайте.... благодарю васъ за пріятную *компанію*.

Иванъ Ильичъ кашлянулъ раза два, и, потирая руки, спросилъ довольно вкрадчивымъ голосомъ:

— Развѣ вы, сударыня, не позволите мнѣ сдѣлать вамъ визита?...

— Я бы была очень рада видѣть васъ у себя; но теперь, сами согласитесь, такъ поздно.... и....

— Я найду на минуточку....

— Это рѣшительно невозможно. Въ домѣ живетъ тьма народу.... если, Боже сохрани, увидятъ васъ, то завтра же сплетнямъ, судамъ и пересудамъ конца не будетъ....

— Если теперь нельзя, сказалъ Иванъ Ильичъ, такъ я надѣюсь, что вы позволите мнѣ явиться къ вамъ въ болѣе удобное время.... на примѣръ хоть завтра....

— Завтра у насъ помедѣльничекъ? сказала незнакомка, какъ будто бы припоминая что-то.

— Да!...

— Нѣтъ, завтра меня не будетъ дома, а приходите лучше въ среду утромъ.... *этакъ*.... часовъ въ двѣнадцать.... я буду очень вамъ рада.... вы меня крайне обяжете.

И съ этими словами незнакомка, съ быстротою и легкостію сальфиды, скрылась въ калитку.

XI.

При появленіи въ моемъ разсказѣ новаго лица, считаю не лишнимъ хоть вскользь, сказать объ немъ что-нибудь.

Незнакомка, случайно встрѣтившаяся съ Ониковымъ въ роковой вечеръ свадьбы Оливки, была не кто другая какъ Марья Сергѣевна Пирожкова, дѣвица благородныхъ но бѣдныхъ родителей. Не вдаваясь въ біографическія мелочи, какъ это дѣлаетъ большая часть повѣствователей, скажу коротко и ясно, что Марья Сергѣевна имѣла несчастіе, или счастье, влюбиться въ одного юнаго и прелестнаго сына Марса. Это божество сначала сулило ей счастье и золотыя горы, но когда пришло дѣло къ развязкѣ, онъ даже не простившись уѣхалъ въ полкъ, за тридцать земель въ тридцатое царство.

Послѣ этой визиты вѣроломнаго сына Марса, Марья Сергѣевна осталась какъ ракъ на мели.

Природа, не одарившая ее стоицизмомъ Катона, не вовсе лишк-ла ее другихъ даровъ философіи. У Марьи Сергѣевны и личико было хорошенькое, и умъ довольно расчетливый.... Она отыскала себѣ покровителя, который нанялъ для нея маленькую квартиру въ Коломиѣ, подрядилъ сосѣдняго трактирщика носить ей обѣдъ, подарилъ ей втеченіи года два три платья, и только. Благотворительный человекъ не признавалъ души въ этомъ сердцѣ.

Марья Сергѣевна, довольная сначала насущнымъ, скоро увидѣла, что такая жизнь совсѣмъ не лажа въ ея лѣта.... По-мѣрѣ того какъ она освобождалась отъ первыхъ нуждъ, благотворитель съ каждымъ днемъ терялъ болѣе и болѣе въ ея глазахъ.

Въ роковое для Оникова воскресенье, Марья Сергѣевна нарочно вышла гулять на улицу съ той мыслью, что — быть не можетъ! — вѣрно же есть на свѣтѣ благотворители; не сыщется ли поблаготворительнѣе этого урода?

Ониковъ, какъ мы уже видѣли, былъ тутъ какъ тутъ, и вотъ что Марья Сергѣевна заключила объ немъ, прійдя къ себѣ на квартиру: «Этотъ господинъ тоже старъ, но все-таки моложе того.... Нехорошъ собой.... но вѣдь не всѣмъ же быть красавцами.... какъ онъ.... измѣнникъ!... Если, положимъ, онъ и не богатъ, но все же, вѣроятно, щедрѣе урода.... Что бы тамъ ни было, а середа рѣшить мою участь.»

И вотъ середа настала.

Послѣ двѣнадцати часовъ Ониковъ былъ уже въ квартирѣ Марьи Сергѣевны.

Не стану рассказывать, съ какими мыслями ждала его Марья Сергѣевна, и съ какими чувствами вошелъ къ ней Иванъ Ильичъ.

Разговоръ, какъ обыкновенно случается въ подобныхъ случаяхъ, былъ сначала чрезвычайно не ловокъ и сбивчивъ. Но, мало-помалу, Иванъ Ильичъ началъ одушевляться, а тамъ, глядь, дѣло дошло и до обоюдной откровенности, — наконецъ даже до формальнаго объясненія.

Марья Сергѣевна со слезами, со вздохами, со всѣми принадлежностями сантиментальнаго повѣствованія, рассказала Оникову свою плачевную исторію, и онъ принялъ эту драму на душу со всѣмъ жаромъ юноши.

— Я знаю, продолжала она, поднося довольно часто платокъ къ совершенно сухимъ глазамъ: я знаю, что моя откровенность

во многомъ можетъ мнѣ повредить въ вашемъ мнѣніи.... но я такъ горько наказана!

Иванъ Ильичъ, разчувствовавшись по-видимому до глубины души, и, вспомянувъ горькое прошедшее, схватилъ руку Марьи Сергѣевны, поднесъ ее къ своимъ губамъ, и чуть чуть самъ не заплакалъ какъ ребенокъ.

— Ангель!... бѣдное дитя!... чистая душа, неузнанная, обиженная и поправная!... О, люди, люди!...

— У васъ должно-быть очень доброе сердце, сказала Марья Сергѣевна, потупивъ глазки въ землю: очень, очень доброе, если вы такъ горячо сочувствуете моимъ несчастіямъ.... Судьба награждаетъ васъ за это!...

— Вы, вы сами можете осласлнвить меня, съ жаромъ сказалъ Иванъ Ильичъ: вы, своей свѣтлой, добродѣтельной душою!

— Я? спросила недоувѣрчиво Марья Сергѣевна: какимъ же это образомъ?

Иванъ Ильичъ, какъ будто устыдясь своего юношескаго порыва, взглянулъ на нее изъ подлбья и произнесъ довольно плаксивымъ голосомъ:

— Очень просто....

— Ради Бога, объяснитесь....

— Вы справедливо недовольны вашей участью, я недоволенъ своей: попробуемте-ка сойтись, положимъ наши сердца вмѣстѣ и полюбимъ другъ друга, авось-либо обонимъ намъ будетъ легче....

Марья Сергѣевна посмотрѣла на О니кова и вздохнула; впрочемъ, вздохнула довольно кокетливо, чтобъ не сказать, притворно.

— Вы вздохнули? спросилъ Ониковъ. Какъ долженъ я объяснить себѣ этотъ вздохъ, скажите?... —

— Какъ объяснить? Неужто вы не знаете какъ? неужто сердце ваше не можетъ вамъ объяснить этого?... Какъ, вы до-сихъ-поръ не поняли, что я....

Марья Сергѣевна снова приложила платокъ къ сухимъ глазамъ.

— Что вы?...

— Что я отъ всей души любила бы васъ, если бѣ....

Въ это время въ передней раздался колокольчикъ.

— Ахъ, Боже мой! сказала Марья Сергѣевна: это онъ!

— Кто?

— Тираниъ! уродъ! извергъ!... Тотъ, кому злой рокъ обрекъ меня на жертву....

— А! это онъ? сказалъ Иванъ Ильичъ съ запальчивостью. Это

она!... Слушайте, Марья Сергѣевна, теперь для насъ настала рѣшительная минута: выбирайте одного изъ насъ двоихъ....

Марья Сергѣевна не отвѣчала ни слова и, въ полномъ здоровьѣ, упала въ обморокъ.

Звонокъ раздался еще сильнѣе.

Иванъ Ильичъ подошелъ къ двери и спросилъ :

— Кто тамъ?... и кого нужно?...

— Отворяй! раздался голосъ за дверью: отворяй, Маша!

— Вотъ видите ли, Иванъ Ильичъ, какъ она меня *третируетъ*, сказала изъ другой комнаты Марья Сергѣевна: ужась-ужасти что такое!...

— Отворяй! кричалъ за дверью хриплый голосъ: а нето, я ве-лю дверь выломать.... что у тебя за гости?... ты знаешь, что я этого не люблю.

Марья Сергѣевна, несмотря на свою обморочную слабость, не-вытерпѣла, и, вскочивъ, закричала :

— Не отворю! Убирайся!... я знать васъ болѣе не памѣрена....

— А, а! прохрипѣлъ за дверью хриплый голосъ: вотъ оно что! ты не памѣрена знать меня болѣе?... Неблагодарная!... Ну, вид-но, я тебѣ ужъ не нуженъ.... тѣмъ лучше!... мои благодѣянія счумбють оцѣнить другіе.... Ахъ, негодная!

По уходѣ хрилаго голоса, Марья Сергѣевна кинулась на шею къ Ивану Ильичу, зарыдала какъ ребенокъ, объявила его своимъ спасителемъ, и поклалась ему въ вѣчной вѣрности....

ХП.

Послѣ описаннаго нами утра, читателю легко можетъ догадаться, какимъ тѣснымъ узломъ затнулось знакомство Оликова съ Марьей Сергѣевной. Не могу положительно сказать, въ какой мѣрѣ была счастлива Марья Сергѣевна, но что касается до Ивана Ильича, то я смѣю говорить, что онъ кундлся въ блаженствѣ. Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что Оликовъ такъ скоро порешелъ отъ одной привязанности къ другой, и еще, въ добавокъ, въ существу діаметрально противоположному Олиникѣ Пискаревой, что нынѣ Вьюнчикова. Съ перваго взгляду это странно, но тѣмъ не менѣе вѣрно. Можетъ быть, противоположность существъ и пронзала эту быструю реакцію въ сердцѣ Ивана Ильича. Въ Олиникѣ сначала онъ видѣлъ существо независ-ное, для котораго не нужно ни страстей ни волненій. Впоследствии онъ убѣдился на опытѣ, что онъ зло ошибся, что въ жи-лахъ Олиники течетъ горячая кровь человѣческая, что, несмотря

на всю свою неопытность и непорочность, она понимает все преимущества мужа молодого и цветущаго. Въ Марьѣ Сергѣевнѣ Ониковѣ, напротивъ, встрѣтилъ существо совершенно земное, которое, казалось, презираетъ эти блага. Оно тѣмъ болѣе шло къ его сердцу, что онъ съ перваго взгляду увидѣлъ въ ней демона, но демона прекраснаго, какъ сказалъ Пушкинъ, подражая Данту, демона, который, подобно ему, испыталъ все бѣдствія жизни въ семь болотъ, свѣтомъ называемомъ, и отъ этого сталъ гораздо лучше. Въ душѣ Ивана Ильича разыгрывала не послѣднюю роль и та мысль, что для Олиньки онъ ничего сдѣлать не могъ, а для Марьи Сергѣевны съ перваго шагу сталъ защитой, благодѣтелемъ, покровителемъ. «Я, думалъ онъ, вырвалъ эту чистую душу изъ когтей свирѣпаго звѣря. Этого, я увѣренъ, она никогда не забудетъ. Я облагорожу ее въ собственныхъ глазахъ ея: она будетъ любить меня искренно.... не можетъ не любить!... я ея спаситель. Послѣ испытаннаго горя она будетъ умѣть цѣнить счастье и дорожить возвращеннымъ ей черезъ меня достоинствомъ женщины. Покажѣтъ, я не скажу ей ничего о моихъ намѣреніяхъ: надо узнать покороче.... нравъ.... характеръ....»

Нельзя разсказать, нельзя даже представить, какимъ вниманіемъ, какою предусмотрительностью Иванъ Ильичъ окружалъ новаго своего кумира. Мало того, что Ониковъ старался отгадывать желанія Марьи Сергѣевны: онъ бился какъ рыба объ ледъ, чтобы предупредить ихъ. Если стоятъ на дворѣ хорошая погода, онъ, вопреки своей лѣни, выдумываетъ загородныя parties de plaisir. Если Марья Сергѣевна промолвитъ что-нибудь про свой туалетъ, Иванъ Ильичъ покупаетъ ей новую вещицу. Словомъ, Ониковъ лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить Марьѣ Сергѣевнѣ. Любовь и предупредительность его, по-видимому, не оставались въ тушѣ. Марья Сергѣевна съ своей стороны также готова была на все для него, ненагляднаго.

Иванъ Ильичъ, посѣщая каждый день домъ, въ которомъ жила Марья Сергѣевна, случайно познакомился съ одной почтенной дамою, жившей съ ней дверь объ дверь. Эта дама была и пожилая и очень нравственная особа; она не пропускала ни одной обѣды, ни одной заутрени передъ праздникомъ, и безпрестанно разсуждала о добродѣтели: это была — ея часть.

Почтенная эта особа, имени которой я не считаю нужнымъ обнаруживать, хотя обыкновенно и говорила, что она живетъ трудомъ рукъ своихъ, на самомъ дѣлѣ жила болѣе трудомъ ногъ. Для нея ничего не значило шагнуть съ Васильевскаго подъ Невскій, съ одного конца города въ другой. Она по цѣлымъ мѣся-

дамъ проживала на рукахъ у своихъ знакомыхъ, все разсуждая о добродѣтели, и часто, выйдя изъ своей квартиры въ дырлявомъ саломникѣ и съ пустымъ кошелькомъ, возвращалась домой въ новомъ капотѣ и съ извѣстною суммою денегъ.

Иванъ Ильичъ, видя въ ней женщину умную и расчетливую, не замедлилъ познакомиться съ Марьей Сергѣевной. «Эта дама себя на умъ! думалъ Ониковъ: она можетъ, въ случаѣ моего отсутствія, позабавить и разсѣять мою красотку.... Вѣдь у бѣдной Маши нѣтъ ни какого знакомства; а она всё-таки будетъ хоть сколько-нибудь развлекать ее....»

Сказано — сдѣлано. Не прошло недѣли, и почтенная дама безъ имени не только была вхожа въ квартиру Марьи Сергѣевны, но вкралась къ ней въ самую искреннюю дружбу.

XIII.

Погода была отвратительная. Небо кругомъ заволоклое самыми густыми и черными тучами. Мелкій дождь косилъ и рубилъ во всѣ стороны. Ониковъ, закутанный въ шинель, шелъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ и что-то тащилъ подъ мышкой: вѣроятно, сюрпризъ. Не достучавшись у двери Марьи Сергѣевны, онъ вошелъ въ квартиру сосѣдки.

Почтенная дама приняла гостя съ распростертыми объятіями и объявила, что она ждала его съ нетерпѣніемъ.

— Какъ это такъ? зачѣмъ? спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Да ужъ зачѣмъ, батюшка, Иванъ Ильичъ, что вы не въ коня кормъ давать изволите. Конечно, мое дѣло сторона.... да вѣдь нельзя же опять добродѣтельной женщинѣ.... по долгу христіанскому.... не сказать правды.

— Что это значитъ? что вы этимъ хотите сказать? спросилъ смущенный Иванъ Ильичъ.

— Да то, батюшка Иванъ Ильичъ, что вы бьетесь какъ рыба объ ледъ, чтобы угодить Марьѣ Сергѣевнѣ, и теперь вотъ принесли ей какой-то гостинецъ, а она, батюшка, повѣрьте моей совѣсти.... я женщина добродѣтельная.... не стоить ни вашей любви, ни вашихъ попеченій. У Марьи Сергѣевны, съ позволенія сказать, въ головѣ вѣтеръ, и больше ничего.

— Вотъ хорошо!... почему же вы это знаете?

— Да какъ же мнѣ этого не знать, живя съ ней въ одномъ домѣ!... Въ ваше отсутствіе, Иванъ Ильичъ, она дѣлаетъ Богъ знаетъ что. Какъ-то, ономнясь, я вздумала-было ей сдѣлать на-

моя... знаете... на счетъ добродѣтели... такъ она, куда тебѣ, и слушать не хочетъ!

Иванъ Ильичъ видимо былъ ошоловленъ, и посмотрѣвъ на почтенную даму такъ, что она несколько принудила языкъ и уже шопотомъ произнесла:

— Если вы не любите правды, батюшка Иванъ Ильичъ, это не моя вина; но у меня вчужь сердце болитъ.... Вѣдь вы же знаете, какія есть ваши сестрицы. Право, хуже сатаны, прости Господи!

— Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы хотите поссорить меня съ Машей; но я не такой человѣкъ, — бабьимъ сплетнямъ не вѣрю....

Почтенная дама видимо оскорбилась не советомъ учтивымъ отвѣтомъ Ивана Ильича, в сѣ достоинствомъ произнесла:

— Вѣрьте, не вѣрьте, мнѣ все равно, а я это только сказала по долгу добродѣтели: вижу, человѣка обманываютъ; думаю, грѣшно не намекнуть ему!

— Мое правдо такого роду, сказалъ взволнованный Иванъ Ильичъ: что я вѣрю только однимъ своимъ глазамъ и ушамъ, а больше ничему.

— За это я васъ еще болѣе уважаю, батюшка Иванъ Ильичъ. Ну, а что если я успѣю убѣдить васъ собственными вашими глазами и ушами?

— Тогда, сказалъ Иванъ Ильичъ: тогда.... я не-хотя вамъ повѣрю....

— Ахти мнѣ! вскричала почтенная дама: какъ я посмотрю, да посмотрю, такъ вижу, что и мужской умъ не лучше бабьяго!... Вы меня извините, батюшка Иванъ Ильичъ, а ужъ если дѣло пошло на споръ, то я докажу вамъ, что я не какая-нибудь оловянка или ходячая сплетня....

Въ эту минуту раздакъ колокольчикъ въ двери.

— Это она, съ живостью продолжала почтенная дама: самъ Господь Богъ стѣтъ за правду.... Нутка, батюшка... ступайте на минуту, вотъ въ эту *тежнвнскую* и молчите.... Я вамъ теперь докажу!

Иванъ Ильичъ машинально повиновался. Не прошло секунды, какъ въ самомъ дѣлѣ въ комнату вшорхнула Марья Сергѣевна, веселая какъ птичка, только что выпущенная изъ кѣтки.

Иванъ Ильичъ не вытерпѣвъ и взъѣхнулъ на нее въ щѣлку.

— Ахъ, сказала Марья Сергѣевна, послѣ обидна обыкновенныхъ привѣтствій съ почтенной дамой: чего бы я не да-

да, чтобы мой старый уродъ угорѣлъ сегодня, и не приходилъ ко мнѣ!

— О комъ вы это говорите, Марья Сергѣевна?

— Да развѣ когда говоришь объ уродѣ, вы не догадываетесь, что говорится объ Иванѣ Ильичѣ?...

— Эхъ-э-хе! проворчала покачивая головой почтенная дама. Я васъ за все очень люблю, Марья Сергѣевна, а за это ужъ вы извините.... ну, какъ такъ Ивана Ильича, такого добродѣтельнаго, называть уродомъ?....

— А чтò жъ, по вашему, онъ, чай, красавецъ?

— Красавецъ, если вы хотите, онъ не красавецъ, но добрый и благородный человекъ, который васъ любитъ и во всемъ угождаетъ.... Красота, Марья Сергѣевна — прахъ! Иной вѣтрогонъ-мальчишка, пожалуй что, и смазливѣе Ивана Ильича: да что въ немъ проку!

— Ну, ужъ я вижу, что вы намѣрены завести обыкновенную вашу пѣсню.... Я съ вами, пожалуй, соглашусь, когда состарюсь.... а теперь.... послушайте....

— Эхъ, право, Марья Сергѣевна! сказала почтенная дама: мнѣ не охота васъ слушать.... у васъ въ головѣ все такой вѣтеръ!

— Охота или нѣтъ, а вотъ чтò: вообразите себѣ, какое я сегодня свела знакомство печальное: морской офицеръ.... и такой мишакъ, что я вамъ описать не могу! Онъ провожалъ меня до самыхъ воротъ нашего дому и, слово за словомъ, просить у меня позволенія зайти....

— Ужъ я такъ и знала, что вы ко мнѣ съ этимъ подѣдете! Ну, а вы чтò?

— Чтò? Разумѣется, я сказала, что въ это время нельзя.... и что если онъ хочетъ, пусть завернетъ завтра, часовъ въ одиннадцать утра.

— Бога вы не боитесь, Марья Сергѣевна! что такъ обманываете добраго Ивана Ильича!

— Не я его обманываю, а онъ самъ себя за носъ водить: ну, неужто-таки онъ думаетъ, что его можно любить?

— А отчего бы и нѣтъ? На мои глаза, онъ лучше всѣхъ этихъ вашихъ вертопраховъ, которые....

— Фи, фи, фи! какъ это вамъ не стыдно! хуже его одинъ только человекъ есть на свѣтѣ.... это—прежній.... да и то потому что былъ скупѣе его....

— А отчего же вы, Марья Сергѣевна, въ глаза этого не скажете Ивану Ильичу?....

— Да развѣ я съ ума сошла, или дура какал!... Этакія вещи не говорятся въ глаза.... А вотъ подождите: когда съищется кто-нибудь получше его, такъ я, небось, не задумаюсь....

Почтенная дама кашлянула, и въ сосѣдней комнатѣ что то крикнуло.

— Что это вы кашляете?.... простудились, что ли?.... спросила Марья Сергѣевна. Знаете, отъ кашлю лучшее лекарство — борговскій сахаръ.... Уродъ мнѣ приносилъ какъ-то на-дняхъ....

— Нѣтъ, я не простудилась, мать моя, а отъ вашихъ словъ поневолѣ поперечилась и закашлялась.

— Послушайте, сказала Марья Сергѣевна, лукаво поглядывая на почтенную даму: мнѣ, право, кажется, что вы на старости лѣтъ, не равнодушны къ Ивану Ильичу.... Ну, вотъ дайте срокъ: я вамъ скоро его уступлю: возьмите его себѣ!

Почтенная дама въ этотъ разъ крикнула, и сказала:

— Богъ знаетъ, Марья Сергѣевна, что вы это говорите такое!.. Въ мои лѣта.... я женщина добродѣтельная.... это ужъ мнѣ не подѣ статью.... А вамъ-то я бы совѣтовала пообдуматься: ну, что если я передамъ ваши слова Ивану Ильичу?

— Вотъ нашли еще чѣмъ пугать! Вы не передайте.... вы такая добродѣтельная!... Да, впрочемъ, знаете ли, что Иванъ Ильичъ ни за что на свѣтѣ вамъ не повѣритъ, а назоветъ еще васъ сплетницей.

— Ну, а если повѣритъ?...

— Попробуйте; сдѣлайте одолженіе, попробуйте!... увѣрю васъ что не повѣритъ. Чѣмъ старѣе и гаже мужчина, тѣмъ онъ самоувѣреннѣе.... ужъ это я знаю по опыту! Иванъ Ильичъ думаетъ, что я въ него влюблена безъ памяти.

Почтенная дама опять кашлянула: за дверью опять раздался тихій голосъ.

— Старикъ, продолжала, смѣясь, Марья Сергѣевна, хуже баннаго листа: какъ разъ прилипнетъ, такъ отъ него ни чѣмъ не отдѣлаешься... Обманывай его въ глаза, говори ему турусы на колесахъ, онъ всему вѣритъ.... Ужъ таковы старики!

— Смотрите, Марья Сергѣевна! мнѣ кажется, что Иванъ Ильичъ не этого десятка.

Марья Сергѣевна расхохоталась и повторила:

— Не этого десятка!... Ха, ха, ха!... а какого же онъ десятка, по вашему?

Почтенная дама вновь затихла.

— Ну, однако же, прощайте! сказала Марья Сергѣевна: и чай мой уродъ сейчасъ придетъ ко мнѣ.... Прощайте!

И съ этими словами Марья Сергѣевна выпорхнула изъ комнаты.

— Ну, что съ, батюшка, Иванъ Ильичъ! сказала почтенная дама, выползшему изъ теменькой Онникову.

Онниковъ посмотрѣлъ на почтенную даму и не отвѣчалъ ни слова. Казалось, языкъ его приросъ къ гортани, и весь онъ, съ головы до ногъ, былъ какъ-будто парализованъ.

Почтенная дама взяла его за руку.

— Оставьте меня, сударыня! вскрикнулъ Иванъ Ильичъ: оставьте меня!... Вы убѣдили меня въ томъ, въ чемъ бы я хотѣлъ ошибаться.... Вы развязали мнѣ глаза, но только не на радость.

— Ахти мнѣ! съ испугомъ произнесла почтенная дама, которая была увѣрена, что Иванъ Ильичъ разсыплется въ благодарностяхъ....

— Сердитесь, я на васъ не сержусь; а благодарить васъ также не стану....

Бѣдный молодой старикъ! кого-то вновь ты полюбишь? и въ комъ найдешь сочувствіе?...

XIV.

Былъ Смоленскій Праздникъ. Толпы пароду, со всѣхъ концовъ города, спѣшли на Васильевскій Островъ, чтобы пройти на Смоленское Кладбище, и тамъ всѣ стонуть о тѣхъ, которыхъ смерть уложила на вѣчный покой и забвеніе....

Мертвое кладбище катилось вародомъ. Веселые люди, смѣясь проходили мимо могилъ, которые, можетъ-быть, были не довольно оплаканы. Но вотъ идетъ Вьюнчиковъ рука объ руку съ Ольгой Алексѣвной.

— Поклонимся, говоритъ онъ, могилѣ Онникова.... онъ былъ добрый человекъ.... онъ могъ тебя вырвать изъ моихъ рукъ, Ольга, а не вырвалъ... поклонимся же могилѣ его!

— Позади Вьюнчиковыхъ шла другая пара.

Мужчина былъ одѣтъ очень опрятно, а дама, въ черной шляпкѣ и въ черномъ салопѣ, тяжело облокотясь на его руку, говорила:

— Повсѣмте могилы Ивана Ильича Онникова?

— А кто былъ этотъ Онниковъ?...

— Человекъ!...

— Это само собою разумѣется, что онъ былъ человѣкъ, но почему ты помнишь объ немъ?

— Почему?... потому, что онъ когда-то любилъ меня?...

— А ты?...

— Нѣтъ, я не могла любить его: онъ былъ такой старый!

Плѣта, подъ которой лежалъ бѣдный Иванъ Ильичъ Ониконъ, забросана была цвѣтами. Оливька и Марья Сергѣевна, хотя и поздно, однако не поскупились ни на цвѣты ни на сожалѣнія.

Бѣдный Танталъ, легче ли тебѣ отъ этого стало?...

СЕРГѢЙ ДУРОВЪ.

КЛАРИССА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Только что Морденъ возвратился въ Англію, какъ до него дошли смутные слухи о жестокости Гарловыхъ и о побѣгѣ ихъ дочери съ извѣстнымъ волокитой, о любовныхъ похожденияхъ котораго знало и говорило все королевство.

Услышавъ это, полковникъ поспѣшилъ пріѣздомъ; онъ возвратился наконецъ въ тотъ домъ, который оставилъ въ радости и гордости; но какую, Боже мой, нашелъ онъ перемѣну! древній замокъ былъ мраченъ, грустенъ, молчаливъ; милое, счастливое дитя, которое было радостью, страстью, развлеченіемъ, надеждою окружающихъ, идоломъ матери и трехъ стариковъ, отца, дядей, чуднымъ, благословляемымъ существомъ для бѣдныхъ, — Кларисса не уже оживляла собою этого уединенія: живописныхъ мѣстъ этихъ, которыя она одушевляла своею кроткою улыбкою, своимъ свѣтлымъ взоромъ, нельзя было болѣе узнать, такъ сдѣлалась она мрачна, одичала, безмолвна; поблекли цвѣты въ садахъ, исчезло веселье въ домѣ; пестрыя птички, которыхъ Кларисса кормила изъ рукъ своихъ, перемерли или разлетѣлись; старики дяди, сидя въ заперти въ мрачныхъ своихъ замкахъ, только изрѣдка навѣщали старшаго брата; всѣ молчали; не было больше разговору, потому что нечего было сообщать другъ другу; не собирались болѣе къ обѣду, потому что за этимъ, прежде столь веселымъ столомъ, одно мѣсто было пусто, и мѣста этого никто въ мірѣ не могъ занять.

Безутѣшная мать, слишкомъ слабый и жестокий отецъ, и оба дяди управляемые Джемсомъ, повиновались, сами того не зная,

низкому этому интриганту, которому помогала достойная сестра его, Арабелла; братъ изъ ненависти, изъ алчности, не могъ простить Клариссѣ духовной дѣда, а миссъ Арабелла, изъ зависти, не простила ей красоты, миловидности, ума, граціи и всей той прелести, которая восхищала всѣхъ честныхъ людей.

Несчастные безумцы! они почти не знали, куда дѣвалась эта благородная дѣвушка, а между тѣмъ не переставали толковать о чести дома Гарло! Имъ казалось, что *двѣченка* эта еще не довольно наказана за свое неповиновеніе; они говорили, что *репутация* ихъ можетъ пострадать отъ сношеній съ *этою погибшею женщиною!* Рѣчи ихъ дышали ненавистью, и сердце кипѣло ядомъ! И преступный отецъ этотъ позволялъ сыну и дочери оскорблять ребенка, котораго самъ погубилъ; даже мать, обыкновенно такая вѣжняя, сама себя исключая изъ числа матерей, молча оплакивала дерзости, которыхъ не должна была сносить; а эти дяди, два призрака обогатившихся ростовщиковъ, у которыхъ промѣ Клариссы не было другой привязанности, не было другой надежды, и они до того дошли, что дрожали передъ Джеймсомъ и передъ миссъ Арабеллой, его сообщницей! Не стыдъ ли, не позоръ ли все это! Друзья покинули ихъ изъ жалости, и сосѣди удалились съ презрѣніемъ; дружба и уваженіе, которыми они прежде пользовались, исчезли какъ дымъ послѣ отъѣзду Клариссы; ихъ всѣ покинули и оставили однихъ съ терзателями, сожалѣвшими о прошломъ, со скупостью и наконецъ съ угрызениями совѣсти.

Слуга, отворившій Мордену ворота замка, посмотрѣлъ съ безпокойствомъ на незнакомца, какъ будто ожидалъ отъ него какихъ-нибудь новостей. Морденъ вошелъ. Въ отдаленномъ углу большой залы (комната Клариссы, какъ могильный камень, никогда не отпиралась), склонясь надъ работою, сидѣла мистриссъ Гарло; увидѣвъ Мордена, она на силу могла встать, и зарыдавъ, бросилась къ нему на шею; мистръ Гарло, мучимый внутреннимъ безпокойствомъ, похожимъ на раскаяніе, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, невольно останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, которыя любила отсутствующая дочь его, какъ наприимѣръ у окна, откуда она смотрѣла на безрачныя воды, въ которыхъ играли и плескались бѣлые лебеди, или у крыльца, съ котораго она глядѣла въ даль. Посреди залы, вздержувъ голову, на возвышеніи какъ на тронѣ, сидѣла на вытяжку миссъ Арабелла Гарло, настоящая распорядительница и владычица замка. Въ отсутствіи Клариссы, Арабелла одна царствовала; ея одну слу-

завали; ей одной приходилось; только она одна возвышалась голыш. Джемсъ живъ въ комнатахъ своихъ близъ Эдинбурга; онъ отлучился отъ отца часто, потому что не могъ переносить ужаснаго зрѣлища, котораго былъ первымъ виновникомъ; дядя Юлиъ сидѣлъ одинъ дома; дядя Антоній, напротивъ, не могъ оставаться наединѣ съ упреками совѣсти и таскался изъ дому въ домъ, ища разговора, но напрасно: даже дворовая собака, казалось, искала, поджидала кого-то, и прислушивалась, чтобъ услышать имя, котораго никто не смѣлъ или не хотѣлъ произносить.

Когда миссъ Арабелла увидѣла, что мать рыдаетъ въ объятіяхъ Мордена, и что даже самъ мистръ Гарло протягиваетъ ему руку съ уваженіемъ, она встала и, подходя съ насмѣшливою и презрительною миной, сказала:

— Мистръ Морденъ!... братъ Джемсъ въ отсутствіи, даюшекъ также нѣтъ; такъ, если вы позволите, мы не будемъ сегодня говорить о предметѣ нашихъ несчастій... потому что съ-тѣхъ-поръ... право, не знаю какъ мнѣ выразиться... съ-тѣхъ-поръ какъ убѣжала эта *погибшая*, мы согласились не иначе говорить о нашемъ горѣ какъ въ присутствіи всего семейства!

Крайне удавленный такими ораторскими предосторожностями, Морденъ глядѣлъ въ недоумѣніи то на мистра Гарло, то на жену его; отецъ молчалъ; мать онуставъ голову, съ трудомъ удерживала свои слезы.

Наконецъ материнское сердце переполнилось горемъ и она вскричала съ отчаяніемъ: «Ахъ дитя мое! милое дитя мое! Сердце мое раздирается, Морденъ, когда я вспомню про свою несчастливую Кларочку! Да! да! пусть я буду проклята Джемсомъ и покинута Арабеллой, но я вамъ еще разъ повторяю, любезный братъ Морденъ, что мы были неумолимы къ этой дѣвчискѣ: о милое дитя! другъ мой, Кларочка! обожаемый ангелъ! мы хотѣли принудить тебя выйти за недостойнаго тебя человека, возлюбленное дитя мое! Да, Морденъ, если она бѣжала изъ отцовскаго дому, такъ это потому только что мы сами ее выгнали! Мы мучили ее, какъ только могли! Я помню, какъ она стояла вотъ тутъ, умоляла отца... и меня! падала къ ногамъ нашимъ, плакала, ломала руки, предлагала все свое имѣніе брату и сестрѣ, и говорила мнѣ, своей матери: *сжальтесь надо мною! хотя изъ состраданія, позвольте мнѣ быть вашею служанкою!* Но мы не хотѣли слушать, мы были неумолимы.

«О Клара! милая моя Клара! мы погубили, мы убили ее! Мы не хотѣли внимать молебамъ ея, не хотѣли [видѣть] слѣзъ ея!

не хотѣли избавить отъ преслѣдованій злодѣя! Мы угрожали выдать ее силою, заточить въ замокъ дяди Антонія, который хотѣлъ одѣлать изъ нея мистриссъ Сонзъ; мы держали ее въ заперти, какъ преступницу, на хлѣбѣ и на водѣ! окружили ее шпионами, приставили къ ней отвратительную горничную, которая оскорбляла ее на каждомъ шагу; отняли у нея добрую Нортонъ, которая любила ее какъ мать родная; отказали старой ея кормилицѣ Емилиш, которая воспитала ее; мы вывели ее изъ терѣвнѣя угрозами, молебями и всѣми возможными преслѣдованіями; бѣдная, бѣдная Кларочка, — какъ теперь гляжу на нее, — она стояла передо мною на колѣняхъ и называла милою своею мамашей! До сихъ-поръ еще голосъ ея звучитъ въ ухахъ моихъ! чудные глаза ея наполнены были слезами, а маленькія ручки горѣли въ огнѣ. Когда наставала ночь, я подходила къ дверямъ ея комнаты, слышала какъ она плакала, и не имѣя духу сказать своему ребенку: «Не плачь, дитя мое, утри свои слезы, ты дочь моя!» я, слабая, и безжалостная мать сходила внизъ, не утѣшивъ свою Клариссу! Ахъ! Морденъ, если она и преступна, то мы сами вовлекли ее въ преступленіе. Горе намъ, потому что мы разтерзали доброе, благородное сердце, возвышенную, любящую душу, честную, дѣвушку, которая такъ любила васъ!»

Такъ говорила бѣдная мать, ломая руки. «Кларочка! милая моя Кларочка! повторяла она: возвратись, ангелъ мой! возвратись, душа моя! ненаглядное дитя мое! возвратись къ твоей матери: я прошу, зову, умоляю тебя, дитя мое, дай обнять, дай благословить тебя, и умереть съ радости въ твоихъ объятіяхъ!»

Въ минуты отчаянія, горе показываетъ свое могущество, овладевая даже самыми черствыми душами; крики страждущей матери потрясли до глубины души мистра Гарло; миссъ Арабелла отступила въ ужасъ; Морденъ принужденъ былъ сѣсть. Онъ увѣрился теперь въ жестокости этого семейства. Онъ хотѣлъ спасти мистриссъ Гарло отъ настоящаго горя, а семейство ея отъ будущихъ угрызений совѣсти.

— Такъ вы думаете, миссъ Белла, сказалъ Морденъ, что мы не должны говорить о сестрѣ вашей въ отсутствіи брата и дядей, и вы, кажется, рѣшились быть милостивыми только съ общаго согласія и тогда, когда вамъ вздумается? Жалѣю о васъ, миссъ Арабелла, жалѣю о васъ, дядюшка и тетюшка, что вы окружаете свое милосердіе предосторожностями, или скорѣе помѣхами; если непремѣнно надо ждать, то, нечего дѣлать, я подожду; но не скрываю отъ васъ, что надо поторопиться спасти Кла-

рвессу, и я думаю, что для нашего спокойствія, для сохраненія собственной чести, для увещанія, которое мы должны стараться приобрести на землѣ, и для прощенія, которое можемъ надѣяться получить на небѣ, надо чтобъ семейство наше носило на сѣщанье.

— После завтра, отвѣчала миссъ Арабелла, мы ожидаемъ брата, который теперь въ Шотландіи. Можно написать тоже къ дядюшкамъ, чтобъ и они пріѣхали сюда въ тотъ же вечеръ, и когда мы всѣ соберемся, вы увидите, мистръ Морденъ, что мы совсѣмъ не такъ виноваты, какъ люди думаютъ.

— Дай Богъ, дай Богъ, миссъ Белла, чтобъ это была правда, чтобъ горе вашей матери и жестокость, въ которой васъ обвиняютъ, были преувеличены! Но вы легко поймете, что я долженъ вступиться за миссъ Клариссу, не только какъ ближайшій родственникъ, но какъ онекунъ, какъ защитникъ, данный ей почтеннымъ ея дѣдомъ, котораго я уважалъ и который умирая поручилъ мнѣ ее. Я долженъ и хочу по долгу и привязанности быть защитникомъ этой благородной дѣвушки, и идти противъ тѣхъ кто обвиняетъ ее, потому что, не смотря на все, что вы говорите, миссъ Арабелла, я не могу не уважать особу, которую люблю больше всего въ мірѣ. Такъ, если вы позволите, я пріѣду сюда черезъ два дня, когда уже ваши домашнія постановленія ни какъ не позволяютъ вамъ выслушать меня ранѣе этого срока; мы въ общемъ совѣщаніи придумаемъ, какъ спасти отъ отчаянія бѣдную дѣвушку, нѣжная молодость которой была уже подвержена столькимъ потрясеніямъ.

Морденъ низко поклонился и вышелъ, не смотря на всѣ просьбы и увѣщанія остаться долѣе. Покинувъ домъ печали, онъ отправился къ миссъ Гоу, единственной особѣ, съ которою могъ говорить откровенно о милой своей питомицѣ.

Въ это самое время миссъ Гоу получила, прочитала и перечитала письмо своего друга. Уже шесть недѣль какъ миссъ Анна не слыхала ничего о возлюбленной своей Клариссѣ. Письма изъ Гемпстедта были измѣнены, а писанныя изъ дому Сентъ-Клеръ были перехвачены; несчастная, какъ называла себя Кларисса, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца молча боролась съ лихорадкою, и съ отчаяніемъ, и наконецъ ее заключили въ тюрьму въ самый день ея выздоровленія. Только-что Кларисса освободилась, какъ лихорадка снова овладѣла ею, такъ, что она не была въ состояніи писать даже повѣрливой всѣхъ своихъ страданій.

Прежде чѣмъ рѣшилась писать такое грустное письмо, она дол-

она была собралась съезжать и прибавить все длинный ряд роковокъ и несчастій, которыми преслѣдовала ее судьба; она провела цѣлую недѣлю за этими листками, наполненными раздвигавшими подробностями, трогательными жалобами и твердымъ намѣреніемъ тихо ожидать торжественнаго часу успокоенія; но въ чѣхъ были наполнены длинныя эти листы, которые несчастная ершала съими слезами.

Морденъ вошелъ въ ту самую минуту, когда миссъ Анна въ десятый разъ перечитывала роковыя строки. Миссъ Гоу приняла полковника съ радуніемъ сестры; они не успѣли еще ничего сказать другъ другу, но уже поняли, что честь Кариссы требовала удовлетворенія или отищенія.

Между-тѣмъ, болѣе столановенія двухъ бѣшеныхъ характеровъ, Ловласа и Мордена, благородная и осторожная дѣвушка скрывала отъ полковника негодованіе, которымъ кипѣло ей сердце. Правда, она согласилась, что Клариссина положеніе невыносимо, что она очень жалка, что ее безчестно обманули, но какъ только глаза полковника вспыхивали пламенемъ гнѣву и угрозами, она тотчасъ же возражала, что виноваты одни Гарло, и что вся вина должна пасть на нихъ. Она сожалѣла о матери, прощала отцу, но зато не щадила остальныхъ членовъ семейства, отзывалась съ презрѣніемъ о дядяхъ и съ негодованіемъ о братѣ и сестрѣ. О Ловласѣ же ни слова! Напрасно полковникъ старался отгадать, какую роль могъ разыгрывать этотъ человекъ въ ужасной судьбѣ Клариссы; миссъ Гоу упорно молчала. Наконецъ, выведенная изъ себя собственнымъ негодованіемъ и мольбами полковника, она хотѣла было все высказать, и можетъ быть спасла бы этимъ, а можетъ быть и погубила бы Клариссу, какъ вдругъ раздался на дворѣ замка сильный стукъ экипажей и громкій говоръ ѣздовыхъ. Это были леди Лоренсъ и миссъ Шарлота Монтегю, тетка и кузина графа Роберта Ловласа, которые просили миссъ Гоу сдѣлать имъ честь переговорить съ ними.

Леди Лоренсъ и миссъ Монтегю были очень взволнованны и, казалось, безпокоились въ ожиданіи объясненій; онѣ поклонились миссъ Гоу съ тѣмъ видомъ уваженія, который замѣняетъ уже просьбу. Съ минуту онѣ колебались; имъ не хотѣлось говорить при постороннемъ человѣкѣ, но леди Лоренсъ скоро оправилась и сказала:

— Я могу говорить при васъ, мистръ Морденъ, даже прошу выслушать то, что я имѣю сказать задушевному другу и совѣтницѣ вашей питомицы. Дѣло это точно также касается до васъ

иногда и до'мать, пожелавши; и если только вы согласитесь
пожелать мать, то я уверю, что несчастный этот случай может
хорошо кончиться.

Планишникъ отвѣчалъ низкими поклонами, дѣны сѣни. Помол-
чалъ не много, леди Лоренсъ продолжала:

— Никъ извѣствъ, миссъ Анна, привязанность ваша къ миссъ
Гарло, вотъ почему я и дѣчь моя, прѣехали къ вамъ отъ имени
лорда М^{***}, который всегда пламенно желалъ этого брака, отъ
имени всего нашего семейства и по просьбѣ графа Роберта Лоу-
ласа, моего племянника, единственной надежды нашей фамилии;
мы прѣехали просить васъ, помочь намъ склонить миссъ Кла-
риссеу Гарло. Мы согласны, что съ нею обходились недостой-
но, но мы готовы заглядеть все оскорбленія, готовы на все, че-
го только пожелаетъ миссъ Кларисса. Планишникъ мой проник-
нуть преданностью, уваженіемъ къ молодой особѣ, которой онъ
является въ вѣчной любви. Будьте снисходительны, миссъ Гоу,
и сообразите, сколько вы можете сдѣлать этимъ добра, вспоми-
ните наши связи, знатность нашего дома, будущность, которая по-
койтся на головѣ этого молодаго человѣка, его истинное раска-
леніе, общеніе составить счастье миссъ Клариссы, и наконецъ
необходимость этого брака для чести миссъ Гарло и для чести
самого Лоуласа. Еслибъ миссъ Кларисса удостоила принять
удовлетвореніе, которое мы ей предлагаемъ, то я сдѣло могу от-
вѣчать за своего племянника. Вы не узнали бы теперь прежняго
Лоуласа, гордаго до дерзости: такъ онъ перемѣнился въ это ко-
роткое время; онъ прогибается себя, призываетъ на преступную
свою голову небесное и земное мщеніе.... его можно принять
теперь за помѣшаннаго.

Миссъ Монтегю, прекрасная молодая дѣвушка съ робкимъ взо-
ромъ и нѣжнымъ голосомъ, присоединилась къ матери и приба-
вила все, что можетъ въ себѣ заключить и выразить простое,
благородное и молодое сердце.

— Скажите миссъ Клариссѣ, что мать моя и я расположены
любить ее какъ дочь и сестру; когда миссъ Кларисса сдѣлается
первой особой нашего семейства, она увидитъ, что мы будемъ
уишь окружать ее почтеніемъ, привязанностью и покорностью.
Я хочу любить ее, уважать, заставить забыть все страданія;
ктому же, дядюшка такъ расположенъ къ ней, онъ такой доб-
рый! сказала миссъ Монтегю и, схвативъ руки миссъ Гоу под-
несла ихъ къ губамъ своимъ такъ много, такъ граціозно, что
заставила бы великаго полюбить себя.

Миссъ Гоу посмотрѣла на полковника, какъ бы прося отвѣчать за нее, а какъ Морденъ хранилъ упорное молчаніе, то она сказала:

— Просьба ваша дѣлаетъ мнѣ честь и льститъ моему самолюбію, миледи; въ душѣ я убѣждена въ необходимости этого брака, но въ то же время я знаю образъ мыслей и твердость характера миссъ Гарло, и никто не можетъ сказать, чтобъ она рѣшилась въ такихъ обстоятельствахъ, еслибъ дѣло шло не только о графѣ Ловласѣ, но даже о самомъ королѣ англійскомъ.

— Миледи, сказалъ тогда Морденъ, обращаясь къ тѣткѣ Ловласа: если мнѣ позволено отвѣчать за семейство, къ которому я принадлежу, то я буду имѣть честь сказать вамъ, что ни миссъ Гоу, ни я не можемъ ничего отвѣчать на такія блестящія предложенія прежде чѣмъ я повидаюсь съ вашимъ племянникомъ и спрошу его о нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ, которыя требуютъ или скорого удовлетворенія или строгаго наказанія; сколько я могъ понять изъ разговоровъ вашихъ, графъ Ловласъ кругомъ виноватъ; будьте однако увѣрены, что я постараюсь уладить это дѣло по мѣрѣ возможности, и что я поступлю, какъ слѣдуетъ поступить честному человѣку, который хочетъ спасти доброе имя своей родственницы. Сказавъ это, полковникъ всталъ, простился съ дамами и уѣхалъ.

Оставшись однѣ съ миссъ Гоу, онѣ стали еще убѣдительнѣе умалывать ее быть посредницей между ними и Клариссой; послѣ чего онѣ разстались въ большомъ волненіи съ увѣреніями въ взаимномъ уваженіи.

На другой день послѣ этого свиданія, Морденъ, сопровождаемый только двумя слугами, отправился верхомъ къ лорду М^{***}, и былъ принятъ со всевозможнымъ уваженіемъ и радушіемъ. Ловласъ сидѣлъ съ дядею; онъ былъ холоденъ, но спокоенъ и вѣжливъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, которыя были сокращены какъ только можно, Морденъ, приближаясь къ цѣли своего посѣщенія, сказалъ:

— Милордъ, я представляюсь вамъ какъ родственникъ и другъ семейства, которое имѣетъ полное право требовать отъ васъ удовлетворенія.

— Чтò до меня касается, сказалъ лордъ М^{***}, и если дѣло идетъ о миссъ Гарло, которую я уже люблю какъ дочь родную, то я готовъ на все чтò вамъ угодно, и, удовлетворивъ ее и васъ,

буду считать себя счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ; вотъ мое мнѣніе, мистръ Морденъ, и мнѣніе всего моего семейства, о племянникѣ же я не говорю ни слова: вамъ извѣстно какъ онъ любить миссъ Клариссу.

ЛОВЛАСЬ.

Мистръ Морденъ, вы давно уже покинули Англію, а возвратились только третьяго дня; можете-быть, вы не знаете всего, что касается до миссъ Клариссы Гарло, и какого можете она требовать удовольствія?

МОРДЕНЪ.

Правда, что когда я уѣхалъ изъ Англии, то оставилъ въ помѣнь замкѣ дѣвушку, которая только что вышла изъ дѣтства; но въ такихъ нѣжныхъ годахъ она была уже прекрасна, предвѣщала быть добродѣтельною женщиной, и прелесть ума ея могла сравниться только съ миловидностью лица; по состоянію своему, по наследству, по связямъ, по положенію въ свѣтѣ, она могла надѣяться ошастливить, сдѣлать честь своею рукою одному изъ первыхъ вельможъ Англии, и теперь, когда молодая эта особа должна была бы быть гордостью нашего дома и цѣлью искательства знатнѣйшихъ фамилій королевства, я застаю ее погибшею! Когда я спрашиваю, что она сдѣлала? въ чемъ провинилась? Все молчатъ, вздыхаютъ, жалуются, плачутъ; однимъ словомъ, я ишу ея, требую у всѣхъ, и никто не хочетъ сказать мнѣ, что съ нею случилось, куда она дѣвалась! Вотъ почему, я, родственникъ, онечужъ, другъ миссъ Клариссы Гарло, прѣбываю къ вашему дядюшкѣ, къ вамъ самимъ, спросить васъ откровенно, какъ дворянинъ спрашиваетъ другаго дворянина: графъ Ловласъ, что сдѣлали вы съ этимъ ребенкомъ?

ЛОВЛАСЬ.

Прежде чѣмъ отвѣчать вамъ и поставить ногу на такую скольскую землю, я хочу дать вамъ, милостивый государь, доказательство моего къ вамъ уваженія, и почтенія къ вашей милой кузинѣ: я сознаюсь (а по моему, это уже большое наказаніе, одно изъ тѣхъ наказаній, которое мнѣ вовсе не по нутру), я сознаюсь, что я очень виноватъ передъ миссъ Клариссой, за довѣріе, котораго она меня удостоила, я заплатилъ ей черною неблагодарностью; я поступалъ вѣроломно, и признаюсь, что недостойнъ ея прощенья; что жъ еще могу я сдѣлать теперь, милостивый государь?

МОРДЕНЪ.

Я и самъ не знаю, что отвѣчать вамъ, графъ, на такой вопросъ; но васъ между-тѣмъ прошу отвѣчать мнѣ: намѣрены ли вы же-

догода на чужой. Который, из двухъ, самъ его на се догаданъ будеть?

ЛОДЗАСЪ.

Будете поосторожнѣе въ словахъ паниды; я предупреждаю васъ, что я слышу шепотливой догадъ. Можно дѣлать эти вопросы, но гадать нехорошо, нехорошо, особенно же съ гадкимъ удареніемъ голоса, что совершенно невозможно будеть, не обозначая себя, стѣнать. Но прежде всего знайте, что я не признаю ни чьихъ приказаній, мистръ Мордентъ.

МОРЕДЕНЪ.

А вы, брава, после голору и когда чувствую что драва, то не додумую въ чужихъ и ни чужихъ замечаній!

ЛОДЗАСЪ М^{III}.

Скажите, молодые люди! что это значитъ? Научили вы старика упрямиться въ дѣлахъ, поклонитъ дѣла и вселенная итакъ каковы-нибудь дѣлать карьеру? Говорятъ вы для кого сомнѣны, чтобы сказать въ-то-пачку? Я не знаю дѣла; но унылая дѣла въ дѣлѣхъ почитаются. Научили вы докторовъ сайнать только для дѣла, дѣла въ дѣла, отъ котораго зависитъ вѣсть дѣла-судителю? Указываютъ въ додумывающаго мода. Вы должны сомнѣваться въ этомъ гребну, дѣла, было это вы оба хитро, дѣла въ-то-пачку; въ-то-пачку вы не видите отъ дѣла, но додумывающа-моду додумать, додумать вы всё дѣлать.

ЛОДЗАСЪ.

Блава дѣлать позволеть, то я думаю, мистръ Мордентъ, что вы гораздо лучше, слышавъ, самъ договорить: вѣсть-ва-гребну въ одной въ-то-пачку, алей; когда карьеру-то додумать другъ друга, то можно сдѣлать много хорошаго и избавиться отъ лишняго хановъ!

МОРЕДЕНЪ.

Брава, совершенно драва, мистръ. Два слова, два минуты, три-пять и вы сами будете лучше додумать другъ друга.

ЛОДЗАСЪ М^{III}.

Блава вѣсть докторовъ, ни вы не видите отъ дѣла; уныло же хитро вы не видите, обмануть свои шата?

Лордъ М^{III} сталъ кричать изъ вѣдъ снѣгъ; услышавъ дѣла. Моброй приближаетъ крайне возмущенный при одной мысли, что вѣсть ссора и что другъ его не далъ ему ни какой роли въ этой ссорѣ. Моброй подходитъ къ Лодзасу и говоритъ ему на ухо:

— Въ чужъ дѣла, дѣла мое? Хотеть, чортъ возьми, чтобы я

прошаркнулъ въ окна этого зала; вселенная въ его дымогѣ, ахнула ли съ восторгомъ?

Ловласъ заставлялъ Моррея молчать.

— Нечего дѣлать, продолжалъ Моррей, отсюда, такъ рѣшено, я уступаю тебѣ этого господина, потому что ты оставилъ его тамъ для одного себя.

МОРДЕМЪ.

Если вы въ самомъ дѣлѣ требуете, милордъ, чтобы мы оставались, то я позволюсь вамъ, остаться; я пришелъ вовсе не для того, чтобы ссориться здѣсь. Мы съ гробомъ всегда можемъ еще разъ встрѣиться въ того мѣста, гдѣ оставились.

ЛОВЛАСЪ.

Отвѣстите, милостр Морденъ.

МОРДЕМЪ.

Я однако долженъ возсрѣшиться къ вопросу, на которомъ мы остановились, — къ вопросу о чести, графъ.

ЛОВЛАСЪ.

Все равно, милостивый государь!

МОРРЕЙ.

Вамъ тебѣ это прѣдстоитъ, Ловласъ? что ты же все знаешь? Эда просто невозможно! Позволь мнѣ это доказать вамъ съ достоинствомъ въ рукахъ, въ домъ и часъ, который ему самому угодно будетъ назначить.

МОРДЕНЪ.

Что жъ до меня касается, графъ, я остаюсь при своемъ предположеніи.

ЛОВЛАСЪ.

А я при своей чести, милостр Морденъ.

ЛОВЛАСЪ И МОРРЕЙ.

Идти къ чести, тамъ два господина съ паролемъ! Помилуйте, милордъ, вѣдь вы у меня въ гостиной, а не на углу Соулъ-Уоррена. Это дело не о чести, милордъ, а только малочисленный споръ; но если вы хотите образумить начинающего свой разговоръ, то прежде чѣмъ онъ начнетъ, вы увидите побраниться.

ЛОВЛАСЪ.

Есть паролъ, слова и дѣйствія, милордъ, которыхъ вы не можете ни видеть ни слышать развѣдушно.

МОРДЕНЪ.

Жалко о тѣхъ, кто заслуживъ вѣтъ; только нечистая совѣсть предаетъ человеку простыми взглядъ; кому же не въ честь себя убраться, чтобъ бысть сполна и не призывать гибну на

помощь своей досады. Однинь словенъ, позволите мнѣ сказать, господу, что, по моему мнѣнію, нѣтъ истинной храбрости въ томъ, кто защищаетъ несправое дѣло.

МОБРЕЙ.

Томъ вамъ слишкомъ рисковъ, милостивый государь; и нѣтъ, право, было бы легче занять оплеуху у Француза и забыть заплатить ее, чѣмъ переносить этотъ томъ. (*Ловласу.*) Позволь мнѣ сказать ему одно слово на ухо,—у меня руки такъ и чешутся,—надѣюсь, что послѣ этого онъ охотно вытянетъ свою шпагу.

ПОЛКОВНИКЪ (*Мобрею*).

Я не нѣблю чести знать, кто вы таковы, милостивый государь; даже во времена Дамона и Пнея, которые могли служить примѣромъ дружбы, я не слыхалъ, чтобъ Дамонъ мѣшался въ дѣла друга своего Пнея; и наконецъ, скажите, сдѣлайте милость, по какому праву мѣшаетесь вы въ нашъ разговоръ?

Ловласъ останавливаетъ Мобрея:

— Перестань, Мобрей; скажи, сдѣлай одолженіе, какой вѣторъ принесъ тебя сюда? Ты кругомъ виноватъ. Развѣ я не могу обойтись безъ твоей защиты? Нѣтъ, я не позволяю друзьямъ моимъ оскорблять гостей моихъ.... Ну, подавай руку, Мобрей; а вы, мистръ Морденъ, сдѣлайте намъ честь, не отказывайтесь отъ руки, которую подастъ вамъ честный и благородный человекъ: она достойна прикосновенія къ вашей, и примите въ то же время извиненіе отъ насъ обоихъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

А я, мистръ Ловласъ, съ моей стороны прошу извинить меня, если вамъ показалось, что я выразился не такъ, какъ слѣдуетъ. Я горячо принимаю къ сердцу дѣло, которое вѣдь на себя и которое желаю хорошо кончить. Однако я не отказываюсь отъ того, что сказалъ о миссъ Клариссѣ; напротивъ, еще разъ повторю, что она сдѣлаетъ честь принцу; если согласится выйти за него, если бы даже принцъ этотъ не обманывалъ, не оскорблялъ ее достоинства; вѣтъ отъ чего мнѣ невозможно отказаться.

ЛОВЛАСЪ.

А я, милостивый государь, не хочу и не долженъ терять такихъ выраженій. Клянусь честью, что на такихъ условіяхъ я отказался бы отъ самой королевы.

ПОЛКОВНИКЪ (*лорду М^{***}*).

Вы сами видите, милордъ, что какъ невозможно сойтись съ такимъ племляникомъ; такъ кончите лучше это совѣщаніе. Я предъ-

не сожалѣю, что дѣло это не уладилось, а затѣмъ, пожелавъ вашему сіятельству счастья, прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокое уваженіи и позволить мнѣ удалиться.

ЛОРДЪ М***.

А я еще разъ повторю, что вы должны выслушать меня, мистеръ Морденъ. Ну, поймите же меня наконецъ, когда я увѣрю васъ, что мы тотчасъ согласимся. Не совѣсти, въ глубинѣ души, вы, я и онъ, мы все трое желаемъ одного и того же. Развѣ вы не знаете, что сестра моя, леди Лоренсъ, и племянница, миссъ Монтегю, были вчера у миссъ Гоу и просили ее, чтобъ она помогла намъ уладить эту свадьбу? Развѣ вы не знаете, что я предлагаю вашей кузинѣ самую блестящую будущность, огромное состояніе и обещаю благодѣянiami племянника, если миссъ Кларисса сдѣлаетъ намъ честь и согласится на этотъ бракъ, который я считаю теперь единственною надеждою, единственныиъ увѣреніемъ моей старости?... Пусть только миссъ Гарло сдѣлается моей племянницей, и я умру спокойно! Будьте сами судьбою, мистеръ Морденъ, и скажите, можемъ ли быть еще благосклоннѣе и преданнѣе какъ теперь? нельзя, кажется, быть ревностнѣе и откровеннѣе меня? А когда мы все перессоримся, что выиграетъ тогда, спрашиваю я васъ, ваша питомица?

ПОЛКОВНИКЪ.

— А вотъ что, милордъ, что она найдетъ представителя, который поддержитъ ея личное достоинство и безпозволитъ только о чести своей родственницы, и потому его не трогаютъ ваши блестящіе предложенія и вообще все свѣтскія выгоды; намъ ихъ не нужно; она выиграетъ только то, что не станетъ вымалывать удовольствіи, котораго ниѣтъ право требовать; она спасетъ славу свою, гордость благородной дѣвушки, которая совсѣмъ не длятого создана, чтобъ бросаться на шею кому ни вопаало; но разсудите хорошенько, затѣмъ я пришелъ сюда, о чемъ хлопочу, если не о томъ, чтобъ поддержать достоинство женщины, которую вы хотите назвать своей племянницей, которая будетъ носить ваше имя? До-сихъ-поръ я могу еще назваться вашимъ другомъ, который ищетъ друга, хотя ищетъ его съ недоустріемъ и неприязненнымъ чувствомъ.

Вотъ какъ говорили между собою эти два вспыльчивые, гордые и надменные джентльмена, воспламененные гнѣвомъ, ужасные какъ море, быстрые какъ пламя въ ярости. Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что графъ Ловласъ объявилъ живѣйшее желаніе предложить миссъ Клариссѣ свое имя, состояніе и руку.

ЛОВЛАСЬ.

Тотъ день будетъ счастливѣйшимъ днемъ моей жизни, когда я покажу всему міру эту молодую женщину, которою я буду гордиться любить!... И теперь, какъ между нами все уже кончено, я хочу сказать вамъ, мистръ Морденъ, что если рѣчи мои показались вамъ не совсѣмъ благоразумными, то вы должны быть ко мнѣ снисходительны, потому что я боленъ душою!

Въ то же время было рѣшено, что Морденъ отправится на другой день къ неумолимымъ Гарло и упроситъ ихъ принять предложеніе лорда М^{***} и его племянника, за котораго ручается самъ старикъ. Послѣ чего полковникъ и Ловласъ разстались, къ великой радости дяди, который не могъ понять, по какому счастливому случаю, по какому чуду эти два бѣшеные челоуѣка не выхватили шпагъ своихъ.

Мистръ Джемъ Гарло, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ для окончательнаго совѣщанія, прѣхалъ только черезъ три дня. Сколько погубилъ онъ невозвратнаго времени, потому что жизнь Клариссы угасала съ каждою минутою. Но кто видѣлъ ее въ родительскомъ домѣ, цвѣтущею всѣмъ блескомъ молодости и здоровья, тотъ не могъ подозрѣвать, чтобъ конецъ ся былъ такъ близокъ и чтобъ роднымъ ея была такая необходимость спѣшить, если неумолимые эти люди хотятъ закрыть глаза своей прежде столь любимой Клариссѣ. Одинъ полковникъ хлопоталъ за всѣхъ; не будучи въ состояніи дать себѣ отчету въ своемъ нетерпѣніи, онъ обвинялъ безжалостныхъ родныхъ въ этихъ отлагательствахъ, сердился на Джемза, что онъ не спѣшитъ прѣздомъ, и на упрямство этого семейства, которое иваче не хотѣло рѣшить судьбы отсутствующей дочери, какъ въ общемъ семейномъ собраніи; онъ ходилъ отъ дяди Юлія къ дядѣ Автоію, отъ отца къ матери; поддерживалъ надежду мистриссъ Гарло, утѣшалъ ее и въ свою очередь искалъ утѣшенія у миссъ Гоу, но, къ несчастію, не находилъ его.

Онъ заставлялъ ее рассказывать о миссъ Клариссѣ, о ея терпѣніи, милосердіи, бодрости, покорности; слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ все, что говорили о ней, и тѣмъ больше слушалъ, тѣмъ больше былъ расположенъ возвратитъ ей спокойствіе, свободу, состояніе. Морденъ находилъ, что вступается за первое дѣло, и тѣмъ болѣе принялся за него съ такимъ жаромъ, что добрая Нортонъ по благоразумію, а миссъ Гоу изъ осторожности, не смѣли говорить о всѣхъ несчастіяхъ, разразившихся

надъ юною головой Клариссы: онѣ боялись встрѣчи Мордена съ Ловласомъ. Мистриссъ Нортонъ, миссъ Анна и Морденъ утѣшались другъ друга и говорили, что не можетъ быть, чтобъ семейство Гарло стало долѣе отвергать Клариссу; они надѣялись на клятвенное обѣщаніе Ловласа, особенно же на его раскаяніе; они радовались, что передъ обожаемою Клариссою открывается наконецъ счастливая будущность. Они снова увидятъ милую изгнанницу, полную жизни, молодости, окруженную любовью, уваженіемъ, почестями. «Я хочу, чтобъ меня вѣчали въ одинъ день съ Клариссой передъ тѣмъ же самымъ заломъ», говорила миссъ Гоу. — Я отдамъ ей все мое состояніе, прибавлялъ Морденъ. — «Я буду матерью ея дѣтямъ», шептала добрая Нортонъ. Опасно возбуждать такія надежды! Развѣ надежда не то же что оупеніе?

Наконецъ мистръ Джемъ возвратился изъ своихъ помѣстьевъ. Послали предупредить полковника, что семейство соберется на другой день въ десять часовъ утра, потому что люди эти привыкли разсуждать о судьбѣ отсутствующей своей дочери, какъ о какомъ нибудь судейскомъ дѣлѣ. Судьи наши сѣли каждый на свое мѣсто, подъ нипымымъ предсѣдательствомъ мистра Гарло, но въ самомъ дѣлѣ всѣ дрожали передъ ненавистнымъ деспотизмомъ мистра Джемза. Мистръ Морденъ въ назначенный часъ былъ торжественно введенъ въ верховный этотъ сенатъ, а какъ ему никто почти не поклонился, то онъ тотчасъ же, безъ предисловія, обратился къ собранію съ вопросами о Клариссѣ и требовалъ, чтобъ они объявили наконецъ, каковы ихъ намѣренія касательно ея?

— Я очень хорошо знаю, любезный мистръ Гарло, что я долженъ уважать власть отца семейства; но между-тѣмъ не могу забыть и обязанности опекуна, который долженъ заботиться о состояніи ввѣренной ему особы; дѣдушка, умирая, поручилъ мнѣ кузину мою Клариссу, какъ-будто предвидѣлъ, что молодой этой дѣвушкѣ, которую онъ любилъ больше всего въ свѣтѣ, понадобится защитникъ въ самомъ кругу своего семейства и покровитель внѣ дома! И потому я спрашиваю васъ, какъ угодно вамъ, чтобъ я взялся за это дѣло, какъ добрый родной, готовый раздѣлить съ вами всѣ неприятности, или какъ посторонній человекъ, который рѣшился узнать всѣми возможными средствами, во что бы то ни стало, что сдѣлали съ его питомцей, что намѣрены сдѣлать съ ея состояніемъ? Хорошо ли вы поступили, безжалостно покинувъ это милое созданіе и подвергнувъ его всѣмъ возможнымъ опасностямъ? Если даже предположить, что она и за-

служила ваши упреки, всё-таки вы не вправѣ были отдать ее на произволъ судьбы. Неужели оттого только, что сердаетесь на нее, вы думаете, что вамъ позволено сидѣть дома и ждать чтобъ дитя это совершенно погвбло? Вы сами принудили ее бѣжать, заставляя выходить за человѣка, который достоинъ быть ея лакеемъ, а теперь когда уже погубили ее, вы сидите сложа руки и не думаете позаботиться, вы отецъ ея, что едѣвалось съ вашею дочерью, куда дѣвалась честь ея? А вы, дядюшка, не спросите, тѣмъ живеть она; и вы, братецъ, у котораго я вижу однако шпагу за поясомъ, уѣзжаете въ свои помѣстья, говорите сотроты сосѣдямъ и хвастаете передъ ними умомъ своимъ! О! молчите, молчите, вамъ нѣтъ оправданья! Этого мало, что поступки ваши жестоки... они низки, подлы!... А вы, миссъ Арабелла, сестра, которой она служила всегда примѣромъ, гордостью, вы молчите, вы холодны, недвижны, какъ надгробный памятникъ; губы ваши сжѣжались, посинѣли; ни одно слово участія не вылетаетъ изъ нихъ; ни сожалѣнія, ни раскаянія не видно на блѣдномъ лицѣ вашемъ! Презрѣнное, завистливое созданіе! бездушная дѣвушка! достойная сестра скупаго, алчнаго брата! Да, я теперь знаю васъ наизусть, знаю ваши изгибистыя интриги, и узнаю еще, по какой причинѣ вы непременно хотѣли разбить прекрасную будущность прелестнѣйшей дѣвушки въ Англіи; вѣроятно, васъ утомляли похвалы, которыми ее осыпали, и, чтобъ избавиться отъ нихъ, вы погубили ее!... Что же до васъ касается, сударыня, до васъ, матери этого ангела... о! простите, простите, если я огорчаю васъ, потому что горе видно на вашемъ благородномъ лицѣ; я понимаю ваши страданія и вижу, что волосы ваши посѣдѣли, станъ согнулся, что вы переглotalи много слезъ. Несчастная женщина, вы провели много безсонныхъ ночей; между тѣмъ, несмотря на всю жалость, несмотря на глубокое мое къ вамъ уваженіе, я долженъ сказать, и вы, вѣрно, сами со мною согласитесь, что у васъ неоставало ни твердости, ни присутствія духу. Вы не осмѣивались защитить эту юную душу, которую недостойный сынъ вашъ хотѣлъ уравнять съ своею, а она возвышалась все выше и выше! Вы чувствовали, что любите ее больше сестры ея, больше брата, больше всей вселенной, и эта-то сила материнской любви удержала, погубила васъ! Еще разъ повторяю, простите меня; я жалѣю, уважаю, но осуждаю васъ. Вамъ ничего не стоило сказать мистру Джензу, что онъ такой же подлецъ какъ Сомзъ, котораго онъ готовилъ себѣ въ зятя; миссъ Арабеллѣ, что она злая дѣвушка, которую точить

зависть и которая стѣбитъ того, чтобъ ее съ завязанными глазами повели въ Гретву! Вамъ было такъ легко сказать вашему мужу, глядя ему прямо въ глаза, что вы не позволите безчестить своего ребенка! А вы, почтенные дядюшки, вы, вѣроятно воображаете, что поступили во всемъ этомъ какъ нельзя лучше; потому что дѣйствовали по внушенію холоднаго благоразумія тѣхъ лѣтъ, въ которые уже не чувствуешь раскаянія; мнѣ жаль васъ; положеніе ваше должно быть ужасно, когда вы вспоминаете, что сами, изъ удовольствія, изъ эгоизма, какъ съумасшедшіе, разорвали этотъ цвѣтокъ вашей старости, зато только, что отецъ вашъ оставилъ миссъ Клариссѣ мартыны, которыя бы годились въ галерею мистра Юлія, и серебро, которое принадлежало мистру Автонію! Правду говорятъ, что въ жесткихъ сердцахъ находишь одинъ звонъ серебра! Я говорю съ вами, господа, жесткимъ, рѣзкимъ языкомъ, но я обвиняю тоже и себя, и нахожу, что поступилъ опрометчиво, потерявъ изъ виду вѣреннаго мнѣ ребенка; я упрекаю, и вѣчно, до послѣдняго моего издыханія буду упрекать себя, что покинулъ юную мою питомицу. Ахъ! если бъ я былъ тутъ, чтобъ придать бодрости матери, чтобъ отдѣлать, какъ слѣдовало, этого Сомза, который, такъ подлю преслѣдуя беззащитную дѣвушку, не внималъ мольбамъ ея и не хотѣлъ смотрѣть на такое справедливое отвращеніе; чтобъ пристыдить мистра Джемза и миссъ Арабеллу, сказать имъ, какъ гнусны чувства, наполняющія ихъ скверныя души; особенно жалѣю, что меня не было тутъ, чтобъ противостоятъ надменному этому Ловласу, который между столькими людьми не нашелъ ни одной шпаги, а только однѣ жалобы! О! милая, возлюбленная моя Кларисса, добрая моя кузина, уважаемое мое дитя, если бъ я не покидалъ тебя, ты всё еще стояла бы на пьедесталѣ чести, достоинства, величія и славы, съ котораго свергли тебя жестокіе твои родственники! Если бъ я не покидалъ тебя, никто не осмѣлился бы предлагать тебѣ, вмѣсто мужа, лакейскую душу въ ростовщицкомъ тѣлѣ! Вся жизнь моя будетъ посвящена на искупленіе моего отсутствія, потому что я теперь считаю его преступленіемъ!

Мы сошли въ глубину души нашей, рассмотрѣли нашу совѣсть, и потому, господа, если мы хотимъ быть справедливыми, то должны теперь судить себя строго. Вы хотѣли, чтобъ собраніе наше походило на трибуналъ безпристрастныхъ судей; хорошо, пусть будетъ по-вашему, только будьте же и къ себѣ безпристрастными судьями: судите себя по совѣсти, по чести! Говорите, я стану слушать васъ въ свою очередь. Въ такомъ положеніи, какъ я

теперь нахожусь, я готовъ даже выслушать какую-нибудь сказку, если сказку эту расскажетъ мнѣ честный человѣкъ; еще разъ повторяю, говорите, господа, и если возможно — защищайтесь; только помните, что миссъ Кларисса одна, одна въ семнадцать лѣтъ, покинута безъ средствъ къ существованію, безъ друзей, оставленная всѣми, можетъ-быть умирающая!... вспомните все это и постарайтесь въ короткихъ словахъ понять другъ друга!

Надо было посмотрѣть на эти лица, смущенныя, взволнованныя преступною совѣстью. Дядя Юлій былъ раздавленъ гнѣвнымъ взоромъ полковника; дядя Антони какъ будто помѣшался; онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, что ему говорятъ въ глаза такія вещи, и говорить еще при всѣхъ; блѣдная, помертвѣлая Арабелла не могла выговорить ни слова, какъ будто весь ядъ души ея разлился по скверному лицу; братъ Джемзъ боялся, но бралъ на себя храбрый видъ, какъ фигляры которые дерутся на театрѣ тупыми шпагами; отецъ Гарло старался оживить негодованіемъ помутившіеся глаза свои, но угрызеніе совѣсти потушало это негодование... А мать! мать плакала, задыхалась судорожными рыданіями; она схватила руку Мордена и обливала ее слезами.

— Ахъ! добрый мой Морденъ! вы правы, я была слишкомъ слаба, я виновата, ужасно виновата, что не умѣла защитить дочь свою, мою ненаглядную Кларочку; прости! прости меня, Господи! сказала мистриссъ Гарло и упала на колѣни.

— Вспомните, сударыня, сказалъ мистръ Джемзъ, что у васъ есть еще дѣти.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала мать въ отчаяніи, пока не найду милой моей Клариссы, у меня не будетъ другихъ дѣтей! Бѣдное дитя! Она одна! некому утѣшить ее, некому приголубить. Одна! Боже мой! а я никогда не покидала ее, никогда не расставалась съ нею, ни днемъ ни ночью; я ходила смотрѣть, какъ она покоилась въ своей колыбели! О прелестныя мои ножки, маленькія мои ручки! прелестныя мои бѣлокурые волосы! какъ они украшали прекрасную твою головку! О, Нортонъ! добрая моя Нортонъ! говорила она обнимая старушку: ты храбрѣ меня! Ты, любезный другъ, была такъ смѣла, что нѣсколько разъ защищала возлюбленную дочь мою, не смотря что могла лишиться выгоднаго мѣста! Пойдемъ, Нортонъ, пойдемъ за нею, отыщемъ ее, приведемъ сюда нашу Кларочку, и станемъ снова любить ее.

Не смотря на такое горе матери, у Джемза, хватило присутствія духу возражать:

— Хотя мистръ Морденъ былъ слишкомъ несправедливъ къ намъ, и насказалъ такихъ вещей, какихъ не слѣдовало бы говорить, сказалъ Джемзъ, я не противлюсь чтобъ миссъ Клариссу успокоили, дали ей въ некоторое пособіе, потому что еще недавно она написала намъ всѣмъ письма исполненныя покорности и раскаянія, такъ, что мы можемъ теперь быть къ ней посписходительнѣе; но мнѣ кажется что будетъ неприлично, если батюшка, матушка, дяди, сестра и наконецъ я самъ, станемъ умолять о прощеніи ту, которую такъ долго любили и съ которою обходились какъ слѣдуетъ обходиться съ дочерью, съ племянницей, съ сестрой! Она рѣшилась на большой проступокъ, слѣдственно не мы, а она должна просить прощенія. И такъ, матушка, несмотря на совѣты и презрѣнныя мистра Мордена, я прошу васъ позволить мнѣ, съ согласія батюшки и дядей, защищать, какъ мы знаемъ и умѣемъ, честь нашего дома!

Послѣ этой рѣчи настала ужасная тревога въ собраніи; всѣ эти господа, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливался отвѣчать на упреки Мордена, всѣ заговорили въ одинъ голосъ:

— Она срамить насъ! восклицалъ одинъ. — Мерзавецъ Ловласъ! подхватывалъ другой. — Миссъ Гоу дерзкая дѣвченка, которая оскорбляетъ насъ на каждомъ шагу! — Если миссъ Клариссу привезутъ сюда, я уѣзжаю въ Единбургъ, и вы меня никогда больше не увидите! кричалъ мистръ Джемзъ. — О дочь моя! милая Клара! вздыхая шептала мать. — Глупое созданье! кто жъ захочетъ теперь, кто осмѣлится войти въ обезчещенное семейство? кричала задыхаясь отъ злости миссъ Белла. Морденъ заставилъ всѣхъ ихъ молчать.

— На все это я могу тотчасъ же отвѣчать, сказалъ Морденъ. Мнѣ послышалось, что мистръ Джемзъ хочетъ уѣхать, если миссъ Кларисса возвратится въ родительскій домъ; на это я отвѣчу: уѣжайте, мистръ Джемзъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что чѣмъ болѣе вы будете отдаляться, тѣмъ болѣе миръ и тишина будутъ приближаться къ этому дому. Миссъ Белла спрашиваетъ, кто захочетъ теперь войти въ обезчещенное семейство? на что я отвѣчу ей: извините меня, миссъ Белла, что я долженъ вамъ противорѣчить, но вы знаете, кто я и что я дорожу честью, какъ долженъ дорожить ею настоящій дворянинъ; сверхъ того я богатъ, молодъ еще, и командую первымъ гвардейскимъ полкомъ короля, нашего государя; и не смотря на всѣ эти выгоды, я бы на колѣняхъ благодарилъ миссъ Клариссу, эту покинутую вами всѣми, эту погибшую, обезчещенную дѣвушку, какъ

вы ее называете, еслибъ она удостоила своей руки полковника Мордена. Клянусь честию, что я съ большою гордостью позволю бы къ вѣнцу куанну мою Клариссу, чѣмъ дочь какого-нибудь владѣтельнаго принца. И потому съ этой стороны, вы можете быть совершенно спокойны, мнесь Велла, и если вы хотите чтобъ какой-нибудь честный человѣкъ сталъ искать вашей руки, то оувѣтую вамъ выбросить изъ сердца вашего эти злыя чувства, заглядитъ ваши непростительные поступки, бросится на шею сестрѣ вашей и проситъ ее, чтобъ она простила вамъ ваше недостойное обхожденіе!

На этотъ разъ, собраніе снова покоренное строгою но неоспоримою истиною, преклонилось въ ужасѣ передъ непобѣдимую силой, и Кларисса, за которую вступался Морденъ, была бы спасена, если бъ не пришли доложить Джемзу, что какой-то пріѣзжій изъ Лондона хочетъ переговорить съ нимъ.

— А! наконецъ! вскричалъ съ радостью Джемзъ, хватаясь за эту остановку, какъ погибающій хватается за послѣднюю надежду: позовите его сюда. Чтѣ бы ни принесъ этотъ человѣкъ, хорошую или дурную вѣсть, но-крайней-мѣрѣ мистръ Морденъ не можетъ сказать, что я подсказываю ему обвиненія противъ мнесь Клариссы. Человѣкъ этотъ, господа, не кто иной какъ почтенный мистръ Эліасъ Брандъ, новый ректоръ нашего прихода. Шесть недѣль тому назадъ, онъ собирался въ Лондонъ въ то самое время какъ я уѣзжалъ въ Шотландію, и я просилъ его разузнать въ тайнѣ все, чтѣ касается до мнесь Клариссы, и до-стать мнѣ о ней положительныя свѣдѣнія. Вы всѣ знаете почтеннаго доктора Бранда; онъ человѣкъ умный, ученый, честный, строго соблюдающій свои обязанности, и потому, мнѣ кажется, мы можемъ на него положиться и повѣрить ему на слово.

Дверь отворилась, вошелъ докторъ Брандъ.

Впродолженіи этой исторіи мы встрѣчались уже съ докторомъ Брандомъ; онъ былъ однимъ изъ гостей на роковомъ ужинѣ, который предшествовалъ послѣднему покушенію на честь герцога нашей. Ректоръ этотъ былъ бѣдный приходскій пасторъ, душою и тѣломъ предавшій мистру Джемзу Гарлю, своему защитнику и покровителю. Разумѣется, что докторъ Брандъ послѣ вставленій Джемза и Арабеллы, былъ предубѣжденъ противъ Клариссы, и предубѣжденіе его еще больше усилилось, когда онъ увидѣлъ мнесь Клариссу въ грубомъ, вѣтренномъ, невѣжественномъ и порочномъ обществѣ Сенъ-Клеръ. Вѣроятно, читатели помнятъ еще ту ужасную сцену, когда Доркесъ объявила Ловласу, что

принимъ за нимъ отъ имени молодой дамы, и какъ, минуто спуюти, возвратившійся Томлинсонъ увѣрялъ, что видѣлъ, видѣлъ собственными глазами, какъ Кларисса, сама по своей волѣ, отворила дверь Ловласу! Правда, что при концѣ этой демонской оргіи, жертва явилась въ свою очередь, какъ-будто для того чтобъ доказать свою невинность и опровергнуть ужасныя клеветы. Но она упала безъ чувствъ на столъ, и всѣ гооты разбѣжались; ихъ приводило въ ужасъ нравственное содѣйствіе въ такомъ престушеніи.

Брандъ былъ смутно пораженъ приключеніями этой ужасной ночи. Ктому жъ Кларисса исчезла, и никто не могъ сказать, гдѣ она и что съ нею сдѣлалось? Что жъ могъ подумать человекъ о дѣвужкѣ, которую видѣлъ въ обществѣ слишкомъ веселыхъ женщинъ, Только чистыя сердца не вѣрятъ пороку! Онъ, вѣрно, подумалъ, что она покорилаь стыду и безчестію? Надо еще прибавить, что, къ несчастью Клариссы, почтенный докторъ Эліасъ Брандъ, навѣстивъ незадолго передъ тѣмъ одну почтенную даму, жеху своего друга, умную и достойную мать семейства, которая жила въ ковентгарденскомъ кварталѣ, увидѣлъ въ окнѣ у мистриссъ Шмитъ миссъ Клариссу Гарло, спокойно разговаривающую съ молодымъ джентльменомъ прекрасной наружности. Любопытный пасторъ обращается съ вопросами къ почтенной матери семейства, которая рассказываетъ ему, что дама эта была очень опасно больна и что только двѣ недѣли какъ она стала поправляться, а кто она такова, никто не знаетъ.

— По наружности, она ведетъ довольно порядочную жизнь, но бѣсъ хоть кого проведетъ; вѣдь онъ хитеръ! Она бываетъ въ церкви каждое утро; ее носятъ туда на носилкахъ, но городъ такъ великъ! Она никого не принимаетъ, исключая вотъ этого джентльмена, что сидитъ теперь съ нею у окна, глазъ на глазъ; Онъ бываетъ у нея почти каждый день; приходитъ освѣдомляться о ея здоровьи и получаетъ какія-нибудь приказанія; джентльмена этого зовутъ кавалеромъ Бельфордомъ; говорятъ, что онъ одинъ изъ смѣлѣйшихъ, храбрѣйшихъ и страшѣйшихъ молодыхъ лондонскихъ кутилъ и принадлежитъ къ шайкѣ графа Роберта Ловласа; пные даже увѣряютъ, что онъ закадычный другъ его и повѣренный!

— Можете представить, прибавилъ мистръ Брандъ, что при одномъ имени Бельфорда, на меня напалъ ужасъ, когда я узналъ что онъ находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ миссъ Гарло, и что дружба эта не можетъ и не должна быть безкорыстною. Наконецъ, что еще сказать вамъ, почтенные мои собѣдники, и

долженъ ли я сообщить все, что знаю? Хотя мнѣ стоитъ большаго труда сказать всю правду, потому что я принужденъ буду обвинять самого себя и краснѣть передъ вами, я все-таки намѣренъ сообщить все, когда дамы выйдутъ и когда я останусь съ одними мужчинами, съ которыми можно говорить откровенно.

Мистръ Гарло, услышавъ это, подошелъ къ жентѣ :

— Я выслушалъ съ величайшимъ спокойствіемъ обвиненія, несправедливости и оскорбленія мистра Мордена, сказалъ онъ, позвольте же мнѣ, для собственной пользы, выслушать теперь полное обвиненіе, потому что намъ не годится играть долѣе роль, которую заставляетъ насъ играть вашъ возлюбленный племянникъ.

Покоряясь этому приказанію, мистриссъ Гарло уходитъ подвѣсивъ къ небу глаза, наполненные слезами; мистриссъ Нортовъ слѣдуетъ за огорченной матерью; но Белла умираетъ отъ любопытства, ей хочется остаться; она уходитъ посмотрѣвъ на брата и дѣлая ему знакъ; остаются одни мужчины.

— Мистръ Эліасъ Брандъ, — кажется, васъ такъ зовутъ, если я не ошибаюсь, — сказалъ Морденъ : говорите, мы готовы слушать васъ ; только прежде чѣмъ говорить , подумайте хорошенько о томъ, что намѣрены сказать! вспомните, что дѣло идетъ о жизни и чести молодой особы, которую я люблю какъ дочь родную, и которую привыкъ уважать съ того самаго дня какъ она вышла изъ дѣтства.

— Милостивый государь, сказалъ Брандъ, и вы уважаемые господа, я представлю вамъ доказательство, которое, кажется, носитъ въ себѣ отпечатокъ истины. Вы видите, я краснѣю, но мы всѣ грѣшны, всѣ мы дѣти грѣха.

Тогда, не останавливаясь передъ грустнымъ признаніемъ своего унижительнаго, постыднаго поведенія, особенно для человѣка его званія, онъ разсказалъ всю сцену, которой былъ самъ свидѣтелемъ. Это было необыкновенная радость для слушателей; ужасная эта новость возвратила немного спокойствія взволнованнымъ сердцамъ; особенно это радовало Джемза; онъ торжествовалъ; можно было подумать, что погибель сестры служила ему трофеемъ. Что же касается до дядей, до отца... безумные эти чуть не благодарили достойнаго Эліаса Бранда; безъ-сомнѣнія, они воображали, что униженіе, безчестіе ихъ дочери и племянницы, избавляло ихъ навсегда отъ отвѣтственности, отъ раскаянія.

Морденъ вышелъ пораженный всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Увы! бѣдная Кларисса! говорилъ онъ, бѣдное дитя! что станетъ съ тобою? гдѣ ты теперь? въ какой пропасти? И Мор-

день рѣшилъ, что Ловласъ непременно долженъ на ней жениться.

Пока судили о миссъ Клариссѣ, какъ судять о какомъ-нибудь проектѣ закона въ нижней палатѣ, миссъ Гарло приготовилась къ смерти; ей хотѣлось умереть какъ слѣдуетъ, потому что возвышенныя души хотятъ приличнымъ образомъ выйти изъ здѣшняго міра, и даже смерть ихъ должна быть пристойною и правильною. Отъ столькихъ невѣроятныхъ несчастій поблекла эта молодость, отъ которой ожидали столько цвѣту, столько блеска; а здоровье неозвратно улетѣло на молодыхъ своихъ крыльяхъ. Вырвавшись на свободу, она приготовила все, чтобъ быть готовой къ послѣдней, торжественной минутѣ; въ такихъ приготовленіяхъ проводила она всѣ дни и ночи. Не слышно было ни одной жалобы, ни одного сожалѣнія; она ни разу не произнесла имени того, кто погубилъ ее, а думала только о прощеніи, котораго имѣла право требовать отъ отца. Посторонніе люди ухаживали за нею какъ самые благосклонные и преданные братья, и потому не смотря на свое одиночество, не смотря что была покинута своими безжалостными родственниками, вѣра ея возвратилась, вѣра не въ Бога, въ милосердіе котораго она никогда не сомнѣвалась, но вѣра въ людей, которые были къ ней такъ жестоки; она до того сдѣлалась снова довѣрчивою, что даже приняла дружбу Бельфорда, Бельфорда друга Ловласа. Дни ея проходили въ тихой, пріятной дѣятельности. Когда она не страдала, не молилась, не размышляла, то писала тѣмъ, которые ее такъ преслѣдовали, или тѣмъ которые ее такъ любили.

Только она одна, между столькими людьми, которые заботились о ея счастьи, о ея будущности, только она одна не надѣялась больше, ничего не ждала отъ жизни и знала напередъ развязку этой ужасной драмы; только она одна не ждала ничего отъ человѣка, который разбилъ ея счастье и предлагалъ теперь взглянуть свое преступленіе всѣми возможными пожертвованіями; презрѣнью ея къ этому человѣку походило на тѣ твердые камни, въ которыхъ навсегда остается врѣзанное изображеніе и ни что въ мірѣ, даже само время не можетъ взглянуть его; ее приводило въ негодованіе, когда она замѣчала, что люди думали, будто она можетъ когда-нибудь согласиться выйти за человѣка, который опозорилъ ея имя; благородная гордость ея возставала при одной

мысли объ этомъ живомъ бракѣ, который соединилъ бы ее съ развратнымъ человѣкомъ.

Нѣтъ, она не могла до-того унизиться, она не хотѣла обезчестить себя этимъ презрѣннымъ и бесполезнымъ удовлетвореніемъ. Она хотѣла, чтобы человѣкъ, котораго она выберетъ въ мужа, женился не на обезчещенной, а на добродѣтельной дѣвушкѣ; кому жъ, осмѣлилась-ли бы честная эта дѣвушка, сдѣлавшись женою Ловласа, снова явиться въ свѣтъ? Нѣтъ, онъ сталъ бы преслѣдовать ее своими насмѣшками, своею проіею. Какую власть можетъ имѣть она на душу, визость которой ей давно извѣстна, и могла ли она надѣяться на счастье съ человѣкомъ, котораго презирала и который женится на ней противъ воли? Ктожъ наконецъ успокоитъ, увѣритъ ее, что впоследствии она не заразится порокомъ, не предастся ему, если будетъ такъ слаба, что проститъ такой позоръ, и покорится такому стыду!

И потому она чувствовала только одно презрѣніе и много что жалость къ этому человѣку, который для нея теперь сталъ равно ничѣмъ: она вырвала его изъ сердца, какъ вырываютъ изъ цвѣтника вредное растеніе.

«Не будемъ говорить о немъ, писала она къ миссъ Гоу, станемъ лучше благодарить Бога, что онъ открылъ хитрости и обманы, которыми я была такъ долго окружена. Я начинаю утомляться жизнью, какъ утомляются прогулкою въ саду, гдѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни тѣни, ни даже дерновой скамьи, гдѣ бъ можно было сѣсть отдохнуть и помечтать! Будемъ только говорить о смерти, это моя надежда, приближище, спасеніе. Я жду ее, я готова....»

А между-тѣмъ, съ тѣмъ присутствіемъ духа, которое не покидало ее ни на минуту, она боролась даже съ самой смертью и не хотѣла сдаться безъ бою; она оспаривала этотъ остатокъ жизни, потому что до конца хотѣла испить чашу страданій, до конца хотѣла свершить жертву. «Господи! Господи! говорила она, да будетъ святая воля твоя! Ты справедливъ къ людямъ во всѣхъ твоихъ твореніяхъ, и я знаю, что не пошлешь мнѣ испытаній выше силъ моихъ.» Такъ молилась она въ порывахъ своей набожности и христіанской твердости духа.

Это были чудные часы, тихія, усладительныя сумерки прекраснаго лѣтняго дня, который исчезаетъ на западѣ. Сколько невыразимодивныхъ минутъ она проводила сама съ собою! Она забывала тогда свое горе, потерю своего честнаго имени, разрушеніе надеждъ, неумолимую жестокость своихъ родственниковъ и варварское об-

хождение, на которое безжалостно и несправедливо осудилъ ее человекъ, котораго она любила! Когда насталъ въ послѣдній разъ день ея рожденія (24 іюля), она въ двое болѣе обыкновеннаго стала наблюдать за собою, побуждать себя, и продолжала поеть свой до другаго дня; она горько плакала вспоминая день своего рожденія, который былъ праздникомъ для всего семейства; она написала въ своемъ дневникѣ, строгомъ внутреннемъ душѣ ея, строгомъ собесѣдникѣ всѣхъ чувствъ ея, длинное размышленіе, дышащее тѣмъ тонкимъ вкусомъ, и тѣмъ правильнымъ поэтическимъ слогомъ, которымъ отличалась также и въ разговорѣ. Она спала не болѣе часу или двухъ въ сутки, и «хотя я призываю сонъ, но онъ бѣжитъ отъ меня», говорила она съ грустною улыбкою; она кушала очень мало и то не охотно для того только чтобъ не огорчить своего добраго друга мистриса Шмитъ.

Больше всего ее заботило проклятіе отца; она только объ одномъ думала, какъ бы умолить его, чтобъ онъ снялъ незаслуженное это проклятіе съ юной и невинной головы ея. Каждый день она подвергалась новымъ преслѣдованіямъ, которыя переносила съ необыкновеннымъ терпѣніемъ. Однажды все семейство Ловласа бросилось къ ногамъ Клариссы, умоляя ее простить этого преступника, который былъ единственною надеждою ихъ знаменитаго дома; сначала она отвѣчала, что не можетъ согласиться на этотъ бракъ, и наконецъ принявъ на себя болѣе твердый тонъ, умоляла ихъ не настаивать долѣе, дать ей умереть спокойно, и избавить отъ преслѣдованій смертельнаго ея врага, который былъ такъ жестокъ что мучилъ умирающую. «Помогите мнѣ, друзья мои, попросите его, чтобъ прежде роковаго часу онъ не вынулъ меня ужасными своими мольбами со здѣшняго міра.»

Если иногда ей случалось провести день или два въ спокойствіи, то дни эти не доставались ей даромъ, потому что писма ледей Антонія и Юлія, брата Джемза и миссъ Арабеллы, злостью своею отравляли рѣдкія эти минуты. Какимъ ядомъ были написаны онѣ! можно содрогнуться при чтеніи фразъ, которыя производили на это измученное сердце то же самое дѣйствіе, чѣмъ удары книжала. «Ты оцезорила насъ своими преступленіями! писала сестра, и мы ужъ не виноваты, если произшествія эти не приняли того счастливаго оборота, котораго ты ожидала!»

Въ отчаяніи своемъ несчастная Кларисса обращалась къ матери.... «О матушка, какъ жестоко пишеть мнѣ счастливая сестра моя! Я умоляла ее, чтобъ она выпросила для меня прощенье у батюшки; я просила, чтобъ онъ простилъ меня тогда только ког-

да я буду уже въ гробу, а она раздражаетъ мнѣ сердце, какъ будто бы дѣло шло о вашихъ объятіяхъ, о возвращеніи въ родительскій домъ, милая мамаша. Будьте увѣрены, что я страдаю, что я умираю; нависите мнѣ только: *Прощаю тебя, несчастное созданье, и молю Бога чтобъ Онъ помиловалъ тебя!* Постарайтесь чтобъ батюшка написалъ это, и я умру спокойно!»

Бѣдняжка написала письмо это на колѣняхъ, и послала къ дядѣ Антонію, прося доставить матери. Дядя оставилъ у себя письмо дочери-племянницы, вымѣшая на ней горькія истины, которыя долженъ былъ выслушать отъ Мордена, и отвѣчалъ ей ругательствами: «Мать твоя не имѣетъ ни права, ни воли, ни позволенія пинать тебѣ, несчастное и неблагодарное созданье.... О недостойная тварь! прибѣгаешь къ намъ тогда только, когда тебя отвергаетъ уже и этотъ негодяй!» Все письмо было писано тѣмъ же тономъ. Оно было найдено послѣ Клариссиной смерти въ ея дневникѣ. На листахъ этихъ, смоченныхъ ея слезами, она написала трогательное размышленіе: «Спрячьте меня въ могилу пока не стихнетъ гнѣвъ и негодованіе разразившееся надъ головой моею, потому что мнѣ нѣтъ больше покоя на моемъ мрачномъ ложѣ. Какъ только я закрою глаза, тревога и шумъ раздаются въ душѣ моею; ужасъ не покидаетъ меня, онъ стоитъ у моего изголовья, такъ что я предпочитаю лучше страдать чѣмъ жить. Горе мнѣ! но горе и тому, кто сдѣлалъ изъ меня городскую сказку!»

Между тѣмъ она писала къ отцу. «Душевно уважаемый батюшка, я не смѣю ни къ кому прибѣгнуть, даже къ вамъ самимъ, пока буду на этомъ свѣтѣ; но когда я умру, то хоть тогда не лишите меня вашего благословенія; я умоляю васъ не какъ живая, но уже какъ мертвая.»

Дядя Юліи былъ также неумолимъ какъ всѣ эти варвары, и за недѣлю до смерти своей дочери-племянницы написалъ это послѣднее оскорбительное письмо: «Сдѣлай милость, скажи намъ, похищенная красавица (это собственные слова добраго дядюшки), въ какихъ находишься ты сношеніяхъ съ мистромъ Ловласомъ? Я слышалъ будто въ самыхъ тѣсныхъ; правда-ли это? Однимъ словомъ всѣ они хотѣли знать что-нибудь положительное и не могли понять чувствъ этой дѣвушки покинувшей отца.

Прочитавъ это, она закрыла лицо руками и кровавыя слезы потекли изъ глазъ ея.

Когда въ письмахъ этихъ не было оскорбленій, то онѣ были полны угрозъ; ей объявляли что ее отправятъ въ колоніи; что

Должна отвергаться ее; что она сдѣлалась предметомъ соблазна, поношенія и ссоры, и что брать ея, который, разумѣется, не станетъ за нее драться, чуть было не вышелъ на дуэль съ Мордевомъ. «Ты посѣяла раздоръ, безчестіе, и собираешь теперь плоды гибели и несчастія!»

Неумолимые эти люди вымѣщали на ней презрѣніе и ненависть, которыя возставали со всѣхъ сторонъ на бѣшеннѣхъ дураковъ. Она переносила смертельные эти удары, безропотно съ какою-то жаромъ, съ восторженною набожностью, которая удвоивала ея бодрость и упованіе. «Долго-ли продлится мое мученіе? писала она въ дневникъ: скоро-ли перестанете вы терзать мое сердце? Кто въ скорби, тотъ долженъ найти утѣшеніе, состраданіе, надежду въ своихъ ближнихъ. Если есть стыдъ душевный, происходящій отъ пороку, то есть и благодатный стыдъ, который бросаетъ въ краску только честныхъ людей, и этотъ стыдъ или скромность заслуживаютъ состраданія и милосердія. Еслибъ душа моя жила въ вашемъ тѣлѣ, то сердцемъ моимъ я посидѣла бы на познощь вашему раскаянію. За чѣмъ топтать листь, оторванный вѣтромъ отъ дерева? Для чего столько горечи лить на несчастное созданье покрытое желчью и злобою человѣческой? О! не отвергайте меня, умоляю васъ! ради Христа, бросьте мнѣ какъ милостыню нѣсколько ласковыхъ словъ, ободрите меня хотя немного, пока я не дошла еще каменистыми, пестчаными путями до обители, изъ которой уже не возвращусь!»

По всему видно было, что Кларисса, не смотря на присутствіе духа, таяла, умирала; она была необыкновенно блѣдна; голубые глаза ея блестяли мрачнымъ пламенемъ, но улыбка была все та же, кроткая, тихая, привлекательная. Въ первыхъ числахъ августа она побѣжала въ послѣдній разъ въ церковь, и передъ выходомъ почувствовала большую слабость; но молитва и лѣтвій воздухъ оживили ее немного: зато, желая воспользоваться послѣднимъ остаткомъ силъ, ей захотѣлось еще разъ передъ смертью увидать зелень, деревья, Темзу, насладиться воздухомъ, свѣтомъ, этии неоспоримымъ доказательствомъ милосердія Божія, и всю природою, которая бываетъ такъ еще хороша въ это время года, когда лѣто еще не кончилось, а зима такъ еще далеко; вечеромъ того дня, который былъ послѣднимъ днемъ прекрасной ея жизни, она сочинила трогательную элегію:

«Прощай, природа! я понимаю твои тайные напѣвы, твой пламенный, цвѣтистый, звучный, благоуханный говоръ, которымъ

люди пренебрегают и въ который я вслушиваюсь съ восторгомъ, какъ въ торжественныя слова любимаго человѣка! Свобода возвратила мнѣ разумъ, развила мои понятія! Я похожа теперь на птицу, которая долго томясь въ неволѣ, вырывается наконецъ на свѣтъ Божій, летаетъ въ пространствѣ, наполняетъ воздухъ радостными пѣснями и успокоивается въ небѣ, повторяя гимнъ своего освобожденія.... Чудные цвѣты, вѣкъ вашъ не долговъ: я пришла погрузиться, полетать съ вами въ послѣдній разъ; невинныя дѣвы земли, чистыя какъ ангелы, вы не долговѣчны, какъ дѣти оставшіеся сиротами.... но пѣть, я ошибаюсь, вы не умрете: когда настанетъ зима, когда вся природа плачетъ о вашей свѣжей красотѣ, вы уклоняетесь отъ бурь, закрываете глаза, гнетесь на вѣткахъ вашихъ и, кажется, навсегда погибаете.... но солнце весны снова призываетъ васъ къ жизни. Стройныя, благоуханныя, вы облакаетесь въ пурпуровыя и золотыя мантии, кланяетесь въ торжествѣ своемъ прекрасному дневному свѣтлу и неизмѣрному небосклону, которые наполняютъ воздухъ радостными своими кликами, а выслушаете ихъ и улыбаетесь міру въ воскресшей красотѣ своей. О, милыя мои остры! и меня тоже Господь разбудитъ, когда я усну; я тоже жаду освобожденія, чтобъ возвратиться въ мою отчизну, обитель Отца моего, она тамъ, на краю горизонта, тамъ гдѣ небо и земля въ одномъ благодарственномъ гимнѣ сливаются дивныя гармоніи!»

Поэтическая эта душа понимала говоръ цвѣтовъ, деревьевъ, журчанье источниковъ, находила поученія въ камняхъ, въ книгахъ, и видѣла во всемъ добро.

Возвратясь домой, она застала друзей своихъ въ большомъ безпокойствѣ. Мистръ Шмитъ и жена его думали, что она снова пропала; мистриссъ Ловинъ оплакивала уже ее, какъ-будто бы не должна была съ нею снова свидѣться; докторъ Юнтеръ и Вальердъ поклонялись ей какъ ангелу, который паритъ уже въ небеса.

— Ахъ, какой чудный день! сказала она: если бъ со мною была теперь мать моя или сестра Анна! какъ небо было чисто, безоблачно, какое теплое, живительное солнце! Какъ птицы хорошо расцѣвали свои заунывыя пѣсенки! Воды были такъ прозрачны, что можно было смотрѣться въ нихъ, а трава такъ еще зелена!.... Здравствуйте, докторъ! Теперь я совершенно свободна, то есть, я совершенно покорилась судьбѣ моей, и потому прошу васъ, скажите, мнѣ надо знать, сколько дней еще проживу я

на этомъ свѣтѣ. Вы знаете, какая я умница и послушная; сдѣлайте поскорѣй свой расчетъ и не обманывайте меня!

Сказавъ это, она протянула руку доктору съ тою свободою и скромностью, которыя происходятъ отъ сознанія своего личнаго достоинства.

Докторъ кланяясь взялъ ее за руку.

— Вы были чѣмъ-то взволнованы, любезная моя леди; вѣрно получили опять письмо отъ жестокихъ вашихъ родственниковъ...

Тутъ онъ остановился и поблѣднѣлъ.

— Ну, не унывайте, любезный докторъ; и сосчитайте сколько дней остается мнѣ жить?

Докторъ молчалъ.

— Постоите, я помогу вамъ.... двѣ недѣли?.... Нѣтъ это слишкомъ много.... десять дней?.... недѣлю?.... Да говорите же.... прибавила она съ тою милою улыбкою, которая привлекала всѣ сердца.

— Если вы ужъ непремѣнно требуете отвѣту.... сказалъ наконецъ докторъ, то я думаю.... если какое-нибудь чудо не спасетъ васъ.... то черезъ..... недѣлю миръ потеряетъ лучшее свое украшеніе.

— Такъ черезъ недѣлю.... я прошусь съ вами, друзья мои! Съ меня довольно этого времени; но между-тѣмъ согласитесь что я не могу терять ни минуты. Прощайте, господа! благодарю васъ, докторъ; такъ до завтра, потому что я хочу видѣться съ вами каждый день. Когда Бельфордъ и Юнтеръ вышли, она, подойдя къ мистриссъ Ловикъ, сказала:

— Добрая моя мистриссъ Ловикъ, теперь мнѣ надо устроить дѣла свои. Выньте мои лучшія вещи и позовите какого-нибудь честнаго купца, который далъ бы мнѣ за нихъ хорошую цѣну, потому что говоря откровенно, мнѣ надо довольно большую сумму.

— Понимайте, сударыня, отвѣчала удивленная вдова: зачѣмъ вамъ бросать такія дорогія вещи? У васъ еще много денегъ, и я право не понимаю, к чему вамъ такъ много денегъ, что станете вы съ ними дѣлать?

— А! какая любопытная! Видите ли, любезная Ловикъ, словница правду говоритъ, что *когда начинаешь ѣсть, то аппетитъ самъ собою приходитъ*. Я продала уже много нарядовъ и составила изъ нихъ маленькій капиталъ, а теперь хочу его удвоить. Мнѣ не надо теперь нарядовъ, развѣ только одинъ саванъ: мертвые не наряжаются. Впрочемъ, кто жъ станетъ въ

семействѣ моемъ носить послѣ меня платье. Наконецъ, я хочу купить себѣ.... домъ.... Да, милая Ловикъ, домъ, дворецъ, но последнее убѣжище.... гробъ! Я сама должна объ этомъ позаботиться. Кто же станетъ хлопотать для меня? Вы любите меня, я это знаю, и увѣрена тоже въ неизмѣнной дружбѣ мистриссъ Шмитъ; но забота о похоронахъ моихъ принадлежитъ по праву кому-нибудь изъ моихъ родственниковъ! Но всѣ они покинули меня.... Другъ мой, миссъ Анна Гоу не можетъ помочь мнѣ, она невольна въ своихъ дѣйствіяхъ; если бъ я обратилась къ слугамъ, воспитавшимъ меня.... они тоже не могутъ помочь мнѣ; при мнѣ нѣтъ ни одного изъ нихъ! Кормилица моя таятъ, и, вѣрно, оплакиваетъ теперь свою Клариссу! Да, грустно быть одной въ такую торжественную минуту и хлопотать еще о земномъ! Господи! если бъ теперь была со мною матушка! я бы не умирала въ одиночествѣ, она бы поплакала о своей дочери!

Если бъ жестокій этотъ человѣкъ оставилъ мнѣ еще мою бодрость, присутствіе духа!.... но нѣтъ, я вся взволнована, смущена и боюсь, разумѣется, не смерти, но боюсь, чтобъ мнѣ не забыть чего-нибудь важнаго. Такъ соберемъ какъ можно скорѣе всѣ мои вещи, милая Ловикъ, и обратимъ ихъ въ деньги; а когда мы все это кончимъ, то я попрошу васъ привести мнѣ гробовщика; планъ мой готовъ, и вы увидите, какой я славный архитекторъ. Не плачьте, другъ мой; къ чему эти слезы? развѣ не должны мы каждую минуту думать о своей духовной? Кажется, нѣтъ ничего удивительнаго, что человѣкъ заботится о своемъ послѣднемъ убѣжищѣ? Я не думаю, чтобъ было труднѣе глядѣть на собственную могилу, чѣмъ преклоняться набожно надъ гробомъ тѣхъ, которые ушли прежде насъ изъ здѣшняго міра? Вы вѣдъ знаете, добрая мистрисса Ловикъ, что я очень аккуратна; грустныя эти приготовленія нисколько не ужасаютъ меня; напротивъ, я нахожу въ нихъ какую-то прелесть, потому что это долгъ, обязанность, которую надо исполнить, если бъ даже приготовленія эти служили только къ тому, чтобъ приучить васъ къ мысли о смерти, какъ приучаютъ упрямую лошадь, показывая ей пугающій предметъ, и потому я, право, не вижу причины, лишать себя этого назидательнаго, высокаго поученія, рано или поздно насъ всѣхъ ожидающаго. Такъ сходите же за гробовщикомъ, только пораньше, чтобъ онъ не терялъ ни минуты.

Почти цѣлую ночь миссъ Гарло провела въ заботахъ о похоронахъ, о памятникѣ, о гробѣ, который хотѣла заказать на дру-

гой день и въ которомъ должна была лежать прежде семнадцати лѣтъ. Давно уже она выбрала изъ Библіи нѣкоторыя надписи, которыя должны были ей служить утѣшеніемъ и надеждою. Твердою рукою она сама начертила надгробныя изображенія, которыя прежде хотѣла нарисовать на пергаментѣ, потомъ врыть въ черное дерево и обложить серебромъ.

Нѣтъ, она никогда не была мнѣе и дѣятельнѣе, даже и тогда, когда, сидя подъ тѣнью акацій съ пѣсью на устахъ и иголкой въ рукахъ, она покрывала самыми роскошными изображеніями природы неслушную канву, на которой создавала то цвѣтокъ, то птичку, то вѣтку, полную плодовъ, или голубое небо и прозрачную воду! Надо было посмотреть на нее, какъ она, вся одѣтая въ бѣлое, чертила прозрачною своею рукою рядъ надгробныхъ эмблемъ: лицо ея было спокойное, дыханіе тихо какъ въ то время, когда она сидѣла въ своемъ саду, окруженная своими разноцвѣтными птицами, которыя щебетали у ногъ ея.

Она нарисовала на пергаментѣ свернутую въ кольцо змѣю, эмблему вѣчности; а съ каждой стороны этого вѣнца смерти поставила песочные часы, изъ которыхъ по вернышку сыпался неуловимый песокъ, представляющій человѣческія лѣта; въ вѣнцѣ она написала китайскими чернилами и краснымъ карандашомъ:

КЛАРИССА ГАРЛО.

XVII лѣтъ.

«Тутъ миръ, тутъ успокоеніе, тутъ пріѣзжше. Возвратись туда, душа моя, и проси себѣ награды; тамъ, Господи, избавишь ты душу мою отъ смерти, глаза отъ слезъ, ноги отъ превѣковенія!»

Бѣлая лилія, повѣсивъ голову на утомленномъ своемъ стеблѣ послѣ сильной только что стихнувшей грозы, служила рамою этимъ трогательнымъ словамъ, взятымъ изъ псалтыря: «Жизнь человѣческую можно уподобить полевымъ цвѣтамъ; нѣжный цвѣтокъ не успѣетъ еще распуститься, какъ вѣтеръ поражаетъ и уноситъ его, и даже то мѣсто, гдѣ онъ блисталъ своею красотою, забываетъ о его существованіи.»

Кончивъ рисунки написала нѣсколько приказаній гробовщнику: «Сдѣлать гробъ изъ чернаго дерева съ серебряными лапками, обложить его свинцомъ и обить внутри бѣлымъ стеганнымъ атласомъ; подушку тоже изъ бѣлаго атласу, чтобъ голова напommeала

положеніе тихо заснувшей; гробъ этотъ долженъ заператься на ключъ.»

Она написала на имя мистриссъ Шмитъ и мистриссъ Ловикъ еще нѣкоторыя распоряженія, которыхъ не хотѣла забыть. Въ осемь часовъ утра явился гробовщикъ; она сама отдала ему рисунокъ и заказала гробъ: «Сдѣлайте его на мой ростъ; особа эта я думаю, будетъ съ меня, сказала она гробовщику, не больше и не толще меня; только, сдѣлайте милость, поспѣшите работой!» Между-тѣмъ, поступая съ обыкновенною своею осторожностью, она хотѣла знать, *чего это будетъ стоить?* Похоронный артистъ сдѣлалъ счетъ, Кларисса просмотрѣла его и сказала: «Хорошо!» Кончивъ дѣла свои, она собралась наконецъ отдохнуть и проспала два или три часа тихимъ и приятнымъ сномъ.

Только-что Кларисса проснулась, какъ мадамъ Шмитъ пришла доложить ей, что какой-то джентльменъ, очень приятной наружности, проситъ чести переговорить съ нею.

Она немного испугалась, встала и увидѣла Мордена, который, взявъ ее за руку, сталъ молча всматриваться въ блѣдное лицо, какъ-будто стараясь, но не могъ узнать прекраснаго ребенка, котораго оставилъ, окруженнаго такою поэзіею, такою нѣжностью!

— Ахъ! вскричала она: такъ это вы наконецъ, другъ мой? Какъ я рада видѣть васъ! Какъ вы утѣшили меня, милый Морденъ, что не повѣрили такимъ постыднымъ для меня толкамъ и пріѣхали сами удостовѣриться въ невѣжности кухни вашей Клариссы! Какъ благодарна я вамъ за это! Вы были у нашихъ, и вѣроятно видѣли ихъ? Чтò они дѣлаютъ? здоровы ли они? Какъ здоровье добрыхъ моихъ родителей? Чтò дѣлаютъ дядюшки? а братъ, а сестра, а милая моя Шортонъ? Ахъ! милый братецъ, еслибъ вы знали, какъ я люблю и какъ страдаю отъ нихъ! сказала Кларисса и такъ горько заплакала, что самъ Морденъ съ трудомъ удержался отъ слезъ.

— Бѣдное дитя! бѣдная Кларисса! говорилъ онъ, обнимая ее. Да, да, милая кузина, вотъ уже двѣ недѣли какъ я возвратился изъ чужихъ краевъ и кажется возвратился слишкомъ поздно; но наконецъ я тутъ и весь принадлежу вамъ; надѣйтесь на меня, Кларисса, столько же, даже больше чѣмъ еслибъ я былъ вашимъ братомъ; родные ваши сердятся на васъ; но они не знаютъ что покидаютъ бѣдную дѣвушку, которая стоитъ теперь передо мною. Ну, милая кузина, не плачьте, они простятъ васъ; но прежде всего надо принять предложеніе Ловласа, который такъ передъ вами

виновать. Онъ раскаявается, и умоляетъ васъ о прощеніи! Вы знаете меня, Кларисса? слѣдовательно, можете быть увѣрены, что ни за что въ мірѣ я не сталъ бы уговаривать васъ рѣшиться на какое-нибудь недостойное васъ дѣло.

— Любезный Морденъ, отвѣчала она, позвольте отвѣтить мнѣ въ двухъ словахъ на предложеніе, которое вы мнѣ дѣлаете и которое я уже отвергла какъ недостойное средство къ спасенію моей чести; посмотрите на меня — передъ вами стоитъ мертвая, но мертвая эта хочеть умереть чистою, по-крайней мѣрѣ въ душѣ, въ мысляхъ; она не хочеть соединять съ именемъ предковъ своихъ имени человѣка... Я оставаиваюсь, милый Морденъ, и, пользуясь счастьемъ видѣть васъ, умоляю именемъ нашего родства, именемъ нашего братства, именемъ неизмѣнной, святой нашей дружбы, именемъ обожаемаго нашего дѣдушки, который называлъ васъ своимъ сыномъ, перестанемте говорить объ этомъ человѣкѣ, за котораго мнѣ невозможно выйти! Онъ погубилъ меня и я отъ него умираю.

— Но Ловласъ хочеть загладить свое преступленіе, умоляетъ васъ простить его и рѣшается на все, что только отъ него зависить!

— Да чѣмъ же можетъ онъ загладить вину свою? чѣмъ можетъ удовлетворить меня? какого счастья могу я ожидать отъ человѣка, на котораго не могу теперь глядѣть безъ отвращенія? Онъ раскаявается, говорите вы, и оплакиваетъ свое преступленіе, какъ невозвратную потерю. Хорошо, я вѣрю его раскаянію; но что мнѣ въ этомъ раскаяніи? Чтѣ же касается до руки моей, я не хочу выходить замужъ поневолѣ, длятого только, что онъ принудилъ меня обманомъ къ этому браку; я не хочу тоже носить его опозореннаго имени! Слава Богу! я не дошла еще до такого униженія и, несмотря на мою слабость, у меня хватить еще силъ отвергнуть это предложеніе, отказаться отъ брака, который, если хорошенько разсудить, будетъ ни что иное какъ самый низкій обманъ.

Чтѣ же до васъ касается, Морденъ, то вы можете принять предложеніе этого человѣка, какъ должное и личное для васъ удовлетвореніе; и теперь какъ онъ уже признаетъ свое преступленіе и желаетъ загладить его, то умоляю васъ, Морденъ, не мстите за меня несчастному, о которомъ надо только жалѣть. Прошу, умоляю васъ, полковникъ, не ищите его, не старайтесь съ нимъ видѣться; напротивъ, избѣгайте его встрѣчи, — это моя по-

слѣдняя просьба, послѣднее приказаніе, если могу такъ выразиться; я не хочу, чтобъ вашихъ два необузданныхъ характера столкнулись на моей только-что зарытой могилѣ; чтобъ ваша кровь, или кровь жестокаго моего врага оросила первые кипарисы падъ бранными мопп останками. Когда меня не будетъ — думайте обо мнѣ; во въз уваженія къ моей памяти, не превращайте могилы моей въ поле сраженія.

Есть Богъ на небесахъ, Морденъ, какъ для наказанія, такъ и для награды людей; есть что-то въ глубинѣ души, что говоритъ громче сабельнаго стуку, это — совѣсть, сила, которая побѣждаетъ всѣ преграды. Будьте спокойны на мой счетъ; какъ только я исчезну съ лица земли, правда озаритъ своимъ лучами мою безмолвную могилу, которая будетъ почтена тогда и орошена слезами умиленія и жалости. Вы увидите, что лишь только остынетъ тѣло этой преступной дѣвушки, всѣ станутъ ее уважать, извинять, оплакивать, и даже откроютъ въ ней такія добродѣтели и достоинства, которыхъ у нея никогда не было. Особенно же будетъ отчаяваться и оплакивать меня тотъ, кто былъ причиною моей гибели и смерти. Когда онъ узнаетъ, что Кларисса умерла, то образъ его жертвы будетъ носиться надъ нимъ, прокрадываться въ его сновидѣнія, не покидать его ни днемъ ни ночью и являться во всѣхъ видахъ; каждая черта этого измученнаго, поблекшаго лица будетъ представляться ему въ болѣе трогательной, въ болѣе цвѣтущей красотѣ въ то время, когда она была еще на землѣ; онъ будетъ плакать, и если когда нибудь жалость, горе или умиленіе коснутся черствой, отжившей души его, онъ пожалѣетъ, что разбилъ такое чистое и невинное существо, которое имѣло все право на счастье; да, онъ пожалѣетъ, а отъ жалости къ раскаянію только одинъ шагъ. Пусть же онъ раскаявается, Морденъ; поможемъ спасти его душу, дадимъ ему на это время, пусть онъ живетъ.... Умоляю васъ, не забудьте моей просьбы; вспомните, что я уже стою одною ногою въ гробу, и что вы клянетесь надъ мопп гробомъ исполнить послѣднее завѣщаніе вашей Клариссы, вашего друга!

Полковникъ отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Вы ангелъ, добрая моя кузина, а я простой смертный; вы говорите уже о небѣ, а я стою еще на землѣ и чувствую, что въ душѣ моей кипятъ земныя страсти. Признаюсь, я глядѣлъ на все это съ другой точки зрѣнія; я не думалъ, чтобъ негодяй этотъ покушался на преступленіе; еслибъ я только зналъ,

что вы погибли противъ воли, то клянусь вамъ, что не пришелъ бы предлагать руку вашего убійцы, а пришелъ бы объявить объ его смерти.

Кларисса хотѣла отвѣчать:

— Извините, что я перебиваю васъ, сказалъ Морденъ, но я напередъ знаю, что вы хотите сказать; вы желаете, приказываете, чтобъ я избѣгалъ встрѣчи и шпаги Ловласа, чтобъ я не истигъ ему? Это ваше послѣднее, торжественное завѣщаніе, и потому, желая доказать вамъ мою любовь и уваженіе, я покоряюсь вамъ, и, заглушая чувство ненависти, клянусь вамъ, вамъ самимъ, Клариссѣ Гарло, что я, полковникъ Морденъ, который замѣняетъ вамъ теперь отца, брата, все семейство, я не стану искать встрѣчи съ графомъ Ловласомъ; но въ то же время будьте увѣрены (потому что честный человѣкъ долженъ обѣщать только то, что можетъ исполнить), что я разрѣшаю себя отъ клятвы, которую далъ вамъ, моей сестрѣ, моей дочери, если Робертъ Ловласъ самъ перейдетъ мнѣ дорогу.

Доложили о пріѣздѣ Бельфорда. При этомъ имени полковникъ Морденъ поднялъ голову, глаза его заблестали и всѣ движенія доказывали, что онъ взволнованъ до глубины души.

— Самъ Богъ привелъ его сюда, вскричала Кларисса, обращаясь къ Мордену: съ этой самой минуты начнется ваше испытаніе; я увижу, сдержите ли вы ваше слово, милый Морденъ.

Потомъ, показывая на Бельфорда, прибавила:

— Полковникъ, позвольте представить вамъ моего друга, мистра Бельфорда; мистръ Бельфордъ, рекомендую вамъ двоюроднаго моего брата Мордена. Вы сошлись сюда, друзья мои, чтобъ уладить смерть мою, чтобъ помочь мнѣ перейти изъ одной жизни въ другую; я не прошу васъ, чтобъ вы не медля полюбили другъ друга; этого вельзя и требовать, потому что если я и соединяю васъ крѣпкимъ узломъ дружбы, которую вы оба ко мнѣ чувствуете, зато есть человѣкъ, который разлучаетъ васъ; но не смотря на то, я прошу васъ уважать другъ друга, потому что вы оба заслуживаете уваженія; очень рада, что вы познакомились, любезный Морденъ; я хотѣла вамъ сказать, что выбрала мистра Бельфорда моимъ душеприкащикомъ; разумѣется, что трудъ этотъ доставался на вашу долю, любезный братъ, но мистръ Бельфордъ лучше чѣмъ кто-нибудь можетъ доказать мою невинность и оставитъ преслѣдованія... Онъ будетъ имѣть надъ *нами*... и надъ *вами* (надѣюсь, что изъ любви ко мнѣ вы согласитесь на это, ми-

мый Морденъ) власть, которую вполне заслуживаетъ благороднымъ своимъ характеромъ; и потому я выбрала его исполнителемъ этой грустной обязанности, а онъ былъ такъ добръ и снисходителенъ, что взялъ ее на себя. Дайте же мнѣ слово, вы, мистръ Бельфордъ, и вы, Морденъ, что исполните мою просьбу: это будетъ послѣднимъ утѣшеніемъ, на которое я могу теперь надѣяться.

Бельфордъ былъ взволнованъ, полковникъ Морденъ хранилъ мрачное молчаніе, какъ человекъ, который колеблется отвѣчать.

— Чтобъ понять ваши намѣренія, надо знать величіе души вашей, отвѣчалъ Бельфордъ, и доброту вашего сердца; зато я не колеблюсь отвѣчаю за себя, что употреблю все средства, которые будутъ только отъ меня зависѣть, чтобъ не допустить ихъ до встрѣчи, которой вы такъ боитесь. Въ то же время позвольте мнѣ надѣяться, мистръ Морденъ, что вы поможете мнѣ исполнить послѣднюю волю умирающей праведницы. Не думайте, чтобъ я хотѣлъ оправдывать или извинять поступки графа; увы! я тоже содѣйствовалъ раскаянію, раздирающему теперь его сердце; но между-тѣмъ надо сказать, что ваши жестокіе родные тоже виноваты; надо вспомнить, какъ они оскорбляли несчастнаго этого человека; надо подумать, взять въ соображеніе, что онъ молодой, пылокъ, съ необузданнымъ характеромъ, и что, несмотря на обидное и оскорбительное обхожденіе съ предметомъ любви своей, у него всегда была мысль и надежда все загладить, все спасти женитьбою; ктому жъ, вы сами его влѣли, сами были свидѣтелемъ его истиннаго раскаянія, и слышали, какъ онъ желаетъ исправиться, чтобъ посвятить жизнь свою вашей родственницѣ; позвольте тоже увѣрить васъ, что съ тѣхъ поръ какъ вы удостоили его своимъ посѣщеніемъ, мой несчастный другъ не сдѣлалъ и не сказалъ ничего, что бы заставило усомниться въ его раскаяніи, и чтобъ миссъ Кларисса не простила его за покушеніе, въ которомъ не онъ одинъ былъ виноватъ. Наконецъ, вотъ оскорбленная особа, вотъ жертва, которая говоритъ намъ: «Я прощаю, забываю, простите и вы; я хочу этого, требую; пусть дѣйствуетъ за меня угрызеніе совѣсти и небесное правосудіе!»

Кларисса слѣдовала ободрительнымъ взоромъ за каждымъ движеніемъ, за каждымъ словомъ Бельфорда; когда онъ началъ говорить о родныхъ ея и какъ ужасно они обходились съ своею дочерью, то блѣдное лицо больной вдругъ помертвѣло; но послѣднія слова Бельфорда разогнали это облако.

Мордеъ видимо колебался; но помолчавъ немного, съ отвѣ-
чагъ твердымъ голосомъ:

— Я принимаю союзъ, который предлагаетъ намъ миссъ Кла-
рисса, потому что это ея воля, ея желаніе, и даже объявляю, что
поставлю себѣ за честь, если вы удостоите меня вашимъ уваже-
ніемъ; надѣюсь, вы удостовѣритесь на опытъ, что имѣете дѣло
съ честнымъ человѣкомъ, который понимаетъ преданность и са-
мопожертвованіе. И потому я признаю васъ душеприказчикомъ
миссъ Гарло и объявляю, что выборъ этотъ дѣлаетъ честь вамъ
обоимъ. Да, мистръ Бельфордъ, никто лучше васъ не будетъ
умѣть выполнить послѣдней воли миссъ Клариссы, защитить ее
отъ клеветы людской и понять ея высокія намѣренія. Кузина
моя выбрала васъ; этого одного для меня достаточно, чтобъ
уважать васъ, и потому въ какихъ бы вы ни были обстоятель-
ствахъ, вы можете быть увѣрены, что я всегда буду вашимъ
ревностнымъ помощникомъ. Чтѣ же касается до личнаго моего
достоинства, до оскорбленія нашего дома, нашего имени (но чтѣ
это за оскорбленіе въ сравненіи съ нашимъ горемъ, съ нашею
потерею?), то я отвѣчу вамъ то же самое, чтѣ отвѣтилъ сейчасъ
миссъ Клариссъ: я не буду искать встрѣчи съ графомъ Ловла-
сомъ, напротивъ, буду избѣгать его, если не открою еще како-
го-нибудь новаго преступленія. Такъ вы можете умереть спокой-
но, милая кузина; я не стану тревожить похоронъ вашихъ монни
крикамъ, молмъ мщеніемъ, не стану проливать крови на вашей
могилѣ и нарушать вашего вѣчнаго сна.

Но вы знаете Ловласа, мистръ Бельфордъ, знаете, что онъ
храбръ до ярости, до изступленія, нетерпѣливъ, вспыльчивъ, на-
смѣшливъ, дерзокъ; такъ надо васъ предупредить, что и я тоже
иногда покоряюсь сильнымъ страстямъ, и когда выхожу изъ се-
бя, то ни что въ мірѣ не можетъ остановить меня!

Между-тѣмъ посмотрите на этого умирающаго ребенка, на это
совершенство, на эту прелесть, на чудное это соединеніе всѣхъ
добродѣтелей ума и сердца, на эту мученицу, однимъ сло-
вомъ на все, чтѣ погубилъ, опозорилъ этотъ человѣкъ; тогда
вы поймете, какъ трудно мнѣ простить ему. Она была монни
благомъ, надеждою, жизнью; я любилъ ее, но былъ слишкомъ
старъ для такой молодой дѣвушки, украшенія своего пола, и по-
тому удался, съ намѣреніемъ возвратиться тогда только, когда
она будетъ уже замужемъ, счастливою матерью семейства; тогда
дѣти ея сдѣлались бы монни дѣтьми; у меня была бы тогда цѣль

въ жизни; я уважалъ бы ее и съ восторгомъ преклонялся бы передъ нею вмѣстѣ со всею Англіею.... А теперь!... что будетъ со мною! Посмотрите, что онъ сдѣлалъ изъ милой нашей Клариссы!...

Вы говорите, что родственники обходились съ нею жестоко: это правда! Но потому-то именно злодѣй этотъ долженъ былъ любить ее вдвое больше, заставить ее забыть, что она покинута всѣми. Онъ хотѣлъ попытать ея добродѣтель? но ему стоило только посмотреть на нашу Клариссу, вслушаться сердцемъ въ трогательные звуки ея голоса, и онъ услышалъ бы гимнъ ангеловъ, увидѣлъ бы небо въ этомъ взорѣ, добродѣтель въ этой улыбкѣ! Наконецъ (право, мнѣ кажется, что свѣтъ идетъ на изворотъ), могу ли я знать все, на что покушался этотъ человѣкъ; могу ли сказать, какими ужасными обманами, какими адскими средствами помрачилъ онъ во всей своей прелести этотъ роскошный цвѣтокъ. Да вы сами, вы, которые были такъ близки съ Ловласомъ, достало ли у васъ когда-нибудь смѣлости проникнуть взоромъ въ эту пучину позору и разврату? И наконецъ, если вы были свидѣтелемъ всего этого, неужели вамъ никогда не приходило въ голову, что такіе поступки, такой обманъ и такія хитрости могутъ быть гибельны ихъ низкому изобрѣтателю?

Да что я говорю! развѣ я могу запретить сердцу не сожалѣть о Гарло; вѣдь они мнѣ все же родственники. Я не оправдываю ихъ: они обходились съ Клариссой какъ жестокіе, безчувственные люди, и слѣдовали только влеченію своихъ низкихъ страстей; братъ дѣйствовалъ изъ зависти, сестра изъ ревности, дяди изъ скупости, отецъ изъ тщеславія; но вѣдь люди эти, кажется, ни чѣмъ не были обязаны графу Роберту Ловласу. Они знали его только по слуху, по его безчисленнымъ витригамъ, порокамъ, преступленіямъ, но его остроумію, то есть, по его криво направленному уму, по блеску его презрѣнныхъ качествъ, которыя въ соединеніи всего не стоить и малѣйшей добродѣтели.

Когда графъ познакомился съ нашимъ честнымъ, всѣми уважаемымъ домомъ, въ немъ царствовали миръ, тишина и спокойствіе; но съ появленіемъ недостойнаго вашего друга (извините, мистръ Бельфордъ!) исчезли радость, надежда, однимъ словомъ все, что составляетъ счастье на землѣ.»

Морденъ закрылъ лицо руками и, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Такъ несмотря на преступленіе этого злодѣя, вы прощаете

его, миссъ Гарло, и требуете, чтобъ и я тоже прѣстѣлъ ему; вы хотите, чтобъ я забылъ его и оставилъ въ ножнахъ мою бесполезную шпагу; такъ я долженъ дышать однимъ воздухомъ и жить подъ однимъ и тѣмъ же небомъ съ этимъ злодѣемъ?... О, милая, возлюбленная моя Кларисса! какъ вы жестоки въ своемъ милосердіи! какой страшной жертвы требуете отъ меня! и какое посылаете мнѣ испытаніе!...

Съ этими словами Морденъ бросился къ ногамъ Клариссы, и голосъ его замеръ въ рыданіяхъ.

Мы принуждены здѣсь помѣстить странную, невѣроятную, смѣшную и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающую сцену, которая происходила только за нѣсколько часовъ до развязки этой исторіи.

Три дня спустя послѣ встрѣчи своей съ Морденомъ, миссъ Гарло провела всю ночь очень спокойно, потомъ встала, помолилась Богу и начала приготовляться къ исполненію послѣдняго долга; гробъ былъ уже заказанъ; она ждала его къ вечеру того же дня. Желая воспользоваться этимъ послѣднимъ торжественнымъ днемъ, она хотѣла покончить всѣ житейскія заботы и навѣять умирающею, но еще твердою рукою свои послѣднія думы и желанія. Съ-тѣхъ-поръ какъ Кларисса покинула родительскій домъ, никогда еще она не была такъ спокойна и такъ увѣрена въ скоромъ своемъ примиреніи съ родными; она твердо уповала на милосердіе Божіе и называла эти сладостныя минуты умиленія и надежды истинно божественными часами; она чувствовала, какъ небесный свѣтъ озаряетъ ее свыше, и почти безъ сожалѣнія разставалась съ этимъ міромъ или, скорѣе, съ пучиною, изъ которой хотѣла скорѣе вырваться.

Наканунѣ она строго наказала Шмиту, женѣ его, мистриссъ Ловикъ и Бельфорду, чтобъ ни подъ какимъ видомъ ее не беспокоили и дали заняться спокойно такимъ важнымъ предметомъ. Мордена не было; онъ уѣхалъ въ замокъ Гарло, чтобъ взять изъ неумолимаго этого семейства какую нибудь сострадательную душу, которая согласилась бы принять послѣднее дыханье этого ангела. Дверь въ комнату ея была заперта; блѣдный свѣтъ освѣщаль маленькую гостиную, выходившую окнами на улицу. Окончивъ свой утренній туалетъ и помолясь Богу, Кларисса написала слѣдующую духовную:

«Я почти еще ребенокъ, находящійся подъ опекою своего отца, но я умираю и прошу батюшку позволенія распорядиться по собственной волѣ и по совѣсти состояніемъ, оставленнымъ мнѣ дѣдушкою.

«Я, несчастная Кларисса Гарло, которая, по стеченію обстоятельствъ, лежу теперь на коventъ-гарденскомъ кладбищѣ, въ церкви Святаго Павла, написала собственной рукою это духовное завѣщаніе.

«Душа моя принадлежитъ Богу, а тѣло.... О, батюшка! выслушайте мою послѣднюю мольбу, позвольте вашей дочерп, вашему послѣднему ребенку возвратиться на родину, позвольте поставить гробъ мой въ нашемъ фамильномъ склепѣ; поставьте меня въ ногахъ дѣдушки, которому не долго пришлось ждать возлюбленной своей Клариссы; если же вы откажете мнѣ въ этой чести, то прошу похоронить меня въ томъ приходѣ, гдѣ умру; я не хочу пышныхъ, а только приличныхъ похоронъ; к чему столько факеловъ для угасшихъ очей, к чему этотъ колокольный звонъ для ушей, зажатыхъ смертью?... Похороните меня ночью, безъ другихъ провожатыхъ кромѣ мистриссъ Шмитъ и Ловикъ, которыя, надѣюсь, не откажутся проводить меня до новаго моего жилища. Благодарю ихъ за гостепріимную ихъ дружбу.

«Оставляю уважаемому моему батюшкѣ, мистру Джаку Гарло, всѣ земли и помѣстья оставленные мнѣ по завѣщанію дѣдушкой; сначала я хотѣла предложить ихъ брату Джемзу и сестрѣ Арабеллѣ, но послѣ раздумала, предполагая, что имъ пріятнѣе будетъ получить отъ батюшки чѣмъ отъ меня. Въ замкѣ, называемомъ *фермою*, въ пріютѣ лучшихъ дней моихъ, въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, гдѣ я была царицей, повелительницей, находится нѣсколько драгоценныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ и большой сундукъ съ массивнымъ серебромъ, временъ королевы Елизаветы: прошу дядю моего Юлія Гарло, который нѣсколько разъ изъявлялъ при мнѣ желаніе дополнить этими прекрасными произведеніями свою картинную галерею, принять всю коллекцію этихъ картинъ; онѣ будутъ напоминать ему ту дочь племянницу, которую онъ, бывало, такъ любилъ; что же касается до серебра, я осмѣлюсь предложить его дядѣ моему Антонию Гарло, которому оно нравилось не по цѣнности его, а по красотѣ формъ и работы, какъ художественное произведеніе, напоминающее великолѣпіе и пышность старинныхъ временъ нашей исторіи.

« Деньги, доходы съ помѣстьевъ и дома оставляю особамъ, которыя любили меня. Прошу батюшку позволить мнѣ заплатить такимъ образомъ долгъ благодарности, любви и дружбы.

« Другу дѣтства, второй моей матери, мистриссъ Юдионъ Нортонъ оставляю шесть сотъ фунтовъ стерлинговъ. Это очень мало за столько ласкъ и попеченій, за столько неприяностей и горя, перенесеннаго изъ дружбы и преданности ко мнѣ.

« Мистриссъ Доротеѣ Гервей, единственной сестрѣ возлюбленной моей матери, оставляю (съ позволенія батюшки) домикъ съ садомъ, примыкающимъ къ моему парку: добрая тетушка придетъ иногда туда погрузить, поплакать о своей несчастной племянницѣ.

« Хорошенькой кузинѣ моей, Долли Гервей, которая такъ плакала передъ моимъ роковымъ отъѣздомъ, какъ-будто предчувствовала все мое горе, оставляю мои брюссельскія кружева, юбку и платье шитое серебромъ моими собственными руками; клавишъ, арфу, органъ, что стоитъ въ моемъ кабинетѣ, и всѣ ноты подаренныя мнѣ старикомъ Пурселемъ, моимъ учителемъ музыки. Когда будешь выходить за мужъ за какого-нибудь честнаго человѣка, то въ день свадьбы твоей, милая малютка Долли, помолись за меня Богу!

« Мистру Мордену, моему опекуну, брату, другу, оставляю любимыхъ моихъ авторовъ Шекспира и Мильтона, вѣрныхъ и неизмѣнныхъ друзей моихъ; я увѣрена, Морденъ, что вы примете это слабое доказательство моей безграничной къ вамъ благодарности и преданности. Вы найдете у меня въ кабинетѣ маленькій медальонъ, на которомъ увидите изображеніе, довольно похожее на кухню вашу Клариссу; возьмите его себѣ, добрый другъ; это подарокъ вашего отца, онъ привезъ мнѣ эту старинную камею изъ Рима:—Посмотри, сказалъ онъ мнѣ, какъ можно изъ далека походить другъ на друга: семь-сотъ лѣтъ тому назадъ миссъ Клариссу Гарло звали Октавіей! Милый дядюшка! какъ онъ былъ ласковъ, добръ ко мнѣ! Медальонъ этотъ будетъ вамъ двойнѣ дорогъ, несравненный другъ!

« Мистриссъ Гоу, матери моеѣ Анны, оставляю брилліантовую булавку, которая понравилась ей въ день моего отъѣзду, когда я прощалась съ нею, чтобъ больше не свидѣться. Я дарюла ей тогда эту булавку:

«— Еще рано, милое дитя, а когда вы будете выходить за мужъ, то я надѣну эту булавку на вашу свадьбу! — Надѣюсь, что мнѣ

стрессъ Гоу удостоить принять отъ невесты смерти эту слабую дань благодарности.

«А ты, возлюбленная моя Анна, добрая, вѣжная моя подруга, сестра сердца, мой примѣръ, утѣшеніе, радость.... ты такъ высоко цѣнила, понимала дружбу, что перешла за ея предѣлы! Ты любила меня въ счастіи, поддерживала, не покидала въ горѣ, ты вѣровала въ меня, возвышенная душа, благородное сердце, твердая воля, ты, жизнь моя!

«Я дарю тебѣ.... да что могу я подарить тебѣ? все что принадлежитъ мнѣ принадлежитъ и тебѣ!... Возьми мой портретъ нарисованный во весь ростъ знаменитымъ Генсборукомъ, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ; онъ былъ уже тогда великинъ, но еще неизвестнымъ и бѣднымъ художникомъ. Ахъ, какой это былъ чудный день! Это было въ іюлѣ, мы сидѣли въ саду, съ дѣдушкой, подъ тѣнью развѣсистыхъ липъ; птички пѣли, воды журчали въ ручейкѣ и безчисленные звуки природы наполнили мою восхищенную душу. Почтенный старичекъ, сидя подлѣ живописца, казался хотѣлъ убѣдить его въ красотѣ своей внучки; живописецъ говорилъ дѣдушкѣ: «Если вы хотите, чтобы этотъ портретъ походилъ на тотъ, который врезался въ сердце ваше, то я отказываюсь.» Ты тоже была съ нами, милая моя Анна, прыгала, рѣзвилась и смѣялась надъ моею поэмою; ты бѣгала кругомъ меня, смѣялась и говорила что принудишь меня повернуть голову! Добрая моя мамаша (вы тоже сидѣли тутъ, моя вѣжная, возлюбленная, божественная, ангелъ мамаша!) бранила тебя, а живописецъ показывая на тебя кончиномъ кисти, обмоченной въ голубую лазурную краску, говорилъ: — *Чтобы портретъ этотъ удался, ихъ надо нарисовать вмѣстѣ.*

«Счастливые дни! Когда портретъ этотъ былъ конченъ, на него сдѣлали великолѣпную раму и повѣсили съ большою церемоніею на почетномъ мѣстѣ, въ пріемной залѣ замка Гармо.... Дарю тебѣ этотъ портретъ Клариссы ребенка; прими его, милая Анна, будь его прибѣжищемъ! Но увы! ты ужъ не найдешь его на прежнемъ мѣстѣ; онъ стоитъ на чердакѣ, подъ крышею, между старою мебелью и разнымъ хламомъ, лицомъ къ стѣнѣ, обвитый паутиной какъ саваномъ.... Портретъ этотъ изгнали какъ и оригиналъ его! Возьми его къ себѣ, душа моя, повѣсь въ свою комнату.

«Ты увидишь на моей шеѣ медальонъ.... на одной сторонѣ этого медальона, сосѣдъ нашъ Азіасъ Гумфри изобразилъ чудную

красоту твою, чистую и бѣлую какъ лилія; а на другой, подъ стекломъ, лежать твои прекрасныя каштановыя волосы.... Я хотѣла унести все это въ могилу.... Дарю этотъ медальонъ моему другу.... твоему будущему мужу, Чарльзу Гикмену. Счастлива! благодаря Бога что нашла такое благородное, вѣрное и вѣрное сердце!

«Прошу леди Лоренсъ взять себѣ мой большой розовый брилліантъ; а миссъ Шарлотъ Монтегю дарю мое маленькое жемчужное ожерелье.

«Почтенному доктору Лунну оставляю мою Библию; святая эта книга не покидала меня, поддерживала и утѣшала въ различныхъ моихъ несчастіяхъ; пусть подарокъ этотъ будетъ слабымъ доказательствомъ моего глубокаго и истиннаго къ вамъ уваженія. Мыслите за меня, почтенный мой наставникъ!

«Благосклоннымъ, добрымъ моимъ друзьямъ, мистръ Шмитъ и Ловикъ, которыхъ я встрѣтила на террасѣ и колодезь пути своемъ, и которыхъ стоятъ теперь у моего изголовья, ухаживаютъ за мною, берегутъ меня, и, вѣроятно, закроютъ глаза мои, оставляю бѣлье и кружева: пусть онѣ раздѣляютъ все это и возьмутъ себѣ по кольцу въ двадцать тиней каждое.

«Прошу мистра Шмита принять отъ меня на память часы въ десять гиней.

«Прошу мистра Бельорда, моего душеприкащика, жороменью награждать здѣшнюю служанку и сидѣлку, которая ходитъ теперь за мною.

«Мистру Юнтору, лучшему человеку въ мірѣ, который заботился обо мнѣ какъ-будто бѣ я была дочь его, оставляю перлютурное мое бюро, со всѣми изящными приборомъ изъ италіанской мозаики; я увѣрена что эта память о немъ тронетъ его. Ему скажутъ: Тутъ писала миссъ Гарло; всѣ эти вещи принадлежали ей! и онъ будетъ радъ имъ.

«Бѣдными моимъ.... не надо забывать моихъ бѣдныхъ! развѣ они виноваты что благодѣтельница ихъ предала? Мадамъ Нортонъ знаетъ мою волю, она давно уже была моею повѣренною въ этихъ дѣлахъ, и знаетъ всѣхъ сиротъ и стариковъ, которыхъ я помогала; прошу ее позаботиться о нихъ, пристроить сиротъ, дать имъ какое-нибудь ремесло; а старикамъ кусокъ хлѣба, пристанище и наконецъ клочекъ земли на кладбищѣ; я не имѣю болѣе права брать кого-нибудь подъ свое покровительство, но не должна покидать тѣхъ, которыхъ взяла уже на свою ответствен-

ность; я не хочу разбивать ихъ надеждъ, основанныхъ на моей набожности, на моемъ милосердіи, на моей молодости.

«На счетъ всего остального, полагаюсь на моего душеприкащика мистра Бельфорда Эгвортскаго, что въ графствѣ Мидлсексѣ. Во первыхъ я выбрала его потому, что онъ одинъ только могъ помочь мнѣ, а потомъ когда узнала его покороче, то душевно радуюсь моимъ распоряженіямъ. Благодарю его за все, за все, и прошу принять въ знакъ благодарности прекрасную голову Гольбейна, которая виситъ въ моей гостиной. Говорятъ, что это портретъ несчастной леди Джени Грей; смерть ея была счастливейшею моею. Палачъ со слезами на глазахъ казнилъ ее.

«Во всемъ этомъ мистръ Бельфордъ долженъ соображаться съ волею отца моего, покоряться малѣйшимъ его желаніямъ и помнить, что духовную эту писала послушная, покорная и кающаяся дочь его. Если же мистръ Бельфордъ будетъ въ чемъ нибудь сомнѣваться, то можетъ обратиться прямо къ справедливости и честности мистра Мордена; онъ разрѣшитъ его сомнѣнія.

«О возлюбленная, обожаемая моя мамаша! вами, вашимъ священнымъ именемъ на устахъ, вашимъ милымъ образомъ въ сердцѣ, я хочу кончить эту духовную! Посмотрите, я плачу! и встала на колѣни чтобъ писать вамъ! Цѣлую прекрасныя ваши ручки, и прошу со слезами, простите меня! простите мнѣ все горе, которое я вамъ причинила. Я такъ раскаиваюсь! Да услышитъ милосердый Богъ мою молитву! да испошлетъ на васъ всѣ земныя и небесныя свои блага и да соединитъ насъ въ будущей жизни! Тогда, матушка, вы простите, вашу Кларочку; я твердо убѣждена что вы увидите меня въ небѣ одесную Создателя, Бога милосердія, прощенья и любви. О! матушка благословите еще разъ дочь вашу, которая со слезами и раскаченіемъ повергается къ ногамъ вашимъ! Не плачьте обо мнѣ, матушка, но благодарите Бога, что я избавляюсь наконецъ отъ страданій, и отъ тяжкихъ испытаній отравляющихъ жизнь мою. Ахъ! еслибъ вы были теперь со мною! еслибъ я видѣла милое лицо ваше, склоненное надъ моимъ смертнымъ ложемъ! еслибъ чувствовала на блѣдномъ челѣ моемъ, вмѣстѣ съ вашими слезами, (я знаю, вы плачете обо мнѣ, матушка,) двойное благословеніе отца и матери, и слышала бъ надъ собой родные голоса ваши, которые сказали бы мнѣ: *Прощай, дитя мое!* мнѣ вѣрно бъ показалось тогда, что сонмы безсмертныхъ ангеловъ уносятъ уже меня въ обитель вѣчнаго мира и тишины.

«Вы тоже, дядюшки, простите меня, протяните мнѣ руку примиренія; вѣдь и вы тоже называли меня дочерью! Радуйтесь! гроза сломала меня, но я падаю невинною, чистою. Я сдѣлала большой проступокъ, но простите меня, я была такъ счастлива! Уны! я виновата тѣмъ, что слишкомъ понадеялась на свои силы, слишкомъ была увѣрена въ общемъ уваженіи, и кончила тѣмъ, что была наказана за свою гордость! Но Богъ свидѣтель, что я жестоко искупила свою самонадѣянность; и еслибъ вы знали какъ подъ конецъ моихъ страданій я была слаба, утомлена борьбой, какъ трудно было переносить мнѣ одиночество, и въ какомъ я была отчаяніи! еслибъ вы видѣли все это, милые дядюшки, то вѣрно бъ простили меня, сжалясь бы надъ вашей Клариссою.

«И ты, братъ, вѣрно, снова обратишься ко мнѣ, когда привезуть гробъ мой, въ который я должна лечь прежде времени; братскія чувства снова заговорятъ въ душѣ твоей; ты, вѣрно, поймешь тогда борьбу мою и силу, съ которою я защищалась! Ты увидишь какъ необходимо семейное согласіе! какъ сладко понимать и утѣшать другъ друга! какъ часто одно ласковое слово, одна ободрительная улыбка, одинъ благородный порывъ сердца спасаютъ счастье цѣлой жизни! Но, прощай, я умираю, рука моя костенѣетъ, помутнѣвшійся взоръ съ трудомъ слѣдуетъ за строками, которыя я начала писать съ надеждою въ сердцѣ и кончаю въ сомнѣніи. Такъ прощай, Джемсъ, открой объятія сестрѣ твоей и поцѣлуй ее въ послѣдній разъ!

«И ты тоже, поцѣлуй меня, сестра моя, милая Белла, теперь ты можешь пожалѣть обо мнѣ, я болѣе не опасна! Вспомни, что на этотъ разъ я въ самомъ дѣлѣ умираю. Да, мы должны съ тобою разстаться, если не на всегда, такъ по крайней мѣрѣ на долго, бѣдная моя Белла, но во время этого долгаго изгнанія не сердись, не досаждай на сестру твою; будь добра и снисходительна, и прости, что я ошозорила тебя и все семейство. Мое раскаяніе, молитвы, милосердіе Божіе, мои несчастія, честность всѣй жизни и наконецъ жестокая смерть моя, все это можетъ искупить невольное мое преступленіе!»

«Прощайте, прощайте, всё, кого я такъ любила! Обнимаю васъ всѣхъ въ послѣдній разъ.... прощайте!...»

Кларисса, написавъ эту духовную, хотѣла встать, но тяжкій трудъ до того утомилъ ее, что она принуждена была снова сѣсть; она пробѣгала грустнымъ взоромъ это торжественное прощанье съ молодостью, съ надеждами, съ блескомъ, съ состо-

яниемъ, съ жизнью, какъ вдругъ внезапный ступень колесо потрясъ мостовую, раздавался по всей улицѣ; измученные кони оставились передъ ланкою мистриссъ Шмитъ, и перепавъ выпалъ изъ рукъ Клариссы; ей не надо было подходить къ окну, чтобъ знать кто прѣхалъ съ такимъ шумомъ и трескомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ онъ, это былъ Ловластъ! напрасно старался онъ покориться приказу, удаленному его отъ умирающей Клариссы; усилія эти были бесполезны, потерянны и горе взяли верхъ даже надъ самой боязней ускорить конецъ этой трагедіи; и повинувшись только вліянію своего упрямнаго характера, онъ прѣлетѣлъ въ великолѣпномъ экипажѣ, разодѣтый такъ пышно, какъ будто его ждала прекрасная невѣста, готовая идти съ нимъ къ вѣнцу. На немъ было богатое, модное платье, обшитое самыми дорогими кружевами; въ такомъ видѣ онъ походилъ на молодого, роскошнаго и влюбленнаго принца; явленіе его въ этомъ маленькомъ домикѣ произвело какъ будто какое затѣніе. Съ перваго взгляду Шмитъ и жена его узнали блестящаго герцога, одно имя котораго заставляло блѣднѣть и дрожать бѣдную страданницу; они поняли всю угрожающую ей опасность.

— Здравствуйте! вскричалъ Ловластъ, входя въ комнату: дорого ли будетъ стоять узнать тайну вашего разговору? Потомъ не дожидаясь отвѣту, и какъ будто онъ былъ хозяинъ дома, продолжалъ: — «Не безпокойтесь, я иду къ миссъ Гарло,» и хотѣлъ уже идти далѣе, какъ Шмитъ, который въ это время успѣлъ уже оправиться отъ перваго испугу, отвѣчалъ: «Миссъ Гарло дома нѣтъ, и я думаю, что она вернется сегодня очень поздно.»

— Дома нѣтъ? что за вздоръ? развѣ она выѣзжаетъ? развѣ она можетъ выѣзжать? Этого не можетъ-быть, потому что она ожидаетъ меня, и я иду....

— Да помилуйте, милордъ, если самъ Джонъ увѣрнетъ насъ, что она нѣтъ дома, то мнѣ кажется, вы можете ему повѣрить на слово, сказала мистриссъ Шмитъ.

— Что это за Джонъ? какой Джонъ? спросилъ графъ: позвольте вамъ сказать, любезный Джонъ, что вы сами не знаете, что говорите. Узнайте прежде, въ чемъ дѣло, а послѣ ужъ отвѣчайте; я растолкую вамъ, а вы постарайтесь понять меня: я прѣхалъ сюда навѣстить одну больную даму, которая, какъ увѣряютъ, очень трудна; но если она нельзя видѣть, то потрудитесь по-крайней-мѣрѣ вызвать ея горничную; мнѣ надо переговорить съ нею, мистръ Джонъ.

— У нея нѣтъ горячичной, милордъ, а только одна снѣлка, которая ушла вмѣстѣ съ нею, потому что дама эта въ самомъ дѣлѣ очень больна.

— Въ такомъ случаѣ, отъ души жалѣю, что долженъ обезпечить васъ, любезный другъ, но я хочу удостовѣриться собственными глазами, правду ли вы мнѣ сказали.

Съ этими словами онъ вбѣгаетъ на лѣстницу, останавливается у дверей полумертвой Клариссы, стучитъ, но потихоньку, и говоритъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Отворите, умоляю васъ, любезная Кларисса! это я! удостойте меня только минутнаго свиданія; мнѣ надо вамъ сказать только два слова, бросьтесь къ ногамъ вашимъ и объявить, что все готово къ нашей свадьбѣ, не достааетъ только васъ однихъ, Кларисса!... Сказавъ это, онъ приложилъ ухо къ дверямъ и црптая дыханіе сталъ вслушиваться, но неподвижная дѣвушка сама не смѣла дышать. Въ комнатѣ было тихо какъ въ могилѣ. Только одна эта тишина заставила его думать, что Клариссы тутъ не было; но Ловласъ былъ не изъ тѣхъ, которые всему легко вѣрятъ; онъ не потерялъ бодрости духа, и, подождавъ еще десять минутъ, прибавилъ:

— Перестаньте мучить меня, милая Кларисса, вы тутъ, я васъ вижу, слышу, вижу какъ дрожитъ бахрама вашей мантии!

Не смотря на такой убѣдительный зовъ, Кларисса была недвижима, хотя холодная брось пробѣжала по ея тѣлу.

— Нѣчего дѣлать! сказалъ онъ возвышая голосъ: вѣрво ея здѣсь нѣтъ; но сдѣлай милость, пріятель Джонъ, покажи мнѣ другія комнаты, я хочу осмотрѣть весь домъ!

И въ самомъ дѣлѣ онъ обѣгалъ всѣ этажи, осмотрѣлъ всѣ комнаты, какъ бѣшеный стучалъ въ двери, которыя были заперты, бранилъ бѣднаго Джона и жену его, которые ссылались на свои права англійскихъ гражданъ! Наконецъ Джонъ вышелъ изъ терпѣнія и сталъ кричать:

— Джозефъ! Джозефъ! скорѣй! сюда!

Тотчасъ послѣ этого возгласа, съ верхняго этажа сбѣжалъ огромный, толстый, широкоплечій дѣтина, съ гигантскими ногами, бычачьими кулаками и львиной гривой; настоящій сызъ и наследникъ Джона Буля; готовый мычать и въ веселомъ и въ грустномъ расположеніи духа, пламенный въ дружбѣ, яростный въ ненависти; влюбленный, онъ готовъ повѣситься изъ любви; и если кому преданъ, то берегись ножа его; изъ угожденія къ другу

онъ зарѣжетъ тебя какъ быка! Джозефъ былъ преданъ и мужу и женѣ; услыхавъ голосъ Шмита, онъ свалился какъ глыба сѣнгу и закричалъ басистымъ своимъ голосомъ:

— Что такое? что такое?

— А вотъ что, мистръ Джозефъ, сказалъ графъ. Мистръ Джонъ, вотъ этотъ самый, бился со мною объ закладъ, что не можетъ быть, чтобъ одна молодая дама, которую я нищу и не нахожу, могла спрятаться въ собачью конурку, въ которой вы живете; разумѣется, я не повѣрилъ вашему хозяину и потому онъ позвалъ васъ рѣшить это недоумѣнье!... Ухъ! какой ты грязный!... Знай любезный, что наша жизнь для человѣка мыслящаго не что иное какъ комедія, а для чувствительнаго человѣка — драма или трагедія. Во всякомъ случаѣ, поди умой себѣ лицо и руки, и пропусти меня, трагическій Джозефъ, а не то я столкну тебя кулакомъ съ этой красивой лѣстницы!

Къ великой досадѣ мистра Джона, резервный корпусъ его сталъ отступать, униженно прижался къ стѣнкѣ и оробѣлъ передъ этимъ молодымъ и прекраснымъ вельможею, котораго принялъ за самого короля.

— Ахъ! вскричалъ Ловласъ сбѣгая съ лѣстницы, какъ будетъ досадовать эта дама, что не могла меня принять!

— Не думаю, милордъ, отвѣчала мистриссъ Шмитъ, которая была поситѣе Джозефа.

— А почему жъ, осмѣлюсь васъ спросить, вы этого не думаете, мистриссъ Шмитъ? Судя по словамъ вашимъ, можно подумать, что мы съ вами старинные друзья.

— Хоть я и не другъ вашъ, а знаю васъ, слава Богу! счастье еще, что на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ двоихъ подобныхъ людей; кто васъ не знаетъ? вы графъ Робертъ Ловласъ.

— Угадали! именно такъ, любезная мистриссъ Шмитъ, это я, я самъ, и я вижу по вашему лицу, что вамъ гораздо пріятнѣе принимать у себя стариннаго дворянина чѣмъ молодаго кавалера. Ну да, что объ этомъ говорить; скажите мнѣ лучше да, и я васъ, поцѣлую въ обѣ щеки, неправда ли она здѣсь, и просила васъ чтобъ вы не допускали меня до ея священной особы? Она бонт-ся меня, признайтесь! Да если вамъ говорятъ что я пріѣхалъ на ней жениться! неужели вы и этому не вѣрите?... Говорятъ, что довѣрчивость добродѣтель благородныхъ сердецъ, и потому, на всякой случай, я вамъ дамъ задатокъ. Сказавъ это онъ схватилъ ее за талию и поцѣловалъ.

Услышавъ звонкій и громогласный поцѣлуй, ученикъ покраснѣлъ, и хозяинъ пришелъ наконецъ въ негодование. Однимъ взглядомъ Ловласъ разлучилъ друзей.

— Джонъ, сказалъ онъ обращаясь къ Шмиту, что хочешь ты сказать Джозефу? Знайте, господа, что вѣжливость запрещаетъ говорить шопотомъ, когда тутъ есть третье лицо; это очень неучтиво.

— Джонъ! что за короткость! сказала красяся мистриссъ Шмитъ.

— А! вы сами немного виноваты, любезная мистриссъ Шмитъ, кто первый изъ насъ назвалъ вотъ этого господина Джономъ, просто за просто, не прибавя даже мистръ Джонъ? это вы, сударыня, вы сами, и вы видите теперь какъ дѣйствуютъ на насъ дурные примѣры; такъ примите же этотъ маленькій совѣтъ, который я даю вамъ даромъ. Когда жена говоритъ неуважительно съ мужемъ, то заставляетъ и постороннихъ неуважать его.

— Перестаньте, милордъ; надъ нами ничего шутить, сказалъ Шмитъ; желательно было бы, еслибъ всѣ лондонскіе мужья жили такъ хорошо съ своими женами какъ я съ мистриссъ Шмитъ.

— Кому ты это рассказываешь? кому ты это говоришь, достопочтенный Джонъ? Держу однако закладъ... на твою голову хорошенькіе глазки жены твоей, что у васъ нѣтъ еще дѣтей.

— А почему вы это думаете, милордъ? спросилъ мужъ.

— Я не думаю, а увѣренъ, потому что еслибъ у жены твоей былъ такой прекрасный, какъ ты, ребенокъ, она не стала бы называть тебя Джономъ, а называла бы мистромъ Шмитомъ!

— Какой вы шутникъ, милордъ, сказала жена перчаточника.

— Ахъ! сударыня, не надо судить по наружности, часто бываетъ, что смѣешься, шутишь, а на сердцахъ совсѣмъ другое; съ нѣкотораго времени я испытываю столько горя, что у меня нѣтъ силъ прогнать мою веселость.... Да когдажъ осмотримъ мы домъ вашъ? Куда намъ итти? какъ вы думаете? на верхъ?

— Куда идти угодно, милордъ!

— Благодарю, любезная мадамъ Шмитъ; если вы позволите мнѣ итти, куда угодно, то я не пойду на верхъ, потому что еслибъ сорока въ самомъ дѣлѣ сидѣла въ гдѣздѣ вашемъ.... я знаю вашу ко мнѣ благосклонность.... вы бы не были тогда такънисходительны. Такъ будетъ съ меня, а не иду дальѣ. Онъ сошелъ съ лѣстницы, снова останавливаясь въ каждомъ этажѣ. У дверей Клариссы, онъ простоялъ по крайней мѣрѣ съ

четверть часа; что-то шептало ему.... *что она там!* Наконецъ онъ собрался съ духомъ и на этотъ разъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ въ визъ; войдя въ лавку, онъ обратился къ мистриссъ Шмитъ и сказалъ:

— Не мучьте же меня, добрая мистриссъ Шмитъ, я не шутя спрашиваю васъ, гдѣ она? скажите мнѣ ради Бога!

Честные люди молчали, имъ вѣчего было отвѣчать.

— Впрочемъ, рано или поздно, а она должна же будетъ вернуться домой, и потому, съ вашего позволенія, мистръ и мистриссъ Шмитъ, я остаюсь здѣсь, пока она не придетъ. У васъ тутъ премилю; я преспокойно могу видѣть всю публику, видѣть какъ мимо этихъ маленькыхъ окошечекъ проходитъ вся щеголеватая молодежь, чтобъ полюбоваться вскользь красотою мистриссъ Джонъ; надѣюсь, любезные друзья, вы дадите маленькое мѣстечко за вашимъ столомъ джентльмену, который считаетъ себя вашимъ другомъ; только не хлопчите, не церемоньтесь, мы ставемъ обѣдать за просто какъ короткіе друзья или близкіе сосѣди.

Что же касается до постели, то я могу спать гдѣ вамъ угодно! даже въ случаѣ нужды вы можете положить меня вотъ въ эти часы; они такъ велики, что трое такихъ какъ я въ нихъ легко улягутся, а какъ время для насъ, капиталстовъ, настоящій капиталъ, то я не хочу тратить его даромъ, — употреблю на мелочныя покупки.

Во первыхъ, мнѣ надо.... дюжину кусковъ мыла: хорошо! Дайте мнѣ теперь пудры.... розовой для утра, присовой для вечера: очень хорошо! Вѣроятно у васъ тоже есть шелковые чулки; и если только они не сшиты по ногѣ моего друга Джона, то я беру у васъ четыре или пять дюжицъ, съ полдюжиною паръ подвязокъ. Ахъ! мистръ Джонъ, какой хорошенькій орденъ, орденъ подвязки! что еслибъ, пока я говорю съ вами, съ поги жены вашей упала ея подвязка, которую, право кажется, подвязала сама леди Садисбюри! тогдабъ и мнѣ захотѣлось быть рыцаремъ этого ордена. Вы продаете тоже и перчатки, это очень кстати, потому что я звываю въ день четыре, а иногда и пять паръ: замшевыя для верховой ѣзды, кастровыя для утра, шведскія для визитовъ; цвѣтныя для города, съ золотыми бахрамами для вечера. Какую чудесную практику вы будете имѣть въ моей особѣ, неблагодарная чета! Вѣдь я первый ввелъ въ честь это благословляемое перчаточникамъ правило, которое вы пишете золотыми литерами на вашихъ выѣскахъ: «Кто надѣваетъ два раза одиѣ и тѣ же перчатки, тотъ не человекъ, а безвкусица.»

«Испустивши нечестъ аву лавку, Ловласъ посмотрѣлъ на мистриссъ Шмитъ и сказалъ:—Вы занимаетесь премилымъ ремесломъ; мистриссъ Шмитъ; сажаете покушничковъ вашихъ на соломенные стулья, а сами разваливаетесь въ преспокойныхъ креслахъ. Да это настоящій трюкъ; позвольте-ка мнѣ сѣсть на минуту, только не подѣй васъ,—вамъ обиднъ тутъ не будетъ мѣста,—а въ самые кресла; если кто прійдетъ изъ вашихъ покушничковъ, будьте уверены, что я приму ихъ какъ слѣдуетъ.

Нечего было дѣлать, добрая мистриссъ Шмитъ должна была уступить нѣчто этому разбойнику.

Только что онъ сѣлъ за конторку, какъ входитъ дѣвушка довольно дурная собою и проентъ табакъ на два су.

— Это для чего? спрашиваетъ Ловласъ, пресеріозно дѣлаетъ бумажный фунтикъ, насынаетъ въ него табакъ и подавая дѣвухкѣ говорить:

— Вотъ тебѣ табакъ для твоего картофельнаго носу: нюхай себѣ на здоровье.

Дѣвушка выходитъ ворча сквозь зубы.

Ловласъ зналъ разнаго роду дурачества и при случаѣ умѣлъ ими пользоваться.

Положивъ деньги въ карманъ, онъ зашѣлъ какую-то французскую шѣсю, какъ въ ту самую минуту на порогѣ лавки остановилась прехорошенькая дама, съ томными глазами, маленькою ножкою, прекраснымъ свѣжимъ ротикомъ, бѣлыми зубами; брюнетка съ живымъ цвѣтомъ лица, однимъ словомъ веселая Психея.

— Есть у васъ?... сказала дама, и увидѣвъ Ловласа остановилась и хотѣла идти назадъ; но онъ взялъ ее за руку, ввелъ въ лавку и сталъ показывать товары, говорилъ: сдѣлайте милость, сударыня, не лишайте насъ вашего довѣрія, что вамъ угодно? вамъ все покажутъ; у насъ есть ленты, шурки, иголки, булавки, испанскій табакъ, брюсельскія, англійскія кружева; есть то же и глаза.... прибавилъ онъ наклонившись къ ней на ухо, чтобъ находить васъ прелестью, голосъ чтобъ передать вамъ это, и сердце чтобъ полюбить васъ. Ввѣрьтесь мнѣ, я умѣю угождать, быть любезнымъ, постояннымъ; а чтобъ увѣрить васъ въ этомъ (онъ снялъ съ руки кольцо), позвольте мнѣ надѣть вамъ на пальчикъ это кольцо вмѣстѣ съ моими клятвами, и припечатать его поцѣлуемъ, этой эмблемой вѣчной любви? Кто вы? откуда? и куда идете? Ну, помогите же мнѣ въ торговлѣ; говорятъ что ком-

мерція живеть мѣною; такъ позвольте мнѣ размѣняться съ вами поцѣлуями.

Не знаю навѣрное, что отвѣчала ему дама; но она по видимому не обидѣлась, потому что выходя изъ лавки поклонилась ему премило, превѣжливо, даже, кажется, улыбулась.

— Еще одна! сказалъ Ловласъ провожая ее глазами; послѣ этой придетъ ваша очередь, мистрисъ Шмитъ, и нашему другу Джону будетъ много хлопотъ.... Но вдругъ голосъ его замеръ, лицо покрылось смертною блѣдностью, остолбенѣлый и ужасный взоръ его заблесталъ мрачнымъ пламенемъ, и онъ до того испугался, что принужденъ былъ ухватиться за конторку....

Что взволновало такъ Ловласа? Онъ увидѣлъ двухъ человекъ одѣтыхъ въ черное, которые несли большой ящикъ покрытый бѣлымъ; войдя въ лавку Шмита, они поставили ящикъ на полъ. Это для молодой дамы, сказалъ одинъ изъ носильщиковъ; и не прибавивъ болѣе ни слова, они удалились.

Шмитъ вздрогнулъ, жена его отвернулась и заплакала; Ловласъ сдернулъ полотно.

Это былъ гробъ, на серебряной доскѣ котораго было врѣзано имя: *Кларисса Гирло*. Ловласъ вскочилъ и застоналъ какъ смертельно раненый левъ: онъ бросается на этотъ пустой гробъ, складываетъ имя, считаетъ года, изображенные этими четырьмя римскими цифрами: «XVII....» и крупныя слезы льются изъ глазъ его; онъ плачетъ наконецъ, плачетъ, и даже не думаетъ, что прохожіе смотрятъ на него; гордый человекъ этотъ сознается наконецъ въ своемъ преступленіи; три раза онъ повторяетъ: «для.... для.... для....» и три раза голосъ его замираетъ въ рыданіяхъ; имя Клариссы не можетъ вырваться изъ стѣсненной груди Ловласа.

— Умерла! Кларисса! восклицаетъ онъ. О, Боже! какое несчастье! чистая душа ея улетѣла! Она уже на небесахъ.... и мнѣ не видать ея болѣе.... Я слишкомъ грѣшенъ, Господь не приметъ меня!... Умерла!... да, это она!... это ея имя: *Кларисса*.... если я только не съ ума сошелъ!... Бѣдный ангелъ! она должна была умереть, потому что была слишкомъ хороша для земли. Миръ праху твоему, незабвенная Кларисса! ты возвратишься въ землю какъ прекрасная ллія. Да ороситъ тебя небесная роса благодати и благословеніе Божіе.

«Такъ нѣтъ больше Клариссы!... Вотъ ея послѣдній пріютъ! Увы! какое сокровище потерялъ міръ!... Она была храмъ добродѣтели.... сама добродѣтель.... Да будетъ проклятъ тотъ, кто не

надесть видъ передъ совершенствами моею Клариссы.... Съ душею ея улетѣли всѣ мои радости, всѣ надежды въ здѣшней и будущей жизни.

«О! майская роза, нилая дѣва, чудное существо! я разбилъ твое счастье, я погубилъ тебя!... О! мучительная совѣсть, какъ ты терзаешь меня.... Я совершилъ ужасное злодѣяніе, оно вопіетъ къ небу! Я погибъ, погибъ безвозвратно!... Корень мой засохъ, листья пожелтѣли. Я не долженъ больше надѣяться ни на дружбу, ни на любовь; я долженъ проститься съ уваженіемъ, съ счастьемъ, со всѣмъ, что радуетъ человѣка въ зрѣлыхъ годахъ и утѣшаетъ въ старости! Я слышу только однѣ проклятія, угрозы и ненависть, которыя раздаются уже въ далекѣ и разразятся скоро надъ моею головою!

«Громъ гремѣть!... Тихе!... я слышу обожаемое ея имя, которое тяготитъ мою душу.... я слышу голосъ, который шепчетъ мнѣ: «Умирай съ отчаяніемъ въ сердцѣ!...» Она улетаетъ, возвращается въ свое отечество.... въ небо.... встанемъ на колѣна.... помолимся!... Такъ прощай же, бѣдная, свѣтлая душа моя!... Да вознесетъ тебя Господь съ безсмертными своими ангелами въ обитель вѣчнаго мира и тишины!...

«Солнце утомляетъ меня! Звѣзда моя отбрасываетъ на меня страшный, мрачный свѣтъ.... Роковой часъ, будь навсегда проклятъ! горлица улетѣла!... цвѣтъ надеждъ моихъ увялъ!... Перестань, будь твердо, бѣдное мое сердце! проснись или разбейся объ этотъ гробъ!... Кларисса! Кларисса!... О! Боже мой!... я съ ума схожу.... я умираю!...»

Онъ плакалъ, рыдалъ, цѣловалъ гробъ, приходилъ въ ярость, въ нетупленіе, рвалъ на себѣ волосы, молился, проклиналъ, или молчалъ, и стоялъ въ оцѣпененіи какъ статуя надъ памятникомъ.

Тяжелые вздохи вырывались по временамъ изъ стѣсненной груди его. Какъ металась душа его! какъ мучила, колола его совѣсть своими жестокими глазами горя и раскаленія! Онъ желалъ смерти, взывалъ къ возлюбленной своей Клариссѣ, просилъ у нея прощенья и проклиналъ своихъ ужасныхъ сообщницъ.

«Что вы со мной сдѣлали, куда вовлекли меня, адскія фурія! О! Кларисса, Кларисса! возлюбленная моя Кларисса! моя жизнь, радость! дай мнѣ оплакать тебя!... дай выплакать мое горе!...»

Все стихло; слышны были одни глухіе вздохи, одни нѣмые рыданія, для которыхъ на человѣческомъ языкѣ нѣтъ настоящихъ выраженій; ихъ надо понимать, а рассказывать нельзя.

Сидя въ своей печальной комнатѣ, Кларисса слышала эти всдохъ и рыданія. Поднявъ удивленіе и гордость челолика, котораго такъ любила, ей стало жаль его; она подняла съ полу дубовицу, которая въ ужасѣ выпала изъ рукъ ея и, оостредательною рукою, прибавила къ своему завѣщанію эту послѣднюю волю:

«Праведный Боже! взгляни окомъ милосердія на этого несчастнаго, который такъ плачетъ и горюетъ надъ моимъ гробомъ! Утѣшь его к отдали духа зла, который стережетъ эту погибшую душу! Удали отъ сердца его это мрачное отчаяніе, и прости ему какъ я прощаю!»
«Кларисса Гарло.»

Она простила.... простила и ему тоже! Кларисса совершила свое земное призваніе.

Ловласъ всталъ, утеръ слезы, и живая, страстная эта чувствительность вдругъ уступаетъ мѣсто самымъ развязнымъ манерамъ: онъ разглаживаетъ складки своего атласнаго платья, расправляетъ длинныя кружевыя маншеты, поправляетъ вышитый золотомъ шолсъ, на которомъ висеть его шпага, и, какъ-будто просыпаясь отъ сна, удивляется, что всѣ взоры устремлены на него. Гордость снова взяла верхъ надъ всѣми его чувствами.

Потомъ, заставивъ всѣхъ присутствующихъ потупить глаза въ землю, онъ бросаетъ вонелекъ свой Джозефу, который смотритъ на него съ удивленіемъ во взорѣ и слезами на глазахъ:

— Господи! какъ гадокъ этотъ Джозефъ когда онъ плачетъ! Здравствуйте, мистръ Джонъ, признайтесь, что я не такъ дураченъ и что умѣю плакать гораздо лучше его.

Онъ выходитъ, отворяетъ и затворяетъ дверцы кареты и лошади уносятъ во весь опоръ этого совершеннаго джентльмена.

— Каковъ! вскричалъ мистръ Шмитъ: а я чуть было не сказалъ ему, что миссъ Гарло жива еще.

— Это было бы очень дурно, мистръ Шмитъ, отгѣчала жена: красивый этотъ крокодилъ пожралъ бы тогда молодую даму. Но довольно; мнѣ надо ктти наверхъ, равно ей что-нибудь понадобится.

Посѣщеніе Ловласа ускорило нѣсколько днами развязку этой драмы.

— Ахъ, какой онъ жестокій! повторила Кларисса: онъ до конца

хотѣла меня мучать, беззаконитъ умирающую! Онь, вѣрно, знаетъ, что я приговорена, увы! къ вѣчному изгнанию и хотѣла слова привести меня въ смущеніе, въ отчаяніе! Но какъ бѣжать отъ него? куда? у меня нѣтъ силъ!

Такъ жаловалась она Бельфорду, который, чтобъ успокоить немногою Клариссу, поселился тоже въ домѣ добраго Шанта, асанивавъ прежде Ловласа поклясться, что нога его не будетъ болѣе въ этомъ домѣ, гдѣ онъ сдѣлался предметомъ ужасу.

— Дай ей умереть спокойно и не мучь ее твоими слезами и угрозами!

— Ахъ, Бельфордъ! отвѣчалъ злодѣй: если бъ ты видѣлъ, какъ я былъ интересенъ, когда лежалъ и плакалъ надъ ея гробомъ; кажется, я походилъ тогда на Елисавету Картеретъ, лежащую на своемъ памятникѣ, въ Вестминстерѣ; картинѣ этой недоставало только маленькаго толстяка-кушона, который, какъ кажется, утѣшаетъ прекрасную даму, что она достигла роковаго пятидесятилѣтія.

Сказавъ это, онъ захохоталъ во все горло; но когда Бельфордъ уѣхалъ, онъ снова впалъ въ отчаяніе.

На другой день Кларисса встала позже обыкновеннаго; она была такъ слаба, что насилу могла стоять. Внесли гробъ и поставили его за ширмы на стульяхъ; грустное это зрѣлище казалось оживило ее; она хотѣла оцупать его; но какъ серебряная доска, на которой было вырѣзано имя Клариссы, потускла отъ жгучаго дыханія Ловласа, то бѣдная дѣвушка отерла платкомъ своимъ этотъ легкій потъ и подвела его къ глазамъ. Вечеромъ она сдѣлалась такъ слаба, что всѣ думали, что она уже кончается; она стала спрашивать о Морденѣ и рассчитывать, когда онъ вернется: «Надо ему поспѣшить», сказала она. Дыханіе ея было слабо и прерывисто; чудный взоръ ея сіялъ лихорадочнымъ огнемъ.

На другой день ей сдѣлалось какъ будто лучше, но докторъ видѣлъ, что это было послѣднее усиліе жизни, вылетающей съ сожалѣніемъ изъ прекраснаго этого тѣла. У нея достало еще силъ написать отцу, и просить еще разъ прошенія; гробъ замѣнилъ ей письменный столъ. Она молилась сидя въ креслахъ, потому что не могла стоять болѣе на колѣняхъ. Она послала за священникомъ и заставила его читать отходныя молитвы, повторяя за нимъ твердымъ и яснымъ голосомъ, исполненнымъ покорности, псалмы умирающихъ. Въ эту минуту ей подали письмо отъ брата, наполненное ѣдкими и холодными сарказмами, которыми

злой этот привыкъ говорить съ своей сестрою; письмо это было написано послѣ свиданія семейства Гарло съ полковникомъ Морденемъ, зашедшимъ въ дорогѣ; оно пришло какъ-будто нарочно длительно, чтобъ дополнить чашу страданій несчастной, которая ждала только родительскаго благословенія, чтобъ улетѣть изъ здѣшняго міра. Прочитавъ роковое посланіе, глаза ея покрылись туманомъ, предвѣстникомъ смерти.

— Ахъ! Господи!... сказала она: вѣрно, братъ мой не знаетъ въ какомъ я нахожусь теперь положеніи!... Жестокій!... какъ-будто бы огонь жизни можетъ еще разогрѣться въ груди моей!...

Кларисса вздохнула и закрыла глаза; думали, что она уже скончалась.

— Итъ еще, успокойтесь, сказала она, я доживу еще до завтра....

Мистриссъ Шмитъ и Ловикъ плакали.

— Вы здѣсь, мистръ Бельфордъ? спросила она звучнымъ, доходящимъ до сердца голосомъ: пора отдать вамъ духовную. Она приказала открыть гробъ гдѣ лежала духовная.

— Вотъ она; возьмите также этотъ пакетъ съ письмами, онѣ оправдаютъ меня въ глазахъ.... брата! Я не хочу уносить его ненависти.... хочу лежать спокойно въ землѣ....

Подъ вечеръ, почтовая карета остановилась въ концѣ улицы, изъ нея вышли двое мужчинъ и двѣ женщины и пошли поспѣшно къ дому мистриссъ Шмитъ. Это были Морденъ, Гикменъ, миссъ Анна Гоу и кормилица Клариссы, добрая Нортонъ.

Приѣхавъ въ замокъ Гарло, Морденъ, исключая Джемза и Арабеллы, не засталъ ни кого дома; отецъ и мать были у дяди Антони; полковникъ послалъ нарочнаго предупредить ихъ, чтобъ они поспѣшили, если хотятъ застать въ живыхъ бѣдную Клариссу, свидаемую злымъ горемъ; посланный приѣхалъ слишкомъ поздно.

Что же касается до брата и сестры, они отвѣчали Мордену, что давно знаютъ хитрую, лукавую и краснорѣчивую Клариссу, которую, итъ еще недѣль, докторъ Эліасъ Брандъ видѣлъ у окна, префамиліарно разговаривающую съ мистромъ Бельфордомъ; слѣдовательно не можетъ быть чтобъ Кларисса была въ такой опасности.

Отверженный и съ этой стороны, полковникъ отправился къ миссъ Гоу, и при одной мысли, что другъ ея находится въ опасности, миссъ Анна объявила рѣшительное намѣреніе ѣхать.

— Матушка! сказала она, умоляю васъ, позвольте мнѣ спасти

нашу Клариссу; я ѣду съ Гикменомъ, онъ беретъ меня подъ свое покровительство.

Мистриссъ Гоу не смѣла отказать дочери, тѣмъ болѣе что путешествіе это ускорило свадебныя дѣла ея зятя, и миссъ Гоу уѣхала взявъ съ собою добрую Нортонъ.

Во время дороги, Морденъ при малѣйшемъ звукѣ высовывался изъ кареты, надѣясь, что отецъ, мать или который нибудь изъ дядей покажутся въ дали; онъ поджидалъ ихъ каждую минуту; тщетная надежда!

Пріѣхавъ въ Лондонъ, Морденъ, Гикменъ, миссъ Анна и мистриссъ Нортонъ пробрались тайкомъ, какъ будто шли на какое нибудь злодѣянье, до лавки Шмита; лавка была брошена на попеченіе Джозефа; мистриссъ Шмитъ была въ Клариссиной комнатѣ; мужъ ея бѣгалъ взадъ и впередъ по лѣстницѣ.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ утирая глаза.

— Умерла!... вскричала миссъ Гоу.

— Нѣтъ еще, сударыня.... но.... но....

Узнавъ, что Морденъ вернулся, мистриссъ Шмитъ побѣжала встрѣтить его въ передней.

— Она перестала ждать васъ, сказала она полковнику.

Добрая эта женщина по первому взгляду узнала миссъ Анну Гоу.

— Какъ я рада видѣть васъ, сударыня, говорила она цѣлуя руки миссъ Анны. Потомъ обращаясь къ мистриссъ Нортонъ: «Вы кажется ея кормилица? видите ли, я знаю васъ; прекрасная эта дама часто говорила мнѣ о васъ.

При этихъ словахъ, мистриссъ Шмитъ отворила дверь; Морденъ вошелъ впередъ, миссъ Гоу, Гикменъ и мистриссъ Нортонъ слѣдовали за нимъ. Въ комнатѣ было тихо... слышно было только одно дыханіе больной.... Бѣдная Кларисса!... она лежала въ прелестномъ положеніи, одѣтая въ атласное, бѣлое какъ снѣгъ платье. Она была такъ блѣдна.... какъ тѣнь! Маленькія ея ножки изчезали въ длинныхъ и глубокихъ складкахъ, которыя не обрисовывали больше ея прекрасныхъ формъ; длинныя черныя маншеты выказывали еще больше бѣлизну этой свѣжей и прозрачной кожи, въ которой сохранилось еще нѣсколько капель оживляющей ее крови. Талія, перетянутая голубымъ, кушакомъ на поминала полевой, раздавленныи плугомъ цвѣтокъ. Она была такъ неподвижна, что еслибъ въ эту минуту на губахъ ея лежалъ розовый листокъ, онъ бы не шелохнулся; остатокъ плѣнитель-

Ной красоты сзарила еще блѣдное лицо. Она лежала на груди мистрисъ Ловикъ, которая сидя подлѣ нея на стулѣ, лѣвою рукою обхватила голову дремлющаго ребенка, какъ будто хотѣла удержать его на своемъ сердцѣ.

— Держите меня, вотъ такъ, сказала Кларисса, я стану мечтать о милой моей матери.

Правая щека, прижатая къ груди мистрисъ Ловикъ, разгорѣлась и покрылась вѣжливымъ румянцемъ, какъ будто цѣвъ жизни снова хотѣлъ разцѣловать на миломъ личикѣ; другая щека оставалась блѣдною отъ холоднаго дуновенія смерти. Прекрасныя ея руки, двѣ бѣлыя, незапятнанныя длани, висѣли въ освѣщеннн по обѣимъ сторонамъ кресла. Свѣча поставленная на гробѣ освѣщала эту мрачную сцену.

Увидавъ прѣившихъ посѣтителей, мистрисъ Ловикъ обрадовалась такой неожиданной помощи; сердце ея забилося надеждою. Она сдѣлала знакъ мистрисъ Нортонъ, чтобъ она сѣла на ея мѣсто; сонная Кларисса не перемигнула положенія; голова ея перешла съ груди мистрисъ Ловикъ на грудь кормилицы; миссъ Гоу, стоя на колѣняхъ, держала руку умирающей; Морденъ, сложивъ крестъ на крестъ руки, смотрѣлъ умиленнымъ и грустнымъ взоромъ на это трогательное зрѣлище; Гикменъ, немного въ отдаленнн, старался узнать, припомнить эту погибшую красоту; преданная Анна хотѣла бѣ отдать свою душу и жизнь этому прекрасному тѣлу, которое распадалось въ прахъ; мистрисъ Нортонъ плакала.... горячая слеза кормилицы упала на чело спящаго ребенка и разбудила его.

— Гдѣ я? спросила Кларисса не открывая глазъ; о! не будите меня, мнѣ было такъ хорошо! мнѣ казалось что здѣсь была.... мать моя!

Тогда она увидала добрую свою кормилицу. — Нортонъ! вскричала она, открывая съ удивленнмъ глаза, которые почти уже ничего не видали, это ты, Нортонъ? можетъ ли это быть?

Чтобъ увѣриться что это былъ не сонъ, она хотѣла ошупать это почтенное лицо, и въ эту самую минуту почувствовала, что кто-то держитъ и цѣлуетъ ея руку....

— Ахъ!... Анна!... Боже мой!... и ты тоже!... обними, обними меня, другъ мой, сестра моя, дай на себя наглядѣться!... Какъ я рада видѣть васъ, мои возлюбленные! какъ рада, что могу выразить, какъ люблю васъ! подойдите поближе, дайте посмотрѣть на себя! Согрѣйте меня, мнѣ холодно! Прости, милая Анна, что

я умираю; я хотѣла жить для тебя.... По не плачьте, не плачьте... вы соединитесь когда-нибудь, чтобъ больше не разставаться.

Все присутствующіе плакали.... Тогда только она увидѣла Мордона и Гикмена.

— Это вы, Мордонъ? благодарю васъ, неправда-ли, вѣдь это вы привели ихъ? подойдите поближе, мистръ Гикменъ, я хочу икъ тоже видѣть! У меня есть что-то для васъ.... на память, Гикменъ. Милая Анна, сини съ шел моей этотъ свурокъ и отдай отъ меня твоему мужу.... это твой портретъ!... хорошо! А вы, Мордонъ, не забудьте что обѣщали мнѣ, вотъ тутъ, на этомъ мѣстѣ: что не будете ему мстить. Онъ былъ здѣсь, Мордонъ, и я слышала какъ несчастный этотъ плакалъ, мнѣ жаль его!... Но гдѣ же Бельфордъ?

Бельфордъ вошелъ.

— Вы все здѣсь, друзья мои, такъ дайте же мнѣ поблагодарить васъ и проститься! Вы ожалелись надъ бѣднѣйшъ покнущикъ существомъ.... благодарю васъ, да пошлетъ Господь на васъ свое благословеніе! — Утѣшайте другъ друга и не жалѣйте нѣба; такъ умирать, какъ я теперь умираю, не трудно! — Который часъ? не пора ли мнѣ лечь въ постель? надо, чтобъ все было какъ можно приличіе.... и какъ можно меньше хлопотъ.... я устану!... меня утомили радость, умиленіе.... и смерть тоже.... сказала она съ кроткою улыбкою; не знаю.... но мнѣ кажется что въ глазахъ у меня начинаетъ темнѣть.... голова отяжелѣла.... мнѣ холодно... Такъ до свиданья, друзья мои; ты Анна, и ты Нортонъ, останетесь со мною; когда вы закроете мнѣ глаза, то попомните меня.... сами.... вотъ туда... сказала она показывая на гробъ.

Когда Клариссу уложили въ постель, Нортонъ, отворивъ дверь, просила всѣхъ снова войти.

Кларисса, чувствуя сильное стѣсненіе въ груди, просила, чтобъ ей подложили подъ голову по-больше подушекъ, такъ, что она скорѣе сидѣла чѣмъ лежала; голосъ ея сидѣлся гораздо тверже, внятнѣе; ее слушали.... какъ слушали бы слетѣвшаго ангела. «Какъ я счастлива теперь, говорила она! а между тѣмъ, мнѣ такъ хотѣлось еще пожить! въ жизни есть такъ много прекраснаго!»

Присутствующіе съ трудомъ удерживали слезы, вздохи и рыданія; увы! имъ оставалось, много, времени оплакивать ее.

Кларисса видимо ослабѣвала; пульсъ пересталъ уже биться;

смертный холод поразилъ уже артеріи, смерть пробиралась въ молодыя ея жилы; но она все еще говорила съ своими друзьями; голосъ ея по немногу ослабѣвалъ и наконецъ она совсѣмъ лишилась языка, но взорами, жестами, движеніями, она показывала, что узнаетъ ихъ всѣхъ. Въ эту минуту лицо ея просіяло, какъ будто божественный лучъ озарилъ страдальцу; радость и надежда выразились въ ея улыбкѣ, какъ будто она уже видѣла полуотверзтыя небеса, и даже у нея нашлось довольно голосу чтобъ сказать: прощай!... мамаша!... Она протянула руки.... Тутъ было что-то вѣжное, высокое! Последняя молитва ея потрясала въ душѣ ея самыя тайныя струны ея религіозныхъ чувствованій.

Въ эту минуту глаза ея закрылись.... всѣ думали, что она уже умерла.... но Кларисса была только на половинѣ дороги къ небу....

Вдругъ по всему дому раздался ужасный, раздирающій, отчаянный вопль.... Кларисса снова открыла глаза.... которые сіяли сверхъ-естественнымъ блескомъ, лицо снова оживилось свѣжимъ румянцемъ.

— Прощай, Анна.... сказала она; прими душу мою съ послѣднимъ моимъ дыханіемъ въ твое сердце! — Не плачьте! дайте мнѣ вслушаться въ гармонию небесныхъ гимновъ; я слышу ихъ.... вижу ангеловъ, они зовутъ меня.... ожидаютъ съ вѣнками въ рукахъ.... О Иисусе!... сказала она еще, и душа ее отлетѣла въ обитель мира и тишины.

До той минуты окно, выходившее на улицу, не совсѣмъ было завѣшено.

Всѣ упали на колѣни.... они молились молча.... въ комнатѣ было тихо; слышны были одни вздохи и рыданія.... Дождь колотилъ въ стекла, вѣтеръ завывалъ на улицѣ.... вся природа стонала! Была четверть второго по полуночи.

Бельфордъ опустилъ занавѣсъ.

— Это былъ условленный знакъ.

Подъ окнами умирающей Клариссы, стоялъ человекъ, терзаемый самою жестокою невѣдностью и угрызениями совѣсти; это былъ Ловласъ. Мучимый нетерпѣніемъ, какъ всѣ несчастные, онъ хотѣлъ знать все, что происходило въ комнатѣ, гдѣ умирала бѣдная дѣвушка, и потому согласился не входить въ домъ, толь-

ко съ условіемъ, чтобъ ему дали тотъ часъ же знать, когда известъ послѣдній лучъ его надежды! Бельфордъ обѣщалъ Ловласу потасить лампаду въ ту самую минуту когда не станетъ Кларисса!

Во время безконечной этой ночи, убійца Ловласъ могъ пройти въ своей памяти всѣ хитрости, весь обманъ, которыми онъ до-
валя до гроба бѣдную Клариссу.

То ему казалось, что онъ присутствуетъ при смерти Клариссы, и видитъ, какъ она тихо и спокойно лежитъ на своемъ смертномъ одрѣ; то принималъ все это за страшный сонъ. Онъ дрожалъ, безпокоился, волновался, ходилъ взадъ и впередъ по безлюдной, пустой и мрачной улицѣ, и съ каждымъ шагомъ перебивалъ свои намѣренія, потому что только онъ одинъ могъ видѣть во мракѣ ночи, эту свѣтлую точку, которая отбрасывала чуть замѣтный свѣтъ на окно безъ занавѣсокъ и безъ надеждъ. Ужасная вытка!... Ждать!... такому человѣку какъ Ловласъ! и чего же еще ждать? смерти любимаго существа!

— Ахъ! Господи! еслибъ ты захотѣлъ, спасая ее, обратить на путь истинны и раскаяніа недостойнаго Ловласа!... Еслибъ я могъ по-крайней-мѣрѣ вымолить у нея самой прощенье!... Еслибъ она видѣла мои слезы, отчаяніе!...

Онъ умолкъ.

Душа его была въ такомъ волненіи, что онъ болѣе ни на что не надѣялся, ни чего не боялся!... Онъ шатался какъ будто въ ошьяненіи; прислушивался къ малѣйшему шуму, къ малѣйшему шороху, и не сводилъ глазъ съ роковаго окна; онъ видѣлъ, какъ между окномъ и свѣтомъ мелькали тѣни; ему представлялось что на верку все плачетъ и рыдаетъ.... и когда онъ начиналъ предаваться своему отчаянію, ему казалось что свѣтлая точка горѣла ярче посреди вечнаго мраку, чѣмъ душа Клариссы въ прекрасномъ ея тѣлѣ.

Тогда онъ снова начиналъ проклинать себя, свои выдумки, хитрости, свой уничтожающій гевій, свою жестокость! — Иногда ему чудилось что Кларисса спитъ, и чтобъ не нарушить этого священнаго сна, онъ едва касался мостовой, не смѣя почти дышать. О еслибъ ее могли спасти, хоть на годъ! только на годъ! чтобъ возратить ей честь и счастье! О жизнь человѣческая! Свѣтлая какъ зѣбада! мимолетная какъ лѣтній туманъ! И Ловласъ снова проклиналъ себя и семейство Гармо, которое предало ему этого ребенка! Онъ говорилъ, что если она умерла, то онъ по-

хитить трушъ ея, унести какъ сокровище и похоронить подлѣ своей матери! потому что она жена его, леди Ловласъ! Онъ умолялъ чтобъ ему отрѣзали локонь волосъ ея — чтобъ ему отдали ея сердце! сердце, которое онъ такъ безжалостно растерзалъ!

— О злодѣй! о преступникъ; я хотѣлъ шутить, играть весѣль что было честнаго, прекраснаго въ этой душѣ! У нея не было ни отца, ни матери, ни друга, никого кто бы могъ защитить ее; я воспользовался этимъ одиночествомъ, чтобъ повергнуть ее въ этотъ гробъ, который она купила на проданныя платья! О какъ это низко! безчестно! подло!... Прости, прости меня, Кларисса!... Зачѣмъ не видишь ты коршуна, который грызетъ теперь мое сердце!

Въ эту минуту, пронзительный вопль, вылетѣвшій изъ Клариссиной комнаты, раздался въ ухахъ Ловласа; онъ поднялъ голову... лампада догасла, окно было завѣшено.... Глубокое молчаніе послѣдовало за этимъ крикомъ и наконецъ все исчезло.

Ловласъ вскочилъ какъ помѣшанный и бросился къ дверямъ; но желѣзная рука схватила его; это былъ Макдональдъ.

— Какъ поживаете, ваше сіятельство? спросилъ капитанъ Томлинсонъ. Ну кто бы подумалъ, что она проживетъ такъ долго? вѣдь мы съ вами, кажется, ничего не жалѣли, чтобъ погубить ее; но наконецъ мы отдѣлались; и что довольно странно, ни васъ ни меня еще не повѣсили; вѣрно, это будетъ до другаго разу.

Ловласъ не отвѣчая ни слова на эти оскорбленія, которыхъ не слышалъ, снова хотѣлъ броситься къ дверямъ, но Томлинсонъ снова остановилъ его.

— Не спѣшите такъ, ваше сіятельство, сказалъ капитанъ: дайте остыть ея тѣлу, дайте поплакать друзьямъ ея, каждому своя очередь; мы на своемъ вѣку довольно помучили се! такъ не принуждайте же меня переломить объ вашу голову, вотъ эту шпагу, которая до послѣдней возможности будетъ ограждать прахъ нашей жертвы. Клянусь будущею жизнью, что если вы сдѣлаете хоть одинъ шагъ, я убью васъ на мѣстѣ. Васъ давно бы не было въ живыхъ, еслибъ я не рассчиталъ, что мнѣ гораздо выгоднѣе оставить васъ жить и плакать до-тѣхъ-поръ, пока прекрасное лицо ваше до того не изкажится, что будетъ походить на мокрый, изношенный плащъ.

Ловласъ не отвѣчалъ, онъ стоялъ въ изнеможеніи, которое походило на помѣшательство.

— Что это съ вами сдѣлалось, сіятельный графъ? что за гроза бушуетъ въ сердцѣ вашемъ? Куда дѣвалась ваша веселость, остроуміе? Проснитесь, вспомните вашу блестящую, радостную жизнь? ужъ не съ ума ли вы сошли, прекрасный Ловласъ? Вѣдь мы теперь на хорошей дорогѣ, и если Господь продлитъ намъ вѣку, мы съ вами еще не то надѣаемъ! Все это сущій вздоръ... пустая сказка! Проснитесь и радуйтесь; я скажу вамъ такую вещь, которая тотчасъ утѣшитъ васъ: вѣдь это мы съ вами уморили Клариссу Гарло; она умерла по нашей волѣ, за то что имѣла такое довѣріе къ любезному Ловласу и *доброму* капитану Томлинсону. Проснитесь, и поймите наконецъ, до чего простирается наша побѣда: святая Кларисса умерла! слышите?... умерла!... Если же ты не хочешь понимать, то признайся по крайней-мѣрѣ, молодой вѣтренникъ, что глазъ твой не довольно проникателенъ, что ты черезъ-чуръ гордъ, что голова твоя замекла тебя слишкомъ далеко, и что я бы сдѣлалъ гораздо лучше, еслибъ вмѣсто того чтобъ быть твоимъ сообщникомъ, остался при своихъ картахъ и шахматахъ, играя съ пустыми карманами на десять тысячъ стерлинговъ.

Но капитанъ напрасно говорилъ: Ловласъ ничего не слыжалъ.

Наконецъ, Макдональдъ сжался надъ несчастнымъ и задумалъ убить или его или самого себя, какъ въ это самое время, въ концѣ улицы показался Вильямъ; онъ держалъ подъ уздцы лошадей своего господина. Ловласъ вскочилъ на лошадь, и не сказавъ ни слова, помчался во весь опоръ.

— Ну кто бы подумалъ, сказалъ Томлинсонъ качая головой, что молодой человѣкъ этотъ такъ еще недавно былъ законодателемъ веселой молодежи и украшеніемъ лондонскихъ гостиницъ. Что ожидаетъ этого несчастнаго!

Капитанъ исчезъ.

Вильямъ пожимая плечами, свѣшннть вернутся домой прежде своего господина.

Все молчитъ въ домѣ мистриссъ Шинтъ! всѣ молятся, плачутъ, но такъ тихо, какъ будто боятся разбудить спящаго младенца!

Между-тѣмъ Ловласъ, не останавливаясь, мчался во весь опоръ. Благородный конь его назывался Генделемъ, сыномъ Годольяна, и былъ купленъ у знаменитаго барышника Тригонвиля-Фрамптона, который поимъ лошадей человѣчьей кровью. Никто не могъ сравниться въ верховой ѣздѣ съ Ловласомъ; онъ былъ единственный, несравненный вѣдокъ. Опустивъ поводья, онъ даль-

полную свободу лошади и едва касаясь стремени, летѣлъ во весь духъ, самъ не зная куда. Не чувствуя больше шнуръ, лошадь остановилась. Ловласъ опомнился, онъ стоялъ у воротъ роковаго дома, къ которому дорога такъ была ему знакома.

Было еще темно, но блѣдный свѣтъ прорѣзалъ уже холодный, утреннй туманъ.

Ловласъ всходитъ на лѣстницу; дверь Клариссиной комнаты отворена.... онъ идетъ туда.... о ужась! о отвращеніе! эта комната.... это святыхъ наполнено гадкими порочными лицами! толпою бродягъ!... онъ подходитъ ближе и видитъ что на той самой постели гдѣ покоилась Кларисса съ своими чистыми и святыми мыслями, лежитъ мертвая Сентъ-Клеръ.... на канутъ она напалась рому и въ опьяненіи принявъ окно за дверь, упала на улицу и разшиблась. Полли, Салли, Доррезъ и вся остальная компанія разбѣжались въ ужась.

Цена Клариссы умирала, внезапная перемена произошла въ души родныхъ ея; внезапный пріѣздъ и отъѣздъ Мордена, особенно же отчаяніе и слезы мистрѣсь Гарро, когда она узнала болѣзнь возлюбленной своей дочери, сляли ледяную кору съ жестокими отъязъ сердець: отецъ умиралъ отъ угрызений совѣсти, дяди преталили отъ стыда, братъ и сестра не смѣли больше глядѣть другъ на друга, мать вдохновенная отчадіемъ ходила отъ мужа къ братьямъ, отъ сына къ сестрѣ, умоляя ихъ съжалиться и простить ея милую Клариссу! такъ все перемѣнилось въ этомъ неочеловѣчѣ семействѣ. Послали за Нортонъ, она уѣхала! обратилась къ миссѣ Аннѣ Гоу, миссѣ Анна была въ Лондонѣ! Наконецъ она рѣшилась написать ей письмо исполненное нѣжности и прошенія и ускорить ея возвращеніе.

Какъ только письмо было написано и отослано, весь домъ пришелъ въ движеніе, такъ быстръ былъ переходъ отъ безвн къ надеждѣ! они обнимались, цѣловались, поздравляли другъ друга и кричали ура! На этотъ разъ возникли снова всѣ благородныя чувства, вся нѣжность, вся любовь снова возвратилась! Нашеца, обожасное это дитя опять возвратится! очаровательная прелесть ея присутствія снова оживитъ эту мрачную пустыню! они снова услышатъ этотъ звучный голосъ, снова обнимутъ свою Кларочку, свою возлюбленную дочь-земляницу. Всѣ ожидаютъ ея! думаютъ, говорятъ только о ней одной! убираютъ, узражаютъ старинный замокъ; слуги бѣгаютъ, хлопчутъ и при-

даютъ праздничный видъ готическимъ заламъ; садовники дѣлаютъ вѣнки, букеты и выставляютъ лучшіе плоды и цвѣты; имя Клариссы Гарле во всѣхъ устахъ, во всѣхъ сердцахъ!

— Мы спасемъ ее, говорятъ они, мы спасемъ ее ласкамъ, любовью! Такъ они знали безпредѣльную доброту этого благороднаго сердца.

Вотъ одно изъ писемъ, писанныхъ къ Клариссѣ, прежде столь жестокини а теперь столь нѣжными ея родственниками:

— Милая Кларочка, возлюбленная наша племянница, писалъ дядя Юлій, если мы были жестоки къ тебѣ, то надо забыть эту жестокость, потому что мы были такъ несчастливы. Мистръ Мордонъ прискакалъ сюда во весь опоръ, чтобъ извѣстить насъ о твоей болѣзни; но все семейство было у меня; вотъ почему мы не могли тотчасъ же пріѣхать. Ну, ободрись, милая Кларисса, и забудь наше несправедливое обхожденіе, какъ мы забываемъ твою непокорность и непослушаніе. Пріѣзжай, пріѣзжай какъ можно скорѣй, бѣдное дитя мое; объятія и сердца наши тебѣ отверзты! мы ждемъ тебя у отца твоего, чтобъ любить тебя и рассказать, какъ мы о тебѣ тосковали! Между тѣмъ не забудь, дочь-моя-племянница, и запиши въ памятной твоей книжкѣ, что я первый пишу тебѣ и прошу, когда ты вдоволь наглядимся на замокъ Гарле, пожертвовать мнѣ два или три мѣсяца твоего присутствія. Ахъ! бѣдное дитя, какъ сурово я съ тобою обращался! какъ я буду радъ, когда ты снова появишься въ моихъ.... въ своихъ владѣніяхъ, моя милая Кларочка!

«Братъ мой Антоній также какъ я горитъ желаніемъ увидѣть тебя и спросить себѣ прощенье: увы! мы до-сихъ-поръ еще не можемъ понять, какъ могли быть такъ жестоки къ нашей Клариссѣ! До свиданья, милое дитя; надѣюсь что письмо это утѣшитъ тебя и придастъ силъ на дорогу; если же у тебя нѣтъ, то скажи только слово и мы летимъ къ тебѣ!»

Въ концѣ письма, мать приписала горестными и радостными слезами: пріѣзжай, Кларочка, Пріѣзжай, дитя мое! Отецъ тоже, подвигавъ трепещущею рукою свое имя! Еслибъ письмо это пришло днемъ раньше, оно бь усладило послѣднія минуты страданій.... Анна Гоу положила родительское это благословеніе въ гробъ, на самое сердце Клариссы.

Миссъ Анна, съ помощію мистриссъ Шмитъ, Левикъ и Норсонъ, положила несчастную въ ея послѣднее убѣжище, которое она себѣ приготовила съ геройскимъ самоотверженіемъ. Никогда

смерть не представлялась въ такомъ очаровательномъ видѣ; она сохранила свою граціозную позу; щеки и губы не потеряли еще своей свѣжести; прелестные волосы падали по плечамъ, и глаза были закрыты поцѣлуями друга; можно было подумать что она спитъ.... Она в то спала въ ожиданіи торжественнаго пробужденія.

Когда наконецъ надо было закрыть гробъ, въ которомъ навсегда должно было скрыться столько красоты, столько ума, столько чувствъ, бѣдныя эти женщины, которыя до-тѣхъ поръ боролись съ своимъ горемъ, не могли больше скрывать его.

Пока добрая Нортонъ цѣловала ноги возлюбленной своей и обливала ихъ слезами, миссъ Анна, наклонясь надъ прекраснымъ челомъ друга, такъ горько рыдала, что глядя на нее сердце обливалось кровью. Надо было оторвать ее отъ гроба.

Бельфордъ и Морденъ хлопотали о похоронахъ.

Въ замкѣ же Гарло внезапная радость и надежда исчезали съ каждымъ днемъ, съ каждою минутою, хотя они не знали еще о своей невозвратной потерѣ, Блѣдныя эти лица, то улыбались, то плакали, то искажались невыразимымъ ужасомъ. Низкія эти души то избѣгали, то искали, то глядѣли другъ на друга.... и не смѣли спрашивать ни у кого.... такъ боялись они страшной, роковой вѣсти.... Бѣдная мать, стоя на колѣняхъ и склонивъ посядѣлую свою голову, молча плачетъ и усердно молится; отецъ и дяди подавлены тѣмъ старческимъ горемъ, которое гложетъ, убиваетъ человѣка.

При малѣйшемъ шумѣ весь домъ вздрагиваетъ!... Лошадь-ли скачетъ, человѣкъ ли идетъ, вѣтеръ ли воетъ, всё дрожать, блѣднѣютъ.

Наконецъ, у главныхъ воротъ раздается колокольчикъ, собака воетъ заунывнымъ голосомъ, все въ домѣ молчитъ, колокольчикъ снова звонитъ, слуга отворяетъ наконецъ ворота. Входитъ молодой человѣкъ одѣтый въ черное. Онъ проситъ позволенія переговорить съ мистромъ Гарло, ему не отвѣчаютъ; этого мало; человѣкъ отворившій ему ворота убѣгаетъ въ ужасѣ: Бетти Бернсъ, которая стоитъ на дворѣ, вскрикиваетъ; она кричитъ отъ угрызеній совѣсти. Молодой человѣкъ твердою поступью идетъ по ступенямъ широкой лѣстницы и входитъ въ залу, въ ту самую залу гдѣ мы уже видѣли Мордена, когда онъ предвѣщалъ этому семейству то самое горе, которое поражаетъ его теперь. Всѣ они собрались въ этой залѣ. Страшное и поучительное зрѣлище! Ужасно было смотрѣть на эти блѣдныя, остолбенѣлыя, боязливыя лица!

Мать падая на колѣна лишилась чувствъ, и никто не думалъ подымать ее. Несчастная! она потеряла послѣднюю надежду, послѣднюю радость жизни! Только одинъ мистръ Джемсъ не терпалъ присутствія духа; онъ всталъ и взялъ письмо изъ рукъ посланнаго; оно было отъ Мордена:

«Все кончено, писалъ полковникъ, ангелъ на небесахъ! тамъ ожидаетъ ее награда праведниковъ. Она проситъ только одной милости, чтобъ ее похоронили въ ногахъ дѣдушки, котораго она такъ вѣжно любила; исполните ея послѣднюю просьбу. Все готово къ похоронной процессіи, и если мы не получимъ отъ васъ отказа, то тронемся съ мѣста съ разсвѣтомъ дня.

«Жалѣю васъ! плачу о ней, особенно же о васъ.»

На другой день, десятаго сентября, въ поведѣльникъ, въ назначенный часъ полковникъ Морденъ, Бельфордъ и Гикментъ, въ глубокомъ траурѣ, со всѣми своими слугами, также одѣтыми въ черное, готовились провожать Клариссу Гарло къ послѣднему ея жилищу. За гробомъ, въ каретѣ, обитой чернымъ сукномъ, ѣхали миссъ Анна и мистриссъ Нортонъ. На лицахъ провожатыхъ видна была такая истинная скорбь, что даже прохожіе, во время всей дороги, раздѣляли ихъ горе. Процессія шла мѣрнымъ шагомъ; мрачно-спокойное небо было покрыто тѣми сѣроватыми облаками, которыхъ не видно лѣтомъ, во время ясной, теплой погоды; пожелтѣвшіе листья падали уже съ деревь; птицы молчали на вѣткахъ захваченныхъ осеннимъ холодомъ; вся природа, казалось, плакала, скорбѣла!

Когда процессія была уже не далеко отъ замка Гарло, то полковникъ далъ приказаніе идти потише.

Тутъ дорога шла въ гору, надо было свернуть на проселочную тропинку, которая вела прямо къ замку: Кларисса Гарло вступала въ свои помѣстья; вдаль, освѣщенный лучами заходящаго солнца, возвышался замокъ, одинъ изъ древнихъ замковъ построенныхъ при Тудорахъ, и такъ живо напоминающихъ нравы величественной, древней Англіи. Замокъ возвышался надъ террасою, окруженный садами, строгаго и правильнаго штиля. Нѣсколько поколѣній оставили слѣды свои въ почернѣломъ старомъ домѣ, запертомъ съ верху до низу. Греція, Италия, готическая и даже саксонская архитектура красовались на стѣнахъ баронскаго замка.

Каштановыя аллеи, расположенныя звѣздами, вели къ маленькому парку, тропинки котораго соединялись съ большою доро-

гою. Это былъ законъ миссъ Гарло, или скорѣе сказать, ее остра, пріѣтъ до пятнадцатилѣтняго возраста, тихая столица ея кроткаго царства. На цѣлующихъ этихъ границахъ, на берегу источника, который струился и такъ жалобно журчалъ въ этомъ паркѣ, собрались вассалы миссъ Гарло, чтобъ поклониться въ послѣдній разъ своей госпожѣ и владѣтельницѣ. Юноши и старцы стояли съ непокрытыми головами, а женщины сложили набожно руки молились на колѣняхъ за усопшую душу Клариссы; тѣ и другіе плакали о доброй и ласковой госпожѣ своей.

Не въ далекомъ разстояніи отъ зѣмка, Морденъ, оставивъ печальное шествіе, поскакалъ во весь духъ, предупредить семейство, что гробъ уже недалеко.

Ворота были настежь отворены; слуги и вассалы стояли въ мрачномъ молчаніи; Мистръ Джемъ Гарло вышелъ на встрѣчу полковнику, который въ первый разъ по возвращеніи своемъ въ Англію протянулъ ему руку; миссъ Арабелла слѣд на крыльцѣ плакала.

Увидѣвъ Мордена, глава этого, столь жестоко наказаннаго семейства всталъ и сказалъ жалостнымъ голосомъ:

— Сжальтесь надъ нами, вспомните, что вы посланный нашей дочери. Передъ вами стоятъ преступники.... но посмотрите на наше отчаяніе, и хоть теперь, по-крайней-мѣрѣ, пощадите насъ! Ахъ! Морденъ, Морденъ, бѣдная жена моя и я не будемъ долго нуждаться въ вашей жалости.

Мистриссъ Гарло молчала: жестокыхъ этихъ минутъ нельзя выразить ни слезами, ни словами; она стояла неподвижно склонивъ голову на грудь мистриссъ Гервей, которая горько плакала.

— Сестрица! сестрица!... говорилъ дядя Антони; но не могъ продолжать; дядя Юлій хотѣлъ подоспѣть на помощь брату; но голосъ его сорвался и онъ принужденъ былъ отвернуться. Взоръ его упалъ на Джемза съ выраженіемъ гнѣву, но гнѣвъ этотъ погасъ въ слезахъ.

Такъ вотъ въ какомъ ужасномъ положеніи находится теперь это семейство, которое было столь счастливо, уважаемо и гордо прежде чѣмъ злодѣй этотъ, для минутной своей прихоти, лишилъ ихъ чести, славы, любви и спокойствія.

Морденъ, едва переводя дыханіе, сталъ говорить посреди слезъ, рыданій и прерываемыхъ рѣчей:

— Намъ надо собраться съ силами, любезные родственники, чтобъ перенести такое горе. Я былъ жестокъ къ вамъ; но те-

верь, судя по вашему отчаянію, вижу, что вы истинно ее любите, и потому прошу забыть мои, можетъ быть, несправедливые упреки.... Увы! увы! Чтобъ облегчить наши страданія, намъ остается только плакать и скорбѣть вмѣстѣ! Правда, что ея нѣтъ съ нами, но по-крайней мѣрѣ она тамъ счастлива! Умирая, она благословляла насъ....

— Такъ это правда, правда, что Кларисса моя умерла?!... говорила бѣдная мать, ломая себѣ руки. О, Морденъ, Морденъ! можетъ ли это быть?!...

Она задыхалась. «Оставьте меня!» закричала она Джемзу, когда тотъ хотѣлъ утѣшить.

— Да, да, вы правы, матушка, отвѣчалъ Джемзъ: да, я заслужилъ ваши упреки; я жестоко, безжалостно обходился съ нею!... Мнѣ нѣтъ оправданія. Бѣдная сестра! Вѣрно она жаловалась, обвиняла меня, Морденъ?

— И меня тоже? сказала миссъ Арабелла. Я писала къ ней непростительныя вещи! О, бѣдная моя Кларисса!...

— Она умерла, благословляя брата и сестру; она умерла, вспоминая всѣхъ васъ и произнося имена ваши. О! сколько спокойствія, силы, бодрости, присутствія духу! Сколько живыхъ, пламенныхъ надеждъ! Сколько твердаго, святаго упованія на милосердіе Божіе!... Взоръ ея дышалъ небомъ; ангелы ожидали ея.... она уже слышала ихъ дивную гармонію.... Смерть ея была такъ же прекрасна, какъ и жизнь ея!... Это святая, и въ эту минуту она молится тамъ за насъ!

— Добрая, ангельская душа! говорила рыдая мистриссъ Гарло: какъ я тосковала, плакала по тебѣ! Сколько безсонныхъ ночей, сколько томительныхъ дней провела я безъ тебя, жизнь моя! Но я не умѣла спасти, защитить тебя, не хотѣла внимать твоему благородному сердцу, которое взывало ко мнѣ; не хотѣла видѣть слезъ твоихъ.... Бѣдное дитя! ты умерла не зная даже, что у тебя была еще мать! И я не могла посмотрѣть на тебя еще разъ; не могла закрыть тебѣ глазъ, взить передъ тобой моего сердца и рассказать, какъ я любила тебя, какъ грустила по своей Кларочкѣ! Ты расскажешь мнѣ, милая Нортонъ, что она дѣлала, что говорила, какъ умирала и какъ прощала всѣхъ насъ!... Вѣдь ты видѣла ее, Нортонъ, закрыла ей глаза, а я.... я, мать ея, была.... гдѣ-бишь я была?... куда это послали вы меня, вы, мистръ Джемзъ, и вы, миссъ Арабелла?... Злые!... Да избавить васъ Господь отъ тѣхъ страданій, въ которыхъ умерла сестра ваша!...

Между-тѣмъ гробъ приближался все ближе и ближе, проѣхалъ мимо той стѣны и калитки, изъ которой убѣжала Кларисса, и наконецъ въ шесть часовъ вечера вѣхалъ на главный дворъ замка. Ночь была темная, холодная, ужасная!

Деревенская церковь не далеко, такъ что, глядя на стрѣлу, можно подумать, что колокольня ея стоитъ въ самомъ паркѣ Гарло. Сильный вѣтеръ завываетъ въ пространствѣ; въ сухомъ и холодномъ воздухѣ раздается погребальный колоколь.

Печальный, раздрающій сердце звонъ умножалъ страданія несчастныхъ.

Можно представить себѣ, что они чувствовали въ ожиданіи этой торжественной минуты и что было съ ними, когда песокъ заскрипѣлъ подъ тяжелыми колесами дрогъ и когда гробъ подѣхалъ къ самому крыльцу.

Человѣкъ отворилъ дверь въ залу; онъ не сказалъ ни слова, потому что не могъ говорить, а только поклонился и вышелъ.

Морденъ стоялъ на порогѣ и не рѣшался войти; наконецъ шатаясь онъ подошелъ къ Джемзу.

Ничто не можетъ выразить унынія и горя толпы, окружавшей гробъ.

Вѣсть о смерти Клариссы, быстрая какъ молнія, разнеслась по всей окрестности. Всѣ узнали, что родные молодой особы, пока она была въ живыхъ, не хотѣли видѣть ея, а теперь согласились принять трупъ ея, и всѣ сбѣжались поклониться въ послѣдній разъ всѣмъ любимой Клариссѣ Гарло.

Съ самаго дѣтства многое это существо было кумиромъ всѣхъ этихъ честныхъ, простодушныхъ людей, родившихся съ нею на одной землѣ. Старики, болтливая хроника прошедшаго, носили ее на рукахъ и вспоминали съ восторгомъ всѣ чудеса ея младенчества; молодые люди выросли съ нею; бѣдные никогда не зывали напрасно къ добротѣ ея сердца; вассалы ея съ радостью покорялись кроткой власти милаго ребенка; каждый зналъ ее, потому что она каждого называла по имени, знала лѣта каждаго земледѣльца на полѣ и имя каждаго ребенка въ колыбели; всѣ надѣли черное платье, потому что она сама носила его по всѣхъ прежде ея умершихъ; всѣ стояли на колѣняхъ передъ ея гробомъ, потому что она сама молилась надъ могилой каждаго. Однимъ словомъ, вся деревня любила ее за доброту ея сердца, за милосердіе и красоту ея, за добрые совѣты, примѣры, за утѣшенія и многочисленныя милостыни. Молодая дѣвушка эта со-

ставила себѣ царскій поѣздъ изъ старцевъ, вдовъ и сиротъ, которые шли рыдая за ея гробомъ. Вотъ похвальное слово невыразимаго краснорѣчія.

Зато когда увидали этотъ гробъ безъ гербовъ, безъ украшеній и услышали этотъ погребальный звонъ, который сзывалъ молиться за усопшую душу, всѣ бросились за гробомъ и провожали до самаго крыльца.

Тутъ двадцать молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, принесли свою добрую госпожу, внесли на рукахъ въ домъ и поставили посреди залы.

Вотъ какимъ образомъ Кларисса возвратилась въ родительскій домъ.

Дѣвушки стали на колѣни кругомъ гроба, сзади ихъ вся деревня, и панихида началась. Всѣ плакали, всѣ молились. Домашніе слуги въ свою очередь пришли проститься съ Клариссой, и наконецъ, въ ожиданіи дня, толпа разошлась по домамъ.

Отдаленный колоколъ все звонилъ еще. Морденъ и Джемъ остались при гробѣ; остальные члены семейства ожидали въ маленькой Клариссиной гостиницѣ, которую снова отворили.

Оставшись одинъ, Морденъ и Джемъ ввели наконецъ мать.... но она уже бросилась на гробъ; отецъ слѣдовалъ за нею; вставъ на колѣни подлѣ жены своей, онъ цѣловалъ ей руки и взоромъ, исполненнымъ раскаянія, умолялъ о прощеніи; дяди и сестра стояли въ отдаленіи; все плакало, все рыдало!...

Ночь прошла въ горѣ, въ слезахъ, въ отчаяніи, въздохахъ, рыданіяхъ, угрызенихъ совѣсти, въ тишинѣ, въ молчаньи, въ молитвахъ! Но к чему все это? Только одни поэты могутъ выразить такую скорбь:

«Не страшись теперь ни лѣтяго зноя, ни зимняго холоду; ты совершила свое земное назначеніе, ты получила награду, заслужила пристанище; юноши и дѣвцы, разукрашенные золотомъ, не чтѣ иное какъ добыча могильныхъ червей.

«Ты укрылась отъ зависти, отъ ненависти, избавилась отъ радостей и слезъ; тебя ни что больше не пугаетъ; тебя ждуть, бѣдный ангелъ! лети туда, не бойся. Все гибнетъ въ этомъ мірѣ: вѣнецъ славы, мечъ война, лира поэта, поясъ невесты, сѣдые волосы старца, мать и младенецъ, всѣ пойдутъ по той же дорогѣ.

«Ты унодоблялась цвѣтамъ, ты, которая лежишь теперь недвижимъ! Они завянутъ какъ и ты. А мы, оставшіеся на землѣ,

«падемъ ницъ и вознесемъ молитву къ Богу! Онъ дасть, Отецъ и
 «взялъ ее! Радости ея протчались, страданія тоже кончались!
 «Есть паденія, возстающія счастье!»

На другой день этой скорбной ночи, все семейство снова стояло около убаюканнаго смертью ребенка; мать простояла цѣлую ночь надъ тѣломъ любимой дочери: она дотого была потрясена въ свое горе, что, когда двери отворились и все семейство вошло, мистриссъ Гарло была удивлена, какъ будто не понимала, зачѣмъ тревожили ее, зачѣмъ выводили изъ раздумья. Она стояла, склонясь головой о гробъ дочери, стояла безъ слезъ, безъ молитвъ, безъ сна, живая еще!... Вотъ все, что можно было сказать.

Отецъ, дядя, братъ и сестра сложивъ руки, молча преклонились передъ прахомъ бѣдной Клариссы, но видно было, что они не могли молиться.

Въ церкви же все готовилось къ погребенію.

Раздался уже похоронный звонъ. Кругомъ замка толпился народъ; ждали только выноса тѣла. На дворѣ стукъ колесъ потрясъ мостовую.

Миссъ Гоу просила позволенія войти.

При этомъ имени всѣ родственники встали и ушли, даже сама мать не противилась: ее увели какъ ребенка.

Морденъ держалъ за руку друга Клариссы: онъ встрѣтилъ ее на крыльцѣ замка; миссъ Анна хотѣла еще разъ видѣть ту, которую такъ любила. Это было одно изъ тѣхъ непреодолимыхъ желаній, которымъ надо непременно покориться; она воображала, что Кларисса не умерла еще, и увѣряла себя, что не довольно еще налюбовалась мертвою Клариссой. Нѣжная эта дружба еще больше усилилась во время печальныхъ проводовъ и, наконецъ, ей казалось, что бѣдное это дитя оставалось въ родительскомъ этомъ домѣ, изъ котораго ее выгнали, на поруганіе брату и сестрѣ.

Она вошла въ залу и, вынимая руку свою изъ руки Мордена, сказала:

— Благодарю васъ, полковникъ; вотъ мѣсто, гдѣ бы мнѣ не слѣдовало быть; но возлюбленная моя Кларисса влечетъ меня за собой; куда она идетъ, туда и я за ней. Я видѣла ее эту ночь, она звала меня, и я пришла на зовъ ея: «Спѣши, спѣши ко мнѣ, милый другъ! говорила она: я одна, мнѣ холодно, согрѣй меня своими слезами, поцѣлуями; все молчитъ около моего гроба!...» Вотъ я, вотъ я, милая, обожаемая моя Кларисса! вскричала миссъ Гоу,

падал на кровать и снимая съ шеи шнурокъ, на которомъ висѣлъ серебряныйъ ключъ отъ гроба...

Гробъ отворился; въ немъ лежала все та же красота, которую миссъ Анна убрала цвѣтами. Цвѣты завяли, но смерть не искажала еще этого прекраснаго тѣла; глядя на кроткое это лицо, можно было подумать, что она только заснула!

Анна дрожала отъ негодованія и, подымая руки къ небу, казалось, призывала на домъ этотъ небесное правосудіе.

— Прости, прости навсегда, святая, возлюбленная моя Кларисса! Смерть твоя будетъ вѣчнымъ стыдомъ, поношеніемъ твоимъ убійцамъ, злодѣямъ!... Горе, горе намъ, но не ей, потому что она спитъ самымъ сладкимъ сномъ! Такъ вотъ гдѣ послѣднее твое убѣжище, другъ мой, путеводитель, ангельская красота?!... Дружба, довѣріе, умъ, сердце, рѣзвость, невинность, красота—все тутъ, въ этомъ гробѣ!... И ты лежишь такая блѣдная, холодная, бездыханная, мертвая!... Нѣтъ, это невозможно!... Если же ты спишь, то проснись, жизнь моя, проснись, обожаемая моя Кларисса, проснись подъ моими лобзаніями! Услышь голосъ, призывающій тебя къ жизни, къ счастью! Или по крайней мѣрѣ расскажи мнѣ, что дѣлается тамъ, въ обители вѣчнаго мира, и возьми съ собою мою любящую, созданную для тебя душу! Проснись, мой ангелъ, улыбнись своей Аннѣ и посмотри на нее прекрасными своими глазками, которые она сама тебѣ закрыла!...

Она цѣловала блѣдное это лицо, цѣловала окостенѣлыя руки, видела ее, кричала, называла самыми вѣжными и страстными именами и ждала отъ нея взгляду, улыбки, или хоть вздоху... но одно вѣчное молчаніе отвѣчало на волю души ея.

Мордекъ отворилъ дверь; вошли дѣвушки съ цвѣтами въ рукахъ.

— Дайте, дайте, я сама уберу ее этими осыпанными розами, сказала миссъ Гоу, обращаясь къ крестьянкамъ. О, Кларисса! прими мои послѣднія прощанья, но не послѣднія слезы, не послѣднія мольбы! О, возлюбленная моя! прими отъ земли эти послѣдніе цвѣты.... Можетъ ли быть, чтобъ это была Кларисса? чтобъ она была мертва? и лежала въ этомъ домѣ, гдѣ ее такъ жестоко унджали?... Не надо было возвращаться сюда, милое дитя мое, а ко мнѣ, настоящей сестрѣ твоей. Я была всѣмъ для тебя въ этомъ мірѣ, душою, сердцемъ, другомъ, сестрою; я замѣняла тебѣ все, возлюбленная моя; вѣдь у насъ съ тобой была одна душа, одно сердце!... И всему этому конецъ!... И намъ надо разстаться, навсегда разстаться!...

Миссъ Анна колебалась, не могла отойти отъ гроба; глядя на нее, можно было подумать, что она не довольно еще измучила свое сердце, что она хотѣла упиться своими страданіями. Грудь ея стѣснѣлась, и она чуть не упала въ обморокъ, но врезанныя слезы спасли ее.

Наконецъ, простясь еще разъ съ другомъ, она хотѣла запереть гробъ, но Морденъ остановилъ ее.

— Миссъ Анна, сказалъ онъ строгимъ голосомъ, вы забываете, что у нея была... *мать!*

Миссъ Гоу вышла закрывъ лицо руками; молодыя дѣвушки пошли за нею.

Семейство Гарло, столпившись въ маленькой гостиной, невидимо присутствовало при этой мрачной сценѣ и съ ужасомъ слѣдило за малѣйшими ея подробностями. Когда миссъ Гоу вышла, дяди, братъ и сестра пошли поклониться мертвой Клариссѣ. Мистриссъ Гервей первая бросилась на трупъ своей племянницы и съ воплями стала прощаться съ нею. Миссъ Арабелла, тренеца отъ укоровъ совѣсти, съ трудомъ могла посявѣлыми губами прикоснуться къ рукамъ покойницы; мистръ Джемсъ мрачно смотрѣлъ на свое преступленіе; блѣдые, безмолвные отъ ужасу дяди ея, склонивъ головы, стояли по сторонамъ бывшей Клариссы, въ рукахъ у которой было еще не распечатанное единственное ласковое письмо, какое родные написали ей во все время ея бѣдствія. На порогѣ явилась мать Клариссы. Она, опираясь на руку мистриссъ Гоу, хотѣла подойти къ тѣлу дочери, но силы измѣнивъ несчастной и она безъ чувствъ упала посерединѣ комнаты. Морденъ закрылъ гробъ.

Въ одиннадцать часовъ утра Клариссу понесли въ церковь, гдѣ ея ожидалъ пасторъ Люинъ и гдѣ, не болѣе шестнадцати лѣтъ тому назадъ, тотъ же самый служитель алтаря благословлялъ ее на жизнь. На похороны сошлись и съѣхались со всей окрестности, богатые и бѣдные, старые и малые, всѣ, кто ее зналъ, и всѣ, кому она благодѣтельствовала. Скорбь была всеобщая и единодушная. Только родные не смѣли явно выказывать своей скорби: они, за исключеніемъ Мордена, всѣ походили на преступниковъ, представшихъ на судъ. Когда гробъ опускали въ склепъ, Юлій, Антони и Джемсъ пошли было слѣдомъ, но вдругъ на порогѣ остановились, какъ-будто утрашили, что ихъ тамъ запрутъ. Морденъ и Бельфордъ одни послѣдовали и отдали несчастной Клариссѣ послѣдній поклонъ.

Черезъ три дня послѣ похоронъ, семейство Гарло собралось въ той же гостиницѣ для чтенія завѣщанія Клариссы. Волненія скорби было уже почти вовсе незамѣтно и слезы высохли.... не у матери, конечно; мать умирала съ горя. Отецъ однако жъ позволялъ увлечь себя въ это собраніе. Братъ предѣлательствовалъ, сестра и дяди присутствовали.

Когда Бельфордъ объявилъ, что покойная миссъ Кларисса Гарло назначила его своимъ душеприказчикомъ, всѣ эти добрые люди всполошились и стали кричать, что это невозможно. Въ особенности мистръ Джемсъ бѣсновался на такой «капризъ» покойницы. Въ отвѣтъ на весь крикъ Бельфордъ отвѣчалъ тѣмъ, что хладнокровно сломалъ печать конверта. Морденъ вступился и именемъ своей покойной кузины потребовалъ уваженія къ ея послѣдней волѣ. Въ тоже время онъ спросилъ, не хотятъ ли родственники отложить чтеніе контракта до другаго дня, но Джемсъ, которому вскорѣ хотѣлось знать содержаніе завѣщанія, поспѣшилъ отвѣчать, что если ужъ всѣ для этого собрались, такъ и откладывать не за чѣмъ. Бельфордъ развернулъ бумагу.

Мы уже знаемъ, сколько нѣжноети, самоотверженія, покорности и смиренія заключалось въ выраженіи послѣдней воли Клариссы. При чтеніи этихъ трогательныхъ страницъ у Бельфорда навернулись слезы, такъ, что онъ не разъ долженъ былъ останавливаться, чтобы отереть ихъ. Морденъ стоялъ поодаль въ безмолвной скорби, но слушалъ со вниманіемъ. Отецъ Гарло почти вовсе не слушалъ, а Джемсъ, оба дяди и Арабелла слушали съ безпокойнымъ любопытствомъ и даже съ жадностью.... да, съ жадностью!

— А! вскричалъ Джемсъ, увидѣвъ, что вся ферма отказана отцу: Кларисса отомстила мнѣ!

— И къ-чему отдавать этотъ домъ Нортонъ? вскричала Арабелла: это нарушаетъ цѣлость имѣнія; гдѣ видано, чтобы вырѣзывали такіе клочки?

— Племянница оставляетъ мнѣ *всѣ* свои картины, замѣтилъ дядя Юлія, а между-тѣмъ исключаетъ Гольбейнову голову, которая составила бы лучшее украшеніе моей галлерей.

— Я очень доволенъ серебромъ, которое мнѣ назначено, говорилъ дядя Антони, но мнѣ кажется, что къ этому серебру по справедливости слѣдуетъ причислить старинное вооруженіе, выложенное серебромъ и золотомъ, что стоитъ въ столовой.

— Извините, братецъ, возразилъ Юлія, это такая вещь, кото-

рой слѣдуетъ быть въ музеѣ, слѣдовательно она мов... Сказано: «серебро, которое заключается въ желѣзномъ судуитѣ». Держитесь буквального смыслу завѣщанія.

Арабелла во всякой фразѣ у Клариссы видѣла «ненависть». Джемъ говорилъ, что Кларисса ограбила своихъ родныхъ, что завѣщаніе это — образецъ мщенія — составлено единственно въ пользу чужихъ людей, и что онъ потребуеъ уничтоженія его.

На это Бельфордъ и Мордехъ отвѣчали, что онъ сдѣлаетъ все, что въ его власти, чтобы воспрепятствовать уничтоженію, и тотчасъ же ушли, оставивъ добрыхъ родственниковъ Клариссы бѣсноваться, сколько имъ угодно.

Ловласъ находился у своего дяди, гдѣ его стерегли Бельтонъ, Мобрей и Турвилъ, которые едва могли управиться съ сумасшедшимъ. Иногда онъ совершенно выходилъ изъ себя, проклиналъ все и всѣхъ, рвался какъ бѣшеный; иногда же на глазахъ у него блестѣли слезы, но гордость тотчасъ же замораживала ихъ. Это была скорбь неуиротная, безутѣшная, безнадежная.

— Ну, ужъ это значитъ черезъ-чуръ много шумѣть изъ-за женщины! говорилъ Мобрей: Ловласъ съума сошелъ, дядя его почти умеръ, тетки плачутъ, весь городъ шумитъ словно эдъ. Намъ уже не кланяются, на насъ указываютъ пальцами, на прогулкахъ избѣгаютъ встрѣчи съ нами, въ гостинныхъ принимаютъ сухо... Если такъ будетъ продолжаться, въ насъ скоро станутъ камнями швырять! Страшный Ловласъ, который прежде постыдился бы показаться серьезно влюбленнымъ, теперь плачетъ какъ дѣвочка! Напрасно онъ старается и смѣяться: его смѣхъ страшнѣйшій хандры. Руки у него скорчены, какъ-будто онъ сейчасъ совершилъ убійство. Онъ приходитъ и уходитъ, отворяетъ и затворяетъ двери безъ всякой надобности; отворяетъ окна, какъ-будто хочетъ выкинуться на улицу, и бьетъ себя кулаками въ грудь и голову, такъ, что страхъ беретъ; ломаетъ всѣ мебели, и когда я хотѣлъ остановить, мнѣ самому, мнѣ далъ оплеуху! Чортъ возьми! это непріятно получить даже отъ сумасшедшаго. О Вилямъ и говорить нечего: того по десяти разъ въ день колотить. Однакожь мы успѣли мало-по-малу уснѣконть его. Узнавъ тогда, что ударилъ меня, онъ попросилъ извиненія и обѣщалъ вести себя по-кротче. Ему захотѣлось прогуляться верхомъ и ему подвели его любимца Гендлѣ. «Нѣтъ! вскричалъ онъ: этого не нужно! къ чорту его! Онъ понесетъ меня опять къ Свѣ-Клеръ! Продайте эту лошадь, убейте, застрѣльте ее, проклятую!» Подвели другую,

посмирише, которую можно было бить и колоть шпорами сколько угодно, и мы поѣхали, разумеется, въ противоположную сторону отъ Генриетта. Дорогой я говорилъ: «Кой чортъ, въ самомъ дѣлѣ, — любезный другъ, какая муха забралась къ тебѣ въ голову? Ты погубилъ уже двадцать женщинъ, не хуже этой, и ни вотъ на столько не беспокоился, а теперь, посмотри ка, самъ на себя не похожъ!» — «Молчи! вскричалъ онъ: мы не умѣли уважать ее живую, такъ я хочу, чтобъ уважали мертвую». Онъ приширился и усканилъ впередъ, такъ, что мы съ трудомъ нагнали. Мы ужъ думали, что онъ хочетъ сломить себѣ шею на скаку. Домой мы привели коня подъ уздцы и всадникъ не противился.

Такой отчетъ Мобрей отдалъ Бельѳорду, когда тотъ пріѣхалъ. Друзья почти насильно свезли Ловласа къ лорду М^{...} и тамъ стерегли его. Послѣ бѣснованіе прошло и уступило мѣсто раскаянію. Ловласъ постигъ наконецъ всю мѣру своего преступленія; позналъ, какое сердце оскорбилъ, какую душу сокрушилъ.

Онъ плакалъ, слушая Бельѳордовъ подробный рассказъ о погребеніи Клариссы.

— Я знаю, говорилъ онъ потомъ, мое преступленіе ужасно и я не найду состраданія нигдѣ, когда самъ не имѣлъ ни состраданія ни жалости, даже къ Клариссѣ! О! гдѣ тотъ счастливый возрастъ, когда я еще въ состояніи былъ отдать то, что стоило цѣлаго міра, — мое сердце? Ахъ, я вижу теперь, кто съѣтъ безвѣріе, поживаетъ здѣ. Настоящее для меня уже не существуетъ будущее наполнено однимъ ужасомъ, и я не смѣю обратить взора своего даже за могилу, потому что и тамъ не найду покоя. Все мое утѣшеніе въ томъ, что я уже не могу испытать ни какого горя, — я испыталъ уже самое жестокое. Несчастный я! я подло употребилъ во зло мой умъ, мое богатство, мою знатность, и вѣрво буду теперь служить страшнымъ примѣромъ всей англійской молодежи. Испорченная душа, истасканная молодость, погибшая честь, — вотъ плоды моихъ легкихъ торжествъ! Вотъ до чего я дожилъ въ двадцать-пять лѣтъ! Я долженъ бѣжать отъ всеобщаго негодованія и увести съ собой проклятія и презрѣніе порядочныхъ людей! Несчастный я, несчастный! мнѣ стыдно, когда я вспомню, что въ мои лѣта Довъ-Жуанъ Австрійскій одержалъ побѣду подъ Лепантомъ; Гастонъ де-Фоа еще моложе сталъ побѣдителемъ равенскимъ, Кондэ — рокройскимъ; въ тридцать лѣтъ кардиналъ Ришельё уже управлялъ почти всей Европой... я я, богатый надеждами какъ весна, на возрастѣ этихъ героевъ,

обольщалъ женщинъ, изобрѣталъ покровъ для портныхъ и производилъ перевероты въ формѣ каретъ! Славная жизнь! Прекрасно употребленное время! Оставь меня, Бельфордъ, дай мнѣ скрыться, позволь мнѣ молчать; не заглядывай въ сердце, гдѣ найдешь адъ.

Такъ онъ высказывалъ свое горе и раскаяніе; потомъ опять молчалъ, не обнаруживалъ ни страху, ни надежды, ни воли, ни даже сознанія; иногда же вдругъ требовалъ одѣваться, говорилъ что графиня Ловласъ ждетъ его къ себѣ, что она не умерла, что она прощаетъ его и соглашается осыпавъ любовью. Потомъ онъ опять возвращался къ дѣйствительности и тогда ужасался самого себя, находилъ себя болѣе нежели униженнымъ — смѣшнымъ. «Кто я? Ловласъ, игрушка моихъ враговъ, посмѣшище праздныхъ сплетниковъ, жертва холопей, которые подъ-конецъ, пожалуй, станутъ колотить меня!»

Этой мысли достаточно было, чтобъ возвратитъ ему разсудокъ въ ту самую минуту, когда всѣ уже почитали его совершенно помѣшаннымъ:

— Полно! сказалъ онъ: я не хочу умереть безъ головы послѣ того какъ жилъ такъ долго безъ сердца. Къ чему сожалѣнія и слезы? Не все еще погибло. У меня еще есть силы, воля и отвага, и если правда, что міръ принадлежитъ холоднымъ умамъ, я хочу жить, хотя бы только для того, чтобы не уступить торжества моимъ врагамъ.... О, эти Гарло! Если бы кто нибудь сказалъ мнѣ: Ловласъ сошелъ сума, подите посмотрѣть на него сквозь рѣшетку, въ Бетлемѣ; мистръ Джемсъ, вы можете наплевать ему въ лицо, не подвергая испытанію свою храбрость; подите, онъ бѣшенный, но его держать на цѣни! посмотрите, полюбуйтесь на него!... Какъ бы они порадовались! Но погодите; я еще живъ. Прочь жалобы, слезы и мрачныя мысли! Я вырываю изъ сердца хандру, какъ негодный плевецъ. Я хочу смотрѣть на солнце по-оринному; я хочу снова вмѣшаться въ толпу; пусть люди страшатся и ненавидятъ меня по-прежнему. Я жилъ въ бурѣ и въ бурѣ пусть умру. Но я хочу еще жить.

И въ продолженіи одного мѣсяца у Ловласа дѣйствительно исчезли всѣ внѣшніе признаки горя. Въ живыхъ глазахъ его снова стали находить провинительность, кеторою онъ былъ столько страшенъ; лобъ сталъ гладкимъ и спокойнымъ, движенія ровными и вѣжливыми, улыбка насмѣшливою, рѣчь изящною и бойкою какъ прежде, и во всемъ этомъ отражались мизантропія и скеп-

тицизмъ либеральнаго и вмѣстѣ нервнаго барина, гордеца и красавца, котораго слово становилось закономъ и всей знатной англійской молодежи; онъ больше чѣмъ когда-нибудь служилъ идоломъ и образцомъ свѣтскаго человѣка. По изяществу и по уму онъ дѣйствительно былъ равный знаменитѣйшимъ лэвамъ своего времени, Честерфильду, Дженнейсу, лорду Бьюти, Ковентри, сэру Чарльзу Уильямсу и Уитлиду, но по порокамъ и по отягчъ превосходилъ ихъ всѣхъ.

Когда въ обществѣ примѣтили, что Ловласъ снова ищетъ успѣховъ, успѣхъ носившихъ къ нему на встрѣчу съ приращеніемъ всего интересу, какой возбуждаютъ герои необыкновенныхъ приключеній. Его «приключеніе» уже перестали называть злодѣйствомъ и смягчили самыми снисходительными попененіями. Кто же жаловался? Семья, которую онъ опозорилъ, не подавала голоса. Кого же онъ обманулъ? Онъ самъ всегда хвалился, что «въ жизнь свою не лгалъ ни одному мужчигъ и ни слова правды не говорилъ женщинамъ.» Слѣдовательно онъ могъ высоко держать голову вездѣ, гдѣ ни появлялся; притомъ онъ зналъ, что время ускользаетъ много гнѣву.

Между-тѣмъ Бельфордъ, который зналъ полковника Мордена, не могъ быть спокойнымъ, пока его другъ, Ловласъ, не покидалъ Англии. Онъ сообщилъ свои опасенія лорду М^{***}, и тотъ, какъ благоразумный старикъ, который боится потерять послѣднюю надежду своей фамиліи, не зналъ отдыха, пока не успѣлъ просьбами и убѣжденіями склонить своего любезнаго племянника на довольно продолжительное путешествіе по матернку.

— Ахъ, Боже мой, любезный дядюшка, возражалъ Ловласъ можно подумать, что вы гоните меня съ глазъ своихъ! Я надобѣлъ вамъ? Скажите, такъ я уѣду. Неужели вы станете мнѣ повторять неспособную фразу: «Не говорилъ ли я тебѣ?» Или вамъ наскучила моя скромная и добропорядочная жизнь? Хорошо; я принѣтилъ въ Ричмондѣ хорошенькую женщину, свѣженькую, бѣленькую, съ обворожительными глазками; если это можетъ доставить вамъ удовольствіе, я пушусь на поискъ.

— Послушай, племянникъ, отвѣчалъ старикъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ неисправимъ? Неужели ни отчаяніе, ни несчастіе, ни стыдъ не могутъ укротить тебя? Вѣдь кто на молокѣ ожегся, тотъ и воды боится, говорить пословица.

— Пословица говоритъ также—повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Я боюсь не горячей, а стоя-

чей воды. Однако жъ, будьте спокойны; я уѣду; все уже готово, и маршрутъ мой составленъ. Прежде всего я поѣду въ Версаль, а оттуда въ Вѣну. Если найду хорошенькую Нѣмочку или Француженку, непременно привезу, лишь бы не сбѣжала у меня на полу-дорогѣ. Потомъ поѣду въ Венецію черезъ Баварію и Тироль, посмотрю, каковы тамъ нынче примадонны, а можетъ быть и прогуляюсь съ какою нибудь догарессой по Мосту Вздоховъ. Оттуда поѣду во Флоренцію; хорошая страна, если вѣрять стихолету Бокаччю, котораго вы читаете, когда у васъ нѣтъ подагры, и спрячете подъ подушку, когда кузина Шарлотта приходитъ пожелать вамъ добраго утра. Оттуда въ Римъ, гдѣ то же очень весело живутъ, а потомъ опять въ Парижъ, гдѣ и буду ожидать вашихъ приказаній, любезный дядюшка.

Дядя успокоился. Между-тѣмъ Ловласъ со дня на день подъ разными предлогами откладывалъ поѣздку, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становился безпокойнымъ и мрачнымъ. Путешествіе это могло показаться бѣгствомъ, а онъ ни зачѣмъ въ мірѣ не хотѣлъ бы бѣжать даже отъ всеобщаго негодованія. Онъ внимательно вслушивался во всякій малѣйшій звукъ изъ замка Гарло; подмѣчалъ, не будетъ ли шуму или угрозы. Но ничего не было слышно, — развѣ только домашніе споры и толки о сватовствѣ. То члены этого мейства спорили между собою изъ-за наслѣдства послѣ Кларисы, то разсуждали о женитьбѣ мистра Джемза Гарло ии замужствѣ миссъ Арабеллы.

Мистръ Джемзъ былъ достаточно богатъ, на то чтобы выбирать себѣ невѣсту въ самыхъ богатыхъ и знатныхъ домахъ, между графинями и герцогинями, очаровательными леди и миссъ, полными чувства и интриги. Самыя блестящія дамы наперерывъ старались и хлопотали, кто за себя, кто за свою дочку, и выставили на показъ всѣ свои чары: одна хотѣла увлечь остроуміемъ, другая веселостью, третья вѣжною мечтательностью, четвертая при появленіи мистра Джемза садилась за ару и выказывала свою лебединою шею, — словомъ, всѣ плясали свадебную пляску, по мѣрѣ своихъ средствъ, какъ возможно выразительнѣе. Подъ конецъ въ особенности много было толковъ о томъ, кого мистръ Джемзъ предпочтетъ, миссъ д'Ойлей или миссъ Стендингъ. Ловласъ, разсуждая объ этомъ съ Бельфордомъ, хохоталъ и утверждалъ, что побѣду одержитъ миссъ д'Ойлей, потому что она опытнѣй, — у него училась жить.

Что касается до жениха миссъ Арабеллы, вы уже знаете его.

Кто кромѣ мистра Сомза могъ искать руки достойной сестрицы мистра Джемза? Сомзъ уже рассчиталъ на фунты, шиллинги и пенса, сколько выиграла миссъ Арабелла отъ смерти Клариссы сколько сама она прикопила и сколько можетъ еще прикопить и сберечь при своей скупости и страсти къ деньгамъ.

Миссъ Арабелла, съ своей стороны, знала напередъ все состояніе, капиталы и доходы богача Сомза и напередъ предположила себѣ выговорить въ свадебномъ контрактѣ сколько возможно по-больше выгоды «на случай смерти супруга.» Она въ самомъ дѣлѣ вышла за мистра Сомза въ тотъ самый день, когда мистръ Джемзъ Гарло сочетался законнымъ бракомъ съ миссъ д'Ойлей; и чему слѣдовало быть, того никто не миновалъ: молодая мистриссъ Гарло, страстная охотница до нарядовъ и увеселеній, скоро соскучилась съ педантомъ мужемъ, и въ одно прекрасное утро бѣжала съ какимъ-то молодымъ сосѣдомъ, а мистриссъ Арабелла Сомзъ, схоронившись въ старинный замокъ и во врожденную свою скупость, произвела на свѣтъ сына, совершенный портретъ мистра Сомза, который, получивъ приличное воспитаніе, впоследствии, когда скряги родители умерли, достойнымъ образомъ промоталъ всѣ деньги, жадно накопленные въ желѣзныхъ сундукахъ.

Между-тѣмъ одно неожиданное происшествіе вдругъ оживило на нѣсколько времени память о смерти Клариссы, уже почти совсемъ исчезнувшую. Однажды, въ воскресенье утромъ, мистръ Люинъ, отправляясь вмѣстѣ съ Эліасомъ Брандомъ къ обѣднѣ, нашелъ у самой паперти своей церкви человѣка плававшего въ крови. Въ груди у него торчалъ кинжалъ и подлѣ лежала записка такого содержанія:

«Одинъ изъ убійць Клариссы учинилъ надъ собою судъ. По-молитесь о его душѣ. День кары наступитъ и для *другаго* убійцы.»

Больше ни имени, ничего не было, по чему бы могли признать покойника. Брандъ однакожъ узналъ его.

— Да, я узнаю его, говорилъ онъ: я, къ несчастію, видѣлъ его въ ту роковую ночь, которая навсегда будете у меня лежать укоромъ на совѣсти.... Этого человѣка называли капитаномъ.... Онъ одинъ изъ всѣхъ насъ понялъ тогда, въ какую пропасть злодѣи готовились низвергнуть несчастную дѣвушку!... Онъ одинъ поспѣшилъ къ ней на помощь. Бѣдный! если его проступки были велики, зато и раскаяніе ужасно!

Капитана, какъ самоубійцу, схоронили въ кладбища, при большой дорогѣ, и тѣмъ дѣло кончилось. Между-тѣмъ угроза другому убійцѣ возбудила новые толки, и друзья настоячивѣе прежняго приступили къ Ловласу съ убѣжденіями уѣхать хоть на время.

— Не странно ли, говорилъ Ловласъ Бельорду, не странно ли, что у этого бродяги Патрика Макдональда, у этого шута, до того изволивалась душенька, что онъ раньше срока выплатилъ свой долгъ палачу? Глядя на него можно подумать, что у него въ самомъ дѣлѣ была важная доля въ моемъ преступленіи. Нѣтъ, ты солгалъ, капитанъ Патрикъ! мое преступленіе принадлежитъ мнѣ одному, я не хочу раздѣлять его съ тобою. Видишь, какой выскочка! Какъ выдумалъ умирать! мало развѣ стало въ Англии висѣлицъ и веревокъ?

Сколько ни замедлялъ Ловласъ свой отъѣздъ, однакожъ наступила пора ѣхать. Приготовленій было сдѣлано много, потому что путешествію надлежало продолжаться два или три года. Съ дялюшки своего Ловласъ взялъ слово, чтобъ не умиралъ до его возвращенія.

— Сохраните, говорилъ онъ, любезный дялюшка, сохраните Англию одного изъ ея мудрѣйшихъ законодателей. Я знаю, что не трудно будетъ и замѣнить такого законодателя, но я привязанъ къ вашей дружбѣ; это моя слабость.

— Впрочемъ, говорилъ лордъ М***, мы не можемъ же отвѣчать за крайности, въ которыя бросалась миссъ Гарло. Не мы же ее убили, въ самомъ дѣлѣ, а гордость ея. Мы вѣдь лежали у ногъ ея и предлагали все на свѣтѣ, чтобы поправить зло...

Еще бы немножко, и достойный лордъ, увлекаясь удивленіемъ къ любезности своего племянника, принялся бы взводить нарѣканія на Клариссу и требовать у тѣни ея отчету за обиды, напесенныя прекрасному молодому человѣку!...

Но вотъ, наконецъ, мы приближаемся къ заключенію драмы, которой и самыя длинноты имѣютъ свой интересъ и свою важность, потому что бросаютъ свѣтъ на множество разнообразныхъ характеровъ.

За два дня до отъѣзду, Ловласъ, въ раздумьѣ, прогуливался по парку и въ сотый разъ ощущалъ впечатлѣнія, которыя только смерть въ состояніи стереть. Онъ сожалѣлъ о преступленіи, которое довело его до изгнанія, и перебиралъ въ умѣ все прошлое, уже невозвратное. Онъ всё-еще отыскивалъ какого-нибудь по-

воду отложить отъездъ, но напрасно, какъ вдругъ, на поворотѣ одной темной аллея, Вильямъ подаль ему письмо, котораго адресъ начерченный неискусною дрожащею рукой, обнаруживалъ неспокойную совѣсть.

Это было посланіе отъ Джозефа Лемана, котораго шуточные рѣчи и слогъ вамъ извѣстны; но какъ теперь у насъ дѣло идетъ не о шуткахъ, то мы избавляемъ васъ отъ этого письма. Послѣ многихъ стонувъ объ угроженіяхъ, которыя его преслѣдуютъ, Леманъ пишетъ своему *доброму господину*, что ему очень приятно видѣть отъездъ графа Ловласа изъ Англіи, потому что полковникъ Морденъ, устроившій уже всѣ дѣла по наслѣдству, о томъ только и помышляетъ, какъ отомстить за миссъ Клариссу. А какъ сіятельному графу должно быть извѣстно, что полковникъ Морденъ не такой трусъ какъ мистръ Джемсъ, то не худо будетъ его сіятельству поскорѣй отправиться за границу, только не во Францію и не въ Италію, потому что Морденъ самъ туда ѣдетъ, а въ Америку или по-крайней-мѣрѣ въ Германію. Если притомъ его сіятельству угодно взять съ собою вѣрнаго своего слугу Джозефа, то Джозефъ будетъ очень радъ сопровождать такого добраго господина,—что несравненно лучше союза съ сварливою Бетти Бернсъ, которой никто уже не кланяется въ деревнѣ.

Таково вкратцѣ было содержаніе письма вѣрнопреданнаго Джозефа.

При чтеніи лицо у Ловласа освѣтилось злобною радостью и глубокой вздохъ удовольствія вырвался изъ стѣсненной груди.

— А! вскричалъ онъ: теперь я понимаю, отчего Бельфордъ такъ настойчиво требовалъ моего отъезда! понимаю, отчего дядюшка такъ убѣдительно просилъ! Этотъ Морденъ ищетъ меня, а я чуть-было не ушелъ отъ него! Онъ угрожаетъ мнѣ, а я чуть-было не бѣжалъ! Хорошо; увидимъ, побѣжитъ ли Ловласъ отъ какого-нибудь солдата.

Ловласъ тотчасъ же пошелъ отыскивалъ своихъ друзей, Мобрея, Турвила и Белтона, которые, взявшись подъ руки, шли въ королевскую гостиницу и, болтая и смѣясь, заглядывали встрѣчнымъ дѣвушкамъ подъ носъ. Веселые друзья несказанно обрадовались четвертому товарищу.

— Здравствуй, любезный головорѣзь! вскричалъ Турвилъ: таковъ ли ты какъ прежде былъ? Такъ ли ты смѣлъ, такъ ли изобрѣтателенъ, такъ ли предприимчивъ какъ въ былые дни мо-

людость, когда ночи трепетали отъ нашихъ пировъ? Тотъ ли ты Юлій Кесарь, что прежде былъ, или любовь изъ коршуна сдѣлала цыпленка?

Другіе привѣтствовали его въ томъ же родѣ, но Ловласъ не обращалъ вниманія на разспросы. Онъ однако жъ воспользовался веселымъ расположеніемъ друзей и сталъ диктовать имъ свое завѣщаніе, пародируя завѣщаніе Клариссы.

Возьми трактирную карту, говорилъ онъ Турвилю, сними перчатку и взявшею рукою своею пиши содержаніе моей послѣдней воли.

Статья первая. По испареніи праздничнаго дня, называемаго жизнью, я долженъ окончить тягостную для себя и другихъ жизнь мою; дядушка раздѣлитъ со мной отвѣтъ въ порочной жизни моей, которую всегда могъ исправить совѣтами, если бы этого желалъ; кухню предоставляю достойному ея мужу, а друзей моихъ никому не дамъ, потому что никто не захочетъ принять на себя издержекъ и хлопотъ, которыхъ они мнѣ стоятъ.

Статья вторая. Де-Турвилю, здѣсь присущему, оставляю и завѣщаю мое парадное платье и моего коня Гендья.

Статья третья. Отдаю и завѣщаю тебѣ полное собраніе моихъ писемъ. Они могутъ служить готовыми образцами краснорѣчія на всѣ возможные случаи.

Статья четвертая. Тебѣ, достойный Мобрей, великій сокрушитель тарелокъ, я оставляю всѣ плоды моихъ побѣдъ, то есть, все, что у меня осталось отъ нихъ, — космы волосъ, волосяныя кольца, старыя перчатки, платки, надушенные выхухолью по-славія, ленточки и подвязки, — весь хламъ, все, что я пожалѣ. Мнѣ очень жаль, что я мало оставляю тебѣ, любезный Мобрей, но ты человекъ съ головой, ты сдумѣешь извлечь пользу изъ объясненій и сувенировъ этихъ дамъ.

Статья пятая. Кавалеру Бельтону, нашему томному и болѣзненному товарищу въ камлотовомъ кафтанѣ, я оставляю въ вѣчное потомственное владѣніе мою коллекцію хлыстовъ и тростей; еще оставляю ему все мое канарское вино, для поправленія разорен-

ной его веселости: еще — большую банку медвѣжьяго сала, для вырощенія нѣсколькихъ волосъ, и костыли моего дядюшки, которые понадобятся ему мѣсяцевъ черезъ пять или шесть; еще старое кресло на колесахъ, на то время когда демонъ-мститель ревматизмъ совершенно отобьетъ ему ноги.

Статья шестая. Кавалеру Бельфорду... что же я оставлю Бельфорду? Право, чтобы взбѣсить его, я готовъ оставить ему мою кузину Монтегю. Пусть бы она повертѣла ему голову и поводи-ла хорошенько за носъ. Сверхъ-того я оставляю ему мою нена-висть. Онъ первый испортилъ меня! онъ первый толковалъ мнѣ о совѣсти и раскаяніи; онъ заставилъ меня наврять такихъ глупо-стей, что я теперь не могу не краснѣя въ зеркало посмотрѣть. Онъ же хотѣлъ заставить меня поклянуть Англію, прежде чѣмъ я успѣлъ вывести на чистую воду угрозы нѣкоего господина Мордена. Этого я Бельфору никогда не прощу. Нѣтъ, извините, я не уѣду не повидавшись съ Морденомъ. Посмотримъ, что онъ мнѣ скажетъ въ глаза.

Друзья спросили, что это значить.

— А вотъ что, господа, я имѣю дать вамъ очень деликатное порученіе... не тебѣ, Мобрей, ты слишкомъ шумишь. Я не хочу пускать въ Мордена полѣньяи: онъ лично мнѣ ничего еще не сдѣлалъ покуда, и я намѣренъ обойтись съ нимъ какъ можно повѣжливѣй. Однако жъ тотъ другъ, который приведетъ мнѣ его на траву въ пятнадцать шагахъ, сдѣлаетъ мнѣ большое одолже-ніе. Это твое будетъ дѣло, Турвилъ; ты благовоспитанный ма-лый, рука у тебя пріятная и языкъ гладкій: ты сочинишь вы-зовъ также искусно какъ и любовное объясненіе. Поговори ты съ полковникомъ Морденомъ, объясни ему, чего я требую, то есть, пусть онъ, Мордевъ, объявитъ тебѣ, что не произносилъ противъ меня ни какихъ угрозъ и ни какого долга за мной не считаетъ; больше мнѣ ничего не нужно. Ты понимаешь меня; ты понимаешь, что исполненіе этого порученія требуетъ большой осторожности и ловкости, тѣмъ болѣе, что Мордевъ благород-ный человекъ, настоящій джентльменъ, и храбръ какъ старый бульдогъ. Оскорблять его ни за что ни про что не слѣдуетъ; но ты понимаешь также, что я не могу уѣхать подъ подозрѣніемъ, будто бѣжалъ отъ угрозъ.

Турвилль взялся исполнить порученіе какъ слѣдуетъ, и друзья условившись хранить все это въ тайнѣ отъ лорда М^{***} и отъ Бельфорда.

Между-тѣмъ Морденъ, пылкій, чувствительный и великій во всемъ, даже въ своей скорби, единственное утѣшеніе находилъ въ тщательномъ исполненіи послѣдней воли Клариссы Гарло. Бельфордъ сдалъ ему свое полномочіе какъ товарищу и Морденъ сталъ единственнымъ опекуномъ всѣхъ бѣдныхъ, которымъ покровительствовала Кларисса.

Чтеніе ея завѣщанія бросило въ душу полковника страшный свѣтъ, который еще болѣе распространился, когда онъ нашелъ ея письма и записки. Онъ мало-по-малу проникъ во всѣ тайны преступленія, угадалъ всѣ страданія и бѣдствія бѣдной дѣвушки, удивлялся ея мужеству, ея твердости, ея уму, и каждый день укорялъ себя зато, что еще не отомстилъ за уничтоженіе и по гибель такого ангела. Онъ спрашивалъ себя, справедливо ли, что Кларисса лежитъ въ могилѣ не отищенная, тогда какъ такой негодяй, каковъ Ловласъ, пользуется всѣми благами жизни и ежедневно готовъ снова начать свои преступныя походы, за которыя ни какой законъ не казнить его?

Повременамъ онъ утѣшалъ, сколько могъ, бѣдную мать Клариссы, совершенно сокрушенную горемъ, или отправлялся къ миссъ Гоу, чтобы опять поговорить о Клариссѣ. Всюду, въ домѣ и внѣ дома, онъ находилъ воспоминанія о ней, всюду онъ находилъ ея слѣды, всюду слышалъ или похвалы ея добродѣтелямъ или сожалѣнія о неповинныхъ страданіяхъ и безвременной смерти, и все это больше и больше растравляло его скорбь и разжигало негодованіе.

Но что ему было дѣлать? Съ одной стороны его удерживала данная клятва, жестокая клятва, которую онъ готовъ былъ выкупить десятию годами жизни; съ другой онъ спрашивалъ себя, обязательна ли клятва, которую онъ далъ, не зная еще и половины преступленія Ловласа? Морденъ жестоко страдалъ въ этой нерѣшимости, и безпокойство его еще возрасло, когда онъ кончилъ всѣ дѣла по завѣщанію. Чтобы сколько-нибудь удалиться отъ воспоминаній, которыя растравляли ему сердце, онъ рѣшилъ

ся предпринять какое-нибудь путешествие и съ этимъ намѣрени-емъ поѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ онъ отдалъ подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Бельфорду, какъ назначенному душеприказчику Клариссы Гарло, и потомъ простился.

— Дайте мнѣ вашу руку, сэръ Бельфордъ, говорилъ онъ: я на-шелъ въ васъ добраго, преданнаго и честнаго человѣка. Благо-дарю васъ за помощь, которую вы оказывали моей бѣдной род-ственницѣ въ послѣднія минуты ея жизни; благодарю благодарю васъ. При другихъ обстоятельствахъ я попросилъ бы вашей друж-бы, но между нами стоитъ человѣкъ, который разлучаетъ насъ. Я удовольствуюсь вашимъ уваженіемъ и прошу васъ быть увѣ-ренными въ моемъ уваженіи.

— А я, полковникъ, я прошу вашей дружбы, отвѣчалъ Бель-фордъ: только дружба ваша можетъ утѣшить меня въ общей на-шей скорби. Вспомните, что сама миссъ Гарло просила васъ не отвергать руки человѣка, котораго она назначила исполнителемъ своего завѣщанія. И если ужъ мы заговорили объ этомъ ангелѣ, котораго память останется врѣзанною въ душѣ моей столько же глубоко какъ и въ вашей, такъ позвольте мнѣ замѣтить.... я не хочу проникнуть въ ваши тайны.... но мнѣ кажется, что вашъ голосъ не ровень, ваше сердце стѣснено, вы думаете о мщеніи. Извините, полковникъ, но будемте говорить откровенно. Вы не спокойны, а я, именемъ вашей кузины, которая слышитъ насъ, напоминаю вамъ ея послѣднюю волю: она запретила вамъ мстить, и вы, у ногъ ея, поклялись повиноваться.

Эти слова видимо взволновали полковника: сжатые губы, мрач-ный, пылающій взглядъ и судорожное трепетаніе рукъ ясно об-наруживали внутреннюю борьбу.

— О, сэръ Бельфордъ, какую рану вы затронули! возразилъ онъ: да, если сказать вамъ правду, я не доволенъ собою и без-дѣйствіе мое кажется мнѣ низостью. Я знаю, что Кларисса того требовала; я еще слышу ея рѣчь, ея прошеніе всѣмъ; помню клятву, которую далъ ей; а между-тѣмъ я колеблюсь, я сму-щенъ и едва осмѣливаюсь заглянуть себѣ въ душу, гдѣ нахожу жестокое, мрачное сомнѣніе. Можетъ-быть я могу и даже дол-женъ обойти мою клятву, потому что, давая ее, я не могъ во-образить и половины преступленія, какое открылъ послѣ; я еще

не звалъ человѣка, котораго обѣщалъ не преслѣдовать; я еще не звалъ, что онъ поступалъ какъ послѣдній изъ негодяевъ. Но я вамъ скажу, на что я теперь рѣшился. Я не стану искать встрѣчи съ Ловласомъ, потому что клятва связываетъ меня; если же по счастью, я встрѣчу его нечаянно, и если онъ осмѣлится прямо взглянуть мнѣ въ глаза, я въ ту же минуту сочту себя разрѣшеннымъ отъ клятвы и тогда пусть насъ разсудитъ Богъ. Я или уже буду спокойно жить или умру не потерявъ уваженія къ самому себѣ и увѣренный въ уваженія другихъ.

На этомъ словѣ полковникъ простился съ Бельфордомъ и тотъ былъ очень радъ, что Ловласъ на другой день оставляетъ Англию.

Морденъ, погруженный въ думу, шелъ домой, когда повстрѣчался съ молодымъ человѣкомъ изъ породы шеголей, разодѣтымъ, надушенымъ, съ самодовольною улыбкой и со всѣми ухватками неодолимо увлекательнаго и всепобѣждающаго паркетнаго героя. Это былъ де-Турвилъ.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ господиномъ полковникомъ Морденомъ? спросилъ онъ, развязно поклонясь.

— Такъ точно.

— У меня есть дѣло до васъ, господинъ полковникъ, отъ имени....

— Отъ чьего имени? спросилъ Морденъ, вскинувъ голову какъ ретивый конь, задѣтый шпорами: если отъ того имени, о которомъ я думаю, то я буду несказанно радъ. Говорите поскорѣй.

— Мнѣ очень пріятно будетъ, если вы останетесь довольны. Я ищу васъ по порученію графа Роберта Ловласа.

— А! вскричалъ Морденъ съ радостью: отъ Ловласа! говорите, говорите, сэръ; только, сдѣлайте одолженіе, войдите ко мнѣ; вотъ мой домъ. Тамъ мы можемъ поговорить спокойноѣ.

Они вошли и Морденъ поспѣшно затворивъ дверь гостиной, просилъ гостя сѣсть. Турвилъ, видя, что полковникъ самъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ объясненія, приступилъ прямо къ дѣлу и разсказалъ, что до Ловласа дошли слухи, будто полковникъ грозитъ ему вызовомъ, и что, слѣдовательно, Ловласъ какъ джентльменъ, не можетъ уѣхать изъ Англии, не удостовѣрившись напередъ въ основательности этихъ слуховъ и не получивъ положительнаго увѣренія, что господинъ полковникъ не имѣетъ ни какихъ поводовъ дѣлать обидныя замѣчанія насчетъ его, графа Роберта Ловласа.

Сказавъ это, Турвилъ величественно всталъ и заложивъ руку подлѣ своего жабѣ за бортъ жилета, ждалъ отвѣту.

— Я очень благодаренъ графу Ловласу за выборъ посланника, сэръ, отвѣчалъ Морденъ: онъ не могъ выбрать болѣе пріятнаго. Чтѣ же касается до самаго дѣла, то почти нѣтъ ни какой надобности отвѣчать. Вы уже видѣли, что эта встрѣча приводитъ меня въ восхищеніе, и рѣчь ваша мнѣ чрезвычайно нравится, потому именно, что я вижу въ ней вызовъ. Меня связывала неосторожная клятва, которую я далъ умирающей кузинѣ; я далъ слово не искать встрѣчи съ Ловласомъ. Но Ловласъ самъ идетъ ко мнѣ съ улыбкою на губахъ и со шпагой въ рукѣ. Добро пожаловать! очень радъ! Мы примемъ его какъ слѣдуетъ, и встрѣча ваша будетъ смертельною для одного изъ насъ. Скажите ему это. Скажите ему также, что я вездѣ и при всякомъ случаѣ говорю объ немъ, и говорю не иначе какъ съ негодованіемъ и отвращеніемъ. Скажите ему, что я считаю и называю его самымъ низкимъ и безчестнымъ человѣкомъ. Скажите ему это и назначте мѣсто, время и оружіе. Мнѣ всё-равно, гдѣ бы ни пришлось повторить все это въ глаза негодяю, котораго именемъ порядочный человѣкъ не долженъ марать своего рта. Замѣчу вамъ только одно, что мнѣ кажется неудобнымъ назначить наше свиданіе въ Англии, во-первыхъ, потому что намъ могутъ помѣшать, а во-вторыхъ, и потому что довольно уже наше несчастное семейство подвергалось толкамъ. Если графу Ловласу не покажется слишкомъ затруднительнымъ, я ѣду черезъ три дня въ Италію и остаюсь въ Миланѣ.

— Ваши замѣчанія на этотъ счетъ совершенно справедливы, полковникъ, и мѣсто очень удобно, отвѣчалъ де-Турвилъ: въ Миланѣ вы будете какъ дома. Ловласу это также кстати, потому что онъ самъ намѣренъ путешествовать. Чтѣ же касается до оружія, то онъ предоставляетъ выборъ вамъ: это неслѣбное его желаніе. Онъ просилъ только замѣтить вамъ, что на шпагахъ онъ еще не встрѣчалъ равносильнаго себѣ, и потому онъ полагаетъ, пистолеты для васъ будутъ выгоднѣе, хотя онъ и изъ пистолета никогда не давалъ промаху и въ тридцати шагахъ рѣжетъ пулю на ножѣ.

— Я не знаю, сэръ, могу ли назваться первымъ мастеромъ драться на шпагахъ, но считаю пистолетъ игрушкой, годною въ подобномъ случаѣ только для конторщиковъ. Изъ пистолета я стрѣляю только для забавы, по ласточкамъ. Настоящее оружіе

джентльмена — шпага. У кого она тверже держится въ рукѣ, увидимъ. Итакъ, мы деремся на шпагахъ.

Турвилъ откланялся, и Морденъ проводилъ его до дверей.

Въ тотъ же день Ловласъ простился съ друзьями и родными и уѣхалъ прямо въ Миланъ, куда прибылъ нѣсколькими днями раньше Мордена. Мобрей, Турвилъ и даже хворой Бельфордъ непременно хотѣли присутствовать при дуэли, и всё сговорившись съѣхаться въ Миланъ. Они старались только скрыть дѣло отъ Бельфорда и родныхъ Ловласа, и потому отпраивались изъ Лондона въ разное время и подъ разными предлогами. Бельфордъ однако жъ провѣдалъ обо всемъ и по слѣдамъ ихъ также прискакалъ утромъ того самаго дня, когда назначено было драться. Бельфордъ былъ истинно привязанъ къ Ловласу за его умъ и блестящія способности, и въ особенности не могъ отстать отъ него съ-тѣхъ-поръ какъ ему показалось, что въ душѣ его други пробудился голосъ совѣсти и что его еще можно спасти.

Когда Бельфордъ вошелъ, Ловласъ былъ разодѣтъ какъ на балъ и, стоя посередѣ комнаты, пробовалъ пальцемъ остріе шпаги, гнулъ ее взмахами на воздухъ и осматривалъ, прочна ли рукоятъ. Столъ былъ накрытъ; друзья завтракали.

— Когда вы деретесь? спросилъ Бельфордъ послѣ взаимныхъ привѣтствій.

Ловласъ небрежно взглянулъ на часы, на каминъ, и отвѣчалъ:

— Черезъ два часа вино будетъ откупорено, а откупорится, нужно пить. Теперь пока позавтракаемъ, а потомъ, убьемъ Мордена, такъ подумаемъ, какъ время убить до вечера. Здѣсь, въ Миланъ, живутъ довольно скучно. Лучше поѣдемъ въ Венецію; тамъ, говорятъ, веселѣе и примадонны лучше поютъ.

Черезъ два часа противники сошлись на назначенномъ мѣстѣ, въ рошѣ, за городскими воротами. Морденъ явился съ своими секундантами, однимъ совѣтникомъ, который путешествовалъ для своего удовольствія и изъ любви къ художествамъ, и однимъ маіоромъ въ отставкѣ, который путешествовалъ отъ нечего дѣлать, потому что всё порядочные Англичане должны путешествовать. Оба они охотно согласились присутствовать на раздѣлкѣ двухъ джентльменовъ. Маіору это доставило даже истинное развлеченіе, а совѣтникъ хотя и рисковалъ не поспѣть на покунку хорошей старинной картины, однако жъ не отказалъ Мордену, съ которымъ давно былъ знакомъ.

Морденъ былъ важенъ, но совершенно спокоенъ, какъ-будто дѣло шло о простой прогулкѣ по рошѣ. Ловласъ если не острялъ

такъ зато, по-видимому, очень много занимался своею наружностью, безпрестанно оправлялъ волосы и кружевные манжеты. Оба сняли верхнее платье, приняли шпаги изъ рукъ секундантовъ и, ставъ въ позицію, начали бой на смерть. Напередъ условлено было съ секундантами — не разнимать, до чего бы бой ни доходилъ.

Едва шпаги скрестились, секунданты увидѣли, что противники не уступятъ другъ другу ни въ ловкости ни въ искусствѣ. Ловласъ былъ изумительно гибокъ, изворотливъ, проворенъ и, по-видимому, совершенно увѣренъ въ себя. Морденъ однако жъ предвидѣлъ, что молодой человекъ скоро разгорячится и выйдетъ изъ предѣловъ благоразумія. Самъ же онъ столько владѣлъ своимъ хладнокровіемъ, сколько шпагой. Черные глаза его горѣли мрачнымъ и пронзательнымъ огнемъ; черные, волнистые волосы и густые усы придавали еще болѣе важности его мужественному, прекрасному лицу.

Черезъ нѣсколько минутъ Ловласъ успѣлъ нанести ему ударъ, который могъ бы быть смертельнымъ, если бъ полковникъ не успѣлъ уклониться, такъ, что шпага задѣла по боку только вскользь. Вслѣдъ за тѣмъ Ловласъ самъ получилъ ударъ подъ лѣвое плечо. У того и у другаго показалась кровь. Это подѣйствовало на Ловласа какъ хмѣль; онъ вскипѣлъ и, совершенно потерявъ голову, бросился нанести Мордену смертельный ударъ, но тутъ же самъ упалъ пробитый въ грудь насквозь.

— Ну! ваше счастье! сказалъ онъ роняя шпагу: Кларисса, ты отищена....

— Вы умрете; молитесь, чтобы Богъ вамъ простилъ, отвѣчалъ Морденъ и, поклонившись секундантамъ, пошелъ садиться въ карету, которая должна была везти его въ Венецію.

Ловласа не безъ труда перенесли въ хижины къ ближайшему угольнику и положили на соломенную подстилку. Призванный врачъ сдѣлалъ необходимую перевязку. Около полупочи началось смертное томленіе, но до того времени раненый сохранялъ все свое присутствіе духа и даже веселость. Когда боль стихала хоть на минуту, онъ по прежнему продолжалъ острить. Когда же боль становилась сильною, бранился и проклиналъ весь свѣтъ.

Часу въ двѣнадцатомъ онъ попросилъ, чтобъ оставили его одного съ Бельфордомъ. Тутъ онъ пересталъ шутить.

— Прощай, Бельфордъ, говорилъ онъ тихо: прощай, ты, который утѣшалъ мое сердце, лишненное всякой отрады. Смерть приближается; пора покончить съ суетой. Я не жилъ дѣйствіями, я

жилъ только пороками и для пороковъ. Теперь душа моя полна страшнаго сомнѣнiя; я чувствую, что адъ близокъ; я помню мое преступленiе. Прощай; будь счастливъ.... скажи и товарищамъ.... чтобъ не слишкомъ пренебрегали спокойствiемъ совѣсти: умирать не легко. Отвезите меня.... домой. Ты, Бельфордъ, тихонько сходишь на могилу Клариссы Ловласъ.... возьми горсть земли и брось на мой гробъ.... О, Кларисса!... я тоже умираю.... прости мнѣ!...

Тутъ слова смѣшались, голосъ затихъ и только по временамъ, среди стоновъ и смертныхъ судорогъ, слышалось имя Клариссы.

Здѣсь оканчивается эта исторiя, «плачевнѣе которой никогда на свѣтѣ не бывало».

=

ВУДСТОКЪ.

РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Однимъ хотѣлось проповѣдника подешевѣть, но другіе противъ нихъ возстали, полагая, вѣроятно, что рука солдата болѣе способна владѣть обоюдоострымъ мечемъ писанія и битвѣ.

Бутлеръ, «Hudibras»

Въ городѣ Вудстокѣ есть красивая приходская церковь, мнѣ сказывали, — самъ я не видалъ, потому что, будучи тамъ, только-только успѣлъ осмотрѣть великолѣпный замокъ Бледгеймъ и живопись и обои въ его покояхъ; я обѣщалъ воротиться, чтобы поспѣть на оѣфициальный обѣдъ, съ моимъ ученымъ другомъ председателемъ *** , а это такое обстоятельство, что уступить любопытству во вредъ исправности значило бы весьма погрѣшить противъ совѣсти. Имѣя въ виду этотъ разсказъ, я добылъ себѣ довольно точное описаніе вудстокской церкви; но какъ я имѣю основательную причину подозрѣвать, что описавшій мнѣ тоже самъ не видалъ внутренности ея, то я ограничусь только

извѣщеніемъ, что это очень хорошее зданіе, большею частью перестроенное, сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такъ, что осталось лишь нѣсколько аркадъ стариннаго придѣла, заложеннаго, говорятъ, королемъ Іоанномъ. Къ этой-то старинной части зданія моя повѣсть имѣетъ нѣкоторое отношеніе.

Однажды, утромъ, въ исходѣ сентября или въ началѣ октября 1652 года, въ день назначенный для торжественнаго молебствія въ память ворчестерской побѣды, въ старинной часовнѣ короля Іоанна было многочисленное собраніе. Состояніе церкви и видъ присутствующихъ одинаково обнаруживали свирѣпость междоусобной войны и особенный духъ времени. Священное зданіе носило на себѣ множество знаковъ опустошенія. Окна, нѣкогда затворенныя писанными стеклами, были пробиты копьями и пулями, зато что служили идолопоклонству, католичествомъ; скульптурныя украшенія амвона испорчены, прекрасныя дубовыя перила уничтожены, и алтарь съ золоченою рѣшеткой святъ по тому же благовидному поводу. По угламъ церкви, мѣстами, еще валялись обломки разбитыхъ статуй и разрушенныхъ памятниковъ.

Холодный осенній вѣтеръ шумѣлъ въ пустыхъ придѣлахъ, гдѣ нѣсколько колебѣвъ, нѣсколько грубо отесанныхъ перекладницъ и остатки разбросанной соломы, казалось, доказывали, что въ Божіемъ храмѣ еще недавно помѣщался отрядъ конницы.

Собраніе такъ же какъ и церковь много утратило своего блеску. Ни одинъ изъ благочестивыхъ прихожанъ прежняго мирнаго времени уже не садился, какъ бывало, на рѣзныя скамьи, чтобы помолиться по обычаю и исповѣданію своихъ отцовъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ они молились. Глаза фермера и поселянна напрасно искали старика сэра Генри Ли изъ Дичли, что нѣкогда въ шитомъ плащѣ, съ тщательно завятою бородой и закрученными усами, медленно проходилъ вдоль сводами церкви. Вудстоккія дѣвушки также напрасно искали вышитыхъ плащей, звѣнящихъ шнорь, сапоговъ съ раструбами и шляпъ съ перьями, въ которыхъ молодые господа изъ этого дѣла и другихъ благородныхъ фамилій нѣкогда проходили по улицамъ и по кладбищу съ ловкостью и беззачетностью, которыя, можетъ-быть, доказывали много самоувѣренности, однако не лишены были прелести, особенно когда сопровождалсь веселостью и учтивостью. Куда дѣвались и добрыя старушки, со своими бѣлыми чепцами, съ черными бархатными платьями и съ дочками, «очаровательными звѣздами, что приковывали всякій взоръ»? Но ты въ особенности, Алиса Ли, ты такая кроткая, такая чувствительная, такая любезная.... такъ выражается современный лѣтопи-

себя, котораго рукопись мы разобрали.... увы! зачѣмъ мнѣ суждено писать повѣсть о твоёмъ погибшемъ счастьи? Почему бы не начать лучше съ той поры, когда, спрыгнувъ съ своего коня, ты находила вездѣ пріемъ и благословенія, точно вѣстница величайшаго счастья? Ты не изобрѣтеніе вздорнаго воображенія повѣстчика, странно украшенное противорѣчащими совершенствами; я любилъ тебя за твои добродѣтели, а что касается до недостатковъ, мнѣ кажется, ты отъ нихъ была еще милѣй въ моихъ глазахъ.

Вѣсть съ семействомъ Ли и другія благородныя и почтенныя семейства, Фриментли, Винкломзы, Драйкэты, и прочіе, также исчезли изъ капеллы короля Іоанна. Оксфордскій воздухъ былъ неблагопріятенъ пуританизму, который болѣе распространялся въ сосѣднихъ графствахъ. Въ собраніи однакожъ находились два-три человека, которыхъ по одеждѣ и по обращенію можно было принять за помѣщиковъ. Было также нѣсколько именитыхъ гражданъ города Вудстока,—большею частью ножевщики и перчаточники, которымъ искусство въ обдѣлкѣ желѣза и кожи доставило честное довольство. На этихъ господахъ были длинныя черныя плащи и шлоеныя воротники.

Эта почтенная но немногочисленная часть прихожанъ состояла изъ добрыхъ гражданъ, которые ради пресвитеріанскаго исповѣданія отказались отъ литургіи и іерархіи англиканской церкви и слушали поученія достойнаго проповѣдника Немию Гольдмана, знаменитаго личиною своихъ рѣчей и могуществомъ легкихъ. Подлѣ этихъ важныхъ особъ сидѣли ихъ супруги, видныя женщины, въ маншетахъ и воротничкахъ, похожія на портреты, которые въ каталогахъ картинъ обыкновенно звачатся подъ именемъ «жена бургомистра», и ихъ хорошенькія дочки, которыя, когда только могли ускользнуть отъ бдительности почтенныхъ матушекъ, охотно позволяли своему вниманію заблуждаться и другихъ вводили въ соблазнъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ достойныхъ особъ, въ церкви было множество народу простаго званія, болшею частію ремесленниковъ безъ всякаго образованія, заблудившихся въ несходной трущобѣ богословскихъ споровъ того времени, и членовъ столькихъ же различныхъ sectъ, сколько есть цвѣтовъ въ радугѣ. Крайняя самонадѣянность этихъ «ученыхъ Фивлиъ» равнялась только ихъ крайнему невѣжеству. Въ церкви поведеніе ихъ было вовсе не примѣрно поучительное. Большая часть изъ нихъ выказывала разное пренебреженіе ко всему, что почитается священнымъ.

Которые по-старше, стояли или сидѣли на скамьяхъ, нахлобучивъ свои большія пирамидальныя шляпы на нахмуренныя брови, и молча ждали пресвитеріанскаго пастора. Молодые же къ ереси своей прибавляли еще дерзкое и неприличное поведеніе, — поглядывали по всѣмъ сторонамъ, зѣвали, кашляли, разговаривали, ѣли яблоки и грызли орѣхи.

Было тутъ также нѣсколько ратниковъ, — которые въ нагрудникахъ и желѣзныхъ каскахъ, которые въ полукафтаныяхъ изъ буйволовой кожи, которые въ красныхъ муштрахъ, — съ перевязями черезъ плечо, съ боевыми снарядами въ сумкахъ; кто опирался на копье, кто на мушкетъ. Они также имѣли свои особенныя ученія насчетъ религіи и примѣшивали безумства восторженности къ храбрости и мужественной стойкости въ битвахъ. Вудстокскіе граждане смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ страхомъ.

Черезъ нѣсколько времени явился мистръ Гольднофъ. Онъ шелъ по церкви не такъ медленно и не такъ степенно какъ, бывало, ходилъ прежній пасторъ, а скорымъ шагомъ, какъ человѣкъ, который торопится вознаградить потерянное время. Это былъ старикъ высокаго роста, худощавый, очень смуглый; живые глаза его доказывали нравъ довольно задорный. Одежда на немъ была коричневая, а не черная, и поверхъ ея онъ, въ честь Кальвина, носилъ еще голубой женевскій плащъ, который развѣвался у него на плечахъ, когда онъ шелъ къ своей кафедрѣ. Сѣдые волосы были почти совсѣмъ коротко подстрижены и покрыты черною шелковой шапочкой. Достойный проповѣдникъ носилъ очки: длинная сѣдая борода оканчивалась остреемъ; въ рукахъ онъ держалъ карманную библию съ серебряными застежками. Подойдя къ кафедрѣ, онъ остановился на минуту, чтобы вздохнуть, и потомъ сталъ взбираться по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступени.

Но сильная рука схватила его за плащъ и остановила. Изъ группы ратниковъ вышелъ человѣкъ средняго роста, но дюжій, съ быстрыми глазами и грубымъ, но примѣчательно выразительнымъ лицомъ. На немъ были широкіе кожаные штаны, на одномъ бедрѣ кинжалъ, на другомъ страшно длинный палашь, а за поясомъ пистолеты.

Проповѣдникъ, остановленный на пути къ отправленію должности, оборотился и совсѣмъ не кротко спросилъ, что это значить.

— Слушай, другъ, отвѣчалъ ратникъ, твоя должность говорить проповѣди этимъ добрымъ людямъ?

— Безъсомнѣнія, отвѣчалъ проповѣдникъ, это моя обязанность

и мое намѣреніе. Горе мнѣ, если я не стану проповѣдывать Евангелія. Оставь меня, другъ.

— Я самъ намѣренъ сказать поучительную рѣчь, возразилъ ратникъ: ты лучше сдѣлаешь, если уступишь мнѣ свое мѣсто, и если хочешь, можешь остаться здѣсь и послушать, что я скажу.

Завязался споръ. Кромвелевскій ратникъ, индипендентъ, — какъ они называли себя, — настаивалъ, непремѣнно хотѣлъ самъ сказать поучительную рѣчь вмѣсто пастора, потому что всѣ индипенденты имѣли на это право. Присутствовавшіе въ церкви вудстокскіе граждане принадлежали болѣею частью къ пресвитеріанской сектѣ и, конечно, съ огорченіемъ смотрѣли на неприличный споръ и на притязанія индипендента, однако жъ не хотѣли и не могли вступиться. Самъ меръ города Вудстока, ревностный пресвитеріанинъ, негодовалъ на индипендента, но не рѣшился показать этого явно. Мистръ Гольдионъ наконецъ принужденъ былъ сойти съ кафедръ; съ гнѣвомъ взглянулъ на безсильную, робкую свою паству, отряхнулъ пылъ съ обуви и вышелъ изъ церкви.

Граждане смотрѣли на его удаленіе съ прискорбіемъ и смиреннымъ сознаніемъ, что разыграли при этомъ случаѣ роль не слишкомъ храбрую. Меръ и многіе другіе вышли изъ церкви велѣдъ за проповѣдникомъ, чтобы попытаться умилостивить его.

Индипендентъ съ торжествующимъ видомъ занялъ мѣсто на кафедрѣ и произнесъ напыщенную рѣчь со всѣми обыкновенными въ то время ораторскими украшеніями, преувеличенными сравненіями и пасильственнымъ примѣненіемъ часто псковерканныхъ текстовъ къ обстоятельствамъ и въ особенности къ самому Кромвелю. Цѣль рѣчи состояла въ томъ чтобъ объявить вудстокскимъ жителямъ о предписаніи парламента секвестровать королевское именіе Вудстокъ, срыть замокъ и продать паркъ на срубку.

Объявленіе это наполнило сердца гражданъ вудстокскихъ горестью, хотя въ немъ не было ничего неожиданнаго: оно только подтверждало носившіеся съ вѣкотораго времени непріятные слухи.

Свошенія съ Лондономъ были въ ту пору медленные; приходившія извѣстія были столько же невѣрны какъ в самыя времена не-надежны; оня преувеличивались сомнѣніями и страхомъ тѣхъ, которые ихъ распространяли. Но слухъ насчетъ Вудстока былъ отовсюду тотъ же и не опровергался. Не прошло дня, чтобы не говорили, что парламентъ опредѣлилъ продать вудстокскій паркъ, разрушить стѣны, срыть Ложу и сколько возможно уничтожить слѣды древней славы этого города.

Такая мѣра, конечно, должна была причинить ущербъ многимъ жителямъ, которые болѣе по льготѣ чѣмъ по праву пользовались разными пріятными выгодами, выгодили, наприимѣръ, въ паркѣ скотину, рубили лѣсъ на топливо, и такъ далѣе. Впрочемъ, всѣхъ жителей этого города огорчала мысль, что украшеніе ихъ окрестности будетъ разрушено, прекрасное зданіе обратится въ развалины, сосѣдство, которыми они гордились, уничтожится. Это патріотическое чувство часто встрѣчается въ мѣстахъ, которые по памятникамъ и вѣрно сохраннымъ преданіямъ отличаются отъ новѣйшихъ городовъ и селеній. Жители Вудстока испытывали его въ полной мѣрѣ. Они трепетали передъ бѣдствіемъ, которое предвидѣли. Всѣ причины несогласій, какія могли существовать между ними, были забыты въ эту минуту, и собраніе, отпущенное безъ молитвы и безъ благословенія, печально и медленно разошлось по домамъ.

II.

«Иди, старикъ; о-бокъ у дочери теперь тебѣ самое приличное мѣсто; когда время смирило гордую кичливость дуба, молодой побѣтъ еще можетъ прикрыть разрушеніе роднаго ствола.»

Окончивъ рѣчь, ратникъ-ораторъ отеръ лобъ, потому что, несмотря на холодную пору, жаръ увлеченія и краснорѣчивые жесты ударили его въ потъ. Онъ сошелъ съ кафедры и сказалъ нѣсколько словъ капрану, который командовалъ отрядомъ. Тотъ съ важнымъ выраженіемъ отвѣчалъ утвердительнымъ знакомъ согласія, потомъ собралъ своихъ ратниковъ и въ чинномъ порядкѣ отвелъ на квартиру, въ городъ.

Ораторъ также вышелъ изъ церкви, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и сталъ прогуливаться по улицамъ Вудстока, какъ будто пріѣзжіи, желающіи осмотрѣть городъ. Онъ, казалось, вовсе не принималъ, что жители на него самого посматриваютъ съ беспокойствомъ, какъ на существо подозрительное и страшное, которое опасно было бы затронуть. Онъ не обращалъ на нихъ ни какого вниманія и продолжалъ свою прогулку съ особенными ухватками фанатиковъ того времени, то есть медленнымъ торжественнымъ шагомъ, съ строгимъ и важнымъ выраженіемъ и какъ будто недовольный минутными помѣхами, какія видъ земныхъ предметовъ причинялъ ему въ надоблачныхъ его

думахъ. Эти фанатики презирали и осуждали самыхъ невинныхъ удовольствій, и улыбка казалась имъ униженіемъ.

Между-тѣмъ это же самое настроеніе умовъ приготовляло многихъ къ великимъ подвигамъ, потому что, вмѣсто того чтобъ искать удовлетворенія своимъ страстямъ, они направляли свое поведеніе по правиламъ, въ которыхъ не было ничего эгоистическаго. Между ними, безъ сомнѣнія, много было лицемѣровъ, которые религіею прикрывали свое честолюбіе, но были и дѣйствительно люди набожные и строго добродѣтельные; большая же часть стояла между этими двумя крайностями и старалась приладить свои чувствованія къ потребностямъ времени и къ обстоятельствамъ.

Человѣкъ, котораго притязаніе на святость, выразившееся на лицѣ и въ походкѣ, произвело тревогу въ церкви, дошелъ до конца главной улицы, что вела къ вудстокскому парку, къ каменнымъ воротамъ.

Готическая архитектура этихъ воротъ хотя и представляла смѣсь разныхъ стилей и вѣковъ, смотря по постепеннымъ пристройкамъ, однакожъ производила величественное впечатлѣніе. Огромная рѣшетка изъ толстыхъ желѣзныхъ прутьевъ, украшенная множествомъ орнаментовъ и несчастнымъ шифромъ С. В. была въ жадкомъ состояніи, свидѣтельствовавшемъ о силѣ ржачины и фанатизма республиканцевъ.

Индепендентъ остановился, какъ-будто не зная-можно ли войти безъ позволенія. Сквозь рѣшетку онъ увидѣлъ широкую дубовую аллею, которая извилинами терялась вдаль, въ чащѣ обширной вѣковой рощи. Калитка была отворена. Ратникъ вошелъ, но нерѣшительно, какъ человѣкъ, который прокрадывался въ запрещенное мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, по всемъ движеніямъ его видно было, что онъ невольно чувствуетъ къ этимъ мѣстамъ гораздо болѣе почтенія чѣмъ бы слѣдовало ожидать отъ его характера и прежняго поведенія. Онъ пошелъ еще медленнѣе и наконецъ остановился, чтобы осмотрѣться.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣшетки онъ увидѣлъ высвѣшавшіяся надъ деревьями двѣ старинныя башни съ вычурно отдѣланными флюгерами, которые свѣтились на солнцѣ. Они издали указывали старинное съѣзжее мѣсто для охоты, Ложа, какъ называли этотъ загородный дворецъ, въ который, со временъ Генриха-Второго, англійскіе короли пріѣзжали, чтобы охотиться въ обильныхъ дичью оксфордскихъ лѣсахъ. Ложа стояла на площадкѣ, заросшей сикоморами, неподалеку отъ воротъ, гдѣ зритель оста-

навливаеся, чтобы полюбоваться на Бленгеймъ, памятникъ побѣдъ Марльбруга, и по восхищаться или покритиковать грузное великолѣпіе Ванбурхова стиля.

Тамъ же остановился и нашъ ораторъ, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы восхищаться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ увидѣлъ двоихъ гуляющихъ, мужчину и женщину, которые шли медленно и такъ были заняты своимъ разговоромъ, что совсѣмъ не примѣчали чужаго человѣка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Солдатъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, желая вѣроятно, послушать, спрятался за большимъ деревомъ, которое опускало развѣсистыя свои сучья на самую дорогу, такъ, что прикрыло его совершенно.

Гуляющіе продолжали идти къ скамьѣ, прислоненной къ дереву, за которымъ спрятался ратникъ.

Мужчина былъ старикъ, согбенный, повидимому, болѣе горемъ и болѣзнями чѣмъ лѣтами. На немъ, поверхъ черной одежды, былъ также черный плащъ, того живописнаго покрою, который Вандикъ обезсмертилъ въ своихъ произведеніяхъ; но старикъ носилъ его съ небрежностью, доказывавшею встревоженное или озабоченное состояніе духа. Черты, въ которыхъ обнаруживалась печать старости, были однако жъ еще не лишены красоты, и отличались благородствомъ выраженія, такъ же какъ всѣ движенія. Всего же болѣе въ его наружности поражала длинная сѣдая борода, которая опускалась на грудь и составляла рѣзкую противоположность съ темнымъ цвѣтомъ одежды.

Молодая дама, шедшая подъ-руку съ этимъ старикомъ и какъ казалось, поддерживавшая его, отличалась легкими формами сифиды и чертами такой высокой красоты, что землю, по которой она ступала, можно было назвать недостойною ногъ такого воздушнаго созданія. Но всякая смертная красота обязана данью скорбямъ этого міра. На глазахъ этого очаровательнаго еущества были видны слѣды слезъ, щеки горѣли и по печальному и недовольному выраженію старика, котораго она слушала, видно было, что предметъ разговору столько же непріятенъ ему, сколько ей.

Когда они усѣлись на скамью, подъ деревомъ, спрятавшійся ратникъ могъ подслушать все, что говорилъ старикъ; только отвѣты молодой особы доходили до него не совершенно отчетливо.

— Это нестерпимо! говорилъ старикъ съ жаромъ: тутъ у парализаго найдутся поги, чтобы въ солдаты идти. Война, признаться, уже отвяла у меня много близкихъ; съ другими различно меня бѣдственное наше время. Я не укоряю ихъ въ этомъ:

что оставалось дѣлать намъ, бѣдняжкамъ, когда у насъ не стало хлѣба въ кухнѣ, ни пива въ подвалѣ? Но у насъ еще остается нѣсколько храбрыхъ лѣсничихъ, настоящей вудстокской породы.... правда, большею частью старики, такъ же какъ и я, но что жъ за бѣда! Старый лѣсъ прочтѣй молодаго. Я намѣренъ отчаянно защищаться въ этомъ старомъ замкѣ; мнѣ вѣдь не впервые: я стоялъ противъ силъ въ десять разъ побольше той, которой намъ теперь угрожаютъ.

— Ахъ, батюшка! вздохнула дѣвушка съ выраженіемъ, которое показывало, что она смотритъ на планы старика какъ на безразсудный порывъ отчаянія.

— О чемъ же ахъ? возразилъ старикъ съ сердцемъ: не о томъ ли, что я запираю ворота мои передъ тридцатю или сорока кроважидными лицемѣрами?

— Но ихъ предводители легко могутъ наслать на васъ цѣлый полкъ и даже цѣлую армію. Къ чему тогда послужить ваше сопротивленіе, если не къ-тому только, чтобъ раздражить ихъ и сдѣлать вашу погибель болѣе вѣрною?

— Ну, пусть, Алиса; я довольно пожилъ на свѣтѣ. Я пережилъ лучшаго изъ повелителей и благороднѣйшаго изъ государей. Что остается мнѣ дѣлать на землѣ послѣ несчастнаго тридцатого января? Совершенное въ этотъ день свирѣпое убійство для всѣхъ вѣрныхъ слугъ Карла Стурта было сигналомъ отмстить за его смерть или умереть, какъ-только представится почетный случай.

— Не говорите такъмъ образомъ, возразила Алиса Ли: ни вашему уму ни вашему достоинству не прилично напрасно жертвовать жизнью, которая еще можетъ быть полезною вашему государю и вашему отечеству. Настоящее положеніе вещей не всегда же будетъ продолжаться; оно не можетъ продолжаться. Англія не можетъ долго нести ярмо, положенное на нее нынѣшнимъ бѣдствіемъ. А покуда.... (тутъ ратникъ не разслышалъ нѣсколько словъ)... И не поддавайтесь нетерпѣнію, которое только вредитъ дѣлу.

— Вредить! вскричалъ запальчивый старикъ: что же тутъ можетъ повредить? Развѣ возможно ожидать еще худшаго? Развѣ зло не достигло крайней своей степени? Развѣ насъ не гонятъ уже изъ послѣдняго нашего убѣжища? Развѣ они не разрушаютъ послѣднихъ остатковъ королевской собственности, вѣренной моему надзору? Развѣ они не превращаютъ королевскихъ дворцовъ въ

притоны разбойниковъ? А потому они оботрутъ губы и восхвалятъ Бога, какъ-будто сдѣлали доброе дѣло.

— Будущность еще не безнадежна для насъ, батюшка. Я надѣюсь, что король теперь внѣ опасности, и братъ Альбертъ тоже.

— Да, Альбертъ! вскричалъ сэръ-Генри съ выраженіемъ укоризны: вотъ мы опять за тоже! Безъ твоихъ просьбъ, я самъ отправился бы въ Ворчестръ. Но я принужденъ былъ остаться здѣсь какъ отслужившій борзой, котораго уже не берутъ на охоту. И кто знаетъ, какъ полезенъ бы я могъ быть? Стариковская голова часто имѣетъ свою цѣну, даже тогда, когда руки уже ни на что не годятся. Но ты и Альбертъ, вы такъ настоятельно просили, чтобъ я остался. Теперь, кто знаетъ, что съ нимъ стало?

— Помилуйте, батюшка, возразила Алиса: мы вѣдь имѣемъ основательныя причины надѣяться, что онъ уцѣлѣлъ въ этотъ бѣдственный день. Молодой Абни видѣлъ его за милю отъ поля сраженія.

— Я думаю, молодой Абни солгалъ, возразилъ старикъ: у молодого Абни языкъ работаетъ больше рукъ, однако жъ бѣгаетъ всё-еще не такъ проворно какъ ноги его коня, когда онъ утѣкаетъ отъ Круглоголовыхъ. Я лучше желалъ бы знать, что тѣло Альберта осталось на землѣ, между Карломъ и Кромвелемъ, чѣмъ слышать, что онъ побѣжалъ такъ же проворно какъ молодой Абни.

— Милый батюшка! вскричала Алиса со слезами: что же мнѣ сказать вамъ, чтобы утѣшить васъ?

— Чтобы утѣшить меня, говоришь ты, дитя мое? Я утомленъ утѣшеніями. Честная смерть и развалины Вудстока вмѣсто могилы, вотъ все утѣшеніе, какого ожидаетъ Генри Ли. Да! клянусь именемъ моего отца, я защищу Ложу отъ этихъ разбойниковъ.

— Послушайте своего разсудка, батюшка; покоритесь тому, чего невозможно отворотить. Мой дядя Эврардъ...

— Твой дядя Эврардъ! вскричалъ старикъ, перебивая: хорошо, хорошо; продолжай. Что ты скажешь мнѣ о своемъ драгоценномъ и любезномъ дядѣ Эврардѣ?

— Ничего, батюшка, когда этотъ предметъ разговору вамъ не нравится.

— Когда мнѣ не нравится! А почему жъ ему не нравится? Да если и бы и не нравился, такъ для чего жъ притворяться,

что обращаешь вниманіе на это? Случилось ли въ продолженіи вѣсколькихъ уже лѣтъ что-нибудь такое, что могло бы нравиться мнѣ? и какой астрологъ предскажетъ мнѣ въ будущемъ что-нибудь пріятное?

— Судьба, можетъ-быть, бережетъ для насъ удовольствіе видѣть возвращенію изгнаннаго государя.

— Для меня ужъ поздно, Алиса. Если въ спискахъ небесныхъ и есть такая прекрасная страница, меня давно уже не будетъ на землѣ, когда прійдется видѣть ее. Но я вижу, ты уклоняешься отъ отвѣту на мой вопросъ. Однимъ словомъ, что ты хотѣла сказать о твоёмъ дядѣ Эврардѣ?

— Богъ свидѣтель, батюшка, что я лучше желала бы быть осужденною на вѣчное молчаніе чѣмъ говорить вещи, которыя бы, при настоящемъ расположеніи вашего духа, могли еще увеличить ваше неудовольствіе и страданіе.

— Мое страданіе! О! ты врачъ, изъ устъ котораго течетъ медъ. Ты наша бы множество елей, вина и бальсаму, чтобы изцѣлить меня отъ страданій, еслк бь только возможно было изцѣлить страданія старика, у котораго сердце почти совершенно избито. Но говори же, что ты хотѣла сказать о дядѣ Эврардѣ?

Послѣднія слова онъ произнесъ съ горечью и возвысивъ голосъ. Алиса отвѣчала робко и почтительно:

— Я хотѣла только сказать, я увѣрена, что дядя Эврардъ, когда мы покинемъ Вудстокъ....

— Скажи же ужъ, когда насъ выгонятъ мерзкіе стриженные фанатики*, которые такъ похожи на него... Ну, что жъ, продолжай. Что же сдѣлаетъ твой великодушный дядя? Небойсь, уступить намъ десертъ со своего экономическаго стола? будетъ давать намъ по два раза въ недѣлю остатки каплуна, который три раза подавался на столъ, а остальные пять дней позволить намъ поститься? Онъ позволить намъ почевать въ конюшнѣ, подлѣ его голодныхъ клѣтъ? отъиметь у нихъ часть соломы, чтобы мужъ его сестры.... вотъ, по какому поводу я долженъ говорить объ ангелѣ, котораго лишился!... и дочь его сестры не валилась на голыхъ камняхъ? Или онъ вышлетъ намъ по червонцу, съ совѣтомъ держать по-крѣпче, потому что онъ самъ никогда не видывалъ такихъ рѣдкихъ монетъ? Что еще сдѣлаетъ

* Республиканцы стриглись очень коротко, и потому были прозваны Круглоголовыми.

для насъ твой дядя Эврардъ? Выхлопочетъ памъ позволеніе ходить по-міру? Это я и безъ него съумѣю сдѣлать.

— Вы не отдаете ему справедливости, отвѣчала Алиса съ живостью, какой до-сихъ поръ еще не показывала: если бъ вы хотѣли спроситься у собственнаго сердца, вы сами сознались бы, что говорите противъ своего убѣжденія. Дядя Эврардъ не скряга и не лицемеръ. Онъ совсѣмъ не столько привязанъ къ земнымъ благамъ, чтобы не дать памъ необходимаго, и не столько ослѣпленъ преувеличеніями своихъ единомысленниковъ, чтобы не знать ни какого состраданія къ людямъ другой секты.

— Да, да! англиканская церковь въ его глазахъ — секта, я это знаю, и въ твоихъ, быть-можетъ, тоже, Алиса. Чтò такое мѣгльмены, рантеры, браунисты? Сектаторы. Ты ставишь ихъ всѣхъ, съ Жакомъ Пресвитеромъ во главѣ, на одномъ ряду съ нашими учеными прелатами и достойными священникамъ. Таковъ ужъ бредъ вѣка, въ которомъ ты живешь. Почему жъ тебѣ не говорить такъ, какъ говорятъ всѣ мудрыя дѣвы, сестры-псаломщицы? Правда, отецъ твой — старій окаанный кавалеръ, но зато ты племянница дяди Эврарда.

— Чтò я могу отвѣчать вамъ, батюшка, если вы такъ станете говорить? Выслушайте съ терпѣніемъ только вѣсколько словъ; я скоро кончу дядюшкино порученіе.

— А! такъ это порученіе? Ну, такъ и есть! я такъ и думалъ съ самаго начала; я даже вѣсколько подозрѣвалъ посланника. Ну, извольте, миссъ Ли, справляйте вашу должность; вамъ не прійдется пожаловаться, что у меня недостаетъ терпѣнія.

— Батюшка, дядя Эврардъ проситъ васъ вѣжливо принять комиссаровъ, которые прійдутъ описывать паркъ и имѣніе Вудстокъ, или по-крайней мѣрѣ удержаться отъ всякой помѣхи и сопротивленія ихъ дѣлу. Это, говоритъ онъ, до добра не доведетъ, даже по собственнымъ вашимъ правиламъ; это значило бы подать только поводъ къ ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, которыхъ очень можно избѣжать. Онъ надѣется даже, что, если вы послѣдуете его совѣту, комитетъ, на который онъ можетъ имѣть вѣкоторое вліяніе, рѣшится снять запрещеніе съ вашего имѣнія и замѣнить только умѣренной пеней. Такъ говоритъ дядюшка, и мнѣ не нужно утомлять васъ другими убѣжденіями.

— Совершенная правда, Алиса, отвѣчалъ сэръ Геври тономъ подавленной досады: клянусь святымъ крестомъ, ты и безъ того уже чуть не внушила мнѣ еретической мысли, что ты не моя дочь ... О, ты! милая подруга моя! удаленная теперь отъ горе-

стей и заботъ этого жалкаго міра, повѣрила ли бы ты когда-нибудь, что дочь, которую ты прижимала къ своему сердцу, подобно вѣстивой женѣ Іова, станетъ искушать роднаго отца въ часъ скорби? что она станетъ совѣтовать ему принести совѣсть въ жертву выгодѣ, даятого, чтобы изъ рукъ, еще обогрѣнныхъ кровью его государя и, можетъ быть, кровью его роднаго сына, выпросить ничтожные остатки имущества, которое они же разграбили? Какъ! неужели ты думаешь, что, если мнѣ придется просить милостыни, я пойду просить ея у тѣхъ, которые сдѣлали меня нищимъ? Нѣтъ, никогда. Этой сѣдой бороды, которую ношу въ свидѣтельство моей скорби о смерти государя, я никогда не покажу, съ тѣмъ чтобы тронуть моихъ грабителей и виновниковъ всего нашего бѣдствія. Нѣтъ! Если Геври-Ли принужденъ будетъ искать себѣ дароваго куска хлѣба, онъ обратится къ такому же честному роялисту, какимъ остался самъ. Что до дочери, она можетъ идти, куда ей угодно. Ближайшая дорога приведетъ ее къ богатымъ круглоголовымъ родственникамъ, но тогда ужъ пусть она не называетъ отцомъ того, чьей бѣдности не хотѣла раздѣлить.

— Вы несправедливы ко мнѣ, батюшка, возразила Алиса съ сильнымъ волненіемъ: жестоко несправедливы. Богъ свидѣтель что ваша дорога будетъ моею, хотя бы она вела къ разоренію и нищенству, и рука моя всегда будетъ поддерживать васъ, если вы примете такую слабую помощь.

— Ты платишь мнѣ словами, дитя мое, ты платишь мнѣ словами, какъ говорятъ Вильямъ Шекспиръ: ты говоришь, что подашь мнѣ руку, а сама втайнѣ замыслишь опереться на руку Меркема Эврарда.

— Батюшка! батюшка! вскричала Алиса съ выраженіемъ глубокой скорби: кто могъ такъ ослѣпить вашъ здравый разумъ и такъ измѣнить ваше сердце? Да будутъ прокляты эти общественные перевороты, которые не только стоятъ жизни столькихъ людей, но еще искажаютъ все чувства, дѣлаютъ подозрительными, суровыми и жестокими самыхъ храбрыхъ, самыхъ благородныхъ и самыхъ великодушныхъ! Какой упрекъ можете вы мнѣ сдѣлать относительно Меркема Эврарда? Развѣ я видѣлась, развѣ я говорила съ нимъ съ тѣхъ поръ какъ вы запретили ему это въ выраженіяхъ, — нужно признаться, — вовсе не такихъ, на какія имѣлъ право вашъ родственникъ? Зачѣмъ же вы воображаете, что я жертвую для этого молодаго человѣка всѣмъ, чѣмъ обя-

зава вашъ? Знайте, что, если бы я была способна къ преступной слабости, Меркемъ Эвхардъ первый сталъ бы презирать меня.

Она закрыла глаза платкомъ, но не могла ни удержать своихъ рыданій, ни скрыть волненія. Это тронуло старика.

— Я не знаю, что сказать и что подумать, отвѣчалъ онъ: ты, кажется, говоришь чистосердечно, и ты всегда была доброю дочерью. Я не понимаю, какъ ты позволила этому молодому бунтовщику закрасться въ твое сердце. Можетъ-быть, это наказаніе Божіе, зато что я возмечталъ, что честность моего дома чище горноста. Вотъ несчастное пятно на самой лучшей его драгоценности, на моей милой Алисъ. Не плачь же, дитя; у насъ и безъ того довольно горя. Въ какой это пьесѣ Шекспиръ говорить: «Милое, дорогое дитя, предоставь мнѣ одному заботу объ этомъ плачевномъ дѣлѣ; не принимай досаднаго выраженія нашего времени, не огорчай и ты своего Перси, какъ оно огорчаетъ его.»

— Я въ восхищеніи, батюшка, что вы уже во второй разъ сегодня ссылаетесь на нашего любимаго поэта. Наши маленькіе споры почти всегда подходятъ близко къ концу, когда въ дѣло вмѣшивается Шекспиръ.

— Собраніе его сочиненій всегда было вѣрнымъ спутникомъ моему покойному государю. Послѣ Библіи, — если Библию можно упомянуть вмѣстѣ съ Шекспиромъ, — онъ нигдѣ не находилъ столько утѣшеній, сколько въ этой драгоценной книгѣ, а какъ я страдаю тою же болѣзнию, то и не удивительно, если я прибѣгаю къ тому же лекарству. У меня только недостаетъ того же искусства въ объясненіи темныхъ мѣстъ, потому что я мало образованъ; я учился только владѣть оружіемъ и охотиться.

— Вы видѣли Шекспира, батюшка?

— Глупая ты дѣвочка! вѣдь я былъ еще ребенкомъ, когда онъ умеръ, ты это слышала двадцать разъ. Но тебѣ хочется только отвлечь старика-отца отъ предмета, который тревожитъ его. Хорошо; я хотѣю и не слѣбитъ, а закрою глаза и пойду за своимъ жокатымъ. Вотъ Бенъ-Джонсона я зналъ и могъ бы рассказать тебѣ множество анекдотовъ о нашихъ собраніяхъ въ тавернѣ Сирены, гдѣ много выпивали вина, но много сыпали и ума. Мы тогда, опоражнивая кружки, не душили другъ друга столбами табачнаго дыму и не закатывали бѣльма кверху. Я у старика Бена былъ однимъ изъ пріемныхъ дѣтищъ по-Аполлону. Развѣ я не показывалъ тебѣ его стихи — «Моему любезному сыну, почтенному баронету и кавалеру сэру Генри Ли изъ Дичли?»

— Не помню, батюшка.

— Кажется, ты не правду говоришь, душа; но все равно, теперь ты у меня пустяковъ не выпытаешь. Злой духъ покнвнулъ Саула. Дѣло состоитъ въ томъ, на что намъ рѣшиться относительно Вудстока; покинуть ли или защищать его.

— Милый батюшка, развѣ вы можете хоть одну минуту питать надежду, что отстанете его?

— Не знаю; но вѣрно то, что я желалъ бы видѣть еще хоть маленькое дѣло, на прощанье. И кто знаетъ, гдѣ можетъ снизойти благоволеніе небесное? Но въ такомъ случаѣ нужно, чтобы мои бѣдные вассалы виѣстѣ со мною принялъ участіе въ отчаянной оборонѣ, и эта мысль, признаюсь, удерживаетъ меня.

— Ахъ! держитесь за эту мысль, батюшка? Вспомните, что въ городѣ есть отрядъ солдатъ, а въ Оксфордѣ три полка.

— Бѣдный Оксфордъ! вскричалъ сэръ Генри, у котораго одно слово оборачивало нерѣшительную, смущенную мысль къ первому предмету, какой представится: бѣдный Оксфордъ! сѣдалище науки и честности! эти грубые солдаты — компанія вовсе неприличная твоимъ ученымъ мужамъ и поэтическимъ аллеямъ твоего парка. Но твой чистый и ясный свѣтъ пробьется сквозь тлетворное дыханіе тысячи болвановъ, хотя бы они сопѣли какъ Борей, чтобы затушить его!

— Правда, батюшка, и, можетъ быть, не бесполезно будетъ напомнить вамъ, что, если случится какое нибудь роялистское движеніе въ такое неблагоприятное время, для нихъ это будетъ поводомъ еще больше и жесточе притѣснить университетъ. Они и безъ того смотрятъ на него какъ на горнило, изъ котораго исходить все, что здѣсь, въ окрестности, дѣлается въ пользу короля.

— Правда, дочь моя, эти разбойники воспользовались бы малѣйшимъ предлогомъ забрать все имущество, какое междоусобная война еще оставила университету. Это и опасности, которыми подверглись бы мои бѣдные вассалы... Словомъ, ты обезсружила меня, дитя мое; я буду спокоенъ и терпѣливъ какъ... какъ только можно быть спокойнымъ и терпѣливымъ.

— Дай Богъ, чтобы вы сдержали слово, батюшка; во только встрѣча хоть съ однимъ изъ этихъ людей приводитъ васъ въ такое волненіе, что я опасюсь...

— Что жъ ты меня за ребенка что ли принимаешь, Алиса? Развѣ ты не знаешь, что я могу смотрѣть на жабу, на ящерицу, на змѣю безъ всякаго другаго ощущенія, кромѣ нѣкотораго

отвращенія? Хотя круглая голова, и въ-особенности красно кафтанникъ, въ monkъ глазахъ гораздо отвратительнѣе жабы, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, однако жъ я могу побѣдпть мое невольное отвращеніе до такой степени, что, если бы теперь же явился одинъ изъ нихъ, ты увидѣла бы, какъ вѣжливо я приму его.

Сэръ Генри еще не кончилъ рѣчи, какъ солдатъ-ораторъ вышелъ изъ за своей растительной перегородки и неожиданно явился передъ старымъ кавалеромъ, который уставилъ на него глаза съ удивленіемъ, какъ-будто вызвалъ злаго духа.

— Кто ты? спросилъ сэръ Генри громко и сердито, между-тѣмъ какъ дочь, въ испугѣ, схватила его за руки.

Она страшилась, что миролюбивое рѣшеніе отца не устоитъ подъ ударомъ этого неожиданнаго явленія.

— Я человекъ, который не опасается и не краснѣетъ называться бѣднымъ поденщикомъ въ великомъ трудѣ Англіи, отвѣчалъ солдатъ: я простой и чистосердечный поборникъ добраго дѣла.

— А чего ты ищешь здѣсь? гордо спросилъ кавалеръ.

— Я ищу привѣта, должнаго посланцу лордовъ-коммиссаровъ.

— Привѣтъ находить, кто самъ пріятель, а ты столько же пріятель мнѣ, сколько солъ большимъ глазамъ. А кто твои коммиссары?

Солдатъ, вмѣсто отвѣту, подавъ пергаменъ. Старикъ взялъ кончиками перста и указательнаго пальца, какъ-будто письмо изъ какого-нибудь чумнаго лазарета, и, читая, держалъ какъ-можно дальше отъ глазъ. Читалъ онъ вслухъ и при каждомъ имени коммиссаровъ прибавлялъ для дочери короткое поясненіе, но такъ громко, чтобы и посланецъ слышалъ, или по-крайней-мѣрѣ видѣлъ, что на него не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія.

— Дизбро!... мужикъ Дизбро! бурлакъ, какихъ мало въ Англіи.... уродъ, которому лучше сидѣть бы дома подъ кибиткой, какъ древнему Скиоу.... Провались онъ!... Гаррисонъ!... кровавадный фанатикъ, который на всякое злодѣйство текеты подбираетъ.... Провались онъ!... Блетсонъ.... истинный республиканецъ, членъ Гаррисонова клуба, — темно синий, — клейменный мозгъ, преполненный идей новаго правительства, котораго самая ясная цѣль поставить хвостъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть головѣ, — шутъ, который все бредитъ Греціей и Римомъ и принимаетъ стараго Ноля за римскаго консула.... Погодите, будетъ онъ не консуломъ, а диктаторомъ.... тѣмъ лучше, провалитесь вы всѣ!

— Почтеннѣйшій, возразилъ солдатъ, я желалъ бы обойтись съ вами вѣжливо, но мои обязанности въ отношеніи къ благочестивымъ мужамъ, которымъ служу, не позволяютъ мнѣ слушать вашихъ презрительныхъ и непочтительныхъ рѣчей. И хотя, я знаю, всѣ вы, неблагонамѣренные, почитаете себя вправѣ проклинать всѣхъ и каждого, однако жъ не слѣдовало бы проклинать тѣхъ, у которыхъ въ душѣ надежды лучше и на языкѣ рѣчи приличіе вашихъ.

— Ты темный холопъ, возразилъ кавалеръ, однако жъ ты правъ въ нѣкоторомъ отношеніи: не стѣитъ проклинать людей, которые уже давно прокляты и такъ черны какъ копотъ въ аду.

— Я покорнѣе прошу васъ быть по умѣреніе, хоть ради приличія, продолжалъ солдатъ: сѣдой бородѣ не прилично произносить нечистыя ругательства.

— Кто бы ни оказалъ, всё-таки правда! вскричалъ старикъ: и я благодарю Бога, что я еще въ состояніи послѣдовать хорошему совѣту, хотя бы и нечистаго духа. И такъ, любезный, — чтѣ касается до твоихъ комиссаровъ, — ты можешь сказать имъ, что сэръ Генри Ли, хранитель вудстокскаго парка, имѣетъ право пользоваться Вудстокскою Ложей, парками, рощами, лугами и всѣмъ принадлежащимъ, точно такъ же какъ и они имѣютъ право на свое добро, — если только у нихъ есть добро, кромѣ награбленнаго. Несмотря на это, однако жъ сэръ Генри Ли уступить свое мѣсто тѣмъ, которые поставили силу на мѣстѣ права, и не подвергнуть опасности жизнь честныхъ и почтенныхъ людей, когда все счастье очевидно не на ихъ сторонѣ. Но, соглашаясь на эту уступку, сэръ Генри протестуетъ и объявляетъ, что это съ его стороны не есть ни признаніе власти сказанныхъ комиссаровъ и не побужденіе страха: единственная цѣль его — избѣжать траты англійской крови, которой уже довольно много пролито.

— Хорошо сказано, замѣтилъ посланецъ отъ комиссаровъ: и, слѣдовательно, не угодно ли вамъ теперь пожаловать въ домъ и отдать мнѣ золотую и серебряную посуду и украшенія, принадлежавшія египетскому фараону, который ввѣрилъ ихъ вамъ на сохраненіе.

— Какую посуду, кому принадлежащую? вскричалъ запальчивый старикъ: собака некрещеная! говори о королѣ-мученикѣ попочтительнѣе, или я недостойнымъ образомъ обойдусь съ твоимъ трупомъ.

И, оттолкнувъ дочь, которая опиралась на правую его руку, онъ ухватился на ефесъ шпаги.

Солдатъ, напротивъ, сохранилъ все свое хладнокровіе и, махнувъ рукой для большей выразительности своей рѣчи, продолжалъ спокойнымъ тономъ, который еще больше раздражалъ стараго кавалера:

— Любезный другъ, успокойтесь, сдѣлайте одолженіе, не шумите напрасно. У кого волосъ съѣдъ и рука безсильна, тому не слѣдъ кричать и горячиться, какъ пьяницѣ. Не принуждайте меня употребить на оборону оружіе плоти; выслушайте, что говоритъ разсудокъ. Развѣ ты не видишь, что Господь рѣшилъ великій споръ въ пользу насъ и нашихъ, противъ тебя и всѣхъ твоихъ! Сложи же съ смиреніемъ должность твою и сдай мѣй на руки все принадлежавшее Человѣку, котораго звали Карломъ Стурартомъ.

— Всякому терпѣнію есть предѣлъ! отвѣчалъ кавалеръ, уже неспособный удержать свой гнѣвъ.

Онъ отцѣпилъ шпагу, ударилъ ею солдата, потомъ обнажилъ, бросилъ ножны въ сторону и всталъ въ позицію. Ножны повисли на суку ближайшаго дерева.

Солдатъ съ легкостью отскочилъ, сбросилъ свой широкій плащъ, обнажилъ палашъ и также всталъ въ позицію. Клинки зазвенѣли, Алиса въ ужасѣ закричала. Но бой не долго продолжался. Старый кавалеръ схватился съ человѣкомъ по-крайней-мѣрѣ столько же искуснымъ въ ратномъ дѣлѣ; сверхъ того солдатъ обладалъ еще всею силой и проворствомъ, которыхъ сэра Генри лишили лѣта, и хладнокровіемъ, которое тотъ въ гнѣвѣ совершенно утратилъ. На третьемъ ударѣ кавалера шпага взвилась на воздухъ, какъ-будто хотѣла догнать свои ножны, а боецъ, покраснѣвъ отъ стыда и гнѣву, увидѣлъ себя обезоруженнаго, въ полной власти противника.

Индепендентъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія воспользоваться побѣдой; ни во время бою, ни послѣ торжества въ важномъ и строгомъ лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго измѣненія. Бой на жизнь и на смерть, казалось, былъ для него такою же обыкновенною игрой, какъ упражненіе на рапирѣхъ.

— Небо предало тебя въ мои руки, сказалъ онъ, и, по праву оружія, я могъ бы поразить тебя подъ пятое ребро, какъ Асахеля поразилъ смертію Абнеръ, Нуновъ сынъ, когда онъ охотился на горѣ Амма, что близъ Джип, по дорогѣ въ пустыню Джибонскую. Но да будетъ далека отъ меня мысль пролить не-

многія капли крови, еще текущей въ твоихъ жилахъ. Правда, что ты плѣнникъ меча и копья моего, но ты можешь еще сойти съ пути заблужденія и воротиться на истинный, если Господь пошлетъ тебѣ время на раскаяніе и исправленіе; зачѣмъ стаиеть сокращать это время бѣднѣй грѣшникъ, который, по истинѣ сказать, такой же червь какъ и ты?

Сэръ Генри былъ такъ смущенъ, что не могъ собраться отвѣчать, когда на крикъ Алисы прибѣжалъ человекъ съ огромною дубиной. Это былъ лѣсничій Джослайвъ Джолвъ. Описавъ неотлучною своею дубиной осьмерку на воздухъ, онъ готовился нанести солдату громовый ударъ, но кавалеръ остановилъ.

— Намъ приходится вынче палку къ ногѣ держать, Джослайвъ, сказалъ старикъ: наше время прошло. Съ горой не стоитъ бороться.

Тутъ изъ чащи парка на помощь къ кавалеру подоспѣлъ еще союзникъ, огромная собака, Бивисъ, благороднѣйшій изъ псовъ, какіе когда-либо затравливали оленя. Цвѣтомъ шерсть у него была какъ у льва, морда черная, ноги также, и по всѣмъ четыремъ правильная бѣлая черта.

— Кушъ, Бивисъ! закричалъ хозяинъ въ ту минуту, когда собака хотѣла броситься на солдата, и Бивисъ, столько же покорный, сколько сплный и прыткій, изъ льва обратился въ барашка.

Онъ обнюхивая обошелъ солдата вокругъ, какъ-будто хотѣлъ открыть, почему ему приказано уважать этого подозрительнаго человекъ. Вѣроятно, онъ остался доволенъ; онъ оставилъ грозное свое выраженіе, опустилъ уши и взъерошенную шерсть и завилъ хвостомъ.

Сэръ Генри былъ высокаго мнѣнія о провицательности своего четвероногого любимца.

— Посмотри, Алиса, сказалъ онъ шепотомъ, Бивисъ тоже держится твоего мнѣнія: онъ совѣтуетъ мнѣ покориться. Ужъ вѣрно, Богъ наказываетъ меня за гордость, которая всегда была однимъ изъ первыхъ пороковъ въ нашей семьѣ.

— Любезнѣйшій, продолжалъ онъ, обращаясь къ солдату, ты закончилъ урокъ, котораго десятилѣтнія бѣдствія не могли еще сдѣлать полнымъ. Не всегда же такъ будетъ, конечно, но Богъ знаетъ свою пору. Джослайвъ, подыми мою толедскую шпагу.... а вопъ, тамъ, висеть, кажется, ножны.... Полно же дергать меня за плащъ, Алиса, и не смотри такую перепуганною. Я даю тебѣ слово, что впередъ не стану торопиться

обуждать панагу.... Что касается до тебя, любезнѣйшій, спасибо за урокъ; я уступлю мѣсто твоимъ начальникамъ безъ спору. Джодель, который побѣдѣ къ твоему званію тѣмъ я, передастъ тебѣ Ложу и все принадлежащее къ ней. Не скрывай ничего, Джослайнъ; пусть все возьмутъ. Что до меня, нога моя уже не будетъ на этомъ порогѣ.... Но гдѣ провести нынѣшнюю ночь? Я никого не хотѣлъ бы потревожить въ Вудстокѣ.... Ахъ да! что жъ тутъ долго толковать.... Джослайнъ, мы съ Алисой отправимся къ твою хижину, къ Ключу Розамунды. Ты насъ пригостишь хоть на эту ночь, не правда ли?.... Это что? Отчего такой озабоченный видъ?

Джослайнъ дѣйствительно казался озабоченнымъ или омущеннымъ. Онъ обратилъ глаза на Алису, потомъ къ небу, потомъ во всѣ четыре стороны, и наконецъ невнятно проговорилъ:

— Конечно.... безъ всякаго сомнѣнія.... но мнѣ нужно сперва сходить [посмотрѣть, все ли тамъ въ порядкѣ.

— Все ли въ порядкѣ! Не бойся, будетъ въ порядкѣ для людей, которые скоро, можетъ быть, рады будутъ отдохнуть на свѣжей соломѣ въ какомънибудь сараѣ. Но если тебѣ не хочется принять у себя людей подозрительныхъ, неблагонамѣренныхъ, какъ насъ называютъ, то говори откровенно, не краснѣй. Правда, что ты былъ нашимъ оборвыщемъ, когда я принялъ тебя въ службу, и даже потомъ сдѣлалъ тебя лѣсничнымъ, но что до этого за дѣло! Моряки помышляютъ о вѣтрѣ только тогда, когда онъ имъ помутенъ. Люди и почище тебя оборотились съ отливомъ; почему же и тебѣ не идти по приливу?

— Прости вамъ Богъ такой жестокой судъ, ваша честь, отвѣчалъ лѣсничій: хижина моя къ вашимъ услугамъ, какова есть, и хоть бы она была похожа на королевскій дворецъ, — чего я отъ души желалъ бы для вашей чести и для миссъ Алисы. Только.... только вы позвольте мнѣ напередъ сходить.... на случай, если тамъ есть кто-нибудь изъ сосѣдей и также, чтобы посмотрѣть.... приготовить все нужное для вашей чести и для миссъ Алисы.... и чтобы привести все въ порядокъ.... поставить всякую вещь на свое мѣсто.

— Не нужно, ничего не нужно, возразилъ старый кавалеръ, между-тѣмъ какъ Алиса съ величайшимъ трудомъ скрывала свою тревогу: если твое жилище въ безпорядкѣ, то оно тѣмъ приличнѣе кавалеру, который позволилъ себя обезоружить; если въ немъ вещи стоятъ не на своихъ мѣстахъ, значитъ, оно похоже

на весь остальной міръ, гдѣ все выверчено вверхъ ногами. Проводи этого человѣка въ дому. Какъ тебя зовутъ, любезный?

— По плоти имя мое — Джозефъ Томкинсъ, отвѣчалъ солдатъ: люда зовутъ меня Джозефъ Честнымъ или Томкинсомъ Бирнымъ.

— Если эти имена заслужены, ты истинная жемчужина, Джей Томкинсъ, а если и нѣтъ, такъ не тревожься. Слово и дѣло у насъ давно уже разошлись въ разные стороны. Прощай, и я скажу прекрасному Вудстоку — прости.

Съ этими словами старикъ взялъ дочь подъ руку и оба пошли въ чащу парка.

III.

— Теперь ты, удалый молодецъ, что дѣлаешь грязныя харчевни своимъ поприщемъ, восхваляи мудрыя дѣянія этого прискорбнаго вѣка, драки, бѣдственныя раздоры и подвиги прославленной вашей отваги, мудро избѣжавшей пуля, которая мимо васъ свистала, когда вы дрались за насъ или противъ насъ. Я про васъ говорю».

Легенда о Капитанѣ Джонсѣ.

Джозефъ Томкинсъ и лѣсничій Джолифъ нѣсколько времени простояли молча и глядя на тропинку, гдѣ старый кавалеръ и шиссъ Алиса исчезли за деревьями. Потомъ они взглянули другъ на друга какъ люди, которые взаимно подозрѣваютъ вражескія помышленія и не знаютъ, съ чего начать рѣчь. Сэръ Геври въ лѣсу свистнулъ своей собакѣ; Бивисъ на знакомый кличъ приподнялъ уши, но не повиновался: онъ продолжалъ обнюхивать одежду солдата.

— Надо полагать, что ты обладаешь рѣдкимъ искусствомъ, замѣтилъ Джолифъ: я слышалъ, есть такое колдовство, посредствомъ котораго люди крадутъ и лапей и собакъ.

— Не безпокойся о моемъ искусствѣ, возразилъ солдатъ: неопли лучше приказаніе своего господина.

Джолифъ не тотчасъ отвѣчалъ. Онъ, какъ будто въ знакъ перемірія, пристукнулъ дубиной въ землю, оперся на нее и потомъ довольно отрывисто сказалъ:

— Такъ вы, господинъ проповѣдникъ, вмѣсто вечерней службы, выходили здѣсь на ноги съ мнѣмъ старымъ господиномъ?

Счастье твое, что я не подошелъ въ то время, когда клинки еще скрещались: я бы знаменито задалъ тебѣ звону!

— Ты себя поздравь съ этимъ счастьемъ, другъ, отвѣчалъ Томкинсъ съ горькою улыбкой: такому звонарю примѣрно отплатилъ бы за труды. Впрочемъ, кѣму намъ съ тобой воевать? кѣму мнѣ поднимать руки на тебя? Ты, бѣднякъ, исполняешь только приказанія своего господина, и мнѣ вовсе нѣтъ нужды проливать твою или мою кровь въ этомъ дѣлѣ. Тебѣ же приказано мирнымъ образомъ сдать мнѣ вудстокскій дворецъ, — коли ужъ вы такъ его называете, хотя, правду сказать, въ Англіи уже нѣтъ дворцовъ.

— Если дѣла все такъ пойдутъ какъ теперь, возразилъ Джослайвъ: вы всѣ, того и гляди, будете королями. Для начала Вудстокъ хорошенькая добыча.... Ну, что жъ, угодно пожаловать? угодно учинить грабительство? Вы слышали, какой мнѣ данъ приказъ.

— Охъ!.... не знаю, какъ быть, отвѣчалъ Томкинсъ: можно подозрѣвать засаду, а я здѣсь одинъ. Впрочемъ, сегодня день назначенный парламентомъ и признанный арміею для торжественнаго молебствія; ктому жъ, этотъ старикъ и дочь его могутъ вытребовать свое платье и личпо имъ принадлежащія вещи: я не хочу мѣшать имъ, пусть возьмутъ. Я лучше приму отъ тебя дворецъ завтра утромъ, въ присутствіи отряда, который пришелъ со мною, и передъ пресвитерскимъ меромъ, такъ, чтобы все дѣло было при свидѣтеляхъ: пвачо, пожалуй, Вааловы дѣти могутъ сказать — Томкинсъ Вѣрный сталъ Эдомнтянникомъ, Джой Честный сталъ Измаильтянникомъ; всталъ пораньше, чтобъ подѣлаться съ тѣми, которые служили Человѣку.

Джослайвъ уставилъ свои быстрые провицательные глаза на солдата, какъ-будто стараясь отгадать, искренно ли онъ говоритъ; потомъ, запустилъ всѣ пять пальцевъ въ густые свои волосы, почесавъ голову, какъ будто это было необходимо для того, чтобы оставить ее въ возможность разсуждать, и сказалъ:

— Все это очень хорошо, пріятель, но я тебѣ скажу откровенно, что во дворцѣ есть нѣсколько серебряныхъ блюдовъ, мисокъ и чашъ, которыя избѣжали очистки, когда нашъ кавалеръ посылалъ все свое серебро на монетный дворъ для обмундирования своей роты. Такъ если ты не примешь этихъ вещей сейчасъ же, я буду въ затруднительномъ положеніи: ты же можешь сказать, что я убавилъ кое-что, тогда какъ я столько же честный малый какъ....

— Честнѣйшій воръ, какой когда-либо подстрѣливалъ чужихъ ланей.... Ну, продолжай, продолжай. Вѣдь я у тебя былъ въ долгу.

— Убирайся! вскричалъ Джослайвъ: если мнѣ и случилось когда подстрѣлить ланя, такъ это вовсе не по недостатку честности, а только за тѣмъ чтобъ кострюли моей хозяйки не поржавѣли. А что до серебра, блюдь, чашъ и прочаго, я скорѣе проглочу ихъ въ растопленномъ видѣ, чѣмъ присвоить хоть одну. Я не хочу подвергаться въ этомъ дѣлѣ ни какому подозрѣнью ни укору. Если хочешь принять сейчасъ, пойдемъ; а вѣтъ, такъ поручись, что съ меня ничего не станутъ разыскивать.

— Хорошо; а кто мнѣ поручится, что меня не станутъ подозревать? Конечно, не комиссары, которые смотрятъ теперь на этотъ замокъ уже какъ на свою собственность. Ты справедливо замѣтилъ, что намъ слѣдуетъ поступить въ этомъ дѣлѣ очень осторожно. Запереть двери и уйти было бы дѣломъ простоты. Но если мы оба перемочуемъ тамъ? Никто изъ насъ не могъ бы ни до чего дотронуться безъ вѣдома другаго. Какъ ты думаешь?

— Да мнѣ бы слѣдовало быть въ моей хижинѣ, чтобы прибрать ее къ приему сэра Генри и миссъ Алисы, потому что моя старуха Джанна немножко глуха и не будетъ знать, какъ и зачѣмъ принятыя; между-тѣмъ, правду сказать, я не хотѣлъ видѣться нынче ночью съ моимъ барниномъ. Сегодняшнія приключенія разогрѣли у него желчь и можно биться объ закладъ, что то, что онъ найдетъ въ моей хижинѣ, вовсе не успокоитъ его.

— Жаль, что такой съ виду почтенный человекъ — кавалеръ, неблагопамѣтенщын, и что онъ, такъ же какъ и вся эта змѣнная порода, слѣдуетъ богопротивному обычаю ругаться.

— Что жъ дѣлать! На то обычай, чтобы слѣдовать имъ. Прямѣе заразителенъ. Ты самъ, если бы вдругъ очутился на сеникѣ, передъ деревомъ, увѣшаннымъ лентами и бубенчиками, въ толпѣ веселой молодежи, пляшущей подъ звуки рожковъ и бубенъ, между дѣвчатами, которыя съ удалыми молодцами прыгаютъ, такъ, что только алые подвязки на голубыхъ чулкахъ въ глазахъ мелькаютъ, ты и самъ, я думаю, сталъ бы по-общепительнѣе, бросилъ бы свою горшкообразную шляпу въ одну сторону, даяннѣй палашъ въ другую и заплясалъ бы какъ сумасшедшій Хогъ-Портовцы, когда поросята на шармаикахъ наигрываютъ.

— Послушай ты, зеленая куртка! что это значитъ? строго возразилъ республиканецъ вытаращивъ глаза на дѣвчачаго: какъ ты смѣешь говорить такія вещи человѣку, который приложилъ

руки къ духовной боронѣ? Советую тебѣ обуздать языкъ, него бокамъ худо будетъ.

— Пожалуйста, и ты любезнѣйшій, не говори со мною слишкомъ крупно: это вѣдь не съ шестидесяти лѣтнимъ маналеромъ. Я по крайней мѣрѣ не меньше тебя ловокъ и силенъ, а можетъ быть и больше. Во всякомъ случаѣ я по-моложе. Не стоитъ ли сердиться изъ-за пляски? Если бы ты зналъ нашего Фила Халлдейна: вотъ былъ мастеръ плясать! Первый въ Оксфордѣ и Берфордѣ.

— Тѣмъ хуже для него, отвѣчалъ солдатъ: но я надѣюсь, что онъ призналъ свое заблужденіе и сталъ достоинъ лучшаго общества чѣмъ лѣсные бродяги, воры, скоморохи, развратники, дракуны, волокиты, гудочники, игроки, прелестницы и всякаго роду плотскія твари, поважающія только своимъ нечистымъ страстямъ....

— Вотъ кстати духу не хватило, сказалъ Джослайвъ: полно проповѣдывать-то; вотъ знаменитый дубъ вустокскій.

Они въ это время вышли на лугъ, окруженный со всѣхъ сторонъ большими дубами и прекрасными сикоморами. Одинъ изъ этихъ дубовъ, настоящій лѣсной царь, стоялъ по-одалъ, одинъ какъ-будто не терпѣлъ сосѣдства соперниковъ. Сучья у него уже были сухи и поломаны, но могучій богатырскій стволъ давалъ ему полное право на первенство во всѣхъ лѣсахъ Англіи.

— Вотъ это дерево называется королевскимъ дубомъ, сказалъ лѣсничій. Никто въ Вудстокѣ не сумѣетъ сказать, сколько ему лѣтъ. Говорятъ, Генрихъ всегда садился подъ его тѣнью съ прекрасною Розамундой, чтобы любоваться на молодежь, которая здѣсь, на лугу, плясала и состязалась на бѣгу и въ борьбѣ.

— Вѣрю, вѣрю, что твой Генрихъ и его любовница были достойными предсѣдателями такой суеты.

— Ну, ты себя что хочешь говори, только и мнѣ языка не связывай. Вотъ майскій шестъ, какъ видишь, посреди луга, въ полувыстрѣлѣ отъ королевскаго дуба. Бывало, каждый годъ новыя ставили; король каждый годъ давалъ дерево изъ своего лѣсу и десять шиллинговъ на обдѣлку, а теперь, видишь, какой стоитъ, источенный червями, подгнившій. Бывало и лугъ тщательно косили и подравнивали, такъ, что словно бархатный коверъ лежалъ; теперь всякая сорная трава растетъ, какъ гдѣ взду-маетъ.

— Такъ что жъ, гдѣ же во всемъ этомъ поученіе, другъ Джо-

блѣтъ? Какое правило можно извлечь изъ дудки и барабана? Какой мудрый урокъ можетъ дать волынка?

— Объ этомъ спроси у тѣхъ, которые по-учебѣ меня, отвѣчаютъ Джослайнъ. Миѣ такъ кажется, что не всегда же можно ходить степенно вытянувши носъ и нахлобуча шляпу на глаза. Молодой дѣвушка также свойственно посмѣяться какъ бутончику расцвѣсть, а птичкѣ по веснѣ распѣвать. Но прошла былая пора; нынѣшняя просто ничего не стѣбитъ. Бывало, въ праздничные дни, которые ты и братья твои изволили уничтожить, этоть лугъ усыпанъ былъ веселыми дѣвушками и довольными молодцами. Самъ добрый старикъ пасторъ не видѣлъ въ томъ грѣха, что приходилъ посмотрѣть на наши игры; напротивъ, его присутствіе держало насъ въ порядкѣ и заставляло въ весельи соблюдать приличіе. Можетъ-быть, мы иногда и позволяли себѣ шутку по-крупнѣй или, подчасъ, выпивали лишнюю, но все это дѣлалось ради добраго компанства. А если когда случалось и на кулакахъ выйти, или палки въ дѣло пошли, — тоже дѣло дружеское: зла никто не помнилъ. Послѣ попойки помѣняться нѣсколькими палочными ударами — всё-таки лучше чѣмъ съ степеннымъ и важнымъ видомъ рубиться на сабляхъ, какъ завелось съ-тѣхъ-поръ какъ пресвитерская шляпа поднялась на епископскую митру и какъ промѣняли мы нашихъ добрыхъ ректоровъ и ученыхъ прелатовъ, у которыхъ рѣчи такъ были приправлены латынью, что хоть кого загоняють, и на кого промѣняли? на ткачей, на сапожниковъ и другихъ вольныхъ проповѣдниковъ... какъ напримѣръ тотъ, котораго сегодня слушали... не прогнался, сорвалось.

— Любезный другъ, возразилъ Томкинсъ съ удивительнымъ терпѣніемъ: если мое ученіе не нравится тебѣ, я съ тобой за это драться не стану. Твои уши такъ нащекочены звукомъ бубенъ и свирѣлей, твои глаза такъ ослѣплены и очарованы пляской, что вовсе не удивительно, если ты не находишь вкусу въ пищѣ болѣе простой и спасительной. Но пойдѣмъ въ Ложу, чтобы кончить наше дѣло до заката солянца.

— Правда, и по миѣ такъ. Насчетъ Ложы ходять такіе слухи, что не очень-то охотно оставаться тамъ на ночь.

— Старый кавалеръ съ дочерью вѣдъ жилъ тамъ, миѣ сказывали.

— Да; и покуда они жили довольно открыто, все было хорошо: вѣдъ ничтѣ такъ не прогоняетъ страху какъ добрый эль. Но когда цвѣтъ нашей молодежи отправился на войну и былъ

побить подъ Незби, оставшіеся въ живыхъ нашии Ложу въ запустѣніи, и многіе слуги покинули нашего старика кавалера. Можетъ-быть, у него съ нѣкотораго времени не ставало денегъ на жалованье конюхамъ и лакеямъ.

— Основательная причина къ убавкѣ дворни.

— Безъ-сомнѣнія. Тогда стали поговаривать, что по ночамъ все кто-то ходитъ въ большой галерей, и даже въ полдень въ парадныхъ комнатахъ шепчутся голоса. Всѣ люди, говорятъ, со страху разбѣжались. А по моему бѣдному разуму, мнѣ кажется, что коли настанутъ Мартыновъ день да Троицынъ, а о жалованьи рѣчи нѣтъ, такъ снѣга ливренъ какъ-разъ разсудятъ, что лучше, дескать, поискать другаго пріюта, потеплѣй, пока морозы не захватили.

— Такъ у васъ убавилось людей?

— Разумѣется. Однако жъ насъ еще оставалось человѣкъ десять, синихъ и зеленыхъ, — то есть, дворцовыхъ и лѣсныхъ, къ которымъ я имѣю честь принадлежать, — какъ-вдругъ, въ одно прекрасное утро, мы получили разрѣшеніе прогуляться, куда угодно.

— И вы, вѣроятно, прогулялись подъ Ворчестръ, гдѣ васъ раздавили какъ червей.

— Говори себѣ, что хочешь; я никогда не спорю съ человекомъ, у котораго моя голова подъ поясомъ.

— Хорошо, хорошо, другъ; со мной ты безопасно можешь говорить свободно и откровенно. Я могу быть добрымъ товарищемъ добраго солдата, даже тогда, когда дрался съ нимъ до заката солнца. Но вотъ, кажется, и Ложа.

Они остановились передъ стариннымъ готическимъ зданіемъ, неправильно выстроеннымъ въ разное время, разными англійскими монархами, которые пріѣзжали охотиться въ Вудстокъ и распространяли Ложу по мѣрѣ возраставшихъ требованій роскоши каждаго вѣка. Древнѣйшая часть этого зданія, по преданію, называлась Башнею Розамунды. Это была маленькая, очень высокая башня, съ узкими окнами въ чрезвычайно толстыхъ стѣнахъ. Она внизу не имѣла дверей и ни какого выхода до значительной вышины, и проникнуть въ нее, какъ говорило преданіе, можно было только черезъ подъемный мостъ, который накрывался къ маленькой двери, близъ вершины, съ платформы другой башни, пониже этой, на разстояніи около двадцати футовъ. Во второй башнѣ находилась витая лѣстница, которую въ

Вудстокъ называли Лѣстницею Любви, потому что по ней и по подземному мосту Генрихъ ходилъ къ своей возлюбленной.

Докторъ Рочклайфъ, послѣдній ректоръ въ Вудстокъ, жарко опровергалъ это преданіе и утверждалъ, что Башня Розамунды не что иное какъ внутренняя цитадель, въ которой владѣлецъ или коммандантъ замка могъ укрываться, когда не удавалось отстоять другіе укрѣпленные пункты, и гдѣ могъ продлить оборону или по-крайней-мѣрѣ выждать приличной капитуляціи. Жителямъ Вудстока однако жъ это новое объясненіе вовсе не понравилось, и говорятъ даже, будто меръ, котораго мы уже видѣли, для того именно сдѣлался пресвитеріанцемъ, чтобы отомстить ректору за покушеніе поколебать вѣру въ Башню Розамунды и въ Лѣстницу Любви.

Остальная часть Ложы — пространный лабиринтъ со множествомъ маленькихъ дворовъ и разныхъ пристроекъ, сообщавшихся между собою корридорами, воротами и лѣстницами. Разнообразные фасады этого неправильнаго зданія, по выраженію доктора Рочклайфа, составляли истинный шпръ для любителя древняго зодчества: тутъ можно было найти образчики всѣхъ ступеней, отъ чисто норманскаго, времятъ Генриха Анжуйскаго, до полу-готической, полу-классической смѣси царствованія Елизаветы и ея преемника. Оттого-то ректоръ былъ столько же влюбленъ въ Вудстокъ, сколько Генрихъ въ прекрасную Розамунду. Дружба съ сэромъ Генри доставляла ему во всякое время свободный доступъ въ Ложу, и онъ цѣлые дни бродилъ по стариннымъ покоямъ, осматривалъ, мѣрялъ, изучалъ и ученымъ образомъ поглядывалъ странности архитектуры, которыя своимъ существованіемъ обязаны были, вѣроятно, просто прихотливой фантазіи готическихъ художниковъ.

Но старый антикварій лишился своего мѣста вследствие междоусобицъ и религіозныхъ смуть, а преемникъ его Песмія Гольдвофъ почелъ бы себя по-крайней-мѣрѣ Израильяниномъ, который повергся ницъ передъ тельцомъ бетельскимъ, если бъ ему пришла мысль хоть на минуту заняться любовными похождениями норманскаго короля и разсмотрѣніемъ архитектурныхъ и скульптурныхъ украшеній.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

Осмотрѣвъ со вниманіемъ фасадъ зданія Томкпнесъ сказалъ:

— Въ этомъ домѣ, что такъ некстати называютъ Королевскою Ложей, я вижу примѣчательный памятникъ древняго печотія. Какъ хорошо бы было опрокинуть, сжечь его и обратить

въ прахъ! Да! и самый прахъ бросить бы въ ручей Кедровый или въ другой какой-нибудь, чтобы очистить землю и чтобы люди могли забыть богопротивные грѣхи своихъ отцовъ!

Лѣсничій слушалъ съ тайнымъ негодованіемъ и началъ уже спрашивать себя, не слѣдуетъ ли по долгу службы проучить разбойника, который произноситъ такія рѣчи, тѣмъ болѣе, что онъ находится съ нимъ одинъ на одинъ и похѣли ожидать не откуда. Но, къ-счастью, онъ вспомнилъ, что конецъ борьбы будетъ сомнителенъ, что выгоды оружія не на его сторонѣ и что онъ подвергнется не меньшей опасности, если даже и одержитъ побѣду. Нужно замѣтить также, что въ обращеніи и во всей наружности республиканца было что-то такое мрачное, таинственное, важное и строгое, что простодушному Джослайну было какъ-то неловко передъ нимъ: хотя онъ и не чувствовалъ страха, однако жъ его волновала нерѣшимость. Наконецъ онъ разсудилъ, что лучше и вѣрнѣе всего будетъ избѣгать всякаго повода къ ссорѣ и постараться короче узнать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, прежде чѣмъ объявить себя другомъ или недругомъ.

Большія ворота были заперты, но Джослайну стояло только отодвинуть задвижку, чтобы отворить калитку. Они очутились въ проходѣ футовъ десяти въ длину. Нѣкогда проходъ этотъ съ другаго конца запирался опускаемымъ барьеромъ съ бойницами, откуда можно было жестоко поражать непріятеля, который бы овладѣлъ первыми воротами. Но пружины, на которыхъ барьеръ спускался, были спаяны ржавчиной; онъ висѣлъ вверху и хотя еще грозилъ острыми желѣзными шипами, однако жъ уже не способенъ былъ составить преграду врагамъ.

Крытый проходъ велъ до большихъ переднихъ стѣнъ Ложи. Одинъ конецъ этого длиннаго и мрачнаго покоя занимала галерея, предназначенная для музыкантовъ и менестрелей. На нее вели двѣ лѣстницы, довольно грубо сдѣланныя изъ толстыхъ брусьевъ. На нижнихъ ступеняхъ справа и слѣва стояли, какъ-будто часовые, рѣзные изъ дерева норманскіе воины съ страшно грозными лицами, съ булавами и длинными мечами. Крючья и гвозди, вбитые въ закопченныя стѣны, указывали мѣста, гдѣ нѣкогда висѣли доспѣхи и оружіе, которые прежде сохранялись какъ трофеи, но незадолго дотога понадобилась и пошли въ дѣло, точно старые инвалиды, отозванные на защиту родныхъ знаменъ. Оставались только охотничьи приборы королей, которымъ принадлежала Ложа, и кавалеровъ, которые одинъ за другимъ были ея хранителями.

На другой сторонѣ сѣней огромный камень выдвигался впередъ на десять футовъ, украшенный шифрами и гербами англійскаго королевскаго дома. Въ настоящемъ своемъ состояніи онъ походилъ на входъ въ погребальный склепъ или на кратеръ потухшаго волкана. Черный цвѣтъ массивныхъ камней показывалъ, что было время, когда этотъ камень, заливая пламенемъ трубу, извергалъ столбы дыму, навѣсомъ надъ головами веселыхъ охотниковъ, которые, несмотря на свою благородную и царственную кровь, вовсе не чувствовали этого маленькаго неудобства.

Преданіе гласило, что въ такихъ случаяхъ на поддержаніе огня въ этомъ каминѣ съ полудня до вечера требовалось два воза дровъ. Колоссальныя львы, служившіе таганомъ для складки топлива въ каминѣ, казалось, подтверждали это показаніе. Подъ навѣсомъ каминна, по обѣимъ сторонамъ были устроены длинныя каменные скамьи, на которыхъ, несмотря на удушающій жаръ, сами короли, говорятъ, иногда садилась и для препровожденія времени своеручно жарили на угольяхъ части только что затравленнаго оленя. Преданіе готово сообщить также веселыя шутки князей и перовъ во время знаменитаго пира въ Михайловъ день и съ точностью указываетъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ король Стефанъ, когда онъ самъ себя заштопывалъ чулки и рассказывалъ о своихъ шуткахъ надъ вудстокскимъ портнымъ, маленькимъ Вайнкиномъ.

Большая часть этихъ, немножко грубоватыхъ удовольствій, принадлежала ко временамъ Плавтагенетовъ; когда домъ Тюдоровъ взомелъ на престолъ, короли стали показываться не такъ часто, и не всѣмъ и каждому; пиры стали давать во внутреннихъ покояхъ, а сѣни предоставили стражѣ, которая тутъ приправляла свои увеселенія рассказами о привидѣніяхъ и колдунахъ. Отъ такихъ сказокъ нерѣдко блѣднѣли люди, которымъ звукъ трубъ французской арміи былъ столько же приятенъ какъ звукъ роговъ, призывавшихъ на охоту.

Джослайнъ рассказалъ своему новому знакомцу всѣ эти подробности нѣсколько по-короче нашего, и тотъ сначала слушалъ какъ будто съ участіемъ, но потомъ вдругъ прервалъ рассказчика, торжественно вскричавъ:

— Погиби, Вавилонъ, какъ погибъ твой владѣлецъ Навуходносоръ! Онъ теперь странствуетъ, а ты будешь мѣстомъ разоренія, равниною усѣянною солью, пустынею, гдѣ царствуютъ только голодъ и жажда.

— Очень вѣроятно, что дѣйствія голода и жажды мы испы-

таемъ на себѣ нынче же, если только кладовыя добраго кавалера не снабжены нынче провіантомъ лучше обыкновеннаго.

— Правда, мы припуждены думать о требованіяхъ природы, отвѣчалъ Томкинсъ, но только тогда, когда всѣ обязанности наши исполнены. Куда ведутъ эти двери?

— Эта, справа, отвѣчалъ лѣсничій, ведетъ въ такъ называемые большіе покои, которые не были заняты съ 1639 года, когда его королевское величество, благочестивѣйшій Карлъ....

— Это чтò? вскричалъ республиканецъ громовымъ голосомъ: какъ ты смѣешь давать Карлу Стурту титулъ благочестивѣйшаго? Развѣ ты не помнишь прокламаціи на этотъ счетъ?

— У меня не было ни какого недобраго умыслу, отвѣчалъ лѣсничій, подавляя свое желаніе дать совсѣмъ иной отвѣтъ: я плохо знаю толкъ въ титулахъ и государственныхъ дѣлахъ; мое дѣло — лави и самострѣлы. Какъ бы то ни было теперь, а въ ту пору этого бѣднаго короля многіе въ Вудстокѣ благословляли, потому что, говорятъ, однажды онъ оставилъ полную перчатку золота для бѣдныхъ въ городѣ.

— Ну, довольно, другъ, или я подумаю, что ты одинъ изъ тѣхъ глупыхъ слѣпцовъ, которые воображаютъ, что двѣ-три подачки милостыни могутъ омыть ихъ души отъ нечестія и злодѣяній.... Такъ ты говоришь, что въ этой сторонѣ бывшіе покои Карла Стурта?

— Да, и его отца Якова, и Елисаветы, и Генриха, который выстроилъ этотъ флигель.

— Вѣроятно, тутъ и кавалеръ съ дочерью жилъ?

— Нѣтъ; сэръ Генри Ли слишкомъ высоко чтить.... вещи, которыхъ нынче не удостоиваютъ ни какого почтенія. Ктому жъ, покои эти нѣсколько лѣтъ уже не провѣтривались и оттого не въ слишкомъ то хорошемъ состояніи. Вотъ, на лѣво, дверь въ покои кавалера.

— А куда ведетъ эта лѣстница?

— Вверхъ — въ разные покои, и между прочимъ въ спальни; внизъ — въ кухни, службы и погреба, куда тебѣ теперь неудобно идти безъ фонаря.

— Въ такомъ случаѣ мы пойдемъ въ покои твоего господина. Найдемъ ли мы тамъ, гдѣ удобно пріютиться?

— Тамъ есть мебель, которою довольствовался благородный чловѣкъ, помѣстившійся теперь очень неудобно, отвѣчалъ честный лѣсничій, у котораго жемчъ уже такъ расходилась, что онъ

прибавилъ въ-полголоса: и слѣдовательно она достаточно хороша для такого мошенника Круглоголоваго какъ ты.

Между-тѣмъ онъ провелъ республиканца въ покои сэра Генри.

Туда велъ корридоръ, запертый двумя толстыми дубовыми дверьми, которыя въ случаѣ нужды можно было загородить твердыми занорами изъ того же дерева, вставивъ ихъ въ гнѣзда, въ стѣнахъ. За этимъ корридоромъ находилась маленькая передняя и потомъ гостинная кавалера, съ двумя окнами, выходившими въ противоположныя стороны, на разныя аллеи парка. Кромѣ двухъ или трехъ мало интересныхъ фамилныхъ портретовъ, главнымъ украшеніемъ этой комнаты служилъ портретъ во весь ростъ, висѣвшій надъ каминомъ, украшеннымъ скульптурною работою, девами и гербами, такъ же какъ каминъ въ большихъ сѣняхъ.

Портретъ представлялъ человѣка лѣтъ пятидесяти, съ ногъ до головы вооруженнаго. Въ живописи замѣтна была сухая и жесткая манера Гольбейна, которому, можетъ-быть, и принадлежала, какъ позволяло заключать выставленное число. Углы, острые края и шероховатая поверхность доспѣховъ представляли этой школѣ прекрасный предметъ упражненія. Полинявшія краски сдѣлали лицо рыцаря блѣднымъ и мрачнымъ какъ у выходца съ того свѣта, но въ чертахъ еще сохранилось сильное выраженіе гордости и радости. Онъ военачальническимъ жестомъ указывалъ на задній планъ, гдѣ, вдали, видѣлись горящія развалины церкви или монастыря, изъ котораго нѣсколько солдатъ въ красныхъ мундирахъ вынесли бронзовую вазу или купель, а сверху надпись — *Lee Victor sic voluit* (Побѣдитель Ли такъ хотѣлъ). На-супротивъ портрета, въ нишѣ, находились полные доспѣхи, совершенно подобныя тѣмъ, въ какихъ былъ изображенъ рыцарь на портретѣ. Портретъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые своими чертами и выразительностью производятъ впечатлѣніе даже на совершенныхъ невѣждахъ въ живописи. Республиканецъ взглянулъ, и улыбка на мигу стерла у него съ лица строгія морщины. Улыбался ли онъ отъ удовольствія, что видѣлъ стариннаго кавалера за такимъ же занятіемъ, какимъ предавался его единомышленники, или это было презрѣніе къ сухой и жесткой кисти художника, или примѣчательный портретъ пробуждалъ въ немъ другія какія нибудь мысли? — этого лѣсиптій не могъ рѣшить.

Улыбка мелькнула, впрочемъ, только на мигу. Солдатъ подошелъ сперва къ одному окну, потомъ къ другому. Амбразуры выдвигались больше чѣмъ на два фута передъ стѣною. Въ одной амбразурѣ стояли орѣховаго дерева конторка и большое кожаное

кресло, а подлѣ небольшой коммодъ, въ отворенныхъ ящикахъ котораго видѣлись соколиные колпаки, свистки для собакъ и разныя другія принадлежности охоты.

Въ другой амбразурѣ, на небольшомъ столикѣ лежали женскія работы, вышиванье, лютня и ноты. Коверъ, которымъ были обтянуты стѣны этого маленькаго кабинета, и цвѣты на окнѣ, показывали, что это владѣніе женщины.

Томкинсъ бросилъ сюда только очень бѣглый взглядъ, и, пойдя къ другому окну, сталъ по-видимому съ любопытствомъ перелистывать большую книгу, которая лежала на конторкѣ.

Джослайвъ, рѣшившійся наблюдать за всѣми движеніями солдата, ни въ чемъ не мѣшая ему, молча стоялъ въ отдаленіи, когда отворилась скрытая пологомъ дверь и вошла молоденькая хорошенькая деревенская дѣвушка. Салфетка въ рукахъ показывала, что она занята по хозяйству.

— Это чтò значитъ, господинъ безстыдникъ! сказала она Джослайву веселымъ тономъ: какъ это вы смѣете входить сюда въ отсутствіе барина?

Джослайвъ вмѣсто отвѣту съ прискорбнымъ выраженіемъ взглянулъ на солдата, который стоялъ въ амбразурѣ окна.

— Увы! милая Фибя, сказалъ онъ потомъ въ-полголоса и съ тоскливымъ выраженіемъ: здѣсь есть люди, которые больше нашего имѣютъ правъ и власти; они могутъ прійти, когда имъ вздумается, и пробыть, сколько заблагоразсудятъ.

Джослайвъ еще разъ взглянулъ на Томкинса, который, по-видимому, всё-еще былъ занятъ книгой. Лѣсничій подошелъ къ изумленной дѣвущкѣ, которая попеременно взглядывала то на него, то на незнакомца, и не понимала, чтò лѣсничій говоритъ, и зачѣмъ тутъ чужой человекъ.

— Ступай, милая Фибя, сказалъ Джолифъ наклонившись такъ близко къ щекѣ дѣвущки, что заколыхалъ ея кудри своимъ дыханіемъ: бѣги въ мою хижину; я скоро прійду....

— Въ самомъ дѣлѣ! въ твою хижину! вскричала Фибя перебивая его рѣчь: вишь, какой бойкой! хоть и не пугалъ никого кромѣ бѣдныхъ ланей.... Мнѣ итти въ твою хижину.... это очень вѣроятно, конечно!

— Молчи, Фибя, молчи! теперь не время шутить, возразилъ Джолифъ: я тебѣ говорю, бѣги въ мою хижину, бѣги быстро какъ лань. Тамъ ты найдешь нашего стараго барина и свою барышню, которые, вѣроятно, уже не воротятся сюда. Дѣло наше плохо, милая; невзгода пришла: мы выгнаны въ чистое поле.

— Можетъ ли быть! вскричала дѣвушка, взглянувъ на Джослайна испуганными глазами, которыхъ до того, изъ деревенскаго воеводства, не показывала ему.

— Это такъ же вѣрно, милая Фибби, какъ то, что....

Конецъ фразы потерялся въ ухѣ Фибби, такъ близко Джолиѳъ поднесъ свои губы, и если они, можетъ-быть, коснулись щеки. то дѣвушка была слишкомъ занята и встревожена, чтобъ обращать вниманіе на такія бездѣлицы.

Однако жъ прикосновеніе губъ лѣсничаго къ хорошенькой, хотя и загорѣлой щекѣ дѣвушки, было вовсе не бездѣлицей въ глазахъ республиканца, который въ свою очередь игралъ роль наблюдателя съ-тѣхъ-поръ какъ сцена начала становиться занимательнок. Увидѣвши, до чего дошелъ лѣсничій, онъ возвысилъ голосъ съ рѣзкимъ свистомъ, подобнымъ звуку пилы, такъ, что Джослайнъ и Фибби отскочили другъ отъ дружки футовъ на шесть, и если Амуръ былъ замѣшанъ въ это дѣло, онъ, вѣроятно, вылетѣлъ въ окно какъ испуганный воробей.

— Какъ! вскричалъ Томкинсъ, принявъ позу проповѣдника, гремящаго противъ пороковъ: срамники безстыдные! безсовѣтные! вы предаетесь сладострастнымъ ласкамъ въ моемъ присутствіи! Какъ! присутствіе посланнаго отъ комиссаровъ высокаго парламента не внушаетъ вамъ ни какой скромности, ни какой воздержности! вы ведете себя какъ-будто въ какомъ-нибудь грязномъ балаганѣ на ярмаркѣ, въ собраніи нечестивыхъ плясуновъ, наигрывающихъ любовныя пѣсни!.... Да! прибавилъ онъ, сильно ударивъ кулакомъ по открытой книгѣ: вотъ тотъ, котораго плотскіе люди называютъ чудомъ природы! Вотъ писатель, который составляетъ отраду князей и котораго знатныя дѣвушки кладутъ себѣ подъ изголовье! Вотъ мудрецъ, обучающій изрѣченіями, въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ суеты и пошлостей... Тебя! прибавилъ ораторъ, еще разъ ударивъ кулакомъ по книгѣ: тебя, Вильямъ Шекспиръ, я обвиняю во всѣхъ мерзостяхъ, которыми тунеядство, сумасбродство и развратъ запятнали нашу землю съ перваго дня, когда ты началъ писать!

— Ого! это тяжкое обвиненіе! вскричалъ Джослайнъ, который уже не могъ долѣе сдержать своего откровеннаго и смѣлаго права: Вплюшкѣ Страдфордскому, любимцу нашего барина, пришлось отвѣчать за малѣйшій поцѣлуй, какой-когда-либо былъ похищенъ со временъ короля Якова! Такой отчетъ не легко отдать. Но я желалъ бы знать, кто отвѣтитъ за все то, что до него дѣлалось?

— Не шути, возразилъ солдатъ, чтобы я не вилялъ внутреннему голосу, который велитъ мнѣ ваказать тебя, какъ глупаго шута. Я тебѣ по истинѣ говорю, что съ-тѣхъ-поръ какъ Сатана низвергнутъ съ небесъ, у него не было недостатку въ сподвижникахъ на землѣ. Но онъ нигдѣ не находилъ колдуна болѣе могущественнаго чѣмъ этотъ проклятый отравитель Шекспиръ... Женѣ ли нуженъ примѣръ невѣрности, онъ подаетъ; нужно ли кому поучиться убійству, онъ научаетъ; дѣвушка ли хочетъ выйти замужъ за еретика-негра, онъ представляетъ оправданіе; хочешь ли изрыгать брань, открой его книгу; хочешь вызвать на поединокъ своего брата, онъ подаетъ образецъ вызова; хочешь упиться до пьяна, онъ наливаетъ тебѣ чашу; хочешь погрузиться въ чувственные удовольствія, онъ возбуждаетъ тебя сладострастными звуками лютии.... Да! я говорю, эта книга пачало и источникъ всѣхъ золъ, которыя подобно потоку разлились по нашей землѣ. Онъ сдѣлалъ Англичанъ ругателями, богохульниками, нечестивцами и развратниками! Забудьте его, Англичане, забудьте его! Да обрушится онъ въ Тоефетъ со своею книгой и да сгорятъ его проклятыя кости въ Долинѣ Гинионской. Если бы мы, въ 1643 году, подъ командою сэра Вильяма Веллера, проходили черезъ Страдфордъ не такъ поспѣшно....

— Потому что принцъ Рупертъ со своею кавалеріей шелъ по слѣдамъ, прибавилъ вполголоса несправимый Джолифъ.

— Если бы, говорю я, мы проходили черезъ Страдфордъ не такъ поспѣшно, по приказанію начальства, повторилъ Томкинсъ, возвысивъ голосъ, и если бъ мы шли не сомкнутыми колоннами, какъ слѣдуетъ войску, я выворотилъ бы изъ могилы кости этого проклятаго преподавателя пороковъ и разврата, и бросилъ бы ихъ на первую попавшуюся навозную кучу, чтобы память его сдѣлалась предметомъ презрѣнія, насмѣшки и свисту.

— Ну, вотъ сказалъ по-крайней-мѣрѣ одно острое слово, замѣтилъ дѣсячій: свистки подѣйствовали бы на бѣднаго Вилюшку сильнѣй всего прочаго.

— Онъ еще будетъ говорить? тихонько спросила Фиби: право, онъ разсуждаетъ не дурно. Я желала бы понять, что онъ говоритъ. Счастье его, однако жъ, что нашъ старый барниъ не видалъ, какъ онъ колотилъ его книгу. Ужъ не обошлось бы безъ крови. Но смотри, смотри, какую гримасу онъ корчитъ! Не колотье ли у него, Джослайшъ? Не подать ли ему водки?

— Молчи, Фиби, онъ заряжаетъ свои пушки, чтобы ударить съ другаго борту. Покуда онъ такъ выворачиваетъ бѣлья, иска-

заетъ рожу судорогами и сжимаетъ кулаки, онъ ни на что не обратитъ вниманія. Я увѣренъ, что онъ незамѣтилъ бы, если бы у него отрѣзали кошелекъ.... если только у него есть кошелекъ.

— Полно, Джослайнъ!... Но если онъ останется здѣсь, и все въ такомъ же положеніи, то услуживать ему не трудно будетъ, я думаю.

— Ужъ ты объ немъ не безпокойся; только скажи мнѣ живишь ли тихонько, есть ли что въ чуланѣ?

— Да, правду сказать, не много найдется.... Холодный кашлупъ, невозможно плодоваго варенья, остатокъ пастета съ дичью, да двѣ булки.

— Ну, покуда довольно. Одѣйся.... прикрой свою хорошенькую грудь.... положи въ корзину тарелокъ и салфетокъ, потому что у насъ ихъ запасъ небольшой; забери кашлува, булки и плоды, и снеси, а пастетъ останется для этого солдата и для меня. Корку вмѣсто хлѣба будемъ ѣсть.

— О! корка очень хороша; я дѣлала. Она такъ толста какъ стѣна Розамундиной башни....

— И зубамъ нашимъ достанется поработать надъ нею? А есть ли чего испить?

— Есть бутылка аликавтскаго, бутылка рейнвейну, да кружка воды.

— Бутылки забери въ корзину, чтобы у сэра Генри не было недостатку въ винѣ сегодня, и отправляйся въ хижину проворнѣй. Сегодня все поуживаемъ, а завтра... завтра — другой день.... Ахъ, мнѣ показалось, будто глаза солдата устремлены на насъ, однако нѣтъ: онъ только выворачиваетъ ихъ въ своихъ размышленіяхъ.... безъ-сомнѣнія, очень глубокихъ: этотъ народъ въ другія не вдается. Но какъ онъ ни глубокъ, я пропикну въ него.... Что жъ ты, еще не ушла?

Деревенская кокетка, видя Джослайна въ положеніи, не позволявшемъ ему пользоваться случаемъ, который она коварно представляла ему, тихонько шепнула на ухо:

— Какъ ты думаешь, точно ли Шехспертъ, любимецъ нашей барина, виновенъ во всемъ, въ чемъ упрекаетъ его этотъ солдатъ?

Съ этимъ словомъ она убѣжала, между-тѣмъ какъ Джослайнъ, грозя пальцемъ, давалъ знать, что послѣ отплатить, и въ волю-юса говорилъ:

— Бѣги, Фибъ Меэлауръ, бѣги! Никогда по травѣ вудстокскаго парка не скользнула нога легкой твоей, никогда здѣсь не ба-

вало сердца откровеннѣе твоего.... Бивисъ! пошелъ слѣдомъ, въ мою хижину, къ баршну!

Собака поднялась какъ слуга, получившій приказаніе, вышла въ переднюю, и, облизавъ Фибя руки, побѣжала за нею. Джослайнъ не даромъ выхвалялъ легкую поступь дѣвушки. Но пока Фибя и вѣрный провожатый ея идутъ черезъ лѣсъ, мы воротимся въ Ложу.

Томкянсъ наконецъ вздрогнулъ, какъ-будто очнулся отъ глубокаго сна.

— Эта молодая женщина ушла? спросилъ онъ.

— Ушла. Если имѣете что приказать, вы должны будете удовольствоваться моими услугами.

— Приказать!... Уфъ!... Она могла бы подождать еще немножко; я скажу бы ей еще правоученіе: духъ мой занимался ея свасовіемъ.

— Она въ будущее воскресенье будетъ въ церкви. Если нашему военному преподавію угодно будетъ еще проповѣдовать, она воспользуется вашими поученіями вмѣстѣ со всѣми прихожанами. Но одинъ на одинъ дѣвушки не слушаютъ правоученій.... Теперь что изволите приказать? Угодно осмотрѣть другіе шоконъ? Или угодно видѣть небольшое количество посуды, какая осталась у насъ?

— Уфъ!... вѣтъ. Теперь поздно; почти совершенная ночь. Ты добудешь мнѣ востель?

— Добуду такую, лучше которой ты не видывалъ.

— А огня, свѣчь, и чего-нибудь, чтобы поддержать слабую плоть.

— Непремѣнно, не премѣнно, отвѣчалъ лѣсничій, показывая стараніе угодить важному гостю.

Въ нѣсколько минутъ на дубовомъ столѣ явились свѣчи, пачетъ съ дичью, кружка воды и другая съ элемъ. Солдатъ усѣлся въ кресло, пригласилъ Джослайна занять табуретъ, и они стали ужинать. Мы оставимъ ихъ за этимъ пріятнымъ занятіемъ.

IV.

Читатель, вѣроятно, не забылъ, что сэръ Генри Ли, послѣ воединка съ солдатомъ-республиканцемъ отправился съ дочерью искать пріюта въ хижинѣ лѣсничаго Джолифа. Они шли медленно какъ и прежде, на прогулкѣ, потому что стараго кавалера тяготила вдвойнѣ прискорбная мысль о томъ, что послѣдніе остат-

ни королевства достанутся въ руки республиканцевъ, и о собственномъ только-что невытанномъ поражениі. Отъ времени до времени онъ останавливался и, скрестивъ руки на груди, обдумывать всѣ обстоятельства, сопровождавшія его изгнаніе изъ замка, въ которомъ жила столько лѣтъ. Ему казалось, что онъ, подобно одиночному рыцарю, удаляется отъ поста, пораженный другимъ рыцаремъ, которому судьба преопредѣлила положить пощадную руку на плечо.

У Алисы также были свои тягостныя воспоминавія, и послѣдній ея разговоръ съ отцомъ касался предмета слишкомъ непріятнаго, такъ, что она не могла завести другаго прежде чѣмъ успокоится хоть нѣсколько. Сэръ Генри былъ человекъ превосходнаго нраву и вѣчно любилъ свою дочь, но старость и несчастія, которыя въ послѣдніе годы поражали его какъ ударъ за ударомъ, произвели у него чрезвычайную раздражительность. Дочь и двое слугъ, которые еще остались вѣрными и привязанными, сносили эту слабость старика съ искреннимъ состраданіемъ.

— Странно, сказалъ наконецъ сэръ Генри, странно, что Бивисъ остался съ Джослайномъ и съ этимъ... разбойникомъ, вмѣсто того чтобъ пойти за нами.

— Вѣроятно, онъ чуется въ этомъ человекѣ чужаго, за которымъ считаетъ долгомъ наблюдать, отвѣчала Алиса.

— Нѣтъ, нѣтъ, Алиса; онъ покидаетъ меня, потому что счастье покинуло. Въ природѣ есть что-то побуждающее всякое животное существо бѣжать отъ бѣды; это что-то у животныхъ называютъ инстинктомъ. Олень оборачиваетъ рога на оленя изъ своего же стада, если видитъ, что онъ болѣнъ или раненъ; изувѣчь собаку, и вся псарня бросится на нее; ударъ рыбу острогомъ, и другія рыбы съѣдятъ ее; сломай ворону крыло или ногу, и другіе вороны до-тѣхъ-поръ стануть терзать его, пока не избавится смертью.

— Это, можетъ-быть, и справедливо, батюшка, въ отношеніи къ дикимъ животнымъ, которые всю жизнь проводятъ въ безпрерывной войнѣ. Но собака покидаетъ свою собственную породу, чтобы привязаться къ человеку; изъ за своего хозяина она забываетъ пищу, удовольствія и общество себѣ подобныхъ, и, умъ конечно, привязанность такого преданнаго слуги какъ Бивисъ нельзя подозрѣвать въ измѣнѣ.

— Я не соржусь на Бивиса, Алиса, но меня досадуетъ то, что я вижу. Я въ достоверной хроникѣ читалъ, что, когда Ричардъ Второй и Генри Болинброкъ находились въ замкѣ беркленскомъ,

собака такой же породы, всегда вѣрная королю, вдругъ оставила его и пошла за Баливброкомъ, котораго видѣла тогда въ первый разъ, и въ этомъ побѣгѣ любимой собаки Ричардъ предвидѣлъ скорое свое паденіе. Эту собаку тогда перевели въ Вудстокъ, и говорятъ, что Бивисъ отъ нея происходитъ. Я придумать не могу, какое бы новое несчастіе еще могло угрожать мнѣ, но чувствую, что Бивисъ отсталъ не къ добру.

Въ эту минуту вдаль послышался шерохъ листьевъ и сухого хворосту, какъ-будто подъ ногами бѣгущаго животнаго, и еще черезъ минуту Бивисъ вскачь примчался къ своему хозяину.

— Спѣши явиться, старый другъ, весело сказала Алиса: вступи за свое доброе имя, которое въ отсутствіи подвергается большой опасности.

Но собака, какъ-будто только изъ вѣжливости, съ минуту попрыгала около хозяина, повернулась и во всю прыть удрали.

— Негодный песь! вскричалъ сэръ Генри: тебя, кажется, слишкомъ хорошо дрессировали; какъ ты можешь пускаться на охоту безъ приказа?

Слустя еще нѣсколько минутъ показалась Фиби Меэлауръ, которая, несмотря на ношу, шла такъ проворно, что настигла своихъ господъ прежде чѣмъ они успѣли дойти до хижины лѣсничаго. Бивисъ, забѣжавъ впередъ, чтобы отдать честь хозяину, воротился къ своей обязанности провожать Фиби и провинію. У дверей хижины всѣ сошлись.

Въ прежнія, болѣе счастливыя времена, на этомъ мѣстѣ стояло очень приличное жилище для королевскаго лѣсничаго, — каменный домъ съ разными сараями и дворами для псаря и птичника, и съ прекраснымъ колодцемъ. Но при одной изъ многихъ схватокъ впродолженіи междоусобной войны, на этотъ лѣсной хуторъ напали, несмотря на оборону взяли и сожгли. Потомъ соседъ-помѣщикъ, принявшій сторону парламента, воспользовался отсутствіемъ сэра Генри Ли, который находился въ арміи Карла, и забралъ оставшіеся послѣ пожара камни и кирпичи на поправку своего дома. Поэтому лѣсничій Джослайвъ Джолифъ принужденъ былъ самъ съ помощью нѣсколькихъ пріятелей выстроить себѣ хижину, чтобы поселиться съ старухой, которую называлъ своею хозяйкой. Стѣны, выведенныя изъ жердей и глины, были тщательно выровнены и повиты виноградомъ и другими растеніями, кровля плотно сложена изъ соломы; однимъ словомъ, хотя это была хижина, однако жъ трудолюбивый Джолифъ

такъ украсилъ ее, что королевскій лѣсничій могъ жить въ ней ни сколько не унижая своего достоинства.

Кавалеръ хотѣлъ войти, но дверь была заперта изнутри деревянною защелкой, къ которой Джослайнъ ухитрился еще приладить другую заложку, чтобы извнѣ нельзя было приподнять. Встрѣтивъ препятствіе, кавалеръ подумалъ, что это предосторожность глухой хозяйки Джолиа, и сталъ громко кликать, но напрасно. Раздраженный остановкой, онъ наконецъ сталъ толкаться въ дверь руками и ногами; хрупкіе запоры не выдержали, сломались, и кавалеръ такимъ образомъ силою ворвался въ кухню или первый покой лѣсничаго. Посреди другой комнаты стоялъ какой то мужчина, завернутый въ плащъ. Онъ былъ въ видномъ смущеніи.

— Это, можетъ быть, послѣднее исполненіе моей власти здѣсь, сказалъ кавалеръ, хватая незнакомца за воротъ: но по крайней мѣрѣ на эту ночь я еще егермейстеръ и хранитель парка въ Вудстокъ. Чтѣ ты здѣсь дѣлаешь? кто ты?

Незнакомецъ откинулъ плащъ и преклонилъ одно колѣно.

— Вашъ бѣдный племянникъ, отвѣчалъ онъ, Меркемъ Эврардъ, который пришелъ сюда изъ привязанности къ вамъ, хотя и очень сомнѣвался, что найдетъ у васъ пріемъ по такому же чувству.

Сэръ Генри вздрогнулъ и отступилъ, но, вспомнивъ, что обязанъ разыграть роль для поддержанія своего достоинства, тотчасъ же выпрямился и величественно сказалъ:

— А! любезнѣйшій племянникъ! я въ восхищеніи, что вижу васъ въ Вудстокъ именно въ такую ночь, послѣ многихъ лѣтъ, когда вы можете найти здѣсь пріятный и достойный васъ пріемъ.

— Дай Богъ, чтобы это была правда и чтобы я хорошо позналъ васъ! вскричалъ молодой человекъ, между тѣмъ какъ Алиса молча всматривалась въ отца, чтобы понять, какъ растолковать слова его.

Она хорошо знала старика и сомнѣвалась въ возможности благосклоннаго пріему. Кавалеръ бросилъ насмѣшливый взглядъ сперва на племянника, потомъ на дочь, и продолжалъ:

— Я предполагаю, что не имѣю надобности увѣдомлять мистра Меркема Эврарда о томъ, что мы не въ состояніи принять его и просить садиться въ этой жалкой хижинѣ.

— Я съ удовольствіемъ провожу васъ до Ложы, отвѣчалъ молодой человекъ: я предполагалъ, что вы теперь, въ такую пору, уже дома, но только не смѣлъ явиться. А если вы позволите мнѣ проводить васъ и..... мою кузину, то изъ всѣхъ милостей,

якими я нѣкогда пользовался у васъ, ни одна не возбудитъ у меня столько признательности какъ эта.

— Вы въ жестокомъ заблужденіи, мистръ Меркемъ Эзрадъ, возразилъ кавалеръ: мы сегодня вовсе не намѣрены возвращать-ся въ Иону, и завтра также нѣтъ. Я хотѣлъ только въклинчивъ образомъ дать вамъ замѣтить, что вы въ Вудотокѣ найдете об-щѣ общество по сердцу, общество, въ которомъ безъ сомнѣнія, найдете приѣмъ, какого я не въ состояніи оказать твоей ва-жной особѣ въ этой хижинѣ.

— Радъ Бога, сказалъ Меркемъ, обращаясь къ своей кузинѣ, скажите мнѣ, какъ я долженъ понимать эти таинственныя рѣчи?

Чтобы предупредить взрывъ задержаннаго гнѣву своего от-ца, Алиса сдѣлала надъ собой усиліе и наконецъ, не безъ тру-да, успѣла заговорить.

— Мы изгнаны изъ Ложы солдатами, сказала она.

— Изгнаны! солдатами! вскричалъ Меркемъ въ изумленіи: что это у нихъ нѣтъ законнаго предписанія.

— На это нѣтъ, отвѣчалъ кавалеръ тономъ той же колкой на-емщицы, какую принялъ съ самаго начала разговору: но у нихъ есть другое, столько же законное какъ и всѣ, которыя издаются въ Англіи уже слишкомъ годъ. Вы, кажется, занимаетесь или по-крайней-мѣрѣ занимались изученіемъ правъ, слѣдовательно уже насладились своимъ предметомъ столько, сколько можно бы-ло насладиться человѣку, жепатому на старой вдовѣ: вы пере-жили законы, которые изучали, и, вѣроятно, они не искутели послѣдняго вздоху, не оставивъ вамъ нѣкотораго наслѣдства, нѣ-которыхъ добрыхъ воспоминаній, нѣкотораго приращенія благо-стыяи, — какъ выице говорятъ; вы вдвойнѣ заслуженный чело-вѣкъ, когда носите буйволовый пагрудникъ съ перевязями и ша-дѣете перомъ.... не знаю еще, пускаетесь ли вы въ провозвѣ.

— Думайте и говорите обо мнѣ, что вамъ угодно, отвѣчалъ молодой чело-вѣкъ съ покорностью и почтеніемъ, но я, въ эти несчастныя времена, поступалъ во всемъ только по моей совѣ-сти и по приказаніямъ отца.

— О! когда ты говоришь о совѣсти, вскричалъ старикъ, тогда нужно смотрѣть на тебя въ оба, какъ говоритъ Гамлетъ: пуританинъ тогда-то и обманываетъ самымъ безопаснымъ обра-зомъ, когда начинаетъ говорить о своей совѣсти; что жъ касает-ся до твоего отца...

Онъ хотѣлъ продолжать въ томъ же тонѣ, но Меркемъ пере-билъ.

— Сэръ Генри Ли, сказалъ молодой человекъ съ твердостью, вы всегда почитались благороднымъ человекомъ. Говорите мнѣ все, что вамъ угодно, но не говорите объ отцѣ моемъ вещей, которыхъ ухо сына не можетъ вынести, а рука не можетъ показать. Поступать со мной такимъ образомъ, значило бы оскорблять безоружнаго и бить плѣннаго.

Сэръ Генри замолчалъ; замѣчаніе, казалось, поразило его.

— Въ этомъ ты правъ, Меркемъ, сказалъ онъ наконецъ: нельзя не согласиться, хотя бы ты былъ самый черный пуританинъ, какого когда-либо изрыгалъ адъ на бѣдствіе земли.

— Думайте, что вамъ угодно, отвѣчалъ молодой человекъ, но только не оставайтесь въ этой лачугѣ. Ночью, вѣроятно, будетъ гроза. Позвольте мнѣ проводить васъ въ Ложу и выгнать болвановъ, которые, по крайней-мѣрѣ до сихъ-поръ, не могли получить приказанія дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствуютъ. А я послѣ нихъ останусь не долѣе того, сколько потребуется времени, чтобы передать вамъ, что приказалъ мнѣ отецъ. Ради прежней вашей дружбы ко мнѣ, не откажите.

— Да, Меркемъ, отвѣчалъ старикъ съ прискорбіемъ, но твердо: ты правду говоришь; прежде я любилъ тебя. Темноволосаго ребенка, котораго я училъ ѣздить на конѣ, владѣть оружіемъ, охотиться.... который послѣ учебныхъ занятій проводилъ подлѣ меня часы своего отдыха.... этого мальчика я любилъ. Да, и я столько слабъ, что до-сихъ-поръ еще люблю воспоминаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ. Но его уже нѣтъ, Меркемъ, его уже нѣтъ. На мѣстѣ его я вижу только отчаяннаго бунтовщика, котораго преступленіе возрастаетъ отъ его надежды позолотить свое предательство награбленными богатствами. Я бѣденъ, думаешь ты, и долженъ молчать, чтобы мнѣ не сказали — молчи, глухой; говори тогда, когда спросятъ! Но знай, что, какъ бы бѣденъ и ограбленъ ни былъ, я считаю для себя безчестіемъ такую продолжительную бесѣду съ однимъ изъ сподвижниковъ похитителей власти. Ступай въ Ложу, если тебѣ угодно; вотъ дорога. Но не воображай, что я добровольно ступлю съ тобою три шага по этой травѣ, если бы даже могъ чрезъ то возмѣнить все прежнее свое богатство. Меня увидать вмѣстѣ съ тобою тогда только, когда твои краснокостяники скрутятъ мнѣ руки на сибѣ и свяжутъ ноги подъ животомъ у лошади. Тогда ты можешь быть мнѣ товарищемъ въ дорогѣ; если хочешь, но не прежде.

Алиса, которая жестоко страдала впродолженіи этой рѣчи, и

знала, что всякое возраженіе только больше раздражитъ старика, въ тревогѣ, попыталась сдѣлать своему кузену знакъ, чтобы кончилъ разговоръ и ушелъ, если ужъ отецъ такъ разгнѣванъ. Къ несчастью, сэръ Генри прииѣтилъ это, и, заключая, что между дочерью и племянникомъ существуетъ тайное согласіе, долженъ былъ собрать всѣ свои силы и память о собственномъ достоинствѣ, чтобы тономъ насмѣшки прикрыть возраставшее бѣшенство.

— Если вы, сказалъ онъ, опасаетесь въ ночную пору идти по тропинкамъ нашего парка, почтеннѣйшій гость, котораго я, можетъ-быть, обязанъ уважать какъ моего преемника въ управленіи этимъ имѣніемъ, то вотъ эта скромная дѣвушка, кажется, расположена будетъ проводить васъ и служить вамъ оруженосцемъ. Только, ради памяти о ея матери, исполните нѣкоторыя необходимыя формальности бракосочетанія. Но извините, что я осмѣлился сдѣлать вамъ такое замѣчаніе: вы, можетъ быть, раптеръ, — можетъ быть, принадлежите къ сектѣ Книппердолинга, или Жака Лейденскаго, или къ Семьѣ Любви, и считаете всякій обрядъ излишнимъ.

— Ради Бога, батюшка, переставьте шутить такъ жестоко! вскричала Алиса: а вы, Меркемъ, уйдите, сдѣлайте милость, и предоставьте насъ нашей участи. Вы видите, ваше присутствіе выводитъ батюшку изъ себя.

— Миѣ шутить? возразилъ сэръ Генри: я въ жизнь свою никогда не говорилъ серьезнѣе. Миѣ выходить изъ себя? Я никогда еще не бывалъ столько при своемъ умѣ. Я никогда не могъ сносить приближенія лживости. Опозоренная дочь или опозоренная шпага не могутъ оставаться при миѣ, а сегодня я, къ несчастью, узналъ, что и та и другая могутъ измѣнить миѣ.

— Сэръ Генри, сказалъ молодой Эврардъ, остерегитесь отъ жестоко несправедливаго обращенія съ дочерью. Вы отказали миѣ въ ея рукѣ давно уже, когда мы были бѣдны, а вы богаты и сильны. Я покорился приговору, который запрещалъ миѣ видѣться съ нею. Одинъ Богъ знаетъ, чего миѣ это стоило, но я повиновался вамъ. Теперь я пришелъ сюда не затѣмъ чтобъ возобновить мое искательство, и старался, — да, признаюсь, — старался увидѣть миссъ Алису не для нея одной, но и для васъ самихъ. Истребленіе носится надъ вашею головой; оно готово сложить крылья, чтобъ броситься, и готовить когти, чтобъ схватить васъ... Да, выражайте свое презрѣніе, сколько вамъ угодно, дѣло тѣмъ не

неже вѣрно, и я пришелъ сюда, чтобы защитить васъ и вашу дочь.

— Такъ вы отказываетесь отъ моего подарка? спросилъ Ли: можетъ-быть, вы находите, что условія мои слишкомъ тягостны?

— Полноте, сэръ Генри, полноте! сказалъ Меркемъ въ свою очередь съ раздраженіемъ: неужели политическіе ваши предразсудки до такой степени стерли у васъ всякое отеческое чувство, что вы можете съ насмѣшкой и презрѣніемъ говорить о чести вашей дочери? Подымите голову, прекрасная Алиса, и скажите вашему отцу, что крайняя политическая честность доводитъ его до забвенія долга природы. Знайте, сэръ Генри, что, хотя я предпочитаю руку вашей дочери всѣмъ благамъ въ мірѣ, однако жъ я не приму ея, совѣтъ моя не позволитъ мнѣ принять ея, если это хоть на волосъ уклонитъ Алису отъ обязанностей въ отношеніи къ вамъ.

— Ваша совѣтъ слишкомъ щекотлива, молодой человекъ, возразилъ старикъ: спросите какого-нибудь раввина вашей секты,— одного изъ тѣхъ молодцовъ, которые подбираютъ все, что попадется къ нимъ въ сѣти,—онъ скажетъ вамъ, что отказаться отъ добровольно предложенной хорошей вещи, значить погрѣшить противъ секты.

— Да, отвѣчалъ Меркемъ, когда предложеніе дѣлается искренно и чистосердечно, но не тогда, когда оно сопровождается насмѣшкой и оскорбленіемъ. Прощайте, Алиса. Если есть что-нибудь, что могло бы внушить мнѣ желаніе воспользоваться теперешнимъ необыкновеннымъ предложеніемъ вашего отца, то развѣ только мысль, что, предаваясь недостойному подозрѣнію, сэръ Генри Ли можетъ сдѣлаться тираномъ для существа, которое всего больше нуждается въ его привязанности,—которое всѣхъ глубже чувствуетъ его жестокость, и которое онъ всего болѣе долженъ бы былъ любить и беречь.

— Не опасайтесь за меня, мистръ Эвардъ, вскричала Алиса, забывъ всякую застѣнчивость со страху слѣдствій, какія могла имѣть такая ссора во времена междоусобій, когда и безъ того уже не признавались ни узы крови ни права дружбы: уйдите, заклинаю васъ, уйдите! Ничто не возмутитъ нѣжнаго согласія между мною и отцомъ моимъ, кромѣ развѣ несчастныхъ семейныхъ раздоровъ и вашего присутствія здѣсь въ такую неблагоприятную минуту. Ради Бога, уйдите!

— О-го! миссъ Ли! сказалъ старикъ: вы уже принимаете тонъ барыни, хозяйки! Онъ вамъ, конечно, къ лицу. Ручаюсь, что вы

могли отдавать нашей свитѣ приказанія не хуже Гонерилл и Реганы *. Но я вамъ скажу, что никто не выйдетъ изъ моего дому... какъ бы ни ничтоженъ былъ этотъ домъ, теперь онъ мой... никто не выйдетъ, пока еще имѣетъ сказать мнѣ что нибудь, что не было сказано. И какъ этотъ молодой человѣкъ хмурится бровь и возмываетъ гелось, то.... не угодно ли, сударь; позволѣте сказать, что вамъ нужно.

— Не бойтесь, Алсеа, не думайте, что у меня неостанетъ хладнокровія, сказалъ Меркель съ твердостью и вѣстѣ съ протестомъ: а вы, сэръ Генри, не сочтите моего рѣшительнаго тону за гнѣвъ. Вы надѣлали мнѣ жестокихъ упрековъ, такихъ, что, если бы я былъ одушевленъ только рыцарствомъ, я, изъ уваженія къ моему роду и къ маѣиоу свѣта, не могъ бы удержаться отъ приличнаго отвѣту, не смотря на наше близкое родство. Удостоите ли вы теперь выслушать меня терпѣливо?

— Сохрани Богъ, чтобъ я отказался терпѣливо слушать васъ, если вы намѣрены защищаться, отвѣчалъ старикъ: хотя бы двѣ трети вашей рѣчи состояли изъ безсодѣтельности, а остальные изъ ругательства. Только выражайтесь покороче; наша бесѣда и то ужъ слишкомъ продолжалась.

— Моя рѣчь не долга будетъ, сэръ Генри, отвѣчалъ молодой человѣкъ: однако жъ довольно трудно сжать въ нѣсколько словъ оправданіе жизни, которая была, хоть и коротка, да очень дѣятельна.... слишкомъ дѣятельна, — какъ выражаетъ ваше движеніе негодованія, — съ чѣмъ я впрочемъ не согласенъ. Я не необдуманно обнажилъ шпагу за стѣсенную свободу вѣры... Не хмурьте бровей, сэръ Генри; вы, конечно, смотрите на предметъ не съ той точки, съ которой я смотрю. Что жъ касается до моихъ религіозныхъ мнѣній, надъ которыми вы насмѣхаетесь, повѣрьте, что они столько же искренни какъ и ваши, хотя меньше зависятъ отъ внѣшнихъ формъ: они даже чище... извините выраженіе.... тѣмъ чище, что не запятнаны кровавыми духомъ вѣка, который изобрѣлъ то, что вы со многими другими называете уставомъ рыцарской чести. Не природныя мои склонности, а болѣе здравыя ученія моей вѣры даютъ мнѣ силу и возможность слушать ваши оскорбленія, не отвѣчая тиюю же горечью и гнѣвомъ. Вы можете дойти до послѣдней крайности въ вашихъ нападкахъ на меня, если вамъ угодно; я перенесу ихъ не только потому, что мы родственники, но потому что къ этому

* Злыя дочери короля Лира.

обязываетъ меня человѣколюбіе. Это, кажется, довольно значительное самоотверженіе для человѣка изъ нашего рода, сэръ Генри. Но я показываю еще больше власти надъ собою, когда отказываюсь отъ дара, котораго всегда желалъ и желаю больше всего на свѣтѣ. Отказываюсь же я потому, что первая обязанность вашей дочери — поддерживать и утѣшать васъ, и потому что жестоко было бы съ моей стороны допустить, чтобъ вы въ минуту одѣвленія лишили себя лучшей своей драгоценности. Прощайте, сэръ Генри; я оставляю васъ не съ гнѣвомъ, а съ состраданіемъ. Мы, можетъ быть, увидимся въ болѣе счастливое время, когда ваше сердце и правила восторжествуютъ надъ предрасудками, которые теперь ослѣпляютъ васъ. Прощайте, Алиса... прощайте!

Это слово *прощайте* было два раза повторено съ выраженіемъ нѣжности и скорби, совершенно отличныхъ отъ твердаго и почти строгаго тона, въ какомъ Меркемъ говорилъ со старикомъ. И съ этимъ же словомъ онъ повернулся и поспѣшно вышелъ изъ хижины, какъ будто устыдился минутной нѣжности. Онъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ пошелъ черезъ лѣсъ, который въ эту минуту лучи мѣсяца населяли осенними тѣнями.

Когда молодой республиканецъ скрылся, Алиса, которая во все это время трепетала, чтобы отецъ, въ запальчивости, отъ оскорбительныхъ словъ не перешелъ какъ-нибудь къ еще болѣе оскорбительному насилію, опустила на плетевый изъ ивовыхъ прутьевъ табуретъ, — работы Джослайна, какъ и большая часть прочей мебели. Она старалась скрыть свои слезы, и благодарила Бога, что не доуспѣлъ до бѣды на этомъ опасномъ свиданіи.

Фиби Меслауръ плакала за компанію, хотя не совсѣмъ хорошо понимала, что случилось. Она послѣ умѣла только рассказать пяти или шести подругамъ, что старый ея баринъ, сэръ Генри, былъ въ страшномъ гнѣвѣ на мистра Меркема Эврарда, зато что тотъ чуть было не похитилъ ея барышню.

— Да лучше этого и придумать было нельзя, прибавила Фиби: вѣдь у старика-то ужъ ничего не осталось, ни про себя, ни про дочь! А мистръ Меркемъ и наша барышня... послушали бы вы, какія прекрасныя вещи они другъ дружиѣ говорили! Такихъ не найдешь даже въ исторіи Аргала и Парвеніи, которые, какъ сказано въ этой книгѣ, были самые вѣрные любовники во всей Аркадіи, и даже во всемъ оксфордскомъ графствѣ.

Старая Гуди Желаякотъ въ продолженіи описанной сцены не разъ просовывала въ дверь свою алую шапочку, но будучи полуслышна и почти совершенно глуха, добрая старушка только и

стинктивно понимала, что господа о чемъ-то поссорились. Почему они выбрали Джослайнову хижину для своего объясненія, это для нея оставалось такою же тайной, какъ и самый предметъ спору.

Каково было расположеніе духа стараго кавалера, когда послѣднія слова племянника поразили его въ самое чувствительное мѣсто, коснулись самыхъ задушевныхъ его убѣжденій? Однако жъ, онъ былъ менѣе взволнованъ чѣмъ Алиса ожидала: вѣроятно, смѣлый тонъ, въ какомъ Меркемъ Эврдъ защищалъ свои политическія и религіозныя мнѣнія, не только не раздражилъ, но еще содѣйствовалъ къ укрощенію гнѣву старика. Онъ не легко выносилъ противорѣчіе, но всякая уклончивость, всякая хитрость была прячому кавалеру еще несноснѣе рѣшительнаго сопротивленія и усилій противника отстоять свое мнѣніе. Онъ часто говаривалъ, что предпочитаетъ того оленя, который на травѣ показываетъ больше смѣлости. Уходящаго племянника онъ проводилъ цитатою изъ Шекспира, — что дѣлалъ болѣе по старой привычкѣ и изъ уваженія къ любимому поэту своего несчастнаго государя, а вовсе не по особому пристрастію къ его сочиненіямъ, и не всегда совершенно кстати.

— Ты себѣ вотъ что замѣть, Алиса, сказалъ онъ потомъ: и хорошенько замѣть. Ты сейчасъ сама видѣла, каковъ фапатикъ твой двоюродный братецъ. Бороды у него меньше чѣмъ у деревенскаго парня, который въ послѣдній разъ игралъ роль Маріанны и котораго цирюльникъ слишкомъ торопливо выбрилъ, а смѣлости столько же сколько у самаго стараго пресвитеріянна когда пойдетъ на объясненіе своихъ ученій и правилъ. Я желалъ бы, чтобъ достойный и ученый докторъ Рочклайфъ былъ здѣсь обыкновеннымъ своимъ оружіемъ. Онъ выжалъ бы изъ него пресвитерскій духъ какъ сокъ изъ лимона, и ты увидѣла бы, какъ они стали бы перестрѣливаться цитатами. Однакожъ я очень радъ, что этотъ молодой человекъ не прибѣгаетъ къ пошлымъ хитростямъ. Пусть человекъ въ религіи держится хоть мнѣній отъявленныхъ атеистовъ, а въ политикѣ правилъ стараго Ноля, но пусть по-крайней-мѣрѣ вслухъ признается и не старается провести другаго виляньями, увертками. Ну, полно теперь, Алиса, утри глаза; это дѣло конченное, и, я надѣюсь, не скоро возобновится.

Нѣсколько успокоенная, но всё-еще печальная Алиса встала, чтобы присмотрѣть за приготовленіями къ ужину и къ ночи, которую они должны были провести на этой новой квартирѣ.

Но слезы лились у нея такъ обильно, что она ничего не могла бы сдѣлать безъ Фибби, которая хотя была слишкомъ проста и неопытна, чтобы понять весь объемъ скорби своей госпожи, однакожь оказывала ей помощь болѣе дѣйствительную чѣмъ безплодное состраданіе.

Ловкая дѣвушка проворно накрыла на столъ и приготовила постели, то крича на ухо старухѣ Джелликотъ, то шепотомъ говоря съ госпожею, и всѣмъ сама распорядаясь, умѣла показать видъ, какъ будто исполняетъ только приказанія миссъ Алсы.

Усѣвшись за столъ, сэръ Генри, какъ будто хотѣлъ утѣшить свою дочь въ жестокости, съ какою прежде обошелся, нѣжно убѣждалъ ее поѣсть чегонибудь, и самъ, какъ опытный солдатъ, доказывалъ, что ни утомленіе ни огорченія того дня не лишили его апетиту. Нужно еще притомъ замѣтить, что сэръ Генри очень любилъ ужинъ и предпочиталъ его обѣду. Онъ съѣлъ двѣ трети каплуна, выпилъ первый стаканъ вина за благополучное возстановленіе Карла Второго, осушилъ цѣлую бутылку и даже запѣлъ пѣсню «Въ царство дѣдовъ и отцовъ король вернется съ торжествомъ,» а Фибби полушлаксвивымъ и старуха Джелликотъ фальшиво визгливымъ голосомъ должны были повторять припѣвъ, чтобы прикрыть молчаніе Алсы.

Наконецъ развеселившійся старикъ нашелъ, что пора отдохнуть, и растянулся на соломенномъ тюфякѣ Джослайна, въ маленькой каморкѣ, подлѣ кухни, гдѣ и заснулъ скоро глубокимъ и спокойнымъ сномъ. Алса отдохнула не такъ мирно на ивовой кушеткѣ старухи Джелликотъ, а сама старуха и Фибби улеглись на соломенномъ матрацѣ, на полу, и нашли спокойный сонъ, какъ и всѣ добывающіе насущный хлѣбъ въ потѣ лица и встающіе за тѣмъ чтобы снова начать вчерашнюю работу.

V.

Между тѣмъ Меркемъ Эвардъ продолжалъ идти къ Ложѣ черезъ лѣсъ, по длинной просѣкѣ, которая мѣняла свою ширину смотря потому какъ деревья то сдвигали и сплетали свои сучья образуя совершенно темный сводъ, то раздавались чтобы дать проходъ нѣсколькимъ лучамъ луны, а иногда пересѣкались маленькими зелеными полянами, облитыми серебрянымъ свѣтомъ. Эффекты этого чудеснаго освѣщенія на старыхъ дубахъ, на темной зелени, на сухихъ сучьяхъ и массивныхъ дуплахъ непремѣнно восхитили бы поэта или художника.

Но Меркемъ если и думалъ о чемъ нибудь кромѣ тягостной сцены, въ которой сыгралъ я свою роль, и которой слѣдствіемъ, казалось, было разрушеніе всѣхъ его надеждъ, то развѣ только о необходимыхъ предосторожностяхъ на ночномъ походѣ. Времена были опасныя; вездѣ господствовалъ безпорядокъ; дороги были устѣяны бродячими солдатами, въ особенности роялистской партіи, людьми, которые изъ своихъ политическихъ мнѣній дѣлали себѣ предлогъ производить тревогу и предаваться грабѣжамъ и разбоямъ. Сверхъ того съ нѣкотораго времени въ вудстокскомъ лѣсу завелось множество браконьеровъ, народу всегда страшнаго. Словомъ, Меркемъ не даромъ оправилъ пистолеты за поясомъ и шелъ съ обнаженною шпагой въ рукахъ, чтобъ не быть захваченнымъ върасплохъ.

Проходя черезъ одну изъ полянъ, о которыхъ мы говорили, онъ слышалъ вечерній благовѣсть на вудстокской колокольнѣ, и звуки затихли въ ту самую минуту, когда онъ снова вступилъ въ совершенно темную просѣку. Въ эту минуту онъ услышалъ что кто-то насвистываетъ и, какъ казалось, идетъ навстрѣчу. Онъ не могъ думать, что это другъ, потому что въ его партіи не только свистъ, но всякое пѣніе и музыка, кромѣ псалмовъ и гимновъ, почитались непристойными. «Если у человѣка сердце радуется, пусть поетъ псалмы», говорили фанатики, опираясь въ этомъ какъ и во всемъ другомъ не столько на смыслъ, сколько на буквы текстовъ. Между-тѣмъ насвистыванье длилось слишкомъ долго и не могло быть сигналомъ для соумышленниковъ, а голосъ былъ слишкомъ веселый, чтобъ предполагать въ немъ злое намѣреніе. Потомъ неизвѣстный путанкъ пересталъ свистать и во все горло запѣлъ пѣсню, которую обыкновенно пѣвали кавалеры, когда стояли ночью въ караулѣ:

«Гей! впередъ, кавалеры, впередъ!
Кавалеры, молодцы!
Бей, руби! бей, руби!
Чтобы старый Вельзевулъ Оливеръ
Задыхался отъ страху.»

— Кажется, мнѣ знакомъ этотъ голосъ, сказалъ Меркемъ, спускающаяся взведенный курокъ пистолета.

Пѣтунокъ продолжалъ:

«Истолки, искроши,
И куски нивъ отдай!»

— Эй! кто идетъ? вскричалъ Меркемъ: за кого ты?

— За церковь и за Карла! отвѣчалъ гомось, и тотчасъ же прибавилъ: пѣтъ, стой! обмолвился, собака! Я хотѣлъ сказать, противъ Карла, то есть за тѣхъ, чья беретъ.... забылъ какъ они зовутся.

— Да это, кажется, Роджеръ Вилдрекъ.

— Овъ самъ, изъ Скотльспнера, что въ сыромъ графствѣ Динкольскомъ.

— Вилдрекъ! Лучше бы тебѣ прозываться Вилдгусомъ (длиннѣ гусемъ). Глотка-то у тебя, вѣрно, порядочно отсырѣла, что орешь такія неприличныя обстоятельствамъ пѣсни.

— А что жъ? Пѣсня очень хорошая. Правда, она нынче не въ большой модѣ; очень жаль.

— Кого я могъ встрѣтить здѣсь кромѣ какого-нибудь бѣшеннаго кавалера, пьдѣто и опаснаго, какіе они обыкновенно бываютъ по ночамъ? А если бы я за эту пѣсню поподчивалъ тебя пулей въ лобъ?

— Такъ что жъ, Меркемъ; значить только заплатилъ бы за гудокъ.

— Но какимъ образомъ ты попалъ сюда.

— Я шелъ за тобой, въ хижину лѣспичаго.

— Я принужденъ былъ уйти оттуда.... Послѣ скажу причину.

— Что, вѣрно, старый ловчій крутъ? По-крайней мѣрѣ ласкова ли Хлоя?

— Не шути, Вилдрекъ; для меня счастья уже вѣтъ.

— О! И ты говоришь это такъ спокойно! Годдемъ! воротимся туда вмѣстѣ; я возьмусь хлопотать по твоему дѣлу. Я знаю, какъ нужно приняться, чтобъ пащекотать уши старому кавалеру и молоденькой дѣвушкѣ. Годдемъ! сэръ Генри Ли, скажу я ему, вашъ племянникъ неможко пуританинъ, правда, но несмотря на это я утверждаю, что опъ прелюбезный человекъ и красавецъ пзъ-себя. Миссъ Ли, скажу я потомъ, вы, пожалуй, можете себѣ думать, что вашъ кузещъ неможко похожъ на ткача, распѣвающаго псалмы, въ своей уродливой полярковой шляпѣ, въ коричневомъ кафтанѣ, въ галстухѣ, котораго концы похожи на дѣтскій нагрудникъ, и въ огромныхъ сапогахъ, на которое идетъ по половинѣ телячьей шкуры, но дайте ему только надѣть пуховую шляпу на бекрень, съ перомъ приличнымъ званию; прицѣпите вмѣсто этого грузнаго Андрея Феррарскаго къ боку хорошіи толедскій клинокъ съ серебряной пастѣчкой, на ши-

той перевязи, да развяжите языкъ, такъ.... громъ и молніа! мнѣсь Ля, скажу я....

— Полно, Вилдрекъ, перестань глупости болтать. Скажи мнѣ лучше, не слишкомъ ли ты черезъ край хватилъ и можешь ли выслушать толковое слово?

— Могу ли? Я выпилъ только двѣ, три бутылки вина съ мошенниками Круглоголовыми, съ пуританскими солдатами, въ Вудстокъ. Не будь я Вилдрекъ, если они не смотрѣли на меня какъ на лучшаго индипендента во всей компаніи, такъ я неказилъ себѣ носъ выворачивая бѣльма. Пфу! даже вино какъ будто отрыгается лицемѣриемъ. Я думаю однако жъ, что мошенникъ капралъ подъ конецъ сталъ подозрѣвать меня; зато солдаты.... они наконецъ стали просить, чтобъ я назначилъ послѣдній тостъ.

— Вотъ объ этомъ-то предметѣ я и хотѣлъ поговорить съ тобою, Вилдрекъ. Я увѣренъ, что ты смотришь на меня какъ на своего друга.

— Вѣрнаго какъ сталъ. Мы вѣдь въ липкольнскомъ университетѣ были неразлучными товарищами какъ Иисусъ и Эвріаль, какъ Тезей и Пирриой, какъ Орестъ и Пиладъ и, — чтобы кончить по пуритански, — какъ Давидъ и Ионафанъ. Даже политическія мнѣнія, которыя раздѣляютъ друзей и родныхъ какъ желѣзный кливъ раскалываетъ дерево, не могли разлучить насъ.

— Правда, и когда ты пожелалъ за королемъ въ Ноттингамъ, а я вступилъ въ службу подъ начальство графа Эссекса, мы, разставаясь, поклялись, что, которая бы партія ни восторжествовала, счастливый будетъ покровителемъ несчастнаго товарища.

— Именно, Меркемъ, именно, и ты хорошо исполнилъ свою клятву. Не ты ли спасъ меня отъ веревки? и не тебѣ ли я обязанъ хлѣбомъ, который ѣмъ?

— Любезный Вилдрекъ, я сдѣлалъ для тебя только то, что ты сдѣлалъ бы для меня, если бъ счастье оружія было на другой сторонѣ. Но вотъ о чемъ я хотѣлъ поговорить. Зачѣмъ затруднять мнѣ дѣло покровительства? Кчему бросаться въ общество солдатъ и людей, между которыми ты такъ легко можешь распалить голову и измѣнить себѣ? Кчему бѣгать по доламъ и лѣсамъ распѣвая старыя кавалерскія пѣсни какъ пьяные солдаты принца Руперта или тѣлохранители Вильмота?

— Потому что я могъ въ свое время быть и тѣмъ и другимъ, какъ ты знаешь, Меркемъ. Но, миліонъ бомбъ! пеужели я безпре- ставно долженъ напоминать тебѣ, что наше взаимное обязательство покровительствовать другъ другу, нашъ оборонительный и

наступательный союзъ, долженъ имѣть силу совершенно независимо отъ политическихъ или религіозныхъ мнѣній контрактующихъ и такъ, чтобъ ни которая сторона не была принуждена въ чемъ бы то ни было соображаться съ правилами другой?

— Ты правъ; однако жъ была сдѣлана необходимая оговорка: тотъ, кому понадобится покровительство, обязывался соображаться съ обстоятельствами такимъ образомъ, чтобы не сдѣлать старанія своего покровителя бесполезными и даже опасными. А ты ни одного дня не проводишь безъ того, чтобъ не надѣлать проказъ, которыя грозятъ опасностью тебѣ самому и уничтоженіемъ небольшому вѣсу, который я имѣю.

— Ты ужъ слишкомъ взыскателевъ, Меркемъ. Ты пользуешься уроками воздержности и лицемѣрія съ тѣхъ-поръ какъ носилъ дѣтскую юбку, и донинѣ, когда носишь женевскій костюмъ; стало-быть, это для тебя вещи почти врожденные. Между-тѣмъ ты удивляешься, что добрый малый, откровенный, честный, привыкшій во всю жизнь свою говорить правду, — особенно когда найдеть ее на днѣ бутылки, — не достигаетъ сразу такого совершенства какъ ты достигъ! Годдемъ! наши доли не одинаковы. Въ этомъ ты похожъ на опытнаго водолаза, который самъ привыкъ по десяти минутъ задерживать дыханіе подъ водой и упрекаетъ бѣднаго новичка въ томъ, зачѣмъ черезъ двадцать секундъ уже задыхается. Конецъ концовъ, мнѣ кажется, я ношу мой новый нарядъ довольно ловко, несмотря что онъ еще новъ для меня. Подвергни испытанію.

— Получены какія-нибудь вѣсти изъ Ворчестра? спросилъ Эврдъ, чтобы переменить разговоръ.

— Получены, собачьи вѣсти, по сто разъ хуже первыхъ. Всѣ тамъ разбѣгаются. Нолль, всеконечно, запродалъ свою душу. Но прійдетъ время, онъ долженъ будетъ отдаться: въ этомъ покуда вся наша надежда.

— Какъ! ты такимъ образомъ отвѣтишь первому красному кастану, который сдѣлаетъ тебѣ подобный вопросъ? Я думаю, это самое вѣрное средство тотчасъ же найти себѣ мѣсто въ ближайшей караулнѣ.

— О! да вѣдъ я думалъ, что говорю съ моимъ другомъ Меркемомъ: иначе я отвѣчалъ бы — чудесныя новости; Божіе милосердіе; истинная благодать; слава тебѣ, Господи! нечестивые разсѣяны отъ Дана до Биршебы, — изрублены въ куски, — поражены смертью, отъ восходу солнца до заката.

— Ты слышалъ что-нибудь о равенномъ генералѣ Торнгауфѣ?

— Онъ убить. Это по-крайней-мѣрѣ утѣшительно... собака круглоголовая.... Пстой, погоди! Языкъ у меня слишкомъ скоро воротится.... Я хотѣлъ оказать.... славный, благочестивый молодой воишъ.

— А что ты слышалъ о Молодомъ Человѣкѣ, королѣ шотландскомъ, какъ его называютъ?

— Ничего; развѣ только то, что за нимъ гонятся какъ за ланью по горамъ. Годдемъ! Меркемъ, я не могу долѣе носить передъ тобою эту глупую личину. Развѣ ты не помнишь, что на парадахъ, которые мы разыгрывали въ Лникольнѣ, — хотя ты и немного принималъ въ нихъ участія, — я всегда довольно порядочно исполнялъ свою роль, когда доходило до дѣйствительнаго представленія; но на репетиціяхъ я всегда былъ ниже посредственности. То же самое и теперь. Я узнаю твой голосъ, и отвѣчаю своимъ естественнымъ голосомъ. Но въ компаніи твоихъ гнусливыхъ пріятелей, ты видѣлъ, я всегда выпутывался довольно сносно.

— Сносно, и только. Однако жъ я только и прошу тебя быть немножко по-скромнѣй и побольше молчать. Говори поменьше, постарайся отстать отъ своей привычки клясться, и держи шляпу прямо на головѣ.

— Да! вотъ мой грѣхъ. Я всегда отличался изящною манерой носить шляпу на бекрень. Грустно, право, подумать, что самыя даже преимущества человѣка становятся его врагами,

— Ты долженъ помнить, что ты мой писецъ.

— Секретарь, то есть.... Пусть я буду секретаремъ, сдѣлай милость.

— Нельзя; непременно нужно, чтобъ былъ писецъ, простой писецъ. И помни, что тебѣ слѣдуетъ быть покорнымъ и кроткимъ.

— Но по крайней-мѣрѣ приказанія-то не давай мнѣ заносчиво и надменно, мистръ Меркемъ Эввардъ. Вспомни, что я тремя годами постарше тебя. Я, право, не знаю какъ мнѣ быть.

— Видана ли такая строптивая голова! Да хоть изъ любви ко мнѣ, если не для себя, выслушай разсудительное слово. Вспомни, что я изъ за тебя подвергаюсь парѣканіямъ и опасностямъ.

— Да, ты добрый малый, Меркемъ, и я для тебя готовъ сдѣлать все, что будетъ подъ силу. Но догадайся же и ты кстати крикнуть или кашлянуть, когда увидишь, что я выхожу за предѣлы. Ну, теперь куда мы пойдѣмъ.

— Въ вудстокскую Ложу, чтобы присмотрѣть за имуществомъ моего дяди. Говорятъ, солдаты овладѣли Ложей. Но какъ же это могло быть, когда ты видѣлъ ихъ пьющихъ въ городѣ?

— Съ ними былъ какой то комиссаръ, или посланный отъ комиссаровъ, не знаю, какой шутъ, который пошелъ въ Ложу. Я даже видѣлъ его тамъ.

— Правда это?

— Святая истина, по вашему сказать. Вотъ теперь, проходя черезъ паркъ, я увидѣлъ въ Ложѣ свѣтъ. Вотъ, поди сюда, самъ увидишь.

— На сѣверо-западномъ углу? Въ комнатѣ, что называютъ покоемъ Виктора Ли?

— Да. Я, ты знаешь, былъ въ лундсфордскихъ вольтижѣрахъ и знаю службу рекогносцировщика. Не будь я Вилдрекъ, сказалъ я самъ себѣ, если я оставлю позади себя свѣтъ и не узнаю, откуды онъ. Къ тому жъ, ты, Меркемъ, такъ много говорилъ мнѣ о злоей хорошенькой кузницѣ, что мнѣ пріятно было бы взглянуть на нее.

— Безразсудный! веправный вѣтрепкъ! какимъ опасностямъ ты подвергаешь себя и друзей своихъ! Но что жъ дальше, продолжай.

— Кляпуюсь этимъ прекраснымъ луннымъ свѣтомъ! Меркемъ, ты, кажется, ревнуешь? Напрасно: я хоть и старался увидѣть красавицу, но у меня есть непроницаемая крпаса чести; я огражденъ отъ всякихъ чаръ. Притомъ, она не увидала бы меня, и слѣдовательно не могла бы дѣлать невыгодныхъ для тебя сравненій. Словомъ, прплюченіе кончилось такъ, что мы оба другъ дружки не видали.

— Это я знаю. Миссъ Ли ушла изъ Ложы задолго до заката солнца, и не возвращалась туда. Но послѣ этого предисловія ты мнѣ скажешь наконецъ, что ты видѣлъ?

— Очень немного. Взобравшись на какой-то карнизъ.... Я лазю не хуже всякой кошки, какая когда либо бродила по желобамъ на кровляхъ.... Взобравшись на карнизъ, говорю я, и уцѣпившись за вѣтви винограднои лозы, я могъ удобно подемотрѣть, что дѣлается въ комнатѣ.

— Что жъ ты увидѣлъ.

— Очень немного, какъ я уже докладывалъ. Въ наши времена вѣдь не диво видѣть мародеровъ, которые шируютъ въ покояхъ дворянъ и внизей. Я видѣлъ двоихъ мошенниковъ, которые съ торжественною важностью осушали фляжку водки и пожирали огромный пастетъ, который они пагло поставили на дамскій рабочій столикъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сталъ бречать на лотдѣ.

— Негодяи! профаны! на Алисиной лютиѣ!

— Хорошо сказано, товарищъ. Я въ восхищеніи, что и твою флегму можно разшевелить. Но эти обстоятельства касательно стола и лютии — только украшенія моего разсказа, прибавленныя затѣмъ чтобъ посмотреть, можно ли изъ такого высокостепеннаго существа какъ ваша милость извлечь хоть одну искру сколько-нибудь человѣческаго чувства.

— Кто же были эти люди?

— Одинъ — фанатикъ, нахмуренная рожа, въ огромной шляпѣ, въ долгополомъ кафтанѣ, словомъ, похожій на всѣхъ васъ, и мнѣ казалось, что это, должно быть, комиссаръ или посланный отъ комиссаровъ, о которомъ я слышалъ въ городѣ; другой — коренастый, здоровый дѣтина, съ охотничьимъ пожомъ при бедрѣ и толстою дубиной, которая лежала подлѣ; черноволосый, бѣлозубый и веселый парень, — вѣроятно, какой-нибудь лѣсничій изъ парка.

— Это должны быть любимецъ Дизбро, Томкинсъ, и лѣсничій Джолифъ. Томкинсъ — правая рука у Дизбро. Это независимый; онъ одаренъ благодатью, какъ самъ говоритъ. Многіе полагаютъ, что благодать идетъ ему впрокъ больше благословенія; говорятъ, онъ нѣкоторыми случаями воспользовался.

— По крайвей мѣрѣ онъ видимо пользовался сегодняшнимъ, какъ я примѣтилъ по фляжкѣ. Только я недолго простоялъ; старый карнизъ сталъ подламываться у меня подъ ногами. Другой на моемъ мѣстѣ до-тѣхъ-поръ додумался бы, что дѣлать, пока не полетѣлъ бы вслѣдъ за карнизомъ, но я прыгнулъ какъ вѣкса и уцѣпился за вѣтви ближайшаго дерева. Невозможно бы еще, такъ я получилъ бы пулю за труды, потому что собесѣдники услышали шумъ, подбѣжали къ окну и увидѣли меня на деревѣ. Лѣсничій схватилъ свою дубину, фанатикъ — пистолетъ, но я обоихъ озадачилъ ревомъ и демонскою гримасой.... Я, было бы тебѣ извѣстно, корчу рожи какъ орангъ-утангъ: этому выучилъ меня одинъ французскій скomorохъ, который изъ своей рожи дѣлалъ просто ужасъ что такое.... Сыгравъ имъ эту штуку, я тихонько спустился на траву и, ползкомъ, въ тѣни, такъ ловко убрался, что они, навѣрное думаютъ, къ нимъ приходилъ въ гости ихъ родственникъ, самъ демонъ лично. Ужъ натрусился же они!

— Ты ужасно безразсуденъ, Вилдрекъ. Что, если мы теперь пойдемъ въ Ложу и они узнаютъ тебя?

— Что жъ, развѣ я преступленіе совершилъ, что посмотрѣлъ

на нихъ? Со времянь Джона Ковентри, никто еще непоплачивался за такое любопытство, и я осмѣлюсь замѣтить, что ихъ глаза угощены гораздо лучше монахъ. Но успокойся, они не узнаютъ меня, точно такъ же какъ человекъ, видѣвшій нашего друга Поля только одинъ разъ въ засѣданіи благочестивыхъ, не узнаетъ того же Олвера въ атакѣ, на конѣ, передъ эскадрономъ вареныхъ раковъ или на веселой попойкѣ съ поэтомъ Валлеромъ.

— Ст! ни слова объ Олверѣ, если ты сколько-нибудь дорожишь своею и моею жизнью. Не должно шутить надъ скалою, на которой можно разбиться. Но вотъ крыльцо; мы немножко потревожимъ удовольствія этихъ господъ.

Съ этимъ словомъ Меркемъ Эврандъ поднялъ тяжелое стукальце и загремѣлъ въ толстую дверь.

— Трррр-тррр-бомъ-бомъ! произнесъ Вилдрекъ: вотъ славная тревога твоимъ круглоголовымъ уродамъ.

И онъ, припрыгивая въ тактъ, началъ въ полголоса напѣвать маршъ «Рогоносцы круглоголовые, рогоносцы, подите сюда; рогоносцы, подите поплясать по моей дудкѣ!»

— Послушай! это ужъ изъ рукъ вонъ! вскричалъ Меркемъ съ досадою, обротясь къ нему.

— Ну, что жъ такое? отвѣчалъ Вилдрекъ: это только легонькое откашливанье передъ прекрасною и длиною рѣчью. Теперь я на цѣлый часъ буду важнымъ педантомъ.

Между-тѣмъ какъ онъ говорилъ такимъ образомъ, въ сѣняхъ послышались шаги. Форточка отворилась, но дверь удерживали цѣпью, опасаясь, вѣроятно, нечаяннаго нападенія. Въ отверстіи явилось лицо Томкписа, а позади Джослайна, который держалъ лампу.

— Что вамъ нужно? спросилъ Томкписъ.

— Мнѣ нужно сейчасъ же войти, отвѣчалъ Эврандъ. Джослайнъ, ты меня знаешь?

— Какъ же, ваша честь! Я отъ души радъ бы отворить вамъ, да вы видите, не я ключамъ хозяинъ. Вотъ, кто здѣсь за хозяиномъ... Господи, твоя воля, до какой поры мы дожили!

— А! это, кажется, слуга мистра Дизбро?

— Недостойный секретарь его чести, если позволите, отвѣчалъ Томкписъ.

— Теперь я вижу, что ты правъ былъ, Меркемъ, шепнулъ Вилдрекъ на ухо своему товарищу: не хочу быть секретаремъ; званіе писца всё-таки благороднѣе.

— Если вы секретарь мистра Дизбро, вы должны знать меня, сказалъ Эврандъ республиканцу: вы должны знать также, какое званіе я ношу, и, я полагаю, вы не откажетесь впустить меня и моего провожатаго въ Ложу на эту ночь.

— Конечно, нѣтъ; конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Томкинсъ: то есть, если вашей чести не заблагоразсудится лучше помѣститься въ городѣ, въ гостиницѣ, которую непримично зовутъ гостиницей Святаго Георгія. Вашей чести будетъ здѣсь очень неудобно; насъ здѣсь уже посѣщаль Сатана. Онъ, вѣроятно, падѣялся умирить насъ страхомъ, однако жъ сѣрная копоть уже разсѣялась.

— Эта исторія можетъ найти свое мѣсто, господниъ секретарь: вы можете кстати включить ее въ одну изъ первыхъ вашихъ ораторскихъ рѣчей. Но я не вижу, почему вы такъ долго держите меня здѣсь на холоду и на вѣтру. Если вы меня не впустите сейчасъ же, я пожалуюсь на васъ вашему начальнику.

Томкинсъ не смѣлъ долѣе сопротивляться. Дизбро всеѣмъ своимъ значевіемъ былъ обязанъ только родству съ Кромвелемъ, а извѣстно было, что лордъ генералъ, тогда уже пользовавшійся почти неограниченною властью, былъ чрезвычайно дружески расположенъ къ обоимъ Эврандамъ, къ отцу и къ сыну. Правда, что они были пресвитеріанцы, а онъ независимый, и хотя они раздѣляли его мнѣнія насчетъ чистой нравственности и религіи, какими, за немногими исключеніями, отличалась парламентская партія, однако не были расположены къ фанатизму, который въ то время обнаруживали очень многіе. Но извѣстно было и то, что каковы бы ни были личныя мнѣнія Кромвеля, они не всегда составляли преграду его благорасположенію: онъ осыпалъ милостями всѣхъ, которые могли быть полезны ему, хотя бы они являлись даже изълучины эгоистической, какъ выражались въ то время.

Эврандъ пользовался славою человека благоразумнаго и прощительнаго. Къ тому жъ онъ былъ знатнаго роду, владѣлъ значительнымъ имѣніемъ и приверженность его придавала вѣсъ той партіи, къ которой онъ обратился. Сынъ его всегда отличался на военномъ поприщѣ и также пріобрѣлъ извѣстность. Онъ обратилъ на себя вниманіе сколько по дисциплинѣ, которую умѣлъ поддерживать въ своихъ солдатахъ, столько же и по личной храбрости и великодушію. Подобными людьми нельзя было пренебрегать, когда изъ всего предвидѣлось, что партія, взвергнувшая Карла, готова раздробиться при раздѣлѣ добычи. По всему этому Кромвель былъ очень расположенъ къ обоимъ Эврандамъ. Всѣ предпологали, что Эвранды имѣютъ большое вліяніе на него, и

Тонкивъ Вѣрный не захотѣлъ изъ-за пустынь завночь на собя гавъ полковника Меркема Эварда.

Джослайвъ, съ своей стороны, развернулъ всю свою дѣятельность, удвоилъ свѣтъ въ комнатѣ, прибавилъ дровъ въ каминъ, и новые гости вошли въ покой Виктора Ап, получившій это имя по портрету, о которомъ мы уже говорили.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ полковникъ могъ сообразить свою важную твердость, поколебленную волненіемъ при видѣ комнаты, въ которой онъ провелъ самые счастливые часы своей жизни. Онъ вспоминалъ, съ какимъ восторгомъ, бывало, смотрѣлъ на отворяющуюся дверь этого кабинета, между-тѣмъ какъ сэръ Генри растолковывалъ ему тайны рыбной ловли и показывалъ потребныя на то орудія. Онъ видѣлъ передъ собою старинный фамильный портретъ, который по нѣсколькимъ страшнымъ и таинственнымъ выраженіямъ дяди, сдѣлался для него съ дѣтства предметомъ любопытства и страху; онъ вспоминалъ, что, когда бывалъ одинъ въ этой комнатѣ, написанный на полотнѣ старый воинъ, казалось, все обращалъ на него свой проникательный взглядъ, въ какой бы уголъ онъ ни уходилъ, и что дѣтское воображеніе его часто бывало встревожено явленіемъ, котораго не умѣло объяснить себѣ.

Къ этимъ воспоминаціямъ присоединялись тысячи другихъ, болѣе живыхъ и драгоцѣнныхъ, о нѣжной привязанности, которую онъ съ дѣтства питалъ къ хорошенькой кузинѣ Алесѣ, о томъ какъ помогалъ ей готовить уроки, или поливать цвѣты, или какъ сопровождалъ ее, когда она пѣла. Онъ вспомнилъ даже, какъ, однажды, сэръ Генри, глядя на нихъ съ улыбкой, сказалъ про себя въ-полголоса: «Что жъ, если бы и женить ихъ, ни тому ни другой не будетъ бѣды.» И сколько мечтъ о счастіи породили эти не многія слова!

Но эти блестящія видѣнія разсѣялись при звукахъ военной трубы, которая призвала сэра Генри подъ знамена Карла, а его шлемяника въ ряды республиканцевъ, и случилось въ тогъ день оковчательно доказать, что самые успѣхи и отличія Меркема только увеличивали неодолимыя преграды желаніямъ его сердца.

Отъ этихъ думъ отвлекъ его вошедшій Джослайвъ, который, вѣроятно, былъ здоровъ пить, потому что сдѣлалъ все необходимыя приготовленія съ расторопностью и ловкостью, какихъ, казалось, нельзя было ожидать отъ человѣка, просидѣвшаго весь вечеръ за столомъ.

Онъ пришелъ спросить, не имѣтъ ли полковникъ приказать что, или не угодно ли чего откушать.

— Нѣтъ.

— Угодно вашей чести лечь на постель сэра Генри? Она уже была приготовлена.

— Да, хорошо.

— Достойному секретарю прикажете отвести комнату миссъ Алисы?

— Нѣтъ! За другое подобное предложеніе ты можешь лишиться ушей. Берегись!

— Куда же прикажете положить секретаря?

— Хотя на псарнѣ, если угодно! вскричалъ Меркемъ: а этой комнаты никто не запятнаетъ своимъ дыханіемъ, прибавилъ онъ, и, заперевъ спальню Алисы, положилъ ключъ въ карманъ.

— Угодно вашей чести приказать еще чтонибудь?

— Нѣтъ; развѣ только избавить меня отъ этого человѣка. Писецъ мой останется со мною. Я буду диктовать ему письма... Пстой... Ты отдашь мое письмо миссъ Алисѣ?

— Отдашь.

— Ну, что жъ она?

— Она, сударь, кажется, была очень огорчена... и, кажется, даже немпожко заплакала... Право, кажется, она была очень огорчена.

— Что же она поручила тебѣ сказать мнѣ?

— Порученія она мнѣ никакого не давала. Она только начала было говорить: «Скажи мистру Эврарду, что я сообщу отцу дружеское предложеніе дядюшки, какъ только найду удобный случай, но я опасаюсь, что....» Тутъ она останоилась, и потомъ прибавила: «Я напишу къ кузену; а какъ, можетъ-быть, будетъ поздно прежде чѣмъ я успею поговорить съ отцомъ, то ты лучше приходи за отвѣтомъ завтра утромъ.» Такъ я, отъ нечего дѣлать, и пошелъ въ церковь, а возвратясь сюда, увидѣлъ, что этотъ молодецъ гонитъ моего барина со двора, и вотъ, волей неволей, а долженъ былъ ввести его во владѣніе Ложей. Я хотѣлъ-было предупредить вашу честь, чтобъ сэръ Генри не засталъ васъ въ моей хижинѣ, но ни какого способу не было.

— Ты лучше сдѣлай, Джослайнъ; я никогда не забуду твоихъ услугъ, отвѣчалъ полковникъ.

Подойдя потомъ къ двумъ писцамъ, или секретарямъ, которые дружески усѣлись за столъ и заводили знакомство на счетъ флажки съ водкой, онъ прибавилъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, госнода, что ночи уже много прошло.

— На двѣ флажки еще кое-что колотится, отвѣчалъ Влдрекъ.

Полковникъ нѣсколько разъ кашлянулъ, и хотя уста его не произносили проклятій на нечестіе товарища, однакожъ нельзя поручиться за то, что происходило у него въ душѣ.

— Хорошо, сказалъ онъ, когда Влдрекъ налилъ себѣ и Томкинсу еще по стакану: выпейте это и ступайте.

— Не угодно ли вамъ сперва послушать, какъ этотъ почтенный госнодинъ сегодня вечеромъ видѣлъ въ окнѣ привидѣніе, сказалъ Влдрекъ, и какъ это привидѣніе удивительно похоже на вжайшаго слугу и недостойнаго писца вашей чести. Послушайте; презанятельная исторія.... да не угодно ли отвѣдать этой весьма презентабельной водки?

— Я не стану пить водки, сэръ, строго отвѣчалъ полковникъ: а вамъ замѣчу, что вы сегодня уже выпили лишнюю. Спокойной ночи, мистръ Томкинсъ.

— Поучительное слово будетъ не неумѣстно передъ отходомъ ко сну, сказалъ Томкинсъ, вставая.

Онъ оперся на спинку кресла и сталъ откашливаться, чтобы начать рѣчь.

— Извините меня, сэръ, сказалъ Меркемъ съ важностью: вы не довольно владѣете собой, чтобы поучать другихъ.

— Горе певниающимъ гласу.... сказалъ комиссаръ выходя изъ комнаты, и стукъ двери покрылъ конецъ рѣчи, а можетъ быть даже онъ и не договорилъ ея, чтобъ не оскорбить полковника.

— Ну, теперь, сзумасшедшій Влдрекъ, ступай спать. Въ этой комнатѣ ты найдешь постель, сказалъ Меркемъ указывая ему дверь спальни сэра Генри.

— Какъ! а себѣ ты оставляешь спальню молодой дѣвицы? Я видѣлъ какъ ты положилъ ключъ въ карманъ.

— Я не хочу и не могу спать тамъ; я нигдѣ не усну эту ночь; я просижу на этомъ креслѣ, и уже приказалъ приготовить дрова, чтобъ поддержать огонь въ каминѣ. Спокойной ночи; желаю, чтобъ добрый сонъ развѣялъ у тебя угарные пары водки.

— Угарные пары! ты побуждаешь меня къ презрительному смѣху, Меркемъ: ты просто молочный супъ, изъ рода въ родъ:

ты не знаешь, что порядочный малый въ состояніи совершить со стаканомъ въ рукѣ.

— Всѣ воровки цѣлой партіи собрались въ этомъ несчастномъ, сказалъ про себя полковникъ, взглянувъ на своего пріятеля, между тѣмъ какъ тотъ не совершенно твердою шагомъ отправился въ указанный покой: головерѣзъ, ньяпица, кутила, что хочешь. Если я не спрячу его въ безопасное мѣсто, во Францію, онъ вѣрное погубитъ и меня и себя. Однакожъ у него доброе сердце, онъ храбръ, великодушенъ и, конечно, сдѣлалъ бы для меня все то, чего теперь самъ ожидаетъ. И какую же заслугу мы можемъ приписать себѣ, если будемъ исполнять только такое общашіа, которое вовсе не можетъ повредить намъ? Однакожъ я позволю себѣ удостовѣриться, что онъ теперь оставить меня въ покоѣ на ночь.

Съ этимъ словомъ онъ пошелъ и заперъ дверь спальни на ключъ; потомъ, прошедши нѣсколько разъ въ угла въ уголъ, сѣлъ въ кресло, поправилъ лампу и вынулъ изъ кармана толстую пачку писемъ.

— Прочитаю еще разъ, сказалъ онъ: можетъ-быть, занимаясь общественными дѣлами я успѣю нѣсколько облегчить бремя собственнаго горя. Боже милосердый! чѣмъ все это кончится? Мы пожертвовали мпромъ нашихъ семействъ, покинули самыя дорогія наслажденія молодого сердца, и для чего? для того чтобы съ каждымъ шагомъ впередъ къ этой мнимой свободѣ подвергаться только новымъ опасностямъ и ужасамъ, какъ человѣкъ взбирающійся на крутую гору долженъ тѣмъ больше страшиться паденія чѣмъ выше поднимается.

Потомъ онъ довольно долго читалъ разныя письма, писанныя столько же утомительнымъ сколько затѣйливымъ слогомъ, и въ которыхъ пишущіе, непрерывно твердя о славѣ Божіей и пользѣ отечества, какъ о единственной цѣли всѣхъ своихъ помысловъ, не могли, не смотря на всѣ извороты, скрыть отъ правдпцательнаго Меркема Эврарда единственныя свои движущія пружины, — своекорыстные виды и личное честолюбіе.

VI.

«Сонъ застигаетъ насъ какъ сестра его, смерть; никто не знаетъ, когда онъ прійдетъ, но онъ должесть прійти. Мы притворяемся, будто презираемъ его могущество, и всякій, въ минуту горя, говоритъ, что для него нѣтъ утѣшенія. Между-тѣмъ влюбленный оплакивающій милую, отецъ скорбящій по сынѣ, и даже несчастный, котораго завтра ожидаетъ казнь, невольно закрываютъ вѣки, и всѣ скорби ихъ — слабая преграда сну....»

Эрбертъ.

Меркемъ Эвардъ собою подтверждалъ истину этихъ словъ стариннаго поэта. Посреди собственныхъ скорбей и безпокойства объ отечествѣ, преданномъ на жертву междоусобіямъ, Эвардъ и отецъ его со многими другими обращали глаза на Кромвеля, какъ на человѣка, который болѣе всѣхъ способенъ закрыть раны Англіи. Полководецъ, который по личнымъ достоинствамъ сдѣлался любимцемъ арміи, который своею пронзательностью одерживалъ побѣду надъ всѣми кто схватывался съ нимъ въ парламентѣ, точно такъ же какъ и на полѣ сраженія, одинъ былъ въ состояніи устроить дѣла государства и дать ему правительство. Эварды почитались въ милости у генерала, но Меркемъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ догадывался, что Кромвель въ душѣ не совсѣмъ такъ расположенъ къ нему и отцу его, какъ многіе думали. Меркемъ зналъ, что Кромвель глубокій полтикъ, вполне способный скрывать истинныя свои мнѣнія столько, сколько сочтетъ нужнымъ и полезнымъ. Онъ зналъ также, что генералъ не такой человѣкъ, чтобъ забыть сопротивление, оказанное пресвитеріанскою партіей въ процессѣ Карла Перваго. Эварды принимали дѣятельное участіе въ этомъ сопротивленіи, и ни убѣжденія ни полуугрозы со стороны Кромвеля не могли принудить ихъ уклониться отъ пути, которому они находили должнымъ слѣдовать въ этомъ случаѣ. Въ особености онъ никогда не могъ добиться помѣщенія ихъ именъ въ числѣ членовъ ужасной судной комиссіи.

Эта твердость на нѣкоторое время охладила генерала къ Эвардамъ. Но Меркемъ оставался въ арміи, и, сражаясь подъ начальствомъ Кромвеля въ Шотландіи и наконецъ въ Ворчестрѣ,

мерзѣдко заслуживалъ одобреніе генерала. Въ особенности послѣ вѣрчестрскаго сраженія онъ былъ въ числѣ офицеровъ, которыхъ Оливеръ, отправясь больше на свойство и обширность своей власти чѣмъ на титулъ, хотѣлъ сдѣлать кавалерами знамени, отъ чего однако жъ его отклонили, хотя и не безъ труда. Поэтому казалось, что вся память о прежнемъ сопротивленіи стерлась въ душѣ его и что Эврарды опять приобрѣли свою силу у генерала.

Многіе однако жъ сомнѣвались еще въ искренности этого забвенія со стороны Кромвеля, и старались увлечь молодаго полковника каждый въ свою партію, которыхъ въ юной республикѣ было много. Но Меркемъ былъ глухъ на всѣ эти предложенія.

— Довольно крови пролито, говорилъ онъ: пора народу отдохнуть подъ упроченною властью, довольно сильною, чтобы обезпечить собственность, и довольно кроткою, чтобы возстановить общественное спокойствіе.

Этой цѣли, по его мнѣнію, можно было достигнуть только посредствомъ Кромвеля, и большая часть Англіи думала такъ. Правда, что разсуждавшіе такимъ образомъ забывали основанія, которыя побудили ихъ къ возстацію противъ Карла, но въ революціяхъ основанія очень часто принуждены бываютъ подчиняться сокрушительнымъ потокамъ обстоятельствъ, и очень часто послѣ кровавыхъ войнъ, возгорѣвшихъ изъ-за какого-нибудь призрака метафизическаго права, люди, видя наконецъ, что призракъ разбѣвается, почитали себя счастливыми единственно въ надеждѣ воротить нарушенное общественное спокойствіе.

Полковникъ Эврардъ не скрывалъ отъ себя, что поддерживалъ Кромвеля только по убѣжденію, что это изъ золъ, изъ которыхъ надлежало выбирать, было наименѣе опасное, и потому что лучше же поставить во главѣ правленія человѣка столько умнаго и заслуженаго чѣмъ предоставить страну на жертву анархіи. Онъ чувствовалъ также, что и Оливеръ съ своей стороны смотритъ на него какъ на человѣка привязаннаго не очень крѣпко и что признательность его измѣряется на этомъ же основаніи.

Между-тѣмъ обстоятельства принуждали его подвергнуть дружбу генерала испытанію. Секвестрованіе Вудстока было определено парламентомъ, и комиссарамъ давно данъ приказъ распорядиться имъ какъ національнымъ имуществомъ; только вліяніе старика Эврарда съ недѣли на недѣлю, съ мѣсяца на мѣсяцъ останавливало исполненіе этого приказа. Настала минута, когда

уже невозможно было отклонить удара, тѣмъ болѣе что сэръ Генри Ли, съ своей стороны, отвергалъ всѣ предложенія и убѣжденія подчиниться существовавшему правительству. Давняя мнута срока прошли; кавалера внесли въ списокъ упрямыхъ, несправныхъ, неблагонамѣренныхъ, и государственный совѣтъ рѣшилъ уже нисколько не щадить его. Оставалось только одно средство защитить стараго кавалера и его дочь — возбудить, если возможно, участіе самого генерала. Вспомнивъ всѣ обстоятельства своихъ отношеній къ нему, полковникъ Эвардъ почувствовалъ что просьба столько противная пользамъ Дизбру, Кромвеля двоюроднаго брата и одного изъ комиссаровъ, подвергнуть сомнительную дружбу генерала трудному испытанію: по другому средства не было.

Съ этимъ намѣреніемъ и по просьбѣ самого Кромвеля, который при послѣднемъ свиданіи очень настоятельно убѣждалъ его сообщить письменно свое мнѣніе о положеніи общественныхъ дѣлъ, Меркель просидѣлъ значительную часть ночи за приведеніемъ въ порядокъ своихъ мыслей, и наконецъ составилъ планъ, которымъ надѣялся угодить генералу. Изложивъ свои соображенія насчетъ состоянія края и способовъ къ благоустройству, онъ убѣждалъ Кромвеля сдѣлаться, съ помощію Божіею, спасителемъ отечества, и, касаясь личнаго положенія правительственной власти, доказывалъ, что, въ какія бы руки ни перешла, она должна быть окружена приличною пышностью, и что Кромвель, если будетъ намѣстникомъ, или консуломъ, или правителемъ Великобританіи, долженъ имѣть свои помѣстья и жилища достойныя главы обширнаго государства. Отсюда онъ самымъ естественнымъ образомъ перешелъ къ разоренію королевскихъ дворцовъ и парковъ, начерталъ прискорбную картину опустошенія, угрожаващаго Вудстоку и кончилъ просьбою сохранить это мнѣніе.

Дописавъ это письмо, полковникъ Эвардъ не слишкомъ возвысился въ собственныхъ глазахъ. Во все продолженіе своего политическаго поприща онъ всегда тщательно избѣгалъ поводовъ прииѣшивать личные свои виды къ побужденіямъ, по которымъ дѣйствовалъ на пользу общую, а теперь онъ чувствовалъ, что схитрилъ съ самимъ собою. Но онъ успокоился, или по крайней мѣрѣ отклонилъ эту тягостную мысль, повторяя себѣ, что пользы Великобританіи рѣшительно требовали, чтобъ Кромвель всталъ во главѣ правительства, и что безопасность и даже обезпеченіе существованія сэра Генри Ли также требовали сохраненія Вудстока. Такъ его ли вина, если одна и та же дорога ведетъ къ

двойной цѣли, и если польза государства и его личная встрѣчатся подъ одною буквою? Меркемъ заглушилъ упреки своей совѣсти, сложилъ письмо, написалъ адресъ и заочелъ свои тербонъ.

Потомъ онъ опустился въ кресло, и, протисъ ожиданія, уснулъ посерединѣ всѣхъ своихъ тревожныхъ думъ, такъ, что только пропавшій въ восточное окно свѣтъ зари разбудилъ его.

Меркемъ вздрогнулъ и всталъ съ чувствомъ чужака, который не понимаетъ, какъ попалъ въ незнакомое мѣсто. Но догравшая на столѣ лампа, почти потухшій въ каминѣ огонь и запечатанное письмо напомнили ему преходившее наканунѣ и возстановили прерванный своимъ порядкомъ мыслей.

Прежде всего надлежало позаботиться объ отправленіи письма. Меркемъ рѣшился довѣрить это важное порученіе своему другу Вилдреку, который былъ всего болѣе неостороженъ и безразсуденъ, когда не имѣлъ ни какого занятія, и на честность котораго очень можно было положиться, потому что онъ уже не разъ оказывалъ своему другу значительныя услуги.

На этомъ намѣреніи полковникъ Эвхардъ остановился, поправляя потухавшія въ каминѣ головни, чтобы вызвать новое пламя, которое скоро такъ благотѣльно подѣйствовало на охочившіе члены молодаго чужака, что онъ, мало-по-малу согрѣваясь, опять заснулъ и вторично пробудился тогда уже, когда солнце освѣтило всю комнату.

Меркемъ всталъ, ступилъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, подошелъ къ окну и взглянулъ на ближайшіе предметы. То были живыя изгороди, до которыхъ давно не касались пожняцы; запущенныя аллеи, которыя вѣкогда поддерживались съ большимъ шавіемъ по всѣмъ правиламъ садовничьяго искусства и представляли длинныя ряды фантастическими формами выстриженныхъ тисовъ. Всѣ эти узкія и широкія аллеи, разбитыя на пространства двухъ или трехъ акровъ земли, назывались садомъ въ паркѣ и были обнесены оградой, въ которой время подѣлало множество проломовъ, такъ, что лави со своими щелями свободно могли гулять подъ самыми окнами дворца.

Это было любимое мѣсто Меркема въ дѣтствѣ. Онъ и теперь, несмотря на измѣненія, произведенныя временемъ, могъ еще узнать зеленыя башни созданнаго ножницами садовника готическаго замка, въ который пускалъ свои стрѣлы, когда подобно страждущему рыцарю, въ прочитанной тогда исторіи, прохаживался подъ этимъ деревомъ, трубилъ въ рогъ и вызывалъ

враждебнаго рыцаря, предполагаемаго владѣльца этого воздушнаго замка.

Онъ вспомнилъ, какъ приучилъ свою маленькую кузину принимать участіе въ этихъ играхъ и исполнять роли пажы или волшебницы или заколдованной принцессы, вспомнилъ и мпжество обстоятельствъ, изъ которыхъ могъ заключать, что родные издавна задумали женить его на кузинѣ и считали этотъ союзъ во всѣхъ отношеніяхъ приличнымъ. Всѣ эти блестящія видѣнія являлись ему въ эту минуту какъ тѣни, чтобы показать все, чего онъ лишился.

— Но зачѣмъ же я лишился всего этого? спросилъ онъ себя.

— За любовь къ Англіи, гордо отвѣчало сознаніе.

И онъ старался подкрѣпить себя разсужденіями, которыми самъ былъ увлеченъ вслѣдъ за другими фанатиками въ вѣрѣ и въ политикѣ. Но эти разсужденія не могли заглушить тайнаго голоса въ сердцѣ.

— Дѣйствительно ли въ пользу отечеству послужили твои старанія, Меркемъ Эврардъ? спрашивалъ этотъ голосъ: насмотрѣвшись на столько кровопролитій и столько настрадавшихся, стала ли Англія счастливѣе? И въ состояніи ли даже этотъ независимый парламентъ, или остатокъ его, бороться столько же съ предпріимчивымъ сколько непроницаемымъ въ своихъ намѣреніяхъ полководцемъ, который безусловно владѣетъ сердцами своихъ солдатъ? И этотъ завоеватель, держащій уже въ рукахъ судьбу всего народа, откажется ли отъ своей власти, оттого только что, по ученіямъ партій, изъ которой онъ вышелъ, ему слѣдовало бы воротиться въ ряды подданныхъ?

Меркемъ не смѣлъ поручиться за такое самоотверженіе со стороны Оливера Кромвеля, и между тѣмъ какъ всѣ эти мысли бродили у него въ головѣ, примѣтилъ еще неотправленное письмо, которое ночью написалъ. Вспоминая содержаніе этого письма онъ колебался, отправить ли, и обдумывалъ, до какой степени будетъ связанъ съ судьбою этого человѣка, до какой степени принужденъ будетъ поддерживать его даже во всѣхъ честолюбивыхъ замыслахъ, когда письмо дойдетъ по назначенію.

— Но такъ должно! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: изъ всѣхъ партизановъ, терзающихъ другъ друга, онъ самый сильный, самый мудрый, самый умѣренный, и, какъ бы ни честолюбивъ онъ былъ, онъ, можетъ-быть, еще не самый опасный. Нужно кому-нибудь довѣрить власть, чтобы возстановить поря-

докъ и спокойствіе, а кто жъ можетъ-быть сильнѣе того, который стоитъ во главѣ всего войска? Что бы ни случилось потомъ, миръ и сила законовъ должны быть первою нашею заботой.

Побѣдивъ такимъ образомъ свои сомнѣнія, Меркемъ укрѣпился въ намѣреніи остаться на сторонѣ Кромвеля въ борьбѣ, которая должна была вспыхнуть между гражданскою и военною властями.

Онъ не могъ однакожъ не затрепетать при мысли, что его отецъ, который прежде почти боготворилъ Кромвеля и видѣлъ въ немъ орудіе спасенія для Англіи, теперь не согласится перейти на его сторону противъ долгаго парламента, гдѣ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, пока болѣзнь не принудила его рѣже показываться въ засѣданіяхъ. Это новое сомнѣніе Меркемъ разсѣялъ нетруднымъ соображеніемъ, что отцу его невозможно будетъ не смотрѣть на вещи съ той же точки, съ какой онъ ихъ видитъ.

VII.

Рѣшившись наконецъ неотложно отправить письмо къ полководцу, полковникъ Эврдъ подошелъ къ двери, за которою его плѣнникъ Вилдрекъ, судя по звучному храпу, еще поконлся глубокимъ сномъ. Повернувшійся въ большомъ замкѣ ключъ надѣлалъ такого шума, что хотъ не совсѣмъ разбудилъ, однакожъ потревожилъ сонъ арестанта.

— Что, ужъ день насталъ, тюремщикъ? спросилъ онъ, когда Эврдъ подошелъ къ кровати: если бъ у тебя была хотъ кроха человѣческаго чувства, ты принесъ бы по-крайней-мѣрѣ стаканъ вина съ такимъ глупымъ извѣстіемъ. Человѣку вѣдь только одинъ разъ умирать, а горе сушить глотку.

— Вставай, Вилдрекъ! вставай, соня! говорилъ Меркемъ таща своего друга за воротъ.

— Прочь руки! возразилъ тотъ: я, надѣюсь, еще въ состояніи безъ помощи взойти на лѣстницу.

Тутъ онъ открылъ глаза, сѣлъ, съ удивленіемъ осмотрѣлся вокругъ и вскричалъ:

— Годдемъ! Это ты, Меркемъ? А я думалъ, мнѣ ужъ совсѣмъ конецъ пришелъ. Мнѣ снилось, будто съ меня сняли кандалы и передо мной висятъ веревки.... я уже ощущалъ моньковій галстухъ на шеѣ, и все было готово къ воздушной плазкѣ подъ перекадиной.

— Оставь глупости, Вилдрекъ. Демонъ пльаство, которому ты, кажется, продался....

— За бочку рейнвейну. Торгъ мы заключили въ погребѣ.

— Ну, мнѣ нужно быть такимъ же сумашедшимъ какъ ты, чтобы довѣрить тебѣ какое-нибудь порученіе. Ты, кажется, еще не образумился.

— Отчего такъ? Пока спалъ, я думаю, я не много употребилъ хмѣльнаго, развѣ только пиво, которое во снѣ пилъ съ старымъ Ноллемъ и котораго самъ онъ наварилъ. Не принимай такого мрачнаго выраженія, Меркемъ; я тотъ же, что былъ всегда, Роджеръ Вилдрекъ, сущій дикій воронъ, но храбрый какъ вѣтухъ. Я весь твой, связанный услугами, которыя ты мнѣ оказала, *devinctus beneficio*; это, я надѣюсь, добрая латынь. Можетъ ли существовать какое-нибудь дѣло, на которое бы я не хотѣлъ или не поспѣлъ рѣшиться для тебя?.... Да, хотъ бы ты приказалъ выломать чорту зубы, послѣ того какъ онъ позавтракаетъ нѣсколькими круглыми головами!

— Ты, кажется, хочешь свести меня съ ума! отвѣчалъ Меркемъ: я пришелъ довѣрить тебѣ самое важное дѣло, какое имѣю въ мнрѣ, а ты поступаешь и говоришь какъ бѣглый изъ Бедлама. Вчера вечеромъ я снесилъ твое хмѣльное безумство, но какъ свести то же самое сегодня? Ты играешь общею нашею опасностью, Вилдрекъ. Это недостатокъ привязанности; я могъ бы даже сказать, это неблагодарность.

— Нѣтъ, этого не говори, любезный Меркемъ, возразилъ нѣсколько затронутый Вилдрекъ: мы, которые все потеряли въ этихъ плачевныхъ раздорахъ, — которые принуждены жить не изо дня въ день, а изъ часу въ часъ, — у которыхъ нѣтъ вѣрнаго пріюта кромѣ темницы, ни другихъ надеждъ на отдыхъ кромѣ висѣлицы, — мы должна имѣть по-крайней-мнрѣ право весело переносить свою участь, чтобы она не задушила насъ печалью.

Немного раздраженный тонъ, въ которомъ Вилдрекъ сказалъ это, въ свою очередь тронулъ Эврарда. Онъ взялъ друга за руку и крѣпко пожалъ.

— Слова мои оказались тебѣ суровыми, Вилдрекъ, но увѣряю тебя, что они сказаны больше для твоей пользы нежели для моей. Я знаю, что подъ всею твоею вѣтреностью кроется истинная честь и правдивое чувство. Но ты легкомысленъ, безразсуденъ, и я увѣряю тебя, что если ты повредишь себѣ въ дѣлѣ, которое я поручу тебѣ, несчастныя послѣдствія, какія отъ этого могутъ

произойти для меня лично, не огорчать меня столько, сколько мысль, что я подвергъ тебя этой опасности.

— Если ты принимаешь такой тонъ, Меркемъ, отвѣчалъ Вилдрекъ, стараясь разсѣяться, чтобы скрыть чувство совѣсть другаго роду: ты сдѣлаешь насъ ребятами, грудными младенцами, клянусь ефесомъ моей шпаги! Полно, положишься только на меня. Я умѣю быть благоразумнымъ, когда обстоятельства того требуютъ. Никто еще не видалъ меня пьющимъ, когда ждутъ тревоги, и я не проглочу ни одного стакана пива, пока не исполню твоего порученія. Ну, я твой секретарь.... виновать! писецъ. Это письмо, вѣроятно, слѣдуетъ отвести къ Кромвелю. Очень хорошо; доставлю по принадлежности самому старику въ руки, и только поостерегусь, чтобъ у меня при этомъ случаѣ не украли мой скарбъ честности. Но.... милльонъ бомбъ! обдумай еще разъ, Меркемъ. Ты, конечно, не будешь столько безразсуденъ, что перейдешь на сторону этого кровожаднаго звѣря, въ борьбѣ, которая готовится? Прикажи мнѣ лучше всадить ему три дюйма желѣза въ животъ: это будетъ мнѣ пріятнѣе чѣмъ подача такого письма.

— Довольно, Вилдрекъ; это выходитъ уже за предѣлы нашего условія. Если ты хочешь оказать мнѣ услугу, прекрасно; если жъ нѣтъ, я не могу тратить время на разсужденія съ тобой, потому что каждая минута кажется мнѣ вѣчностью, пока это письмо не дошло по назначенію. Это у меня единственное средство доставить нѣкоторое покровительство и прибѣжище моему дядѣ и его дочери.

— А! если въ этомъ дѣло, такъ я не пожалѣю шноръ. Лошадь моя, которую я оставилъ въ Вудстокъ, въ мигъ будетъ готова, и ты можешь разсчитывать, что я буду передъ лицомъ стараго Ноля.... то есть, твоего генерала, хотѣлъ я сказать.... черезъ столько времени, сколько нужно, чтобъ во весь опоръ доскакать до Виндзора. Тамъ, я думаю, я найду твоего друга во владѣніи имуществомъ того, котораго онъ убилъ.

— Ст! ни слова объ этомъ. Послѣ вчерашней нашей разлуки я проложилъ дорогу, по которой тебѣ легче будетъ идти, чѣмъ носить маску, которая такъ плохо вдетъ къ лицу Вилдреку. Въ письмѣ къ генералу я говорю о дурныхъ примѣрахъ и дурномъ воспитаніи, которое ты получилъ....

— Подъ чѣмъ должно разумѣть противное, я надѣюсь, потому что воспитаніе мнѣ дано такое, какого только можетъ пожелать молодой человекъ въ лейсестерскомъ графствѣ, и....

— Выслушай меня, сдѣлай одолженіе. Я говорю ему, что вслѣд-

стѣе этихъ дурныхъ примѣровъ, ты былъ въ некоторое время не-
благонамѣреннымъ и сражался за покойнаго Карла, но что, видя
великія дѣла, сотворенныя генераломъ для англійскаго народа, ты
прозрѣлъ и увидѣлъ, что онъ призванъ быть небеснымъ орудіемъ
для возстановленія порядку въ этомъ несчастномъ краѣ. Эта ре-
комендація не только заставитъ его не слишкомъ строго судить
твою глупости, — если ужъ нужно, чтобы ты ихъ дѣлалъ, — но
придастъ тебѣ даже въ некоторое значеніе, какъ человѣку, который
привязался къ нему лично.

— Безъ сомнѣнія; всякій рыбакъ находитъ ту форель лучше,
которую самъ поймалъ.

— Я думаю, онъ пришлетъ тебя обратно съ письмомъ, которое
уполномочитъ меня остановить мѣры комиссаровъ и позволить
несчастному сэру Генри Ли провести остатокъ дней посерединѣ ду-
бовъ, которые онъ такъ любилъ. Я убѣдительно прошу объ этомъ
генерала, и надѣюсь, что мы съ отцомъ имѣемъ столько вѣсу,
чтобы позволить себѣ такую просьбу, не опасаясь отказа, особенно
при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Ты понимаешь?

— Въ совершенствѣ. Вѣсь! вѣсь!.... Я почти готовъ лучше
имѣть вѣсь на вислицѣ чѣмъ имѣть дѣло съ этимъ старымъ
разбойникомъ.... Но я сказалъ, что буду повиноваться тебѣ, Мер-
кемъ, и чортъ меня возьми со шкурой, если не сдержу слова.

— Такъ будь же осмотрителемъ. Замѣть себѣ все, что онъ
скажетъ, что сдѣлаетъ.... особенно что сдѣлаетъ, потому что Оли-
вера гораздо легче понять и обсудить по поступкамъ чѣмъ по
словамъ.... Стой! куда же ты? Держу закладъ, что ты побѣжалъ
бы съ пустыми карманами.

— Истинно такъ, Меркемъ. Мой послѣдній червонецъ сплавленъ
вчера въ компаніи твоихъ разбойниковъ Круглоголовыхъ.

— Этой бѣдѣ еще не трудно помочь, сказалъ полковникъ, от-
давая другу свой кошелекъ: но не совершенно ли провѣтренная
ты голова? Поскакать, не взявши, чѣмъ дорогу прокладываютъ!
Что бы ты сталъ дѣлать?

— Право, не догадался подумать.

— Ну, отправляйся теперь, да смотри же, будь остроженъ.
Не водись съ безнравственнымъ знакомствомъ, держи языкъ въ
уздѣ и, главное, берегись бутылки, потому что покуда ты воз-
держенъ, ты не подвергаешься большой опасности. Говори какъ
можно по-меньше, и въ особенности не бранись и не клянись.

— Словомъ, нужно надѣть маску такую же важную в степен-
ную какъ твое лицо, Меркемъ. Хорошо; что касается до наруж-

ности, я думаю, я не хуже тебя сыгравъ роль какого-нибудь Хопъ-онъ-хейгъ-Бомбея *. Счастливое было время, когда мы съ тобой видѣли Милльза въ этой роли на Театрѣ Фортуны, — когда мои вышитые камзолы и чертики еще не были проиграны и когда у тебя еще не было ни насупленныхъ бровей ни пуританскихъ вздерженныхъ усовъ.

— Времена, о которыхъ ты говоришь, Виддрекъ, похожи на большую часть мірскихъ удовольствій: они были сладки устамъ и горьки сердцу. Но отправляйся. Воротишься съ отвѣтомъ, такъ найдешь меня или здѣсь или въ гостинницѣ Святаго Георгія, въ Вудстокѣ. Счастливаго пути. Смотри, будь остороженъ.

Виддрекъ ушелъ, а полковникъ остался на нѣсколько времени погруженный въ глубокую думу.

— Я не думаю, что слышномъ мною сказалъ генералу, разсуждалъ онъ: разрывъ у него съ парламентомъ кажется неизбежнымъ и снова можетъ повергнуть Англію въ ужасы междоусобій. Мой посланный можетъ не понравиться ему, но я не очень опасуюсь этого: Кромвель знаетъ, что я ничего не доверю тѣмъ, на которыхъ не могу возложить навѣрное, и онъ довольно опытенъ, чтобъ знать, что въ самыхъ строгихъ и въ самыхъ несвязныхъ сектахъ есть люди, всякіе по два лица подъ одною шляпою.

VIII.

Оставимъ полковника Эврарда съ его думами и послѣдуемъ за его веселымъ другомъ, кавалеромъ Виддрекомъ, который, прежде чѣмъ сѣлъ на коня, въ гостинницѣ Святаго Георгія, не упустилъ принять нѣсколько яицъ приправленныхъ нѣсколькими стаканами мускатнаго вина, чтобы быть въ состояніи выдержать утренній вѣтеръ.

Хотя Виддрекъ увлекался необычайною необузданностью, которой предавались кавалеры, какъ-будто для того, чтобъ во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлаться противоположностью своихъ строгостенныхъ враговъ, однакожъ онъ происходилъ изъ хорошаго дому, былъ хорошо воспитанъ, одаренъ природными талантами и сердцемъ, котораго не могли испортить кутежъ и разгульная жизнь вольнаго кавалера. И въ эту минуту онъ волновался чувствованіями, какихъ можетъ быть никогда въ жизнь свою не испытывалъ.

Какъ роялисть, онъ ненавидѣлъ Кромвеля, и, во всякихъ дру-

* Пуританскъ, въ одной комедіи Бюона и Флечера.

гихъ обстоятельствахъ, конечно, лучше желалъ бы видѣть его на полѣ сраженія, гдѣ съ удовольствіемъ помѣнялся бы съ нимъ нѣсколькими пистолетными выстрѣлами. Но къ этой ненависти примѣшивалась еще нѣкоторая степень страха. Всегда побѣждавшій въ сраженіяхъ примѣчательный человекъ, къ которому приближался Вилдрекъ, приобрѣлъ большое вліяніе даже на умы своихъ враговъ: оди всѣ, ненавидя, страшились его, а у Вилдрекъ ко всему этому прибавлялось еще безпокойное любопытство, которое составляло отличительную черту его характера. Давно уже не имѣя почти ни какихъ собственныхъ дѣлъ и будучи отъ природы безпеченъ, Меркеновъ посолъ занимался теперь преимущественно однимъ любопытствомъ.

— Какъ бы то ни было, говорилъ онъ самъ себѣ, а всѣ-таки мнѣ пріятно будетъ видѣть этого стараго шута... хоть бы только длятого чтобъ можно было сказать — я видѣлъ его.

Онъ прибылъ въ Виндзоръ послѣ обѣда и крѣпко соблазнился желаніемъ предварительно завернуть въ кое-какія заведенія, которыя прежде, въ болѣе счастливыя времена, посѣщалъ, когда случалось бывать въ этомъ городѣ, однако храбро выдержалъ искушеніе и остановился въ главной гостинницѣ, которой прежняя выѣзка «Къ Подвязкѣ» давно уже исчезла. Самъ содержатель, котораго Вилдрекъ, человекъ весьма свѣдущій по части тавернъ и трактировъ, помнилъ какъ блестящаго представителя своего сословія, какъ настоящаго хозяина * Елисаветинской школы, и тотъ приоровилъ свое обхожденіе и поведеніе къ духу времени: говоря о парламентѣ вздергивалъ голову; держалъ вертелъ съ важностью великаго жреца, который готовится къ жертвоприношенію; желалъ Англіи благополучнаго конца всѣхъ испытаній и громко восхвалялъ его превосходительство лорда-генерала. Вилдрекъ примѣтилъ также, что вино у него лучше обыкновеннаго, и заключилъ, что пуритане должны обладать особеннымъ даромъ открывать подлоги въ этомъ отношеніи. Еще онъ замѣтилъ, что мѣры уменьшились пропорціонально возвышенію цѣнъ, и что хозяинъ гораздо больше прежняго сталъ говорить о своей совѣсти.

Отъ этой важной особы Вилдракъ узналъ, что лордъ-генералъ доступенъ каждому, и что можно быть принятымъ завтра же утромъ въ семь часовъ, безъ всякихъ затрудненій: стоитъ толь-

* Слово хозяинъ, *china host* въ Англіи обратилось какъ бы въ собственное имя каждаго трактирщика.

ко явиться во дворецъ и объявить себя курьеромъ, посланнымъ къ его превосходительству.

Вилдрекъ къ назначенному часу отправился во дворецъ. Часовой въ красномъ мундирѣ, съ пуританскою важностью на лицѣ и съ ружьемъ на плечѣ, стоявшій у первыхъ воротъ, выпустилъ его безъ всякаго спросу. Вилдрекъ прошелъ черезъ дворъ и взглянулъ на прекрасную капеллу, въ которой незадолго до того схоронили Карла-Перваго. Какъ ни безпеченъ былъ Вилдрекъ, это воспоминаніе произвело на него глубокое впечатлѣніе; онъ даже готовъ былъ воротиться, такъ противно ему показалось взглянуть на лицо мрачнаго и дерзкаго солдата, которому изъ всѣхъ актеровъ этой кровавой трагедіи въ особенности слѣдовало приписать ея роковую развязку. Однакожъ онъ почувствовалъ необходимость укротить свое чувство и исполнить порученіе друга, которому былъ такъ много обязанъ.

У подъѣзду, подлѣ Круглой-Башни, онъ взглянулъ на мѣсто, гдѣ обыкновенно развѣвался флагъ съ гербомъ Англіи. Флагъ нечезъ со всѣми своими блестящими атрибутами, съ королевскими гербами и богатымъ шитьемъ. Тамъ былъ уже другой флагъ, бѣлый съ краснымъ, и съ крестомъ Святаго Георгія; однакожъ еще не было діагональнаго креста шотландскаго, который прибавленъ послѣ въ знакъ побѣды Англіи надъ старинною своею соперницей. Эта переиѣна, конечно, неспособна была переиѣнить печальное направленіе мыслей курьера. Эти мысли, противъ обыкновенія, занимали его до такой степени, что онъ очнулся тогда только, когда вздрогнулъ отъ зазвенѣвшаго на каменныхъ плитахъ желѣзнаго приклада, и когда часовой довольно грубо спросилъ:

— Кто идетъ?

— Курьеръ, съ письмомъ къ лорду-генералу.

— Подождите, я дамъ знать дежурному.

Капралъ явился. Отъ солдатъ, которыми командовалъ, онъ отличался женевскимъ отложнымъ воротникомъ двойной ширины, шляпою вдвое выше, одеждою попросторнѣй и тройною порціей важности. По фізіономіи его видно было, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дикихъ энтузіастовъ, которымъ Оливеръ большею частію былъ обязанъ своими успѣхами и которые своимъ религіознымъ одушевленіемъ становились такъ страшны храбрымъ кавалерамъ, отчаянно и напрасно истощавшимъ всѣ силы на защиту короны и особы своего государя. Онъ посмотрѣлъ на Вил-

дрекъ торжественно, какъ-будто мысленно обозрѣвалъ всѣ черты и одежду, и потомъ спросилъ, что ему нужно.

— У меня есть дѣло, отвѣчалъ онъ такъ твердо какъ только могъ, потому что жгучій взглядъ пуританина произвелъ на него не очень пріятное впечатлѣніе: дѣло до вашего генерала.

— Вы хотите сказать, до его превосходительства лорда-генерала? зашѣтилъ капралъ: ваши рѣчи, любезный другъ, недостаточно отзываются уваженіемъ, должнымъ его превосходительству.

— Чортъ бы побралъ его превосходительство! подумалъ Вилдрекъ, но благоразуміе стерегло его языкъ и не позволило опаснымъ словамъ сорваться.

Онъ молча поклонился.

— Ступайте за мною, сказалъ дородный и важный капралъ, и Вилдрекъ пошелъ за нимъ въ караульню.

У огня сидѣло человекъ пять солдатъ, изъ которыхъ одинъ толковалъ товарищамъ ученія своей секты. Ораторъ началъ говорить вполголоса, впрочемъ очень бойко, но по мѣрѣ развитія рѣчи голосъ его возвышался и къ концу сталъ рѣзокъ и звонокъ, какъ-будто требовалъ или быстрога возраженія или безмолвія убѣжденныхъ. Товарищи слушали его съ непоколебимою важною и отвѣчали только клубами табачнаго дыму, который какъ туманъ ложился по огромнымъ усамъ. На скамьѣ лежалъ солдатъ оборотивъ лицо къ землѣ; спалъ онъ или погружался въ размышленіе, трудно было рѣшить.

Посреди комнаты офицеръ, — какъ надо было полагать по шитой перевязи и шарфу, хотя прочая одежда была очень проста, — занимался обученіемъ дюжаго рекрута и проходилъ съ нимъ *руководство*, какъ тогда выражались. Въ этомъ руководствѣ заключалось около двадцати различныхъ приемовъ и столько же техническихъ терминовъ для команды. Пока всѣ эволюціи не были выполнены отъ начала до конца, капралъ не позволилъ Вилдреку ни сѣсть, ни даже пройти далѣе порогу. Онъ привужденъ былъ выслушать, какъ офицеръ командовалъ — Ружье къ ногѣ! — На плечо. — Къ заря-дѣ! и множество другихъ вещей, пока урокъ не кончился опять словомъ — Ружье къ ногѣ!

— Какъ твое имя? спросилъ тогда офицеръ у рекрута.

— Ефремъ! отвѣчалъ тотъ на-распѣвъ въ носъ.

— А еще какъ?

— Ефремъ Коббъ, изъ святаго града Глочестра, гдѣ служилъ

сень лѣтъ ученикомъ у благочестиваго башиачиника, пропѣлъ ро-крутъ.

— Честное ремесло, сказалъ офицеръ: но служба съ нами ты можешь быть уверена, что будешь воставленъ выше шила и по-лодки.

Этотъ бѣдный опытъ шутки сопровождала улыбка, въ кото-рой также было очень мало привлекательнаго.

— Ну, что, капралъ, что новаго? спросилъ потомъ офицеръ, обратясь къ провожатому Вилдрекъ.

— Вотъ курьеръ съ письмомъ къ вашему превосходительству, отвѣчалъ капралъ: но сердце мое не радуется на него; онъ на-дется мнѣ волкомъ въ овечьей шкурѣ.

Тогда Вилдрекъ узналъ, что находится передъ примѣчатель-нымъ человѣкомъ, къ которому былъ посланъ, и сталъ неснѣжно соображать, какъ ему съ нимъ говорить.

Физиономія Оливера Кромвеля, какъ извѣстно, вовсе не распо-лагала въ его пользу. Онъ былъ средняго росту, крѣпкаго, угло-ватаго сложения; имѣлъ черты грубыя и суровыя, но обнаружи-вавшія много природной провицательности и глубокомыслія; гла-за сѣрые, быстрые, и носъ самымъ большимъ относительно къ другимъ частямъ лица.

Рѣчь его, когда онъ хотѣлъ, чтобы его ясно понимали, была сильна и выразительна, но лишена всякой гибкости и изящества. Въ сжатости слогу никто въ его время не могъ сравниться съ нимъ; никто не умѣлъ такъ рѣшительно и много выразить въ немногихъ словахъ. Но зато когда хотѣлъ играть роль орато-ра, — какъ часто случалось, — только для того чтобы занять уши не обременяя ума слушателей, онъ обыкновенно облачалъ свою мысль, — или то, что казалось его мыслью, — въ такой туманъ словъ, загромождалъ столькими оговорками и исключеніями, и заходилъ въ такую трущобу отступленій, что ничего подобнаго никогда не удавалось создать самымъ неудобосваримымъ орато-раторамъ, какіе когда-либо интриговали слушателей. Одинъ исто-рикъ давно сказалъ, что собраніе рѣчей, произнесенныхъ протек-торомъ, составило бы книгу, въ которой всего меньше найдется здраваго смысла. Но слѣдовало прибавить, что никто не умѣлъ вложить въ рѣчь столько силы, точности и ясности, сколько Кромвель, когда онъ дѣйствительно хотѣлъ, чтобы то, что онъ скажетъ, было хорошо понято.

Замѣчено также, что Кромвель, хотя родился отъ хорошей фа-милиі, какъ съ отцовой такъ и съ матерней стороны, и полу-

челъ прѣдличное воспитаніе, однакожъ въ обращеніи вѣсегда не могъ пріобрѣсть доску вѣжливости, обыкновенной въ высшихъ классахъ общества, или по-крайней-мѣрѣ всегда пренебрегалъ этикъ. Манеры его были отрывисты и иногда даже грубы; между-тѣмъ въ нихъ, такъ же какъ и въ рѣчахъ его, проявлялась энергія, которая внушала страхъ, если не вынуждала уваженія. Бывали также минуты, когда этотъ ирраціональнѣйшій и утонченнѣйшій умъ разсвертывался такъ, что почти внушала привязанность. Перывающіи онъ обнаруживалъ и расположеніе къ шутливости, но шутки его были большею частью грубы и низки. Характеръ его представлялъ нѣчто образующее отличительныя черты общаго, національнаго у Англичанъ: онъ презиралъ дурачества, ненавидѣлъ взысканность и жеманство, и терпѣть не могъ церемоній, что, вмѣстѣ съ неоспоримымъ здравымъ смысломъ и мужествомъ, дѣлало его во многихъ отношеніяхъ довольно вѣрнымъ представителемъ англійской демократіи.

Убѣжденія его всегда будутъ составлять сомнительный вопросъ, котораго онъ, быть-можетъ, и самъ не сумѣлъ бы раздѣлать. Безъсомнѣнія, въ его жизни есть эпоха, когда онъ былъ искреннимъ энтузіастомъ и когда его природный характеръ, подверженный легкимъ припадкамъ нисхождѣн, былъ сильно пропитанъ фанатизмомъ, который тогда имѣлъ такое сильное вліяніе на многихъ. Съ другой стороны, политическое его помярше представляетъ нѣсколько періодовъ, въ которыхъ его безъ несправедливости можно обвинять въ притворствѣ и лицемеріи. Его, такъ же какъ и многихъ другихъ людей его вѣка, вѣроятно, можно будетъ обсудить безошибочно, предположивъ, что религиозное рвеніе ихъ происходило столько же отъ внутренняго убѣжденія, сколько отъ побужденій личвой выгоды. Сердце человѣческое такъ же ловко обманываетъ себя какъ и другихъ, такъ, что довольно вѣроятно, что ни Кромвель ни другіе, подобно ему щеголявшіе набожностью, не могли бы съ точностью указать черты, гдѣ оканчивалась истинная ихъ восторженность и гдѣ начиналось лицемеріе; лучше же всего сказать, на это вовсе не было положительной границы: она передвигалась то впередъ, то назадъ, смотря по удачамъ и неудачамъ, добродушію и неблагопріятному расположенію духа у каждаго лица.

Таковъ былъ знаменитый человѣкъ, который обратясь къ Вилдону и осмотрѣвъ его со вниманіемъ, казалось, такъ мало остался доволенъ видѣннымъ, что неистинное движеніе побудило его приходить перавазъ, чтобы дѣнная шнага была ближе подѣ

рукой. Однако жъ онъ скрестилъ руки на груди, какъ-будто другая мысль заставила отбросить подозрѣніе или разсудить, что подобная предосторожность ниже его, и спросилъ гостя, кто онъ и откуда.

— Бѣдный джентльменъ, сэръ.... милордъ.... изъ Вудстона, отвѣчалъ Вилдрекъ.

— А съ какими вы вѣстями, сэръ *джентльменъ*? спросилъ Кромвель съ удареніемъ на этомъ словѣ: я видѣлъ многихъ, придававшихъ себѣ этотъ титулъ, и нашелъ, что несмотря на свое джентльменство, они не были ни умны, ни храбры, ни добродѣтельны. Между-тѣмъ титулъ джентльмена былъ въ почетѣ въ старой Англіи, когда лучше помнили значеніе этого слова.

— Ваша правда, сэръ, отвѣчалъ Вилдрекъ, не безъ труда подавляя нѣсколько сильныхъ выраженій, которыми обыкновенно украшалъ свою рѣчь: прежде бывало джентльменовъ видѣли тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть, а нынче свѣтъ совсѣмъ измѣнился; шитая перевязь уступила мѣсто кожаному фартуку.

— Это ты мнѣ говоришь? спросилъ генералъ: ты, видно, молодецъ очень бойкій, что выражаешься такъ вольно. Ты издаешь слишкомъ высокой тонъ; сомнительно, чтобъ ты былъ изъ хорошаго металла. Чтò тебѣ нужно? съ чѣмъ ты?

— Съ письмомъ отъ полковника Меркема Эврарда къ вамъ, сэръ, отвѣчалъ Вилдрекъ.

— А! стало-быть, я ошибся на счетъ тебя? сказалъ Кромвель, смягчивъ голосъ при имени чловѣка, котораго желалъ шокрѣнче привязать къ своей партіи: извини, другъ.... Я не сомнѣваюсь, что ты нашъ другъ.... Садисі здѣсь и предайся какому-нибудь благочестивому размышленію, пока мы прочитаемъ это письмо.... Позаботиться о гостѣ, и дать всего, чтò ему нужно.

Съ этими словами генералъ вышелъ изъ караульни, а Вилдрекъ сѣлъ въ уголъ и терпѣливо ждалъ слѣдствій посольства.

Солдаты теперь сочли себя обязанными обойтись съ нимъ болѣе уважительно: они предложили ему трубку табаку и кружку октябрьскаго пива. Но несмотря на вниманіе Кромвеля, опасность какой подвергался, если будетъ узнавъ, побудила Вилдрека отказать отъ всякаго угощенія. Онъ прислонился къ спинкѣ стула, притворился спящимъ и избѣжалъ такимъ образомъ обязанности принять участіе въ разговорахъ.

Наконецъ какой-то адъютантъ или офицеръ изъ Кромвелевой свиты пришелъ звать его къ генералу. Онъ ввелъ его во дворецъ черезъ калитку, и по нѣсколькимъ корридорамъ и лѣстни-

щамъ довелъ наконецъ до небольшого кабинета. Мебель, очень пышная, была еще украшена шифромъ покойнаго короля, но почти ни одна вещь не стояла на своемъ мѣстѣ, все было въ безпорядкѣ. Нѣкоторыя картины, въ великолѣпныхъ рамахъ, были сняты и стояли прислоненныя лицомъ къ стѣнѣ, какъ будто ихъ собирались вынести.

Посреди этого безпорядку республиканскій генералъ сидѣлъ на большомъ креслѣ, котораго великолѣпная парчевая обивка и украшенія составляли разительную противоположность съ чрезвычайною простотой и даже небрежностью одежды генерала. Однакожь фizioномія и обращеніе этого человѣка доказывали, что онъ не считалъ сляшкомъ важнымъ для себя мѣста, на которомъ прежде сидѣлъ король.

Видрекъ стоялъ передъ Кромвелемъ, и тотъ не просилъ его садиться.

— Персонъ, сказалъ Кромвель офицеру: оставайтесь въ галереѣ, и не отходите, чтобъ слышать, когда я кликну.

Офицеръ поклонился и хотѣлъ идти; генералъ прибавилъ:

— Кто тамъ есть, въ галереѣ?

— Достойный мистръ Гордонъ, вашъ капелланъ, сейчасъ говорилъ рѣчь полковнику Овертону и четверымъ капитанамъ полка вашего превосходительства.

— А! хорошо. Мы желаемъ, чтобъ въ нашемъ жилищѣ не было ни одного угла, въ которомъ бы души алчущихъ божественнаго слова не могли обрѣсти духовной манны. Вдохновенно ли говорилъ достойный капелланъ?

— Вдохновенно и пламенно, милордъ. Онъ говорилъ о законныхъ правахъ, какія армія и особенно ваше превосходительство приобрѣла, ставъ орудіями великаго дѣла. Онъ говорилъ, что орудій не слѣдуетъ бросать и ломать, когда проходитъ день ихъ службы, а слѣдуетъ сохранять, уважать какъ драгоценность, за продолжительную и вѣрную службу, зато что они сражались, трудились, постились, молились, переносили холодъ и нужду, между-тѣмъ какъ многіе другіе, которымъ хотѣлось бы видѣть ихъ уничтоженными, оставленными, усланными, только жврѣють, питаются сокомъ отечества, и помышляютъ только о питіяхъ и увеселеніяхъ.

— Достойный человѣкъ! Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво? Я тоже могъ бы по этому предмету наказать вещей, которые... но не теперь. Ступай въ галерею, Персонъ. Пусть друзья наши не расстаются съ оружіемъ, пусть бодрствуютъ и молятся.

Персонаж вышелъ. Генералъ, держа Эвардово письмо въ рукахъ, простоялъ нѣсколько времени съ устремленными на Вилдрека глазами, какъ будто обдумывалъ, что сказать.

Отворивъ наконецъ уста, онъ произнесъ одну изъ тѣхъ рѣчей, на которыя мы уже намекали и которыя такъ затруднили уразумѣніе того, что онъ хотѣлъ сказать, — если только онъ и самъ зналъ это. Передавая, и мы постараемся быть столько краткими, сколько только позволяеть наше желаніе привести собственные слова этого примѣчательнаго человѣка:

— Ты привнесъ мнѣ это письмо, сказалъ онъ, отъ твоего господина, или покровителя, Меркема Эварда, храбрѣйшаго и достойнѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо носившихъ шпагу, отъ человѣка, который отличился въ великомъ дѣлѣ освобожденія трехъ бѣдныхъ и несчастныхъ націй.... Не отвѣчай мнѣ! я знаю, что ты хочешь сказать.... И для доставленія мнѣ этого письма, онъ избралъ тебя, писца, секретаря своего, человѣка, которому онъ вполне довѣряетъ, и которому меня также просить довѣриться, чтобъ мы между собою имѣли вѣрнаго и исправнаго посла.... Не отвѣчай мнѣ! знаю, что ты хочешь сказать.... И наконецъ онъ прислалъ тебя ко мнѣ, ко мнѣ, который считаетъ себя человѣкомъ столько мало важнымъ, что почелъ бы себя за честь носить только сержантскую алебарду въ этой великой и достоуважаемой арміи англійской, а между-тѣмъ находить себя возведеннымъ на степень главнокомандующаго этой арміи и владѣющаго вѣрными ему военачальническими жезломъ!.... Еще разъ повторю тебѣ, не отвѣчай мнѣ; я знаю, что ты хочешь сказать.... Следовательно, между-тѣмъ какъ мы разсуждаемъ такимъ образомъ между собою, наша рѣчь, относительно того, что я сейчасъ сказалъ, касается трехъ предметовъ, или раздѣляется на три отдѣленія, — во-первыхъ, о томъ, что принадлежитъ до твоего господина и покровителя, за-тѣмъ о томъ, что относится къ намъ и къ занимаемому нами положенію, и наконецъ о томъ, что касается до тебя лично. Что касается до храбраго и достойнаго всякаго уваженія полковника Меркема Эварда, то по справедливости нужно сказать, что онъ во все продолженіе этихъ несчастныхъ смутъ велъ себя какъ прилично мужу, не совращаясь ни вправо ни влево, но всегда имѣя въ виду цѣль, къ которой надлежало стремиться. Да! онъ, понестигъ, мужъ пресвободный чести и вѣрности, человѣкъ, который можетъ называть меня своимъ другомъ, и я въ восхищеніи, что онъ оказываетъ мнѣ эту честь. Тѣмъ не менѣе однакожъ въ

этой юдоли скорби мы должны управляться и руководствоваться не столько частными нашими отношеніями и личными привязанностями, сколько великими началами и законами долга, съ которыми достойный полковникъ Меркемъ Эвардъ всегда сообразовался въ своихъ поступкахъ и съ которыми я также, по истинѣ, всегда стараюсь сообразовать свои, дабы всё мы могли дѣйствовать, какъ надлежитъ истиннымъ Англичанамъ и достойнымъ патриотамъ. Чтò касается до Вудстока, полковникъ требуетъ у меня великой вещи, когда желаетъ исключить это мѣстѣ изъ массы добычи, принадлежащей Израилю, и довѣрить сохраненіе его Моавитамъ, преимущественно же неблагонамѣренному Генри Ли, котораго рука всегда вооружалась противъ насъ, лишь только онъ находилъ случай поднять ее. Я говорю, что полковникъ требуетъ великой вещи, какъ въ томъ, чтò касается до насъ, такъ и въ томъ, чтò относится къ нему самому, потому что мы, составляющіе эту бѣдную, но великую армию англійскую, мы въ глазахъ парламента — исполнители, которые принуждены отдать въ его распоряженіе все, чтò добудемъ своими трудами, и не имѣемъ ни какого права удѣлить себѣ часть добычи, точно такъ же какъ псы, затравившіе оленя, не имѣютъ права насытиться имъ, но отговяются ударами плети, какъ бы заслужившіе наказанія, а не награды за свои услуги.

Роджеръ Вилдрекъ выслушалъ разсужденіе лорда генерала со всѣмъ вниманіемъ, къ какому былъ способенъ, однако жъ умъ его такъ заблудился въ лабиринтѣ длинныхъ фразъ, что онъ чувствовалъ такое же смущеніе какъ поселянинъ, который въ первый разъ въ жизни попалъ въ городъ, въ середину толпы и множества экипажей, и не знаетъ какъ ступить, чтобъ уклониться отъ одного и не быть раздавленнымъ колесами другаго.

Генералъ видѣлъ его замѣшательство и началъ другую рѣчь въ томъ же духѣ. Онъ распространился о своей привязанности къ доброму другу полковнику; говорилъ о вниманіи, которымъ обязанъ своему достойному и благочестивому родственнику Дизбро; выставилъ на видъ то важность дворца и парка вудстокскаго, и рѣшеніе парламента конфисковать это мѣстѣ въ пользу казны, то глубокое уваженіе къ власти парламента, то выражалъ свое не менѣе глубокое сожалѣніе о несправедливости этого уважаемаго парламента къ арміи, и прибавилъ, что желаетъ и хочетъ, чтобы всё дѣла устроились самымъ мирнымъ и дружественнымъ образомъ, безъ преній, безъ споровъ, безъ своекорыстныхъ видовъ, между тѣми, которые были дѣйствующими руками,

и тѣмъ, которые занимали мѣсто управляющей головы въ этомъ великомъ подвигѣ; что онъ готовъ, совершенно готовъ содѣйствовать этому устройенію и не только отказаться отъ своего сана, но даже пожертвовать жизнью, если этой жертвы отъ него потребуютъ и если она можетъ быть соглашена съ обезпеченіемъ участи его солдатъ, несчастныхъ существъ, которымъ онъ обязавъ замѣнять отца, потому что они слѣдовали за нимъ съ привязанностью дѣтей.

Здѣсь онъ опять отдохнулъ и оставилъ Вилдрекъ въ такомъ же недоумѣніи насчетъ вопроса, имѣетъ онъ или не имѣетъ намѣренія дать полковнику Эверарду желаемое полномочіе на огражденіе Вудстока отъ парламентскихъ комиссаровъ. Въ душѣ Вилдрекъ начиналъ уже питать надежду, что небесное правосудіе и угрызения совѣсти повредили разсудокъ у стараго Ноля. Однако нѣтъ; въ быстромъ и строгомъ взорѣ генерала нельзя было отыскать ничего кромѣ глубокаго соображенія и проникательности: между-тѣмъ какъ языкъ плелъ эту широкую съѣзупутанныхъ ничего незначащихъ фразъ, взоръ внимательно наблюдалъ за дѣйствіемъ краснорѣчія на слушателя.

— Бѣсъ! подумалъ молодой кавалеръ, начиная уже нѣсколько знакомиться съ своимъ положеніемъ, но и терять терпѣніе въ продолжительной бесѣдѣ, которая, казалось, не вела ни къ какому заключенію: но погоди же ты, старый! я не позволю тебѣ долго водить меня за носъ. Я скоро поверну дѣломъ, если оно пойдетъ все такимъ образомъ, и посмотрю, неужели нѣтъ возможности выдать изъ тебя хоть одно толковое слово.

Задумавъ это смѣлое предпріятіе, но опасаясь еще исполнить его, Вилдрекъ ждалъ удобнаго случая къ попыткѣ, а Кромвель, казалось, не въ состояніи былъ выразить свои намѣренія яснѣе: онъ началъ было третью похвальную рѣчь полковнику Эверарду съ присовокупленіемъ различныхъ увѣреній въ своемъ желаніи сдѣлать ему пріятное, но Вилдрекъ воспользовался новой ораторской паузой генерала и въ свою очередь заговорилъ.

— Если ваше превосходительство позволите мнѣ сдѣлать замѣчаніе, сказалъ онъ, я осмѣлюсь доложить, что вы изволили уже говорить по двумъ статьямъ нашего предмета, — о томъ, что касается до вашего превосходительства, и о томъ, что касается до моего покровителя, — но, чтобы поставить меня въ состояніе исполнить возложенное на меня порученіе, мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ сказать что-нибудь и по третьей статьѣ.

— По третьей статьѣ! повторилъ Кромвель.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Въ введеніи и раздѣленіи предмета вашей рѣчи третья статья имѣла нѣкоторое отношеніе къ вашему нижайшему и недостойнѣйшему слугѣ, ко мнѣ, то есть. Что мнѣ прикажете дѣлать? Какая будетъ моя доля?

Тотъ у Оливера мгновенно переимѣнился, и голосъ, до-сихъ-поръ походившій на голосъ ласковаго кота, обратился въ глухой ревъ тигра, готоваго броситься на добычу.

— Твоя доля! вскричалъ онъ: твоя доля, картожникъ! твоя доля — красоваться на висѣлицѣ подобной Амановой, если ты дерзнешь измѣнить моей тайнѣ. Но, — прибавилъ онъ, смягчая выраженіе, — если ты вѣрно сохранишь ее, я что-нибудь сдѣлаю для тебя. Слушай, у тебя нѣтъ недостатка въ отважности, — у тебя ее даже слишкомъ много; ты былъ неблагонамѣреннымъ, — достойный другъ мой, полковникъ Эврдъ, пишетъ мнѣ объ этомъ, — но ты покинулъ это отчаянное дѣло. Я не звѣрь кровожадный, и знаю брѣзливость человѣческую. Но, другъ, кто однажды приложилъ руку къ сохѣ на свершеніе великаго подвига, тотъ ужъ не оглядывайся назадъ, потому что, вѣрь мнѣ, если ты обманешь меня, я не прошу тебѣ ни даже одной пядени вышинны Амановой висѣлицы. Теперь скажи мнѣ однимъ словомъ, совершенно ли вышла изъ твоего сердца закваска неблагонамѣренности?

— Вы, ваше превосходительство, свершили такіе подвиги, и такъ хорошо перетерли насъ, отвѣчалъ Вилдрекъ почесывая плечи, что неблагонамѣренности ужъ трудно найти себѣ мѣста.

— Ты думаешь? сказалъ генералъ съ улыбкой, которая доказывала, что онъ не совсѣмъ нечувствителенъ къ лести: я согласенъ; ты въ этомъ не солгалъ. И, какъ я уже далъ тебѣ уразумѣть, мы не столько строги къ вооружавшимся на насъ неблагонамѣреннымъ, какъ могли бы быть другіе. Парламентъ знаетъ свои выгоды и свою волю, но по моему смиренному мнѣнію, давно пора кончить эти раздоры и дозволить людямъ всѣхъ партій оказывать услуги своему отечеству; по этому, я полагаю, ты самъ будешь виноватъ, если не найдешь себѣ мѣста, съ пользою для отечества и для себя. Ты долженъ только совершенно бросить прежніе обычаи, сдѣлаться совершенно другимъ человѣкомъ, и обратить полное свое вниманіе на то, что я теперь скажу тебѣ.

— Не извольте сомнѣваться въ моемъ вниманіи, ваше превосходительство, отвѣчалъ Вилдрекъ.

Генераль, помолчать, какъ человѣкъ, никого не удостоивающій своего довѣрія необдуманно, началъ излагать свои виды съ чрезвычайною ясностью, хотя отъ времени до времени и впадалъ опять въ свою привычку къ оговоркамъ, которую совершенно терялъ только на полѣ сраженія.

— Ты видишь, другъ, сказалъ онъ, въ какомъ положеніи я нахожусь. Парламентъ не любитъ меня; пусть всякій знаетъ это: какая мнѣ надобность. Государственный совѣтъ, посредствомъ котораго онъ управляетъ пружинами исполнительнѣйшей власти, любить меня еще меньше. Я не могу объяснить, отчего они возымѣли подозрѣнія на меня; развѣ только потому что я не хочу пожертвовать пользами этой бѣдной и невинной арміи, которая слѣдовала за мною въ столькихъ военныхъ экспедиціяхъ, — не хочу видѣть ее сокращенною, раздробленною, распущенною, такъ, чтобъ тѣ, которые своею кровью охраняли отечество, не имѣли, можетъ-быть, даже средствъ къ обезпеченію существованія собственнымъ своимъ трудомъ. Кажется, это было бы жестоко: это значило бы похитить у первороднаго право первородства, не давъ ему даже лоскутка бараньей шкуры.

— Я думаю, что первородный самъ догадается обезпечить себя, замѣтилъ Вилдрекъ.

— Ты умно говоришь, возразилъ генераль: не должно голодомъ морить вооруженнаго, когда ему стѣнитъ только взять хлѣбъ, чтобъ насытиться. Да будетъ однакожъ далека отъ меня мысль ободрять возмущеніе или непокорность властямъ. Я желалъ бы только приличнымъ, справедливымъ, кроткимъ и мирнымъ образомъ просить, чтобъ выслушали наши просьбы и усмотрѣли бы наши нужды. Но въ минуту, когда они доказываютъ мнѣ такъ мало вниманія, такъ мало уваженія, съ моей стороны, ты понимаешь, другъ, значило бы идти наперекоръ совѣту и парламенту, если бы я, единственно для угожденія твоему покровителю, сталъ препятствовать комиссіи, дѣйствующей властію парламента, — властію, которая теперь высшая въ государствѣ и, по мнѣ, пусть долго еще будетъ высшею. Исключить имѣніе изъ секвестра, который они опредѣлили! Не обвинять ли они меня и въ покровительствѣ неблагонамѣренному, если я допущу, чтобъ Вудстокъ, этотъ пріютъ суеты и нечестія, остался пріютомъ законному Амалекиту Генри Ли и чтобы этотъ слуга Карла владѣлъ мѣстомъ, гдѣ такъ долго показывалъ намъ свою строптивость? Право, это былъ бы опасный поступокъ.

— Такъ и признаете отвѣтить полковнику Эврарду, что не можете оказать ему пособія въ этомъ дѣлѣ? спросилъ Вилдрекъ.

— Безусловно, да, отвѣчалъ Кромвель, но условіями отвѣтъ можетъ принять другой видъ. Я вижу, ты не въ страхахъ проникнуть въ мои намѣренія, и потому вѣсколько раскрою ихъ тебѣ. Но берегись, чтобы языкъ твой не измѣнилъ моихъ тайнамъ и не презрелъ бы ни слова болѣе того, что я перучу сказать въ отвѣтъ полковнику. Если же ты мнѣ измѣнишь.... свидѣтельница — вся кровь, которая пролита въ это несчастное время... ты упрямъ тысячу смертей въ одной смерти.

— Меня не опасайтесь, милордъ, отвѣчалъ Вилдрекъ, котораго природный, смѣлый и безпечный нравъ прижался какъ соколъ въ присутствіи орла.

— Выслушай же, продолжалъ Кромвель, и чтобы съ языка твоего не сорвалось ни одного слова изъ того, что я скажу тебѣ. Ты не знаешь молодого Ли, что зовутъ Альбертомъ, — таковаго же неблагонамѣреннаго какъ и отецъ? Онъ былъ съ Молодымъ Человѣкомъ въ послѣднемъ сраженіи, которое мы дали въ Ворчестрѣ... да не забудемъ мы медлить за испосланную намъ побѣду!

— Я знаю, что у сэра Генри Ли есть сынъ Альбертъ.

— А не знаешь ты.... я говорю это не для того чтобы выпытать у тебя тайны твоего покровителя, а единственно затѣмъ что мнѣ нужно хорошенько знать это дѣло, чтобы видѣть, чѣмъ могу помочь.... знаешь ты, что полковникъ Эврардъ влюбленъ въ дочь неблагонамѣреннаго кавалера Генри Ли, бывшаго управляющимъ въ Вудстокѣ?

— Я слышалъ объ этомъ и не отрѣкаюсь, что вѣрю слуху.

— Хорошо же, слушай; когда Молодой Человѣкъ, Карлъ Стюартъ, бѣжалъ послѣ ворчестрской битвы и преслѣдовавшіе настигли его такъ близко, что онъ принужденъ былъ отдѣлиться отъ своихъ партизановъ, — я знаю изъ вѣрныхъ рукъ, — этотъ Альбертъ Ли былъ однимъ изъ послѣднихъ, можетъ-быть, самымъ послѣднимъ, который оставался при немъ.

— Да, годдемъ! на это онъ способенъ! вскричалъ Вилдрекъ, забывъ, передъ кѣмъ стоитъ и какъ необходимо было взвѣшивать выраженія: да, я со шпагой въ рукѣ готовъ утверждать, что онъ достойный сынъ своего отца!

— Ты клянешься! сказалъ генералъ: это твое обращеніе?

— Я никогда не клянусь, отвѣчалъ Вилдрекъ, стараюсь поправить промахъ: развѣ только заговорять о неблагонамѣренныхъ

и о кавалерах: тогда старая привычка возвращается, и я брошусь как Амалекитъ.

— Стыдно! сказалъ генералъ: к чему произносить непотребныя слова, которыя оскорбляютъ ухо слушающаго и не могутъ служить впрокъ произносящему ихъ.

— На свѣтъ, конечно, есть грѣхи болѣе полезныя, нежели брань и клятва, хотѣлъ бы сказать кавалеръ, но благоразуміе замѣнило этотъ отвѣтъ выраженіемъ сожалѣнія, что нечаянно вырвалось несчастное слово, которое оскорбило генерала.

Разговоръ принималъ уже оборотъ слишкомъ интересный для Вилдрека, такъ, что онъ рѣшился не упустить случая овладѣть тайной, которая, казалось, уже готова была вырваться у Кромвеля: этого онъ могъ достигнуть не иначе какъ бережно охраняя свои собственныя.

— Какое это зданіе, вудстокскій дворецъ? спросилъ Кромвель, круто переиѣнивъ разговоръ.

— Родъ стариннаго замка, отвѣчалъ Вилдрекъ, и если судить по одной ночи, которую я провелъ тамъ, въ немъ нѣтъ недостатку ни въ потаенныхъ лѣстницахъ и проходахъ ни въ подземныхъ сообщеніяхъ, какія обыкновенно устроивались въ этихъ старыхъ вороньихъ гнѣздахъ.

— И есть, конечно, укромныя мѣста, гдѣ могутъ скрываться пошлы, пашеты, тельцы Бетеля?

— Вѣроятно, есть такія мѣста, можете смѣло поклясться, ваше превосходительство.

— Я никогда не клянусь, отвѣчалъ Кромвель сухо. Но какъ ты думаешь, другъ.... отвѣчай откровенно на мой вопросъ.... Гдѣ ты полагаешь, скрылись эти два бѣглеца изъ Ворчестра?... Надо же имъ было гдѣ-нибудь скрыться. Кажется, всего вѣрнѣе имъ быть въ этой Ложѣ, гдѣ Альберту съ дѣтства извѣстны всѣходы и закоулки.

— Да, сказалъ Вилдрекъ, стараясь отвѣчать съ равнодушнымъ видомъ, между-тѣмъ какъ возможность Кромвелева предположенія представлялась его воображенію во всемъ ужасѣ: да, конечно, я полагалъ бы такъ вмѣстѣ съ вашимъ превосходительствомъ, если бъ тамъ теперь не поселились посланные отъ парламентской комиссіи, которыя, безъсомнѣнія, заставили бѣглецовъ обратиться; притомъ и сосѣдство генераловъ Дизбро и Гаррисона, конечно очень неудобно для нихъ.

— И я такъ думаю, и желаю, чтобъ такъ было, — желаю, чтобъ много прошло времени прежде чѣмъ имена наши перестанутъ

путь поселять ужасъ между нашими врагами. Но, если ты хочешь играть дѣйствительную роль въ этомъ дѣлѣ, — для пользы твоего покровителя, — я думаю, изъ этого обстоятельства ты можешь извлечь нѣчто согласное съ его желаніемъ.

— Умъ мой слишкомъ слабъ, чтобъ проникнуть въ глубину намѣреній вашего превосходительства.

— Такъ выслушай, и воспользуйся. Ворчестрская побѣда, безъ сомнѣнія, великая и рѣшительная милость Божія, по миѣ кажется, ваша признательность будетъ недостаточно выражена, если мы не сдѣлаемъ всего, что только можемъ, чтобы воспользоваться этою побѣдой и довести до благополучнаго окончанія великое дѣло, столько преуспѣвшее въ нашихъ рукахъ, хотя мы въ смиреніи и чистотѣ сердца объявляемъ, что не желаемъ, чтобы міръ помнилъ, что мы были орудіемъ въ этомъ дѣлѣ Божіемъ, а напротивъ, просимъ и молимъ, пусть ния намъ забудется навсегда, лишь бы великій трудъ нашъ не остался недовершеннымъ. Однако жъ намъ, на нашемъ мѣстѣ, больше чѣмъ кому-нибудь важно, — если только такое слабое созданіе какъ человѣкъ можетъ говорить о большемъ или меньшемъ участіи своемъ въ дѣлахъ совершающихся вокругъ него, — не его властію и волею, а волею и опредѣленіемъ судьбы, которой великія онъ призванъ былъ исполнить съ кротостію и смиреніемъ, — намъ больше чѣмъ кому-нибудь важно, говорю я, чтобы все устроивалось сообразно съ великими дѣлами, которыя свершились и совершаются вокругъ насъ въ этой землѣ. Таково мое намѣреніе; оно просто и ясно. Слѣдовательно, очень желательно, чтобы Молодой Человѣкъ, этотъ король шотландскій, — какъ онъ называется, — этотъ Карлъ Стуртъ не могъ убѣжать изъ земли, въ которой прибытіе его причинило столько смутъ и кровопролитія.

— Я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ кавалеръ, потупивъ глаза, что мудрость вашего превосходительства приняла уже всѣ мѣры, могущія привести къ такому концу, и прошу небо воздать вашему превосходительству за всѣ труды... по заслугамъ.

— Благодарю, другъ, сказалъ Кромвель съ смиреннымъ видомъ. Мы, безъ сомнѣнія, получимъ воздаяніе: оно въ рукахъ добраго господина, который никогда не дастъ пройти недѣлѣ безъ того чтобъ не заплатятъ трудившимся. Но пойми меня хорошеенько, другъ, я ничего не желаю кромѣ доли моей въ этомъ добромъ дѣлѣ. Я отъ всей души желаю бы, по мѣрѣ силъ моихъ, оказать всякую услугу твоему господину и даже тебѣ самому, — потому что люди, поставленные такъ какъ мы, сообщаются съ

людьми простаго званія не затѣмъ, чтобъ я присутствіе и рѣчи ихъ забывались какъ событія ежедневныя. Мы говоримъ съ такими людьми какъ ты, затѣмъ, чтобъ или награждать или показывать ихъ, и я надѣюсь, что ты у меня заслужишь награду.

— Милордъ говоритъ какъ человѣкъ привыкшій повелѣвать, замѣтилъ Вилдрекъ.

— Это правда. Только внушающіе страхъ и почтеніе могутъ управлять людьми. Но довольно объ этомъ. Возвращаюсь къ твоему господину. Я желалъ бы бросить ему въ шляпу эту золотую пульку. Онъ служилъ противъ Карла Стурта и его отца, но онъ родственникъ старому Генри Ли и привязанъ къ его дочери.... А ты, ты долженъ смотрѣть въ оба, другъ.... Твоя довольно мірская наружность пріобрѣтетъ тебѣ довѣріе всѣхъ этихъ неблагонамѣренныхъ, и наша добыча безъ твоего вѣдома не можетъ подойти къ мѣсту, гдѣ полагаетъ укрыться.

— Я стараюсь понять мысль вашего превосходительства, отвѣчалъ молодой кавалеръ: благодарю васъ за доброе мнѣніе обо мнѣ, и молю пебо послать мнѣ случай доказать вамъ, что я его заслуживаю, и средства выразить вамъ мою признательность. Но, осмѣлюсь замѣтить, планъ нашего превосходительства, мнѣ кажется, не можетъ удался, когда Вудстокъ останется во власти парламентскихъ комиссаровъ. Старый кавалеръ, его сынъ и въ особенностн тотъ, на кого милордъ пзволить намекать, очень остерегутся подойти къ Ложѣ, пока она будетъ въ такихъ рукахъ.

— Вотъ объ этомъ-то я и говорю. Я сказалъ тебѣ, что я не расположенъ собственною моею властью противиться дѣйствіямъ парламентскихъ комиссаровъ изъ-за ничтожныхъ причинъ, хотя у меня на это, можетъ-быть, довольно силы въ государствѣ и я могу презирать ропотъ недовольныхъ. Словомъ, я не намѣренъ употреблять мои права во всей ихъ обширности и мѣрять ихъ силу съ сіяю комиссіи безъ явной необходимости или по крайней-мѣрѣ большой пользы для государства. Такимъ образомъ, если полковникъ, пзъ любви къ республикѣ, хочетъ взяться предупредить величайшее несчастіе, какого она можетъ еще ожидать, то есть побѣгъ Молодаго Человѣка за море, — если онъ хочетъ употребить всѣ силы, чтобы захватить Карла Стурта, когда онъ явится въ Вудстокъ, — что я считаю очень вѣроятнымъ, — ты можешь отнести комиссарамъ севестра приказъ тотчасъ же оставить Ложу, а ротѣ моего полка въ Оксфордѣ приказать выпроводить ихъ въ шею, если они не послушаются,

дѣи хотя бы пришлось перваго выпроводить Дизбро, несмотря на то что онъ мужъ моей сестры.

— По вашему всесильному приказанію, милордъ, я надѣюсь выпроводить комиссаровъ и безъ помощи вашихъ храбрыхъ солдатъ.

— Ну, все равно. Желалъ бы я посмотрѣть на того свѣльчака изъ нихъ, который вздумаетъ поупрямиться, когда я прикажу выйти!... исключая, разумѣется, достопочтеннаго парламента, имени котораго всё мы дѣйствуемъ, котораго политическое заданіе, однако жъ, — какъ многіе полагаютъ, — обрушится прежде нежели онъ достроитъ его. Оттого-то мнѣ въ особенности нужно знать, захочетъ ли полковникъ предпринять дѣло, которое сулитъ такую важную выгоду. Я увѣренъ, что съ такимъ молодцомъ какъ ты, который былъ въ лагерѣ кавалеровъ и, судя по виду, можешь еще при случаѣ попить, побраниться и предаться съ ними всякимъ плотскимъ удовольствіямъ, — съ такимъ молодцомъ, говорю я, онъ можетъ провѣдать, куда укроется Стюартъ. Молодой Ли или самъ прійдетъ повидаться съ старикомъ, или напишетъ ему, или другимъ какимъ-нибудь образомъ подастъ вѣсть о себѣ; во всякомъ случаѣ тебѣ и Меркему Эврарду слѣдуетъ имѣть по глазу на каждомъ волоскѣ вашихъ головъ.

При этихъ словахъ на лбу у Кромвеля выступила необыкновенная краска; онъ всталъ, въ волненіи прошелся по комнатѣ, и прибавилъ:

— Горе вамъ, если этотъ Молодой Человѣкъ уйдетъ отъ меня!... Лучше вамъ быть схороненнымъ въ глубочайшей темницѣ Европы чѣмъ дышать воздухомъ Англіи, если вы обманете меня!... Я говорилъ съ тобою ясно, — яснѣй чѣмъ говорю обыкновенно, — обстоятельства того требуютъ. Но пользоваться моею довѣренностью значитъ стоять на часахъ въ пороховомъ магазинѣ: малѣйшая искра можетъ обратить тебя въ прахъ. Передай полковнику, что я сказалъ, хоть не совсѣмъ такъ, какъ я сказалъ.... Ахъ, неужели и я не могу не поддаться волеизвѣстью человѣческихъ страстей?... Ступай, братецъ.... Персонъ передастъ тебѣ письменный приказъ.... Постой; я вижу, ты хочешь что-то спросить.

— Я желалъ бы, хоть приблизительно, знать паружность Молодаго Человѣка, сказалъ Вилдрекъ, которому безпокойное выраженіе Кромвеля придадо бодрости: тогда я лучше былъ бы увѣренъ, что не ошибусь, въ случаѣ встрѣчи.

— Говорятъ, онъ очень выросъ, худошавъ, смуглъ, отвѣчалъ

генералъ: вотъ его портретъ, не очень давно написанный хорошимъ художникомъ.

Съ этимъ словомъ онъ оборотилъ одну изъ картинъ, поставленныхъ лицомъ къ стѣнѣ; но это былъ не Карлъ-Второй, а несчастный отецъ его.

Первое движеніе Кромвеля показывало намѣреніе опять перевернуть портретъ и, казалось, ему нужно было усиліе, чтобы рѣшиться взглянуть; однако онъ сдѣлалъ это усиліе, и, поставивъ портретъ къ стѣнѣ, медленно отступилъ на нѣсколько шаговъ, какъ будто ища точки, съ которой картина освѣщалась.

Вилдрекъ могъ почесть себя счастливымъ, что опасный собесѣдникъ не взглянулъ на него въ эту минуту: лицо молодого кавалера вспыхнуло, когда онъ увидѣлъ портретъ своего короля въ рукахъ главнаго виновника смерти его. Будучи способенъ къ самымъ отчаяннымъ крайностямъ, онъ съ великимъ трудомъ сдерживалъ свое негодованіе; если бъ, въ первомъ пылу жажды мщенія, подъ рукой у него случилось годное оружіе, Кромвель можетъ-быть не пошелъ бы дальше въ своемъ дерзновенномъ стремленіи къ неограниченной власти.

Но эта электрическая искра такого естественнаго негодованія, мгновенно взволновавшая обыкновеннаго человѣка, такого какъ Вилдрекъ, въ минуту потухла передъ страшной, хоть и подавленной, душевной бурей человѣка одареннаго такимъ безстрастнымъ характеромъ какъ Кромвель. При видѣ его мрачной и смѣлой фязіономіи, порывъ гнѣву у молодого человѣка разсѣялся и обратился въ изумленіе. Какъ блескъ большаго свѣтила поглощаетъ и уничтожаетъ меньшій свѣтъ, такъ и человѣкъ съ великимъ умомъ и властительнымъ характеромъ покоряетъ и уничтожаетъ слабѣйшую волю и страсти другихъ.

Вилдрекъ оставался безмолвнымъ, неподвижнымъ, почти испуганнымъ зрителемъ, между-тѣмъ какъ Кромвель, придавъ своимъ взглядамъ и движеніямъ самоувѣренность, какъ человѣкъ, который принуждаетъ себя смотрѣть на предметъ, производящій сильное и непріятное впечатлѣніе, началъ въ короткихъ и отрывистыхъ выраженіяхъ, но твердымъ голосомъ, дѣлать замѣчанія насчетъ портрета. Рѣчь его не столько обращалась къ Вилдреку, сколько была невольнымъ измѣненіемъ души, наполненной воспоминаніями прошлаго и предчувствіями будущаго.

— Какая сила, говорили онъ, у этого фламандскаго живописца.... у этого Антона Вандика!.... Желѣзо можетъ сказать.... война можетъ истребить.... а вотъ король, котораго время пощади-

до.... Наши правнуки, читая лѣтописи, могутъ посмотреть на этотъ портретъ и сличить задумчивыя черты его съ роковыми событіями.... Страшная была необходимость.... ужасное дѣло!... Спокойная гордость этого взору могла бы еще управлять міромъ, населеннымъ тщеславными Французами, ползающимъ Итальянцами и формалистами Испанцами, но не Англичанами.... Не должно обвинять бѣднаго грѣшника въ паденіи, когда небо не дало ему достаточно крѣпкихъ мышцъ, чтобъ удержаться.... Слабago чело-вѣка строптивый конь сбрасываетъ и топчетъ погами, а силь-ный, настоящій наѣздникъ, кидается на свободное сѣдло и рабо-таетъ уздой и шпорами, пока бѣгуиъ замѣтитъ, что надъ нимъ есть господинъ.... Слѣдуетъ ли порицать того, который возвысил-ся и идетъ триумфаторомъ посреди народа, когда другой, сла-бый и нескусный, палъ и погибъ? Но истинъ, онъ получилъ только награду!.... Развѣ этотъ клочекъ расписаннаго полотна для меня значитъ больше нежели для кого-нибудь другого? Нѣтъ, ни-сколько. Пусть онъ другимъ показываетъ съ упрекомъ это хо-лодное и спокойное лицо, этотъ взоръ, свѣтящійся и гордостью и жалобой: кто дѣйствовалъ по возвышеннымъ побужденіямъ, то-му печего трепетать передъ тѣнями. Не жажда богатствъ и мо-гущества извлекла меня изъ моего ничтожества: знаменами мои-ми были скованные права Англій и стѣсенная вѣра.

Кромвель точно защищался передъ какими-нибудь судьями: онъ постепенно такъ возвысилъ голосъ, что Персонъ, бывший въ галереѣ, пріотворилъ дверь кабинета. Но видя, что генералъ, съ сверкающими глазами, стоитъ одной ногой впередъ и протягивъ руку, какъ-будто командуя арміи атаку, тотчасъ опять же скрылся.

-- Нѣтъ! не личныя выгоды побуждали меня дѣйствовать, продолжалъ Кромвель: я вызываю всѣхъ, — живыхъ и мерт-выхъ, — пусть скажутъ, что я вооружился для какой-нибудь частной цѣли или для умноженія моего богатства. Въ арміи дѣтъ ни одного солдата, который бы пришелъ съ чувствованіями мо-еѣ злобными....

Въ эту минуту отворилась другая дверь въ кабинетъ, и Виль-дракъ увидѣлъ молодую особу, которую по сходству съ генера-ломъ, можно было принять за его дочь, но только въ чертахъ ея не было ничего кромѣ женской кротости. Она подошла къ Кром-велю, взяла его подъ руку, и иѣжно, однако съ твердостью ска-зала:

— Батюшка, это не хорошо; вы обещали мнѣ, что этого не будетъ.

Кромвель склонилъ голову, какъ-будто устыдился порыву, который увлекся, или, можетъ-быть, того что подчинился влиянію женщины. Однако жъ онъ уступилъ ласково увлекавшей его рукѣ дочери и вышелъ изъ кабинета, не взглянувъ больше на портретъ, который такъ взволновалъ его.

IX.

«Уйдя! уйдя! ты знаешь больше чѣмъ тебѣ слѣдовало знать.»

Шекспиръ, «Макбетъ».

Изумленный Вилдракъ остался одинъ въ кабинетѣ. Часто говорили, будто Кромвель, — этотъ глубокій политикъ, искусный государственный человѣкъ, хладнокровный и отважный полководецъ, этотъ гений, побѣдившій столько затрудненій и вознесшійся на такую высоту, что, казалось, уже парилъ надъ землей, которую завоевалъ, — былъ подобно многимъ другимъ гевіальнымъ людямъ подверженъ хандрѣ. Эта хандра иногда проявлялась въ его обращеніи и рѣчахъ; первые признаки ея были примѣчены, когда онъ онъ вдругъ бросилъ разгульныя привычки своей молодости и предался строгимъ религіознымъ упражненіямъ, которыя, казалось, по временамъ считалъ средствами приходить въ болѣе прямое и почти непосредственное сношеніе съ міромъ духовнымъ. Говорятъ, будто въ эту эпоху жизни онъ предавался иногда мечтамъ или, какъ самъ онъ говорилъ, вдохновеннымъ предчувствіямъ будущаго величія и необыкновенныхъ, страшныхъ, таинственныхъ событій, которыя должны были сдѣлать его столько же примѣчательнымъ на новомъ поприщѣ, сколько онъ отличался въ молодости крайностями безумства и беспорядочнаго поведенія. Чтò-нибудь подобное, вѣроятно, бывало у него: иначе трудно объяснить сцены, подобныя той, которую мы видели и до которыхъ онъ иногда увлекался.

Къ изумленію, возбужденному у Вилдрека тѣмъ, чтò онъ видѣлъ, присоединилось еще нѣкоторое безпокойство на счетъ личной безопасности. Онъ хотя былъ не изъ самыхъ осторожныхъ, однако жъ имѣлъ достаточно здраваго смысла, чтобъ знать, что опасно быть свидѣтелемъ минутъ слабости спящихъ; притомъ, его оставляли такъ долго одного, что онъ очень могъ страшиться, не намѣренъ ли Кромвель уничтожить или спрятать куда-нибудь

человѣка, который подоштрѣлъ, какъ онъ подъ ударомъ совѣсти спустился съ высотъ, гдѣ обыкновенно парилъ надъ подлуннымъ міромъ.

Однако жъ Виддрекъ въ этомъ былъ несправедливъ къ Кромвелю. Республиканскій генералъ не доходилъ до крайностей въ подозрѣніи, ни до безполезной жестокости.

Черезъ часъ Персонъ пришелъ и проводилъ Виддрекъ въ другую часть дворца, гдѣ онъ нашелъ генерала, сидящаго на софѣ. Подаль сидѣла его дочь, занятая какою-то женскою работою. Она едва приподняла голову, когда Персонъ и молодой кавалеръ вошли.

По знаку Кромвеля Виддрекъ подошелъ.

— Другъ, сказалъ генералъ, старинные твои товарищи, кавалеры, считаютъ меня своимъ врагомъ и ведутъ себя такъ, чтобы я былъ таковымъ. Они трудятся противъ своей пользы: я тебѣ говорю, что смотрю и всегда смотрѣлъ на нихъ какъ на добрыхъ и честныхъ безумцевъ, которые до того лишились разсудка, что надѣваютъ себѣ петлю на шею и колотятся головою объ стѣну, чтобы имѣть короля, по имени Стурта, а не другаго. Безумцы! безумцы! развѣ изъ буквъ алфавита нельзя составить ни какаго имени, которое бы звучало точно такъ же хорошо какъ Карлъ Стуртъ, если подѣ него поставятъ волшебное слово король? Это слово, какъ лампа, бросаетъ свѣтъ на всевозможныя сочетанія буквъ; между-тѣмъ они проливаютъ кровь изъ-за имени!.... Что до тебя касается, тебѣ опасаться нечего. Вотъ письменный приказъ комиссарамъ очистить Ложу и передать храненіе ея твоему господину, или кому онъ разсудитъ. Прощай; помни, что я тебѣ сказалъ. Увѣряютъ, что красота — магнитъ для Молодаго Человѣка, котораго ты знаешь, но я думаю, что въ эту минуту не прекрасные глаза и бѣлокурые волосы, а другія звѣзды направляютъ его путь. Какъ бы то ни было, ты знаешь мои намѣренія. Смотри въ оба, зорко смотри; со вниманіемъ стереги всѣ тропинки, всѣ дороги, всѣ изгороди, по которымъ пробраются бѣглецы. Мы живемъ въ такую пору, когда рубище нищаго можетъ прикрывать тѣло князя. Вотъ тебѣ нѣсколько португальскихъ червонцевъ; твой карманъ, я думаю, еще не видалъ подобныхъ. Еще разъ повторяю тебѣ, помни, что слышалъ, и, — прибавилъ онъ понизивъ голосъ, по усиливъ выраженіе, — забудь, что видѣлъ. Кланяйся полковнику.... Помни и забудь.

Виддрекъ поклонился, воротился въ гостиницу и поспѣшно поскакалъ въ обратный путь.

Подъ вечеръ того же дня молодой кавалеръ явился къ своему

другу, Круглоголовому, который съ потеряннѣемъ поджидалъ его въ вудетокской гостиницѣ, какъ было условлено.

— Гдѣ ты пропадалъ? вскричалъ Меркемъ, завидѣвъ его: чтѣ ты видѣлъ? Отчего у тебя такой страшный, смущенный видъ? Отчего ты не отвѣчаешь мнѣ?

— Оттого что слишкомъ много вопросовъ вдругъ задаешь, отвѣчалъ Вилдрекъ снявая плащъ и шпагу: у человѣка только одинъ языкъ, а у меня и тотъ прилипъ къ гортани.

— Чтожь, вужно выпить что ли, чтобы отдѣлился? Я увѣренъ, впрочемъ, что ты уже испытывалъ это средство во всякой тавернѣ на дорогѣ. Потребуй, чего хочешь, только отвѣчай живѣй.

— Я сегодня не выпилъ и стакана воды, полковникъ.

— Такъ оттого и не въ духѣ? Ну, хорошо, выпей поскорѣй стаканъ водки, только не будь же странецъ, брось молчаливость; тебя узнать нельзя.

— Я совершенно перемѣнился, полковникъ, отвѣчалъ Вилдрекъ съ важностью.

— Ты, кажется, съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ перемѣняешься. Но скажи же, видѣлъ ты генерала? вручилъ онъ тебѣ приказъ о комиссарахъ?

— Я видѣлъ дьявола, и онъ вручилъ мнѣ приказъ, отвѣчалъ Вилдрекъ съ тою же важностью.

— Такъ давай же поскорѣй! вскричалъ полковникъ, протянувъ руку.

— Погоди, Меркемъ: если бъ ты зналъ, съ какимъ условіемъ данъ этотъ приказъ, какія надежды основаны на этой мплости, то... я слишкомъ хорошаго мѣввіа о тебѣ, я знаю, ты лучше согласишься руками взять раскаленное желѣзо съ наковальни, чѣмъ эту бумагу изъ моихъ рукъ.

— Хорошо, хорошо; это опять какая нибудь изъ твоихъ преувеличенныхъ идей честиности. Они очень хороши въ извѣстныхъ предѣлахъ, но будучи доведены до крайности, они — сумасбродство. Не подумай, чтобы я безъ прискорбія видѣлъ сокрушеніе нашей старицной монархіи и замѣну ея цовою формой правительствва, но должны ли мои сожалѣнія о прошломъ мѣшать мнѣ сочувствовать и содѣйствовать мѣрамъ, которыя могутъ упрочить будущее. Королевская партія уничтожена, хотя бы ты со всѣми кавалерами въ Великобританиіи клялся въ противоположь; она впажена такъ, что уже не встанетъ, — по крайней мѣрѣ долго не встанетъ. Парламентъ, изъ котораго мало по малу выпроводили всѣхъ, имѣвшихъ довольно мужества, чтобы поддерживать пеза-

вниость своего мнѣнія, теперь состоятъ изъ горсти членовъ, которые утратили всякій вѣсъ въ народѣ. Парламентъ не можетъ удержаться, не распустивъ армію, а войско, бывшее слугою, стало господиномъ и не хочетъ быть распушечивымъ; оно знаетъ свою силу; оно знаетъ, что можетъ остаться въ строю, получать жалованье и жить по всей Англіи, сколько угодно. Я тебѣ говорю, Вилдрекъ, если мы не присоединимся къ человѣку, который одинъ можетъ заставить войско повиноваться, то мы можемъ ожидать, что Англія будетъ управляться военными правами. Чтò касается до меня, я думаю, сохраненіе правъ, какія вамъ оставить, можетъ зависѣть только отъ умѣренности и мудрости Кромвеля. Теперь ты знаешь мою тайну; ты знаешь, что я смотрю на свой поступокъ не какъ на безусловно хорошій, но какъ на лучшее, чтò можно было сдѣлать. Я тоже желалъ бы столько же пламенно какъ ты, если бь возможно было, возстановить короля на разумныхъ условіяхъ, которыя бы обезпечили нашу безопасность. Ты смотришь на меня какъ на бунтовщика, любезный Вилдрекъ, но по-крайней-мѣрѣ отдай мнѣ справедливость и повѣрь, что я сдѣлался бунтовщикомъ невольно. Богу извѣстно, что я никогда не заглушалъ въ душѣ моей любви и почтенія къ особѣ короля, даже когда обнажалъ шпагу противъ коварныхъ его совѣтниковъ.

— Ахъ, чума бы васъ! сказалъ Вилдракъ: вы всѣ поете одну и ту же пѣсню. Вы всѣ до послѣдняго вооружались противъ короля съ любовью въ сердцахъ и съ честностью въ душѣ. Однако жъ я примѣчаю вашу тонкость, и доволенъ ею больше нежели предполагалъ. Теперь вашъ медвѣдь—армія; старый Нолль—цыганъ, который его водить, и вы всѣ подобны деревенскому старостѣ, который улещаетъ Мишкина вожатаго, чтобъ не снималъ намордника. Ладно же, можетъ случиться и на нашей улицѣ праздникъ; тогда вы всѣ, стоящіе за того, кто посылнѣй, будете на вашей сторонѣ.

Полковникъ Эврдъ, не обращая вниманія на рѣчи друга, читалъ приказъ генерала Кромвеля.

— Я не ожидалъ такого рѣшительнаго приказа! сказалъ онъ потомъ: вѣроятно, генералъ чувствуетъ себя довольно сильнымъ, чтобъ такъ прямо идти противъ распоряженій и воли парламента.

— Ты готовъ воспользоваться этимъ приказомъ? спросилъ Вилдрекъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ Эврдъ: однако нужно будетъ по-

дождать прибытія мера, который, я думаю, не пожалѣеть если этихъ шутовъ выгнать изъ Ломжи. Мнѣ нужно, сколько возможно, избѣгать вида, что я дѣйствую только на основаніи военной власти.

Онъ подошелъ къ двери, поклонуль мальчишка и приказалъ ему сходить къ первому попавшемуся чиновнику городской думы, и сказать, что полковникъ Эврдъ желаетъ видѣть его какъ можно поскорѣе.

— Ты увѣренъ, что онъ прибѣжитъ какъ собака по свисту хозяина, сказалъ Вилдракъ: слово капитанъ, или полковникъ, придастъ толстымъ гражданамъ неинтересной прыти въ такое время, когда одна шпага стоитъ двадцати гражданскихъ чиновъ. Но тамъ есть драгуны и тотъ звѣрообразный плутъ, котораго я напугалъ привидѣніемъ. Ты думаешь, они безъ сопротивленія уйдутъ?

— Одинъ приказъ генерала имѣетъ для нихъ больше силы чѣмъ десятки парламентскихъ распоряженій. Но пора тебѣ закутить чего нибудь, если правда, что ты прыскакалъ изъ Вилдзора, ни разу не останавливаясь.

— Успѣю еще; твой генералъ поподчивалъ меня такимъ завтракомъ, что, я думаю, на долго хватитъ, если только моему желудку удастся когда-нибудь сварить его. Мало того, онъ и на совѣсти у меня легъ такимъ камнемъ, что я снесъ было въ церковь, чтобъ избавиться отъ него какъ отъ грѣха, однако жъ нѣтъ: я все связанъ по рукамъ и ногамъ.

— Въ церковь! Мимо церкви, ты хочешь сказать? Я знаю тебя, ты никогда не забудешь почтительно снять шляпу, проходя мимо, но войти.... Это съ тобой не часто случается.

— Что жъ, ужъ не лучше ли дѣлать такъ, какъ ваши анабаптисты, браунисты и всѣ вы, сколько васъ ни есть? Вы совѣсти не снимаете шляпы; вы собираетесь слушать проповѣдь точно такъ же безъ церемоній какъ поросята вокругъ своего корыта.. Но вотъ обѣдъ; прочитаю застольную, если припомню.

Меркемъ Эврдъ принималъ слишкомъ много участія въ судьбѣ дяди и кузины, и былъ слишкомъ занятъ надеждою снова водворять ихъ въ прежнемъ жилищѣ подъ покровительство страшнаго воеводскаго жезла, чтобы примѣтить дѣйствительно большую перемѣну въ поведеніи своего друга. Отъ времени до времени Вилдракъ становился жертвою борьбы своей старой привычки поддаваться склонностямъ съ новымъ, недавно принятымъ намѣреніемъ быть воздержнымъ. —Забавно было видѣть,

малъ руку мальчика по инстинкту протягивалась къ большой кружкѣ съ элемъ, и, по мгновенному соображенію разсудка, опять сворачивала въ сторону, къ хрустальному графину съ чистою, цѣлою водою.

Легко можно было примѣтить, что Влдрекъ воздержность еще не привычное дѣло, и что если ее одобряла духовная сторона человѣка, такъ по-крайней-мѣрѣ физическая подчинилась не совѣщъ охотно. Но честный Влдрекъ былъ въ смертельномъ ужасѣ отъ предложеній Кромвеля, такъ, что онъ далъ торжественный обѣтъ, если уйдетъ съ этого опаснаго свиданія цѣлъ и невредимъ, отказаться отъ котораго-нибудь изъ любимыхъ своихъ грѣховъ и въ особенности отъ невоздержности, къ которой былъ очень склоненъ, точно такъ же какъ и большая часть его прежнихъ товарищей.

Это намѣреніе, впрочемъ, было внушено ему столько же разсудкомъ сколько религіознымъ чувствомъ: онъ сообразилъ, что въ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, ему могло представиться какое нибудь важное трудное дѣло, въ которомъ бутылка окажется плохимъ орудіемъ и надобно будетъ обратиться къ другому. Вълѣдствіе этого мудраго разсужденія онъ не коснулся ни до эля ни до водки, которыя стояли передъ нимъ, и отказался даже отъ рейнвейну, котораго хотѣлъ для него потребовать товарищъ. Однако жъ, когда мальчикъ, убравъ тарелки, хотѣлъ взять кружку, сильная рука кавалера быстро остановила Ганимеда. Влдрекъ поднесъ флягу съ элемъ къ губамъ и со вздохомъ сказалъ:

— Чортъ побереи воздержность!.. мы брешныя творенія, отъ вероты вѣлтыя: умѣренный глотокъ можно простить, ради брешности.

Съ этимъ словомъ онъ приложился къ кружкѣ и край ея сталъ наклоняться по-мѣрѣ того какъ дно приподнималось. Эврардъ не сомнѣвался что кружка и человѣкъ разстанутся тогда только, когда содержаніе одной перельется въ желудокъ другаго, однако жъ Влдрекъ скромно остановился, проглотивъ въ одинъ духъ немножко побольше половинны.

Тогда онъ поставилъ кружку на поднось, глубоко вздохнулъ для освѣженія легкихъ и приказалъ мальчику убрать и эль и водку такимъ тономъ, какъ будто не надѣялся на свою твердость. Обратясь послѣ этого къ своему другу Эврарду, онъ сказалъ длинное похвальное слово умѣренности, и прибавилъ, что маленькій глотокъ, который онъ теперь выпилъ, имѣетъ на него

гораздо болѣе благотѣльное дѣйствіе нежели четырехъ-часовое питье за различныя здоровья.

Полковникъ ничего не отвѣчалъ, но не могъ не подумать про себя, что Вилдреква умѣренность сразу произвела въ кружкѣ такое опустошеніе, какое другой произвелъ бы въ цѣлый вечеръ. Этотъ предметъ разговору былъ отстраненъ приходомъ трактирщика, который доложилъ полковнику, что вудстокскій меръ по приказанію его чести явится, и притомъ въ сопровожденіи досто-почтеннаго мистра Гольдшофа.

X.

Хвалитесь вы еще вашими двухъголовыми теленкомъ! Тутъ чуло почтше: у двухъ одна голова.

Физиономія честнаго мера, который поспѣшилъ явиться на приглашеніе Эверарда, представляла смѣсь важности и смущенія; онъ держался какъ человекъ сознающій что имѣеть разыграть роль, но еще не знающій, въ чемъ она должна состоять. Къ этимъ двумъ чувствамъ примѣшивалось еще удовольствіе видѣть сэра Меркема: онъ насказалъ множество привѣтствій и повторилъ ихъ нѣсколько разъ прежде чѣмъ рѣшился выслушать, что хотѣли ему сказать.

— Добрѣйшій и достойнѣйшій полковникъ, ваше присутствіе истинное и во всякое время желанное счастье для города Вудстока. Вѣдь вы, такъ сказать, сдѣлались нашимъ согражданиномъ, проживши столько времени въ этомъ дворцѣ. Обстоятельства-то выныче до того дошли, что, право, я ужъ и ума не приложу, а кажется столько лѣтъ всѣми дѣлами нашего города управляя.... Зато вы подоспѣли ко мнѣ на помощь, какъ.... какъ....

— *Tanquam Deus ex machina*, какъ сказалъ языческій поэтъ, подхватилъ мистръ Гольдшофъ, хотя я не часто прибѣгаю къ ссылкамъ на подобныя сочиненія. Да, мистръ Меркемъ Эвардъ.... достойнѣйшій полковникъ.... вы, безсомнѣнія любезный гость городу Вудстоку, — любезнѣе чѣмъ кто-нибудь со временъ стараго короля Генриха.

— Я имѣю сообщить вамъ дѣло, почтенный другъ, сказалъ полковникъ, обращаясь къ меру: мнѣ очень пріятно будетъ, если я въ то же время найду случай быть полезнымъ вамъ и вашему почтенному пастору.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы можете, господинъ пол-

ковникъ, возразилъ Гольднофъ: у васъ голова, у васъ и рука; а намъ одна нужна для добраго совѣту, другая для исполненія. Я знаю, почтеннѣйшій господинъ полковникъ, что вы и вашъ отецъ, въ эти времена смутъ, всегда вели себя истинно въ духѣ христіанской умѣренности и старались лить елей на рацы отечества, между тѣмъ какъ другіе готовы были натпрать ихъ перцомъ и купоросомъ; я знаю также, что вы изъ вѣрныхъ сыновъ церкви, которую мы очистили отъ всѣхъ правилъ папизма и епископства.

— Почтеннѣйшій мистръ Гольднофъ, отвѣчалъ Эврдъ, я уважаю знаніе и благочестіе многихъ изъ вашихъ проповѣдниковъ, но стою также и за всеобщую свободу мисовѣданія; я не принимаю стороны сектаторовъ, однако далекъ отъ желанія преслѣдовать ихъ.

— Ахъ, сэръ! вскричалъ пресвитеріанинъ: все это пріятно слышать, но представьте себѣ, какую прекрасную церковь мы скоро можемъ имѣть посреди заблужденій, богохульствъ и расколовъ, которые ежедневно рождаются въ англійскомъ государствѣ и въ англійской церкви! Достойный мистръ Эдуардъ, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ Gangrene, говоритъ уже, что отечество наше становится гвѣздомъ и скопщемъ всѣхъ расколовъ, ересей и всякой скверны, точно такъ какъ армія англійская состоитъ изъ сволочи всѣхъ націй, *colluvie omnium gentium*. Повѣрьте мнѣ, почтеннѣйшій господинъ полковникъ, члены достопочтеннаго парламента смотрятъ на всѣ эти вещи слишкомъ поверхностнымъ образомъ. Эти такъ называемыя инструкторы, раскольники, со своихъ кафедръ упчотожаютъ призванныхъ служителей церкви, втираются въ семейства и изгоняютъ изъ нихъ миръ, повреждая вѣру въ сердцахъ.

— Любезный мистръ Гольднофъ, сказалъ полковникъ, прерывая ревностнаго пресвитеріанина: мы оплакиваемъ эти несчастныя сѣмена несогласій, и я согласенъ съ вами, что пылншіе восторженныя увлекли умы далѣе нежели того требуетъ простая и чистая религія и здравый смыслъ, но противъ этого единственное средство — терпѣніе. Восторженность — потокъ, котораго порывы могутъ пройти современемъ, но который несомнѣнно опрокинетъ всѣ преграды и плотины, какія бы вы вздумали поставить ему. Впрочемъ, что же общаго между расколами и предметомъ для котораго мы собрались!

— Да частію вотъ что, мистръ Эврдъ, отвѣчалъ Гольдъ-

нофъ, хотя я начинаю думать, что вы примете это дѣло не столько къ сердцу, сколько ожидалъ прежде чѣмъ увидѣлъ васъ. Меня самого, меня, Неemiю Гольдшофа, силою стащили съ моей кафедры, и кто же? чужой человекъ, пришлецъ, волкъ, который даже не потрудился пріодѣться овчьею шкурою, а явился просто въ своей, волчьей, то есть, въ буйловомъ нагрудникѣ и съ перевязью, и сталъ говорить проповѣдь моей паствѣ. Это совершенная истина, господинъ полковникъ.... вотъ, господинъ меръ былъ свидѣтелемъ. Онъ употребилъ всѣ человѣческія силы, чтобы предупредить беспорядокъ.... Я всё-таки думаю, однако жъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ меру, что вы могли сдѣлать и немножко побольше.

— Довольно, довольно, любезнѣйшій министръ Гольдшофъ, возразилъ меръ: не станемъ больше говорить объ этомъ. Гюн Варвикекій и Бивисъ Гамптопскій * могли бы еще сдѣлать что-нибудь съ этимъ народомъ, но для вудстокскаго мѣра они слишкомъ сильны и многочисленны.

— Мнѣ кажется, что господинъ меръ говоритъ очень разсудительно, сказалъ полковникъ. Я сомнѣваюсь, чтобы независимые стали драться, если бъ имъ не позволили говорить рѣчи. Что жъ бы было тогда? Неужели вы хотите, чтобы кавалеры снова поднялись.

— Есть существа и хуже кавалеровъ, отвѣчалъ Гольдшофъ.

— Какъ, сэръ! возразилъ полковникъ: позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что ваша рѣчь неосторожна при настоящемъ положеніи націи.

— Я повторяю, вскричалъ пресвитеріанецъ, что могутъ подняться существа хуже кавалеровъ, и докажу, что говорю. Чортъ хуже чѣмъ худшій изъ кавалеровъ, когда-либо нившихъ за здоровье или прозябшихъ ругательства, а въ вудстокской ложѣ поднялся злой духъ.

— Это правда, подтвердилъ меръ: онъ показывался тамъ видимо, осязательно, собственною своею особою.... Вотъ, до какихъ временъ мы дожили!

— Господа, я, право, не знаю, какъ понимать васъ, сказалъ полковникъ.

— Мы о томъ-то и хотѣли поговорить съ вами, отвѣчалъ меръ, но министръ Гольдшофъ всегда такъ воспаляется насчетъ сектаторовъ...

— Которые чортовы дѣти суть, и его свойствамъ обладаютъ,

* Сказочные рыцари.

перобилъ мистръ Гольднофъ : справедливо кто то сказалъ, что распространеніе этихъ сектъ вызвало нечистаго духа на поверхность земли, такъ, что онъ можетъ блюсти свои выгоды посреди тѣхъ, которые для него трудятся.

— Мистръ Гольднофъ, сказалъ полковникъ, если вы выражаетесь фигурами, то я уже замѣтилъ вамъ, я не имѣю ни средствъ, ни точныхъ свѣдѣній, чтобы утушить пламя этихъ расколовъ; если же вы говорите о дѣйствительномъ явленіи демона, то я позволю себѣ думать, что такому человѣку какъ вы, вооруженному вашимъ ученіемъ и вашимъ знаніемъ, гораздо приличнѣе быть противникомъ нечистой силы нежели такому солдату какъ я.

— Вы правы, сэръ, отвѣчалъ пресвитеріанинъ, и я достаточно полагаюсь на мое призваніе, чтобы немедленно выступить противъ нечистаго духа. Но какъ онъ явился въ вудстокской Ложѣ, наполненной опасными людьми, на которыхъ я сейчасъ жаловался вамъ, то я не считаю благоразумнымъ безъ вашего покровительства явиться туда, — къ этому бѣшенному быку Дизбро, къ кровожадному медвѣдю Гаррисону и холодной ядовитой змѣѣ Блетстону. Они всѣ трое теперь тамъ живутъ себѣ какъ въ своемъ домѣ и на все смотрятъ какъ на свою добычу; да вотъ, говорятъ, еще и чортъ присоединился къ нимъ, чтобъ дополнить партію.

— Мистръ Гольднофъ совершенную правду говоритъ вамъ, господишь полковникъ, подхватилъ меръ : наши привилегіи объявлены уничтоженными, — нашу скотину забираютъ на пастбищѣ; поговариваютъ о вырубкѣ прекраснаго парка, который столькимъ королямъ служилъ отрядомъ... Вѣдь это поставитъ Вудстокъ на одну доску съ самою жалкою деревушкой. Увѣряю васъ, мы съ великою радостью услышали о вашемъ пріѣздѣ, и только удивлялись, что вы заворачаете въ гостиницѣ. Въ этой крайности мы знаемъ только нашего отца и васъ; только вы можете явиться друзьями бѣдныхъ гражданъ этого города, потому что все окрестное дворянство состоитъ изъ неблагонамѣренныхъ, которыхъ кнѣзья конфискованы. Мы надѣялись, что вы вступитесь за насъ.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ полковникъ, которому пріятно было видѣть, что желанія его предупреждаются: я именно имѣлъ намѣреніе вступить въ это дѣло, и держался въ сторонѣ только потому что не хотѣлъ дѣйствовать безъ приказа лорда-генерала.

— Приказъ лорда-генерала! повторилъ меръ телянувъ пресви-

терпяща локтемъ въ бокъ: слышите? приказъ лорда-генерала! Ну, вотъ теперь посмотримъ, какой пѣтухъ выйдетъ противъ этого пѣтуха. Мы отбѣдемъ ихъ какъ слѣдуетъ, а Вудстокъ останется Вудстокомъ.

— Не сокрушайте моихъ реберъ вашими локтями, почтенный другъ, сказалъ Гольднофъ, недовольный жестами, которыми меръ сопровождалъ свою рѣчь: дай Богъ, чтобъ Кромвель не оказался столько же суровымъ къ англійскому народу, сколько ваши кости къ моимъ бокамъ. Однако жъ я согласенъ, воспользуемся его властію, изгонимъ, наложимъ узду на поведеніе людей, о которыхъ я говорю.

— Отправитесь тотчасъ же, сказалъ Эврдъ: я надѣюсь, они не станутъ сопротивляться.

Меръ и исторъ съ радостью согласились. Полковникъ потребовалъ у Вилдрекъ своего плаща и шпаги, какъ-будто тотъ въ самомъ дѣлѣ былъ ему слуга. Кавалеръ исполнилъ, однако жъ нашелъ случай и немножко щипнуть своего друга въ плечо, чтобъ хоть въ тайнѣ поддержать равенство.

Когда полковникъ проходилъ по улицамъ, всѣ встрѣчные жители, встревоженные, почтительно кланялись ему: внимательство его они считали единственнымъ средствомъ къ предупрежденію конфискаціи и разоренія прекраснаго парка и къ сохраненію правъ и привилегій города и его обывателей.

— Что вы мнѣ говорили о привидѣніяхъ въ этихъ мѣстахъ? спросилъ полковникъ у своихъ провожатыхъ, входя въ паркъ.

— Вы сами знаете, полковникъ, что въ Вудстокѣ всегда водились привидѣнія, отвѣчалъ Гольднофъ.

— Я жилъ здѣсь довольно долго, возразилъ Эврдъ, и знаю, что никогда не видѣлъ ни малѣйшаго слѣда привидѣнія, хотя праздные языки говорили объ этомъ, какъ говорятъ обо всѣхъ старинныхъ замкахъ, которые населяютъ домовыми и духами, чтобъ замѣнить пѣкогда жившихъ тамъ знатныхъ или извѣстныхъ людей.

— Надѣюсь, полковникъ, вы не заражены господствующимъ нынче грѣхомъ и не закроете глазъ передъ свидѣтельствами возможности привидѣній, возможности, въ которой могутъ сомнѣваться только атеисты и адвокаты по дѣламъ о колдовствѣ.

— Я не стану рѣшительно отвергать того, что вообще признается, отвѣчалъ полковникъ, однако жъ, что касается до меня лично, я сомнѣваюсь въ истинѣ бѣльшей части исторій этого

роду, и собственнымъ опытомъ мнѣ никогда еще не удавалось подтвердить подобную истину.

— Вы можете однако повѣрить мнѣ, продолжалъ Гольднофъ: въ Вудстокъ всегда былъ какой-нибудь домовой. Въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не слышалъ о привидѣнiяхъ въ этомъ лѣсу или въ замкѣ. То слышали лай цѣлой псарни, крики охотниковъ, звуки роговъ, топотъ коней, — сперва въ отдаленiи, потомъ и поближе, — то встрѣчали какого-нибудь охотника, одного, который обыкновенно спрашивалъ, въ которую сторону пошелъ олень. Это мы называемъ полуденнымъ привидѣнiемъ, даэмон meridianum.

— Почтеннѣйшiй мистръ Гольднофъ, возразилъ Эвхардъ, въ бытность мою въ Вудстокъ, я проходилъ по парку во всякіе часы дня и увѣряю васъ, что всѣ рассказы по этому предмету — произведенiя глупости и суевѣрiя.

— Отрицанiе ничего не доказываетъ, полковникъ; извините, но изъ того, что вы ничего не видали вовсе не слѣдуетъ, что лгутъ другіе двадцать человѣкъ, которые видѣли. Сверхъ-того есть еще даэмон nocturnus, ночное привидѣнiе, которое въ прошлую ночь еще явилось посреди этихъ независимыхъ и раскольниковъ.... Да, полковникъ, можете удивляться, но это вѣрно.... Вотъ, пусть же они, профаны, попробуютъ управиться, если они дѣйствительно получили отъ небесъ даръ молитвы и заклинанiй, какъ они хвалятся!... Нѣтъ, сударь, нѣтъ; чтобъ побѣдить злаго духа, нужно основательное знанiе еоологiи и литературы, получить правильное квинриальное образованiе и быть порядочно призваннымъ къ службѣ церковной.

— Я ни мало не сомнѣваюсь, что вы обладаете всеми необходимыми свойствами и качествами для успѣшнаго изгнанiя нечистой силы, мистръ Гольднофъ, возразилъ полковникъ, но я все-таки думаю, что причиною тревоги, если она случилась, было какое-нибудь недоразумѣнiе. Конечно, Дизбро довольно глупъ, и Гарриссонъ довольно фанатикъ, чтобы повѣрить всему, но зато у нихъ есть Блетсонъ, который ни во что не вѣритъ. А вы, господинъ меръ, что вы знаете объ этой исторiи?

— Мнѣ извѣстно только, господинъ полковникъ, что Блетстонъ первый поднялъ тревогу. Нужно вамъ сказать, что я лежалъ на постелѣ, подлѣ жены, и спалъ, какъ только можетъ человѣкъ спать въ два часа по полуночи. Вдругъ кто-то сильно застучалъ въ дверь, и меня увѣдомили, что въ Вудстокѣ тревога, бьютъ въ набатъ.

— Что жъ было причиною этой тревоги?

— А вотъ увидите, почтеннѣйшій господинъ полковникъ, увидите, отвѣчалъ меръ съ важностью, — онъ былъ изъ тѣхъ, которыхъ никогда нельзя заставить идти скорѣй обыкновеннаго ихъ шагу: мерша, жена моя, по нѣжности ко мнѣ, хотѣла убѣдить меня, что сойти съ постели въ такой часъ, значило подвергнуться возвращенію ревматизма въ бедрахъ, и что лучше будетъ послать потревожившихъ мой сонъ къ альдермену Дѣттоу. «Чортъ ли въ альдерменѣ Дѣттоу, мистрисъ мерша! отвѣчалъ я....» извините, мистръ Гольдноу, что я въ вашемъ присутствіи повторю такое слово.... «Неужели вы думаете, что я останусь на постелѣ, когда городъ горитъ, кавалеры возмущались и нужно чорта взять за рога?...» извините, мистръ Гольдноу.... Но вотъ мы и у Ложи; не угодно ли войти, господинъ полковникъ.

— Я желалъ бы прежде дойти до конца вашей исторіи, сэръ, если только есть конецъ.

— У всякой вещи есть конецъ, господинъ полковникъ, а у шудинга ихъ два, какъ говорится.... извините, ваша честь.... На чемъ бинь я остановился? Да! я соскочилъ съ постели, надѣлъ красныя плисовые штаны и синіе чулки.... Я всегда считаю обязанностью одѣваться прилично моему званію, какъ днемъ такъ и ночью, какъ зимой такъ и лѣтомъ.... Я взялъ съ собою констеблей, — на случай, если тревога произошла отъ вочныхъ бродягъ или воровъ, — и пошелъ стащить съ постели достойнаго мистра Гольдноу, — на случай чорта, — такъ, что былъ приготовленъ ко всему. Мы отправились и скоро услышали за собой шагн солдатъ, которые прибыли въ нашъ городъ съ мистромъ Томкинсомъ: имъ также приказано было какъ можно поскорѣй явиться въ Ложу. Я подалъ своимъ людямъ знакъ, чтобъ пропустили ихъ впередъ; на это у меня были двѣ причины...

— Одной мнѣ совершенно достаточно, лишь бы была основательная, возразилъ Эврдъ: вы, конечно, желали чтобъ солдаты первые пошли въ дѣло.

— Именно, сэръ, именно, и желалъ даже, чтобъ они кончили его, потому что драться — ихъ обязанность. Между-тѣмъ и мы пошли туда же, неторопясь, какъ люди, рѣшившіеся исполнить свой долгъ, не поддаваясь ни страху ни обольщеніямъ. Вдругъ мы примѣтили что-то бѣлое, шедшее большими шагами по аллеѣ къ городу. Мой констебль, всѣ шестеро, тотчасъ же дали тягу, полагая, что это должно быть привидѣніе известное подъ именемъ вудстоуской Бѣлой Жевщины.

— Слышите, полковникъ? спросилъ мистръ Гольдпофъ: не гордилъ ли я вамъ, что въ этомъ окаянномъ замкѣ водятся всякаго роду бѣсы?

— Надѣюсь, однако жъ, господниъ меръ, что вы сами остались на своемъ мѣстѣ сказалъ Эврардъ.

— Я.... да.... безъ сомнѣнія.... то есть, правду сказать, на мѣстѣ-то я не остался; однако жъ, я отступилъ съ честью, въ порядкѣ. Мы съ городскимъ писаремъ встали позади достойнаго мистра Гольдпофа, который съ отъаженностью льва дождался видѣнія и принялъ его такимъ ливнемъ латыни, что бѣсъ непременно струсилъ бы; однако жъ онъ не струсилъ и это обстоятельство открыло намъ, что то былъ вовсе не бѣсъ и не Бѣлая Женщина, а достопочтенный мистръ Блетсонъ, членъ парламента и одинъ изъ комиссаровъ, присланныхъ для несчастнаго секвестрованія вудстокскаго парка и Ложн.

— Только вы и видѣли бѣсовъ?

— Только; но больше я и не желалъ видѣть. Мы проводили мистра Блетсона въ Ложу, и онъ, дорогою, все ворчалъ, что встрѣтилъ цѣлую толпу воплощенныхъ бѣсовъ въ красныхъ кафтанахъ, хотя, по моему разумѣнью, это были драгуны, которыхъ мы пустили впередъ.

— А по моему разумѣнью, бѣсовъ лучше этихъ и видѣть нельзя! замѣтилъ Вилдрекъ, которому ужъ не въ ночь стало долге молчать.

Этотъ новый, неожиданно раздавшійся голосъ, показалъ, какъ воспримчивы еще были къ страху нервы почтеннаго мера: онъ вздрогнулъ и прыгнулъ въ сторону съ легкостью, какой нельзя было ожидать отъ его дородства и достоинства. Эврардъ заставилъ своего нескромнаго товарища молчать, а мера попросилъ досказать, чѣмъ кончилось приключеніе съ привидѣніемъ.

— Истинно вамъ скажу, сэръ, продолжалъ меръ, мистръ Гольдпофъ при этомъ случаѣ показалъ неслыханное мужество ставъ въ некоторомъ образомъ лицомъ къ лицу съ бѣсомъ и принудивъ его, такъ сказать, явиться въ человѣческомъ образѣ мистра Блетсона, члена парламента и представителя города Литльфайта.

— Конечно, почтенный меръ, сказалъ Гольдпофъ, я самымъ непростительнымъ образомъ забылъ бы всѣ преимущества, давая мнѣ высокимъ моимъ призваніемъ, если бъ похвалился отважностью, съ какою нападаю на бѣса въ какомъ бы то ни было образѣ, въ особенности же въ образѣ независимаго. Я вызываю ихъ всѣхъ, пусть выходятъ; я плюю имъ въ лицо и топчу

ихъ ногами. Но какъ почтенный мерзъ слишкомъ растягиваетъ рассказъ, господинъ полковникъ, то я въ короткихъ словахъ скажу вашей чести, что мы въ ту ночь врага не видѣли, а могли заключать о немъ только по тому, что въ первомъ страхѣ рассказалъ намъ мистръ Блетсонъ, и по безпорядку, въ какомъ мы застали полковника Дизбро и генераль-маіора Гаррисона.

— Въ какомъ же состояніи вы нашли ихъ? спросилъ Меркемъ.

— Стояло открытъ не больше половины одного глаза, чтобъ видѣть, что они были въ сраженіи, въ которомъ не одержали побѣды, отвѣчалъ Гольднофъ: генераль Гаррисонъ, съ обнаженною шпагой въ рукахъ, прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ и что-то говорилъ про себя; камзолъ у него былъ разстегнутъ, аксельбантъ тоже; подвязки болтались по ногамъ, такъ, что онъ безпрестанно спотыкался, а на лицѣ у него была гримаса, точно у обезьяны или паяса какогонибудь. Дизбро сидѣлъ за бутылкой, которая не оставила ему ни какихъ средствъ поворотить языкъ, однако жъ не придала и смѣлости поворотить голову. Онъ держалъ въ рукахъ Библію, какъ будто хотѣлъ сразиться съ нечистою силою, но... я заглянулъ ему черезъ плечо въ книгу и увидѣлъ, что бѣднякъ держитъ ее наизусть! Это то же, что, если бы изъ вашихъ стрѣлковъ кто-нибудь оборотилъ ружье прикладомъ къ непріятелю.... ха-ха-ха!... Вотъ тутъ-то можно было посмотрѣть на раскольниковъ независимыхъ со стороны головы и сердца, со стороны знанія и мужества! Тутъ-то, господинъ полковникъ, можно было отличить истинный характеръ законнаго пастыря душъ отъ проказниковъ, которые врываются въ паству безъ всякаго права и берутся проповѣдовать, учить и наставлять!

— Я не сомнѣваюсь, что вы готовы были подвергнуться опасности, мистръ Гольднофъ, но я желалъ бы знать, въ чемъ эта опасность состояла и какія обстоятельства указывали на нее.

— Мнѣ ли было спрашивать объ этомъ? вскричалъ Гольднофъ съ торжествующимъ видомъ: храбрый солдатъ развѣ спрашиваетъ о числѣ непріятеля, и съ которой стороны онъ идетъ? Нѣтъ, сэръ; пушки мои были направлены, фитили зажжены; я стоялъ готовый бросить ядра всепоражающаго слова на всю нечистую силу, хоть бы ей было больше чѣмъ пляшущихъ пылиннокъ въ лучахъ солнца, и хоть бы она шла со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта. Пусть бы этихъ бѣсовъ было и еще вдвое больше, я принялъ бы ихъ всѣхъ такъ, что они бы у меня другаго разу не захотѣли; все убрались бы въ преисподнюю!

— Но я желалъ бы знать, видѣли вы что-нибудь, надъ чѣмъ бы могли оказать свое несомнѣнное мужество?

— Видѣть я ничего не видалъ, и не искалъ. Но воры не нападаютъ на хорошо вооруженнаго путешественника; такъ и нечестная сила не посмѣетъ приступать къ истинно призванному служителю церкви....

Разговаривавшіе ушли на нѣсколько шаговъ назадъ отъ Ложы, чтобы кончить свой предметъ, но вида, что нѣтъ ни какой возможности добиться удовлетворительнаго объясненія случившейся паканунѣ тревоги, Меркемъ Эврардъ сказалъ собесѣдникамъ, что пора идти въ Ложу, и пошелъ самъ впередъ.

Начинало смеркаться; башни Вудстока высились надъ зелеными лиственными куполами лѣса, широко раскинутого вокругъ древняго зданія. Въ одной изъ высокихъ башенъ, рисовавшихся на лазури неба, свѣтился огонь похожій на свѣчу. Меръ первый пришѣлъ это и, крѣпко схвативъ Гольдшофа и Эврарда за руки, торопливо, съ трепетомъ прошепталъ:

— Видите.... свѣтъ?...

— Вижу, отвѣчалъ Эврардъ: ну, что жъ? Свѣча въ комнатѣ, въ башнѣ, въ вудстокскомъ замкѣ, кажется, не диво.

— Но свѣтъ въ Башнѣ Розамунды! возразилъ меръ.

— Правда, сказалъ полковникъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, убѣдившись, что меръ не ошибся мѣстомъ: правда, это Башня Розамунды, и довольно странно.... непонятно, какимъ образомъ этотъ свѣтъ попалъ туда, когда подъемный мостъ уже болѣе ста-лѣтъ тому назадъ уничтоженъ.

— Этотъ огонь поддерживается не земными веществами, продолжалъ меръ: это горитъ не рыбій жиръ, не оливковое масло, не воскъ и не бычачье сало.... Я торговалъ всѣми этими товарами, господинъ полковникъ, прежде чѣмъ сталъ меромъ, и могу васъ увѣрить, что узнаю свѣтъ отъ нихъ на гораздо большемъ разстояніи.... Посмотрите, это не нашего міру свѣтъ.... Развѣ вы не видите по краямъ красныхъ и синихъ полосъ?... Этого довольно, чтобъ знать, откуда онъ... Послушайте, господинъ полковникъ, по моему мнѣнію, лучше бы намъ теперь отправиться уживать, въ городъ, и оставить бѣсовъ и краснокафтанниковъ, пусть сираваются сегодня какъ хотятъ. Мы можемъ завтра утромъ прийти, и тогда поговоримъ съ тѣми, за кѣмъ останется поле сраженія.

— Вы можете дѣлать, что вамъ угодно, почтенный меръ, от-

вѣчалъ Меркемъ, а мой долгъ вѣдѣть мнѣ сегодня же повидать-ся съ комиссарами.

— А мой—итти грудью на врага, если онъ осмѣлится явиться передо мной, подхватилъ Гольдиофъ: меня вовсе не удивляетъ, что нечистая сила, видя, кто приближается, укрылась въ неприступную башню, въ послѣднее укрѣпленіе этого замка. Притомъ, бѣсъ любить гнѣздиться въ мѣстахъ, пахнувшихъ сладострастьемъ и убійствомъ. Въ этой башнѣ Розамунда творила грѣхъ, тутъ же она и убита, — тутъ и является она, или, лучше сказать, нечистый въ ея образѣ, какъ я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей въ Вудстокѣ. Я пойду съ вами, храбрый полковникъ. Почтенный меръ можетъ поступать какъ ему угодно.

— Чтò касается до меня, сказалъ меръ, я не столько ученъ и не столько храбръ какъ ваши милости, и не хочу сражаться ни съ земными ни подземными силами. Я ворочусь въ Вудстокъ.... Слушай, пріятель, прибавилъ онъ обращаясь къ Вилдреку и ударивъ его по плечу: я дамъ тебѣ одинъ шиллингъ разведанный, другой сухой, если ты проводишь меня до дому.

— Вотъ-те чортъ! вскричалъ Вилдрекъ, которому короткость и щедрость мера очень мало польстили: я еще не знаю, какой бѣсъ сдѣлалъ насъ товарищами. Впрочемъ, неужели вы думаете, что я соглашусь съ такою тресковою башкой итти въ городъ, когда, при нѣкоторой ловкости, мнѣ, можетъ-быть, удастся взглянуть на прекрасную Розамунду и удостовѣриться, точно ли она такая красавица, какъ говорятъ объ ней римоплеты и сочинители балладъ.

— Прошу выражаться по скромнѣй и по-приличнѣй, другъ, замѣтилъ пресвитеріяннинъ: мы должны итти на діавола, дабы изгнать его, а въ дѣла его входить и торгъ съ нимъ заводить намъ не слѣдуетъ.

— Замѣть себѣ, что говорить достойный пасторъ, прибавилъ Эврардъ, и впередъ берегись, чтобъ языкъ не переступалъ предѣловъ скромности.

— Я очень признателенъ достойному пастору за наставленіе, отвѣчалъ Вилдрекъ, которому именно языкъ и трудно было обуздать, даже тогда, когда этого требовала его собственная безопасность: но, милльонъ бомбъ! какъ ни опытенъ онъ въ борьбѣ съ чортомъ, а я ручаюсь, что ему никогда еще не удавалось видѣть такого, съ какимъ я возмелъ, ве будетъ ста-лѣтъ тому.

— Какъ, другъ! вскричалъ Гольдиофъ, который принялъ вся-

бую рѣчь о припадѣніяхъ и духахъ въ буквальныйъ смыслѣ: ты самъ видѣлъ бѣса?... и всё-таки ты такъ часто произносишь его имя? Это меня очень удивляетъ. Но гдѣ же и когда ты видѣлъ его?

Эрардъ, опасаясь безразсудства своего пріятеля, который могъ надѣлать бѣды еще болѣе явнымъ намекомъ на Кроуведа, поспѣшилъ самъ отвѣчать за него.

— Этотъ молодой человѣкъ вздоръ говоритъ, сказалъ онъ: онъ говоритъ о снѣ, что видѣлъ въ ночь, которую мы съ нимъ провели въ зѣмкѣ, въ комнатѣ Виктора Ли.

— Спасибо, патронъ; я вижу, что ты не выдашь меня въ случаѣ нужды, шепнулъ Вилдрекъ на ухо другу, который напрасно старался отдѣлаться отъ него.

— И вы полковникъ, продолжалъ Гольднофъ, вы тоже говорили немножко необдуманно объ этомъ предметѣ, особенно когда вамъ предстоитъ такое дѣло. Повѣрьте мнѣ, очень вѣроятно, что этотъ молодой человѣкъ видѣлъ не сонъ, а видѣніе. Я всегда слышалъ, что послѣ башни, гдѣ Розамунда грѣшила и была отравлена королевою Элеонорой, комнату Виктора Ли всего чаще посѣщаетъ вѣчная сила въ этомъ зѣмкѣ. Сдѣлайте одолженіе, молодой человѣкъ, скажите мнѣ, какого роду былъ сонъ вашъ или, лучше сказать, какое привидѣніе вамъ являлось?

— Съ удволеніемъ, сэръ, отвѣчалъ Вилдрекъ и, обращаясь къ Эрарду, который хотѣлъ помѣшкать, продолжалъ: погодите, полковникъ, я цѣлый часъ предоставлялъ вамъ всю бесѣду; отчего же и мнѣ не приняться за кости, въ мою очередь? Клянусь тьмой! если вы станете осуждать меня на совершенное молчаніе, я сдѣлаюсь независимымъ и на зло вамъ стану проповѣдовать права свободной совѣсти и вѣры каждого. Слушайте же, достойный мистръ Гольднофъ; мнѣ видѣлось, будто я смотрю на мірское удовольствіе, называемое травлей быковъ, будто цѣлая стая собакъ храбро нападала на рогатое животное, и будто слухъ носился, что самъ сатана пришелъ посмотреть на побойще. Ладно же, чортъ возьми! подумалъ я: не худо будетъ взглянуть и мнѣ на его мрачную милость. Вотъ я и сталъ поглядывать во всѣ стороны, и вижу мясника въ засаленномъ шерстяномъ кафтанѣ, съ большимъ ножомъ у пояса; но это былъ не бѣсъ. Потому я видѣлъ пьянаго кавалера съ ругательствами на языкѣ, съ пустотой въ желудкѣ, въ помощенномъ шитомъ золотомъ кафтанѣ и въ старой шляпѣ съ опшпаннвымъ перомъ: и это былъ

не бѣсъ. Далѣе я видѣлъ мальчика, съ руками запачканными мукой, въ которой не было ни одного зерна не краденнаго, и трактирщика въ зеленомъ фартукѣ, облитомъ все подмѣшаннымъ виномъ: но все это былъ еще не бѣсъ, котораго я искалъ. Наконецъ я примѣтилъ важную особу съ гладко стриженной головой, съ длинными ушами, съ дѣтскимъ нагрудникомъ подъ подбородкомъ, въ коричневомъ долгополомъ кафтанѣ и въ голубомъ жевевскомъ плащѣ. Это былъ самъ Олдъ-никъ, самъ бѣсъ, потому что....

— Стыдно, стыдно! перебилъ Эврдъ: какъ можно говорить такія вещи въ присутствіи пастора, почтеннаго старика!

— Не мѣшайте, пусть его, возразилъ Гольднофъ совершенно спокойно: вашему пріятелю, или вашему секретарю, угодно пошутить. У меня, значитъ, не было бы приличнаго моему званію терпѣнія, если бы я не умѣлъ снести насмѣшки и простить насмѣшнику. Но если же, съ другой стороны, врагъ дѣйствительно являлся въ описанномъ видѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: говорятъ же, что онъ иногда принимаетъ на себя образы чистыхъ духовъ; отчего жъ ему не принять образа грѣшнаго человѣка, который, по призванію своему, конечно, долженъ былъ бы всегда вести себя такъ, чтобы служить другимъ образцомъ, однако жъ иногда дотога заблуждается, что служить примѣромъ слабости человѣческой плоти?

— Клянусь честью, почтеннѣйшій мистръ Гольднофъ, я прошу у васъ извиненія! вскричалъ Вилдрекъ, тронутый кроткимъ упрекомъ пресвитеріанина: клянусь честью! если для побѣжденія нечистой силы нужно только терпѣніе, то вы смѣло можете съиграть партію съ самимъ сатаной, а я соглашусь держать толькоклады.

Тутъ они подошли къ воротамъ Ложи, и поставленный тамъ часовой окликнулъ ихъ громкимъ «кто идетъ?»

— Другъ! отвѣчалъ Эврдъ.

— Стой же, коли другъ, продолжалъ часовой, и позвалъ капрапа.

Капрапа пришелъ, и на спросъ его, полковникъ сказалъ свое имя.

— Я не сомнѣваюсь, что получу приказаніе впустить васъ, отвѣчалъ тогда капрапа, но я долженъ напередъ сказать объ этомъ мистру Томкинсу, чтобы онъ доложилъ господамъ комиссарамъ.

— Какъ! сказалъ Эврдъ: ты слышишь, кто я, и хочешь за-

ставить меня ждать за воротами, пока будутъ исполнены всѣ эти формальности?

— Если вашей милости угодно войти, я сопротивляться не стану, отвѣчалъ капралъ, но только ужъ вы извольте поручиться, что возьмете всю мою отвѣтственность на себя.

— Ну, хорошо, исполняй свое дѣло, сказалъ Эвхардъ. Но что же это, кавалеры что ли подступаютъ, что приказъ по стражѣ такъ строгъ?

Капралова отвѣта слыши было разслышать; онъ только себя подъ носъ проговорилъ что-то о врагѣ и о рыкающемъ львѣ, который ищетъ добычи.

Черезъ минуту потомъ явился Томкинсъ съ двоими слугами, которые несли свѣчи въ большихъ мѣдныхъ шандалахъ. Они пошли впередъ полковника по длинному корридору, къ большой лѣстницѣ, и такъ жался одинъ къ другому, что толкались локтями. Такимъ образомъ они пришли въ большую залу, гдѣ горѣлъ большой огонь въ каминѣ и было засвѣчено около дюжины свѣчъ въ канделябрахъ, по стѣнамъ. Тутъ сидѣли комиссары, овладѣвшіе вудстокскимъ замкомъ.

X.

«Медвѣдь, — независимое, безобразное чудовище, — глухо ворчалъ... Подлѣ него обезьяна, сушая атеистка, передразнивала всѣ секты и ни къ одной не приставала.»

Драйденъ.

При множествѣ свѣту въ этой комнатѣ, Эвхардъ тотчасъ узналъ Дизбро, Гаррисона и Блетсона. Они сидѣли подлѣ каминна, за большимъ дубовымъ столомъ съ виномъ, элемъ и всѣми приборами для куревья, — единственными удовольствіями, какія тогда считались позволенными. Между столомъ и дверью стояла большая горка, на которой, въ прежнія времена, при торжественныхъ случаяхъ, ставился серебряный сервизъ. Теперь она служила только ширмами и исполняла эту службу такъ хорошо, что пока Эвхардъ обошелъ ее вокругъ, онъ могъ слышать, что сказалъ своимъ хриплымъ, басистымъ голосомъ Дизбро:

— Ручаюсь, онъ послалъ его, чтобъ мы подѣлались съ нимъ.... Это всегдашнее обхожденіе его превосходительства, моего шурина. Заказавъ обѣдъ на пять человекъ онъ приглашаетъ столько

народу, что за столъ не усадутся. Я самъ видѣлъ, какъ онъ пригласилъ троихъ обѣдать и подалъ два яйца.

— Тихе, тихе, сказалъ Блетсонъ, и двое слугъ, выступивъ въ за горки, доложили о полковникѣ Эврадѣ.

Дизбро былъ челоуѣкъ средняго росту, дюжій, съ бычачьею шеей, пошлыми, грубыми чертами, густыми сѣдоватыми бровями и мутными глазами. Счастіе могущественнаго шурина озарило и его; поэтому онъ отличался богатствомъ костюма, гораздо болѣе украшеннаго чѣмъ вообще было принято у Круглоголовыхъ. Плащъ на немъ былъ съ шитьемъ, галстухъ съ кружевами, шляпа съ перомъ и золотою застежкой, словомъ, весь нарядъ былъ болѣе приличенъ придворному чѣмъ офицеру парламентской арміи; не доставало только изящества и достоинства, какія придаетъ жизнь при дворѣ, и прекрасный костюмъ во всей наружности и къ обращенію Дизбро шелъ точно такъ же какъ золотыя лапы къ поросенку.

Онъ не то чтобы былъ безобразенъ, если посматрѣть на него вблизи, но всѣ члены его двигались по какимъ то особеннымъ противорѣчающимъ законамъ: имъ какъ будто не доставало равновѣсія и они походили скорѣе на недовольныхъ представителей какихъ нибудь союзныхъ штатовъ чѣмъ на различныхъ по строю подчиненныхъ сановниковъ монархіи, гдѣ каждый знаетъ свое мѣсто и повинуетея общей главѣ.

Генералъ Гаррисонъ, — второй членъ комиссіи, — былъ высокаго росту худошавый мужчина. Онъ дослужился до своего чина и снискалъ расположеніе Кромвеля испытанною своею храбростію, а извѣстности въ народѣ достигъ пылкою восторженностью, которою отличался посреди независимыхъ сектаторовъ и «благочестивыхъ» воиновъ.

Гаррисонъ былъ низкаго происхожденія и по прилѣту своего отца занимался прежде ремесломъ мясника. Однакожъ фizioномія у него, хотя также грубая, была не такая пошлая какъ у Дизбро, который имѣлъ передъ нимъ всѣ преимущества рожденія и воспитанія. Физическая сила его соответствовала росту и красивому сложенію, и хотя въ манерахъ его было много грубаго, однакожъ они могли внушить только страхъ, а не презрѣніе и не смѣхъ. Острый носъ и большіе черные глаза придавали выразительность неправильнымъ чертамъ лица, и дикая восторженность, которая то горѣла въ глазахъ, когда онъ сообщалъ другимъ свои мнѣнія, то, низалось, дремала подъ длинными черными рѣсницами,

когда онъ предавался размышленію, придавала его наружности что-то поразительное и даже благородное.

Онъ былъ однимъ изъ главныхъ предводителей фанатиковъ, которыхъ называли «народомъ пятой монархіи» и которые, опережая всё сумасбродства своего вѣка, по произволу своего днаго воображенія, толковали Апокалипсисъ, ждали вскорѣ втораго пришествія Мессіи и «тысячелѣтія» или царства святыхъ на землѣ. Они считали себя одаренными способностью предвидѣть все это и избранными орудіями къ учрежденію новаго царства, или пятой монархіи; по этому имъ же приходилось и пользоваться всѣми почестями въ этомъ царствѣ.

Когда эта мечта, походившая на помѣшательство, не дѣйствовала на мозгъ Гаррисона, онъ былъ столько же ловкимъ человѣкомъ въ жизни, сколько хорошимъ солдатомъ въ службѣ. Онъ не упускалъ ни одного случая устроить и поправить свое состояніе, и, въ ожиданіи пятой монархіи, охотно служилъ орудіемъ къ упроченію власти Кромвеля. Трудно опредѣлить, отчего,—оттого ли что въ прежнемъ ремеслѣ онъ привыкъ равнодушно смотрѣть на страданія истекающихъ кровью животныхъ, или отъ природной безчувственности, или, наконецъ, отъ фанатизма, по второму всякій сопротивлявшійся казался ему противникомъ воли Божіей и, слѣдовательно, не заслуживающимъ ни состраданія ни пощады,—но всё согласны въ томъ, что, послѣ побѣды или взятія какого нибудь мѣста приступомъ, Гаррисонъ всегда оказывался самымъ жестокимъ и самымъ кровожаднымъ изъ подвижниковъ Кромвеля. Онъ всегда имѣлъ наготовѣ нѣсколько текстовъ, которыми, при произвольномъ толкованіи, оправдывалъ свѣрвное избіеніе бѣгущихъ и даже плѣнныхъ. Говорятъ, по-временамъ, нѣкоторыя жестокости тревожили его совѣсть и возмущали благополучныя грезы его воображенія.

Таковъ былъ достойный представитель фанатиковъ ратниковъ изъ которыхъ состояли Кромвелевы полки и которыхъ честолюбецъ старался сохранить въ строю, между-тѣмъ какъ сократилъ число тѣхъ войскъ, въ которыхъ преобладало число пресвитеріанъ.

Когда Эзраджъ вошелъ, Гаррисонъ сядѣлъ поодаль отъ своихъ товарищей, скрестивъ и вытянувъ ноги передъ огнемъ, рукой подперевъ подбородокъ и уставивъ глаза въ потолокъ, какъ будто внимательно изучалъ готическія украшенія.

Влетѣвъ, по наружности, нисколько не походивъ на своихъ

сочленовъ по комиссиѣ. Одежда его была ни небрежна, ни изысканна, и не показывала ни какого знака военнаго званія. Маленькая шпага висѣла при бедрѣ, казалось, только для того чтобъ отличать его какъ джентльмена, а не потому чтобы рука желала знакомиться съ ефесомъ или глазъ съ клявкомъ. Выраженіе сухощаваго, немножко морщинистаго лица было плутоватое и постоянно насмѣшливое, презрительное, такъ, что, казалось, говорило всякому сошедшемуся съ нимъ — Блетсонъ умѣй тебя. Онъ дѣйствительно могъ служить примѣромъ торжества духа надъ матеріей, потому что при всѣхъ стычкахъ своимъ умомъ умѣлъ уклониться и отъ сабли и отъ пули.

Этотъ миролюбивый господинъ однакожь принужденъ былъ въ началѣ междоусобной войны служить въ парламентской арміи, но столкнулся, по несчастію, съ неукротимымъ принцемъ Рупертомъ и подвергся за отступленіе такому поспѣшному обвиненію, что все вліяніе друзей едва-едва спасло его отъ военнаго суда. Однако жъ Блетсонъ былъ хорошій ораторъ, рѣчи его производили сильное впечатлѣніе въ палатѣ представителей, — въ настоящей его сферѣ, — и поведеніе его въ Эдживли скоро забыли; онъ продолжалъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ политическихъ дѣлахъ того смутнаго времени, но уже не подвергался болѣе опасностямъ войны.

По основаніямъ своей политической теоріи Блетсонъ долгое время былъ склоненъ держаться стороны Гаррисона и многихъ другихъ безумцевъ мечтателей, которые задумывали обратитъ въ чисто демократическую республику такое обширное государство какова Англія. Это была мысль нелѣпная въ странѣ, гдѣ существуетъ такое множество рѣзкихъ разлчій по сословіямъ, обычаямъ, воспитанію и нравамъ, съ огромною несоразимѣрностью имуществъ и гдѣ большая часть народонаселенія состоитъ изъ людей по своимъ попятіямъ совершенно неспособныхъ принимать участіе въ дѣлахъ правленія, которое, какъ предполагается, должно въ республикѣ быть общею обязанностью. Оттого-то, лишь-только сдѣлали опытъ, тотчасъ оказалось очевиднымъ, что подобная форма правленія не могла представлять ничего прочнаго, ничего возможнаго, и вопросъ состоялъ только въ томъ, удержится ли во главѣ правленія долгій парламентъ, несмотря на то что онъ отъ постоянной убыли членовъ сократился уже до двадцати человекъ и утратилъ все довѣріе народа, или онъ снова все повергнетъ въ замѣшательство, объявивъ себя распущеннымъ и

потребовать созванія новаго парламента, о которомъ нельзя было предвидѣть, ни изъ какихъ людей онъ составится, ни какія мѣры принять, когда соберется, или, наконецъ, Кромвель, — какъ и случилось, — бросить на вѣсы свою шпагу и смѣло возьмется за власть, которой парламентъ не способенъ сохранить и которую однакожь боялся упустить изъ рукъ?

Въ такомъ положеніи дѣлъ, государственный совѣтъ, какъ исполнительная власть, раздавая милости, какими могъ распорядиться, старался удовлетворить и унижить армию, какъ вѣщій бросаетъ корку хлѣба ворчащей собацѣ. Дѣйствуя въ такихъ видахъ, онъ назначилъ комиссарамъ секвестра въ Вудстокъ полковника Дизбро, чтобъ угодить Кромвелю, Гаррасону, чтобъ польстить неустранимымъ сектаторамъ пятой монархіи, и чистосердечнаго республиканца Блетсона, который могъ служить представителемъ ихъ собственной партіи.

Но если члены совѣта и парламента предполагали, что Блетсонъ имѣетъ хоть малѣйшее расположеніе сдѣлаться мученикомъ своей любви къ республикѣ или подвергнуться какому-нибудь важному лишенію ради поддержанія своего мнѣнія, то они очень ошиблись въ немъ. Онъ чистосердечно принялъ ихъ ученія и не менѣе твердо держался этихъ ученій даже послѣ того какъ они уже были признаны неудобопримѣнимыми, — неудавшійся опытъ точно такъ же не разочаровываетъ политическаго спекулятора, какъ лопнувшая реторта не разочаровываетъ алхимика, — однако жъ Блетсонъ былъ готовъ также подчиниться и Кромвелю, и всякому, у кого въ рукахъ будетъ власть, и Кромвель зналъ это; онъ былъ увѣренъ въ немъ какъ въ мягкомъ воскѣ, на которомъ можно отпечатать всякую печать, и улыбался про себя, видя, какъ совѣтъ осыпаетъ Блетсона наградами, какъ вѣрнаго приверженца.

Гораздо болѣе чѣмъ политическими теоріями Блетсонъ дорожилъ своими метафизическими идеями, въ которыхъ первымъ догматомъ и основаніемъ у него служила «душа міра», *animus mundi*, и въ которыхъ онъ подходилъ къ атензму такъ близко какъ только возможно человѣку подойти. Это однако жъ не мѣшало ему быть суевѣрнымъ: есть много людей суевѣрныхъ, у которыхъ страхъ не оправдывается ни какою вѣрой. Нечистые духи, говорятъ, вѣрятъ и трепещутъ, а на землѣ есть существа, которые, хуже чѣмъ первородные чада грѣха, трепещутъ ни во что не вѣруя.

Ко всѣмъ спорамъ папистовъ и пресвитеріанъ и къ преніямъ

независимыхъ, квакеровъ, анабаптистовъ, мегльменовъ, браунистовъ и всѣхъ сектъ, которые начали и поддерживали междоусобную войну, Блетсонъ питалъ глубочайшее презрѣнiе; онъ клеймилъ ихъ всѣхъ болѣе или менѣе замысловатыми насмѣшками, но только не всегда явно: онъ умѣлъ выбирать на это безопасное время и мѣсто, — напримѣръ въ Гаррингтоновомъ клубѣ, что назывался Ротою и былъ основанъ именно для разсужденiй о политическихъ и религіозныхъ предметахъ. Въ этой академіи онъ очень остерегался обнаружить пренебреженіе къ принятымъ и господствующимъ мнѣнiямъ.

Когда ему случалось одинъ на одинъ говорить съ какимъ-нибудь повятливымъ и простодушнымъ молодымъ человѣкомъ, онъ тотчасъ же старался сдѣлать изъ него своего послѣдователя и очень ловко оболщалъ самолюбіе неопытнаго, представляя ему, что *такому* уму слѣдуетъ возвыситься надъ предрасудками толпы, внушенными ему въ дѣтствѣ; *такому* человѣку пужно сбросить дѣтскія помочи и взяться за свой собственный разсудокъ, судить и дѣйствовать самостоятельно. И часто случалось, что молодой человѣкъ, съ *такимъ* умомъ, принималъ ученіе мудреца, который открылъ ему его природный геній и способности. Такимъ образомъ лестъ вербовала безвѣрію и безбожію приверженцевъ, которыхъ ни какъ не увлекли бы ни самое блестящее краснорѣчіе ни самые замысловатые софизмы.

И эти попытки увеличить число философовъ своей секты Блетсонъ также дѣлалъ очень осторожно. Онъ зналъ, что его ученія заподозрѣны и что за всѣми поступками его наблюдаютъ двѣ главныя секты, епископцы и пресвитеріане, которые хотя были враги между собою, однако жъ еще больше должны были ожесточаться противъ непризнававшаго ни какой церкви и ни какого христіанскаго догмата. Поэтому Блетсону удобнѣе было укрыться между независимыми, которые требовали всеобщей свободы исповѣданiй, безусловной вѣротерпимости, и которыхъ вѣрованiя, отличаясь во всѣхъ отношенiяхъ и во всѣхъ подробностяхъ отъ вѣрованiй прочихъ сектъ, были доводимы многими до такихъ великихъ заблужденiй, что согласовался въ послѣднихъ заключенiяхъ съ совершеннымъ безвѣріемъ, — потому что крайности сходятся, говорятъ.

Блетсонъ пользовался большимъ уваженіемъ между всѣми этими сектаторами, а самъ былъ до того увѣренъ въ своей логикѣ и ловкости, что, говорятъ, падѣлся даже обратить въ свои послѣ-

дѣатели восторженнаго Вэзе и Гаррисона; онъ хотѣлъ убѣдить ихъ, чтобъ отказались отъ своихъ грезъ о пятой монархіи и удовольствовались бы царствованіемъ философовъ въ Англіи, продолженіи земной ихъ жизни, вмѣсто царствованія святыхъ въ продолженіи тысячелѣтій.

Такова была компанія, въ которую мы ввели Меркема Эврарда. Эти три существа разностью своихъ убѣжденій показывали, на сколькихъ подводныхъ скалахъ можетъ претерпѣть крушеніе человѣческой разумъ, когда онъ лишается якоря религіи. Изобрѣтательное самолюбіе и свѣтская ученость Блетсона и невѣжественные и самопадѣянные выводы мрачнаго и грубаго Гаррисона, вели того и другаго къ противоположнымъ крайностямъ безвѣрія и фанатизма, какъ бурныя волны заносятъ пловцовъ въ безбрежное море, между тѣмъ какъ Дизбро, отъ природы ограниченный, вовсе не думалъ о религіи и тонулъ не выходя изъ гавани.

ХII.

Блетсонъ всталъ и поклонился полковнику Эврарду съ ловкостью и вѣжливостью джентльмена, хотя во всѣхъ отношеніяхъ досадовалъ на его приходъ, и смотрѣлъ на него какъ на челоѣка религіознаго, который ненавидитъ ученія вольнодумцевъ и, слѣдовательно, помѣшаетъ ему въ предпріятомъ обращеніи Гаррисона и Дизбро. Притомъ, Блетсонъ зналъ, что Эверардъ, по своимъ строго-честнымъ правиламъ, вовсе не будетъ расположенъ содѣйствовать или участвовать ему въ планѣ, на счетъ котораго онъ уже съ успѣхомъ выпыталъ своихъ двоихъ товарищей и который имѣлъ цѣлью обезпечить комиссарамъ кое-какое тайное вознагражденіе за труды. Еще менѣе пріятно было философу появленіе мера и пастора, которые въ предшествовавшую почъ встрѣтили его, когда онъ бѣжалъ изъ Ложи, «постыдно бросивъ свою палицу», какъ говоритъ Гораций, и забывъ второпяхъ даже плащъ.

Полковнику Дизбро приходъ Эврарда былъ точно такъ же непріятенъ, но онъ не вѣрнулъ въ существованіе челоѣка, способнаго устоять передъ искушеніемъ мѣшка съ несчитанными деньгами, и сокрушался только о томъ, что съ прибытіемъ новаго товарища уменьшатся доли добычи. Это обстоятельство увеличило неловкость, съ которою онъ пробормоталъ что-то въ родѣ привѣтвія.

Что до Гаррисона, тотъ оставался безстрастнымъ, какъ чело-

вѣкъ, котораго мысль парить выше; онъ не перемѣнилъ своего положенія, даже глазъ не свелъ съ потолка, и ничто не показывало, чтобы онъ замѣтилъ прибывшихъ.

Между-тѣмъ Эврдъ сѣлъ за столъ какъ человѣкъ, который знаетъ свое право, и подаль провожатымъ знакъ, чтобы помѣстились на нижнемъ концѣ стола. Виддрекъ, по ошибкѣ или по разсѣянности, сѣлъ выше мера, но взглядъ полковника напомнилъ ему его роль; онъ всталъ, пересѣлъ ниже, насвистывая пѣсню, что обратило на него вниманіе всего общества, удивленнаго такимъ вольнымъ поведеніемъ. Чтобы совершенно дошолать забвѣніе приличій, онъ взялъ трубку, набилъ и скоро облекся въ атмосферу дыму, изъ котораго черезъ нѣсколько времени протянулась рука и опять скрылась вмѣстѣ съ кружкою элю. Утоливъ жажду, Виддрекъ поставилъ кружку обратно на столъ и снова сталъ укрываться за облака, нѣсколько разсѣяннымъ движеніемъ кружки.

Никто не сдѣлалъ замѣчанія на его поведеніе, вѣроятно, изъ уваженія къ полковнику. Самъ Эврдъ кусалъ губы, но молчалъ, опасаясь упрекомъ только вызвать у пріятеля отвѣтъ, который еще больше изобличитъ кавалера. Чтобы прервать неловкое молчаніе, котораго никто изъ комиссаровъ, по-видимому, не намѣренъ былъ нарушить, Эврдъ сказалъ:

— Вы, господа, я полагаю, удивляетесь, что я незваннымъ гостемъ явился къ вамъ?

— Коего чорта намъ удивляться, полковникъ? отвѣчалъ Дизбро: намъ извѣстны привычки его превосходительства, моего шурина Нолля... лорда-генерала, то есть, хотѣлъ я сказать. Мы знаемъ, что онъ на всѣхъ переходахъ ставитъ въ каждомъ городѣ больше ратниковъ нежели возможно помѣстять. Вы назначены четвертымъ комиссаромъ?

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Блетсонъ съ улыбкою и поклономъ, лордъ-генералъ не могъ выбрать намъ товарища болѣе пріятнаго. Вы, конечно, и отъ парламента получили предписаніе?

— Я сейчасъ представлю вамъ приказы, которые я получилъ, отвѣчалъ полковникъ.

И онъ хотѣлъ достать изъ кармана бумагу отъ Кромвеля, но замѣтилъ, что на столѣ стоятъ три или четыре опорожненные кружки и флажки, что Дизбро тупѣе обыкновеннаго, и самъ филозофъ, несмотря на обыкновенную свою воздержность, смотритъ

нужными глазами. Изъ всего этого Эвгардъ заключилъ, что комиссары подкрѣпили себя противъ страха нечистой силы, что называется, голландскою храбростью, и рѣшился отложить объясненіе до утра, когда они будутъ по-хладнокровнѣе.

— Мое прибытіе сюда, сказалъ онъ, конечно, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вашему дѣлу, но, извините мое любопытство.... Вотъ почтенный пасторъ Гольднофъ.... Онъ сказалъ мнѣ, будто вы находитесь въ такомъ странномъ затруднительномъ положеніи; что безъ содѣйствія гражданскихъ и духовныхъ властей не можете удержаться въ этомъ замкѣ?

— Позвольте прежде узнать, кто этотъ третій молодой человекъ, что пришелъ съ вами? возразилъ Блетсонъ, покраснѣвъ до зрачковъ отъ воспоминавія о своемъ побѣгѣ и желая отклонить объясненіе.

— Обо мнѣ рѣчь? сказалъ Вилдрекъ, положивъ трубку: милльонъ бомбъ! было время, когда я могъ отвѣчать на такой вопросъ и придать себѣ званіе получше, но теперь я не болѣе какъ смиренный писарь, или секретарь его милости.

— Языкъ-то у тебя остеръ, я вижу, молодецъ, сказалъ Дизбро: вотъ мой секретарь, Томкинсъ, котораго довольно неприятно прозвали Фиббетомъ, и секретарь почтеннаго генераль-маіора Гаррисона, Биббетъ *, что теперь вмѣстѣ ужинаютъ на кухнѣ, тѣ, щадя свои уши, не посмѣютъ вслухъ говорить при своихъ начальникахъ, когда ихъ не спрашиваютъ.

— Да, мистръ Эвгардъ, подхватилъ съ улыбкою философъ, это правда, и когда Фиббетъ и Биббетъ говорятъ, мнѣнія ихъ всегда согласны, какъ и имепа, которыя, кажется, для того придуманы, чтобъ дать стихотворцамъ двѣ римы. Когда мистру Фиббету случится солгать, мистръ Биббетъ клянется, что это истинная правда, а когда мистру Биббету случится нарѣзаться, мистръ Фиббетъ отдастъ голову на отсѣченіе, что его товарищъ пилъ только воду. Моего секретаря зовутъ Джибиономъ, — рекомендую, полковникъ; истинный Израильтявинъ, молодой человекъ чистый какъ чистѣйшій жидъ, — но я прозвалъ его Джиббетомъ, чтобы дополнить терцетъ третью римой. Этотъ шутъ, вашъ секретарь, кажется будетъ имъ достойнымъ товарищемъ.

— Извините, возразилъ Вилдрекъ: я не желаю связываться съ собаками жидами, ни даже съ жидовками.

* Fibbet и Bibbet, *лзунника* и *пьянушка*, простонародныя прозвища.

— Не изволь такъ презирать Евреевъ, молодой человекъ, сказалъ философъ: ты знаешь, что по вѣрѣ они старшіе твои братья.

— Жиды старшіе братья христіанъ! вскричалъ Дизбро: берегись, Блетсонъ; за такія рѣчи тебя потащатъ въ судъ передъ общее собраніе.

Видрекъ безъ церемоніи разсмѣялся надъ невѣжествомъ полковника Дизбро, и за горкою послышался полузаглушенный отголосокъ. Собесѣдники захотѣли узнать, кто тамъ, и нашли троихъ слугъ, которые, поставивъ свѣчи на столъ, побоялись выйти изъ комнаты безъ свѣту и спрятались тутъ.

— Что вы, мошенники! вскричалъ Блетсонъ: такъ-то вы исполняете вашу службу?

— Простите, ваша честь, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: мы не посмѣли безъ огня идти внизъ.

— Безъ огня? Трусы! продолжалъ философъ: а вачто вамъ оговѣ? Чтобы видѣе было, кто изъ васъ больше поблѣдѣеть? Возьмите свѣчу и убирайтесь, трусишки. Безвкусники тѣ черти, которые поговаются за такими летучими мышами.

Слуги взяли свѣчу и пошли; Томкинсъ шелъ впередъ, но едва они подошли къ полуотворенной двери, она шумно захлопнулась. Испуганные слуги бросились назадъ въ комнату и всѣхъ господъ вскочили на ноги.

Эврдъ былъ неспособенъ поддаться страху; онъ остался на своемъ мѣстѣ, чтобы посмотреть, чтѣ будетъ, и разгадать, если возможно, причину такой тревоги отъ ничтожнаго обстоятельства. Философъ, вѣроятно, счелъ нужнымъ показать при этомъ случаѣ свою мужественную твердость.

Онъ пошелъ къ двери, ворча чтѣ-то на трусовъ слугъ, однако жъ улиткообразное движеніе его доказывало, что онъ не прогнѣвался бы, если бъ кто-нибудь обогналъ его.

— Малодушные негодяи! сказалъ онъ наконецъ взявшись за ручку замка, однако не поворачивая ее: неужели вы не смѣете отворить и двери? бонтесь безъ свѣту сойти съ лѣстницы? По-свѣтите мнѣ, жалкіе трусы!.... Стой! это что?.... Право, за дверями кто то вздыхаетъ!

Съ этимъ словомъ онъ опустилъ замокъ и, блѣдный какъ полотно, отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Deus adjutor meus! сказалъ пресвитеріанецъ въ свою очередь выступая впередъ: пустите меня, сэръ: я лучше васъ знаю, какъ слѣдуетъ поступить въ подобныхъ обстоятельствахъ. Возблагодаримъ Господа, что вооружилъ меня на бравь.

Достойный пасторъ, хотя вѣрнулъ въ дѣйствительность опасности, однако жъ отважно, какъ гренадеръ, готовый лѣзть на батарею, и съ вѣброу въ правоту своего дѣла, опередилъ философа Блетсона, взялъ свѣчу, спокойно отворилъ дверь и, ставъ на порогѣ, сказалъ:

— Здѣсь ничего нѣтъ.

— Да кто жъ кромѣ этихъ трусовъ и предполагалъ видѣть что-нибудь! сказалъ Блетсонъ: эти дурачье боятся ужъ и вѣтру, который ходитъ здѣсь по старому дому.

— Вы видѣли, мистръ Томкинсъ? спросилъ одинъ изъ слугъ: вы видѣли нашего пастора, какъ онъ отважно пошелъ впередъ всѣхъ? Вотъ, что значить истинно призванный проповѣдникъ и учитель, мистръ Томкинсъ.

— Кому угодно, пусть идетъ впередъ или за мною, сказалъ Гольдвофъ: я осмотрю весь домъ и удостовѣрюсь, точно ли печетый поселился въ этомъ Вавилонѣ стариннаго печестія, или мы, какъ злой челоуѣкъ, о которомъ говоритъ Давидъ, трепещемъ и бѣжимъ, когда никто за нами не гонится.

Услышавъ это, Гаррисонъ наконецъ также всталъ, обнажилъ шпагу и вскричалъ:

— Хоть бы въ этомъ домѣ было столько же нечестой силы, сколько у меня волосъ на головѣ, я буду гнать ее до послѣдняго ея убѣжища.

Съ этимъ словомъ онъ взмахнулъ шпагой и сталъ въ головѣ колоны, подлѣ пресвитеріанна. За ними всталъ меръ города Вудстока, которому казалось всего надежнѣе быть подлѣ пастора, и весь отрядъ сомкнутою колонной двинулся въ сопровожденіи слугъ со свѣчами, отъискивать причину своего страха.

— Позвольте, я пойду съ вами, сказалъ Эвардъ, но Блетсонъ схватилъ его за полу и просилъ остаться.

— Извиняте, полковникъ, сказалъ съ принужденнымъ спокойствіемъ, которому взмѣняло дрожаніе голосу: вы видите, здѣсь всего гарнизону остается три челоуѣка, — вы, я и Дизбро, между-тѣмъ какъ другіе пошли на вылазку. По правиламъ военного искусства, не должно высылать всю силу въ одну сторону... ха-ха-ха!

— Но скажите, ради Бога, что все это значить? спросилъ Эвардъ: отправляясь отсюда, я выслушалъ довольно глупый рассказъ о привидѣніяхъ, а теперь нахожу васъ всѣхъ помѣшанными отъ страху и ни у кого не могу добиться разумнаго сло-

ва. Стыдно вамъ, полковникъ Дизбро! стыдно вамъ, мистръ Блетсонъ! Постарайтесь успокоиться и расскажите мнѣ, отчего весь этажъ переполохъ? Можно подумать, что у всѣхъ у васъ головы опрокинулись.

— Моя точно была опрокинута и переопрокинута, отвѣчалъ Дизбро: въ прошлую ночь меня совѣлъ, съ кроватью, опрокинули и я пролежалъ минуту десять вверхъ ногами и внизъ головой.

— Это чтò за глупости, Блетсонъ? Или у полковника Дизбро было сонное давленіе?

— Право, не знаю, полковникъ, отвѣчалъ философъ: но духи, или чортъ какъ знаетъ кто, обошлись съ почтеннымъ Дизбро не очень благосклонно: они поставили все его тѣло на ту точку, которая, по справедливости.... чу!.... не слышали ли вы чего?... которая, по справедливости, можетъ назваться у него центромъ тяжести, то есть, на голову.

— Чтò жъ, видѣли вы чтò-нибудь страшное?

— Видѣть, ничего не видали, не слышали, и всѣ наши люди слышали адскую стукотню. Я не вѣрю въ духовъ и привидѣнія; я заключилъ, что кавалеры хотятъ напасть на насъ, и потому, вспомнивъ, чтò случилось въ Ренсбро, выскочилъ въ окно и побѣжалъ въ Вудстокъ за солдатами.

— Но вы не посмотрѣли напередъ, въ чемъ состоитъ опасность?

— Вы забываете, любезный другъ, что я подалъ въ отставку, когда въ арміи поселился духъ фанатизма. Мнѣ невозможно было оставаться въ толпѣ крикуновъ, которые не признаютъ ни какой дисциплины: это было бы не согласно съ моими парламентскими обязанностями. Самъ парламентъ приказалъ мнѣ вложить шпагу въ ножны, и я слишкомъ уважаю его волю, чтобы когда-либо снова обнажить ее.

— Но парламентъ, вскричалъ Дизбро, не приказывалъ вамъ бѣжать со всѣхъ ногъ, когда ваши руки могли бы спасти чело-вѣка отъ удушенія. Тысячу бы вамъ напастей! вы могли бы остановиться, когда видѣли, что моя кровать стоитъ нижнимъ концомъ къ верху и я задыхаюсь подъ матрасомъ! Вы могли бы, говорю я, вытащить меня, вмѣсто-того чтобъ выскочить въ окно какъ стриженный баранъ.

— Любезнѣйшій мистръ Дизбро, отвѣчалъ Блетсонъ, моргнувъ однимъ глазомъ Эврарду, чтобъ показать, что намѣренъ пошу-

тигъ надъ тупоушными товарищами: почему мнѣ было знать, какъ вы впривычку спать? Вкусъ различны. Я зналъ такъжѣ, которое вначѣ не могло уснуть какъ на покатоги въ сероки пять градусовъ наклоненія.

— Можетъ-быть, возразилъ Дизбро: но, ужъ конечно, вы не видали такихъ, которые спятъ на покатоги внизъ головой и вверхъ ногами.... развѣ ужъ чудо какое-нибудь.

— Чтѣ до чудесъ, продолжалъ философъ, которому присутствіе Эврарда придавало бодрости и шутливости: объ явкѣ и толковать нечего, любезный мистръ Дизбро: всѣ наши чудеса точно такъ же способны убѣдить разсудительнаго человѣка, какъ волосье годенъ на то чтобъ выгнать кита изъ воды.

Выговоривъ эти слова, философъ поблѣднѣлъ и остался на мѣстѣ какъ вкопанный, потому что въ ту же минуту раздался раскатъ грома, или подобный ему страшный шумъ, который потрясъ все зданіе. Дизбро упалъ на колѣни.

— Тутъ кто-нибудь шалить, вскричалъ Эврардъ.

Онъ взялъ свѣчу и вышелъ изъ комнаты, не обращая вниманія на Блетсона, который, въ отчаяніи, заклиналъ его «душею міра» не покидать бѣднаго философа и члена парламента на жертву колдунамъ и разбойникамъ.

Дизбро только безгласно отворялъ и закрывалъ ротъ какъ пасть въ пантофли, и не зналъ, пойти ли ему за полковникомъ или остаться. Наконецъ ноги рѣшили вопросъ: онъ въ изнеможеніи упалъ на свой стулъ.

Вышедши на площадку лѣстницы, Эврардъ остановился на минуту, чтобы обдумать, чтѣ лучше сдѣлать. Онъ слышалъ голоса многихъ людей, которые въ нижнемъ этажѣ говорили очень громко, какъ будто для того чтобы заглушить свой страхъ. Разсудивъ, что такой шумный розыскъ ни къ чему не поведетъ, полковникъ рѣшился пуститься въ другую часть зданія и пошелъ въ верхній этажъ.

Въ Ложѣ не было ни одного угла, ни обитаемаго, ни необитаемаго, который бы не былъ знакомъ Меркему Эврарду съ дѣтства, и свѣча помогла ему пройти только два или три корридора, которые онъ не совѣмъ хорошо помнилъ. Пройдя ихъ, онъ очутился въ осьмиугольныхъ сѣняхъ съ нѣсколькими дверьми. Онъ выбралъ ту, которая въ вела длинную, узкую и очень обветшалую галерею, построенную при Генрихѣ Осмомъ. Она тянулась по всей юго-западной сторонѣ зданія и въ разныхъ мѣ-

стахъ сообщалась съ побочными корридорами. Эвхардъ полагалъ, что сюда всего удобнѣе было забраться желавшимъ разыграть роль духовъ, тѣмъ болѣе, что дѣла и положеніе галерей очень благопріятствовали произведенію стуку, похожаго на громъ.

Чтобы изслѣдовать дѣло, Эвхардъ поставилъ свѣчу на столъ и пошелъ отворить дверь на галерею. Тутъ онъ ощутилъ сильное сопротивленіе, или отъ задвижки или отъ кого-нибудь стоявшаго за дверью. Последнее казалось даже вѣрнѣе, потому что напоръ представлялся эластическимъ, по-временамъ слабѣе и опять сильнѣе, какъ отъ живаго существа.

Меркемъ хотя былъ молодъ и слепъ, однако жъ напрасно истощалъ всѣ свои силы, не могъ отворить. Отдохнувъ съ мнѣнью, онъ приготовился плечами и ногами выломать дверь, или призвать кого-нибудь на помощь, какъ-вдругъ дверь, къ изумленію его, при новомъ и еще слабѣмъ натискѣ легко отворилась, опрокинувъ или разбивъ какую-то, повидному очень не грузную мебель, которою была заставлена. Нахнувшій въ это время изъ галерей сквозной вѣтеръ загасилъ свѣчу, и Меркемъ остался въ темнотѣ; только луна чуть чуть пропикая въ небольшія окна, высоко подъ потолкомъ галерей, давала ровно столько свѣту. Чтобы мѣста этого цѣлзя было назвать совершеннымъ царствомъ мрака.

Этотъ сомнительный и печальный свѣтъ былъ еще ослабленъ плюшемъ и другими ползущими растеніями, которые, разрастаясь на свободѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ эта часть зданія оставалась необитаемою, застлали всю внѣшнюю стѣну и совершенно наполнили многія окна. На другой сторонѣ галерей вовсе не было оконъ. Прежде она была украшена картинами и портретами, которые потомъ святы; оставалось только нѣсколько рамъ и въ нихъ кое-гдѣ клочки изорванныхъ картинъ. Вся галерея представляла такой видъ опустошенія и такое удобное мѣсто для злоумышленниковъ, что Меркемъ невольно остановился на порогѣ прежде чѣмъ вошелъ. Но потомъ, поручивъ себя волю Божию, онъ обважилъ шпагу и тихонько пошелъ впередъ, держась въ самой густой тѣни.

Меркемъ былъ вовсе не суевѣренъ, однако жъ не могъ быть и совершенно свободенъ отъ предразсудковъ своего вѣка. Онъ не легко вѣрилъ рассказамъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, однако не могъ и не сознаться себѣ, что если что-нибудь подобное существуетъ въ природѣ, то этого можно ожидать имен-

но въ такихъ обстоятельствахъ , какими онъ былъ въ ту минуту окруженъ. Собственные медленные и невѣрные шаги , обнаженная шиага въ рукахъ , протянутая впередъ рука , собственное сомнѣнiе и подозрѣнiе еще больше настроили его воображенiе , усилили приливъ мрачныхъ мыслей и подкрѣпили его убѣжденiе , что онъ находится не далеко отъ существъ враждебныхъ , къ какому бы міру они ни принадлежали. Такимъ образомъ онъ дошелъ до половины галереи и вдругъ услышалъ вздохъ. Потомъ кто-то тихонько пропнзесъ его имя.

— Я здѣсь! отвѣчалъ онъ , и сердце его сильно застучало: кто зоветъ Меркема Эврарда?

Отвѣтомъ былъ только второй вздохъ.

— Говори! продолжалъ полковникъ : кто ты? Съ какимъ намѣренiемъ бродишь ты въ этихъ покояхъ?

— Мое намѣренiе лучше твоего , отвѣчалъ тотъ же голосъ.

— Лучше моего? вскричалъ Эврардъ: кто же ты , что смѣешь судить о моихъ намѣренiяхъ?

— Кто ты самъ? кто ты , Меркемъ Эврардъ , что бродишь во мракѣ , по опустѣлому королевскому дворцу , гдѣ слѣдовало бы быть только тѣмъ , которые оплакиваютъ павшихъ и поклялись отмстить за нихъ.

— Это она! вскричалъ Эврардъ! между-тѣмъ... это невозможно.... Однако жъ это она!.... Кому же быть , кромѣ ея?... Это вы , Алса Лл , говорите со мною или... или несчастный духъ!... Отвѣчайте мнѣ , заклинаю васъ... Говорите откровенно. Какое опасное предпрiятiе вы замысляете? Гдѣ вашъ отецъ? Чтo вы дѣлаете здѣсь? Зачѣмъ подвергаетесь такимъ опасностямъ? Говорите , Алса , умоляю васъ.

— Та , о которой ты говоришь , далеко отсюда; ея нѣтъ здѣсь. Съ тобою говоритъ , можетъ-быть , генiй хранитель ея , — духъ одной изъ ея и твоихъ прародительницъ.... Если....

— Прекрасно , прекрасно! перебилъ Эврардъ : во если обожаемая жепщина завялась вскрою восторженности отъ отца , если она подвергаетъ себя опасности и свое имя клеветѣ , бродя по почамъ по дому , наполненному вооруженными людьми , чтo тогда? Говорите со мною откровенно , говорите отъ вашего имени , милая Алса. Я выхлопоталъ достаточное полномочiе , чтобы предохранить васъ отъ слѣдствiи этого страннаго предпрiятiя. Говорите; я вижу ваше намѣренiе , и несмотря на все мое уваженiе къ вамъ , не могу согласиться быть игрушкою вашей хитрости.

Довѣрьтесь мнѣ, довьрьтесь вашему кузену Меркему и повѣрьте, что онъ умретъ, но доставитъ вамъ почетное и безопасное положепіе.

Говоря это онъ старался разглядѣть, гдѣ его таинственная собесѣдница; и ему показалось, что шагахъ въ шести отъ него стоитъ что-то въ родѣ призрака, очертавіи котораго невозможно было опредѣлить въ двойномъ мракѣ отъ тѣни простѣнка между окнами. Онъ сталъ разсчитывать разстояніе, съ мыслью вырвать Алису, въ случаѣ нужды даже силою, изъ заговора, въ который какъ онъ полагалъ, завлекла ее усердная преданность отца королю. Этимъ онъ могъ оказать обимъ очень важную услугу, потому что, каковъ бы ни былъ успѣхъ предпріятія противъ трусливаго Блетсона, глупаго Дизбро и сумасшедшаго Гаррисона, употребленные средства не могли наконецъ не подвергнуть осрамленію и величайшей опасности тѣхъ, которые ихъ придумали.

Нужно притомъ вспомнить, что Эврардова привязанность къ Алисѣ, хотя и почтительная и сильная, не столько походила на обыкновенное у любовниковъ того времени робкое и безпредѣльное обожаніе дамы сердца, сколько на вѣжную короткость брата съ сестрой, которой онъ считалъ себя вправѣ давать совѣты и даже замѣчанія. Отношенія ихъ были такіа дружескіа, что онъ не могъ опасаться оскорбить Алису, когда дѣло шло о ея безопасности.

— Неужели, говорилъ онъ самъ себѣ, я задумаюсь о томъ, чтобы, схвативши, не причинять легкой боли, когда вужно вытащить ее изъ воды или огня?

Всѣ эти мысли быстро смѣнялись у него въ головѣ. Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть ею тотчасъ же и приудить, если возможно, къ объясненію.

— Я не знаю той, за которую ты меня приппмаешь, отвѣчалъ тотъ же голосъ, и дѣло, гораздо дороже ея жизни или смерти, велитъ мнѣ удалить тебя; уйди отсюда.

— Я не уйду пока не докажу вамъ, что ваше сумасбродство ни къ чему не ведетъ, вскричалъ Эврардъ, бросившись впередъ, чтобы схватить говорившую.

Но онъ встрѣтилъ не женщину. Рука, на которую онъ съ размаху наскочилъ, была такъ мужественно тверда и толчекъ такъ силенъ, что Эврардъ упалъ павзничъ. Въ тоже время онъ ощутилъ на шеѣ конецъ шпаги, между тѣми руки ему держали такъ арѣнко, что онъ не могъ пошевеливаться.

— Только шивни! первое слово твое будетъ потушено въ крови! сказать уже не тотъ голосъ, который онъ прежде слышалъ: тебѣ вреда ни какого не причинять; только будь разсудителенъ, и молчи.

Страхъ смерти, котораго Эввардъ не зналъ на полѣ сраженія, родился у него тутъ во всей ужасной силѣ, когда онъ увидѣлъ себя подъ руками неизвѣстнаго убійцы и безъ всякихъ средствъ къ оборонѣ. На горлѣ стояло острѣе шпаги, на груди—нога; оставалось сдѣлать только малѣйшее движеніе, чтобы кончить жизнь, въ которой, по неизлечимому инстинкту, привязано всякое, даже самое несчастнѣйшее существо. На лбу у Эвварда выступили крупныя капли холоднаго поту; сердце билось, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди; словомъ, онъ страдалъ какъ храбрый человѣкъ, который невольно подвергается ощущенію страха, ощущенію нестерпимому, какъ здоровому—быстрый припадокъ острой болѣзни.

-- Алса! воскричалъ онъ подъ шпагою: милая кузина! неужели вы допустите, чтобъ меня зарѣзали передъ вашими глазами?

— Я тебѣ говорю, что той, о которой ты говоришь, здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ первый голосъ: но жизнь твоя въ безопасности, если ты дашь честное слово не говорить о томъ, что здѣсь случилось, ни тѣмъ, которые находятся теперь внизу, ни кому бы то ни было. Съ этимъ условіемъ ты можешь уйти; а если хочешь видѣть Алсу Ли, ты найдешь ее въ Джолифовой хижинѣ, въ лѣсу,

— Я лишамъ всякаго средства къ оборонѣ, отвѣчалъ Эввардъ и передъ Богомъ даю честное слово ни кому въ свѣтѣ не скажывать объ этомъ насплп и не отъискивать тѣхъ, которые мнѣ его сдѣлали.

— Въ этомъ отношеніи мы спокойны; ты самъ видишь, чего можетъ стоить любопытство, и видишь также, что мы въ состояніи выдержать нападеніе. Встань и уйди.

Шпага удалась отъ горла Эвварда и нога перестала давить грудь. Онъ хотѣлъ поспѣшно вскочить, но голосъ, котораго нѣжность въ первый разъ взволновала его, произнесъ:

— Берегись безразсудства! Смертоносная сталь еще окружаетъ тебя со всѣхъ сторонъ. Осторожнѣй, осторожнѣй... теперь ты свободенъ. Будь скромнѣе, и ничего не бойся.

Голосъ, казалось, удался по-мѣрѣ-того какъ говорилъ это. Когда онъ совсѣмъ замолкъ, Меркемъ всталъ и, ступивъ шагъ, задѣлъ свою шпагу, которую падая уронилъ. Полковникъ поспѣш-

шо подвѣлъ ее, и съ нею воротилось все его мужество. Онъ сталъ хладнокровно обдумывать свое положеніе.

Въ глубокой досадѣ на униженіе, которому подвергся, онъ на минуту усомнился, точно ли обязанъ сдержать вынужденную насиліемъ клятву, или призвать на помощь, отыскать враговъ и захватить ихъ. Но эти люди, кто бы они ни были, ниѣли его жизнь въ своихъ рукахъ, а онъ своимъ словомъ выручилъ ее, и, что еще важнѣе, онъ не могъ удалить мысли, что милая его Алиса по-крайней-мѣрѣ повѣренная если не дѣйствующее лицо въ обществѣ, котораго онъ сдѣлался игрушкой. Это предположеніе послужило основаніемъ его поступковъ. Хотя мысль, что Алиса могла сдѣлаться участницею въ нанесенномъ ему оскорбленіи, раздражала его, однако жъ онъ не могъ рѣшиться произвестъ тотчасъ же обыскъ по всему дому съ опасностью для нея и отца ея.

— Я отправлюсь въ хижину къ Джолифу, сказалъ онъ себѣ: сейчасъ же отправлюсь, узнаю, какое участіе Алиса принимаетъ въ этомъ глупомъ и опасномъ заговорѣ, и постараюсь, если возможно, предохранить ее отъ слѣдствій.

Рѣшившись на это, полковникъ ошупью пошелъ внизъ. Въ сѣняхъ онъ услышалъ голосъ Вилдрекъ, который громко кликалъ его.

— Эй!... гей!... полковникъ! Эврардъ! Меркемъ Эврардъ!... Фу, ты пропасть! Здѣсь такъ темно, какъ у чорта въ пасти.... Полковникъ! говорите же, гдѣ вы? Кажется, вѣдьмы со всего свѣта празднуютъ здѣсь свой адскій шабашъ.... Эврардъ! гдѣ вы?

— Здѣсь! здѣсь! отвѣчалъ полковникъ: перестань кричать; держи лѣвѣе, сюда.

По направленію голоса Вилдрекъ скоро нашелъ осьмнугольныя сѣни и явился со свѣчею въ одной и со шпагою въ другой рукѣ.

— Гдѣ жъ ты былъ и почему такъ долго, Меркемъ? спросилъ онъ друга: этотъ трусъ Блетсонъ и скотина Дизбро умираютъ со страху, а Гаррисонъ бѣсится, что чортъ, невѣжа, не хочетъ драться съ нимъ.

— Ты ничего не видѣлъ и не слышалъ, когда шелъ сюда?

— Ничего; только при самомъ входѣ въ этотъ проклятый лабиринтъ свѣча у меня вдругъ выпала изъ рукъ, какъ-будто кто вышибъ, и я припужденъ былъ сходить за другою!

— Мнѣ нужна лошадь, тотчасъ же, Вилдрекъ. Постарайся достать и себѣ.

— Въ конюшнѣ довольно лошадей, мы легко можемъ достать пару. Но куда же и зачѣмъ мы побѣжимъ какъ крысы, въ такую пору? Домъ обрушится что ли?

— Я не могу отвѣчать на этотъ вопросъ, возразилъ Эврардъ, входя въ комнату, которая частію еще была меблирована.

Тутъ кавалеръ, взглянувъ на товарища, съ изумленіемъ вскричалъ:

— Съ кѣмъ ты дрался, Меркемъ? Кто это тебя такъ мило отдѣлалъ?

— Дрался? повторилъ Эврардъ.

— Да, дрался; конечно, дрался. Посмотрись-ка вотъ въ зеркало. Эврардъ взглянулъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что онъ весь въ пыли и забрызганъ кровью изъ царапины, которую получилъ въ шею, въ первую минуту сопротивленія. Встревоженный Вилдрекъ поспѣшно отстегнулъ у друга воротъ рубашки и сталъ осматривать и ощупывать грудь и шею. Сначала руки у него дрожали и глаза выражали истинное безпокойство за жизнь благодѣтеля, но убѣдившись, что кожа едва задѣта, онъ воротилъ свою веселость тѣмъ скорѣе что, можетъ-быть, стыдился показать болѣе чувствительности чѣмъ обыкновенно въ немъ предполагалось.

— Если это дѣло вечной силы, Меркемъ, то, значить, когти ея еще не такъ страшны какъ говорятъ, сказалъ онъ: но никто не скажетъ, что кровь Эврарда лилась неотмыщенная и Роджеръ Вилдрекъ стоялъ подлѣ. Гдѣ ты оставилъ это чортово дѣтище, если онъ не самъ чортъ? Я сейчасъ же побѣгу, отыщу его, и хоть бы когти у него были длиннѣй шести-дюймовыхъ гвоздей и зубы какъ у желѣзной бороны, онъ отвѣтитъ мнѣ за твою кровь!

— Глупости! пустяки! возразилъ Эврардъ: это я ссадилъ себя, когда упалъ тамъ, въ галереѣ. Смыть водой и отереть, такъ и слѣда не останется. Похлопочи только о лошадяхъ. Потребуй ихъ для казенной надобности, отъ имени его превосходительства, если нужно. Я между-тѣмъ обмюю эту мншную рану и тотчасъ же выйду къ тебѣ на дворъ.

— Хорошо, Меркемъ; я буду служить тебѣ какъ нѣмой своему султану, не спрашивая, ни куда ни на что. Но ты поѣдешь, не повидавшись съ этимъ храбрымъ народомъ, ввизу?

— Некогда; ступай, и, ради Бога, не теряй времени.

Вилдрекъ отыскалъ капрала и повелительно потребовалъ лошадей. Капралъ сзпрекословно повпновался волѣ полковника Эврарда, и въ двѣ пнуты все было готово къ отъѣзду.

XIII.

Тогда она смиренно преклоняла колѣни, возвела глаза къ небу, и набожно стала молиться.

Шекспиръ, Генрихъ VIII.

Отъѣздъ полковника Эвгарда въ такую пору, подалъ поводъ ко многимъ толкамъ, — осьмой часъ вечера почтался очень позднею. Всѣ слуги тотчасъ же собрались въ большихъ сѣняхъ; ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что полковникъ оттого уѣхалъ, что *видѣлъ что-нибудь*, и всякому любопытно было знать, какое лицо сдѣлалъ такой извѣстный своею храбростію человекъ какъ Меркемъ Эвгардъ, когда испыталъ на себѣ ужасъ встрѣчи съ привидѣніемъ. Но полковникъ не далъ имъ времени удовлетворить любопытству: онъ прошелъ сѣни очень поспѣшно, завернувшись въ плащъ, вскочилъ на лошадь и во весь опоръ поспекалъ къ хижинѣ Джолифа.

Характеру Меркемъ Эвгардъ былъ живаго, нетерпѣливаго, пылкаго и неукротимаго до безразсудства. Привычки, внушенныя ему воспитаніемъ и нравственно-религіозными ученіями его секты, были таковы, что могли прикрыть и даже подавить нѣсколько эти природныя склонности; но когда что-нибудь волновало его, то зацальчивость молодаго ратника часто опрокидывала всѣ эти искусственныя изгороди какъ вспѣнный потокъ прорываетъ плотины и становится еще бурливѣй, какъ будто желая вознаграждать себя за долгое принужденное спокойствіе. Въ этихъ случаяхъ онъ уже не видѣлъ ничего кромѣ того предмета, къ которому стремился всѣ его мысли, и шелъ по прямой чертѣ, не обсуживая и даже не примѣчая препятствій, — будь это баттарей, на которую вужно лѣзть, или предметъ чисто психологическій, умственный.

Въ эту минуту единственнымъ желаніемъ его было вырвать свою кузину изъ опаснаго и очень мало почетнаго заговора, или удостовѣриться, что она не принимаетъ ни какого участія въ продѣлкахъ духовъ. Онъ полагалъ, что въ состояніи будетъ до извѣстной степени судить объ этомъ по ея отсутствію или присутствію въ хижинѣ Джолифа. Онъ, правда, читалъ въ какой-то балладѣ, или повѣсти, о странной штукѣ, сыгранной женою надъ старымъ ревнивымъ мужемъ при помощи подземнаго хода, че-

резъ который жена быстро и ловко являлась то въ своемъ домѣ, то у сосѣда, и убѣдила наконецъ стараго глупца въ своей невинности и въ томъ, что жезшипа, которую онъ видѣлъ у сосѣда, совсѣмъ другая, только очень похожая на его жену. Но въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго не могло быть, потому что хижина находилась на слишкомъ большомъ разстояніи отъ замка. Притомъ Эвардъ поскакалъ по кратчайшей дорогѣ и принуждалъ лошадь употребить всѣ силы, а о кузницѣ своей онъ зналъ, что она не слишкомъ бойка на лошади даже днемъ и, слѣдовательно, не можетъ поспѣть равнѣе его въ жилище Джолфа.

Дядя, можетъ быть, останется недоволенъ посѣщеніемъ, но по какому праву? Алиса Ли развѣ не ближайшая родственница Меркему? Развѣ она не самое драгоценное ему существо въ мірѣ? Развѣ онъ можетъ удержаться отъ попытки предохранить ее отъ слѣдствій смѣшнаго и страннаго предпріятія, потому только что желчь стараго кавалера можетъ взволноваться при появленіи его наперекоръ приказу? Нѣтъ. Онъ перенесетъ строгій выговоръ старика, какъ переносилъ рѣзкій холодъ осенняго вѣтру, который бушевалъ вокругъ него и гнулъ вѣтви деревъ надъ головой, однако не задерживалъ его на пути.

Если не найдетъ Алисы, онъ самому сэру Генри расскажетъ все что случилось. Какое бы участіе она ни принимала въ балаганныхъ фокусахъ, разигравныхъ въ вудстокскомъ замкѣ, это не могло быть сдѣлано съ согласія ея отца, очень строгаго судьи приличій во всемъ, что касалось до поведенія женщины и дѣвочки. Этими же случаями Эвардъ думалъ воспользоваться и сообщить старику свою надежду видѣть его снова водвореннымъ въ замкѣ и изгнать комиссаровъ не такими нещепными средствами, къ какимъ, казалось, кто то уже прибѣгалъ.

Все это казалось ему такою естественною принадлежностью его родственныхъ обязанностей, что только остановившись у порога лѣсенчаго и отдавая поводья лошади Вилдреку, онъ вспомнилъ о гордомъ, надменномъ и непреклонномъ нравѣ сэра Генри; а взявшись за скобку двери, онъ невольно поколебался, войти ли къ раздраженному старику.

Но медлить было нѣкогда. Бывшій, проворчавшій уже нѣсколько разъ, сталъ терять терпѣніе, и Эвардъ успѣлъ только сказать Вилдреку, чтобъ подержалъ лошадей пока выйдетъ Джолфъ, когда старая Жанна отворила дверь. Вступить съ глухою старухой въ объясненія, значило бѣ напрасно потратить время. Полковникъ

осторожно отвелъ ее въ сторону и вошелъ. Бивисъ бросился быдо на подмогу къ Джанивъ, но узнавъ родственника своего хозяина и, тотчасъ же оставивъ грозный видъ, сталъ по своему привѣтствовать гостя.

Нерѣшимость полковника возрастала по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ своей цѣли; онъ шелъ черезъ кухню лѣсничаго какъ будто черезъ комнату больнаго, и медленно, дрожащею рукою отворилъ дверь въ другую комнату, точно приподымая постельный пологъ умирающаго друга.

Сэръ Генри сидѣлъ въ креслѣ передъ огнемъ. Онъ былъ завернуть въ плащъ и держалъ протянутыя ноги на табуретѣ, какъ будто страдалъ подагрой или другою болѣзнию. Длинная сѣдая борода при темной одеждѣ придавала ему скорѣе видъ отшельника чѣмъ видъ стараго воина или кавалера, тѣмъ болѣе что онъ съ набожнымъ и глубокимъ вниманіемъ слушалъ другаго почтеннаго старика, который тихо, но внятно и отчетливо читалъ вечернюю службу по обряду англиканской церкви. Алвса, стоя на колѣняхъ подлѣ отца, чистымъ ангельскимъ голосомъ такъ же благочестиво произносила требуемыя службой отвѣты. На проповѣдникѣ была истертая, поношенная пасторская одежда. Физиономія его была бы даже привлекательна, если бъ ея не обезображивалъ большой черныи пластырь, который закрывалъ весь лѣвый глазъ и часть щеки, и если бы заботы и страданія не оставили своихъ слѣдовъ на всѣхъ частяхъ лица.

Когда полковникъ вошелъ, пасторъ взглянулъ на него, поднялъ руку, давая знать, чтобъ не нарушалъ божественной службы, и указалъ на порожній стулъ. Эврдъ, пораженный сценою, которая представилась его глазамъ, медленно пошелъ на указанное мѣсто и всталъ на колѣни.

Эврдъ былъ воспитанъ отцомъ въ духѣ пуританства, секты, которая первоначально не отвергала ученій англиканской церкви, не совсѣмъ отвергала даже и ея іерархію, но только отличалась нѣкоторыми формами богослуженія, за которыя несчастный архіепископъ Лодъ стоялъ слишкомъ упорно. Но если бъ Эврдъ держался даже самыхъ противоположныхъ убѣжденій, онъ не могъ бы не уважать торжественной стройности, съ какою отпавлялась божественная служба въ Вудстокѣ, въ семействѣ его дяди, который всегда имѣлъ при себѣ капеллана.

Но при всемъ уваженіи, съ какимъ привыкъ слушать службу, Эврдъ въ эту минуту не могъ также воспрепятствовать своимъ

плавать: обращаться на Алису, а мыслить — заниматься предметомъ, который привелъ его къ ней. Алиса, казалось, примѣтила его: тотчасъ же какъ вошелъ; на щекахъ у нея вспыхнулъ живой румянецъ, пальцы дрожали, оборачивая листы въ молитвенникѣ, и голосъ почти замиралъ, произнося служебные отвѣты. Сколько можно было судить по украдкой брошеннымъ взглядамъ, Эварду казалось, что и характеръ красоты и форма одежды у Алисы уже подверглись такому же измѣненію какъ и ея состояніе.

На благородной красавицѣ было темное коричневое платье изъ ткани, подобной той, какую носили скромныя поселянки; но утративъ богатство, она, казалось, выиграла въ достоинствѣ. Прекрасные свѣтло каштановые волосы, подобранные косами вокругъ головы, не представляли ни какого слѣда искусственной завивки и носили на себѣ отпечатокъ природной простоты и прелести, недоступной ни какимъ своркамъ изобрѣтательныхъ горничныхъ. Превъзя, немножко плутоватая веселость, которая, казалось, подстерегала все, что могло позабавить ее, теперь, въ гдѣ, уступила мѣсто спокойной печали, занятой уже только утѣшеніемъ другихъ. Можетъ быть, выраженіе этой плутоватой веселости было памятно Эварду, когда онъ полагалъ, что Алиса принимала участіе въ сценахъ, разыгранныхъ въ замкѣ, но тутъ, въ хижинѣ, онъ устыдился, что могъ поддаться подобному подозрѣнію, и былъ скорѣе расположенъ вѣрить, что нечистый худъ поддѣлался подъ ея голосъ, чѣмъ допустить, чтобы такое возвышенное существо могло вѣшаться въ недостойныя филярета.

Эти мысли занимали его противъ воли, хотя онъ чувствовалъ, что они навязывались совѣсть не въ пору. Служба приходила къ концу, и къ изумленію и смущенію полковника, съ новою силой и достоинствомъ, твердымъ, внятнымъ голосомъ сталъ молить Всемогущаго о благословеніи и сохраненіи единственнаго законнаго государя Англіи, короля Карла Втораго. Эта опасная въ то время молитва была произнесена твердо и смѣло; пасторъ какъ будто вызывалъ вошъ, кто могъ услышать его, и республиканецъ хотя немощь одобрить этого, однако жъ разсудилъ, что возставать противъ этого было некогда.

Служба кончилась какъ обыкновенно и маленькое общество встало. Въ это время вошелъ Вилдрекъ. Онъ первый заговорилъ; онъ подошелъ къ пастору, почтительно пожалъ ему руку и клялся, что вѣчно восхищенъ неожиданнымъ свиданіемъ. Пасторъ съ улыбкою отвѣчалъ, что повѣрилъ бы и безъ клятвъ.

Между тѣмъ полковникъ поклонился сперва дядѣ, потомъ Алицѣ, которая покраснѣла пуще прежняго.

— Извините, сказалъ полковникъ въ замѣшательствѣ, извините, что я выбралъ такой часъ для посѣщенія, тогда какъ ни въ какое время не могу надѣяться на благосклонный пріемъ.

— Напрасно извиняетесь, любезный племянникъ, отвѣчалъ сэръ Генри, противъ ожиданія, очень крѣтко: вы во всякое время находили бы лучший пріемъ, если бъ мы почаще нѣблн удовольствіе видѣть васъ въ часы нашей молитвы.

— Надѣюсь, сэръ, возразилъ Эвхардъ, что скоро наступитъ время, когда Англичане всѣхъ сектъ и всѣхъ прозваній въ состояніи будутъ свободно и вмѣстѣ молиться своему Господу, каждый по-своему.

— И я надѣюсь, продолжалъ старикъ: я даже не стану теперь разбирать, ждете ли вы обращенія англійской церкви въ расколъ или обращенія раскола въ церковь. Я полагаю, что вы не для соглашенія вѣрованій пришли въ это бѣдное жилище, гдѣ, правду сказать, мы не надѣялись видѣть васъ послѣ неучтиваго пріема, какой вы недавно нашли здѣсь.

— Я буду слишкомъ счастливъ, отвѣчалъ полковникъ съ замѣшательствомъ, если мнѣ можно будетъ думать, что..... что..... однимъ словомъ, что мое присутствіе здѣсь сегодня не такъ непріятно, какъ показалось тогда.

— Любезный племянникъ, я буду говорить съ вами откровенно, сказалъ сэръ Генри: въ послѣдній разъ, когда мы видѣлись, я думалъ, что вы похитили у меня драгоценный перлъ, который я прежде съ удовольствіемъ отдалъ бы вамъ, но теперь лучше соглашусь зарыть въ самую глубь земли тѣмъ ввѣрить человѣку, ставшему на ваше мѣсто. Эта мысль тогда вѣскольکو подождла мою наследственную отъ матерн запальчивость, какъ говоритъ Шекспиръ; я вообразилъ, что меня обокрали. Я ошибся; все у меня цѣло, и я могу простить неудавшуюся попытку.

— Я не стану въ словахъ вашихъ отыскивать обиднаго смысла, сэръ, когда намѣреніе ваше кажется мнѣ обязательнымъ. Но могу увѣрить васъ, что всѣ мои желанія, относительно къ вамъ и къ вашему семейству, не имѣютъ ни какой эгонстической или своекорыстной цѣли; они основаны единственно на родственной привязанности моей къ вамъ и къ вашему дому.

— Ну, посмотримъ, въ чемъ же состоятъ эти желанія. Безкорыстіе нынче вещь не совѣтъ обыкновенная, а рѣдкость возвышаетъ цѣну.

— Я желаю бы, дядюшка.... если вы уже не позволите мнѣ называть васъ болѣе вѣжнымъ пнеспемъ.... я желаю бы видѣть васъ въ болѣе счастливомъ и пріятномъ положеніи, вмѣсто того непріятнаго, въ которомъ вы находитесь и которое можетъ сдѣлаться еще хуже.

— Хуже чѣмъ ожидаю, оно не можетъ сдѣлаться, племянникъ, возразилъ старикъ: но переменны счастія не пугаютъ меня. Я буду носить платье похуже, и питаться по-плоше; никто передо мной не сниметъ шляпы какъ во время моей силы и богатства. Такъ что жъ? Пусть увидать, однако жъ, что Генри Ли предпочитаетъ честь титуламъ и убѣжденія богатству. Вѣдь я видѣлъ тридцатое января. Я не колдунъ и не астрологъ, но Шекспиръ говоритъ мнѣ, что приходитъ зима, когда зеленые листья опадаютъ, и наступаетъ ночь, когда солнце садится.

— Какъ вы думаете, сэръ, продолжалъ Эврдъ, если отъ васъ не потребуютъ ни какой клятвы, если вамъ не предложить ни какого условія, ни обязательства въ отношеніи къ республикѣ, а между тѣмъ снова введутъ въ прежнія права надъ вудстокскимъ замкомъ и вѣсѣмъ къ нему принадлежащимъ? Я имѣю основательныя причины думать, что это сдѣлаютъ, если не явно, такъ по-крайней-мѣрѣ въ видѣ свихожденія и терпимости.

— А! понимаю! Со мною хотятъ поступить какъ съ королевскою монетою, на которой отбиваютъ парламентское клеймо, чтобъ пустить въ оборотъ, но я слишкомъ старъ и твердъ, чтобъ можно было спилать вырѣзанныя на моемъ сердцѣ королевскіе знаки. Нѣтъ, племянникъ, этому не бывать. Я и то ужъ слишкомъ долго оставался въ Ложѣ, и позвольте вамъ замѣтить, что давно съ презрѣніемъ покинулъ бы ее, если бъ меня не удерживало тамъ приказаніе того, которому я могъ еще служить. Я ничего не приму отъ похитителей власти, называйся они хоть парламентомъ, хоть Крочвелемъ и будь ихъ одинъ демонъ или целый легионъ. Я не приму отъ нихъ и стараго колпака, чтобъ покрыть мои сѣдины, ни изношеннаго плаща, чтобъ защититься отъ холоду. Они не похвалятся, что обогатили Авраама своимъ великодушіемъ. Я умру, какъ жилъ, честнымъ Ли.

— Могу ли надѣяться, что вы обдумаете, какъ мало отъ васъ требуютъ, и дадите мнѣ отвѣтъ по-благопріятнѣе?

— Если я переживаю мнѣніе, — что, впрочемъ, рѣдко у меня случается, — я васъ увѣдомлю. А теперь, племянникъ, что еще прикажете? Мы можемъ попросить почтеннаго пастора обождать въ другой комватѣ.

— Миѣ нужно сказать.... кое-что касательно моей душни Алисы, сказалъ Эвхардъ въ замѣшательствѣ: но я опасаясь, что да-ше предубѣжденіе противъ меня....

— О! я не боюсь оставить мою дочь съ вами, племянникъ, я пойду съ пасторомъ въ каморку къ Джаниѣ. Миѣ пріятно, бу-детъ доказать вамъ, что я представляю, моей дочери полную во-лю дѣйствовать по ея разсудку.

Старикъ ушелъ, и молодые люди остались наединѣ.

Эвхардъ подошелъ къ Алисѣ и хотѣлъ взять ее за руку, но она не дала, сѣла на отцово кресло и указала полковнику; студъ стоявшій поодаль.

— Милая Алиса! вскричалъ Эвхардъ: неужели мы стали уже такіе чужіе другъ другу?

— Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ. Позвольте миѣ сперва узнать о причинѣ вашего посѣщенія.

— Вы слышали, что я говорилъ вашему отцу.

— Слышала; но, кажется, вы имѣли еще другую причину, та-кую, которая касается меня лично.

— Это было заблужденіе.... странное недоразумѣніе.... Вы, од-нако жъ, позвольте спросить, выходили вы сегодня со дворомъ?

— Конечно, нѣтъ. У меня вовсе нѣтъ охоты выходить изъ этого дому, какъ отецъ пи бѣденъ: у меня здѣсь есть важныя обя-занности. Но, почему вы задаете миѣ такой странный вопросъ, полковникъ Эвхардъ?

— Скажите миѣ папередъ, почему вашъ кузенъ Меркемъ лѣ-чился права, которое всегда давали ему дружба, родство и да-же болѣе вѣжное чувство, тогда и я вамъ отвѣчу.

— Мой отвѣтъ очень простъ. Когда вы обнажили шагъ пре-тивъ дѣла, за которое стоялъ мой отецъ, — почти противъ него лично, — я старалась, быть-можетъ больше чѣмъ слѣдовало, оправ-дать ваше поведеніе. Я знала.... то есть, я думала, что знаю ва-ши мысли о патриотизмѣ; знала, въ какомъ духѣ вы были воз-питаны, и говорила себѣ; Хоть онъ и врагъ Карлу, однако жъ онъ любитъ свое отечество, и я за это не изгоню его изъ моего сердца. Вы употребили всѣ ваши силы, чтобы предотвратить кровавую катастрофу тридцатаго января, и это обстоятельство подтвердило меня въ мнѣніи, что Меркемъ Эвхардъ могъ быть вовлеченъ въ заблужденіе, но никогда не сдѣлается ни низкимъ, ни своекорыстнымъ.

— Почему же вы перемѣнили ваше мнѣніе, Алиса? спросилъ

полковникъ, красивъ: кто смѣетъ прицѣпить такія прилагательныя къ имени Меркема Эврарда?

— Конечно, не надо мной вамъ придется доказывать вашу храбрость, полковникъ; я вовсе не намѣрена оскорблять васъ. Но довольно много найдется другихъ, которые скажутъ вамъ, что полковникъ Эврардъ униженно ухаживаетъ за Кромвелемъ и что всѣ прекрасныя рѣчи его о свободѣ и благѣ отечества — только личина, подъ которою онъ хлопочетъ у тирана о выгодахъ для себя и для своей родни.

— Для себя никогда!

— А для родныхъ? Да, я положительно знаю, что вы указали этому деспоту средство овладѣть правительствомъ. Неужели вы думаете, что отецъ мой и я, мы захотимъ занять убѣжище, купленное цѣною свободы Англии и вашей чести?

— Ахъ, Боже мой! что это значить, Алиса? Вы теперь прекратите мнѣ поступкомъ, который сами же прежде одобряли!

— Когда вы говорили съ нами отъ имени вашего отца и увѣщевали подчиниться существующему правительству, я признаюсь, думала, что сѣдны моего отца могли бы остаться подъ кровлей, которая такъ долго служила имъ приютомъ. Но развѣ вы по совѣту вашего отца подстрекнули честолюбиваго солдата къ новымъ затѣямъ и сдѣлались виновникомъ новаго тиранства, которое онъ намѣревается ввести? Одно дѣло подчиниться притѣсненію, другое — сдѣлаться орудіемъ тирана и... еще хуже, Меркемъ... ищейкою его.

— Ищейкою? какъ! что вы хотите сказать? Я признаюсь, правда, что мнѣ очень пріятно было бы видѣть равны моего отечества закрытыми, хотя бы Кромвель, послѣ безпримѣрнаго своего возвышенія, сталъ еще ступенью выше. Но сдѣлаться его ищейкою.... Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Такъ это не правда?... Я такъ и думала! Я готова была поклясться, что это неправда.

— Ради Бога о чемъ вы говорите?

— Вѣдь неправда, что вы взялись предать молодаго короля Шотландіи въ Кромвелевы руки?

— Предать? мнѣ его предать?... Предать изгнанника, кто бы онъ ни былъ! Никогда! Я желаю, чтобъ его не было въ Англии. Я постарался бы облегчить ему побѣгъ, если бъ онъ находился въ этомъ допѣ, и, дѣйствуя такимъ образомъ, полагаю бы оказать услугу его врагамъ, потому что помѣшалъ бы мнѣ занять себя его кровью. Но предать.... никогда!

— Я это знала! Я была увѣрена, что это невозможно. Но сдѣлайте еще больше, Меркемъ; отступитесь отъ этого мрачнаго и честолюбиваго человѣка! Бѣгите отъ него; не принимайте ни какого участія въ его замыслахъ, которые основаны только на несправедливостахъ и могутъ осуществиться не иначе какъ въ новыхъ потокахъ крови.

— Повѣрьте, милая Алиса, что я избралъ и слѣдую тому именно политическому направленію, которое всего лучше соответствуетъ нашему времени.

— Изберите то, которое всего лучше соответствуетъ долгу, Меркемъ; то, которое всего лучше согласуется съ честью и правдой; исполните вашъ долгъ, и предоставьте остальное волю Провидѣнія. Прощайте; мы слишкомъ утомимъ терпѣніе моего отца; вы знаете его нравъ. Прощайте, Меркемъ.

Она подала ему руку; онъ поцѣловалъ. Потомъ Алиса вышла; пришелъ сэръ Генри. Молчаливый поклонъ дядѣ и знакъ Вилдрекку, который ждалъ въ кухнѣ, только и доказывали, что Меркемъ узнаетъ еще людей. Онъ вышелъ, сѣлъ на коня и отправился съ товарищемъ назадъ въ Вудстокъ.

XIV.

«За преступленіемъ на землѣ слѣдуетъ кара прежде чѣмъ земля успѣетъ прикрыть преступника. Будь то призракъ, будь то сонъ, но передъ изголовьемъ убійцы всегда стоитъ тѣнь убитаго съ окровавленными ножецъ.»

Эрардъ мчался къ жилищѣ дѣсничаго во всю прыть коня своего. Онъ не видѣлъ возможности выбору въ своихъ поступкахъ и считалъ себя въ несомнѣнномъ правѣ дѣлать кузинѣ замѣчанія и даже выговоры касательно роли, которую она, казалось, играла въ опасной интригѣ. Возвращался же онъ медленно и въ совершенно иномъ расположеніи духа.

Алиса, столько же благоразумная, сколько прекрасная, явилась ему совершенно недоступною великому подозрѣнію въ неосторожности, на основаніи которой онъ полагалъ имѣть нѣчто въ родѣ власти надъ нею. Сверхъ того и ея политическій взглядъ въ одну минуту показался ему гораздо благоразумнѣе и пріятнѣе, нежели всѣ его собственныя. Эта мысль поразила его въ вопросу не столько о томъ, какъ далеко онъ зашелъ съ Кроулаемъ, хотя

страна и метерзана враждебными партіями до такой степени, что, единственнымъ средствомъ къ избѣжанію новыхъ проволочныхъ междоусобій оставалось только — вооружить лорда-генерала неограниченною властью. Болѣе чистый и болѣе восторженный чувствованія Алисы умиляли его въ соборныхъ глазахъ, и хотя онъ продолжалъ еще держаться мѣтнія, что лучше же перуть судно корычому, который не шибъ на него ни каждаго правъ, тѣмъ дать ему разбиться о скалы, однако жъ чувствовалъ, что Алиса поддерживаетъ сторону болѣе благородную, прямую и безкорыстную.

Между-тѣмъ какъ Эвхардъ предавался этимъ думамъ, Валдрекъ соскучился молчать и сталъ заводить разговоръ.

— Знаешь, Меркемъ, что я сейчасъ думалъ? сказалъ онъ: я думалъ, если бы намъ съ тобой довелось объезжаться въ судъ, — то со мною очень легко могло бы случиться во многихъ отрошеніяхъ, но я хочу сказать, если бы намъ пришлось быть адвокатами, — у меня языкъ былъ бы послаще твоего, я лучше успѣлъ бы убѣдить, кого нужно.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Эвхардъ: однако жъ я никогда не видывалъ, чтобы ты употреблялъ свое искусство въ дѣло, — развѣ только когда нужно было уговорить ростовщика, чтобы далъ денегъ, или трактирщика, чтобы убавилъ счетъ.

— Однако жъ сегодня я могъ бы одержать побѣду, которая не далась тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Право. Главною цѣлью твоею было — склонить миссъ Алису Ля... божественное созданіе, клянусь честью! Меркемъ, я одобряю твой вкусъ... главною твоею цѣлью, говорю я, было — склонить миссъ Алису и стараго Троянца, отца ея, воротиться въ Лому и жить тамъ, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ, вмѣсто того чтобы сидѣть въ этой лачугѣ.

— Да, это было мое намѣреніе.

— Но, можетъ-быть, ты предполагалъ также и самъ бывать тамъ по-чаще, чтобы присматривать за хорошенькою миссъ Ля. Не правда ли?

— Нѣтъ, такой своекорыстной цѣли у меня не было; если бы мнѣ только развѣдать, что значатъ ночныя похождения, которые тамъ происходятъ, и увидѣть мнѣ конецъ, я тотчасъ же уѣхалъ бы.

— Твоей другъ Нолль. невозможно побольше этого ожидаетъ отъ

тебѣ, Эврандъ: Онъ надѣется, что, въ случаѣ, если слава честности стараго кавалера привлечетъ въ Ложу кого-нибудь изъ несчастныхъ бѣглецовъ, ты накинешь на нихъ петлю; словомъ, сказавко я повялъ изъ длинныхъ и темныхъ его разсужденій, онъ изъ Вудстока наѣреть сдѣлать мышеловку; изъ твоего дяди и твоей кузины, — у которыхъ прошу извиненія въ сравненіи, — кубокъ поджареннаго сыру для прищипки; изъ тебя — крычекъ, который соскочитъ и захлопнетъ дверцу, а себѣ его превосходительство представляеть роль кота, который съестъ мышь, когда она будетъ поймана.

— Кромвель осязился открыто сдѣлать такое предложеніе? вскричалъ полковникъ остановивъ свою лошадь.

— Нѣтъ, не то чтобы открыто; я не думаю, чтобы ему когда-нибудь въ жизни случалось говорить ясно и опредѣленно.... Скоро пьяный пойдетъ не шатаясь.... Но онъ далъ уразумѣть, почувствовать, что ты оможешь ему услугу, если.... миліонъ чертей! это адское предложеніе ни какъ не проходитъ у меня въ горло.... если ты представишь ему въ руки (тутъ Вилдрекъ снялъ шайпу) нашего благороднаго и законнаго государя, которому да пошлетъ Богъ здоровье, богатство и долгое царствованіе, — какъ сказать достойный пасторъ, хотя я думаю, теперь его положеніе очень плохо.

— Это почти то же, что мнѣ говорила Алса! Но какъ же она могла узнать? Ты сказалъ ей что-нибудь?

— Я? Да вѣдь ты знаешь, что я видѣлъ миссъ Ли сегодня въ первый разъ въ жизни, и то на минуту!

— Да, правда.

И Эврандъ задумался.

— Мнѣ слѣдовало бы потребовать у Кромвеля отвѣту за такое мнѣніе обо мнѣ, сказалъ онъ потомъ: хотя онъ, — я увѣренъ, — говорилъ тебѣ это не серьезно, а только такъ, для испытанія обоихъ насъ, однако жѣ и это уже оскорбленіе.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ отнесу ему вызовъ отъ тебя, вскричалъ Вилдрекъ: и мнѣ самому будетъ наслажденіе подраться съ адъютантомъ его превосходительства, за компанію.

— Люди, занимающіе такія мѣста, не выходятъ на дуэль. Но скажи мнѣ, Роджеръ, ты самъ считаешь меня способнымъ на такую подлость?

— Я? ты самый старинный другъ мнѣ, Меркемъ; ты вѣсто-
янно оказывалъ мнѣ услуги; по взятіи Кольтестра, ты спасъ не-

наютъ швейцарцы и послѣ того двадцать разъ сняемъ отъ голодной смерти. Но, клянусь небомъ! если бы я считалъ тебя собственнымъ на такую подлость, какой требуетъ твой генералъ... клянусь вселенною и всеми Божіими созданіями! я своею рукою зашоломъ бы тебя.

— И смерть моя была бы заслуженною, хотя не отъ твоей руки, слѣдовало бы принять ее. Но, къ счастью, я уже не могу, хотя бы и хотѣлъ сдѣлаться такимъ низкимъ предателемъ. Сегодня самъ Кромвель, секретною депешей уведомилъ меня, что Молодой Человѣкъ уже бѣжалъ, моремъ, изъ Бристоля.

— Слава тебѣ Господи, что сохранилъ его! вскричалъ Вилдрекъ: ура! геи, кавалеры!... браво, кавалеры! Да здравствуетъ король Карлъ! ура!... Луна и звѣзды, вотъ вамъ моя шляпа!

И, онъ изъ всѣхъ силъ швырнулъ вверхъ свою шляпу. Но луна и звѣзды не приняли подарка: шляпа восторженнаго роялиста, такъ же какъ и ножны стараго кавалера Ли, засѣла на вѣтвяхъ стараго дуба. Это обстоятельство немножко смутило Вилдрека, и другъ его воспользовался случаемъ дать наставленіе.

— Не стыдно ли тебѣ за твое шюльвицкое поведеніе, Роджеръ? сказалъ онъ.

— Право, возрѣшилъ Вилдрекъ, я только далъ пуританской шляпѣ честное порученіе. Мнѣ весело, когда подумаю, сколько шюльвицковъ въ будущемъ году понапрасну слазбуютъ на это дерево, въ надеждѣ найти въ этомъ старомъ копакѣ гнѣздо какой-нибудь невѣдомой птицы.

— Переставъ шутить, ради Бога; поговоримъ о дѣлѣ Карла; бѣжалъ; я очень радъ. Я очень радъ былъ бы видѣть его и на престолѣ предковъ, но только посредствомъ соглашенія, а не силою шотландской или роялистской арміи, раздраженной, метательной, и...

— Мистръ Меркомъ Эзрадъ! перебилъ кавалеръ.

— погоди, Вилдрекъ; не станемъ спорить о предметѣ, насчетъ котораго мы не можемъ согласиться, и позволь мнѣ продолжать. Я говорю, когда ужъ Молодой Человѣкъ бѣжалъ, то Кромвелево осмербительное предложеніе уничтожается само собою, и я не вижу, почему бы моему дядѣ и кузницѣ не воротиться къ себѣ домой точно такъ же какъ воротились и многіа другія роялистскія семейства, на которыя нынѣшнее правительство смотритъ съ уваженіемъ. Что до меня, я не могу опредѣлять пути, по которому пойду, пока не увижусь съ генераломъ. Онь, вѣроятно,

скажетъ, что сдѣлалъ предложеніе только для того чтобъ испытать насъ обоихъ. Это въ его родѣ: чувствительность у него уже порядочно притуплена и онъ вовсе не знаетъ щекотливости относительно чести.

— Я охотно прощаю ему этотъ недостатокъ. Не воротись изъ нашего дѣлу. Положимъ, что ты не посвящайся въ Ложь и что ты даже не станешь ходить туда, — тогда, я думаю, твой дядя и шестъ Алиса согласятся воротиться. По крайней-мѣрѣ старикъ пасторъ такъ говоритъ.

— Скоро же онъ доверится тебѣ.

— Правда; но ему стоило только взглянуть на меня, чтобы видѣть мое уваженіе къ его исповѣданію. Я, слава Богу, никогда не прохожу мимо пастора въ облаченіи, чтобъ не снять шапки. Одной минуты мнѣ достаточно, чтобъ овладѣть сердцемъ и ухомъ любимаго пастора.

— Такъ ты думаешь.... или, лучше сказать, пасторъ думаетъ, что дядя согласенъ будетъ воротиться въ Ложу, если увѣрится, что не увидитъ тамъ меня, и если комиссары удалатся, и глупая возня привидѣній прекратится?

— Пасторъ надѣется уговорить старика, если только онъ будетъ успокоенъ насчетъ твоего присутствія. Что до возни, о которой ты говоришь, онъ смѣется надъ нею, и, сколько можно судить по двухъ-минутному разговору, онъ полагаетъ, что все это — произведеніи разтроенаго воображенія и угрызений совѣсти тѣхъ, которые слышатъ тревогу. Онъ говоритъ, что въ вудстокскомъ замкѣ никогда не бывало ни какихъ духовъ ни домовыхъ до поселенія въ немъ нывѣшнихъ жильцовъ.

— Тутъ не одна работа воображенія, Вилдрекъ. Я лично убѣдился, что есть тайные нитриганты, которые стараются намугать и выжить комиссаровъ. Я увѣренъ, что дядя не знаетъ объ этомъ глупомъ предпріятіи, но мнѣ нужно разъяснить эту тайну прежде чѣмъ онъ воротится туда, потому что иначе его могутъ счесть виновникомъ всей продѣлки.

— Названіи, Меркемъ, если я провинюсь въ недостаткѣ уваженія къ силѣ, которую ты долженъ знать лучше меня, но я тебѣ откровенно скажу, что я скорѣе готовъ подозрѣвать тутъ самого отца пуританъ, и если не ошибаюсь, старый Люцшеръ никогда не помѣтитъ поднять глазъ на почтенную сѣдую бороду честнаго кавалера ни вынести невнятнаго взгляду его старомодной дочери. Я отвѣчаю за ихъ безопасность, какъ за зомою въ сумдукъ скряги.

— Ты видишь что нибудь, что заставляетъ тебя такъ думать?

— Нѣтъ, я не видалъ ни одного пера въ чортова крыла. Онъ слишкомъ увѣренъ, что отъ него не уйдетъ бывший кавалеръ, которому придется же когда-нибудь быть повѣшену, обезглавлену или утоплену. Но я слышала, какъ болтали слуги, и хотя ихъ рассказы не слишкомъ ясны, однако жъ надо полагать, что въ самомъ дѣлѣ нечестный вмѣшался въ эту пляску.... Но кто токъ намъ идетъ. Стой, другъ! кто ты?

— Бѣдный поденщикъ въ великомъ трудѣ Англии, Джозефъ Томкинсъ, секретарь одного изъ благочестивыхъ и храбрыхъ полководцевъ христіанской арміи, по имени генералъ-маіора Гаррисона.

— Что новаго, мистръ Томкинсъ? спросилъ Эврдъ: зачѣмъ ты здѣсь въ такую пору?

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ полковникомъ Эврдомъ? Я въ восхищеніи, что встрѣтилъ вашу милость. Богу извѣстно, какъ нужна мнѣ ваша помощь! О, достойнѣйшій господинъ полковникъ!... трубы прозвучали.... чаша святаго гнѣва пролита.... и....

— Въ двухъ словахъ, въ чемъ дѣло? что случилось? гдѣ твой начальникъ?

— Генералъ Гаррисонъ прохаживается здѣсь по лугу, подъ старымъ дубомъ, что зовутъ королевскимъ.... прости, Господи. Вотъ, два шага только ступите, и увидите его; онъ прохаживается со шпагою въ рукахъ.

Два друга осторожно поѣхали впередъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Гаррисона, который какъ часовой, но только въ сильномъ волненіи, прохаживался взадъ и впередъ подъ деревомъ. Услышавъ лошадиный топотъ, онъ закричалъ, какъ будто находился передъ своею бригадою:

— Заложь пику!.... Кавалерія принца Руверта приближается.... Держитесь крѣпко! Вы опрокинете ее, какъ бульдогъ опрокидываетъ постельную собачку!.... Слушай!.... Заложь пику!.... Первый строй на колѣно!.... Не бойтесь, ребята, запачкать сивіе передники.... Стой твердо!.... Помнишь лозунгъ!.... Зоровавель!....

— О чемъ онъ это говоритъ? что онъ дѣлаетъ? спросилъ Эврдъ въ недоумѣніи.

— Да танцъ, сэръ, отвѣчала Томкинсъ: когда на генерала Гаррисона находить вдохновеніе, онъ воображаетъ, что командуетъ корнуэонъ конейщиковъ въ большомъ сраженіи армагеддонскомъ.

Шпагу свою онъ обнажилъ на враговъ, воплощенныя демоновъ и адскихъ духовъ подъ землею, — сами знаете, сколько ихъ теперь окружаетъ насъ.

— Ну, это ужъ черезъ-чуръ! вскричалъ Эврандъ: послушай, Томкинсъ, ты теперь не на кафедрѣ стоишь, и мнѣ нѣкогда слушать твой бредъ. Я знаю, что ты умѣешь говорить внятно, когда захочешь. Помни, что я могу наградить и наказать тебя, и объяснись толкомъ. Чтò случилось? отчего твой начальникъ бѣгаетъ въ такой часъ здѣсь, по полю?

— По истинѣ скажу, господинъ полковникъ, я готовъ отвѣчать вамъ со всею должною отчетливостію. Справедливо, что дыханіе человѣка, въ поздрахъ его, входитъ и выходитъ какъ....

— Слышишь ты, шуты! не изволь мнѣ околесной городить! Ты знаешь, какъ, въ дѣлбарскомъ сраженіи, самъ лордъ-генераль приставилъ пистолетъ ко лбу поручику Гевриду и грозился застрѣлить, если оцъ не перестанетъ разсуждать вмѣсто того, чтобъ строить ряды? Берегись и ты!

— По истинѣ скажу, очень хорошо помню, господинъ полковникъ. И поручикъ тогда сдѣлалъ такую славную атаку, что заградъ въ море цѣлую тысячу синихъ шапокъ и клѣтчатыхъ кафтановъ. Я также безпрекословно повиновался вашей милости, и безотлагательно исполню все, что изволите приказать.

— Такъ говори же; ты уже знаешь, чтò я приказалъ.

— По истинѣ сказать, точно такъ, ваша милость. Вотъ изволите видѣть, не больше какъ съ часъ тому назадъ, генераль Гаррисонъ и мы съ Биббетомъ, и достойный мистръ Блетсонъ, и полковникъ Лизбро, сидѣли за столомъ, и вдругъ кто-то сильно застучалъ въ паружную дверь, словно за какимъ нибудь спѣшнымъ дѣломъ. У насъ всѣ уже были измучены и загнаны чертями и привидѣніями и всѣмъ, что мы видѣли и слышали, такъ, что не было ни какой возможности заставить часовыхъ стоять за дверьми.... устроили порціи говядины и водки, чтобъ только заставить троиухъ быть въ сѣняхъ. Никто изъ нихъ не согласился отворить, а въ дверь стучать такъ, что ужасъ беретъ. Мистръ Биббетъ, чтò называется, немножко хватилъ, какъ обыкновенцо, подъ вечеръ.... Онъ не то чтобъ былъ склоненъ къ пьянству, но у него со времени шотландскаго похода постоянная лихорадка, такъ, что онъ принужденъ предохраняться отъ ночной сырости.... Вотъ отчего я исполняю должность секретаря и вѣрнаго слуги у генераль-майора Гаррисона и у другихъ господъ комиссаровъ,

такъ же какъ у достойнаго полковника Дизбро, настоящаго и законнаго моего господина....

— Знаю, знаю, что ты пользуешься довѣренностью всѣхъ ихъ и желаю, чтобы ты заслуживалъ ея.

— Молю Бога, чтобы помогъ мнѣ исполнить ваше желаніе, сэръ; по истинѣ скажу вамъ, прозванія Джозефа Честнаго и Томкина Вѣрнаго мнѣ дороже всякихъ титуловъ.

— Хорошо, хорошо, продолжай. Если станешь заговариваться, приведешь въ сомнѣніе насчетъ своей честности. Я люблю короткіе рассказы и не довѣряю многорѣчивымъ языкамъ.

— Я продолжаю, господинъ полковникъ, потерпите немножко. Такъ вотъ, говорю я, въ дверь стали стучать такъ, что, казалось, во всѣ двери ломятся, и колокольчикъ зазвенѣлъ, а мы никого не видали, кто бы могъ тронуть его. Наши часовые всѣ трое уронили ружья, — руки опустились. Мистръ Баббетъ, какъ я вамъ докладывалъ, не въ состояніи былъ исполнять свои обязанности. Я взялъ шпагу, пошелъ къ двери и спрашиваю, кто тамъ? Отвѣчаетъ голосъ какъ-будто знакомый, спрашиваетъ генерала Гаррисона. Время позднее, я и отвѣчаю очень учтиво, что генералъ Гаррисонъ легъ спать и что, кому нужно видѣть его, пусть придетъ утромъ. На это голосъ приказываетъ отворить тотчасъ же и грозить выломать дверь. Въ самомъ дѣлѣ стукъ пошелъ опять такой, что я думалъ, весь домъ развалится. Нечего дѣлать, привужденъ былъ отворить.

— Вотъ храбрость! клянусь честью! вскричалъ Вилдрекъ: я въ случаѣ нужды не побоюсь чорта, но когда между днѣмъ и мною есть дубовая доска, то едва ли соглашусь отодвинуть ее. Вѣдь это то же, что пробуравить дыру въ лодкѣ.... известное дѣло, что чорта сравниваютъ съ морскою бездною.

— Молчи, пожалуйста, Вилдрекъ, возразилъ Эвхардъ: дай ему кончить. Ну, что жъ, Томкинсъ, когда отворилъ дверь, что ты видѣлъ? Огромнаго чорта съ рогами и когтями, конечно?

— Нѣтъ, сэръ, неправды я вамъ не скажу. Отворивъ дверь, я увидѣлъ человѣка, и, какъ казалось, человѣка обыкновеннаго, только въ широкомъ красномъ плащѣ. По наружности судя, можно сказать, что онъ въ свое время былъ красавцемъ, только лицо было блѣдно и брови нахмурены; волосы длинные, какъ у кавалеровъ, и косичка, которую ученый мистръ Прейнъ называлъ окаянною косичкой соблазна; въ одномъ ухѣ серьга; черезъ плечо лента, какъ у королевскихъ офицеровъ, а на шляпѣ бѣлое перо.

— Какой-нибудь несчастный кавалеръ, сказалъ Эврандъ: изъ тѣхъ, которые теперь всюду блуждаютъ отъискивая себѣ убъ-жища.

— Совершенно основательно изволили объяснить, ваша честь; но въ этомъ человѣкѣ, — если это человѣкъ, — было что-то такое, что я безъ трепету не могъ смотрѣть на него. А часовые, бывшіе въ сѣняхъ, сами сознаются, что, со страху, проглотили пули, которыми хотѣли зарядить ружья. Даже собаки.... собаки, дрессированныя для травли волковъ, попрятались по угламъ и едва смѣли ворчать. Незнакомецъ вошелъ и остановился посреди сѣней. И тутъ онъ всё еще казался обыкновеннымъ человекомъ; только немножко странно былъ одѣтъ: подъ плащомъ у него былъ черный бархатный камзолъ съ алыми прорѣхами, въ одномъ ухѣ серьга, на башмакахъ большія розетки, а въ рукѣ платокъ, который онъ по временамъ прикладывалъ къ лѣвому боку.

— Ахъ, Боже мой! сказалъ Вилдрекъ, приближаясь къ Эвранду и такимъ голосомъ, въ которомъ обнаруживался невольный страхъ, чувство вовсе необыкновенное у храброго молодого кавалера: ужъ не бѣдный ли это актеръ Дикъ Робизонъ? Костюмъ точно такой же какъ былъ на немъ въ роли Филастра; онъ въ немъ же оставался, когда мы, послѣ представленія, весело пили съ нимъ свирское. Сколько мы вмѣстѣ шалостей натворили! Какъ я хорошо помню его оригинальныя выходки!.... Онъ служилъ у Карла, въ полку у Могёна и, говорятъ, собака мясникъ убилъ его плѣннаго, послѣ сраженія подъ Незби.

— Тихе! сказалъ Эврандъ: кажется, я слышалъ чей-то голосъ. Но выслушаемъ конецъ разсказа. Такъ этотъ человѣкъ говорилъ съ тобой, Томкинсъ.

— Да, сэръ, говорилъ, и голосомъ даже довольно пріятнымъ. Но въ произношеніи было что-то принужденное; рѣчь походила не на обыкновенный разговоръ, а какъ-будто какая проповѣдь. Онъ требовалъ свиданія съ генераломъ Гаррисономъ.

— Съ Гаррисономъ? повторилъ Эврандъ, который, можетъ-быть, также не могъ совершенно освободиться отъ вѣры въ прівидѣнія: что жъ ты?

— Я пошелъ къ генералу и говорю ему, что такой-то человекъ спрашиваетъ; описалъ всю одежду и что говоритъ. Генералъ вздрогнулъ и закричалъ: «Поди скажи ему, что я не хочу говорить съ нимъ здѣсь; я приглашаю его въ долину армагод-

домскую, въ дѣлѣ великаго сраженія, когда, по гласу ангела, всѣ птицы поднебесныя слетятся и упитаются плотью воеводы и воина, браннаго меня и всадника! Скажи этому злому духу, что я властенъ отложить вашу сеору до того дня, и что въ тотъ страшный день онъ еще разъ встрѣтитъ Гаррисона.» Я все это передалъ незнакомцу; тотъ нахмурился ужасно и нечеловѣческимъ голосомъ сказалъ: «Поди еще разъ скажи ему, что мой часъ насталъ, и что, если онъ сейчасъ же не прійдетъ ко мнѣ, я прійду къ нему. Скажи, что я приказываю ему прійти, и въ знакъ этого скажи, что онъ на полѣ сраженія подъ Незби не небрежною рукой брался за плугъ».

— Я слышалъ, замѣтилъ Вилдрекъ вполголоса, болѣе и болѣе заражаясь суевѣрнымъ страхомъ: я слышалъ, будто Гаррисонъ говорилъ что-то въ родѣ этого тотчасъ послѣ того какъ убилъ своего бѣднаго друга Дика.

— Ну, что жъ потомъ, Томкинсъ? сказалъ Эвхардъ: да смотри, ничего не прибавляй къ правдѣ.

— Я рассказываю по истинной правдѣ все, какъ было, и даже ни какого объясненія не прибавляю отъ себя. Да и рассказывать-то ужъ не много осталось. Я хотѣлъ идти къ генералу, но онъ самъ уже вышелъ. Лицо у него было блѣдное, но выраженіе рѣшительное. Увидѣвши незнакомца, онъ остановился, а тотъ пошелъ вонъ изъ сѣней и все дѣлалъ знаки, чтобъ генералъ за нимъ послѣдовалъ. Мистръ Гаррисонъ ступилъ шага два и опять остановился. Тогда незнакомецъ — чортъ ли, духъ или человѣкъ — кто его знаетъ? — тоже остановился на порогѣ и говоритъ: «Покорись своей участи! Твоя участь — слѣдовать за мной по прѣшеходнымъ путямъ, во мракѣ ночи, по дикому бору. Иди за мной! ты мой! Повинуйся! заклинаю тебя кровью, которую ты видишь въ моей ранѣ, и послѣдними словами, которыя я сказалъ, когда душа моя разставалась съ тѣломъ! Иди за мной!» Съ этими словами онъ вышелъ, и мистръ Гаррисонъ пошелъ за нимъ въ лѣсъ. Я въ-дали тоже сталъ присматривать, а когда пришелъ сюда, то пашелъ уже генерала одного, вотъ, какъ видите.

— У тебя, видно, необыкновенная память, холодно замѣтилъ полковникъ: ты, одинъ разъ услышавши, могъ запомнить длинную рѣчь, да еще, кажется, въ стихахъ! Это похоже на заученную роль.

— Я слышалъ одинъ разъ! вскричалъ Томкинсъ: помилуйте.

господина полковника! эту рѣчь генералъ Гарризонъ постоянно твердить, когда ему въ борьбѣ съ вражескою силой не удастся одержать побѣды, — что довольно часто случается. Я только въ первый разъ слышалъ ее отъ другаго. Впрочемъ, по истинѣ сказать, мнѣ всегда какъ-то казалось, что Гарризонъ не самъ, или по-крайней мѣрѣ не добровольно произноситъ ее, или какъ будто школьникъ отвѣчаетъ урокъ.

— Странно! сказалъ Эврдъ: я, правда, слышалъ, что души злодѣйски убитыхъ сохраняютъ таинственную власть надъ своими убійцами, но меня изумляетъ, что я почти принужденъ вѣрить въ возможность этой исторіи. Что ты, Роджеръ? чего ты испугался?

— Это не испугъ, это ненависть, смертельная ненависть! вскричалъ Вилдрекъ: я вижу убійцу бѣднаго Дика! Посмотрите, какъ онъ становится въ оборонительное положеніе! Погоди, погоди, собака мясникъ! ты найдешь противника!

Кавалеръ скинулъ плащъ, обнажилъ шпагу и, прежде чѣмъ успѣли разгадать его намѣреніе, бросился къ Гаррисону. Шпаги скрестились, потому что республиканскій генералъ стоялъ наготовѣ, въ ожиданіи непріятеля.

— А! наконецъ-то ты пришелъ! вскричалъ онъ: ты воротился въ свое тѣло, чтобы еще разъ сойтись со мной! Добро пожаловать! добро пожаловать! Мечъ Божій на тебя, окаянный!

— Разлучимъ ихъ! разлучимъ ихъ! вскричалъ Эврдъ, котораго изумленіе на минуту приковало къ мѣсту, такъ же какъ и Томкинса.

Оба бросились на сражавшихся; Эврдъ схватилъ кавалера подъ руки и оттащилъ, между-тѣмъ какъ Томкинсъ, не безъ опасности, вырвалъ шпагу у Гаррисона, который кричалъ:

— А! двое противъ одного! двое противъ одного!... Такъ сражаются демоны!

Вилдрекъ ругался и клялся какъ азычникъ.

— Меркемъ! кричалъ онъ: ты однимъ разомъ вычеркнулъ все, чѣмъ я былъ обязанъ тебѣ..... Всѣ твои услуги уничтожены..... забыты..... я не хочу думать объ нихъ, чертъ меня возьми!

— Ты прекрасно доказалъ мнѣ свою признательность, отвѣчалъ Эврдъ: кто знаетъ, какъ это дѣло будетъ растолковано и кто за него будетъ отвѣчать.

— Моя жизнь, возразилъ Вилдрекъ.

— Молчите, положитесь на меня, сказалъ Томкинсъ: я устрою,

тань, что генералъ никогда не узнаеть, что драгос не съ духомъ. Пусть только этотъ Моавитъ вложитъ свою шпагу въ ножны и уснокоится.

— Шпагу въ ножны, Вилдрекъ! вскричалъ Эврардъ: кляни, клянись жизнью, ты оборотишь ее противъ меня!

— Нѣтъ, этого-то не будетъ, отвѣчалъ кавалеръ: я еще съума не сошелъ. А съ нимъ мы въ другой разъ встрѣтимся.

— Въ другой разъ? вскричалъ Гаррисонъ, который всё-еще стоялъ, устремивъ глаза на то мѣсто, гдѣ видѣлъ своего противника: да! я знаю тебя! каждую недѣлю, каждый день ты вызываешь меня.... Ты знаешь, что сердце мое трепещеть.... Но рука моя не дрогнетъ, когда встрѣтится съ твоею. Духъ мой не утратится битвы, хотя плоть и ослабѣваетъ, когда должна нанастъ на безплотное.

— Тихе, молчите, сказалъ Томкинсъ Эврарду и Вилдреку, и обратясь къ Гаррисону, прибавилъ: съ кѣмъ изволите говорить ваше превосходительство? Здѣсь ни кого нѣтъ кромѣ Томкинса и почтеннаго полковника Эврарда.

Генералъ, совершенно убѣжденный въ дѣйствительности своихъ видѣній, всегда уклонялся отъ рѣчей объ нихъ съ тѣми, которые могли назвать его съумасшедшимъ, — какъ это бываетъ и у другихъ помѣшанныхъ. Онъ тотчасъ же побѣдилъ свое волненіе, совершенно спокойно и важно поклонился полковнику и заговорилъ о прекрасной погодѣ, которая будто бы вымангла его въ паркъ, прогуляться.

При этомъ Гаррисонъ взялъ Эврарда подъ руку и они пошли въ замокъ. Вилдрекъ и Томкинсъ повели лошадей. Эврардъ, желая сколько нибудь разъяснить таинственныя приключенія, нѣсколько разъ ловкими вопросами наводилъ разговоръ на этотъ предметъ, но Гаррисонъ такъ же ловко уклонялся и иногда ссылался на Томкинса Вѣрнаго, который былъ приученъ всегда подтверждать все, что скажутъ его господа.

— Но почему же мы застали васъ со шпагою въ рукахъ, генералъ, если вы вышли только прогуляться? спросилъ Эврардъ.

— Такое время, полковникъ: всякій обязанъ препоясать мечъ по бедрѣ и бодрствовать, хранить зажженный свѣтъильникъ и держать оружіе подъ рукой. Вѣрьте или не вѣрьте мнѣ, а настаетъ день, когда нужно бодрствовать, чтобы не быть застигнуто въ располхъ, безъ оружія, когда семь трубъ прозвучатъ команду на коня и свирѣли джезерскія подадутъ походный сигналъ.

— Согласенъ, генералъ; но мнѣ казалось, что вы горлачили, какъ-будто дрались съ кѣмъ.

— У меня странный нравъ, любезный Эвхардъ: когда я прогуливаюсь одинъ и держу шпагу въ рукахъ, какъ теноръ было, то мнѣ иногда приходитъ охота, для упражненія, напасть на какое-нибудь дерево. Глупо тщеславиться искусствомъ во владѣнн оружіемъ, знаю, но я почитался мастеромъ въ этомъ дѣлѣ, и не разъ одерживалъ побѣды еще прежде нежели переродился, прежде нежели былъ призванъ участвовать въ великомъ трудѣ и вступилъ въ первый кавалерійскій полкъ нашего необходимаго генерала.

— Но мнѣ казалось, я слышалъ стукъ вашей шпаги о другую шпагу.

— Стукъ моей шпаги о другую шпагу? Какъ же это могло случиться, Томкинсъ?

— Вѣроятно, это былъ какой-нибудь древесный сукъ, ваша честь, отвѣчалъ секретарь: здѣсь всякія есть деревья. Вы, вѣроятно, напали на такое, что въ Бразиліи называютъ желѣзнымъ деревомъ и которое подъ ударомъ молотка звучитъ словно наковальня, какъ говорятъ Пѣргесъ въ своемъ путешествіи.

— Можетъ-быть, сказалъ Гаррисонъ: тѣ, которыхъ уже нѣтъ, собирали въ своихъ потѣшныхъ жилищахъ всякія растенія и деревья изъ всѣхъ странъ, хотя и не собирали плода съ того, что носить ихъ двѣнадцать родовъ и котораго листья суть спасенію народа.

Эвхардъ продолжалъ разспросы, потому что его занимали увертки Гаррисона и ловкость, съ какою тотъ употреблялъ свои восторженныя и фанатическія идеи для прикрытія еще болѣе мрачныхъ мыслей своей встревоженной совѣсти.

— Однако жъ, продолжалъ онъ, если глаза и уши мои не обманули меня, вы имѣли дѣло съ какимъ-то противникомъ. Я очень хорошо видѣлъ подлѣ васъ человѣка въ темномъ камзолѣ.

— Вы видѣли его? вскричалъ Гаррисонъ съ изумленіемъ: кто жъ бы это могъ быть? Томкинсъ, ты видѣлъ человѣка, о которомъ говоритъ полковникъ.... человѣка, который все прикладываетъ себѣ къ боку окровавленный платокъ?

Последнія слова, которыми Гаррисонъ описалъ своего противника иначе нежели Эвхардъ, но согласно съ Томкинсовымъ разсказомъ о предполагаемомъ привидѣнн, убѣдили полковника въ возможности этого приключенія больше нежели все, что онъ до-

толѣ видѣлъ и слышалъ. Томкинсъ Честный не остался въ долгу, когда на него перевели отвѣтъ: онъ съ обыкновенною своею довѣстностью отвѣчалъ, что видѣлъ, правда, какъ кто-то прошелъ мимо, въ чашу, но думалъ, что это какой-нибудь бракопьеръ, тѣмъ болѣе, что этотъ народъ въ послѣднее время сталъ чрезвычайно дерзокъ.

— Ну, вотъ и все, сказалъ Гаррисонъ, спѣша оборотить разговоръ: скажите мнѣ теперь, не пора ли покончить всѣ эти споры и дружно заняться поправкою проломовъ Сіона? Я почти за счастье, любезный другъ, быть при этомъ случаѣ работникомъ, дослѣдникомъ главы, подъ руководствомъ нашего великаго генерала, — съ нимъ же былъ Богъ въ великомъ перерожденіи нашемъ. Я такъ совершенно предаю нашему славному и побѣдоносному главѣ и начальнику, — да сохранитъ его Господь на многія лѣта, — что, если онъ прикажетъ, я тотчасъ же готовъ ступить съ креселъ челоуѣка, который называется президентомъ. Я знаю, что вашъ образъ мыслей согласенъ съ моимъ, и вотъ почему полагаю позволительнымъ дружески заклинать васъ, да соединимся какъ братья на починку проломовъ и поправку бастіоновъ нашего англійскаго Сіона, котораго мы отнынѣ несомнѣнно будемъ столбами и сводами, для поддержанія и подкрѣпленія его, съ возмездіемъ духовными и мірскими благами, — безъ чего учрежденія наши были бы построены на сыпучемъ пескѣ. Впрочемъ, продолжалъ онъ быстро переходя отъ земнаго честолюбія къ своимъ грезамъ о пятой мовархіи: все это суѣта сусть въ сравненіи съ открытіемъ запечатанной книги, потому что наступаетъ время, когда засверкаетъ молнія, загрохочутъ грома и со дня бездны возстанетъ скованный тамъ змѣй.

Смѣшная такимъ образомъ мірскую политику съ фанатическимъ бредомъ, Гаррисонъ совершенно овладелъ разговоромъ и не давалъ Эврарду ни какого средства продолжать разспросы касательно ночной прогулки и обстоятельствъ, о которыхъ республиканецъ очевидно не желалъ говорить. Наконецъ они пришли въ вудстокскую Ложу.

XV.

«Полуяславленія головы издають уже только слабый свѣтъ; зловѣщій крикъ чернаго Филина сулитъ умирающему саванъ и гробъ. Полночь. Изъ полувскрытыхъ могилъ сейчасъ поднимутся страшные мертвецы, духи, стонущія тѣни, и пойдутъ бродить по воздуху около священной паперти».

Шекспиръ.

Караулъ у входа въ замокъ былъ удвоенъ. Эвхардъ спросилъ о причинѣ этой осторожности у капрала, который вмѣстѣ съ солдатами дремалъ въ прихожей подлѣ огня, разведеннаго насчетъ стульевъ и скамеекъ, какъ доказывали обгорѣлые остатки.

— Правда, господинъ полковникъ, что это удвоеніе карауловъ съ ногъ сбиваетъ весь отрядъ, отвѣчалъ капралъ: да дѣлать нечего; страхъ одолѣлъ; никто не хочетъ стоять на часахъ въ одиночку. Мы ужъ вытребовали подкрѣпленіе съ бенбѣрійскихъ аванпостовъ и завтра ждемъ еще другаго, изъ Оксфорда.

Эвхардъ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ насчетъ размѣщенія часовыхъ, и нашелъ, что правила дисциплины и осторожности въ назначеніи постовъ были хорошо соблюдены. Онъ приказалъ только поставить еще одного часоваго въ осьмиугольных сѣняхъ, которыя вели въ галерею, — мѣсто его приключенія, — въ разные другіе покои.

Капралъ отвѣчалъ, что приказаніе будетъ немедленно исполнено. Потомъ Эвхардъ позвалъ слугъ, чтобы спросить, что дѣлаютъ комиссары и можно ли ихъ видѣть. Слуги также явились въ двойномъ комплектѣ.

— Господа комиссары въ своей комнатѣ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, по кажется, еще не ложились.

— Какъ! спросилъ Эвхардъ: полковникъ Дизбро и мистръ Блетсонъ въ одной комнатѣ ложатся?

— Такъ ихъ милостямъ угодно, и двумъ секретарямъ приказано всю ночь бодрствовать.

— Ну, всё по-двое! вскричалъ Вилдрекъ: я, пожалуй, согласился бы на этотъ порядокъ, если бъ нашелъ здѣсь какую-нибудь хорошенькую компаньонку.

— Перестань, съумасшедшій! сказалъ Эвхардъ: а гдѣ вудстокскій меръ и мистръ Гольдвоузъ?

— Меръ воротился въ городъ, на одной лошади съ верховымъ, котораго отправили за командой въ Оксфордъ, а пасторъ помѣстился въ комнату, которую занималъ мистръ Дизбро, и въ которой, всего вѣроятіе, нужно ожидать.... вы изволите повнимать, ваша милость.... Оборони насъ, Господи милосердый! жестоко мы страдаемъ за грѣхи наши.

— А гдѣ же люди генерала Гаррисона? спросилъ Томкинсъ: почему они не идутъ проводить его въ спальню?

— Я здѣсь! — я здѣсь! — я здѣсь! отвѣчали разомъ трое.

— Такъ подите, проводите его милость; только — не говорите съ нимъ! Вы видите, что онъ не расположенъ слушать вашу болтовню.

— Какъ онъ блѣденъ! замѣтилъ Эврардъ: все лицо какъ-будто встревожено судорогами.... Во всю дорогу онъ говорилъ, а теперь — ни слова!

— Это у него всегда бываетъ послѣ подобныхъ припадковъ, отвѣчалъ Томкинсъ: Зедекія, Іонафанъ, подайте руки его милости. Я сейчасъ за вами прійду Ты, Никодимъ, погоди; я люблю одинъ ходить по этому дому.

— Мистръ Томкинсъ, сказалъ Эврардъ, я часто слышалъ о васъ какъ о человѣкѣ тонкомъ и смѣтливомъ.... Скажите мнѣ, пожалуйста, вы не шутя бонетесь встрѣтиться въ этомъ домѣ съ какимъ нибудь сверхъ-естественнымъ существомъ?

— Я не желалъ бы подвергаться такому испытанію, съ важностью отвѣчалъ Томкинсъ: стоять только взглянуть вотъ на его милость, чтобы видѣть, на что похожъ живой человѣкъ, поговорившій съ мертвецомъ.

Съ этимъ словомъ секретарь почтительно поклонился и ушелъ. Эврардъ пошелъ въ комнату, гдѣ другіе два комиссара, для большей бодрости, рѣшили ночевать вмѣстѣ. Они располагали ложиться, когда полковникъ пришелъ. Оба вздрогнули, когда дверь отворилась, и оба обрадовались, когда увидѣли Эврарда.

— Послушайте, полковникъ, сказалъ Блетсонъ въ полголоса, отводя его къ сторонѣ: видали ль вы когда такого осла какъ Дизбро?... Силевъ какъ быкъ, а трусливъ какъ баранъ. Представьте себѣ, непременно потребовалъ и настоялъ, чтобы я ночевалъ съ нимъ и охранялъ бы его!... Хорошо, что вы пришли; по-крайней-мѣрѣ не скучно будетъ.... Вы можете завять третью постель, которая была приготовлена для Гаррисона, но онъ какъ угорѣлый убѣждалъ искать должны армагеддонской въ вудстокскомъ паркѣ.

— Генераль Гаррисонъ имѣтъ со мною веротисон, отвѣчалъ Эвхардъ.

— Ну, пусть себѣ почуетъ, гдѣ хотеть! вскричалъ Дизбро, услышавшій послѣднія слова: клянусь жизнью! человекъ, ужинавшій съ чертами, не имѣтъ права почевать съ христiанами.

— Онъ и не намѣренъ, возразилъ Эвхардъ: онъ, кажется, почуетъ одинъ, въ особой комнатѣ.

— Не совѣмъ одинъ, я думаю, замѣтилъ Дизбро: Гаррисонъ— родъ магнита для домовыхъ и привидѣній; они шныряютъ около него какъ моль около свѣчи. Но ты, любезный Эвхардъ, сдѣлай милость, оставься съ нами. Не знаю, отчего, — хоть ты и не твердишь безпрестанно о своей вѣрѣ, не сочиняешь объ этомъ непонятныхъ фразъ какъ Гаррисонъ, и не произносишь длинныхъ проповѣдей какъ нѣкто изъ моихъ родственниковъ, котораго не нужно называть, — однако при тебѣ мнѣ все какъ-то ловчѣй чѣмъ въ ихъ компанiи. Чтò до Блетсона, это богохуль, котораго, я думаю, чортъ возьметъ раньше утра.

— Видите, какъ онъ труситъ! шепнулъ Блетсонъ: оставьтесь съ нами, полковникъ. Я знаю, какъ усердно вы помогаете всѣмъ страждущимъ, а бѣдный Дизбро въ такомъ положенiи, что ему необходимы хорошия примѣры, чтобъ онъ могъ избавиться отъ своего страха чертей и привидѣнiй.

— Мнѣ очень жаль, что я не могу служить вамъ, господа, но я рѣшился почевать въ комнатѣ Виктора Лп. Желаю вамъ спокойной ночи и, если вы хотите въ самомъ дѣлѣ провести ее спокойно, совѣтую вамъ употребить время безсонницы на препорученiе себя тому, для котораго ночь не темнѣе дня. Я намѣревался сегодня вечеромъ поговорить съ вами о причинѣ моего прибытiя сюда, но отложу до завтра и падѣюсь дать вамъ основательный поводъ покинуть Вудстокъ.

— Мы ужъ и то слишкомъ долго оставались здѣсь! вскричалъ Дизбро: чтò до меня касается, я прiѣхалъ сюда единственно по долгу службы и, конечно, въ надеждѣ на нѣкоторое вознагражденiе за труды, но если меня въ нынѣшнюю ночь, такъ же какъ въ прошедшую, поставятъ вверхъ ногами вмѣстѣ съ постелью, я не намѣренъ долѣе оставаться ни за какiя блага въ мирѣ.

— Прощайте, господа, повторилъ Эвхардъ.

Онъ хотѣлъ выйти, но Блетсонъ опять подошелъ и шепотомъ сказалъ:

— Послушайте, полковникъ, вамъ извѣстна моя привязанность

въ вамъ; замышляю вѣсть, но запирайте вашей двери, чтобы я могъ слышать, когда что-нибудь случится съ вами, и прибѣгать на помощь. Сдѣлайте одолженію, любезный Эвралдъ: безъ этого я въ безпокойствѣ о васъ глазъ не сомкну во всю ночь. Я знаю, что несмотрѣ на вашъ свѣтлый умъ, у васъ всё-таки есть нѣкоторыя суевѣрныя идеи, которыя мы всё всасываемъ съ малюкомъ кормилицъ и которыя составляютъ единственныя источники страху у людей, въ положеніяхъ, подобныхъ нашему. Не запирайте же вашей двери, чтобы я могъ, въ случаѣ нужды, поспѣть на помощь къ вамъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сэръ, сказалъ Вилдрекъ, что мой господинъ возлагаетъ свое упованіе, во первыхъ, на Бога, а во-вторыхъ, на свою шпагу. Онъ не думаетъ, чтобы лечь вдвоемъ въ одной комнатѣ значило оградиться отъ діавола, и еще меньше вѣрить всѣмъ вольнодумцамъ, доказывающимъ, что чорта малюетъ только воображеніе.

Эвралдъ схватилъ своего неосторожнаго друга за воротъ, не давъ кончить рѣчи, и отсутствилъ тогда уже, когда прптащилъ въ комнату Виктора Ли.

— Какой ты умный и разсудительный человѣкъ, Роджеръ! сказалъ онъ тутъ съ упрекомъ: въ такое время, какъ теперь, ты, кажется, отыскиваешь всевозможные случаи заводить ссоры. Стыдно тебѣ!

— Да, стыдно мнѣ! отвѣчалъ кавалеръ: стыдно мнѣ, что я такая слабая тварь безъ души и воли... стыдно мнѣ, что я такъ подчиняюсь человѣку, который ничѣмъ не выше и не лучше меня... Ты, Меркель, во зло употребляешь свою власть надо мной. Отчего ты не хочешь, чтобы я разстался съ тобой, и жилъ бы и умеръ, какъ случится?

— Оттого что недѣли не пройдетъ послѣ нашей разлуки, я узнаю, что ты повѣшенъ какъ собака. Послушай, милый Роджеръ, поговоримъ толкомъ. Чтò за безуміе лѣзть въ драку съ Гаррисономъ, какъ ты сдѣлалъ, и потомъ еще пускаться безъ всякой надобности въ разсужденія съ Блетсономъ!

— Мы, какъ мнѣ кажется, стоимъ на квартирѣ у чорта, а я, въ какой бы ни былъ дорогѣ, всегда люблю отдавать должное хозяину. Мнѣ очень пріятно было бы отдать ему Гаррисона и Блетсона, пока дойдетъ очередь до Кром....

— Сумасшедшій! вскричалъ Эвралдъ, перебивая и оглядываясь вокругъ: развѣ ты не знаешь, что стѣны бьются съ ушами?

Вотъ тебѣ, можешь вынуть для вечера. Ты знаешь, гдѣ твоѣ постель; я вочую здѣсь. Смотри, чтобъ шпага у тебя была близко подъ рукой; нужно быть на сторожѣ. Насъ будетъ раздѣлять только эта дверь....

— Которую я оставляю незатворенною, на случай если тебѣ понадобится помощь, какъ говорить этотъ вольнодумецъ. Но какъ же эта комната въ такомъ удивительномъ порядкѣ?

— Я сказалъ Томкинсу, что вочую здѣсь.

— Это, кажется, ловкій парень: онъ какъ-будто со всякаго мѣрку снялъ; все черезъ его руки идетъ.

— Это, какъ говорятъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые родились нарочно для нашего времени. Онъ обладаетъ даромъ краснорѣчія, притомъ очень смѣливъ и расторопенъ; это доставляетъ ему довѣренность у независимыхъ и дѣлаетъ его самого очень полезнымъ для умѣренныхъ.

— А чистосердечіе его никогда не подвергалось сомнѣнію?

— Кажется, никогда; напротивъ, его обыкновенно называютъ Джозефомъ Честнымъ или Томкинсомъ Вѣрнымъ. Впрочемъ, я думаю, честность его идетъ въ ногу съ его личною пользою. Но ступай же, выпей да ложись.... Какъ! до дна, сразу?

— Конечно, чортъ возьми! Мой обѣтъ не позволяетъ мнѣ пить больше одной. Но не бойся; это такой колпакъ, что поддержитъ въ моей головѣ пріятную теплоту, безъ опасности отъ воспаления. И такъ, чортъ ли, человекъ ли, кто бы ни потревожилъ твой сонъ, клики, я выпгъ явлюсь.

Кавалеръ ушелъ въ свою комнату, а полковникъ, снявъ только верхнюю одежду, легъ на постель безъ занавѣсовъ и скоро заснулъ.

Его разбудила тихая торжественная музыка, которой звуки какъ-будто постепенно удалялись. Онъ вздрогнулъ, хватился оружія и всталъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ положилъ. Ничто не мѣшало ему осмотрѣться вокругъ, но огонь въ каминѣ потухъ и въ темнотѣ ничего невозможно было различить. Эвхардъ невольно ощутилъ неопредѣленный трепетъ, который производитъ первая мысль о неизвѣстной и невидимой опасности.

Хотя ему очень не хотѣлось вѣрить въ сверхъестественныя видѣнія, однакожъ онъ былъ еще не совсѣмъ чистый скептикъ въ этомъ отношеніи. Онъ не могъ рѣшить, точно ли не во снѣ слышалъ музыку, и не хотѣлъ кликать товарища, чтобъ не подвергнуться насмѣшкамъ. Онъ сѣлъ. Страхъ можетъ напасть на храбраго человѣка точно такъ же какъ и на труса: вся разница

въ томъ, что одного онъ одолеваетъ, а другаго вооружаетъ силою къ отпору.

Противъ воли и не смотря на свое подозрѣніе, что кто нибудь интригуетъ противъ комиссаровъ, Эврарду посреди безмолвія и мраку ночи пришло на память приключеніе Гаррисона. Онъ вспомнилъ, что генераль, говоря о привидѣніи, уномянулъ объ обстоятельстве, котораго въ вопросѣ вовсе не было, — объ окровавленномъ платкѣ, который постоянно мелькалъ у него передъ глазами или въ встревоженномъ воображеніи.

— Неужели возможно, думалъ онъ, чтобъ жертва являлась своему убійцѣ? Но въ такомъ случаѣ почему жъ бы не быть возможными и другимъ видѣніямъ, которыя бы предупреждали.... научали... наказывали?

Изъ этого Эврардъ заключалъ, что если, съ одной стороны, безуміе вѣрить всѣмъ такимъ исторіямъ, то съ другой было бы дерзостью назначать предѣлы Всемогушему въ твореніи рукъ Его.

Между тѣмъ какъ этого роду мысли быстро смѣнялись въ головѣ полковника, онъ постепенно поддавался тайному страху, безъ всякой видимой причины. Видимая причина вооружила бы все его мужество, но совершенная неизвѣстность, чего слѣдуетъ опасаться, увеличивала только число предположеній. Ему сильно захотѣлось вскочить съ постели и развести огонь, въ ожиданіи какого-нибудь страннаго зрѣяща; хотѣлось даже разбудить Владрека, но стыдъ, — пуще страха, — удержалъ.

— Какъ! скажутъ, Меркемъ Эврардъ, который почитался лучшимъ солдатомъ въ этой роковой войнѣ, — онъ, который въ такой молодости уже достигъ важнаго чину въ парламентской арміи, — онъ побоялся остаться одинъ въ комнатѣ о полуночи? Нѣтъ, никогда!

Это разсужденіе однакожъ не могло остановить работы воображенія. Въ памяти у него воскресли разныя преданія о комнатѣ Виктора Ли, и хотя онъ часто смѣялся надъ ними какъ надъ глупыми сказками, передаваемыми изъ рода въ родъ суевѣріемъ, однако жъ этотъ предметъ также не очень былъ способенъ успокоить раздраженіе нервовъ. Когда онъ потомъ вспомнилъ о своемъ собственномъ приключеніи, — о шпагѣ, которую ему приставили къ горлу, — о сильной рукѣ, которая лишила его движенія, — это совершенно разсѣяло всѣ мысли о призракахъ и воображаемыхъ опасностяхъ и повело къ убѣжденію, что въ какомъ-нибудь углу замка скрывается шайка кавалеровъ, которые могутъ ночью овла-

дѣтъ имъ и утолить свою жажду мести на республиканцахъ и въ особенности на Гаррисонѣ, одномъ изъ судей-убійцъ несчастнаго Карла.

Онъ успокоивалъ себя мыслью о числѣ солдатъ въ замкѣ и о разставленныхъ караулахъ, однако жъ и упрекалъ себя, что не принялъ еще болѣе строгихъ мѣръ и сдержалъ насиліемъ вырвавшееся слово, которое могло предать его товарищей въ руки убійцъ. Чувство обязанности военнаго человѣка дало всѣмъ мыслямъ его иной оборотъ. Онъ разсудилъ, что всего лучше ему въ эту минуту обойти по постамъ и несмотрѣть, исправны ли часовые и могутъ ли доспѣть одинъ къ другому въ случаѣ тревоги.

— Это будетъ мнѣ приличіе, думалъ онъ, чѣмъ оставаться здѣсь въ ребяческомъ страхѣ отъ бабьихъ сказокъ, надъ которыми я смѣялся будучи мальчикомъ.

Едва онъ сказалъ это про себя, на башнѣ замка стали бить часы. Пробыло три, и въ то же время слышались подъ сводами корридоровъ грубые голоса часовыхъ, которые переключались обычными словами: «Все исправно!» Голоса ихъ смѣшивались съ боемъ часовъ, но прежде третьяго удара всё смолкло. Дрожащій воздухъ въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ доносилъ еще до Эврардова уха постепенно стихавшіе звуки мѣди; потомъ эти звуки стали снова продолжаться и полковникъ не зналъ, приписать ли ихъ эху или другимъ парашителамъ безмолвія стараго замка.

Сомнѣніе его скоро разрѣшилось: къ послѣднему удару часоваго колокола присоединилась тихая музыка, которая сначала, казалось, только протянула отголосокъ звона, потомъ постепенно сама приняла болѣе опредѣленное выраженіе. Мелодія ея была важная; она послышалась сначала вдаль, потомъ постепенно приближалась, какъ-будто переходила изъ комнаты въ комнату, изъ корридора въ корридоръ, по всему замку. Между-тѣмъ ни одинъ часовой не производилъ тревоги, и изъ всѣхъ проводившихъ эту ночь въ ужасѣ и безпокойствѣ, казалось, ни одинъ не примѣчалъ этого явленія, ни пикто не смѣлъ сказаться товарищамъ.

У Эврарда вся душа была на сторожѣ; онъ не могъ болѣе молчать. Музыка приближалась такъ, что ему казалось, будто въ сосѣдней комнатѣ торжественно отпѣваютъ покойника.

— Вилдрекъ! вскричалъ онъ громко: Вилдрекъ, вставай! Развѣ не слышишь тревоги? Вилдрекъ!

Вилдрекъ не слышалъ, хотя одной музыки достаточно было,

Чтобъ разбудить спящаго: она, казалось, гремѣла въ самой комнатѣ Виктора Ли.

— Вставай, Вилдрекъ! вставай! снова вскричалъ Эврардъ, вскочивъ съ постели и хватаясь за оружіе: ничь тревогу въ замкѣ и добывай огня!

Но отвѣту все не было; только музыка смолкла въ то же самое время, какъ Эврардъ пересталъ кликать, и тотъ же нѣжный и тихій голосъ, который уже говорилъ съ нимъ въ галереѣ и который онъ приписывалъ Алисъ, заговорилъ въ его комнатѣ, какъ казалось, подлѣ него.

— Твой товарищъ не отвѣтитъ тебѣ, сказалъ голосъ: у кого совѣсть спокойна, тотъ не услышитъ тревоги.

— Опять за то же! сказалъ Эврардъ: но на этотъ разъ я лучше вооруженъ, и, не будь этого голосу, тотъ, который говорить со мной, дорого поплатился бы за свою дерзость.

Нужно замѣтить, что всякій разъ, когда Эврардъ опредѣленно слышалъ человѣческій голосъ, всякая мысль о сверхъестественныхъ явленіяхъ разсѣивалась и чары, на время оковавшія его воображеніе, разрушались. Вліяніе, которое суевѣрный страхъ можетъ временно имѣть на здравомыслящаго человѣка, совершенно зависитъ отъ неизвѣстности и смутности окружающаго и нѣсколькихъ ясныхъ звуковъ, нѣсколькихъ опредѣленныхъ понятій бываетъ достаточно, чтобъ воротить мысль въ кругъ обыкновенной жизни.

Между-тѣмъ тотъ же голосъ отвѣчалъ Меркему:

— Не пугай насъ своимъ оружіемъ, мы презираемъ его: оно не имѣетъ силы надъ хранителями Вудстока. Стрѣлай, если хочешь, увидишь, чего достигнешь. Но знай напередъ, что мы не намѣрены вредить тебѣ. Ты изъ отродья соколовъ, и нравъ твой благороденъ, хоть и плохо ты учишь, оттого присталъ къ истребамъ и воронамъ. Уйди завтра отсюда. Если же останешься съ кукушками, совами и летучими мышами, которые надѣются устроить себѣ гнѣзда въ этихъ мѣстахъ, ты неизбежно раздѣлишь ихъ участь. Иди же, чтобъ можно было очистить этотъ замокъ и приготовить къ приему достойныхъ обитателей.

— Еще разъ предупреждаю васъ, господа, возразилъ Эврардъ громче прежняго: не надѣйтесь и вы устрашать меня. Я не ребенокъ, котораго можно напугать сказками о духахъ, и не трусъ, который съ оружіемъ въ рукахъ побоятся разбойниковъ. Если я даю вамъ нѣсколько сроку, то это только изъ уваженія къ дорогимъ мнѣ друзьямъ, которыя, можетъ-быть, послушались

дурнаго наущенія и вдались въ эти опасныя шутки. Знайте, что я могу окружить замокъ войскомъ и произвестъ самый отчетливый розыскъ, а если этого мало, то будетъ стоить только нѣсколькихъ боченковъ пороху, чтобъ превратить весь этотъ домъ въ груду развалилъ и похоронить подъ ними всѣхъ охотниковъ до неумѣстныхъ проказъ.

— Твоя рѣчь очень надменна, господниъ полковникъ! сказалъ мужской голосъ, — второй изъ тѣхъ, которые онъ слышалъ въ галереѣ: докажи свою храбрость съ этой стороны.

— Такого вызову вы мнѣ два раза не сдѣлали бы, вскричалъ Эвхардъ, если бъ хоть малѣйшій свѣтъ далъ мнѣ возможность прицѣлиться.

Только онъ произнесъ эти слова, внезапный и почти ослѣпительный свѣтъ указалъ ему двѣ человѣческія фигуры, одного мужчину, похожаго по костюму на портретъ Виктора Ля, съ военачальническимъ жезломъ въ рукѣ, и женщину подъ большимъ покрываломъ. Фигуры были живыя и явились не болѣе какъ въ четырехъ шагахъ отъ полковника.

— Если бъ видъ этой женщины не удерживалъ меня, сказалъ Эвхардъ, я не потерпѣлъ бы такого оскорбленія.

— Не безпокойся объ ней и дѣлай, что тебѣ угодно, отвѣчалъ второй голосъ: я вызываю тебя!

— Повтори этотъ вызовъ, когда я отсчитаю три! вскричалъ Эвхардъ: увидишь тогда, какъ я накажу твою дерзость.... Разъ!... Курокъ пистолета взведенъ.... Два!... Я никогда не давалъ промаху. Клянусь всѣмъ, что есть священнаго, я выстрѣлю, если вы не уйдете тотчасъ же! Когда я произнесу три, ты будешь убитъ.... Я не охотникъ до крови; я дамъ еще сроку и повторю.... Разъ!... Два!.... Три!...

Эвхардъ прицѣлился въ грудь и выстрѣлилъ. Фигура подняла руку съ пренебреженіемъ и громкимъ презрительнымъ хохотомъ, между-тѣмъ какъ свѣтъ, освѣщавшій черты ея, сталъ постепенно ослабѣвать и исчезать.

Вся кровь у Эвхарда застыла въ жилахъ.

— Если бъ это было смертное тѣло, думалъ онъ, моя пуля пробилъ бы его. Но съ сверхъестественными существами я не хочу и не могу драться.

Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ стѣсненъ, подавленъ испытаннымъ впечатлѣніемъ почти до уничтоженія всѣхъ силъ, однако жъ встрепенулся и ошупью пошелъ къ камину. Тамъ онъ разрылъ золу, нашелъ нѣсколько горячихъ угольевъ и посредствомъ оставших-

ея щепокъ добылъ столько огня, что освѣтилъ почти всю комнату. Тогда онъ осмотрѣлся вокругъ, осторожно, почти робко, какъ-будто каждую секунду ожидалъ, что увидитъ какое-нибудь страшилище. Но онъ увидѣлъ только старинную, давно знакомую мебель, которая находилась все въ томъ же положеніи какъ была при сэрѣ Генри Ли.

Неодолимое желаніе, смѣшанное однако жъ и съ тайнымъ страхомъ, влекло его взглянуть на портретъ, на который такъ походило только-что видѣнное существо. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшился, зажегъ свѣчу и, поднеся ее къ портрету Виктора Ли, сталъ всматриваться. Почти все ужасы доврчиваго дѣтства возродились въ эту минуту въ его воображеніи и ему показалось, будто строгій взглядъ стараго вонна всюду слѣдуетъ за нимъ и угрожаетъ своимъ неудовольствіемъ. Одной минуты было бы достаточно, чтобъ уничтожить это заблужденіе, но въ душѣ Эврарда еще оставалась смѣсь смутныхъ чувствованій, которыя невольно выразились въ словахъ къ старому портрету:

— Душа одного изъ предковъ моей матери, сказалъ онъ, кто бы ни тревожилъ покой этого замка, — существа безплотныя или дерзкіе и хитрые заговорщики, — съ добрымъ ли или съ злымъ умысломъ, — я рѣшился оставить его нынче утромъ.

— Я душевно радъ слышать это, сказалъ голосъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади полковника.

Меркемъ оглянулся и увидѣлъ передъ собой длинную фигуру въ бѣлой одеждѣ и въ такомъ же головномъ уборѣ, похожемъ на чалму.

Свѣча выпала у него изъ рукъ; онъ бросился на привидѣніе.

— Ты по крайней-мѣрѣ осязаемое существо! вскричалъ онъ.

— Разумѣется, осязаемое, чортъ возьми! вскричалъ тотъ, котораго онъ схватилъ за горло: развѣ ты не можешь удостовѣриться въ этомъ безъ того чтобъ не задушить? Пусти сейчасъ, нето я покажу, что не забылъ бороться.

— Роджеръ Вилдрекъ! вскричалъ Эврардъ отступивъ.

— Безъ-сомнѣнія, Роджеръ Вилдрекъ. А ты думалъ Роджеръ Беконъ пришелъ помогать тебѣ заклинать чорта? Злѣсь въ самомъ дѣлѣ сѣрой пахнетъ.

— Это отъ моего выстрѣла. Ты не слышалъ?

— Онъ-то меня и разбудилъ. Ночной колпакъ, которымъ я запасся на ночь, такъ согрѣлъ меня, что я спалъ какъ сурокъ..... До-сихъ-поръ въ головѣ тяжело.

— Отчего жъ ты раньше не пришелъ? Мнѣ никогда еще не была столько нужна твоя помощь.

— Я какъ очнулся, такъ и пришелъ. Нѣсколько минутъ нужно было, чтобъ прийти въ себя, потому что мнѣ видѣлся сонъ о проклятомъ незбискомъ сраженіи.... Потомъ дверь была заперта.... невозможно выйти!... Пришлось ногу употребить вмѣсто ключа.

— Какъ! вѣдь она была отворена, когда я ложился.

— Тѣмъ не менѣе она была заперта, когда я всталъ, и я удивляюсь, что ты не слышалъ, какъ я ее выламывалъ.

— Я былъ занятъ другимъ.

— Ну, что жъ случилось? Я здѣсь и готовъ драться, если удастся.... Х....а....а! перестань звать. Крѣпчайшій эль тѣтушки Ридкенъ — дрянъ въ сравненіи съ тѣмъ, что я пилъ вчера. Я напился.... х....а....а!... эссенція изъ хмѣльных эссенцій.

— Съ нѣкоторою частичкой опіуму, какъ надо полагать, замѣтилъ Эврдъ.

— Можетъ-быть, очень можетъ быть! Пистолетный выстрѣлъ едва разбудилъ.... тогда какъ я, съ обыкновеннымъ глоткомъ на ночь, сплю чуткимъ сномъ дѣвушки, которая.... х....а....а!... первого мая ждетъ первыхъ лучей солнца, чтобы пойти собирать росу. Но что жъ ты намѣренъ дѣлать теперь?

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего. И я прибавлю, — не столько для тебя, сколько для другихъ, которые, можетъ быть, подслушиваютъ, что я завтра, утромъ, оставлю замокъ и постараюсь выслать комиссаровъ.

— Чу! сказалъ Видрекъ: ты слышалъ?... отдаленный шумъ, какъ-будто рукоплесканія въ театральной залѣ. Духи замка радуются твоему отъѣзду.

— Я оставлю Вудстокъ въ распоряженіе моему дядѣ сэру Генри, продолжалъ Эврдъ: оставлю не потому, чтобы меня устрашали разъигранныя здѣсь фиглярства, а потому что я только затѣмъ и пріѣхалъ сюда. Между-тѣмъ, — продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ, — предупреждаю изобрѣтателей и исполнителей этихъ глупыхъ сценъ, что, хотя они и могутъ имѣть успѣхъ у такого глупца какъ Дизбро, и такого съумасшедшаго какъ Гаррисонъ, и такого труса какъ Блетсонъ....

— И у такого умѣреннаго, мудраго и рѣшительнаго человека какъ полковникъ Эврдъ, сказалъ очень внятно голосъ подлѣ двохъ друзей.

— Клянусь небомъ, этотъ голосъ сидитъ въ портретъ! вскричалъ Вилдрекъ, обнаживъ шпагу: я посмотрю, доброй ли закалки у него латы.

— Переставь, Вилдрекъ; я не хочу насилій, сказала Эврардъ, который не могъ не вздрогнуть отъ неожиданнаго возраженія, однако жъ съ твердостью продолжалъ: пусть слушающіе замѣтятъ себѣ, что, хотя эта сѣть козней и обмановъ удаётся на минуту, однако жъ не можетъ остаться тайною, когда я захочу разъяснить её, и тогда слѣдствіемъ будетъ наказаніе хитрецовъ, совершенное уничтоженіе Вудстока и неизбежная гибель семейства Ли. Подумайте объ этомъ и ковчьте шутки, пока еще есть время.

Онъ замолчалъ и почти ждалъ отвѣту, но не получилъ ни какого.

— Странная вещь! сказала Вилдрекъ: очень странная вещь!... Но мой умъ теперь.... х....а....а!.... не въ состояніи понять.... Голова кружится какъ гвоздичка въ стаканѣ горячаго вина.... Нужно пристѣсть.... х....а....а!.... чтобъ по-удобійи было обдумать.... х....а....а! Много обязавъ вамъ за приемъ, любезнѣйшее кресло.

Съ этими словами онъ сѣлъ, или лучше сказать упалъ, въ большое кресло сэра Геври, и въ одну минуту уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Эврардъ далеко не такъ расположенъ былъ уснуть, однако жъ ему пріятно было успокоить себя мыслью, что въ продолженіи остатка ночи уже нечего опасаться новой тревоги и посѣщеній: договоръ его, касательно очметки Вудстока, былъ извѣстенъ и могъ почитаться принятымъ. Нѣсколько времени Эврардъ былъ уже расположенъ приписать все видѣнное и слышанное существамъ сверхъестественнымъ, но въ настоящую минуту разсудокъ его шелъ болѣе правильнымъ путемъ къ объясненію таинственныхъ похожденій, для которыхъ вудстокскій замокъ представлялъ столько удобствъ.

Онъ подложилъ дровъ въ каминъ, снова засвѣтилъ свѣчу и, увидѣвъ Вилдрека въ неловкомъ положеніи, уложилъ его на креслѣ поспокойнѣе. Сонный кавалеръ, какъ ребенокъ въ колыбели, позволялъ дѣлать съ собой, что угодно. Состояніе его еще больше подкрѣпляло Эврарда въ мнѣніи, что все происходившее въ замкѣ было только проворство интригантовъ; духи не стали бы подбивать человѣка сонными каплями.

Эврардъ снова легъ на постель, обдумывая странныя свои обстоя-

тельства, и снова слухъ его поразила тихая, мелодическая музыка, потомъ женскій голосъ три раза произнесъ:

— Прощай! прощай! прощай!

И съ каждымъ разомъ голосъ, казалось, удалялся; изъ чего Эвхардъ заключилъ, что если духи и не окончательно примирились съ нимъ, такъ по крайней мѣрѣ дадутъ отдыхъ на эту ночь. Однако жъ у него едва достало смѣлости также произнести слово «прощай», потому что, несмотря на убѣжденіе, что все происходившее — только фокусничество, волновавшія его противъ воли впечатлѣнія походили на тѣ, которыя производятъ хорошо разыгранная трагедія.

Наконецъ сонъ одолѣлъ его, и когда онъ проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

=

Этотъ родъ богатства сибирской природы почти вовсе не вѣстенъ въ Европѣ. Отъ перваго очерка нельзя ожидать непопулярности, и потому неудовлетворительность его будетъ конечно прощена читателями во уваженіе благаго намеренія.

Минеральными водами изобилуетъ только Иркутская губернія; въ енисейской вѣтъ не одного источника съ какою-нибудь цѣлительною силою. По слухамъ извѣстно, что гдѣ-то на китайской границѣ есть *кислая вода*, но онѣ такъ отдалены отъ мѣстъ обитанія и такъ неприступны, что одни казаки, наблюдающіе за границею, бывають тамъ иногда.

Южный край Иркутской губерніи, напротивъ, богатъ цѣлительными источниками. Примѣчательнѣшіе, или случайно примѣчательные, раздѣлены значительными разстояніями одинъ отъ другаго. Здѣсь текутъ воды горячія, кислыя, сѣрныя, желѣзныя, солитренныя и другихъ качествъ; но извѣстны не многія изъ нихъ. Инородцы, первобытные обитатели губерніи, знаютъ въ своихъ мѣдвѣняхъ каждый бугоръ, стремнину, рывину, каждый ключъ, болото,—все имъ извѣстно, все имѣетъ свое названіе, но объявлять о нихъ Русскимъ страшатся, по причинамъ или суевѣрнымъ

или политическимъ. Напримеръ, есть такія воды, посѣщеніе которыхъ, по мнѣнію инородцевъ, производитъ дождь, а потому лѣтомъ во время сѣнокоса, когда ясные дни и сухая погода считаются даромъ небесъ, Буряты ни за что не согласятся проводить васъ, или указать дорогу къ источнику, называемому Аршавъ-усувъ. Они увѣрены, что, послѣ пребыванія челоуѣка на этихъ водахъ, настанетъ непремѣнно ненастье. Русскіе не чужды этихъ предразсудковъ и весьма не охотно скажутъ вамъ о какой-нибудь рѣдкости природы. Но важнѣйшая причина скрытности—та, что къ минеральнымъ водамъ будто бы проложить дорогу и безвозмездный этотъ трудъ упадетъ на обывателей, какъ натуральная повинность. Ни Буряты, ни Тунгусы, ни русскій крестьянинъ не объявятъ вамъ о какомъ-нибудь минералѣ, сколько-нибудь блестящемъ; словомъ, ни о чемъ превышающемъ ихъ разумѣніе. Случалось и такъ, что инородцы или русскіе крестьяне заваливали камнями и лѣсомъ минеральныя воды, или признаки рудъ, и не говорили о томъ даже своимъ дѣтямъ. Слухъ объ открытіи чего-нибудь необыкновеннаго умиралъ вмѣстѣ съ людьми, уносившими тайну въ могилу. Вотъ почему золотыя росыши, недавно открытыя въ восточной Сибири, долго были неизвѣстны.

Такимъ образомъ много богатствъ природы до-сихъ-поръ скрыты подъ свудомъ предразсудковъ и ложныхъ опасеній: извѣстно только то, чего скрыть нѣтъ возможности.

Теперь насчитывается въ иркутской губерніи около десяти горячихъ ключей, около шестнадцати кислыхъ, а минеральнымъ холоднымъ нѣтъ счету.

Мы сдѣлаемъ сперва подробное описаніе водамъ извѣстнѣйшимъ, гдѣ кое-что устроено для удобства посѣтителей, а потомъ перечислимъ остальные.

Первое мѣсто занимаютъ туркнскія горячія воды, потомъ баргузинскія, и наконецъ недавно обнаруженныя и устроенныя туркнскія. Выше всѣхъ, какъ температурою, такъ и пользою—воды баргузинскія. Хотя онѣ лежатъ на одномъ берегу Байкала съ водами туркнскими, но путь къ нимъ возможенъ только верхомъ, а потому онѣ предоставлены однимъ мѣстнымъ жителямъ.

Туркнскія горячія воды находятся на юго-восточномъ бере-

• О горячихъ водахъ на полуостровѣ Камчаткѣ не говоримъ, потому что Камчатка не принадлежитъ къ Сибири, а составляетъ отдѣльное управленіе, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ подчиненное иркутскому губернскому управленію.

гу озера Байкала, верстахъ въ четырехъстахъ отъ Иркутска, и въ двухъ верстахъ отъ Байкала. Рѣка Турки недалеко отъ ключей впадающая въ Байкаль, сообщила имъ свое названіе.

Въ лошнѣ, весьма неглубокой, бьетъ изъ земли до двадцати ключей — горячихъ и холодныхъ, такъ чудесно перемѣшанныхъ, что подлѣ холоднаго ключа кипятъ горячіи. Все это, сливаясь въ одно пѣлое, производитъ ручеекъ, который, при впаденіи въ Байкаль, теряетъ уже всѣ признаки минеральныхъ водъ.

Мѣстоположеніе здѣсь дикое и потрясающее. Огромное озеро Байкаль, вѣчно бурное, вѣчно волнующееся, хлещетъ на берега, усеянные подводными и надводными камнями; на краю горизонта возвышаются гольцы острова Ольхана. Отлогій берегъ Байкала, съ котораго вы смотрите на озеро, покрытъ дремучимъ лѣсомъ, за которымъ возвышается гора утесомъ. Песчаная почва, болѣзненные лица посѣтителей и пустота наводитъ какое-то уныніе.

До 1815 года дремучій, непроходимый лѣсъ окружалъ воды; не было близъ нихъ, какъ говорится, ни кола ни двора, только деревянные ванны и домъ, построенный въ осьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія какимъ-то купцомъ, предлагалъ свои гостеприимныя стѣны посѣтителямъ. Они должны были запасаться съѣстными припасами на весь курсъ леченія; ближе пятидесяти верстъ не было селенія. Большому негдѣ было прогуляться: дремучій лѣсъ и валежникъ останавливали его на каждомъ шагѣ.

Путь къ водамъ былъ или бурнымъ озеромъ, или верхомъ; онѣ доступны были только богатымъ людямъ.

Бывшій губернаторъ, Трескинъ, преобразователь всей губерніи, обратилъ вниманіе и на эти воды. Дѣятельность его находила средства и тамъ, гдѣ другіе ничего не видѣли. Онъ причислилъ воды къ вѣдомству Приказа Общественнаго Призрѣнія, и на счетъ его устроилъ къ водамъ дорогу для экипажей. Построены двѣ большія ванны надъ ключами: одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Ванна для леченія однимъ парамъ, корпусъ для посѣтителей, корпусъ для жилья инородцамъ и прислугѣ; а чтобъ посѣтителю не нуждались въ съѣстныхъ припасахъ — заведено казенное поселеніе, въ которомъ водворено нѣсколько семей поселенцевъ. Дремучій лѣсъ вырубленъ и выѣзженъ до самаго Байкала, такъ, что больные могутъ гулять на двухверстномъ пространствѣ. Поселенцы обзавелись хозяйствомъ: у нихъ можно достать хлѣба, молока, живности и свѣжей рыбы. На посѣтителей наложена легкая плата — двадцать-пять рублей ассигнаціями

за весь курсъ леченія. Такимъ образомъ деньги Принца возвращены годовъ въ десять.

Вслѣдствіи ванны, построеныя при губернаторѣ Трасиннѣ, передѣланы. Вмѣсто общихъ садыны отдѣльныя, для одного: это удобно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; астрѣтлнел затрудненія. Посѣтитель рѣдко находитъ пороженію ванну: неудобно было ожидать ваннаси иногда часа два, тогда какъ прежде всѣ саднелел въ одну огромную ванну, имѣвшую поставленную стоку воды. Эта ванна была комната, у которой вмѣсте пелу вода; тутъ легко могло помѣститься двадцать человекъ, на два аршина разстоянія другъ отъ друга; но подобнаго сточенія большихъ и быть не могло: обыкновенно сидѣли въ ваннѣ три-четыре человекъ, послѣ нихъ саднелел другіе, и такъ далѣе. О чистотѣ воды нечего было и бояться: со дна ванны было осмидцать ключей горячихъ въ сорокъ-три градуса по Реомюру, а для ослабленія ихъ пускалась холодная вода по особому жолобу. Изъ ванны постоянно текла вода по небольшому жалобу вонъ; но если брезгливый больной желалъ совершенно свѣжей воды, то открывали большое окно и вся вода отекала въ нѣсколько минутъ.

Вмѣстѣ съ перестройкою ваннъ умножено число слушающихъ на водахъ. Прежде на лѣто прїѣзжалъ сюда лекарь, изъ ближайшаго города, Верхнеудинска, но теперь на водахъ свой медикъ; только ни одиелъ еще не выдержалъ пустынной жизни впродолженіи осени и зимы, когда не бываетъ посѣтителей. Едва усиделъ медикъ познакомиться съ характеромъ водъ, помель споселъ леченія, какъ оставяелъ этотъ важный, но случайный поселъ и переходитъ на другое мѣсто: оттого весьма часто итъ лекаря на водахъ и больной не знаетъ, какъ ему поступать. Почти итъ на какой возможности уничтожить этотъ недостатокъ; конечно, нашелся бы какой-нибудь немолодой человекъ, любитель сельскихъ занятій, но онъ потребуетъ большаго жалованья, а Приказъ Общественнаго Призрѣнія не можетъ удовлетворить его: сборъ съ посѣтителей далеко не выручаетъ жалованья лекаря, смотрителю и прислугѣ.

Туркинскія горячія воды были разлагаемы докторомъ Реномомъ, въ 1805 году, и дали слѣдующій результатъ, безъ извѣстнн мѣры:

- Сѣроводородный газъ,
- Углекислый газъ,
- Сѣрнокислый натръ,
- Сѣрнокислая тальковая земля,

Сѣрнокислая известь,
Чистая известь.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя, служилъ на водахъ лекаремъ известный химикъ, господинъ Гессъ: онъ имѣлъ совершенную возможность изслѣдовать ихъ, однако жъ результаты его наблюдений неизвѣстны.

Болезни, на которыя воды оказываютъ удовлетворительное дѣйствiе, суть: ревматизмы, отвердѣнiя, сведенiе и онѣзненiе членовъ, геморрой, послѣдствiя любострастной болѣзни; въ послѣднемъ случаѣ воды оказываютъ удивительное пособiе. Упорнѣе всего застарѣлые ревматизмы, можетъ-быть потому, что малѣйшее дуновенiе свѣжаго воздуху послѣ ваннъ возобновляетъ болѣзнь; но все въ томъ согласны, что, при первомъ погруженiи въ ванну, ревматическая боль тотчасъ прекращается; у большой части страждущихъ недостаетъ терпѣнiя. Постоянная диета, одиозобразiе, недостатокъ развлеченiя, разлука съ домашними и друзьями, заставляютъ покидать воды прежде окончательнаго исцѣленiя; но были посѣтители столь же упорные какъ ихъ ревматизмы, и терпѣнiе оканчивалось рѣшительною побѣдою. Что же касается до параличныхъ поврежденiй членовъ, то бывали примѣры самые удовлетворительные: лишешные употребленiя погъ, послѣ ваннъ продолжавшихся мѣсяць, ходили свободно.

Въ забайкальскомъ краѣ сильно распространилась любострастная болѣзнь: во многихъ селенiяхъ, на рѣкѣ Селенгѣ, она свирѣпствуетъ повально въ соединенiи съ цынгою. Извѣстно, что въ этомъ сочетанiи лекарства, уничтожающiя одну болѣзнь, увеличиваютъ другую. Долговременныя наблюденiя показали, что легкiе меркурiальныя приемы, при ежедневныхъ ваннахъ, истребляютъ разомъ обѣ болѣзни. Горячiя воды дѣйствуютъ на цынгу одинаково съ любострастною болѣзнию: сильный потъ гонитъ худосочiе и большой недѣлъ черезъ три или четыре становится здоровымъ; кромѣ неизбѣжной слабости ничего въ немъ не остается. Если бы мѣстное начальство строже теперешняго преслѣдовало эту болѣзнь, то нѣтъ сомнѣнiя, что она исчезла бы совершенно при помощи водъ.

Буряты лечатся на водахъ подъ наблюдениемъ своихъ ламъ, единственныхъ врачей души и тѣла. Какiя даютъ они лекарства въ пособiе къ водамъ, намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что больнымъ запрещаютъ употребленiе мяса и крѣпкихъ напитковъ. Достоинъ замѣчанiя способъ ламъ при леченiи умалишенныхъ: они стараются внезапно сильно испугать больного, на примѣръ,

выстрѣлить изъ ружья, столкнуть его въ рѣку и тому подобное. Кто только былъ въ рукахъ ламъ, возвращался здоровымъ. Способъ этотъ кажется извѣстенъ и европейскимъ докторамъ, но почему-то оставленъ.

Пользоваться ваннами совѣтуютъ два раза въ день, по утру и вечеромъ. Вода ослабляется впускомъ холодной до тридцати или до двадцати-пяти градусовъ, тогда садятся въ нее и погружаются до головы. Сначала жаръ несносенъ для тѣла, но послѣ двухъ минутъ тѣло сравняется съ температурою воды. Сидя въ ваннѣ должно двигать руками и ногами, чтобъ свѣжая вода безирестанно притекала къ тѣлу. По прошествіи осьми минутъ входятъ сторожъ и напоминаетъ о выходѣ, иначе можетъ сдѣлаться головокруженіе. Бывали примѣры, что больные сидя въ ваннѣ получали апоплексическій ударъ, падали въ воду и умирали. Самый вѣрный признакъ поры выхода изъ ванны—потъ появившійся на лбу. Безъ поту леченіе — одно мученіе. Кто выходитъ изъ ванны не дождавшись благотѣльнаго поту, тотъ никогда не вылечится. Послѣ пяти или шести ваннъ чувствуется расслабленіе во всемъ тѣлѣ и отвращеніе отъ пищи. Тогда говорятъ, что воды пришлось по болѣзни; больному не позволяютъ ходить въ ванны дня два, а потомъ уже безостановочно принимаютъ ихъ два раза въ день до-тѣхъ-поръ какъ появится на тѣлѣ сыпь. Это служитъ знакомъ окончанія леченія. Стоитъ только сходить въ обыкновенную баню и сыпь исчезнетъ. Для питья воды назначенъ особый источникъ: онъ бьетъ изъ камня въ отверстіе шириною въ палецъ. Надъ этимъ ключемъ стоитъ бесѣдка. Пить воду совѣтуютъ по утру и вечеромъ, передъ ваннами, но излишнее употребленіе производитъ запоръ, а употребленіе исподоволь ускоряетъ выступленіе благотѣльной сыпи. Обвиненіе въ произведеніи запора едва ли справедливо. Всего вѣроятнѣе, что испраженіе жидкостей потомъ производитъ неправильное отправление внутренностей: что должно выйти визомъ, то выходитъ сквозь кожу. Напротивъ, избытокъ сѣры въ водѣ, принятой во внутрь, долженъ произвести поносъ.

Послѣ ванны должно лечь въ постель, одѣться и потѣть, перемѣняя бѣлье. По прошествіи часу, потъ останавливается и больной можетъ гулять, что также необходимо. Пищу должно употреблять легкую; кислая и соленая запрещены. Многіе утверждаютъ, что чай мѣшаетъ дѣйствию водъ, особенно когда больной принимаетъ меркуріальныя лекарства, а совѣтуютъ пить кровочистительный декоктъ (*species lignorum*).

Лучшимъ временемъ для леченія считается весна и осень, когда воды четырьмя или пятью градусами бываютъ горяче, но это время требуетъ отъ больныхъ большой осторожности: тогда бываютъ холодные и сильные вѣтры.

Вода взятая изъ источника и простуженная теряетъ всѣ минеральныя свойства; тоже происходитъ, если она вскипитъ въ самоварѣ.

Туркинскія воды не замерзаютъ ни въ какіе морозы; густой туманъ тяготеетъ надъ ними и окрестныя деревни покрываются толстымъ слоемъ куржевны (ишей). Въ это время нѣтъ здѣсь посѣтителей. Байкалъ замерзаетъ въ концѣ декабря и стоитъ подъ льдомъ до половины мая. Тогда можно доѣхать до Иркутска по льду до самыхъ водъ. Этимъ временемъ пользуются трудно больные, для которыхъ невыносима дорожная тряска. Теперь на Байкалѣ учреждено пароходство, но будутъ ли ходить пароходы къ горячимъ водамъ?

Хотя при туркинскихъ водахъ есть деревня, однако жъ на нее нельзя много полагаться, въ разсужденіи съѣстныхъ припасовъ, а потому необходимо запастись чаемъ, сахаромъ, пшеничною мукою и даже поваромъ или кухаркою. Одинокіе найдутъ столъ у зрителя за ничтожную плату. Но голода опасаться нечего: продолженіи леченія рѣдкому вздумается пороскошничать столомъ; довольно одного супу и чаю, но всё-таки не мѣшаетъ быть запаснымъ.

Климатъ здѣсь суровый, — отъ льда покрывающаго Байкалъ до половины мая; лѣто продолжается два мѣсяца. Вначалѣ августа начинаются уже холода по утрамъ, а потому озимое жито не созрѣваетъ. Изъ овощей хорошо родятся картофель, рѣпа, морковь и рѣдька, но капуста, горохъ и огурцы здѣсь неизвѣстны. Въ селеніяхъ же отдаленныхъ отъ Байкала родится все весьма хорошо. На берегахъ Байкала земляника, на примѣръ, созрѣваетъ въ августѣ, а въ Иркутскѣ собираютъ ее въ половинѣ іюня.

Изъ примѣчательныхъ дикихъ растеній прозябаетъ по берегу Байкала шикша (*empetrum nigrum*), стелющееся растеніе, родъ можжевельника, съ темноголубыми ягодами. Жители приписываютъ имъ множество цѣлительныхъ свойствъ.

Обыватели селенія занимаются преимущественно звѣринымъ и рыбнымъ промыслами. Въ лѣсахъ водятся лоси, медвѣди, волки, лисцы, соболи, бѣлки, олени, изюбри и козули. Въ Байкалѣ обитаютъ осетры, омули, караси и другія рыбы. Иногда выкнды-

васть на берегъ обыкновенно разбу глиняну, состоящую изъ одного шру.

Берегъ водаѣ горячихъ водъ неприступенъ для большихъ судовъ: изъ воды тамъ и самъ торчатъ камни. Прикабливанія суда останавливаются обыкновенно верстахъ въ двухъ отъ берега и перевозятъ пассажировъ въ лодкѣ. Но подобныя извѣванія совершаются рѣдко; ѣдущіе изъ Иркутска переплываютъ Байкаль по почтовому транту и выходятъ на землю у носельскаго монастыря. Потомъ въ экипажахъ ѣдутъ по дорогѣ въ Кякту и сворачиваютъ на лѣво черезъ рѣку Селенгу въ устью рѣки Итанцы. Послеѣ переѣзду дремучимъ лѣсомъ выбираютъ опять на берегъ Байкала и держась егѣ достигаютъ горячихъ водъ. Остановокъ и затрудненій въ дорогѣ ни какихъ нѣтъ. На стаяціяхъ всегда есть лошади и ямщики рады проѣзжающимъ, съ которыхъ возьмутъ прогоны. Дороги очень хороши, глинистый грунтъ затрудняетъ ѣзду только въ сильныя продолжительныя дожди; въ обыкновенное время сибирскія дороги—лучшее натуральное шоссе. О грабежахъ и разбояхъ никто не слышалъ болѣе сорока лѣтъ.

За границу я пользовался ахейскими горячими водами и торжественно объявляю, что онѣ уступаютъ во всемъ туркинскимъ, кромѣ удобства для жизни. Способъ леченія въ Ахей самый бесполезный. Во-первыхъ, ванны сдѣланы не надъ самыми ключами, но вода проведена въ нихъ издали черезъ трубы, въ которыя поднимаютъ ее насосами, слѣдовательно вода теряетъ много минеральныхъ свойствъ, прежде нежели достигнетъ ванны. Во-вторыхъ, ванны очень мелки, въ нихъ нельзя погрузиться до шеи. Въ третьихъ, вода сильно разводится холодною и никогда не производитъ благотворнаго поту, а безъ поту нѣтъ леченія и тѣло расслабляется безъ всякой пользы.

Я очень знаю, что европѣяны, у которыхъ въ Россіи все худо, а за границею рай, назовутъ меня лжецомъ. Но прошу ихъ доказать мнѣ, отчего наши поклонники иностранщины возвращаются съ тѣмъ же, съ чѣмъ поѣхали, кромѣ взятыхъ съ собою денегъ.

Кончившіе курсъ леченія на туркинскихъ водахъ, ѣдутъ для возобновленія силъ на кислыя пироминскія воды, о которыхъ мы будемъ говорить при иччислениі кислыхъ ключей.

Балмырніа горячія воды протекаютъ въ шести-стахъ верстахъ на югозападъ отъ Черчинока, въ двухъ-стахъ верстахъ отъ Аншиской крѣпости и верстахъ въ пятидесяти отъ Копринскаго

караула, близъ китайской границы. Названіе свое получили отъ рѣчки Балыры, въ которую онѣ впадаютъ. Путь къ нимъ отъ Кырынского караула идетъ сперва вверхъ по рѣчкѣ Кырѣ верста на тридцать, а потомъ по впадающей въ нее съ лѣвой стороны рѣчкѣ Балырѣ верста на пятнадцать. Эта рѣчка беретъ начало свое изъ разныхъ ключей, въ томъ числѣ и горячихъ. Минеральная вода пробивается изъ каменно-песчаной почвы и протекии нѣсколько сажень соединится съ холоднымъ ключемъ. Вода въ источникѣ чистая, цвѣтомъ синеватая, сильно пахнетъ гнилыми яйцами и оставляетъ на камняхъ густой осадокъ. Температура ея такъ высока, что жару не терпитъ рука.

Для посѣтителей выстроены домъ однимъ изъ бывшихъ здѣсь пациентовъ. Дорога къ источнику верховая и ближе пятидесяти верстъ нѣтъ ни одного русскаго селенія, а потому посѣтители должны запасаться съѣстными припасами.

Мѣстоположеніе здѣсь мрачное: дремучій лѣсъ окружаетъ воды; изъ за него видны высокія горы; только медвѣди нарушаютъ спокойствіе сторожа, охраняющаго домъ.

Опрестыне Тунгусы нечитаютъ эти воды какъ святыню, важны для себя дѣлаютъ въ землѣ, и кончивъ лѣченіе берутъ съ собою наемки, почитая ихъ не только священными, но и цѣлительными.

Кырынская горячія воды лежатъ между караулами былырскимъ и кырынскимъ. Этотъ ключъ бьетъ посреди рѣчки Кыры, и потому употребляется только зимою, когда вода въ рѣчкѣ промерзнетъ до дна и разольется по сторонамъ. Если бы населенность здѣшняго края была хотя вдвое больше противъ теперешняго, то рѣчку Кыру можно было бы отвести въ сторону и горячая вода была бы изъ сухой почвы, но не пришла еще пора. Будущія поколѣнія воспользуются этимъ даромъ природы, а теперь бываютъ на водахъ только Буряты. Температура воды превышаетъ ключъ Балырской.

Газимуровское теплое озеро лежитъ въ двухъ-стахъ верстахъ отъ Нерчинска, къ востоку, близъ газимуровскаго серебро-плавильнаго завода; въ окружности сажень двадцать; теплота воды очень слабая, однакожъ зимою озеро никогда не замерзаетъ и въ это время надъ нимъ тяготеетъ туманъ. Цѣлительныя качества этого озера не изомѣдованы и теперь оно остается запасомъ для будущаго поколѣнія.

Въ вершинахъ рѣки Чикоя есть горячія воды, но кившія особаго названія. Ключъ бьетъ изъ кособора посреди дрему-

чаго лѣсу, и падая съ камня на камень на разстояніи двадцати сажень, соединяется съ рѣчкою. Вода сильно пахнетъ сѣрою и на камняхъ производитъ осадку. Степень теплоты не велика. Саженьяхъ въ двухъ отъ родника сдѣланы ямы, въ которыя садятся Тунгусы. Тутъ же ихъ ибо, или куча изъ наносныхъ камней, утыканыхъ прутиками, на которыхъ развиваются доскутки разныхъ тканей и конскіе волосы.

Воды эти лежатъ посреди высочайшихъ горъ и доступны только однимъ вершинкамъ.

На здѣшней сторонѣ Байкала извѣстны только три горячіе источника.

Туранскій находится верстахъ въ двухъ-стахъ отъ Иркутска къ западу, недалеко отъ туранскаго пограничнаго караула и рѣки Иркуты. Воды эти давно извѣстны были Бурятамъ и Русскимъ, но пользовались ими только первые. Не было ни дома для жительства, ни ваннъ для купанья. Буряты обыкновенно копали яму надъ ключемъ ставилъ балаганъ и купался на здоровье. Женщины какъ существа нечестыя, не смѣли приближаться къ источникамъ; для нихъ носили воду за полверсты и дѣлали ванны тоже въ землѣ. Мало-по-малу начали ѣздить сюда изъ Иркутска больные, обыкновенно среди лѣта, когда настанетъ повсюдная теплота. Наконецъ одинъ изъ больныхъ, крестьянинъ Владиміръ Раевскій, построилъ на водахъ домъ и началъ приглашать съ собою знакомыхъ. Молва о прекрасныхъ водахъ распространилась по всему Иркутску и число посѣтителей умножилось до того, что правительство сочло нужнымъ построить здѣсь домъ съ ваннами. Верхній этажъ занимаютъ больные, а внизу ванны, такъ, что послѣ ваннъ ни одна струя свѣжаго воздуха не можетъ коснуться больного: выгода весьма важная.

Ключи выходятъ изъ ровнаго каменистаго берега рѣчки Икѣусу во множествѣ близъ самой рѣчки. Нѣкоторыя изъ нихъ текутъ на поверхности земли, другіе подъ камнями, и въ этомъ случаѣ бѣлая осадка на камнѣ обнаруживаетъ присутствіе водъ подъ ними. Здѣсь множество змѣй и всѣ камни покрыты ихъ шкурами. На зиму онѣ собираются около водъ и свившись въ кольцо засыпаютъ подъ камнями. Когда строили домъ и ванны, убито болѣе тридцати змѣй.

Температура воды самая легкая: въ ваннѣ съ удовольствіемъ можно пролежать полчаса и жаль разстаться съ нею. Вода столько издѣживаетъ тѣло, что послѣ обѣда хочется идти въ ванны

для отдыха. На другихъ водахъ послѣ двухъ трехъ ваннъ дѣлается отвращеніе отъ воды, но здѣсь напротивъ.

Мѣстоположеніе романтическое: кругомъ горы; между ними съ шумомъ рвется рѣчка Икѣ-усу́, падая съ камня на камень. Утесы грозно висятъ надъ нею и падаютъ огромными глыбами. На вершинѣ ближайшей горы возвышается огромный деревянный крестъ, выкрашенный бѣлою краскою. Въ лунную ночь онъ величественно отбѣляется отъ черной горы. Подниметесь еще выше креста и на сѣверѣ увидите грозный голецъ Мандрыкъ, покрытый въ августѣ снѣгомъ. Нога смертнаго еще не касалась его вершины.

Нѣкоторымъ посѣтителямъ надоѣдаетъ вѣчный шумъ рѣки: они хотѣли бы перенести домъ для житья куда-нибудь по-дальше. Но другимъ напротивъ музыка природы даставляетъ неизяснимое наслажденіе. Ничто не сравнится съ прелестями лунной ночи на водахъ. Свѣтъ падаетъ на одинъ бокъ ущелины и сильно озаряетъ ее, другой бокъ мраченъ, а рѣчка шумитъ и волны ея бѣлѣютъ. Кругомъ тишина. И среди этихъ огромныхъ размѣровъ воды, камней, неба, мечтаетъ исполнскими полетами ничтожное существо человѣка.

До рѣки Иркута отселѣ версты четыре и по островамъ этой рѣки произрастаютъ кустарники. Верблюжій хвостъ (*Robinia tumeu-sul*), принадлежитъ къ роду акаціи, но стволъ и вѣтви этого кустарника покрыты сплошь иглами, такъ, что кажутся мохнатыми. Этого деревца нѣтъ въ нашемъ ботаническомъ саду, потому что не могутъ до-сихъ-поръ собрать его сѣмянъ: стручекъ лопаются и разбрызгиваютъ сѣмяна, какъ скоро созреетъ. Другой кустарникъ называется облѣвниха (*Hippare gam-poides*). Къ осени онъ весь покрывается оранжевыми ягодами, вкусомъ какъ барбарисъ. Изъ нихъ готовятъ превосходную наливку, отзываютуюся токайскимъ виномъ.

Туркинскія воды со временемъ будутъ завалены посѣтителеми; жаль, что дорога пугаетъ многихъ. Отъ Иркутска девяносто верстъ надобно ѣхать съ горы на гору до Байкала. Послѣдній спускъ къ нему простирается на семь верстъ. Всѣ говорятъ, что можно добраться до Байкала по рѣчкѣ Ольхѣ, не поднимаясь ни на одну гору, однакожъ никто не испыталъ этой дороги.

Съ туранскихъ водъ можно бы спуститься до самаго Иркутска по рѣкѣ Иркуту, особливо въ большую воду, которая лѣтомъ бываетъ нѣсколько разъ отъ дождей, но бѣда въ томъ, что на рѣкѣ этой есть въ одномъ мѣстѣ пороги. Конечно современемъ ихъ разберутъ, но когда это будетъ?

Окисленія горячія воды. До нихъ отъ Иркутска будетъ верстъ пятьсотъ. Они лежатъ на томъ же протяженіи китайской границы за турецкими, но для Русскихъ совершенно неприступны по отдаленности и верховой вѣдѣ. Впрочемъ рѣка Она вытекающая изъ горъ, сопровождающихъ китайскую границу, впадаетъ въ рѣку Ангару и могла бы быть судоходною, если бы имѣла населенность.

На здѣшнемъ берегу Байкала близъ рѣчки Большой, Котельниковой, есть горячія воды, но онѣ не испытаны и никѣмъ почти не посѣщаются.

Въ вершинахъ рѣки Ін, впадающей съ лѣвой стороны въ Ангару, есть минеральныя воды, но онѣ бьютъ только въ зимнее время. На нихъ устроены деревянныя лари, кѣмъ-то изъ посѣтителей, но жилия нѣтъ кругомъ верстъ на семьдесятъ. Дорога къ водамъ идетъ по мѣстамъ ровнымъ и всегда по берегу рѣки Ін. Отъ большой московской дороги, гдѣ стоитъ слобода Тулугъ, полагаютъ до водъ верстъ сто.

Вотъ исчисленіе горячихъ водъ въ округахъ иркутскомъ, нижнеудинскомъ, верхнеудинскомъ и нерчинскомъ, водъ извѣстныхъ и посѣщаемыхъ, а сколько ихъ скрыто подъ спудомъ, то знаютъ инородцы и крестьяне. Теперь обратимся къ водамъ другаго свойства, кислымъ, селитреннымъ и желѣзнымъ. Гнѣздваніе первыхъ—забайкальскій край. Тамъ есть столь отличныя воды, что равныхъ имъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ; самый Нарзанъ прославившій Кавказъ долженъ преклонить колѣна предъ забайкальскими кислыми водами.

Начнемъ исчисленіе съ нерчинскаго округа.

Дарасунскія кислыя воды лежатъ на юго-западъ отъ Нерчинска въ двухъ-стахъ-тридцати-двухъ верстахъ, въ шестидесяти отъ селенія Кручины, въ сорока отъ рѣки Ингоды и въ двухъ отъ селенія Дарасунскаго, на проселочной дорогѣ изъ Читы въ Ачинскую Крѣпость.

При подошвѣ хребта, отдѣляющаго Ачинскую Степь отъ Ачинской, на двѣ узкой и глубокой ложбины, обросшей густымъ лѣсомъ, струится въ рѣку Ингоду по болотистой почвѣ рѣчка Дарасунка. Все болото покрыто растворомъ фосфорнокислаго желѣза, что доказываютъ радужныя пленки, плавающія на поверхности воды. Изъ вѣдръ этого болота и со дна рѣчки Дарасунки пробиваются въ разныхъ мѣстахъ ключи кислой воды. Они то вдругъ изсыкаютъ, то появляются на новыхъ мѣстахъ. Только одинъ ключъ постоянно бьетъ продолженіемъ десятковъ лѣтъ, но

уменьшается въ количествѣ, но увеличивается по временамъ года въ дѣлительныхъ качествахъ. Зимой замерзаетъ около него колусть льда въ сажень вышиною, подъ которой бьетъ живоверная вода сороканомъ четверти въ три вышиною. Это время самое лучшее для больныхъ.

Вода въ ключѣ чистая, прозрачная и холодная, на вкусъ имѣетъ весьма пріятныя кислыя вкусы, съ легкостію, едва приметными отзвонами гнилыми яичнами. Налитая въ стаканъ искрится какъ шампанское; разрывааетъ закупоренную бутылку, а послѣ нѣтъя производитъ сильную отрыжку. Возбуждаетъ аппетитъ, быстро восстанавливаетъ всё расслабленіе, усиливаетъ жизненную дѣятельность и умиротворяетъ нервы. Способствуетъ пищеваренію и скоро улучшаетъ тѣло.

Здѣсь нѣтъ письменнаго наставленія, какъ поступать въ извѣстныхъ болѣзняхъ; посѣтителю передаютъ на словахъ другъ другу приобретенныя свѣдѣнія. Однако жъ для вписыванія наблюдений заведена особая книга, но въ нее записываютъ только пожертвованія: ни кто не смѣетъ обнаружить своихъ мыслей насчетъ леченія, вѣроятно потому, чтобы не заслужить насмѣшекъ прамотѣевъ. Больные обыкновенно выютъ воду, обливаются ею, принимаютъ ванны комодныхы или порочія.

Буриты лечатся здѣсь по своей методѣ: подлѣ ключа дѣлаютъ яму и ставятъ надъ нею войлочную юрту; потомъ, наполнивъ яму кислою водою, бросаютъ туда раскаленные камни. Такимъ способомъ разогревъ воду, садятся въ нее. Иногда принимаютъ земляныя ванны; иногда, разогревъ воду, выютъ ее и, замутивъ шубами, потѣютъ. Этотъ способъ приноситъ всегда пользу. Скарлатинные галваніи промываютъ нѣтъ виелою водою или сидятъ надъ ключемъ. Нослѣдній способъ иногда опасенъ: отъ сильнаго вдыханія углекислаго газа дѣлается головокруженіе. Были прѣдѣры, что нѣкоторые умирали, а другихъ замертво унесли. Скопленіе углекислаго газа иногда бываетъ такъ обильно, что вѣтви и вѣтвочки, пролетаая надъ ключемъ, падаютъ и умираютъ.

Дѣлжно полагать, что источникъ виелой воды возникаетъ изъ глубины земли: пробовали опускать въ родникъ осмннекаменный шестъ и дна не доставали.

Мѣстоположеніе здѣсь очаровательное: надъ ключемъ возвышается гранитный утесъ, подернутый мокомъ; внизу цѣтутъ душистыми розы; далѣе стелются зеленые луга съ перелѣсками; тамъ волнуется жито, а здѣсь табуны лошадей, коровъ и овецъ

оживляютъ ландшафтъ. Такой живописи не найдете вы ни на однихъ германскихъ водахъ.

При бывшемъ губернаторѣ Трескинѣ построены здѣсь дома для пребыванія большихъ и ванны. Устроено въ двухъ верстахъ отъ водъ большое поселеніе, но съ отъездомъ этого дѣятельнаго начальника все стало разрушаться. Чудный человекъ былъ этотъ Трескинъ, какъ говорятъ старожилы; онъ былъ воплощенная дѣятельность. Бумаги были для него отдохновеніемъ; онъ вѣчно скакалъ по губерніи, по городамъ, устраивалъ все, взыскивалъ за малѣйшее упущеніе безъ милосердія, расшевелилъ всю азиатскую лѣвь, разорилъ всѣ предрассудки и привычки, которыми такъ сильно преданы жители отдаленныхъ странъ. Зато ни кто не видалъ его за карточнымъ столомъ, ни кто не видалъ его увиваній около женскаго пола. Не знали даже, когда онъ спитъ. Теперь всѣ вспоминаютъ Трескина какъ мудраго начальника. Такова участь необыкновенныхъ людей: они вѣчно не въ ладу съ современниками. Потомство уже оцѣнитъ ихъ и воздастъ заслуженную похвалу.

Зюльзинскій ключъ въ семидесяти-пяти верстахъ отъ Нерчинска по рѣкѣ Нерчѣ и въ пятнадцать отъ деревни Зюльзи. Сдѣлался извѣстнымъ съ 1836 года. Его случайно нашли крестьяне и долго содержали въ тайнѣ свое открытіе; странный вкусъ воды и особенный запахъ привели ихъ въ изумленіе, и они рѣшились молчать, но скоро нашли его другіе крестьяне, и молва о необыкновенномъ источникѣ разнеслась по околотку.

Каждое лѣто бываетъ здѣсь до двухъ-сотъ человекъ посетителей, и они живутъ кому гдѣ понравится; иной строитъ для себя шалашъ, другой монгольскую войлочную юрту, иной помѣстился подъ навислою березою, иной въ углубленіи горы. Нѣкоторые построили деревянные домики.

Источникъ течетъ въ долину Калтамайкавъ. Живописныя горы окружаютъ ее; воздухъ всегда свѣжъ, цвѣты ароматны и роскошны. На той же полосѣ разбросано много подобныхъ ключей, но они уступаютъ силою главному.

Дорога къ водамъ изъ Нерчинска до деревни Зюльзи ровна, отъ деревни же до водъ камениста, кочковата и вообще худо устроена. Такъ было за десять лѣтъ, а теперь, вѣроятно, уже не то.

Баршовочный ключъ, отъ Нерчинска въ двадцати верстахъ, по теченію рѣки Шлаки, [открытъ въ 1834 году. Онъ имѣетъ воду

очень крѣпкую, но къ-сожалѣнію весьма мутную, а потому и посѣщается только мимоѣздомъ.

Каменскій въ тридцати-пяти верстахъ отъ Нерчинска, близъ села Андронникова; течетъ въ оврагѣ. Цвѣтъ воды зеленоватый и на вкусъ она сильно вяжетъ. Полоса земли, гдѣ течетъ ключъ, считается самую плодороднѣйшею и населеннѣйшею. Горы содержатъ въ себѣ дорогіе минералы, и жители извлекаютъ сокровища изъ нѣдръ земли. На протяженіи сорока верстъ стоитъ десять деревень. Здѣсь обработаны не только луга, но и горы: картина довольно рѣдкая въ Сибирь. Это пространство называется Урульчи и населено крестьянами заводскаго вѣдомства.

Кутомарскій, въ семидесяти верстахъ отъ нерчинскаго завода, по рѣчкѣ Кутомару, между кутомарскимъ и екатерининскимъ сереброплавильными заводами, извѣстенъ издавна и прежде пользовался большою славою. Для посѣтителей стоялъ домъ, который теперь, вѣроятно, уже развалился. Неизвѣстно почему эти воды оставлены: измѣнилось ли ихъ цѣлительное свойство, или пропала вѣра въ нихъ, — вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Улятувескій, въ ложбинѣ Уланъ-Булакъ, окаймленной съ двухъ сторонъ гольцами, находится въ ста-двадцати верстахъ отъ Нерчинска. Ключъ этотъ извѣстенъ болѣе сорока лѣтъ, имѣлъ ванны и домъ для посѣтителей, но теперь все это разрушается.

Въ этой же ложбинѣ течетъ нѣсколько источниковъ подобнаго качества. Мѣстоположеніе живописное.

Князе-Урульгинскій, по теченію рѣки Ингоды, въ ста-двадцати-пяти верстахъ отъ Нерчинска и въ пяти отъ селенія Урульги, въ которомъ обитаетъ тунгузскій князь Гантимуръ. Источникъ течетъ по равнинѣ и каждое лѣто перемѣняетъ мѣсто своего появленія. Здѣсь нѣтъ ни дома, ни ванны.

Еще дальше по Ингодѣ текутъ два ключа, на разстояніи семи верстъ другъ отъ друга. Ихъ называютъ *Улдурги*, отъ близъ лежащей деревни этого имени.

Улинъ-Булакъ (красный ключъ), течетъ подлѣ рѣки Ачи, въ двухъ-стахъ-пятидесяти верстахъ отъ Нерчинска и въ пятнадцати верстахъ отъ Степной Думы Ачинскихъ Бурятъ. Сырое мѣдстоположеніе не позволяетъ посѣщать водъ лѣтомъ; напротивъ, зимою съѣзжаются сюда окрестные Буряты и употребляютъ воду съ пользою.

Читинскій ключъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ читинскаго острога. Онъ посѣщается мимоѣздомъ.

Илинскій, въ двухъ-стахъ-шестидесяти-трехъ верстахъ отъ Нер-

чисна, по течению рѣки Онона. Ключъ этотъ малоназвѣненъ, потому что появился только въ 1838 году. На югъ отъ источника ровно червѣтъ вдали галець Алханай и какъ исполнить вознесит-ся надъ окрестными горами.

Аршандуевскій, въ двадцати верстахъ отъ пограничной крѣпости Акши, въ прекрасной ложбинѣ между горами. Посѣщается только поправляемыми казнами.

Думминскій, отъ крѣпости Акши въ пяти верстахъ по течению рѣки Онона; струится по прекрасной и плодородной долинѣ, открытой горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Говорятъ, что на этой долинѣ никогда не бывало неурожаевъ. Ключъ этотъ малоназвѣстенъ, вѣроятно, потому что имѣетъ много соперниковъ.

Урейскій, въ семидесяти верстахъ отъ Акши, по рѣкѣ Урею; течетъ по равнинѣ, окруженной лѣсомъ. Онъ принадлежитъ по достоинству воды къ лучшимъ источникамъ въ этомъ родѣ. Вода такъ насыщена углекислымъ газомъ, что разрываетъ бутылки и другую посуду. Посѣщается многими, а потому и пользуется большою извѣстностью и уваженіемъ окрестныхъ обитателей.

Манзутскій, лежитъ также по течению Онона, въ сѣмидесяти верстахъ отъ Акши, въ долинѣ между гольцовъ. Добротою воды не уступаетъ предъидущему, но любопытенъ потому что въ пяти верстахъ отъ него находится пещера въ утесѣ; одѣленная руками человѣческими. Входъ въ пещеру по камешной лѣстницѣ, имѣющейся въ томъ же утесѣ. Внутренность пещеры образуетъ квадратную комнату вышины въ двѣ; подлѣ одной изъ стѣнъ одѣлана нечъ того же камня какъ-бы обамейна или кровать, а въ двухъ остальныхъ—отвергія или пещурки, вѣроятно, для хранения чего-нибудь. Стѣны испещрены камнями-то письменами. Нѣкоторые изъ забайкальскихъ ученыхъ осматривали эту пещеру, и не рѣшились опредѣлить, какому языку принадлежатъ эти письмены. Непонятно, неужели господа ученые не могли постигнуть котораго этихъ буквъ, неужели они не умѣли различить письма монгольскаго отъ тибетскаго и китайскаго. Столь трудную задачу нечъ бы разрешить наядый забайкальскій казакъ *. Не была ли эта пещера фамильнымъ кладбищемъ дома Таба, коче-

* Говорятъ, что въ двухъ-сталь-десяти верстахъ отъ Нерчинска, на рѣкѣ Инсуенѣ, есть утесъ, на которомъ ясно видна надпись красною краскою, но на какомъ языкѣ? вопросъ непостижимый для забайкальскихъ ученыхъ.

вавшего сперва около этихъ мѣстъ, а потомъ завосвавшего южную Монголію и сѣверный Китай. Объ этомъ кладбищѣ говорить монгольскіе историки.

Быринскій. Близъ рѣки Онѡна, не далеко отъ онгоцовой тунгусской управы. Струится тихо въ оврагѣ окруженномъ дремучимъ лѣсомъ и высокими горами. Сдѣлался извѣстнымъ лѣтъ двадцать-пять назадъ и посѣщается преимущественно Бурятами и Тунгусами.

Изъ этого очерка видно, что главный бассейнъ кислыхъ водъ тянется по берегамъ рѣки Онѡна, протекающей подлѣ китайской границы. Мы говорили только о водахъ извѣстныхъ Русскимъ, но сколько ихъ остается на пространствѣ отъ Нерчинска до Амура, знаютъ одни туземцы. Теперь перейдемъ изъ Дауриіи на здѣшнюю сторону Яблоноваго или Становаго Хребта. Здѣсь стелется огромная равнина по теченію рѣки Уды, покрытая нартами Бурятъ и многочисленными стадами лошадей, коровъ, верблюдовъ и барановъ.

На этой равнинѣ, которую весьма несправедливо называютъ Хоранскою Степью, много кислыхъ ключей, но знаменитъ изъ нихъ только Погроминскій. Онъ находится въ двухъ-стахъ-пятидесяти-двухъ верстахъ отъ города Верхнеудинска, не далеко отъ почтовой дороги идущей отъ этого города въ Нерчинскъ. Родникъ бьетъ изъ болота доступнаго только рано весною или посреди сухаго лѣта, но въ это время онъ почти прекращается.

Воды показывается весною въ полной силѣ и процессъ ихъ появленія довольно замѣчателенъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ на болотѣ начинается по немногу возвышаться бугоръ; достигнувъ высоты въ сажень онъ лопается и кислая вода бьетъ изъ него фонтаномъ. Съ наступленіемъ тепла бугоръ растаиваетъ, уменьшается, а съ тѣмъ вмѣстѣ и качество воды исчезаетъ, такъ что лѣтомъ стоять здѣсь, между кочками, худая вода, нѣсколько кисловатая. Наслѣдующую весну тоже явленіе. Нетерпѣливые ожидатели преобладали ускорить дѣйствіе природы; они пробивали бугоръ пѣшинами, но вода не показывалась. Въ свое время она пробивала бугоръ, въ другомъ уже мѣстѣ, и помощь человѣческая не ускоряла, но замедляла процессъ природы.

Воды эти чрезвычайно пріятны на вкусъ, ихъ пьютъ какъ шампанское, наполняютъ водою бутылки и отправляютъ въ Иркутскъ и въ Кяхту. Если вода залетая въ бутылку будетъ тот-

часть закупорена, то через полчаса бутылка разлетится въ дребезги.

Погроминскія воды посѣщаются многими Русскими и Бурятами. Весною здѣсь бываетъ порядочное сборище людей всѣхъ состояній; для нихъ выстроены хорошій домъ со службами. Кончивъ курсъ леченія на туркинскихъ горячихъ водахъ, ѣдутъ сюда укрѣплять тѣло, ослабѣвшее послѣ горячихъ ваннъ, и благотворная живая вода возстановляетъ силы чудесно. Весьма жаль, что такія полезныя воды текутъ только весною. Впрочемъ, таково свойство всѣхъ минеральныхъ водъ: весною они усиливаются въ цѣлительныхъ качествахъ вмѣстѣ съ просыпающеюся природою.

Воды эти извѣстны очень давно. Во времена Палласа они уже славилась. Посланный отъ него аптекарь Георгіи говоритъ, что главный родникъ, струившійся близъ рѣчки Погромны, былъ при немъ со два этой рѣчки. Разлитіемъ воды оторвало берегъ и рѣчка покрыла источникъ. Буряты близъ этого мѣста отыскали другіе кислые ключи, но елика ихъ не равнялась затопленному.

Воды эти оказываютъ волшебную силу въ женскихъ болѣзняхъ, но отдаленность, неизвѣстность и слово Сибирь испугаютъ самую смѣлую изъ нашихъ Француженокъ, устремляющихся каждое лѣто въ любимую свою Германію, пить какую-нибудь грязь.

Кромѣ Погроминскихъ есть много другихъ кислыхъ ключей на прострѣствѣ Хоринской Стени; напримѣръ, источникъ Святаго Николая, кульскій ключъ, но ими пользуются только ближайшіе обыватели.

На здѣшней сторонѣ Байкала въ окрестностяхъ Иркутска много такъ-называемыхъ минеральныхъ источниковъ, но между ними нѣтъ ни одного кислаго, можетъ-быть не найденъ еще потому, что мѣста здѣшнія рѣдко или почти никогда не посѣщаются звѣроловами.

Къ числу цѣлительныхъ водъ принадлежитъ рѣчка Ушакова, протекающая почти посерединѣ города Иркутска. Вода этой рѣчки залечиваетъ раны, освѣжаетъ тѣло, а принимаемая внутрь укрѣпляетъ внутренности. Всѣ знаютъ цѣлительныя свойства этой рѣчки и всѣ хотятъ искупать ихъ въ отдаленіи: свое никому не въ диковинку.

Въ окрестностяхъ крѣпости Туники, верстахъ въ двухъ стахъ отъ Иркутска, къ китайской границѣ, есть много минеральныхъ водъ, но большей части холодныхъ. Изъ нихъ извѣстны слѣдующія:

Сѣрный ключъ течетъ подъ горою, на которой стоитъ тудкинская крѣпость. Онъ безъ всякаго употребленія струится въ Иркутъ.

Селитрянные грязи въ двѣнадцать верстахъ отъ Тупки, близъ селенія Талаго. Лѣтомъ посѣщаются преимущественно Бурятами. Рѣчка Талая примѣчательна тѣмъ, что ни въ какія морозы не замерзаетъ; на ней плаваютъ всю зиму сѣрые зимородки, по здѣшнему водяные воробьи.

Ручей Аршанъ-усу вытекаетъ изъ хребта Малдырка, того же самаго, откуда струится Ике-усу, о которомъ уже говорили. Разстоянiя между ними верстъ сорокъ.

Аршанъ-усу знаменитъ какъ у Русскихъ, такъ и у Бурятъ; тѣ и другіе почитаютъ его производителемъ дождя и приписываютъ водамъ множество цѣлительныхъ свойствъ. Самое мѣстоположеніе водъ наводитъ какое-то благоговѣніе. Вообразите дремучій лѣсъ изъ вѣковыхъ сосенъ, лиственней и кедровъ, охвата въ три толщиною; онъ упирается въ высочайшій хребетъ, котораго вершины вы не видите. Изъ подошвы этого хребта съ шумомъ вырывается ручей воды холодной и чистой какъ хрусталь. Ручей этотъ стремится по крутизнѣ съ камня на камень, перекидывается черезъ упавшія сосны, упирается въ огромныя камни, волнуется, пѣбится, шумитъ, дѣлится на множество потоковъ и, наконецъ, версты черезъ двѣ скрывается въ известковомъ плитнякѣ. На одной изъ огромныхъ сосенъ стоитъ изображеніе какого-то ламайскаго святаго, а на другой мѣдный крестъ. Признакъ, что оба народа здѣсь обитающіе равно чествуютъ воды.

Для посѣтителей построены домъ, жившимъ нѣкогда здѣсь Горчаковымъ, но теперь едва ли существуютъ остатки строенія. Русскіе и Буряты пріѣзжая на воды строятъ для себя балаганы изъ древесныхъ вѣтвей и коры.

Воды эти никѣмъ не разложены. Говорятъ что они наполнены растворомъ желѣза. Такъ думаютъ всѣ. Но, вѣроятно, онѣ состоятъ изъ чистѣйшей воды безъ всякихъ постороннихъ растворовъ. Гранитныя горы тянутъ влагу изъ воздуха, пропускаютъ сквозь волосняныя трубки свои; вода спускается внизъ по закону тяжести и при подошвѣ кряжа является уже совершенно чистою. Это доказывается тѣмъ, что сколько ни пейте воды, не почувствуете отягощенія въ желудкѣ. Если же больные получаютъ облегченіе, то какое лекарство сильнѣе свѣжаго, ничѣмъ не

зараженного воздуха и воды совершенно чистой, дѣйствиной, вышедшей прямо изъ нѣдръ горы.

Витимскій вонючій ключъ. На лѣвой сторонѣ рѣки Лены, за пятьдесятъ-четыре версты не доплывая до селенія Витима, между станціями Паршиной и Рискиной, течетъ изъ горы въ отверстіи шириною въ аршинъ, падая съ камня на камень, раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и потомъ вливается въ Лену. Къ отверстию, изъ котораго выливается ключъ, надобно подняться сажень на пятнадцать, цѣпляясь за камни. Русло и камни покрыты желто-бѣлымъ осадкомъ, нѣжнымъ какъ сметана, вѣроятно, сѣрно-кислою магнезією. Этотъ нѣжный осадокъ лежитъ на другомъ, похожемъ на желѣзную ржавчину. Вода на вкусъ солоновата и кислотвата. Запахъ очень неприятный, пить ее можно безъ отвращенія, однако жъ не каждому она полезна: нныхъ тотчасъ начинается рвать. Народъ говоритъ, что она помогаетъ отъ боли въ животѣ. Вода чиста какъ хрусталь, но протекая по камнямъ, покрытымъ бѣлымъ осадкомъ, кажется издали бѣловатою. Говорятъ, что прежде ключъ билъ изъ горы какъ изъ гвоздя, но теперь около него до пятнадцати мелкихъ источниковъ, даже со двѣ рѣки Лены струятся также ключи, и отъ нихъ рѣка никогда не замерзаетъ въ этомъ мѣстѣ.

Мѣстоположеніе здѣсь живописное. Высокій утесъ, изрыгающій бѣлый ключъ, опушенъ яркою зеленью и цвѣтами; внизу широкой плесъ рѣки Лены. Жаль, что комары здѣсь очень наглы; они выведутъ изъ терпѣнія cadaго и разрушаютъ всю поэзію.

Ж.

=

ДНЕВНИКЪ

РУССКАГО СОЛДАТА, БЫВШАГО ДЕСЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ПЛѢНУ У ЧЕЧЕНЦЕВЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

IV.

БЛАГОРОДНАЯ ЧЕРТА АБАЗАТА.—АУЛЬ ГАЛЪ.—ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ДОРОГА.—КРАСИВЦА ХАЗЫРА.—АККРЕЙ.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ГМЪЛДИГАНЪ.

Это время я могу назвать отдыхомъ въ плѣну: тутъ, при новой жизни, я былъ совершенно свободенъ и приобрѣлъ много знавія.

Давно мнѣ хотѣлось побывать въ горахъ и взглянуть на мѣста; но какъ было пробраться туда? Я часто упрасивалъ Абазата отпустить меня туда работать. Боясь моего побѣгу, онъ не соглашался. Играли мы въ шашки—подходитъ Високай и отзываетъ его въ сторону: Абазатъ, блѣдный, дрожа и со слезами начинаетъ говорить мнѣ: «Сударь! ты хотѣлъ въ горы, вотъ, иди теперь съ Високаемъ, если хочешь.» Я смотрѣлъ на него подозрительно, не довѣряя его тестю, который давно манилъ меня къ себѣ. Абазатъ зналъ мои чувства, понялъ и теперешній мой взглядъ, и больше блѣднѣя, сказалъ: «Не думай, Сударь, чтобы я тебя продалъ; если не хочешь—не ходи, я отдаю на твою волю; если пойдешь, бери чѣмъ хочешь, что тебѣ надо:

сукна ли на чюю, шаровары, шапку ли, полушубокъ ли, тканья ли, все это будетъ твое, будь увѣренъ. А не понравится тебѣ жить тамъ долго, или устанешь отъ работы, приходи тотчасъ же самъ назадъ сюда.»

У меня навернулись слезы; я готовился идти.

Сбираться было нечего: пока Абазатъ привязывалъ къ косику косу, я забѣжалъ въ саклю, простился съ хозяйкой, сбѣгалъ и въ другія дѣтѣ, простился со всѣми. Ребятишки просили меня скорѣе возвратиться; пожалъ я руку своему Абазату и отправилъ въ путь, неся съ собою непонятную тоску, что я уже расстаюсь съ ними совсѣмъ, расстаюсь слѣдовательно и съ надеждой быть на своей сторонѣ. Было грустно.

Чтобы надѣяться на возвратъ, надо привыкнуть къ обычаямъ жильцовъ, войти въ довѣріе къ нимъ, умѣть пользоваться свободой и ознакомиться съ мѣстностью — а въ горахъ пріобрѣсть все это нельзя.

Долго шли мы. Проходя аулъ Галэ, гдѣ старикъ живетъ зимой, набрали на огородѣ его огурцовъ въ запасъ вмѣсто воды, закусили, напились и стали подниматься въ гору.

Мѣстность аула Галэ прекрасна. Здѣсь, мнѣ казалось, не худо было-бы выстроить крѣпость. Аулъ лежитъ отъ Гильдигана въ трехъ верстахъ, на востокъ. Въ Чечнѣ однако жъ есть два удобнѣйшія мѣста для построения укрѣпленій. Это — въ Артурѣ и въ этомъ Галэ, находящемся въ семи верстахъ отъ него, идя отъ Грозной, чрезъ Артуръ къ куринскому укрѣпленію (Ойсунгуръ). Въ обоихъ этихъ аулахъ хорошія рѣки; вода не можетъ быть отведена горцами, или испорчена, какъ они это нерѣдко дѣлаютъ, — не испортятъ потому, что эти рѣки проходятъ многими аулами. Главное: черезъ эти аулы дорога въ горы; а въ Чечнѣ, какъ я слышалъ, только и есть два эти прохода, соединяющіеся въ самыхъ горахъ въ одинъ. Крѣпости эти должны быть сильны; тогда отобьется почти вся долина, гдѣ разбѣяно множество ауловъ. Доставлять же въ нихъ провіантъ можно чрезъ Старый Юртъ (Даулетъ-Гирей), рѣки Сунжу, Аргуви и Холхолой. Весною и зимой Сунжа имѣетъ броды. Можно даже построить черезъ Сунжу и Аргуви мосты; Холхолой незначительна; а чтобы обезопасить мосты и проходъ — выстроить также укрѣпленіе на Аргуви.

Въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ множество луговъ и лѣсу, необходимыхъ для укрѣпленій. Всѣ аулы, находящіеся по этому направленію, невольно тогда должны бы были покориться. Не

безъ урона обошлось бы построение вѣрности въ Галэ, но пунктъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ немаловажный.

Чтобы занять это мѣсто, сильный отрядъ долженъ собраться въ Гильдиганѣ, гдѣ мѣсто открытое: отрядъ можетъ стоять безопасно; есть ручьи; на время можно вырыть колодцы, грунтъ удобенъ. Отъ Старога-Юрта, откуда ходъ удобнѣе, этотъ аулъ Галэ, мнѣ кажется, верстахъ въ двадцати не болѣе; отъ укрѣпленія Куринскаго — верстахъ въ десяти, но отсюда проходъ будетъ затруднителенъ, по гористому и лѣсистому мѣстоположенію.

Провіантъ сначала можно запасти въ укрѣпленіи Горячеводскомъ, что при Старомъ-Юртѣ.

На Аргунѣ построение будетъ совершенно легко: мѣсто чистое. Не могу утверждать, хорошо ли это все, какъ я сказалъ, но какъ думаю и что могъ видѣть, считаю обязанностію открыть.

Земляныя укрѣпленія кавказскія не требуютъ большихъ издержекъ; орудія же можно вывести во вновь построенныя изъ укрѣпленій давнихъ, близкихъ къ линіи.

Версть семь все вверхъ и вверхъ шли мы дремучимъ лѣсомъ, отдыхали мало, я отставалъ; Высокай родился въ горахъ и былъ неутомимъ: часто, уйдя впередъ, онъ поджидалъ меня. Мы утоляли жажду огурцами; а виноградъ, вившійся по обѣ стороны тропивки, какъ бы самъ падалъ къ намъ. Наконецъ мы поднялись на самый хребетъ; было часовъ пять пополудни; передъ нами развернулась картина чрезвычайная. Старикъ, дойдя до гребня, спускавшася ужаснѣйшею скалою, остановился, подперся и ждалъ меня. «Посмотри, каково!» говорилъ онъ мнѣ, показывая на разбросанные тамъ и сямъ аулы, видѣ въ туманѣ, а гдѣ ярко освѣщенные закатывавшимся за горы солнцемъ. Я вспомнилъ времена прадѣдовскія и любовался молча. «Ну, что? зайдутъ сюда Русскіе?... Можно провести сюда вокку-топъ (большое ружье — пушка)?» — Да, нельзя, отвѣчалъ я, любуюсь картиной.

Мы начали спускаться далеко внизъ; иногда разбѣгался, едва удерживались гдѣ у вѣковаго чипара. Кизиль, груша, яблоки, орѣхи и виноградъ, все было подъ ногами.

Мы были не вдалекѣ отъ роковаго мѣста, и хотя прошло уже слишкомъ три мѣсяца послѣ битвы, запахъ труповъ былъ несносенъ и при маломъ вѣтрѣ. То спускались, то поднимались мы безпрестанно. Все тихо и глухо было вездѣ; во всемъ была какая-то таинственность. Я считалъ себя счастливецемъ. Наконецъ

послышался лай собакъ, потомъ гнканье пастуховъ (въ горахъ овецъ пасутъ по лѣсамъ). Обороняясь, прошли мы собакъ, наконецъ завѣяло тѣмъ-то новымъ! Намъ встрѣчались уже ишаки съ вьюками (въ горахъ все возятъ на ослатахъ): босой вожатый гнаетъ на своего мула, въ лѣсу разносится вѣсть патриархальныхъ временъ!... Солнце садилось все ниже, а въ горахъ была уже ночь. Мы спускались все внизъ, послышался и горный потокъ; подходили близко, луна уже свѣтила; показались скалы, доступныя лишь птицамъ. Въ этихъ громадныхъ берегахъ вились ручеекъ, гдѣ мы омыли ноги. Когда поднялись опять на верхъ, вездѣ было глухо; луна освѣщала перекаты горы, но все еще было далеко и высоко. Вдругъ пришелъ къ обрѣзу—послышался аульный шорохъ: сердце находило себѣ отдыхъ, все звало на покой; мычанье скота напоминало какую-то беззаботность, жизнь безопасную, какъ бы тутъ вовсе никогда не знали брани. И въ самомъ-дѣлѣ никогда нога Русскаго еще не была тамъ. Ауль былъ Гюни, жители Чеченцы или Нѣхчи, но особаго названія — Гюндя. Мѣсяць свѣтилъ; изъ-за деревьевъ бѣлѣлись глиняныя сакли. Старикъ остановился и вскрикнулъ: отворилась дверь и освѣтилось огнемъ мирнаго камня лицо прелестной дѣвушки. Это была Хазыра.

Новая, незнакомая для меня жизнь какъ бы переселила меня въ рай, я доволенъ былъ приключеніемъ. Домъ ихъ показался мнѣ дворцомъ, и я тихо, вѣжливо попросилъ воды обмыть напередъ ноги. (Въ дремучихъ лѣсахъ, куда не проникаетъ солнце, грязь лежитъ почти все лѣто, а мы были босые, какъ и всѣ путешественники). Обмывъ ноги, я вошелъ въ приемную саклю, гдѣ уже сидѣлъ Високай; тихо отдалъ я селямъ, хозяинъ учтиво всталъ, и, подавая мнѣ подушку, просилъ садиться. Красотка и хозяйка были въ другой половинѣ дома.

Хазыра была дочь роднаго брата Аккирея. Этимологически иначе не могу разобрать это имя, только знаю, что хазы вообще значить прекрасный; говорятъ: хазы-кайтъ-у, красавецъ; хазыюа, красавица.

Аккирей велѣлъ принести сала и мы вымазали свои ноги. Посидѣли, поговорили, подали ужинъ; поѣли, ополоснули рты водой, какъ водится, старики выкурили по трубкѣ, ополоснули рты опять и начали вечернія молитвы. Между тѣмъ хозяйка готовилась стлать постели. *

* Постели ихъ обыкновенно набиваются шерстью.

Высокай легъ на мѣстѣ Аккирея, который ушелъ въ другую половину дома къ женѣ; мнѣ постлали два свернутыхъ войлока, въ изголовье двѣ подушки и укрыться дали шерстяное тканое одеяло, подобное малороссійскому рѣдну. Давно не спалъ я такъ мягко какъ здѣсь, и заснулъ скоро.

Давно было утро, мы все еще нѣжились; крикъ скота, прогоняемаго на паству, поднялъ меня прежде старика: я вышелъ посмотреть на аулъ при свѣтѣ, и увидѣлъ Хазыру, еще неубравленную, но тѣмъ болѣе милую. Не скоро всталъ Высокай. Позавтракали. Аккирею давно уже надо было идти на работу: онъ поточилъ косу, простился съ Высокаемъ, пожавъ ему руку, взялъ мѣрный кувшинчикъ съ водой, косу на плечо и пошелъ трудиться. Спустия немного, Высокай поѣлъ опять, сказалъ мнѣ, что я буду жить здѣсь и покошу Аккирею два дня, за что они сошьютъ мнѣ шапку; что буду работать и другимъ живя у него, и могу брать тѣмъ хочу; поѣлъ, и, охватывая бороду, сказалъ: «Альхамду милляги!» (слава Богу!) поблагодарилъ хозяйку словами «барк'Алла» (да спасетъ тебя Богъ), пожелалъ ей здоровья, пожалъ мнѣ руку на прощанье и, не взявъ съ собой ни куска, отправился въ обратный путь, съ улыбкой принявъ отъ меня поклоны всѣмъ своимъ домашнимъ и своему семейству.

Проводивъ Высокаю, я вездѣ искалъ глазами прелестную Хазыру, но она не являлась до вечера, какъ и Аккирей. Всѣ мы сидѣли у огня и провожали вечеръ болтовней; красота Хазыры поражала меня, какъ весенняя роза вольныхъ горъ. Наутро Аккирей далъ мнѣ старыя мѣчи (поршни) и мы отправились на свой пай и скосили его въ день. Вечеромъ онъ спрашивалъ, не хочу ли я къ нему и что возьметъ хозяинъ; на отвѣтъ, что онъ продавалъ-было за три тюмена, сказалъ: «Э, Сударь! десять тюменей катта бацъ (ничего не значать), лишь бы ты жилъ.» Я упрашивалъ купить.

На другой день, исполняя очередную недѣльную, Аккирей ушелъ пасти овецъ. Безъ него я кончилъ въ два дня еще другой пай; въ другіе два, какъ шелъ дождь, отъ скуки я ходилъ за грушей и приносилъ мѣры по три, думая, что приведется жить у нихъ—груша пригодится. Высушивъ, они мелютъ ее въ жерновяхъ, и разведя въ водѣ, заѣдаютъ жирное. Потомъ день сгребалъ сѣно, скошенное съ Аккиреемъ. Въ горахъ, гдѣ солнце освѣщаетъ мало и закатывается рано, трава какъ не скоро поспѣваетъ, такъ не скоро и сохнетъ. День еще косилъ, и хозяйка, скупая женщина, видя молчаливость, не приносила мнѣ и завтракать; когда

я пришелъ обѣдать, она угостила меня однимъ огурцомъ, съ небольшимъ кускомъ хлѣба, и послѣ говорила другимъ, когда тѣ хвалили мою ревность къ работѣ: «Онъ не прихотливъ!» Желая угодить мужу, или слишкомъ заботясь о хозяйствѣ, чтобы ловить удобные дни, она выслала меня на работу даже въ недѣльный день, пятницу (пересканъ), когда они сами ничего не дѣлаютъ. Но лишь только я вышелъ и началъ было косить, услышалъ крикъ: «Сударь! ступай домой: сегодня работать грѣхъ! Стыдно Инѣ, что она послала тебя. Не бойся, иди-знай: Аккирей не скажетъ ничего.» Это была родная сестра Хазыры. Я послушался и оставилъ работу. Ина, когда я пришелъ, сконфузилась.

По вечерамъ бесѣдовалъ со мной солдатъ. Не могъ онъ нахвалиться своимъ ауломъ, говоря, что лучше его нѣтъ, что Дарги *, хотя и резиденція, нисколько не лучше. Въ-самомъ дѣлѣ, сколько могъ замѣтить я самъ, весь аулъ Гюни составлялъ какую-то родственную общину. Всюду какая-то тишина и согласие. Солдатъ сказывалъ, будто бы всѣ жители между собой родные; а во всемъ аулѣ домовъ до ста.

Проживъ въ Гюняхъ девять дней, я только работалъ Аккирею, и видя, что шапка мнѣ не шилась, не хотѣлъ больше жить здѣсь. Ктому же рѣдко видѣлъ Хазыру. Вечеромъ какъ-то разъ сидѣли мы только вдвоемъ: сидя у огня, украдкой поглядывалъ я на нее: она сучила шелкъ. Молчали мы долго, но первая заговорила она: «Что, Сударь, правится ли тебѣ нашъ аулъ? лучше Гильдагана или нѣтъ?» Я похвалилъ и опять настала тишина. Въ девятый день вечеромъ пріѣхалъ къ намъ сынъ Високая и съ нимъ пришла сестра Аккирея. Она гостила у своей сестры, жены Високая. Я спрашивалъ, не продавъ ли я, что живу и работаю только одному, и узнавъ, что нѣтъ, говорилъ: «Хлѣбъ есть у меня и дома. Но я готовъ остаться съ тѣмъ, чтобъ была какая-нибудь польза моему хозяину, какъ человѣку бѣдному». Но пріѣзжій старался уговорить меня остаться, представляя, что жить мнѣ все равно, гдѣ-бы то ни было, а пища тутъ лучше. Переводчикомъ многихъ объясненій съ моей стороны былъ солдатъ. Утромъ, пріѣзжій, садясь уже на лошадь, неожиданно сказалъ мнѣ: «Ну, пойдёмъ». Надобно было быть твердымъ въ словахъ. Извиняя ихъ коварству, я не спросилъ и шапки, не взялъ на дорогу ни куска, не закусивъ ниче-

* Всѣ слова чеченскія, приводимыя здѣсь мной, произношу какъ произносятъ ихъ туземцы Дарги, а не Дарго, мюрадъ, а не мюридъ, и прочая.

го, поднялъ кося на плечо и пошелъ вслѣдъ за верховымъ. Нѣхота и долженъ былъ поспѣвать за нимъ и не сказалъ во всю дорогу съ нимъ ни слова.

V.

Недугъ. — Второй походъ въ Гюни. — Продажа. — Разладица. — Болѣзнь. — Неприятворная добродѣтель Абазата. — Покушеніе Абазата къ побѣгу. — Перезѣлъ въ хуторъ. — Вдова Тамать. — Родины. — Разлука. — Неудача.

Я пришелъ домой къ вечеру. Всѣ мои хозяева встрѣтили меня съ радостью: Ака замѣтилъ мою худобу, Абазатъ красилъ и благодарилъ за мою гордость. Високай былъ обвиненъ.

На другой день посѣтила меня лихорадка (хѳриши, у линейныхъ казаковъ кѳрча или корчей). Цацу, по приказанію Абазата, сварила ежевичнаго листу; меня посадили надъ паромъ, покрывъ на поставленные возлѣ три жердочки одѣяломъ и заставляли мѣшать траву въ котлѣ. Потомъ положили меня на постель, укутавъ какъ можно больше; такъ я потѣлъ всю ночь.

Хотя потъ — лучшее лекарство въ такой болѣзни, однако мнѣ вовсе не помогло это средство; черезъ день я свалился по прежнему. Абазатъ, относя болѣзнь мою къ тоскѣ, совѣтовался съ женой женить меня; поднявъ одѣяло, я смѣялся и сталъ спрашивать Цацу о Хазырѣ. Видя мою привязанность, хозяинъ предложилъ, не хочу ли я быть проданнымъ Аккирею, и чрезъ три дня обрадовалъ: «Выздоровливай, завтра пойдемъ въ Гюни!» Я далъ слово — и выздоровѣлъ: лекаремъ былъ ободренный духъ.

О, влюбчивость! ты зараза молодымъ людямъ! Ты же иногда своей горячей рукой согрѣваешь остывшее сердце страдальца!

Утромъ, какъ оставила меня лихорадка или, лучше сказать, имя Хазыры подняло меня, позавтракавъ, мы отправились въ путь: Абазатъ верхомъ, я впереди на своихъ-на-двоихъ, а иногда и присаживался на лошадь. Подъѣзжая къ аулу, Абазатъ послалъ меня впередъ, вызвать сестру Аккирея, какъ только одну изъ всего аула ему знакомую; самъ останоился на хребтѣ, стреножилъ коня и легъ подъ бугоръ отъ вѣтру. Я вбѣжалъ въ домъ Аккирея, но ни его, ни сестры не было, кромѣ Ины, которая тотчасъ накормивъ меня, велѣла звать Абазата въ саклю. Стыдливость или обычай — не показываться наглымъ, не позволяли ему исполнить просьбу хозяйки. Я тоже остался съ нимъ. Не дождавшись, Ина вышла къ намъ сама, уже переодѣ-

тая: но Абазать отдалъ ей только свое ружье, упросивъ взять меня какъ хвораго, а самъ остался на своемъ мѣстѣ до вечера, пока не пришла сестра Аккирея. Это была пожилая дѣва, хорошихъ правилъ. Она сходила за Абазатомъ: я принялъ его лошадь, разсѣдалъ и далъ ей корму. Абазать продрогъ, но не долженъ былъ показывать этого. Вечеромъ собрались всѣ родные его жены взглянуть на насъ. Незамужнія остались на долго и послѣ ужина. Всѣ разсѣлись по стѣнамъ, Абазать и я сидѣли у огня; каминъ ярко освѣщалъ всѣхъ. Близкая родственница Цацы, дѣвушка довольно хорошая, сидѣла всѣхъ ближе къ Абазату въ первомъ мѣстѣ ряда и безпрестанно поправляла дрова; я былъ гостемъ — отдыхалъ. Хазыра, какъ моложе всѣхъ изъ своихъ подругъ, сидѣла на концѣ ряда, ближе къ порогу — ближе ко мнѣ. Абазать, какъ магометанинъ, не могшій разсматривать всѣхъ ихъ, сидѣлъ съ упертымъ въ огонь посомъ и только ласково отвѣчалъ на комплименты родныхъ своей жены. Зная его сердце, я иногда потихошкку поталкивалъ его взглянуть на Хазыру: съ минуту онъ сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, потомъ искусно отвертывался отъ каминна и украдкой взглядывалъ на красавицу, и въ подтвержденіе моего объ ней мнѣнія крѣпко пожималъ мнѣ руку или ногу.

Такъ бесѣдовали они до полупочи, я начиналъ думать, но не смѣлъ сказать о томъ, какъ былъ уже проданъ, слѣдовательно, принадлежалъ Аккирею. Онъ не входилъ къ намъ весь вечеръ, но видя, что бесѣда длится, велѣлъ дать мнѣ отдыхъ: тотчасъ всѣ разступились — и была послана постель. Не одинъ уже сонъ видѣлъ я, какъ разошлись всѣ.

Когда я всталъ, Абазать давно уже сидѣлъ у каминна. Вдвоемъ мы позавтракали и бесѣдовали; я благодарилъ его, что оставилъ меня у Аккирея и спрашивалъ, могу ли жениться. «Трудно, Сударь: о тебѣ всё-таки будутъ думать какъ о плѣнникѣ; не знаю, каковъ къ тебѣ будетъ Аккирей; можетъ-быть, кто и пойдетъ. А то у насъ такой обычай: если ты влюбишься и она будетъ согласна выйти, тогда вы оба должны бѣжать въ какой-нибудь аулъ, гдѣ есть родственники или знакомые; васъ, разумѣется, найдутъ, но нельзя будетъ разлучить. Старайся, чтобъ полюбили». Тогда онъ снялъ съ шеи кожаный треугольничекъ, вынулъ оттуда бумажку, сложенную тоже треугольникомъ и показывалъ горскую тарабарщину: кружечки, арабскія цѣры въ рядъ, разные слова, которыхъ я не могъ разобрать. Этотъ талисманъ, какъ говорилъ онъ, писалъ ему пріятель его, мулла Ал-

гозуръ. Не сказалъ чье было тамъ имя, а толковалъ такъ: «Нащипи прежде имя той, которую ты любишь, потомъ имя ся матери и всѣ эти знаки, и, свернувъ бумажку такимъ же образомъ, положи куда-нибудь, съ тѣмъ чтобъ твоя возлюбленная наступила на нее печально».

Въ этотъ день всѣ мы отправились стожить сѣно. Хазыра съ своей сестрой шла съ нами. Досадовалъ я на Абазата, когда онъ, сорвавъ сливочную вѣтвь, подалъ Хазырѣ. «Развѣ нельзя было оборвать слявы, говорилъ я: сломилъ ты, другой — и обломаютъ все дерево». — Э! ничего, Сударь! тутъ много всего! Разумѣется мнѣ не вѣтвь дорога была, когда бы я самъ готовъ былъ вырвать съ корнемъ для нея то дерево: я боялся, чтобы впослѣдствіи подобные ласкатели не сдѣлали изъ Хазыры лисицу. Но остался доволенъ тѣмъ, что она приняла подарокъ равнодушно, какъ приняла бы и наша ржанушка, если бъ подарить ее такой вѣткой. Приятно было слѣдить за ея работой: она трудилась больше всѣхъ. Не вдалекѣ отъ насъ работала одна женщина; видя, что мы оканчиваемъ свою работу рано, просила кого-нибудь изъ насъ помочь ей: первая пошла Хазыра, а для нея слѣдомъ и я.

Вечеромъ сидѣли мы втроемъ. Казалось, к чему было смотрѣть на меня пристально; но, какъ пожилому, Аккирею была подозрительна моя задумчивость, и на мой отвѣтъ, что я представляю себѣ будущую свою жизнь у него, онъ сдѣлался молчаливѣе меня. Мы разошлись скоро.

Ночь пришла. Я спалъ крѣпко, и долго не всталъ бы, если бы не разбудилъ меня Абазатъ. Недовольный безпокоемъ, я дерзко взглянулъ на него и встрѣтилъ въ немъ большую перемигну: блѣдный, онъ весь дрожалъ. «Вставай скорѣе, говорилъ онъ мнѣ, лошадь уже готова, ступай привяжи къ сѣдлу свою чую». Я затрепеталъ, что онъ хочетъ взять у меня послѣдніе лохмотья; но привязавъ, услышалъ повелѣніе идти съ нимъ вмѣстѣ. Я вспыхнулъ — и было не до распросовъ. Абазатъ отказался отъ завтрака, я взялъ кусокъ; мы простались почти молча.

Дорогой уже я узналъ, что вышла разладица. Абазатъ говорилъ: «Сначала ты проданъ былъ за быка и двухъ коровъ съ телятами, но послѣ жена Аккирея, чтобъ оставить племя отъ своей коровы, не согласилась отдать одного теленка изъ своего приданого. Ей стало жаль одного теленка: да развѣ ты не стоишь этого! Я узденъ — не хотѣлъ перемигнуть своего слова». — На-

прасно! и это пригодилось бы тебѣ, говорилъ я. — «Ну! каттабацъ!»

Обдумывая, что бы это значило, я впилъ себя за свою задумчивость: мнѣ казалось, что Аккирей усомнился, буду ли я жить — и употребилъ такую хитрость, ссылаясь на жену.

Пришедши въ Гильдиганъ, я слегъ въ постель на три мѣсяца. Пять дней какъ-то я былъ здоровъ; тогда помогаль Високаю вязать снопы; возвращаясь домой, я встрѣтился съ бѣглымъ, который, увидя меня босымъ, предлагаль прійти къ себѣ покоять хотя день, чтобъ достать обувь. Но Абазатъ не отпустиль меня, обѣщаясь добыть мнѣ поршни. Въ самомъ дѣлѣ, дней черезъ пять мнѣ дана была на выдѣлку кожа; но я мяль ее два мѣсяца; выпаль уже снѣгъ, а я все былъ босъ. Бывало, наскоро руку нарублю беремя и тороплюсь съ нимъ къ огню: поверчу надъ нимъ ноги и опять за дѣло, чтобъ запасть на ночь. Когда же не успѣваль наготовить, хозяева трудились сами. Лихорадка становилась все сильнѣе, и я уже не работаль ничего. Чтобы согрѣться я пилъ кипяченую воду, всѣмъ въ удивленіе. Они ничего не ѣдятъ горячаго; сваривъ что, разводятъ холодною водою, если не захотять ждать пока остынетъ. Подросли цыплята, мои питомцы — пища наша улучшилась; явилась и баранина. Желая угодить жителямъ аула Галэ, гдѣ Абазатъ похитилъ лошадь, и куда-было онъ переселялся на зиму, такъ какъ Гильдиганъ въ мѣстѣ опасномъ, онъ какъ-то досталь соли, обмѣняль ее на барана и повезъ его въ подарокъ, съ двумя пшеничными хлѣбами (бѣникъ); но Гильдиганцы не согласились принять его и не взяли подарка; баранъ остался у насъ. Посоливъ, мясо его прокоптили въ трубѣ и берегли цѣлыхъ три мѣсяца. Часто Цацу, украдкой въ полночь поваривала масцо, но когда на приманчивый запахъ я вставаль, будто погрѣться, она отговаривалась своимъ нездоровьемъ, и, по обычаю, должна была раздѣлить трапезу.

Я сохъ и сохъ, а думы больше съѣдали меня. «Какъ вы хороните насъ?» спрашиваль я Абазата. — «Если хорошъ, то зарывасмъ, если нѣтъ — веревку на ноги и въ оврагъ; тебя я зарюю.» Наконецъ я вовсе ослабъ и со слезами просиль хозяина отвезти отъ меня записку въ Грозную. Онъ принесть отъ Альгузура бумаги и чернилъ и просиль написать, что мнѣ у него жить хорошо, чтобы этимъ успокоить мать. Записка была отправлена, но отвѣту не было. Черезъ мѣсяць Ака вызвался отвезти самъ письмо къ коменданту, увѣряя, что будетъ непременно переда-

но, такъ какъ у него тамъ родная сестра. Точно, лоскутокъ этотъ былъ передавъ, но выкупа всё-таки не было. Абазатъ и въ другой разъ просилъ помянуть о себѣ,

Наступалъ холодъ; платье мое было ветхо. Абазатъ досталъ себѣ новое платье отъ сестры, а лохмотья передалъ мнѣ, принудивъ Цацу вычистить мою чую. Она, ретивая къ дѣлу, насучила нитокъ и начала, съ моего позволенія, обрѣзывать полы, чтобы достать заплатъ; но вошедшій Абазатъ, толчкомъ ей въ спину, заставилъ по-прежнему наставить, говоря: «Хака! развѣ онъ не такой же мужчина! А народъ будетъ смѣяться надо мной!...» Горцы не думаютъ, что изъ лоскутовъ ихъ чуя, лишь бы вышла свой видъ. Цацу, плача, стала зашивать дыры просто; Абазатъ вышелъ, я за нимъ, и упросилъ его сдѣлать мнѣ *Тришкинъ кафтанъ*. Но онъ мало прибавилъ тепла, тогда какъ не было главнаго — рубашки.

Грустно было Абазату, что потерпѣлъ онъ одинъ и лишился многого: ему хотѣлось отыскать своего товарища и принудить его уплатить себѣ половину того, что самъ отдалъ истцамъ. Еще до приговору, всѣ родственники совѣтовали ему скрыться куда-нибудь, также какъ сдѣлалъ его соучастникъ; но Абазатъ, подерживая славу своего рода, съ презрѣніемъ отвергъ такіе совѣты. «Какой же я буду уздень и какъ будутъ смотрѣть на меня люди, когда я убоюсь наказанія! Если я виновенъ, то пусть меня накажутъ; и если одного, то будетъ стыднѣе моему товарищу!» говорилъ онъ.

Дѣйствительно, онъ такъ и поступилъ, что видѣли мы, когда онъ спокойно шелъ на судъ, ожидая смертнаго приговору.

Не отыскавъ товарища и объидѣвъ совершенно, онъ говорилъ мнѣ:

— Послушай, Сударь, ты знаешь дѣла мои, жена моя не хозяйка, вотъ каково товарищество! Я хочу перейти къ Русскимъ, и вѣстѣ съ тобой. Дашь ли мнѣ слово, что ты отъ себя попросишь генерала надѣлать меня за то, что ты не терпѣлъ отъ меня ничего, и будетъ ли мнѣ мѣсто гдѣ жить? Скажи, если бы ты былъ награжденъ за свои дѣйствія на хребтѣ Кожильги и за теперешній плѣвъ чиномъ офицера, — принялъ ли бы ты меня весело, и познакомилъ ли бы съ своими товарищами, если бы я когда встрѣтился съ тобой?

— Сверхъ того, что заплатитъ тебѣ генералъ за меня, я объ-

шаю отъ себя еще три тюмена. А если когда встрѣчусь съ тобой, хотя не буду офицеромъ, то приму какъ друга и найду чѣмъ угостить тебя.

— Откуда возьмешь ты денегъ дать мнѣ?

— Три тюмена у насъ не велики: не могу больше, а это какъ-нибудь достану.

— Ну, поклянись, Сударь, вотъ надъ этимъ талисманомъ, что все будетъ такъ какъ ты общаешь, и что генералъ обласкаетъ меня.

Я далъ клятву.

— Поклянись же и ты, говорилъ я, что рѣшаешься идти.

Поклялся и онъ. Но время шло, какъ угрюмый старикъ идетъ молча съ костылемъ своимъ и не повѣдаетъ ни кому, что несетъ онъ отъ міра земнаго къ иному міру!... Такъ пождалъ я еще и, вздохнувъ, повернулся на другой бокъ къ таинственной стѣнѣ!...

Изъ ауловъ, въ мѣстахъ опасныхъ отъ насъ, на зиму, какъ я сказалъ, горцы переѣзжаютъ въ лѣсные аулы, или живутъ по лѣсамъ въ землянкахъ, хуторами. Иногда имѣютъ въ такихъ мѣстахъ теплыя сакли, глиняныя или деревянныя. Это ихъ мызы. Если не достанетъ сѣна для скота, то покупаютъ его въ горахъ и отгоняютъ туда скотъ на всю зиму, а для ухода за нимъ отправляютъ мальчика или дѣвочку. Везти сѣно изъ горъ нельзя, потому что нѣтъ дорогъ, кромѣ тропинокъ. Иногда въ семи дворахъ, какъ говорятъ у насъ, у нихъ въ семи сакляхъ одинъ топоръ, но дѣлятся всѣмъ, и отказать въ чемъ-нибудь грѣшно и стыдно. Такъ иной, не имѣя лошади, бываетъ въ набѣгѣ, пригоняетъ скотъ; не имѣя воловъ, пашетъ; не имѣя косы, коситъ. А все въ надеждѣ осенью пригнать скотъ, запасается сѣномъ. Въ нашемъ аулѣ остались бѣдѣйшіе: они ждали, пока переѣдутъ другіе, чтобы взять у нихъ воловъ и арбы. Такъ, 12 декабря, мы перебрались на новое жильѣ, уклавъ весь багажъ на двѣ арбы.

Я хорошо понималъ всѣ дни, означая каждое утро надъ дверью углѣмъ. Часто горцы, забывая дни, спрашивали меня, когда будетъ — перескани. Тогда нельзя работать, не должно выгребать золы, и прочая. Предразсудковъ у нихъ превозмощество, какъ свойственно невѣжественному народу: въ Новый Годъ пересыпаютъ хлѣбъ изъ чашки въ чашку, прося, чтобы такъ точно продолжалось всегда, при чемъ говорятъ поздравленія и изълагаютъ

На дорогу достали мнѣ старыя поршни. Снѣгу было на четверть; было морозно, арбы скрипѣли; я шелъ позади ихъ, укутываясь въ свое полосатое одѣяло, и не выступалъ уже такъ кѣрно, какъ выступалъ прежде; не выпрямился бы и тогда, если бы встрѣтилась даже Хазыра. Ака еще прежде говорилъ мнѣ:

— Чтò, если бы теперь тебя увидѣла мать твоя?...

— Заплакала бы! отвѣчалъ я.

Мы переѣхали въ хуторъ, версты за четыре отъ Гильдигана, къ родственницѣ Абазата, вдовѣ Тамать, которая уступила намъ землянку, куда было загоняла скотину и гдѣ хранилось ея лишнее имущество. Въ одной половникѣ этой землянки недѣль пять жилъ съ нами теленокъ, пока не устроили для него особаго кутка. Я имѣлъ равное съ нимъ ложе, въ ногахъ своихъ хозяевъ: спать у дверей было холодно. Хотя Абазатъ и стыдился, что я буду лежать въ углу, но я безъ оковностей занялъ теплое мѣсто. Съ приходу, погрѣвшись, я упалъ въ объятія лихорадки. На ночь Абазатъ самъ принесъ дровъ изъ лѣсу; на другой же день я старался о теплѣ. Обернувъ ноги въ суковныя доски, я пускался въ лѣсъ и на-скоро набиралъ сушинику. Кожа, данная мнѣ на обувь, вскорѣ была обмѣнена на готовые поршни: тогда я смѣло оставался въ лѣсу на долго, выбиралъ любое деревцо, кололъ его и носилъ домой слагами. Такъ два дня я работалъ, а третій посвящалъ болѣзни.

Мнѣ предлагали арбу, чтобы навозить дровъ; но, чтобы не свѣдѣть по-пустому и развлекать себя на просторѣ, я отказался.

Сначала многіе въ хуторѣ смотрѣли на меня съ негодованіемъ, что я вольтничаю; но послѣ увѣрились, какъ и Абазатъ, что не уйду; когда же отъ холоду я долго не брилъ своей головы, всѣ смотрѣли подозрительно, говоря прямо, что съ умыслу запустилъ голову — хочу къ своимъ; я долженъ былъ бриться.

Тамать, какъ сама ретивая хозяйка, видя, что никто въ хуторѣ не имѣлъ въ запасѣ столько дровъ какъ я, и въ-осо-

желанія всего лучшаго. Также личныя скорлупы ни какимъ образомъ нельзя класть въ огонь: будто не стануть нестихъ куры, или вовсе переведутся; кости же иногда не выбрасываются, а сжигаются, будто это пріятно Богу, и прочая, и прочая. Жена покойнаго Мики нерѣдко, повѣряя себя, спрашивала меня, сколько прошло съ той поры, какъ было побоище на Кожильги. Какъ отъ построения Грозной, 1819, такъ отъ 2 іюня 1842 года, горцы ввели эру.

бенности когда я спелъ курятникъ для остальныхъ своихъ куръ, по образцу русскому, пожелала имѣть меня у себя. Склоняя къ себѣ, она говорила: «Если бѣ я тебя купила, пошла бы сама къ Шамилю и выпросила бы у него позволеніе, женить тебя хотя на какой-нибудь сироткѣ изъ Сюлинцевъ. Лишь бы ты далъ мнѣ слово жить у меня, то не пожалѣла бы дать за тебя и двадцати тюменей.» Абазатъ, по просьбѣ моей, соглашался продать; но Таматъ не давала болѣе одной кольчуги, оставшейся послѣ ея мужа, опѣненной въ двадцать цѣлковыхъ, говоря: «Теперь, быть можетъ, ты и не хочешь уйти; но проживешь годъ, два, — передумаешь. А два тюменя куда ужъ ни шли!» Надѣясь всё-еще на выкупъ, Абазатъ не хотѣлъ отдать за такую цѣну, и, на просьбу мою продать, отвѣчалъ: «Мнѣ стыдно навязываться самому; если тебѣ хочется къ ней, то упрасивай ее самъ дать сколько я прошу.»

Рождество и Новый Годъ мы встрѣтили какъ дома. Часто солдатъ приходилъ ко мнѣ голодный и я кормилъ его, когда никого не было дома; иногда я утаивалъ яйца изъ своего курятника и мы пекли ихъ въ лѣсу. Въ январѣ куры уже начинаютъ нестись; за ними ходилъ я, когда Цацу ждала родить; носилъ также тогда и воду. Когда я вышелъ съ кувшиномъ въ первый разъ, всё на меня смотрѣли съ удивленіемъ и говорили: «Развѣ твоя Цацу не могла кликнуть кого-нибудь изъ насъ?» Такъ иногда, безъ хозяевъ, сосѣдка дѣлала мнѣ сыскиль. Нерѣдко хозяйка солдата, не надѣясь на своего слугу, призывала меня къ ребенку, когда самѣй было недосугъ. Солдатъ у нихъ былъ въ пренебреженіи. Меня же принимали иначе, и никогда, если я заходилъ къ кому посидѣть, не выпускали не накормить. Такъ однажды, хозяевами солдата я былъ оставленъ на вечеръ и собственно для меня въ котелъ былъ брошенъ кусокъ мяса. Но долго оно варилось; было поздно; пришелъ за мной Абазатъ; стоя на крышѣ землянки, онъ крикнулъ меня, я и простился. «Угощали ли они тебя чѣмъ? говорилъ онъ: я досталъ мяса и пришелъ за тобой; станемъ ужинать вмѣстѣ.» Такъ любилъ онъ меня! Никогда не хотѣлъ съѣсть чегонибудь одинъ: если, бывало, въ лапшѣ сварять небольшой кусокъ курдючьяго сала, то и тотъ онъ дѣлилъ со мной пополамъ, не думая о женѣ; я же свою часть дѣлилъ съ Цацей; она краснѣла; Абазатъ не ревновалъ.

Солдатъ безпрестанно уговаривалъ меня къ побѣгу, я не соглашался: «Станемъ пока высматривать дорогу, говорилъ я, а рѣшусь развѣ тогда, когда Абазатъ мнѣ измѣнитъ?» Вотъ, однажды онъ зазвалъ меня версты за двѣ, пойдѣмъ да пойдѣмъ, говорилъ, и вѣрно, прежде обдумалъ улепетнуть. Но почему-бы не уйтв одному: нѣтъ, если мы тонемъ, то ухватываемся за другаго. Онъ ходилъ гдѣ хотѣлъ; мнѣ же нельзя было пренебрегать довѣриемъ, я всегда былъ остороженъ отъ подозрѣнія, чтобы не набрякать на себя гачныхъ кандаловъ и цѣпи — и лишиться свободы, потерять и послѣднюю утѣху разсѣивать грусть хотя на малой волѣ. Мы шли и шли, все дальше и дальше, къ счастью издали я увидѣлъ Чеченца и остановился, товарищъ звалъ меня въ сторону спрятаться; но, зная зоркость горцевъ, я не согласился и говорилъ: если увидѣлъ его я, то онъ давнымъ давно разсмотрѣлъ наши костюмы. Я покрытъ былъ мѣшкомъ, солдатъ къ шинели. Встрѣтившійся былъ Високай. Страннымъ показалось мнѣ его появленіе: я зналъ, что его аулъ въ противоположной сторонѣ. Подходя къ намъ, Високай кланкулъ меня и спросилъ, чтѣ мы тутъ дѣлаемъ? «Осматриваемъ дрова, чтобы отсюда можно было возить на саняхъ.» Старикъ не сказалъ ни слова и звалъ меня съ собой, показать ему наше жилище. Я удивился: какъ старикъ не знаетъ дороги! и сказалъ солдату: «Ну, братъ, попались мы!» Солдатъ ругалъ меня, пошелъ съ нами же вмѣстѣ. Не доходя немного до хутора, я показалъ старикъ видѣвшуюся на тычинахъ кукурузу, говоря, что тамъ нашъ хуторъ, самъ же рѣшался вовсе на утѣкъ; но Високай отговорился, что не знаетъ нашей землянки. Я пошелъ повѣся носъ, солдатъ подался въ сторону, простясь со мной. Въ землянкѣ была одна Цапу, я не проронилъ изъ ихъ разговора ни одного слова. Видя, что дочь не спрашиваетъ меня о моей отлучкѣ, онъ не сказалъ обо мнѣ ни слова, догадавшись, что я хожу свободно, а сомнѣиємъ своимъ болѣе меня огорчить. Скоро онъ съ нами простился. Съ тѣхъ поръ полно осматривать дороги!

Преступнымъ чужая осторожность кажется боязливостью; а въ такихъ-то смѣльчакахъ и больше трусости: ему-ли, съ низкой душой, перенести что твердо! Посмотрите на нихъ подъ пулями! Въ комъ неуиѣстная дерзость, тамъ и низкіи трепеть. Но все еще я не хотѣлъ бросить своего товарища: все-таки онъ членъ вѣкъ, къ тому же и свой.

Абазать жилъ дома мало, отыскивая своего товарища, съ которымъ похитилъ лошадь. Отыскавъ, онъ принудилъ его уплатить себѣ половину того, что привелось самому отдать потцамъ изъ пожитковъ. Онъ взялъ у него два ружья. Сначала Цапу не оставалась со мной на ночь, всегда приглашала кого-либо изъ мужчинъ, сама уходила къ сосѣдямъ. Такъ двѣ ночи сберегали меня одинъ джигитъ, и когда я спалъ крѣпко, онъ безпрестанно или звалъ меня, тутъ-ли я, или ощупывалъ, и оба раза былъ мной за то обруганъ; тогда, на третью ночь, Цапу, сдѣлавъ огромный сыскиль и наваривъ любимого моего чорпу, чтобы умилостивить меня, поставила все это передо мной, просила кушать на здоровье, сколько хочу; самой было не до ѣды: отъ приглашенія раздѣлать трапезу, она отказалась. Мужчины, по обыкновению, ѣдятъ особо; женщина не осмѣлится съестъ вмѣстѣ, безъ приглашенія. Наѣвшись до-сыта, я поблагодарилъ. Цапу все время дрожала, наконецъ съ плаксивой ужимкой стала говорить: «Дельга! дѣ лндуга! алъ, Сударь (Бога ради, скажи сударь): могу-ли я спать тутъ, вмѣстѣ съ тобой, безопасно?— Я отвѣчалъ: — Не бойся, спи спокойно! Еслибъ я хотѣлъ уйти, то изъ лѣсу ушелъ бы скорѣй; а въ твоей смерти мнѣ пользы нѣтъ! Если захочу уйти, то ты не услышишь и такъ; да не укараудилъ бы меня и тотъ, кого ты призывала.» Она поблагодарила и осталась. Съ этой поры, когда не было дома Абазата, мы ночевали вдвоемъ.

Такъ короталъ я дни свои, не находя ничего похожего на родное. Въ глухую полночь, когда все спало, гнѣнне пѣтуховъ, этихъ всеобщихъ мѣрителей времени, относило меня въ русскую избу, напоминая обо всей родинѣ. Для того нарочно перѣдно я сидѣлъ передъ огнемъ своимъ далеко за полночь.

Настала пора Цацѣ разрѣшиться отъ бремени. Абазать былъ дома, вдругъ ночью меня будятъ и велятъ идти къ Таматъ; Абазать ушелъ къ сосѣду. Я развелъ огонь и сталъ грѣться; часа черезъ три пришла Таматъ и объяснила мнѣ причину моего выхода; я просидѣлъ у ней до утра, тамъ и позавтракалъ. Цапу освободилась, но войти къ ней нельзя было до полудня. Вечеромъ я самъ сварилъ себѣ галушекъ и легъ; Цацѣ ужинъ принесла Таматъ, но хозяйка не хотѣла не подѣлаться со мной.

Абазата уже не было дома, отъ стыда онъ ушелъ еще утромъ и не явился пять дней; жена и сынъ были оставлены на мое попеченіе, я принялъ ихъ на себя и безъ его просьбы. Онъ простился со мной не говоря ни слова, не заглянулъ и въ саклю къ женѣ. Ему сынъ баранъ! какъ говорилъ онъ мнѣ послѣ.

Въ хуторѣ намъ все были чужіе и вовсе прежде незнакомые моей хозяйкѣ: кого же Цацу могла просить о пособіи себѣ! А какъ тяжело обременять собой другихъ! Въ комъ нѣтъ искры состраданія, тотъ бережетъ свою доброту и не дѣлится съ неизвестнымъ ему. Кто умѣетъ отблагодарить насъ въ ласковыхъ словахъ, передъ тѣмъ мы и доброту свою считаемъ за ничто; но одно слово спасибо, слово простое, но сильное, не всегда отзывается въ сердцѣ другаго. «Спасибо тебѣ, мой кормилецъ! мой родимый!» слова не для всякаго родныя, но кто чисто русскій, того онѣ трогаютъ. Тяжка чужая сторона, но какъ отрады и минутныя ласки чужихъ людей! Не тамъ ли пробуждаются прежнія чувства, заброшенныя нами съ возрастомъ! не тамъ ли больше мы научаемся любить и родныхъ своихъ! Тамъ мы увѣремся въ своихъ друзьяхъ; тамъ мы всѣхъ разбираемъ анатомически!... Но горе намъ, если мы, забывъ эти чувства на чужбинѣ, воротимся на родину ни съ чѣмъ!...

Я понималъ чувства Цацы между чужими и, помня свои, не требовалъ изды, видя ея внутреннюю радость. Я отдалъ себя на служеніе, приличное лишь дѣвушкамъ. Перестлать Цацѣ постель, укрыть ее, вотъ тутъ, и вотъ тутъ дѣльга, дѣлилдуга! покачать ребенка — грѣшно мнѣ было бы отказаться. Тогда не разъ она увѣряла, что я теперь нуженъ, что Абазата рѣдко бываетъ дома; но я не таялъ, зная горцевъ хорошо, а все такъ трудился безъ стыда около слабой родильницы. Цацу была не ретива и прежде, а тутъ, при моей заботѣ, почему было не поѣзжиться! Иногда она не поднималась даже и на плачь ребенка: быть можетъ, на дѣлалась на Сударя, и Сударь тотъ не считалъ ребенка за барана, какъ отецъ его.

Прошло нять дней, Цацу все нѣжилась и нѣжилась и я попрежнему сушилъ пеленки. Видя во мнѣ раба безмолвнаго, она стала и поохивать, сердясь, что я или не такъ ее одѣлъ, или не умѣю убаюкивать. Отвѣтомъ моимъ было молчаніе, всегдашній мой шить. Но прочитавъ этотъ іероглифъ умѣлъ не великій. Вотъ какъ Цацу умѣла читать его. На шестой день, вечеромъ, мамка, которую я же сдѣлалъ, изломалась; Маца заставила сдѣ-

лать ее попрежнему: я также сколотилъ ее, какъ старую, но не зналъ какъ привязать веревочекъ и палочекъ, не понимая техническихъ названій; Цацу сердилась явно, не вѣря моему названію, и принялась оправлять сама. Но учительница не умѣла привести въ ладъ качалки, и злѣсь, безпреставно плевала. Я не вытерпѣлъ, ушелъ къ Таматъ и сталъ говорить ей: «Ты знаешь, Таматъ, какъ я жилъ до-сихъ-поръ; знаешь, какъ ходилъ за ребенкомъ: не стыдился того, что пристойно только дѣвочкѣ!... Я не хочу у нихъ жить, пусть продадутъ кому хотятъ; пето, пусть ея мужъ лучше убьетъ меня, чѣмъ быть такимъ работъ!» Выслушавъ хладнокровно, Таматъ отвѣчала: «Погоди, Сударь, не сердись, она еще больна; ты знаешь, что у вастъ нѣтъ никого, кромѣ тебя.» Таматъ пошла сама дѣлать зыбку, пеняла Цацѣ за такое обращеніе, но, какъ свое, все-таки оправдывала ее: «Ей думается, что ты понимаешь, но не хочешь дѣлать; потерпи не много, она скоро выздоровѣетъ.»

Посидѣвъ немного, я ушелъ домой и легъ спать. Ребенокъ не виноватъ — ночью я качалъ его по прежнему.

На утро пришелъ Абазатъ, я качалъ его сына; подавая мнѣ руку, онъ спрашивалъ: «Что сынъ мой, Сударь?»—Нѣтъ, не твой онъ сынъ! говорилъ я смѣявшись. «Какъ не мой, Сударь?» — Ты видишь, что качаю его я, а не ты. «Ну, погоди, Сударь: теперь некому, я приведу дѣвочку, сестру Цацы, ты больше никогда не возьмишь его въ руки.» Посидѣвъ немного, онъ пошелъ къ Таматъ, а я въ лѣсъ, чтобы дать имъ просторъ поговорить обо мнѣ.

Я воротился къ вечеру. Абазатъ сидѣлъ у огня; подумавъ немного, онъ сталъ говорить: «Для чего ты, Сударь, жаловался другимъ? это не хорошо! дождался бы меня.»—Я не вытерпѣлъ, Абазатъ, когда Цацу меня ругала. Цацу начала божиться (заллагя, бплляги, дейерь-куравурь!) что не бранила, Абазатъ молчалъ. Я замѣтилъ, Сударь, говорилъ онъ уже смѣявшись, что ты сердился, когда я давеча спрашивалъ тебя о сынѣ. Я улыбался. «Ну, потерпи: скоро прійдетъ сестра, я звалъ ее.»

Цацу, по приходѣ мужа, сама убрала свою постель и лежала на одномъ только камышовомъ коврѣ; вечеромъ, видя, что мы жонирились, умилно просила меня снять съ полки постель и посылать мнѣ, показывая тѣмъ все еще свою слабость и что точно также ласково обращалась со мной и прежде. Но Абазатъ

грозно крикнулъ на нее, заставляя встать самой. Плохо еще хитрила Цапу, должна была встать.

Утромъ Абазать, сбираясь въ путь, ни къ селу ни къ городу началъ говорить мнѣ, что никогда ни за что не продастъ меня, какъ развѣ только на мою сторону, къ Русскимъ; я слушалъ и подозрѣвалъ. По уходѣ его я пошелъ къ солдату и заранѣе прошался съ нимъ, говоря: «Я знаю, что продастъ теперь, и продастъ въ горы; а мнѣ хочется пожить тамъ, узнать обо всемъ хорошенько: авось, Богъ дастъ, ворочусь къ своимъ — все пригодится.» Предположенія мои сбылись.

Меня продали. Тяжко быть на этомъ мѣстѣ! Заставить молчать въ себѣ умъ и чувство, быть деревяшкой!...

Ожидая переменны въ своей жизни, я въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ своимъ товарищемъ-солдатомъ въ его саклѣ. Передъ обѣдомъ, слышу, кричатъ: «Сударь! ва Сударь!» Они думали, что я въ лѣсу. Мы оба вышли посмотреть — передъ нами стояли два гайдука. Я засмѣялся и подтвердилъ товарищу свои предположенія. «Который изъ васъ мой хозяинъ?» Купившій ото звался. Я простился съ солдатомъ и пошелъ въ свою землянку. Цапу ласково говорила: «Ну, Сударь, ты пойдешь къ Аккюрею; сними же съ себя мѣшокъ.» — Ври, ври, моя голубушка; не понимаю я ничего! подумалъ я про себя. Вынулъ деревянную шпильку, которая держала на мнѣ мѣшокъ, какъ всегдашній мой зимній покровъ, и скинулъ съ себя эту рыцарскую тогу. Свернувъ его, положилъ вѣжливо, готовый снять съ себя до нитки, скорбно простился съ хозяйкой и вышелъ къ новому хозяину, который ждалъ меня передъ землянкой.

Змѣи кипѣли въ груди моей. Мнѣ хотѣлось прижаться къ чьему-нибудь сердцу.

Родныхъ никого нѣтъ; Русскихъ тоже, кромѣ виновнаго солдата! А въ это время горько вспомнать о своихъ, и вмѣстѣ отравно, когда представишь свои обычаи при прощаньяхъ! Я велѣлъ пришедшимъ подождать и побѣжалъ опять къ товарищу; но хозяинъ, боясь потерять меня изъ виду, шелъ за мною слѣдомъ. Я простился еще; мы оба плакали.... Всѣ въ хуторѣ стояли тогда на своихъ землянкахъ и любовались нашей пріятельской разлукой.

Со слезами на глазахъ я оставилъ своего собесѣдника и пошелъ впереди своихъ проводниковъ. Это было въ началѣ февраля; день былъ холодный; я шелъ скоро, чтобы согрѣться, не го-

вора съ провожатыми ни слова. Хозяинъ мой снялъ съ себя бурку и башлыкъ и началъ укутывать меня, какъ мать маленькаго ребенка. Холодно, досадно и вмѣстѣ грустно было мнѣ тогда: я стоялъ передъ нимъ какъ кукла. Я сердился на Абазата за его вѣроломство, и вмѣстѣ прощалъ ему, какъ дикарю, и былъ покоренъ своей судьбѣ.

Абазатъ сторговался заочно, и чувствуя свою вину, не показывалъ глазъ.

Мы шли молча; хозяинъ мой первый нарушилъ молчаніе: онъ сталъ спрашивать по-русски, чтò я умѣю работать. «Увидишь, когда я буду жить у тебя», отвѣчалъ ему я сухо. — Увидишь! Значитъ, ты не хочешь жить? Ну, Сударь, если уйдешь и поймашь — голову долой!»

Поймашь, либо нѣтъ, думалъ я: а убьешь — мнѣ не страшно умереть.

Новый хозяинъ, видя неразговорчивость мою, опередилъ меня и пошелъ скоро, повѣсивъ голову; другой гайдукъ шелъ позади меня: я былъ подъ карауломъ. Оба они несли ружья подъ мышками, опустивъ стволы къ землѣ; чехлы съ ружей висѣли за спинами; я шелъ въ буркѣ, какъ въ богатой шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, а изъ-подъ башлыка примѣчалъ дорогу, оглядываясь нерѣдко назадъ, какъ бы прощаясь съ своимъ хуторомъ.

Намъ встрѣтились трое Чеченцевъ, знакомые моему хозяину. Мы остановились; хозяинъ показывалъ имъ свою покушку; я злился, когда они оглядывали меня съ головы до ногъ, и отвернулся въ сторону, давая тѣмъ свободу дѣлать имъ свои замѣчанія обо мнѣ. Не думали они, чтобы я хорошо понималъ ихъ, и говорилъ вслухъ, даже божился, что я уйду непременно. Разгнѣявшись привѣтствіями, мы пошли дальше. Видно было, что купившій недоволенъ былъ своей покушкой: всѣ трое мы шли до аула молча.

Далеко было за полдень, когда мы пришли въ аулъ, гдѣ должны были переночевать. Старикъ, знакомый моему хозяину, тотчасъ накормилъ насъ; въ благодарность за хлѣбъ-соль, мнѣ велѣно было нарубить ему дровъ. Я рубилъ до поту.

Невдалекѣ, на улицѣ, стояла толпа мужчинъ, а мой Абазатъ красовался передъ ними на сѣромъ конѣ, котораго взялъ было за меня. Я не привѣтствовалъ его издали; вдругъ Абазатъ меня кликнулъ, вся толпа обратилась; я бросилъ рубить, надѣлъ бурку, брошенную тогда на время работы, обвернулся башлыкомъ,

не торопясь подошелъ къ толпѣ и ни кого не привѣтствовалъ. Абазать сошелъ съ лошади и отдалъ ее прежнему владельцу; шельмъ мнѣ снать бурку и башлыкъ и итти за собой.

Какъ я продавъ былъ за-глаза, то, вѣроятно, въ этомъ аулѣ торгъ долженъ былъ кончиться, и Абазать разстался съ конемъ. Онъ шелъ передо мною молча, торопя меня, гдѣ и бѣжалъ; но я шелъ мѣрно, показывая тѣмъ на свою усталость послѣ работы и снѣгъ; на бѣгу онъ сбросилъ съ себя полушубокъ, я также молча поднялъ его и надѣвъ уже не отставалъ.

Абазать торопился отдать плеть, взятую имъ на время въ вѣдальнемъ аулѣ.

Скоро мы дошли до аула Галэ, гдѣ на зиму жили его братья, Янда и Яндаръ-Бей. Меня приняли какъ гостя, оправдывали Абазата, который и не показался во всю ночь, просидѣвъ въ другой саклѣ.

О неудачѣ Абазата тотчасъ же разнеслось поѣзку нашему, и солдатъ, товарищъ мой, ждалъ меня нетерпѣливо. Поутру Янда проводилъ меня къ Високаю; мать, сестры и братъ Цацы собрались навѣстить больную и взглянуть на новорожденнаго. Всѣ мы поѣхали на саняхъ.

Цацу обрадовалась роднымъ, со мной поздоровалась сухо. Я ушелъ къ солдату; встрѣча была радостная.

Утромъ пришелъ Абазать въ саклю вдовы. Я рубилъ дрова. Поздоровавшись съ хозяйкой, онъ вышелъ и, прислонясь къ стѣнѣ, сталъ говорить: «Ты, Сударь, сердилъся на меня, что не хочешь и здороваться?» — Разумѣется, сержусь, говорилъ я: ты не узденъ — не вѣренъ своему слову!»

Сознаваясь внутренно въ своей винѣ, онъ не обидѣлся такимъ отвѣтомъ, лишь оправдывался, какъ и его братья; я молчалъ и продолжалъ рубить; онъ отошелъ прочь.

VI.

Походъ въ горы. — Встрѣча съ Акой. — Покупка. — Казаки. — Весна въ Гильдиганъ. — Призвалъ Хаухара. — Пивница казачка. — Бей-Булатъ. — Интересный торгъ. — Поздравленія.

Прошло двѣ недѣли. Абазать предлагалъ мнѣ итти въ горы,

въ работникахъ къ Эндійцамъ, какъ я просился. «Съ тѣмъ только найду, говорилъ я, если пришлють выкупъ, ты долженъ меня взять.» Онъ обѣщалъ. Походъ отложенъ былъ на день. Абазать сходилъ между-тѣмъ за Яндой, и мы отправились втроемъ; къ ночи пришли въ Галэ. Весь вечеръ я продумалъ, перевернулъ весь свѣтъ и досадовалъ, что согласился. Абазать спрашивалъ о моей задумчивости; я отвѣчалъ: «Для чего ты скрываешь? вѣдь ты ведешь меня продавать: развѣ я уйду отсюда?» Долго онъ не признавался, потомъ сталъ извиняться, что ни у него, ни у жены, ни у меня самого нѣтъ ничего и работы тоже. Я просилъ продать къ порядочному человѣку.

На мое счастье, утромъ прѣхалъ Ака. Обрадовавшись, я вышелъ ему на встрѣчу.

— Марши-ауляга, Сударь! А-хун-ду этци? *

— Абазать ведетъ меня въ горы, отвѣчалъ я.

— Яцъ, яцъ! вскричалъ Ака: ма-ойля! ма-ойля! (нѣтъ, нѣтъ! не думай, не думай!)

Я не вѣрилъ ничему.

День прошелъ въ переговорахъ. На утро Абазать, отозвавъ меня въ другую землянку и заставляя клясться надъ своимъ талисманомъ, говорилъ: «Ты знаешь, что я тебя любилъ; сколько разъ за тебя доставалось отъ меня женѣ моей! Грѣшно будетъ тебѣ не дать мнѣ слова. Мнѣ жаль продать тебя въ горы; я отдаю тебя Акѣ, несмотря, что въ горахъ взялъ бы дороже. Ака беретъ съ условіемъ: онъ дастъ мнѣ лошадь, а я въ придачу къ тебѣ свое ружье; если ты проживешь до осени, то я пользуюсь лошадью; если же уйдешь, то лошадь я долженъ возвратитъ — и ружье мое пропадетъ. Поживи хоть до осени, а тамъ какъ хочешь.» Я далъ слово.

Условаясь, мы вошли къ Акѣ. Онъ всталъ, и взявъ Абазата за руку, началъ при свидѣтеляхъ: «Вотъ, этотъ Газакъ **, это топъ

* Выраженіе «марши-ауляга» слово въ слово значитъ «шествуй благополучно». — А-хунду этци? для чего ты здѣсь? А-хунду также — приветственное слово, то есть ну, что? или «хун-дошъ»? что слово? то есть что скажешь? что новаго?

** Газакъ — казакъ или Русскій вообще. Это названіе еще довольно ласковое, потому что они казаковъ любятъ, не смотря, что тѣ не милуютъ ихъ. Они говорятъ: «Газакъ дашгитъ! люля вѣзур-вацъ! Нѣхчи-сѣнна! вашá!» то есть. Казакъ молодецъ! трубку не курить! словно Нохчець, братъ нашъ! (Вашá собственно значить двоюродный братъ.) Правда козани не уступаютъ горцамъ въ дашгитствѣ.

(ружье) беру я, а отдаю лошадь...» Старикъ рознялъ руки, я бросился къ Акѣ на шею, поцѣловалъ Абазата, который тотчасъ же ушелъ въ хуторъ къ Акѣ за лошадью; всѣ стали поздравлять меня и Аку. Я былъ веселъ, Ака виѣ себя.

Ака прѣзжалъ просушивать кукурузу, сложенную на зиму въ гѣсу, вблизи Гильдигана. Изъ большого плетневаго ларя, стоявшаго на тычникахъ, мы въ одинъ день перевѣшали пучки на деревья; на другой день простились съ Яндой советѣмъ, заѣхали къ Дадакъ, которую я не видалъ полгода; мужъ ея, Моргустъ, повеселилъ насъ своей скрипкой.

Ихъ скрипка состоитъ изъ чашки, съ квадратнымъ вырѣзомъ на днѣ, обтянутой сырой кожей, съ двумя круглыми прорѣзьями; къ ней придѣланъ грифъ, а вмѣсто струнъ три шелковника; смычекъ изъ конскихъ волосъ. У многихъ есть балайки (пандуръ).

Дадакъ пособила намъ сложить пучки опять въ ларь и мы отправились домой. Дорогой Ака колесилъ по разнымъ ауламъ, показывая меня.

Подѣзжая къ хутору, на скрипцѣ арбы выбѣжали встрѣчать насъ дѣти Аки: Худу, Чѣргесъ и Пудлу. (Эту дѣвочку они называли генераломъ Пулло). Всѣ они радостно меня привѣтствовали. Съ Худу я помѣнялся улыбкой. Чѣргеса и Пудлу поцѣловалъ. Ака стала говорить своей Туарханъ: «Ну, мѣтышка * и ты, Худу, почините все платье Сударя, вымойте мою рубашку; я отдамъ ее ему, а себѣ куплю другую. «Все было исполнено непрекословно: Худу перешила все, Туарханъ перечинила; поршни починилъ я самъ, а для тепла Ака уступилъ мнѣ свой полушубокъ.

Лихорадка меня оставила, я сталъ поправляться — и отъ пере-

* Мѣтышкой называются уже пожилыя; жена собственно «стѣ», мужъ «пръ». Быть можетъ, отъ пръ — умъ, говорятъ «пръ-стагъ» умный человекъ. Молодые же другъ друга не называютъ никакъ. Часто, подшучивая, я заставлялъ Цацу произнести имя мужа, какъ-будто не понималъ, къ кому она обращала рѣчь. При постороннихъ молодая ни за что не станетъ говорить; при гостяхъ-мужчинахъ и не покажется. Тогда услуживаетъ хозяйка, и если гости съ лошадью, то караулитъ ихъ на пастбищѣ, или у себя, задавъ имъ корму; жена уже барыня — отдыхаетъ.

мѣны въ жизни, и отъ пищи: на мое счастье у нихъ отелалась корова, а молоко я любилъ и прежде.

Наступала весна, насталъ мартъ, мальчики, по обыкновенію, стали ходить по домамъ привѣтствовать жителей съ веселымъ репеемъ. Двое или трое, раскатавъ свитокъ, на распѣвъ читаютъ содержаніе его. Точно такія же поздравленія бываютъ и по уборкѣ хлѣба или по окончаніи покоса. Поздравителямъ, разумѣется, всякій, по силѣ, даетъ что-нибудь.

Миранды также пошли по ауламъ отыскивать жениховъ и шевѣсть. Не знаю что думалъ Ака, онъ говорилъ: «Какъ думаешь, Сударь: рано еще выдавать Худу? вѣдь надо работать, а тебѣ одному будетъ тяжело?» Я подтвердилъ, что рано. На другой же день, по приходѣ мирандовъ, чуть свѣтъ мы выѣхали въ Гильдиганъ, куда не переѣзжалъ еще никто. Три недѣли мы жили одни. Худу была необыкновенно ко мнѣ ласкова. Два платка, подаренные ей женихомъ и три цѣлковыхъ задаточныхъ Ака отвезъ назадъ; и когда свать приѣхалъ къ нему въ другой разъ, онъ отказалъ ему на отрѣзъ, говоря, что Худу еще молода.

Худу была уже просватана года два. Случается, что отцы, еще въ младенчествѣ своихъ дѣтей, даютъ другъ другу обѣщаніе породниться — и дѣти свыкаются заранѣе.

На мои вопросы, для чего отказано, Ака отвѣчалъ, что женихъ ему не нравится и что мнѣ тяжело будетъ работать одному.

Ожидая еще снѣгу, я запасся дровами, складывая ихъ въ полѣвницу, по которой часто узнавали меня Русскаго мимо-проходившіе бѣглецы. Въ самомъ дѣлѣ выцалъ снѣгъ, подножный кормъ былъ занесенъ, нужно было ѣхать за сѣномъ въ лѣсъ: на этотъ разъ Ака пожалѣлъ меня, отправился одинъ, только взявъ съ меня молушубокъ, не виѣя у себя другаго. Наконецъ стали одни за другими съѣзжаться.

Ведумалось Акѣ наготовить дрозъ. Наканунѣ Благовѣщенія мы отправились въ лѣсъ, привезли возъ, да два раза ѣздилъ я одиень. Не поѣвъ еще въ этотъ день ничего, я утомился; сложивъ дрова

не пошелъ въ самую, а сѣлъ на сдѣланную мной лавочку, передъ дверью: Ака извинился, что я голоденъ, и торопилъ Туарханъ приготовить мнѣ съезкуль. Накормивъ, всѣ они вышли на дворъ бесѣдовать на солницѣ; я остался въ саклѣ: усталый и грустный, легъ среди пола передъ огнемъ и заснулъ крѣпко. Солнце начинало садиться. Ака, боясь лихорадки, разбудилъ меня, и велѣлъ я сѣсть горевать на лавочку; тоска невопитная одолѣла меня. Въ аулѣ было уже семь двадцать; у нашей сакли толпилась куча, я сидѣлъ одинъ, вдругъ подѣхалъ верховой, сердце мое задрогнуло, я полагалъ, не присланный ли за мной изъ Грозной, но ошибся: когда толпа обернулась ко мнѣ, показывая на меня прїезжему, я не вытерпѣлъ, подошелъ къ нимъ, поздоровался, и тутъ начался торгъ. Я спросилъ гдѣ живетъ покущикъ: всѣ закричали что обитаетъ Грозной, показывая тѣмъ, что я легко могу уйти, если захочу. Меня удивила такая откровенность, тѣмъ болѣе, что прїезжій не былъ знакомъ никому, слѣдовательно можно было говорить двусмысленно: намекая мнѣ о возможности на утекъ и показывая ему, что они готовы услужить продажей и потому прельщаются близостью. Я предполагалъ что тутъ что-нибудь да значить, и зналъ, что безъ согласія моего Ака меня не продастъ, поклявшись при покупке, что если пришлютъ выкупъ, отдать тотчасъ же; если же нѣтъ, то держать у себя, пока я самъ не захочу быть продаваемымъ. Ему можно было ждать выкупа: онъ не такъ нуждался, какъ Абазетъ. На выкупъ надежда была плохая, когда прошло уже пять мѣсяцевъ съ-тѣль-норъ какъ я писалъ. Я стоялъ въ раздумьи. Покущикъ говорилъ, что у него есть плѣнная казачка, дѣвушка, которую, если онъ меня купитъ, отдастъ за меня замужъ. Онершись на ружье, Ака опустилъ голову, отдавался совершенно на мою волю. Не давъ мнѣ выговорить ни слова, прїезжій отвѣчалъ: «Какъ не хотѣть жениться!» Сомнѣвался въ твердости Аки, потому что шапка серебра мѣняетъ все, я осмотрѣвъ всадника, заключилъ что онъ добрый человѣкъ, и рѣшился ударить по рукамъ:... Настоящій торгъ былъ отложенъ до завтра. Утромъ Ака долженъ былъ привести меня въ хуторъ покущика, который находился верстахъ въ пятнадцать.

Вся ночь у меня прошла въ мечтахъ. Мы встали чѣмъ свѣтъ. Чтобы продать товаръ лицомъ, Ака на-туго подпоросалъ меня ривнемъ, пообталанулъ полы полушубка, помыправилъ рубашку, осмотрѣлъ обувь, поразбилъ косматую шапку и просилъ быть веселымъ.

Простясь со всѣми, мы пошли скоро. Сидѣтъ таялъ, холодеи́й бушевалъ. По жердямъ черезъ рѣку Ака пробѣжалъ, а слѣдомъ-было за нимъ, но съ непривычки голова закружилась и на самой срединѣ я упалъ на руки. Ака хотѣлъ-было воротиться провести меня, но мое самолюбіе удержало его; отдохнувъ, я самъ доплылъ до берега.

Въ первомъ встрѣчномъ аулѣ Ака спросилъ объ Хау-харѣ (такъ звали покупателя), точно ли онъ имѣетъ плѣнницу дѣвушку: было подтверждено. Но пришедъ въ настоящій хуторъ, оба мы должны были разочароваться: плѣнница была пожилая женщина. Намъ показали на нее, она стояла на крышѣ землянки. Подойдя ближе, стыдно было взглянуть на нее: она была въ бѣлой рубашкѣ, на остриженной головѣ бѣлый платокъ, казалась дурочкой. Когда вошли мы въ домъ, ее кликнули чтобы поговорить съ Русскимъ. Изъ разговоровъ съ ней я узналъ, что она круглая сирота на чужой сторонѣ. Веселые горцы не знаютъ тоски. Ей говорилъ: «Ну, Марн, вотъ твой женихъ.» Казачка заплакала, я старался успокоить, она говорила: «У меня есть дочь, полно не старше-ли тебя! Куда мнѣ за мужъ! и пара-ли ты!»... Я засмѣялся. Обдумавъ, плѣнница перемѣнила тонъ: «Вы, служивый, вѣрно сами сюда пришли? давно-ли здѣсь живете?» Я отвѣчалъ, что я плѣнный. «Не можетъ быть: такъ плѣнные не ходятъ, не одѣваютъ ихъ такъ, да вы такіе веселые!»

Хаухаръ еще не возвращался: изъ Глядыгана онъ пробѣжалъ въ другіе аулы, желая найти солдата подешевле. Родной его братъ, Бей-Булатъ, Старо-юртовецъ, вызвалъ меня на крышу землянки и сталъ говорить: «У меня есть еще братъ, кромѣ Хаухара, Тоу-Булатъ, который содержится теперь въ острогѣ; чтобъ освободить его, надо привести плѣннаго, вотъ я и пришелъ сюда за этимъ: хочешь ли ты къ своимъ? Теперь всѣмъ полканъ данъ отдыхъ и всѣмъ вышлі награды, кто только былъ въ Ичкеринскомъ лѣсу? Недовѣрчивы горцы въ высшей степени, недовѣрчивости и я научился у нихъ: я думалъ, что онъ вынытывается, какъ я думаю о родинѣ, можно-ли надѣяться, чтобъ я прожилъ въ этомъ мѣстѣ, близкомъ къ Русскимъ. Я отвѣчалъ: «Разумѣется, хотѣлъ бы и къ своимъ, но почему не жить и здѣсь, если братъ твой человекъ добрый.»

— Нѣтъ, говорилъ онъ, ты все-таки не вѣрнись: намъ хочется купить тебя подешевле, вотъ почему мы и говоримъ твоему хозяину, что покупаемъ въ работники; если онъ узнаетъ, что къ

Русскимъ, то, или не продастъ, или запроситъ дорого. Ничего не говори своему хозяину».

Я сталъ вѣрять.

Пріѣхалъ Хаухаръ, начался торгъ. Видя неотступность покупателей, Ака сталъ ломаться: ему давали и ружья и кукурузу; онъ говорилъ, что у него три ружья, а кукурузы будетъ на три года. Разумѣется онъ лгалъ, ему хотѣлось взять что получше. Замѣчая, что Хаухаръ безпрестанно совѣтуется съ братомъ, я сталъ увѣряться, что точно покупаетъ Бей-Булатъ, а не онъ, и сталъ смѣло говорить Акѣ: что же ты не отдаешь? вѣдь тебѣ даютъ хорошо? Ему давали и лошадей, но онъ ломался больше, говоря, что лучше поведетъ меня въ горы, возьметъ тамъ не столько; если же не продастъ тамъ, то надѣется, я буду хорошии работникъ, научусь и мастерству.... Досадно было мнѣ, я совѣтовалъ Акѣ отдать меня, показывая тѣмъ, что я больше не хочу у него жить. Разгоряченный Ака повѣсилъ голову, и подумавъ, ударилъ по рукамъ.

Такъ я отданъ былъ за кобылицу съ жеребенкомъ, оцѣненную въ двадцать рублей серебромъ, да въ придачу Хаухаръ обязался еще уплатить осемь цѣлковыхъ.

Взявъ лошадей, Ака извинился, что не можетъ оставить на мнѣ полушубка, что у него самого только одинъ: я тотчасъ снялъ, мнѣ принесли другой. Ака пожелалъ мнѣ добраго життя, а я посылалъ съ нимъ поклоны.

Проводивъ Аку, всѣ стали меня поздравлять, что я скоро увижу мать свою. Бей-Булатъ говорилъ: «Почему знать? можетъ быть теперь тебя и отдадутъ матери за твой плѣнъ!» Двадцать пятое марта было доброю вѣстію для меня.

Тутъ написалъ я письмо казачкѣ, в Хаухаръ обѣщалъ отвести его самъ.

Отъ по привычки видѣть между горцами обманъ я не радвался наружно. Хаухару казалось страннымъ мое хладнокровіе, онъ говорилъ: «Скажи, если не хочешь къ своимъ, я оставляю, найду другаго солдата; если хочешь, женю: Мѣри промѣню на дѣвушку-казачку, вотъ недалеко отъ насъ?»...

Рано разбудилъ меня Бей-Булатъ, говоря, что идти далеко. Мнѣ дали небольшія санны, положили туда видюшихъ лицъ,

прося Бей-Булата, въ замѣвъ ихъ принести имъ куринныхъ. Поручено было ношу беречь. Казачка просила передать о себѣ въ свою станцію Сто-Деревъ. Горько зарыдала она, когда я перекинулъ сумочки черезъ плечо.

Благословясь отъ всей души, я скорымъ шагомъ пошелъ къ своимъ.

С. ВЪЛЧЕВЪ.

ШАМАНСКІЙ ПОРОГЪ

НА РЪКЪ АНГАРЪ.

=

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

=

Кто видѣлъ только европейскія рѣки, напримѣръ, Эльбу, Одеръ, Майнъ, Рейнъ, и тому подобное, тотъ еще не имѣетъ понятій о большихъ рѣкахъ. Конечно, велика и наша Волга-матушка но и она должна преклонить колѣни передъ рѣками Азіатской Россіи. Въ этой безпредѣльной странѣ все въ исполинскихъ размѣрахъ, на чтѣ ни взгляните. Напримѣръ, кто повѣритъ, если скажемъ, что отъ рѣки Енисея до береговъ Восточнаго Океана, все покрыто дремучимъ лѣсомъ, все одинъ сплошной лѣсъ. Кто повѣритъ, что эта страна живописная, неуступающая знаменитой и мѣль известной Швейцаріи. Дѣло въ томъ, что мы привычны думать о себѣ низко, а о Европѣ высоко.

Тамъ лѣсъ такъ лѣсъ, поле такъ поле, деревня такъ деревня. Есть ли, напримѣръ, въ Европѣ хоть одинъ крестьянинъ, у котораго подъ пашнею было бы двѣсти десятинъ, который бы скотъ свой считалъ тысячами?

Но эта страна несчастна тѣмъ, что рѣки ея текутъ въ Ледовитое Море, недоступное кораблеплаванію и торговлѣ. Жестокія и продолжительныя зимы другое немисправимое горе ея.

Трудно сказать навѣрное, которая изъ рѣкъ Азіатской Россіи больше всѣхъ. Покойный графъ Головкинъ, ѣдучи въ Китай, говорилъ: «Здѣшнія рѣки — моря».

И между-тѣмъ эта страна, по своему положенію, обречена самою природою быть вѣчною пустынею!

На пути изъ Россіи первая рѣка встрѣчается вамъ Иртышъ. Вы съ изумленіемъ остановитесь на берегу ея и будете глядѣть на такую массу движущихся водъ, какой вы никогда не видали. За Иртышемъ начинается равнина, несправедливо названная Барабинскою Степью, или просто Барабою; на этой степи и тѣни нѣтъ степной. Бараба — равнина, преимущественно сырая, украшенная березовыми рощами. Русскіе, не привыкшіе къ мѣстоположеніямъ гористымъ, восхищаются до-нельзя этою плоскостію, похожею на Россію и всю сѣверную Европу. Бараба оканчивается рѣкою Обью; эту рѣку всякій назоветъ моремъ и невольно сдѣлаетъ себѣ вопросъ, откуда происходитъ такое ужасное накопленіе водъ. Вспомните, что въ эту огромную рѣку вливается ниже большая рѣка Томь, а еще ниже Иртышъ, которому вы недавно удивлялись. Теперь вообразите, какова же должна быть рѣка Обь послѣ впаденія въ нее Иртыша. За Томью вы остановитесь въ городѣ Красноярскѣ: высокій берегъ его омываетъ рѣка Енисей, широкая, быстрая и мутная. Два часа вы проведете въ переправѣ черезъ эту рѣку, потому что должны будете подниматься вверхъ

подъ острова, лежащаго по срединѣ рѣки. Отсюда начинается гористая природа восточной Сибири, и вы идете постоянно въ виду горъ, но большихъ подъемовъ и спусковъ не встрѣтите.

На пути до Иркутска вы переѣдете черезъ рѣки Канъ, Бирюзу, Уду, Ю, Оку и Кятъ; всѣ они больше Невы, а слѣдовательно и всѣхъ европейскихъ рѣкъ. Но вотъ вы остановились противъ Иркутска на берегу Ангара, плывете черезъ нее въ карбазѣ и находите такую рѣку, которая характеромъ своимъ отличается отъ всѣхъ вами видѣнныхъ. Ангара широка, глубока, быстра необыкновенно и прозрачна какъ хрусталь. Чтобы сколько-нибудь успокоить ваше недоумѣніе, напомнимъ, что рѣка эта есть крутой спускъ водъ огромнаго озера Байкала, что рѣка эта въ источникѣ своемъ имѣетъ двѣ версты ширины и пять сажень глубины въ матерой (фарватерѣ).

Извѣстно, что рѣка Ангара впадаетъ въ огромную рѣку Енисей и съ нею вливается уже въ Ледовитое Море. Можете вообразить, что произошло отъ такого слиянія.

На разстояніи пятисотъ верстъ Ангара течетъ благополучно въ живописныхъ берегахъ своихъ. Потомъ начинаются пороги или огромные камни, идущіе поперекъ рѣки съ одного берега на другой. Пороговъ много, но большая часть изъ нихъ только шкиверы, то есть быстрое теченіе рѣки по камнямъ (катактъ). Главнымъ порогомъ почитается Падуиъ. Здѣсь рѣка три раза падаетъ съ одной каменной гряды на другую. Объ этомъ порогѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ другое время; онъ такъ занимателенъ, что требуетъ описанія.

Наши русскіе Европейцы, напѣванные мнимозящною природою Германіи и съ благоговѣйнымъ умиленіемъ воспоминающіе о берегахъ прелестнаго Рейна, замолчатъ отъ ужаса, если скажу имъ, что берега рѣки Ангара разнообразнѣе и живописнѣе Рейна. Чер-

эпохею! злость противъ Кароны! но, къ сожалѣнiю, нѣтъ возможности доказать наши слова. Предубѣжденiю и нещажанiю отечества — два противника, съ которыми борются и которыхъ одолѣть можетъ одно время.

Рейвъ, съ обгорѣвшими своими базальтовыми горами, дѣйствительно живописенъ для петербургскихъ жителей, привыкшихъ къ однообразнымъ болотамъ Карелии и Копорья; но кто плавалъ по сибирскимъ рѣкамъ, тотъ хладнокровно проплыветъ по рейвскому ущелию: его интересовать будутъ только развалины разбойничьихъ замковъ, поставленныя на самыхъ стратегическихъ высотахъ для надзору за протяженiемъ рѣки. Онъ будетъ вздыхать о рабахъ бароновъ, носившихъ вѣкогда воду для господъ своихъ на такую высоту, и сердце его замретъ при мысли, что вѣкогда по Рейву нельзя было ни пройти ни проѣхать честному кудцу: на каждомъ шагу онъ рисковалъ или свою жизнь или имѣнiемъ. Надобно еще сказать, что Рейвъ живописенъ на разстоянiи какихъ-нибудь верстъ семидесяти, а выше и ниже онъ течетъ по равнинамъ въ берегахъ плоскихъ. Но здѣшнiя рѣки разнообразны и живописны на протяженiи трехъ или четырехъ-тысячъ верстъ. Во-первыхъ, онѣ текутъ между горъ, то покрытыхъ густою зеленою лиственницъ, кедровъ, елей и березъ; горы эти то круто опускаются къ берегамъ, то утесами падаютъ въ рѣку, или навислые камни угрожаютъ паденiемъ: на этихъ камняхъ висятъ зеленыя гирлянды стелющихся растенiй, зеленѣетъ гдѣ-нибудь лиственъ. Иногда горы отдаляются отъ береговъ и образуютъ равнины; здѣсь стоятъ деревни, здѣсь волнуется жито, тамъ пасется скотъ, а здѣсь Сибирякъ горбушею подкашиваетъ траву, изъ которой видна только его голова. Во вторыхъ, на рѣкахъ встрѣчаются острова, покрытые густо зеленою явою или мягкою муравою. Солнце еще не закатилось, а вы плывете въ тѣни между двумя утесами: по ту сторону стѣна, по другую стѣна, и какія громады воздвигла здѣсь сила природы! скала на скалу, скала на скалу! Это разнообразiе не есть принадлежность какой-нибудь одной рѣки, но всѣхъ безусловно здѣшнихъ рѣкъ.

На Ленѣ есть даже чудо природы, о которомъ поговоримъ въ другое время. Теперь обратимся къ Ангарѣ, и расскажем какъ мы плыли черезъ страшный шаманскій порогъ.

Мы выѣхали на Ангару между порогами Падунюмъ и Шаманскимъ и имѣли возможность ѣхать землею или по рѣкѣ. Въ первомъ случаѣ ни малѣйшей опасности, а во второмъ нужно было рисковать, по-крайней мѣрѣ страхомъ, проплывая черезъ шаманскій порогъ, о которомъ мы слышали страшные рассказы, что здѣсь разбиваетъ суда, опрокидываетъ лодки при малѣйшей неосторожности, что черезъ порогъ проводитъ лодманъ, что передъ порогомъ цѣлое селеніе состоитъ изъ однихъ лодмановъ, которыхъ обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы черезъ порогъ проводить суда и лодки. Страшно, но любопытство превозмогло страхъ, и мы сѣли, перекрестясь, въ лодку, избравши напередъ самыхъ лучшихъ лодмановъ, въ искусствѣ которыхъ ругались всѣ крестьяне. А чтобъ лучше и больше насъ успокоить, мужички объявили, что вожатые наши три раза въ нынѣшнее лѣто спускались на этой именно лодкѣ черезъ порогъ.

Мы отвалили отъ берегу, два гребца дѣйствовали веслами, третій сѣдѣлъ на кормѣ, а лодманъ стоялъ посрединѣ лодки. Мы не плыли, а летѣли. Ангара здѣсь измѣнилась уже въ характерѣ своемъ: вода въ ней мутна и темна, но быстрота и масса водъ все тѣ же. Когда мы описывали нашимъ лодманамъ Ангару въ томъ видѣ какъ протекаетъ она мимо Иркутска, они слушали насъ и не вѣрили.

Солнце склонялось уже къ закату, а до порога оставалось еще двѣнадцать верстъ. Осторожнѣйшіе, то есть трусливѣйшіе изъ любопытныхъ тотчасъ сдѣлали возраженіе: проплывемъ ли мы засвѣтло черезъ порогъ? не лучше ли почевать въ первой деревнѣ и завтра поутру пуститься въ опасный путь. Лодманъ улыбнулся. Двѣнадцать верстъ мы пролетимъ въ полчаса, а въ шаманскую деревню, что за порогомъ, приѣдемъ еще за-свѣтло.

Пока мы разсуждали, на лѣво показался огромный камень, фигурою похожій на ангарское судно дощанникъ.

— Это Корабль Камень! говорилъ лодманъ, отъ него недалеко и до порога.

Мы смотрѣли впередъ, но порога или гряды камней ндушей съ одного берега на другой не видали: тамъ бѣлѣлся какой-то островъ, а противъ него, на другой сторонѣ, утесъ такого же цвѣту. Отъ Камня Корабля лодманъ велѣлъ держать вправо, и

когда мы выдвинули на средину рѣки, указавъ намъ малюткѣйшій водоворотъ, но здѣшнему улову. Вотъ намъ признакъ. Тутъ лежитъ огромный камень; въ обыкновенную воду онъ виднѣтъ, а теперь самая большая вода въ Ангарѣ, и мѣсто его обозначается уловомъ. Отсюда надобно держать все прямо.

— Снимай шапки! закричалъ лодманъ.

Гребцы оставили весла, встали на ноги и сняли свои шляпы и фуражки.

— Господи Иисусе Христе Боже, помилуй насъ! прокричалъ лодманъ.

— Аминь! отвѣчали гребцы и сѣли за весла.

Нечего объяснять, что такіа приготовленія были намъ не радостны: мы смотрѣли впередъ и глазами искали порога, но кромѣ волнъ ничего не видали. Быстрота рѣки увеличивалась на каждой сажени, и волны становились крупнѣе и крупнѣе. Вдругъ мы приплыли почти къ самому острову: онъ раздѣлялъ рѣку на два протока: на лѣво отъ него вода тѣснилась между огромными валунами и падала съ камня на камень; на право былъ открытый путь между островомъ и берегомъ матерой земли. Въ этотъ протокъ пустились и мы. Островъ состоялъ изъ утеса прямо опускающагося въ рѣку. Эта стѣна изъ бѣлаго камня, гладко обтесанная рукою природы, тянулась верстъ на пять; противъ нее на берегу матерой земли видѣлся такой же бѣлый утесъ. Посреди этихъ стѣнъ клокотала и ужасно волновалась огромная рѣка Ангара. Лодку нашу начало сильно качать, какъ въ бурю; ее то поднимало на валахъ, то бросало въ бездну; вода заплескивалась къ намъ, обдавала брызгами, но мы все еще не видали порога; мы плыли только по рѣкѣ сильно взволнованной.

— Гдѣ же порогъ? спросили мы у лодмана.

— Мы его прошли! отвѣчалъ онъ. При самомъ входѣ въ протокъ онъ перелегаетъ рѣку съ одного берега на другой, но теперь камни покрыты водою. Мы уже за порогомъ и опасность миновалась.

— Какъ миновалась? а волненіе?

— Настоящее волненіе еще впереди. Ребята! давай по бѣарскимъ!

Мы уже готовы были причислить Шамаискій порогъ къ вещамъ самымъ обыкновеннымъ, какъ вдругъ увидѣли передъ собою волны, которыя поднимались вверхъ столбомъ на нашъ правый бокъ нашу лодку лодманъ.

— Держи вправо! вправо! кричали мы.

— Ничего-съ, отвѣчалъ лодманъ.

Вдругъ лодку нашу подняло отъ воды на сажень, и вдругъ она упала среди двухъ высочайшихъ цилиндрическихъ волнъ. Мы ахнули, взглянули на лодмана и гребцовъ. Бездѣльники улыбались. Мы готовы были разорвать ихъ, но прежде нежели успѣли приступить въ исполненіе гнѣвъ свой, перенеслись на тихую воду и пристали къ небольшому острову.

— Кончено?

— Кончено, отвѣчалъ лодманъ.

Такъ вотъ Шаманскій порогъ! Онъ знаменитъ только волненіемъ, быстротою и страхомъ неопытныхъ путешественниковъ. Теперь сдѣлаемъ этому порогу описаніе.

Во времена всеобщаго переворота нашей планеты, а можетъ-быть и въ періодъ созданія міра, обширный провалъ земли, гдѣ теперь озеро Байкалъ, наполнился водою до высоты опредѣленной закономъ равновѣсія. Между-тѣмъ притоки лились въ озеро со всѣхъ сторонъ и увеличивали массу воды; вытѣсненный воздухъ сжимался, густѣлъ и началъ давить площадь озера. Вода упирала на бока своего логовища, давила ихъ, искала слабаго мѣста и, прорвавъ неплотный грунтъ между двумя горами, стремительно бросилась по новому пути; вырывала землю, подмывала горы, и сама затрудняла себѣ путь, но напоръ задней массы усиливался и слабые противники уступали. На разстояніи пяти-сотъ верстъ, все разрушала могущественная Ангара, все погибало отъ ея напоровъ. Но вдругъ она наткнулась на огромные валуны твердаго діорита, лежащіе на мягкой глинистой породѣ. Ангара остановилась, начала подниматься, но вѣчный противникъ ея воздухъ, хотя и уступчивый, до известной степени, началъ сжиматься, терпѣть; онъ зналъ мѣру своей уступчивости, зналъ силу воды и молча улыбался взпяя на задорливую соперницу. Наконецъ мѣра его уступчивости исполнилась. Онъ уперся, и вода имъ давленная бросилась на преграды; земля и глина уступили ея силѣ, и вода хлынула впередъ, увлекла за собою слабыхъ союзниковъ, діориты и валуны стали падать одинъ на другой и составлять мѣсто побѣдительницъ, но достигши твердаго основанія остановились, и вода ползла черезъ нихъ, упиралась въ новыя преграды, волновалась, клокотала и наконецъ выбилась изъ тѣснины и горделиво потекла побѣдительницей.

Скажемъ еще проще. Въ Шаманскомъ порогѣ Ангара дѣ-

лится каменнымъ островомъ на два протока. Текущій на лѣво маловоденъ и пробирается черезъ камни по крутой наклоненной плоскости; текущій по правую сторону острова, катятся по крутой наклоненной плоскости, устланный огромными валунами гранита и діорита: камни эти такъ велики, а наклоненная плоскость такъ крута, что вода упираясь въ нихъ сильно волнуется. Едва успѣетъ она пробѣжать мимо острова, какъ вдругъ встрѣчается съ лѣвымъ протокомъ столь же быстрымъ и столько же взволнованнымъ, и на мѣстѣ столкновенія образуются высокіе какъ столбы валы. Жители называютъ ихъ боярскими валами изъ уваженія къ ихъ величинѣ. На эти то валы правилъ лоцманъ нашу лодку единственно для того чтобъ перешугать насъ. Но едва дорого не заплатилъ за свою шутку.

— Ну, а если бы нашу лодку опрокинуло, залило? тогда бы что?

— Не безпокойтесь, сударь, не съ такими людьми вы плывете.

— Вѣроятно бывали въ вашемъ порогѣ и несчастные случаи?

— Какъ же; не дальше какъ въ прошломъ году опрокинуло здѣсь лодку.

— Видишь, какъ наказывается дерзость.

— Да пловцы сами виноваты. Въ лодкѣ была бочка съ рыбою омулями. Хозяинъ отставной солдатъ поспешилъ заплатить лоцману, и взялъ въ деревнѣ ясачнаго, крещенаго Тунгуса. Это бы еще ничего, у насъ и малые ребята знаютъ дорогу черезъ порогъ, но дѣло въ томъ, на валахъ начало качать лодку, а они не догадались закрѣпить бочку веревками. Лодка покачивалась на сторону, туда же покатила и бочка. Солдатъ желая удержать ее, бросился, увеличилъ тягость на одномъ боку и лодка опрокинулась. Солдата нашли на другой день вотъ на этомъ островѣ, гдѣ теперь мы; въ кармапѣ у него была двадцати-пяти рублевая ассигнація, а Тунгуса не нашли.

— Нынѣшнюю весну вода была очень мала, аплыли дощаники съ мукою. Наши говорили было хозяину облегчить судно, да не послушался: жаль было платить за перевозку по суху. Только пошли черезъ порогъ, судно шаркнуло о камень и вырвало доску; вода бросилась въ судно, а народъ въ лодку и къ берегу. Судно опрокинуло и выкинуло на тотъ островъ. Видите, вонъ тамъ впередъ.

— Но какъ хотите, а порогъ вашъ не опасенъ; волненіе страшно только въ малой лодкѣ.

— Эхъ сударь! Теперь большая вода, камней не видно и вездѣ глубина. Посмотрите на порогъ въ обыкновенную, въ малую воду. тогда вы заговорите иначе. Въ малую воду не такъ велики валы, за то надобно умѣть попасть въ ворота, на быстринѣ, иначе ударившись о камень и пиши пропало. Вотъ мы плыли порогомъ не болѣе получаса, а проплыли семь верстъ.

— Замерзаетъ ли рѣка въ порогѣ?

— Иногда замерзаетъ, но дня черезъ два разламаетъ ледъ быстрою и вездѣ будетъ чисто, кромѣ закраинъ, подлѣ которыхъ мы адурами ловимъ стерлядей.

=

КЕРУБИНИ.

=

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

=

Въ исторіи искусствъ рѣдко встрѣчаются примѣры такой долгой и такой полной жизни, какова была жизнь Керубини. Вступленіе этого ветерана на музыкальное поприще относится къ 1773 году. Ему было тринадцать лѣтъ когда онъ дебютировалъ обѣдней во Флоренціи. Семидесяти-шести лѣтъ онъ сочинилъ музыкальную обѣдню для своихъ похоронъ, и осмидесяти-двухъ умеръ сохранивъ до могилы полное и совершенное присутствіе своихъ способностей, и еще въ послѣднюю недѣлю своей жизни написалъ канонъ. Эта строгая, суровая, нѣсколько нахмуренная фізіономія, съ такимъ успѣхомъ воспроизведенная знаменитымъ Энгромъ, привлекала современниковъ, какъ живая медаль временъ прошедшихъ. Четыре или пять поколѣній артистовъ прошли передъ старикомъ Керубини. Ученикъ Сарти, современникъ Чимарозы, другъ Мармонтеля и Морелье, свидѣтель боя Глюккистовъ и Пиччинистовъ, учитель пѣнія принца Гальскаго, впоследствии регента Англии, знаменитый композиторъ, удостоенный милостей Маріи Антуанеты и положившій позже на музыку стихи Шепье, для республиканскихъ процессій на Марсовомъ Полѣ, глава школы при имперіи, хотя и не пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императора, гофъ-интендантъ королевской музыки при реставраціи, директоръ Консерваторіи при іюльскомъ правительствѣ, онъ видѣлъ много переворотовъ какъ въ сферѣ своего искусства, такъ и

въ политическомъ мірѣ. Сочиняя же въ итальянскомъ вкусѣ, то въ французскомъ, то духовную музыку, онъ послѣ пятидесяти-лѣтней дѣятельности оставилъ многочисленныя труды. Но потому ли что недоставало ему того священнаго пламени, которое не приобретается ни какими трудовыми, ни какими знаменіями контрапункта, или престо вследствие шаткости музыкальной славы, вследствие измѣненій вкуса и моды, только несмотря на всѣ достоинства этого маэстра, несмотря на пользу которую принести изученіе его молодымъ композиторамъ, ни одно изъ произведеній его не удержалось на сценѣ. «Лодисса», бывшая въ 1791 году великимъ событіемъ во французской музыкѣ, давнымъ давно не дается. Пытались какъ то возобновить его «Водовоза», (*Les Deux jougées*), который выдержалъ въ 1800 году, будучи свѣжей новостью, болѣе двухъ-сотъ представленій, но и эта попытка осталась неудачною. Вообще отъ Керубини осталось одно имя, весьма уважаемое знатоками, но совершенно забытое толпой, и если оно еще надолго сохранится въ памяти людей, то онъ обязанъ этимъ своей духовной музыкѣ, до-сихъ-поръ производящей сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, по мнѣнію извѣстѣйшихъ музыкальныхъ критиковъ, какъ напримѣръ, Галеви, Адама, Кастль-Блаза и Фетиса—Керубини неоспоримо заслужилъ себѣ въ исторіи музыки почетное мѣсто.

Мари-Луи-Шарль-Зеноби-Сальвадоръ Керубини родился во Флоренціи, осьмага сѣнтября 1760 года, отъ Бартоломео Керубини и Вердіаны Боци. Отецъ его былъ профессоръ музыки, занимавшій кромѣ того при театрѣ Pergola, должность *maestro al cembale*, то есть, долженъ былъ аккомпанировать на клавишахъ рецитативамъ, и дирижировать репетиціями. Молодой Луи былъ десятымъ изъ двѣнадцати дѣтей, и такого слабого сложенія, что не надѣялись сохранить его. Но заботы и попеченія матери спасли его, и этотъ хилый и слабый ребенокъ пережилъ все свое многочисленное семейство.

Какъ всѣ великіе музыканты и даже какъ многіе посредственные, Керубини рано началъ оказывать способности къ музыкѣ. Шести лѣтъ онъ уже умѣлъ своими маленькими пальцами извлекать звуки изъ инструмента отца, бывшаго его первымъ учителемъ. Когда ему минуло девять лѣтъ, онъ сталъ брать уроки гармоніи и аккомпанимента у Бартоломео Фелличи и сына его Александра. За этими двумя преподавателями послѣдовали Биззарре и Гаструччи выучившіе его композиціи и пѣнію.

«Не нужно удивляться, замѣчаетъ по этому поводу Галевн, что ученикъ-композиторъ изучаетъ искусство пѣнія, какъ-будто бы готовился самъ въ пѣвцы. Это одно изъ основаній итальянской школы, по преимуществу вокальной: композиторъ долженъ пѣть самъ собственнымъ голосомъ. Это также одна изъ причинъ универсальности этой школы, композиторы которой всегда требуютъ отъ голоса только того, что можно исполнить легко и пріятно. Итальянскій композиторъ видитъ въ человѣческомъ голосѣ, если не учителя, то по-крайней-мѣрѣ могущество, съ которымъ должно обходиться какъ съ равнымъ. Въ этомъ должно созваться, потому что это истина. Въ другихъ школахъ композиторъ бываетъ деспотомъ, и предписываетъ голосу обязанности, которымъ тотъ часто противится.»

Галевн не мѣшало бы самому обращаться по-чаще къ этому превосходному правилу.

Но возвратимся къ Керубини. Тринадцати лѣтъ ученикъ-композиторъ уже является авторомъ торжественной обѣдни для четырехъ голосовъ съ аккомпаниментомъ оркестра и интермедіи. Эти сочиненія, за которыми вскорѣ послѣдовали разныя другія, исполненныя всѣ въ его родномъ городѣ, при всеобщихъ одобреніяхъ, обратили на молодого музыканта вниманіе Леопольда Второго, герцога Тосканскаго; этотъ монархъ, просвѣщенный покровитель искусствъ, достойный наследникъ Медичи, умѣлъ оценить рождающійся талантъ Керубини, и, въ 1778 году, назначилъ ему пенсію, доставившую возможность отправиться въ Болонію для усовершенствованія подъ руководствомъ Сартн, одного изъ учивѣйшихъ и славнѣйшихъ маэстро того времени.

«Четыре года, говоритъ господинъ Фетясъ, употреблены были молодымъ артистомъ въ этой школѣ, на самыя серіозныя труды, на тщательное изученіе контрапункта и стараго стиля фуги. Совѣтамъ Сартн обязанъ онъ былъ своими обширными званіями и тѣмъ токимъ пониманіемъ красотъ стиля, которое почерпали тогда въ хорошихъ итальянскихъ школахъ. Уроки Сартн, прибавляетъ господинъ Галевн, были чисто-практическіе: Керубини получалъ ихъ на главнѣйшихъ итальянскихъ театрахъ. Мы не можемъ представить себѣ нынче этой связи соединявшей учителя съ ученикомъ, этихъ уроковъ, дававшихся на полѣ битвы.... Сартн возилъ съ собою своего молодого ученика во всѣ города, для которыхъ онъ долженъ былъ писать оперы,—въ Болонію, въ Миланъ, въ Венецію,—и съ пользою употреблялъ его

«для общихъ интересовъ. Онъ поручалъ ему сочиненіе второстепенныхъ арій, речитативовъ; но важнѣйшую часть, сцены наиболѣе эффектуныя, аріи первыхъ сюжетовъ оставлялъ для себя. Словомъ, на ученика возлагались только тѣ мѣста, которыхъ не слушали. Какъ ни унизительны были подобныя условія, однако же они послужили къ образованію молодого композитора, который присутствуя при созданіи новой оперы, научался вести речитациіи и заранѣе привыкалъ къ усталостямъ, безпокойствамъ, мученіямъ, сопряженнымъ съ процессомъ рожденія, находя такимъ образомъ, въ своей юности уже готовую опытность, которая становилась его собственною и которую онъ усвоилъ себѣ на будущее время.»

Однако жъ Керувини чувствовалъ самъ потребность создавать. Двадцати лѣтъ, онъ, подъ руководствомъ Сарти, написалъ первую оперу, «Квинто Фабіо», представленную въ Александрію. Потомъ возвратился во Флоренцію, гдѣ поставилъ двѣ оперы, «Армиду» и «Мезенцію» (1782). Въ 1793 году онъ прибылъ въ Римъ, и, передѣлавъ тамъ своего «Квинто Фабіо», поѣхалъ въ Венецію, чтобы присутствовать при исполненіи своей оперы буффы «Lo sposo di tre e marito di nessuna». Возвратясь еще разъ во Флоренцію и написавъ «Идалиду» (1784), онъ оттуда отправился въ Мантую, гдѣ опера его «Alessandro nell' Indie» утвердила за нимъ окончательно репутацію итальянскаго композитора.

Вслѣдствіе успѣховъ своихъ въ Италіи онъ былъ приглашенъ въ Лондонъ. Прѣзжая черезъ Парижъ, онъ встрѣтилъ знаменитаго скрипача Виотти, съ которымъ долженъ былъ позже сойтись опять, и съ которымъ вступилъ въ тѣсную дружбу. Дебютъ его въ Лондонѣ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. Онъ далъ во-первыхъ оперу-буффу «la Finta Principessa» и потомъ оперу «Джуліо Сабіно». Послѣ того отправился въ Туринъ, гдѣ поставилъ оперу «Ифигенія въ Авлидѣ», имѣвшую большой успѣхъ и возвратился въ Лондонъ, въ 1787 году, куда призывала его должность композитора королевскаго театра. Обязанный диржировать исполненіемъ оперъ на этомъ театрѣ, онъ вставилъ въ произведенія Паэзіелло и Чимарозы прелестныя мѣста. Принцъ Гальскій, весьма любившій музыку, принялъ молодого маэстро чрезвычайно ласково. Онъ допустилъ его на свои маленькія собранія, и вообще оказывалъ ему самое лестное вниманіе. Принцу равно нравилось и дарованіе и пріятный голосъ. Въ то же самое время, докторъ Бюрвей,

писавшій общую исторію музыки, говорилъ о Керубини: «Этотъ артистъ — гениальный молодой человѣкъ, который не имѣлъ еще здѣсь случая выказать своего искусства, но о которомъ до приѣзду его уже нѣсколько разъ упоминали въ Англіи какъ о рѣдкомъ талантѣ». Однако жъ Вютти торопился своего друга возвратиться въ Парижъ для того, чтобы окончательно упрочить за собой славу даровитаго композитора. И тогда какъ теперь Парижу принадлежала завидная доля, освящать репутаціи, приобретеныя виѣ его. Керубини рѣшился ѣхать туда, и поселился тамъ вначалѣ 1788 года. Введенный своимъ другомъ въ самый высшій кругъ, онъ имѣлъ въ немъ блестящій успѣхъ. Это было счастливое время для него, говоритъ господинъ Галеви, потому что эти успѣхи льстили ему. Ему было тогда двадцать-одинъ лѣтъ. Портретъ, снятый съ него въ то время, показываетъ намъ его щеголемъ, заботящимся о своей виѣшности, съ благородными, выразительными чертами, съ увѣренностью во взглядѣ. Свѣтъ любилъ его, и онъ любилъ свѣтъ. Нѣкоторое время онъ былъ что называется en vogue и сдѣлался львомъ. Однако же развлеченія не удаляли молодаго человѣка отъ его цѣлей. Салоны, гдѣ толпились эти важныя раззолоченныя особы, располагали всѣмъ во Франціи. Представленный ко двору, допущенный къ королеви, любившей музыку и покровительствовавшей музыкантамъ, приглашаемый на концерты къ госпожѣ Польвиакъ, въ которыхъ всѣхъ пѣвьяли Гара и Азеведо, онъ скоро самъ сдѣлался значительнымъ лицомъ, и двери Оперы растворились передъ нимъ. Мармонтель, познакомившійся съ нимъ у аббата Морелье, обѣщалъ ему либретто. Онъ сдѣлалъ больше — онъ сдержалъ свое слово. Мармонтель считъ нужнымъ виѣшаться въ знаменитую сеору Глюккистовъ и Пиччинистовъ, и не то вслѣдствіе вкуса, не то вслѣдствіе положенія своего, объявилъ себя партизаномъ итальянской музыки. Жаркій приверженецъ Пиччини, думалъ остаться вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, сдѣлавшись покровителемъ, опорой и руководителемъ новаго итальянскаго композитора. Если онъ надѣялся, что молодой маэстро будетъ продолжать школу Пиччини, то онъ жестоко ошибся, и долженъ былъ испытать сильное разочарованіе. Керубини самъ испыталъ не меньше, потому что несмотря на покровительство салоновъ, опера «Демофонъ» не имѣла ни какого успѣху. Ее нашли ледяною. Господинъ Фетнезъ приписываетъ эту неудачу, двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, интересу возбужденному въ пуб-

лнкѣ другимъ композиторомъ, Фогеломъ, только-что умершимъ, и также авторомъ «Демофона», котораго увертюра сдѣлавшись знаменитою, приводила всѣхъ въ восторгъ. Критикъ прибавляетъ, что въ «Демофонѣ» Керубини есть достоинство фактуры, превосходящее все, что было извѣстно до того времени во Франціи, но какъ оно было выше понятій обычныхъ почитателей опернаго партера, то и не выкувало въ глазахъ ихъ отсутствія теплоты и драматическаго интересу. «Демофонъ», говоритъ господинъ Галеви, «замѣчательнъ по инструментовкѣ и по прекраснымъ хорамъ. Уже въ этомъ произведеніи, композиторъ кладетъ основанія новой школы и новой манеры. Но эти качества не могли быть признаны публикой. И притомъ, оперѣ недоставало вдохновенія. Я желалъ бы для Керубини, чтобы ему не совѣтовали такъ рѣзко и такъ внезапно покончить съ его прекрасной италіанской школой».

Это сужденіе достаточно показываетъ намъ, что въ «Демофонѣ», забытомъ такъ скоро послѣ появленія, было болѣе значенія нежели генія. Вскорѣ Керубини суждено было загладить этотъ неуспѣхъ, во первыхъ, тѣми прелестными вставными мѣстами въ чужія оперы, о которыхъ мы упоминали, и, наконецъ, «Лодонской» оставшейся его лучшимъ произведеніемъ, куда онъ, можно сказать, положилъ все, что у него было музыкальнаго дарованія.

Другъ его Вюитти соединился съ знаменитымъ парикмахеромъ Маріи-Антуанеты, Леонардомъ, для заведенія италіанской оперы въ Парижѣ. Они получили на это разрѣшеніе. Вюитти взялся пригласить всѣхъ величайшихъ италіанскихъ пѣвцовъ. Керубини поручено было распределять между ними роли, и дирижировать репетиціями. Группа дебютировала, если вѣрить господину Галеви, въ залѣ Тюльери, а по словамъ господина Фетиса, въ какомъ-то зданіи похожемъ на балаганъ, и называвшемся «Театромъ сен-жерменской ярмарки» (Theatre de la foire Saint-Germain). Здѣсь Парижу въ первый разъ пришлось насладиться дивнымъ италіанскимъ пѣніемъ, которое нынче обратилось въ необходимую потребность для каждой эстетической организаціи. Для этой-то блестящей труппы Керубини прибавилъ къ произведеніямъ Аллосса, Павзіелло и Чимарозы восхитительныя мѣста, какъ напримеръ: квартетъ «Cara da voi dipendo», вставленный въ «Viaggiatori felici», знаменитое тріо въ *Italiana in Londra*, и

нѣсколько другихъ, пережившихъ надолго оперы, которые породили ихъ.

Между-тѣмъ какъ Керубини аранжировалъ такимъ образомъ музыку въ италіанскомъ вкусѣ, въ головѣ его рождалась опера французская, совершенно въ новомъ родѣ, и стремившаяся не больше ни меньше какъ къ произведенію переворота въ музыкальномъ искусствѣ.

Сюжетъ оперы «Лодовска» заимствованъ изъ романа Фоблаз. Она была представлена въ первый разъ на театрѣ Фейда, въ 1791 году, двенадцатаго іюня, посреди самаго разгару политическихъ смутъ, нѣсколько времени спустя послѣ бѣгства короля и арестованія его въ Вареннѣ, и произвела, при содѣйствіи роскошной обстановки, огромный энтузіазмъ. Вотъ что говоритъ, по этому поводу, одинъ современный журналъ: интересный сюжетъ, хотя и не представляющій большого драматизма и слишкомъ юныхъ положеній, превосходныя декораціи, много движенія и жизни, и наконецъ прекрасная музыка, — этого довольно для успеха любой оперы, и «Лодовска» съ помощью всѣхъ этихъ средствъ имѣла полный успѣхъ. Упомянувъ о торжествѣ декораторовъ и машинистовъ, которые всѣ были вызваны по окончаніи оперы, журналистъ прибавляетъ: «Вызвали также и автора музыки. Это господинъ Керубини, молодой артистъ извѣстный уже многими музыкальными произведеніями, поставившими его на ряду съ первѣйшими композиторами. Одинъ упрекъ можно сдѣлать музыкѣ этой оперы: она слишкомъ хороша, и это дѣйствительно упрекъ. Всѣ мѣста въ ней обработаны съ равной тщательностью, съ равнымъ искусствомъ, такъ, что зрителю некогда перевести духу: ежеминутное удивленіе должно наконецъ утомить, и невольно желаешь встрѣтить хоть одно мѣсто по-проще, на которомъ бы позволительно было отдохнуть. Трудно указать на самыя замѣчательныя номера, потому что нѣтъ ни одного изъ нихъ не превосходнаго; однакоже публика въ особенности отличила двѣ сцены въ концѣ втораго акта, не потому, чтобы онѣ были лучше другихъ, но потому что онѣ представляютъ болѣе контрастовъ, рельефнѣе выставляющихъ ихъ одну передъ другой.»

Эта современная критика имѣетъ свою цѣну. Похвалы ея можетъ быть лучше нежели умѣренная снисходительность послѣдующихъ критикъ выказываютъ намъ слабую сторону этихъ произведеній, которыхъ столько прекрасныхъ качествъ, заключающихся въ нихъ, столько вкуса, столько знанія, столько гармо-

ического могущества, столько искусства къ инструментовкѣ, не могли спасти отъ забвенія. Да! забвеніе удѣлъ, постигающій все, на чемъ не лежатъ печать истиннаго вдохновенія, этого небеснаго дара, котораго лучшее проявленіе въ музыкальномъ искусствѣ есть мелодія, съ своимъ обильнымъ разнообразіемъ легкости, гибкости, страсти.

Однако же, если оригинальность Керубини прославляли уже слишкомъ много, если часто забывали, что отдѣлившись отъ италіанской музыки, онъ нашелъ школу Глюка и Меюля, которую продолжалъ, но что самъ онъ не основалъ новой школы, то все-таки за нимъ остается значительное развитіе старой, заключающееся особенно въ болѣе энергической инструментовкѣ, въ богатствѣ аккомпанимента, въ болѣе искусныхъ, разнообразныхъ и широкихъ эффектахъ оркестра. Съ-тѣхъ-поръ эта манера перешла въ крайность, и Керубини можно считать отцомъ этой сложной, трудной, громкой музыки, въ которой ученыя комбинаціи совершенно задушили и подавили элементъ мелодическій, и которая, во Франціи по крайней-мѣрѣ, начинаеть замѣтно падать.

Оперы «Элиза», «Сен-Бернарскія Горы» и «Медей», слѣдовали за «Лодонской», и хотя были построены по тѣмъ же правиламъ, но далеко не имѣли успѣху. Господина Фетисъ приписываетъ эту холодность публики слабымъ, пустымъ либретто. Керубини не много пострадалъ во время страшнаго политическаго переворота разразившагося надъ Франціей, и мы видимъ любимаго композитора Марин-Антуанеты сочиняющимъ музыку для республиканскаго гимна «Serment de haine à la royauté». Вообще должно сознаться что Керубини никогда не имѣлъ ни какихъ опредѣленныхъ убѣжденій въ политикѣ, и такъ называемая въ некоторыхъ біографіяхъ его, оппозиція его при Имперіи имѣла источникомъ только оскорбленное самолюбіе чловѣка, не оцѣненнаго по достоинству императоромъ. Какъ и большая часть артистовъ, отдѣляющихъ искусство отъ жизни, авторъ Лодонски былъ органомъ стороны торжествующей. Если онъ дѣйствительно положилъ на музыку *Serment de haine à la royauté*, то впоследствии онъ исполнялъ также и должность капельмейстера при дворахъ Людовика-Осмынадцатаго и Карла-Десятаго.

При учрежденіи музыкальной консерваторіи Керубини былъ назначенъ инспекторомъ классовъ въ этой школѣ, и позже преподавалъ тамъ композицію. Возвратясь изъ Италіи, Бонапартъ пожелалъ услы-

шать въ Консерваторіи исполненіе марша Паэзіелло, который онъ очень любилъ и привезъ съ собой. Въ программу концерта вставили также и пьесу Керубини, написанную на похороны гешера Гёша. Громная оркестровка этого сочиненія сильно не понравилась обитавшимъ въ немъ ушамъ Наполеона, и съ-той-поры бѣдный Керубини совершенно упалъ въ его мѣшкѣ; при встрѣчахъ съ композиторомъ, императоръ не только не бралъ на себя труда окрывать свое нерасположеніе къ нему, но даже выказывалъ это нерасположеніе съ чрезвычайною рѣзкостью. Несправедливость его простиралась до такой степени, что осыпая своими милостями второстепенныя дарованія, онъ постоянно обходилъ Керубини, говорилъ ему колкости, прозносилъ его имя на французскій ладъ (Шерюбинни); и если приглашалъ къ себѣ иногда обѣдать, то единственно для того, чтобы распространяться при немъ о превосходствѣ музыки Паэзіелло и Заггарелли надъ его музыкой. Въ этихъ стычкахъ, полу-французу, полу-итальянцу Керубини случалось выказывать много находчивости и тонкаго остроумія и такта. Мы приведемъ здѣсь одинъ изъ его счастливыхъ отвѣтовъ.

— Я люблю музыку Паэзіелло, сказалъ ему однажды Бонапартъ: она вѣжливѣе, убаюкиваетъ меня. Ваши аккомпанементы слишкомъ сильны.... И какъ онъ продолжалъ выхвалять музыку успокоивающую душу, то Керубини наконецъ возразилъ ему:

— Я понимаю.... вашему величеству нужна музыка, которая бы не мѣшала думать о дѣлахъ государственныхъ.

Но по крайней мѣрѣ любовь публики вознаграждала бѣднаго Керубини за это нерасположеніе монарха. Опера «Водолазъ» представленная на театрѣ Фейда, въ 1800 году, была принята съ единодушнымъ восторгомъ, и поставила автора рѣшительно на ряду съ первыми композиторами вѣка. Несправедливо замѣчено, въ одной біографіи его, что на него возложено было порученіе, отъ имени французскихъ музыкантовъ, поднести медаль Гайдну. Поднесеніе медали происходило въ 1802 году, а Керубини не раньше какъ въ 1805 году, принявъ предложеніе написать оперу для Вѣнскаго Театра, отправился въ этотъ городъ, гдѣ онъ прожилъ не долге, какъ сколько ему нужно было, чтобы окончить свою «Фантаску.» Аустерлицкая побѣда привела Наполеона въ Шенбруннъ, обратила въ бѣгство дворъ, и такимъ образомъ отдала на цѣлый годъ представленіе этой оперы, которой блистательный успѣхъ распространился потомъ во всѣхъ главнѣйшихъ нѣмецкихъ городахъ.

Но Керубини не доставало Франціи. Онъ возвратился туда, и снова нащелъ оладу. Несправедливо лишенный мѣста, котораго онъ былъ достоинъ по своему таланту и заслугамъ, бѣдный артистъ впалъ въ меланхолію, рѣшился отказаться отъ искусства, и началъ заниматься живописью и ботаникой. Его художественная организація, замѣчаетъ господинъ Мьель, одинъ изъ біографовъ Керубини, сдѣлала бы изъ него, вѣроятно, такого же великаго живописца, какого сдѣлала музыканта; однажды онъ нарисовалъ карандашомъ, на клочкѣ бумаги, пейзажъ во вкусѣ Сальватора Розы, изображающій скалистое мѣсто, и источникъ стремящійся съ горы. Увидѣвъ рисунокъ, Давидъ подписалъ подъ нимъ: *Admirable en vérité! courage!* (По истиннѣ удивительно! смѣлѣй!) Сынъ автора, Сальваторъ Керубини, до-сихъ-поръ хранитъ у себя этотъ любовитный эскизъ. Въ эту то эпоху жизни своей, Керубини, приглашенный вмѣстѣ съ другомъ своимъ и ученикомъ, господиномъ Оберомъ, въ замокъ *Chimay*, къ знаменитой мадамъ Тальенъ, случайно попалъ на совершенно новый родъ, въ которомъ таланту его суждено было такъ неожиданно и такъ блистательно проявиться. Онъ поклялся что не напишетъ больше ни одной ноты, когда владѣтелиницѣ *Chimay* пришла фантазія, исполнить въ капеллѣ своего замка музыкальную обѣдню. Все было готово, недоставало только музыки. Мадамъ Тальенъ прибѣгла къ Керубини, который сначала отказался, но наконецъ былъ вынужденъ уступить ся настоятельнымъ просьбамъ; онъ бросилъ бильярдный кій (потому что игралъ въ эту минуту на бильярдѣ) и принялся писать гдѣ то въ углу, кидая по временамъ перо чтобы сдѣлать ударъ, когда до него доходила очередь. Прежде чѣмъ кончилась партія, онъ окончилъ свою знаменитую обѣдню для трехъ голосовъ, которая, послѣ блистательнаго усѣха въ капеллѣ *Chimay*, удостоилась рукоплесканій всей музыкальной Европы.

Наконецъ, около 1809 года, онъ рѣшился возвратиться къ театральной музыкѣ. Пѣкоторые изъ друзей его посоветовали ему написать ноконито для тюльерійскаго театра — оперу, которая должна была уничтожить предубѣжденія императора. И онъ написалъ прелестную вещь въ итальянскомъ вкусѣ, подъ названіемъ «Пигмалионъ», удивительно исполненную Кресцентивви. Это произведение, наконецъ, умилостивило Наполеона. Но все-таки положеніе композитора, обремененнаго большимъ семействомъ, ни сколько не улучшилось. «*Crescendo*» (1810), «*les Abencerrages*» (1813), опера «*Bayard à Mézière*», заказанная для обстоятельствъ,

и написанная въ сотрудничествѣ съ тремя другими артистами, ничего не прибавили ни къ репутациі ни къ состоянію артиста.

При реставраціи судьба была къ нему благосклонна: Въ 1816 году, онъ занялъ, послѣ Мартини, должность суперъ-интендента королевской музыки, и сохранилъ ее при Карлѣ Десятѣмъ. Къ этому званію присоединились потомъ и другія, а именно, профессора композиціи и, наконецъ, директора Консерваторіи. Около этого же времени Карлъ Десятый сдѣлалъ его кавалеромъ Почетнаго Легіона; онъ былъ пожалованъ еще Наполеономъ, во время Ста-Дней, и имѣлъ орденъ Святаго Михаила, данный ему Людовикомъ-Осьмнадцатымъ. Словомъ, милости вдругъ посыпались на него со всѣхъ сторонъ, какъ бы въ вознагражденіе за долгую опалу.

Съ этой минуты, пристращаясь все болѣе и болѣе къ музыкѣ религіозной, вслѣдствіе своего перваго успѣху и придворныхъ обязанностей, а можетъ-быть и отвлеченный отъ театра, быстро возраставшею славой Россіи, онъ предался исключительно сочиненію духовныхъ пьесъ. Все, что онъ написалъ для капеллы Людовика-Осьмнадцатаго и Карла-Десятаго, говоритъ одинъ критикъ, удивительно. Семь обѣднъ, множество гимновъ, псалмовъ, кантатъ, литаній, молитвъ, мотивовъ для всѣхъ возможныхъ голосовъ, еще болѣе прославили его имя. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: «Реквиемъ», исполненный въ Сенъ-Дені, на похоронахъ Людовика-Осьмнадцатаго и «Обѣдня святыхъ даровъ», исполненная въ Реймскомъ Соборѣ, съ религіознымъ маршемъ, для шествія короля къ причастію. Июльская революція лишила Керубини только мѣста суперъ-интендента, которое было уничтожено, но должность директора Консерваторіи онъ сохранялъ по-прежнему, и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти своей оставилъ ее. Вотъ плоды его профессорскихъ занятій: нѣсколько дидактическихъ сочиненій и, между прочимъ, курсъ контра-пункта и фуги, издаанный въ 1835 году. Въ 1831 Керубини написалъ интродукцію къ забытой оперѣ «Маркиза Бренвилль», надъ которой когда-то трудились соединенными силами пять или шесть композиторовъ. Въ 1833 году онъ передѣлалъ одну старую, не изданную оперу свою, и поставилъ ее на сцену, подъ названіемъ «Алп-баба»; она принята была съ уваженіемъ, котораго заслуживали послѣднія усилія семидесяти-трехъ лѣтняго старца. Въ 1835 году Керубини издалъ квартетъ, посвященный другу его, Балью. Въ началъ нашей статьи мы уже упоминали о «капонѣ», павильсанномъ Керубини въ послѣднюю недѣлю передъ смертью, и по-

свѣдѣнійъ Энгру, въ благодарность за превосходную картину его, известную всему свѣту: она представляетъ Керубини, покрови-
 тельствующаго и вдохновеннаго Полминей. Наконецъ, 15 марта
 1842 года, Керубини умеръ осьмидесяти двухъ лѣтъ, оставивъ по-
 слѣ себя, кажется, сына и двухъ дочерей.

Какъ профессоръ и какъ директоръ Консерваторіи, Керубини, своимъ знаніемъ, своей строгостью и своей любовью къ трудамъ серьезнымъ, принесъ огромныя услуги. Между учениками его из-
 вѣстны, въ-особенности, Оберъ, Галевн, Караффи, Циммерманнъ,
 Лоборъ и Биттонъ. Совѣтами его пользовался также и Бозльдѣ;
 всѣ они питали къ учителю глубочайшее уваженіе и живѣйшую
 привязанность.

Керубини, какъ композиторъ музыки религіозной, вообще ста-
 вится на ряду съ самыми замѣчательными; какъ композиторъ
 музыки театральнoй, онъ пользуется извѣстностью болѣе почет-
 ной, нежели популярной.

Мы достаточно показали, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи
 составляетъ, по мнѣнію большинства, его слабую сторону. Счи-
 таемъ не лишнимъ привести въ заключеніе слова господина Фе-
 тиса, пользующагося авторитетомъ музыканта ученаго по преи-
 муществу. Протестуя противъ мнѣнія, отказывающаго Керубини
 въ элементъ мелодическомъ, онъ въ то же время замѣчаетъ, что
 скорѣй можно бы было указать на другой недостатокъ этого ком-
 позитора, значительно вредившій успѣху его сочиненій. «Это имен-
 но, говорятъ господинъ Фетисъ, отсутствіе сценическаго такта,
 слишкомъ замѣтное въ самыхъ лучшихъ созданіяхъ его. Почти
 всегда первый очеркъ прекрасенъ. Но слишкомъ склонный къ
 развитію своихъ идей и подъ вліяніемъ своей удивительной фак-
 туры, Керубини весьма часто забываетъ требованія дѣйствія. Рам-
 ка распространяется подъ рукой композитора.... музыка одна за-
 нимаетъ его, и положенія становятся холодными. Анализируйте
 тщательно всѣ большія партіи Керубини, и вы найдете въ каж-
 дой изъ нихъ болѣе или менѣе этотъ недостатокъ.»

«Какъ человекъ, говоритъ господинъ Мьель въ своемъ сочи-
 неніи о Керубини, приведенномъ нами выше, Керубини былъ
 предметомъ самыхъ различныхъ сужденій, что легко объясняет-
 ся неровностью его нрава и странностями характера. Во всѣхъ
 своихъ обдуманыхъ дѣйствіяхъ онъ точенъ, строгъ, послѣ-
 дователенъ. Это олицетворенный порядокъ. Но прожужжи подъ
 ухомъ его насѣкомое — и равновѣсіе нарушено, и нервы артиста
 возмущаются. Онъ не владѣетъ собой. Тогда берегитесь грубо-

стей! Къ нему приближаются со страхомъ. Впрочемъ, эта раздражительность слишкомъ эфемерна: она оставляетъ слѣды слишкомъ не глубокіе, чтобы принять ее за результатъ организаціи. У Керубини только кора грубая. Его близкіе знаютъ это и говорятъ между собой: «Когда онъ наиграется въ злаго человѣка, онъ сдѣлается добрякомъ. Это благодѣтельный брюзга.» Слѣдующая черта весьма хорошо показываетъ всю странность подобныхъ выходовъ и всю ихъ непродолжительность.

Мальчикъ, одаренный самыми счастливыми способностями, желаетъ вступить ученикомъ въ Консерваторію. Онъ сынъ музыканта и, уже посвященный въ практику искусства, имѣетъ на своей сторонѣ согласіе всѣхъ профессоровъ. Онъ также возбуждаетъ участіе своимъ миловиднымъ личикомъ и маленькой особой. Въ назначенный день онъ является въ Консерваторію вмѣстѣ съ отцомъ, котораго непропорціональный ростъ поражаетъ со всѣмъ другимъ образомъ. По совѣту друзей, родители помещаются въ такой комнатѣ, черезъ которую директоръ непременно долженъ пройти, обозрѣвая классы. Едва Керубини отворилъ дверь, какъ его осаждаютъ колоссы, держащій за руку Амура. Непріятно изумленный, при видѣ этого контраста, Керубини сараниваетъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ: «Что вамъ угодно?» и потомъ, выслушавъ просьбу, отвѣчаетъ: «Я не принимаю грудныхъ младенцевъ», и проходитъ мимо. Бѣдный отецъ въ отчаяніи. Онъ рассказываетъ свое пріключеніе друзьямъ. Имъ кажется, что они отгадали причину этого отказа, и они стараются возратить старикку надежду. Послѣ чего они приводятъ мальчика въ другую залу и сажаютъ его за фортепьяно и велютъ ему играть все, что прійдетъ ему въ голову, не обращая вниманія ни на чей приходъ. Отецъ на этотъ разъ удаленъ. Керубини входитъ. Выборъ и исполненіе нѣсць его поражаютъ. Онъ останавливается, садится и слушаетъ. Лѣта, граціозность, талантъ произвели свой эффектъ. За ласками и одобреніями слѣдуютъ вопросы о правилахъ искусства. Ребенокъ неопровержимъ.

— Bravo! маленький пріятель! вскричалъ Керубини: по зачѣмъ вы здѣсь? и что я могу сдѣлать для васъ?

— Весьма легкую для васъ вещь, которая сдѣлаетъ меня счастливымъ: принять меня въ Консерваторію, говоритъ мальчикъ.

— Это сдѣлано. Вы наш! отвѣчаетъ директоръ.

Послѣ этихъ словъ онъ выходитъ изъ залы, весело рассказываетъ все, что случилось съ нимъ и, смѣясь, прибавляетъ:

— Я остерегся разоправивать его дальше, потому что этот мальчуганъ скоро заткнулъ бы меня за поясъ.

«Безъ сомнѣнiя, продолжаетъ господина Мъель, темпераментъ такого свойства не совсѣмъ годился къ управленiю столькими людьми и вещами, требующему прежде всего спокойствiя, но по крайней мѣрѣ онъ выкупалъ, сколько отъ него зависѣло, своею точностью и справедливостью, этотъ недостатокъ хладнокровiя. Потому-то, во время долгаго управленiя своего, Керубинъ заслужилъ всеобщее уваженiе, и рѣзкость не лишила его ни чьей привязанности.»

Хотя онъ дожилъ до осьмидесяти-двухъ лѣтъ и былъ уже очень слабъ, однако какъ жизненность духовныхъ силъ замѣняла въ немъ недостатокъ физической бодрости, то онъ до конца льстилъ себя надеждою, продлить еще свое хрупкое существованiе. Однажды нездоровье удержало его на нѣсколько дней дома. Галеви посѣтилъ его и, видя что ему лучше, поздравилъ его. «Э! отвѣчалъ старикъ: мнѣ не осталось прожить и десяти лѣтъ!»

Менѣе нежели черезъ годъ онъ уже не существовалъ.

Вотъ, наконецъ, перечень главнѣйшихъ сочиненiй знаменитаго маэстро :

Оперы : «Квинто Фабіо» (1780), «Армида» (1782), «Мезенцио» (1782), «Адрианъ въ Сирин» (1782), «Квинто Фабіо», передѣланный въ Римѣ (1783), «Идалида» (1784), «lo Sposo di tre femine», буффа (1783), «Александръ въ Индiи» (1784), «Finta Principessa», буффа (1785); разныя мѣста въ «il Marchese di tulipano», Паззіелло, (1786); «Ифигенiя въ Авлидѣ» (1788), «Демочонъ» (1788); разныя мѣста въ «Итальянкѣ въ Лондонѣ» и трехъ другихъ итальянскихъ операхъ (1789—1790), «Лодонска» (1791), «Кукурджи» (1793), не издава и частью воспроизведена въ 1833, въ «Али-Баба»; «Элиза, или Сенъ-Бернардскія Горы» (1795), «Медей» (1797), «Смерть Гоша» (1797), «Португальская гостиница» (1798), «Наказанiе» (1799), «la Prisonnière», въ сотрудничествѣ съ Боальдье (1799), «Эпикуръ» съ Мегюлеж (1800), «Водовозъ» (1800), «Анакреонъ» (1830), «Ахиллъ», балетъ (1804), «Crescendo» (1810), «les Abscences» (1813), «Баяръ, или Осада Мезьера» (1814), «Бланка Провансальская», съ Боальдье, Бертономъ и другими (1821), «Али-Баба» въ 1833 году.

Церковная музыка : Обѣдня для трехъ голосовъ, съ хоромъ и оркестромъ en fa; другая обѣдня, торжественная, для четырехъ голосовъ, съ хоромъ и оркестромъ. Обѣдня и «Реквiемъ» для четырехъ партiй, съ хоромъ и оркестромъ; четвертая обѣдня en ut;

«Ave, verum corpus», для трехъ голосовъ, съ трубой соло и оркестромъ; «Iste dies», для четырехъ голосовъ и оркестра; «O sacrum convivium», для четырехъ голосовъ и оркестра; «O salutaris hostia», для двухъ голосовъ сопрано, съ квартетомъ и органомъ; «Ave, Maria», для двухъ голосовъ сопрано и органа, и прочая, и прочая.

Каңтаты: «La Primavera», для четырехъ голосовъ и оркестра; «Пѣсь на смерть Гайдна», для трехъ голосовъ и оркестра; шесть поктуръ для двухъ голосовъ и фортепьяно.

Инструментальная музыка: Симфонія для большаго оркестра *en ré*; увертюра *en sol*; три квартета для двухъ скрипокъ, альты и виолончеля.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ТОРГОВЛЯ МЯГКОЮ РУХЛЯДЬЮ.

=

Россия и Северная Америка доставляют для внешней торговли значительное количество мягкой рухляди, которою большая часть Европы запасается на лейпцигскихъ ярмаркахъ. Кроме этого главнаго рынка, куда свозятся американскіе, русскіе и другихъ странъ пушные товары на продажу для разныхъ странъ Европы, Китай служитъ важнѣйшимъ истокомъ для сбыта мягкой рухляди изъ Россіи. Въ пятилѣтіе (съ 1841 по 1845 годъ) средній отпускъ русскихъ пушныхъ товаровъ составлялъ слѣдующія суммы:

Отпущено:

	Мягкой рухляди.	Залчыхъ шкуръ.
<i>Въ Европу:</i>		
Къ лейпцигскимъ ярмаркамъ на	679,212	224,874 руб. сер.
Въ прочія мѣста	126,387	16,277 ———
Итого	805,599	241,151 руб. сер.

Въ Азію:

Въ Китай на	1,415,910 руб. сер.	
Въ прочія мѣста	242,319	———
Итого	1,658,229	———

Всего вообще на 2,704,979 руб. сер.

Изъ этого обозрѣнія видно, во-первыхъ, что по европейской торговлѣ нашей самое большое количество мягкой рухляди и залчыхъ шкуръ отправляется къ лейпцигскимъ ярмаркамъ: цѣнность вывезенныхъ туда пушныхъ товаровъ составляла осемьдесятъ-шесть процентовъ изъ суммы всего отпуска ихъ въ Евро-

пу; остальная же малая доля (четырнадцать процентов) отпускаена мимо этих ярмарокъ въ разныя европейскія государства; во-вторыхъ, что въ нашей азіатской торговлѣ сбытъ мягкой рухляди въ Китай составлялъ почти такую же пропорцію, до какой простирается отпускъ пушныхъ товаровъ изъ Россіи на лейпцигскія ярмарки по европейской ея торговлѣ. Цѣнность мягкой рухляди, промѣненной Китайцамъ въ Кяхтѣ, доходила до осьмидесяти-пяти процентовъ, а вывозъ въ другія азіатскія земли былъ не свыше пятнадцати процентовъ изъ суммы всего отпуска въ Азію; и, наконецъ, въ-третьихъ, что въ общей цѣнности пушныхъ товаровъ всякаго роду, отпущенныхъ изъ Россіи въ 1841—1845 годахъ, вывозъ ихъ въ Китай оставялъ слишкомъ пятьдесятъ процентовъ или половину всей суммы отпуска, а сбытъ на лейпцигскія ярмарки простирается до тридцати трехъ процентовъ.

Въ этой отрасли внѣшней торговли, Россія, по изобилію и разнообразію добываемыхъ въ ней дорогихъ и дешевыхъ мѣховыхъ товаровъ, не встрѣчаетъ соперничества со стороны европейскихъ государствъ, гдѣ звѣриная ловля давно уже вышла изъ круга народныхъ промысловъ. Однако, сильное соперничество въ этомъ отношеніи возникло со стороны Сѣверной Америки, гдѣ звѣроловная промышленность значительно усилилась, съ умноженіемъ въ Европѣ требованія на американскіе мѣха. Англо-Американцы и Англичане учредили мѣховыя компаніи для промысла пушныхъ товаровъ въ своихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ, и стали снабжать мягкою рухлядью не только западную Европу, но и Россію, куда наиболѣе требуются американскія енотовыя и медвѣжьи шкуры. Въ 1841—1845 годахъ средній привозъ американскихъ пушныхъ товаровъ, доставляемыхъ большею частью съ лейпцигскихъ ярмарокъ, простирался на 712,000 рублей серебромъ.

Сверхъ-того, почти на такую же сумму Россія получаетъ изъ-за границы, частью для собственнаго потребленія, частью для промѣна въ Китай, пушные товары европейскаго и азіатскаго происхожденія. Весь привозъ ихъ въ 1841—1845 годахъ составлялъ, среднимъ числомъ, по цѣнѣ до 762,000 рублей серебромъ въ годъ. Въ тоже время отпускъ ихъ транзитомъ въ Китай простирался ежегодно на 225,600 рублей серебромъ.

И такъ цѣнность мягкой рухляди, обращающейся во внѣшней торговлѣ Россіи, по отпуску, привозу и транзиту, доходила въ это пятилѣтіе до 4,160,000 рублей серебромъ (15,400,000 рублей ассигнаціями) въ годъ.

Приступая къ изслѣдованію объема и движенія разныхъ отраслей этой торговли, по главнымъ ея направленіямъ, замѣтимъ предварительно, что въ «*Видахъ торговли*» всѣ роды пушныхъ товаровъ показаны совокупно подъ общимъ названіемъ «*мягкой рухляди*», отъ которой отдѣлены только «*зачъи шкуры*». По этой причинѣ, не имѣя возможности разсматривать отпускъ и привозъ каждаго товара особо, мы должны ограничиться здѣсь общими выводами изъ этихъ отчетовъ. На основаніи ихъ, наше обозрѣніе раздѣляется на двѣ части: въ первой разсматривается отпускъ и привозъ по европейской торговлѣ, а въ послѣдней — по азійтской.

I.

По европейской торговлѣ. Вывозъ изъ Россіи мягкой рухляди и зачъиныхъ шкуръ, втеченія трехъ пятилѣтнихъ периодовъ, составлялъ слѣдующія среднія суммы въ годъ:

	Въ 1829—1833 г.		Въ 1834—1838 г.		Въ 1839—1843 г.	
	Мягкой рухляди.	Зачъиныхъ шкуръ.	Мягкой рухляди.	Зачъиныхъ шкуръ.	Мягкой рухляди.	Зачъиныхъ шкуръ.
На лейпцигскія ярмарки * на .	Руб. сер. 387,066	Руб. сер. 141,560	Руб. сер. 591,977	Руб. сер. 181,893	Руб. сер. 638,435	Руб. сер. 260,896
Въ прочія мѣста	113,609	86,217	119,907	90,377	69,988	20,861
Всего . . .	500,675	227,777	710,784	272,270	707,373	271,279
Въ томъ числѣ:						
<i>Моремъ :</i>						
Черезъ Санктпетербургъ . . .	76,210	45,115	173,648	64,832	407,475	36,193
Черезъ Одессу .	17,634	1,794	27,145	1,732	17,293	3,791
Черезъ др. порты	10,226		5,096		22,361	
Итого . . .	104,870	59,069	205,909	96,480	44,129	46,973
<i>Сушею моремъ :</i>						
Черезъ Радзивиловъ	366,225	120,955	479,012	168,056	230,872	218,092
Черезъ др. мѣста	30,860	47,754	25,863	7,125	29,372	7,214
Итого	396,605	168,709	504,875	175,781	260,244	225,306

* Цѣнность мягкой рухляди и зачъиныхъ шкуръ, отправленныхъ въ Лейп-

Общій вывозъ мягкой рухляди и заячьихъ шкуръ составлялъ по цѣнѣ въ первый періодъ 565,314, во второй — 680,656, а въ третій 485,550 рублей серебромъ.

Сбытъ этихъ товаровъ на лейпцигскихъ ярмаркахъ постоянно возрасталъ: въ 1829—1833 годахъ отпущено ихъ туда на 528,626 рублей, въ 1834—1838 годахъ на 773,870 рублей, въ 1839—1843 годахъ на 888,833 рубля серебромъ; напротивъ того, отпускъ въ прочія мѣста значительно уменьшился въ послѣдній періодъ, такъ, что эти ярмарки сдѣлались нынѣ важнѣйшими, почти единственными мѣстомъ продажи русскихъ пушныхъ товаровъ, которые отсюда расходятся по разнымъ странамъ Европы.

Отпускъ мягкой рухляди моремъ производится большею частью черезъ санктпетербургскій портъ, куда она доставляется изъ Москвы съ нижегородской и ярибтской ярмарокъ, гдѣ дѣлаются главныя закупки пушныхъ товаровъ для внутренней торговли и для заграничнаго сбыта. Черезъ Санктпетербургъ идетъ мягкая рухлядь наиболѣе въ Любекъ, на лейпцигскія ярмарки, и въ новѣйшее время значительно увеличилась отправка этимъ путемъ, влѣдствіе учрежденія пароходства между Санктпетербургомъ и Любекомъ. Въ послѣдніе годы этотъ транзитъ направился къ Штеттну, посредствомъ пароходства, учрежденнаго, съ 1845 года, между этимъ портомъ и Санктпетербургомъ. Доставка товаровъ на лейпцигскія ярмарки, черезъ Штеттнъ, производится дешевле и скорѣе нежели черезъ Любекъ, и потому, вѣроятно, штеттнскій путь будетъ предпочтенъ для сношеній между Санктпетербургомъ и Лейпцигомъ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ пароходство открыло для торговли мягкой рухлядью новые, удобнѣйшіе способы доставки этого товару къ лейпцигскимъ ярмаркамъ, сухопутный провозъ туда черезъ Радзивиловъ на Броды, куда еще недавно отправлялась большая часть транспортовъ съ мягкой рухлядью, сталъ уменьшаться. Эта перемена ощутительно обнаружилась въ послѣднее пятилѣтіе: цѣнность отпуска мягкой рухляди черезъ Радзивиловъ, простиравшаяся прежде ежегодно отъ 300 до 400 рублей серебромъ, составляла въ этотъ періодъ только 230,000 рублей серебромъ въ годъ, потому что въ то же время годичный отпускъ черезъ санкт-

петъ, всчислена по отпуску ихъ въ Любекъ и въ Броды (черезъ Радзивиловъ), потому что преимущественно черезъ эти пункты отправляются пушные товары, идущіе изъ Россіи къ лейпцигскимъ ярмаркамъ.

петербургскій портъ возвысился до 400,000 рублей серебромъ. Сбытъ мягкой рухляди очевидно выигралъ отъ умноженія отправокъ ея моремъ на пароходахъ. Весь этотъ товаръ доставляется черезъ Радзивиловъ въ Броды для лейпцигскихъ ярмарокъ изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ онъ закупается для отправки къ этимъ ярмаркамъ черезъ Санктпетербургъ на Любекъ или Штетинъ; но сухопутный провозъ отъ Москвы и нижегородской ярмарки обходится дороже до Радзивилова, нежели до Санктпетербурга, и доставка отсюда въ Лейпцигъ, черезъ Любекъ или Штетинъ, стоитъ дешевле сухопутнаго провоза отъ австрійской границы до Лейпцига.

Между-тѣмъ какъ отпускъ мягкой рухляди на лейпцигскіе ярмарки обратился болѣе къ Санктпетербургу, вывозъ заячьихъ шкуръ направляется по-прежнему, черезъ Радзивиловъ на Броды, потому что онѣ доставляются сюда изъ ближайшихъ губерній и съ украинскихъ ярмарокъ. Сбытъ заячьихъ шкуръ сухимъ путемъ сталъ возрастать, но отпускъ ихъ черезъ Санктпетербургъ и другія мѣста уменьшился.

Въ «Видахъ торговли», какъ выше замѣчено, вывозъ мягкой рухляди показанъ только по цѣнѣ, безъ означенія рода и количества пушныхъ товаровъ.

За недостаткомъ подробнѣйшихъ свѣдѣній, помещаемъ здѣсь извлеченіе изъ отчетовъ, напечатанныхъ въ «Коммерческой Газетѣ», объ отпускѣ мягкой рухляди изъ санктпетербургскаго порта, черезъ который она вывозится нынѣ въ наибольшемъ количествѣ.

	Средній отпускъ:	
	Въ 1834—1838 годахъ.	Въ 1839—1848 годахъ
Шкуръ барсуковыхъ	639	2,099 штукъ.
— бѣличьихъ	469,000	1,424,527 —
— горностаевыхъ	45,817	95,011 —
— заячьихъ	205,495	89,393 —
— кошачьихъ	1,836	796 —
Хвостовъ бѣличьихъ	1,329,071	1,799,051 —
Мѣховъ	1,265	899 —

Вывозъ черезъ Санктпетербургъ бѣличьихъ шкуръ и хвостовъ, равно какъ горностаевыхъ и барсуковыхъ шкуръ, въ послѣднее

пяти-лѣтіе значительно увеличилось; напротивъ-того, бѣлильнѣйшій мехомъ, заячьихъ и кошачьихъ шкуръ вывезено меньше. Значительнѣйшій упадокъ оказывается въ отпускѣ заячьихъ шкуръ, которыя вывозятся нынѣ болѣею частью черезъ сухопутную границу на Родовицію къ лейпцигскимъ ярмаркамъ,

Заячьи шкуры отдѣлены въ «Видахъ торговли» отъ прочей мягкой рухляди и показаны въ числѣ товаровъ для рукодѣлій и фабрикъ, служащихъ какъ матеріалъ не только для скорняжнаго мастерства, но и для выдѣлки шляпъ, перчатокъ, чулокъ, и тому подобнаго. По вѣсу и цѣнѣ средней отпускъ заячьихъ шкуръ въ послѣднее двадцати-лѣтіе составлялъ слѣдующія суммы:

Въ 1824 — 1829 годахъ	11,327 пуд. на	456,390 руб. сер.
— 1829 — 1833 ———	9,084 ———	227,777 ———
— 1834 — 1838 ———	14,917 ———	272,270 ———
— 1839 — 1843 ———	13,916 ———	271,279 ———

Отсюда видно, что въ общей сложности сбытъ заячьихъ шкуръ не уменьшился; но цѣнность ихъ значительна упала, вѣроятно, вслѣдствіе распространенія фабрикаціи шелковыхъ шляпъ въ замѣнъ пуховыхъ, которыя выдѣлываются изъ заячьей пуши. Чрезвычайное пониженіе цѣнъ на заячьи шкуры поддерживаетъ ихъ сбытъ на лейпцигскихъ ярмаркахъ. По объявленнымъ при отпускѣ цѣнамъ, по которымъ исчислена здѣсь цѣнность всего вывоза заячьихъ шкуръ, находимъ, что круглымъ числомъ за пудъ (считая въ немъ около шестидесяти шкуръ) приходится: въ 1824—1828 годахъ сорокъ рублей, въ 1829—1833 годахъ двадцать-пять рублей, въ 1834—1838 годахъ семнадцать рублей, а въ 1839—1843 годахъ девятнадцать рублей серебромъ. При такихъ низкихъ цѣнахъ вывозъ этого товару, въ оба послѣднія пяти лѣтія, былъ почти одинаковъ и превзошелъ количество, отпущенное въ предъидущіе періоды.

Заячьи шкуры, при отпускѣ черезъ савитпетербургскій портъ подвергаются браку, по установленнымъ правиламъ *. Русаковъ

* Бракъ заячьихъ шкуръ при савитпетербургскомъ портѣ предоставленъ нынѣ на волю купечества, въ видѣ опыта, на четыре года, начиная съ 1848 года.

дѣлать обыкновенно на три сорта. *Первымъ сортомъ* называются тѣ, которыхъ ловятъ въ теченіе зимы, съ ноября до половины марта; они имѣютъ на себѣ полный пухъ; семсотъ-пятьдесятъ кожъ этого сорта принимаются за тысячу. Ко *второму сорту*, называемому «недоцѣтомъ», принадлежатъ шкуры, которыя, бывъ добыты въ октябрѣ, еще не имѣютъ на себѣ полного пуху; въ этотъ сортъ идутъ шкуры откинутыя изъ перваго сорта; на нихъ бываютъ большія мѣста безъ цуху. Такихъ шкуръ принимаютъ три за двѣ, и въ дополненіе къ тысячѣ полагается двѣсти-двадцать-пять за полутора. *Третій сортъ* составляютъ шкуры, добываемыя въ августѣ и сентябрѣ: у нихъ вмѣсто пуху одна только ось или шерсть. Такія шкуры, въ сравненіи съ первымъ сортомъ, считаются двѣ за одну, то есть, въ дополненіе къ тысячѣ полагается двѣсти за сто; слѣдовательно, въ тысячѣ должно быть тысяча сто семьдесятъ пять штукъ. *Большыя зайцевъ* дѣлать на два сорта: къ первому относятся тѣ, которые совсѣмъ бѣлы; въ тысячѣ считаютъ ихъ семсотъ-пятьдесятъ. Во второй сортъ отбираются тѣ, которыя изъ-сѣра, считалъ полтора за одного, или три за два, то есть, триста-семьдесятъ-пять за двѣсти-пятьдесятъ, что составитъ въ тысячѣ тысячу-сто-двадцать-пять штукъ. Оказавшіеся въ партіи гнилые, прѣлые, подѣденные волюю или мышами — выкидываются; онѣ не допускаются въ заграничный отпускъ, но остаются здѣсь, подъ названіемъ «домашнихъ.»

Бракъ для заячьихъ шкуръ существуетъ только при санктпетербургскомъ портѣ и можетъ-быть это было одною изъ причинъ уменьшенія отпуску ихъ чрезъ этотъ портъ, потому что вывозимыя чрезъ сухопутную границу и другія мѣста отправляются безъ браку, и, слѣдовательно, не подвергаются лишнимъ расходамъ. Доказательствомъ, что бракъ нисколько не поддерживаетъ этой отрасли торговли, служитъ упадокъ вывоза заячьихъ шкуръ изъ Санктпетербурга, между-тѣмъ какъ сбытъ ихъ чрезъ Радзивиловъ на Броды увеличивается.

На лейпцигскихъ ярмаркахъ дѣлаются закупки русской мягкой рухляди и заячьихъ шкуръ, для Германіи, Франціи, Нидерландовъ и другихъ мѣстъ. На эти же ярмарки свозятся американскіе и вѣмецкіе пушные товары, для продажи ихъ въ Германію, Россію, Молдавію и другія мѣста. Обыкновенный привозъ мяг-

кой рухляди всякаго роду на лейцигскія ярмарки составляет приблизительно слѣдующія количества:

Мягкой рухляди:	На ярмарки:	
	Пасхальную.	Михайловскую.
1. Русской.		
Мерлушки астраханской, около	5— 6,000	4— 6,000 штукъ.
— крашеной	100—200,000	150,000 —
— крымской.	15,000	40— 80,000 —
— украинской.	400	500 кипъ.
Лисиць	1,200	— штукъ.
Колонковыхъ хвостовъ	500	400 сороковъ.
Хорьковъ.	500	— —
Горностаевъ.	2— 3,000	3,000 —
Соболей	2,000	1— 2,000 штукъ.
Барсуковъ	15,000	20,000 —
Бѣлки	800,000	600,000 —
Бѣличьихъ хвостовъ	4—500,000	4—500,000 —
Заячьихъ шкуръ	500—750 000	300—500,000 —
2. Нѣмецкой:		
Лисиць	100—180,000	40,000 —
Куницъ	800— 1,200	800 сороковъ.
Хорьковъ	1,500	600 —
Кошки	30,000	10— 15,000 дюжинъ.
Барсуковъ	20,000	— штукъ.
Выдръ	5,000	5,000 —
3. Американской:		
Лисиць	75,000	75,000 —
Хорьковъ.	1,500	2,000 —
Выдръ	6,000	4,000 —
Медвѣдей черныхъ.	4— 5,000	2,000 —
Енотовъ	150—200,000	250,000 —
Ильковъ	3,000	— —
Выхолоей	80—100,000	60,000 —
Рысей	4,000	8,000 —
Волковъ	5,000	4,000 —
Норковъ	600	100 сороковъ.

Эти приблизительноя свѣдѣнія могутъ дать понятіе о важно-

сти торговли мягкой рухлядью на лейпцигскихъ ярмаркахъ, и хотя привозъ ея вообще очень измѣчивъ, однако, по приведеннымъ нами цифрамъ можно по-крайней-мѣрѣ судить о пропорціи продаваемыхъ тамъ пушныхъ товаровъ разнаго роду.

Пушные товары, доставляемые туда изъ Россіи, большею частью принадлежать къ самымъ дешевымъ, необходимымъ въ общемъ употребленіи, и съ ними соперничаетъ только нѣмецкая мягкая рухлядь, которой количество, сравнительно, всегда бываетъ мало-важно. Что же касается до американской рухляди, то на лейпцигскія ярмарки она доставляется, почти исключительно, такихъ сортовъ, которые не водятся въ Россіи, или, по своему достоинству, предпочитаютъ однороднымъ русскимъ пушнымъ товарамъ; напримѣръ: лисьи, выдровыя, медвѣжьи и енотовыя шкуры, для закупки которыхъ прѣзжаютъ въ Лейпцигъ русскіе купцы. Съ тамошнихъ ярмарокъ ежегодно привозится въ Россію американская рухлядь на значительную сумму. Правильный ввозъ иностранныхъ пушныхъ товаровъ въ Россію значительно увеличился въ новѣйшее время, съ тѣхъ-поръ какъ правительство облегчило тарифныя постановленія по этой отрасли торговли. По тарифу 1822 года, для европейской торговли, въ Россіи, былъ запрещенъ привозъ не только всякихъ мѣховыхъ издѣлій, но и всякой мягкой рухляди, кромѣ медвѣжьихъ, енотовыхъ, тигровыхъ, барсовыхъ, львиныхъ, зебровыхъ и леопардовыхъ шкуръ. Дозволенные шкуры были обложены высокою пошлиною, именно: медвѣжьи по четыре рубля серебромъ, енотовыя по два рубля, а прочія по пяти рублей серебромъ съ фунта. При такомъ тарифѣ правильный ввозъ иностранныхъ употребительнѣйшихъ пушныхъ товаровъ оставался незначительнымъ. Нынешнимъ тарифомъ, привозъ чернобурыхъ лисьихъ и нильковыхъ шкуръ дозволенъ съ пошлиною, по три рубля пятидесяти копѣекъ серебромъ съ фунта; пошлина съ прежде разрѣшенныхъ къ привозу шкуръ, значительно сбавленная въ 1836 году, взимается нынѣ по одному рублю серебромъ съ енотовыхъ и по два рубля пятидесяти копѣекъ серебромъ съ медвѣжьихъ и другихъ съ фунта, и дозволенъ привозъ съ тарифною пошлиною всякой мягкой рухляди, кромѣ шкуръ бобровыхъ, выдровыхъ, выпоротковыхъ, собольихъ, норскихъ котиковъ, собакъ и тюленьихъ, равно какъ всякихъ мѣховыхъ издѣлій. Мягкая рухлядь російской промышленности и на російскихъ корабляхъ привозимая была прежде освобож-

дена отъ пошлиды, но въ выдѣвшемъ тарифѣ сдѣлано лекціо-
нѣе, для выдровыхъ и куньихъ шкуръ, привозимыхъ въ порты ар-
хангельской губерніи поморскими жителями: въ отвращеніе ущер-
ба таможенному доходу отъ беспошлиннаго ввозу этихъ шкуръ
иностраннаго происхожденія, подъ названіемъ россійскихъ, онѣ
обложены привозною пошлиною: выдровыя по шестидесяти ко-
пѣекъ серебромъ, а куньи и лисьи по сорока-пяти копѣекъ се-
ребромъ съ фунта. По этимъ же видамъ правительство приняло
мѣры въ отношеніи къ беспошлинному привозу иностранной мягкой
рухляди чрезъ Финляндію: въ 1837 году привозъ оттуда выдро-
выхъ и куньихъ шкуръ запрещенъ, а въ 1841 году ограниченъ
привозъ лисьихъ красныхъ шкуръ тѣмъ количествомъ тамошнихъ
мѣховъ этого роду, какое по собраннымъ свѣдѣніямъ, можетъ
быть вывозимо изъ разныхъ губерній Финляндіи, всего до деся-
ти тысячъ штукъ въ годъ, съ надлежащими свѣдѣтельствами о
тамошнемъ ихъ происхожденіи; при чемъ постановлено со всего
количества, превышающаго опредѣленное для каждой губерніи
число шкуръ, взимать пошлину, установленную съ лисьихъ шкуръ
привозимыхъ въ порты архангельской губерніи поморскими ея
жителями; въ то же время запрещенъ привозъ чернобурыхъ ли-
сицъ изъ Финляндіи, а красныя лисьи шкуры дозволено приво-
зить только чрезъ санктпетербургскую таможену.

Послѣдствія тарифныхъ постановленій, въ отношеніи къ привозу
мягкой рухляди, изданыхъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, обна-
руживаются изъ поясненій къ слѣдующей табели.

Среднія суммы привоза по европейской торговлѣ:

	Въ 1824—28 г.	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.	
Черезъ Бѣломорскіе порты на	20	—	20,723	77,089	р. с.
— Санктпетербургъ и дру- гіе порты на	31,373	111,282	156,057	331,319	—
Черезъ сухопутную границу на	9,190	2,437	42,288	193,694	—
— прочія мѣста				1,383	—
Итого	40,563	131,719	219,068	613,485	—
Изъ Финляндіи	4,179	10,650	8,430	14,993	—
Всего вообще	44,742	142,369	257,498	628,478	—

Привозъ мягкой рухляди увеличился въ послѣдній періодъ на

167 процентов противъ предъидущаго, на 340 процентовъ противъ втораго и въ четырнадцать разъ противъ перваго періода. Значительнѣйшее приращеніе этой отрасли торговли началось съ 1837 года, съ-тѣхъ-поръ какъ сбавлена пошлина съ енотовыхъ и медвѣжьихъ шкуръ. Съ того же времени умножился привозъ мягкой рухляди черезъ Санктпетербургъ и другія портовые таможи, равно какъ по сухопутной границѣ, гдѣ до тѣхъ-поръ мягкой рухляди провозилось очень мало чрезъ таможи.

Обложеніе, съ 1835 года, привозною пошлиною въ бѣломорскихъ портахъ лисьихъ, куныхъ и выдровыхъ шкуръ, безъ различія російскаго и норвежскаго лову, установило съ-тѣхъ-поръ правильный ввозъ этихъ шкуръ въ упомянутые порты, съ платежемъ тарифной пошлины.

Привозъ мягкой рухляди изъ Финляндіи весьма уменьшился съ 1837 года, по запрещеніи ввозить оттуда выдровыя и куньи шкуры; но увеличился съ 1841 года, по случаю разрѣшенія привоза красныхъ лисьихъ шкуръ съ пошлиною; беспошлинный же пропускъ мѣховъ этого роду финляндскаго происхожденія ограниченъ опредѣленнымъ количествомъ ихъ, именно десять тысячъ шкуръ во всей Финляндіи.

Иностранная мягкая рухлядь покупается для Россіи преимущественно на лейпцигскихъ ярмаркахъ: отсюда доставляются енотовыя, медвѣжьи и другія шкуры частью сухимъ путемъ, черезъ Пруссію и Австрію, частью черезъ Санктпетербургъ, куда онѣ привозятся также изъ Лондона, гдѣ находится главная складка американской мягкой рухляди. Выдровыя, рысьи и выхухольи шкуры отправляются также отъ разныхъ портовыхъ и пограничныхъ таможенъ, за таможенными клеймами, въ Кяхту, для проѣзда Китайцамъ, а енотовыя и медвѣжьи шкуры распродаются внутри государства. Привозъ этихъ шкуръ къ санктпетербургскому порту увеличился слишкомъ вдвое современи сбавки съ нихъ таможенной пошлины: въ 1830—1836 годахъ, среднимъ числомъ, привезено ихъ 36,667 штукъ, а въ 1837—1843 годахъ, 78,473 штуки.

II.

Изъ *азіатской торговли*, привозятся въ Россію мерлушки, корсаки, лисьи, куньи, волчьи и другія шкуры; нѣкоторая часть ихъ

идеть отъ пограничныхъ таможенъ, съ оренбургской и сибирской линіи, въ Кяхту, для промѣна Китайцамъ.

Привозъ азіатской мягкой рухляди представляетъ значительное приращеніе, какъ видно изъ слѣдующихъ выводовъ.

Среднія суммы.

	Среднія суммы.			
	Въ 1824—1828 годахъ.	Въ 1829—1833 годахъ.	Въ 1834—1838 годахъ.	Въ 1839—1843 годахъ.
Черезъ Оренбургскую и Сибирскую линіи.	на 126,093	237,026	304,372	325,234 р.
Черезъ закавказскую границу. —	16,576	44,835	71,840	121,391 —
Въ каспійскіе порты.	11,626	13,539	6,210	9,644 —
Всего.	на 154,295	295,400	382,422	456,359 р.

Въ томъ числѣ:

Изъ Азіатской Турціи.	изъ свѣдѣній.	36,906	47,637 р.
— Персіи.		39,558	82,032 —
— Киргизской степи.		120,602	113,622 —
— Бухаріи.		91,109	118,136 —
— Ташкента.		78,899	95,195 —
— Хивы.			

Привозъ мягкой рухляди изъ Азій увеличился почти въ-трое. Такое значительное приращеніе его послѣдовало частью отъ умноженія сбыта этихъ товаровъ внутри Россіи, частью отъ усилившагося промѣна ихъ Китайцамъ, въ Кяхтѣ.

Большая часть пушныхъ товаровъ доставляется чрезъ оренбургскую и сибирскую линіи, изъ Киргизской степи, Бухаріи и Ташкента. Средняя сумма этого привоза въ послѣднее десятилѣтіе составляла отъ 300 до 325 тысячъ рублей серебромъ; въ сравненіи съ первымъ періодомъ увеличилась въ 1839 — 1843 годахъ почти на 158 процентовъ.

Привозъ мягкой рухляди изъ Персіи и Азіатской Турціи чрезъ закавказскую границу незначителенъ; небольшое количество ея доставляется въ каспійскіе порты. Должно замѣтить, впрочемъ, что ввозъ мягкой рухляди изъ Персіи чрезвычайно увеличился: въ послѣдній періодъ привезено оттуда слишкомъ на сто процентовъ болѣе, чѣмъ въ предъидущій.

Привозъ азіятской мягкой рухляди означается въ «Видахъ торговли» только на общую сумму, и потому неизвѣстно сколько получается каждаго товару порознь. По этой же причинѣ нельзя сообщать здѣсь подробныхъ свѣдѣній о сбытѣ русской мягкой рухляди въ разныя азіятскія земли; впрочемъ, за исключеніемъ отпуска въ Китай, вывозъ ея въ Азію, составляетъ незначительную сумму, а именно:

Отпущено мягкой рухляди въ Азію, (кромя Китая), среднюю сумму:

Въ 1824—1829 годахъ на	58,432	рубл. серебромъ.
— 1829—1833 ————	58,659	— ————
— 1834—1838 ————	35,598	— ————
— 1839—1843 ————	26,698	— ————

Въ послѣдній періодъ цѣнность этого отпуска была слишкомъ вдвое менше, чѣмъ въ первое пяти-лѣтіе.

Важнѣйшимъ истокомъ для сбыта мягкой рухляди служитъ Китай, куда съ давняго времени постоянно вывозятся изъ Россіи разныя пушныя товары. Отпускъ ихъ въ одно это государство, какъ выше замѣчено, превосходитъ даже сумму совокупнаго вывоза ихъ изъ Россіи во всея другія страны.

По промѣннымъ цѣнамъ, отпускъ мягкой рухляди изъ Россіи въ Китай составлялъ слѣдующія суммы:

	Русской.	Иностранной.
Въ 1824 году	4,016,284	65,652 рублей.
— 1825 —	2,769,931	135,600 ————
— 1826 —	2,734,673	210,659 ————
— 1827 —	3,667,418	160,386 ————
— 1828 —	2,616,307	303,096 ————
<hr/>		
Средняя сумма	3,160,702	176,078 ————
<hr/>		
Въ 1829 году	3,252,168	288,164 рублей.
— 1830 —	2,663,646	385,184 ————
— 1831 —	2,658,069	346,046 ————
— 1832 —	3,425,129	505,788 ————
— 1833 —	2,848,947	246,210 ————
<hr/>		
Средняя сумма	2,969,589	334,278 ————

Въ 1834 году	2,684,182	390,956	рублей.
— 1835 —	2,298,582	94,184	—
— 1836 —	2,687,133	302,381	—
— 1837 —	2 775,600	377,596	—
— 1838 —	2,591,030	277,190	—
<hr/>			
Средняя сумма	2,607,595	298,451	—
<hr/>			
Въ 1839 году	2,113,649	296,450	—
— 1840 —	2,419,860	402,790	—

Съ 1841 года «Виды торговли» показываютъ сумму промѣн-
ныхъ товаровъ по объявленнымъ цѣнамъ. Изъ этихъ отчетовъ
видно, что дѣйствительный вывозъ мягкой рухляди, по объявлен-
нымъ отъ купечества цѣнамъ составлялъ:

	Русской.	Иностранной.	
Въ 1841 году	1,811,267	264,680	руб. сер.
— 1842 —	1,176,985	223,696	—
— 1843 —	1,112,476	205,213	—
— 1844 —	1,298,385	184,352	—
— 1845 —	1,656,951	249,889	—
<hr/>			
Средняя сумма	1,411,213	225,606	—

Такъ какъ промѣнныя цѣны на ассигнаціи установлены въ
1800 году, когда ассигнаціонный рубль равнялся серебряному и,
съ того времени эта такса оставалась неизмѣнною, то всѣ суммы,
показанныя въ вѣдомости объ отпускѣ мягкой рухляди съ 1824
по 1840 годъ включительно, слѣдуетъ считать не на ассигнаціи,
а на серебро; въ противномъ же случаѣ разность между промѣн-
ными и объявленными цѣнами выходитъ слишкомъ велика. При-
нявъ въ основаніе такой расчетъ, находимъ, что сбытъ русской
мягкой рухляди въ Китай значительно уменьшился въ новѣйшее
время. Къ сожалѣнію, въ «Видахъ торговли» съ 1824 года этотъ
отпускъ показывается, по цѣнѣ, въ общемъ итогѣ, безъ означе-
нія рода и количества промѣнныхъ Китаичамъ пушныхъ това-
ровъ; но имѣя, подъ рукою, частныя достовѣрныя свидѣнія о
промѣнѣ мягкой рухляди за 1841, 1842 и 1843 годы, мы срав-
нимъ его съ количествами отпуска этого товара, показанными въ
«Видахъ торговли» за 1817, 1818 и 1819 годы. Въ эти два пе-
ріода, раздѣленные промежуткомъ четырнадцати лѣтъ, промѣно
мягкой рухляди по трехлѣтней сложности:

И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

15

	Въ	Въ	Въ	
	1841—1848	1817—1819	1841—1848	
	ГОДАХЪ.	ГОДАХЪ.	ГОДАХЪ.	
			Болѣе.	Менѣе.
Мерлушки: русской . . .	2,468,133 шт.	5,806,120 шт.		3,337,987 шт.
бухарской . . .	143,708			
	2,611,841.			
Бѣлокъ	5,580,715	16,208,205		10,627,490
Выдры: русской	38,634	22,256		16,348
иностранной	15,088			
	53,722.			
Бѣбровъ	30,826	18,975		11,851
Лисьихъ лапъ	939,645			
Кошки: домовою	760,186	1,726,712		966,526
степною	6,168			
	766,354.			
Лисицъ	57,282	101,737		44,155
Рысей: русскихъ	7,930	6,762	1,168	
иностранныхъ	31,652			
	39,582.			
Морскихъ кошкочъ	28,352	31,119		2,767
Песцовъ	162,944	199,131		36,182
Корсаковъ: русскихъ . . .	55,006	80,161		25,155
иностранныхъ	99,520			
	154,526.			
Горностаевъ	327,640	114,850	212,790	
Хвостовъ бобровыхъ . . .	3,498			
Лисицъ караганокъ	21,206			
Лисъ песцовыхъ	155,896			
Выкутомъ: русской	41,954	325,465		283,511
иностранной	11,574			
	53,478.			
Собольихъ лапъ	66,785			
Хорьковъ	20,359			
Волчьихъ шкуръ	3,319			
Росомахъ	1,807			
Хвостовъ хорьковыхъ . . .	26,969			
Рысьихъ лапъ	3,245			
Соболей	245			

Изъ этой вѣдомости видно, что промѣвъ почти всѣхъ родовъ мягкой рухляди уменьшился; въ значительнѣйшей пропорціи упалъ сбытъ бѣлки и мерлушки. Несмотря на то, эти пушные товары принадлежатъ донинѣ къ главнымъ статьямъ кяхтинскаго торгу. По объявленнымъ цѣнамъ, въ 1841 — 1843 годахъ, промѣвно, по трехлѣтней сложности:

Мерлушки	на 1,516,957 рублей.
Бѣлки	655,894 —
Выдры	561,563 —
Бобровъ	523,105 —
Лисьихъ лапъ	293,423 —
Кошки	240,648 —
Рысей	231,579 —
Лисицъ	213,823 —
Морскихъ котиковъ	188,461 —
Песцовъ	175,828 —
Корсаковъ	117,516 —
Прочей мягкой рухляди	74,300 —

Всего . . . 4,793,397 рублей.

или 1,597,799 руб. сер. въ годъ.

Мерлушка промѣнивается на значительнѣйшую сумму въ сравненіи съ другими пушными товарами. Китайцы покупаютъ преимущественно бѣлую украинскую и черную забайкальскую. Первая, по своей дешевизнѣ, всегда требуется болѣе чѣмъ бѣлая забайкальская; а черная мерлушка забайкальская, по своей отличной добротѣ, предпочитается Китайцами всякой другой. Украинская черная и пестрая, въ сравненіи съ бѣлою, привозится въ маломъ количествѣ и промѣнивается дешевле бѣлой. Рѣшетловская мерлушка (большою частью черная) походитъ на сибирскую курчавостью волоса и цѣнится дороже украинской обыкновенной, но дешевле забайкальской. Этой мерлушки доставляется самое малое количество и не каждый годъ. Бухарской мерлушки поступаетъ въ промѣвъ гораздо менѣе нежели русской. Она бываетъ сѣрая и черная; первая предпочитается и цѣнится дороже.

Изъ всей мягкой рухляди въ наибольшемъ количествѣ промѣ-

дается *бѣлка*, собираемая въ разныхъ краяхъ Россіи и раздѣляемая, по цвѣту волоса, вообще на темную и свѣтлую, подъ разными названіями, по мѣстамъ, гдѣ она родится. Бѣлка бываетъ свѣтлѣе чѣмъ западнѣ лежать мѣста, гдѣ она водится; темная обитаетъ въ Восточной Сибири, и къ этому роду принадлежатъ: охотская, аргунская, перчинская, верхнеудинская, таннозабайкальская, якутская, олекминская, тувинская и иркутская, а свѣтлый родъ составляютъ бѣлки лесская, ангарская, вилюйская, енисейская, красноярская, нижнеудинская, чулымская, кузнецкая, обская, телеутская, иртышская, заводская, вологодская или зырянка. Каждый видъ бѣлки имѣетъ свое достоинство по пушнотѣ волоса и величинѣ шкурки, но темная вообще предпочтается свѣтлой. Разность въ цвѣтѣ волоса такъ велика, что обская, иртышская и вологодская бѣлка или зырянка отличается совершенно противоположнымъ цвѣтомъ отъ охотской и перчинской бѣлки.

Бобры, и *морскіе котки* промѣниваются на Кяхтѣ отъ Россійско-Американской Компаніи, и самая малая часть только низшихъ рѣчныхъ бобровъ случается у другихъ торговцевъ. Камчатскіе бобры привозятся въ Кяхту, для промѣну Китайцамъ послѣ отборки лучшихъ на продажу внутри Россіи. Рѣчные сибирскіе и другіе бобры бываютъ очень низкой доброты въ сравненіи съ камчатскими.

Выдра лучшая, охотская, привозится отъ Россійско-Американской Компаніи и частью другими торговцами, но въ меньшемъ количествѣ нежели прочая выдра русская, которая гораздо ниже охотской. Армянскою называется выдра, ловимая въ теплыхъ странахъ и составляющая послѣдній сортъ; ее привозятъ большею частью Армяне на нижегородскую ярмарку. Выдра, получаемая изъ архангельской губерніи, подходит добротой къ норвежской, которая доставляется въ Кяхту черезъ Архангельскъ. Иностранная лучшая выдра требуется Китайцами потому, что этимъ мѣхомъ обшиваютъ зимнее придворное платье.

Лисицы, которыми производится большой торгъ на Кяхтѣ, известны подъ названіями бѣлодушекъ (красножелтыя съ бѣлою на душкѣ полосой) и караганокъ (сѣроватая съ голубымъ волосомъ); въ маломъ числѣ промѣниваются сиводушки (похожія на бѣлодушекъ, только съ темно или свѣтлосѣрою на душкѣ полосой), а еще менѣе сивобурыя, чернобурыя и бѣлыя (полярныя

Изъ лисицъ лучшая по пушности, величинѣ и цвѣту—камчатская и колымская; потомъ слѣдуетъ такъ-называемая якутская, ленская, забайкальская; стѣнные лисицы свѣтложелтымъ цвѣтомъ похожи на забайкальскихъ, но волосомъ ниже и величиною меньше. Кореяки подходятъ цвѣтомъ къ караганкамъ, только шкура меньше, а волосъ ниже и грубѣе. Послѣдніе два рода лисицъ вымѣниваются у Киргизовъ на оренбургской и сибирской линіи и оттуда доставляются въ Кяхту для промѣна Китайцамъ.

Кошка, промѣниваемая Китайцами, различается на домовую и степную. Изъ домовой кошки черная предпочитается разношерстной, цѣнится противъ нее вдвое или втрое дороже и бываетъ иногда въ хорошемъ требованіи. Степная кошка, величиною болѣе домовой, цвѣтомъ похожая на рысь, но волосомъ ниже, сбывается въ маломъ количествѣ, и кромѣ русской, доставляется въ Кяхту, вымѣненная на линіи у Киргизовъ.

Песцы раздѣляются на нѣсколько родовъ, изъ нихъ лучшіе (голубые), привозятся въ Кяхту рѣдко и мало; изъ бѣлыхъ песцовъ, предпочитаютъ *недотески*, за ними слѣдуютъ *спялки*, *чалшики*, *крестоватики*, *норонки* и *конанцы*.

Рисы привозятся въ Кяхту, кромѣ русскихъ, также иностранныя; но первыя предпочитаютъ, по величинѣ и пушиному волосу.

Выухоль, получаемая изъ Америки чрезъ Санктпетербургъ, въ маломъ количествѣ промѣнивается Китайцамъ; они красятъ выухоль въ черный цвѣтъ и обшиваютъ ею околоски шапокъ и обшлага.

Горностаи доставляются изъ разныхъ мѣстъ Сибири; лучшій почитается барабанскій, потомъ ишимскій, а енсейскій и якутскій составляютъ низкіе сорта.

Соболей требуется Китайцами очень мало и лучшіе сорта почти вовсе не сбываются на Кяхтѣ; за отборкою хорошихъ, промѣниваются здѣсь валюйскіе, якутскіе, баргузинскіе, чикойскіе и камчатскіе.

Хорьки или *холопки*, въ маломъ количествѣ промѣниваются на Кяхтѣ; но хвосты хорьковые бываютъ въ хромѣемъ требованіи и употребляются для выдѣлки кистей, которыми пишутъ Китайцы.

Росомахи вымѣниваются Китайцами для Монголовъ, которые употребляютъ ихъ на опушки шапокъ.

Лапы лисы сбываются въ значительномъ количествѣ, наиболѣе бѣлодущатыхъ лисицъ, а менѣе идутъ въ промѣвъ лапы черныхъ, чернобурыхъ и другихъ темныхъ сортовъ, равно какъ сѣвдущатыхъ лисицъ; вообще передняя лапа цѣнится дороже задней. Такъ-называемыя московскія (отрѣзываемыя, при выдѣлкѣ мѣховъ въ Москвѣ), промѣниваются наиболѣе; однако выше ихъ цѣнятся сибирскія, потому что отрѣзываются отъ лучшихъ, а московскія отъ разныхъ лисицъ. Лапы степныхъ лисицъ грубѣе волосомъ и свѣтлѣе московскихъ, но лучше польскихъ и украинскихъ. Сверхъ-того, въ небольшомъ количествѣ промѣниваются лапы: *песцовыл, соболы и рысы*.

Вообще въ кяхтинской мѣховою торговлѣ, самый лучший и большой сбытъ имѣютъ шкуры мелкихъ и легкихъ звѣрей.

Мѣха или выдѣланная мягкая рухлядь промѣнивается Китайцамъ въ ничтожномъ количествѣ, потому что они сами отлично выдѣлываютъ мѣха и притомъ мягкая рухлядь, выдѣланная, скорѣе подвергается порчѣ.

Сбытъ мягкой рухляди въ Китай составляетъ повнѣ важнѣйшій источникъ доходовъ для сибирской мѣховою промышленности, хотя эта отрасль торговли, въ сравненіи съ прежнимъ ея процвѣтаніемъ, находится теперь въ упадкѣ, начавшемся съ тѣхъ-поръ какъ усилился промѣвъ Китайцамъ суконъ нашихъ фабрикъ. Такимъ образомъ, развитіе одной отрасли торговли стѣснило здѣсь другую, и какъ скорѣе можно ожидать постепеннаго уменьшенія нежели приращенія звѣроловныхъ промысловъ въ Сибири, то по всей вѣроятности, сибирская мягкая рухлядь будетъ болѣе и болѣе вытѣвляема изъ кяхтинскаго торгова сукна и другими товарами. Въ какой мѣрѣ уже обнаружился этотъ переломъ въ нашей торговлѣ съ Китаемъ можно видѣть изъ слѣдующаго вывода.

По промѣннымъ цѣнамъ отпущено въ Китай:

Мягкой рухляди:	Въ 1821—1823 г.	Въ 1836—1840 г.
Русской на	3,160,702	2,591,454 руб.
Иностранной на	176,078	323,283 —
Суконъ и прочіихъ товаровъ .	3,242,815	5,464,683 —
Всего	6,579,595	8,379,420 руб.

Этотъ выводъ показываетъ, что промѣвъ русской мягкой ру-

хлѣбъ въ Кяхтѣ уменьшился почти на двадцать-два процента, между-тѣмъ какъ иностранной промѣною въ послѣднѣй періодъ на восемьдесятъ-три процента болѣе нежели въ первый, въ то же время сбытъ суконъ и другихъ товаровъ увеличился на шестьдесятъ-осемь процентовъ. Въ 1824 — 1828 годахъ цѣнность промѣненной мягкой рухляди составляла пятьдесятъ процентовъ, а въ 1836 — 1840 годахъ только тридцать процентовъ всей суммы отпуска товаровъ по кяхтинскому торгу.

Г. Н — Ъ.

=

СРЕДСТВА

КЪ УВЕЛИЧЕНІЮ ДОХODOBЪ СЪ ИМЪННІЙ.

=

Изъ всѣхъ положительныхъ знаній, какія въ образованномъ обществѣ должны войти въ составъ самой дѣйствительной, практической жизни народа, наука сельскаго хозяйства всего болѣе требуетъ удобнаго приложенія къ дѣлу. Объ этомъ попечительно заботятся правительство и нѣсколько существующихъ въ Россіи агрономическихъ обществъ. Однако жъ не прибѣгая къ околичностямъ, и отбрасывая въ сторону всѣ частности, какъ изъятія изъ общихъ положеній, можно смѣло сказать, что до настоящаго времени, сельское хозяйство, какъ наука, существуетъ само по себѣ, а практическое хозяйство само по себѣ: это два берега рѣки, которые хотя и никогда не расстаются другъ съ другомъ, но —

Увы! и видятся и вѣчно не сойдутся!..

И точно, если принять въ соображеніе огромное количество книгъ, журналовъ, брошюръ и журнальныхъ статей, издающихся ежегодно по части сельскаго хозяйства, то мы почти должны будемъ согласиться, что между наукою и дѣйствительностію существуетъ какая нибудь естественная преграда, въ родѣ рѣки, мѣшающая имъ слиться во одно. Все, что можно сказать въ пользу сближенія практическаго хозяйства съ наукою, заключается въ томъ, что ее, продолжая далѣе наше сравненіе, можно принять за

шагорный берегъ, а практическое хозяйство за луговой, предоставля такимъ образомъ первому возможность перебрасывать на второй въкоторыя части своего богатства, могущія отдѣлиться отъ цѣлаго. Такъ перелетѣло у насъ изъ области науки въ практическую жизнь свеклосахарное производство, улучшенное овцеводство, вѣяльныя и молотильныя машины и въкоторыя другіе, весьма не многіе предметы науки, которые могли оторваться отъ своего основанія.

Можетъ-быть нныя хозяева, занимающіеся своими или въвреншыми ихъ управленію имѣніями, найдутъ несправедливымъ нашъ приговоръ, приведа въ свидѣтельство противнаго значительное увеличение дохода съ имѣній, какое они сдѣлали сами своимъ улучшеннымъ, противъ прежняго, хозяйствомъ. На подобныя возраженія мы скажемъ, что подчинить строгому надзору и внимательному управленію какое либо имѣніе, богатое своимъ матеріальными средствами и между тѣмъ остававшееся впродолженія многихъ лѣтъ безъ надзору, не значитъ еще устроить его рационально и привести въ надлежащій видъ. Увеличить плодородіе земли, черезъ введеніе или необходимое увеличение скотоводства, не значитъ улучшить имѣніе рационально, хотя плоды подобныхъ улучшеній весьма существенны. Всѣ эти и подобныя улучшенія очень похвальны сами по себѣ, какъ похваленъ всякій полезный и честный трудъ, но они нисколько не уничтожаютъ нашего приговора о неподвижности земледѣлія. Напротивъ, чѣмъ болѣе мы найдемъ такихъ хозяевъ, которые очень заботятся объ устройствѣ своихъ имѣній и занимаются ими усердно, тѣмъ скорѣе докажемъ высказанную нами мысль, что въ сельскомъ хозяйствѣ у насъ теорія идетъ врозь съ практикой и что наши хозяева, говоря вообще, занимаются сельскимъ хозяйствомъ чисто практически, наглядно, не прибѣгая къ пособіямъ наукъ, а руководствуясь всего болѣе примѣрами прежнихъ лѣтъ, прежнихъ порядковъ и прежнихъ обычаевъ.

Заключеніе наше мы основываемъ вовсе не на томъ, что у насъ худо вводится многопольная, плодоперемѣнная система, искусственное орошеніе луговъ, живыя изгороди и разныя другія тонкости усовершенствованнаго хозяйства, но собственно только на томъ, что въ нашемъ хозяйствѣ почти нѣтъ ни чему ни мѣры, ни вѣсу; вездѣ и во всемъ руководствуетъ только опытъ, и что самое управленіе земледѣльческими имѣніями рѣшительно не имѣетъ у насъ ни какой опредѣленной системы, — чтобы не сказать, ни какого основанія, — потому что мы рѣшительно не имѣемъ тѣхъ необходимыхъ и математически точныхъ свѣдѣній о всѣхъ состав-

ныхъ частяхъ своихъ имѣній, о ихъ настоящей цѣнности, безъ которыхъ, какъ безъ фундамента, или какъ безъ постоянныхъ точекъ опоры, невозможно произвести ни какого правильнаго движенія, и вообще невозможно создать ничего сознательно разумнаго. Напримѣръ, какія свѣденія имѣютъ господа помѣщики о положеніи ихъ имѣній? Они знаютъ, что у нихъ въ такой-то губерніи и такомъ-то уѣздѣ имѣется столько то душъ крестьянъ и при нихъ столько-то десятинъ земли по генеральному или спеціальному межеванію; знаютъ еще, изъ подворныхъ описей, положеніе каждаго крестьянскаго семейства, то есть изъ какихъ лицъ оно составляется, сколько каждому лѣтъ, и сколько у каждаго семейства имѣется рабочаго и нерабочаго скота; наконецъ, если при имѣніи существуетъ такъ называемая господская запашка, то они знаютъ, какія у нихъ есть хозяйственныя строенія и сколько четвертей хлѣба высѣвается на ихъ поляхъ ежегодно. Всѣ остальные и естественно необходимыя свѣденія о положеніи имѣній пріобрѣтаются живущими на мѣстѣ помѣщиками не иначе, какъ только посредствомъ личныхъ обозрѣній своихъ дачъ и личныхъ сношеній съ крестьянами. Такимъ образомъ они узнаютъ, хотя и не точно, сколько у нихъ въ имѣніи находится собственно пашни, луговъ, лѣсу и разныхъ другихъ угодій; какой цѣнности, то есть какого качества и достоинства каждое изъ этихъ угодій; узнаютъ, сколько крестьяне высѣваютъ хлѣба, скашиваютъ сѣна, и сколько получаютъ или могутъ получить ежегодно отъ своей земли естественныхъ прибытковъ; тутъ же узнаютъ, какія имѣнія имѣютъ особенныя выгоды или невыгоды по своему мѣстному положенію, то есть по близости или отдаленности отъ городовъ, пристаней, сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ, и отъ большихъ торговыхъ селеній, и прочаго. Однимъ словомъ, всѣ свѣденія, на которыхъ единственно могутъ основываться соображенія къ лучшему устройству имѣнія и къ извлеченію изъ него возможнаго дохода, всѣ эти свѣденія пріобрѣтаются не иначе какъ наглядно, черезъ личныя обозрѣнія всѣхъ составныхъ частей имѣнія и отношеній ихъ къ предметамъ окружающимъ.

Положимъ, — хотя мы съ этимъ не вполне согласны, — что подобныя практическіе способы для познанія земледѣльческихъ имѣній очень не дурны — на основаніи того, что собственныя и внимательный взглядъ на какой-либо предметъ не можетъ быть ниже его описанія или картиннаго изображенія; — но для многихъ ли помѣщиковъ способы эти возможны? вотъ вопросъ! Не

трудно согласиться, что они, къ-несчастью, возможны только для немногихъ, и именно для тѣхъ помѣщиковъ, которые имѣютъ не слишкомъ большія имѣнія, и которые могутъ сами хозяйничать. Или по-крайней-мѣрѣ могли лично и точно ознакомиться съ положеніемъ своихъ имѣній. Но владѣльцы отсутствующіе, владѣльцы большихъ и нѣсколькихъ, въ разныхъ частяхъ находящихся имѣній, съ которыми рѣшительно невозможно вполнѣ ознакомиться самому черезъ бѣглыя рекогносцировки, владѣльцы подобныхъ имѣній имѣютъ ли какіе-нибудь способы узнать истинную цѣнность своихъ имѣній, или, что все одно, количество дохода, какое они могутъ привести? Рѣшительно ни какихъ! Сколько приносится доходу, столько, значитъ, и подлежитъ: количество его по необходимости принимается за надлежащее, истинное количество процентовъ съ капитала неизвѣстной мѣры.

Само собою разумѣется, что проистекающая оттого невозможность контролировать дѣйствія лицъ имѣніями завѣдывающихъ, необходимо ведетъ за собою уменьшеніе доходовъ.

Можно съ небольшимъ пожертвованіемъ труда и капитала привести каждое изъ населенныхъ имѣній въ такую обстоятельную извѣстность, что и въ далекѣ отъ нихъ можно быть съ ними вполнѣ знакомымъ, и, на основаніи того знакомства, можно въ высшемъ управленіи сосредоточить правильный и строгій контроль надъ дѣйствіями мѣстныхъ управленій. Предметомъ настоящей статьи мы предположили, указать на самыя легчайшіе и самыя простые способы къ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, прослѣдя существующее объ этомъ положеніе въ уставѣ о хозяйственномъ управленіи казенныхъ населенныхъ имѣній, Сводъ Законовъ, томъ VIII. Прежде, однако, нежели приступимъ къ изложенію самаго процесса производства оцѣнки, мы считаемъ необходимымъ еще немножко оговориться.

Если мы рѣшились говорить о пользѣ и необходимости наукообразной оцѣнки (таксаціи) недвижимыхъ имуществъ, то только по убѣжденію, что въ настоящее время это будетъ весьма кстати; только по тому одному, что въ настоящее время, идея кадастра становится въ большинствѣ очень замѣчательною идеею. Теперь многимъ понятно, что въ чисто-земледѣльческихъ имѣніяхъ дѣйствительный доходъ приносятъ земля, а не крестьяне, и что если они раб таютъ на насъ три дѣя въ недѣлю, или платятъ какой-нибудь соразмѣрный этому оброкъ, то они вовсе не дѣлаютъ намъ этимъ одолженія, а только выплачиваютъ извѣстную ренту за пользованіе данною имъ землею.

Все это такъ! все это многимъ очень хорошо извѣстно; не признаемся, мы бы не рѣшились говорить, какъ о новости, о пользѣ кадастра, еслибы не были вѣстѣ съ тѣмъ увѣрены, что еще для многихъ и очень для многихъ изъ нашихъ хозяевъ предметъ этотъ сущая новость. *Положеніе о люстраціи государственныхъ имуществъ западныхъ губерній*, вложенное въ приложеніи къ статьѣ 13 Свода Законовъ устава о хозяйственномъ управленіи казенныхъ населенныхъ имѣній, можетъ очень хорошо ознакомить съ идеєю кадастра. Мы рѣшились указать на него, будучи той мысли, что это положеніе, по своему спеціальному заглавію, могло ускользнуть отъ вниманія многихъ.

Приступимъ къ дѣлу.

Въ уставѣ о хозяйственномъ управленіи казенныхъ населенныхъ имѣній между прочимъ сказано:

Ст. 10. Главные предметы устройства и управленія въ каждомъ казенномъ имѣніи суть:

1) Производство люстраціи имѣнія, или регулированія и таксаціи, и составленіе инвентаря, или вагенбуха и эншлага....

Ст. 11. Описаніе казенныхъ имѣній, для приведенія въ извѣстность всѣхъ составныхъ частей ихъ, для изчисленія дохода, или приноснаго, и для опредѣленія денежныхъ и натуральныхъ повинностей крестьянъ, именуется, въ губерніяхъ Западныхъ, люстраціею, а въ губерніяхъ Остзейскихъ *регулируваніемъ и таксаціею казенныхъ имѣній*....

Намъ кажется, что если изъ этихъ двухъ статей исключить слова «казенномъ» и «казенныхъ» то смыслъ ихъ ни сколько не измѣнится, то есть: что главные предметы устройства и управленія въ каждомъ имѣніи останутся тѣ же: производство люстраціи имѣнія, или регулированія и таксаціи, и прочая. И такъ, не распространяясь болѣе о пользѣ и необходимости люстраціи всѣхъ частныхъ земледѣльческихъ имѣній, мы приступимъ прямо къ краткому изложенію главныхъ основаній самаго положенія о люстраціи государственныхъ имуществъ Западныхъ губерній.

Предметы люстраціи суть: 1) Приведеніе въ точную извѣстность земель, лѣсовъ, оброчныхъ статей, хозяйственныхъ и фабричныхъ заведеній и строеній, къ имѣнію принадлежащихъ. 2) Распределеніе между экономіею и обывателями земель и угодій. 3) Опѣнка ихъ. 4) Опредѣленіе хозяйственныхъ повинностей 5) Изчисленіе дохода отъ имѣній.

Для приведенія этого надлежитъ: 1) Измѣрять люструемое имѣніе и показать существующее въ немъ раздѣленіе земель и уго-

дѣй и ихъ качество. 2) Составить настоящему состоянію имѣнія статистическое и инвентарное описаніе. 3) Раздѣлить крестьянъ имѣнія на разряды. 4) Распредѣлить земли и угодья имѣнія. 5) Оцѣнить доходъ отъ нихъ получаемый. 6) Назначить и оцѣнить хозяйственныя повинности. 7) Опредѣлить размѣръ общественаго сбора и статей дохода, поступающихъ въ разные виды устанавливаемые капиталы. 8) Исчислить хозяйственный доходъ съ имѣнія. 9) Составить имѣнію инвентарь.

Слѣдуя этому опредѣленію предметовъ и главныхъ дѣйствій при производствѣ люстраціи, мы рассмотримъ нѣкоторыя главы положенія о ней въ той подробности, какая необходима для уразумѣнія дѣла.

Измѣреніе земель.

Первымъ приступомъ къ производству люстраціи должна быть подробная съемка на планъ, чрезъ землемѣровъ, всего люструемаго имѣнія. Эта хозяйственная съемка отличается отъ всѣхъ другихъ геодезическихъ съемокъ, во-первыхъ тѣмъ, что здѣсь требуется самое аккуратнѣйшее и подробнѣйшее измѣреніе всѣхъ земляныхъ угодій по роду ихъ, съ отдѣльнымъ изчисленіемъ площади каждаго клочка земли, означеннаго на планѣ особымъ контуромъ; во-вторыхъ тѣмъ, что кромѣ естественнаго раздѣленія земель и угодій, здѣсь должны быть измѣрены и раздѣлены земли по ихъ назначенію, то есть, господскія отъ крестьянскихъ, одной деревни отъ другой, одного поля отъ другаго, и наконецъ земли общественныя, остающіяся въ пустѣ, или имѣющія какое-либо особое назначеніе. Кромѣ всего этого, здѣсь самыя однородныя земли, какъ-то, пахотныя и сѣнокосныя, должны еще подраздѣляться на разряды, если онѣ не одинаковаго качества или достоинства. При люстраціи государственныхъ имуществъ Западныхъ губерній принято, пахотныя земли раздѣлять на двѣ и не болѣе какъ на три степени, то есть: на хорошія, посредственныя и худыя, сѣнокосныя земли на нагорныя, луговыя и болотныя. Гдѣ качество сѣнокосныхъ земель разнообразнѣе, тамъ нагорныя и луговые сѣнокосы раздѣляются еще на хорошіе, посредственные и худые; болотныя на посредственные и худые. Для опредѣленія такимъ образомъ степеней земель, приглашаются мѣстные управители и добросовѣстные изъ старожилыхъ крестьянъ и прочихъ сельскихъ обывателей; по экономическимъ же

землянь фольварковая прислуга и въ особенности тѣ лица, которыя употреблены были для посѣва и исчисления копевъ собраннаго хлѣба; также принимается въ соображеніе сложность урожая и свѣденія о томъ, гдѣ какой хлѣбъ преимущественно родится. Всѣ эти свѣденія собираются для землемѣровъ въ то время, пока они производятъ съемку, на основаніи ихъ они означаютъ на планахъ качества и степени доброты земель.

Кажется, не нужно объяснять, что эта сравнительная оцѣнка земель, или раздѣленіе ихъ на разряды, по качеству, не составляетъ труднаго предмета. Крестьяне, и пменно сами крестьяне, могутъ прекрасно указать и разсказать, на сколько какая часть полей или луговъ добрѣе другихъ. Всѣ же прочія свѣденія о пространствахъ и положеніи каждаго изъ земляныхъ угодій, составляются непосредственно землемѣромъ; стоятъ только разъяснить ему цѣль, для которой съемка предпринята.

Составленіе статистическаго и инвентарнаго описанія имѣнію.

Статистическое описаніе должно заключать въ общихъ чертахъ: а) обзоръ мѣстоположенія имѣнія, съ показаніемъ разстоянія отъ губернскаго и уѣзднаго городовъ, отъ ближайшихъ торговыхъ мѣстъ, славныхъ рѣкъ и большихъ дорогъ; б) количество земель и угодій съ показаніемъ качества ихъ, главнѣйшихъ произведеній имѣнія и удобства сбыта; в) число фольварковъ и приписанныхъ къ нимъ селеній; г) число душъ и дворовъ по фольваркамъ, съ означеніемъ хозяевъ по разрядамъ, и д) промышленность обывателей. Здѣсь также помѣщаются свѣденія о вѣровсповѣданіи жителей въ имѣніи, о существующихъ тамъ церквахъ, и вообще о всѣхъ выгодахъ и недостаткахъ имѣнія.

Инвентарное описаніе должно заключать въ себѣ подробное описаніе: а) всѣхъ строеній экономическихъ домовъ, лавокъ, фабрикъ и заводовъ, мельницъ, корчемъ, рыбныхъ ловель, прочихъ оброчныхъ статей, и тому подобное; б) инвентарной экономической принадлежности скота, земледельческихъ орудій, фабричныхъ и заводскихъ инструментовъ, вѣсовъ, мѣръ, и тому подобное; в) всей прочей движимости, не составляющей принадлежности хозяйства, какъ то: валочныхъ продуктовъ, мебели и тому подобнаго; и г) инвентаръ обывателей имѣнія.

Раздѣленіе крестьянъ на разряды.

Раздѣленіе крестьянъ на разряды, то есть на тяглыхъ, полутяглыхъ, бобылей и прочихъ, такой предметъ, который очень

хорошо знакомъ каждому хозяину. Однако любопытные и въ этой главѣ положенія о люстраціи найдутъ нѣчто новое, достойное вниманія. Напримеръ, казна въ разрядъ тяглыхъ назначаетъ такихъ хозяевъ, которые имѣютъ не менѣе двухъ головъ рабочаго скота; а въ разрядъ полу-тяглыхъ такихъ, которые имѣютъ рабочаго скота менѣе двухъ головъ. Намъ, однако, слѣдуетъ сказать только, что раздѣленіе крестьянъ на разряды, или, другими словами, точное опредѣленіе числа крестьянскихъ тягалъ въ имѣніи, должно быть произведено во время съёмки дачи на планъ.

Распределение земель и угодій.

Существующее у насъ хозяйственное распределеніе земель въ большей части имѣній, есть распределеніе допотопное, сдѣланное по наглядной смѣлкѣ, и слѣдовательно распределеніе далеко не точное, далеко не соответственное истинному требованію. Можетъ быть причиною такой невнимательности нашихъ хозяевъ къ объясняемому предмету, есть, съ одной стороны, изобиліе въ землѣ, а съ другой, малая ея цѣнность; однако всё-таки, это ни сколько не оправдываетъ ихъ равнодушія къ разумному распределенію своего основнаго капитала на должныя по положенію имѣнія части. Какъ бы ни былъ великъ избытокъ въ землѣ и какъ бы ни была мала ея цѣнность, но если вся эта земля обрабатывается, если она требуетъ тяжелаго труда со стороны земледѣльца, и приноситъ какой-нибудь доходъ, то, слѣдовательно, она составляетъ капиталъ, и, слѣдовательно, должна быть раздѣлена, въ хозяйственномъ отношеніи, съ тою точностію, съ какою обыкновенно дѣлятся всякаго роду капиталы. Трудно назвать истиннымъ хозяиномъ того, который вводя разнородныя улучшенія по своему хозяйству, не позаботился прежде всего распредѣлить земли имѣнія, по правиламъ науки, на требующіяся части.

При распределеніи земель и угодій, въ разсматриваемомъ нами положеніи о люстраціи, прежде всего постановляется правиломъ сообразить: на какомъ положеніи имѣніе находится, на хозяйственномъ ли или на поземельномъ оброчномъ? и на основаніи этого положенія распредѣлять земли.

Усадебныя земли постановлено оставлять у крестьянъ по прежнему, а въ случаѣ изобилія въ земляхъ и въ особенности тамъ,

гдѣ разведеніе садовъ и огородовъ можетъ принести значительный доходъ, предоставляется землѣ эти увеличивать.

Для опредѣленія общей пропорціи пахатной и сѣнокосной земли, слѣдующей въ надѣлъ крестьянамъ, приводится въ извѣстность число ревизскихъ душъ мужескаго пола и потомъ назначается на каждую душу пахатной земли по одной десятинѣ въ каждомъ полѣ, а сѣнокосной, по полудесятинѣ въ одинъ рядъ. Это общее количество земли раздѣляется уже между крестьянскими хозяйствами (тяглами) поровну, гдѣ число ревизскихъ душъ въ каждомъ тяглѣ находящихся, ни въ какой расчетъ не принимается.

Для экономіи полагается половина всего того количества земли, какое назначено въ надѣлъ крестьянамъ, находящимся на хозяйственномъ положеніи; земли же оброчныхъ крестьянъ въ расчетъ не принимаются.

Изъ остающихся за тѣмъ угодій назначаются участки подъ общественную запашку, которой полагается примѣрно, въ три сѣны, по три десятины на каждыя сто десятинь земли отдѣленной крестьянамъ. Всѣ прочія за тѣмъ земли остаются запасными. Онѣ предназначаются для надѣленія бобылей и прибывшихъ крестьянскихъ тяглъ, а до того времени отдаются желающимъ, изъ оброка.

При предположеніи отвода земель въ натурѣ, главнымъ правиломъ постановляется, чтобы разные ихъ разряды назначаемы были преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они уже находятся. Но если устройство хозяйства требуетъ измѣненія существующаго въ натурѣ распределенія земель, то въ первой и ближайшей полосѣ къ селенію отводятся поля крестьянамъ, за крестьянскими же полями подъ экономію. Крестьянамъ, для поддержанія ихъ быта и по уваженію, что экономія имѣетъ болѣе средствъ къ удобренію угодій, отводится лучшая земля, сколько мѣстность и правильное размежеваніе то позволяютъ. Но въ этомъ случаѣ особенно принимается въ соображеніе общее устройство крестьянскаго и экономическаго хозяйства, такъ, чтобы при назначеніи лучшихъ угодій крестьянамъ не было препятствія въ раздѣленіи полей и сѣнокосовъ, и чтобы крестьянскіе участки не были слишкомъ отдалены отъ ихъ жилищъ.

Далѣе содержатся правила, и золотыя правила, о раздѣленіи крестьянскихъ участковъ и лѣсовъ, но мы ихъ не выписываемъ.

по весьма простой причинѣ: намъ бы пришлось выписать всю главу о распредѣленіи земель.

Оцѣнка дохода отъ земель, угодій и льсовъ.

Доходъ отъ земель подъ усадьбами оцѣнивается вравнѣ съ доходомъ отъ лучшихъ пахатныхъ земель. Для опредѣленія дохода отъ пахотныхъ земель, приводится въ пзвѣстность доходъ отъ полей, состоящихъ подъ посѣвами озимыми и яровыми. Отъ полей, находящихся подъ паромъ или перелогамъ, дохода не назначается; но если поля эти употребляются подъ травосѣяніе, или подъ разведеніе овощей, то въ первомъ случаѣ доходъ отъ нихъ полагается противъ сѣнокосовъ первой степени, во второмъ противъ огородныхъ земель.

Оцѣнка дохода отъ пахатныхъ земель, состоящихъ подъ озимыми посѣвами, опредѣляется среднею цѣною средняго на этихъ земляхъ годоваго урожая озимаго хлѣба, за исключеніемъ сѣмянъ.

Для приведенія въ пзвѣстность средняго урожая озимаго хлѣба, собираются свѣдѣнія объ урожаяхъ озимаго хлѣба за послѣдніа двѣнадцать лѣтъ. Изъ двѣнадцати годовъ исключаются два года: одинъ превосходящій всѣ прочіе урожаемъ, и одинъ, въ которомъ былъ самый худой урожай. Изъ сложности остальныхъ десяти лѣтъ выводится средній годовой урожай, подлежащій оцѣнкѣ. Примѣняясь къ этому, поступается и для опредѣленія средней цѣны урожая. Изъ двѣнадцати лѣтъ исключаются цѣны двухъ годовъ: одного, въ который цѣна на произведенія была самая высшая, и одного, въ который цѣна существовала самая низкая. Изъ сложности цѣнъ прочихъ десяти годовъ выводится средняя цѣна, которою оцѣнивается средній урожай.

Доходъ отъ полей, состоящихъ подъ яровыми посѣвами, полагается вравнѣ съ доходомъ, получаемымъ отъ пахатныхъ полей одной съ ними степени, находящихся подъ озимыми посѣвами; но если яровыя поля, по мѣстнымъ соображеніямъ, не даютъ равнаго дохода съ озимыми, вообще или въ-особенности, отъ значительнаго посѣва пшеницы на озимыхъ поляхъ, то оцѣнка дохода отъ яровыхъ уменьшается противъ дохода отъ озимыхъ полей четвертою или третьею долею, но не болѣе.

Примѣняясь къ этимъ основаніямъ оцѣнивается доходъ и отъ сѣнокосовъ.

Доходъ отъ всей прочей земли, состоящей въ разрядѣ запасной, не оцѣнивается среднею цѣною средняго урожая, но опредѣляется сообразно ея добротѣ, принимаясь къ цѣнамъ, по которымъ она отдавалась въ оброкъ.

Назначеніе и оцѣнка хозяйственныхъ повинностей крестьянъ.

Изъ этой главы мы не будемъ дѣлать извлеченій потому, что она требуетъ большаго вниманія и должна быть прочитана въ оригиналѣ тѣми, кто пожелаетъ для своихъ соображеній знать мѣру поземельнаго оброка и мѣру хозяйственныхъ работъ, принятыхъ казною по западнымъ губерніямъ.

Составленіе инвентаря.

Инвентарь по новой люстраціи долженъ заключать въ себя: 1) Общее статистическое описаніе имѣнія въ топографическомъ, коммерческомъ и нравственномъ отношеніяхъ. 2) Списокъ семействамъ тяглымъ и полутяглымъ, съ обозначеніемъ ихъ домовъ, скота, количества земли, оцѣнки дохода отъ нея и хозяйственныхъ повинностей. 3) Списокъ бобылямъ. 4) Списокъ постороннимъ людямъ, живущимъ въ имѣніи. 5) Росписаніе уроковъ на хозяйственныя работы. 6) Подробныя правила о хозяйственныхъ повинностяхъ. 7) Описаніе: а) Фольварочныхъ земель, съ исчисленіемъ отъ нихъ дохода. б) Экономическихъ строеній, жилыхъ и хозяйственныхъ земледѣльческихъ. в) Экономической движимости принадлежащей къ фольварочному земледѣлію, какъ-то: посѣвнаго зерна, рабочаго скота, мѣдной, чугуновой и деревянной посуды, мѣръ, вѣсовъ и тому подобнаго. 8) Описаніе земель, отведенныхъ подъ общественную запашку, съ исчисленіемъ отъ нихъ дохода, съ показаніемъ принадлежности запашки и повинностей, опредѣленныхъ для производства работъ. 9) Описаніе пастбищныхъ земель, съ исчисленіемъ отъ нихъ дохода. 10) Описаніе запасныхъ земель, съ исчисленіемъ отъ нихъ дохода. 11) Описаніе лѣсовъ, съ исчисленіемъ отъ нихъ дохода и съ приложеніемъ лѣсной таксы. 12) Описаніе церковныхъ земель. 13) Описаніе экономического скота, содержаемаго для полученія дохода. 14) Описаніе фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ къ нимъ строеній, машинъ, инструментовъ и прочей движимости, съ исчисленіемъ отъ нихъ дохода. 15) Описаніе разныхъ обязанностей имѣнія (сервитуты, аннуиты). 16) Табелъ расходовъ, слѣдующимъ къ исчисленію изъ хозяйственнаго дохода. 17) Табелъ расходовъ, слѣдующимъ къ исчисленію изъ хозяйственнаго дохода. 18) Исчисленіе хозяйственнаго дохода отъ имѣнія. 19) Оцѣн-

ку имѣнія, съ показаніемъ сколько чистый доходъ составляетъ въ годъ процентовъ отъ оцѣночнаго капитала имѣнія. 20) Описаніе статей, входящихъ въ хозяйственный капиталъ. 21) Описаніе статей, входящихъ въ строительный и ремонтный капиталъ. 22) Исчисленіе общественнаго сбора на частныя денежные земскія повинности и мірскіе расходы. 23) Состояніе запасовъ сельскаго хлѣбнаго магазина.

Къ инвентарю приобщаются приложенія: 1) Въ поясненіе инвентаря и основаній, принятыхъ при его составленіи, 2) Для сравненія состоянія имѣнія, предложеннаго по люстраціи, съ существующимъ.

Къ приложеніямъ перваго роду принадлежатъ: 1) Общій планъ земель имѣнія. 2) Подробные планы о распределѣніи земель и угодій для каждаго селенія и фольварка, съ приложеніемъ описанія, по каждой окружной дачѣ, границъ, межевыхъ знаковъ, спорныхъ участковъ, а также уваженій, по которымъ нѣкоторыя земли признаны неудобными. 3) Реестръ участкамъ и паямъ тяглыхъ земель. 4) Списокъ хозяевамъ: а) Вповь водворяемымъ изъ бобылей и дворовыхъ людей. б) Переходящимъ изъ низшихъ разрядовъ въ высшіе. в) Переходящимъ по собственному желанію съ хозяйственнаго положенія на поземельное оброчное, съ сыскою на тѣ вумера, подъ которыми показаны всѣ эти хозяева по общему инвентарю. 5) Реестръ крестьянамъ, нуждающимся въ рабочемъ скотѣ и прочихъ потребностяхъ къ поддержанію хозяйства, съ предположеніемъ объ оказаніи имъ пособія и съ изъясненіемъ, во сколько лѣтъ и какими способами могутъ они уплатить ссуду. 6) Долги и недоимки, числящіяся на крестьянахъ, съ мнѣніемъ о средствахъ взысканія. 7) Разныя предположенія по устройству имѣнія, съ изчисленіемъ потребныхъ на то издержекъ и ожидаемаго дохода. 8) Свѣденіе, какія строенія не нужны для экономіи и на что могутъ быть употреблены, а также, какія строенія необходимо исправить или возвести вновь. Къ этому прилагается приблизительное смѣтное изчисленіе о потребныхъ матеріалахъ и расходахъ на производство работъ. 9) Подробная оцѣнка дохода отъ земель, лѣсовъ, угодій и хозяйственныхъ заведеній, и поясненіе принятыхъ при этомъ основаній. 10) Свѣденіе о всѣхъ особыхъ сборахъ, оставленныхъ по имѣнію, съ таксами, тарифами или инструкціями и прочими условіями, опредѣляющими правильное взиманіе этихъ сборовъ, по откупу, или хозяйственнымъ образомъ. 11) Предположеніе, сколько, по обширности имѣнія, по мѣстности и по роду хозяйства, слѣдуетъ

оставить крестьянъ для разныхъ сельскихъ должностей и въ лѣсную стражу, съ освобожденіемъ ихъ отъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, опредѣленныхъ по инвентарю.

Для сравненія состоянія имѣнія, предполагаемаго по люстраціи, съ существующимъ, къ инвентарю прилагаются: 1) Планъ распредѣленія земель до производства люстраціи. 2) Сравнительная табель о числѣ хозяевъ разныхъ разрядовъ и бобылей, о пропорціи распредѣленія земель по разрядамъ, о изчисленномъ доходѣ съ разныхъ статей, о хозяйственныхъ повинностяхъ крестьянъ, и наконецъ о хозяйственномъ доходѣ отъ имѣнія. Причины различія и уваженія, по которымъ сдѣланы перемѣны, должны быть подкрѣплены надлежащими поясненіями и доводами.

Можетъ-быть, инымъ покажется очень труднымъ составить инвентарь по подобному наставленію, но мы спѣшимъ ихъ предупредить, что къ этой главѣ разсматриваемаго нами положенія о люстраціи, приложено четырнадцать разныхъ формъ списковъ и вѣдомостей, которыя формы сами по себѣ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, могутъ, съ одной стороны, возбуждать въ каждомъ грамотномъ человѣкѣ сознаніе, какъ бы пріятно и полезно было имѣть всѣ тѣ свѣдѣнія объ имѣніи, какія инвентаремъ требуются, а съ другой, могутъ наставить, какъ полезное намѣреніе привести въ исполненіе.

Здѣсь мы кончимъ наши выписки изъ положенія о люстраціи, полагая ихъ весьма достаточными, для того чтобы возбудить желаніе прочесть все это положеніе въ оригиналѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не сказать, что предметъ нашей статьи заключающей въ себѣ указаніе на кадастръ, какъ на одно изъ самыхъ положительныхъ требованій здраваго разума въ отношеніи къ сельскому хозяйству—такъ громко говоритъ самъ за себя, что защищать его пользу и доказывать необходимость было бы совсѣмъ неумѣстно. Разсмотрѣнное нами сочиненіе, есть, можно сказать, вовсе не сочиненіе — въ немъ нѣтъ ни капли выдумки! — а самое простое изложеніе положительныхъ правилъ для устройства земледѣльческихъ имѣній, правилъ дотого не преложныхъ, дотого просто разумныхъ, что не только не признать ихъ, но даже замѣнить какими нибудь другими правилами представляется невозможнымъ. Тутъ нѣтъ ни сколько того, что называется обыкновенно человѣческимъ умствованіемъ, и что, слѣдовательно, можетъ быть оспариваемо: это простые, основные законы науки, столько же необходимые, по своимъ на-

чаламъ, всей вообще Россіи, какъ и всякой другой странѣ и Старого и Нового Свѣта, гдѣ только люди занимаются землею и извлекаютъ изъ нея какую нибудь пользу. Мѣра капитала, мѣра труда, мѣра вознагражденія послѣдняго и мѣра чистой прибыли перваго, все это такія вещи, безъ которыхъ нельзя обойтись ни въ какомъ промышленномъ предпріятіи, если только, приступая къ дѣлу, почувствуешь желаніе узнать, стоитъ ли игра свѣчъ?...

ВОКОВЪ.

=

V.

К Р И Т И К А.

=

ГРУЗИЯ И АРМЕИЯ. *Санктпетербургъ. 1848. Три части.*

Наша литература мало-по-малу стала изрядно богата описаніями путешествій. Между ними, какъ и между всякими дру-гими сочиненіями, есть много хорошаго и есть много дурнаго: разумѣется, что самыя дурныя путешествія тѣ, которыя путешествуютъ по Россіи, — за исключеніемъ подлежащаго исключенію, — а самыя хорошія, самыя одушевленныя и глубокомысленныя тѣ, которымъ удалось съѣздить за гра-ницу: одно только въ нихъ гадко, что онѣ большею частью больно ругаются, платя чужимъ народамъ за гостепрѣимство бранью и злословіемъ и полагая, что этимъ дѣлаютъ удо-вольствіе русскому читателю, который, между-тѣмъ, очень превосходно знаетъ, что люди — вездѣ люди, и столько же гнушается злословіемъ русскаго путешественника насчетъ иностранцевъ, сколько несправедливостью радушно приня-таго иностранца въ отношеніи къ Россіи. Но не должно ду-

Т. LXXXIX. — Отд. V.

1

нѣтъ, что по пристрастью или личности я желаю обидѣть русскія путешествія, разъѣзжающія по Россіи, — обыкновенно на перекладныхъ: таковъ общій законъ всѣхъ литературъ. Умъ человѣческій такъ устроенъ, что на чужое онъ смотритъ лучше и охотнѣе, а о своемъ судить не въ состояніи. Поэтому весьма странны жалобы критиковъ нашихъ на то, что мы мало и плохо пишемъ объ отечествѣ. Не мы одни, всѣ подчинены этому пороку. Можно насчитать сотни отличныхъ путешествій Французовъ по Германіи, Нѣмцевъ по Англіи, англичанъ по Франціи; но едва ли назовете вы два три порядочныхъ сочиненія, въ которыхъ кто-нибудь описалъ бы свое отечество. Противъ этого, мнѣ кажется нельзя и спорить. Причина ясная: по своей землѣ ѣздятъ, а не путешествуютъ. Никто не можетъ никого упрекать за это въ равнодушіи, потому что это вовсе дѣло не равнодушія, а общаго естественнаго закона. Вся литература подтверждаетъ наше мнѣніе. Со временъ Даніила игумена, который еще въ XII вѣкѣ описалъ хожденіе свое въ Святую Землю въ «Книгѣ глаголемой Странникъ» и до Систематическаго путешествія по Помпѣя господина Классовскаго, о которомъ мы недавно говорили въ нашемъ журналѣ, — мы насчитаемъ много путешествій, худыхъ и хорошихъ, близкихъ и далекихъ, морскихъ и сухопутныхъ, пѣшихъ и конныхъ, — и всѣ они не по Россіи. Паломники, послы, туристы, описывая свои путешествія, начинали обыкновенно поменклатурой русскихъ городовъ и станцій безъ всякихъ описаній, и только тогда пускались въ нѣкоторыя подробности, когда добивались до границы. Тоже самое дѣлали и иностранцы: вспомните напримеръ хоть Олеарія. Тутъ не на что жаловаться: дѣло очень просто. Но какъ то, что мы теперь сказали, составляетъ строгое правило, то, разумѣется, въ немъ должны быть и исключенія. Въ числѣ немногихъ исключеній нашей литературы мы въ первый рядъ ставимъ сочиненія автора Путешествія по Святымъ мѣстамъ, который любитъ путешествовать не только за границей, но и по Россіи, и всегда, куда бы ни ѣхалъ, умѣетъ описать свои впечатлѣнія умно,

живо, занимательно, такъ что, читая его, или до такой степени ясно представляешь себѣ описываемыя мѣста, что не хочется туда уже и ѣхать, или такъ увлекаешься прелестью картинъ, что готовъ бы сейчасъ скакать туда раздѣлитъ наслажденія путешественника.

Одушевленному, краснорѣчивому перу А. П. Муравьева принадлежитъ и повая книга, которую мы прочли съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ вся Россія читаетъ произведенія нашего просвѣщеннаго паломника. Мы знаемъ, какимъ громкимъ авторитетомъ пользуются сочиненія этого писателя у его многочисленныхъ поклонниковъ, и спѣшимъ извѣстить ихъ, что новое произведеніе автора Путешествія по Святымъ мѣстамъ написано съ тою же теплотою и одушевленіемъ, съ тѣмъ же восторженнымъ взглядомъ и христіанскою философіею, какимъ отличались все его творенія: но оно еще любопытнѣе, занимательнѣе, новѣе по интересной новости края до-сихъ-поръ такъ мало изслѣдованнаго съ религіозной стороны. Если первый трудъ почтеннаго путешественника напоминалъ вдохновенныя страницы Шатобриана, то въ настоящемъ сочиненіи авторъ не имѣетъ соперниковъ. Мысль взглянуть на Грузію и Арменію съ религіозной стороны — самая счастливая мысль, какая только могла представиться уму нашего просвѣщеннаго соотечественника. И онъ исполнилъ эту мысль блистательно.

Здѣсь почтенный А. Н. Муравьевъ вполне на своемъ мѣстѣ, потому что выбралъ для изученія край, въ которомъ его таланту открывалось самое обширное поприще.

Кавказъ и Закавказье, сторона съ чудесной природою и поэтическими преданіями, съ библейскими и церковными воспоминаніями, родная намъ по вѣрѣ и судьбѣ, — сторона, гдѣ чужое, необыкновенное кажется своимъ, отечественнымъ, — должна была привлечь все вниманіе нашего путешественника. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было выбрать край интереснѣе! Тамъ Зороастръ похѣтилъ своего Аримана въ

толпъ дивовъ на неприступной вершинѣ Эльборуса; тамъ на снѣговыхъ горахъ обитаетъ властитель духовъ Джинъ-палишахъ и баснословная птица Ака, славная въ древностяхъ востока; тамъ Колхида съ золотымъ руномъ и похождениями Язона; тамъ стоятъ развалины замка дарьяльскаго, вокругъ котораго бродятъ по ночамъ тѣни счастливыхъ любовниковъ его властительницы, низвергнутыхъ съ утесовъ въ бездну послѣ краткихъ минутъ наслажденія; тамъ кровожадный коршунъ терзаетъ сердце Прометей и горное эхо отражаетъ вопли проклятій непреклоннаго врага Юпитерова. Сколько канвы для поэзіи, сколько пиши для воображенія путешественника, хотя бы оно и не сверкало разноцвѣтнымъ kaleidoscopeмъ какъ у Марлинскаго, хотя бы оно и не было такъ пылко, какъ у Пушкина и Лермонтова. Съ другой стороны сколько представляетъ этотъ край святынь, несокрушимыхъ памятниковъ вѣчной истины, драгоценныхъ для каждаго христіянина! Здѣсь Араратъ, священная пристань перваго плователя; здѣсь славная пещера пророка Іліи, оплодотворяющая сосѣднія равнины; здѣсь Эчмиадзинъ, новый Іерусалимъ Арменіи; здѣсь безчисленные монастыри и пещеры, ознаменованные подвигами святой Нины и святаго Григорія просвѣтителя, апостоловъ Иверіи и Арменіи. Съ перваго взгляду видно, что писатель съ поэтическимъ талантомъ и глубоко-религіознымъ настроеніемъ души не могъ бы найти стороны, которая бы доставила болѣе блестящую канву для путешествія. Прибавьте къ тому, что эта поэтическая сторона связана съ Россіею неразрывными узами политическаго и религіознаго единства, ознаменована на каждомъ шагу неувядаемою славою русскаго великодушія и входитъ теперь въ составъ того исполнскаго царства, котораго границы раскинулись «отъ Черми до Тавриды». Вспомните, что здѣсь роскошная, блистательная, баснословная Азія встрѣчается съ могучею, дѣятельною, образованною Европою, подъ несокрушимой эгидою святой религіи и благодѣтельнаго правительства... Вотъ край, который вполне можетъ овладѣть нашимъ вниманіемъ, и отъ лица поклонниковъ почтеннаго

А. Н. Муравьева благодаримъ его за прекрасное намѣреніе описать эту любопытную часть нашего отечества. Прочтя новое его сочиненіе, мы убѣдились, что ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не владѣлъ онъ такой замѣчательной силой таланта. Всякій авторъ болѣе или менѣе похожъ на добраго родителя и съ одинакой нѣжностью любитъ всѣхъ дѣтей своего воображенія; но мы, посторонніе читатели, привыкли ласкать только то дитя, которое намъ больше нравится, — и теперь признаемся откровенно, что не можемъ не высказать особеннаго расположенія къ послѣдному произведенію автора «Римскихъ писемъ», хотя намъ нравились и всѣ другія его творенія. Да, «Грузія и Армения» прекрасная книга, и по нашему мнѣнію лучшее произведеніе знаменитаго путешественника. Спѣшимъ познакомить съ нею нашихъ читателей.

Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой заключается путешествіе по Грузіи, описаніе ея монастырей, скитовъ, пещеръ, замѣчательныхъ храмовъ, святыхъ иконъ, памятниковъ, дѣяній святителей иверской церкви и зиждителей ея храмовъ и обителей, а въ концѣ приложено краткое обзорѣніе Грузинской исторіи. Такимъ образомъ, познакомить публику съ святыми мѣстами Закавказскаго края было спеціальной цѣлю автора, которую онъ и выполнилъ мастерски. Но вѣрный всегда главной своей цѣли, онъ не упускаетъ однакожъ изъ виду и того, что встрѣчалось ему замѣчательнаго внѣ церковной сферы; описываетъ замѣчательныя древности, историческія мѣстности, любопытныя свѣтскія преданія. Если эта послѣдняя часть книги представляетъ не слишкомъ много новаго для русскихъ читателей, довольно знакомыхъ съ этимъ краемъ, воспѣтымъ и описаннымъ лучшими нашими поэтами и прозаиками; за то описаніе духовныхъ памятниковъ и преданій составляетъ чтеніе любопытное въ высшей степени. Здѣсь и языкъ автора, въ иныхъ мѣстахъ нѣсколько принужденный, какъ будто взмѣняется, потому что самый предметъ требуетъ

торжественнаго и важнаго слова, которое намѣтитъ неудобнымъ въ описаніяхъ предметовъ свѣтскихъ. Авторъ показываетъ намъ одну за другою все замѣчательныя свѣтыни древней Иверіи, а ихъ много, потому что иверская церковь одна изъ богатѣйшихъ церквей христіанскихъ. Читая краснорѣчивыя страницы нашего путешественника невольно переносимся въ описываемыя имъ мѣста и какъ будто самъ совершаемъ путешествіе въ бесѣдѣ съ умнымъ, набожнымъ руководителемъ, коротко знакомымъ съ предметомъ и преданнымъ ему всей душою. Онъ постепенно вводитъ насъ то въ Натлимцамели или обитель Предтечи съ мрачными и почти неприступными келіями, всѣченными въ утесахъ; то въ пустынь геренджійскую, гдѣ хранятся кости шести тысячъ иноковъ, избитыхъ шахомъ Аббасомъ въ день святой Пасхи, во время самой службы; то въ Телавскій Алаверскій соборъ, знаменитый памятникъ девятаго вѣка, образецъ мѣстной архитектуры; то наконецъ въ Сигнахъ и обитель святой Нины, просвѣтительницы Грузіи. Но какъ пріятно читать описаніе этихъ обителей, съ ихъ преданіями и древностями; такъ грустно становится съ другой стороны при мысли, что въ настоящее время большая часть ихъ въ заустыніи. Иныя совершенно разрушены и представляютъ только груды развалинъ, другія лишены своего минувшаго великолѣпія, и во многихъ мѣстахъ вмѣсто прежней многолюдной братіи встрѣчается двое или трое престарѣлыхъ ипоковъ, которые съ трудомъ достаютъ средства къ существованію. Набѣги Лезгинъ, нашествія Персовъ и Турокъ и наконецъ внутреннія смуты и междоусобія грузинскихъ владѣтелей были главными причинами этого заустынія и упадка. Замѣчательна бесѣда автора съ Софроніемъ, настоятелемъ монастыря Натлимцамели, въ которой почтенный старецъ ярко высказываетъ минувшее благосостояніе и настоящую бѣдность грузинскихъ обителей и съ глубокою проникательностію развиваетъ причины этого печальнаго явленія. Съ одинакомъ увлеченіемъ рассказано все, что только относится къ святынямъ Иверіи, — и читатели тысячу разъ поблагодарятъ автора за

наслажденіе, которымъ онъ даритъ ихъ на каждой страницѣ. Не столько новаго въ описаніяхъ историческихъ древностей и народныхъ нравовъ; но и здѣсь у автора часто встрѣчаются прекрасныя мѣста, мастерски нарисованныя картины, съ чувствомъ написанныя страницы. Таковы напримѣръ описанія древностей въ Наглимцамели, праздника въ бабуховскомъ аулѣ, близъ Георгіевска, и шумной оргіи Грузинъ въ Мцхетѣ, наканунѣ церковнаго торжества.

Во второй части сочиненія путешественникъ описываетъ Армению, и здѣсь книга его становится еще занимательнѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, какую богатую пищу для наблюдательности и воображенія должна была представить сторона, гдѣ библейскія преданія сливаются съ воспоминаніями историческими и вымыслами поэзіи, — гдѣ Ной посадилъ первую виноградную вѣтвь послѣ потопа, гдѣ Тигранъ и Митридатъ боролись съ могучимъ Римомъ, гдѣ живетъ многочисленный народъ съ цѣлыми династіями своихъ государей, съ своими законами, правами, языкомъ, литературою, съ своею особенною литургіею; куда наконецъ Мильтонъ и Байронъ помыслили героевъ своихъ безсмертныхъ поэмъ. Нашъ путешественникъ объѣхалъ одну только русскую Армению; но в это довольно для полнаго знакомства съ краемъ. Авторъ ведетъ насъ сначала въ обитель Севацкую, а оттуда по берегу быстрой Зауги въ Эривань, показывая на пути многочисленныя обители, знаменитыя древностію и прославленныя чудесами. Въ Эривани авторъ останавливался въ опустѣвшемъ дворцѣ Сардарей, гдѣ провелъ одну ночь Государь Императоръ во время проѣзду своего чрезъ городъ. Этотъ печальный памятникъ минувшаго величія представляетъ теперь грустную картину: стѣны его растрескались, знаменитая зеркальная зала со дня на день разваливается, позолота тускнѣетъ, арабски исчезаютъ и фонтанъ не шумитъ болѣе посреди мраморнаго помоста. Наконецъ мы съ авторомъ въ Эчміадзинѣ, святилищѣ армянскихъ христіанъ, мѣстопробыванія католика, перваго изъ четырехъ пагіарховъ Арменіи, который

одинъ только пользуется правомъ посвящать епископовъ. Знакомство съ патріархомъ дало автору возможность осмотрѣть все святыни и достопримѣчательности обители и присутствовать при епископскомъ служеніи. Главный соборъ эчміадзинскій во имя святаго Григорія Просвѣтителя, апостола Арменіи, жизнь и подвиги котораго подробно изложены авторомъ въ особой главѣ второй книги. Тамъ хранятся все сокровища обители: копіе, которымъ пронзено было божественное ребро Искушителя; драгоценный крестъ съ частию честнаго древа, полученнаго царемъ Тиридатомъ отъ Константина Великаго; рука Іакова Називійскаго, который былъ на Араратѣ и принесъ оттуда еще одну святыню армянской церкви, доселѣ свято сохраняемую, кусокъ отъ негниющаго ковчега Шоева. Вообще пребываніе въ Эчміадзинѣ описано съ особенной полнотою и отчетливостію. Поездка къ Арарату не менѣе интересна. Читатели помнятъ знаменитую поездку на Араратъ нашего русскаго ученаго, профессора Паррота, который въ 1830 году совершилъ свое чудесное восхожденіе на вершину славной горы, и тамъ, гдѣ остановился ковчегъ святаго патріарха, водрузилъ въ снѣга крестъ съ именемъ Русскаго Императора. Въ разсказъ нашего путешественника читателя найдутъ много интереснаго объ этой знаменитой горѣ, и пожалуютъ только о томъ, что авторъ очень кратокъ въ своихъ описаніяхъ. Особенно любопытенъ разсказъ объ Ахурахъ, армянскомъ селеніи, засыпанномъ въ 1840 году, во время страшной бури обваломъ Арарата. Проводникомъ автору служилъ престарѣлый старшина этого селенія, который только съ семью человѣками спасся отъ страшной гибели своего роднаго села съ пятью тысячами населенія. Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать этого прекраснаго мѣста:

«Я просилъ старца, разсказать мнѣ о своемъ бѣдствіи, и съ трудомъ сталъ онъ объясняться со мною, какъ человѣкъ, который, по сильному выраженію Данта, въ одно время и плачетъ и говоритъ: *Come colui che piange e dice.*»

«Насъ было до пяти сотъ семействъ въ Ахурахъ; мы жили счастливо и богато; въ одной моей семьѣ считалось двадцать-двѣ души, братьевъ и сестеръ, сыновей и дочерей, и невѣстокъ и внуковъ!» и одинокій залился слезами. «Жена моя была на пастбищѣ на горѣ, и какъ бы предчувствуя бѣду, присылала дважды, въ тотъ горькій день, звать меня къ себѣ; только вечеромъ могъ я собраться. Семилѣтній любимый внукъ мой присталъ ко мнѣ: Дѣдушка, возьми меня съ собою, пожалуйста возьми.... голосъ старика опять замеръ.—Ты взялъ его?—«Ахъ, я его не взял!» и долго рыданія заглушали рѣчь, такъ, что мнѣ совѣстно было спрашивать далѣе. Когда же успокоился, онъ самъ продолжалъ: «Вы увидите мѣсто селенія; оно лежало въ малой ложбинѣ, какъ бы въ ущельи, и посрединѣ текъ ручей; дома стояли по скату оврага. Солнце уже спускалось къ горѣ, и казалось все ясно; но только ступилъ я на край оврага, вдругъ что-то страшно завывало въ горѣ, и вихремъ дунуло изъ нея вдоль ущелья, такъ что, въ одно мгновеніе, день сдѣлался ночью, и я безъ памяти упалъ на землю. Не знаю, сколько я пролежалъ; казалось мало, но тутъ ушла вся моя жизнь. Я всталъ, перекрестился: будто ясно, а ничего не вижу; все есть, а селенія нѣтъ. Припоминаю, гдѣ я? Сады видны, а селенія нѣтъ, и монастыря нѣтъ; вся долина засыпана камнемъ и землею, я опять упалъ и не хотѣлъ болѣе вставать; что мнѣ одному было жить на свѣтѣ? Солнце стало садиться; тутъ я вспомнилъ, что у меня есть жена, и что она меня къ себѣ звала; хочу идти, вижу вдутъ три женщины блѣдныя и говорятъ, что онѣ только что хотѣли спуститься въ селеніе, какъ ихъ опрокинула буря, и кто шелъ впереди, тотъ оступился; и стада не хотѣли идти въ долину, но пастухи силою вогнали и все пропало. Мы стали плакать, да что въ слезахъ; страшно было! Я пошелъ въ гору къ женѣ. Она встрѣтила меня, какъ будто ничего не случилось; слышала страшную бурю, но бури бываютъ въ горахъ, и громъ гремитъ и молніи разятъ; она только видѣла, что я какъ мертвый, а того не знала, что изъ всей ея семьи одинъ лишь я живой! Когда услышала — не вѣрила; когда же повѣрила, едва не умерла сама. Ночь мы прорыдали, утромъ пришли Курды и отняли послѣднее мое стадо; если можешь, возврати мнѣ это стадо; я просилъ многихъ и нѣтъ успѣха!... Въдъ у меня больше ничего не осталось, а я былъ богатъ и старшиною, у насъ было двадцать двѣ души! и жена моя умерла съ горя». Горько опять зарыдалъ старикъ». «Кто же еще

спросилъ я. «Нѣтъ бывшихъ въ селеніи только семь душъ: я, да четыре женщины, да два мальчика. Одинъ изъ нихъ, двѣнадцати лѣтъ, былъ волузасыпанъ землею на краю оврага. Курды, узнавъ о нашемъ бѣдствіи, какъ волки нахлынули на другой же день, и отрыли мальчика, но и они спалились и отвели его въ ближнее селеніе; онъ и теперь живъ. Тѣ же изъ Курдовъ, которые пришли раскапывать церковь, чтобы ее ограбить, сами погибли подъ ея развалинами, потому что буря возобновилась въ продолженіи нѣсколькихъ дней, хотя не столь ужасно, но камни не переставали летать, а каковы эти камни, вы увидите по дорогѣ; они были больше заваленныхъ ими домовъ». Я спросилъ старика: гдѣ онъ теперь живетъ? и онъ отвѣчалъ: «Когда постепенно собрались жители Ахуры, бывшіе въ полѣ, или у стада, или на промыслѣ, мы хотѣли раскопать наше пепелище, чтобы опять на немъ поселиться; но не возможно было разрыть этой груды камней, да и къ тому же нѣзрякъ единственный источникъ, который, проходя черезъ селеніе, орошалъ наши сады; а сады были лучшіе во всей окрестности, и теперь еще кое-гдѣ обгорѣлые торчатъ изъ земли: тутъ и оговъ и вода, все соединилось, чтобы истребить насъ. Чудотворный источникъ святаго Іакова, изъ котораго разносили воду по всей Арменіи, для истребленія саранчи, чуть-чуть каплетъ теперь подъ скалою, а монастыря его нѣтъ и слѣдовъ. Что намъ было дѣлать безъ воды? Мы поселились недалеко, у самой подошвы горы, въ новомъ Ахуры, но уже стараго не воротить! Да и насъ не болѣе ста человекъ, а тамъ было пять тысячъ: такъ покарамаъ насъ Господь за грѣхи наши!»

Осмотрѣвъ окрестности Эчміадзина со всеми ихъ святынями, авторъ отправляется въ Тифлисъ по другой дорогѣ, черезъ Александрополь, и посѣщаетъ развалины Ани, древней столицы Багратидовъ, гдѣ, по словамъ армянскихъ писателей, въ одинадцатомъ вѣкѣ было до ста тысячъ домовъ и до тысячи церквей. Теперь эта армянская Пальмира, опустошенная окончательно, въ 1319 году, страшнымъ землетрясеніемъ, представляетъ обширное поле, усыпанное развалинами храмовъ, минаретовъ, бойницъ, обломками колоннъ, капителей и статуй. Остатки церквей свидѣтельствуютъ о бывшемъ великолѣпнѣи столицы армянскаго царства. Всего замѣчательнѣе древній

дворецъ царей Арменіи, который по обширности одинъ стоялъ многолюднаго города. Онъ такъ величаво украшенъ былъ внутри и снаружи, что по словамъ Керъ-Шортера, посѣщавшаго эти развалины, ни какое описаніе не въ состояніи дать понятіе о разнообразіи и богатствѣ скульптурныхъ украшеній, покрывающихъ потолоки и стѣны, объ изысканныхъ рисункахъ и прекрасной работѣ его мозаическихъ половъ. Черезъ Лори и Синагинъ, авторъ возвращается въ Тифлисъ, объѣхавъ такимъ образомъ большую часть русской Арменіи, и посѣтивъ всѣ замѣчательныя ея святыни.

Но во второй части сочиненія, кромѣ описанія святыхъ мѣстъ Арменіи, читатели найдутъ еще нѣсколько главъ, гдѣ авторъ довольно подробно разсматриваетъ догматы вѣры и показываетъ различіе ея отъ православной греческой. Въ прекрасной исторической картинѣ представляетъ онъ всѣ событія, которыя служили къ разъединенію церквей, столь родственныхъ между собою въ главныхъ основаніяхъ. Здѣсь мы хотѣли бы замѣтить, что авторъ, скорбя объ этомъ раздѣленіи, и стараясь показать возможность соединенія церквей на лонѣ единой святой вѣры, ослабилъ нѣсколько разницу между ними и не вполне выразилъ то важное обстоятельство, что въ церкви армянской столько же элементовъ латинской, сколько и православной, и слѣдовательно соединеніе ихъ представляетъ, какъ намъ кажется, нѣсколько болѣе трудностей, чѣмъ думаетъ почтенный путешественникъ. Но если здѣсь и можетъ быть нѣкоторый недостатокъ со стороны автора, такъ онъ проистекаетъ изъ одного только пламеннаго желанія видѣть соединеніе церквей, родственниковъ между собою по основнымъ догматамъ и раздѣленныхъ обстоятельствами. Кромѣ того, не довольствуясь разборомъ несогласій армянской церкви съ православною, и молясь о ихъ союзѣ, авторъ для совершеннаго убѣжденія читателей въ возможности этого дѣла, не только описываетъ армянскую литургію, которую приписываютъ святому Месробу, составителю алфавита и переводчику священнаго Писанія, но говоритъ также

объ обрядахъ армянскаго богослуженія, о епископскомъ облаченіи передъ службою, частяхъ священной одежды, и показываетъ отношеніе ихъ къ подобнымъ обрядамъ, принятымъ какъ въ нашей православной, такъ и въ латинской церкви.

Въ третьей части почтенный путешественникъ описываетъ Имеретію и Мицгрелію. Радужное расположеніе просвѣщеннаго намѣстника кавказскаго, знакомство съ владѣтелемъ мицгрельскимъ Давидомъ Дадіаномъ и абхазскимъ княземъ Михаиломъ — доставили ему возможность обозрѣть этотъ край съ особеннымъ вниманіемъ. Авторъ ведетъ насъ и на праздникъ водосвятія въ Тифлисъ, отличающійся мѣстнымъ характеромъ и восточнымъ колоритомъ; и на гору святаго Давида, къ намѣстнику незабвеннаго Грибоѣдова; и на блестящій балъ князя намѣстника, великолѣпный, незаказной маскарадъ, гдѣ въ полномъ смыслѣ Азія сливается съ Европою, гдѣ толпы русскихъ офицеровъ въ разнообразныхъ муштрахъ, столичныхъ дамъ въ модныхъ парижскихъ костюмахъ, татарскихъ бековъ и хановъ, грузинскихъ царевенъ и княженъ въ національныхъ нарядахъ, — составляютъ картину оригинальную, поэтическую, несравненную! Въ несколькихъ строкахъ авторъ даетъ больше понятія о Тифлисѣ чѣмъ цѣлые томы сухихъ описаній или ультра-романтическихъ очерковъ. Картина Тифлиса принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ разбираемой нами книги; и если бы почтенный А. П. Муравьевъ, не отступая отъ принятой цѣли, не скупился и на подобныя описанія, то мы думаемъ, что книга его нашла бы еще болѣе читателей.

Обозрѣвъ Карталинію съ Горійскою крѣпостью и святынями Уликана, Уплисцихе и Сіона, авторъ переуправляется въ Имеретію. Кутаисъ, главный городъ вновь учрежденной губерніи и бывшая столица царей имеретинскихъ, — настоящая живая лѣтопись страны, гдѣ каждый камень говоритъ о какомъ-нибудь историческомъ событіи. Теперь въ верхнемъ городѣ — старина и развалины, въ нижнемъ — новыя зданія и слѣды повой, только-что возникающей европейской

жизни подъ сѣнью русскихъ законовъ. Нашъ путешественникъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по окрестностямъ и осмотрѣлъ Гелатъ, гдѣ находится гробъ Давида Возобновителя, и Тамариспихе, развалины увеселительнаго дворца знаменитой царицы Тамари. Имена Давида и Тамари, представителей золотого вѣка грузинской монархіи, славятся во всей сторонѣ; тысячи зданій, построенныхъ или возобновленныхъ ими, тысячи преданій и разказовъ, напоминающихъ ихъ подвиги, до-сихъ-поръ наполняютъ Закавказскій Край. Особенно знаменита Тамаръ: рѣдко встрѣтится городъ, съ которымъ бы не было соединено воспоминаніе о грузинской Семирамидѣ. Царствованіе Тамари составляетъ самую блестящую эпоху грузинской славы. Признательный народъ до-сихъ-поръ называетъ ее именемъ Мепхе (царь), что напоминаетъ остроумное проименованіе, которое принцъ де-Линь даетъ Императрицѣ Екатеринѣ — Catherine le Grand. Тамаръ дѣйствительно была Екатерина-Вторая для Грузіи: она выгнала изъ государства Персовъ, покорила всю страну между Куромъ и Аракомъ, подчинила своей власти всю провинцію отъ Каспійскаго до Чернаго моря, покровительствовала наукамъ, — и вѣкъ ея былъ цвѣтущимъ вѣкомъ грузинской литературы. Авторъ приводитъ два любопытные памятника: завѣщаніе Царя Давида Возобновителя, подлинникъ котораго хранится у генералъ-лейтенанта князя Багратіона, и отрывокъ изъ поэмы временъ Тамари.

Изъ Имеретіи путешественникъ переезжаетъ въ Мингрелію. Здѣсь самое любопытное мѣсто — развалины Николаеви. Это древняя столица Колхиды, Эа, прославленная чародѣйствомъ Медеи и странствованіями Язона, прелестями Цирцеи и приключеніями ея плѣнника Улиса. Живая страница Одиссея! Впоследствии это мѣсто было столицею Лазовъ, — и въ немъ до-сихъ-поръ сохраняются еще христіанскіе памятники временъ Юстиніана. При отъѣздѣ изъ Мингреліи нашъ путешественникъ удостоился получить отъ владѣтельнаго князя Абхазіи драгоценный подарокъ, — серебряныя четки царицы Тамари.

Изъ Редутъ-Кале, онъ отправляется на пароходъ и послѣдней картиной его продолжительной и разнообразной пѣздки является намъ Пицунда, колыбель христіанства на восточномъ берегу Чернаго Моря, полная памяти объ апостола Андрѣя, просвѣтителя Абхазіи. Описаніемъ великолѣпнаго пицундскаго храма, прекраснаго памятника византійской архитектуры, А. П. Муравьевъ заключаетъ свое новое сочиненіе.

Но въ его любопытной книгѣ есть еще одинъ эпизодъ, который мы нарочно берегли къ концу нашей статьи. Это переводъ одной главы изъ славной въ Грузіи поэмы Руставели, извѣстной подъ названіемъ «Барговой Кожи», въ которой пѣвецъ выводитъ предметъ своей тайной любви, царицу Тамарь. Произведеніе грузинскаго Тасса такъ любопытно, и отличается такимъ мѣстнымъ колоритомъ, что мы, не смотря на гекзаметры, которыми оно передано въ русскомъ переводѣ, хотимъ познакомить съ нимъ читателей нашего журнала.

Руставель перенесъ мѣсто дѣйствія своей поэмы въ счастливую Аравію, и не смѣя прямо указывать на царственныя лица, вывелъ ихъ подъ вымышленными именами владѣтелей вымышленнаго царства. Знаменитый Георгій-Третій, отецъ Тамари, является подъ именемъ царя Ростевана, а дочь его Тинатина, «восточное солнце», есть поэтической образъ грузинской Семирамиды. Поэма начинается такимъ образомъ:

Въ Аравіи былъ Ростеванъ, государь владычанный Богомъ,
 Великій и щедрый и кроткій, мощный народомъ и войскомъ.
 Прозорливый, умный судья, любившій и правду и милость,
 Умѣвшій владѣть и мечомъ и рѣчей властительной силой.
 Имѣлъ онъ одну только дочь, юное солнце Востока,
 Которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ блеска:
 Она отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце и душу;
 Хвалить ее могъ лишь мудрецъ, языкомъ многозвучнымъ, высокимъ.
 Царевна звалась Тинатиной. И вотъ когда перси прекрасной
 Воплѣтъ развились и стала она соперницей солнца:
 Возсѣвъ величаво на тронъ, посреди вѣзирей своихъ вѣрныхъ,
 Повелъ съ ними ласковый царь благосклонныя царскія рѣчи:

«Когда въ огромномъ саду засохнетъ увядшая роза,
 На мѣсто исчезнувшей тамъ появится роза новая;
 Свѣтло ужъ гаснетъ и вотъ вы видите сумракъ беззвучный.
 Не лучше ль на тропь возвести младую соперницу солнца?»
 Вельможи сказали царю: «Государь, что смущаетъ васъ старость?
 Когда бы царица садовъ и увяла, довольны мы ею:
 Ея ароматъ и краса пѣвляли насъ долго и пышно,
 И можетъ ли спорить звѣзда съ потухающею полною луною?»

Ростеванъ возводитъ на престолъ Тинатину, и приказываетъ объявить народу свою волю. Потомъ онъ даетъ наставленіе дочери, совѣтуя быть милостивой и щедрой къ подданнымъ. Молодая царица съ радостію повинуется и въ тотъ же день раздаетъ народу свои сокровища. Послѣ роскошнаго пиру, который слѣдуетъ за возведеніемъ ея на престолъ, придворные замѣчаютъ грусть на лицѣ царя и спрашиваютъ его о причинѣ. Онъ отвѣчаетъ, что его тревожитъ мысль о приближеніи смерти, о молодости дочери, у которой нѣтъ братьевъ и другихъ защитниковъ, кромѣ Автандила. Въ лицѣ этого смѣлаго, пылкаго юноши авторъ поэмы рисуетъ самого себя и свою любовь къ Тамари. Автандилъ, въ доказательство того что молодая царица не останется безъ защитниковъ, предлагаетъ царю смѣлый вызовъ состязаться на игрѣ въ мячъ или на охотѣ. Ростеванъ принимаетъ вызовъ и приказываетъ приготовить обширную облаву. На слѣдующій день начинается охота, и Автандилъ остается побѣдителемъ. Отдыхая по окончаніи охоты подъ тѣнью дерева, на берегу ручья, царь увидѣлъ юношу, покрытаго барсовой кожею, который плакалъ на берегу потока.

«Смотрять, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ и плачетъ:
 Покоясь какъ левъ, въ поводу онъ держитъ коня вороного,
 Оружье, сѣдло и приборъ, разубраны жемчугомъ пышно....
 Плачъ сердца слезами тоски обрызгалъ свѣжую розу.
 Могучіе члены красавца окинуты кожею барса.
 И барсовой кожей покрыто чело молодаго героя;
 Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиафа....
 Урѣлы и взоръ отвести не могли, удивляясь видѣнью.
 И посланъ слуга пригласить юношу, полнаго скорби,
 Цошикшаго блѣднымъ челомъ, съ очами безъ жизни и взора:

Слезы хрустальнымъ дождемъ каплютъ съ ресницъ его черныхъ....
 Слуга подошелъ и молчитъ: не до рѣчей ему стало.
 Тутъ море тоски; онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
 Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью:
 Непостижимо рыдало въ немъ сердце, упавшее въ пламя,
 Плачь съ кровью изъ глазъ выступалъ, какъ волны сквозь щели преградъ.

Проникнутый ужасомъ рабъ донесъ ему царскую волю,
 А юноша плачетъ, не внемлетъ; онъ чуждъ впечатлѣнiя жизни.
 Далеко леталъ онъ душою подъ мрачнымъ влiянiемъ думы.
 Осмѣлился посланный вновь донести ему зовъ государя....
 Онъ устъ не раскрылъ.

Оскорбленный Ростеванъ приказываетъ привести юношу силою; тогда незнакомецъ приходитъ въ себя, садится на коня и ѣдетъ. Воины хотять схватить его, но онъ мужественно отбивается, поражая смертельно всякаго, кто осмѣлится приблизиться къ нему, — и какъ духъ исчезаетъ изъ глазъ царя и войска. Тогда глубокое унынiе овладѣваетъ Ростеваномъ. Кроткая Тинатина приходитъ утѣшать его и совѣтуетъ послать погою за незнакомцемъ, говоря, что если посланные втеченiе года не отыщутъ его, то нѣтъ сомнѣнiя — это былъ духъ. Царь исполняетъ волю дочери. Черезъ годъ гонцы возвращаются и доносятъ, что не могли отыскать и слѣдовъ молодаго человека въ барсовой кожѣ. Ростеванъ успокоивается, но молодое царевной овладѣваетъ непреодолимое желанiе узнать незнакомца, и она рѣшается поручить отыскивать его молодому Автандилу.

«Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно сидѣлъ въ своей спальнѣ; Безопасно онъ пѣлъ; подъ перстами звучала стогласная арфа....
 Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины:
 «Чинаровый станъ, онъ сказалъ: встань и иди къ луноликой!»
 Судьба привела наконецъ Автандилу быть позвану къ милой.
 Онъ всталъ и одѣлся въ кабу, драгоцѣннѣйшей ткани востока.
 Онъ радъ, онъ спѣшитъ въ первый разъ на свиданiе къ розѣ....
 О, сладко любезную видѣть и сердцемъ быть близко къ желанной!
 Съ достоинствомъ чистой души идетъ Автандилъ величавый
 Къ тѣмъ взорамъ, чей лучъ непорочный такъ много далъ слезъ ему тайныхъ.

Она несравненная, дороже жувы перловидной, сидѣла,
И будто сурова, красуясь, какъ молнія блистала очамъ.

Влюбленный юноша является къ царевнѣ, и тутъ слѣдуетъ прекрасная сцена, въ которой нельзя не видѣть восточной изысканности и таланта Руставелия. Тинатина говоритъ своему поклоннику :

«Хотя на устахъ у тебя лежитъ заповѣдная тайна,
Но слухи дошли до меня о чувствѣ, хранимомъ тобою:
Я знаю, глаза непрерывно свой жемчугъ кропятъ на ланиты;
Ты розой уколотъ; ты любишь, и страдаешь въ плѣну твое сердце.
Исполни же просьбу мою; вдвойнѣ я владѣю тобою:
Ты подданный мой — и тебѣ нѣтъ соперника въ царствѣ:
Потомъ.... говорятъ, ты влюбленъ.... но надежны ли слухи объ этомъ?
Ищи же; далеко ли, близко ли, гдѣбъ ни былъ исчезнувшій воинъ.
Три года даю тебѣ сроку: иди, выполняй порученье:
Отыщешь — лети, побѣдитель, съ веселою вѣстью къ царицѣ;
Не сыщешь — повѣрю, то правда, онъ духъ безтѣлесный, неаримый!
И розу тебѣ сохранию, какъ даръ непорочный и чистый.»

Молодой любовникъ съ восторгомъ спѣшитъ къ царю испросить дозволеніе на отъездъ, и отвергнувъ предложеніе друга, который желаетъ ему сопутствовать, отправляется одинъ въ неизвѣстный путь.

Здѣсь оканчивается первая пѣсня этой поэмы, памяти времени Тамари, замѣчательная и самою поэзіею и воспоминаемъ ея героини. Конечно, по переводу, и притомъ стихотворному, трудно судить о достоинствѣ подлинника; но содержаніе пьесы, картины грузинскихъ нравовъ и восточный колоритъ, замѣтный въ описаніяхъ и разговорахъ, заставляютъ обратить вниманіе на произведеніе поэзіи, до-сихъ-поръ намъ совершенно незнакомой. Если вся поэма явится когда-нибудь на русскомъ языкѣ, то многіе будутъ благодарны переводчику, хотя, по нашему мнѣнію, онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бъ переводилъ прозой, а не стихами, говоря уже о гекзаметрахъ, которые туго ложатся подъ перо самыхъ даровитыхъ изъ нашихъ поэтовъ.

Изъ нашего краткаго обзора читатели видятъ, какимъ высокимъ интересомъ исполнено все сочиненіе А. Н. Муравьева.

которымъ онъ обогащаетъ русскую литературу въ самое критическое время ея застоя. Изъ этого обзора видно, чего можно и чего нельзя требовать отъ книги нашего путешественника. Кто желаетъ видѣть полную картину Закавказскаго Края, съ его природою, исторіею, топографіею, древностями, тотъ долженъ обратиться къ другимъ сочиненіямъ. Но если читатель возьметъ книгу почтеннаго А. Н. Муравьева съ однимъ намѣреніемъ посѣтить святыни Грузіи и Арменіи, познакомиться съ остатками церковныхъ древностей, съ состояніемъ обителей и храмовъ, съ впечатлѣніями набожнаго богомольца, то онъ съ наслажденіемъ прочтетъ новое произведеніе наблюдательнаго путешественника и согласится съ нами, что эта книга не только составляетъ пріятное явленіе у насъ, но могла бы сдѣлать честь любой европейской литературѣ и стать на ряду съ сочиненіями Ламартиновъ и Штурбриновъ.

■

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ІЮНЬ и ІЮЛЬ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

РУССКІЕ ВОГАТЫРН. *Завѣтная книжка для ратныхъ людей и народа русскаго. Изъ походныхъ записокъ старослуживаго солдата. (С.-П.-буревъ, 1848, въ 12., стр. 193).*

Не всё хорошія книги принадлежать къ хорошей литературѣ, которую, по завѣту предковъ, зовутъ *излишною*, *elegant*, что значить—избранная, отборная, точно такъ же какъ не всё хорошіе люди принадлежать къ хорошему обществу. Между книгамъ, какъ и между людьми, есть своя аристократія, которая не охотно братается съ пришлецами, чуждыми принятымъ въ ней приёмамъ, тону, манерамъ, языку, и въ свой кругъ принимаетъ только то, что наряжено въ ея модное платье, что знакомо съ ея изысканными формами. Хорошія книги, родившіяся на другой ступени языка, одѣтыя въ простое платье, движущіяся и изъясняющіяся размахисто, сознавая собственное свое достоинство, свою полезность, свою благонамѣренность, не должны этимъ обижаться. Зная навѣрное, что онѣ не хуже изящныхъ по уму и не рѣдко

полезіе ихъ несравненно, онѣ могутъ, съ благородною гордо-
стью, признать ихъ притязанія на изящество.

Эта «Завѣтная книжка» *Русскіе богатыри* — бойкая, испол-
ненная патріотическихъ чувствъ импровизація, въ которой вос-
пѣваются славные подвиги русскихъ *богатырей* въ продолженіи
Отечественной Войны и кампаній 1813 и 1814 годовъ. Воинъ-
поэтъ признается, что источникомъ вдохновенія для его пѣсень
послужили произведенія нашего война-историка Александра Ива-
новича Михайловскаго-Данилевскаго. Вотъ заключеніе его эпосен:

«Я, братцы, инвалидъ, солдатъ;
Такъ не судите меня строго,
Что рассказала я вамъ не много,
А есть постарѣ нашъ братъ...
Ужъ лихъ былое все писать.
Невѣсть откуда что берется!
Что подъ руку ни попадется,
Съ плеча — такъ и начнетъ качать;
Про нашихъ храбрыхъ генераловъ
И про войну минувшихъ лѣтъ
Все описалъ и издалъ въ свѣтъ:
Какъ изъ родимой гнали Галловъ,
И съ ними двадцать языкъ;
Какъ до Парижа провожали,
Въ какихъ мѣстахъ ихъ поражали,
И гдѣ поставили въ тупякъ.
Припомнилъ все и гдѣ что было,
Да на бумагу и хватилъ:
Ужъ ничего не пропустилъ.
Да изложилъ-то, вѣдь, какъ мило!...
Мое прочтете, братцы, съ разу;
А вотъ его изволь прочесть!
Такъ нужно плотно ужъ присѣсть;
Да мѣсяцъ не сведешь и глазу.
Начнешь читать, и все впередъ
Вотъ такъ и рвется ретивое,
Желая знать про все былое!
Да, складно пишеть — въ ротъ кладеть».

Справедливость однакожъ заставляетъ насъ сказать, что, въ
этихъ стихотворныхъ разсказахъ разныхъ случаевъ достопамят-
ной войны, самое лучшее безспорно то, чего другіе не могли въ

ротъ автору, но что поэтъ взялъ прямо изъ глубины своей русской и богатырской души. Къ этому разряду принадлежать нѣкоторыя пѣсни и, особенно, слѣдующая *Дума*, сочиненная на привалѣ, 23 августа 1842 года, близъ Колодецкаго Монастыря.

Широкото было во чистомъ полѣ;
Колыхалась на немъ ковыль травушка.
Глубоко то было во синемъ морѣ,
Не дохватить до дна наша думушка;
А поширѣ того сердце Русское
Любить матушку Русь родимую.
Глубоко, глубоко зароняется грусть
Въ ретивыя сердца отъ невзгодушки.

Какъ всколышется православная,
Что ковыль на стени, горемычная!
По раздольному Царству Русскому
Богатырскій народъ думу думаетъ:
«Навѣвайте на насъ, вѣтры буйныя;
«Унесите тоску, иредетныя.
«Изъ за тучъ взойди,— солнце красное;
«Освѣти и согрѣй Царство Русское.
«Оживи ты собой все унылое;
«Свѣтъ живительный намъ дай, родимое,
«Все взлѣвется, грусть разлѣвется,
«Улетить горе, — за сине море!»

СУМСКІЙ, или нѣчто въ родъ были. Сочиненіе Александры Плохово. (Москва, 1848, въ-8., стр. 84.)

Маленькій романъ, до крайности романтическій, съ вулканическими страстями, гвардейскими офицерами, нѣжными графиньями, перехваченными письмами, слезною лавою и штурмомъ Варшавы. Геронии его — чудо красоты и нѣжности, герои — образцы ума и храбрости, языкъ и правописание самаго хорошаго тона, то есть, совершенно не русскіе. Несмотря что сочиненіе написано назадъ тому три года, оно отличается свѣжестью красокъ и несколько не пахнетъ *натуральностью*, о которой такъ хлопотали въ последнее время.

На Петербургской Сторовѣ, въ Пѣвческомъ Переулкѣ, живетъ прекрасная Аделанда, ученица *славнаго фортепianiста Біянки*. Въ прелестный іюльскій вечеръ, когда воздухъ осѣжалъ природу

Цѣвческаго Переулка и луна, царица ночи, рисовалась на тверди небесной, окруженная своимъ штатомъ, великолѣпными звездачками, Аделанда сидѣла у окна и любовалась на проходящихъ будочниковъ, а на окнѣ лежалъ Амуръ. Вдругъ Амуръ замялъ, ученица славнаго Біянки выглянула въ окно и увидѣла лейбъ-гренадерскаго офицера, къ которому давно уже чувствовала какое-то влеченіе въ родѣ симпатическаго. Собаченка, желая, по своей собачьей симпатіи, услужить барышнѣ, кинулась къ окну, растворила его и выкинула на улицу ноты, а лейбъ-гренадерскій офицеръ подхватилъ тетрадку и подалъ ее прекрасной Аделандѣ. Ученица славнаго Біянки поблагодарила рыцаря, завѣла окно и почувствовала, что *такое-то влеченіе въ родѣ симпатическаго* обратилось просто на просто въ любовь. Но тутъ ей представился капитальный вопросъ: какъ зовутъ знакомаго незнакомца? любить ли она Владимира, Аполлона, Евгенія, Александра или Модеста? Какъ *излишно со-вкусомъ* воспитанной дѣвицы, ей конечно не могли прійти въ голову прозаическія имена Ивана, Фаддея, Петра.... Долго не могла она рѣшить этого важнаго вопроса, да вѣрно и не рѣшила бы, если бъ не пріѣхалъ ея крестный отецъ, докторъ, и не объяснилъ случайно, по совершенно кстатѣ, что лейбъ-гренадера зовутъ Платономъ Сумскимъ. Аделанда въ восторгѣ, что очарователя зовутъ по крайней-мѣрѣ Платономъ! «Чудная вещьца это сердце!» точно замѣчаетъ по этому случаю «Нѣчто въ родѣ были».

Между тѣмъ ученица славнаго Біянки, понимая что съ однимъ именемъ не много выиграешь, горитъ нетерпѣніемъ познакомиться съ москѣ Сумскимъ. Чудная вещьца ея требуетъ этого, во чтобы ни стало. Но какимъ образомъ? Крестный докторъ опять выручаетъ; онъ везетъ Владислава, брата своей крестницы, къ Сумскому, а Владиславъ приглашаетъ Сумскаго къ себѣ, и такимъ образомъ лейбъ-гренадеръ у ногъ Аделанды. Въ добавокъ открывается, что онъ — сынъ короткой подружки Аделандиной матери. Тутъ докторъ, видя, что его роль кончена, расклапывается съ читателями и утѣшаетъ изъ романа, съ намѣреніемъ явиться только въ такомъ случаѣ, когда кто изъ героевъ занеможетъ.

Прекрасная Аделанда и прекрасный Платонъ любятъ другъ друга. Сумскій оказывается отъявленнымъ романтикомъ и читаетъ слѣдующую элегію: «Лишенный всего, чѣмъ согрѣваетъ, живить «душу сироты, обреченный горестному одиночеству, я скитаюсь «чуждымъ среди людей, брожу какъ привидѣніе безъ цѣли, безъ «идеи — къ чему каждый стремится; мое сердце полно, очень «полно; оно жаждетъ излиться въ другое, но до-сихъ-поръ не

«находило существа, могущаго воскресить собой всё счастливым
 «мечты моей юности, созданныя пылкимъ воображеніемъ; у меня
 «много пріятелей, но въ нихъ ни одного друга; мнѣ душно среди
 «этой душевной толпы, гдѣ все и во всемъ расцѣтъ; я бы желалъ
 «найти мирный пріютъ радужія, гостепривѣтство добраго семей-
 «ства, дружбу не подкупленную, любовь не расцѣтливую, тогда
 «можеть-быть я былъ бы счастливъ, тогда и для меня возсіяла
 «бы звѣздочка!»

А звѣздочка ужъ сіяла въ полномъ блескѣ и лучи ея согрѣ-
 вали полное до краевъ сердце Сумскаго, которое отыскало ваю-
 щецъ сосудъ, куда могло излиться. «Аделаида и Сумскій любили
 «другъ друга со всѣмъ пыломъ первой любви, со всѣмъ энтузіаз-
 «момъ юности, искра электричества однимъ ударомъ воспламе-
 «нила сердца, какъ бы магнитизируя столкнула одно съ другимъ,
 «сроднила ихъ. Души въ это мгновеніе точно ударомъ гальва-
 «ниама сотрясаются и приковываются одна къ другой.» Вотъ
 это любовь! Электро-магнитно-гальваническая!

Время между-тѣмъ и крылатыхъ бѣгунахъ своихъ доскакала
 до новаго года и привезло нашимъ героямъ такой сюрпризъ, ка-
 кого не привозило ни одному жителю Петербургской Стороны.

«— Кто это къ намъ пріѣхалъ, Аделинъка? спросила тороп-
 «ливо у дочери старушка Ладина, посмотрѣвъ въ окно. Не Пла-
 «тонъ Александровичъ? — Нѣтъ, тата, это не его экипажъ,
 «отвѣчала Аделаида. Но пріѣхавшій былъ уже въ передней, и не
 «успѣла Аделаида кончить, какъ вошелъ въ гостиную пріятной
 «благородной наружности средняго роста пожилой человекъ въ
 «статскомъ мундирѣ, украшенный знаками отличія безпорочной
 «службы за XXXV лѣтъ. Ордена: Святой Анны на шеѣ и Свя-
 «таго Владиміра въ петлицѣ показывали, что онъ служилъ вѣрой
 «и правдой. Темнорусые съ просѣдою волосы и бакенбарды осы-
 «пали блѣдное, но мловидное лицо, на которомъ былъ ясной
 «отпечатокъ доброты и честности! Съ пріятельскою улыбкою
 «поклонившись дамамъ спросилъ онъ Ладина. Владиславъ вѣ-
 «жалъ въ комнату. — А здравствуйте, господинъ Ладинъ! ска-
 «залъ тотъ подавая ему руку: вы, вѣрно, у меня были, но не за-
 «стали дома. Я рано длятого выѣхалъ, чтобъ посѣтить вѣкото-
 «рыхъ изъ моихъ сослуживцевъ. Отрекомендуйте меня вашему
 «семейству. — Если позволите имѣть эту честь, вотъ моя ма-
 «тушка и сестра! Гость вѣжливо раскланялся. — Мнѣ очень прі-
 «ятно, сказалъ онъ Ладинѣ, имѣть удовольствіе познакомиться
 «съ семействомъ одного изъ отличившихся чиновниковъ, ка-

«ковъ ванъ сынъ! Владиславъ Петровичъ, продолжалъ онъ, при-
«ните награду. Онъ подавъ изумленному Ладиву конвертъ, —
«это денежное награжденіе, полное жалованье за весь годъ, съ
«выѣшняго года вы перемѣнены на вакансію съ жалованьемъ
«по тысячѣ рублей. При этомъ поздравляю васъ съ повышені-
«емъ чина!»

Сумскій, узнавъ, что судьба выкидываетъ небывалыя штуки,
возить начальниковъ съ поздравленіями и наградами къ подчи-
неннымъ, рѣшается ковать желѣзо пока горячо. Онъ сватается.
«Чувства давно просились наружу, и вотъ они вскипѣли и изли-
«лись потокомъ лавы, въ изясненіи страстной любви.» Предло-
женіе огпедышущаго любовника принято и Везувій... я хотѣлъ
сказать Сумскій... говорить: «Кончено!» Но судьба выкинула но-
вую штуку. Лейбъ гренадеръ получаетъ отъ отца письмо, въ ко-
торомъ старпкъ извѣщаетъ сына о своей болѣзни и зоветъ въ
деревню. Прощай Пѣвческій переулочъ, прощайте прекрасная
Аделаида, гальваническая любовь, магнетическія наслажденія, элек-
трическія изліянія! Уѣхать и оставить женское сердце на жертву
разлукѣ!... Ужасно! Напрасно Владиславъ старается остановить
лаву; она льется рѣкою.

«Ты не знаешь, кричитъ ему Сумскій, этой неукротимой пы-
«лой страсти! она распространяется какъ пожаръ, сжигаетъ всю
«внутренность и обращается въ пепелъ, все еще сохраняетъ искры;
«она какъ бурный аякловъ бушуетъ съ сильными порывами въ
«грудь и производитъ ужасную бурю, страсти волнуются, поды-
«маются девятымъ валомъ. Любовь похожа на тромбъ морской,
«она поднимается до необозримой высоты и съ силою, какъ кас-
«кадъ, ударяется внизъ.»

Владиславъ, разумѣется, не понимаетъ ничего, и Платонъ уѣз-
жаетъ.

Теперь читатели знаютъ сами остальное. Разумѣется, что отъ
Сумскаго *четыре вѣка* (или мѣсяца) не было писемъ: его счита-
ютъ измѣнникомъ и принимаютъ предложеніе *пожилаго чело-
вѣка, украшеннаго знаками отличія*, который, не имѣя наслед-
никовъ и страдая апевризмомъ, рѣшается *унаследить* прекрас-
ную Аделаиду и предлагаетъ ей руку и деревню съ обязатель-
ствомъ умереть тотчасъ послѣ брака, дабы не останавливать
правильнаго ходу этого романическаго дѣла къ положенной рома-
нымъ регламентомъ развязкѣ. Этотъ женихъ, вы догадываетесь, не
кто другой какъ директоръ, развозящій награды подчиненнымъ. Пос-
лѣ вѣчавья, старпкъ, по условію, свято и перушино умираетъ

отъ своего энеуризма, а ученица славнаго Біанки остается дѣвственною вдовою и уѣзжаетъ въ малороссійскую деревню покойника. Само собою разумѣется, что мосьё Сумскій съ своей стороны *четыре вѣка* не получалъ писемъ изъ Пѣвческаго переулка, и, считая Аделанду измѣнницей, сталъ свататься, по предложенію отца, къ другой, именно, къ графинѣ Милославской, *прекрасной блондинкѣ съ Рубенсовой головкой*. Свадьба уже назначена, только Рубенсова головка отлагаетъ ее на годъ и ѣдетъ на богомолье по святымъ мѣстамъ, а нашъ герой отправляется въ польскій походъ, куда пріѣзжаетъ офицеромъ и Владиславъ, который давно уже *мечталъ о шпорахъ, саблѣ и усахъ*. Жирная пѣвчеста Сумскаго, — въ романѣ не сказано, жирна ли она была или нѣтъ, но я такъ перевожу прекрасное поэтическое выраженіе *Рубенсова головка*; у Рубенса другихъ головокъ кромѣ жирныхъ не бываетъ, — словомъ, графиня Милославская, сосѣдка знаменитой ученицы славнаго Біанки, пріѣзжаетъ къ соперницѣ въ малороссійскую деревню, и соперницы *вмѣсто антипатіи связываются симпатією*. Сумскій и Владиславъ узнаютъ между-тѣмъ въ Варшавѣ, что всю кутерьму надѣлалъ старикъ, отецъ Сумскаго, который, ниѣя въ виду женить сына на Рубенсовой головкѣ, перехватывалъ на повалѣ всѣ письма, адресуемыя въ Пѣвчeskій переулокъ и получаемыя оттуда. Дѣло объясняется; кончивъ походъ, друзья выходятъ въ отставку, скачутъ на почтовыхъ въ Малороссію и падаютъ къ ногамъ возлюбленныхъ.... Читатели вѣдъ знаютъ, что, по древнему закону романовъ, графиня Милославская должна влюбиться въ брата Аделанды. Настаетъ минута сваданія.

« Бываютъ минуты рѣдкія какъ антики, мимолетныя какъ метеоры, но блаженныя, исполненныя неописаннаго восторга; сочувствіе, непонятное думамъ, сродняетъ ихъ при первой встрѣчѣ, электричествомъ сталкивается, зажигаетъ сердца и огонь происшедшій отъ столкновенія не угасаетъ, какъ огонь въ храбѣ Весты.»

Свадьба въ двѣ пары служитъ финаломъ этому *ничто въ родѣ были*.

Содержаніе сочиненія и приведенныя изъ него отрывки говорятъ краснорѣчиво въ его пользу. Остается замѣтить, что въ немъ встрѣчается одно любопытное нововведеніе — не ставить орфографическихъ знаковъ тамъ, гдѣ они приняты, а втыкать ихъ въ всѣ другія мѣста, куда ни пошло.

БРАТВАЯ ИСТОРИЯ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ, и *сенденія объ устройствѣ стая воздушныхъ шаровъ.* (СП.-бурзь, 1848, св. 16, стр. 81.)

Исторія воздухоплаванія именно и нужна была Петербургу, который, одержавъ побѣду надъ холерою, и укрѣпясь діетой, порцонкой, и веселымъ, по предписанію врачей, расположеніемъ духа, не придумаетъ ничего лучше и назидательнѣе какъ завязаться аэронавтикой на Минеральныхъ Водахъ, гдѣ, съ аккомпаниментомъ фейерверка, цыганскихъ пѣсень и Излеровскаго буета, пускаютъ удивительные воздушные шары — съ лошадык, подвязанными подъ шаръ, вмѣсто пошлой, обыкновенной лодки, — и съ рыцарями въ полномъ вооруженіи верхомъ на этихъ лошадыкхъ. Какъ не знать исторіи чудеснаго некуства, которое достигло такой степени совершенства, что лошади взлетаютъ подъ небеса, всадники скачутъ по облакамъ, дамы и дѣвцы въ прелестныхъ амазонкахъ могутъ — *avec des cavaliers charmans* — прогуливаться каждый вечеръ верхомъ въ третьемъ небѣ! Нельзя не согласиться, что авторъ этой квинжонки гениально воспользовался обстоятельствами. Послѣ мыльныхъ пузырей и италянскій оперы нѣтъ ничего достойнѣе вниманія умовъ основательныхъ какъ воздушные шары, пользующіеся нынче многиъ заслуженнымъ благосклоннымъ расположеніемъ почтеннѣйшей публики, и послѣ исторіи мыловаренія и исторіи пѣнія едва ли найдется что либо выпреннѣе, возвышеннѣе исторіи воздухоплаванія.

Предлежащая исторія воздухоплаванія, желая быть совершенно полною, начинаетъ повѣсть свою Монгольферомъ и оканчивается воздушными подвигами госпожи Амаліи Бергъ. Въ ней не смотрятъ на предметъ съ-высока, съ философской точки, не толкуютъ о жизни воздушныхъ шаровъ и о впрочемъ тому подобномъ, а просто рассказываютъ, какъ воздухоплаватели взлетали, падали изъ-подъ облаковъ, ломали себѣ шен, тонули въ моряхъ, горели на воздухѣ... Вы узнаете, что они часто брали съ собой голубей, коноплянокъ, пчелъ, выпускали ихъ изъ кѣтокъ за нѣсколько сотъ футовъ надъ облаками, и такимъ образомъ, дѣлая ученые наблюденія, обогащали науку новыми фактами, проливали свѣтъ на вопросы, важные для человѣчества. «Исторія воздухоплаванія» какъ нельзя больше убѣждаетъ въ огромности услугъ, оказанныхъ намъ этимъ искусствомъ. Но, говоря подробно о Гю-Люссакѣ и Захаровѣ, объ ихъ великихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ, она какъ-то слишкомъ легко отзывается о новѣйшихъ петербургскихъ воздухоплавателяхъ, не смотря на цыганскія пѣсни, фейерверки и Излеровскій буетъ. Для нея важнѣе всего польза

науки, выгоды человечества и воздухоплаваніе въ обширномъ значеніи, — предметы совершенно второстепенные въ лѣтніе вечера на Минеральныхъ Водахъ. Обращеніе ея къ Деятнадцатому Вѣку даже немножко восторженно. «Мы будемъ счастливыми, говоритъ она въ предисловіи, если книжка обратитъ вниманіе на воздухоплаваніе и сколько-нибудь пробудитъ желаніе разрѣшить важный вопросъ: возможно ли воздухоплаваніе въ обширномъ значеніи? Неужели нашъ образованный девятнадцатый вѣкъ оставитъ эту задачу неразрѣшенною? Неужели мы до такой степени проникнуты эгоизмомъ и любовью къ деньгамъ, что не захотимъ пожертвовать нѣсколькими милліонами? Нѣсколько милліоновъ, разумѣется, бездѣлица. Зачѣмъ не пожертвовать нѣсколькими милліонами! Деятнадцатый вѣкъ, при всемъ своемъ эгоизмѣ и любви къ деньгамъ, — напротивъ, именно вслѣдствіе этого эгоизма и этой любви къ деньжкѣ, въ которой «Исторія воздухоплаванія» укоряетъ его, тотчасъ же заложитъ свои деревни и дастъ вамъ сотни милліоновъ на воздухоплаваніе, какъ далъ онъ на пароходство и на желѣзныя дороги: только вы, господа, которые пишете о воздухоплаваніи въ обширномъ значеніи, докажете ясно и неоспоримо, что имѣете надлежащее понятіе о первыхъ основаніяхъ механики и о коренныхъ свойствахъ воздуху, — чего предлежащая «Исторіей воздухоплаванія» не доказываетъ; на противъ. Дайте мнѣ точку опоры и рычагъ, говаривалъ одинъ великій математикъ: я подниму міръ. Дайте точку опоры воздушному шару въ воздухѣ, подобную той, какую корабль, идущій на парусахъ, находитъ въ сопротивленіи воды: управленіе шаромъ и воздухоплаваніе въ обширномъ значеніи, сдѣлаются совершенно возможными. Но бѣда въ томъ, что такой точки опоры нѣтъ въ воздухѣ. Шаръ брошенъ въ потокъ воздуха и несетя съ быстротою того же воздуха, движимаго вѣтромъ: ни руль, ни крыло, ни весло не находятъ нигдѣ сопротивленія; воздухоплаватель предоставленъ совершенно произволу стихій, въ которую онъ погруженъ, и ему не за что уцѣпиться, чтобы умѣрить ходъ, повернуть машину, дать направленіе полету, между-тѣмъ какъ шаръ, самъ собою, медленно вертится на своей вертикальной оси. Все это такъ тѣсно связано съ свойствами воздуху, тяжести, равновѣсія, такъ неизбежно протекаетъ изъ законовъ механики, что одно только забвеніе ихъ можетъ мечтать о возможности передѣлать по-своему эти основныя положенія всякаго порядка въ природѣ. Но у «Исторіи воздухоплаванія» дѣло за такими пустяками не станеть.

«Одно уже то, говоритъ она, что если *нашъ вѣкъ* окончательно докажетъ, что воздухоплаваніе — пустая мечта, составитъ эпоху въ «исторіи наукъ». Какъ! Бросить нѣсколько миліоновъ только на то, чтобы доказать, что петербургская «Исторія воздухоплаванія» плохо училась наукѣ о механическихъ свойствахъ текучихъ и летучихъ жидкостей, тогда какъ полное собраніе лучшихъ трактатовъ объ этомъ предметѣ можно купить за нѣсколько цѣлковыхъ и убѣдиться въ нѣсколько минутъ въ несомнительности этой великой истины!... «Исторія воздухоплаванія» явно принимаетъ *нашъ девятнадцатый вѣкъ* за другой! Онъ готовъ поѣхать на Минеральныя Воды, гдѣ, съ цыганскими пѣснями и «сѣрверкомъ», пускаютъ воздушные шары, которые, взлетѣвъ въ одномъ концѣ деревни, садятся на землю въ другомъ, но на *окончательное рѣшеніе* того, о чемъ нынче в спору начинать нельзя, у него денегъ нѣтъ. Скорѣе же девятнадцатому вѣку заплатить нѣсколько миліоновъ грамматикамъ зато, чтобы они наконецъ перестали увѣрять честной народъ, будто грамматика учитъ *правильно говорить и писать*, тогда какъ собственныя же сочиненія ихъ доказываютъ, что они или говорятъ не умѣютъ, или пишутъ совсѣмъ иначе нежели какъ говорятъ съ порядочными людьми. Это будъ, примѣрно, сказано по случаю —

СИСТЕМЫ СИНТАКСИСА, П. Басистова. (Москва, 1848, въ 8., стр. 76).

УЧЕБНИКА РУССКАГО ЯЗЫКА, составленнаго Александромъ Смирновымъ. (Москва. 1848, въ 8., стр. 187) — и

Творенія эти, чтобы пзвипиться въ своемъ незваномъ появленіи, увѣряютъ, будто нынче вѣкъ монографій и спеціальныхъ изслѣдованій. Мы не станемъ спорить объ этомъ; дѣло въ томъ, что спеціально-монографическіе учебники русской грамматики жестоко ударились въ анатомію. Первая изъ двухъ лежащихъ книгъ анатомируетъ прозу, вторая — поэзію. Вооружась, по собственному сознанію, хирургическими инструментами новѣйшихъ филологовъ Беккера, Боппа, Тределенбурга, Буслаева, оныя грамматики разсѣкаютъ Карамзина, Пушкина, Лермантова, и пожемъ своимъ разоблачаютъ всю ихъ тайную сущность. Если вы не страдаете слабостью перловъ, такъ взгляните на это кровавое трупораззятіе, войдите въ анатомическій театръ русской грамматики, зажавъ ротъ и ноздри платкомъ. Вотъ какъ разсѣкаютъ прозу!

«*Два брата, Ванюшка и Гриша, гуляли въ саду. Младший братъ Ванюшка въ первый разъ увидаль жука. — Гриша, Гриша! закричалъ онъ, что это за странный зверь? я въ первый разъ вижу такого. — «Это жукъ» отвѣчалъ Гриша.*

«Въ предложеніи: *я въ первый разъ вижу такого*, слово *я* замѣняетъ собственное имя Ванюшка, а слово *такого*, замѣняетъ прилагательное имя *страннаго*. Слова замѣняющія имена существительныя и прилагательныя, называются *мѣстоименіями*. Слова *я, такого* — мѣстоименія.

А вотъ стихоразрѣзаніе на Пушкина:

«Въ мысли Пушкина о Наполеонѣ, что онъ *русскому народу* *высокій жребій указалъ*, понятія: онъ, Русь, народъ, высь, жребій, указать, приведены въ слѣдующія отношенія: дѣйствіе *указанія* представлено Пушкинымъ какъ *дѣйствительно совершившееся*; жребій поставленъ какъ *вещь, къ которой направлено было это дѣйствіе*; понятіе *высоты* отнесено къ *указанію* жребію какъ *его свойство*; *народъ* приведенъ въ сопредположеніе съ дѣйствіемъ *указанія* какъ *лицо, которое принимаетъ это дѣйствіе*; *Русь* присоединена къ *народу* какъ *предметъ, которому принадлежитъ этотъ народъ*; наконецъ, определенное *такимъ образомъ дѣйствіе*, то есть, *указаніе русскому народу выскокаго жребія*, приписано Наполеону какъ *лицу, произведшему это дѣйствіе*.

Все это, извольте видѣть, есть объясненіе, развитіе, грамматическое истолкованіе двухъ стиховъ Пушкина:

«Хвала! онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ».

Не разбери этого грамматика такъ умно и отчетливо, вы, подобно Моліерову «Мѣщанину во дворянствѣ» вѣкъ не узнали бы, что такое дѣлалъ Пушкинъ, когда онъ говорилъ:

«Хвала! онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ».

Скажите, что онъ дѣлалъ?... Онъ посредствомъ словъ — онъ — *Русь — высь — жребій*, а *указалъ*, указаніе русскому народу *выскокаго жребія приписалъ Наполеону, произведшему это дѣйствіе*. Словомъ, онъ ничего не сдѣлалъ — *приписалъ дѣйствіе человеку, произведшему это дѣйствіе, что рѣшительно не стоило труда приписывать*, потому что приписываются кому-нибудь дѣйствія только тогда, когда невѣстно кто произвелъ ихъ, или когда вы хотѣ-

те взвалить дѣйствіе одного человѣка на другаго. Поняли ль вы теперь что дѣлалъ Пушкинъ?... Это называется — высшая грамматика.

Посредствомъ этой чудной науки, вы видите всю внутренность стихотворенія, его жилки и нервы трепещутъ передъ вами, какъ сердца жертвы въ рукахъ мексиканскихъ жрецовъ. Польза такихъ опытовъ несомнѣнна: разбирая съ дѣтства прозу Карамзина, стихи Пушкина, вы научитесь говорить такъ, какъ они писали, и какъ не удавалось имъ говорить.

Впрочемъ, въ этихъ книгахъ есть кое-что и хорошее; но господа грамматики, къ несчастію, никакъ не хотятъ отличить методы преподаванія отъ самой системы языка, и забываютъ, что большая разниця между тѣмъ, что требуется отъ преподавателя, и тѣмъ, что должно быть въ книгѣ.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ ОТЪ СОТВОРЕНІЯ МІРА ДО НАШИХЪ ВРЕМЕНЪ. Въ двухъ частяхъ. (СП.-бургъ, 1848, въ 12., стр. 96 и 168).

Весьма хорошее учебное руководство. Цѣлью автора было написать краткую и по возможности полную картину Церкви, отъ первобытныхъ временъ міра до настоящаго состоянія христіанства, и показать всѣ событія, черезъ которыя Промыселъ велъ человѣчество на пути откровенія и святой Вѣры. Эта цѣль достигнута. Въ первой части изложена священная исторія до рожденія Спасителя, во второй — исторія Церкви до настоящаго времени, въ краткомъ объемѣ, но съ достаточною полнотою. Такимъ образомъ, этимъ сочиненіемъ пополненъ недостатокъ въ нашей литературѣ, которая богата духовными произведеніями ученаго достоинства, но не имѣла до-сихъ-поръ достаточнаго краткаго учебника церковной исторіи, несмотря что потребность въ немъ давно чувствовалась всѣми учащими и учащимися.

ПИСЬМА О МАГОМЕТАНСТВѢ. (СП.-бургъ, 1848, въ 12., стр. 159.)

Небольшое сочиненіе это написано съ цѣлью показать превосходство божественнаго христіанскаго ученія надъ заблужденіями послѣдователей Лжепророка. Не входя въ ученый разборъ исламизма и не разсматривая его историческихъ судебъ, авторъ касается только противорѣчій Корана и его несогласій съ догматами нашей вѣры, и съ теплымъ краснорѣчіемъ убѣждаетъ послѣдователей въ чистотѣ и святости ученія Божественнаго Спасителя, изрекшаго людямъ слова любви и мира, а не войны и слѣпаго фанатизма.

твѣ. Вотъ часъ перваго письма, изъ котораго читатели познакомятся: и съ благоуспѣшной цѣлю и съ прекраснымъ изложеніемъ автора.

« Ты такъ убѣдительно просилъ меня, любезный другъ, напи-
 « сать тебѣ, о превосходствѣ христіанской вѣры надъ магоме-
 « танствомъ; ты такъ живо представилъ мнѣ затруднительное
 « твое положеніе въ кругу магометанъ, надъ которыми ты по-
 « ставленъ начальствовать, когда между вами зайдетъ рѣчь о
 « вѣрѣ, что я наконецъ рѣшился удовлетворить твоему желанію,
 « но еще отлагая до времени исполненіе. И вотъ сегодня, толь-
 « ко что я возвратился отъ утрення вербой, съ радостною вѣт-
 « вію пальмы въ рукахъ, моя встрѣча въ дверяхъ посланный
 « тобою ошцеръ татарскій и спросилъ отъ твоего имени, не
 « будетъ ли къ тебѣ писемъ? Признаюсь, я это принялъ за ука-
 « завіе свыше и, не теряя ни одной минуты, съѣлъ къ тебѣ пи-
 « сать. Пусть же, подумавъ я, посланецъ твой, не вѣдая самъ
 « того, что ему ввѣрено, принесетъ тебѣ первое письмо о пред-
 « метѣ, касающемся собственнаго его спасенія.

« Да даруетъ Господь, хотящій всѣмъ человѣкамъ спастися и
 « въ разумъ истины принести, чтобы и сѣн чада Авраамовы, по-
 « Исмаилу и Агарп, познали наконецъ, кто былъ во истину Сынъ
 « Давида и Авраама, котораго сами они признаютъ за великаго
 « Пророка! Пусть и они когда либо, подражая отрокамъ еврей-
 « скимъ, вмѣстѣ съ нами ему воскликнуть: «Осанна въ вышнихъ,
 « благословенъ грядый во имя Господне!» (Мат. XXI. 9.) И онъ,
 « которому, не смотря на его земное смиреніе, лики ангельскіе
 « непрестанно зываютъ: осанна!» Онъ снизойдетъ, по непре-
 « ложному своему обѣщанію, къ зовущимъ его во имя Господне,
 « если только готовы принять его съ отверстымъ сердцемъ, сни-
 « деть и сотворитъ у нихъ обитель съ Отцемъ своимъ небес-
 « нымъ! (Іоан. XIV. 23.) Въ тотъ день, какъ говорилъ онъ нѣ-
 « когда ученикамъ своимъ, на послѣдней вечери съ ними, въ тотъ
 « день, отъ прензбытка своей радости, уже не спросятъ его ни
 « о чемъ (Іоан. XVI. 23.), то есть не будутъ пытливо допраши-
 « вать: дѣйствительно ли онъ Сынъ Божій? Но, получивъ въ
 « сердце свое обильное изліяніе Духа Божія, сами почувствуютъ
 « себя дѣтьми Божиими и постигнутъ, что одинъ только тѣсно
 « соединившійся съ нами Богъ, могъ возвысить человѣковъ до
 « столь блаженнаго ихъ усыновленія.

« О какая минута, другъ мой, если это когда либо совершитъ-

«ся! Боюсь только, чтобы мы христіане, грѣхами своими, со-
 «блазняющими братіи нашихъ, сами не воспрепятствовали ихъ
 «душевной пользѣ! Будемъ молиться, чтобы Господь употребилъ,
 «хотя и недостойныя орудія, къ ихъ спасенію; ибо онъ лучше
 «знаетъ, какую изъ каждаго извлечь пользу. Мы же только, съ
 «дѣтскимъ смиреніемъ и безъ малѣйшаго превозношенія, ничего
 «не приписывая своему мелкому разуму, выскажемъ другъ другу,
 «что у насъ на сердцахъ, и я, помня слышанныя отъ тебя во-
 «просы, буду стараться, по крайнему моему разумію, удовле-
 «творять имъ, основываясь на истинахъ вѣры.»

РАЗНЫЯ НОВОСТІА.

— По случаю продолжительной и тяжелой болѣзни О. И. Сен-
 ковскаго, который только-что начинаетъ отъ нея оправляться,
 и по причинѣ разныхъ затрудненій, причиненныхъ общимъ бѣд-
 ствіемъ, холерою, книжка этого журнала, которой слѣдовало вый-
 ти перваго августа, донынѣ не могла быть вполне отпечатана.
 Редакція и контора «Библиотеки для Чтенія», извиняясь передъ
 подписчиками въ этомъ неумышленномъ замедленіи, спѣшатъ удо-
 стовѣрить ихъ, что книжка эта выйдетъ втеченіи нынѣшняго же
 мѣсяца и будетъ имъ доставлена немедленно по отпечатаніи,
 вслѣдъ за нынѣшнею, сентябрскою книжкою. Октябрская и слѣ-
 дующія книжки, выйдутъ въ свое время.

=

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ИЗЪЕДИТЕЛЬНОЕ КИТАЙ ПУОКЛЕРЪ-МУСКАУ ПО СЕРГІИ И МАЛОЙ
ЛЮДИ. *Мертвое Море. Санданіе съ лоды Стенголь. Сказка о султа-
нѣ Мурадѣ. Эмгя Шамаронъ. Проклятый городъ и каменные гри-
бы. Лабранда. Алабанда. Древній театръ. Электрическія дѣлуш-
ки. Пляска деришей.* Въ прошломъ мѣсяцѣ мы уже сообщили
вашимъ читателямъ статью, выбранную отрывками изъ послед-
няго сочиненія князя Пюклеръ-Муснау: «Die Rückkehr». Вотъ
еще нѣсколько отрывковъ, не лишенныхъ занимательности. Про-
сите только не изыскать за порядкомъ. «Паша фонъ-Мускофъ»,
какъ его называютъ Нѣмцы, очень пріятный рассказчикъ, и го-
воритъ обо всемъ на свѣтѣ, въ особенности же о лошадахъ, ко-
торыя составляютъ страсть изъ страстей его, но о системѣ ни-
когда не заботится: всѣ предметы, статистика, анекдоты, дре-
восты, кухни, нравы, прѣкляченія, исторія, — все у него перемѣ-
шивается какъ камешки и стеклышки въ налейдосковѣ. Онъ, разу-
мѣется, посѣщалъ Ерусалимъ и всѣ свѣтыя мѣста, но замѣчанія
его объ нихъ не отличаются новостью, и потому мы пропускаемъ
ихъ. Отъ Мертваго Моря князь въ восхищеніи. Онъ доказы-
ваетъ, что европейское повѣрье, будто ли въ водахъ ли по
берегамъ этого моря не могутъ существовать никакія животныя,
ни растенія — совершенно ложно. Въ водѣ нюкк монастыря Свя-
таго Саввы ловятъ рыбу, а берега князь нашелъ устѣянными мно-
жествомъ цвѣтовъ, кустарниковъ и камышу, въ которомъ жи-
вуть дикія свиньи, кошки, гіены и журавли. Но первую досто-

привѣтливостью въ Сирин всё-таки остается знаменитая Англичанка.

Быть въ Сирин и не видать леди Стенгопъ — то же, что быть въ Римъ и не видать папы. Въ послѣднее время доступъ къ леди Стенгопъ сталъ очень труденъ для путешественниковъ, даже для знаменитыхъ. Изъ послѣднихъ Клотъ-Бей и докторъ Боурингъ напрасно добивались этой чести и получили рѣшительный отказъ. Князь Пюклеръ приписываетъ это нерасположеніе знаменитой леди нескромности господина Ламартина, котораго книга и рассказъ о свиданіи случайно попались ей на глаза и очень не понравились. Князь объ этомъ свиданіи хлопоталъ очень настойчиво, даже интриговалъ, и наконецъ, съ помощью домашняго доктора ея милости, не только былъ принятъ, но даже гостилъ цѣлую недѣлю въ Даэръ-Джунъ.

«Былъ прекрасный день, говорить путешественникъ, когда я получилъ наконецъ давно желанное приглашеніе и со всею моею свитой и прислугой отправился въ горы, гдѣ царствуетъ леди Стенгопъ. Мы долго ѣхали по дурнымъ каменнымъ горнымъ тропинкамъ, пробираясь между утесами, очень рѣдко украшенными кое-гдѣ группой деревьевъ или мелкимъ кустарникомъ. Въ котловинѣ Даэръ-Джунъ однако жъ нашли уже довольно обработанной почвы, болшею частью на террасахъ, устроенныхъ, конечно, съ большимъ трудомъ. По срединѣ, передъ нами, за бѣлымъ русломъ высохшаго потока, возвышался крутой конусъ, увѣнчанный каменною оградой, изъ-за которой выгладывали крыши и вершины нѣсколькихъ отдѣльныхъ строеній. Это былъ замокъ леди Стенгопъ.

«Въ воротахъ замка меня встрѣтилъ мой новый пріятель, докторъ Меріонъ, который тотчасъ же указалъ отведенную мнѣ квартиру, очень миленькій павильонъ, окруженный особымъ садомъ и снабженный всѣмъ комфортомъ, какого только возможно пожелать въ Сирин. Тутъ же докторъ увѣдомилъ, что миледи можетъ принимать меня не иначе какъ въ первомъ часу ночи. Это мнѣ очень понравилось, потому что въ странѣ Тысячи и одной ночи дневной сонъ гораздо болѣе подкрѣпляетъ нежели ночной.

«Въ назначенный часъ докторъ и одинъ невольникъ съ свѣтильникомъ проводили меня черезъ нѣсколько дворовъ и корридоровъ къ большому павильону, гдѣ жила сама хозяйка и куда даже изъ домашнихъ никто безъ особеннаго позволенія не смѣетъ войти. Самъ докторъ остался за порогомъ, а меня приняла пожилая служанка. Она провела по совершенно темному корри-

дору къ двери, заштанной красною драпировкой, сквозь которую мерцалъ свѣтъ огня. Воображеніе у меня было порядочно подготовлено разными, давно ужеслышанными, страшными разсказами, и потому не удивительно, что сердце забилось сильнѣе передъ этимъ завѣтнымъ порогомъ. Я ожидалъ чего-то чрезвычайнаго, фантастическаго, но ожиданіе обмануло меня, — можетъ быть, именно потому, что я далъ моему воображенію ужъ слишкомъ много воли. Въ небольшой комнатѣ, убранной удобно, но очень просто на обыкновенномъ диванѣ сидѣла немножко блѣдная и слабая отъ недавней болѣзни пожилая дама, которая ласково указала мнѣ мѣсто на англійскомъ креслѣ.

«Пріемъ и обращеніе вполне соответствовали благовоспитанной и изящной европейской дамы, у которой грація манеръ еще вызывалась восточнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Въмѣсто пышно разодѣтыхъ рабовъ, которые будто бы падая ницъ приближаются къ своей строгой повелительницѣ, я видѣлъ только одну скромную служанку, которая меня ввела и которая обходилась съ госпожею такъ, какъ вездѣ въ порядочныхъ домахъ принято. Въ одеждѣ самой леди Стенгопъ я также не замѣтилъ никакого слѣда претензіи. Красная чалма, бѣлый длинный, до полу, бурнусъ, алые шелковые шальвары и такого же цвѣту сафьянная обувь, доказывали только, что леди очень основательно предпочитаетъ удобный восточный костюмъ безвкусному европейскому.

«Когда леди Стенгопъ потомъ вставала нѣсколько разъ и проходила по комнатѣ, чтобы показать мнѣ вещи, о которыхъ шла рѣчь, она дѣйствительно показалась мнѣ древнею Сивиллою. Блѣдное правильное лицо, темные блестящіе глаза, высокій ростъ, бѣлая долгополая одежда, красный головной уборъ, важныя движенія и звучный, нѣсколько мужественный голосъ, — во всемъ этомъ было много поразительнаго, но ни тѣни поддѣльнаго: напротивъ, невозможно быть проще и естественнѣе леди Стенгопъ, которая, по своему твердому характеру, презираетъ все притворное.

«— Съ тѣхъ поръ какъ состояніе мое подтало, говорима она, я живу здѣсь деревнемъ и уже не нуждаюсь въ роскоши. Чѣмъ старѣе я становлюсь, тѣмъ и потребности мои, слава Богу, становятся ограниченнѣе, и тѣмъ болѣе я стараюсь приблизиться къ природѣ, отъ которой насъ удаляетъ европейская образованность. Мои ожерелья и драгоценности — розы; часами служатъ мнѣ солнце, луна и звѣзды; пищей — плоды и вода. По вашей

эпизиомин, продолжала она съ улыбкой, я вижу, что вы большой эпикурецъ. Вамъ не легко будетъ прожить у меня недѣлю.

«На эту шутку я могъ отвѣтить довольно прилично: мнѣ уже извѣстно было, что гостей своихъ леди Стенгопъ вовсе не принуждастъ къ такой строгой діетѣ, какую наблюдаетъ сама, и что ея бѣдность — англійская, то есть еще довольно равносильная нѣмецкому богатству. Однако жъ, сравнительно, она въ-самомъ-дѣлѣ могла назваться обѣдѣншею, потому что доходы ея сократились до одной шестой доли прежнихъ.»

«Предметомъ нашихъ бесѣдъ большею частію служили звѣзды и астрологія, въ которую леди Стенгопъ вѣруеть съ полнымъ убѣжденіемъ. Она изложила мнѣ даже всю свою теорію по этому предмету, и я могу сказать только, что впродолженіи осьми дней или, лучше сказать, ночей, въ которыя по шести часовъ къ-ряду наслаждался бесѣдою дээръ-джунской помѣщицы, я ни на минуту не зналъ скуки или утомленія. Я могъ бы цѣлые томы наполнять этими занимательными и чрезвычайно разнообразными разговорами, и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе чувствовала себя привлекаемымъ этою необыкновенною женщиной, въ которой съ желѣзнымъ характеромъ соединялась такая дѣтская вѣра въ сказки, и съ самымъ проникательнымъ знаніемъ свѣта и людей — самыя трогательныя черты простодушія и дѣвственной нѣжности. Память у нея изумительная: она съ легкостью и совершенною увѣренностью возвращается къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ, и какъ она, въ блестящую пору своей молодости, впродолженіи десяти лѣтъ, пользовалась такимъ полнымъ довѣріемъ своего дяди, знаменитаго Питта, что во всей Англіи почиталась правою его рукой и имѣла большое вліяніе на политику, то, конечно, немногіе способны дать столько интересныхъ объясненій насчетъ того времени, сколько она. По смерти Питта, благородный противникъ его, Фоксъ, хотѣлъ было почтить ее двумя тысячами фунтовъ стерлинговъ пенсіи, которую она однако жъ отвергла, и, не находя уже послѣ дяди ничего привлекательнаго въ Европѣ, навсегда покинула родину. На Востокѣ долгая романтическая жизнь ея съ перваго шагу началась бурей. Она потерпѣла кораблекрушеніе, въ которомъ лишилась большой суммы денегъ, драгоценностей и всѣхъ своихъ вещей; едва-едва спасла жизнь; провела цѣлую ночь на какой то песчаной мелн, среди разъяренныхъ стихій, и, при всемъ томъ, своимъ присутствіемъ духа много содѣйствовала спасенію экипажа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ она выдержала чуму и отправилась въ пусты-

ню. Известно, какое она сумѣла приобрести невѣроятное вліяніе на умы Арабовъ и какъ долго сохраняла его, пользуясь почестями какъ царяца или какъ существо высшаго разряду. Чтобы достигнуть всего этого, ея твердости и присутствію духа нужно было выдержать много такихъ испытаній, которыя не по силамъ были бы, можетъ быть, инымъ героямъ-мужчинамъ.

Однажды, во время войны эмира Драйя съ другимъ предводителемъ бедуиновъ, леди Стенгонъ ѣздила въ Пальмиру, подъ прикрытіемъ самого Драйя съ тремястами всадниковъ. Драй назался очень озабоченнымъ и, прибывъ на такое мѣсто, гдѣ примѣтилъ подозрительные признаки непріятеля, оставилъ леди съ ея людьми на короткое время, а самъ съ отрядомъ поскакалъ впередъ для обозрѣнія мѣстности. Леди Эскеръ была вооружена, такъ же какъ и всѣ ея люди. Она, не сходя съ лошади, прождала около часу, какъ вдругъ показалась страшная толпа бедуиновъ. Вся свита, въ ужасѣ, бросилась бѣжать. Одна леди съ гнѣвомъ выхватила пистолеты, взвела курки и поскакала на встрѣчу къ бедуинамъ. Но въ ту самую минуту, когда готовилась выстрѣлить, она узнала Драйя, который соскочилъ съ коня, чтобы поцѣловать у нея руку, между тѣмъ какъ столпившіеся вокругъ бедуины съ оглушительнымъ восторгомъ приветствовали ее и провозгласили царицею Пальмиры. Бѣдный докторъ Меріонъ такъ же находился въ числѣ бѣжавшихъ, и потому до сихъ поръ часто подвергается насмѣшкамъ своей покровительницы.

Могущество леди Стенгонъ возрасло до того, что сильный въ Сириі эмиръ Беширъ долженъ былъ преклониться передъ нею. «Я повела бы на него осемьдесятъ тысячъ Арабовъ, если бы онъ не уступилъ», говорила она гордо. Она показывала мнѣ письменный отвѣтъ знаменитаго Драйя, къ которому обращалась какъ къ союзнику и который тогда повелѣвалъ племенами почти половинны пустыни и побилъ Вагабитовъ въ двухъ большихъ сраженіяхъ. Это тотъ самый князь, о которомъ такъ много говорится въ приложеніи къ путешествію Ламартина. Обернутое въ шитую золотомъ обложку письмо было такого содержанія:

«Отъ Драйя, льва пустыни, Эскери, звѣздѣ Востока, привѣтъ съ любовью и услугою. Тѣ, которые повелѣваютъ дружбѣ Махана-эль-Фадела (бывшій врагъ и потомъ тесть Драйя) и саблѣ Драйя, держать всю пустыню въ своей рукѣ, какъ перстень обнимаетъ палецъ. Войско безъ числа, кони, верблюды, порохъ и свинецъ и запасы пищи, все готово; только повели твоему вѣрному другу Драйю.»

«Я немножко неосторожно спросилъ, не былъ ли Драй ея любовникомъ.

— Такихъ вещей обо мнѣ много болтали, отвѣчала она просто-душно, но все это вздоръ. Арабы всегда видѣли во мнѣ ни женщину ни мужчину, а существо особаго рода.

«Знаменитѣйшіе изъ нынѣшнихъ арабскихъ поэтовъ часто воспѣвали ее. «На главѣ твоей, говоритъ одинъ изъ нихъ, ты носишь честь царей, а въ сердцѣ — смиреніе деревяна.» Однажды она посѣтила Селектара-пашу въ Дамаскѣ и была осыпана почестями, которые болѣе утомляли нежели радовали ее. Бывшій при этомъ знаменитый арабскій поэтъ съ участіемъ спросилъ ее, не желаетъ ли она отдохнуть. «О, нѣтъ», отвѣчала она: я не устала; я только невольно задумалась о суетѣ всего на свѣтѣ.» На это любезный поэтъ тотчасъ отвѣчалъ прекрасными арабскими стихами: «Все суета, говоришь ты, какъ великій Салиманъ. Но ты сама противорѣчишь себѣ: въ тебѣ нѣтъ ничего суетнаго. Развѣ на челѣ твоемъ мудрость не воздвигла своего престола на развалинахъ заблужденія?»

«Будучи окружена такимъ почтеніемъ, леди Эсэри, конечно, всюду могла являться повелительницей. Только съ тѣхъ-поръ какъ въ Сиріи явился дѣйствительный государь, Мегметъ-Али, и съ нимъ практическій Ибрагимъ, и съ тѣхъ-поръ какъ истощенное состояніе уже не придаютъ леди Эсэри прежняго царственнаго сіянія, вліяніе ея значительно упало, хотя она и дониндѣ пользуется въ всемъ краѣ большимъ уваженіемъ и любовью за свою благотворительность. По взятіи Сенъ Жанъ д'Акра, когда имѣніе ея было уже значительно истощено, сотни изгнанныхъ приверженцевъ Абдаллы пришли искать у нея пріюта и пропитанія; она ни одному не отказала, твердо устояла противъ побѣдительныхъ требованій выдачи и цѣлый годъ содержала изгнанниковъ на свой счетъ. Одинъ Французъ, которому теперь слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, бывшій полководецъ какой-то индѣйской царицы и старинный знакомецъ леди Эсэри, возвращаясь съ нажитымъ богатствомъ въ отечество, потерялъ кораблекрушеніе у сирійскихъ береговъ и лишился всего своего имущества. Леди Эсэри приняла его, не могла однако жъ ужиться, и потому купила ему другой замокъ въ горахъ и назначила пенсію, которою онъ до сихъ-поръ живетъ спокойно и почти такъ же странно какъ сама она. Примѣчательнѣе же всего то, что они съ тѣхъ-поръ ни разу не видались. Такихъ случаевъ мнѣ рассказывали множество, и нѣтъ сомнѣнія, что расточитель-

ная щедрость была одною изъ главныхъ причинъ разстройства состоянія леди Эсэри.

Хотя леди Стенгопъ уже давно очень мало пишетъ и еще меньше читаетъ, однако жъ въ продолженіи своей богатой приключеніями жизни здѣсь и при сношеніи съ именитѣйшими людьми на востокѣ, она собрала великое множество свѣденій и замѣтокъ, изъ которыхъ вѣрная ея память не упускаетъ ни малѣйшаго обстоятельства, такъ что едва ли кто лучше ея въ состояніи объяснить многіе вопросы и истинныя понятія Арабовъ насчетъ различныхъ оттѣнковъ вѣрованій, таинственнаго исповѣданія Друзовъ, многихъ преданій и сказокъ, и даже насчетъ исторіи этихъ народовъ. Одна изъ любимыхъ идей ея — отыскиваніе колыбели всѣхъ европейскихъ народовъ на Востокѣ. Такъ, напримѣръ, она убѣждена, что Шотландцы происходятъ отъ арабскаго племени Бенни-Корешъ и нарѣчіемъ этого племени очень правдоподобно объясняетъ до-сихъ-поръ ни кѣмъ не понятый девизъ герцоговъ Лейнстеровъ и имя озера Лохъ-Абаръ. Ирландцы, по ея мнѣнію — финикійскаго или кароагенскаго происхожденія. Это послѣднее мнѣніе поразительно согласуется съ новѣйшимъ открытіемъ одного Ирландца, который доказываетъ, что кароагенскій рабъ, въ Плавтовой комедіи Ресулусъ, — тамъ, гдѣ онъ говоритъ по-кароагенски, — говоритъ чисто по-древне-ирландски.

Само собою разумѣется, что кромѣ астрологіи и всѣхъ мистическихъ чудесъ, которыми, какъ извѣстно, занято воображеніе леди Эсэри, рѣчь у хозяйки съ гостемъ была и о пришествіи новаго Мессіи, котораго она ждетъ. Князь Пюклеръ видѣлъ также знаменитую кобылицу и жеребенка съ природнымъ сѣдломъ, которыхъ она бережетъ на этотъ случай. Наконецъ коснулись багдадскихъ каллифовъ и сказочниковъ, и тутъ леди Эсэри разсказала очень миленькую сказку о султанѣ Мурадѣ, любимомъ въ Дамаскѣ падишахѣ турецкаго государства.

У славнаго и мудраго, но нѣсколько своенравнаго султана Мурада былъ предобрый и преумный великій визирь, который вступался въ дѣло какъ примиряющій посредникъ вездѣ, гдѣ падишаху случалось слишкомъ увлекаться прихотью или страстями. Этимъ онъ спасалъ многихъ отъ бѣды, но зато наконецъ надоѣлъ повелителю своей правдой, такъ, что тотъ сталъ искать благовиднаго повода избавиться отъ досаднаго совѣтника. Поводу ни какого не представлялось, и султанъ, разсердившись, рѣшился, что называется, за бороду притащить и случай и поводъ. Онъ былъ падишахъ и воля его — законъ.

«Прогуливаясь однажды съ визиремъ по саду, около терема султана остановился передъ кипѣвшимъ надъ жарою водою котломъ съ водою, и, послѣ втораго раздушья, спросилъ у визира, слышитъ ли онъ странные звуки, которыми вода какъ-будто говоритъ что-то выразить.

« — Ты, говорилъ онъ, который такъ мудръ, ты, который все лучше другихъ знаешь, ты долженъ знать, что говоритъ вода, и я желаю, чтобы ты сообщилъ мнѣ смыслъ ея речей.

«Визирь почтительно извинился и увѣрялъ, что тутъ все его вѣденію извѣстно ему.

« — На что же мнѣ твоя служба, если ты уже не умѣешь отвѣчать на мои вопросы? возразилъ султанъ, нахмуривъ брови: я даю тебѣ шестьдесятъ дней сроку, чтобы узнать, что говорила вода. Если ты послѣ этого не сможешь, я велю положить тебѣ безтолковую твою голову къ ногамъ.

«Пришедши домой и раздумывая о горькой своей участи, Абу-Гассанъ вспомнилъ, что Дамаскъ издревле славился своими мудрецами и учеными мужами, которымъ не только извѣстны всѣ человѣческія знанія, но доступны и глубокія тайны природы и міра духовъ. Утомящій хватается и за соломинку. Абу-Гассанъ возложилъ все свое упованіе на Аллаха и на дамаскскихъ мудрецовъ, не теряя времени нарядился простымъ поселенцомъ и, безъ провожатаго, пустился въ дорогу къ «Серебряному Городу.»

«Черезъ нѣсколько дней пути, на равнинѣ Вака, онъ встрѣтилъ порядочно одѣтаго хлѣбопашца, который занимался жатвой.

« — Аллахъ тебѣ въ помощь, добрый человѣкъ; что ты дѣлаешь? спросилъ Абу-Гассанъ.

« — Спасибо; слышь что ли ты? Развѣ не видишь, жатву собираю.

« — Вижу, продолжалъ Гассанъ, но мнѣ хотѣлось знать, принадлежитъ ли эта жатва своему хозяину, или она уже съѣдена.

« — Ну, вѣрно, мозгъ твой не совѣтъ въ исправности, сказалъ съ удивленіемъ хлѣбопашецъ: какъ же жатва можетъ быть съѣденною, когда она теперь только съ поля снимается.

«Абу-Гассанъ пошелъ своей дорогой, а хлѣбопашецъ, окончивъ работу, поспѣвши домой и разказавъ своей умной дочери, какого видѣлъ необыкновеннаго чудака. Дочь хлѣбопашца, Фатыма, слыла не только красавицей по всей окрестности, но пользовалась и общимъ уваженіемъ по проницательности своего ума. Она со вниманіемъ выслушала разказъ отца и потомъ спросила, не-

льда ли отыскать странника, который заводитъ такіе необыкновенныя рѣчи.

« — О! найти его не трудно, отвѣчалъ отецъ: онъ сказалъ мнѣ, что намеренъ почевать подъ большимъ деревомъ у колодца, что подъ елоемъ.

« — Тебѣ нужно послать ему ужинъ, сказала дочь и, доставъ семь хлѣбцовъ, чашку кислаго молока и дюжину вѣтенихъ яицъ, отдала отцу, чтобъ свезъ путешественнику; отдалъ отъ нея немного и сказалъ бы такъ: вагъла, дескаты, дочь моя, Фатьме, сообщишь тебѣ, добрый человекъ, что въ недѣлѣ семь дней, въ году двѣнадцать лунъ и луна полна.

« Визирь, которому невръзвычные труды прѣшодства придали, можетъ-быть, аппетиту побольше обыкновеннаго, пашель, что скромный ужинъ доброй поселанки гораздо вѣнше хитрыхъ изобретеній его поваровъ, и, поужинавъ и отблагодаривъ, послалъ такой отвѣтъ:

« — Въ недѣлѣ уже только пять дней, въ году только девять лунъ и луна уже не полна.»

« — Аллахъ великъ! нѣтъ Бога кромѣ Бога! сказалъ земледѣлецъ, который вовсе не понималъ этихъ рѣчей, однакожъ пошелъ и въ точности исполнилъ порученіе.»

« На утро, возставъ отъ криваго сна, Абу-Гассанъ отыскалъ домъ хлѣбопашца, чтобы еще разъ лично поблагодарить умную дѣвушку за вниманіе и угощеніе. Войдя въ домъ, онъ въ изумленіи и восхищеніи остановился на порогѣ. Дѣвушка поразила его своею необычайной красотой и къ тому-жъ она въ это время кипятила воду въ котлѣ и готовилась варить отцу кофе. Это показалось визирю мановеніемъ самой судьбы.

« — О, ты, чудесная фіалка долины! вскричалъ старикъ: я попалъ умную рѣчь твою, но отъ тебя, конечно, зависить сказать мнѣ еще и такое, отъ чего будетъ зависѣть и жизнь и достоиніе мое. Ты слышишь страшные звуки, которыми какъ-будто говорить вода, что кипитъ у тебя подъ руками. Скажи мнѣ, что говоритъ вода?

« — Вода, отвѣчала дѣвушка подумавъ и посмотрѣвъ на почтеннаго старика: вода говорить....

« Тутъ дѣвушка наклонилась къ уху гостя и прошептала нѣсколько словъ, и при каждомъ словѣ у Абу-Гассана становилась свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ радости.

« — Да, ты правду говоришь! вскричалъ онъ въ восхищеніи:

ты умнѣ Иблиса и прекраснѣ всѣхъ хурій. Теперь дамасскіе мудрецы нѣ уже не нужны!

«Съ этии словами ошастливленный визирь положилъ къ ногамъ своей забавительницы комелекъ съ золотомъ и поспѣшилъ въ обратный путь. Прибывъ раньше срока, онъ тайно скрылся въ одномъ изъ своихъ загородныхъ домовъ. Это онъ сдѣлалъ не напрасно, потому что прежде тѣмъ прошли два мѣсяца, султану не разъ доводилось принимать, какъ полезекъ и мушкетъ ему былъ докучный совѣтникъ Абу-Гассанъ, такъ, что онъ въ душѣ уже раскаявался, за тѣмъ усмалъ его. Наконецъ срокъ наступилъ и визирь явился.

« — Повелитель правотѣрныхъ! сказалъ онъ, упавъ ницъ: вѣрный рабъ твой исполнилъ волю своего падишаха. Счастье и слава тебѣ до конца міра!

«Тутъ онъ въ точности разсказалъ, какъ, въ отчаяніи, отиравился къ мудрецамъ, въ Дамаскъ, за совѣтомъ, и какъ бы ему теперь пришлось сложить повинную голову, если бы не нашелъ, въ долинѣ Бака, дѣвушки лучезарной красоты и мудрой какъ Солманъ.

« — Она, о падишахъ! знаетъ, что говорить вода на огнѣ.

« — Ты шутишь! возразилъ султанъ недоувѣрчиво.

« — Рабъ твой не осмѣлится шутить, повелитель. Она сказала мнѣ, что говорить вода, и ты поймешь глубокой смыслъ ея рѣчи. Вода говоритъ: «Я вѣрнѣйшая раба Аллаха; всякая жизнь и всякое благосостояніе зависятъ отъ меня, и даже царственный кедръ, гордость лѣсовъ, засохъ бы безъ меня, не только простые деревья вокругъ него. За тѣмъ-то я, по праву, любимца Аллаха: безъ меня и города и села погибли бы отъ жажды.»

« — О Аллахъ! вскричалъ Мурадъ и разсѣялся: вода говоритъ за тебя какъ искусный стряпчій, и дѣвушка — тоже умница. Я не только дарю тебѣ жизнь, но и милостей ты отнынѣ увидишь больше прежняго. Теперь же приготовься провожать меня на пути въ долину Бака. Утренняя заря должна застать насъ за воротами, въ одеждѣ дервишей.

«Мурадъ такъ спѣшилъ увидѣть красавицу, что въ дорогѣ едва давалъ себѣ сроку отдохнуть, пока не добрался до мѣста. А тутъ прелести и осторожные отвѣты дочери хлѣбопашца такъ очаровали его, что онъ объявилъ изумленному визирю намѣреніе принять Фатьму въ чело своихъ жемъ. Однакожъ, прежде объявленія настоящаго своего званія, онъ хотѣлъ подвергнуть ее тройному испытанію.

«Она сняла одежду дервиша, явился въ другой, богатой, и назвавшись придворнымъ султана, объявилъ дѣвухѣ, что по слухамъ узналъ о ея красотѣ и достоинствахъ, и явился въ скромной одеждѣ дервиша, затѣвъ чтобъ лучше убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ; теперь же предлагаетъ ей свою руку. Хитрая Фатьме тотчасъ же согласилась, отецъ ея также, и свадьбу тотчасъ же, въ присутствіи кадія, законнымъ порядкомъ справили. Но когда настала ночь, Мурадъ, на брачномъ ложѣ, между собою и женой положилъ свою саблю, что на Востоку служитъ знакомъ намѣренія совершенно воздержаться отъ супружескихъ ласкъ, и для молодой, въ первую ночь брака, конечно, должно было показаться жестокою обидой.

«Фатьме провела цѣлую ночь въ досадѣ, а Мурадъ, на утро, вставъ и подавая ей ларчикъ, запечатанный его перстнемъ, съ усмѣшкою сказалъ:

« — Прекрасная Фатьме, мы съ тобой снова увидимся тогда только, когда ты исполнишь три задачи, которыя для другихъ женщины могутъ быть и не выполненными, но которыя съ твоимъ умомъ, я надѣюсь, очень возможно исполнить. Въ этомъ запечатанномъ ларчикѣ заключается ожерелье, которое ты должна надѣть, а ларчикъ за печатью мнѣ возвращать въ цѣлости. Потомъ вчера я видѣлъ на дворѣ твою арабскую кобылу и желаю чтобы она принесла жеребенка отъ моего черного жеребца, котораго я однакожъ къ ней не пушу. Наконецъ, ты знаешь, какъ мы провели ночь; между тѣмъ, я хочу, чтобъ ты, безъ моего вѣдома, отъ меня родила сына. Черезъ два года я ворочусь и увижу, исполнила ли ты мои желанія. Если не исполнишь, то свиданіе будетъ послѣднимъ. Денегъ и всякаго добра я тебѣ оставляю столько, что ты два года можешь прожить, не скучая въ разлукѣ.

«Съ этимъ словомъ султанъ уѣхалъ, оставивъ молодой женѣ большую сумму денегъ и множество дорогихъ вещей.

«Бѣдная Фатьме, дѣвушка-вдова, сперва расплакалась, потомъ задумалась, и, вѣрно, придумала дѣло, потому что розы на щекахъ мало по-малу снова расцвѣли и въ прекрасныхъ глазахъ снова засвѣтились искры отваги и остроумія. Снова обдумавъ хорошенько предложенныя задачи, она заказала въ Дамаскѣ богатые мамлюковскія платья, купила оружія и лошадей и всего, что нужно для путешествія чужеземнаго царевича. Потомъ она созвала нѣсколько хорошихъ и ловкихъ подругъ, всѣхъ ихъ нарядила по мужскому и вооружила, чтобъ служила ей конвоемъ

въ путешествіи; затѣмъ и сама нарядилась въ пышный персидскій костюмъ, почернѣла и подкрасила лицо, чтобъ никто не могъ узнать, сѣла на свою арабскую кобылу и отправилась вмѣстѣ съ конвоемъ въ Малую Азію, гдѣ тогда находился султанъ.

«Прибывъ въ то мѣсто, гдѣ султанъ тѣшилса охотой, Фатьме раскинула своей лагерь и, поддерживая честь племянника персидскаго шаха, сыпала вокругъ себя богатыми подарками, — единственное средство на Востокъ доказать знатность своего роду и важность званія, — а вмѣстѣ съ тѣмъ распространила слухъ, что молодой царевичъ считаетъ себя первымъ въ свѣтѣ игрокомъ въ шахматы. Ей уже извѣстно было, что султанъ Мурадъ самъ считаетъ себя первымъ по этой части, и хитрость удалась: слухъ дошелъ до султана и онъ не замедлилъ изъявить желаніе сразиться съ персидскимъ царевичемъ. Фатьме, разумѣется, тотчасъ же отправилась и была принята съ должнымъ почетомъ. Султанъ спросилъ мнимаго царевича, чтѣ онъ желаетъ поставить и противъ чего. Фатьме объявила, что ставить свою кобылу противъ султанова чернаго жеребца, и обонхъ лошадей тотчасъ же привели къ кіюску, гдѣ расположились знатные игроки.

«Игра началась. Султанъ Мурадъ долго отбивался съ большимъ искусствомъ, однакожъ наконецъ долженъ былъ признаться побѣжденнымъ. Фатьме сдѣлала ему шахъ и матъ, а сама такъ низко и почтительно поклонилась, какъ послѣдній и самый вѣрный рабъ, и тотчасъ же, едва позволили приличія, простилась, вскочила на выиграннаго коня, взяла своего подъ уздцы и какъ вихрь ускочила. Прибывъ въ свою квартиру, она въ ту же минуту приказала свести султанскаго жеребца съ своею кобылой, и потомъ опять отправила выиграннаго коня обратно къ Мураду съ объявленіемъ, что его жеребецъ дорогою избѣсился и сшибъ сѣдло, такъ, что царевичъ, не будучи въ состояніи сравниться въ наѣздничествѣ съ великимъ падишахомъ, уже не осмѣливается больше сѣсть на это строптивое животное. Въ то же время онъ, царевичъ, въ знакъ глубокой своей преданности и уваженія, осмѣливается предложить султану въ подарокъ рѣдкой красоты черную невольницу.

«Нѣсколько раздосадованному проигрышемъ султану польстило однакожъ извѣстіе, что онъ недостижимъ по-крайней-мѣрѣ въ наѣздничествѣ; притомъ и неожиданная любезность царевича, при особенномъ расположеніи султана къ чернымъ невольницамъ, была принята, какъ нельзя благосклоннѣе. Султанъ тотчасъ же послалъ

царевичу въ отѣтъ на подарокъ богатую саблю, осыпанную алмазами, и отиравилъ нѣсколькихъ внуховъ за невольницей.

Черная красавица, — то есть не кто иной, какъ сама Фатьме, съ подкрашеннымъ лицомъ, — прибыла къ самой ночи, и, будучи тотчасъ же представлена своему невольнику, на этотъ разъ подлѣ себя уже не видала сабли. Утромъ мушъ ее спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ она сняла съ руки его перстень и осторожно снова запечатала отворенный ларчикъ, изъ котораго вынула ожерелье. Исполнивъ эту послѣднюю задачу, Фатьме съ помощью подкупленныхъ внуховъ, перерядившись по-мужскому, тихою ушла, и къ полудню узнала, что перидоній царевичъ со всею своимъ конвоемъ уѣхалъ, неизвѣстно куда. Султанъ оченъ удивился, не нашедши черной невольницы, которая въ нѣсколько часовъ успѣла внушить ему пламенную страсть, и посылалъ гонца за гонцомъ на погоню, но напрасно. И слѣда не нашли.

Прешло два года. Мурадъ, среди кровопролитныхъ войнъ и заботъ правительственныхъ, совершенно забылъ обо всехъ этихъ приключеніяхъ и, однажды, въ минуту скуки, призвалъ визиря, чтобы тотъ придумалъ ему развлеченіе. Тутъ визирь напомнилъ ему о женитьбѣ на красавицѣ въ долині Бакъ и совѣтовалъ посмотреть, что съ нею стало. Султанъ, шутки ради, поѣхалъ. Онъ былъ увѣренъ, что его задачи остались невыполненными и хотѣлъ только удостовѣриться, достало ли у прекрасной Фатьме терпѣнія дожидаться его пріѣзду.

— На этотъ разъ, сказалъ онъ: я явлюсь подъ настоящимъ именемъ.

Великая была въ Дамаскѣ радость, когда узнали, что султанъ ѣдетъ со всею своимъ дворомъ. Великолѣпный поѣздъ медленно потянулся по большой дорогѣ, а Мурадъ съ визиремъ и немногими приближенными поскакалъ впередъ, прямо къ дому хлѣбопаница и прекрасной Фатьме. Домъ и дворъ стояли на прежнемъ мѣстѣ, и ничего въ немъ не измѣнилось. Только на дужкѣ, передъ самымъ домомъ, около видной арабской кобылы, весело прыгала черная жеребеночка.

— Аллахъ кермишъ! вскричалъ султанъ: эта кобыла принадлежить Фатьме, а жеребеночекъ — точно мой жеребецъ Акбаръ! Неужели это возможно?

Но прежде чѣмъ онъ договорилъ, на порогѣ дома явилась Фатьме, цвѣтушая какъ роза, съ дорогимъ ожерельемъ на шеѣ и съ хорошенькимъ мальчикомъ на рукахъ. Она смиренно преклоняла колѣно передъ султаномъ и подала ему запечатанный

чикъ, потому нѣжно прижала дитя къ груди и съ улыбкой указала на жеребенка.

Послѣдовавъ объясненія, и султанъ вмѣстѣ съ визиремъ и всѣми приближенными пошелъ, что мальчикъ, какъ капля на камню воды похожъ на повелителя правовѣрныхъ, а въ подлинности жеребенка невозможно было и сомнѣваться. Впослѣдствіи Фатьме сдѣлалась первою султаншей и даже по смерти Мурада, въ Стамбулѣ, играла главную роль во всѣхъ интригахъ въ сералѣ.

На прощанье, леди Эсепръ, сверхъ нѣсколькихъ талисмановъ и кабалистическихъ чертежей, съ наставленіями, на случай ожидаемаго пришествія Мессіи, вручила князю Пюклеру довольно обширную перенеску свою со многими знатными лицами Англіи, съ тѣмъ, чтобы онъ напечаталъ ее, но князь не рѣшается, хотя и говоритъ, что эти нисыма чрезвычайно любопытны и большею частью очень хорошо написаны. Наконецъ, леди Эсепръ напомнила гостю, чтобъ не забылъ въ Дамаскѣ посѣтить пещеру сорока спящихъ юношей, могилу шейха Мах-эддина и гротъ Мисизель, подъ Фарсомъ. Касательно этихъ предметовъ леди Эсепръ рассказала слѣдующее:

«Сорокъ спящихъ юношей — дѣти изъ Кааскихъ горъ. Они должны спать до пришествія Мѣуди (Мессіи); тогда закрытая нынѣ пещера сама отворится, и они выйдутъ вмѣстѣ съ стерегущею ихъ черною собакой Котмиромъ, чтобы послѣдовать за Мессіей. Леди Эсепръ совершенно увѣрена, что такъ будетъ.

«Шейхъ Мах-эддинъ-Бенетай былъ такой мудрый человекъ и надѣлалъ злымъ духамъ столько вреда, что они скрыли его великолѣпную гробницу подъ землей, едва только онъ былъ схороненъ, и никто съ-тѣхъ-поръ не могъ найти ея. Однакожъ мудрецъ, передъ кончиной, написалъ на стѣнѣ въ своемъ жилищѣ слѣдующія таинственныя слова: «Когда М войдетъ въ Ш, тогда Махэддинова гробница явится». Когда же любимый въ Дамаскѣ султанъ Мурадъ, вскорѣ по сочетаніи съ прекрасною Фатьме имѣлъ торжественный въѣздъ въ этотъ городъ, иначе называемый Шамъ, лошадь его передъ воротами вдругъ остановилась и начала копытомъ рыть землю, что на Востокѣ всегда почитается зловѣщимъ предзнаменованіемъ смерти или бѣдствія. Вся свита перепугалась и умоляла султана пересѣсть на другаго коня, но безстрашный Мурадъ, напротивъ, приказалъ тотчасъ же разрыть землю на томъ мѣстѣ, гдѣ конь его началъ бить копытомъ, и такимъ образомъ отрыли Махэддинову гробницу. М (Мурадъ) вошелъ въ Ш (Шамъ, Дамаскъ), и, слѣдовательно, предвѣщаніе мудреца сбылось.

«О грѣшъ Мисисивей существуетъ такое преданіе:

«Въ древнія времена тамъ жила змѣя съ человѣческою головою, которая говорила и обладала самыми чудесными тайнами. Имя ей было Шамаронъ и она никому не причиняла вреда. Нѣкоторый старикъ, философъ, вычиталъ въ своихъ книгахъ, что, если ему удастся убить эту змѣю и скушать ея голову, онъ пойметъ языкъ духовъ и приобрететъ всѣ человѣческія и сверхчеловѣческія знанія. Какъ истинный мудрецъ, который никогда самъ не подвергается опасностямъ и, гдѣ только можно, добываетъ печеные каштаны чужими руками, философъ придумалъ и на этотъ разъ удобное средство. Онъ началъ съ того, что уговорилъ своего царя устроить великолѣпную баню, которая бы была открыта для всѣхъ бездешежно, и самъ проводилъ въ ней большую часть дня, чтобы въ числѣ носѣтителей высмотрѣть человѣка съ «неджимомъ», счастливымъ знакомъ на лбу. Въ книгахъ у мудреца было писано, что только такой человѣкъ можетъ убить змѣю Шамаронъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мудрецъ дѣйствительно отыскалъ такого счастливица. Это былъ простой и совершенно необразованный пастухъ. А философу то и на руку: чѣмъ глупѣе счастливецъ, тѣмъ ему же лучше. Онъ тотчасъ пригласилъ пастуха къ себѣ, обласкалъ, уговорилъ, наобѣщалъ кучу разныхъ наградъ и научилъ какъ убить змѣю, во славу Аллаха и на пользу человечества. Пастухъ согласился, но, можетъ быть, у него не достало бы духу исполнить порученіе, еслибъ сама змѣя не облегчила ему труда. Только онъ пришелъ, она сама ласково заговорила съ нимъ и, взглянувъ пристально въ глаза, сказала:

«— Подойди ближе, подойди; я знаю, зачѣмъ ты пришелъ. Ты долженъ умертвить меня, отрубить мнѣ голову, чтобы накормить ею моего злодѣя. Я смерти этой воспротивиться не могу: такъ предопредѣлено властію, противу которой ничто не устоитъ ни на небѣ ни на землѣ. Не бойся, сними мнѣ голову, только смотри, непременно исполни и то, что я тебѣ накажу, если ты не хочешь погибнуть въ жесточайшихъ мукахъ. Злодѣй, который послалъ тебя сюда, намѣренъ приготовить изъ моей головы, туловища и хвоста, три снадобья, которыя будутъ сохранять въ трехъ разныхъ сосудахъ, потому что только въ такомъ видѣ онъ рѣшается отвѣдать моей головы. Ты будешь помогать ему въ приготовленіяхъ, и когда все будетъ готово, ты улучи время и перешей ярыки на стьянкахъ, такъ, чтобы надпись «хвостъ» была на той стьянкѣ, въ которой заключается голова, а надпись «голова» на той, гдѣ хвостъ, и жди, что будетъ.»

«Послѣ этого змѣя печально и влюбленно вздохнула и утѣшая трепещущему наступу дарагоу саблю, которую сама приговорила. Наступъ, со слезами на глазахъ, вложилъ саблю въ объ руки и сразу овейти пропращивую ушную голову змѣи Шамаронъ, и все остальное исполнилъ, какъ она приказывала.

«Только-что обманутый философъ скушалъ змѣиный хвостъ, во внутренности у него загорѣлся адскій огонь, и онъ, посреди невыразимыхъ страданій и съ яростными проклятіями, на другой же день отдалъ свой черныи духъ. И что же! Въ ту самую минуту, когда умеръ философъ, остальныя стілянки съ растворенными частями змѣи рассыпались и передъ уменьшеннымъ наступомъ явилась Шамаронъ невредимая и веселая. Она ласково отблагодаривъ наступу за услугу, потопъ скрылась и никто въ Фарой уже не видалъ ея.

«Въ немерѣ Мисонисъ, гдѣ, по преданію, жила Шамаронъ, водятся множество змѣй, которыхъ ежедневно кормятъ молокомъ и пшеници. Имъ оазываютъ притомъ родъ религіозной почести и при нихъ находится *ужикль*, или укротитель змѣй, который играетъ роль жреца.»

Изъ Даръ-Абуна путешественникъ отправился въ Дамаскъ, посѣтить Ливанъ, — гдѣ нашелъ уже очень мало ведрокъ, — потомъ черезъ Гомсъ, Гаму и знаменитое во время престозыхъ походовъ Мара отправился въ Алеппо. Въ небольшомъ разстояніи отъ Мара, на возвышеніи, находятся развалины, которыя нѣкогда осматривалъ, не найдя однакожъ ничего примѣчательнаго. Зато оглядываясь по окрестности въ зрительную трубу, онъ увидѣлъ въ дали, въ пустынѣ, другія развалины, гораздо болѣе обширныя, и тотчасъ же отправился туда.

«Впродолженіи двухъ часовъ, говоритъ онъ, мы съ большими трудомъ пробрались безъ всякой дороги по очень страшной почвѣ. Все видимое пространство было покрыто по очень высокой каменистою корой, безъ всякой почти растительности, родъ чешуйчатого панциря, — формация, какой мнѣ никогда еще не доводилось видѣть. Посреди этой совершенно безплодной равнины мы съ удивленіемъ увидѣли въ двухъ мѣстахъ, на разстояніи получасоваго пути, остатки некогда великолѣпныхъ зданій, бывшихъ дворцовъ въ древнѣйшемъ римско-византійскомъ стилѣ. Нашли также колодець и одного поселенца, котораго и взяли въ провожатые. Хотя зданія болѣею частью пропало, вѣроятно, не далѣе какъ отъ Константина Великаго, однакожъ по живописности и частію по хорошей сохранности показанно намъ

очень достойными вниманія. Тутъ представляется случай ближе рассмотреть особенности частныхъ жилищъ знати того времени, предметъ о которомъ очень мало извѣстно, потому что до насъ сохранились болѣею частью только развалины общественныхъ зданій. Мнѣ показалось также, что здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ можно узнать по части техники древнихъ зодчихъ. Болѣе всего отличается отдѣльно стоящій дворецъ, со многими покоями и примыкающій къ древнему зданію, въ родѣ базиликъ. Я не берусь рѣшить, точно ли это храмъ или капелла, или только большая зала: форма его значительно уклоняется отъ общезвѣстной формы базиликъ. Длина залы — болѣе нежели вдвое противъ ширины и вышины. Главнымъ входомъ, съ запада, служитъ прекрасный порталъ, очень правильныхъ размѣровъ; противъ него, въ другомъ концѣ — полукружіе съ пилястрами и нишами освѣщенное сверху окнами, также съ полукружіями. Потолокъ поддерживается десятью арками, по пяти на каждой сторонѣ, въ длину. Въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ множество высокнхъ оконъ. Въ этихъ же боковыхъ стѣнахъ, въ обѣихъ, по двѣ двери съ красивыми орнаментами. Они ведутъ въ другіе покои, отъ которыхъ однакожь остались только отдѣльныя стѣны. Въ той же группѣ зданій находятся два маленькихъ храма, которые почти совершенно сохранились. Одинъ изъ нихъ четверугольный, съ плоскою греческою кровлей, изъ большихъ плитъ; другой круглый, съ прекраснымъ куполомъ. Въ обѣихъ стоятъ саркофаги, безъ крышъ и безъ надписей. Кромѣ этого по близости видны остатки другихъ такихъ же обширныхъ зданій и нѣсколько отдѣльныхъ, какъ кажется, частныхъ домовъ; на иныхъ сохранились еще плоскія плитныя крыши въ древне-греческомъ стилѣ. Далѣе есть нѣсколько разрушенныхъ храмовъ и памятниковъ и остатки водопровода. Господствующая форма домовъ — частью римско-византійская, частью подражательная новѣйшему греческому стилю. Цѣлое произвело на меня необыкновенное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какимъ образомъ въ такой каменной пустынѣ, гдѣ нѣтъ и слѣда когда-либо существовавшей дороги, настроено такое множество дворцовъ? Но еще болѣе меня поразило слѣдующее обстоятельство. Поселянинъ, который жилъ здѣсь, въ уединеніи, со своею семьей, и котораго я разспрашивалъ, не знаетъ ли чего хоть по преданію объ этомъ мѣстѣ, и какъ самъ онъ живетъ на землѣ, гдѣ нѣтъ ни одного клочка почвы способной къ обработкѣ, совершенно спокойно отвѣчалъ:

«Это городъ, проклятый Салиманомъ (Соломономъ), и жить здѣсь, кромѣ меня, едва ли кто согласится. А камни эти не всегда здѣсь были: они послѣ выросли.» Я самъ уже называлъ эту почву каменнестою корою. Въ самомъ дѣлѣ, камни точно грибы сидятъ поверхъ мягкой почвы, которая мѣстами, какъ кажется, была когда-то обработана. Поселянинъ потомъ показалъ мнѣ мѣсто, которое онъ очистилъ отъ камней для своего хозяйства. Тутъ, между складеными по сторонамъ камнями, я нашелъ очень хорошій черноземъ, глубиною больше нежели на футъ. Я очень хорошо знаю, что ученые нашего вѣка не допустятъ, чтобы камни росли: это противно ихъ теоріямъ, однако жъ вѣрно и то, что такой сплошной каменный покровъ на почвѣ всей окрестности не могъ существовать до построения великолѣнныхъ дворцовъ, которыхъ остатки теперь видны и которыхъ едва ли болѣе тысячи лѣтъ. При этомъ нужно еще замѣтить, что эти камни нигдѣ не имѣютъ округлостей валуновъ, часто находимыхъ въ большомъ количествѣ и на сѣверныхъ поляхъ; напротивъ, цѣлое представляетъ зубчатую, болшею частью сплошную массу какъ будто торчащихъ изъ земли несчаивыхъ утесовъ, а подъ ними — мягкая земля. Какъ же очутилась здѣсь эта каменная формація на такомъ обширномъ пространствѣ и между остатковъ древнихъ зданій, или кому же пришла въ голову сумасбродная идея строить на такой бесплодной почвѣ, не очистивъ ее напередъ? Я, признаться, не берусь рѣшить эти вопросы, но все-таки, несмотря на ученые теоріи, непогрѣшимость которыхъ еще недавно одна вриатель очень убѣдительно доказалъ мнѣ, что-то вѣрится, что эти камни точно — родъ грибовъ, только по-неудобосовѣрнѣе нежели шампиньоны.

«Въ Алеппо никто не зналъ о существованіи развалинъ проклятаго города, и изъ путешественниковъ, проезжавшихъ этою дорогою, также никто ихъ не примѣчалъ. На картахъ я также ничего не нашелъ, развѣ городъ Альбаръ, показанный около этого мѣста на одной французской картѣ крестовыхъ походовъ, только не между Марой и Алеппо, а между Марой и Гомсомъ.»

Въ окрестностяхъ Милассо, по близости рѣки Карнаджюкъ, князь Пюклеръ осматривалъ развалины, въ которыхъ одни путешественники видятъ древнюю Лабранду, а другіе Эуромусъ. Последнее мнѣніе князь считаетъ болѣе справедливымъ. Онъ предполагаетъ, что нашелъ настоящую Лабранду, въ вѣкоторомъ растояніи оттуда, въ лѣсу.

«Переправившись черезъ Карнаджюкъ, говоритъ онъ, мы ско-

ро достигли подошвы высокаго хребта горъ, черезъ который прелегаеть дорога въ Карпулицкъ. Тутъ начинается обширный лѣсъ, большею частью хвойный. Окрестность дико живописная со множествомъ восхитительныхъ видовъ. Въ первые часы пути между каменными породами преобладалъ мраморъ, потомъ мѣсто его заступилъ темный песчаный камень, нагроможденный огромными массами самыхъ странныхъ формъ, высокими утесами, большею частью вверху закругленными, а внизу тонкими, такъ, что они походили на огромные грибы или деревья.

«Мы покинули большую дорогу и пустились по узкой горной тропѣ, на самый хребетъ, гдѣ, по указанію проводника, Турка, должны были находиться развалины. Дикость мѣстности достигла здѣсь высшей своей красоты, и вскорѣ я, къ великой моей радости, дѣйствительно увидѣлъ между деревьями хорошо сохранившіеся остатки широкой мощеной дороги. По Страбону, такая дорога, въ шестидесяти-осьми стадіяхъ отъ Милассо, ведетъ въ храмъ Юпитера. Пройденное нами разстояніе, четыре часа пути, съ затрудненіями, дѣйствительно составляетъ приблизительно около шестидесяти осьми стадій. Это удостовѣрило меня, что я точно иду по желанному направленію. Далѣе мы еще находили довольно много остатковъ дороги, такъ, что по нѣскольку минутъ по ней самой продолжали путь, и наконецъ передъ нами открылся видъ на обширное пространство, усеянное развалинами со многими колоннами, остатками террасъ, саркофагами и почти цѣльными зданіями. Я убѣжденъ, что это не что иное какъ Лабранда. Мѣсто главнаго храма мы легко узнали по величественному квадратному фундаменту и нѣсколькимъ лежащимъ подлѣ него колоннамъ. Находявшійся по близости домъ, съ окнами, вѣроятно, принадлежалъ верховному жрецу. Отъ двухъ другихъ маленькихъ красивыхъ храмовъ нѣкоторые колонны еще стояли. Далѣе одинъ портикъ также очень хорошо сохранился, но былъ почти до верху засыпанъ. Потомъ мы нашли нѣсколько цистернъ и нѣсколько гробницъ, изсѣченныхъ въ утесахъ.

«Былъ декабрь на исходѣ, шелъ снѣгъ большими хлопьями и мы по скользкому, опасному пути съ неимовѣрными усиліями даже привычныхъ лошадей добрался до деревни Турпѣ, лежащей въ глубокой котловинѣ, гдѣ должны были переночевать въ довольно жалкой хижинѣ, потому что до Карпулицка оставалось еще нѣсколько часовъ пути. Дорога въ Карпулицкъ пролегаеть по прекрасной цвѣтущей долинѣ, составляющей рѣзкую противоположность съ дикостью котловины, которую мы только-что оставили.

Тутъ мы на двухъ утесистыхъ возвышеніяхъ опять увидѣли множество развалинъ, которыя тянулись въ одномъ мѣстѣ даже черезъ дорогу, такъ, что мы впродолженіи нѣсколькихъ минутъ ѣхали между гробницами. На это мѣсто мы на другой день уже воротились изъ Карпулиска, нарочно для обозрѣнія развалинъ. По моему предположенію, тутъ должна была находиться древняя Алабанда, хотя на картахъ этотъ городъ показывается въ иномъ мѣстѣ. Прежде всего здѣсь меня поразило оправданіе Страбоновыхъ словъ, что Алабанда, лежащая между двумя пригорками, похожа на навьюченнаго осла, къ чему онъ еще прибавляетъ, что Алабанда извѣстна обиліемъ водящихся здѣсь скорпіоновъ, оттого имѣетъ и въ гербѣ скорпіона, и что насмѣшники говорятъ — оселъ навьюченъ скорпіонами. Общій видъ разрушеннаго города въ самомъ дѣлѣ имѣетъ вѣчто похожее на навьюченнаго осла и великолѣпіе зданій совершенно соотвѣтствуетъ дальнѣйшему Страбону описанію.

«Шагахъ во ста отъ болѣеи массы развалинъ мы примѣтили особенно странный памятникъ, о которомъ очень трудно сказать, къ какому времени онъ принадлежитъ. Онъ состоитъ изъ продолговатаго четвероугольника, обведеннаго стѣною шести футовъ толщины, изъ грубаго камня, но очень прочно скрѣпленнаго цементомъ, въ родѣ того какъ построены карфагенскія цистерны. Со стороны, выходящей на склонъ холма, зданіе поддерживается осьмью далеко выдающимися упорами, издали похожими на колонны; крыша состоитъ изъ колоссальныхъ плитъ, какъ на египетскихъ храмахъ; внутренность раздѣлена поперечными стѣнами на четыре отдѣленія; въ двухъ большихъ потолочъ поддерживается въ каждой шестью колоннами, а въ малыхъ четырьмя. Нижнія части колоннъ засыпаны, а верхнія вмѣсто капителей имѣютъ толстыя круглыя плиты, наподобіе жернововъ. Вся работа очень груба. Предоставляю болѣе меня свѣдущимъ въ археологій рѣшить, къ чему могло служить такое зданіе и къ какому времени оно относится, а я перейду къ болѣе изящнымъ остаткамъ Алабанды.

«По близости саркофаговъ мы нашли два круглыхъ каменныхъ водоема, гдѣ, вѣроятно, сохранялись священныя рыбы, о которыхъ древніе писатели рассказываютъ, что они иногда украшались драгоценными ожерельями. Отсюда довольно хорошо сохраненная мощная плитою дорога, спокойными извилинами между гробницами ведетъ въ гору къ разрушеннымъ воротамъ большаго здаціа, котораго остатки покоятся на великолѣпной терра-

съ, построенной изъ большихъ тесаныхъ камней и упертой въ утесистую стѣну горы. Упоры этой террасы въ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ мѣстахъ имѣли футовъ сорокъ вышины. Чтобы обойти эту развалину кругомъ, мы употребили десять минутъ времени. Кромѣ храма въ этомъ зданіи, вѣроятно, было нѣсколько жилищъ, потому что мы нашли длинный рядъ комнатъ съ окнами и дверьми и остатки колоннады на плоской крышѣ этихъ покоевъ. Кругомъ, куда глазъ хваталъ, мы видѣли остатки высокихъ стѣнъ, колоннады, разбитыя колонны, карнизы и фундаменты зданій, на осмотръ которыхъ потребовалось бы нѣсколько недѣль времени.

Бродя по всѣмъ направленіямъ въ этомъ хаосѣ и взбираясь все выше на самую крутую изъ двухъ горъ, мы вдругъ, при выходѣ изъ небольшой рощи масличъ, были поражены зрѣлищемъ, которое привело меня въ невыразимый восторгъ. Передо мной лежалъ величайшій изъ древнихъ театровъ, какіе я видѣлъ. Театры въ Пелопонезѣ, Спартѣ, Эпидаврѣ и Мегалополѣ — мелки передъ этимъ. Самый большой между греческими имѣетъ въ поперечникѣ сцены семьдесятъ шаговъ, а этотъ — сто-двадцать. И какъ чудесно оны сохранился; въ семидесяти рядахъ мѣстъ почти ни одна ступень не повреждена, только все густо поросли мхомъ, и нѣкоторыя расколоты проросшими въ щеляхъ столѣтними масличными деревьями, какъ-будто занявшими мѣста зрителей. Мѣста были отдѣланы очень чисто и снабжены позади уступами, на которые спяшіе позади, въ другомъ, высшемъ ряду, ставили ноги. И сцена съ выступомъ на серединѣ большею частью сохранилась. Вообще, по-видимому, отсюда ничего не вынесено; что не стоитъ на мѣстѣ, то лежитъ подлѣ. Я сожалѣлъ и сожалѣю, что при мѣѣ не было ни книги Витрувія, съ помощію которой можно бы было составить подробное описаніе этого примѣчательнаго зданія, ни архитектора, который бы снялъ точный чертежъ. Впослѣдствіи, въ особенности когда въ Берлинѣ, по случаю представленія «Антигоны», возникло такъ много споровъ между археологами насчетъ подлиннаго устройства древнихъ театровъ, я часто вспоминалъ, какъ легко бы имъ было кончить все споры въ Карпулскѣ. Какъ я долженъ признаться, что мало знаю толку въ тайнахъ древняго театра, то могу къ сказанному прибавить только, что для дополненія полу-кружія, которое только на двѣ трети входитъ въ гору, на обоихъ концахъ построены еще стѣны, въ двѣнадцать футовъ толщины и въ осемьдесятъ футовъ вышины. Въ каждой изъ нихъ

колоссальныя ворота, всдущія въ театр. Видъ сверху величественъ. Впереди глубокое ущелье; за нимъ амфитеатръ изъ трехъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ покрытъ сѣгомъ. Направо тянется цѣпь горъ и древніе остатки укрѣпленій; налѣво часть долины съ тремя прудами и съ рощами. Самый театръ лежитъ близъ вершины горы, покрайней мѣрѣ въ шести стахъ футахъ надъ ущельемъ, а по сторонамъ оба склона покрыты развалинами различныхъ зданій и террасъ, изъ которыхъ многіе до-сихъ-поръ ямѣютъ еще больше сотни футовъ длины. Можно себѣ представить, каковъ былъ видъ, когда всѣ эти зданія, храмы и памятники еще были цѣлы, во всемъ своемъ блескѣ.

«Пониже, на одномъ изъ уступовъ, на довольно большой площадкѣ, стоитъ деревня, и любопытно видѣть, какъ близость прекрасныхъ матеріаловъ и постоянное зрѣлище античныхъ образовъ невольно приводитъ обитателей къ подражанію имъ. Многія хижины украшены портками изъ разныхъ обломковъ колоннъ и карнизовъ. Другія просто устроены въ остаткахъ древнихъ стѣнъ. Базаръ состоитъ изъ прекрасной ротунды, окруженной высокими колоннами, и во всемъ видно гораздо больше древняго чѣмъ турецкаго стилию постройки.

«На вершинѣ горы торчатъ изолированный обнаженный утесъ, на который ведетъ пѣсчанная въ немъ же лѣстница. На утесѣ нѣкогда стоялъ храмъ, а у подножія его мы нашли цистерну, которой стѣны выложены красною штукатуркой. Подлѣ, между остатками фундаментовъ, на краю крутаго обрыва, стоитъ хорошо сохранившаяся башня съ воротами и нѣсколькими окнами разныхъ формъ, вѣроятно, принадлежавшая къ жилищу верховнаго жреца или другаго сановника. Съ южной стороны подлѣ башни стоитъ большею частью отлѣняющее ее огромное масличное дерево, за густою зеленью котораго мы примѣтили треугольное окно, а надъ нимъ какую-то скульптуру. Разсмотрѣть рисунокъ сквозь зелень не было возможности; я изъ нутра башни, по развалинамъ, съ трудомъ взобрася до окна и къ великому моему удовольствію увидѣлъ, что барельефъ изображаетъ большаго скорпіона, значить, гербъ города Алабанды. Предположенія мои оправдались и я съ достовѣрностью могу сказать, что тутъ стоялъ этотъ городъ и что театръ и всѣ видѣныя нами остатки точно Страбоновъ навьюченный скорпіонами оселъ.

«Археологамъ здѣсь новое, еще не тронутое и, я увѣренъ, плодородное поле. Сверхъ того мѣстность живописна до восхительнаго. Прощаясь съ развалинами Алабанды я пожалѣлъ, что я не

Мадте-Кристо и не Ротшнльдь: всю долину Карпулицкъ съ порядочною частью горъ и лѣсовъ, которые здѣсь ни во что не считаются, можно бы купить за какихъ нибудь сто-тысячь талеровъ и, очистивъ только развалины отъ мусору, убрать совершенно не нужное, устроить великолѣпнѣйшее въ мѣрѣ нѣмѣе. Возстановить бы только театръ, такъ это было бы уже единственнымъ въ своемъ родѣ памятникомъ.»

Въ Смирнѣ путешественникъ видѣлъ двухъ дѣвушекъ, которыя необыкновенно богаты такъ - называемымъ электричествомъ или магнитическою силой, въ родѣ той, какою обладаютъ электрическіе угри.

«Это двѣ сестры, деревенскія дѣвушки; одной лѣтъ осьмнадцать, другой двадцать, и обѣ довольно пріятной наружности. Едва онѣ сѣли за деревянный покрытый клеенкою столъ, у стѣны, и положили на него руки, мы ощутили подъ доскою стола сильное теченіе воздуха, какъ-будто отъ сквознаго вѣтру, и въ то же время очень явственно услышали отрывистый, болѣе или менѣе продолжительный трескъ въ деревѣ тонкой столовой доски, подобно тому какъ мышь грызеть или кошка скребетъ когтями, но не точно такъ, потому что въ этомъ трескѣ было что-то совершенно особенное и трудно выразимое. Онъ на всѣхъ насъ производилъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго. Но потомъ дѣло стало еще чудеснѣе. Столъ началъ постепенно подвигаться вдоль стѣны, подлѣ которой стоялъ, несмотря на то что этому движенію много препятствовалъ коверъ на полу. Когда одна изъ дѣвушекъ снимала руку со стола, движеніе прекращалось. Когда же, снявъ, опять положить, столъ начнеть уже не просто подвигаться, но прискакиваетъ, какъ будто его сильно и отрывисто толкаютъ. Эта отталкивающая сила преимущественно заключается въ рукахъ младшей сестры; иногда толчки бывали такъ сильны, что другая сестра привуждена была поспѣшно вскакивать и отодвигаться со своимъ стуломъ, чтобъ не быть опрокинутою.

«Былъ ли столъ покрытъ клеенкою или нѣтъ, явленія оставались одинаковыми. Горящая свѣча, будучи подвешена близко, уменьшала дѣйствіе силы, и чѣмъ темнѣе было въ комнатѣ, тѣмъ движенія и трескъ становились пріятнѣе. Толпа людей около стола также ослабляла и то и другое; чтобы совершенно прервать магнитическій токъ, стоило только положить руку на столъ или на плечо которой-нибудь дѣвушки, или держать ножъ обративъ остреемъ къ нимъ. Мы пробыли нѣсколько часовъ и нѣсколько разъ принимаясь за розыскъ, удостовѣрились, что обману

нѣтъ ни какого. Чѣмъ живѣе дѣвушки разговаривали, чѣмъ веселѣе онѣ были, тѣмъ успѣшнѣе оказывались электрическіе опыты. Особенно насъ поразило, когда одна изъ дѣвушекъ выпила стаканъ лимонаду, какъ казалось, послѣ продолжительной жажды, столъ, какъ-будто тоже отъ удовольствія сильно привскочилъ, но зато потомъ нѣсколько времени оставался неподвижнымъ. Впродолженіи всего вечера мы примѣчали, что трескъ и скачки стола являлись не въ одно время; трескъ всегда предшествовалъ.

«Какъ по видимому такъ и по словамъ самихъ дѣвушекъ, эти опыты нисколько не утомляли ихъ. Только у младшей пульсъ правой руки бился чрезвычайно сильно, какъ въ лихорадкѣ, между тѣмъ какъ у нея же въ лѣвой рукѣ движенія его были спокойны. У старшей пульсъ въ обѣихъ рукахъ былъ правленъ.

«Присутствовавшая при опытахъ мать этихъ дѣвушекъ, протодушная старушка, рассказала намъ, что за день назадъ ея дочери, развеселившись съ нѣсколькими подругами, выдумали произвести операцію надъ дверью и успѣхъ превзошелъ ожиданія. Вскорѣ послѣ того какъ они положили руки на дверь, въ деревѣ послышался сильный трескъ, который постепенно перешелъ въ взрывъ, подобные пистолетнымъ выстрѣламъ, и наконецъ цѣлая доска выломилась и полетѣла въ другую комнату, какъ-будто ее кто вышибъ сильнымъ ударомъ. Старушка показала намъ только-что починенную дверь, а мы попросили дѣвушекъ повторить этотъ опытъ. Онѣ съ удовольствіемъ согласились. На дворѣ было уже совсѣмъ темно и мы въ комнатѣ оставили лишь столько свѣту, сколько было нужно для наблюденія за дѣвушками, хотя всѣ присутствовавшіе скептики, даже бывшій съ нами докторъ, давно уже были убѣждены въ отсутствіи всякаго обману. Часть зрителей перешла въ другую комнату, чтобы дверь съ обѣихъ сторонъ была въ виду, и опытъ начался. Вышло то же, что со столомъ. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ того какъ дѣвушки положили руки къ двери, въ доскахъ ея начался трескъ и хлопанье, гораздо сильнѣе чѣмъ отъ ударовъ кулаками. Я даже попробовалъ однажды пзъ всѣхъ силъ ударить кулакомъ, но бывшіе за дверью тотчасъ спросили: «Что это значитъ? Это не электрическій ударъ». Когда мы погасили остальную лампу, стукъ послышался чаще и сильнѣй, однакожъ на этотъ разъ дѣвушками не удалось сломать двери. Если бъ онѣ захотѣли обмануть насъ, онѣ, въ темнотѣ, легко могли бы выломить починенное мѣсто однимъ ударомъ ногою. Вотъ простое, но точное описаніе явленія,

какъ мы его видѣли. Теоретическое объясненіе предоставляю господамъ физикамъ.»

Въ Бруссеъ князь Пюклеръ былъ въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ турецкихъ монастырей и видѣлъ пляску дервишей мевлеви, которые славятся своею набожностью и строгостью обычаевъ.

«Въ самой пляскѣ я ожидалъ найти смѣшное и даже противное «иглярство», но вышло совершенно напротивъ. Мы вошли сперва на широкой дворъ, посреди котораго стоитъ четвероугольное зданіе съ двумя ярусами оконъ. Внутри оно представляетъ большую свѣтлую залу съ куполомъ на шестнадцати колоннахъ. Полъ въ этой ротундѣ очень гладко вылощенъ. Пространство за колоннами раздѣлено на два этажа; тамъ помѣщаются зрители. Галерея для женщинъ загорожена частою рѣшеткой. Вся зала со вкусомъ расписана, изящно украшена и содержится очень чисто. Изъ курильницъ струился благоухающій дымъ; въ проходахъ господствовала торжественная тишина, несмотря на чрезвычайное множество зрителей изъ всѣхъ сословій.

«На восточной сторонѣ ротунды былъ разостланъ ярко красный коверъ изъ ангорской шерсти. Это — мѣсто настоятеля дервишей. Мало-по-малу начали собираться дервиши въ остроконечныхъ бѣлыхъ шляпахъ, въ коричневыхъ мантияхъ, босикомъ. Каждый подходя низко кланялся еще не занятому мѣсту настоятеля и становился у одной изъ колоннъ; остальные помѣстились въ промежуткахъ. Это продолжалось съ полчаса. Тутъ явился настоятель. Онъ также низко поклонился красному ковра и тогда уже помѣстился на немъ. Подлѣ него по лѣвую сторону всталъ его сынъ, хорошенькій мальчикъ лѣтъ десяти, также въ одеждѣ дервиша. На отцѣ и на сынѣ, вѣроятно, какъ на потомкахъ пророка, плащи были свѣтло зеленые, впрочемъ же покрой одежды у всѣхъ былъ одинаковый. По правую сторону настоятеля всталъ одинъ изъ дервишей. Потомъ одинъ изъ стоявшихъ на противоположной сторонѣ и управлявшій музыкантами пропѣлъ гимнъ; а настоятель всталъ и громко прочиталъ молитву, вытянувъ руки, какъ-будто на нихъ лежала книга, между-тѣмъ какъ всѣ дервиши пали впцъ и цѣловали землю. По окончаніи молитвы раздались барабанные удары, которые въ звучной залѣ раскатились громомъ. Затѣмъ послѣдовала тихая музыка, подъ звуки которой всѣ дервиши два раза обошли залу вокругъ вмѣстѣ съ настоятелемъ и каждый отдавалъ низкіе поклоны у праваго и у лѣваго угла ковра. Потомъ настоятель сво-

за занялъ свое мѣсто и произнесъ еще молитву, а дервиши снова пали ницъ и цѣловали землю.

«Раздались еще три удара въ барабаны; дервиши, выстроившись во фронтъ передъ настоятелемъ, всѣ разомъ скинули свои плащи и явились въ разноцвѣтныхъ, лиловыхъ, свѣтложелтыхъ, бѣлыхъ, свѣтлозеленыхъ и голубыхъ долгополыхъ одеждахъ, которыя на подобіе европейскихъ женскихъ платьевъ плотно обхватывали станъ до пояса и потомъ широкими складками спускались до полу совершенно скрывали ноги. Они медленно одинъ за другимъ подходили къ настоятелю, цѣловали у него руку, и начинали кружиться, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, съ необыкновеннымъ искусствомъ и безъ малѣйшаго усилія или сбивчивости, такъ, что въ нѣсколько секундъ вся ротунда наполнилась пестрыми симметрически кружащимися фигурами. При этомъ не слышно было ни малѣйшаго шума отъ совершенно скрытыхъ ногъ, и все круженіе производилось такъ правильно, такъ стройно, что дѣйствовало на воображеніе зрителей какимъ-то магнитическимъ обаяніемъ и мнѣ самому казалось даже, что я кружусь вмѣстѣ съ дервишами. Впечатленіе еще усиливается тѣмъ, что глаза у кружащихся закрыты и лица сохраняютъ совершенно неподвижное спокойствіе.

«Во все продолженіе круженія, сопровождаемаго пріятною музыкой и пѣніемъ хора, помѣщеннаго въ верхней галлерей, помощникъ настоятеля постоянно ходилъ по извилистымъ линіямъ между кружащимися, съ тѣмъ чтобы поддержать или отвести къ сторонѣ, кто почувствуетъ дурноту или ослабѣетъ. Однако жъ ничего подобнаго не случилось; всѣ дервиши, хотя большею частью еще молодые, были такъ искусны въ своемъ дѣлѣ, что никто даже не задѣлъ другъ друга.

«Черезъ четверть часа настоятель подалъ знакъ рукою, и всѣ, несмотря на закрытые глаза, разомъ остановились и отдавъ почтительный поклонъ, безъ малѣйшаго признаку утомленія отступили на свои мѣста, у колоннъ. Черезъ пять минутъ круженіе снова началось, и такъ повторялось четыре раза. Потомъ церемонія заключилась опять шестіемъ вокругъ ротунды и цѣлованіемъ рукъ. Сперва каждый цѣловалъ руку настоятелю, потомъ всѣмъ товарищамъ, въ знакъ взаимнаго братолюбія и смиренія.

«Въ этой символической пляскѣ у дервишей мевлеви, какъ говорятъ Гаммеръ, сохранилось самоэракійское таинство, посвященное движенію планетъ, и изображавшее гармонию міра, въ которомъ

каждое тѣло кружится около своего солнца. Въ вѣрѣ ихъ есть также Святая Троица, потому что у нихъ Богъ, Свѣтъ и Любовь — почитаются однимъ и тѣмъ же. Глядя на весь этотъ обрядъ, я появляю, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ возможно какое-то сосредоточеніе въ самомъ себѣ и отрѣшеніе отъ всего окружающаго міра, хотя не знаю, точно ли человекъ въ этомъ состояніи можетъ мыслить что-нибудь.»

ИСПАНСКІЕ РОМАНСЫ. *Статья Маньена.* Если есть на землѣ страна, гдѣ рыцарская восторженность, героизмъ и любезность кажутся врожденными естественными способностями или необходимыми потребностями какъ свѣтъ и воздухъ, то это безъсомнѣнія отечество Химесъ и Спда, Гонзалва и Абенсеражей, страна гдѣ въ продолженіи осьми вѣковъ, какъ будто въ непрерывномъ турнирѣ, цвѣтъ европейскаго рыцарства состязался съ цвѣтомъ рыцарства арабскаго. Зато Испанія обыкновенно приписываютъ и всѣ, или по крайней мѣрѣ большую часть странностей, преувеличеній, нольпыхъ понятій о чести, злоупотребленій дуэли, метафизическихъ тонкостей любви и сомнительныхъ совершенствъ, всѣ сумасбродства Эсплаціаповъ и Амадисовъ, противъ которыхъ возставалъ самый оригинальный и самый увлекательный изъ романистовъ, взявшійся смѣхомъ поправить разстрошенное воображеніе и свихнутыя понятія своихъ соотечественниковъ. Однакожь это общепринятое мнѣніе не оправдывается внимательнымъ изученіемъ подлинныхъ памятниковъ испанскаго рыцарства. Напротивъ, можно рѣшительно сказать, что рыцарская поэзія и духъ нигдѣ такъ мало не уклонялись отъ законовъ правдивости и здраваго смысла какъ именно на родннѣ Сервантеса и «Донъ-Кихота.» Это кажется парадоксомъ, но съ испанскими романсами въ рукахъ не трудно доказать, что пока рыцарство въ Испаніи умѣло ограждать отъ подражанія иноземному, и въ особенности французскому, духъ его оставался простымъ, естественнымъ, вѣрнымъ здравому смыслу, исполненнымъ величія и степеиной важности.

Два литературные памятника, въ которыхъ всего блестяще и вѣрнѣе отражается испанское рыцарство, безъсомнѣнія — Поэма о Сидѣ и *Romanceo general*. Эти двѣ книги — самый полный архивъ испанской исторіи и поэзіи среднихъ вѣковъ и заслуживаютъ полнаго изученія. Поэмою о Сидѣ начинается собраніе кастильскихъ стихотвореній, до пятнадцатаго вѣка (*Collecion de poesias Castellanas anteriores al siglo XV*), изданное въ 1779, донъ-

Антоніо Санчесомъ. Это — разсказъ безъ начала, въ 3,744 стихахъ, и въ двухъ или даже въ трехъ частяхъ. Въ первой части повѣствуется объ опалѣ и изгнаніи старика Сиды, о его побѣдахъ надъ Маврами и надъ барселонскимъ графомъ Раймондомъ. Во второй, которая, какъ кажется, начинается стихомъ

Aquis conpieza la gesta de mio Cid el Bibar (ст. 1093), — описывается славное завоеваніе Валенсіи и бракосочетаніе двухъ дочерей Сиды съ графами Карріонами.

Въ третьей части съ трагическимъ интересомъ развертывается тяжба Сиды съ зятьями, второй бракъ дочерей его съ инфантами Арагонскимъ и Наварскимъ, и заключается смертью героя. Въ послѣднемъ стихѣ сказано, что списокъ этой рукописи сдѣланъ въ 1345 испанской эры, — значитъ, въ 1307 году по общепринятому счисленію, — но суровость языка, опредѣленная форма и почти произвольная версификація, — то ассонансъ, то рима, и слоговъ гдѣ десять, гдѣ до двадцати, — позволяютъ отнести его ко второй половинѣ двѣнадцатаго столѣтія. Издатель этихъ пѣсень донъ Антоніо Санчесъ, полагаетъ, что они составляютъ одну поэму въ двухъ частяхъ и что сюжетъ ихъ — только старость Сиды. Другіе критики видѣли въ этихъ отрывкахъ двѣ послѣднія пѣсни большой эпопеи, посвященной изображенію всей жизни Сиды. Справедливѣе можно было бы сказать, что эти отрывки, относящіеся безъсомнѣнія къ одной эпохѣ, все отдѣльныя «пѣсни о дѣяніяхъ», *chansons de geste, cantares de gesta*, которыя принадлежатъ не къ одной поэмѣ въ двухъ или нѣсколькихъ «пѣсняхъ», а къ одному циклу, въ которомъ Сидъ-Кампеадоръ составляетъ центръ и который, какъ циклы Артуса и Карла Великаго, допускаетъ неопредѣленное число частей. Съ духомъ среднихъ вѣковъ совершенно несообразно предположеніе, будто «жесты», распѣвавшіеся, въ двѣнадцатомъ или тринадцатомъ вѣкахъ, въ общественныхъ собраніяхъ и въ господскихъ замкахъ, раздѣлялись на «пѣсни»: на подобіе «Эпелды»: эти искусственныя раздѣленія, изобрѣтенія александрійскихъ грамматиковъ, были средневѣковымъ пѣвцамъ также чужды какъ и расподамъ Греціи и Юніи.

Поэмы о Сидѣ до-сихъ-поръ были единственными извѣстными образцами «жестовъ», какіе открыты испанскою эрудиціей, но нѣтъ сомнѣнія что современемъ откроются еще и другіе подобные, если хорошенько порыться въ книгохранилищахъ полуострова и даже въ другихъ европейскихъ бібліотекахъ. Такъ господи́нь Мишель уже издалъ, въ видѣ дополненія къ сочиненію

Вольфа, *) эпическій отрывокъ вътысячу-сто-двадцать-шесть испанскихъ стиховъ, найденный въ рукописяхъ Королевской Библиотеки, во Франціи, и большею частью посвященный дѣяніямъ Сиды. Этотъ отрывокъ, писанный примѣрно позже рукописи, изданной донъ-Антоніо Санчесомъ, заключаетъ въ себѣ интересныя подробности насчетъ дотолѣ мало извѣстной причины ссоры донъ Діего и графа Гормаса, напечатлѣнные всею суровостью и всею важною феодальныхъ нравовъ.

Суровость и важность въ самомъ дѣлѣ отличительныя черты стариннаго испанскаго рыцарства и старинной испанской поэзіи. И поэма о Сидѣ, — какъ привыкли называть, — несмотря на варварство версификаціи и языка, соединяетъ въ себѣ все высокія и благородныя черты первобытнаго эпоса, простоту разсказа, естественность и возвышенность чувствованій, все истинно гомерическія качества, если можно такъ выразиться. Доказательствомъ можетъ служить сцена проѣзду изгнаннаго Сиды черезъ Бургось, которою начинается упомянутое собраніе романсовъ.

«Со слезами на глазахъ, не смотря на твердость души, онъ оборачивалъ голову и смотрѣлъ на свое жилище. Онъ видѣлъ отворенныя двери безъ замковъ и задвижекъ, пустые насѣсти сокольниковъ и раззоренныя птички. Мой Сидъ вздохнулъ, тяжело ему было. Заговорилъ мой Сидъ и сказалъ спокойно: «Спасибо тебѣ, государь батюшка! все это сдѣлали злые враги мои.» Тогда онъ поспѣшилъ уѣхать и отдалъ коню поводья. На выѣздѣ изъ Бивара ворону видѣли справа, а при вѣздѣ въ Бургось слѣва **). Мой Сидъ пожалъ плечами и вздернулъ голову. «Подарки, Алваръ Фаньесъ! Вотъ мы выгнаны изъ родной земли.» И мой Сидъ Руи Діасъ вступилъ въ Бургось. Съ нимъ было шестьдесятъ пенноновъ. Мужчины и женщины въ Бургось выходили на улицу и высовывались въ окна, чтобы посмотреть на него и поплакать, такъ прискорбно имъ было, и они вмѣсто всякой жалобы говорили: «Господи, какой добрый вассалъ! Чтѣ, если бы у него былъ добрый господинъ!» Но никто не смѣлъ пригласить его, такъ страшенъ былъ гнѣвъ короля Альфонса. До ночи еще пришелъ въ Бургось приказъ за пачать, чтобы никто не смѣлъ давать приставища Сиду, подъ

*) Ueber die Romanzen poesie der Spanier, Wien, 1847.

**) Испанцы долго сохранили вѣру въ толкованіи авгуровъ, и въ романахъ у нихъ осталось много слѣдовъ этого вѣрованія.

страхомъ несомнѣннаго лишенія всего добра и глазъ изъ головы, и жизни, и души. Велика была тревога всѣхъ добрыхъ христіянъ; всѣ прятались отъ моего Сиды, потому что никто не дерзалъ заговорить съ нимъ. Кампеадоръ отправился прямо къ обыкновенному своему жилищу. Онъ нашелъ дверь запертую страхомъ короля Альфонса, которому такъ было угодно, что и отворить было нельзя, развѣ только выломать. Люди моего Сиды кликали громкимъ голосомъ; люди въ домѣ ни слова не отвѣчаютъ. Мой Сидъ подѣхалъ самъ, вынулъ ногу изъ стремена и стукнулъ въ дверь. Она не отворилась, потому что была крѣпко заперта. Дѣвочка лѣтъ девяти стояла на сторожѣ. — Кампеадоръ, молвила она: прежде шпагу ты припоясывалъ въ добрый часъ; нынче же король запретилъ принимать тебя. Ночью пришелъ съ нарочнымъ приказъ за большою печатью. Мы ни за что не смѣемъ ни принять тебя, ни отворить. Примемъ, такъ лишимся всего добра и домовъ, и даже глазъ изъ головы. Мало тебѣ будетъ пользы, Сидъ, отъ нашего вреда; но помоги тебѣ Создатель и всѣ святые. — Такъ сказала дѣвочка и воротилась въ домъ. Тогда мой Сидъ увидѣлъ, что лишился милости царской. Отойдя отъ дверей, онъ проѣхалъ черезъ Бургоосъ».

Можно ли было лучше описать страхъ и безмолвіе города, поникшаго подъ царскимъ гнѣвомъ? Тутъ, въ нѣсколькихъ стихахъ, полная картина общества среднихъ вѣковъ.

Нужно еще замѣтить, что ни «Поэма о Сидѣ», ни французская «Пѣсня о Роландѣ», произведеніе того же вѣка, не заключаютъ въ себѣ ни какихъ чудесъ, собственно такъ называемыхъ, хотя обѣ наполнены народными сказками. Ни какой сверхъестественный дѣятель, ни гигантъ, ни волшебникъ, ни одинъ изъ тѣхъ обольстительныхъ и часто очень мало нравственныхъ призраковъ, которыми впослѣдствіи наполнялись рыцарскіе романы и въ-особенности романы «Круглаго-Стола», не нарушаютъ своимъ фантастическимъ внимательствомъ ясности этихъ строгихъ созданій: они, какъ древнія статуи, основываются только на идеалѣ естественной, человѣческой силы и красоты.

Но находимъ ли мы эту важность, эту естественность и простоту въ такой же степени въ «Романсахъ», вѣрномъ зеркалѣ нравовъ тринадцатаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ?

Прежде чѣмъ проникнемъ въ духъ *Romances general* и выведемъ заключеніе, нужно отдать себѣ отчетъ въ подлинности и историческомъ достоинствѣ этого памятника. Современны ли ро-

изъяснѣннѣмъ, о которыхъ они разсказываютъ, напримѣръ, подвигамъ Сидя, или по-крайней-мѣрѣ близки ли они къ нимъ? Очень некусные критики утверждаютъ, что такъ, и довольно многочисленныя архаизмы въ языкѣ и нравахъ позволяютъ согласиться съ этимъ мнѣнiемъ. Но чтобы рѣшить этотъ вопросъ, посмотримъ сперва, какъ дошли до насъ эти романсы, и тогда, быть-можетъ, намъ легко будетъ открыть время ихъ сочиненiя.

Романсы переданы намъ совсѣмъ не такъ какъ поэмы о Сидѣ и сапционерос. Поэмы, или «пѣсни о дѣянiяхъ» — *cantares de gesta*, — и сапционерос, или стихотворенiя знаменитѣйшихъ трубадуровъ, были переписаны тщательно, часто роскошно, болѣею частью на глазахъ у авторовъ, и типографiи впоследствии стоило только снять ихъ съ бѣлыхъ пергаментовъ, которые до сихъ-поръ составляютъ украшенiя библиотекъ, а рукописи *Romances* до-сихъ-поръ не извѣстны ни одной. Большая часть романсовъ собрана издателями шестнадцатаго вѣка изъ пзустныхъ преданiй.

Изъ чего слѣдуетъ, что пѣсни о Сидѣ и сапционерос совсѣмъ иного происхожденiя нежели романсы, и что нельзя прилагать къ тѣмъ и другимъ одну и ту же мѣрку критики. Первые — пѣсы обдуманныя, обработанныя, произведенiя искусства, болѣе или менѣе совершеннаго, но всё-таки искусства; вторыя — произведенiя безыскусственныя, импровизированныя, въ произвольныхъ неопредѣленныхъ формахъ, — словомъ, народныя пѣсни. Изъ этого еще слѣдуетъ, что изъ относительно позднѣйшей отдѣли языка законнымъ образомъ ничего нельзя заключить противу ихъ древности, потому что народъ, который всегда любитъ по-крайней-мѣрѣ приблизительно понимать, что поэтъ, могъ передавать ихъ не иначе какъ измѣняя и поправляя по своему разумнiю, тогда какъ поэма о Сидѣ, съ которою ихъ сравниваютъ, утвержденная съ исхода тринадцатаго вѣка на письмѣ, сохранила свою варварскую оригинальность языка и верификацию въ неподвижности.

Такимъ образомъ въ Испанiи среднихъ вѣковъ мы находимъ два рода поэтовъ и поэзи. Подлѣ трубадуровъ, пѣнцовъ-художниковъ, которые на торжественные случаи сочиняли длинныя пѣсни о дѣянiяхъ, называвшiеся также *романсами*, потому что были писаны на народномъ языкѣ, стояли друге пѣнцы, менѣе замѣтные, которые слагали коротенькiе эпические разсказы и пѣсни для болѣе скромныхъ собранiй, но полюбившiеся потомъ и знатымъ. Эти также получили почетное названiе «романсовъ»

съ одной стороны, можетъ-быть, отъ тщеславія авторовъ и отъ учтивости слушателей, съ другой за тотъ же народный языкъ, и, наконецъ, удержали его исключительно за собою.

Происхожденіе романсовъ объясняютъ и другимъ образомъ по-мудреѣе. Два мѣтвія въ-особенности заслуживаютъ вниманія, потому что они діаметрально противоположны, между-тѣмъ какъ изъ ложности одного вовсе нельзя заключить о правильности другаго. Одни, и между-прочимъ французскій переводчикъ Романсего, господинъ Damas Hinard, неизвѣстно на какомъ основаніи, предполагаютъ, что первыми произведеніями, или, какъ они выражаются, «первыми памятниками передаваемой поэзіи (poésies traditionnelles)», въ Испаніи, были большія сочиненія, огромныя поэмы (poèmes gigantesques), о которыхъ приблизительное понятіе подають дошедшіе до насъ отрывки изъ поэмы о Сидѣ. «Впослѣдствіи, когда запасы поэтическихъ преданій накопились и памяти стало недостаточно для удержанія этихъ колоссальныхъ твореній, ихъ раздробили, отдѣлили разные эпизоды, которые и сдѣлались особыми малыми поэмами, словомъ, романсами». Такое начинаніе съ огромныхъ, колоссальныхъ поэмъ довольно не понятно и странно, потому что неестественно. Всѣ первыя произведенія поэзіи у всѣхъ народовъ необходимо были незначительныхъ размѣровъ, каковы «Пѣснь о Роландѣ» и всѣ «жесты», пѣсни о дѣяніяхъ. Притомъ раздробленіе, насильственное отрываніе ихъ какъ не сообразно съ свойствомъ романа, котораго первыя условія—органическая цѣлость, полнота, ясность дѣйствія и оконченность развязки. Но гораздо убѣдительнѣе разсужденій—примѣръ. Возьмемъ на выдержку романсъ «О томъ, какъ донъ-Гарсія защищалъ замокъ Уранью».

«Донъ Гарсія ходитъ по платформѣ замка; въ одной рукѣ у него лукъ, въ другой золоченыя стрѣлы. Онъ клянетъ Фортуну и такъ укоряетъ ее:

— Король кормилъ меня съ дѣтства моего; Богъ далъ мнѣ крѣпкое тѣло; Онъ далъ мнѣ оружіе и коня, двѣ вещи, отъ которыхъ человекъ въ цѣнѣ прибываетъ; Онъ далъ мнѣ въ жены и подруги донью Марію; Онъ далъ мнѣ сто дѣвицъ для прислуги ей; онъ далъ мнѣ замокъ Уранью, для жилья съ нею; онъ снабдилъ меня виномъ; онъ снабдилъ меня хлѣбомъ; онъ снабдилъ меня и прѣеной водой.

«Но Мавры осадили меня, въ Ивановъ день, и семь лѣтъ прошло, а все осады не снимаютъ.

«Я вижу, какъ близкіе мои умираютъ, и ничего не могу дать

дѣтъ. Я востернулъ ихъ подъ бойницами, всвержонныхъ на обывновенно, чтобы Мавры думали, что они еще могутъ сражаться.

Въ замкѣ Уранья остался только одинъ хлѣбъ. Если я отдамъ его сыновьямъ, что станется съ женой моею? Если я емъ, несчастный, събѣнъ его, семья моя всплачется.

Онъ разломилъ хлѣбъ на четыре куски и бросилъ въ вратій стѣну. Одинъ кусокъ упалъ къ ногамъ цара.

— Аллахъ прогнѣвался на Мавровъ! Аллахъ побиваетъ Мавровъ! Намъ бродяють объѣдки изъ замка!

И царь приказалъ трубить въ рога, чтобы тотчасъ же сместили осаду.

Не правда ли, что это — вещь цѣлая, полная, что ее не трудно было ни отъ чего отламывать? Это не осколокъ, а органическое самостоятельное произведеніе, художественно созданное вдохновеніемъ лирика, увлеченнаго своимъ предметомъ.

Другая гипотеза о происхожденіи романсовъ, какъ мы уже сказали, діаметрально противоположна предыдущей? Поддерживающіе ее критики исходятъ отъ такой точки, которую нельзя не признать вѣроятною; они предполагаютъ, что, несмотря на постепенную отдѣлку языка, многія группы романсовъ, напримеръ вараарская исторія «Ивантовъ Лары», и даже нѣкоторые болѣе вѣжныя части *Romance del Sid*, старше отрывковъ, владѣвшихъ дѣньхъ Антоніо Санчесомъ. Не критики задеваютъ горбы дождя: на ихъ словеса «Поэма о Сидѣ» просто масса кое-какъ подобранныхъ старинныхъ романсовъ. Такимъ образомъ, мы переходимъ отъ одной крайности къ другой. Одни утверждаютъ, что гений человѣческій, играя, создавалъ колоссальныя творенія; другіе, что онъ не умѣлъ повернуть и пестышка. Они считаютъ вѣроятнымъ, чтобы въ двѣнадцатомъ вѣкѣ написалъ поэма, одаренный достаточно силой на сочиненіе шестидесяти тысячъ стиховъ, не собирая готовыхъ матеріаловъ. Это предположеніе образованія поэмы, наподобіе мозаики, изъ множества кусковъ — одно изъ наименѣ счастливыхъ приложений анти-гомерической системы Вольфа, и въ случаѣ нужды, можетъ служить къ опроверженію ея. Оно опровергнуто даже опытомъ. Мало ли собранъ романсовъ, въ особенности о королѣ донъ-Родригъ и о Сидѣ, но какъ ни искусно они расположены, развѣ въ нихъ есть единство, правильность разбѣровъ и постепенность развитія настоящей поэмы? Конечно, нѣтъ. Въ самомъ тщательно распо-

женноиъ Романсого всё части одна за другою слѣдуютъ, но ни одна другой не требуетъ. Лопе де-Вега очень хорошо опредѣлилъ историческіе романсы, которыми такъ часто пользовались: «Это Илиада, но ивъшая Гомера,» говоритъ онъ. Если бы нашлся Гомеръ, онъ долженъ былъ бы переплавить весь этотъ драгоценный металлъ въ царственномъ горнилѣ своего гениа. Впрочемъ, чтобъ быть справедливымъ къ Вольфу и его школѣ, нужно вспомнить, что по ихъ теоріи большія рансодин, изъ которыхъ состоятъ «Илиада» и «Одиссея,» гораздо больше похожи на длинныя «пѣсни о дѣяніяхъ,» — *chansons de geste*, чѣмъ на короткіе романсы. Историческая система не отвѣчаетъ за насильственные приложенія, на какія ее употребляютъ. Коротко сказать, испанскіе романсы не кажутся намъ ни обломками или остатками затерянной огромной поэмы, ни матеріалами еще не созданной эпопеи. Гораздо проще и естественнѣе предположить, какъ мы уже замѣтили, существованіе въ одно время двухъ родовъ поэзии, — одной, которая невредимо передавалась черезъ письмо, и другой, бѣглой, непостоянной, которая вольно носилась изъ села въ село, отъ Эбра до Гвадалкибира, всегда молодая, всегда возрожденная.

Послѣ нѣсколькихъ частныхъ изданій, начатыхъ изъ исхода пятнадцатаго и продолжавшихся втеченіи всего шестнадцатаго столѣтія подъ заглавіями *Primavera*, *Flor*, *Cancionero de romances*, *Tesoro escondido*, *Silva*, *Floresta*, и прочая, въ 1602, въ Мединѣ-дель-Кампо и, черезъ два года потомъ, въ Мадридѣ, вышелъ *Romancero general*, къ которому, въ 1609, въ Вальядолидѣ, прибавлена вторая часть. Это собраніе романсовъ раздѣлялось на тринадцать частей или отдѣленій, но безъ всякаго порядка, и сверхъ-того уже становилось рѣдкимъ, и потому ученый Деппингъ, въ 1817, къ удовольствію любителей, предпринялъ новое болѣе основательно расположенное изданіе. Онъ первый ввелъ порядокъ въ этотъ хаосъ, раздѣливъ свое «Собраніе лучшихъ древнихъ испанскихъ романсовъ» на четыре части, — на романсы историческіе, составляющіе большую часть, и заключающіе въ себѣ непрерывную цѣпь повѣствованій, отъ короля донъ Родриго и Сида, до отбитія Гренады у Мавровъ Фердинандомъ и Изабеллой; романсы рыцарскіе, то есть извлеченные изъ баснословныхъ преданій, въ особенности изъ цикла Карла-Великаго; романсы мавританскіе, передѣланные и сочиненные по образцу арабскихъ; и романсы разнаго содержанія, которыхъ авторы, герои и время сочиненія мало или вовсе не извѣстны. Недавно господниъ Деа-

пигъ, въ Лейпцигѣ, вторично издалъ свое собраніе съ большими поправками и приумноженіемъ. Между тѣмъ, раздѣленіе, которое онъ ввелъ въ своемъ сборникѣ, послужило образцомъ и другимъ, наиримѣръ, донъ-Августину Дурану, который, въ 1823—1832 годахъ, въ Мадридѣ, издалъ пять томовъ, и донъ-Евгенію Озоа, который, въ Парижѣ, въ коллекціи Бодри, напечаталъ одинъ томъ, подъ заглавіемъ *Tesoro de los romances*, а въ прошломъ году господинъ Damas Hinard напечаталъ французскій переводъ *Romances general* по тому же плану, и обѣщавъ прибавить къ этому изданію подлиннаго текста.

Такіе сборники, безъ сомнѣнія, лучше руководители при изученіи духа и характера народа: это отголосокъ всѣхъ откровенныхъ признаній, всѣхъ предразсудковъ, повѣрій и склонностей его. Въ самомъ дѣлѣ, въ старинныхъ романахъ, въ этомъ постоянно текущемъ, живомъ ключѣ поэзіи очень ясно обрисовываются испанскіе нравы того времени, со всѣми основными и отличительными чертами ихъ, важностью, прямодушіемъ, храбростью и уваженіемъ къ данному слову. Но съ тринадцатаго вѣка не измѣнились ли, не повредились ли эти прекрасныя качества принужденностью, которую романтическое рыцарство ввело тогда во всей Европѣ. Не выродилась ли кастильская храбрость точно также какъ французская и англійская въ тщеславную наглость и заблѣтство? И любовь испанская, истинная, глубокая, страстная, не обратилась ли точно такъ же въ платоническія мечтанія и въ холодное, поддѣльное волокитство? Заглянемъ въ романы. Отвѣтъ ихъ долженъ быть удовлетворителенъ: въ нихъ не вошло ничего такого, что бы не имѣло прочныхъ корней въ нравахъ.

Есть въ нихъ, конечно, довольно много странныхъ вызововъ на поединки, но эти вызовы, какъ и самыя поединки, были естественнымъ слѣдствіемъ тогдашняго образа войны и свойства оружія. Въ то время большое сраженіе было не что иное какъ собраніе множества поединковъ. Но если вызовы и поединки въ *Romances* часто встрѣчаются, зато всѣ почти происходятъ отъ важныхъ, законныхъ причинъ, одобренныхъ современными повѣтниками. Примѣръ — знаменитый поединокъ Родрига:

«...Въ присутствіи короля ты въ ярости поднялъ руку на моего отца. Помни, что ты оскорбилъ его и я его сынъ.

«Ты поступилъ дурно, графъ; я вызываю тебя, какъ измѣнника, и мы увидимъ, внушишь ли ты мнѣ страхъ. Діаго Лайнесъ хорошо очистилъ меня въ своемъ горнилѣ. Я испытаю на тебѣ,

на твою вѣнчанъ сердце чистоту моей знатности. Свѣтъ, которую придастъ тебѣ искусство въ борьбѣ, ни чему тебѣ не послужитъ, потому что у меня для бою есть шнага и кода.

Замѣтимъ, что въ поединкахъ, относящихся къ десятому и одиннадцатому вѣкамъ, видно болѣе свирѣпости, чѣмъ рыцарской любезности. Прочтите подробности, которые слѣдуютъ за вызовомъ Родриго :

«Такъ говорилъ графу Лосано храбрый Сидъ-Камисадоръ, который съ-тѣхъ-поръ заслужилъ это презвище за свои славныя дѣла. Онъ отомстилъ за себя, убилъ графа и, отрубивъ ему голову, довольный, преклонилъ съ ней колѣно передъ отцомъ.»

Эта голова, положенная къ ногамъ Діаго, послужила сюжетомъ для довольно длиннаго романа, въ которомъ подробно описаны все происшествія.

«Діаго Лайнесъ сядѣлъ передъ столомъ, и горькія слезы катились по щекамъ его, при мысли о понесенномъ оскорбленіи. Старикъ волновался, и въ безноконномъ умѣ его уже возстадали и топились всякіе ужасы позору, когда явился Родриго съ отрубленной головой графа, которую держалъ за окровавленную пелосы.

«Онъ взялъ отца за руку, заставилъ его очнуться, и, съ радостью въ сердцѣ, началъ такую рѣчь :

«Подними твое лицо, отецъ мой, и открой глаза; твоя умершая честь воскресла, и отыиѣ прочна: съ нея смыто пятно, несмотря на гордость. Теперь эти руки больше не руки, и языкъ не языкъ. Я отомстилъ за тебя, государь батюшка, потому что месть вѣрна, когда правое дѣло стоитъ за того, кто ею воруется.

«Старикъ думалъ, что это сонъ; но то не былъ сонъ, тогда сквозь потокъ слезъ ему видѣлись тысячи призраковъ. Наконецъ онъ поднялъ отуманенные глаза, и слеза узнала своего врага, хотя уже въ одеждѣ смерти :

«О, недостойный графъ Лосано! себе отомстимъ тебѣ за меня, и мое правое дѣло дало противъ тебя силы Родригу. Сядъ за столъ, сынъ мой, на первомъ мѣстѣ, потому что тотъ, кто принесъ мнѣ такую голову, будетъ головой въ моемъ домѣ.»

Но слѣдуетъ рассмотреть романы позднѣйшаго происхожденія, гдѣ чувствуется болѣе подвинувшаяся образованность. И тутъ мы видимъ, что причины всѣхъ поединковъ важны, достаточны и

обширными даже иными желаніемъ общественной помощи. Таковы были славные поединки подъ стѣнами Саморы.

Донъ-Санчо, король Кастильскій, рѣшившись, несмотря на советы Сады, отплыть у своей сестры, доньи Уррака, саморскую крепость, которой она владѣла какъ наследница, былъ убитъ нечеловѣческимъ образомъ однимъ выстрѣломъ. Это убійство возбуждало негодованіе всей Кастиліи.

Донъ-Родриго, говорится въ одномъ романѣ, былъ сильно опечаленъ. Вотъ что говоритъ онъ передъ тѣломъ умершаго корда:

« — Государь мой, король донъ-Санчо, несчастный былъ тотъ день, въ который, противъ моего желанія, ты осадилъ Самору. Тотъ, кто далъ тебѣ этотъ совѣтъ, не боялся ни Бога ни людей, потому что онъ заставилъ тебя поступить противъ рыцарскихъ уставовъ.

«Окончивъ эту рѣчь, онъ возвысилъ голосъ и прибавилъ: — Вызвать рыцаря, который бы, до заката дня, отомстилъ Саморѣ за эту ужасную измѣну!... Вы знаете, что самъ я не могу вооружиться противъ этого города, потому что связанъ клятвой; но я дамъ вамъ рыцаря, который будетъ биться за Кастилію...»

«Рыцарь явился самъ, безъ вызова: донъ-Діаго Ордоньесъ всталъ въ гнѣвъ, на-скоро вооружился, и, подѣзжая къ укрѣпленію, въ огнѣ, съ сверкающими глазами, началъ такую рѣчь:

«Предатели и измѣнники! вотъ ваше имя, жители Саморы, зато, что вы приняли въ вашъ городъ злога Вельида, измѣнника, убившаго донъ-Санчо, моего государя и новелителя, котораго я такъ оплакиваю. Тѣ, которые принимаютъ измѣнниковъ, сами измѣнники! Я вызываю васъ всѣхъ, какъ предателей, вашихъ предковъ и будущихъ дѣтей; я всѣхъ васъ ставлю на одну черту, и хлѣбъ и воду, которыми вы питаетесь. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я вооруженъ, и я буду биться съ тѣми, кто не захочетъ помириться этому, или съ пятерыми по-очередно. Пусть выходитъ тотъ, кто далъ совѣтъ, причину этого вызова!...»

Сервантесъ порядочно смѣется надъ этой старинной формой вызова: «Никто, говоритъ его донъ-Кихоть, не можетъ обидѣть цѣлой общины, разве обвинить только всѣхъ въ измѣнѣ... Мы имѣемъ примѣръ въ донъ-Діаго Ордоньесѣ, который вызвалъ все народонаселеніе Саморы.... Правда, что донъ-Діаго немножко забылся и переступилъ черезъ границу вызова, потому что к чему вызывать мертвыхъ, воду, хлѣбъ, будущихъ дѣтей и всѣ мелочи, упоминаемыя въ этой исторіи? Правда, когда гнѣвъ переливается

ся черезъ край, тогда нѣтъ узды, которая бы удержала языкъ.»
Но будемъ продолжать:

«Аріасъ Гонсале, который былъ начальникомъ въ Саморѣ, слыша слова Ордоньеса, отвѣчалъ ему такъ: — Не родиться бы мнѣ на свѣтъ, если бѣ было все такъ, какъ ты говоришь; но я принимаю твой вызовъ и докажу тебѣ, что ты говоришь неправду.

«Потомъ онъ началъ рѣчь къ жителямъ Саморы: — Почтенные мужи, вы большіе и малые, если изъ васъ кто-нибудь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, пусть скажетъ тотчасъ же.... Я лучше соглашусь быть изгнаннымъ въ Африку, чѣмъ побѣжденнымъ на полѣ битвы какъ злодѣй и измѣнникъ.

«Всѣ отвѣчали разомъ, никто не молчалъ: — Да поглотитъ насъ огонь, если мы причастны въ этой смерти! Нѣтъ никого въ Саморѣ, кто бы далъ такой совѣтъ. Измѣнникъ Вельдо одинъ совершилъ это преступленіе. Ты можешь идти съ полной увѣренностью въ этомъ. Иди съ Богомъ, Аріасъ Гонсале.»

Не видно ли изъ этихъ послѣднихъ словъ, какъ велика была въ Испаніи нравственность рыцарскаго поединка? Негодяи очень рѣдко рѣшались подвергнуться этому испытанію. Аріасъ Гонсале подошелъ къ воротамъ, выходившимъ въ поле, сопровождаемый четырьмя сыновьями. Онъ хотѣлъ первый вступить въ бой, потому что былъ названъ измѣнникомъ; но инфанта донья-Уррака и всѣ присутствующіе воспротивились этому, и онъ выслалъ своего младшаго сына, Педро Аріаса, который по этому случаю былъ наканунѣ посвященъ въ рыцари. Черезъ нѣсколько минутъ Діаго Ордоньесъ разрубилъ ему черепъ и, обращаясь къ стѣнамъ Саморы, такъ говорилъ: «Гдѣ ты, Аріасъ Гонсале? Высылай твоего втораго сына, потому что съ первымъ уже все кончено.» Старикъ выслалъ другаго сына, Діаго Аріаса, и донъ-Діаго Ордоньесъ поступилъ съ нимъ такъ же какъ съ первымъ. Явился третій сынъ старика, Фердинандъ Аріасъ, и также былъ раненъ въ голову; но онъ первымъ ударомъ ранилъ донъ-Діаго, вторымъ его лошадь, которая перескочила съ всадникомъ черезъ барьеръ. Ордоньесъ тщетно хотѣлъ снова явиться на ристалище, — судьи не позволили. Такъ кончилась эта битва, и неизвестно, кто остался побѣдителемъ. Между-тѣмъ еще сцена, позидѣйшаго сочиненія, оканчивается эту драму. Старикъ Аріасъ Гонсале, искорѣ потомъ встрѣтился съ противникомъ, который лишилъ его двоихъ сыновей, съ горяча вдается въ брань и угрозы, которыя потомъ, об-

думавши, сама осуждаетъ какъ слѣдствіе несправедливой завальчистости.

«....Подлый ты человекъ! кричитъ старикъ: храбрець передъ дѣтми, а не передъ людьми, у которыхъ есть борода на подбородкѣ, трусливъ какъ заяцъ передъ борзыми псомъ!..»

«Если бъ я выѣхалъ въ поле, не жить бы тебѣ въ весельи, не носить бы мнѣ трауру по сыновьямъ; напротивъ, Биваръ надѣлъ бы трауръ по тебѣ, и это былъ бы у меня подвигъ не изъ важнѣйшихъ.»

«Я знаю, Ордоньесъ, что ты больше наглъ чѣмъ храбръ, и ты очень хорошо знаешь, что я всегда больше дѣлаю чѣмъ говорю. И ты знаешь также, что король донъ Санчо побоялся отпустить трехъ графовъ, которыхъ я вызывалъ помѣряться со мной.»

«Ты знаешь, какъ сражался я, какъ падалъ съ коней подъ копьемъ моихъ всѣхъ, которые дерзали дожидаться моего нападенія; ты знаешь, какъ на турнирахъ женщины сходили съ эстрады, чтобы обнять меня, на зависть молодымъ людямъ, которые отдали бы цвѣтъ своей жизни, чтобы быть на мѣстѣ сѣдинъ старика! Я напоминаю тебѣ о моихъ славныхъ подвигахъ на честь себѣ въ къ стыду твоему, потому что твои подвиги состоятъ въ убіеніи юноши и ребенка.»

«Учтивый донъ-Діаго Ордоньесъ, какъ человекъ благовоспитанный, скрѣпилъ сердце и щеголевато операясь локтемъ на эфесъ шпаги и положивъ руку на грудь, отвѣчалъ громкимъ голосомъ, но почтительно:

«— Эти дивные подвиги тебѣ присуждено было совершить, я признаю это, в моего свидѣтельства достаточно; я сохраняю мое хладнокровіе, тогда какъ ты не можешь быть хорошимъ свидѣтелемъ моихъ поступковъ, потому что тебя ослѣпляютъ страсти. И хотя я могъ бы привести нѣсколько примѣровъ храбрости и отваги, которые, не въ обиду тебѣ будь сказано, почти стоютъ твоихъ; однако жъ, для восстановленія моей чести, напомню только, что я убилъ двоихъ сыновей у того, который отважился прійти въ королевскій станъ своего врага. Успокойся жъ, Ариасъ Гонсале, успокойся!»

«У старика на душѣ гнѣвъ уходилъ; онъ увидѣлъ, что поступилъ опрометчиво, и признавая это такъ же какъ и достоинство Ордоньеса, заговорилъ съ нимъ дружелюбно и просилъ дать руку на ипрвою. Донъ-Діаго Ордоньесъ съ радостью подалъ руку.»

и оба обиданы. Въѣхъ, потыкаясь съ Кастильскаго Сада, тронувъ одобривъ этотъ ширъ, — и затѣмъ Ариасъ Гонсале воротился въ Самору.

Этотъ романсъ, по-видимому, относится не далѣе чѣмъ къ патшаддатуму вѣку. Изображенное въ немъ утрированное великодушiе и быстрое примиренiе старика Ариаса Гонсале съ убийцею его дѣтей вовсе несвойственны мстительной испанской натурѣ: это отзывается нѣсколькими сатязками маоританскихъ романсовъ. Однако жъ мы приведемъ его, какъ доказательство, что кхастовство и наглость даже въ эту эпоху такъ мало проникало въ народные нравы Испанiи, что осуждалась даже самими тѣми, которыхъ до этого доводила страсти.

Что касается до роли женщины въ обществѣ и въ семьѣ, идея, высказанная въ Романсего, почти совершенно противоположны господствующимъ въ иноземной рыцарской поэзи и въ особенности въ романахъ цикла Круглаго-Стола. Прекрасныя и невинныя Жиневры, Изѣльты и Себилы — не испанскiе типы. Кастильская ревность не позволяла народнымъ поэтамъ полуострова идеализировать супружескую невинность. Въ этой полу-восточной и христіанской странѣ женщина — предметъ желанiй, почтенiя и степенной вѣжливости, а не предметъ обожанiя, не идолъ; она равная, подруга мужчинѣ, а не госпожа и повелительница. Мы уже видѣли, какъ донъ-Гарсиа благодарилъ Бога и государя, зато что дали ему донью-Марію «въ жены и подруги.» Такова мѣра испанской любезности. Въ Испанiи, всякій мужчина въ любимой женщинѣ и всякая женщина въ любимомъ мужчинѣ ищутъ полнаго, совершеннаго и законнаго обладанiя; словомъ, идеалъ любви, каковымъ онъ является въ Романсего, это — любовь въ супружествѣ. Для всякой благородной дѣвушки въ Испанiи не существовало ничего средняго между замужествомъ и монастыремъ.

Вотъ маленькій романсъ, который, вѣроятно, довольно часто расцѣвлялся по вечерамъ въ скромныхъ и болѣею частью бѣдныхъ замкахъ кастильскаго дворянства; это — «Добрый графъ и его дочь.»

«Добрый графъ, въ горести, бродилъ, держа въ рукахъ черную четки, и молился про себя печальными рѣчи, такія, что всякій заплакалъ бы.

« — Ты испугалась, дочь моя; пора бы тебѣ замужъ. Самое горькое горе мое, что нѣтъ у меня тебѣ приданнаго.

« — Не говори этого, отецъ мой, не говори этого! Не слѣдъ

тобѣ пожелать, затаить, что у кого есть добрая дочь, тотъ бо-
 бы богачемъ зоветь; а у кого дурная, тому слѣдуетъ ее живыми
 закопать, потому что дурная дочь не честь, а позоръ семьи. Я,
 если замужъ не выйду, въ монастырь пойду.»

Въ началѣ семнадцатаго вѣка составлено собраніе романсовъ о
 Сидѣ; жаль, что до сихъ-поръ не составлено еще особаго собра-
 нія романсовъ о Хименѣ. Для этого стоило бы только отдѣлать
 изъ перваго собранія тѣ прелестныя мѣста, гдѣ говорить и дѣй-
 ствуетъ Химена, и тѣ, гдѣ Родриго выражаетъ важную нѣж-
 ность, которую питалъ къ ней до конца жизни.

Что бы ни говорили Сандоваль и Сизмонди, у Сада не могло
 быть двухъ женъ, носившихъ имя Химены, иначе объ этомъ
 было бы сказано въ самыхъ достоверныхъ документахъ, въ роман-
 сахъ. Впрочемъ, Химена испанская, изображенная въ Ромашего,
 откровенная, рѣшительная, иногда веселая, очень мало похожа на
 Химену, созданную Корвелемъ. Въ романахъ она влюбляется въ
 молодого Родриго уже по смерти своего отца въ поединкѣ. Корнель
 выдержалъ цѣлый ураганъ критическихъ нападокъ, зато что по-
 зволилъ своей Хименѣ, послѣ продолжительной борьбы, обѣщать
 Родригу руку. Поэтъ оградился преданіемъ, которое гласитъ:
 «Химена просила у короля, чтобы наказалъ Сада по закону или
 отдалъ бы его ей въ мужа», и безъ труда доказалъ, что очень
 смягчилъ суровость этого испанскаго преданія въ своей траги-
 комедіи. Если бы онъ имѣлъ подъ руками болѣе полный Роман-
 серо, онъ, безъ сомнѣнія, показалъ бы взыскательнымъ крити-
 камъ слѣдующую пьесу:

«Былъ день царскій, день праздничный, назначенный, въ ко-
 торый дамы и дѣвцы получаютъ отъ короля подарки. Химена
 Гомесъ, дочь графа Лосано, ставъ передъ королемою, говорила ему
 такъ:

«— О, государь, я въ горѣ, и мать моя въ горѣ. Что ни день
 засвѣтится, я вижу того, который убилъ моего отца; вижу сто-
 ящаго на конѣ, со сворой собакъ, нето съ соколомъ на рукѣ; ѣдетъ
 на охоту, и чтобы еще больше огорчить меня онъ порой пу-
 скаетъ сокола въ мою же голубятню. Кровью моихъ голубокъ онъ
 запятналъ мое платье.

«Услышавъ это, король заговорилъ такъ: — Да поможетъ мнѣ
 Царь Небесный! да просвѣтитъ меня Богъ собитомъ! Если я за-
 кушу или казню Сада, мой кортесы возмутятся, а не учиню суда,
 душой волочусь.

— Спокойны будутъ твои cortesсы, о государь! никто не возмутитъ. Дай мнѣ въ равныя мужья того, который убилъ моего отца. Тотъ, кто причинилъ мнѣ столько зла, навѣрное, сдѣлаетъ мнѣ и нѣсколько добра.

Тогда заговорилъ король: — Всегда я слышалъ, и самъ теперь вижу, что страненъ складъ сердца у женщинъ. До-сихъ-поръ она просила суда, теперь хочетъ выйти замужъ за врага. Хорошо; я охотно и съ удовольствіемъ исполню твою просьбу. Я пошлю письмо къ Родригу и призову его.»

Посмотримъ теперь, чѣмъ стала живая и снѣлая Химена Годесъ въ замужствѣ. Сидъ Кампеадоръ постоянно на войнѣ, сражается съ Маврами за короля, допъ-Фернандо. Романсы показываютъ, какъ молодая жена переноситъ одиночество. Съ жалобами своими она обращается къ королю, вповинку всего своего горя.

«Въ замкѣ Бургосъ, Химена поджидаетъ Родрига; она такъ беременна, что скоро ждетъ и разрѣшенья.

«Въ воскресный день еще ей прискорбиѣй; заливаясь слезами, она взялась за перо и написала къ мужу тысячи жалобъ, такихъ, что тропули бы внутренность мрамора, потомъ снова взялась за перо и снова заплакала. Тутъ она написала къ королю допъ-Фернанду такъ:

«Государю королю, доброму, счастливому, побѣждающему, признательному, мудрому — отъ служанки вашей Химены, дочери графа Лосано, — которой вы дали мужа, чтобъ посмѣяться надъ нею, — поклонъ изъ стѣнъ Бургоса, гдѣ она живетъ въ горести. Да приведетъ Богъ къ счастливому концу ваши добрыя начинанія!

«Извините меня, государь; сердце у меня не лживое, и если ужъ оно къ вамъ не расположено, не могу скрыть. Я теперь очень недовольна, и пишу къ вамъ, оттого что пужда заставляетъ. Я могу смотрѣть на васъ не иначе какъ на врага, послѣ всего горя, которое вы мнѣ причинили.

«По какому закону Божьему вы во все продолженіе безконечной вашей войны расторгаете бракъ двухъ супруговъ?

«Гдѣ справедливость въ томъ, что вы учите молодаго, ласковаго, скромнаго мальчика быть свирѣпымъ львомъ, и денно и ночно держите его на цѣпи, развѣ только въ годъ разъ спустите на часъ? Да и тогда онъ приходитъ ко мнѣ облитый кровью, такъ, что страхъ посмотрѣть, и едва подлѣ меня приляжетъ, тотъ-»

любя уснетъ у меня на рукахъ. И во снѣ онъ все тремещетъ и мечется; все кажется ему, что онъ въ битвѣ.

«И едва зардѣетъ заря, вѣстовые и вожатые опять торопятъ его въ походъ.

«Если вы дѣлаете это для того чтобъ почтить Родрига, то онъ уже достаточно нажилъ чести: у него еще нѣтъ бороды, а есть уже пять королей въ вассалахъ.

«Наконецъ, государь, я беременна, уже по девятому мѣсяцу. Слезы, которыя я безпрестанно проливаю, могутъ повредить мнѣ. У меня нѣтъ другаго блага, а вы отнимаете его у меня, и я оплакиваю живаго какъ мертваго.

«Не допустите, чтобы зло приключилось залогу лучшаго дворянина, какой когда-либо цѣловалъ руку королю и слѣдовалъ за знаменемъ краснаго креста.

«Отвѣчайте мнѣ неотложно своеручнымъ письмомъ, хотя бы это стоило мнѣ добраго подарка вашему посланцу. А это письмо бросьте въ огонь, чтобы по дворцу не ходило, и чтобы злые языки не перетолковывали. Перестаньте огорчать меня, положите конецъ обидамъ; подумайте, что небо не велитъ дѣлать ближнему зла.»

На это король донъ-Фернандъ отвѣчалъ донѣ Хименѣ, разумѣется, не менѣе откровенно и умио.

«Въ десятомъ часу дня, потребовавъ у секретаря бумаги, король своеручно написалъ отвѣтное письмо къ Хименѣ. Сдѣлавъ крестъ изъ четырехъ точекъ и парафа, онъ учтивыми словами написалъ такую рѣчь:

«Благородной Хименѣ, женѣ славнаго мужа, скромной, остроумной, Богомъ благословенной, отъ короля привѣтъ и увѣренье въ пѣшней любви.

«Вы говорите мнѣ, что я плохой король, что я разлучаю супруговъ и изъ за своихъ пользъ не забочусь о вашемъ горѣ. Вы жалуетесь, что я не отпускаю къ вамъ вашего мужа, развѣ только разъ въ годъ, и то онъ, вмѣсто того чтобъ приласкать жену, засыпаетъ подлѣ нея, такъ онъ утомленъ.

«Если бъ справедливо было, сеньора, что я похищаю вашего мужа для моего удовольствія, вы вправѣ были бы жаловаться, но какъ я похищаю его только для того, чтобъ онъ побивалъ нашихъ сосѣдей Мавровъ, то я передъ вами ни мало не виновенъ.

«Если бъ Родриго все висѣлъ подлѣ связки вашихъ ключей,

мои владѣнiя не увеличались бы такими богатыми подарками. Если бъ я далъ ему всего гуляго, такъ, какъ другая тысяча-цѣтъ, все же золото пошло бы въ нечистыя руки, и если бы я не поручалъ ему моего войска, вы были бы простою женой, а не простыя дворянскимъ, безъ заслуги.

«Если бы ваши влѣтъ, сеньора, не стали повороче, я пошлалъ бы тому, что вы рассказываете о селливости вашего друга. Но онъ ждетъ отъ васъ наследника на майоретствѣ.

«Если не будетъ у васъ мужа при первыхъ вашихъ рождѣ, зато у васъ будетъ король, который задаетъ вамъ сто тысячъ пирровъ.

«Не вините ему, не требуйте прѣводу; онъ хотя подлѣ васъ будетъ, если услышитъ бой барабановъ, покинетъ.

«Вы говорите, что у Родрига есть пять королей въ вассалахъ. Далъ бы Богъ, чтобъ у него было ихъ четырежды пять: если бъ онъ держалъ ихъ въ своей власти, мои и ваши зѣмки не были бы столько враговъ.

«Вы наказываете бросить ваше письмо въ огонь. Если бъ въ немъ заключалось что нечестивое, оно заслуживало бы такого наказанiя, но какъ оно заключаетъ въ себѣ только рѣчи, достойныя семи мудрецовъ, то ему мѣсто въ моемъ архивѣ, а не въ огнѣ.

«И чтобъ вы берегли мое, не рвали бы его въ клочки, я здѣсь же обещаю хорошiй подарокъ ребенку; котораго вы скоро родите. Если родится мальчикъ, я дарю ему шагагу, коня и двѣ тысячи мараведисовъ на первыя издержки; если дѣвушка, положу въ ростъ сорокъ марокъ серебра съ того дня, когда она родится.

«Затѣмъ, сеньора, заключаю письмо и пошу Святую Дѣву, чтобъ не оставила васъ въ предстоящихъ трудахъ.»

И вотъ какъ донъ-Фернандъ исполнилъ свое слово.

«Въ день святаго Исидора благородная Хинена Гомесъ, жена Сидо Кампеадора, отправилась къ первой обидѣ послѣ родовъ. Для выѣзду, она одѣла своихъ слугъ въ тонное сукно, потому что по одеждѣ слуги видѣтъ господанъ.

«Сама прекрасная сеньора надѣла казакинъ изъ тонкой багряницы, съ разрывною бархатною бахромой, и баскиву съ оборкой, подпорокъ королевской, и ошегалась кушакомъ съ серебряными шпунти, подаркомъ грава графинѣ, ее матерѣ.

«На шеѣ у нея висѣли красиво уложенныя двѣ медали съ изображенiемъ святаго Лазара и святаго Иустра, съ зашифрованными

Варваръ, блестяще лучше золота, увиданъ на плоть широкую паволокою.

«Химена была такъ хороша, что солнце остановилось на пути, чтобъ изоблговаться на нее. Посреди церкви она встрѣчаетъ короля, который подаетъ ей руку чтобъ проводить.

«— Благородная Химена, говоритъ король, какъ Сидъ Кампеадоръ, вашъ счастливый мужъ и лучший мой вассалъ, въ отлучкѣ, на войнѣ, те я буду вашимъ кавалеромъ, а прекрасной дочкѣ, которую Богъ вамъ далъ, я посылаю тысячу мараведисовъ и лучший мой голоаной уборъ изъ перьевъ.

«Химена не благодарила короля за такую милость, потому что жестичность голоеъ отняла. Она взяла у короля руки, чтобъ поцѣловать, но король отнялъ руки и, выстоявъ обѣдню, проводить Химену до дому.»

Между-тѣмъ время идетъ; Химена уже не та молодая влюбленная женщина, которую мы видѣли въ первыхъ родахъ: у нея дѣтъ дочери, наследницы ея молодости. Во многихъ романахъ мы встрѣчаемъ ее, важную, степенную и спокойную подлѣ Сидъ, но всё-еще любящую пѣсни и гитару. Когда Сидъ хочетъ подать точное понятіе о своей преданности королю, онъ сравниваетъ ее съ преданностью Химены къ нему самому.

«Я, Сидъ Кампеадоръ, стою подлѣ Консуэгро, столько же преданный королю донъ Альфонсу, сколько мнѣ предана Химена.»

Потомъ онъ прибавляетъ:

«Когда я одинъ, я плачу по моей подругѣ, Хименѣ, которая какъ голубка осталась покинутою, печальною, на чужой сторонѣ, потому что хотя тамъ и ея сторона, но она окружена врагами. Если же это враги ея мужа, какъ же имъ не быть ея врагами?»

При одномъ торжественномъ случаѣ, Сидъ, принимая подарки отъ персидскаго султана, показываетъ посланнику свой домъ, своихъ дочерей и жену, съ гордостью матери Гракховъ. Въ слѣдующемъ романѣ, гдѣ Кампеадоръ, уже вооруженный въ походъ, прощаясь даетъ совѣты, — видно, какую почтительную нѣжность онъ питаетъ къ женѣ.

«Уже накрывшись насной, передъ выступленіемъ въ походъ во Валенсію, Сидъ говорилъ Хименѣ:

«— Ты знаешь, какъ тяжка нашей нѣжности и привязанности даже малая разлука; но праву нѣтъ мѣста, гдѣ явлется долгъ, а истинный благородный человѣкъ обязанъ служить государю.

«Веди себя въ мое отсутствіе какъ притчю тебѣ, благородной женщины, и чтобы никто не видалъ въ тебѣ никакой мерины.

«Употребляй скоротечные часы на заботу о своемъ имуществѣ и не проводи ни одной минуты въ праздности, потому что быть праздною или мертвою — одно и то же.

«Прибереги лучшіе свои наряды къ моему возвращенію, потому что жена въ отсутствіи мужа должна одѣваться просто.

«Береги своихъ дочерей, чтобы онѣ были всегда дома, но такъ, чтобы не примѣчали, что ты сколько-нибудь боишься: это значило бы подать имъ понятіе о злѣ. Пусть онѣ не отлучаются отъ тебя ни на шагъ, потому что дѣвушка безъ матери близки къ гибели.

«Будь важна со слугами, ласкова съ дамами, осторожна съ чужеземцами, строга съ соотечественниками.

«Не показывай никому моихъ писемъ, ни даже самой близкой роднѣ, и никто изъ мудрѣйшихъ не узнаетъ, какъ я принимаю твои. Если жъ ты не сумѣешь скрыть своей радости, по свойству женщины, то покажи ихъ дочерамъ своимъ.

«Я оставляю тебѣ на каждый день двадцать два мараведеса. Живи, какъ тебѣ слѣдуетъ, и не смотри на расходъ. Если денегъ у тебя не достанетъ, не закладывай своихъ ожерельевъ, займи на мое слово; на это ты получишь всю нужную тебѣ подмогу, потому что я цѣлюю жизнь трудиша ради помощи другимъ.

«Итакъ, прощай, жена; я отсюда уже слышу звонъ оружія.

«И крѣпко обнявъ жену, онъ легко вскочилъ на коня.»

Послѣ всего этого, кажется, можно заключить, что ни въ испанскомъ духѣ, ни въ поэмахъ о Сидѣ, ни въ Романсеро нѣтъ ничего напоминающаго романтическія, фантастическія и мало нравственныя стороны французской и англійской рыцарской поэзіи тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ.

Но если такъ, возразятъ намъ, если эти сочиненія несомнѣнно вѣрно отражаютъ подлинный народный характеръ, если испанскій романсъ и «жесты» заключаютъ въ себѣ такъ мало элементовъ романческаго; если, напротивъ, отличительныя черты испанскаго рыцарства — здравый смыслъ, откровенность, горячность безъ сомнительныхъ вспышекъ страстей, правдивость чувствованій всегда логическихъ и послѣдовательныхъ, идущихъ прямо къ дѣлу въ словахъ и прямо къ цѣли въ дѣйствіяхъ; если чудесное и сверхъестественное такъ мало мѣста занимаютъ въ первыхъ сценахъ

нихъ ихъ ума, что они, рабы истины въ дѣйствительной жизни, постоянно сохраняли уваженіе къ вѣрности въ своихъ изобрѣтеніяхъ; если такъ, скажутъ вамъ, то откуда же Микель Сервантесъ взялъ идею и образецъ для своего мастерскаго произведенія? Къ кому относится его поэтическая сатира? Въ какой негѣдомой провинціи Испаніи слышалъ онъ вздохи воображаемой любви? Гдѣ онъ видѣлъ рыцарей, воюющихъ съ мельницами? Какъ нашелъ онъ пустую мечтательность въ странѣ, гдѣ такъ много практическаго смысла? Неужели Сервантесъ предавался шалостямъ ума безъ цѣли, критикѣ безъ предмета, живописанію того, что вовсе не существуетъ? Нѣтъ, такого заключенія вовсе нельзя вывести. Пестрая бібліотека, преданная огню патеромъ, племянницею и служанкой хидальго, по единодушному приговору, составляетъ очень прочную и дѣйствительную основу для безсмертной сатиры. Груды рыцарскихъ пошлостей, напечатанныхъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка, правда, доказываютъ странный беспорядокъ въ умахъ, однако жъ нужно отличать рыцарство, осмѣянное Сервантесомъ, отъ того важнаго, серьезнаго содержанія, котораго онъ самъ въ Испаніи былъ однимъ изъ послѣднихъ и достойныхъ представителей. Онъ нещадно бичуетъ не испанскій народный духъ, а напротивъ, введенную во вредъ этому духу иностранную литературу, наполненную негѣпостями, соблазнами, и грозившую обществу развращеніемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, довольно безнравственныя изобрѣтенія цикловъ Артуса и Круглаго-Стола, «Лансло съ Озера», «Тристанъ де-Леонноа» и все любовнаго французскаго рыцарства тринадцатаго вѣка, въ началѣ, находило въ Испаніи очень мало отголоску. Основанія всей этой волшебной и соблазнительной литературы, насмѣшки надъ бракомъ, какъ мы уже замѣтили, вовсе не соответствовали кастильской ревности. Пробѣжавъ отдѣленіе романсовъ, изысканныхъ рыцарскими, мы видимъ, что циклъ Карла Великаго и дѣвятинадцатиперова, связанный съ испанскими преданіями посредствомъ подвиговъ Бернара де-Капріо, баснословнаго соперника французскаго Роланда, одинъ пользовался на Пиренейскомъ Полуостровѣ нѣкоторымъ расположеніемъ. Уже въ половинѣ четырнадцатаго вѣка очень смягченное и искусно обработанное подражаніе французскимъ романамъ, «Амадисъ Гальскій», имѣло такъ значительный успѣхъ. «Вотъ, говоритъ патеръ при описаніи бібліотеки донъ Кихота, вотъ первый рыцарскій романъ, напечатанный въ Испаніи. Отъ этого, говорятъ, всѣ другіе произошли. Въ качествѣ основателя такой опасной секты, его слѣдуетъ продать

осир. — Однажды, авраажастъ царицѣмъ Николай, я слышалъ также, что «Амадисъ» лучшая книга въ этомъ родѣ; слѣдовательно, въ качествѣ образца, она заслуживаетъ похвалы.»

Но должно однако жъ заключать чтобы этотъ романъ, посвященный волюнтетствомъ и чудесами, былъ много разсудительнѣе и нравственнѣе «Тристана» и «Ланело.» Всѣ дочери и пленницы короля являются тамъ съ самымъ влюбленнымъ темпераментомъ и каждая имѣетъ свою весьма услужливую покровительницу. Страсть молодыхъ рыцарей такая преданная, такая выспренняя и даже постоидная, что имѣетъ всѣ признаки добродѣтели, между-тѣмъ эти чистые любовники не отказываютъ себѣ ни въ чемъ, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи потребностей; только, — это капитальная статья на ирландскомъ полуостровѣ, — интриги ихъ не касаются освященнаго закономъ. Если между молодыми и слабыми принцессами есть много Ариана, зато нѣтъ ни дѣтливыхъ Амэнтрионовъ, ни жалкихъ корнуалійскихъ владѣтелей. Потомство у «Амадиса» было безчисленное: «Эсцландианъ», «Амадисъ Греческій», «Фалисъ-Мартъ Цркаиѣвий», «Домъ-Беллиансъ Греческій», и множество другихъ, вскорѣ явились со всѣми злоупотребленіями преувѣличеній въ этомъ родѣ. Испанскіе подродетели, какъ и ихъ собраты всѣхъ странъ, довели недостатокъ фактъ обращенъ до смѣшнаго и нелѣпаго. Въ этой грудѣ помѣтыхъ книгъ, покровительствуемыхъ модой и развращающихъ вкусъ публики, Сорвантесъ послѣ «Амадиса Гальсанаго» исключаетъ только «Пальморина Англійскаго», португальскій романъ, достойный, по словамъ лиценціата Переса, тщетнаго охраненія въ законѣ же драгоцѣнномъ дарчить, въ каюэтъ Александръ Македонскій приказалъ охранять творенія Гомера. Добрый пасторъ небадалотъ еще отъ юстра знаменитаго «Тирана Бѣлаго», котораго кладутъ нѣсколько двуемысленно: «Сокровище веселости и восточникъ пріятнаго препровожденія времени, книга, по слогу, первая въ мірѣ. Въ ней рыцари вѣдятъ, снятъ, умираютъ на спелнѣ постеляхъ и перады кончливой, составляютъ заѣщанія, и много въ ней есть вещей, недостающихъ другимъ книгамъ въ томъ же родѣ.» Изъ этой насмѣшливой похвалы можно заключить, что «Тиранъ Бѣлый» былъ первою попыткой реакціи и посвященной критики на невѣроятности рыцарскихъ романовъ, что однако жъ не имѣаетъ очень мало послѣдовательному лиценціату объявить, что автора этой книги слѣдовало бы сослать на галеры.

Впрочемъ, не должно удивляться, что противодѣйствіе заблуж-

денямъ романтической литературы появилось именно въ такой странѣ, гдѣ этотъ родъ идей не пустилъ ни какихъ дѣйствительныхъ и глубокихъ корней. Основная идея «Донъ Кихота» состоитъ не въ контрастѣ геройскаго и идеальнаго великодушія съ простою существенностью, какъ то привыкли повторять. Нѣтъ, не въ этомъ дѣло: она—въ противоположности ложной и вздорной восторженности героевъ романа съ разумнымъ и практическимъ самоотверженіемъ героевъ исторіи, и туманной романтической любви съ чистосердечною, естественною и истинною любовью. Комическая эпопея Сервантеса была возвратомъ и призывомъ къ истинѣ и къ національному вкусу. Отсюда единодушныя рукоплесканія, которыми она была принята. Успѣхъ такъ великъ въ особенности потому что очаровательная сатира не оскорбляла ни одного народнаго чувства, и даже ни одного туземнаго предразсудка. Испанія видѣла и должна была видѣть въ «Донъ-Кихотѣ» только насмѣшку надъ иноземными глупостями, тогда какъ Европа, гдѣ это оригинальное произведеніе пользовалось не меньшимъ успѣхомъ, могла видѣть въ немъ только нѣсколько преувеличенное изображеніе странностей Испанцевъ, — что очень естественно и удобно для всякаго осмѣяннаго.

два лексикона. Въ одно прекрасное сентябрьское утро, гдѣ спасенія 1694, мосье Турель, президентъ Французской академіи, отправился изъ Парижа въ Фонтенблô, для представленія королю буквъ R и S, большаго академическаго лексикона, которые учебное собраніе только-что отдало. Академія каждый годъ, въ это время, представляла Людовику-Четырнадцатому плоды своихъ трудовъ.

Мосье де-Турель сѣлъ уже въ карету и лошади тронулись, какъ вдругъ лакей остановилъ кучера. На дворъ вошла женщина среднихъ лѣтъ, въ черной одеждѣ и въ бѣломъ широкомъ капотѣ, который закрывалъ ей почти все лицо. За нею шла толстая служанка съ пакетомъ въ рукахъ.

Завидя ихъ, академикъ тотчасъ же выскочилъ изъ кареты и низко поклонился.

— Честъ мнѣю свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, мадамъ Расинъ, сказалъ онъ: какъ здоровье нашего Софокла?

— Онъ не покидаетъ постели, любезнѣйшій мосье де-Турель. Ахъ! я ужасно запыхалась, и бѣдная Панонъ тоже, хотя, кажется, отъ улицы Марэ-Сенъ-Жермень недалеко до улицы Мазарина. Я боюсь не застать васъ.

— Но какому счастливому случаю обязанъ я этимъ дорогимъ посылченіемъ?

— Расинъ, узнавъ отъ мосьё Шарпантьё, что вы сегодня утромъ отправляетесь въ Фонтенблѣ, проситъ васъ передать нашему сыну, Жанъ-Батисту, новое платье, которое мы только что для него сдѣлали, да еще десять лундоровъ, и это письмо. Я думаю, бѣдняжка, съ-тѣхъ-поръ, какъ отправился изъ Голландіи, невозможно нуждается въ деньгахъ, въ хорошей одеждѣ и въ совѣтахъ. Онъ не могъ даже проѣхать черезъ Парижъ, потому что принужденъ былъ прямо съ границы отправиться ко двору и вступить въ службу.

— Будьте увѣрены, сударыня, что я съ большимъ удовольствіемъ исполню ваше порученіе.

— Я буду въ отчаяніи, мосьё де-Турель, если задержу васъ долѣе.

Академикъ вѣжливо поцѣловалъ руку у жены своего собрата, и сѣлъ въ карету.

— Скажите Жанъ-Батисту, кричала ему вслѣдъ мадамъ Расинъ, чтобы онъ берегъ свои деньги и одежду.

Мосьё де-Турель отправился. Дорогою онъ распечатываетъ письмо, полученное въ минуту отъѣзда, и читаетъ слѣдующее:

«Парижъ, 13 сентября.

«Любезный собратъ,

«Опасенія, о которыхъ мы говорили вчера, въ собраніи, не были не основательны. Собираются представить королю лексиконъ Фюритъера, напечатанный въ Амстердамѣ. Мосьё де-К***, который, какъ вы знаете, стоитъ за академію, писалъ мнѣ сейчасъ, что объ этомъ вчера говорили у мосьё де-Помпонна, и что мосьё де-Помпоннъ ожидаетъ изъ Голландіи экземпляра. Истинно досадно, что Помпоннъ, Круасси и всѣ эти посольскіе господа такъ сильно испугаются ко всему, что дѣлается за границей. Меня очень удивляетъ, что, несмотря на надзоръ, который намъ обѣщали министры, экземпляръ могъ пройти черезъ границу. Онъ, вѣроятно, находился съ вещами у кого-нибудь изъ французскаго посольства въ Амстердамѣ; по этому мнѣ пришла мысль: сынъ Расина долженъ проѣхать сегодня утромъ изъ Голландіи, гдѣ онъ былъ секретаремъ у мосьё Бовренѣ, нашего посланника. Не онъ ли привезетъ ожидаемый экземпляръ? Это не болѣе, какъ предположеніе, но какъ вы будете жить въ домѣ нашего друга, мосьё Боало-Депрео, вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, то наблюдайте за нимъ, и если проклятый экземпляръ попадетъ вамъ въ руки, вы знаете, какъ по-

«ступить съ нимъ. Вы понимаете, какой стыдъ угрожаетъ намъ всѣмъ, если этотъ Фюретьеръ предупредить насъ и представить свой совершенно оконченный лексиконъ прежде нашего. Должно, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому. Полагаемъ въ ваши руки нашу общую выгоду.

«Преданный вашъ собратъ, аббатъ *Тальманъ*.»

— Чортъ возьми! вскричалъ мосьё де-Турель: нужно быть на сторожѣ. Хорошо былъ бы праздникъ, и еще въ годъ моего президентства! Отъ этой извительной шутки нескоро пришелъ бы въ себя. Но, не станемъ горячиться, и приготовимся дѣйствовать, какъ требуютъ обстоятельства.

Однакожъ, нетрудно было замѣтить, что академикъ принималъ этотъ спокойный видъ только для того, чтобы ободрить себя. Въ-самомъ-дѣлѣ онъ ужасно трусилъ. Онъ мямл свое жабо и кружевные манжеты, вертѣлъ и теръ набалдашникъ трости и принималъ каждую минуту новую позицію.

Паконецъ, приближаясь къ столицѣ, мосьё де-Турель рѣшился поразмыслить о двадцати-осми комплиментахъ, которые приготовлялся сдѣлать, представляя академическій лексиконъ. Онъ долженъ былъ явиться къ королю, потомъ къ брату короля, потомъ къ принцамъ крови и наконецъ къ министрамъ. Двадцать-осемь комплиментовъ на одинъ предметъ! не легко было окупить съ честью подобную работу. Какъ разнообразить выраженія, отгнать лесть, оборотить фразы? Академикъ совершенно терялъ голову.

Опередимъ на минуту мосьё де-Туреля, и перенесемъ въ Фонтенбло.

Мы находимся передъ маленькимъ домикомъ, который Буало услужливо отдавалъ своимъ друзьямъ, съ-тѣхъ-поръ какъ глухота не позволяла ему быть при дворѣ, и слѣдовать за королемъ въ его разные дворцы.

На порогѣ стоитъ человекъ, и непрерывно поглядываетъ на большую дорогу, по которой ѣдутъ изъ Парижа экипажи. Это Леонаръ, довѣренный слуга мосьё де-Туреля. Онъ былъ посланъ передовымъ, для прискаванія квартиры.

На Леопара стодитъ обратитъ вниманіе. По одеждѣ, его можно принять за лакея и вмѣстѣ съ тѣмъ за бѣднаго поэта. На немъ темная ливрея и рѣденькій скромный парикъ, изъ кармана выглядываетъ свертокъ бумаги, а на концахъ пальцевъ замѣтны чернильные пятна.

Леонаръ, бѣдный нормандійскій мужикъ, былъ еще очень мо-

когда поступилъ къ москѣ де-Турелю, и съ-тѣхъ-поръ слугу болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Подлѣ академика ему скоро была литература, потому, можетъ-быть, что онъ имѣлъ и горяя природныя способности.

сье де-Турель научилъ его читать и писать, потомъ отъ ему свою библіотеку и Леонаръ съ особенной жадностію лся языкознанію.

равъ комваты, вычистивъ платье и отелуживъ за столомъ, тотчасъ же принимался за спряженія глаголовъ, или старалгвердить правила причастій. Когда у де-Туреля собиравались мики, Леонаръ всегда придумывалъ себѣ какое нибудь занятобы остаться въ кабинетѣ. Лексикографическія засяданія али его въ высшей степени.

онаръ чувствовалъ къ своему господину самую живую прильность, зато что тотъ открылъ ему глаза и умъ, указалъ шенно новую жизнь, и научилъ отличать существительныя прилагательныхъ. Его благодарность равнялась только его сию; москѣ де-Турель былъ для него представителемъ границ на землѣ.

ючемъ, слуга во всемъ походилъ на своего господина: онъ трудолюбивъ какъ бенедиктинецъ и тощъ какъ никогда не бывалъ траппистъ.

сье де-Турель вполнѣ цѣнилъ преданность и умъ своего го слуги; онъ даже иногда давалъ ему читать корректуры. ікіе дни Леонаръ держалъ голову выше обыкновеннаго.

ідемъ теперь въ домъ; пройдемъ черезъ садъ въ павильонъ, ый находится на краю маленькаго парка. Два молодые чеа, отворивъ осторожно дверь, заперли ее за собой на ключъ. зошли въ довольно мрачную комнату, все убранство которостояло изъ кровати и нѣсколькихъ стульевъ, и стали потиу говорить. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ кровати и, возясь, къ товарищу сказалъ:

Марія еще спитъ....

Не тревожь ея; она, разумѣется, очень устала послѣ тако-тешествія.

Я не терялъ времени, милый Расинъ; видѣлъ всѣхъ моихъ ихъ, всѣхъ друзей. Они подають мнѣ надежду, но мнѣ о раздѣлить се....

Ты опять съ своими мрачными идеями, Бонакъ! Наши по-іе товарищи справедливо назвали тебя злобщей птицей. ѣ не доврѣаешь ты своей счастливой звѣздѣ?

— Король такъ строгъ.

— Не строже твоего дяди, Бовренё, который простилъ тебѣ твой тайный бракъ, и самъ далъ совѣтъ поступить такъ, какъ ты поступишь сегодня.

— Король проститъ своему придворному женитьбу безъ его позволенія, и притомъ женитьбу на дочери протестанта изгнанника!... Это немножко сомнительно.

— Мадмоазель де-Лагардъ не можетъ быть виновною въ глазахъ короля: она еще была ребенкомъ, когда послѣдовала за отцомъ въ Голландію, при уничтоженіи Навтскаго Эдикта. Притомъ, она такъже какъ и мать перешла въ католическую церковь, а это — заслуга въ глазахъ Людовика. Но скажи, наконецъ, чѣмъ же рѣшено?

— Завтра маршалъ де-Лоржъ представитъ Марію королю, но до завтра, прошу тебя, дай ей убѣжище.

— Развѣ ты можешь сомнѣваться въ моей дружбѣ? Но мнѣ должно быть еще осторожнѣе. Начинаетъ смеркаться. Сюда съ минуты на минуту ждуть де-Туреля, и еслибъ онъ подозрѣвалъ чтонибудь, онъ сошелъ бы съ ума. Я думаю, послѣ моего отца, де-Турель болѣе всѣхъ во Франціи боится попасть въ оналу; и мосьё Дебрео, который того же покрою, озлился бы на меня на всю жизнь. Леонаръ уже шатался здѣсь сегодня, но я буду наблюдать за нимъ. Я слышу стукъ экипажа.... Это пріѣхалъ академикъ.... Спасайся черезъ рѣшетку парка.... до свиданія!...

— Прощай....

И друзья пожали другъ другу руки.

Подѣхалъ въ самомъ дѣлѣ де-Турель. Леонаръ бросился къ каретѣ, откинулъ подножку и подавъ своему господину руку.

— Возьми это, Леонаръ, сказалъ мосьё де-Турель подавая ему рукопись завернутую въ шелковую бумагу, возьми и тщательно храни это сокровище....

— Понимаю... Это Словарь Академіи.... Словарь Академіи! О! будьте спокойны; никто не дотронется до него. Я запроу его и буду проводить цѣлыя ночи у шкафу: скорѣе лишусь жизни чѣмъ подышу когонибудь близко.

— Хорошо! хорошо, Леонаръ. Этотъ бѣдный лексиконъ имѣетъ большую нужду въ такомъ защитникѣ какъ ты, потому что въ эту минуту онъ осажденъ самыми жестокими врагами.... А что, молодой Расинъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, сегодня утромъ.

— Ты ничего не замѣтилъ особеннаго со времени его приѣзду?

— Ахъ! сударь...

— Что значить этотъ вздохъ?

— Ахъ! сударь...

— Да говори же, ты пугаешь меня.... Развѣ ты видѣлъ?...

— Какъ! вы уже знаете? Да, я видѣлъ въ скважину замка, тамъ, въ саду въ павильонѣ. Ахъ! кто бы могъ ожидать этого отъ москѣ Расина? Онъ всегда былъ такой милый, скромный; я держалъ его на рукахъ, когда онъ былъ ребенкомъ. Надѣйся послѣ этого на правъ дѣтей.

Москѣ де-Турель долго оставался погруженнымъ въ размышленіе, потомъ вдругъ всталъ какъ человѣкъ принявшій рѣшительное намѣреніе.

— Подай мнѣ ужинать, Леонаръ, сказалъ онъ, и приготовь постель; завтра нужно пораньше встать, чтобы сдѣлать необходимые визиты. Сказавъ это, де-Турель принялъ ораторскую позу и прибавилъ съ большею важностью:

— Послѣ ужина, Леонаръ, ты подождешь здѣсь; я имѣю поручить тебѣ вѣчто важное.

— Слушаю, сударь, отвѣчалъ Леонаръ.

Москѣ де-Турель сидѣлъ за ужиномъ, когда нарочный изъ дворца привезъ ему слѣдующую записку:

«Вниманіе двора сегодня обращено на домъ Деспредъ, въ которомъ вы остановились, любезный президентъ. За картами у короля перешептываются о чемъ-то необыкновенномъ, что въ этомъ домѣ заключается, и завтра на выходѣ, ждутъ открытія. Посвятите меня въ эту тайну: моя скромность вамъ извѣстна.
«Маркизь Данжо.»

Де Турель написалъ на оборотѣ:

«Мои мѣры приняты; дѣло, за которое я стою, правое: оно восторжествуетъ.»

Президентъ очень мало поѣлъ. Вставъ изъ за стола, онъ взглянулъ въ корридоръ, осторожно заперъ дверь, усѣлся въ большое кресло, спустилъ руки на грудь и въ полголоса сказалъ:

— Послушай, Леонаръ.

— Слушаю, сударь.

— Ты можешь сегодня оказать мнѣ величайшую изъ услугъ, въ какихъ я когда-либо нуждался.

— Я на все готовъ, сударь.

— Когда всё въ домѣ улягутся, ты отправишься въ павильонъ и выложишь дверь....

— Очень хорошо-сь.

— И схватишь....

— Хорошо.... понимаю-сь....

— Привяжешь канонъ....

— Какъ-сь?...

— И бросишь въ прудъ. Понимаешь?

Леонаръ заборноталъ, но не могъ произнести ни одного слова; онъ трепеталъ всѣмъ тѣломъ и блуждающими глазами поглядывалъ на своего господина, потомъ наслу сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и медленно, задомъ, вышелъ изъ комнаты, не отдавъ даже привычнаго поклоу. На утро, академикъ очень удивился, что Леонаръ не является. Напрасно его кликали и искали по всему дому; мосьё де-Турель долженъ былъ одѣваться при помощи своего кучера.

Въ десять часовъ, Расинъ, въ качествѣ придворнаго камеръ-юнкера, пришелъ объявить де-Турелю, что король изволяетъ утромъ принимать. Академикъ холодно поклонился сыну своего друга и отправился во дворецъ, гордый тѣмъ, что разстроилъ интригу Фюретьера и его покровителей, но нѣсколько обезпокоенный продолжительнымъ отсутствіемъ Леонара.

Передъ большимъ выходомъ, король принялъ президента академіи въ своемъ кабинетѣ. Когда де-Турель проходилъ черезъ передкабинетную, маркизъ Данжо погрозилъ ему пальцемъ и смѣясь шепнулъ на ухо:

— Какъ вы ни скрытничали со мной, я все знаю.

Потомъ маршалъ де-Лоржъ, стоявшій подлѣ короля, съ веселымъ выраженіемъ значительно кивнулъ академику. Де-Турель не зналъ, какъ и чѣмъ все это объяснить себѣ, и приготовился начать свою рѣчь, но король милостиво предупредилъ:

— Мосьё де-Турель, сказалъ онъ съ улыбкой, вы даете у себя убѣжище выходцамъ изъ еретической Голландіи и вдаетесь въ интриги, чтобы поймать наши милости. Данжѣ все открылъ итѣ.

— Ваше величество.... клянусь вамъ.... Какъ! я, членъ французской академіи!.... чтобы я....

— Хорошо, хорошо; мы сегодня увидимъ преступниковъ, и вамъ угодно принять ихъ милостиво. А чтобы отблагодарить васъ за участіе, которое вы приняли въ этомъ дѣлѣ, мы поручимъ

чемъ вамъ же представить здѣсь предметъ вашего покровительства.

— Ваше величество.... государь....

Людовикъ, примѣтивъ волненіе академика, избавилъ его отъ труда говорить рѣчь, приказавъ Ларошфуко взять у него рукопись Словаря Академіи, и отпустилъ.

У де-Туреля голова кружилась и въ глазахъ темнѣло, однако жъ свое ужасное положеніе онъ видѣлъ ясно. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, король приметъ покровителей Фюретьера, приметъ хорошо, и чтобы еще лучше показать Академіи свое удовольствіе, самому президенту поручаетъ поднести вражескій лексиконъ! Но гдѣ же теперь это адское твореніе? Что если Леонаръ истребилъ его? Какъ замѣнить? Бѣдный академикъ не таялъ отъ себя, что можетъ сдѣлаться посмѣшникомъ и что огорченные товарищи загоняютъ его, но въ эту минуту онъ хуже всего страшился опалы.

Ему казалось, что онъ слышитъ громы королевскаго гнѣву, при открытіи, что экземпляръ Фюретьерова лексикона пропагъ и что на такое насиліе покусился академикъ, президентъ Французской Академіи! У де-Туреля выступилъ холодный потъ.

Вышедши изъ королевскаго кабинета, онъ какъ сумасшедшій побѣжалъ въ домъ Дебрео. Перваго онъ встрѣтилъ Леонара. Вѣрный слуга поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, упалъ къ ногамъ господина и со слезами сказалъ:

— Простите, сударь! простите!....

— А ты уже знаешь, что угрожаетъ мнѣ?

— Простите, я....

— Я преступилъ тебя, Леонаръ....

— Въ первый разъ въ жизни я не послушался васъ....

— Какъ! возможно ли?....

— Желанія-то было много, но силъ не достало. Когда пришлось вложить руки на.... ахъ! я до-сихъ поръ трепещу....

— Милый! любезный! дорогой Леонаръ! вскричалъ де-Турель и, впѣ себя отъ радости, принялся душить слугу въ объятіяхъ.

— Леонаръ, мнѣ нужно сдѣлать еще двадцать-семь визитовъ, прежде нежели представлюсь королю на большомъ выходѣ, сказалъ онъ потомъ: я теперь поѣду, а ты бѣги въ этотъ павильонъ, гдѣ наша себѣ прихъ эта новая троляская машина, и доставь ее во дворецъ; тамъ подождешь меня въ галереѣ Дианы.

И онъ поспѣшно уѣхалъ.

Леонаръ, сколько ни ломалъ голову, не могъ понять ни радости

своего господина, ни быстрой переменѣны его намѣреній. Отчаявшись разгадать эту загадку, онъ рѣшился просто и слѣпо исполнять приказанія.

Между тѣмъ де-Турель продолжалъ свое странствованіе съ официальными комплиментами. Онъ кончилъ дѣло не совсѣмъ благополучно, — въ смущеніи, надѣлалъ нѣсколько ошибокъ, которыя очень удивили привыкшихъ видѣть въ президентѣ Академіи человѣка очень солиднаго и почтеннаго. Принцу Конде онъ сказалъ рѣчь, которую приготовилъ для Орлеанскаго, и назвалъ одного министра королевскимъ высочествомъ.

Отъ генераль-контролера онъ отправился въ галерею Діаны. Тамъ его встрѣтили Бонакъ и Расинь.

— Ахъ, москѣ де-Турель, сказалъ Бонакъ съ чувствомъ, взявъ академика за руку: я никогда не забуду того, что вы для насъ сдѣлали....

— Заставить маркиза Данжѣ поговорить съ королемъ. Это, конечно, стѣптъ призвательности, прибавилъ Расинь.

— И сами еще взялись представить!....

Де-Турель сердито посмотрѣлъ на молодыхъ людей и, вырвавшись, пошелъ навстрѣчу къ Леонару.

Подлѣ Леонара стояла молодая прекрасная женщина, которая казалась сильно взволнованною. Это была графиня де-Бонакъ.

— Ну, что, гдѣ? спросилъ академикъ у своего слуги.

Леонаръ почтительно указалъ на графиню.

Въ ту же минуту прибѣжалъ маркизъ Данжѣ, который издали еще кричалъ:

— Поскорѣй, поскорѣй, президентъ.... король дожидается.

— Но объясните мнѣ...

— Поскорѣе, говорятъ вамъ.... его величество дожидается!....

Де-Туреля болѣе внесли тѣмъ ввели къ королю. Людовикъ принялъ молодую графиню очень милостиво, назначилъ ей первое вакантное мѣсто штатсдамы у принцессъ, а академику, за ученые труды, двѣнадцать тысячъ ливровъ пенсін.

Маршалъ де-Лоржъ, Данжѣ и Бонакъ обняли де-Туреля; всѣ поздравляли его и молодыхъ. Онъ же ни слова не могъ говорить; у него была лихорадка. Цѣлую недѣлю онъ пролежалъ въ постелѣ, однако жъ выздоровленію содѣйствовала утѣшительная мысль, что честь Французской Академіи и ея президента осталась невредимою. Едва оправившись столько, что могъ говорить, онъ потребовалъ у Расина подробнаго объясненія происшествія;

самъ однакожъ своей тайны не открывалъ; онъ только впоследствии никогда не могъ безъ смѣху смотрѣть на Леонара.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Magâte, Мачиха, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Оноре де Бальзака.

Нынешній мѣсяцъ обилуетъ хорошими пьесами. Двѣ замѣчательныхъ драмы—хорошая комедія—нѣсколько забавныхъ, остроумныхъ водевилей—больше нельзя ничего желать даже и не въ такія времена какъ теперь. Пальма первенства принадлежитъ знаменитому автору «Отца Горіо» и «Евгеніи Гранде,» — господину Бальзаку. Если не ошибаемся, то «Мачиха» второе сценическое произведеніе его. Первое называвшееся «Вотренъ,» потерпѣло, кажется, рѣшительнаго fiasco; зато успѣхъ втораго былъ вполне блистательный. Историческій театръ, на которомъ оно было представлено, ожидаетъ отъ него колоссальныхъ сборовъ. Отличительное качество Бальзака — знаніе мелчайшихъ изгибовъ человѣческаго сердца, психологическій анализъ доведенный до утонченности. Подобно искусному врачу — набившему руку въ анатомированіи труповъ, и смотрящему на cadaго пациента какъ на интересный субъектъ, Бальзакъ хладнокровно разсѣкаетъ художническимъ скальпелемъ своихъ героевъ, выставляетъ наружу то что навсегда осталось бы тайною для толпы профановъ, не имѣющихъ ясновидѣнія художника, замѣчающихъ только то, что рѣзко бросается имъ въ глаза, удивляющихся факту, но не выискивающихъ въ причины, его породившія, не заботящихся о тайныхъ пружинахъ, которыми приводятся въ движеніе страсти. Сколько страшныхъ, потрясающихъ драмъ, изобразило намъ это плодовитое перо! Безъ сомнѣнія читатели наши не забыли еще трагической исторіи кузена Понса, и неизмѣннаго друга его — добродушнаго вѣнца Шмука! Какъ изумительно вѣрны всѣ типы этой исторіи; какая широкая кисть парисовала — мадамъ Сябо и доктора Пуссена. Бальзакъ не льститъ ни какому классу — не увлекается пристрастіемъ; не возвеличиваетъ до небесъ одно сословіе для того чтобы затоптать въ грязь другое; герои его прежде всего люди, живые люди, какіе они есть на самомъ дѣлѣ, съ ихъ добродѣтелями и пороками, а не идеалы, не ходячіе «принципы». Въ закоренѣломъ негодяѣ, умѣетъ онъ найти свѣтлыя черты, какъ въ самомъ благородномъ существѣ слабости и даже низости свойственныя большей части людей. Таковъ всегда истинный художникъ. Если не всѣ произведенія Бальзака равно удавались ему, то это должно скорѣй отнести къ

восторженнѣмъ обстоятельствамъ, чѣмъ къ недостатку таланта. Дарованіе Бальзака несомнѣнно, и послѣдніе его романы доказываютъ что мѣнѣе, будто онъ испивался, вовсе не справедливо. Да и кто изъ самыхъ величайшихъ художниковъ, втеченіи своего поприща, не испытывалъ кораблекрушеній, которыя не мѣшали ему однакоже являться впослѣдствіи въ новомъ блескѣ передъ публикой, окончательно осудившей геній его на паденіе.... Но къ дѣлу. Передъ нами новая драма Бальзака. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи находится она къ его предъидущимъ созданіямъ. Вотъ содержаніе этой драмы. Старый Наполеоновскій генералъ, Граншанъ, оставивъ военную службу, женился на молоденькой и хорошенькой женщицѣ, которая любитъ и окружаетъ самой нѣжной заботливостію, какъ его такъ и дочь его Полину. Ничто, по видимому, не возмущаетъ ихъ тихаго семейнаго счастья. Мадамъ Граншанъ не походитъ на другихъ мачихъ, она видитъ въ Полинѣ скорѣе равную себѣ, свою подругу, чѣмъ надчерницу. У Полины много жениховъ, но ни кто изъ нихъ ей не нравится; она съ презрѣніемъ отвергаетъ ихъ всѣхъ. Въ числѣ отвергнутыхъ есть иъкто Гадаръ, человекъ до крайности самодовольный, и имѣющій сорокъ тысячъ франковъ годоваго доходу. Онъ рѣшился во что бы то ни стало овладѣть рукою Полины; и убѣжденный что иѣтъ семейства, въ которомъ бы не разыгрывалась невидимая для свѣта драма, старается проникнуть въ тайны семейства Граншана, чтобы посредствомъ ихъ достигъ своей цѣли. Ему помогаетъ въ этомъ случаѣ невинный ребенокъ, одинъ изъ тѣхъ «*enfants terribles*», которыхъ такъ остроумно воспроизвелъ Гаварни въ своихъ прелестныхъ рисункахъ. Мальчикъ вбѣгаетъ въ комнату генеральши и кричитъ своимъ звонкимъ, свѣжимъ голоскомъ, что мосьё Фернандъ упалъ съ лошади и разшибъ себѣ ногу. Полина блѣднѣетъ. Одна мышка попалася! говоритъ про себя Гадаръ. Она любитъ Фернанда! Но каково же его удивленіе когда онъ въ то же время замѣчаетъ что и мадамъ Граншанъ перемѣнилась въ лицѣ и даже оперлась на стулъ чтобъ не упасть въ обморокъ! и она тоже! восклицаетъ изумленный Гадаръ. Славная семейка! Не правъ ли я былъ, говоря, что стоитъ поискать и найдешь!

Но кто же этотъ мосьё Фернандъ? Старый генералъ не желая оставаться въ праздности, завелъ себѣ фабрики, и поручилъ управленіе ихъ искусному молодому человекъ, къ которому онъ имѣетъ полное довѣріе. Этотъ-то молодой человекъ и есть Фернандъ, вдохнувшій въ обѣихъ женщинъ пламень любви и сдѣ-

лавши́йся такимъ образомъ, какъ мы увидимъ, невольнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій въ семействѣ генерала.

Полина и мадамъ Граншанъ также попали въ эту роковую минуту, что онѣ соперницы. Взаимная ненависть отразилась во взорахъ ихъ. Но вотъ злой ребенокъ сознается что онъ поуми́лъ, что онъ выдумалъ надеіе мосеё Фернанда для того чтобы испугать общество, и дѣла, кажется, снова приходятъ въ прежній порядокъ.... обманчивое спокойствіе! Любовь и согласіе на всегда бѣжали изъ дому стараго генерала. Женщины внутренно объявили другъ другу войну. Смотрите, онѣ вмѣстѣ сидятъ за работою, онѣ составляютъ такую примѣтную группу, онѣ, кажется, такъ любятъ другъ друга.... а между-тѣмъ одна стережетъ каждое движеніе другой, каждый взоръ, каждую перемену въ лицѣ.... и подъ этой кроткой вѣжливостію, подъ этимъ минимымъ добродушіемъ, скрыта страшная ненависть! Старикъ Граншанъ знаетъ о любви Фернанда къ Полинѣ и ободряетъ его. Но когда молодой человѣкъ падаетъ къ ногамъ дѣвушки съ страстнымъ признаніемъ, она отвергаетъ его съ такимъ же презрѣніемъ какъ и Гадара. Фернадъ въ отчаяніи и хочетъ ѣхать въ Америку. Какая женщина можетъ устоять противъ такого сильнаго доказательства любви? и Полина какъ вторая Джульетта каждую ночь видится съ своимъ Ромео.

Но что же побудило Полину отказать ему въ рукѣ своей? Фернадъ скрывается подъ ложнымъ именемъ. Отецъ его и генералъ Граншанъ непримиримые политическіе враги. Полина знаетъ слѣпую ненависть генерала и вотъ причина ея отказа.

Генеральшѣ Граншанъ удалось провѣдать о ночныхъ свиданіяхъ Фернанда съ Полиной; и бѣдная дѣвушка была бы въ рукахъ мачихи, еслибы Фернадъ не сохранилъ писемъ, писанныхъ къ нему генеральшей, во время ихъ прежней связи. Эти письма могутъ погубить мадамъ Граншанъ, если она вздумаетъ выдать падчерицу своему мужу. Одно средство остается мачихѣ, узнать, куда Полина прячетъ эти роковыя письма, и похитить ихъ. Но Полина носитъ ихъ всегда при себѣ. Это не останавливаетъ однакоже генеральшу. Она кладетъ въ чай Полины опиума и усыпляетъ ее. Проснувшись, Полина не находитъ у себя писемъ, и чувствуетъ, что теперь она погибла!

Чтобы спасти Фернанда отъ ярости генерала, она соглашается выйти за Гадара. Но передъ свадьбой она приняла мышьякъ, который нашла въ столѣ у мачихи.

Слѣды отравы вскорѣ обнаруживаются у молодой дѣвушки.

Генеральшу подозреваютъ въ отравленіи, потому что ядъ лежитъ у нея въ столѣ. Но завѣсы отдвигаются, и блѣдная, умирающая, Полина является объявить что она одна виновна въ этомъ преступленіи, и что ее сейчасъ обвиняли съ Фернандомъ, который также отравляется, не желая пережить своей возлюбленной. Генераль, какъ пораженный громомъ, падаетъ на колѣни, и когда его спрашиваютъ что онъ дѣлаетъ тутъ, онъ отвѣчаетъ: я ищу молитвъ за дочь свою!

Этими словами оканчивается эта драма, полная трогательныхъ, потрясающихъ сценъ, и отличающихся всеми обыкновенными достоинствами Бальзака.

Обиліе интересныхъ подробностей, характеристическихъ чертъ, наблюдательности, встрѣчается и здѣсь, какъ въ другихъ его произведеніяхъ. Но всего замѣчательнѣе въ новой драмѣ Бальзака, лице Подвыы. Оно ново, оригинально, и далеко не походитъ на дюжиныхъ, плачевныхъ героинь французскихъ мелодрамъ, вѣчно повторяющихъ одиѣ и тѣ же избитыя фразы, и наводящихъ на публику зѣвоту своей сантиментальной глупостью.

Полина въ самой вѣжной молодости лишившаяся матери привыкла быть въ отцовскомъ домѣ безпрестанно на сторожѣ, доврѣяется только себѣ одной и постоянно борется съ хитростью и лестью окружающихъ ее и ищущихъ ея погнбелю. И какъ хороша эта противоположность между ея поведеніемъ съ макихой, поведеніемъ осторожнымъ, обдуманнымъ и тѣмъ наивнымъ, ребяческимъ довѣріемъ, которое она оказываетъ Фернанду когда она остается съ нимъ наединѣ. Съ какимъ блаженствомъ снимаетъ бѣдняжка корсетъ притворства и вѣрить всему, она, за минуту передъ тѣмъ ничему не вѣрившая. Успѣхъ, какъ мы уже сказали, былъ чрезвычайный, и вѣроятно онъ поощритъ знаменитаго романиста къ дальнѣйшимъ трудамъ для сцены.

Вотъ еще драма, также довольно замѣчательная, и выходящая изъ ряду всѣдневныхъ явленій этого рода:

2. *La foi, l'espérance, la charité, Вѣра, надежда и любовь*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Розье.

Не пугайтесь этого теологическаго и мистическаго названія. Если это проповѣдь, то она хорошо написана. Нѣкто Вальтеръ, бѣднякъ и настоящій горемыка, испытываетъ всевозможныя бѣдствія и однако же ни одна изъ трехъ добродѣтелей, стоящихъ въ заглавіи этой пьесы, ни на минуту не покидаетъ его души. Его посадили въ тюрьму за воровство, котораго онъ не дѣлаетъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему какъ новому Канди-

бу быть убежденнымъ, что все идетъ на лучшее на этомъ мѣрѣ. У Вальтера есть братъ, художникъ Альбертъ, котораго судьба также немилосердно гонитъ; онъ не можетъ жениться на любимой дѣвушкѣ, потому что въ дѣла его вѣшался одинъ негодяй, по имени Мюллеръ. У Альберта есть дочь, которую онъ воспиталъ, и она-то главная помѣха въ женитьбѣ отца своего. Люцію обвиняютъ въ томъ, что она любовница Альберта. Если даже онъ и докажетъ, что это дочь его, то предполагаемый союзъ всё таки не состоится. Тогда начинается для обонхъ братьевъ рядъ испытанийъ, самыхъ тяжелыхъ, самыхъ печальныхъ. Они впадаютъ въ страшную бѣдность, и едва не просятъ милостыни. Мюллеръ готовится къ сватбѣ съ Матильдой, бывшей невестой Альберта. Къ-счастью, никто Рауль, благородный юноша влюбленный въ Люцію, рѣшается быть добрымъ геніемъ несчастныхъ братьевъ. Онъ слѣдуетъ за ними въ Римъ. Рауль узнаетъ, что Мюллеръ — виновникъ кражи, за которую Вальтеръ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Негодяй, испуганный открытіемъ этой тайны, пробирается ночью въ комнату Рауля, убиваетъ его и тащитъ въ Тибръ. Братьевъ схватываютъ, по подозрѣнію въ убійствѣ, и приговариваютъ къ казни. Но является Рауль. Онъ былъ только раненъ; вода освежила его и онъ могъ достигъ берега. Онъ доказываетъ воровство Мюллера, а отъ воровства къ убійству одна только шагъ. Рауль женится на Люціи, Альбертъ на Матильдѣ, всё-еще любящей своего непризнаннаго артиста. Вальтеръ былъ правъ, сохраняя въ сердцѣ посреди всѣхъ невзгодъ своихъ, эти три добродѣтели: вѣру, надежду и любовь.

Эта добродѣтельная и очень интересная драма имѣла знатный успѣхъ. Она написана тщательно, не на-скоро. Характеръ Вальтера и Альберта очерчены очень удачно.

3. *Les frais de la guerre, Военныя издержки*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, господина Леона Гильяра.

Поцѣлуй и кинороко составляютъ всю эту пьесу. Когда мы расскажем исторію поцѣлуя и исторію кинороко, мы расскажем всю пьесу. Въ двадцати лѣтъ отъ Парижа, въ прекрасномъ паркѣ, нѣсколько молоденькихъ женщинъ и дѣвушекъ играютъ въ невинныя игры. Та, которой выпадетъ жребій, должна поцѣловать единственнаго мужчину, раздѣляющаго ихъ игры, кузена хозяйки. Но познакомимъ сначала читателей съ тремя главными лицами этой комедіи. Во-первыхъ, вотъ мадамъ Габріелъ, молоденькая и хорошенькая вдова, для которой мужъ, шестидесятилѣтній старикъ былъ всегда только отцомъ. Другая вѣдо

на — мадамъ Фернанда, которую покойный мужъ ея, докторъ, посвятилъ въ свои ученые труды; но сознавъ всю положительность жизни, молоденькая докторша сохранила еще нѣсколько поэзій въ сердцѣ. Наконецъ третье лицо — героиня пьесы, Фелиція, племянница мадамъ Габріэли, семнадцатилѣтняя дѣвушка, кавкая какъ ребенокъ, и незнакомая съ тревогами страсти.

Теперь перейдемъ къ исторіи поцѣлуя. Жребій выпалъ Фернандѣ, она должна поцѣловать Гастона; но по капризу свойственному женщинѣ, и весьма извинительному въ молоденькой вдовѣ — она отказалась и игра кончилась. Дамы разговариваютъ, гуляютъ; потомъ подходятъ къ одному боскету и видятъ тамъ Гастона, заснувшаго на землѣ; Фернанда наклоняется къ этому новому Эдмунду, даетъ ему поцѣлуй и убѣгаетъ. Гастонъ вскакиваетъ и ищетъ прекрасную Діану, оставившую въ него эту стрѣлу. Для него эта Діана — Фелиція. Онъ не можетъ себя представить, чтобы другая дала ему этотъ поцѣлуй.

Вотъ онъ влюбленъ по уши въ Фелицію!, и она отвѣчаетъ на любовь его. Какимъ же образомъ онъ хочетъ жениться на Габріэлѣ? Тутъ начинается исторія кипроко.

Однажды, вечеромъ, въ замкѣ разговаривали о любви и бракѣ. Гастонъ высказалъ всѣ свои надежды, и вечерній вѣтерокъ перенесъ ихъ Фелиціи, гулявшей въ паркѣ. Но старая тетка Габріэли, обманувшись въ чувствахъ Гастона, взяла его за руку, оставила на колѣни передъ своей племянницей и сказала: Добрый молодой человекъ, я дѣлаю двухъ счастливецъ разомъ. Племянница моя любитъ васъ. Я угадала любовь ея также какъ и вашу, и соединяю васъ, будьте счастливы. Что дѣлать свѣтскому человѣку въ подобномъ случаѣ? Положеніе самое трудное и шекотливое. Гастонъ дѣлаетъ то, что сдѣлали бы многіе на его мѣстѣ. Онъ соглашается быть любимымъ. Бѣдняжка Фелиція въ отчаяніи; она не можетъ перенести своего горя, она избѣгаетъ общества, она больна. Глаза ея потускли, щеки потеряли румянецъ, и съ каждымъ днемъ болѣзнь дѣлаетъ новые успѣхи. Если какое-нибудь чудо не спасетъ Фелицію, не положить конца ея страданіямъ, то за свадьбой Габріэли послѣдуютъ похороны. Созвали консилиумъ, но наука не помогаетъ въ болѣзняхъ сердца. Опечаленная этимъ состояніемъ своей племянницы, Габріэль совѣтуется съ Фернандой. Фернанда женщина очень опытная и свѣдущая въ дѣлахъ любви, она тотчасъ же поняла болѣзнь дѣвушки, и принялась испытывать Гастона. Изъ разговору съ нимъ она узнаетъ, что онъ все еще любитъ ту, на

которой не долженъ жениться. Тогда она устремляетъ противъ Габріэли самую убѣдительную, самую неотразимую личину. Впрочемъ цѣлаго акта она уговариваетъ Габріэля отказаться отъ Гастона въ пользу своей племянницы. Нѣкоторое время Фернанда однако же колебалась. Она болѣе другихъ имѣла права на Гастона, потому что дала ему подѣлу, бывшій причиною всего этого романа. Но она жертвуетъ собой. Габріэль также соглашается уступить Гастона Фелиции, но отбиваетъ у Фернанды жениха ея—Аженора. И такъ, Фернадѣ пришлось заплатить *издержки войны*.

Комедія очень мила. Въ ней много граціи, благородства, ума. Разговоры хотя нѣсколько растянутые, но ведены съ большимъ искусствомъ. Нѣкоторые критики, слишкомъ благосклонные, провозгласили автора новымъ Мариво. Не признавая такого сужденія справедливымъ, мы однако же не можемъ не сказать, что господинъ Леонъ Гильяръ дѣйствительно человекъ съ талантомъ, что онъ обдѣлываетъ свои пьесы весьма тщательно, и что наконецъ его послѣдняя комедія—комедія *анализа*, должна быть отнесена къ разряду пьесъ, которыхъ родоначальниками были Мариво, Одеонъ и Гофманъ. Главное достоинство заключается здѣсь въ подробностяхъ, въ мелочныхъ оттѣнкахъ характеровъ, въ умномъ діалогѣ, и потому посредственность не можетъ идти на этой дорогѣ. Она тотчасъ сдѣлается скучною, а извѣстно, что *tous les genres sont bons hormis l'ennuyeux*.

Перейдемъ къ пьесамъ второстепеннаго достоинства и интереса. Вотъ

4) *Le Marechal Ney, Маршалъ Ней*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господъ Дюпети, Анисе Буржуа и Бьевилля.

5. *Le Rêveur éveillé, Очнувшійся мечтатель*, комическая оперетка, госпожи Сесилии Дюваль и господинна Лекрево.

Въ числѣ авторовъ первой пьесы, какъ видите, находится господинъ Анисе Буржуа. А кто же не знаетъ, что такое пьесы господинна Анисе Буржуа. Объ искусствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи; въ произведеніяхъ этого знаменитаго драматурга, почти всегда можно найти два, три эффекта притянутыхъ за волосы, какую-нибудь великолѣпную декорацию, изображающую потопъ или землетрясеніе; унылый аккомпаниментъ музыки и ружейную пальбу. Въ *Маршалѣ Ней*, главная роль, кажется, принадлежитъ пальцѣ. На сценѣ Людовикъ-Осемнадцатый, Талейранъ, Наполеонъ въ своей треугольной шляпѣ, въ своемъ несчастномъ походномъ сюртукѣ, несчастномъ, говоримъ мы, потому что гос-

пода сочинители совѣмъ истерли и заѣдрили его! Нечего разска- зывать исторію маршала Нея... она извѣстна всѣмъ и каждому. Авторы драмы не дали воли своему воображенію, и оставили это дѣло такъ какъ оно происходило... Оно и хорошо... Бѣда, когда воображеніе господина Анисе Буржуа вздумаетъ разыграться! волосы становятся дыбомъ. Нѣтъ! пусть онъ лучше ничего не воображаетъ, и предоставитъ все машинистамъ и декораторамъ. По-крайней-мѣрѣ успѣхъ будетъ вѣрный.

Содержаніе «Очнувшагося мечтателя» состоитъ въ нижеслѣдую- щемъ. Юный Викторъ обитаетъ въ замкѣ господина Дюмона, ко- тогого онъ секретарь. Такъ какъ дѣла у него немного, то онъ и проводитъ свое время въ мечтаніяхъ. Само собой разумѣется, что онъ мечтаетъ о славѣ, о деньгахъ, о любви и о прочихъ не менѣе полезныхъ и пріятныхъ предметахъ. Къ-счастью, всѣ ме- чты его осуществляются, благодаря стараніямъ одного добра- го генія въ черномъ фракѣ, которому отецъ Виктора спасъ нѣ- когда жизнь. Викторъ богатѣетъ, и женится на мамзель Зелли, дочери господина Дюмона. Счастливыи юноша! какъ хорошо, что виновникъ дней твоихъ былъ такъ ловокъ, что умѣлъ спасти жизнь этому доброму Сеймуру! Это благодарнѣйшее существо въ мірѣ, безъ всякаго сомнѣнія.

Не знаемъ, изъ какой дѣтской повѣсти заимствовали авторы (кавалеръ и дама) сюжетъ свой; но онъ, какъ видите, весьма по- учителенъ. Музыка этой оперы, или этого водевиля, также на- писана болѣе для дѣтей, чѣмъ для взрослыхъ.

6. *Le voyage sentimentale, Сантиментальное путешествіе*, во- девилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господъ Варена и Брунсвика.

Чрезвычайно забавный фарсъ, не имѣющій однако ничего об- щаго съ знаменитымъ «Сантиментальнымъ путешествіемъ» Стер- на. Новобрачный, Туртро, желая провести медовой мѣсяцъ въ уеди- неніи, тотчасъ же послѣ свадьбы увозитъ свою жену, за немѣ- ніемъ живописнаго замка, въ провинціальный трактиръ. Влюблен- ный и голодный, онъ ищетъ комнаты и яичницы. Но, увы! вмѣ- сто уединенія, онъ находитъ въ трактирѣ толпу путешественни- ковъ. Къ довершенію его горя, тестъ его, вообразившій, что онъ похитилъ жену съ какимъ-нибудь дурнымъ намѣреніемъ, пускает- ся за нимъ въ погоню. Увидѣвъ тестя, Туртро приходитъ въ ярость и бросается съ женой въ дилижансъ. Но и тутъ бѣда! онъ толкнулъ въ дилижансъ не жену, а какую-то пѣвицу Эвридику, преслѣдуемую иностранцемъ Бистроговымъ. Начинается радъ са-

ныхъ смѣшныхъ недоразумѣній. Любовникъ пѣвицы, тесть и жена несчастнаго Туртро, все осыпаютъ его упреками. Наконецъ, какъ слѣдуетъ, все объясняется. Невинность Туртро торжествуетъ, но опоздавъ въ дилжансъ, который увезъ жену его, онъ принужденъ догонять его пѣшкомъ.

7. *La république de Platon*, *Платонова республика*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господь Ива и Шолле.

Успокойтесь.... дѣло идетъ здѣсь вовсе не о знаменитомъ діалогѣ, гдѣ разсматриваются мнѣнія различныхъ философовъ о государственномъ правленіи. Платонъ театра *Variété* не имѣетъ никакого отношенія къ греческому; это просто добрый, веселый малый, проводящій жизнь за биллардомъ и трубкой. Онъ обитаетъ на чердакѣ съ хорошенькой прачкой Баволеттой. Разсердясь на новаго Платона, за его частое отсутствіе изъ дому, она рѣшается развестись съ нимъ и переѣхать въ сосѣднюю комнату, въ томъ же этажѣ. Несчастный, поклянутый Платонъ, задаетъ жестокосердой прачкѣ серенаду. (Вѣдь Робеспьеръ писалъ же мадригалы къ Эмиліи, почему же Платону не играть на гитарѣ?) Тронутая до глубины сердца этой мелодіей, Баволетта возвращается съ своей Авертинской горы. Самое замѣчательное въ этомъ водевилѣ то, что онъ не оканчивается женитьбой. Платонъ и Баволетта созданы другъ для друга. А для такой четы развѣ узы брака не роскошь?

8. *Le club des maris et le club des femmes*, *Клубъ мужей и клубъ женщинъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господь Клервиля и Кордье.

Водевилъ господина Клервиля не всегда пристойны, но зато почти всегда уморительны. На этотъ разъ онъ вздумалъ пуститься въ мораль.... эта мораль, конечно, мораль водевильная.... незатѣйливая; но всё-таки гдѣ мораль, тамъ не можетъ не примѣшаться неможко и скуки. Вотъ сюжетъ «Клуба мужей и клуба женъ»:

Клубъ мужей хлопочетъ о разводѣ. Въ той же комнатѣ находится, раздѣленный отъ клуба мужей одной перегородкой, клубъ женъ. Жены пошли дальше — онѣ толкуютъ о совершенномъ уничтоженіи брака: онѣ имѣютъ на это основательныя причины. Всѣ онѣ влюблены въ парикмахера, мосьё Перроке, къ которому онѣ пишутъ любовныя записочки. Но этотъ парикмахеръ самъ женатъ и, въ качествѣ мужа, засѣдаетъ въ клубѣ мужей. Онъ провозглашаетъ гражданина Бонниве *несчастнѣйшимъ* изъ всего собранія, тогда какъ виновникъ супружескихъ несчастій этого почтеннаго гражданина онъ самъ. Такая безнравственность не

можетъ остаться безъ наказанія. Выходя изъ клуба мужей, онъ попадаетъ въ клубъ женъ, гдѣ ему даютъ порядочную головнойю, потому что одинъ красивый юноша, въ весьма увлекательной рѣчи, обличилъ тамъ неприличное поведеніе Перроке. Оба клуба взбунтовались. Дѣло чуть не дошло до драки. Клубисты сходятся и мужья узнаютъ своихъ женъ, жены своихъ мужей. Брань и упреки сыплются градомъ на парикмахера. Но красивый юноша, обличившій его, устроиваетъ все дѣло. Онъ объявляетъ, что всѣ любовныя записки женъ относятся къ нему, а не Перроке. Если вы думаете, что мужьямъ всё равно къ кому бы не писали ихъ жены, и что это признаніе не смягчитъ ихъ ярости, то вы ошибаетесь, потому что красивый юноша не кто иной какъ жена парикмахера. Ловкость и великодушіе мадамъ Перроке уладили дѣло и помирили всѣхъ: она прощаетъ своего мужа за его интригу и за страсть къ гражданамъ Бовинпе; а мужья прощаютъ женъ своихъ за ихъ любовныя письма къ женѣ парикмахера. Мораль всего этого — посредствомъ маленькихъ уступокъ и снисходительности, можно обойтись безъ развода.

9. *Le serpent de la ragoisse*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господъ Клервиля и Рожѣ.

10. *Un mariage par procuration*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

У одного генерала, временъ имперіи, есть сынъ, повѣса и дуэлистъ, по имени Жоржъ, и есть воспитанница, которой онъ енекутъ. Генералу страхъ какъ хочется женить Жоржа на этой дѣвухѣ, потому что у нея двадцать-тысячъ доходу, а у Жоржа одни долги. Но, къ-несчастью, дѣвушка влюблена въ плебей и бѣдняка, Фелисьена, сына стараго приходскаго органиста. Генералъ уговариваетъ Жоржа быть любезнѣе и не давать Фелисьену затмить себя. Но Жоржъ находитъ, что всего проще посылаться надъ соперникомъ, и потомъ вызвать его на дуэль. Сказано — сдѣлано. Но приходитъ отецъ Фелисьена... онъ все слышалъ, все понялъ, и трепещетъ за жизнь своего сына, который никогда не бралъ въ руки оружія. Старикъ рѣшается самъ вызвать Жоржа. Но Жоржъ съ презрѣніемъ отвѣчаетъ, что онъ не хочетъ съ нимъ драться. Тогда органистъ, отыскавъ у себя мундиръ Наполеоновскаго солдата, говоритъ: «Вы не откажетесь драться съ сержантомъ старой гвардіи!» Является генералъ, и узнаетъ въ органистѣ своего прежняго товарища. Оказывается, что генералъ былъ причиною всѣхъ бѣдствій, заставившихъ стараго сержанта сдѣлаться органистомъ. Чѣмъ же вознаградитъ его, какъ не от-

давъ за его сына свою воспитанницу? Это сюжетъ перваго водвилля; какъ видите, онъ не отличается новостью.

Дѣйствіе втораго происходитъ въ портовомъ городѣ, котораго преемникъ влюбленъ въ молодую вдову, мадамъ де-Люсеваль. Но у преемника есть соперникъ, морской офицеръ. Однако же мадамъ Люсеваль ошибается, думая, что молодой морякъ пылаетъ къ ней страстью. Страсть его была не болѣе какъ минутная вспышка; теперь онъ совершенно равнодушенъ и собирается плыть въ далекія страны.

У него есть дядя, учитель математики, дотога застѣчивый, что онъ не смѣетъ признаться въ любви своей креолкѣ Эрнестинѣ. Морякъ берется устроить дѣло; но, увидѣвъ креолку, онъ узнаетъ въ ней предметъ своей прежней страсти, ту, для которой онъ хотѣлъ плыть въ Америку.... Она возвратилась оттуда въ ту самую минуту, когда онъ собирался туда. Молодой человѣкъ отказывается служить дядѣ и говоритъ за себя. Настаетъ часъ отъѣзда: онъ прогубилъ его и долженъ быть судимъ какъ дезертеръ. Но преемникъ, узнавшій, что любовь моряка перемѣнилась и что въ немъ нечего опасаться соперника, рѣшается спасти его.

Въ этомъ морскомъ водевилѣ мало соли: онъ больше запутанъ, нежели забавенъ.

Музыкальныя новости. Короткая и блистательная карьера Дондзетти, которую мы обрисовали въ предыдущемъ номерѣ этого журнала, можетъ быть раздѣлена на двѣ, рѣзко отличающіяся половины. Въ первой половинѣ, начинающейся съ 1818 и продолжающейся до 1841 года, Дондзетти является болѣе или менѣе очастливимъ подражателемъ Россіи; во второй, продолжающейся до 1845 года, онъ болѣе самостоятеленъ, развиваетъ собственный талантъ свой, не совсѣмъ впрочемъ расходясь съ гонимъ, создавшимъ «Вильгельма Телля.»

Въ исторіи искусствъ мы часто видимъ, что таланты, самые змергаческіе, начинаютъ артистическое поприще подражаніемъ, либо тому артисту, который наиболѣе любимъ публикою, либо тому, къ которому чувствуютъ невольное влеченіе, вслѣдствіе тайнаго сочувствія. Юность рѣдко бываетъ самобытна: она движетъ обыкновенно жизнью семейства или той среды въ которую судьба поставила ее; только спустя долгое время и притомъ уже въ совершенной зрѣлости, возвышенные умы свергаютъ съ себя иго внѣшности и начинаютъ развитіе самостоятельной личности. Каждый великій человѣкъ лепеталъ сначала пыломъ своей кориняцы, до-тѣхъ-поръ пока онъ не развилъ

для себя особеннаго языка, способнаго выразить всё оттънки его индивидуальности. Моцартъ выработалъ свой божественный стильъ подражая въ юности Георгу Бенда, Генделю и Гайдну; Бетговенъ вдохновлялся Моцартомъ, Россини обобравъ своихъ современниковъ, Майера, Пера, Женеерала и другихъ, далеко оставя ихъ за собою. Люди обыкновенные принимаютъ въ себя прошедшее и передаютъ его потомству совершенно не тронутымъ, тогда какъ существа избранныя приумножаютъ наследство посредствомъ собственной дѣятельности. Такимъ образомъ совершается прогрессъ, и нить предавія остается не прервательною.

Въ числѣ пятидесяти оперъ написанныхъ Довидзетти, безусловно особеннаго вниманія заслуживаютъ пять: «Анна Болена», «Лучія» и «Фаворитка», въ родѣ серьезномъ, и «Любовный вапштокъ» съ «Донъ Паскуале» въ родѣ комическомъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на партіцію этихъ произведеній и укажемъ на замѣчательныя въ нихъ мѣста.

Мы уже упоминали прежде, что «Анна Болена» написана была въ Миланѣ въ 1831 году для Пасты, Рубини и Галли. Либретто оперы, заимствованное изъ исторіи Англіи, вполне соответствовало личностямъ этихъ трехъ главныхъ исполнителей. Въ первомъ актѣ очень хорошъ простенькій, и вмѣстѣ чрезвычайно удачный по мысли романсъ *en mi bemol. Deh! non voler costringere*. Затѣмъ каватина Анны *Come innocente giovane...* вся проникнута глубокимъ чувствомъ грусти. Обманутое величіе и сладостныя воспоминанія юности обрисованы въ ней очень удачно. Что касается до теоровой аріи, *en sol mineur*, которую Рубини передавалъ съ такимъ искусствомъ, произносилъ вдохновенно:

Da quel di che sei perduta...

Это просто *chef-d'oeuvre*. Замѣтьте музыкальную фразу выражающую слѣдующіе стихи:

Ogni terra ov'io m' assisi

Lo mia tombo mi sembro

Сколько въ ней грусти, раздирающей сердце. По нашему мнѣнію аллегро этой аріи выше предшествующаго авданте. Не слѣдуетъ забывать также прекраснаго квинтета и финала перваго акта. Въ квинтетѣ особенно выдается *adagio*, а въ финалѣ прекрасная *stretta*, съ весьма удачною группировкою голосовъ, чѣмъ Довидзетти постоянно отличался.

Безспорно самое высокое произведеніе Донидзетти, какъ по мысли, такъ и по выполненію, есть «Лучія.» Онъ изобразилъ въ этой оперѣ всѣ нѣжныя чувства своего сердца, онъ излилъ въ ней всѣ свои задушевные мелодіи, и безспорно приобрѣлъ ея созданіемъ вѣчную славу въ потомствѣ. Въ ней все восхитительно и виѣсть съ тѣмъ все превосходно соотвѣтствуетъ положенію дѣйствующихъ лицъ. Введеніе, въ которомъ изображенъ сильный характеръ Аштона, прекрасно гармонируетъ съ мрачною и нѣжною драмою, готовою развернуться предъ глазами зрителей. Затѣмъ слѣдуетъ дуо Лучіи съ Эдгардомъ, полное страсти и юношеской мечтательности; его allegro въ три четверти сдѣлалось популярнымъ. Дуо во второмъ актѣ Лучіи и Аштона тоже очень удачно, хотя отчасти и напоминаетъ собою дуо Элизы и Клаудіо Меркаванте. Финалъ этого акта превосходенъ; секстуоръ его одинъ изъ самыхъ драматическихъ *morceaux d'ensemble*, какіе только когда-либо существовали. Голоса сгруппированные съ рѣдкимъ искусствомъ, развиваются здѣсь въ восходящей прогрессіи, что производитъ поразительный эффектъ. Донидзетти часто повторялъ формулу этого секстуора въ другихъ пьесахъ, что особенно явно въ «Донъ Себастьянъ.» Стретта, оканчивающая финалъ, полна энергіи. Кто не помнитъ этихъ словъ проклятій, которыя Рубини произносилъ съ такимъ необыкновеннымъ выраженіемъ, что всѣ слушатели ощущали невольный трепеть:

Maledetto sio l'istante.

Въ третьемъ актѣ особенно хороши дуо Эдгарда и Аштона и послѣдняя арія Эдгарда. Никто не выражалъ лучше Донидзетти святое вдохновеніе и чистыя наслажденія любви.

«Фаворитка» далеко ниже «Лучія.» Стилъ ея очень не ровенъ; ничтожная посредственность часто смѣняетъ собою мысли высокія, и нарушаетъ такимъ образомъ единство созданія, эту печать всего истинно великаго. Хотя въ первыхъ трехъ актахъ много хорошаго, какъ напримѣръ романсъ Фернанда:

Un ange, une femme inconnue;

нѣкоторыя хоры, музыка танцевъ, но все-таки эти три акта далеко не стоятъ четвертаго, въ которомъ Донидзетти воспріимъ опять всю свою страсть, всю нѣгу своего таланта. Романсъ.

Ange si pur...

и allegro финальнаго дуо само совершенство. Комическій родъ

Доницетти не такъ оригиналенъ, какъ родъ серьезный. Подражаніе Россини замѣтно на каждой страницѣ. «Любовный напитокъ» и «Донъ Паскуале» слишкомъ напоминаютъ «Турка въ Италіи», «Италіянку въ Алжирѣ» и «Севильскаго Цирюльника.» Несмотря на то въ «Любовномъ напиткѣ» есть прекрасныя мѣста, и въ «Донъ Паскуале» также. Въ послѣднемъ напимѣръ два дуо, кватуоръ и серенада.

Инструментовка Доницетти блестяща и смѣла, зато рѣдко оригинальна. Въ ней вѣтъ ни вѣрнаго выбору голосовъ, ни особенныхъ модуляцій, ни новости гармоніи. Извѣстно, что Доницетти слишкомъ неглижировалъ оркестромъ, онъ писалъ черезъ чуръ быстро и не дожидаясь вдохновенія.

Какъ музыкантъ болѣе свѣдущій и болѣе сильный нежели Беллини, хотя и менѣе оригинальный, какъ талантъ болѣе производительный нежели МеркадANTE, Пачини и Морлакки, Доницетти долженъ занимать первое мѣсто, послѣ того, которое принадлежитъ гевію. Исторія искусства помѣститъ его непосредственно послѣ Россини, и вазовѣтъ его Лучію одною изъ лучшихъ партіцій нашего вѣка.

Лондонъ (май). Четвертый концертъ общества «Ancien Concerts» состоялъ подобно прочимъ концертамъ единственно изъ произведеній умершихъ композиторовъ. Англійская аристократія. учредительница этихъ концертовъ, удостоиваетъ своего знакомства только покойниковъ. Въ первой части принятъ былъ «Христосъ на Масличной Горѣ» Бетговена, и притомъ, не по англійски, а по италіянски. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что пѣвцы были не Италіянцы, а Англічане, да и слушатели тоже. За тѣмъ Лаблашъ и Гардони пропѣли дуэтъ изъ перваго акта Моцартовой оперы «Похищеніе изъ серала.» Между-тѣмъ какъ изъ груди Лаблаша вылетали звуки необъятнаго размѣра, хотя впрочемъ не много грубые и устарѣлые, жиденькій и незрѣлый голосокъ Гардони исчезалъ совершенно, такъ что отдаленные слушатели должны были довольствоваться единственно наблюденіемъ надъ движеніемъ губъ исполнителя. Впрочемъ Англічане въ этомъ случаѣ очень не взыскательны: если глаза ихъ пріятно заняты блистательною публикою, то они объ ухахъ уже и не заботятся.

Beethoven Quartet Society дало свой четвертый вечеръ. Въ первой части исполнены были изъ старѣйшихъ квартетовъ великаго композитора, G и B-dur, во второй тоже два изъ новѣйшихъ f moll № 11 и f dur № 17.

Въ концертѣ Society of female musicians присутствовала много-

численная публика. Программа отличалась особеннымъ разнообразіемъ. Замѣчательною новостью на этотъ разъ была пьеса для фортепіано, исполненная господами Калкбрениерами, отцемъ и сыномъ. Въ этомъ концертѣ участвовали артисты какъ туземные, такъ и чужеземные. Къ первымъ принадлежатъ господа Бирчъ, Дюваль, Рейнфортъ, Лей, Бассано, Долби, Кабиттъ и Стилъ, тенористы Ривесъ и Стилъ, къ послѣднимъ господа Кастеланъ-Тилловъ, Альбони и господинъ Тамбурини.

— На театрѣ ея величества явилась наконецъ въ первый разъ въ нынѣшнемъ году Джени-Линдъ въ знаменитой своей роли «Дочери полка.» Характеръ роли былъ переданъ въ совершенствѣ; речитативы и каденцы *mezza-voce* были неподражаемы; но памъ кажется, что постоянное стремленіе пѣвицы къ полнотѣ тона повредило ея голосу, онъ сталъ нѣсколько грубѣе, и потерялъ свою прежнюю чистоту. Во второй разъ Линдъ явится въ «Лучія.» Впрочемъ вся пьеса исполнялась на этотъ разъ не совсемъ отчетливо: хоръ не пѣлъ, а ревелъ и притомъ фальшиво; оркестръ игралъ холодно не соблюдая ни малѣйшихъ отбѣнокъ въ выраженіи, да и всѣ актеры были какъ будто не на своихъ мѣстахъ. Ковенгарденскій театръ повторялъ въ эти дни «Ченерентолу;» Торжество Альбони въ этой пьесѣ увеличивалось съ каждымъ представленіемъ; но самымъ замѣчательнымъ событіемъ, если только теперь есть замѣчательныя событія неполитическія, былъ дебютъ госпожи Віардо Гарціи. Она покинула Лондонъ начальщицею, а теперь возвращается въ этотъ городъ совершеннымъ талантомъ. О смѣлости ея можно судить по мѣрѣ опасности, которую она сама себѣ создала, избравъ для своего дебюта Сопамбулу. Въ самомъ дѣлѣ опасность была большая! Не говоря о томъ, что до нынѣ Аминя напоминаетъ многимъ посѣтителямъ театра несравненную Малбракъ, и что почти всѣ знаменитыя пѣвицы блстали въ этой роли послѣдовательно, казалось, одно то обстоятельство, что Джени-Линдъ сдѣлала изъ Сопамбулы вѣнецъ своего совершенства, должно уже было утратить дебютантку.

При такихъ обстоятельствахъ очень естественно быть храбрымъ въ минуту рѣшимости и струсить, когда дѣло дойдетъ до выполненія предпріятія. То же самое случилось и съ госпожею Віардо. Намъ рѣдко удавалось видѣть, чтобы какая-либо артистка оробѣла такъ, какъ въ этотъ вечеръ госпожа Віардо, и, несмотря на то, результатъ превзошелъ самую смѣлую ожиданіи. Мы очень хорошо знаемъ тѣ средства, съ помощію которыхъ

достигаются иногда въ большихъ городахъ банстательные результаты; мы знаемъ, что иногда энтузіазмъ приносится въ театръ заранѣе въ корзинахъ съ цвѣтами, что сами артисты подчасъ готовятъ для себя вызовы и *da capo*, и потому не безусловно вѣрны цвѣтамъ, вызовамъ, хлопанью; но на этотъ разъ мы повѣрили всему этому, потому что торжество дебютантки было въ-самомъ-дѣлѣ вполнѣ заслуженное. Не входя въ разборъ игры и пѣнія госпожи Віардо, мы ограничимся пока одними замѣчаніями. По большей части самыя лучшія пѣвицы полагаютъ рѣзкое разлчіе между техничекою и внутреннею стороною искусства; такъ напримѣръ, при исполненіи рудъ, онѣ думаютъ только о правильности и чистотѣ, и совершенно забываютъ о чувствѣ. Госпожа Віардо, напротивъ того, искусно умѣетъ придать всемъ своимъ рудамъ, трелямъ, варіаціямъ и прочимъ украшеніямъ соотвѣтствующій обстоятельствамъ внутренней смыслъ, такъ что слушая ее, только чувствуешь и уже совершенно забываешь технику. Въ этомъ то и состоитъ главная задача драматической пѣвицы, задача, которую госпожа Віардо разрѣшаетъ съ большимъ успѣхомъ если и не постоянно, то по крайней мѣрѣ по бѣльшей части.

Въ шестомъ концертѣ филармоническаго общества миссъ Лодеръ играла первый концертъ Мендельсона-Бартольди. Она теперь безспорно лучшая піанистка въ Англии, что дѣлаетъ большую честь ея учительницѣ, госпожѣ Андерсовъ. Публика еще очень помнитъ очаровательную игру самого Мендельсона, и потому преемникамъ его торжество достается не легко. Тѣмъ труднѣе оно для женщинъ; для Мендельсоновыхъ концертовъ нужны строгое tempo, твердость пальцевъ, гибкость руки и преимущественно мужская сила, которая очень рѣдко достается на долю женщинамъ. Тѣмъ славнѣе былъ триумфъ миссъ Лодеръ. Она играла съ необыкновенною легкостью и чистотою и строго соблюдала tempo, что преимущественно выказалось въ *molto allegro*. Пѣніе передавала она съ большимъ выраженіемъ и если не съ тою глубиною чувства, какъ самъ композиторъ, зато и не съ ~~акцентаціею~~ пѣкоторыхъ новыхъ піанистовъ, желающихъ пускаться въ глаза. По требованію публики артистка повторила финалъ безъ малѣйшихъ слѣдовъ усталости. Странно, что въ послѣднее время въ англійскихъ артисткахъ замѣтно болѣе стремленія къ высшему музыкальному образованію, нежели въ артистахъ. Увертюра изъ «Паризяны», сочиненіе Беннета, невольною поведала насъ на эту мысль. Отчего, напримѣръ, композиторъ, ко-

торый могъ еще въ молодости написать подобную вещь, теперь замолкъ совершенно? Оттого, скажутъ вамъ, что публика слишкомъ равнодушна и несправедлива къ роднымъ талантамъ. Но правда: необыкновенный успѣхъ госпожъ Кембль, Шо и пѣвица Ривеса доказываютъ совершенно противное.

Во второй части Благровъ исполнилъ концертъ для скрипки Шпора. Затѣмъ пѣли Дорю Гра и Сальви. Зачѣмъ бы, казалось, вкленвать арию Доницетти въ концертъ «влармоническаго общества? Право, ужъ это совсѣмъ лишнее. Мы знаемъ, что трудно найти пѣвцовъ, которые, подобно господамъ Виардо-Гарци и Кембль, могли бы пѣть на четырехъ языкахъ, и что современныя знаменитости не очень охотно берутся исполнять сочиненія новыхъ ученыхъ композиторовъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія ни о голосѣ, ни объ истинномъ пѣннн; но съ другой стороны намъ не безызвѣстно и то, что истинно заслуженныя знаменитости никогда не откажутся пропѣть что-нибудь изъ Глука, Генделя и другихъ гениальныхъ композиторовъ. Право, такого рода вещи болѣе имѣли бы успѣху, нежели избитыя арии «O sa-ga imagine», «Non mi dir» и прочая. Не худо было бы директорамъ театровъ принять это къ свѣдѣнню и посоветовать упрямымъ гениямъ пѣнн исполнять пьесы, сообразныя съ вкусомъ истинныхъ цѣнителей искусства, а не какого нибудь Джона-Була.

— Вотъ еще нѣсколько замѣчаній о первомъ дебютѣ госпожи Виардо, а равно и о современномъ положеніи музыки въ Англіи, заимствованное нами изъ одного письма, напечатаннаго въ иностранныхъ журналахъ. «Ну что, господа насмѣшники, такъ часто подшучивавшіе надъ музыкальнымъ вкусомъ Англіи, начинаютъ корреспондентъ, станете вы теперь остриться на ея счетъ? станете вы называть ее страню музыкальныхъ варваровъ, тогда какъ въ настоящую минуту она сдѣлалась единственнымъ убѣжищемъ музыки и музыкантовъ? Да! Лондонъ теперь для артистовъ всей Европы то же, что былъ нѣкогда Кобленцъ для французской знати: эмиграція направляется туда со всѣхъ сторонъ, какъ къ единственному спасительному оазису, доступному для всѣхъ пилигримовъ искусства. Французская пословица говоритъ: «Если бы небо упало, оно прикрыло бы собой много жавороковъ.» Бѣда, если бы эта пословица исполнилась теперь въ Лондонѣ: тамъ съ-разу придавлено было бы слишкомъ три четверти величайшихъ пѣвцовъ и величайшихъ пѣвицъ всего образованнаго міра. Въ Лондонѣ теперь Женни Линдъ, Гризи, Альбони, Персиани, Каstellани, Крувелли, Стеванони, Корбарн; не доставало

одной Полины Виардо: на дняхъ прибыла и она. Дебютъ ея былъ въ «Соннамбулѣ», въ которой нѣсколько дней тому назадъ являлась Джени Линдъ. Для публики этотъ день былъ немъ торжественнымъ, а для пѣвицы страшнымъ. Сколько хлопотъ! сколько досады! какая упорная борьба съ непредвидѣнными препятствіями! Въ оперѣ, какъ извѣстно, собственно двѣ главныя роли — Амниа и Эльвино. Последнюю долженъ былъ исполнять Марио, но несчастный такъ простудился накануне на репетиціи «Ancient Concert», что рѣшительно не могъ быть употребленъ въ дѣло. Какъ тутъ быть? къ кому обратиться? Къ Сальви; но этотъ тоже былъ не очень здоровъ. Мамзель Гризи, — понимаете вы? — мамзель Гризи, ревность которой, какъ говорятъ, была главною причиною нездоровья Марио, просила, умоляла Сальви, становилась передъ нимъ на колѣни—все было тщетно. Надо было прибѣгнуть къ послѣднему средству. Въ тотъ же самый день прибылъ въ Лондонъ теноръ Флавіо, пѣвшій роль Эльвино въ Неаполѣ вмѣстѣ съ Тадоинни. Его отыскиваютъ и приглашаютъ пѣть на другой день. Онъ согласенъ, и Виардо рѣшается лучше пѣть съ нимъ безъ предварительной репетиціи, нежели отсрочивать свой дебютъ на четыре дня.

«Согласитесь, что надо быть храбрецомъ, чтобъ отважиться на такое испытаніе, и особеннымъ счастливецемъ, чтобъ выйти изъ него со славою! Мы скажемъ вмѣстѣ съ Скрибомъ: госпожа Виардо оттого слишкомъ храбрилась, что черезъ-чуръ трусила, а что трусила она, въ этомъ можно было убѣдиться съ перваго взгляду. Публика привѣтствовала появленіе ея громкими рукоплесканіями, которыя впрочемъ нисколько не ободрили дебютантку: она дрожала всѣмъ тѣломъ и съ трудомъ могла произнести первыя ноты. Въ аріи «come per me sereno», пропѣтой слабымъ голосомъ уже замѣтны были намеки на талантъ. Особенно ярко выказалась здѣсь трель, которою Виардо закончила хоръ провидѣнія, трель, полная какого-то естественнаго ужаса. Въ финалѣ тоже прорывались по временамъ мгновения истинно высокія. Занавѣсъ упалъ, и дебютантка была вызвана.

«Во всякомъ случаѣ вопросъ остался еще нерѣшеннымъ: въ публикѣ господствовало страшное волненіе; вопросы и отвѣты перекрещивались въ воздухѣ; противныя партіи вступили въ ожесточенный бой. «Какъ! говорили одни: такъ эту-то пѣвицу Европа превозноситъ до небесъ? Такъ вотъ кѣмъ хотятъ затмить Джени Линдъ, Гризи, Альбони?» — Позвольте, позвольте, отвѣчали другіе: дождитесь до конца и не судите по одному началу.

И въ самомъ дѣлѣ, второй актъ возвратилъ Полнѣ Віардо всю ея прелесть, все ея превосходство надъ прочими пѣвицами. Сестра Малибрауъ оправдала свою знаменитость, съ той минуты, когда съ лампою въ рукѣ она является у окна и потомъ сплещая сходитъ на сцену, говоря объ Эльвино. Рѣшительно невозможно понять эту сцену и передать ея лучше госпожи Віардо! Она передала ее съ такимъ чувствомъ, съ такою драматическою энергіею и затѣмъ такъ превосходно, такъ артистически, можно сказать такъ вдохновенно пропѣла финалъ, что мы рѣшительно не находимъ словъ, чтобъ выразить то очарованіе, тотъ восторгъ, который произвела въ насъ эта необыкновенная пѣвица. Энтузіазму публики не было предѣловъ; всѣ единодушно потребовали повторенія арія, которая была пропѣта вторично и притомъ съ новою прелестью. Публика готова была прослушать ее еще нѣсколько разъ. Въ спектаклѣ въ этотъ вечеръ присутствовали Гризи и Альбони, каждая въ своей ложѣ.

«На Ковенгарденскомъ Театрѣ возобновлена была Моцартова «Nozze di Figaro». Марини занималъ роль Фигаро, Тамбурини — роль Альмавивы, госпожа Стефанони — графини, Гризи — Сусанны, и Альбони — пажа. Въ томъ же театрѣ данъ былъ большой концертъ. Віардо пѣла каватину *Lascia che piango* изъ «Ринальдо», Генделла, аккомпаниментъ которой очень удачно передѣлалъ Мейерберомъ. Послѣ этой піесы, которая, надо замѣтить, была повторена, Віардо представила образчикъ необыкновенной обработки голоса, пропѣвъ нѣсколько мазурокъ Шопена, которыя она аккомпанировала сама себѣ на фортепіано. Вторую изъ этихъ вокальныхъ фантазій публика заставила пропѣть два раза.

Не думайте, чтобы успѣхъ Ковенгарденскаго Театра сколько нибудь повредилъ Театру Ея Величества. На послѣднемъ Джени-Линдъ производитъ такой же фуроръ, какъ и въ прошломъ году. Она пѣла два раза въ «Сонамбулѣ» и потомъ въ «Дочери полка». На дняхъ будетъ дебютировать Тадолинни въ «Линда ди Шамуни», именно для нея написанной Доницетти. Теноръ Ривесъ будетъ пѣть въ «Лучіи» вмѣстѣ съ Тадолинни, а можетъ быть и съ Линдъ. Притомъ не надо забывать, что на этомъ театрѣ уже совершенно готовъ въ дѣло цѣлый баталіонъ танцовщицъ, во главѣ которыхъ стоятъ Черитто и Карлота Гризи. Просто чудо, да и только! Говорятъ, что здѣсь скоро откроется третій итальянскій театръ, на которомъ будетъ пѣть бывшая берлинская труппа. Она помѣстится въ Дрюриленскомъ театрѣ или

лицей. Кажется, Италия начинаетъ уже употреблять во зло британское гостепрѣимство!

— Тринадцатаго мая въ субботу было второе представленіе «Сонамбулы». На этотъ разъ госпожа Віардо явилась въ сопровожденіи Маріо. Здоровье послѣдняго совершенно поправилось, что и придадо пѣвию госпожи Віардо болѣе увѣренности. Эта счастливая переменѣ обнаружилась уже при первомъ выходѣ пѣвицы на сцену: страхъ и трепетъ исчезли со всѣми своими спутниками. Талантъ Віардо, разорвавъ тяготившіе его оковы, представалъ во всемъ своемъ величій. Торжество его, отъ начала и до конца пьесы увеличивалось постепенно. Слушатели постоянно выходились подъ вліяніемъ очаровательнаго голоса, овладѣвшаго всѣмъ ихъ существомъ. Эффектъ ночной сцены перваго акта былъ просто чудовищенъ. Маріо, какъ и пѣніемъ, такъ и игрой доказалъ въ этотъ вечеръ, что онъ достойный преемникъ Рубини. Онъ подходитъ къ своему великому образцу ближе, нежели кто либо изъ его соотаврившей. Тамбурини, въ роли графа, пропѣлъ только одну, и пропѣлъ превосходно. У Тамбурини все еще прекрасный голосъ и слушать его истинное наслажденіе. Неизвѣстно, съ чего вообразили Парижане, что Тамбурини имъ надобѣль, и что имъ нуженъ, во что бы то ни стало, другой баритонъ. Осьмнадцатаго мая давали «Лукрецію Боржіа»: въ этотъ вечеръ Альбови торжествовала въ свою очередь. Прочія роли занимали Гризи, Марини, Тальядоко, Ровере, Полонини присоединились къ хористамъ, что произвело удивительный эффектъ. Послѣ «Лукреціи» Полина Віардо пропѣла послѣднюю сцену изъ «Сонамбулы», которая принята была съ энтузіасмомъ. За тѣмъ шелъ новый балетъ «Нирена или пять чувствъ»; это тоже, что «Гризельда», послѣднее дѣтѣще Парижской большой оперы. Госпожа Брусси занимала роль, сочиненную для Карлоты Гризи.

— Говорятъ, что въ Лондонѣ находится теперь четыре тысячи пять сотъ піанистовъ перваго разряда. Трудно повѣрить этому числу, тѣмъ труднѣе еще удостовѣриться въ дѣйствительности его посредствомъ фактовъ. Недавно давалъ здѣсь концертъ Карлъ Галле и имѣлъ большой успѣхъ. Прекраснымъ, отчетливымъ исполненіемъ большаго концерта Бетговена, онъ заслужилъ всеобщее одобреніе. Однимъ словомъ, если бы въ какомъ-нибудь городѣ было не четыре тысячи пять сотъ, а только четыре такихъ піаниста, и это было бы уже замѣчательною рѣдкостью. Но-

сятся слухи, что директоръ Лумли намѣренъ устроить цѣлый рядъ концертовъ, въ которыхъ постоянно будутъ участвовать Джени-Линдъ и Тальбергъ.

Двадцать седьмого мая. На театрѣ ея величества событія такъ быстро смѣняются одно другимъ, что едва успѣваешь слѣдить за ними: дебюты Тадоллини и тенора Ривеса, первый выходъ на сцену Карлоты Гризи и появленіе Линдъ въ «Лучіи», — вотъ, что случилось въ продолженіе одной недѣли. Начнемъ съ Тадоллини: Въ 1832 году, равно шестнадцать лѣтъ тому назадъ, она пѣла въ Парижѣ. Голосъ ея былъ тогда чрезвычайно чистъ, мягокъ и гибокъ, настоящій *zorgano sfogato*, но она пѣла съ такою же холодностію, какъ и легкостію. Однимъ словомъ, это просто была поющая статуя. Послѣ того Тадоллини приобрѣла огромную знаменитость во всей Италіи. Она пополнила; голосъ ея нисколько не измѣнился, а остался все тѣмъ же чуднымъ инструментомъ. Къ несчастію, игра ея тоже не измѣнилась ни на волосъ: ледъ не растаялъ. Она доказала это въ «Линдѣ ди-Шамуни». Уже въ первой выходной аріи «*O luce di questa anima*» она выказала весь свой талантъ, особенно въ финальномъ рондо; всѣ поражены были необыкновенною пріятностію, можно сказать, сладостію голоса, исполнявшаго съ какою то папвною легкостію всевозможныя трудности. *Bis! bis!* раздавалось со всѣхъ сторонъ — и такимъ образомъ дебютъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Мы разумѣемъ дебютъ пѣвицы, а не актрисы, потому что актрисы на сценѣ не было. — Теноръ Ривесъ прекрасно исполнилъ роль Карло: каватина втораго акта, проходившая до толѣ незамѣтною, была потребована вторично. Но кто бы могъ предвидѣть? этому прекрасному дѣву не суждено было повториться: дебютантъ поссорился съ директоромъ Лумли за роль Эдгарда въ «Лучіи», которая сначала назначалась ему, а потомъ отдана была Гардонн. Ривесъ объявилъ въ журналахъ, что онъ принялъ ангажементъ на пять представленій, съ условіемъ пѣть въ роляхъ Эдгарда. Перси и Артура, и что единственно по этой причинѣ онъ согласился на Карло въ «Линдѣ». Замѣтивъ неустойку со стороны директора, онъ внезапно парушилъ контрактъ и роль Карло досталась на долю Гардонн. Бальфъ, чрезъ содѣйствіе котораго заключенъ былъ контрактъ, отвѣчалъ на письмо Ривеса: онъ утверждалъ, что дирекція ангажировала его на пять представленій безъ всякаго поименованія ролей, и потому Ривесъ не имѣтъ ни какого права претендовать на роль, отданную Гардонн шесть недѣль тому назадъ. Ривесъ возражалъ на это письмо; короче, на-

чались споры, упреки, неприятности, а дебютъ, между-тѣмъ — ни съ мѣста. Дженин-Линдъ тоже хотѣла замѣшать въ эту исторію, въ которой она, по-видимому, не принимала никакого участія. Она продолжаетъ распѣвать въ «Лучин» съ огромнымъ успѣхомъ и приводятъ въ восторгъ самыхъ отчаянныхъ стонковъ. Карлота Гриси занимала роль огня въ балетѣ «Le Elements», огня самаго жгучаго и ослѣпительнаго, и привѣтствована была страшнымъ громомъ рукоплесканій.

— На Ковенгарденскомъ театрѣ давали «Фаворитку». Въ этотъ разъ мамзель Гриси занимала главную роль, созданную въ Парижѣ госпожею Штольцъ. Вѣроятно, въ эти минуты Гриси увлечена была такимъ же припадкомъ самолюбія, какимъ вѣкогда госпожа Штольцъ, вздумавшая пѣть Дездемону въ «Оттело» и Марію въ «Робертъ Брюссъ». Можно сказать утвердительно, что музыка Донидзетти въ «Фавориткѣ» точно также не по голосу Гриси, какъ музыка Россини въ «Оттело» и «Бюсъ» не по голосу Штольцъ. Это два рода совершенно противоположные: для чего бы казалась не придерживаться постоянно того, который вамъ указала сама природа? Впрочемъ, Гриси не пришлось раскаяться въ своей попыткѣ: ей апплодировали очень много, также какъ и Марію, который занималъ роль Фернанда. Послѣдній актъ съ своею финальною сценою произвелъ удивительный эффектъ. Корради Сетти занималъ роль Альфонса, по поводу которой въ театральнѣй лагерь вкрался радоръ. Теперь на Ковенгарденскомъ Театрѣ, подобно Театру Ея Величества, есть тоже Ахиллесъ, удалившійся въ свою ставку, или проще сказать, начавшій журнальную перешепку. Ахиллесъ этотъ — Ронкони, долженствовавшій занимать роль короля. Онъ жалуется на господъ Делафильда и Вебстера, отнявшихъ у него роль безъ всякой причины. Нельзя рѣшительно сказать, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ; замѣчательно только то, что Ронкони всегда жалуется, и что не прошло ни одного театральнаго сезона, въ продолженіи котораго онъ не украсилъ бы журналовъ нѣсколькими образчиками своего эпистолярнаго слогу.

— Въ то время, какъ директоры и пѣвцы ссорятся между собою, въ городѣ поговариваютъ, что оба итальянскіе театра имѣютъ сильное желаніе слиться во едино на будущій сезонъ, или во-крайней-мѣрѣ, на будущее время. Мѣстомъ спектаклей назначается Геймаркетскій театръ; Делафильдъ и Митчель будутъ директорами-антрепренерами, Коста директоромъ оркестра, а Лумли отправится отдыхать на лаврахъ. Ковенгарденскій Театръ преобразуется въ Англійскую Оперу, дирекцію которой по музыкаль-

шой части принять Бальетъ; ничего не говорить о томъ, будутъ ли Билль главнымъ ея директоромъ. Ясно, что два итальянскія театра въ Лондонѣ не могутъ процвѣтать въ одно и тоже время: одинъ непременно задавитъ другой, если только они не задушатъ себя взаимно. Итакъ, забавляйтесь господа, поддерживайте, работывайте искусство съ цѣлю дойти до такихъ удивительныхъ результатовъ! Пойте въ зауски и раззоряйте другъ друга при сладостныхъ крикахъ браво и bis!

— Въ Лондонѣ есть общество не только музыкантовъ, но даже музыканшиъ, учрежденіе котораго восходитъ до 1839 года. Общество это даетъ концерты, въ которыхъ однако жъ прекраснѣйшій полъ принимаетъ участіе не исключительно. Въ концертѣ осьмаго мая фаланга пѣвицъ состояла изъ слѣдующихъ именъ: Альбонн, Кастелланъ, Анна Тильонъ, Бирчъ, Долби, Савилла, Новелло, Кубитъ, Ренфортъ, Бассано, Дюваль, Лей и Стиль; въ баталіонѣ вѣнцовъ находились Ривесъ, Сегенъ, Локкей, Вейсъ и Тамбуринъ; между музыкантами были Благровъ, скрипачъ; Калькбрениери, отецъ и сынъ, піанисты; Вилли, скрипачъ, и цѣлое семейство Дистенъ, играющее на саксонскомъ рожкѣ, во всѣхъ возрастахъ и по всѣмъ степенямъ родства.

— Робертъ Гуденъ даетъ здѣсь свои фантастическіе вестры. Скоро сюда прибудетъ весь составъ парижскаго Историческаго Театра, въ сопровожденіи «Монте-Кристо», «Трехъ Мушкетеровъ» и «Королевы Марго.»

— Третьяго іюня. Директоръ Лумли опровергаетъ въ журналахъ городскіе толки на счетъ соединенія обонхъ итальянскихъ театровъ подъ одну дирекцію. И такъ Римъ и Карагенъ будутъ воевать по прежнему, то есть пѣть до совершеннаго изнеможенія. На Театрѣ Ея Величества, Тадолина по прежнему восхищаетъ въ «Лиддѣ», а Дженинъ Лиддъ въ «Лучинъ». Впрочемъ, въ игрѣ послѣдней въ этой роли, можно многое покритиковать. Изъ робкой, пѣжвой дѣвушки, легко доступной обману и вѣсть съ тѣмъ неуѣжливой въ несчастіи, она сдѣлала яростную, пламенную Норму. Она доводитъ жестыкуляцію даже до непріятнаго, а меду тѣмъ прелесть ея голоса чаруетъ по-прежнему и заставляетъ забываться недостатки игры. Въ сценѣ сумасшествія пѣніе ея достигаетъ до какого-то вдохновеннаго совершенства. Гардени, въ роли Эдгардо, противъ ожиданія очень хорошъ; вообще въ послѣднее время голосъ его дѣлаетъ замѣчательные успѣхи. Колетти превосходитъ въ роли Аштона; хоръ и оркестръ, подъ дирекцію Бальеа, просто отличились. Карлота Гризъ, Фанни Черито и Ре-

эти вечера съѣхъ выхотѣ въ балетѣ «Четыре времени года». Кардина Грива будетъ *льляма*, Черто *ессюю*, неизвѣстно что достанется на долю Розетъ; ужь вѣрно не зима. На Ковенгарденскомъ Театрѣ прошлая недѣля занята была «Фавориткою» и «Нормою». Во вторникъ объявлена была «Ченерентола», а давали опять «Фаворитку». Въ четвертокъ былъ большой концертъ, въ которомъ, между прочимъ, исполнена была вѣчная «Stabat Mater». Полина Виардо пропѣла вѣстѣ съ Тамбурини знаменитый дуэтъ буюо, сочиненіе Гаскко, съ такимъ совершенствомъ, какъ будто родъ ея пѣнія былъ по преимуществу комическій. Въ арии «Soi fan tute: per rista ben mio», она развернула всю прелесть строгаго классическаго стиля.

Прибытіе Винае произвело въ городѣ замѣтное впечатлѣніе, которое вѣроятно усилится послѣ ея концерта. Пиавость Гориа давалъ концертъ въ залѣ Ганноверъ-скверъ; онъ сыгралъ «Etude de concert», «фантазію на мотивы Беллини и «Салтареллу». Блескъ и прелесть его игры очень понравились. Салтарелла была потребована вторично.

— Десятаго іюня. «Лузія» дана уже четыре раза. Въ этой оперѣ постоянно пѣла Дженни Линдъ. На дняхъ дебютировала она въ «Elisigo d'amore», въ роли Адены. Первый актъ произвелъ мало эффекта, но во второмъ заставили повторить два дуэта, которые Лаблашъ, величайшій изъ шарлатановъ нашего времени, воздвигнулъ своимъ необыкновенно страстнымъ, восторженнымъ пѣніемъ. Гардоннъ прекрасно пропѣлъ арію «una furtiva lacrima». Линдъ возбудила энтузіазмъ превосходнымъ *fargo* — «Prendi per me» и кабалеттою «No infelice». На Ковенгарденскомъ Театрѣ давали за разъ «Донъ Жуана» и «Ченерентолу» — можно было бы и поменьше. Въ первой оперѣ Полина Виардо исполнила партію Дѣвны Анны, составившую славу Юліи Гривз. Не смотря на это соперничество, очаровательная Виардо пѣла съ большимъ успѣхомъ и хотя во многихъ сценахъ не могла сравняться съ знаменитою соперницею, зато въ нѣкоторыхъ превзошла послѣднюю. Такъ напримѣръ арію «Non mi dir bell' idol mio», она пропѣла съ такимъ глубокимъ чувствомъ, въ ея голосѣ было столько очарованія, что публика единодушно потребовала повторенія. Этому еще не было примѣра въ современныхъ лѣтонисяхъ театровъ. Успѣхъ Альбони въ «Ченерентолѣ» возрастаетъ съ каждымъ представленіемъ. Скоро пріѣдетъ сюда Массоль, который оставилъ здѣсь память о своемъ прекрасномъ голосѣ, когда

еще прѣзжалъ сюда съ бриссальскою труппою, дававшимъ французскія оперы на Дрюриленскомъ Театрѣ. Онъ явится въ первый разъ въ «Гугенотахъ», въ роли Неверскаго.

Между пианистами пальма первенства безспорно принадлежитъ Галле, который имѣетъ здѣсь огромный успѣхъ. Путешествіе Историческаго Театра не обошлось безъ приключеній. Во первыхъ цензура запретила «Трехъ Мухометовъ», по причинѣ Карла I, и «Королеву Марго» — неизвѣстно по какой причинѣ. «Монте-Кристо» одинъ прошелъ нетронутымъ, но съ перваго представленія этой пьесы началась буря: нѣсколько лицъ общали помѣшать спектаклю и сдержали слово; впрочемъ свистуновъ и шпикальщиковъ немедленно выпроводили за двери. На другой день знаменитый трагикъ Мекреди явился къ Гольштейну, директору страждущей труппы и протестовалъ отъ лица всѣхъ англійскихъ актеровъ противъ вчерашняго приключенія. Онъ говорилъ, что онъ очень хорошо помнитъ лестный пріемъ, оказанный ему актерами и публикою въ бытность его въ Парижѣ, и рѣшительно не одобряетъ неприличнаго поведенія лондонской партіи. Двое молодыхъ людей, прилично одѣтыхъ, потребованы были въ бургиндскій судъ, какъ обвиненные въ театральныхъ безпорядкахъ. Сознавшись въ своемъ проступкѣ они общали вести себя благоразумнѣе, впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, и въ обезпеченіе представили каждый по сту фунтовъ стерлинговъ. Не смотря на то, второе представленіе было не менѣе бурно, какъ и предъидущее: свистки не прекращались даже на улицѣ.

— *Парижъ.* Нѣсколько недель тому назадъ, Комическая Опера прекратила свои представленія. Въ послѣднее время репертуаръ ея (надо замѣтить, самый разнообразный изъ всѣхъ репертуаровъ) страдалъ посредственностью новыхъ произведеній и обезображиваніемъ старинныхъ оперъ, которыя дирекція вздумала поднимать изъ гробовъ и передѣлывать на новый ладъ.

Въ жаловань артистовъ здѣшней большой оперы съ ихъ собственнаго согласія сдѣланы слѣдующія убавки: съ жалованья, отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ пять процентовъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ десять процентовъ, отъ четырехъ до пяти тысячъ пятнадцать процентовъ, отъ шести и болѣе двадцать пять процентовъ. Нѣкоторыя значительныя содержанія уменьшены на половину.

— Газета «La France Musicale» прекратилась.

— Въ Консерваторіи открытъ новый классъ, classe d'ensem-

ше, завідуваніє котрымъ поручено господни у Баллю, сыну зна меншатаго скрипача.

— Оберъ, Галевн, Давидъ, Адамъ и многіє другіє приготовили прошеніє о перемѣнѣ названія Мовиартрекаго Бульвара въ Бульваръ Россини. Извѣстно, что послѣдній жилъ здѣсь долгое время.

— Въ *Revue et Gazette Musicale* помѣщено нѣскольکو отрывковъ изъ сочиненія господина Улыбышева о Моцартѣ.

— Говорять что здѣшняя комическая опера намѣрена посѣтити in соgroго Лондонъ. Англія дѣлается теперь настоящимъ Эльдorado для всѣхъ артистовъ, художниковъ, государственныхъ мужей и прочихъ лицъ отказавшихся отъ остальнаго свѣта.

— Одинъ испанскій композиторъ по имени Граціанъ Гарросъ производитъ въ Мадридѣ большой эффектъ своими пѣснями, романсами, дуэтами и прочимъ. Значительное собраніє послѣднихъ онъ издалъ въ Парижѣ подъ названіємъ «*Les soirées d'hiver*». Въ этомъ собраніи между многими замѣчательными піесами особеннаго вниманія заслуживаетъ *Ave Maria* для четырехъ голосовъ.

Маницскій театръ соединяется съ Висбаденскимъ, какъ это уже разъ было и прежде.

— Скрипачъ Августъ Мёзеръ изъ Берлина (сынъ бывшаго капельмейстера Карла Мёзера) путешествуетъ по Португалліи, и даетъ концерты. Особенный успѣхъ онъ имѣлъ въ Лиссабонѣ гдѣ получилъ отъ королевы орденъ Спасителя. Онъ намѣревается, объѣхавъ всю Португалію, отправиться въ Бразилію. Какъ кажется, молодой человекъ уже довольно пообобралъ старый свѣтъ.

— Парижскій скрипачъ Аполинварій фонъ-Контски очень понравился въ Франкфуртѣ. Особенно удивилъ онъ всѣхъ новымъ придуманнымъ имъ способомъ играть въ одно и тоже время смычкомъ и пиццикато. Онъ называетъ это пицци-арко.

— Франкфуртская Дядаскалія предлагаетъ всѣмъ германскимъ обществамъ пѣнія давать концерты, выручку съ которыхъ жертвовать на построеніє германскаго флота, притомъ давать дотѣхъ поръ, пока на эти деньги можно будетъ выстроить полный корабль, который и назвать «Германскій Бардъ».

— Бременскій театральный комитетъ объявилъ себя 15 мая несостоятельнымъ.

— Въ Дрезденѣ артисты придворнаго театра будутъ получать только половинное жалованье.

— Бреславскій театръ 16 мая прекратилъ свои представленія. Впрочемъ артисты условились съ дирекцією давать представленія

съ перваго іюня по первое октября на собственный счетъ. Съ перваго же октября дирекція снова вступитъ въ свои права.

— На долю Тихачева, который гоститъ теперь въ Гамбургѣ, и по контрактамъ получаетъ третью часть обора, пришлось за дняхъ четыре марки.

— Шпоръ получилъ Прусскій орденъ pour le mérite.

— Всякій знаетъ что такое *Thé dansant*, но что такое *Valse dansante* — это знаетъ только Теодоръ Дёлеръ, который написалъ недавно «*Les sirènes, valse dansante.*»

— Нынѣшній директоръ Брюссельскаго театра — Люпре, братъ извѣстнаго парижскаго тенора.

— Третьяго іюня, Карлъ Малсъ одинъ изъ директоровъ Франкфуртскаго театра лишилъ себя жизни, въ припадкѣ бѣлой горячки.

— Въ Фонтенбло умеръ Мира, бывший сначала директоромъ театра des Variétés въ Парижѣ, а потомъ управляющимъ Большою Оперы подъ дирекцію Веропа.

— Фарбахъ, директоръ загороднаго оркестра въ Вѣнѣ, сочинилъ новый вальсъ, который производитъ съ нѣкотораго времени рѣшительный фуроръ. Вальсъ называется «*Katzenmusik-Walzer.*» Онъ начинается страшными диссонансами; за тѣмъ идетъ тема, выполняемая не на инструментахъ, но посредствомъ мауканья, которое производится большею частію оркестра съ замѣчательнымъ искусствомъ. Далѣе слѣдуетъ извѣстная пѣсня «*Es gingen drei Schneider zum Thore hinaus.*», искаженная не только до смѣшнаго, но даже до безобразнаго, и такъ далѣе.

— Архитекторъ Смитъ представилъ султану модель предполагаемаго театра въ Перѣ. Султанъ разсматривалъ ее съ большимъ вниманіемъ и остался доволенъ.

— Пѣвица Кёстеръ имѣла въ Берлинѣ огромный успѣхъ, который увеличивается съ каждымъ спектаклемъ. Преимущественно отличалась она въ «Ясондѣ» Шпора. Зала въ этотъ вечеръ была почти полна. Между зрителями походилъ Мейерберъ.

— Въ Вѣнѣ образовалось общество съ цѣлю уменьшить на будущее время жалованье актерамъ и преимущественно пѣвцамъ. Самая большая плата, предназначаемая актерамъ перваго разряда, будетъ простираться не болѣе какъ до полуторы-тысячи талеровъ (шесть тысячъ франковъ). Актрисы будутъ получать прибавку на туалетъ. Нѣмецкіе журналы возстаютъ противъ огромности суммъ ежегодно выплачиваемыхъ въ настоящее время пѣвцамъ. Въ Штутгартѣ, напримѣръ, знаменитый Пинекъ получаетъ теперь осемь тысячъ флориновъ, тогда какъ нинѣ-

старшее жалованье равняется только четыремъ тысячамъ. Впрочемъ, предполагаемая убавка встрѣтитъ себя большое сопротивление; впрочемъ стоитъ только Вѣдъ и Берлину дружно взяться за дѣло, другія германскія государства по неволѣ должны будутъ подчиниться этому нововведенію.

Вотъ нѣсколько новыхъ сочиненій для фортепiano, вышедшихъ за границей:

«Fantasie in Form einer Sonate» für das Pianoforte, componirt von Carl Reinecke. Opus 15. Leipzig, bei Breitkopf und Härtel.

Объ этой піесѣ можно относиться только съ похвалою. Хотя она и покажется нѣкоторымъ однообразною, зато съ начала до конца въ ней господствуетъ строгій, благородный стиль и нѣтъ ничего пошлаго. Первая часть немного длинна. Andante (стр. 11) напоминаетъ одну Бетговенскую увертюру. За то мазурка нова и прекрасна, и написана à la Chopin. Но вѣнецъ фантазій — это фаналь: тема его такъ хороша, что просто можно въ нее влюбиться.

«Fantaisie sur l'hymne à Pie IX, composée par François Hünten. Opus 160. Leipsic, chez Breitkopf et Härtel.

Эта фантазія не что иное, какъ обработка любимаго мотива въ известномъ родѣ композитора. Въ ней нѣтъ ни какихъ трудностей и она играется легко.

Grande Valse, composée par François Hünten Opus 161. Leipsic, chez Breitkopf et Härtel.

Возьмите любой вальсъ Штраусса или Ланнера и сравните его съ этимъ Гюntenовскимъ издѣліемъ, нельзя найти копій, болѣе вѣрной. Говорить ли это въ пользу господина Гюнтена? Нисколько: не говоря уже о мысляхъ, ни одинъ тактъ не принадлежитъ ему. Объ этомъ вальсѣ можно сказать только то, что онъ хорошо приспособленъ къ фортепiano и играется легко, что не всегда бываетъ въ вальсахъ Штраусса и Ланнера,

Die Dur-Tonleiter mit 80 drei- und vier-stimmigen harmonischen Veränderungen.

Die Moll-Tonleiter mit 64 drei- und vier-stimmigen Veränderungen von J. W. Wöhler. Leipzig, bei Breitkopf und Härtel.

Два сочиненія, за которыя мы должны быть благодарны господамъ издателямъ. Сочинитель, какъ видно, знатокъ своего дѣла. Онъ отличается чистотою гармоніи безъ принужденности и хорошей послѣдовательностію, и потому мы рекомендуемъ его сочи-

несіе всѣмъ занимающимся изученіемъ теоріи музыки, которыми оно и посвящено.

Grosse Pianoforte-Schule von A. E. Müller, nach den Vorschriften der Kunst, neu bearbeitet von Julius Knorr. Neunte rechtmäßige Auflage. Erster Theil. Leipzig, bei C. F. Peters.

Какой пианистъ du bon vieux temps не знаетъ превосходной школы для фортепیانной игры покойнаго капельмейсера А. Е. Мюллера, или по-крайней-мѣрѣ его многочисленныхъ, даже теперь еще необходимыхъ *pièces instructives*? Господинъ И. Кнорръ, по порученію издателя Петерса, обработалъ теперь эту школу, и сообразно съ успѣхами искусства такъ умно приспособилъ ее къ потребностямъ новѣйшаго времени, что мы не можемъ не поблагодарить его искренно. И такъ эта школа еще долгое время будетъ служить искусству и приобрѣтетъ снова свою прежнюю знаменитость.

=

КНИГИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Преспектѣ, въ домѣ Петяля, № 3).

(Цѣны на серебро.)

	R. C.
CARRON. Pensées chrétiennes ou entretiens de l'ame fidèle avec le Seigneur, pour tous les jours de l'année 1815. 12 vol. in-18.	3 —
LESAGE. Oeuvres. Paris 1821. 12 vol. in-18.	3 —
FLORIAN. Oeuvres. Paris 1810. 24 vol. in-18.	2 50
PICARD. Les sept mariages d'Elvi Galland. 3 vol. in-18.	
——— L'exalté. 3 vol. in-18.	
——— Le Gilblas. 4 vol. in-18.	
——— Les gens comme il faut et les petits gens. 2 vol. in-18.	
——— Les aventures d'Eugène de Senneville et de Guillaume De-lorme. 4 vol. in-18.	
Bruxelles 1828. 16 vol. à 25 cop. le vol.	

GENLIS (Mme). Discours sur l'éducation. 1 vol.	
— De l'emploi du temps. 1 vol.	
— Mlle de Clermont. 1 vol.	
— Inés de Castro. 1 vol.	
— Thérésina. 1 vol.	
— Zuma. 1 vol.	
— Les battuecas. 2 vol.	
— Le Labryère des domestiques. 2 vol.	
— Les veillées de la chaumière. 2 vol.	
— Les soupers de la maréchale de Luxembourg. 2 vol.	
— Les vœux téméraires. 3 vol.	
— Les mères rivales 4 vol.	
— Nouveaux contes moraux et nouvelles historiques. 6 vol.	
Bruxelles 1829. 27 vol. in-18. à 25 cop. le vol.	
LA HARPE. Abrégé de l'histoire générale des voyages, contenant les mœurs des habitans, la religion, les usages, sciences et arts, commerce et manufactures. Paris 1822. 30 vol. in-18. et atlas.	7 50
BÉCACE. Contes, traduits, par Sabatier de Castres. Paris 1801. 11 vol. in-18. avec fig.	3 —
BUFFON. Histoire naturelle mise dans un nouvel ordre; précédée d'une notice sur la vie et les ouvrages de cet auteur par le baron Cuvier. Paris 1825. 36 vol. in-18.	9 —
BRIAND. Jeunes (les) voyageurs en Asie, ou description raisonnée des divers pays compris dans cette partie du monde. Paris 1829. 8 vol. in-18. avec cartes et gravures.	2 —
ROLLIN. Histoire ancienne. Paris 1829. 35 vol. in-18.	6 —
MONTESQUIEU. Oeuvres. Paris 1834. 11 vol. in-18.	2 —
DELILLE. Oeuvres. Paris 1834. 10 vol. in-18.	2 —
— Oeuvres, précédées d'une notice sur la vie et ses ouvrages par Tissot. Paris 1832. 10 vol. in-18.	5 —
EVANGILE (l'), partie morale et historique. Paris 1826. 1 vol. in-32.	— 25
LESAGE. Estévanille Gonzalez. Paris 1825. 3 vol. in-32.	— 75
ESSAI. Historique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes. Bruxelles 1826. 2 vol. in-32.	— 30
LEFRANC. Histoire ancienne racontée aux jeunes filles. Bruxelles 1836. 2 vol. in-32.	— 50
VOLTAIRE. La Henriade. Paris 1836. 1 vol. in-32.	— 50

- GÉOGRAPHIE UNIVERSELLE** ou description générale de la terre. Bruxelles 1837. 1 vol. in-32. cart. — 85
- FONTANES (de).** Histoire Sainte, ou abrégé de l'Ancien et du Nouveau Testament. Bruxelles 1836. 1 vol. in-32. — 30
- HISTOIRE DU MARQUIS DE CRESSY;** suivie de l'histoire de deux amies. Paris 1829. 1 vol. in-32. — 25
- VOLTAIRE.** Histoire de Charles XII, roi de Suède. Paris 1824. 1 vol. in-32. — 85
- HISTOIRE DE LA NEERLANDE,** depuis les temps reculés jusqu'à nos jours. Bruxelles 1841. 1 vol. in-32. — 50
- INSTRUCTION** et conduite pour la première communion. Paris 1816. 1 vol. in-32. — 10
- INSTRUCTION** abrégée sur la dévotion au sacré cœur de Jésus. Paris 1837. 1 vol. in-32. — 10
- VERGER.** Dictionnaire portatif de l'antiquité sacrée, rédigé d'après le texte de la Bible. Paris 1820. 1 vol. in-32. — 50
- ECKARTZHAUSEN.** Dieu est l'amour le plus pur, ma prière et ma contemplation. Paris. 1 vol. in-32. — 50
- LAAS-DAGUEN.** Dictionnaire portatif des rimes, précédé d'un traité de versification française. Paris 1834. 1 vol. in-32. — 50
- DICTIONNAIRE (petite)** classique d'histoire naturelle, ou morceaux choisis sur la connaissances acquises dans les trois règnes de la nature. Bruxelles 1837. 2 vol. in-32. 1 —
- COTTIN.** Elisabeth, ou les exilés de Sibérie. Bruxelles 1828. 1 vol. in-32. — 30
- BOSSUET.** Discours sur l'histoire universelle. Paris 1825. 3 vol. in-32. 1 —
- PIÉVÉE.** La Dot de Suzette. Paris 1839. 1 vol. in-32. — 60
- PERNOT.** Dictionnaire du constructeur. Paris 1829. 1 vol. in-32. — 40
- ALLETZ.** Esquisses poétiques de la vie. Paris 1841. 2 vol. in-32. 1 25
- VOLTAIRE.** Epîtres, stances, et odes. Paris 1823. 2 vol. in-32. — 60

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для всего оркестра.

- CLAPISSON.** Overture de l'opéra: Gibby la Cornemuse (5 r. 15 c.).
- GUNGL.** Illustrirte Polka. op. 65. Waffen-Ruf. Marsch. op. 66 (3 r. 43 c.)
- Ideal und Leben. Walzer. op. 67 (3 r. 43 c.).
- Hanseaten-Marsch. op. 70. Matrosen-Polka. op. 71 (2 r. 85 c.).
- Nord-Deutsche Weisen. Walzer. op. 72 (3 r. 43 c.).
- KALLIWODA.** Douzième ouverture de concert. op. 145 (3 r. 43 c.).
- LABITZKY.** Strüssschen am Wege. Walzer. op. 143 (2 r. 85 c.). Winterblüthen. Walzer. op. 144 (2 r. 85 c.). Gruss an Paris. Drei Polkas. op. 145 (3 r. 15 c.). Frühlingsgrüsse. Walzer. op. 146 (2 r. 58 c.). Colombine-Galop. op. 147 (1 r. 43 c.). Amalien-Walzer. op. 148 (2 r. 58 c.). Orion-Quadrille. op. 149 (1 r. 72 c.).
- STRAUSS.** Schwedische Lieder. Walzer. op. 207 (2 r. 85 c.). Die Schwalben. Walzer. op. 208 (3 r. 15 c.). Kathinka-Polka. op. 210 (1 r. 72 c.). Quadrille aus der Oper: des Teufels Antheil. op. 211 (2 r. 85 c.). Marien-Walzer. op. 212 (3 r. 72 c.). Feldbleameln. Walzer. op. 213 (2 r. 85 c.). Nador kör. Palatinaf-Tanz. Quadrille. op. 214 (2 r. 85 c.).
- Martha-Quadrille. op. 215 (4 r. 29 c.). Die Adepten. Walzer. op. 216 (2 r. 85 c.). Schäfer-Quadrille. op. 217 (2 r. 85 c.). Tanz-Signale. Walzer (2 r. 85 c.).

Пьесы для фортепiano.

- BEYER.** Repertoire des jeunes pianistes, liv. 19. La Juive (72 c.). I Lombardi (72 c.).
- Trois divertissements sur l'opéra: i due Foscari. op. 93. № 1. 2. 3. (chaque 85 c.).
- Fantaisie brillante sur l'opéra: la fille au regiment. op. 94. № 1 (1 r. 15 c.). Fantaisie sur l'opéra: Dom Sebastien. op. 94. № 2 (1 r. 15 c.). Huit airs populaires Américains en rondinettos. op. T. LXXXIX. — Отд. VII.

95. № 1 à 8 (chaque 72 c.). Six morceaux élégants. op. 96
 № 1 à 6 (chaque 72 c.).
- BERNARD.** Trois romances de Warlamoff. № 1. Тяжело не стало слы. № 2. Ты скоро меня позабудешь. № 3. Я люблю смотреть въ лесу потешку, transcrités en pièces de salon (1 r.).
- BURGMUELLER.** L'Aldéans. Valse du ballet: la fille de marbre (1 r.).
 Valse brillante sur des motifs favoris de l'opéra Haydée (1 r.).
- CHOPIN.** Trois mazurkas. op. 63 (1 r. 15 c.). Trois valses. op. 64
 (1 r. 72 c.).
- DOEHLER.** La dansante. Grande valse. op. 67 (85 c.).
- GORIA.** Fantaisie de salon sur l'opéra: le bouquet de l'Infante. op. 23
 (1 r. 43 c.).
- HERZ.** La pastorale. Etude de concert (1 r.).
- HÜNTEN.** Fleurs des bois. op. 159. № 1. L'épine blanche. Valse.
 № 2. La boule de neige. Polka. № 3. L'accacia rose. Rondo
 (chaque 72 c.). Fantaisie sur l'hymne à Pie IX, thème de Rossini. op. 160 (1 r. 15 c.). La boucle blonde. Grande valse op.
 161 (1 r. 15 c.).
- KALLIWODA.** Cinq mazurkas. op. 153. № 1 (85 c.). Trois marches
 militaires. op. 153. № 2 (85 c.).
- KREPSAKE MUSICAL.** Collection de morceaux faciles par Brunner,
 Czerny, Kullak, Voss, Willmers etc. (3 r. 15 c.).
- KESSLER.** Cantilène et toccata. op. 43 (1 r.). Impromptu. op. 44 (85 c.).
- KULLAK.** Fleurs du sud. Six mélodies italiennes paraphrasées. op. 46.
 № 1 Michelemma (1 r. 29 c.). № 2. La Romanella (1 r. 15 c.).
- LACOMBE.** Trois nocturnes. op. 24 (1 r. 29 c.).
- LISZT.** Grande paraphrase de la marche du Sultan Abdul Medjid-Khan
 (1 r. 43 c.).
- MAYER (Ch.).** Valse sentimentale. op. 108 (1 r. 29 c.). Ma petite
 barque. Romance. op. 109 (1 r.). Impromptu. op. 110 (1 r.). La
 sicilienne. Tarantelle. op. 111 (85 c.). Souvenir de Pologne. Ma-
 zurka. op. 112 (1 r. 15 c.).
- MEYER (L. de).** Tableaux caractéristiques. Le quator dansé à Londres
 par Taglioni, Carlotta Grisi, Cerrito et Fanny Elser. op. 54
 (1 r. 72 c.).
- PRUDENT.** Nocturne sur un motif de l'opéra: Lucrezia Borgia (72 c.).
- RAVINA.** Solo pour le piano. Morceau de concours. op. 15 (1 r.).
- ROSELLEN.** Fantaisie brillante sur l'opéra Guillaume Tell. op. 100
 (2 r.). Fantaisie mignonne sur la Quetense, romance de Pagré
 op. 101 № 1 (1 r. 15 c.). Fantaisie sur une cabalette de Ros-
 sini. op. 101. № 2 (1 r.). Fantaisie élégante sur la Pensée de

F. David. op. 101. № 3 (1 r. 43 c.). Fantaisie brillante sur l'opéra: Robert le diable. op. 102 (1 r. 72 c.). Trois rêveries. op. 103. № 1, 2, 3 (chaque 1 r. 15 c.). Fantaisie sur l'opéra: la Gazza ladra de Rossini. op. 104 (1 r. 72 c.).

THALBERG. Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: la Gazza ladra de Rossini. Decameron. № 6 (1 r. 43 c.).

VOSS. A ma belle blonde. Valse-caprice. op. 84 (1 r. 15 c.). Deux études en style moderne. op. 85. liv. 1, 2 (chaque 1 r. 29 c.).

WILLMERS. Reminiscences de l'opéra: Ernani de Verdi. op. 54 (1 r. 43 c.).

Пьесы для фортепиано въ четыре руки.

BEYER. Les delassements. Recueil des petites leçons à quatre mains. op. 85. liv. 1, 2 (chaque 1 r. 15 c.).

— Les deux élèves. Six petits duos instructifs, liv. 1 à 6 (chaque 72 c.).

BRUNNER. Deux divertissements sur des motifs de l'opéra: la Clemenza di Tito de Mozart. op. 105. № 1 (1 r. 58 c.). № 2 (1 r. 43 c.).

CZERNY. Les trois amateurs. Fantaisies brillantes à six mains. op. 7411 № 1, 2 (chaque 2 r. 29 c.).

GUNGL. Genrebilder. Potpourri à quatre mains. op. 69 (2 r. 29 c.).

MARKS. Potpourri sur l'opéra: Attila de Verdi (2 r. 29 c.).

MOZART. Simphonies à quatre mains. Deuxième série. № 13 (1 r. 72 c.).

№ 14 (1 r. 43 c.). № 15 (1 r. 43 c.). № 16 (1 r. 43 c.).

№ 17 (1 r. 15 c.). № 18 (1 r. 43 c.).

WOLFF. Les jeunes pensionnaires. Six duos faciles. op. 147. № 1 à 6 (chaque 1 r.).

(Выписывающие нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающие на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла седьмая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Ravina. Solo de piano. — Damecke. En printemps.

Réverie. — Tschernitaky. Air de Ballo transcrit. — Kratzer. Romance variée. — Czerny. Andantino cantabile. — Voss. Un soir au chateau rouge à Paris, Polka. — Sophie M'. Mazurka de bal. — Burgmüller. Fantaisie sur la romance: la bruno Thérèse. — Brunner. Rondeau sur l'opéra: Linda di Chamounix. — Алябьевъ. Романсъ. — Arnaud. Romance. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ, № 7. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

Господа, желающіе подписаться на «Нувелистъ» на 1848 годъ, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

=

АДЖ-СИНЬ. *Индійскія сцены.* Капитану и баронету Джону Иввиделю Темпльстону было пятьдесят-восемь лѣтъ отъ роду, а имѣлъ онъ пулю въ лѣвой икрѣ и двѣнадцать-тысячъ гиней доходу. Но сэръ Джона не узнаеть, кто упустилъ изъ виду двѣ существенныя его слабости.

Первая слабость капитана Иввиделя состояла въ томъ что онъ всѣми силами хотѣлъ поддержать на сухоуъ пути морскіе уставы. Вслѣдствіе этого расположенія съ нимъ дѣлались эпилептическіе припадки гнѣву всякій разъ, когда онъ встрѣчалъ малѣйшее противорѣчіе своимъ прихотямъ. Правда, онъ украшалъ эти прихоти многими очень замысловатыми именами, каковы, на примѣръ, «воля, разсудокъ, предусмотрительность, благоразуміе» и прочая. Это, однако жъ, не мѣшало докторамъ представлять капитану Темпльстону, что его «разсудокъ» и «благоразуміе» со временемъ могутъ сыграть съ нимъ плохую шутку.

Исключая ветерпѣнія, капитанъ былъ славный малой. Но когда онъ, вечеромъ, ложась спать, вздумаетъ, что не худо бы ему на другой день, на завтракъ, поѣсть жареной косули, это простое желаніе остановитъ смущенный сонъ на порогѣ спальни; капитанъ примется звонить изъ всѣхъ силъ, приказываетъ сѣдлать двадцать лошадей, разсылаетъ двадцать человѣкъ гонцовъ по всѣмъ дорогамъ и не спитъ до зари, пока не воротятся гонцы, каждый съ дикою козой, и пока онъ не увѣрится, что завтракъ его достаточно обезпеченъ. Капитанъ Иввидель превосходно понималъ важность мелочей въ жизни.

Другая слабость баронета состояла въ томъ, что онъ страстно любилъ короткое обращеніе съ дѣвушками всего графства, къ которому принадлежало его имѣніе.

Съ-тѣхъ-поръ какъ покинулъ море, сэръ Джонъ ни одной весы не проводилъ безъ походовъ и шекотливыхъ исторій. При каждой новой бѣдѣ онъ, правда, клялся совершенно чистосердечно, что отнынѣ впредь будетъ ужъ непремѣнно слушаться только совѣтовъ своего капеллана и почтительнѣйшихъ представленій шерифа; но проглянетъ солнце, распустанся цвѣтки, и прости всѣ клятвы и обѣты!... особенно, если какая-нибудь смуглая бо-соногоя сосѣдка-голошейка нечаянно забѣжитъ на барскую землю, въ виду зрительной трубы цвѣтушаго капитана. Сэръ Джонъ былъ страстный любитель природы.

Эта склонность, конечно, по временамъ имѣла свои послѣдствія, а какъ сэръ Джонъ дорожилъ званіемъ порядочнаго чело-вѣка, то его доходамъ угрожала опасность мало-по-малу уйти на приданія и на люльки, не говоря уже о томъ, что, по мѣрѣ приближенія старости и возрастанія совѣстливости, капитанъ сталъ подумывать объ обязанности признать и узаконить свои старыя грѣхи, что причинило бы не малый ущербъ уже признанной роднѣ капитана. Эта признанная родня, натурально, возстала противъ такой неумѣстной добродѣтели и всѣми силами работала противъ новой опасной страсти капитана Ивделя.

Послѣ долгихъ переговоровъ и многочисленныхъ посольствъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, кавалеръ Артуръ Ивдель Клевлендъ, младшій братъ баронета, выигралъ дѣло приступомъ и, получивъ съ брата вѣрное слово, уѣхалъ въ Восточную Индію искать новаго счастія. На основаніи этого вѣрнаго слова и договора, ему, сэръ Джону Ивделю Темпльстону, предоставлялось право приумножать число своихъ дѣтей, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, по благоусмотрѣнію, сколько угодно, съ тѣмъ только, чтобы онъ же, капитанъ и баронетъ, получившій на службѣ его британскаго величества пулю въ лѣвую якру, не могъ и не изволилъ ни коимъ образомъ увеличивать числа своихъ наслѣдниковъ по имѣнію.

Сэръ Артуръ Ивдель Клевлендъ спокойно уѣхалъ въ Индію съ супругою, леди Джорджиной, — прекрасною Индіанкой, на которой женился во время перваго своего путешествія въ Мадрасъ, — и съ единственнымъ сыномъ, Джорджемъ, на которомъ впредь должны были сосредоточиться титулы и имѣнія обѣихъ отраслей фамиліи Ивдель.

Увы! сэръ Артуръ составилъ свой расчетъ безъ мистра Уэспа, капеллана у баронета Ивделя Темпльстона.

Мистръ Уэспъ былъ челоувѣкъ удивительно говорливый; при

малѣйшей разбѣнности капитана Ивделя онъ заводилъ такіа длинныя рѣчи, съ такими великолѣпными греческими и еврейскими цитатами, что бѣдный капитанъ, чтобъ зажать ему ротъ, мало-по-малу опять возвращался къ страшной статьѣ объ узаконеніи.

Впродолженіи одного или двухъ лѣтъ сэръ Джону Ивделю, правда, довольно счастливо удавалось удержаться въ равновѣсіи между краснорѣчіемъ своего капеллана и воспоминаніемъ о данной клятвѣ, но.... отсутствующіе всегда немощно неправы. Ктому жъ, капитанъ старѣлъ, а сердце вѣдь и у капитана — не каменное. Съ одной стороны капелланово краснорѣчіе и страхъ Божій; съ другой — сладостный голосъ крови, къ которому капитанъ долготѣ еще не прислушивался за недосугомъ; съ третьей — близкое сосѣдство зимы жизни, вдвойнѣ суровой и печальной въ одиночествѣ, — все это такъ налегло на почтеннаго баронета, что память о кавалерѣ Артурѣ, о его сынѣ Джорджѣ и о прекрасной Джорджинѣ нечувствительно начала заволакиваться и потухать.... Коротко сказать, однажды, по поводу розоваго, бѣлокураго херувимчика, плода послѣдней весны, капитанъ чуть не прослезился. Его извѣстили, что мать, смиренная и милая жертва, умерла, давъ жизнь дѣвочкѣ, хорошенькой какъ лучъ апрѣльскаго солнца. Мистръ Уэспъ по этому случаю говорилъ такую длинную рѣчь и пасаказалъ столько прекрасныхъ вещей, что капитанъ не выдержалъ, приказалъ принести ребенка, разцѣловалъ и назвалъ Виргиніей, именемъ послѣдняго корабля, которымъ имѣлъ честь командовать. То была великая побѣда на сторонѣ мистра Уэспа.

Миссъ Виргинію окрестили, торжественно узаконили и торжественно водворили въ замкѣ темпльстонскомѣ.

Съ того дня капитанъ уже не видалъ ни одной весны, или, лучше сказать, каждый день возвращалъ ему свѣтлое и безмятежное веселье юности. Чтобъ понравиться миссъ Виргиніи, онъ положительно сталъ впадать обратно въ дѣтство: онъ научился шить кукламъ платья и играть «въ хозяйство». Капелланъ Уэспъ былъ въ восторгѣ.

Когда миссъ Виргиніи минуло шесть лѣтъ и она перестала нуждаться въ кормилицѣ, ей дали учителей и гувернантку. Ее воспитали какъ принцессу и она стала совершеннѣйшимъ демоичкомъ. Она была мила какъ ангелъ и нещадно колотила фарфоръ и стекло, все, что попадетъ подъ руки. Сверхъ-того она болтала по-французски, разъягрывала сонаты, ѣздила верхомъ, охотилась за лисицами и по десяти разъ въ день водила капита-

на Ивдселя за носъ. Капитанъ съ ума сходилъ отъ радости. Иногда его заставляли замаскированного и шляшущаго съ Виргиніей, которая покатывалась со смѣху, что вырядила старика въ юбку съ шлейфомъ времени королевы Анны и въ парикъ вѣка Людовика Четырнадцатаго, что придавало баронету очень величественный и живописный видъ. Впрочемъ, капитанъ до смерти пришибъ бы кулакомъ всякаго, кто посмѣлъ бы не согласиться, что миссъ Виргинія — самая прелестная, самая умная и самая совершенная миссъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ.

Однажды Виргинія открыла, что ей скучно въ замкѣ Темпльстонскомъ.

На третій день послѣ этого капитанъ купилъ домъ въ Ковент-гарденѣ, а черезъ недѣлю переѣхалъ. Все это устроилось прекрасно. Сэръ Джонъ подвергался только опасности два раза умереть отъ удара, въ страхъ, чтобъ Виргинія не потеряла терпѣнія, дожидаясь такъ долго; но, слава Богу, дѣло благополучно обошлось у капитана двумя кровопусканіями.

Можно себѣ представить, что молодая миссъ не терпѣла недостатку въ празднествахъ и увеселеніяхъ. Зимой возвращались иногда на короткое время въ старый замокъ Темпльстонъ, гдѣ капитанъ любилъ потравить лицы. Оттуда, съ первыми вешними днями, возвращались въ Лондонъ, къ баламъ и концертамъ.

Въ шестнадцать лѣтъ Виргинія была очаровательнымъ созданіемъ. Темно синіе бархатные, томные, ласкающіе глаза, при случаѣ, освѣщались всѣми огнями пылкой души; тонкія, нѣжныя черты лица отличались магнитическою выразительностью; при этомъ — восхитительныя формы стана и врожденный инстинктъ изящнаго, управляющій всякимъ движеніемъ, — такова миссъ Виргинія. Живая, рѣзвая, безпечная, а между-тѣмъ порой легкое облачко мечтательности во взорѣ; духъ властолюбивый, умъ нетерпѣливый и гордый. Она все и всѣхъ покоряла себѣ одною улыбкой, однимъ движеніемъ, кокетливою игрой голоса, малѣйшею изъ тысячи очаровательныхъ бездѣлицъ, которымъ нѣтъ ни имени ни названія.

Капитанъ не разъ говаривалъ мистру Уэспу, что совершенно понимаетъ, какимъ образомъ Виргинія можетъ быть то демономъ, то ангеломъ, и всё таки всегда остается его Виргиніей. Мистръ Уэспъ вѣрилъ капитану на слово и самъ восхищался очаровательною миссъ Темпльстонъ.

Однажды дочь лорда Клерендона пригласила свою подругу Виргинію провести нѣсколько дней въ имѣніи ея отца, въ сосѣднемъ

грабствѣ. Капитана не пригласили, потому что лордъ Клерендонъ былъ очень занятъ дѣлами, и сэръ Джонъ съума сходилъ отъ бѣшенства при одной мысли о разлукѣ съ Виргиннѣй на цѣлый двѣ недѣли.

Виргиннѣя, съ своей стороны, топала ножкой и объявляла, что она самая несчастная дѣвушка во всей Британіи; на что сэръ Джонъ отвѣчалъ такими громами краснорѣчія, что можно было бы потопить цѣлый фрегатъ.

Этотъ споръ продолжался до-тѣхъ-поръ, пока Виргиннѣя не прибѣгнула къ слезамъ и наконецъ къ обмороку. Тогда капитанъ началъ рвать на себѣ волосы, упалъ передъ дочерью на колѣни и также расплакался. Наконецъ Виргиннѣя рѣшилась очнуться, только съ условіемъ, чтобы на другой же день ее отвезли въ замокъ Клерендонъ. Старый баронетъ согласился, скрѣпилъ это согласіе судорожными ласками и объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что осмѣлился подумать о сопротивленіи капризамъ Виргиннѣи. На другой день Виргиннѣя отправилась въ каретѣ четверней, съ своей гувернанткой, съ мистромъ Уэспомъ и съ двумя горничными.

Весь этотъ день для несчастнаго капитана былъ очень буренъ: въ продолженіи первыхъ часовъ послѣ отъѣзду дочери, онъ три раза вставалъ съ креселъ, съ намѣреніемъ послать за почтовыми и скакать въ замокъ Клерендонъ. Къ счастью, однако жъ, у него нашлось столько твердости, чтобы побѣдить свое нетерпѣніе и не погрѣшнить противъ приличій. Съ горя, капитанъ приказалъ подать ямайскаго и принялся угощаться пуншемъ.

Капитанъ осушалъ уже второй стаканъ, когда Томъ, его камердинеръ, вошелъ на цыпочкахъ и подалъ карточку. Сэръ Джонъ пустилъ въ мистра Тома стаканомъ, и клялся, что переломаетъ палкой всѣ кости тому, кто осмѣлится потревожить его въ пещали. Томъ привыкшій къ подобнымъ выходкамъ, преспокойно вытеръ залитый пуншемъ жилетъ и продолжалъ показывать капитану карточку.

— Сэръ, сказалъ онъ, какой-то незнакомый молодой человѣкъ желаетъ видѣть васъ; имя его вы найдете на этой карточкѣ. Онъ говоритъ, что вы, быть-можетъ, будете ему очень рады.

— Сто противъ одного, этотъ незнакомый молодой человѣкъ обманулъ тебя.... Я вовсе не думаю радоваться. Это какой-нибудь попрошайка, проныра.... Поди, скажи ему.... но что я вижу, Томъ, это визитная карточка!.... Что это на ней такое? не обманываютъ ли меня глаза?

— Если почтенный министр Уэстон, сэръ, не дорожитъ браво-лицемъ зато, что училъ меня грамотѣ, на этой карточкѣ написано: «Джорджъ Клемендъ, изъ торговаго дому Артура Клеменда, изъ Калькутты».

— Джорджъ Клемендъ! сынъ моего брата Артура, который въ Индіи!... Томъ! бѣги скорѣй, вроси его ко мнѣ; да обращайся съ нимъ, пожалуйста, какъ-можно почтительнѣе. Нѣтъ, не дожди; я самъ пойду.... Джорджъ Клемендъ! что бы могло привести его въ Лондонъ? Дай мнѣ мою палку. Да! если я не сбился со счету, то Джорджу теперь должно быть двадцать лѣтъ, и онъ красавецъ собой.... Сынъ Джорджины.... прекрасной Джорджины!

Сэръ Джонъ забылъ взять свою палку и, несмотря на пулю въ икрѣ, бодро перешелъ корридоръ, отдѣлявшій его кабинетъ отъ пріемной.

Завидя капитана, молодой человекъ подошелъ и поклонился.

— Обними меня, Джорджъ! вскричалъ старый баронетъ, обними меня, мой милый!... Томъ, приготовь другую миску пуишу.

Капитанъ Ивендель закидалъ Джорджа вопросами, на которые молодой человекъ отвѣчалъ только движеніями и общими киваньями головы, потому что капитанъ не давалъ ему сказать ни одного слова. Наконецъ, когда они усѣлись за столомъ, въ кабинетъ, и Томъ принесъ пуишъ, Баронетъ ощутилъ потребность перевести духъ.

— Начнемъ по порядку, сказалъ онъ: ты сынъ моего брата Артура?

— Да, дядюшка; и вотъ вамъ отъ батюшки письмо.

— А! письмо! какое счастье! Вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ братъ Артуръ не писалъ мнѣ. Правда, что и самъ я сдѣлался ужаснымъ лѣнтяемъ, да и глаза-то плохи стали. Ну, что здоровъ ли братъ?

— Онъ умираетъ, отвѣчалъ молодой человекъ глухимъ голосомъ.

— Умираетъ? Боже мой! И ты уѣхалъ, Джорджъ? оставилъ умирающаго отца?

— У меня нѣтъ силъ удержать его отъ смерти, но, быть-можетъ, я могу что-нибудь сдѣлать для его чести; затѣмъ я и пріѣхалъ сюда.

— Для чести? Что ты говоришь? Развѣ это возможно? Братъ мой обезчещенъ!

— Потрудитесь, дядюшка, сперва прочитатъ это письмо.

Капитанъ надѣлъ очки и распечаталъ письмо.

«Любезный и уважаемый братъ!»

«Скоро смерть охладитъ руку, которая пишетъ тебѣ эти строки. Два несчастія обрушились на мою голову; одно поразило меня въ сердце и изсушило жизнь, другое погубило состояніе и уничтожило честь дома. Сперва умерла Джорджина, потомъ я разорился. Братъ! у меня только одинъ сынъ; посылаю его къ тебѣ. Дни моего кредиту и моей жизни сосчитаны. Если Джорджъ промедлитъ одинъ часъ, одну минуту, вѣсть о моемъ банкротствѣ и о моей смерти, быть можетъ дойдетъ до него прежде его возвращенія домой. Однако жъ, я все предвидѣлъ и все рассчиталъ. Если Богъ поможетъ ему; и ни какое препятствіе не замедлитъ его путешествія, онъ будетъ у тебя въ концѣ іюня. Быть можетъ, онъ проведетъ у тебя только одинъ день, одну ночь; этого довольно. Сердце мое чувствуетъ, милый братъ мой, что ты все тотъ же. Полагаюсь на тебя и на Бога.

«*Артуръ Клевлендъ*».

— Джорджина умерла, братъ умираетъ, бѣдный братъ! вскричалъ старый капитанъ съ плачевнымъ видомъ, наливая въ стаканъ пуншу.

Онъ посмотрѣлъ на Джорджа. По щекамъ молодого человѣка текли крупныя слезы.

— Ты весь въ моего Артура, продолжалъ капитанъ повикнувъ головой: я любилъ моего брата какъ сына, любилъ дотога, что поклялся никогда не жениться.

Это было сказано отъ чистаго сердца, и оттого-то, вѣроятно, капитанъ остановился, покраснѣлъ и проглотилъ свой пуншъ.

— Теперь дядюшка, сказалъ Джорджъ, мнѣ остается только объяснить вамъ цѣль моего путешествія.

— Правда, милый. Но хлебни напередъ пуншу и сядь подлѣ меня. Я готовъ слушать.

— Кредиторы моего отца, сказалъ молодой человѣкъ, принудили его представить балансъ, и по расчету, при которомъ я присутствовалъ и съ котораго привезъ вамъ копію, подписанную моимъ отцомъ и калкутскимъ губернаторомъ, оказывается, что долгъ вашъ простирается до трехъ сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Триста тысячъ фунтовъ стерлинговъ! бѣдный братъ долженъ триста-тысячъ!.... И онъ умираетъ несостоятельнымъ! Имя Ивиделей будетъ запятвано.... Это большое горе, Джорджъ.

— По мнѣнію врачей, отецъ мой не увидитъ новаго года.

— Ахъ, Боже мой! успѣешь ли ты по-крайней-мѣрѣ обнять его въ послѣдній разъ?

— Прибывъ въ Лондонъ, я удержалъ за собой мѣсто на кораблѣ Индѣйской Компаніи, «Лагорскій царь», который черезъ четыре дня опять снимается.

— Черезъ четыре дня! Какъ же это возможно? Ты пробудешь у меня только четыре дня? Ты бы погостилъ хоть двѣ недѣли.... Это было бы очень кстати.... Но, дѣлать нечего; воля Божія!

— Четырехъ дней, дядюшка, достаточно для окончанія дѣла, по которому я пріѣхалъ.... Вы видите, что отецъ мой всю надежду полагаетъ на васъ.

— Вижу, да чѣмъ я ему пособлю? Я имѣю всего на все только триста тысячъ гиней движимаго и недвижимаго.

— Знаю, дядюшка. И я пріѣхалъ занять у васъ эти триста тысячъ.

— Все мое состояніе? А я-то чѣмъ же буду жить?

— О! успокойтесь, дядюшка, мнѣ достаточно будетъ заложить ваше имѣніе. На закладную я получу отъ Компаніи необходимую сумму и возобновлю кредитъ нашего дома. Такимъ образомъ, вы будете продолжать получать ваши доходы и ничего не измѣнится въ вашемъ образѣ жизни. Чтò касается до будущаго, то вы сейчасъ сказали, что не женаты, не имѣете дѣтей и любите батюшку какъ сына....

Джорджъ ожидалъ, что дядя подтвердитъ его слова. Но капитанъ безмолвно выпилъ два стакана пуншу, и началъ тереть равнинную икру, чтò у него было признакомъ великаго недоумѣнія. Дѣтское простодушіе племянника смутило Пивделя; онъ вспомнилъ клятву, которую нѣкогда далъ брату.

Джорджъ, видя смущеніе дяди, объяснилъ его не совсѣмъ выгодно для баронета. Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ, и несмотря на то, что ноги его дрожали, всталъ, почтительно поклонился дядѣ и пошелъ къ двери.

Капитанъ все продолжалъ тереть ногу. Джорджъ переступая порогъ въ послѣдній разъ обернулся къ дядѣ, которому, онъ думалъ, довольно будетъ сказать только два слова — мой отецъ разорился, онъ умираетъ, и сказать безъ просьбъ, безъ мольбы, а коротко, благородно, какъ слѣдуетъ человѣку, который обращается къ сердцу, достойному довѣрія. Джорджъ можетъ быть раскаявался, что голосъ его недостаточно былъ вкрадчивъ, что онъ былъ не столько почтителенъ, сколько требовала цѣль его приходу. Онъ уже переступилъ порогъ, за которымъ его ожидали стыдъ и отчаяніе, когда баронетъ вдругъ пересталъ тереть

ногу и ударилъ себя въ лобъ, какъ человѣкъ, у котораго блеснула внезапная мысль. Онъ дружески подозвалъ племянника.

— Послушай, Джорджъ, я нашелъ средство все поправить.

— О! говорите, говорите, дядюшка! вскричалъ молодой человѣкъ, котораго гордость сломилась впродолженіи этихъ тоскливыхъ минутъ: говорите, дядюшка. Ахъ! не дайте мнѣ уйти съ ужасною мыслью, что отецъ мой опозоренъ.

— Ты очень тронулъ меня, Джорджъ, увѣряю тебя, несмотря что я самый старшій изъ англійскихъ капитановъ и человѣкъ немножко черствый, что подтвердитъ тебѣ и Томъ, который былъ матросомъ на «Прекрасной Виргиніи».... Но, дѣло не въ томъ.... хотя оно также касается Виргиніи.... Правда, что я ей не капитанъ.... Впрочемъ, всё-равно, мы, можетъ-быть, успѣемъ вразумить ее.

Джорджъ посмотрѣлъ на дядю съ безпокойствомъ и недовѣрчивостью. Рѣчь стараго баронета была не слишкомъ вразумительна; притомъ лѣта сэра Джона Инделя вмѣстѣ съ несчитанными возліяніями, къ которымъ его побудило душевное волненіе, очень мало обладаживали молодаго человѣка; но, несмотря на это, онъ сѣлъ, и выжидалъ, пока дядѣ угодно будетъ объясниться по-опредѣлительнѣе.

Впродолженіи этого времени баронетъ, прищуривъ глаза, разсматривалъ племянника.

Джорджу Клевленду минуло двадцать-четыре года; лицо его дышало достоинствомъ, спокойствіемъ и мужествомъ; прекрасныя задумчивыя глаза взглядомъ проникали въ сердце. Онъ былъ высокъ, строенъ; голова нѣсколько склонялась къ правому плечу, что къ нему шло довольно хорошо. Словомъ, молодой человѣкъ понравился баронету.

Старикъ взялъ племянника за руку, молча пожалъ ее, потомъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказалъ:

— Въ свое время, Джорджъ, я былъ порядочнымъ повѣсою.... можешь спросить объ этомъ у отца. Артуръ также, не въ осужденіе ему сказать, зналъ, какъ должно вести себя въ любовныхъ похожденияхъ. Годдемъ! это правда! Изъ этого слѣдуетъ, что будучи изъ того же семейства, ты долженъ кое-что повимать въ искусствѣ укрощать хорошенькихъ женщинъ. А та, о которой я хочу говорить, чертовски хороша и плутовата.... Посмотримъ, достанетъ ли у тебя храбрости завоевать женское сердце.

— Я не знаю, что отвѣчать вамъ, дядюшка. То, что вы гово-

риво мнѣ, очень мало соответствуетъ печальному поводу, который привелъ меня сюда.

— Не соответствуетъ! вскричалъ капитанъ и ударилъ кулакомъ по столу, но тотчасъ же усвокоился и ласково продолжалъ: я отдаю тебѣ, другъ мой, все мое имущество, до послѣдняго пенни, но съ условіемъ, чтобы продолженіемъ четырехъ дней твоего пребыванія въ Лондонѣ, ты ухаживалъ, влюбился, одержалъ побѣду и женился на дочери капитана Ивидеда Темпльстода, твоего почтеннаго дяди.... Вотъ что!

— Что я слышу?

— Да, такъ! Кой чортъ! ужъ коли ты берешь мое состояніе, такъ долженъ по-крайней мѣрѣ принять и сопряженныя съ нимъ обязательства.

— У васъ есть дочь?

— Признанная, любезный другъ, признанная. Я очень хорошо помню давнюю клятву.... но, что жъ дѣлать, чортъ возьми! Достойный мистръ Уэспъ сидѣлъ у меня на шеѣ, и кончилъ тѣмъ, что проклялъ по сирійски, на чистомъ сирійскомъ нарѣчій. Къ тому жъ, бѣдная мать умерла, а ребенокъ, — маленькая осмидневная дѣвочка, — былъ хорошъ, какъ херувимчикъ. Что жъ дѣлать! виноватъ ли я, что украсилъ себѣ сѣдые волосы этимъ солнечнымъ лучемъ? Моя дочь, моя Виргинія стоитъ побольше трехъ-сотъ-тысячъ фунтовъ стерлинговъ, если позволите! Ты увидишь ее. Всѣхъ сокровищъ Индіи мало заплатить за нее. Но ты, любезный племянникъ, выслушай вотъ что: я отдаю ее тебѣ, такъ же какъ отдаю имѣніе.... въ видѣ надежды. Что, ей Богу, въ самомъ дѣлѣ! нужно же намъ согласиться и устроить наши счеты. Деньги останутся при мнѣ и дочь при мнѣ. Касательно контрактовъ, облигацій и обезпеченій, все, что хочешь, а что до наличныхъ и до Виргиніи, — хотя бы до одного волоска Виргиніи, — это нная статья: я не хочу, чтобы меня принудили платить наличными, вотъ что! По смерти моей ты найдешь все въ цѣлости, и списки и счеты найдешь, за это я отвѣчаю, но до-тѣхъ-поръ ничего не дамъ, кромѣ подписей. Такъ вотъ оно, дѣдо, и устроено. Ты настроишь свои куры, женишься и отпавишься, какъ пріѣхалъ. Жена, видишь ты, тамъ была бы тебѣ обузой, потому что, если Богъ не помилуетъ, возьметъ у насъ бѣднаго Артура, ты, любезный Джоржъ, бросишь все состояніе моей дочери въ глотку кредиторамъ твоего отца, и тогда ужъ прощай, не выловишь.... Но что жъ ты стоишь какъ би-

защиты и не отвѣчала? Согласенъ ты, что я, на мое предположеніе?

Только что излившаяся шестая миска вину, чрезвычайно одолговорила природную вселерѣчивость напитана.

— При другихъ обстоятельствахъ, сэръ, отвѣчалъ Джорджъ Клевлендъ холодно, я вѣдалъ бы это предложеніе невозможнымъ, потому что я не изъ числа тѣхъ людей, которые свои удачи и промахи по женитьбѣ записываютъ въ приходо-расходную книгу и ведутъ такого рода предпріятія точно такъ же, какъ спекуляцію на ваниль и вандиге. Но необходимость принуждаетъ къ исключеніямъ. Часы моего отца сочтены; я не имѣю времени подумать, не имѣю даже права колебаться...

— Ты согласенъ?

— Согласенъ, только съ условіемъ.

— Съ какимъ же?

— Что вы избавите меня отъ нѣкоторыхъ вводныхъ приготовленій, мало согласныхъ съ моимъ теперешнимъ положеніемъ и состояніемъ духа. Я ворочусь въ мою гостиницу и буду ожидать окончанія необходимыхъ распоряженій, а когда вы меня увѣдомите, буду снова имѣть честь представиться. Тогда мы кончимъ наши дѣла. Потомъ я прощусь съ вами и съ моей... женой, и отправлюсь на корабль. Теперь позвольте мнѣ уйти, дя-дюшка.

Джорджъ Клевлендъ, воспитанный въ конторской строгости, былъ человѣкъ точный и немногорѣчивый. Онъ вѣжливо поклонился сэру Джону Ивделю и отправился къ двери, не произнеся ни слова больше. Баронетъ вообразилъ, что хорошо окончитъ начатое предпріятіе, и, кликнувъ Тома, приказалъ нанять почтовыхъ лошадей. Кромѣ-того онъ очень радъ былъ случаю увидѣть Виргинію двумя недѣлями раньше чѣмъ надѣялся. Капитанъ сѣлъ въ коляску и отправился въ замокъ Клерендонъ.

Такимъ образомъ, судьба Артура Клевленда зависѣла отъ своей нравой дѣвушки, которая, конечно, очень мало объ этомъ безпокоилась. Могло случиться, что у миссъ Виргиніи явится непреодолимая антипатія къ каштановымъ волосамъ, именно потому что у сэра Джорджа Клевленда каштановые волосы, или что миссъ Виргинія почувствуетъ чрезвычайное расположеніе къ живымъ и веселымъ характерамъ, оттого что этотъ джентльменъ постоянно угрюмъ, по причинѣ тягостныхъ мыслей, которыми онъ занятъ, и она громко возопіетъ при первомъ словѣ о союзѣ съ человѣкомъ, который дерзаетъ помышлять о женитьбѣ для

уровноишенія своего баланса. Трудно представить себя, чтобы хорошенка миссъ, которая болтает по-французски, разыгрывает сонаты и охотится за лицами, въ три дня поладила съ женихомъ, отдала руку и вышла замужъ, и все это съ тѣмъ, чтобы на четвертый день проснуться вдовою. Но на этотъ разъ капитанъ Индель намѣренъ былъ непременно поставить на своемъ. Мысль, выдать дочь за Джорджа, родилась у него точно также, какъ вѣкогда — желаніе поѣсть ростбифу изъ косули, и въ случаѣ нужды, для достиженія цѣли, онъ не поколебался бы поджечь Лондонскую Башню. Впрочемъ, тутъ, какъ и всегда, онъ въ опору своему желанію находилъ множество очень основательныхъ и очень мудрыхъ доводовъ.

Во первыхъ, онъ спасалъ доброе имя своего любезнаго брата Артура, открывая ему простою запиской достаточный кредитъ въ Индѣйской Компаніи.

Правда, онъ такимъ образомъ лишалъ Виргинію наслѣдства, но по-крайней-мѣрѣ, пока онъ живъ, у нея ни въ чемъ не будетъ недостатку, потому-что онъ продолжаетъ пользоваться доходами, а имѣніе можетъ поступить въ распоряженіе Компаніи не прежде его смерти.

Слѣдовательно, разсуждалъ онъ, развѣ только самъ чортъ вмѣшается, чтобы такой настойчивый и предпринимчивый мальищ, каковъ Джорджъ Клевлендъ, не успѣлъ къ тому времени поправить дѣла своего дому. Словомъ, сэръ Джонъ Индель заставилъ брата простить забвеніе торжественной клятвы и такимъ образомъ не поссорился ни съ сэромъ Артуромъ, ни съ почтеннымъ мастеромъ Уэпомъ.

Накопецъ, самая важная статья, — смѣлая, но неожиданно осуществленная мечта стараго капитана, — негаданное счастье его старости, — случай, какой едва ли еще когда-нибудь представится!... Къ удовольствію пристроить дочь присоединяется невѣроятно счастливая возможность удержать ее при себѣ, — условіе, котораго Джорджъ не можетъ не принять, которое онъ приметъ, и которое всякой другой болѣе свободный женихъ имѣлъ бы право рѣшительно отвергнуть.

Тутъ было изъ чего поджечь миръ со всѣхъ четырехъ копцевъ, однако жъ капитанъ, какъ мы увидимъ, опалилъ только свой парикъ.

Пока капитанъ мчался къ замку Клерендону, миссъ Мери Клерендонъ и миссъ Виргинія Темпльстонъ сидѣли въ бесѣдкѣ. Онѣ общипывали всѣ розы, какія имъ попадались подъ руки, выдвѣ

ихъ другъ въ друга, хохотали и обнимались, потомъ стихали и задумывались, какъ обыкновенно дѣлается во всѣхъ бесѣдахъ молоденькихъ дѣвушекъ.

Мери сказала, что это ея любимая бесѣдка, и что она постоянно съ закатомъ солнца приходитъ въ нее мечтать, когда остается одна въ замкѣ.

— Мечтать! сказала Виргинія поучительнымъ тономъ, который иногда принимала съ Мери, потому что была тремя мѣсяцами старше ея, — а это стоило вниманія: мечтать о чемъ?

— Ни о чемъ, сухо отвѣчала Мери.

Мери замолчала; тонъ миссъ Темпльстонъ задѣлъ ее за живое. Виргинія обняла подругу, и начала ласкать.

— Ты не хочешь сказать мнѣ, о чемъ мечтаешь, когда остаешься одна?

— Во-первыхъ, возразила Мери, я никогда не бываю здѣсь одна.

— Ахъ, да, съ тобой бываетъ старая Бетти.

— Старая Бетти? Совсѣмъ нѣтъ.... У Бетти кашель и ей запретили выходить по вечерамъ.

— Такъ Бора, твоя горничная?

— Вотъ выдумала! Бора постоянно гадаетъ въ эти часы.

— Ты страшно разжигаешь мое нетерпѣнiе, Мери.

Мери обняла Виргинiю и расхохоталась.

— Тебѣ хочется знать, съ кѣмъ я мечтаю по вечерамъ?

— Да, очень хочется.

— Изволь, скажу; съ моимъ милымъ.

— Съ милымъ! что ты говоришь, Мери?

— Да, у меня есть милый.

— И онъ приходитъ сюда?

— Каждый разъ, когда я здѣсь бываю.

— Ты это серьезно говоришь, Мери?

— Разумѣется; милый! это само по себѣ вещь очень серьезная.

— Даже очень важная, подхватила Виргинiя закусивъ хорошенькую губку.

— О! не хочешь ли ужъ ты мнѣ читать правоученiя?

— Пожалуйста, Мери, оставимъ это.

— Напротивъ, милая Виргинiя, мнѣ очень хочется поговорить съ тобой о моемъ миломъ, потому что, когда ты уѣдешь, мнѣ не съ кѣмъ будетъ говорить.

— Онъ тебѣ очень нравится? спросила тронутая Виргинiя.

— И ты меня объ этомъ спрашиваешь? развѣ можно не любить своего милаго?

— Безъ сомнѣнія, сказала важно миссъ Темпльстонъ, такъ ужъ водится. А онъ любитъ тебя?

— Онъ? О, да! Я совершенно спокойна. Онъ любитъ меня столько, сколько хочу; онъ прекрасенъ какъ желаю, и почтительнъ, сколько требую. Иногда я позволяю ему изъясняться въ любви и онъ говоритъ все, что мнѣ пріятно слышать. Если я требую, чтобъ онъ былъ чувствителенъ, онъ дѣлается чувствительнымъ. Нѣтъ ни одного желанія, котораго бы онъ не исполнялъ; словомъ, онъ живетъ моею жизнью; моя радость — его радость, моя печаль — его печаль.... А ты не видишь милаго?

Виргинія улыбулась и украдкой посмотрѣла на Мери.

— Я думаю, что и у меня есть также милый и изъ той же самой стороны.

— Изъ какой же? смѣю спросить.

— Изъ стороны фантазіи.

Мери бросилась обнимать Виргинію.

— Ахъ! это прекрасная сторона! вскричала Мери захлопавъ въ ладоши, и какъ милы тамъ милые!

— Скажи, твой — брюнетъ?

— О, нѣтъ, блондинъ. Я ужасно люблю бѣлокурые волосы.

— У него живой, повелительный взоръ?

— Напротивъ, кроткій и умоляющій.

— А кто онъ? принцъ, поэтъ, набобъ или просто матросъ?

— Этого я не знаю, мнѣ извѣстно только, что онъ любитъ меня.

— А я такъ напротивъ, я до безумія люблю все мрачное и таинственное. Неожиданное веселитъ меня, неизъяснимое — воспламеняетъ. Милый мой мраченъ, лицо его загорѣло подъ невѣдомымъ солнцемъ; онъ задумчивъ, грустенъ, безъ имени, это — Лара. Онъ приходитъ ночью; я вижу его только при свѣтѣ факеловъ, въ отдаленной церкви, подъ мрачными сводами. Улыбка его зловѣща, слова зажигаютъ любовь и въ то же время холодятъ меня. Я не знаю, откуда пришелъ онъ и куда идетъ. Проходя онъ увлекаетъ меня съ собой. Взглядъ его глубокъ какъ бездна, глаза черные какъ ночь....

— Ахъ! замолчи, замолчи! ты пугаешь меня! вскричали Мери, закрывъ лицо руками: какой ужасный человекъ.... а ты называешь его милымъ!

Виргинія расхохоталась, и на этотъ разъ такъ чистосердечно, что Мерн начала ей вторить.

— Ты смѣешься надо мной? это очень дурно съ твоей стороны.

— Совѣмъ нѣтъ, потому что подъ этой шуткой скрывается истина.

— Истина?

— Да, милая. Я не хочу совершеннаго Лара, но также не хочу и обыкновеннаго человѣка, который богатъ какъ всѣ, говорить тоже, что всѣ говорятъ,—который ни хорошъ, ни дуренъ, ни золъ, ни добръ, ни уменъ, ни глупъ, — одного изъ тѣхъ гадкихъ людей, которыхъ называютъ прекрасными партіями. Ахъ, повторяю, чѣмъ вступать въ бракъ, неизбѣжно ограничивающій женщину мелкими, пошлыми, предвидѣнными наслажденіями, въ которыхъ сердце вянетъ и воображеніе умираетъ съ голоду, я лучше на всю жизнь останусь въ дѣвушкахъ и сдѣлаюсь или озернымъ прѣтомъ или синимъ чулкомъ...

— Виргинія! вскричалъ капитанъ, который вдругъ вошелъ въ бесѣдку: Виргинія! у меня есть то, что тебѣ нужно.

Дѣвушка смутилась и съ крикомъ вскочила.

Сэръ Джонъ, пользуясь благопріятнымъ вступленіемъ, которое приготовилъ ему случай, увлекъ Виргинію въ отдаленную комнату и тамъ разсказалъ ей о странномъ происшествіи, которое привлекло его въ замокъ Клерендонъ.

Но бѣдный баронетъ былъ не большой мастеръ разбирать таинственные іероглифы, изъ которыхъ составлено воображеніе у семнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ. Виргинія приняла видъ оскорбленной принцессы; капитанъ совершенно растерялся. Наконецъ, однако жъ, цемного ободрившись, онъ сталъ подробно излагать дѣло и уже хотѣлъ начать подкрѣпленія доводами и основаніями, какъ-вдругъ Виргинія застонала и задыхающимся голосомъ стала просить воздуха. Надобно было ожидать, что у нея тотчасъ начнутся спазмы.

Баронетъ былъ въ отчаяніи, и въ то же время однако жъ воротилось всегдашнее его нетерпѣніе, что все вмѣстѣ произвело сцену въ высшей степени трагическую.

Виргинія маневрировала необыкновенно искусно. Сначала она топала ножками, сжимала свои маленькіе кулаки и кричала, что скорѣе ее убьютъ чѣмъ насильно выдадутъ замужъ, и что со стороны ея отца очень жестоко такимъ образомъ располагать рукой дочери; потомъ прибѣгнула къ истерикѣ, которая, казалось,

задушила ее: что видя, сэръ Джонъ бросился къ графиню съ водою, и сырыснулъ искаженное лицо Виргиніи, потомъ сѣлъ подлѣ нея и самымъ спокойнымъ голосомъ началъ исчислять причины, по которымъ необходимъ былъ этотъ союзъ.

— По-крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, ты не пожалуешься, что этотъ молодой человѣкъ изъ обыкновенныхъ вздыхателей, и что это приключеніе пошлое и ежедневное.

— Я отдамъ мою руку только тому, отвѣчала Виргинія, кто будетъ ухаживать за мной по-крайней мѣрѣ въ продолженіи лѣсколькихъ лѣтъ.

— Увѣрю тебя, что онъ кротокъ и тихъ....

— Я ненавижу тихаго нраву; это мнѣ до смерти противно.

— Онъ хорошо сложенъ, очень высокаго росту....

— Ахъ, Боже мой, высокій ростъ! Я ужъ отсюда вижу его. Онъ худъ, очень длиненъ и очень глупъ.

— О! не безпокойся! Джорджъ не наскутитъ тебѣ. Черезъ часъ послѣ вашей свадьбы онъ уѣдетъ, а ты останешься въ Англіи. Это ужъ рѣшено.

— Вотъ мило! Прелестную же картину я составлю съ моимъ мужемъ на часъ.

— Зато это будетъ очень оригинально.

— Я, батюшка, люблю странности, которыя сама создаю, и очень мало хлопочу объ оригинальности, которую мнѣ навязываютъ....

— Виргинія!...

— Вы тиранъ, батюшка!

— Виргинія!...

— Вы заставите меня прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ мѣрамъ.

— Ни слова больше....

— Я пойду въ гувернантки, въ какой-нибудь французскій пансіонъ.

— Ради Бога!... Виргинія!...

Баталія снова началась. Но на этотъ разъ буря разразилась дождемъ слезъ. Истощивъ всѣ средства конвульсій и пстерическихъ припадковъ, Виргинія бросилась къ отцу на шею и обдала его ливнемъ слезъ и градомъ поцѣлуевъ. При этой неожиданной атакѣ сердце у капитана начало слегка расширяться и это показалось ему недобрымъ знакомъ. Онъ поспѣшилъ развлечь и заглушить себя собственнымъ краснорѣчіемъ, и произнесъ прекрасный и очень трогательный *снпчь*, но Виргинія все продол-

жалъ плавать и обнимать старика, такъ, что ни какая риторика не могла устоять.

Сэръ Джонъ почувствовалъ необходимость уклониться отъ пагубнаго магнитизма ласкъ, которыя всегда имѣли сокрушительное вліяніе на его родительскую волю. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы откинуться назадъ.

Это движеніе можно было назвать стратегическимъ: оно одно спасло всю ситуацію. Капитанъ сидѣлъ подаѣ стола, а дочь у него на колѣняхъ. Откинувъ голову назадъ, онъ паркомъ задѣлъ свѣчу, и парикъ всыпнулся.

— Батюшка!... вашъ парикъ! вскричала Виргинія, и въ ту же минуту перестала плакать.

Сэръ Джонъ носѣбно сдернулъ волосяное украшеніе и явился съ обнаженною лысиной, съ глазами овлженными слезой, наведенной отъ слезъ дочери, и съ выраженіемъ трогательной кротости на лицѣ.

Вся эта голова показалась Виргиніи такою живодисной, что она сначала, изъ благоразумія, отвернулась. Но капитанъ Индель не считалъ нужнымъ изъ за нустяковъ прерывать теченіе сентиментальной рѣчи, отъ которой ожидалъ самыхъ важныхъ послѣдствій, и Виргинія принужденная снова обратитъ глаза на лысину, которой мѣсто, время и обстоятельства придавали совершенно новую фязіономію, разразилась страшнымъ, неукротимымъ, первическимъ смѣхомъ, котораго ничто не останоить, ничто не успокоитъ, который опрокидываетъ своими раскатами самыя высокія перла почтенія, прорываетъ самыя крѣпкія плотины приличій.

Капитанъ вдругъ прервалъ рѣчь и поднялъ парикъ.

— Такова ужъ доля старости, сказалъ онъ надѣвая парикъ, на которомъ огонь востребилъ большую площадь волосъ: я очень хорошо понимаю, что дѣвушка неможжо легкомысленной, — такой какъ ты, Виргинія, — не легко пожертвовать собою и остаться у лысаго смѣшнаго старика, длятого чтобы закрыть ему глаза....

Виргинія смутилась и дотога устыдилась своего смѣху, что совершенно потеряла охоту къ сопротивленію, склонивла голову и, взявъ отца за руку, дрожащимъ голосомъ сказала:

— Нѣтъ, дѣтъ, батюшка! неправда!... Приказывайте, что хотите; я повишусь вамъ.

Такова была побѣда, одержанная краснорѣчіемъ капитанова парика.

Сэръ Джонъ Ивидель торжественно привезъ свою дочь въ Лондонъ и на другой же день принялся за капеллана Уэспа и за записки, которые обыкновенно справляли его дѣла.

Виргинія заперлась въ своей комнатѣ, объявивъ, что не хочетъ видѣть ни живой души, а жениха — менѣе чѣмъ кого-нибудь.

По-мѣрѣ того какъ приключеніе съ парикомъ удалялось отъ ея памяти, у нея стало возвращаться чувство оскорбленной гордости и насильно поработенной воли. Но слово дано, а Виргинія была дѣвушка съ душой. Она ни за что на свѣтѣ не хотѣла бы подать кому-нибудь дурное мнѣніе о своей чести; она сказала: «Я повинуюсь», и рѣшилась повиноваться.

Это однако жъ не мѣшало ей считать себя самую несчастливѣею изъ женщинъ и со скорбію измѣрять чудовищность своей участи. Ей даже немножко нравилась, ее прельщала мысль, что она дѣлается жертвою одного изъ тѣхъ чрезвычайныхъ стеченій обстоятельствъ, какія судьба обыкновенно бережетъ только прогероинь романовъ. Вслѣдствіе этого она сочла долгомъ пролить потоки слезъ и произнести высокими слогами нѣсколько воззваній къ потолку. Это продолжалось два дня.

На третій, которому слѣдовало «озарить жертвоприношеніе», Виргинія приказала горничнымъ приготовить черное платье, соответствующее состоянію ея души. Мысль объ этомъ нарядѣ наполняла ея сердце жестоко злымъ наслажденіемъ. Окончивъ одѣванье, она послала увѣдомить капитана. Наступалъ вечеръ и съ нимъ часъ роковаго обряда.

Слуги зажигали свѣчи на консоляхъ; Виргинія смотрѣлась въ зеркало. Она находила у себя восхитительную блѣдность и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ изучала игру своихъ глазъ. Она искала холоднаго, надменнаго взгляду. Потомъ она пошла въ гостиную, и вслѣдъ за нею лакей доложилъ:

— Сэръ Джорджъ Клевендъ, изъ Калькутты!

Виргинія затрепетала; хотѣла сказать, что не можетъ принять, но силъ не стало. Она полумертвая упала на кресло.

Джорджъ Клевендъ вошелъ. Только лишь дверь затворилась позади его, онъ приблизился къ невѣстѣ и важно поклонился. Виргинія, увѣренная въ непремѣнномъ дѣйствіи своего взгляда, подняла голову и отвѣчала чуть примѣтнымъ, отрывистымъ кивкомъ.

Сэръ Джорджъ былъ одѣтъ неукоризненно изящно и просто. Одного взгляду было достаточно для Виргиніи; ничто не укрыв-

лось отъ этого взгляду, — ни лицо напечатлѣнное спокойною добротой; ни взглядъ, который тушилъ свои молніи настойчивости въ болѣе нѣжныхъ лучахъ печали; ни мягкіе блестящіе волосы; ни лобъ, на которомъ промежь тѣней изрѣдка проглядывалъ свѣтъ; ни гордая, благородная осанка; словомъ, ничто — ни даже общее выраженіе простоты и величія, которое дышало во всей особѣ Клевленда.

— Миссъ Темпльстонъ, сказалъ сэръ Джорджъ съ новымъ поклономъ, черезъ двадцать минутъ мы будемъ соединены и черезъ десять часовъ я сяду на корабль. Вѣтеръ попутный; «Лагорскій царь» выѣшнеею ночью снимается съ якоря. Теперь мы пойдемъ къ капитану и подпишемъ контрактъ, изъ котораго вы увидите, что я росписываюсь въ полученіи за вами трехъ сотъ тысячъ гиней приданого. Эти триста тысячъ, по смерти моей, снова поступятъ въ полное ваше распоряженіе.

— Позвольте вамъ замѣтить, сэръ, перебила миссъ Темпльстонъ съ видомъ царицы, что эти подробности ни мало не занимаютъ меня и что онѣ даже вовсе неумѣстны здѣсь.

— Напротивъ, миссъ, онѣ естественно ведутъ къ объясненію, почему я не побоялся согласиться на неожиданныя условія, на какихъ капитанъ уступаетъ мнѣ свое состояніе.

— Я нахожу эти условія жестокими для васъ и для меня, но вовсе не неожиданными. Ничего нѣтъ удивительнаго, если въ дѣлѣ объ уступкѣ дѣлаго имѣнія моего отца рѣчь нѣсколько коснулась и его дочери.

— Извините, миссъ; ни я, ни отецъ мой никогда не рѣшились бы обратиться съ требованіемъ этой помощи къ капитану Темпльстону, если бъ знали, что у него есть дочь.

— Что вы этимъ хотите сказать, сэръ? Вы хотите оскорбить, унижить меня?... Въ самомъ дѣлѣ, вы не могли знать.... О! это ужъ слишкомъ!... Возьмите эти деньги, возьмите богатство, на которое я имѣю права, но права такія, которыя напоминаютъ мнѣ мое происхожденіе. Я больше не хочу знать этихъ правъ; мнѣ не нужно ни вашего имени, ни вашего состоянія.... Возьмите его; оно ваше.... Я отвергаю его; я хочу остаться одинокою, бѣдною, но свободною!

— Это такое предложеніе, котораго невозможно принять, миссъ Виргинія, отвѣчалъ Клевлендъ: есть законности, которыя для меня священнѣе гражданскихъ законовъ: это законности сердца и природы. Ваше имѣніе, которое должно послужить къ успокоенію моего умирающаго отца, я не могу принять иначе какъ

внѣсть съ вашею рукою. Только жена можетъ довѣрить все свое состояніе мужу. Вотъ почему, узнавъ, что у дядюшки есть дочь, я понялъ, что долженъ или жениться на наследницѣ или отказаться отъ внѣнія. Извините меня, мною Виргинія, что я рѣшился на первое, извините меня, закливаю васъ.... Миѣ не хотѣлось, чтобы отецъ мой умеръ опозоренный.

Виргинія быстро взглянула на Клевленда и отъ легкаго волненія у нея задрожали губы.

— По-крайней-мѣрѣ, проговорила она съ трудомъ: не худо бы было, если бъ вы сами спросили меня о моемъ согласіи.

— Я, напротивъ, надѣялся, что въ этомъ отношеніи вы одѣните мою скромность. Я былъ поставленъ въ необходимость, и все, что могло бы показаться желаніемъ прикрыть эту необходимость лицемерною завѣсой, возмущало миѣ душу. Не въ четыре дня человекъ съ такими ничтожными средствами какъ мои, и при совершенномъ невѣденіи обычаевъ свѣта, можетъ усѣсть поправиться или хоть сдѣлаться только сноснымъ женщиной. Зачѣмъ же было дѣлать такія попытки? Ктому жъ, въ этомъ человекѣ, заискивающемъ вашего расположенія, вы увидѣли бы только лгуна, который, какъ нишій, старается выманить у васъ внѣніе.... Я лучше хотѣлъ, чтобы меня ненавидѣли чѣмъ презирали; я лучше желалъ сказать вамъ въ послѣднюю минуту: Женитесь, чтобы братъ могъ спасти брата; женитесь, чтобы избавить умирающаго отъ отчаянія и ния его отъ посрамленія, я, принеся эту жертву, будемъ снова чуждыми другъ другу, станемъ жить разлученные морями, — вы безъ любви, а я безъ надежды,—вы, можетъ-быть, несчастною, а я съ твердымъ напѣреніемъ.... сократить это горе.

— Какъ! что вы говорите?... Я не понимаю васъ.... Сократить мое горе? Какъ вы это разумѣете?... разводомъ? срамомъ?

— Нѣтъ! совсѣмъ не срамомъ, совсѣмъ не разводомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Богъ поможетъ, я усиленнымъ трудомъ возстановлю богатство, которое теперь занимаю у васъ въ видѣ приданого.... черезъ четыре, много черезъ пять лѣтъ, я надѣюсь.... во миѣ есть нѣчто подтверждающее эту надежду.... вы получите ваше состояніе обратно, и тогда я пойду охотиться за тигромъ.... и не возвращусь.... Вы по-прежнему будете богаты и свободны.

Виргинія вскрикнула и, блѣдная, дрожащая, поднялась, но тотчасъ же опять упала на кресло.

Клевлендъ подскочилъ и всталъ со за руки.

— Молчите! сказалъ онъ въ полголоса: вспомните, что малѣйшая неспростность съ вашей стороны, отырывъ дѣло сэръ Джону, откроетъ всему свѣту и можетъ бросить на все это очень невыгодную тѣнь. Я исполню, чтó обѣщаль, но ваше счастье зависить отъ вашего молчанія. Эта тайна должна умереть между нами.

Потомъ, услыхавъ голосъ капитана въ корридорѣ, онъ прибавилъ:

— Миссъ Темпльстоувъ, позвольте мнѣ представить мнеледи Клевлендъ ожидающимъ насъ свидѣтелямъ.

И онъ увлекъ Виргинію.

Сэръ Артуръ Клевлендъ умеръ, въ Калькуттѣ, черезъ мѣсяць по возвращеніи сына. Онъ умеръ благословляя стараго капитана за великодушную помощь и молясь о счастіи сына въ супружествѣ съ Виргиніей.

За часъ передъ кончиной онъ требовалъ, чтобы ему показали векеся, подъ бременемъ которыхъ едва не рухнулъ его домъ, и увидѣлъ, что всѣ они уплачены. Слеза навернулась на рѣсниццахъ умирающаго и блѣдныя губы оживились улыбкою счастья. Въ этой свѣтлой улыбкѣ испарилась его жизнь.

Джорджъ осиротѣлъ. Онъ прошелъ страшную и тяжкую науку, чтó несчастіемъ зовутъ, и она отразилась во всѣхъ привычкахъ души его. Въ осьмнадцать лѣтъ онъ еще не любилъ ни одной женщины на свѣтѣ, кромѣ своей матери.

Эта богатая, счастливая любовь безъ бурь, пламенная какъ индѣйское солнце, подъ которымъ родилась, глубокая и священная какъ вода Ганга, наполняла всю первую его юность и утоляла всю жажду его сердца. Когда же мать умерла, жизнь ребенка, померкла. Передъ бездыханнымъ тѣломъ Джорджъ ощутилъ ужасъ, въ какомъ, конечно, трепеталъ и первый человѣкъ передъ трупомъ. До той поры Джорджъ еще не думалъ объ этомъ, не хотѣлъ вѣрить въ возможность смерти. Жизнь матери была его жизнью. Все казалось ему прочнымъ, яснымъ, вѣчнымъ, потому что мать стояла передъ нимъ и улыбалась. Однажды онъ увидѣлъ, какъ она поблѣднѣла и склонилась: тогда и міръ и природа показались ему менѣе оживленными чѣмъ наканунѣ. Онъ затрепеталъ. Съ каждымъ днемъ того роковаго часу мать утрачивала по розѣ своего здоровья, лугъ — по цвѣтку, а душа Джорджа — по радости. Такъ ночь мало-по-малу наставала въ

немъ и виѣ его. Между тѣмъ ни голосъ разсудка, ни голосъ сердца еще не смѣли бросить ему въ ухо страшнаго слова «смерть!»

Наковецъ взошло послѣднее солнце. Джорджъ принялъ на губы послѣдній вздохъ матери и все понялъ. Этотъ вздохъ сообщилъ ему познаніе смерти, а смерть въ свою очередь дала познаніе жизни, — суровой, горькой, тяжелой земной жизни, — жизни существенной. Съ-тѣхъ-поръ ничтѣ уже не удивляло Джорджа. Онъ тотчасъ же исключительно сталъ понимать только горе, какъ прежде исключительно понималъ только неувядающую радость. Онъ видѣлъ, какъ отецъ, пораженный тѣмъ же гнѣвомъ Божиимъ, сокрушился въ уныніи и въ слезахъ, и онъ понялъ что такъ быть должно. Прежде всѣхъ онъ угадалъ второе бѣдствіе, грозившее его дому. Онъ предчувствовалъ разореніе и смерть, которыя готовились вокругъ него, и они казались ему совершенно естественными: могила, поглотившая его мать, не могла за нею одной затвориться.

Нашествіе бѣдствій породило и развило у Джорджа общую его соотечественникамъ болѣзнь, сплинь. Только сплинь этотъ былъ англо-индѣйскій. Онъ у Джорджа принималъ характеръ дикаго и безпечнаго отчаянія, которое побуждаетъ браминновъ садиться на берегу Ганга во время убыли воды и ждать, пока приливъ поглотитъ ихъ. Онъ присѣлъ на краю своей дороги и ни за чтѣ на свѣтѣ не рѣшился бы снова создать себѣ счастье.

Этимъ, можетъ-быть, объясняется равнодушіе, съ какимъ онъ принялъ на себя обязательства у капитана. По этой безпечности онъ дошелъ до заключенія, что честь отца дороже чѣмъ свобода, съ которою онъ не зналъ, чтѣ дѣлать, и даже дороже чѣмъ жизнь, которая уже прискучила ему.

Онъ женился и общалъ своей женѣ сперва поработать, потомъ умереть. Въ душѣ онъ былъ восхищенъ, что положилъ себѣ такимъ образомъ опредѣленную границу; на обязательство не умереть, не возвративъ Виргиніи ея состоянія, онъ смотрѣлъ какъ на урокъ, какіе задаютъ себѣ прилежные школьники передъ гуляемъ.

По окончаніи своего урока, онъ располагалъ отправиться на какую нибудь джеглю, въ окрестностяхъ Бенареса, и отдаться на съѣденіе тигру, предполагая, конечно, что встрѣтитъ тигра, который сдѣлаетъ ему это одолженіе. Въ качествѣ англійскаго обывателя Индіи, Джорджъ очень умѣренно вѣрилъ въ существованіе тигровъ, по той простой причинѣ, что никогда не видывалъ ихъ. Но такое приключеніе сулило ему столько роскош-

наго наслажденія, что онъ далъ себѣ слово употребить все силы, чтобы удостоиться завидной участи лорда Гастингса, единственнаго Англичанина, какова на памяти туземцевъ съѣлъ, или почти съѣлъ, полосатый бенгальскій тигръ.

Увѣренность въ смерти на нѣсколько лѣтъ привязала Джорджа къ жизни. Когда онъ закрылъ отцу глаза, у него осталась только одна мысль — послѣдовать за нимъ, и для этого онъ спѣшилъ какъ-можно скорѣй покончить дѣла на землѣ. Безпримѣрное трудолюбіе его обратилось въ настоящую гениальность. Онъ изумилъ самыхъ старыхъ конторщиковъ Индѣйской Компаніи и самыхъ некусныхъ коромандельскихъ промышленниковъ. Смѣлость его операцій превзошла все, дотолѣ выданное, и счастье, какимъ они увѣщались, походило на чудо.

Благодаря поручительству сэра Джона, онъ нашелъ у Индѣйской Компаніи и богатѣйшихъ негоціантовъ кредитъ, достаточный не только на уплату долговъ, но и на продолженіе оборотовъ. Меньше чѣмъ въ годъ онъ поправилъ дѣла, выкупилъ корабли и снова наполнилъ свои магазины всеми богатствами Азіи. Въ началѣ втораго году онъ уплатилъ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ и все проценты, свелъ счета, вывелъ итоги и заключилъ, что, если счастье его продлится, онъ можетъ надѣяться отдаться на съѣденіе тигру втеченіи четвертаго году. Это было ему очень лестно; онъ легъ спать довольный собою и всемъ міромъ, и въ первый разъ послѣ долгаго времени уснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другой день онъ получилъ изъ Лондона пакетъ, въ которомъ нашелъ письмо отъ сэра Джона Пвиделя.

Капитанъ страшно гнѣвался на дражайшаго и прелюбезнѣйшаго зятя, находилъ его поведеніе недостайнымъ и крѣпко журнулъ за непростительное упущеніе писать къ обитателямъ Темпльстова.... Капитанъ не соглашался дать названіе письма полученной въ апрѣлѣ изъ Калькутты лаконической запискѣ, которою сэръ Джорджъ извѣщалъ своего дядю, сэра Джона, и леди Виргинію Клевлендъ о смерти сэра Артура и объ окончательномъ устройствѣ дѣлъ покойнаго. «Послѣ того, продолжалъ капитанъ, мы ожидали болѣе обстоятельнаго письма и справлялись о прибывавшихъ изъ Индіи корабляхъ, которыхъ много перебивало на Темзѣ, однако ни одинъ не привозилъ вѣстей о сэрѣ Джорджѣ. На эту неучтивость сэра Джорджа, мы сначала очень сердились; потомъ мы представили себѣ всякіе ужасы, такъ, что нѣсколько ночей мы совсѣмъ не спали». Сэръ Джонъ при этомъ случаѣ, по родственному долгу, сдѣлалъ все, что только отъ него зави-

съю, чтобы уменьшить преступленіе влѣдыванія и сжечь ишу на неизбежную тревогу, которая должна была послѣдовать за смертію сэра Артура, и предсказывалъ, что молодой капитанъ Клевлендъ, безъ сомнѣнія, при первой возможности сообщитъ что-нибудь утѣшительное о состояніи своихъ дѣлъ, подробно напишетъ къ своему семейству въ Темпльстонъ. Но на все эти вѣстія баронета изъ Калькутты *отвѣчали* только короткими полупасмѣшливыми словами, перемѣшанными иногда съ тоскою, съ которою *запирались* часто на цѣлыя сутки и *выходили* на другой день съ мигренью и съ опухшими глазами.

Капитанъ оканчивалъ письмо представленіемъ сэру Джорджу, что положеніе вещей становится невыносимымъ, что съ нѣкоторыхъ поръ не стало на свѣтѣ неслыханныхъ капризовъ и изумительныхъ прихотей, которымъ бы мы не предавались, — какъ на примѣръ — съѣсть посреди ночи на коня и скакать во весь опоръ въ Лондонъ, на балъ, потомъ, утромъ опять на коня и маршъ домой, гдѣ однако жъ вовсе не сидится, — лишь только прискачемъ, опять задумываемъ, какъ бы удрать куда нибудь; что такое положеніе страшно тяжело для старика, у котораго есть пуля въ лѣвой икрѣ, и что, если у сэра Джорджа есть хоть сколько-нибудь умѣнья жить или хоть сколько-нибудь деликатности; онъ не преминетъ испытать, нельзя ли съ его стороны какимъ-нибудь прилично обстоятельствомъ сочиненнымъ письмомъ возвратятъ немножко покоя несчастному замку темпльстонскому, и прочая, и прочая.

Сэръ Джорджъ такъ не радѣлъ объ изслѣдованіи нѣкоторыхъ вещей, и, правду сказать, умъ его былъ такъ мало развитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, что онъ сначала вовсе не понималъ значенія множества *мы* въ длинномъ письмѣ сэра Джона. Стѣно сказать, но нужно признаться, что, со времени отъѣзду изъ Лондона, сэръ Джорджъ едва ли три или четыре раза вспомнилъ о Виргиніи.

Дѣвушка, на которой онъ женился, какъ говорилъ, въ силу требованія обстоятельствъ, была для него въ жизни не что иное какъ символъ долга, завѣщаннаго ему отцемъ; она въ его глазахъ изображала собою триста-тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые передъ смертію слѣдовало уплатить.

Однако жъ сэръ Джорджъ былъ человекъ благовоспитанный; онъ взялъ перо и сочинилъ приличное письмо, въ которомъ отъ пачала до конца свидѣтельствовалъ почтительный пылъ своихъ чувствованій, и которое заключилъ увѣдомленіемъ, что онъ

Джорджъ Клевлендъ, сына Бегу, здоровъ и надѣется въ весьма непродолжительномъ времени выручить закладную сэра Джона и по прежнему возстановитъ состояніе леди Виргиніи Клевлендъ.

Черезъ нѣсколько времени потому онъ получилъ слѣдующее писмо:

«Темпльстоуъ, 15 апрѣля, 188..»

«Милордъ,

«Я беру смѣлость писать къ вамъ, несмотря что не получила на то ни какого съ вашей стороны полномочія. Спѣшу однако жъ сказать вамъ, что это я дѣлаю вовсе не по собственной волѣ или желанію, а единственно затѣвъ, чтобы увѣдомить васъ о состояніи сэра Джона, страдающаго припадкомъ подагры въ той ногѣ, гдѣ сидитъ пуля, такъ, что самъ онъ не можетъ писать. Слѣдовательно, къ вамъ пишетъ не жена, а только дочь, повинующаяся желанію больнаго отца; я считаю очень нужнымъ замѣтить это. Вы ведете себя очень странно и дико, и если бы я хотѣла довѣрить этой бумагѣ все, что думаю, она вышла бы почеркѣй нежели отъ чернилъ, которыми я пачкаю ее изъ уваженія къ сэру Джону.

«Это признаніе однакожъ не даетъ вамъ права предполагать вещей, которыхъ нѣтъ. Я не имѣю чести знать васъ столько, чтобы ваше отсутствіе или молчаніе могло производить на меня какое бы то ни было впечатлѣніе. Мнѣ будетъ очень жаль, если вы не повѣрите мнѣ въ этомъ на слово. Я видѣла васъ только одну минуту, за нѣсколько минутъ до роковаго обряда, и продолженіи этого короткаго свиданія вы потрудились вогнать мнѣ ужасный страхъ. Съ того дня вы у меня постоянно стоите передъ глазами и я увѣрена, что, если захочу, могу написать вашъ портретъ. Это доказываетъ, что не всегда мы лучше всего помнимъ то, что намъ больше всего нравится.

«Словомъ, милордъ, вы остались на моей памяти какъ привидѣніе, и по ночамъ вы мнѣ мерещитесь во снѣ. Это ни на что не похоже и служить мнѣ новымъ поводомъ къ справедливой моей досадѣ на васъ. Къ счастью, проснувшись, я очень скоро забываю все, что говорилъ мнѣ вашъ призракъ.

«Я также никогда не вѣрила, чтобы вы не шутиа грозилась умереть. Такія вещи не дѣлаются, когда говорятся, или не говорятся, если есть намѣреніе сдѣлать. Во всякомъ же случаѣ, подобное намѣреніе — безуміе и преступленіе, потому что, если нашъ союзъ, съ моей стороны — пожертвованіе волѣ моего отца,

а съ вашей—чести вашего, то, мнѣ кажется, мы оба должны до конца исполнить принятый долгъ пожертвованія.

«Это, конечно, тяжкое ярмо, не не постыдно ли будетъ для памяти вашего отца, если вы станете думать только о томъ, какъ бы освободиться отъ этого ярма? Что касается до меня, милордъ, я полагаю, что въ этомъ случаѣ гораздо больше было бы заслуги въ желаніи жить чѣмъ въ намѣреніи умереть, и таково мое уваженіе къ священнымъ законамъ преданности, что я, если нужно, первая подала бы вамъ примѣръ покорности судьбѣ. Да, я была бы счастлива, если бѣ могла думать, что вы воротились къ чувствованіямъ болѣе достойнымъ имени Клевлендъ, котораго честь вы такъ мужественно отстаивали, и, во что бы мнѣ то ни стало, я не поколебалась бы, сколько могу, содѣйствовать такому обращенію. Мое намѣреніе твердо опредѣлено: я послѣдую только внушеніямъ моего долга и, если ужъ Богу и отцу моему было такъ угодно, останусь навсегда вашею преданною и покорною женой.

«Виргинія Клевлендъ.»

«P. S. Сэръ Джонъ поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его дружбу. Мой отецъ прекраснѣйшій человѣкъ; онъ съ истиннымъ наслажденіемъ называетъ васъ своимъ сыномъ. Какъ только онъ избавится отъ своего припадка подагры, мы воротимся въ Лондонъ, потому что, правду вамъ сказать, мнѣ ужасно скучно въ Темпльстонъ. На дняхъ меня навѣстила моя подруга, дочь лорда Клерендона. Теперь она уже — леди Кларкъ: она вышла замужъ и сдѣлалась матерью. Она привезла ко мнѣ своего малютку, чтобы я поцѣловала. Но въ тотъ день, я не знаю, что со мной было — странное какое-то раздраженіе и тоска, — я была въ самомъ нелѣпомъ расположеніи духа. Невинное маленькое существо со своими гримасками и толстыми красными какъ персикъ щеками непостижимымъ образомъ выводило меня изъ терпѣнія, и, я думаю, леди Кларкъ осталась недовольна мной. Но что жъ дѣлать? Я совсѣмъ одурѣла отъ скуки.»

Чтеніе этого письма привело сэра Джорджа въ великое изумленіе и смущеніе. Онъ приказалъ осѣдлатъ коня и цѣлый часъ скакалъ по крутымъ утесистымъ берегамъ Ганга. Возвратясь, онъ сѣлъ за столъ обѣдать, и ничего не ѣлъ, потомъ легъ спать, и во всю ночь глазъ не смыкалъ.

Во весь другой день онъ не выходилъ изъ своей комнаты, все писалъ, — перепортилъ двадцать листовъ бумаги, и наконецъ, на слѣдующей недѣлѣ отправилъ въ Темпльстонъ такое письмо:

«Миледи,

«Я очень сожалѣю, что слишкомъ короткое свиданіе наше передъ свадьбой не дозволило мнѣ войти съ вами въ болѣе подробное объясненіе касательно моихъ намѣреній. Я не преминулъ бы сказать вамъ, — если только это могло занимать васъ, — каково было дѣйствительное состояніе моей души, и вы увидѣли бы, что нашъ союзъ не только не составляетъ источника моего отвращенія отъ жизни, но, напротивъ, долженъ былъ уничтожить у меня всякую мысль объ освобожденіи и даже привязать къ жизни на нѣсколько лѣтъ.

«Я, право, въ смущеніи и стыжусь писать къ вамъ о подобномъ предметѣ, но, съ другой стороны, не могу вынести мысли, что вы почитаете себя причиною моего желанія разстаться съ этимъ міромъ. Теперь, разсудивъ хорошенько, я горько укоряю себя, зато что тогда такъ забылся и высказалъ вамъ все, что думалъ. Вы правы, миледи; о нѣкоторыхъ намѣреніяхъ слѣдуетъ молчать, и не будь я столько неопытенъ, какъ былъ тогда, я, конечно, не дошелъ бы въ моей откровенности до такой степени невѣжества. Но зло сдѣлано; вы невольная моя повѣренная, и я только увеличилъ бы ошибку, если бъ, сказавъ о намѣреніи, оставилъ васъ при мысли, что оно родилось отъ нашего брака.

«Нѣтъ ни какого сомнѣнія, миледи, что мысль — быть навсегда связаннымъ съ такою совершенною особой, которой прекрасная душа отражается въ лежащемъ передо мною письмѣ, способна была бы заставитьъ меня полюбить жизнь, если бы только что нибудь въ мірѣ могло заключать въ себѣ такое могущество. Но.... сказать ли вамъ?... какой-то невѣдомый, неизлѣчный недугъ неодолимо влечетъ меня въ могилу. Тоска ли это, или воспоминаніе о матери, — объ этомъ ангелъ, сраженномъ въ цвѣтѣ души и лѣтъ, — или моя неспособность вкусить жизнь или, наконецъ, таинственный совѣтъ моей судьбы? Не знаю. Бездна влечетъ меня, вотъ все, что мнѣ извѣстно. Когда мать моя испустила послѣдній вздохъ, я почувствовалъ, что смерть овладѣваетъ и мною, и гораздо прежде путешествія въ Лондонъ, гдѣ судьба избрала мнѣ невѣсту, я по любви.... да, по любви.... сталъ женихомъ вѣчной ночи.

«Вы видите, миледи, что мое обѣщаніе умереть было только естественнымъ слѣдствіемъ прежде про себя принятаго намѣренія. Когда я говорилъ вамъ: «Я умру, чтобы вы были счастливы», это значило: «Вы будете счастливы, потому что мнѣ суждено скоро умереть». Въ этомъ, съ моей стороны, не было ни

хвастовства ни романческаго самопожертвованія. Конечно, я знаю, что, при видѣ вашей молодости, вашей красоты и отъсненней свободы, у меня могла бы родиться мысль современно удалить отъ васъ, уйти отъ леваго солнца, въ которомъ моя жизнь можетъ составить только черную тѣнь, но, — къ стыду моему признаюсь, — рѣчи мои вовсе не были подсказаны чувствомъ подобнаго самопожертвованія....

«Самопожертвованіе?»

«Скажемъ правду, самопожертвованіе тутъ было бы, если бы я на болѣе долгое время отсрочилъ исполненіе моего намѣренія. Я понималъ, что, женись на васъ, принимаю обязательство, которое долженъ исполнить, прежде чѣмъ стану свободно располагать собою. Вместо того чтобъ тотчасъ же увлечься наслажденіемъ смертью, я рѣшился жить и далъ себѣ слово возвратитъ вамъ состояніе, которое послужило къ наполненію пропасти, и съ-тѣхъ-поръ я работаю.... о! я работаю усердно!

«Вы видите, миледи, что вы не только не сокращаете дней моихъ, а напротивъ удерживаете меня на краю вѣчности. Прощайте, миледи, прощайте! и если въ самомъ дѣлѣ конецъ всего этого тревожитъ васъ, увѣрьтесь, что ни властители ни распорядители моей участи не находятся въ Темпльстонѣ: они во мнѣ самомъ, въ моей душѣ; я узнаю ихъ по утомленію моей жизни, по тоскѣ моего сердца.... Прощайте! прощайте!

«Кавалеръ *Джорджъ Клевлендъ*».

Написавъ это письмо, сэръ Джорджъ почувствовалъ себя избавленнымъ отъ тяжкаго бремени, и съ удвоенною дѣятельностью принялся за работу. Итогъ втораго года показалъ чистаго дохода сто тысячъ гиней, которые и поступили также въ контору Индѣйской Компаніи.

Въ индѣйскихъ купеческихъ конторахъ почти только и разговоровъ было, что о необыкновенно смѣлыхъ и счастливыхъ спекуляціяхъ сэра Джорджа Клевленда. Компанія дѣлала ему нѣсколько предложеній, но онъ отказывался. Когда его спрашивали, гдѣ онъ научился такъ искусно вести дѣла, онъ только вздергивалъ голову и улыбался, потомъ уходилъ на кладбище и садился на соединенныхъ могилахъ Джорджины и Артура.

Въ послѣдній день третьяго года этихъ неутомимыхъ трудовъ и чудеснаго счастья, сэръ Джорджъ оставался долженъ Компаніи всего сто-тысячъ гиней. Онъ поджидалъ каравана, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, вереправлялся уже черезъ сѣверо-западную цѣнь Гималайскихъ Горъ. Если этотъ караванъ не доша-

дется въ руки кашмирскитъ племенамъ, или если его не разграбить шайки горцевъ, бродящихъ въ окрестностяхъ Пенджаба, можно надѣяться, что онъ раньше волугода прибѣдетъ въ Калкутту. Выгодами отъ этой операціи Клемендъ надѣялся совершенно покончить дѣла съ Компаніей и освободить сэра Джона отъ поручительства.

Въ ожиданіи такого благополучнаго окончанія дѣлъ сэра Джорджа, мы должны сообщить дальнѣйшую его переписку съ леди Виргивіей Клемендъ. Вотъ что писала Виргивія:

«Прочитавъ ваше письмо и видя, что не отъ меня происходитъ причина вашего ужаснаго намѣренія, я поняла, что должна послѣдовать вашему совѣту и отнынѣ совершенно быть чуждою невообразимому безумію, которое овладѣло вами. Я дала слово никогда къ вамъ больше не писать.... но я слишкомъ много надеялась на свои силы; мнѣ необходимо отырыть вамъ мое сердце; мнѣ необходимо поговорить съ вами.... О, Боже мой! что же я хочу сказать вамъ? Не знаю; но, вотъ ужъ два часа ночи, а я всё-еще не смѣю лечь спать; я боюсь моихъ сновъ, мнѣ страшно, я дрожу.... Выслушайте меня.

«Я въ правѣ жаловаться на вашу жестокость, сэръ Джорджъ. Отецъ мой страдаетъ болѣе чѣмъ когда-нибудь; онъ цѣлые дни проводитъ на своемъ креслѣ, а я сижу подлѣ него задумчивая и молчаливая. Я боюсь показать отцу то, что пишу вамъ, и то, что вы мнѣ отвѣчаете. Отвѣты ваши ужасны. Ахъ! еслибъ я знала мою мать, еслибъ имѣла ее, мнѣ легче было бы перенести мое горе. Я плакала бы съ нею, и увида мою блѣдность, мой трепетъ, она успокоила бы меня. Я должна сознаться передъ вами, что ваши мысли постоянно со мной; ваша тѣнь преслѣдуетъ меня; ваши рѣчи и предсказанія смерти тутъ, въ моемъ сердцѣ, которое трепещетъ и обливается кровью.

«Я вижу васъ ночью, вы приходите ко мнѣ блѣдые и окровавленные, а утромъ найдетъ мнѣ, что я точно васъ видѣла, что вы мертвы и приходили сказать мнѣ послѣднее прости.... Ахъ! я чувствую, что скоро умру. Отчаяніе это, или страхъ, не знаю, но это состояніе убьетъ меня. Я цѣлые часы провожу въ паркѣ, считаю опавшіе листья и люблюсь на умвращающую природу. Я люблю завыванье вѣтра, я прислушиваюсь къ нему, но вдругъ овладѣваетъ мною страхъ и я убѣгаю. Я знаю, что душа ваша мрачна, сэръ Джорджъ, но вы должны имѣть ко мнѣ состраданіе и не говорить того, что приводитъ меня въ ужасъ. Я замужемъ, я жена человѣка, который хочетъ убить себя. У ме-

ня нѣтъ ни одной мысли, кромѣ той, что вы увидите. Зачѣмъ вы сказали мнѣ это? по какому праву отравили вы мое сердце и мою жизнь? Чтò сдѣлала я вамъ? за что помрачили вы мои дни? Развѣ у меня можетъ-быть столько хладнокровія и силы, сколько у васъ? Развѣ я мужчина? Развѣ я не могу умереть отъ ожиданія минуты, въ которую вы убьете себя? Смерть! О, смерть ужасна. Пощадите меня, сэръ Джорджъ. Если вы хотите, чтобы я была у вашихъ ногъ, я упаду къ вашимъ ногамъ и буду умолять васъ, чтобы вы не умирали. Дайте мнѣ слово, что вы будете жить. Избавьте меня отъ ужаса, который преслѣдуетъ меня. Сдѣлайте, чтобы мнѣ не страшно было смыкать глаза во почамъ. О! какъ жестоко я наказана!

«Однажды мы шутили съ миссъ Клерендонъ, передавая другъ другу нашу воображаемую любовь. У каждой изъ насъ былъ идеалъ, котораго мы надѣялись красотою и именемъ по произволу.... Миссъ Мери вышла замужъ и, вѣроятно, давно разсталась съ своимъ призракомъ, а я съ своимъ навсегда соединена. Сжалось надо мной, сэръ Джорджъ. Вчера пришла мнѣ мысль, которая заставила меня покраснѣть, но въ то же время принесла большое счастье. Я думала о томъ, что, если отецъ мой поправится, я упрошу его поѣхать въ Индію.

«Ахъ! зачѣмъ не взяли вы меня съ собой, когда женились на мнѣ?... Но, я угадываю, вы хотѣли быть одни.... Да, одни, и вотъ что васъ погубило. Некому было избавить васъ отъ этой ужасной смерти, къ которой вы стремитесь....

«О! если бъ я была подлѣ васъ, я постаралась бы воротить вамъ молодость и привязанность къ жизни. Я чувствую, что восторжествовала бы надъ смертію! Если бы вы только обѣщали мнѣ, что современемъ, избавившись отъ вашей тоски, избѣжавъ могилы, вы покинете Индію для Англіи, Калькутту для Темвль-стона.... О! повѣрьте мнѣ, я много думала, много разсуждала; конечно! я не ненавижу васъ больше, я чувствую, что судьба опредѣлила мнѣ спасти васъ отъ васъ самихъ.... Я сдѣлаю все, что могу, для того чтобы уснѣть въ этомъ.... Нѣтъ, сэръ Джорджъ, я не хочу сказать вамъ прощайте, я говорю до свиданія; потому что надѣюсь на Бога и на мое сердце.»

Чтобы надлежащимъ образомъ понять это письмо, сэръ Джорджъ, какъ человѣкъ точный, прочиталъ его два раза и немедленно занялся отвѣтомъ.

Почти болѣзненный, быть можетъ смертельный страхъ Виргиніи глубоко тронулъ его, писалъ онъ. Никому лучше его не зна-

жоны раны, наносимыя душѣ первыми ударами крыльевъ смерти. Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, тоска, однажды овладѣвъ Виргиніей, уже не покинетъ ея.

«Это судьба! продолжалъ онъ: да! по нѣкоторымъ мѣстамъ вашего письма я предчувствую, что, умирая, я завѣщаю вамъ этотъ страхъ свѣта, эту лихорадочную жажду уничтоженія, эту страстную любовь къ могиламъ, которые овладѣли мной съ того дня, когда я въ первый разъ сталъ лицомъ къ лицу передъ мертвымъ тѣломъ. Что жъ дѣлать? Вы и я, я и мать моя, сэръ Артуръ и Джорджина, все мы, живые и мертвые, вѣроятно, соединены таинственными узами симпатіи....»

«Такія нравственные заразы не рѣдкость въ семействахъ; она кончина обыкновенно влечетъ за собой другую. И эти заразы въ тысячу разъ неумолимѣе зловредныхъ миазмовъ, которые нападаютъ только на тѣло и его отмѣчаютъ видимыми опустошеніями: ихъ удары ускользаютъ отъ глаза науки; они поражаютъ мозгъ, повергаютъ его въ онѣмѣніе, леденятъ, мало по-малу, до тѣхъ поръ пока жертва наконецъ сама не ощутитъ жажду вѣчнаго сна.... Противъ этого бича души нѣтъ лекарства!»

Послѣ этого вступленія сэръ Джорджъ съ жаромъ благодарилъ Виргинію за мысль прѣхать въ Индію, но въ то же время доказалъ всю бесполезность этой попытки.

«Ахъ! если бѣ мнѣ суждено было жить, я, безъ сомнѣнія, хотѣлъ бы жить только для васъ и подлѣ васъ!»

Потомъ, возвращаясь къ предмету одного изъ предшествовавшихъ писемъ, онъ повторялъ Виргиніи, что умираетъ отъ особенной болѣзни, *неимпнія душевнаго аппетита*, которой зародышъ развился гораздо прежде его женитьбы. Этотъ бракъ не только не внушалъ ему ни какой ожесточенной мысли, а напротивъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ удалялъ его отъ смерти. И если онъ современемъ поддастся этому непостыжному обаянію, то причины тому должно искать, вѣроятно, въ какомъ-нибудь вліяніи совершенно чуждомъ земнаго добра или зла.

«Но, заключалъ онъ, если у васъ въ самомъ дѣлѣ родилась мысль бороться со смертію въ душѣ моей; если у васъ есть какой-нибудь таинственный и священный голосъ, который сулитъ вамъ побѣду, то я благословляю небо, потому что это признакъ, что вы чувствуете себя живою и бодрою, что у васъ еще не увялъ цвѣтъ молодости. Слава Богу, вы будете жить!.. Живите же, живите счастливо, Виргинія; живите безъ тревоженій и безъ

сворбныхъ воспоминаній. Повторяю вамъ, я умру съ радостью; смерть для меня будетъ утоленіемъ жажды; я обниму ее какъ родную, давно желанную мечту. Прощайте! Вы были драгоценною цѣпью, которая на минуту приковывала меня къ жизни. Прощайте! Я любилъ бы васъ, если бы.... Увы! сколько я ни цѣпляюсь за землю, невѣдомая, ревнивая сила обхватываетъ и отрываетъ меня. О, мать моя! не ты ли это увлекаешь меня за собою въ вѣчность?...

Кончивъ это письмо, сэръ Джорджъ легъ, задулъ свѣчу и уснулъ спокойнымъ сномъ до утра.

Иногда, если кто приходилъ въ восторгъ отъ торговыхъ операцій сэра Джорджа, онъ отвѣчалъ:

— Судьба!

— По-крайней-мѣрѣ, возражали ему, вы согласитесь, сэръ Джорджъ, что вы своимъ трудомъ и умомъ значительно содѣйствовали къ благорасположенію судьбы.

Тогда онъ съ удивленіемъ взглядывалъ на возразившаго, грустно улыбался и отворачивался.

— Они не знаютъ, думалъ онъ уходя, что верховныя, невидимыя силы сами торопятъ окончаніемъ моихъ дѣлъ. Я положилъ себѣ жить до тѣхъ-поръ пока не уплачу долгъ сэру Джону, и зовущіе меня души сами заботятся о сокращеніи срока. Вотъ и вся тайна.

Онъ былъ убѣжденъ, что могъ бы, если бъ только захотѣлъ, пуститься на самыя баснословныя предпріятія, какъ наприимѣръ дать кредитъ какому-нибудь кашмирскому раджѣ или пустить десяткъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ оборотъ повдишерійской торговли, и всё-таки каждый годъ видѣть сто-тысячъ гиней чистаго дохода.

Въ минуты бесѣды съ самимъ собою, — что впрочемъ случалось очень рѣдко, и то только съ нѣкотораго времени, — онъ обыкновенно запирался въ своей комнатѣ и перечитывалъ письма Виргиніи. Простодушная откровенность и прелесть испуганной голубки, отражавшіяся въ посланіяхъ этой дѣвицы-вдовы, мало-по-малу стали чрезвычайно нравиться ему.

Между-тѣмъ случилось происшествіе, которое имѣло нѣкоторое вліяніе на кавалера Клевленда и о которомъ мы не можемъ умолчать.

Съ нѣкотораго времени одинъ молодой Англичанинъ, прибывшій прямо изъ Лондона, часто посѣщалъ если не самое лучшее, такъ по-крайней мѣрѣ самое блестящее калькутское общество.

Ния ему было сэръ Робертъ Рольфъ. Слухъ носился, будто жестоко-сердые кредиторы заставляли его покинуть свое отечество, Англию. Говорили также, что во времена своей славы онъ былъ одною изъ звѣздъ первой величины въ Вѣстендъ и Бельгравъ Скверъ, и составлялъ всѣми признаваемое высшее выраженіе нравовъ «высокаго полету.» Сверхъ того онъ нилъ съ чуду подобнымъ хладнокровіемъ и игралъ съ рѣдкимъ-счастіемъ. Тѣ, которыхъ онъ избавлялъ отъ переполненія кармановъ, зло поддерживали толки, будто онъ живетъ игрою. Сэръ Робертъ давалъ имъ волю говорить, что угодно, и ничего отъ этого не терялъ.

Хотя Клевлендъ вовсе не принадлежалъ къ кругу, въ которомъ блестялъ этотъ джентльменъ, однако жъ и ему захотѣлось посмотреть на знаменитаго лондонскаго льва. Рольфъ, безъ сомнѣнія, встрѣчалъ въ Лондонѣ Виргинію, и Клевленду хотѣлось знать, какое тамъ о ней господствуетъ мнѣніе.

Это не стоило ему ни какого труда, потому что Рольфъ скорѣй подошелъ къ нему чѣмъ онъ къ Рольфу, и, едва познакомившись, лондонскій джентльменъ безъ предисловія объявилъ Клевленду, что былъ въ весьма пріятныхъ отношеніяхъ къ его женѣ.

Сэру Джорджу это показалось не совсѣмъ пріятно, однако жъ онъ продолжалъ бесѣду и Рольфъ въ продолженіи цѣлаго вечера восточался на описанія многочисленныхъ вальсовъ, которые танцвалъ съ Виргиніей, и дорогихъ скакуновъ, на которыхъ гарцовалъ у дверецъ ея кареты, и чрезвычайной любезности, съ какою его всегда принимали какъ домашняго друга въ Темпль-стонъ.

— Леди Клевлендъ, продолжалъ онъ, по своему странному положенію — самая увлекательная, самая модная львица въ Лондонѣ. Разказываютъ кое что объ ея исторіи съ вами, и Punch (каррикатурный журналъ) даже издалъ вашъ портретъ.... Правду вамъ сказать, польстилъ онъ вамъ очень мало.

— А о леди Клевлендъ что говорятъ?

— Есть много толкованій восхитительно романтическихъ; были державы парі по вопросу, что вы, — не самъ ли лагорскій магараджа, знаменитый Ренджитъ Синъ, который пріѣзжалъ въ Лондонъ *понять* повую султаншу изъ англійской земли?

— А леди Клевлендъ что отвѣчаетъ на эти пошлыя шутки?

— Она смѣется, танцуетъ, ѣздитъ верхомъ и водить за собою по аллеямъ Сентъ Джемза все лондонское сословіе львовъ. Сэръ

Джонъ задыхается въ этой гоньбѣ, но онъ всегда готовъ разможить голову тому, кто посовѣтовалъ бы ему побережь горло и похолить свою подагру. Однако жъ, когда я уѣзжалъ. въ гостиныхъ поговаривали, будто храбрый капитанъ не шутя собирается умереть, и оплакивали внезапное исчезновеніе леди Виргиніи, блестящаго метеора, который схоронился въ темныхъ пещерахъ темпльстонскаго замка. Метеоръ сдѣлался ночынкомъ у умпраушаго. Можете себѣ представить, какое несчастіе! Право, сэръ Джорджъ, вамъ бы слѣдовало попросить вашу супругу побережся. Она погубить свою репутацію и васъ увлечетъ въ крушеніе своей славы. Тѣ, которымъ извѣстно, что вы не царь лагорскій, а просто калькутскій пегоціантъ, утверждаютъ, что она правильно пишетъ вамъ длинныя письма, и въ обществѣ уже начинаютъ догадываться, что вы остаетесь въ Индіи, затѣмъ только, чтобы удвоить свое состояніе. Это такая вещь, которую можно на повалъ убить самую блестящую львиную славу.

Сэръ Джорджъ не отвѣчалъ; онъ задумался. Черезъ минуту джентльменъ опять подошелъ къ нему и взялъ за руку.

— Впрочемъ, сэръ Джорджъ, сказалъ онъ, вы можете положиться на меня. Когда буду писать въ Лондонъ, я постараюсь опровергнуть, увы! сляшкомъ справедливыя слухи, будто вы торгуете ванилью и мускатными орѣхами. Что касается до тѣхъ, которые упорно стоятъ на томъ, будто вы лагорскій магараджа, который въ скоромъ времени вызоветъ леди Виргинію въ свой гаремъ... убей меня Богъ, если я не оставлю ихъ въ этомъ пріятномъ заблужденіи. Надѣюсь, что это принесетъ вамъ огромную пользу.

Съ этимъ словомъ джентльменъ хотѣлъ сдѣлать пируэтъ, но сэръ Джорджъ, поблѣднѣвшій при непочтительномъ препровожденіи имени Виргиніи, остановилъ лондонскую звѣзду на половинѣ ея обращенія около своей оси и съ важностью сказалъ:

— Вамъ, можетъ-быть, трудно будетъ сохранить молчаніе на счетъ ванили и мускатныхъ орѣховъ?

— Вовсе нѣтъ, увѣрю васъ.

— Что касается до меня, мистръ Рольфъ, я никогда не позволю себѣ обременять васъ подобнымъ трудомъ.

— Помилуйте! божусь вамъ....

— Позвольте; сдѣлаемъ лучше. Чтобы избавить васъ отъ заботы о скромности, заботы всегда обременительной....

— Вы хотите?...

— Я хочу предложить вамъ немножко прогуляться за городъ,

по дорогѣ въ Гарденъ-Ричъ, гдѣ я употреблю все отъ меня зависящее, чтобы сдѣлать для васъ молчаніе на будущее время дѣломъ легкимъ и естественнымъ.

На губахъ у Рольфа мелькнула злобная улыбка, но онъ отвѣчалъ съ прежнимъ наглымъ спокойствіемъ:

— Любезнѣйшій сэръ Джорджъ, я не понимаю васъ. Чтò значить....

— Значить то, любезнѣйшій сэръ Робертъ, что я желаю имѣть честь убить васъ.

У Рольфа явилась опять та же злобная сатанинская улыбка. Джентльмены поклонились другъ другу. Рольфъ продолжалъ:

— Ваше желаніе, кавалеръ, такого свойства, что заслуживаетъ нѣкотораго вниманія; но я долженъ признаться вамъ....

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что съ какой бы точки зрѣнія вы ни смотрѣли на меня, я не безчестный человѣкъ и желаю передъ смертью заплатить мои долги, которыхъ у меня всего на все двѣнадцать тысячъ гиней.

— Двѣнадцать-тысячъ гиней... это много! Однако жъ я могу позволить себѣ такую прихоть. Если я убью васъ, я заплачѣу ваши долги.

— Вы не понимаете меня, сэръ Джорджъ. Я сказалъ, что я желаю заплатить мои долги, и заплатить передъ смертью; если же вы меня убьете, то какая мнѣ отъ того прибыль, что у меня не будетъ болѣе кредиторовъ?

— Такъ чего же вы хотите отъ меня?

— Очень простой вещи: будемъ держать пари... я обожаю пари... Я держу двѣнадцать-тысячъ гиней, что не вы меня убьете, а я васъ.

— На это я, если позволите, сдѣлаю маленькое возраженіе.

— Сдѣлайте милость.

— Если вы меня убьете, мы легко раздѣлаемся, сказалъ Джорджъ, написавъ нѣсколько словъ на листочкѣ, который выдралъ изъ своего бумажника: вотъ записка, по которой вы немедленно получите деньги въ конторѣ Мортонъ Нэра и Компаніи, въ Калькуттѣ, в которую найдете въ карманѣ моего жилета. Но если вы проиграете, то есть, если я убью васъ, сэръ, то могу ли надѣяться найти двѣнадцать-тысячъ гиней наслѣдства послѣ васъ?

— Не думаю, любезнѣйшій сэръ Джорджъ. Во всякомъ случаѣ, однако жъ вы найдете нѣчто равное по цѣнѣ вашимъ гинеймъ.

— Не вѣшало бы знать, что́ это такое, сказалъ Клевлендъ съ довольно небрежною недовѣрчивою улыбкою.

— Извольте, я сейчасъ могу показать, сказалъ Рольфъ съ язвительной улыбкой: мнѣ двѣнадцать-тысячъ гиней, если я убью васъ, а вамъ эту игрушку, если вы убьете меня. Согласны ли вы?

Рольфъ разстегнулъ жилетъ и показалъ висѣвшій у него на шеѣ медальонъ, красиво оправленный и осыпанный мелкими брилліантами. Джорджъ наклонился, чтобы лучше разсмотрѣть, оторопѣлъ на минуту и вдругъ судорожно, сильно схватилъ Рольфа за руку.

— Гдѣ вы взяли этотъ портретъ? кто далъ вамъ его?... Какою хитростью, какимъ обманомъ вы добыли его?... Говорите!

На шумъ, который надѣлалъ Клевлендъ, разсѣянные по комнатамъ гости съ любопытствомъ сообразились.

— Ничего, ничего нѣтъ особенно важнаго, господа, сказалъ Рольфъ: кавалеръ только сообщаетъ мнѣ свѣдѣнія насчетъ одной торговой статьи.

— Мерзавецъ! вскричалъ Клевлендъ и схватилъ его за горло.

— О! какое безразсудство, сэръ Джорджъ, возразилъ Рольфъ, спокойно высвобождаясь изъ рукъ негоціанта: успокойтесь, пожалуйста. К чему такъ горячиться? Угодно вамъ, чтобы я отдалъ предметъ нашего спору на судъ этимъ господамъ?

— Выйдемте отсюда, милостивый государь, сказалъ Клевлендъ блѣдный и съ валистыми кровью глазами. Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ важнаго, продолжалъ онъ едва внятнѣмъ голосомъ: пустой споръ; пожалуйста, сэръ Робертъ, пожалуйста; мы объяснимся на воздухѣ; это будетъ лучше.

Они вышли, и въ сѣняхъ Рольфъ подалъ знакъ наемному слугѣ, который ожидалъ его. Слуга, несмотря на теплую пору, былъ завернуть въ плащъ. Онъ пошелъ слѣдомъ, на улицѣ отдалъ Рольфу двѣ шпаги и пачезъ.

Клевлендъ замѣтилъ это обстоятельство.

— Я вижу, вы уже сдѣлали половину дѣла, сказалъ онъ, устремивъ на противника проияцательный взглядъ: мы можемъ прямо выйти за городъ, не теряя времени на добываніе оружія.

— Если только это оружіе понравится вамъ.

— Мнѣ совершенно все равно; я очень радъ вашей предусмотрительности.

— Я, можетъ быть, затѣмъ только и пріѣхалъ въ Калькутту, чтобы имѣть честь подраться съ вами....

— Я самъ начинаю такъ думать. Но по крайней-мѣрѣ вы скажете мнѣ....

— Извините, сэръ Джорджъ, я долженъ предупредить васъ, что не намѣренъ давать отвѣтовъ на ваши вопросы.

— Вы не скажете, какимъ образомъ достался вамъ портретъ моей жены? Такъ вы хотите, чтобъ я задушилъ васъ.... чтобъ я убилъ васъ тутъ же, на мѣстѣ, какъ собаку?

— Я не думаю, что я мертвый отвѣчу скорѣе чѣмъ живой. Сверхъ того, любезнѣйшій мой тигръ, все, что вы тутъ изрыгаете, до невѣроятной степени неизящно. У васъ въ карманѣ есть вексель въ двѣнадцать-тысячъ гиней; у меня подъ жилетомъ — портретъ, который, кажется, стоить этихъ денегъ. Ставки одинаковы и паръ идетъ. Чего же вамъ больше?

— Нужно, чтобъ ты сказалъ мнѣ, гдѣ ты укралъ этотъ портретъ!

— Любезнѣйшій сэръ Джорджъ, вы гораздо болѣе — Ренджитъ-Синь чѣмъ я полагаю; вы рассуждаете какъ дикарь. Повторяю вамъ, что вы можете задушить меня, если это доставитъ вамъ удовольствіе, но ни чѣмъ не принудите отвѣчать. Прибавлю еще, что мы теперь уже довольно далеко отошли отъ городу, что все это начинается смертельно надоѣдать мнѣ и что вы будете очень любезны, если поспѣшите обважить вашу шпагу. Ужъ воздно; мнѣ смертельно спать хочется.

Клевлендъ остановился, нѣсколько разъ провелъ рукою по лбу, увлаженному холоднымъ потомъ, и вдругъ странно захохоталъ.

— Наконецъ, сказалъ онъ, что же мнѣ во всемъ этомъ, если ужъ мнѣ не суждено жить!

— Конечно, сказалъ Рольфъ, не понявшій смыслу этихъ словъ: но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы должны стоять здѣсь другъ передъ другомъ какъ индустанскіе истукавы; ваши калкутскія вочи прегадко холодны.

— Защищайтесь, сэръ! сказалъ Клевлендъ хриплымъ голосомъ, взявъ наудачу одну шпагу.

Лезвее описало полукругъ и пересѣкая лунный лучъ сверкнуло блѣднымъ отблескомъ.

Рольфъ ступилъ первый шагъ и, едва ощутивъ своею шпагой Клевлендову шпагу, понялъ, что дѣло будетъ не шуточное. То было лезвее холодное, твердое, вставленное въ бронзовый кулакъ. Онъ, казалось, чувствовалъ потребность благоразумія и уклонялся отъ чести перваго удара.

— Воздухъ, я полагаю, теперь кажется вамъ еще холоднѣе давшняго? сказалъ Клевлендъ съ улыбкой.

Этого довольно было Рольфу. Онъ отступилъ и выпалъ. Двѣ молніи не перекрещаются быстрѣе. При третьемъ ударѣ Рольфъ, стѣсненный съ дороги, ступилъ по колѣна въ траву. Клевлендъ опустилъ шпагу.

— У насъ не было условія, чтобы я косилъ васъ, сэръ, сказалъ Джорджъ.

Рольфъ поблѣднѣлъ и прыгнулъ какъ пантера. Шпаги слова сцѣпились и завизжали какъ-будто человѣческими голосами. Клевлендъ молчалъ; Рольфъ, съ глазами на выкатѣ, задыхался, судорожно дрожа всѣмъ тѣломъ, искалъ мѣста для рѣшительнаго удара, думалъ найти его, съ яростью выпалъ и напоролся на неподвижнѣй клинокъ Клевленда.

Рольфъ упалъ.

— Вы убиты? спросилъ Клевлендъ, отеревъ свою шпагу о траву.

— Почти, отвѣчалъ тотъ судорожно разрывая землю ногтями.

— Могу я теперь получить портретъ?

— Это значило бы невыполнить.... условій заклада.... Я еще дышу.

— Ну, извольте подышать; торопиться некуда.

— Портретъ вы найдете у меня на груди.... Ваша шпага прѣшла, вѣроятно, очень близко.

— Выслушайте, сэръ Робертъ.

— Много?

— Нѣтъ, одно слово. Хотите вы, чтобы я расплатился съ вашими кредиторами?

— Вотъ вздоръ!.... Начто это?

— Нечестно умирать несостоятельнымъ.

— Вы думаете?

— Я завтра увеличу оставшееся послѣ васъ наследство двѣнадцать тысячами гиней, если вы теперь, сейчасъ, скажете мнѣ, какимъ образомъ этотъ портретъ достался вамъ.

— Двѣнадцать тысячъ.... завтра.... двѣнадцать-тысячъ гиней.... а я умираю!

— Вы согласны?

— Да, но.... чортъ меня возьми, если я стану говорить изъ любви къ собакамъ ждамъ.... нѣтъ.... я.... Охъ!....

— Говорите скорѣй!

— Виргинія.... то есть.... ахъ!.... кончено!.... Виргинія....

Рольова голова упала на колѣни къ Клевленду, который сидѣлъ на корточкахъ, чтобы лучше вслушаться.

— Опять Виргивіа!.... Рольѣ! Рольѣ!.... Умеръ! Негодяй! онъ нарочно умеръ, недосказавши!

Клевлендъ распахнулъ у умвращающаго жилетъ и доставъ на залитой кровью груди медальонъ, оборвалъ снурокъ.

Но взглянувъ на свою добычу, Джорджъ вскрикнулъ. Портретъ не только весь былъ залитъ кровью.... шпага раздробила и стекло и костяную пластинку, на которой онъ былъ написанъ.

— Испорченъ!.... узнать нельзя! И это я! я! Ахъ, Клевлендъ, на тебѣ тяготѣетъ проклятіе!

— Хорошъ портретъ?.... а!.... очень хорошъ! проговорилъ Рольѣ нѣсколько очнувшись, и захохоталъ.

— Демонъ! вскричалъ Джорджъ, толкнувъ его ногой: убирайся въ адъ со своимъ смѣхомъ!

Рольѣ повалился навзничъ и уже не шевелился.

Клевлендъ поспѣшно ушелъ.

Рольѣ говорилъ правду, что замужество Виргивіи и его обстоятельства, мало впрочемъ извѣстныя, впродолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ надѣлали довольно много шума въ изящнѣйшихъ кварталахъ Лондона. Благодаря полу-улыбкамъ и нескромнымъ рѣчамъ сэра Джорджа Индела, знали только, что кавалеръ Клевлендъ отправился въ Индію черезъ часъ послѣ бракосочетанія.

Это обстоятельство доставило не малую работу головамъ, и Виргивіа, сама того не зная, сдѣлалась до рѣдкости интереснымъ феноменомъ. Бѣдняжка очень рада была развлечься и съ лихорадочною жадной предалась свѣту и его пирамъ. Ее окружали, ее слушали, ею восхищались, за нею слѣдовали въ Гейдъ-Паркъ, ее лорнировали въ Ковентгардевъ, ее приглашали на всѣ собранія въ Реджентъ Стритъ, и все это сначала очень нравилось ей, потому что въ душѣ она носила страхъ и предпочитала ночи на балу ночамъ въ уединенной своей спальнѣ. Она лучше любила Лондонъ съ его шумными улицами и освѣщенными домами чѣмъ Темпльстонъ съ четырьмя его башнями, которыя какъ блѣдныя тѣни отдѣлялись отъ мрачнаго лѣснаго грунту.

Но и посреди разсѣяній на нее находили часы утомленія. Часто, возвращаясь съ балу или изъ оперы и сидя въ каретѣ подлѣ стараго капитана, она находила, что сэръ Робертъ, — одинъ изъ объявленныхъ поклонниковъ ея, — до смѣшнаго надсѣдался, чтобы сказать два три сомнительно остроумныхъ слова, — или что любезности лорда С*** были на этотъ разъ до невѣроятности по-

шлы, — или что атмосфера у посланника еще тяжелѣе острожь Рольфа и раздражаетъ нервы больше любезностей лорда С***, — или, наконецъ, что лондонскій туманъ никогда еще не выжималъ изъ стѣвъ такихъ черныхъ и дурно пахнущихъ слезъ.

— Батюшка! говорила она тогда, положивъ маленькую ручку въ бѣлой перчаткѣ на плечо сэру Джоу, который, пользуясь думами Виргини, бралъ маленькій задатокъ у наступающей ночи, потому что лорды, сэры, балы, оперы и гулинья изрядно трешали почтеннаго капитана, несчитая пули, которая сидѣла все въ той же лѣвой шкѣ и къ которой еще присоединилась подагра, плачевное воспоминаше о веселой молодости.

— Батюшка! повторяла Виргинія своимъ серебрянымъ голоскомъ.

— Что, душенька? вскрикивалъ сэръ Джоу, встрепенувшись.

— Прикажите Патрику поверотить къ Темпльстону.

— Къ Темпльстону?... Какъ! мы ѣдемъ въ Темпльстонъ?

— Отчего же нѣтъ? Я увѣрена, что вамъ пріятно будетъ завтра сыграть партію въ вистъ съ мистромъ Уэспомъ.

— Завтра... конечно, завтра мы можемъ ѣхать въ Темпльстонъ. Но что же намъ мѣшаетъ сегодня снать въ Лондонѣ, въ нашемъ домѣ?

— Батюшка!... мнѣ нездоровится.

— Ты нездорова, Виргинія?... Ты была такъ весела, такъ блестяща цѣлый вечеръ!

— Мнѣ скучно!

— Отчего же?

— Мнѣ все надоѣло, весь Лондонъ, и балы, и музыка, и лимоннаго цвѣту волосы лорда С***; мнѣ надоѣли и вы, и я, и мой фарафоръ, и мой будеаръ, и брилліанты, и италіанскій учитель

— Ахъ, Боже мой!... и ты думаешь, что въ Темпльстонѣ...

— Тамъ я не буду скучать; тамъ у меня будетъ занятіе.

— Какое же занятіе?

— Я стану плакать.

— Виргинія! Это отвѣты, которые вгоняютъ меня въ могилу! Это недостойно! это вѣрно! Что же ты наконецъ хочешь сдѣлать изъ меня?

Тогда Виргинія бросалась къ отцу на шею, осыпала его поцѣлуями и дергала за шурокъ, надѣтый на руку кучера, Патрика. Карета останавливалась, лакей являлся у дверицы.

— Въ Темпльстонъ! кричалъ капитанъ.

И господа прїѣзжали въ Темпльстонъ, въ семь часовъ утра, въ бальномъ нарядѣ.

Такимъ образомъ сэръ Джонъ помячивался за счастливую мысль составить для Виргинїи необыкновенную партїю.

Онъ приписывалъ всё эти прихоти, взрывы и неожиданные переходы не себѣ, а женской натурѣ, неудовлетворенному любопытству и тысячамъ причинамъ, неудобноазываемымъ, хотя и совершенно естественнымъ. (Онъ не зналъ роковой тайны, которую Виргинїя съ ужасомъ хранила въ глубочайшихъ тайникахъ своей души и которая по временамъ выходила и становилась передъ нею какъ привидѣніе.

Виргинїя, воспитанная добрякомъ-фанатикомъ родительскаго самоотверженїя, который въ эту слѣпую любовь перенесъ все упрямство и всю нетерпѣливость основнаго своего характера, Виргинїя выросла помѣрѣ развитїя отъ природы на полной и совершенной волѣ. Она была очаровательна, исполнена естественной прелести и милой откровенности, но до страсти любила воздухъ и пространство, горѣла жаждой новыхъ впечатлѣній, и нетерпѣливо, тревожно, безрестанно бросалась во всё концы горизонта жизни, по которому ей предоставляли ходить самовластными стопами, какъ указать фантазія. Не имѣя ни вомагата, ни наставника, она отдалась своему тирану, капризу. Она только одну книгу удостоивала чтенїя, но то была книга волшебная и очаровательная; то былъ романъ, написанный самимъ Богомъ и милосердно положенный въ скарбъ челоуѣку въ день изгнанїя изъ рая, — то было собранїе волшебныхъ сказокъ, которое мы хранимъ въ одномъ изъ сокровенныхъ угловъ нашего мозга и которое извѣстно подъ заглавіемъ: «Воображенїе».

Проливъ всё слезы, какія сочла совмѣстными съ своимъ достоинствомъ, Виргинїя нашла, что ея бракъ съ Клемендомъ — одна изъ чудеснѣйшихъ страницъ любимаго ея кипсека. Въ этой сказкѣ ни въ чемъ не было недостатку, — ни въ таинственности, ни въ непредвидѣнномъ, ни въ мрачномъ героѣ, ни въ слезахъ жертвы, ни даже въ ночныхъ сценахъ, освѣщенныхъ огнями, потому что ее вѣнчали сентябрьскимъ вечеромъ, въ старинномъ темпльстонскомъ замкѣ, подъ довольно черными сводами домашней капеллы. Лучше этой сказки и требовать нельзя.

Такъ ли въ самомъ дѣлѣ думала Виргинїя? Признавался ли она, что подлѣ слезъ у нея было это прїятное щебетанїе, которое возбуждаетъ душу и воспаляетъ воображенїе? Едва ли. Виргинїя была откровенна съ собою и чистосердечно вѣрила въ

свое заблужденіе. Она покраснѣла бы, если бь открыла въ себѣ что-нибудь театральное и поддѣльное. Она считала себя обреченною на необычайныя приключенія, и честно, важно, простодушно приравливала свое лицо и свой умъ къ чудовищности своей участи.

Но что въ особенности было у нея поводомъ къ странностямъ и неровности образа жизни, — что больше всего возмущало ея существованіе, населяло сны призраками, помрачало дни и потрясало мозгъ, — великая причина ея страданій изъ страданій, — это страшная тайна Клевленда, его обѣщаніе умереть.

Конечно, она не имѣла ни какого особеннаго основанія жалѣть о своемъ сэрѣ Джорджѣ. Мужъ, который черезъ часъ послѣ свадьбы бѣжитъ, не показывается на глаза и желаетъ умереть, — смертный не весьма заслуживающій привязанности, какъ мужъ.

Но съ точки зрѣнія болѣе возвышенной, болѣе отвлеченной и, если смѣю такъ сказать, болѣе художественной, роковое положеніе Виргиніи принимаетъ совсѣмъ иные размѣры. Она видѣла, что этотъ человѣкъ въ самоотверженіи дѣйствительно доходитъ до смерти. Чтобы спасти честь отца, онъ женится на дѣвушкѣ, у которой не ищеть ни любви ни счастья, и чтобы не тяготѣть на участи этой женщины, чтобы возвратить ей свободу, которую принужденъ былъ отнять, чтобы не затмѣвать собою этой свѣтлой и юной жизни, онъ великодушно намѣренъ умереть. Да это цѣлая драма! Тутъ цѣлая тьма мрачной и высокой поэзіи! Это прекраснѣе чѣмъ Вертеръ, это отчаяніе Лары!

Правда, что Клевлендовы письма немощно смущали Виргинію и подавляли мечтательное восторженное изліяніе, къ которому увлекалъ такой великолѣпный прологъ. Ей было неловко и даже немножко досадно слышать, что жажда смерти у сэра Джорджа происходила просто отъ спяну, отъ болѣзни, хотя и не пошлою, потому что жажда смерти, даже болѣзненная, никогда не бываетъ пошлою. Однако жъ героизмъ Клевленда всё таки упалъ въ цѣвь. Онъ умиралъ не для жены, а для себя. Если при роковомъ своемъ намѣреніи онъ общалъ ей, безвинной жертвѣ, возвратъ отнятой свободы, то это просто — *такъ случилось*. Не будь этого, ей было бы хуже: онъ не умеръ бы, а воротился изъ Італіи какъ неумолимо вѣрный мужъ, и сталъ бы благополучно жить подлѣ нея въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ.... лѣтъ до семидесяти, до осмидесяти....

Такая перспектива была бы, можетъ быть, не очень пріятна. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней она забывала о своей тихой не-

чали и была зато очень не въ духѣ. Потому она стала разсуждать.

— Ну, что жь! да, это болѣзнь, думала она: но источникъ этой болѣзни въ сердцѣ. Эта болѣзнь — сомнѣніе, уныніе, смертельное отчаяніе, которое овладѣваетъ страждущею душой при видѣ счастья и жизни. Въ Клевлендѣ съ этой стороны столько же поэзіи какъ было бы и со всякой другой. Посмотрите, какъ эта не способная къ жизни душа разсѣянно и задумчиво проходитъ между людьми. Блага міра, конечно, кажутся ему достойными желанія, но онъ чувствуетъ себя не способнымъ вкусить ихъ. Онъ самъ говоритъ, что сверхъестественная сила, могущественнѣе всѣхъ земныхъ магнитовъ, neodолжно тянетъ его прочь отъ жизни, какъ отъ потеряннаго рая. Предопредѣленный на безвременную смерть, онъ еще самъ осудилъ себя на утонченности казни. У этого Мафреда, которому жизнь запрещена, есть все что на свѣтѣ можетъ сдѣлать человѣка славнымъ и сильнымъ. Какое благородство въ сердцѣ, какой умъ въ глазахъ, какая печать величія во лбу! Онъ типъ той красоты, которая освѣщается лучами души и возрастаетъ отъ тѣней страданій. Между-тѣмъ онъ идетъ къ могилѣ, и ничья рука, ничье сердце не думаетъ остановить его на пути. Что, если бы какое-нибудь свѣтлое, любящее сердце добровольно отдалось на жертву и наполнило бы своею жизнью эту потухающую лампаду; что если бы у какой-нибудь жепщины нашлось столько мужества, чтобы поддержать эту увядающую молодость ласкою своей улыбки и улыбкою глазъ? Что, если, можетъ быть, нужно только оживить земной огонь этого блѣднѣющаго свѣтильника? если смерть, эта хищная ночная птица, въ испугѣ отлетитъ, когда жертву ея озаритъ внезапный свѣтъ?.... Нѣтъ, нѣтъ! не стану я долѣе колебаться!....

И благодаря этому новому обороту мыслей, Виргинія съ полнымъ убѣжденіемъ снова принялась за свою мечту.

Кромѣ двухъ писемъ, которыя мы читали, она написала много другихъ. Она страстно полюбила Клевлендовъ слогъ, въ которомъ находила печать роковой покорности судьбѣ и поэзію чувства. Но чтобы побѣдить въ этой борьбѣ жизни со смертью, ей не хотѣлось ограничиться медленною и затруднительною мѣной по письму или по два въ годъ; ей хотѣлось сражаться лицомъ къ лицу съ врагомъ, тамъ, подъ прекраснымъ солнцемъ Индіи, подъ пламенными поцѣлуями, котораго розы ея красоты,

безъ сомнѣнн, раздѣли бы еще роскошнѣе и заблагоухали бы еще обаятельнѣе, еще побѣдоноснѣй.

Въ ожиданн возможности отправиться въ этотъ походъ, она поступила подобно Кесарямъ, которые посылали свои изображенн завоевывать провинци, — она послала свой портретъ.

Здѣсь читатель догадывается, быть-можетъ, что портретъ, о которомъ мы нечаянно упомянули, имѣеть кое-какую связь съ знаменитымъ медальономъ, который сэръ Джорджъ раскололъ и потопилъ въ крови на груди Рольфа. Мы поздравляемъ читателя съ удивительною его прощнцательностью и смѣшимъ сообщить все остальные нужныя свѣдѣнн по этой важной статьѣ нашей правдивой исторн.

Чтобы Виргннн могла послать портретъ къ сэру Джорджу, нужно было сперва этому портрету существовать. Она попросила капитана нанеать къ сэру Роберту, чтобы немедленно прислалъ въ Темпльстонъ знаменитаго миннаторнаго живописца, которымъ тогда восхищались весь Лондонъ. Капитанъ написалъ къ Рольфу, и этотъ, повидному, влчужный случай послужилъ поводомъ къ множеству важныхъ событн... но не станемъ опережать времени.

Однажды вечеромъ, въ такой часъ, когда солнце уже не золотило высотнхъ трубъ на кровляхъ Темпльстона, Виргннн задумчиво улыбаясь шлохаживалась по одной изъ мрачныхъ столѣтнихъ аллей своего парка.

Живописецъ исполнилъ свое дѣло съ отличвымъ успѣхомъ.... Чистый, дѣвственный овалъ, весеннн розы, прозрачныя тѣни, природная граци и миловидность, изъ которыхъ составлялась лучезарная красота *миссъ леди*, — какъ ее звалъ капитанъ, — нашамъ себя искуснаго переводчика. Слоновая кость дышала и жила.

Виргннн, продолжая разсѣянно идти по тѣнистой аллѣ, гдѣ все больше и больше сгущался сумракъ, пользовалась всеми просвѣтами, всеми забытыми лучами уходящаго дня, чтобы посмотреть на свою улыбку, на хорошенькомъ медальонѣ въ бриллиантовой рамкѣ.

Она была счастлива; она наслаждалась горделивою надеждою быть любимой и сладостными нутами страсти воротить къ жизни того, котораго вождѣнн смерти все еще увлекали въ могилу. Было ли это съ ея стороны тщеславн женщины, которая не хочетъ, чтобы красота ея даромъ свѣтилась подъ солнцемъ, или въ самомъ дѣлѣ смутное пробужденн любви, или просто состраданн къ умирающему, въ Калькуттѣ, — никто не могъ бы ска-

затѣ навѣрное, и Виргинія менѣе чѣмъ ктонибудь. Однако жъ вѣрно то, что, каково бы ни было состояніе сердца леди Клевлендъ, къ нему примѣшивался изрядный снопъ бенгальскихъ огней, которыми богатыя воображенія умѣютъ освѣщать всѣ свои созданія. А у Виргиніи воображеніе было не изъ бѣдныхъ.

Леди Клевлендъ сидѣла на скамьѣ подлѣ большой куртны каприолін, по близости ограды со стороны поля, и смотрѣла вдаль какъ вечерній сумракъ постепенно застилалъ отдаленные холмы.

Вдругъ послышался шорохъ въ кустахъ. Виргинія быстро оглянулась и увидѣла передъ собой мужчину.

Она хотѣла бѣжать, кричать, но страхъ отнялъ силы; она въ изнеможеніи, съ трепетомъ, осталась на скамьѣ.

Незнакомецъ подошелъ и очей уctieво поклонился.

— Сэръ Робертъ! произнесла наконецъ Виргинія, узнавъ знаменитаго, блестящаго денди, красу собраній Странда: вы здѣсь? въ такую пору?

— Я знаю, миледи, что это въ высокой степени неприлично, но если бы я отправился въ замокъ, чтобы видѣть васъ, капитанъ пригвоздилъ бы меня къ вѣсту; притомъ, вы, имѣя у себя гостя, не продавли бы такъ своей прогулки, и я не имѣлъ бы возможности поговорить съ вами безъ свидѣтелей. Поэтому я рѣшился перелѣзть черезъ ограду, и вотъ я здѣсь.

— Чтѣ же вы имѣете сказать мнѣ? спросила Виргинія съ холоднымъ и надменнымъ выраженіемъ, въ которомъ состоитъ крѣпость женщинъ, когда онѣ бываютъ въ опасный часъ застигнуты однѣ въ глухомъ паркѣ.

— Я имѣю сказать вамъ, что я разоренъ, что цѣлая ватага жидовъ, барышниковъ и каретниковъ съ лаемъ несется за мной по пятамъ и что я завтра покидаю Лондонъ...

— Я не вижу, почему бы это могло служить предметомъ особеннаго разговору между нами, если только вы не намѣрены потребовать у меня или жизни или кошелька.

— Подождите, я еще не все сказалъ.

— Чтѣ же еще?

— Я хочу сказать вамъ, что вы прекрасны какъ ангелъ; что вы блестящи, остроумны; что впродолженіи всей весны я повсюду слѣдовалъ за вами; что я удивлялся вамъ; что я поклонялся вашей красотѣ ...

— Довольно, милостивый государь! сказала Виргинія вставая.

— О! не бойтесь, миледи; сэръ Робертъ Рольфъ подписалъ мно-

го протестованныхъ векселей, но никто не осмѣлится сказать, что онъ когда-нибудь оскорбилъ честную и благородную женщину. Я стою въ трехъ шагахъ отъ васъ, вотъ вамъ пистолеть; застрѣлите меня, если я буду такъ дерзокъ, что ступлю хоть на одинъ шагъ ближе къ вамъ.

Сказавъ это, Рольфъ подалъ Виргиніи пистолеть. Она холодно взяла его и положила подлѣ себя на скамейкѣ, потомъ, спокойно посмотрѣвъ на Рольфа, сказала:

— Чтò жь далѣе? продолжайте, сэръ.

— Вы можете не повѣрять мнѣ, миледи, но то, чтò я хочу сказать вамъ, совершенная правда. Я съ виду настоящій джентльменъ, а робокъ какъ пятнадцатилѣтній школьникъ. Но чтò дѣлать! какъ ни старался, а не могу избавиться отъ этого недостатку. Если бъ не долги, которые принуждаютъ меня бѣжать изъ Англіи, я любилъ бы васъ десять лѣтъ, и не сказалъ бы ни слова.

— Очень сожалѣю о вашихъ долгахъ, сэръ.

— А я, миледи, я очень благодаренъ имъ, потому что, накупивъ моего бѣгства и въ увѣренности, что послѣ этого разговору никогда уже не увижу васъ, я могъ рѣшиться на неслыханную дерзость.

— Да, неслыханную; это выраженіе очень вѣрно.

— Я имѣлъ въ жизни три страсти, миледи, — къ картамъ, къ лошадямъ и къ вину; — страсти очень прожорливые: они совершенно оглодали меня. Но никогда, посреди самыхъ жаркихъ ночей, когда хмѣль плясалъ въ лучахъ золота и въ звонѣ гиней, сердце мое не билось такъ, какъ теперь; никогда не трепетало оно такъ, какъ трепещетъ при малѣйшемъ блескѣ вашихъ глазъ.

— Ваше объясненіе принимаетъ довольно поэтическій характеръ. Вы все сказали, сэръ Робертъ? Теперь ужъ довольно поздно; батюшка будетъ беспокоиться, что я такъ долго не возвращаюсь.

— Я не знаю, счастливы ли вы, миледи. Какая-то таинственность окружаетъ вашу жизнь; вы чудо хороши, вы достойны обожанія, а между тѣмъ, мнѣ кажется, что вы боретесь съ тоской, къ которой неизъяснимое одиночество приговорило ваше сердце.... Вотъ, чтò дало мнѣ смѣлость высказать вамъ все. Я никогда больше не увижу васъ, но по-крайней-мѣрѣ унесу съ собой надежду, что хоть на нѣсколько часовъ воспоминаніе объ этомъ свиданіи сохранится въ вашемъ воображеніи и уста хоть разъ прошепчутъ мое имя....

— О! это ужь слишкомъ, сэръ! сказала Виргинія, у которой голосъ изъ насмѣшливаго перешелъ почти въ дрожащій: я не могу позволить себѣ слушать такія вещи.

Она хотѣла уйти.

— Одно слово! вскричалъ дяди, бросившись къ ногамъ леди Клевлендъ: умоляю васъ, выслушайте меня.... Я иду въ изгнаніе; дайте мнѣ талисманъ, котораго видъ обольщалъ бы меня хоть тѣвью блаженства, который лежалъ бы на моей груди какъ сокровище и охранялъ бы отъ вреда и бѣдствія, и отъ ужасныхъ впушеній отчаянія. Скажите, вы не хотите, чтобы я, вышедши изъ этого парка, въ первой лѣспой трущобѣ разможилъ себѣ голову? Вы хотите спасти меня? вы хотите, чтобы я жилъ?

— Оставьте меня, сэръ Робертъ; вы пугаете меня. Я не понимаю васъ.

— Цѣлый часъ прятась за кустами, я слѣдовалъ за вами шагъ за шагомъ; я пожиралъ глазами вашу красоту, это чудо природы и этотъ портретъ, чудо искусства.... Я знаю, Виргинія, что я недостойнъ произведенія Божьяго, но произведеніе людей.... но этотъ портретъ, который вы спрятали на своей груди.... о! на колѣняхъ умоляю васъ, отдайте мнѣ его!.... не откажите мнѣ; я прошу васъ объ этомъ, какъ просятъ жизни.

— Мой портретъ?.... вькогда. Какъ могли вы подумать объ этомъ?

— Онъ необходимъ мнѣ, миледи, сказалъ Рольфъ вдругъ совершенно спокойно.

— Этотъ портретъ назначенъ Клевленду.

— Клевленду, вашему мужу?

— Да; сегодня же вечеромъ, я должна отправить его съ нарочнымъ въ Лондонъ, на корабль, который завтра съ разсвѣтомъ подниметь паруса. Вы видите, что я не могу терять на минуты. Слѣдовательно, сэръ Робертъ....

— Вы мнѣ отказываете?

— Сомнѣваться въ этомъ, значило бы оскорблять меня.

— Вы отказываете? вы не отдадите мнѣ этого портретъ?

— Ужь не хотите ли вы овладѣть имъ какъ разбойникъ на большой дорогѣ? Въ такомъ случаѣ предупреждаю васъ, сэръ, что иногда беззащитная одинокая женщина бываетъ смѣлѣй хвастуновъ, которые страшатъ ихъ вытаращенными глазами. Мое достоинство и, въ случаѣ нужды, презрѣніе, будутъ мои защитниками противъ васъ.

Сказавъ это, Виргинія взяла пистолеть, выстрѣлила на воздухъ и съ презрѣніемъ бросила оружіе къ ногамъ Рольфа, потомъ низко поклонилась и мѣрными шагами ушла.

Дошедши до конца аллеи, Виргинія оглянулась. Рольфъ всё-еще стоялъ на томъ же мѣстѣ. !Потомъ онъ поднялъ еще дымившійся пистолеть, и также медленно пошелъ туда, откуда пришелъ.

— Вотъ человекъ, который любитъ меня такъ, что смирится при первомъ знакѣ моей руки! сказала Виргинія, и болѣе веселая чѣмъ вволнованная случившимся происшествіемъ, торопливо пошла домой готовить назначенную Клевленду посылку.

Спустя нѣсколько минутъ, ѣздовой поскакалъ въ Лондонъ.

Но не прошло часу послѣ отъѣзду посланнаго, какъ мужики принесли его съ прѣстрѣленною головой. Въ этомъ видѣ его подняли на большой дорогѣ. Лошади не нашли.

Несчастный слуга едва дышалъ и не могъ произнести ни слова. Его раздѣли, тщательно обыскали всѣ карманы, но посылки при немъ не нашли. Всѣ розыски объ этой странной покражѣ остались бесполезными.

Одна Виргинія, можетъ-быть, могла бы указать похитителя, но печальность, ужасъ и всего болѣе состраданіе сковывали ей языкъ.

Она молчала, и другаго портрета не заказывала.

Караванъ, котораго поджидалъ Клевлендъ, благополучно прибылъ. Онъ прошелъ весь край, занятый воровскими шайками раджей, и миновалъ опасность, которая почиталась неизбѣжною. Всѣ изумились, кромѣ Клевленда.

Онъ, не теряя ни минуты, занялся обращеніемъ своего товару въ монету, и не имѣя надобности въ барышахъ свыше ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, слѣдовавшихъ Компаніи, не сталъ хлопотать объ отправленіи на европейскіе рынки, а распродалъ все на мѣстѣ, съ уступкою.

Никогда еще дѣловая горячка не палила его сильнѣе. Первое нетерпѣніе день и ночь поддерживало его въ движеніи; съ восходомъ солнца онъ являлся въ свою контору и былъ еще тамъ, когда уже весь городъ спалъ глубокимъ сномъ. Радость, дикая, терпкая, болѣзная какъ уязвленіе отравы поднималась у него изъ сердца въ голову каждый разъ, когда онъ видѣлъ вечеромъ, что прошедшій день привелъ его на шагъ ближе къ исполненію желанія.

Клевлендъ болѣе чѣмъ когда-нибудь желалъ умереть, болѣе чѣмъ когда-нибудь могла смотрѣла на него обаятельнымъ, недо-

лимо увлекающимъ взоромъ. Ночной демонъ, называемый сплн-номъ, и вампиръ-самоубійство оковывали его своими могуще-ствяными чарами. Онъ хотѣлъ, во чтò бы то ни стало, поки-нуть свѣтъ; онъ хотѣлъ умереть, потому что любилъ смерть и ненавиждѣлъ жизнь.

Вечеромъ, послѣ дуэли съ Ролфомъ, сэръ Джорджъ открылъ секретъ: онъ открылъ, что онъ, сэръ Джорджъ Клевлендъ, обо-жаетъ Виргинію. Бѣшенство его при видѣ женнна портрета въ чужихъ рукахъ происходило не отъ чего ннаго какъ отъ любви; отчаяніе, съ какимъ онъ ловилъ за умирающихъ губахъ Рольфа признаніе, которое бы оправдало Виргинію, было отчаяніе рев-ности, пожирающей ревности.

Но какой упрекъ могъ онъ сдѣлать этой женщинѣ? Какую любовь, какую клятву вѣрности она должна была хранить? Кче-шу бы она стала любить его? любить человѣка, который про-шелъ мимо ея, не замѣтивъ даже, что она лучезарна отъ кра-соты и граціи! Его, котораго ни дѣвственность души, ни свѣ-жіи цвѣты ея молодости ни на шагъ не отвлекли отъ врачнаго шута! Его, гордеца, равнодушнаго, слѣпаго!... Онъ вспомнилъ о писъмахъ Виргиніи, схватилъ ихъ, сталъ перечитывать, пересма-тривать прозрѣвшими глазами.... Да, такъ и есть! она полюбила бы его, еслибъ онъ захотѣлъ; она отдала бы ему сердце, которое только что начинало биться; она отдала бы ему жизнь свою. Но онъ ничего не умѣлъ понять, ничего не умѣлъ видѣть.

— Вотъ, конечно, мужъ, изъ-за котораго стоило стѣсняться! вкричалъ онъ тогда въ припадкѣ бѣшеной проини на самого се-бя: въ самомъ дѣлѣ, ей слѣдовало отвергать живыхъ для этого жертвенца! Полно! У Виргиніи не бывало мужа; Виргинія была свободна; она могла, кому хотѣла, отдать красоту, которой Кле-влендъ не умѣлъ рассмотреть, и портретъ, котораго онъ даже не догадался попросить.

Клевлендъ увидѣлъ, что ревность его неизлѣчима и что изъ этого желѣзнаго силлогизма нечего вывертываться. Виргинія для него погибла, а онъ уже не могъ жить безъ Виргиніи; слѣдова-тельно надлежало умереть.

Онъ видѣлъ также, что сама судьба находитъ его недостой-нымъ Виргиніи. Не сама ли судьба управляла его шпагой, когда онъ сражался изъ-за этого ангельскаго изображенія и получилъ его тогда уже, когда своеручно раздробилъ? Разумѣется! Вся жизнь его со времени возвращенія изъ Лондона была только про-

должительною неловкостью. Прежде разрушенія костянаго лесточка онъ тысячу разъ преспокойно рвалъ самыя чувствительныя струны сердца Виргинія.

— Да, да! говорилъ онъ, уныло кивая головой: когда смерть отиѣтитъ свою жертву, она прежде пораженія ослѣпляетъ ее... Все было въ заговорѣ, чтобы согнать меня со свѣта... Хорошо же! да совершится воля мертвыхъ.

И онъ съ возрастающею запальчивостью продолжалъ оканчивать свои дѣла. Месяце чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ все очистилось и насталъ наконецъ день, когда Клевлендъ выручилъ закладную капитана Индела Темпльстова.

Чтобы отпраздновать это достопамятное событіе, Клевлендъ придумалъ созвать челоѣкъ тридцать богатыхъ молодыхъ людей, изъ обывателей Калькутты, на охоту за тиграми въ джэнглахъ Рангунга и Раногатпура. Онъ вспомнилъ о данномъ Виргиніи обѣщаніи не дѣлать позору своею смертию и хотѣлъ обставить свой послѣдній часъ всеми благовидными обстоятельствами случайности.

Онъ занялся приготовленіями къ охотѣ. У него оставалось около десяти тысячъ франковъ стерлинговъ, на которые онъ намѣревался устроить себѣ похороны, и назначилъ въ поѣздъ четыре слона, шестьдесятъ лошадей и два отряда сипаевъ, не считая толпы слугъ, носильщиковъ, телѣгъ съ съѣстными припасами, лагерными вещами и оружіемъ. Сэръ Джорджъ намѣревался торжественно идти на смерть.

Въ ночь передъ отправленіемъ арміи охотниковъ, Клевлендъ написалъ къ капитану Инделю Темпльстому очень любезное письмо, въ которомъ извѣстилъ о счастливомъ освобожденіи отъ долга и, чтобы удалить всякое подозрѣніе, намекнулъ о намѣреніи скоро воротиться въ Англію. Онъ хотѣлъ также написать къ Виргиніи, но на первыхъ строкахъ слезы помрачили его зрѣніе, онъ побѣжалъ и бросился понерегъ на кровать.

Когда насталъ день, слуги пришедшіе доложить, что повозки, лошади и слоны готовы, нашли сэра Джорджа уже совершенно одѣтаго.

Онъ вышелъ на балконъ и поклонился охотникамъ; его встрѣтили громкимъ ура! и звукомъ роговъ. Потомъ онъ сошелъ внизъ, сѣлъ на коня и поѣздъ тронулся.

Весь городъ сидѣлъ въ окнахъ и стоялъ на террасахъ, чтобы видѣть отправленіе «Клевлендовой большой охоты», какъ ее называли. Клевлендъ ѣхалъ впереди на отличномъ ворономъ конѣ

и ласково раскланивался на обѣ стороны съ знакомыми. На первомъ поворотѣ онъ еще разъ оглянулся на домъ, въ которомъ провелъ пятнадцать лѣтъ жизни, въ которомъ оплакалъ родителей и котораго гостепріимной кровли уже не суждено приютить его... Вздохъ, вырванный этою мыслью, потерялся въ звукъ кимваловъ и роговъ.

Всѣ желали счастливаго успѣху охотникамъ и въ особенности избавленія отъ встрѣчи съ Али-Сивемъ, знаменитымъ раджей-разбойникомъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ распространялъ ужасъ отъ Бенареса до Хандернагора.

Но Клевлендова экспедиція была такъ хорошо вооружена, что могла не бояться разбойниковъ, точно такъ же какъ и тигровъ. Вечеромъ другаго дня она прибыла въ Хандернагоръ.

Быть въ Индіи и не попасть въ когти тигру, это совершенно то же что быть въ Римѣ и не видать папы. Между-тѣмъ несмотря на отлично занимательные рассказы путешественниковъ и романистовъ, нынче совершенно дознаю, что многіе Европейцы жили въ Индіи, охотились за индѣйскими звѣрями, извѣздили весь полуостровъ и, стыдно сказать, тигровъ въ глаза не видали. Я знаю нѣсколькихъ кандидатовъ философіи и правъ, молодыхъ людей, которые слушали отдѣльный курсъ естественной исторіи профессора Курторги, и слѣдовательно все знаютъ, и которые положительно сомнѣваются въ существованіи *полосатаго тигра* бенгальскаго, тѣмъ болѣе, что теперь не подлежитъ сомнѣнію, что живой тигръ этого рода, котораго показывали въ балаганахъ, на масляницѣ въ Петербургѣ и на святой недѣлѣ въ Москвѣ, былъ переодѣтый теленокъ.

Въ романѣ, въ путешествіи, оно ничего, но въ правдивой исторіи трудно по этому представить себѣ и изобразить читателю настоящее впечатлѣніе сэра Клевленда въ тотъ день, когда видъ одного изъ этихъ баснословныхъ царей бенгальскихъ убѣдилъ его наконецъ, что они дѣйствительно еще царствуютъ въ индустанскихъ степяхъ, сухихъ песчаныхъ равнинахъ, кое-гдѣ обнесенныхъ тощими кустарниками и называемыхъ *дженглями*.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ отставной яванскій князь цѣлту темной китайской бумаги, получивъ отъ Голландцевъ позволеніе учиться живописи, въ качествѣ яванскаго князя и живописца счелъ долгомъ посвятить себя специально живописанію полосатыхъ тигровъ и съ этою цѣлію искалъ ихъ повсюду, отъ патаго градуса южной широты до двадцатаго сѣверной, и не нашелъ ничего кромѣ чучель, набитыхъ соломой.

Яванецъ отправился въ Европу, сперва въ Лондонъ, потомъ въ Парижъ, въ надеждѣ найти сколько нибудь живаго тигра, но къ несчастію своему, прибывъ въ парижскій звѣринецъ уже на другой день послѣ того какъ послѣдній представитель породы умеръ въ чахоткѣ.

Несчастный Яванецъ впалъ въ отчаянный скептицизмъ относительно къ живому тигру. Онъ открылъ даже, что шкуры, на которыхъ европейскія красавицы позволяютъ своимъ львамъ валяться, просто — произведенія искусства скорняковъ.

Я ничего не намѣренъ утверждать на этотъ счетъ, однакожъ осмѣлюсь отослать читателя къ письмамъ, написаннымъ Викторомъ Жакмономъ въ продолженіи его путешествія по Индіи и напечатаннымъ по его смерти въ этомъ журналѣ. Изъ этой совершенно подлинной переписки явствуетъ, что господинъ Жакмонъ въ продолженіи двухъ лѣтъ изѣздивъ, верхомъ, весь индустанскій полуостровъ, два раза переправлялся черезъ Сетледжъ, посѣщалъ Пенджабъ, возвращался черезъ пустыню до Бомбея, и не выдалъ и тѣни четвероногого, похожаго на тигра, не слышалъ даже треску хворосту подъ лапами такого звѣря.

Тотъ же господинъ Жакмонъ былъ однажды приглашенъ пенталійскимъ раджей на пышную охоту, для которой собралось все окрестное англійское населеніе. Къ обществу принадлежали три слона. Намѣремы были охотиться за тиграми, леопардами и львами. Пробыли двѣ десяти въ полѣ и воротились съ носомъ; стрѣляли только по куропаткамъ, и то не очень удачно.

Это немножко длинное отступленіе необходимо было вставить здѣсь, потому что оно, можетъ-быть, изъяснитъ читателю, что въ уваженіе моего глубокаго цѣвѣжества во всемъ, что касается до неперепарированнаго, невабитаго, живаго тигра, я долженъ весьма воздержаться отъ подробностей въ описаніи характера и дѣйствій подлиннаго тигра, который отнынѣ играетъ весьма важную роль въ этой исторіи.

На другой день по прибытіи въ Хандерпагоръ, экспедиція охотниковъ отправилась въ Угли, а оттуда на Бурдванъ, чтобы потомъ повернуть на сѣверозападъ, вдоль лѣваго берега Деммуды и прибыть на десятый день въ Манкоръ, гдѣ и остановилась.

Когда люди и животныя надлежащимъ образомъ оправались отъ этого перваго утомленія, охотники подкрѣпили свой конвой еще отрядомъ горхасекскихъ солдатъ, потому что наслушались у туземцевъ страшныхъ разсказовъ объ Али-Спнѣ, Царѣ Дженглей, —

какъ его называли, — и отправилкъ въ Диньягуръ. Оттуда предъ полагали пуститься въ степи.

Туземцы, сбѣжавшіеся смотрѣть на каравацъ, рассказали сэру Джорджу, что, вѣскольکو дней тому назадъ, съ Семли пришла тигрица съ пятью щенками, уже довольно большими, в что одинъ изъ этихъ щенковъ, вѣроятно посмѣлѣе прочихъ, съѣлъ бѣдника Чупраси, шедшаго въ Бенаресъ съ письмами, да такъ съѣлъ, что не осталось ничего кромѣ одной кости отъ правой ноги, — даже дорожную котомку и сумку съ письмами съѣлъ.

Охотники были въ восхищеніи отъ этого извѣстія, и остановились въ придичномъ мѣстѣ, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія.

Самые отважные приказали подать *сунтовъ*, горныхъ лошадей, малорослыхъ, но чрезвычайно бодрыхъ.

Сэръ Джорджъ, несмотря ни на какія просьбы быть осторожнѣе, выбралъ самую горячую и скоро исчезъ въ вихрѣ пыли. За нимъ послѣдовали только тѣ, которые не очень боялись встрѣчи съ тигрицей. Остальные вѣззли на слоновъ, у которыхъ на хребтѣ почти нѣтъ ни какой опасности, потому что охотники сидятъ между двумя Индѣйцами, тѣмъ, который править, и тѣмъ, который держитъ надъ джентльменомъ зонтикъ. Эти должности, однако жъ, существуютъ только для виду: настоящая состоитъ въ обязанности, вмѣсто джентльмена отдаваться на съѣденіе тигру, когда онъ, раненый, бросится съзади или съпереди на спину слона. За это они получаютъ по двадцати пяти франковъ въ мѣсяцъ. Всѣ охотники, которые находятъ болѣе удовольствія въ томъ, чтобъ быть зрителями чѣмъ дѣйствующими лицами драмы, обыкновенно взираются на слоновъ съ четырьмя Индѣйцами въ сѣцѣлымъ арсеналомъ оружія, болъшею частію бесполезнаго, потому что оно остается безъ употребленія. Настоящій охотникъ — всадникъ, вооруженный карабиномъ и ножомъ.

Охота продолжалась не болѣе часу, какъ вдругъ посередѣ всадниковъ поднялся крикъ; многіе изъ нихъ отдѣлились отъ товарищей и во весь опоръ поскакали назадъ, — вѣкоторые такъ не осторожно, что пообдирали себѣ бока о сучья кустарниковъ и мелкихъ дубовъ. Конвою сипаевъ приказали даже пошибче тухнуть въ рога и стучать въ тарелки.

Причиною тревоги было то, что сэръ Джорджъ, все время скакавшій во главѣ охотниковъ, вдругъ на поворотѣ за утесъ, пропалъ, какъ будто сквозь землю провалился.

Его искали до самаго заката солнца и не нашли даже слѣдовъ.

лошади. Ни на кустарникахъ, ни на рѣдкой, сухой степной травѣ не замѣтили ни какого знака, по которому бы можно было предположить, что сэръ Джорджъ погибъ въ зубахъ тигра, — ни какого слѣда крови на землѣ, ни какого клочка мяса на камняхъ и сучьяхъ.

Когда настала ночь, разложили огни, сколько для того чтобы удалить хищныхъ звѣрей, столько же и для того чтобы указать дорогу Клевленду, въ случаѣ, если онъ заблудился и воротится.

Нѣкоторые друзья его, вооружась факелами, въ сопровожденіи сипаевъ всю ночь бродили около небольшой рощи, гдѣ, какъ предполагали, должна была вѣходиться тигрица со своими прожорливыми щенками.

Ни какого крику не слышали.

На зарѣ зашли въ лѣсъ, провели тамъ почти весь день, но не видали ни тигрова, ни человѣческаго слѣда. Дѣло казалось чудомъ, непостижимою тайной.

Собрались на совѣтъ. Нѣкоторые склонились къ предположенію, что Клевлендъ попался въ руки Али-Синю и его проклятымъ сейкамъ, которые дерзнули на это смѣлое похищеніе, вѣроятно, въ надеждѣ получить богатый выкупъ.

Мнѣніе это встрѣтило много противорѣчій, но какъ бы то ни было, рѣшили отступить къ Диньягuru и увѣдомить губернатора о пропажѣ, чтобы онъ послалъ отрядъ англійскихъ солдатъ на розыски въ ущельяхъ, гдѣ, по предположеніямъ, скрывался Али-Синь. Сверхъ того опредѣлили оставить отрядъ сипаевъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Клевлендъ исчезъ изъ виду; приказати имъ обойти окрестность по всѣмъ направленіямъ и немедленно дать знать въ Диньягуръ, если откроютъ какой-нибудь признакъ способный повести къ объясненію страннаго происшествія.

Къ вечеру разстроенная охота отправилась въ путь на Диньягуръ.

На днѣ одной изъ бороздъ, прорѣзанныхъ въ почвѣ джунглей потоками во время продолжительныхъ дождей и прикрытыхъ густою почти непроницаемою травой и кустарными растеніями, сидѣлъ задумчивый и спокойный сэръ Джорджъ Клевлендъ, а передъ нимъ лежалъ его выпотрошенный конь.

Сэръ Джорджъ былъ наизряднѣе изумительно сильный и ловкій. Опередивъ своихъ товарищей минутъ на десять пути, онъ примѣтилъ этотъ крытый оврагъ и, выбравъ удобное мѣсто, такъ притиснулъ своего коня шпорами, что гунтъ какъ стрѣла изъ лука пролетѣлъ въ самую глубину. Конь и всадникъ проскочили

такъ быстро, что вѣтви, едва согнувшись, какъ пружины опять выпрямились самъ собой и закрыли провалъ безъ слѣда.

На днѣ оврага конь споткнулся на покотившихся камешкахъ и упалъ на колѣни. Клевлендъ соскочилъ и одною рукой отеръ лицо, оцарапанное вѣтвями, другою вынулъ охотничій ножъ и всадилъ лошади въ грудь.

Бѣдный гунтъ вздохъ не испустивъ ни одного стону.

— Хорошо, сказалъ сэръ Джорджъ, теперь запахъ мертвечины, распространяясь по окрестности, привлечетъ сюда тигра непременно. Пожду; пусть только охота, утомившись искать меня, отправится домой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ услышалъ звукъ роговъ, которые призывали его, и ощутилъ дрожаніе земля подъ лошадинымъ топотомъ. Три раза кавалькада пробѣжала мимо оврага и три раза удалялась; никому на мысль не пришло, что сэръ Джорджъ сидитъ подъ этимъ частымъ плетнемъ изъ зеленыхъ и колючихъ вѣтвей.

Наступила ночь и Клевлендъ увидѣлъ у себя надъ головой зарево отъ сторожевыхъ костровъ. Онъ провелъ ночь, какъ провелъ день, сидя на своемъ убитомъ конѣ. Онъ догадался, что около того мѣста, гдѣ пропалъ его слѣдъ, разставили сипаевъ, и что его непременно найдутъ, если онъ разведетъ вѣтви, чтобы выглянуть или выйти изъ своего убѣжища. Поэтому онъ вооружился терпѣніемъ и сидѣлъ также неподвижно на своемъ мѣстѣ какъ валунъ на днѣ оврага.

На другой день, на зарѣ, онъ слышалъ какъ погонщики словозъ трубили обыкновенный свой походный маршъ, и понялъ что охота разстроилась и поворачиваетъ назадъ. Онъ поднялся на цыпочкахъ, осторожно развелъ вѣтви надъ головой и увидѣлъ какъ караванъ издали потянулся къ Диньягуру, и узнавалъ лучшихъ своихъ друзей по движеніямъ, которыя они дѣлали, чтобы еще и еще разъ оглянуться на роковыя джунгли, гдѣ потеряли Клевленда. Онъ въ душѣ прощался съ ними и ему казалось, что, удаляясь, они уносятъ съ собой его жизнь.

Въ то же время Клевлендъ увидѣлъ человѣкъ двадцать сипаевъ, которые остановились на возвышеніи и готовились остаться на бивуакахъ. Это поправилось ему.

— Завтра, утромъ, думалъ онъ, эти сипаи, объѣзжая окрестность, можетъ быть найдутъ мои останки и бережно отвесутъ въ Диньягуръ, а друзья схоронятъ въ Калькуттѣ, подлѣ могилы моей матери....

Впрочемъ, сосѣдство снаевъ не беспокоило его: онъ зналъ обычай этикъ молодцовъ и предвидѣлъ, что они къ вечерней зарѣ будутъ пьяны.

Торжественная минута настала.

Въ предшествовавшую ночь Клевлендъ прикладывался ухомъ къ землѣ и явственно слышалъ вдали ревъ тигрицы, которая, вѣроятно, испугавшись шуму охоты, ушла на нѣсколько миль подале и только въ темнотѣ бродила во окрестности.

Клевлендъ взявъ охотничій ножъ, спокойно взрѣзалъ мертвѣго кона на куски, вынесъ ихъ за оврагъ и разложилъ въ разныхъ мѣстахъ на опаленной солнцемъ травѣ; потомъ наступилъ на ножъ и переломилъ у рукоятки, а съ шестолетовъ свалъ капсулю, чтобы не имѣть ни какихъ средствъ къ оборонѣ.

Онъ опасался, чтобы въ рѣшительную минуту, вопль его крови не внушилъ бы ему желанія бороться, чтобы истиннѣе самоохраненія не вырвалъ его у самоубійства, такъ, что онъ, по несчастію, счастливо побѣдитъ тигра: это случилось.

Довольно быть одержимымъ сплномъ, чтобы понять свирѣпое хладнокровіе и расчетливость человѣка, который рѣшился умереть.

Понявъ, что долженъ избавить безвременное вдовство Виргиніи отъ всякихъ непочтительныхъ объясненій, и избравъ таинственный родъ смерти, который бы имѣлъ весь видъ случайности, Клевлендъ мало-по-малу привыкъ къ мысли быть съѣденнымъ тигромъ. Впрочемъ, въ Индіи никто не сомнѣвается въ той истинѣ, что изъ всѣхъ родовъ смертей, какиихъ Европейцы подвергаются въ Бенгалѣ, пожраніе тигромъ—самая рѣдкая, самая возможная и, конечно, самая романтическая. Англичане въ Калкуттѣ вѣрятъ въ хроническое воспаленіе въ печени, а въ тигровъ не вѣрятъ. Объ нихъ, правда, говорятъ, но только охотники, а охотники всегда лгутъ. Даже въ описаніяхъ путешествій, когда тигры выходятъ съ острововъ Ганга, или Джемны, и волялись на большой джунглѣ, становятся предметами блестящихъ охотъ, эти тигры, всегда немножко сомнительные, рѣшительно не съѣдаютъ никого кромѣ Индѣйцевъ-Моголовъ; Англичанъ—никогда.

Эта особенность задѣла самолюбіе сэра Джорджа. Чѣмъ больше онъ обдумывалъ, тѣмъ слытѣй у него становилось желаніе отвѣдать рѣдкихъ, невѣдомыхъ наслажденій такой драмы въ двухъ лицахъ,—тигръ и человѣкъ,—разыгранной ночью, при свѣ-

тѣ луны, съ безмолвною пустыней вмѣсто зрителей и съ красноватымъ горизонтомъ вмѣсто задней декорации.

Для этого онъ сломалъ свой ножъ и бросилъ кансули отъ пистолетовъ. Потомъ, ночью, онъ вышелъ изъ оврага и сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окровавленныхъ кусковъ мяса, которое занялъ у своей лошади на прикормъ тигровъ. Вѣтеръ, касаясь этого мяса, уже затронутого дневнымъ зноемъ, изалекалъ изъ него запахъ гниія и разносилъ по окрестности. На самого Клевленда эта лакомая приманка производила не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе; онъ выбралъ мѣстечко съ навѣтренной стороны и пересѣлъ, чтобы дышать менѣе приравленнымъ воздухомъ, хотя и тотъ былъ насыщенъ горькими благоухающими верескомъ и мховъ, пробужденными свѣжестью ночи.

Ночь была тихая, одна изъ тѣхъ глубокихъ и ясныхъ ночей, которыми снитъ могучая тропическая природа.

Справа роца бросала широкую тѣнь на степь и сквозь чашу мелькали огни, вдали разложенные снагами около шатровъ; впереди и слѣва пустыня, чуть взрытая легкими буграми, черная и угрюмая, тянулась къ нылающей красной чертѣ горизонта, и глазъ въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ и ухо посреди глубокой тишины могли примѣтить самый легкій шелестъ кустарничковъ.

Клевлендъ наполнялъ себѣ душу этимъ безмолвнымъ величіемъ ночи; вдыхалъ послѣднія наслажденія съ благовоннымъ воздухомъ степи и все существо его было проникнуто отрадой; онъ впервые почувствовалъ смутную и мимолетную нѣжность къ жизни, съ которою расставался, и къ природѣ, передъ лицомъ которой собирался умереть.

Онъ примѣтилъ также, что ощущаетъ голодъ, и это напомнило ему, что онъ уже вторые сутки питается только своимъ слюдомъ. Онъ покраснѣлъ за глупую и нескромную жалобу своего желудка и пустился за другимъ, болѣе пристойными мыслями.

Прелестный образъ Виргинія также замелькалъ передъ нимъ какъ, лучше сказать, носился передъ очарованными глазами какъ свѣтлый призракъ. Но Рольфъ, проколотый шпагою, окровавленный и безумно хохочущій, также явился и отвратилъ Клевленда отъ миражей воспоминанія.

Онъ воротился къ настоящему и сталъ находить, что тигры слишкомъ ужъ важничаютъ, слишкомъ долго заставляютъ ждать себя. Самоубійду начала пробирать дрожь отъ холоду.

Притомъ онъ никакъ не могъ объяснить себѣ одной странно.

сти: чѣмъ болѣе темнѣла ночь, чѣмъ болѣе смутное гудѣніе вечера смолкало, чтобы уступить мѣсто настоящему, глубокому молчанію мрака, тѣмъ болѣе въ головѣ у него роились мысли совершенно чуждыя важности минуты. Воображеніе, противъ его воли, рыскало вдали отъ ночи, вдали отъ степи, гдѣ онъ сидѣлъ на послѣдней своей стражѣ. Напрасно онъ негодовалъ: онъ терпѣлся въ тысячахъ воспоминаній молодости и жизни; даже не было такихъ прозаическихъ подробностей прошедшаго, которыя бы не навѣстили его въ знакомыхъ своихъ видахъ, и именно голодъ и холодъ пробуждали у него на памяти разныя, почти пошлыя вещи. Однажды ему показалось, что онъ слышитъ, какъ въ палаткѣ у сипаевъ, на вертелѣ, трещитъ и жарится сочное жаркое, и онъ чуть-чуть не всталъ, чтобы пойти поужинать съ ними.

Ко всему этому присоединялся веселый рой картинъ дѣтства, и забытыя надежды, и за моремъ розовый, очаровательный профиль дѣвственной вдовы..... и во всякой картпикѣ улыбка, и во всякомъ воспоминаніи благоуханіе..... Такъ онъ противъ воли странствовалъ, забывая о пустынѣ, гдѣ поджидалъ смерти, не примѣчая багроваго диска луны, который начиналъ уже просвѣтляться и озарять степь.

Сэръ Джорджъ находился въ состояніи восторженнаго самозабвенія.

Вдругъ его разбудило раздавшееся по близости чмоканье и щелканье челюстей. Онъ машинально поднималъ голову и при перлюнтуровомъ свѣтѣ луны увидѣлъ тигра, — настоящаго, живаго тигра, — который ужиналъ.

Сэръ Джорджъ и самъ поужиналъ бы.

Тигръ былъ красавецъ, дивно стройный, одѣтый въ желтую шкуру, которая мѣстами, при свѣтѣ, блестѣла какъ золото. Голова у него была маленькая, изящная; лапы огромныя; хвостъ гибкій, мягкій и пушистый. Лошадьяное филѣ, которому онъ оказывалъ честь зубами, казалось, совершенно поглощало его вниманіе. Клевленда онъ еще не удостоивалъ ни однимъ взглядомъ.

При видѣ этого нарочно прошеннаго гостя у Клевленда въ подшвахъ зашевелились мурашки. Это особенное ощущеніе распространилось отъ слѣдковъ въ колѣни, отъ колѣнъ въ туловище и обратилось въ холодный паръ, который сначала обнялъ и проникъ все тѣло, а потомъ сосредоточился у сердца.

Тигръ сдѣлалъ движеніе, и Клевлендъ примѣтилъ, что около анисковъ и въ корвѣ волосъ также происходитъ нѣчто необык-

повенное. Дрожь, съ которою онъ никакъ не могъ совладать, придавала его волосамъ какъ-будто особенную, независимую жизнь. Онъ чувствовалъ какъ они шевелились, корчились, вытягивались и становились дыбомъ, — все это впродолженіи полусекунды, — и каждая изъ этихъ маленькихъ судорогъ колола ему черепъ сотнею тысячъ булавокъ.

Самъ же онъ совершенно не способенъ былъ пошевелиться. Это внезапное ооченіе онъ приписывалъ свѣжести воздуха, или, лучше сказать, вовсе ничему не приписывалъ, потому что, по мѣрѣ того какъ всѣ частицы его тѣла пріобрѣтали каждая свою особенную, какую-то лихорадочную жизнь, мысли его спутались, свернулись, и онъ зажмурилъ глаза....

Въ пять минутъ, быть-можетъ пять вѣковъ, такого засѣданія одинъ на одинъ съ дикимъ гастрономомъ, Клевлендъ сталъ уже совершенною машиною, трепещущею, но не мыслящей. Онъ видѣлъ, какъ лежавшій передъ нимъ тигръ всталъ и, махая хвостомъ, поворотилъ голову противъ вѣтру и нѣсколько разъ нюхнулъ чистаго воздуха.

Ему, очевидно, еще хотѣлось кушать.

Вдругъ двѣ красныя звѣзды обратились къ Клевленду и ему казалось, что эти звѣзды вертятся какъ фейерверочныя колеса. Вращаясь, они метали снопы искръ. Великолѣпное было зрѣлище.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ Клевленда, тигръ лѣзливо и шаловливо зѣвнулъ, легъ брюхомъ на траву и поползъ къ новой своей добычѣ. Глядя на граціозную, ласкающую гибкость движеній красиваго звѣря, безъ труда можно было догадаться, что это приключеніе привело его въ самое пріятное расположеніе духа. Онъ приближался къ джентльмену шая какъ баловень котенокъ, и, поднявшись на заднія лапы, положилъ переднія Клевленду на плечи. Джентльменъ чувствовалъ какъ тигрова влажная морда дружелюбно прогуливается по его лицу и обдаётъ теплымъ паромъ и жестокимъ запахомъ бойни. Тигръ принялся вѣжно лизать Клевленду лицо и руки; наконецъ, не выдержавъ отъ радости, нажалъ лапы, тяжелыя какъ свинцовыя брусья, и опрокинулъ джентльмена навзничъ. Съ минуту они покувыркались вмѣстѣ.....

Между-тѣмъ, вдаль, на джунгль, носился голосъ, то заливаясь фантастическою трелью, то замирая въ тишинѣ и потомъ опять раздаваясь звонче и ближе.

Луна своими блѣдными, но ясными лучами играла на сѣрвато-розовыхъ подушкахъ облаковъ.

Клевлендъ прозвательно вскрикнулъ и въ эту торжественную минуту въ послѣдній разъ вспомнилъ о Виргиніи. Потомъ онъ закрылъ глаза и остался неподвижной массой, которую тигръ мордою и лапами каталъ по травѣ.. Бѣдный Клевлендъ!...

Но въ эту минуту, въ сотвѣ шаговъ оттуда, показалась толпа всадниковъ, и предводитель, примѣтивъ раздѣченіе, которому предавался тигръ, громко кликнулъ:

— Виргинія, *исѣ!*... *исѣ!*, Виргинія!

Услышавъ этотъ повелительный голосъ, тигръ оставилъ свою игрушку, ползкомъ-ползкомъ добрался и смирно легъ въ ногахъ у бѣлаго коня, въ алой съ золотомъ сбруѣ, на которомъ сидѣлъ всадникъ.

Небольшое селеніе Дивьгуръ было выворочено вверхъ ногами. Тамъ водворилось новое, совершенно необычное общество, шумное, пестрое, блестящее, — вся большая охота сэра Джорджа Клевленда, со слонами, съ лошадыи и повозками. Господа охотники расположились какъ могли у самыхъ зажиточныхъ обывателей.

Мало этого, на другой день послѣ охоты, туда же прибылъ палакнивъ, несомый двѣнадцать *леонами*, въ сопровожденіи осьмидесяти человекъ *джеמידаровъ* и *чокидаровъ* и отряда конныхъ гренадеровъ Индѣйской Компаніи.

Палакнивъ остановился передъ домомъ мѣстнаго капитана исправника. Изъ него вышли молодая дама, прекрасная какъ день, и ея компаніонка, или горничная, желтая старинная пергаментная хартія. Капитанъ принялъ даму съ великимъ почетомъ. Она явила письмо отъ генералъ губернатора. Ей отвели лучшую комнату въ домѣ, и по данному знаку, оставили одну съ желтою камернеткой. Ею, казалось, овладѣвала сильная скорбь, которую она напрасно старалась скрыть.

Но прежде чѣмъ отпустила капитана, она дала ему порученіе, которое тотъ поспѣшилъ исполнить; черезъ часъ потомъ онъ прислалъ сказать, что если миледи угодно, онъ представитъ ей людей, которые могутъ сообщить ей важныя подробности, касательно цѣли ея путешествія.

Дама взглянула въ зеркало, опустила черныи воаль, который, будучи собранъ надъ головой, еще возвышалъ блестящую близну ея прекраснаго лба, и приказала просить капитана.

Капитанъ вошелъ съ нѣсколькими молодыми людьми, участвовавшими въ охотѣ Клевленда.

Вышедши, послѣ непродолжительнаго свиданія, изъ дому кади-

тана, молодые охотники къ великому изумленію всего селенія, объявили своимъ товарищамъ, что черезъ вѣсколько часовъ снова отправляются въ джунгли съ молодою путешественницей.

Въ самомъ дѣлѣ, за часъ до разсвѣту прекрасная незнакомка вышла на улицу; ей подали вмѣсто паланкина арабскаго коня и она вскочила въ сѣдло съ легкостью и смѣлостью опытной наѣзницы.

Охотники собрались и, по знаку новой предводительницы, весь караванъ, усиленный ея собственнымъ конвоемъ и толпою Индѣйцевъ съ факелами, тронулся въ походъ.

Было пять часовъ утра, на востокъ чуть начинала свѣтлѣть заря.

Но не успѣлъ караванъ отойти на полмили отъ Диньягура, какъ увидѣли ѣдущихъ навстрѣчу двадцать человѣкъ сипаевъ, которые были оставлены на джунгли для надзора.

Одинъ изъ охотниковъ подѣхалъ къ дамѣ и сказалъ вѣскольکو словъ, которые, казалось, произвели сильное впечатлѣніе на незнакомку; она остановилась, и съ нею весь караванъ. Незнакомка, уставивъ глаза впередъ и задерживая дыханіе, ждала приближенія сипаевъ.

Едва они вступили въ свѣтлый кругъ отъ факеловъ, всадница пронзительно вскрикнула и, соскочивъ съ лошади, побѣжала навстрѣчу къ конвою со всѣми знаками глубокаго отчаянія.

Сипаи остановились, сняли тѣло Клевленда съ лошади и осторожно положили на землю, прислонивъ голову къ стволу дерева.

Леди Виргинія Клевлендъ, какъ громомъ пораженная, упала подлѣ окровавленныхъ останковъ своего мужа.

На Клевленда страшно было посмотреть: одежда въ беспорядкѣ, выпачканная землей, кровью, пѣшой, и въ вѣсколькихъ мѣстахъ изодранная; лицо, руки и волосы заклеены и подернуты какъ будто красной штукатуркой изъ запекшейся и мѣстами еще влажной крови.

Онъ былъ ужасенъ и недвижимъ.

Виргинія ломала руки и съ отчаяніемъ спрашивала у окружающихъ, точно ли это сэръ Джорджъ... Клевлендъ? Ей отвѣчали знаками горя и утверженія.

— Боже мой! вскричала Виргинія въ себя: мнѣ уже не спасти его! я пришла слишкомъ поздно!

— Успокойтесь, миледи, сказалъ вдругъ одинъ изъ присутствующихъ, ощупавъ пульсъ у Клевленда и внимательно слѣдя

за всѣми признаками жизни раненаго: успокойтесь, я почти могу увѣрить васъ, что мужъ вашъ живъ и опасности нѣтъ.

— Правда это? вы знаете?... вы докторъ?

— Точно такъ, миледи, я докторъ... честь имѣю рекомендоваться.... но раненаго надо какъ можно поскорѣй перенести въ Диньягуръ; необходимо пустить кровь.

— Такъ скорѣй! скорѣй! вскричала Виргинія, и побѣжала къ своей лошади. Я даю по гинеѣ каждому носильщику.

— Двѣнадцать пеоновъ подняли Клевленда, и положили въ паланкинъ. Конвой поворотилъ къ Диньягуру. Виргинія ѣхала подлѣ дверецъ паланкина, не сводя глазъ съ неподвижнаго и окровавленнаго лица сэра Джорджа.

Клевленда перенесли въ домъ диньягурскаго старосты, и подали всевозможную помощь. Невольники осторожно омыли его лицо и волосы, а врачъ раздѣлъ его и пустилъ изъ обѣихъ рукъ кровь.

— Виргинія сидѣла, прижавшись въ уголъ, и съ безпокойствомъ ожидала, что скажетъ медикъ. Въ это время Клевлендъ открылъ глаза.

— Какъ вы себя чувствуете, сэръ Джорджъ? спросилъ медикъ, внимательно вслушиваясь въ слова больнаго.

— Меня мучить жажда, тихо отвѣчалъ Джорджъ.

— Не болятъ ли у васъ гдѣ?

— Мнѣ очень хочется выпить лимонаду.

— Медикъ велѣлъ подать питья и подошелъ къ Виргиниѣ, которая пряталась за невольниковъ, наполнявшихъ комнату.

— Вашъ мужъ спасенъ, миледи, сказалъ онъ: физическое потрясеніе не распространилось на моральное. Однакожъ, прошу васъ, удалитесь на нѣсколько часовъ. Не благоразумно будетъ такъ неожиданно показаться сэру Джорджу.

— Вы говорите, докторъ, что сэръ Джорджъ не получилъ опасной раны?

— Увѣряю васъ, миледи, что у сэра Джорджа не оказывается ни перелому, ни вывиху, ни раны, словомъ, ни какого поврежденія, которое бы требовало трудной операціи. Все тѣло въ совершенной цѣлости.

— Но этотъ продолжительный обморокъ... что вы объ немъ думаете?

— Сэръ Джорджъ испугался, вотъ и все.

— Виргинія слегка поблѣднѣла и поклонилась медику, потому,

украдкой взглянувъ на Клевленда, ушла въ свою комнату, гдѣ ее ожидала горничная, желтая и изсохшая болѣе чѣмъ когда-нибудь.

— Ты знаешь, Бетъ? вскричала Виргинія.

— Да, знаю; сэръ Джорджъ не умеръ. Я это предсказывала.

— Должно благодарить Бога, потому-что во всемъ этомъ видно явное покровительство неба.

— Но что съ вами случилось?

— Я еще ничего не знаю, милая Бетъ. Докторъ говоритъ, что сэръ Джорджъ испугался.

— Испугался? чего?

— Повторяю тебѣ, что я ничего не знаю. Но я изнемогаю отъ усталости....

— И есть отъ чего изнемоть. Не диво было бы и умереть. Со времени смерти капитана васъ узнать нельзя. На что похожа жизнь, которую мы ведемъ вотъ уже шесть мѣсяцевъ? Отправились посередѣ зимы въ путешествіе, въ которомъ я двадцать разъ ожидала, что достанусь на завтракъ акуламъ; прибыли въ Калькутту, и едва высадившись, опять дальше, по ужаснымъ дорогамъ, на которыхъ я таю какъ салная свѣчка. При всемъ этомъ не очень похваливъ такой край, а тутъ еще рассказываютъ разные ужасы о разбойникѣ Али-Сивѣ, который, говорятъ, питается человѣческимъ мясомъ. И все это мы терпимъ бѣгая по слѣдамъ мужа, которому хочется убить себя. Признаюсь, есть изъ чего хлопотать. Велика бѣда, если отъ времени до времени, нѣсколько мужей отправятся на тотъ свѣтъ! Слава Богу, не мало останется такихъ, которые упорно живутъ себѣ, хоть ты что хочешь съ ними дѣлай.

— Но онъ не убилъ себя, Бетъ.

— Ну, тѣмъ менѣе стоило подвергаться кораблекрушенію у мыса Добрая Надежды. Ужъ я знаю, что мнѣ придется сложить кости въ этомъ пріятномъ походе. Позвольте же спросить, отчего не убилъ себя этотъ господинъ?

— Молчи, Бетъ; дай мнѣ уснуть. Когда спросятъ меня, разбудь.

Виргинія улеглась на диванѣ, и скоро заснула крѣпкимъ сномъ.

Къ вечеру, докторъ прислалъ сказать, что у сэра Джорджа горячка, и что онъ немного бредитъ.

Виргинія хотѣла отправиться къ больному, но ее удержали. Клевлендъ могъ узнать ее, и неожиданное потрясеніе могло бы повредить ему. Виргинія распорядилась, чтобы ей каждый часъ

докладывали о состояніи больного, и опять опустилась на подушки.

Старая Бетъ сидѣла въ противоположномъ углу комнаты. Четверо полунагихъ негровъ обмахивали ее опахалами, и она подвергалась этой операціи не моргая, неподвижно какъ иудуставскій идолъ изъ сандалнаго дерева.

Виргинія уже не спала, она зѣвала и вздыхала.

О чемъ она вздыхала?

Повергаюсь къ стопамъ читателя и умоляю его, не задавать мнѣ подобныхъ вопросовъ. До сихъ-поръ я дѣлалъ всевозможное, чтобы проникнуть въ женское сердце Виргиніи, въ этотъ драгоценный камень, мелко исписанный іероглифами, но теперь уже обязанъ позаботиться также о своемъ спокойствіи, и торжественно объявляю, что здѣсь конецъ моему вѣдевію, и что отнынѣ я уже не вмѣшиваюсь ни въ какую дешифровку.

Только-что капитанъ Ивидель закрылъ глаза, Виргиніей овладѣла постоянная, неотступная мысль, или, лучше сказать, страсть, которую она питала тайнѣ. Виргинія рѣшилась, во что бы то ни стало, принудить Клевленда полюбить себя; она хотѣла силою кокетства и чудной красоты своей, побѣдить злаго демона, который помрачилъ его дни, и угрожалъ ему смертию. Она отправилась одна, и смѣло подвергалась всѣмъ опасностямъ дальнаго путешествія.

Оплакала ли она по-крайней-мѣрѣ отца?

Это неумѣстный вопросъ.

Она отправилась, вотъ все, что можемъ мы сказать, отправилась, вооруженная двадцатью годами и красотой. Въ Калкуттѣ Виргинію ожидала страшная вѣсть, которая какъ громомъ поразила ея сердце. Она пріѣхала слишкомъ поздно.

Но вѣсть, она вѣрила, что Богъ будетъ покровительствовать ей, и не допуститъ, чтобы она, оставивъ еще не остывшій трупъ, нашла другой, уже охладѣвшій. Она будетъ продолжать свой путь, она будетъ ѣхать день и ночь, и, если Богу не угодно чтобы она умерла отъ смерти мужа, она явится въ роковой часъ, какъ избавительница.

И Богъ былъ милосердъ къ ней. Онъ возвратилъ ей мужа. Сэръ Клевлендъ живъ, и даже, по словамъ доктора, не очень болѣвъ.

И вотъ, Виргинія лежитъ на диванѣ, опершись на прекрасный локоть. Она вздыхаетъ, неизвѣстно отчего.

Бетъ, достаточно освѣжившись, отпустила своихъ негровъ, по-

тогда вынула изъ кармана тщательно сложенное письмо, съ таинственнымъ видомъ подошла къ Виргиніи и подала, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Не беспокойтесь миледи, сказала она, я буду сторожить у дверей.

И Бетъ отправилась за дверь.

Виргинія осталась одна. Она нѣсколько разъ перевернула въ рукахъ письмо и наконецъ распечатала его болѣе отъ удивленія чѣмъ изъ любопытства. Оно было написано сими черпками, на китайской бумагѣ съ золотыми и серебряными разводами.

Вотъ что она прочитала :

«Когда солнце скроется за холмами Диньягура, закройте вашу дверь, и подойдите къ окну выходящему въ садъ. Если вы все та же прекрасная и смѣлая Виргинія, вы исполните эту просьбу и спокойно будете ожидать. Нѣкто проберется между розовыхъ кустовъ и придетъ умолять васъ, выслушать его, въ одну минуту. Этотъ человекъ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, вѣряется вамъ и вашему сердцу. Онъ знаетъ, что вы не выдадите его.
Али-Синь, Царь Дженглей.»

— Али-Синь! повторила Виргинія, два раза перечитавъ странное письмо: Али Синь! Кто это Али-Синь? Ахъ, Боже мой! вспомнила.... это — горный разбойникъ.... Чего хотеть отъ меня этотъ человекъ?... «Онъ вѣряется моему сердцу, онъ знаетъ, что я не выдамъ его....» Какой ужасный случай! Онъ умоляетъ выслушать его.... когда солнце скроется за холмами Диньягура....

Виргинія подбѣжала къ окну. Солнце освѣщало уже только верхъ каштановъ, широкія тѣни которыхъ разстиались по саду. Этотъ садъ, настоящій ларчикъ съ духами, былъ усаженъ прекраснѣйшими делійскими розами; бѣлоснѣжныя шапки ихъ мѣшались съ вѣтвями синецвѣтныхъ ясеней и арабскихъ жасминовъ. Но легкій вѣтерокъ уже склонялъ всѣ цвѣты подъ ласкающимъ своимъ крыломъ, а въ Индіи это извѣстный предшественникъ ночи. Часъ свиданія настаивалъ.

У Виргиніи ноги подкосились, но неодолимое любопытство приковало взоръ къ тѣнямъ сада. Она сѣла подъ окномъ, гдѣ вѣтеръ шелестялъ мелкими лианамп, игралъ съ голубыми и розовыми колокольчиками, и, ни живая, ни мертвая, выжидала, когда захрустятъ песокъ подъ погами почпаго гостя.

Вдругъ, позади ея, послышался вздохъ, и на шею пахнуло жаркое дыханіе. Виргинія задержала крикъ и оборотилась.

За кресломъ, опираясь на спинку, стоялъ мужчина, который смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ.

На немъ была мрачная и величественная одежда раджей педжабскихъ. Заплѣтчатый поясомъ, изъ ткани дороже золота, блестѣла рукоятъ кинжала, осыпанная алмазами и яхонтами; на головѣ татарская шапка, а поверхъ шитой золотомъ куртки, черный бурнусъ изъ кашмирской шерсти, съ брлліантовыми пуговицами.

Виргинія быстрымъ взглядомъ окинула незнакомца, примѣтила, что смѣлые черты его не лишены пѣкотоерой красоты, и вдругъ, всплеснувъ руками, откинувшись назадъ, и съ ужасомъ вскрикнула:

— Сэръ Робертъ Рольфъ!

Рольфъ, во второй разъ въ жизни, упалъ къ ногамъ Виргиніи.

— О! не уходите, миледи, не призывайте на помощь.... смѣйтесь надо мной: выслушайте меня.

— Чего вы отъ меня хотите? сказала отрывисто леди Клевлендъ: не для того ли пришли вы сюда, чтобы перечестъ, сколько пролили крови?

— Миледи!...

— Убійца!...

Рольфъ выпрямился во весь ростъ, глаза его загорѣлись. Но онъ продолжалъ кроткимъ и умоляющимъ голосомъ.

— Вы обвиняете меня, Виргинія?... вы!

— Послушайте, сэръ Робертъ, не продолжайте этого свиданія. Я не скажу, что вы внушаете мнѣ страхъ, но вы, въ засадѣ, вочью, на большой дорогѣ, ограбили и убили моего слугу. Я никому не сказала о моемъ ужасномъ подозрѣніи; я молчала; я жалѣла о васъ. Но бѣгите теперь. Мнѣ стѣдуетъ произнести только одно слово, чтобы погубить васъ. Бѣгите.... Однакожъ, смѣю думать, что прежде чѣмъ мы на всегда разстанемся, въ сердцѣ вашемъ найдется еще столько благородства, чтобы возвратить мнѣ портретъ, который назначенъ былъ Клевленду и который вы такъ низко похитили.

— Я уже отдалъ его, миледи, отдалъ, облитый моею кровью

— Что вы хотите сказать?

— О! это цѣлая исторія, но несмотря на то что могу удвоить вашъ ужасъ, я не хочу ее скрыть отъ васъ. Я любилъ васъ всеодолимою любовью, въ которой сгорали всѣ мои жилы и весь мой

разсудокъ. Съ-тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ васъ, вы сдѣлались призракомъ моихъ вочей и отчаяніемъ дней. Чтобы примечь вашу вѣсть, я испыталъ все; я наполнилъ Лондонъ и Англію славою моего безумства, и часто, миледи, для того чтобы вечеромъ погарцовать у дверецъ вашей кареты на лошади, которой завидовали знатнѣйшіе лорды, я на утро отдавалъ ростовщикамъ послѣдніе крохи моего богатства и чести. О! я любилъ васъ до безумія, до преступленія. Вы помните тотъ вечеръ, когда я пришелъ къ вамъ, покорный и умоляющій, просить единственной милости, на которую надѣялось мое сердце, и которая быть-можетъ удержала бы меня на краю бездны..... Вы отказали мнѣ.... Клянусь, что въ этотъ вечеръ я говорилъ отъ чистаго сердца.... Счастливый воспоминаніемъ, которое бы спасло меня отъ самоубійства, и тѣмъ, что нибу передъ глазами вашъ образъ, я, удалясь въ какой-нибудь уголокъ Новаго Свѣта, сталъ бы жить честно, мирно, и, по вторюю, вы никогда болѣе не увидали бы меня.

Рольфъ остановился, посмотрѣлъ на Виргинію и грустно склонилъ голову. Онъ былъ величественъ въ эту минуту, въ своемъ великолѣпномъ бурнусѣ, и леди Клевлендъ не могла не замѣтить этого.

— Да, продолжалъ онъ глухимъ голосомъ, я ограбилъ, я убилъ человѣка.... Мнѣ нуженъ былъ этотъ портретъ. Вашъ отказъ возмутилъ мое сердце. Ваши насмѣшки помрачили мой рассудокъ. Я хотѣлъ имѣть портретъ, назначенный Клевленду, хотѣлъ, потому что отправлялся также въ Калькутту. Съ тѣхъ поръ я дышалъ единственнымъ желаніемъ встрѣтить сэра Джорджа, и принудить его драться.

— Боже мой! что же вы сдѣлали?

— Чтѣ я сдѣлалъ? Очень простое дѣло. Однажды Клевлендъ увидѣлъ этотъ портретъ у меня на груди, и мы вышли драться. Нужно ли оканчивать? Я хотѣлъ, чтобы Клевлендъ умеръ пожизненнымъ всѣми мѣками, которыя терзали мое сердце; я хотѣлъ отмстить ему, зато что онъ мужъ вашъ, а вамъ, за то что вы любите его. Чтѣ нужды мнѣ, что однимъ преступленіемъ будетъ больше! Я хотѣлъ, чтобы этотъ человѣкъ умеръ съ мыслью, что умираетъ опозоренный.

— Вы оклеветали меня!...

— Мнѣ достаточно было молчать; остальное довершила его ревность.... Была ночь. Мы вышли изъ Калькутты, и, избравъ удобное мѣсто въ лѣсу, дрались. Я старался казаться хладнокровнымъ насмѣшникомъ, между тѣмъ какъ ярость помрачила мой

разсудокъ. Я потерялъ голову и упалъ смертельно раненный... Тогда Клемендъ бросился ко мнѣ и хотѣлъ овладѣть портретомъ, который былъ ставкою въ этой кровавой игрѣ, но самъ же онъ, Клемендъ, поражая меня, пронзилъ это изображеніе концемъ своей шпаги, и когда сорвалъ его съ моей груди, оно было залито кровью. Тутъ я собралъ послѣднія силы и, на прощанье, еще разъ захохоталъ.... А онъ оттолкнулъ меня ногой какъ собаку и удалился.

— Ахъ, Боже мой! вскричала поблѣднѣвшая Виргинія, которая слушала Рольфа съ ужасомъ и любопытствомъ.

— Бѣдный Индѣецъ, проходя утромъ черезъ лѣсъ, поднялъ меня, продолжалъ Рольфъ, и отнесъ къ старому мелкопомѣстному раджѣ, который жилъ охотой и грабежемъ. Они вдвоемъ ухаживали за мной какъ братья и воротили мнѣ жизнь. Они научили меня своему языку, посветили въ дикія наслажденія своей жизни, и я такъ же какъ они полюбилъ широкое раздолье дженглей.... Чтò мнѣ еще сказать вамъ? У меня уже не было родины, потому что за моремъ меня ожидала казнь.... Сердце мое было истерзано; я ненавидѣлъ людей.... Я въ преступленія находилъ наслажденіе мести и съ тѣхъ поръ живу съ сотней сейковъ, которые пришли съ Сетледжа. Но они повинутся мнѣ только тогда, когда я веду ихъ на грабежъ.

Онъ умолкъ. Виргинія также молчала. Она робко, украдкой бросала взгляды на бенгальскаго разбойника, и грустно спрашивала себя, точно ли ея красота была причиной преступленій и несчастій страшнаго Али-Синя?

Царь Дженглей,—такъ называли его диньягурскіе Индѣйцы,—стоялъ, какъ мы уже сказали, позади кресла Виргиніи; глаза его были задумчиво устремлены на окно, и послѣдній отблескъ заката обливалъ его лобъ жаркимъ полусвѣтомъ и придавалъ отблескъ золоченой бронзы.

— Какая ужасная исповѣдь! сказала наконецъ Виргинія голосомъ, въ которомъ звучало все волненіе ея души. Но если вы желали видѣть меня, какъ предполагаю, чтобы вымолить мое прощеніе.... такъ воротитесь съ миромъ въ вашу степь, Али-Синь; я забуду о вашихъ преступленіяхъ и даже о вашемъ существованіи. Я буду молить Бога, чтобы онъ простилъ меня, потому что вижу, я была невольною причиной вашихъ несчастій. Я постараюсь заслужить его помилованье, совершенно предавшись благородному намѣренію, которое приняла. Сэръ Джорджъ нуждается

въ душѣ, которая бы бодрствовала надъ его душой: онъ только что избѣжалъ ужасной опасности.

— О какой опасности вы говорите, миледи?

— Сэръ Джорджъ, съ давнихъ поръ подверженный мрачной хандрѣ, пошелъ искать смерти въ джэнгляхъ.... Не знаю, какими чудомъ онъ спасся.

— Я могу объяснить вамъ это чудо, сказалъ Рольфъ съ легкой улыбкой: я знаю тигра, котораго сэръ Джорджъ встрѣтилъ въ джэнгляхъ. Этотъ тигръ — мнѣ другъ.

— Что это значитъ?

— Дѣло очень просто, миледи. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, охотясь на одномъ изъ острововъ Ганга, я убилъ тигрицу, съ которой было два тигренка. Одинъ изъ нихъ убѣжалъ, а другаго, довольно сильно рапенаго, хотѣли добить мои Индѣйцы, но мнѣ пришла мысль попробовать вылечить его. Это была маленькая тигрица, смиренная и очень хорошенькая. Я подружился съ ней. Когда я, вечеромъ, брожу по степямъ мечтая о прошедшемъ, это кроткое животное слѣдуетъ за мной, какъ собака. Я называлъ ее Виргиніей, почти робко продолжалъ Рольфъ, и не знаю отчего, но какая-то отрадная мечта рождается у меня въ сердцѣ каждый разъ, какъ пазову ее этимъ дорогимъ именемъ.

Виргинія посмотрѣла на Царя Джэнглея. Черты его лица выражали вѣжность и чистосердечіе.

— И этотъ ручной тигръ, сказала она съ возрастающимъ смущеніемъ: эта.... Виргинія, какъ вы ее называете....

— Застала сэра Джорджа, вчера вечеромъ, сидящаго посреди поля при свѣтѣ луны, около изрубленной мертвой лошади. Кажется, что покушавъ лошадиного мяса, моя тигрица хотѣла пошутить съ джентльменомъ, и что ей вздумалось немножко покататься съ нимъ по травѣ. Она у меня очень любитъ играть. На вѣрное не знаю, что между ними происходило, но когда я подѣхалъ, Виргинія.... виновать, миледи, моя тигрица по первому кличу прибѣжала ко мнѣ. Признаюсь, я сначала боялся, не слышкомъ ли невѣжливо она обошлась съ джентльменомъ, но скоро убѣдился, что она только поласкала его, а онъ со страху былъ въ такомъ обморокѣ, что мнѣ стало жаль бѣднаго. Я приказалъ своимъ людямъ отвести его къ стоявшимъ на бивуакѣ спящимъ.

Виргинія ничего не отвѣчала. Она склонила голову, чтобы скрыть выступающую краску.

Въ эту минуту, старая Бетъ постучала въ дверь, и сквозь за-

мочную скважину сказала, что сэръ Джордж проснулся и громко зоветъ леди Клевлендъ.

— Бѣгите, сэръ Робертъ!

— Я никогда больше не увижу васъ?

— Никогда!

— Прощайте.... прощайте! По-крайней мѣрѣ вмѣсто холоднаго забвенія, которымъ вы угрожаете мнѣ каждую минуту, я унесу привѣтную улыбку и дружескій взглядъ..... Виргинія?

— Умоляю васъ, уйдите.

— Да, я уйду, но не думайте чтобъ я согласился никогда не видать васъ больше. Али-Синь — могущественнѣе чѣмъ вы думаете. Двери, по-крѣпче этихъ, отворялись по одному знаку его руки, и много людей, которые его ненавидятъ повинуются ему пзъ страху..... Я уйду.... но всюду послѣдую за вами, Виргинія... Я буду какъ тѣнь ходить по вашимъ слѣдамъ, буду дышать однимъ съ вами воздухомъ, упиваться вашею красотой. Золота и рабовъ у меня больше чѣмъ нужно, чтобы презирать всѣ препятствія. Жизнь мою я могъ бы любить только тогда, когда бы она принадлежала вамъ..... Прощайте! но вспоминайте объ Али-Синѣ, когда бѣдный Баніанъ прійдетъ продавать вамъ душистые четки, когда нищій попроситъ подаянія, или когда, вечеромъ, выйдете на балконъ помечтать и примѣтите въ темныхъ кустахъ устремленный на васъ взглядъ двухъ молній.

Али Синь давно выскочилъ за окно, въ саду остановился на минуту, послалъ рукою поцѣлуй, потомъ приложилъ руку къ груди и скрылся.

Виргинія опустила на кресло, блѣдная и трепещущая. Слова бандита еще звучали у нея въ ухахъ, когда Царя Дженглей давно уже и слѣдъ простылъ. Бетъ должна была войти и взять ее за руки, чтобы вывести пзъ оцѣпевнія. Наконецъ Виргинія встала, не примѣчая остроугольной улыбки своей дуэньи, отерла двѣ бѣглыя слезы на щекахъ и невѣрными шагами пошла въ комнату къ Клевленду.

Когда сэръ Джордж послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, въ которомъ потухли послѣдніе огни искусно захваченной докторомъ горячки, проснулся и положительно убѣдился, что онъ не събдѣнь,—когда ему рассказали, какъ чудесно онъ вышелъ изъ объятій тигра безъ малѣйшаго вреда, — когда ему, съ надлежащими предосторожностями впрочемъ, сообщили, что леди Виргинія прибыла пзъ Англїи, находится въ Дивьягурѣ, подъ одною кровлей съ нимъ, и ждетъ только одного слова, чтобы броситься къ

вѣну въ объятіа, — когда онъ отдалъ себѣ достаточный отчетъ въ этой цѣли чудесъ и очастія, — онъ вдругъ, однимъ скачкомъ, очутился въ томъ, что я съ позволенія читателя назову вторымъ періодомъ жизни сэра Джорджа Клевленда.

Во всемъ существѣ его совершилась полная и совершеннѣйшая реакція. Въ одну минуту онъ какъ-будто скинулъ прежняго человѣка, и самъ чувствовалъ, какъ ослѣпленіе чешуями отдѣляется и падаетъ съ глазъ. Глубокий миръ и тихая, отрадная ясность наполнили его душу. Онъ ощущалъ впечатлѣніе человѣка, который проснулся и тѣмъ избѣгъ фантастическихъ ужасовъ, навѣянныхъ кошмаромъ. Все вокругъ него дышало свѣжестью и свѣтомъ. Полная, сладостная жизнь переливалась по его жиламъ. Горизонтъ, прежде тѣсный и темный, вдругъ широко развернулся передъ нимъ и окрасился въ чистые и веселые цвѣта ясныхъ дней. Онъ взялъ себя правою рукой за лѣвую и слегка прижалъ; ему пріятно было прислушиваться къ біенію своего пульса. Это было возрожденіе, переходъ къ новому существованію.

Клевлендъ отворилъ всѣ окна и двери. Вольный воздухъ производилъ на него такое впечатлѣніе, что вынуждалъ слезы; ему казалось, что онъ еще въ первый разъ пьетъ изъ этой небесной чашы.

— О! великая пѣснь души, избѣгнувшей мрака! Смерть, ты безобразный призракъ; ты неприятный сонъ, который долженъ разсѣяться при первомъ божественномъ проблескѣ разсудка! Вокругъ человѣка и въ человѣкѣ все — свѣтъ, все — жизнь и безсмертіе!

Такъ декламировалъ Клевлендъ, когда пришла Виргинія.

Онъ радостно вскрикнулъ и протянулъ руки ей навстрѣчу. Во взорѣ у него были слезы, въ голосѣ — смѣхъ веселья. Онъ осыпалъ Виргинію ласками и называлъ *милою женой*.

— Мы станемъ жить, сердце мое, говорилъ онъ, пожирая ея руки поцѣлуями: станемъ жить вмѣстѣ.... долго и счастливо. Я изцѣленъ! Посмотри, какъ я здоровъ! Кончено! нѣтъ больше туману передъ глазами, нѣтъ холоду въ сердцѣ. Земля!.... о! да я теперь люблю ее, люблю страстно, и хотѣлъ бы жить на ней цѣлую вѣчность.... когда со мною будетъ жить такой ангелъ.

И онъ снова начиналъ пожирать руки поцѣлуями и говорить Виргиніи *ты*, — что по-англійски ночтается верхомъ безвкусія, когда говорятъ съ дамами. Но какое было дѣло дотога Клевленду: онъ жпль, онъ любилъ, онъ былъ счастливъ.

— Я слышалъ всѣ подробности твоего геройскаго путе-

шествiя, обожаемая моя Виргинiя. Да, да! я знаю, я помню, ты въ письмахъ говорила мнѣ, что желаешь своимъ присутствiемъ побѣдить мрачный душевный недугъ, который увлекъ меня въ царство мертвыхъ. Но, конечно! не станемъ больше толковать объ этомъ. Я предупредилъ твое желанiе. Я видѣлъ вблизи страшную смерть, лицомъ къ лицу, въ ночь помѣшательства, и убей меня Богъ, если она не опротивѣла мнѣ на цѣлое столѣтiе. О моя Виргинiя! какъ мнѣ теперь помышлять о смерти, когда ты подлѣ меня, прекрасная выше всякаго выраженiя, и такая добрая, такая преданная.... Ктому жъ, ты знаешь, мы теперь богаты.... Ахъ, кстати!.... такъ онъ умеръ, мой бѣдный дялюшка, сэръ Джонъ Ивдель? Дай ему, Богъ, царство небесное... Я теперь ужъ не понимаю, какъ можно умирать.... Мы воротимся въ Темпльстонъ, будемъ жить весело, открыто.... зимой станемъ охотиться за лисциамп; лѣтомъ — ѣздить въ Лондонъ на балы, въ концерты, на ньюмаркетскiя скачки, путешествовать.... все, что ты захочешь, милый ангелъ. Я хочу жить двойною жизнью, моею и твоею!

Виргинiя смотрѣла на своего супруга съ остолбенѣнiемъ, которое напрасно старалась скрыть. Но сэръ Джорджъ былъ слишкомъ занятъ своимъ возрожденiемъ. Душа его смѣялась. Онъ хотѣлъ пойти въ садъ, прогуляться.

Обошедши съ нимъ два раза всѣ дорожки, Виргинiя завела рѣчь о медальонѣ. Въ душѣ, она уже начинала досадовать, что Клевлендъ не помнитъ объ немъ.

— Вы не знаете, сэръ Джорджъ, сказала она, что я заказала портретъ, чтобы послать вамъ, но слуга, съ которымъ его отправилъ на корабль, дорогою былъ убитъ и ограбленъ.... все отобрали и медальонъ тоже.

— Неужели? И портретъ былъ написанъ на слоновоѣ кости, не правда ли? и оправленъ бриллиантами?

— Да; но вы почему знаете? развѣ вы видѣли?

— Лучше того, Виргинiя! Этотъ портретъ у меня.... Вотъ онъ!

И онъ показалъ бѣдный медальонъ, довольно изуродованный, какъ извѣстно.

Виргинiя съ неподражаемымъ искусствомъ сыграла удивленiе и просила объяснить тайну. Клевлендъ все рассказалъ и просто-душно кончилъ такъ:

— Нѣтъ сомнѣнiя, что сэръ Робертъ Рольфъ случайно купилъ этотъ медальонъ у какого-нибудь торговца крадеными вещами, и не-

ожиданное обладаніе этимъ сокровищемъ внушило ему мысль похвастать имъ. Но Рольфъ умеръ и, я думаю, достался на ужинъ какой-нибудь голодной гienѣ, потому что съ той поры объ немъ не было слуху. Что касается до меня, я былъ совершенно слѣпъ въ то время.... Какъ-будто я не читалъ твоихъ ангельскихъ писемъ, Виргинія! Вѣдь я знаю ихъ навзустъ. Ихъ нужно прочитать два раза, чтобы примѣтить всю нѣжность, всю доброту, которая диктовала ихъ. О! да, слава Богу! я чувствую по моему сердцу, что твое мнѣ вѣрно и совершенно мнѣ принадлежитъ. Боже мой, какъ она хороша, эта жизнь! какъ она сіяетъ и отражается во всемъ; во мнѣ и вокругъ меня! Вездѣ, куда ни обращай взоръ, вездѣ я вижу улыбку надежды. Я смотрю на тебя и читаю мое счастье въ твоихъ глазахъ!

Въ кустахъ зашумѣло, какъ-будто прошло какое-нибудь сильное гибкое животное, — какъ-будто дикій звѣрь, пробужденный шагами путника, скрылся съ быстротой стрѣлы, — и въ ночной тишинѣ раздался страшный, отрывистый звукъ. Сэръ Джбрджъ приписалъ его крику испуганной ночной птицы, но Виргинія казалась, что она распознала плохо подавленный смѣхъ.

Они ушли въ комнаты.

На другой день Клевлендъ давалъ большой пиръ, на которомъ присутствовали все его калькутскіе друзья, оставшіеся въ Диньягурѣ, и нѣкоторые жители селенія. Онъ представилъ леди Виргинію Клевлендъ всѣмъ гостямъ, и гости шли за здравіе и благоденствіе *счастливой четы*. Это счастливое выраженіе нашель капитанъ-исправникъ. Тосты продолжались до трехъ часовъ утра.

На третій день «большая охота» вмѣстѣ съ конвоемъ леди Виргиніи отправилась обратно въ Калькутту. Виргинія сидѣла на одномъ слонѣ съ Клевлендомъ.

На выѣздѣ изъ Диньягура, проѣзжая по горному ущелью, Виргинія примѣтила на краю самой крутой скалпетою стѣны человека, въ одеждѣ бѣднаго дельійскаго Индѣйца. Глаза ихъ встрѣтились и уже не разставались до-тѣхъ-поръ пока караванъ не выбрался изъ ущелья.

На поворотѣ, Виргинія, чтобы не отвѣчать Клевленду, у котораго говорливость развивалась все больше и больше по мѣрѣ удаленія отъ дженглей, спряталась въ глубь своей маленькой шелковой каюты и притворилась спящею.

Въ Бурдванѣ остановились у генералъ-губернатора провинціи, очень любезнаго джентльмена, который уступилъ кавалеру Клев-

дядю и его супругъ свой дворецъ, прелестный домикъ въ итальянскомъ стилѣ, съ бельведеромъ надъ зеленою и глубокой долиной, гдѣ Деммуда прорыла себѣ ложе, осыпанное розовыми лаврами и огницветными пксарами.

Виргинія, подъ предлогомъ, что жаръ не даетъ спать, провела значительную часть ночи на этомъ бельведерѣ, слушая пѣніе соловья, къ которому скоро присоединился и человѣческій голосъ. Онъ пѣлъ на ромайскомъ языкѣ пѣсню, заупысливающую пѣсню, въ которой поэтъ говоритъ :

« Свѣтъ моей жизни, дружокъ ! скажи, отчего твои губки надулись и взглядъ посуровѣлъ ? Голубка, любовь моя, подружка — краса ! отчего ты не та же ? уже ль ненавидишь меня ? »

Сэръ Джорджъ спалъ какъ бургомистръ. Съ тѣхъ-поръ какъ примирился съ жизнью, онъ видимо предавался эгоизму физическихъ ощущенийъ. Это, однако жъ, не мѣшало ему бредить во снѣ о прекрасной, милой Виргиніи. Онъ барахтался на своемъ ложѣ и распростиралъ объятія ко всѣмъ подушкамъ ; улыбка счастья, какъ розовый блуждающій огонекъ постоянно играла у него на губахъ. Онъ былъ на вершинѣ блаженства.

Цыганъ между-тѣмъ продолжалъ свою ромайскую пѣсню, и Виргинія, склонивъ голову на руку и отдавъ распущенныя локоны на волю ночному вѣтру, слушала :

« Кто сердцемъ любви не знавалъ, тому не понять и тоски отъ суроваго взгляду любимой. »

На пятнадцатый день прибыли въ Калькутту, и во всемъ городѣ только и рѣчей стало, что о чудесномъ избавленіи Клевленда изъ когтей тигра и о красотѣ леди Виргиніи. Ее приглашали на множество праздниковъ, одинъ другаго пышнѣй и замысловатѣе, и сэръ Джорджъ не уставалъ восхищаться своею женою и показывать ее на восхищеніе другимъ.

Одно только огорчало сэра Джорджа, — грусть Виргиніи. Леди Клевлендъ была крошка, любезна, но печальна. Она дѣлала все, что угодно ; ѣздилла всюду, куда хотѣлъ Джорджъ ; благосклонно выслушивала всѣ перболническіе мадригалы своего влюбленнаго мужа, по улыбкѣ, но веселости — ни слѣда. Это повергало сэра Джорджа часто въ забавное отчаяніе: онъ въ томъ жизнь проводилъ, чтобы угадать, чѣмъ бы разсмѣшить Виргинію, и придумывалъ всякаго роду съумасбродства.

Однажды онъ далъ маскарадъ, на который созвалъ весь городъ. Никогда въ Калькуттѣ не видывали ничего великолѣпнѣе,

богаче парсами, бестолковымъ шумомъ и весельемъ. Были костюмы, стоявшіе по десяти-тысячъ рупій.

Но царемъ маскарада, по костюму, былъ какой-то господинъ, наряженный сейхомъ. Надобно видѣть независимыхъ раджей, чтобы имѣть точное понятіе о пышности ихъ наряда, который они притомъ отлично умѣютъ носить. Этотъ тоже умѣлъ носить: женщины съума сходили отъ величественной его осанки. Онъ наперерывъ старался встрѣчаться съ прекраснымъ горцемъ, чтобы взглянуть по-пристальнѣй на его смуглое, опаленное солнцемъ лицо, въ мрачные, блестящіе глаза и на черную какъ ночь бороду. Разсчитывали, что на незнакомцѣ, — никто его не зналъ, ни даже самъ Клевлендъ, и никто не рѣшался спросить объ имени, такъ благородна и горда была вся его наружность, — разсчитывали, что на немъ брилліантовъ и кашмирскихъ тканей больше чѣмъ на сто-тысячъ рупій.

Онъ рано ушелъ, не сказавъ во весь вечеръ ни слова, ни хозяину ни хозяйкѣ. Это было замѣчено, и Клевлендъ даже такъ оскорбился, что хотѣлъ потребовать объясненія, но уже не пашель таинственнаго гостя.

Виргинія была удивительно хороша въ костюмѣ галльской поселанки. Она удалилась въ свой будуаръ за вѣсколько минутъ до ухода Кашмирца. Клевлендъ примѣтилъ это и встревожился: онъ опасался, не больна ли она, потому что во весь вечеръ была еще блѣднѣй и молчаливѣе обыкновеннаго. Онъ пошелъ осведомиться и пашель се сидящую на кушеткѣ, блѣдную и неподвижную какъ надмогильная статуя.

Клевлендъ взялъ ее за руки и, упорствуя въ своей страшной системѣ стараться развеселить, насказалъ тьму глупостей и повторилъ неизбѣжный припѣвъ, что онъ счастливѣйшій изъ мужей и намѣренъ сдѣлать жену счастливѣйшею изъ женъ. Посередн этихъ разсужденій у него однако жъ мелькнула мысль, которая, казалось, произвела впечатлѣніе на Виргинію, потому что она въ одну минуту вѣсколько разъ покраснѣла и поблѣднѣла. Онъ говорилъ:

— Я угадалъ настоящую причину твоей маленькой хандры, мой ангелъ, — онъ геройски продолжалъ говорить ей ты, — да, да! я нашель, гдѣ башмакъ жметъ. Но мы поправимъ дѣло. Знаешь ли что, моя милая Виргинія... этотъ балъ, этотъ праздникъ — ваше прощаніе съ Калькуттой. Ты тоскуешь по Темпльстонѣ, не правда ли? Я угадалъ и все уже приготовилъ къ отъѣзду. На этой недѣлѣ одинъ изъ моихъ кораблей отправляется. Я снаря-

днѣ его такъ, что онъ понравится тебѣ. Ты увидишь свой будоарь; онъ милъ какъ поэма Водсворта. Ну, что? какъ ты скажешь? Не правда ли, я нашелъ секретъ? Конечно! мы черезъ четыре дня ѣдемъ!

Онъ былъ на седьмомъ небѣ отъ своего открытія и отъ сюрприза, который на этомъ основаніи приготовилъ женѣ. Присовѣтовавъ Виргинію лечь въ постель, онъ воротился къ гостямъ, съ намѣреніемъ однако жъ скоро опять воротиться.

Свѣчи начинали блѣднѣть, занималась заря, когда послѣдніе гости разъѣхались.

Сэръ Джорджъ, не совсѣмъ спокойный насчетъ здоровья Виргиніи..... Трудно было убѣдить его, что грустное расположеніе духа ея происходитъ не отъ болѣзни, потому что онъ уже не вѣрилъ ни въ какія болѣзни, кромѣ несваренія желудка.... Сэръ Джорджъ отправился къ женѣ, въ надеждѣ развлечь ее разговорами объ Англій, о Лондонѣ, о Темпльстонѣ и о прочемъ. Сэръ Джорджъ былъ совершенно увѣренъ въ своемъ краспорѣчій, но онъ встрѣтилъ другаго роду препятствіе: нѣкому было слушать и развлекаться.

Онъ не нашелъ Виргинію въ комнатѣ.

Пошли искать въ саду, и въ саду нѣтъ.

Клевлендъ обѣгалъ весь домъ, былъ на террасѣ, звалъ, кликалъ, спустился внизъ, вышелъ на улицу, воротился, трепеталъ отъ нетерпѣнія и вдругъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. Куда же, въ самомъ дѣлѣ, могла дѣваться Виргинія?

Онъ разослалъ всѣхъ слугъ на поиски, а самъ воротился въ будоарь. Разныя части маскараднаго костюма были раскиданы по кресламъ. Онъ призывалъ всѣхъ горничныхъ по очереди; ни одна не могла дать удовлетворительнаго отвѣту. Миссисъ Клевлендъ раздѣлась одна, никого не призывала. Онъ побѣжалъ въ комнату къ старой Бетъ. Та спала шумнымъ сномъ.

Клевлендъ, въ отчаяніи, схватилъ себя за голову, вышелъ снова въ садъ, обѣгалъ его по всѣмъ направленіямъ, снова кликалъ, но отвѣту не было.

Спускаясь по террасамъ, которыя понижались уступами до берега Ганга, Клевлендъ выбѣжалъ на рѣку и вдругъ страшная, ужасная мысль обожгла ему мозгъ. Онъ увидѣлъ два предмета, отъ которыхъ у него волосы стали дыбомъ:

На дремлющей желтоватой водѣ плавали мапшля и соломенная шляпка.

Мантилія была черная, съ бѣлымъ подбоемъ; на шляпкѣ голубая лента. И та и другая принадлежали Виргиніи.

Клевендъ, на колѣняхъ, съ дико блуждающими по водѣ глазами, судорожно скорченной рукой досталъ вещь и, оставивъ на нихъ глаза, пробылъ нѣсколько минутъ въ оцѣпенѣніи, почти безъ дыханія.

Потомъ онъ сталъ осматривать мантилію, выворачивать на все стороны, ощупывать, и вдругъ, нащупавъ въ карманѣ бумажку, вскрикнулъ. То было письмо.

Онъ сѣлъ на камень, почти купая ноги въ водѣ, развернулъ бумажку и прочиталъ:

«Вы правы были, сэръ Джорджъ, когда, три года тому назадъ, писали мнѣ: «Убивающій меня недугъ — заразительнъ.» Правда! Сбывается! Я умираю отъ болѣзни, которую сами вы пацѣдили въ мое сердце и отъ которой Богу не угодно было избавить меня такъ, какъ васъ. Вы правы были, когда говорили: «Эти нравственныя заразы верѣдки, и я чувствую, что, можетъ-быть, завѣщаю вамъ овладѣвшую моею душой страстную любовь къ могомѣ.»

«Увы! по мѣрѣ того какъ вы избавлялись отъ этой ужасной любви, я становилась ея жертвой, — она пожирала меня. «Противъ этого бича нѣтъ лекарства», говорили вы далѣе, и я вижу теперь, какая это правда! Мрачный демонъ, грозившій вашей жизни, напалъ на меня, и... какъ у меня нѣтъ ни вашей крѣпости, ни быть-можетъ вашего счастья... я не могу устоять... Прощайте! прощайте!.. Живите, сэръ Джорджъ, живите счастливо; вы любите жизнь, а я въ безднѣ уничтоженія желаю сохранить хоть немножко души, чтобы сохранить и воспоминаніе, потому что я много, много любила васъ. Прощайте! Когда вы прочтете это письмо, спасти меня будетъ уже поздно. Я надѣюсь, что волны Ганга исполнятъ дѣло вѣрнѣй Али-Синева ручнаго тигра и что я не потрачу времени на обморокъ со страху. Будьте здоровы, сэръ Джорджъ!... Въ графствѣ мидльсекскомъ водятся отличныя лисицы... Прощайте!»

Черезъ недѣлю послѣ этого происшествія, красивый трехмачтовый корабль «Бѣлый Орелъ» отправился въ Англію. На немъ находился самъ хозяинъ, баронетъ Джорджъ Клевендъ, который покидалъ негодянтскія дѣла и намѣревался жить своимъ пятнадцатю тысячами фунтовъ стерлинговъ доходу съ прекраснаго имѣнія въ мидльсекскомъ графствѣ. Изъ Индіи сэръ Джорджъ не

бралъ съ собою ничего. На третій день вдовства онъ распусталъ всѣхъ слугъ, включая и старую Бетъ, которая не хотѣла еще разъ пуститься въ море, чтобы не достаться акуламъ. Она не соображала, что акулы сухой трески не ѣдятъ. Домъ и все имущество въ Калькуттѣ сэръ Джорджъ продалъ за четверть цѣны.

Ковчивъ всѣ дѣла, онъ отправился на корабль, сказалъ капитану нѣсколько учтивостей и ушелъ въ свою каюту.

Плаваніе продолжалось шесть мѣсяцевъ и во всѣ эти шесть мѣсяцевъ сэръ Джорджъ не произнесъ ни одного слова.

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ описанныхъ происшествій, сэръ Джорджъ Клевелендъ, вдовецъ, имѣлъ вѣсу осемь пудовъ и, кроме другихъ вышукостей, трехъ-этажный подбородокъ. . .

Не будучи въ состояніи пользоваться удовольствіями бѣдъ, потому что постоянно былъ молчаливъ какъ карпъ, и не желая однако жъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ наконецъ, отъ скуки, занялся астрономіей.

Онъ держалъ троицъ поваровъ, — французскаго, англійскаго, и италіянскаго.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ онъ ѣздилъ въ Парижъ, на обѣдъ къ знаменитому мосьё de Praille, глоткъ удивительно тонкой и разборчивой, съ которымъ свелъ кореткую дружбу, четыре года тому назадъ, въ Лондонѣ. Съ-тѣхъ-поръ у нихъ завелся обычай взаимно приглашать другъ друга два раза въ годъ въ хорошую пору, на червицы зелени или дичи, и на этотъ разъ очередь переплывать каналъ была за баронетомъ Клевелендомъ.

Въ тотъ день, когда назначено было гастрономическое собраніе, сэръ Джорджъ, накануне прибывшій изъ Лондона, отправился въ Елисейскія Поля, на привготовительную прогулку. Онъ шелъ, какъ слѣдуетъ, нѣшкомъ и соразмѣрялъ свой шагъ такъ, чтобы дать себѣ нужное движеніе, не подвергаясь слишкомъ большому утомленію. Ученый астрономъ никогда не изнуряетъ себя усталостью, и очень различаетъ всепоглощающій голодъ отъ сознательнаго, разумнаго аппетита.

Дородство почтеннаго баронета не позволяло ему пройти все предположенное пространство сразу; онъ принужденъ былъ часто останавливаться, чтобы дать своимъ дегнямъ вздохнуть, и во время этихъ невольныхъ приваловъ развлекался зрѣлищемъ балагановъ, которые всегда къ первому мая настраиваются въ одной изъ аллей сада.

Сперва онъ бросилъ общій взглядъ на весь этотъ цыганскій

таборъ, на всѣ вывѣски, болѣе или менѣе несодѣлимо привлекательныя по своимъ драматическимъ сюжетамъ и по роскоши колорита, потомъ мало по-малу сталъ входить въ подробности, любоваться на сиренъ, единороговъ, четвероногихъ рыбъ, крылатыхъ телятъ, двухъ головыхъ волковъ, безглавыхъ дѣтей, карликовъ и гигантовъ, драконовъ, львиныхъ и дикарей, и на всѣ произведенія плодотворной балаганной фантази.

Въ особенности же его вниманіе было привлечено двумя пестрыми лоскутками холстины, которые висѣли надъ самую жалкою и самую меньшую изъ досчатыхъ лачугъ на этой выставкѣ цыганской изобрѣтательности. Сэръ Джорджа поразило не художественное исполненіе, а сюжетъ этихъ двухъ вывѣсокъ. На первой былъ изображенъ какой то джентльменъ, въ микель-анджеловской позѣ, въ когтяхъ у дикаго звѣря весьма сомнительнаго происхожденія, однако жъ, — судя по отчаянно смѣлымъ вывихамъ членовъ въ яростномъ движеніи, — очень кровожаднаго. Надъ картиной находилась подпись крупными литерами:

ТЕАТРЪ, ПАНТОМИМЫ И ЖИВЫЯ КАРТИНЫ.

ЖИВОЙ БЕНГАЛЬСКІЙ ТИГРЬ.

Охотникъ,

сѣдѣнный БЕНГАЛЬСКИМЪ ТИГРОМЪ,

въ индѣйскихъ горахъ!

Истинное происшествіе!!

Драматическая пантомима съ танцами и сраженіями въ двухъ картинахъ.

Въ Ходъ 30 сантимовъ.

Другая картина, столько же художественно исполненная, изображала женщину, лежащую въ роскошной позѣ на такомъ же страшномъ животномъ, только помирнѣе. Женщина держала его на возжѣ изъ длинной замысловато пзвилистой ленты. Тутъ была другая подпись:

Индѣйской пантомимю съ Живыми Картинами.

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ представлено въ здѣшней столицѣ!

ВИРГИНІЯ, ИЛИ УКРОЩЕННЫЙ ТИГРЬ.

знаменитая КРАСАВИЦА, жена славнаго

раджи индѣйскихъ пустынь.

Али-Синя, Царя Джензлей!

побѣждаетъ и укрощаетъ кровожаднаго бенгальскаго ТИГРА!!

Совершенно новое представленіе съ настоящими декораціями.

Знаменитый АЛИ-СИНЬ,

который въ продолженіи десятилѣтъ съ 2000 пенджабскихъ горцевъ побѣждалъ всю армию Англіи въ гималайскихъ долинахъ, явится передъ публикой въ полномъ своемъ богатомъ кашмирскомъ костюмѣ

и исполнитъ съ женою и съ живымъ тигромъ и съ двоими сыновьями.

РЯДЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПОЗЪ И ИНДѢЙСКИХЪ ПАНТОМИМЪ!

Первое мѣсто 30 сантимовъ.

Сэръ Джорджъ долго стоялъ передъ этими вывѣсками въ недоумѣніи и въполголоса произносилъ отрывистыя британскія заклинанія.

Наконецъ онъ примѣтилъ также двоихъ маленькихъ мальчиковъ, лѣтъ десяти и осми, въ полинялыхъ и грязныхъ трико-выхъ костюмахъ дикарей, которые, стоя у дверей балагана, съ равнодушною покорностью судьбѣ, на распѣвъ попеременно декламировали вытверженное наизусть *зазыванье*:

— Пожалуйте, войдите, господа! пожалуйста! Здѣсь показывается первая знаменитѣйшая красавица въ мірѣ, настоящая индѣйская Дива, прекраснѣе Венеры, выходящей изъ пѣщы морской! Дива, за которую великій султанъ магараджа лагорскій давалъ славному Алп-Синю, ея супругу, сто тысячъ рупій!... Вы увидите ея красоту такъ совершенно какъ только позволяетъ начальство здѣшней столицы.... Войдите, господа, пожалуйста! Всего тридцать сантимовъ за входъ, на первое мѣсто!

— Эта женщина была ваша мать? быстро спросилъ Клевлендъ.

Дѣти съ глупымъ удивленіемъ, дрожа отъ холоду, посмотрѣли на толстяка и продолжали свой напѣвъ:

— Здѣсь показывается также знаменитый белгальскій тигръ, настоящій живой тигръ, котораго достопримѣчательная красавица Дива Виргинія побѣдила и укротила въ индѣйской пустынѣ! Войдите, господа, пожалуйста посмотрѣть!... Вы увидите здѣсь также самого славнаго Царя Дженглей, индѣйскаго раджу Али-Синя, который десять лѣтъ побѣдоносно воевалъ съ Англей!... Знаменитый Али-Синъ показывается со своимъ живымъ тигромъ, въ своемъ великолѣпномъ костюмѣ индѣйскаго раджи.... Одинъ костюмъ стоитъ пятьдесятъ тысячъ франковъ!... Войдите господа, пожалуйста посмотрѣть!... Всего тридцать сантимовъ за входъ на первое мѣсто!...

— Этотъ Али Синъ вашъ отецъ? снова спросилъ Клевлендъ.

Дѣти, вѣроятно, еще не затвердили наизусть отвѣтовъ на подобныя вопросы, и потому повторили конецъ своего зазыва:

— Пожалуйста, пожалуйста, господа, извольте посмотрѣть! Всего тридцать сантимовъ за входъ, на первое мѣсто.

Однако жъ никто не вошелъ кромѣ любопытнаго толстяка Англичанина.

Въ тѣсной канурѣ, служившей прихожею въ балаганѣ, за прилавкомъ сидѣла гадкая старуха, въ соломенной шляпѣ, повидному претерпѣвшей неисчислимое множество крушеній со времени своего рожденія на свѣтъ. Клевлендъ бросилъ на прилавокъ пяти франковую монету.

— У меня, сударь, нѣтъ сдачи! провизжала скрипящимъ голосомъ старуха.

— Не нужно сдачи, отвѣчалъ Англичанинъ и вошелъ.

Баронетъ не подвергался непріятностямъ давки въ тѣснотѣ: всѣ осемь скамеекъ въ балаганѣ были совершенно пусты. Онъ сѣлъ на заднюю, гдѣ было больше тѣни.

Впередѣ висѣла грязная размалеваная тряпка, которая служила занавѣсомъ и отдѣляла сцену отъ партера. За нею скрылись дѣти зазывальщики, вошедшіе вмѣстѣ съ публикою, — въ лицѣ почтеннаго баронета. Наступила тишина, впродолженія которой таже публика имѣла удобный случай рассмотреть всѣ щели дряхлаго сквознаго балагана, плохо заклееннаго пестрыми лоскутками старыхъ бумажныхъ обоевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Клевлендъ услышалъ за занавѣсомъ

споръ двухъ голосовъ, начавшійся сперва шепотомъ и дошедшій до крику. Одинъ голосъ былъ мужской, грубый, другой — женскій, пронзительный. За крикомъ вдругъ послѣдовалъ звонкій ударъ и все притихло. Клевлендъ покраснѣлъ и разстегнулъ двѣ пуговицы у своего жилета, чтобы свободнѣе было дышать. Онъ догадывался, что знаменитый Царь Джинглей отпустилъ побѣдоносной Дивѣ Виргиніи оплеуху.... Виргиніи!... гордой и прекрасной Виргиніи!... Женщины, когда падаютъ, падаютъ совершенно, ужасно, во.... неужели Виргинія Темпльстонъ пала до балаганной геронни? Эта мысль острымъ ножомъ воцѣпилась въ сердце Клевленду?....

Въ эту минуту зававѣсь поднялся и на подмосткахъ явился человекъ, который отдалъ три низкихъ поклона, — два пустымъ скамьямъ и одинъ Англичанину.

На актерѣ были широкіе желтые бумажные шаравары, бѣлая шерстяная бурка или бурнусъ по колѣно, поясъ изъ старой шали, за которымъ торчалъ кинжалъ съ мѣдною рукоятью, и огромныхъ размѣровъ чалма, — все изрядно засаленное и передѣланное молью и встрѣчными гвоздями.... Но подробно описать этотъ живописный костюмъ мы не беремся: на это нуженъ крайней-мѣрѣ гений Гомера и языкъ Бальзака.

Сложенія цыганъ былъ геркулесовскаго. Борода, черная, густая, мѣстами съ просѣдью, опускалась почти до половины груди. На ногахъ онъ покачивался довольно пріятно, а глаза посматривали изъ-подлобья нѣсколько подозрительно.

Раскланявшись и обзрѣвъ свою англійскую публику, онъ слѣз со сцены въ партеръ, снялъ чалму и учтиво сказалъ:

— Милордъ, у насъ сегодня маленькое собраніе....

— Все равно, начинайте ваше представленіе, возразилъ баронетъ: отвѣчаю за полный сборъ.

— Стало-быть, вы любитель, милордъ? продолжалъ фигляръ всматриваясь въ Англичанина и чуть примѣтно вздрогнувъ, — при чемъ и въ глазахъ сверкнулъ какой то зловѣщій огонь.

— Любитель чего? спросилъ Клевлендъ.

— То есть, отвѣчалъ съ лукавою улыбкой фигляръ, я хочу сказать, что милордъ, можетъ-быть, любить смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ.

Клевлендъ отстегнулъ третью пуговицу у жилета.

— Такъ она очень хороша, ваша.... красавица?

— Милордъ, по вашему доброму лицу я вижу, что вы не изъ полицейскихъ.... Вамъ извѣстно, что полиція предписываетъ фи-

гурамъ въ живыхъ картинахъ костюмы, которые не совѣтъ художественны.... Но если вамъ угодно пройти за сцену.... моя красавица согласится на минуту забыть строгость предписаній.

Клевлендъ отстегнулъ четвертую пуговицу.

— И вы при этомъ представленіи присутствуете съ вашими дѣтьми? спросилъ онъ.

— Съ дѣтьми?.... Да, правду вамъ сказать, это дѣти не мои. Я нанимаю ихъ за двадцать су въ день.... довольно дорого: дѣти нынче рѣдки стали.

— Это вы называетесь Али-Сидемъ? вдругъ спросилъ Клевлендъ.

— Точно такъ, милордъ, отвѣчалъ фиглярь съ поклономъ: все, что у меня написано на вывѣскахъ, — если изволили читать, — совершенная, или почти совершенная правда. Я, въ Индіи, начальствовалъ надъ двумя тысячами независимыхъ сейховъ и они прозвали меня Царемъ Дженглей.

— Куда жъ дѣвалось ваше царство?

— Увы, милордъ! вы видите куда. Шестъ лѣтъ тому назадъ, близъ Паннипута, армія Компаніи захватила меня врасплохъ.... Насъ было по одному на десятерыхъ.... Всѣхъ разбили; я едва успѣлъ скрыться бѣгствомъ. Побродивъ нѣсколько времени въ Пенджабѣ, я отправился въ Персію, былъ тамъ медикомъ и, навѣрное, поправилъ бы свое состояніе, если бъ злодѣи не вздумали повѣсить меня по взведенной клеветѣ, будто я англійскій шпионъ....

— Хорошо, довольно; я не спрашиваю вашей исторіи.

— То есть, милорду угодно, можетъ-быть, знать исторію моихъ индійскихъ павтопимъ?.... или сперва изволите посмотрѣть красавицу?

— Хорошо, я.... посмотрю.

Клевлендъ рѣшился совершенно разстегнуть жилетъ, который вдругъ такъ съузился, что не давалъ дышать.

— Двадцать франковъ будетъ стоить, милордъ, и ... если милость будетъ, покажете маленькую консольцію барышъ.

— Консольцію.... барышъ? это что значитъ?

Фиглярь разомѣлся.

— Моя Дива любитъ отъ времени до времени выпить водки. Отъ этого она забываетъ свое горе и все прошлое, и бодрѣе на работѣ; а что почти передъ каждымъ представленіемъ, мы съ нею споримъ и сеоримся.... вотъ и сегодня тоже невозможно поссориться. Конечно, если бы она знала, что ее ожидаетъ такой про-

свѣщенный любитель.... Кстати, милордъ, угодно вамъ видѣть представленіе съ тигромъ?

Клевлендъ вздрогнулъ. Фигляръ изъ-подлѣбя взглянулъ на него съ злобною радостью.

— У вашего тигра надѣтъ намордникъ? спросилъ зритель.

— Успокойтесь, милордъ, отвѣчалъ Али Синъ съ улыбкой: мой тигръ прекрасный звѣрь, но уже немножко пожилой. Чтѣ дѣлать! всѣ старѣемъ. У моей Виргиніи уже нѣтъ зубовъ....

Клевлендъ, несмотря на разстегнутый жилетъ, чуть не задохся.

— Впрочемъ, продолжалъ знаменитый Царь Дженглей, мой тигръ всегда былъ праву очень кроткаго, даже въ молодости. Вотъ, напримѣръ, исторія вывѣски, что висѣть съ правой стороны.... Истинное происшествіе было, милордъ, и презанимательная исторія.... Однажды, вечеромъ, близъ Диньягура, въ степи, мой тигръ встрѣтилъ джентльмена, Англичавина, вышедшаго подышать свѣжимъ воздухомъ, и вздумалъ поласкать его и пошалить съ нимъ. Англичанинъ такъ перетрусился, что его насилу вывели изъ обмороку. За это.... когда его женѣ рассказали приключеніе, джентльменъ такъ опротивѣлъ ей, что она бросила его и бѣжала съ другимъ джентльменомъ.... А дуракъ-то думалъ, что она утопилась.... Она просто бѣжала съ однимъ джентльменомъ, котораго мужъ за годъ передъ тѣмъ, изъ ревности, почти смертельно ранилъ на дуэли и котораго звали сэромъ Робертомъ Рольфомъ....

Фигляръ рассказывалъ все это, по видимому, совершенно равнодушно, между тѣмъ быстрые, лукавые глаза его украдкой ловили каждое движеніе на лицѣ слушателя, а слушатель выдерживалъ адскую пытку.

— Но не угодно ли пожаловать, милордъ, посмотрѣть красавицу?

— Нѣтъ, нѣтъ.... довольно! отвѣчалъ Клевлендъ отдуваясь и бросивъ фигляру двѣ золотыя монеты: съ меня довольно вашей исторіи; я ничего не хочу видѣть.

— Какъ изволите, отвѣчалъ Али-Синъ равнодушно: впрочемъ, откровенно вамъ признаться, милордъ, вы не много потеряли. Моя Маріетта къ сожалѣнію, далеко ужъ не та красавица, чтѣ была прежде....

У Клевленда дрогнули глаза; онъ сталъ опять внимательнѣе вслушиваться, между-тѣмъ какъ фигляръ, получивъ вдвое болѣе денегъ противъ обѣщаннаго, казался совершенно удовольствов-

шался, сталъ говорить простодушнѣй, безъ лукавыхъ улыбокъ, и уже не наблюдалъ за слушателемъ.

— Не знаю, продолжалъ фиглярь, климатъ или тоска ее одо-
дѣла.... только она съ каждымъ днемъ чахнетъ.... похудѣла ужа-
сно.... только водка немножко и поддерживаетъ. А характеръ....
у! какой характеръ, если бъ вы знали, милордъ!.... почти нѣтъ
дня, чтобы обходилось у насъ безъ побоевъ.... почти на каждое
представленіе силой надобно тащить.... особенно когда на нее
найдетъ тоска по прошлому.... Марриетта, изволите видѣть, так-
же ушла отъ своего мужа, англійскаго колониста въ Индію....

— Марриетта!.... вы называете вашу красавицу Марриеттой, а
по вывѣскѣ я думалъ ее зовуть.... Виргиніей!

Фиглярь принудилъ губу и съ замѣшательствомъ отвѣчалъ:

— Виргиніей.... Виргиніей зовуть мою тигрицу.

— А!.... го! произнесъ съ довольнымъ видомъ Англичанинъ,
закинувъ голову.

У фигляра опять злобно сверкнули глаза.

— Виргиніей, милордъ, сказалъ онъ, звалъ также ту леди, ко-
торая бѣжала съ соперникомъ своего мужа и которой исторію
я забылъ кончить.

— Чѣмъ же кончилась та исторія?

— Тотъ джентльменъ.... соперникъ.... сэръ Робертъ Рольфъ,
кажется, не столько любилъ леди Виргинію, сколько хотѣлъ отмстить
сперва ей мужу, а потомъ и ей самой, зато что она прежде,
любила мужа. Замѣтивъ, что ошиблась въ своемъ любезномъ,
она однажды, ночью, убѣжала и отъ него, и наконецъ исполнила
первое свое обѣщаніе.... утопилась.

Клевлендъ едва дослушалъ этотъ разсказъ, опрометью, — сколь-
ко позволяло дородство, — выбѣжалъ изъ балагана, не примѣ-
тивъ злаго насмѣшливаго хохоту фигляра, и бросился въ пер-
вый попавшійся фіакръ.

Онъ пріѣхалъ въ гастрономическое собраніе къ мосье де Прей-
лю совершенно разстроенный и поздно, — подавали уже спаржу
съ макаронами à la bolognese.

Впродолженіи всего обѣда сэръ Джорджъ отличался совершен-
но вегастрономическою разсѣянностью и послѣ того три дня не
выходилъ изъ своей комнаты и никого не принималъ. У де-
Прейля говорили, что онъ сдѣлалъ передъ обѣдомъ неосторож-
ный, слишкомъ сильный моціонъ и испортилъ желудокъ сваржей.

На четвертый день, однакожь, сэръ Джорджъ принужденъ
былъ заняться дѣломъ: надлежало въ свою очередь угостить

иосё де-Прейля и его гастрономическое общество хорошихъ обѣдомъ. Сэръ Джорджъ, со всеми признаками усилившейся молчаливости и затаенной печали, съѣлъ составлять программу обѣда и только по временамъ, къ несказанному удивленію своихъ поваровъ, произносилъ отрывистыя, вовсе къ дѣлу не идущія фразы:

1. *Супъ à la tortue...*

— Охъ! эти женщины!....

2. *Четыре entremets — булонскія устрицы —*

— Онъ никогда не знаетъ, ни за что полюбилъ своихъ женюховъ, ни за что разлюбливаетъ своихъ мужей.

В. ДЕРЖКЕРЪ.

ПРИЗРАКИ. Необыкновенный случай. Изъ записокъ судьи. На морѣ была тишь. Легкій вѣтерокъ только кое-гдѣ, мѣстами, чуть-чуть рябилъ гладкую поверхность водъ, въ которыя смотрѣлось ясное небо съ послѣдними уходящими утренними облаками, и ярко, искриво отражалось только что взшедшее солнце. Изъ гавани Остэнде выплыла лодка и поворотила за мысъ, на которомъ стоитъ маякъ. Въ лодкѣ сидѣли два человѣка, одинъ молодой Голландецъ, по одеждѣ, простаго званія, управлялъ веслами; другой старикъ, Англичанинъ повидямому, любитель рыбной ловли, выѣхавшій насладиться вмѣстѣ и прогулкой и тихою своею страстью. Оба молчали; рыболовъ разбиралъ и приготавливалъ свои снаряды, а на лицѣ гребца отражалась глубокая и тревожная дума.

— Кажется, мы уже довольно далеко отплыли, сказалъ наконецъ Англичанинъ своему товарищу, по-крайней-мѣрѣ съ мною будетъ отъ маяка. Можно остановиться; начнемъ удить. Голландецъ безмолвно положилъ весла, и оба принялись за дѣло.

На нѣсколько времени это занятіе, казалось, совершенно поглотило ихъ вниманіе. Вдругъ, случайно, или отъ толчка лодки, леса старика зацѣпилась за киль. Послѣ тщетныхъ усилій вытащить ее, Англичанинъ скинулъ сюртукъ, наклонился на бортъ лодки и, погрузивъ руки въ воду, началъ отцѣплять лесу. Вдругъ лодка покачнулася, и онъ упалъ въ море. Голландецъ съ испугу

простоюль неподвижно, устремивъ взоръ на взволнованную воду, которая, поглотивъ добычу, уже стала опять уравниваться; потомъ поспѣшно, какъ-будто съ радостью, съѣлъ и схватилъ весла. Однако Англичанинъ хорошо плавалъ. Онъ вскорѣ показался на поверхности воды и, плывя къ лодкѣ, старался ухватиться за бортъ. Но каковъ былъ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что товарищъ беретъ весла и готовится отплыть! Прежде чѣмъ намѣреніе это было исполнено, старикъ успѣлъ ухватиться за лодку, и началъ умолять Голландца спасти его.

— Петеръ! Петеръ!... Хозяинъ! Вандоммель! помоги же мнѣ!...
 Поддай руку!... вытащи меня!

Но по страшному выраженію лица Петра несчастный очень ясно видѣлъ, что неслаучайно упалъ въ воду, и что смерть его неизбежна. Съ отчаяніемъ, какое можетъ внушить подобное убѣжденіе, онъ продолжалъ умолять Петра сжалиться надъ нимъ.

— Ради Бога! Вандоммель! что я тебѣ сдѣлалъ?... за что ты убиваешь меня?... Спаси, я заплачу тебѣ!... спаси! спаси!

Злодѣй поколебался. Приподнятыя весла неподвижно лежали на борту, въ судорожно сжатыхъ рукахъ; дикий и смущенный взоръ блуждалъ по лицу утопающаго.

Петеръ Вандоммель былъ сынъ купца и получилъ довольно хорошее образованіе. Оставшись на двадцать-первомъ году совершенною сиротой, онъ употребилъ остатки растроченнаго въ спекуляціяхъ состоянія своего отца на покупку маленькаго домика въ предмѣстьѣ города Остэнде и завелъ очень чистенькую гостиницу, которая въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ имѣла много посѣтителей. Дѣла гостиницы Золотаго Рога процвѣтали; Петеръ Вандоммель началъ наживать.

Такъ прошли три или четыре года. Наконецъ Петеръ замѣтилъ, что для счастья недостаточно одного богатства; нужно имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ бы можно было подѣлиться горемъ и радостью. Выборъ палъ на хорошенькую веселую брюнетку, дочь сосѣдняго пивовара. Петеръ откровенно высказалъ Маріи свои намѣренія, и дѣвушка не могла остаться равнодушной къ любви самаго красиваго и самаго богатаго изъ знакомцевъ ея отца. Пивоваръ съ своей стороны былъ очень доволенъ, что Петеръ ухаживаетъ за его дочерью. Все сулило трактирщику близкое счастье, какъ вдругъ явился соперникъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ одинъ подпоручикъ всѣми силами старался привлечь вниманіе дѣвушки. Онъ почти каждый день гар-

повалъ на ковѣ передъ ея окнами, и даже находилъ случай поговорить съ нею на гуляньяхъ или публичныхъ собраніяхъ. Его ловкое обращеніе, блестящій мундиръ, живость и остроуміе очаровали Марію, хотя она не чувствовала къ нему ни малѣйшей склонности.

Однако жъ, Марія невольно сравнивала подпоручика съ своимъ скромнымъ и спокойнымъ женихомъ, который не умѣлъ говорить пріятныхъ молодымъ дѣвушкамъ пустяковъ, и приходя по вечерамъ къ ея отцу вѣчно толковалъ съ нимъ о торговлѣ, о цѣнахъ на товары, о выгодныхъ спекуляціяхъ. Правда, Марія была невѣста Петера, но въ улыбкѣ подпоручика было такъ много презрительнаго, когда онъ услышалъ объ этомъ. Онъ увѣрялъ Марію, что она слишкомъ хороша для того чтобы сдѣлаться женою харчевника, и еще больше началъ за нею ухаживать. Мало-по-малу тщеславіе и самолюбіе взяло верхъ; дѣвушка убѣдилась, что этотъ бракъ ей неприличенъ, и предпочла своего новаго обожателя женху. Черезъ два мѣсяца потомъ она убѣжала съ подпоручикомъ.

Сначала Петеръ не хотѣлъ вѣрить даже очевидности, потому что искренно любилъ Марію и вѣрилъ ей. Ударъ былъ такъ жестокъ, что несчастный нѣсколько недѣль пролежалъ въ сильной горячкѣ: наконецъ природа взяла свое, здоровье снова воротилось къ Петеру, но счастье навсегда покинуло его. Съ тѣхъ-поръ онъ питалъ единственную надежду отомстить человѣку погубившему его невѣсту, которая, какъ онъ полагалъ, рѣшилась на подобный поступокъ не по истинной страсти, а по минутному заблужденію.

Однажды Петеръ встрѣтилъ своего врага въ кругу веселыхъ товарищей, объявилъ свое имя, и потребовалъ удовлетворенія. Подпоручикъ улыбнулся и холодно просилъ нарушителя веселья выйти вонъ. Петеръ задѣтый за живое еще съ большей настойчивостію требовалъ, чтобы соперникъ дрался съ нимъ. Громкій хохотъ былъ ему отвѣтомъ; трактирщика дуэлиста осыпали насмѣшками. Петеръ бросился на надменнаго соперника, но его окружили, схватили и вытолкали за дверь. Къ довершенію несчастія, Петеръ, взоидя, слышалъ голосъ Маріи, которая что-то цѣла въ сосѣдней комнатѣ.

Съ этой роковой минуты Вандоммель совершенно измѣнился. Онъ сталъ мраченъ и дикъ; водилъ знакомство только съ контрабандистами или людьми сомнительнаго поведенія. Въ немъ на-

чала развиваться страсть къ деньгамъ, и въ душѣ его осталось только одно желаніе — приобрести какъ можно больше золота. Всѣ его хорошія качества погибли въ этомъ пороки. Суровый нравъ трактирщика скоро отдалилъ посѣтителей, и мало-по-малу, старинная слава гостиницы Золотаго Рога исчезла; хозяинъ по цѣлымъ днямъ запирался въ своей комнатѣ, и никто не зналъ, что онъ тамъ дѣлалъ.

Въ послѣднее время единственнымъ обитателемъ гостиницы, кромѣ самого хозяина и одного слуги, былъ заѣзжій Англичанинъ, старый чудакъ, который, вѣроятно, стараясь уйти отъ сплину, долго путешествовалъ и наконецъ укрылся въ домѣ, обитаемомъ самою черною хандрой. Онъ жилъ у Вандоммеля уже нѣсколько недѣль, и единственнымъ развлеченіемъ ему служила рыбная ловля; никто его не навѣщалъ, никто не писалъ къ нему, никто, казалось, не зналъ о его существованіи, и изъ нѣсколькихъ отрывистыхъ разговоровъ Вандоммель могъ заключить, что его жилецъ недавно воротился изъ Индіи въ Англію, но не ужился и опять покинулъ отечество; а по щедрости и небреженію старика къ деньгамъ надобно было полагать, что онъ очень богатъ. Однажды Вандоммель даже самъ видѣлъ на столѣ пачку банковыхъ билетовъ, какъ казалось на огромную сумму. Какое открытіе для хозяина Золотаго Рога! какіе удивительныя средства можетъ доставить такая сумма!

Петеръ не могъ освободиться отъ мысли, которую постепенно развило въ головѣ его открытіе, что старый, одинокій Англичанинъ богатъ и почти не знаетъ, на что употребить свое богатство. Странные чувства волновали грудь трактирщика; онъ невольно задумывался и сравнивалъ свое настоящее положеніе съ прошедшимъ. Состояніе его отца и первоначальное образованіе сулили ему совѣмъ не то положеніе въ свѣтѣ; онъ могъ сдѣлаться негоціантомъ, банкиромъ, человѣкомъ именитымъ, уважаемымъ и даже сильнымъ; вмѣсто этого онъ долженъ былъ начать свое поприще съ мелкаго трактира: но и тутъ, когда счастье мало-по-малу начало благопріятствовать ему, когда онъ надѣялся, и не безъ основанія, что скоро наступеть время и онъ снова воротится въ положеніе, котораго лишило его несчастье отца; тутъ измѣна Маріи отбросила его еще дальше. Прибавя къ этому тоску и горькое чувство униженія человѣка, который видитъ себя презрѣннымъ и не имѣетъ средствъ отомстить, можно легко понять, какъ ужасно страдалъ Петеръ и какъ странно бывали иногда его мысли.

Въ описанное нами утро Петеръ Вандоммель болѣе обыкновеннаго терзался своими тягостными мыслями и противоположными страстями. Выѣхавъ въ открытое море, онъ продолжалъ грести, и все мрачнѣе и мрачнѣе возставало передъ нимъ прошедшее; страсти кипѣли въ возмущенной душѣ, а руки машинально, судорожно ускоряли движеніе, по-мѣрѣ-того какъ ускорялось бѣніе жилъ отъ взволнованной крови, такъ, что наконецъ старика Англичанина поразила живость, съ которою гребецъ исполнял свою работу. Онъ велѣлъ ему остановиться, однако жъ, въролтно, не обратилъ вниманія на глаза, въ которыхъ въ эту минуту горѣла смутная, но ужасная мысль.

Петеръ думалъ — этотъ Англичанинъ слѣдуетъ въ двугъ шагахъ отъ меня; онъ богатъ, очень богатъ; съ половиной его состоянія я могъ бы стереть свое прошедшее, занять приличное мѣсто и, что всего важнѣе, принудить обольстителя Марин отдать отчетъ въ обидѣ, утолить жгучую жажду мщенія. Этотъ старикъ, какъ кажется, не имѣетъ ни родныхъ, ни друзей; ни его никто, ни онъ никого не знаетъ; и, кажется, онъ желаетъ скрыть свое существованіе. Если.... его не станеть, подумаютъ, что онъ воротился въ Англию или въ Индію.... Эту думу старикъ прервалъ приказаніемъ остановиться. Мы видѣли, что за тѣмъ послѣдовало. Старикъ упалъ въ воду, и Вандоммель какъ будто изумился. Онъ самъ не могъ бы объяснить, какъ это случилось, кто качнулъ лодку, или кто столкнулъ старика. Онъ могъ даже почитать себя невиннымъ и приписать все дѣло случаю, своему счастью, и потому первымъ чувствомъ его послѣ изумленія была радость, когда всплеснувшія волны сгладились надъ головой утонувшаго. Но когда старикъ вынырнулъ и сталъ просить помощи, въ душѣ преступника поднялась буря страшнѣе всѣхъ врежнихъ, и тутъ уже единственною его мыслью стало намѣреніе какъ можно скорѣе покончить съ своимъ жильцомъ; тутъ только онъ дѣйствительно сдѣлался злодѣемъ, убійцей.

Когда старикъ съ отчаяніемъ ухватился за бортъ лодки, когда его сѣдые волосы, прилипшіе къ истомленному лицу, и потухающіе глаза явились подъ бортомъ лодки; когда раздался крикъ, вырванный страхомъ смерти, — борьба у Вандоммеля была уже кончена; ничто уже не могло остановить его, — онъ уже не могъ воротиться. Онъ торопливо схватилъ весло и ударилъ Англичанина по головѣ: кровь брызнула, и несчастный погрузился въ воду.

Бросивъ послѣдній взглядъ на свою жертву, Петеръ увидѣлъ въ прозрачной водѣ блѣдное, искаженное лице старика, его окровавленные волосы и длинныя смертнымъ томлеиємъ глаза. Воспоминаніе объ этомъ стало казнью злодѣя, оно всюду послѣдовало за нимъ. Денно и ночью былъ устремленъ на него этотъ холодный, дикій взглядъ, и мрачный голосъ непрерывно шепталъ ему на-ухо: «Смотри, вотъ твоя жертва!»

Совѣсть уже начала преслѣдовать убійцу: онъ съ яростью схватилъ весла и принялся грести изо всѣхъ силъ.

Вандоммель присталъ къ берегу позади маяка, въ пустомъ, безлюдномъ мѣстѣ, вышелъ, оттолкнувъ лодку съ удочкой и платьемъ, изъ котораго досталъ только ключъ, и поспѣшно пошелъ домой другою дорогою, между-тѣмъ какъ лодка медленно, качаясь, поплыла въ открытое море.

Петеръ поспѣшно проходилъ мимо укрѣпленій Остэнде. Его волненіе, безпокойный взглядъ и безпорядочная одежда могли бы обратить на него вниманіе, если бъ онъ встрѣтилъ кого-нибудь. Онъ никого не встрѣтилъ, однако жъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе; каждый камень, каждый кустъ, каждый столбъ какъ-будто устремляли на него испытующій взглядъ. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ всѣ предметы измѣнились въ его глазахъ. Жаворонки по-прежнему вились въ поднебесьѣ, заливаясь веселыми пѣснями; солнце было также блестяще какъ въ тотъ часъ, когда онъ отправлялся съ своимъ жильцомъ на рыбную ловлю, а между-тѣмъ все приняло другой видъ; глаза Петера какъ будто подернулись туманомъ, и наконецъ въ городѣ ему казалось, что каждый прохожій глядитъ на него другими глазами, каждый стукъ — предвѣстникъ огласки преступленія и позыва къ суду.

Таковы были чувства Петера, когда онъ воротился домой. Бросясь на стулъ, онъ принялся обдумывать, что дѣлать.

Слѣдовало дѣйствовать какъ можно скорѣй; иначе онъ могъ потерять богатство, для котораго сдѣлался убійцей. Онъ кликнулъ слугу, услалъ его съ разными порученіями; потомъ, тщательно заперся, вошелъ въ комнату Англичанина и принялся перебирать всѣ вещи.

Разстроенному воображенію Петера непрерывно представлялся окровавленный призракъ; на каждомъ шагу онъ спотыкался на орудія смерти и долженъ былъ собрать всю твердость, чтобы побѣдять ужасъ.

Наконецъ страсть къ золоту взяла верхъ. Вандоммель подошелъ

къ сундуку и дрожащею рукою поворотилъ ключъ. Въ сундукѣ, кромѣ платя, бѣлья, двонхъ часовъ и кое-какихъ золотыхъ вещей, оказалось около десяти червонцевъ деньгами. Но не того искалъ Вандоммель: ему нужны были банковые билеты, которые онъ видѣлъ у старика. Въ особомъ ящикѣ онъ нашелъ нѣскольکو бумагъ, писемъ и документовъ, а билетовъ нѣтъ. Чтò бы это значило? сокровище Англичанина должно было храниться въ этомъ сундукѣ, однако жъ его тутъ не было.

Вдругъ Петеръ вспомнилъ, что сундукъ можетъ имѣть потаенныя ящики. Послѣ долгихъ усилій онъ точно отыскалъ пружину, но отчаяніе снова овладѣло несчастнымъ, когда, открывъ ящикъ, онъ увидѣлъ только два миниатюрные портрета, — одинъ женскій, другой дѣтскій, — локоны каштановыхъ волосъ, два обручальные кольца и свадебный контрактъ сэра Вильяма Дарлингга.

Въ эту минуту послышался стукъ въ наружную дверь. Вандоммель затрепеталъ, однако жъ не потерялъ присутствія духа. Онъ торопливо положилъ всѣ вещи по мѣстамъ, кромѣ денегъ и счетной книги, которую спряталъ въ карманъ, оставивъ только нѣсколько монетъ и векселя, заперъ конторку и готовился выйти, какъ-вдругъ глубокій вздохъ поразилъ его слухъ. Казалось, онъ выходилъ изъ большихъ креселъ, стоявшихъ близъ каминна, гдѣ обыкновенно сживалъ Англичанинъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу злодѣя; онъ боязливо оглянулся. Въ комнатѣ никого не было. Приписывая этотъ звукъ своему воображенію, Петеръ ободрился и ему стало стыдно за свою слабость.

Но снова послышался вздохъ, еще яснѣе и глубже прежняго. Вандоммель еще разъ оглянулся и остолбенѣлъ отъ ужасу.

На креслѣ сидѣлъ Англичанинъ, холодный, окостенѣлый, съ потухшими, налитыми кровью глазами, съ полуоткрытомъ ртомъ, съ влажными прилившими къ головѣ волосами, и съ покрытымъ смертною блѣдностью лицомъ.

Эти неподвижно устремленные на него глаза приковали Вандоммеля къ мѣсту. Привидѣніе, не шевеля губами, произнесло гробовымъ голосомъ:

— Убійца! убійца! Еще два раза ты увидишь меня прежде твоей смерти. Готовься; часъ твой близокъ!

Сказавъ это, призракъ исчезъ. Всѣ жилы у Вандоммеля налились кровью; онъ вскрикнулъ и можетъ-быть упалъ бы въ обморокъ, если бъ въ это время не раздался снова стукъ въ дверь.

Страхъ дѣйствительности разсѣялъ ужасъ видѣній. Вандоммель могъ лишиться плодовъ и миновать цѣли своего злодѣянія. Если смерть Англичанина сдѣлается гласною, придетъ полиція, опишетъ оставшееся имущество и убійца останется по-прежнему бѣд-якомъ. Вандоммель быстро сообразилъ это и, стараясь побѣдить свой ужасъ, оклинулъ комнату взглядомъ, чтобы удостовѣриться, что въ ней нѣтъ привидѣнїя и чтобы угадать, гдѣ Англичанинъ спряталъ свои деньги. Привидѣнїя уже не было. На креслѣ лежалъ только бережно сложенный старый засаленный сюртукъ, незавданная вещь, на которую, безъ сомнѣнїя, не покусился бы ни какой воръ, хотя бы и очень не трудно было завладѣть ею. Вандоммель еще трепеталъ, но уже стыдился своего напраснаго страху и, частью чтобы удостовѣриться, частью чтобы выместить на несчастномъ халатъ свой испугъ, сталъ сперва ошупывать, потомъ мять и трепать его съ ожесточенїемъ, съ яростью.... Вдругъ, между старой тканью и ватой, въ рукахъ у Вандоммеля захрустѣла бумага. Догадка какъ молнїя сверкнула въ умѣ злодѣя. Онъ чуть не благословилъ привидѣнїе, схватилъ ножницы, вспоролъ подкладку на грудной части сюртука, и досталъ нѣсколько толкихъ пачекъ банковыхъ билетовъ. На все это потребовалось меньше минуты. Вандоммель достигъ своей цѣли и готовъ бы былъ положить назадъ все вынутое изъ сундука, но нужно было поторопиться впустить слугу, который уже въ третїй разъ застучалъ въ дверь, на крыльцѣ.

Впустивъ слугу, которому показалъ видъ будто только-что проснулся, Вандоммель сталъ помышлять, какъ бы освободиться поскорѣй отъ ключа и тѣмъ удалить всякое подозрѣнїе. Пока слуга приготовлялъ ему обѣдъ, онъ отправился въ огородъ, чтобы исполнить свое намѣренїе.

На краю огорода находился глубокой колодець. Петеръ подошелъ и бросилъ ключъ, но взглянувъ въ темное отверстїе, очень ясно увидѣлъ опять блѣдное лицо Англичанина, съ отчаянїемъ распростертыя руки, сѣдые, всклокоченные, мокрые волосы и неподвижно устремленные на него глаза. Въ то же время раздрающїй душу звукъ снова поразилъ его слухъ. Петеру показалось, будто страшный старикъ съ хохотомъ поймалъ брошенный ключъ въ костлявыя руки. Онъ безъ памяти убѣжалъ въ противоположный конецъ огорода и въ изнеможенїи упалъ на крайнюю гряду. Мало по-малу пришедши въ себя и оправившись, онъ сообразилъ, что воображенїе и на этотъ разъ пошутило съ нимъ. Въ

самомъ дѣлѣ солнце свѣтило совершенно ясно, на огородѣ бабочки и на въскомыхъ хлопотахъ около сеничкѣ растеній, и марный колодець съ длиннымъ рычагомъ и веревкой отъ ведра не представлялъ ничего страшнаго.

Вандоммель былъ вообще не трусъ, и въ приведенія не вѣривъ. Только необыкновенное горячее состояніе могло довести его до бѣгства отъ испугу. Опривнившись, онъ подошелъ къ колодецу и увидѣлъ, что брошенный ключъ попалъ.... въ ведро. Вандоммель вынулъ его, бросилъ на дно колодца и, какъ-будто камень свалилъ съ груди, совершенно успокоенный пошелъ обѣдать.

Переживъ стеченія въсколькихъ часовъ множество необычайныхъ ощущеній и нѣсколько разъ уже успѣвъ побѣдить самымъ страшнымъ волненіемъ, Вандоммель такъ омадѣлъ собой, что сталъ превосходнымъ актеромъ. Онъ, какъ нельзя болѣе, естественно сталъ беззаботиться о долгомъ отсутствіи своего ностояльца и не слалъ слугу искать его.

Рыбаки привезли въ гавань пустую лодку съ платьемъ и удочкою. Англичанинъ, какъ надо было полагать, печально утонулъ.

Полиція въ тотъ же вечеръ описала нищество и запечатала вызовъ наследниковъ, которыхъ, впрочемъ, не оказалось. Нищество поступило въ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія, и тѣмъ дѣло кончилось.

Вандоммель съумѣлъ прождать полгода, ни сколько не перемѣняя образа жизни; потомъ продалъ гостиницу и подъ чужимъ именемъ переселился въ Германію.

Сначала у него въ душѣ еще шевелилась мысль о нищеніи легкомысленной своей любезной и ея оболъстителю, но потомъ она мало-по-малу уступила мѣсто другимъ планамъ. У Гейриха Валь-Кроота горизонтъ сталъ гораздо шире чѣмъ былъ у бѣдняка Петра Вандоммеля; онъ могъ устроить себѣ жите привольное, свободное и счастливое въ новомъ кругу, въ новомъ обществѣ, между-тѣмъ какъ желаніе удовлетворить когда-то оскорбленному самолюбію неминуемо вовлекло бы его въ затруднительныя обстоятельства. Онъ рѣшился навсегда покинуть родину, гдѣ все окружающее могло напомнить ему только несправедливое.

Въ окрестности Мюнхена стоялъ замокъ, котораго глухо заперты ставни, полусогнутыя двери и заросшее травой крыльцо доказывали, что обитатели съ давнихъ поръ покинули это жилище. Владѣлецъ его умеръ, а единственный наследникъ никогда

ше посѣщать, но уже началъ по немногу разоряться, объявилъ въ продажу. Ванъ-Кроофтъ купилъ этотъ замокъ, поселился въ немъ подъ видомъ негоціанта, оставшаго дѣла, и скоро привыкъ къ роли помѣщика. Поддержатъ эту роль ему было тѣмъ легче, что онъ, какъ мы уже сказали, получилъ довольно хорошее воспитаніе.

По сосѣдству съ Ванъ-Кроофомъ жилъ одинъ старый баронъ, который велъ жизнь очень уединенную, не потому чтобы онъ особенно желалъ этого, а потому что недостатокъ средствъ не позволялъ ему жить въ обществѣ: небольшое помѣстье его было обременено долгами.

Къ довершенію бремени у бѣднаго барона фонъ Вюрцеля были четыре дочери невѣсты и ни какой возможности справить приданое.

Можно легко представить себѣ, что при такого роду обстоятельствахъ между сосѣдами скоро завязалось знакомство. Одинъ желалъ найти зятя, другому льстило вниманіе чловѣка знатнаго происхожденія. Баронъ вскорѣ пригласилъ Ванъ-Кроофта къ обѣду и, замѣтивъ у своего гостя признаки честолюбія и расположенія къ семейной жизни, тотчасъ же пустился съ нимъ въ приличные обстоятельствамъ разсужденія и повелъ дѣло такъ, что очень скоро въ окрестности разнесся слухъ о сватовствѣ негоціанта Ванъ-Кроофта къ фрейлейнъ Клориндѣ фонъ-Вюрцель.

Свадьбу назначили справить черезъ мѣсяць. На это время баронъ пожелалъ уѣхать съ семействомъ на воды въ Спа, между тѣмъ какъ женихъ взялся приготовить замокъ для приличнаго приему баронессы.

Наконецъ назначенный срокъ пришелъ. Ванъ-Кроофтъ посѣдѣшилъ взять мѣсто въ дилижансѣ, и отправился къ своей новой родиѣ. Въ это время Ванъ-Кроофтъ былъ уже счастливъ; онъ почти забылъ, что когда-то назывался Вандомелемъ.

Не желая показаться невѣстѣ изнуреннымъ отъ долгаго пути, Ванъ-Кроофтъ рѣшился перевочевать въ трактирѣ. Наскоро поужинавъ, онъ пошелъ въ свою комнату отдохнуть, но судьба рѣшила иначе.

Онъ предполагалъ отправиться на другой день рано утромъ, и хотѣлъ съ вечера сдѣлать нѣкоторыя части своего туалета, вывуть бритвы и началъ бриться, — сбрилъ даже бакенбарды, чтобы показаться моложе. Онъ не безъ основанія находилъ, что втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень постарѣлъ.

Окончивъ бритье, Ванъ-Кроофтъ собирался уже лечь спать, какъ вдругъ позади его послышался легкій шорохъ. Онъ быстро оглянулся и затрепеталъ отъ ужасу.

Старикъ Англичанинъ, съ всклокоченными сѣдыми волосами на окровавленной головѣ, мокрый, холодный, поспившій, спотрѣлъ на своего убійцу и протягивалъ къ нему костлявыя руки. Кровь застыла въ жилахъ Ванъ-Кроофта. Онъ хотѣлъ кричать, но крикъ замеръ въ груди; хотѣлъ бѣжать, и не могъ двинуться съ мѣста. Глаза его невольно были прикованы къ призраку; какая-то неизяснимая сила притягивала злодѣя къ страшной жертвѣ. Онъ покорился этому влеченію, шатаясь подошелъ, и увидѣлъ.... кошку.

Ужась въ одну минуту уступилъ мѣсто бѣшенству. Ванъ-Кроофтъ съ яростію бросился на животное, и несмотря на то что оно царапало его, выбросилъ за окно. Но на эту простую операцію ему нужно было все напряженіе силъ. Исполнивъ ее, онъ упалъ въ обморокъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, было еще очень рано, солнце только что взошло и утренній вѣтерокъ дулъ въ открытое окно. Ванъ-Кроофтъ ощущалъ ознобъ въ тѣлѣ и въ тоже время какую-то теплую влажность на лицѣ. Онъ поднесъ руку и увидѣлъ, что то была кровь. Вѣроятно, отъ сильнаго волненія кровь бросилась въ голову и пошла носомъ. Обмывъ лицо свѣжею водою, Ванъ-Кроофтъ скоро унялъ кровотеченіе, но чувствовалъ ознобъ и напряженіе кожи. Онъ взялъ зеркало и съ ужасомъ увидѣлъ, что лицо его совершенно исказилось: оно было покрыто красными пятнами, какъ-будто обожжено, сморщено, носъ своротило на сторону. Перемена была такъ чрезвычайна, что Ванъ-Кроофтъ самъ себя не могъ узнать. Зеркало выпало у него изъ рукъ и разлетѣлось въ дребезги.

Думая освѣжиться, Ванъ Кроофтъ подошелъ къ окну, изъ котораго стоило только шагнуть, чтобъ быть въ саду, такъ оно было низко отъ земли. Чтобы не будить слишкомъ рано трактирную прислугу, Ванъ-Кроофтъ отправился гулять этою дорогою.

Однакожь, вѣроятно, шумъ отъ разбитаго зеркала разбудилъ слугу; онъ всталъ и тихою стучась въ дверь, спросилъ, что случилось. Не получивъ отвѣту, слуга сталъ стучать шибче; мало-по-малу поднялись и другіе; пришелъ самъ хозяинъ трактира; поднялась тревога; одинъ сталъ выламывать дверь, другіе побѣ-

жали въ садъ и тамъ схватили совершенно незнакомаго и подозрительнаго чловѣка.

— Кто ты? откуда? спрашивалъ его хозяинъ.

— Чтò вы? чтò вы? съума сошли! Это я, Ванъ-Кроофтъ; я вчера остановился у васъ.

— Какой ты Ванъ-Кроофтъ! Ты мошенникъ, разбойникъ! Что ты сдѣлалъ съ нашимъ прїѣзжимъ? Говори сейчасъ!... Вся комната въ крови, полотенца и простыня въ крови.... да и на платьѣ у тебя кровь!... ты убійца!...

— Полноте! что вы? образумьтесь!... я.... развѣ вы не видите.... у меня кровь изъ носу шла!... я Ванъ-Кроофтъ!...

— Хорошо, хорошо; нечего тутъ толковать! Вяжите его! бѣгите кто-нибудь за полиціей. Мы узнаемъ, чтò ты сдѣлалъ съ нашимъ прїѣзжимъ. Видишь, выдумалъ за кого выдавать себя! Хоть бы еще сколько-нибудь походилъ на него, а то, смотрите, какая ужасная рожа.... Да и голосъ-то какой! настоящій разбойничій.

Ванъ Кроофтъ, къ невыразимому изумленію и отчаянію своему, и самъ тутъ принѣтълъ, что даже голосъ его совершенно измѣнился. У него не оставалось ни какихъ средствъ доказать подлинность своей особы.

Его арестовали. Начался допросъ и всѣ показанія свидѣтелей очевидно служили къ обвиненію злодѣя, который ни какъ не хотѣлъ признаться, куда дѣвалъ тѣло убитаго Ванъ-Кроофта. Явился и баронъ фонъ Вюрцель, на котораго подсудимый ссылался какъ на свидѣтеля. Но и тотъ съ ужасомъ отвернулся отъ самозванца. Несмотря ни на какія увѣренія и доказательства, баронъ не могъ признать своего будущаго зятя въ этомъ страшномъ лицѣ убійцы. Онъ не только отрекся отъ несчастнаго, но и проклялъ его какъ разрушителя своихъ прїятныхъ предположеній и надеждъ.

Но кто опишетъ, чтò происходило въ душѣ чловѣка, у котораго на судѣ требовали отвѣту, за то что убилъ самъ себя? Ни ни какихъ, ни какихъ средствъ доказать свою невинность.... На совѣсти лежало другое убійство. Ни одна живая душа не хотѣла признать его; всѣ содрогались только при видѣ непостижимаго упрорства и наглости закосѣлаго злодѣя-самозванца.

Дѣло протянулось нѣсколько недѣль. Несчастный впалъ въ безотвѣтное отчаяніе и сталъ наконецъ уже только твердить — казните меня! — хотя и не сознавался въ преступленіи. Нако-

вещь судъ въ самомъ дѣлѣ, основываясь на всѣхъ уликахъ и не сравнимомъ поведеніи самого подсудимаго, приговорилъ его къ смертной казни. Самозванецъ съ содроганіемъ выслушалъ этотъ приговоръ и цѣлый день потомъ провелъ въ ужасномъ томленіи. Къ вечеру онъ потребовалъ бумаги и чернилъ, и долго что-то писалъ.

Наутро пришли везти его на мѣсто казни, но найдя мертвого плававшего въ крови, хотя онъ, очевидно, не могъ лишиться самъ себя жизни. Вѣроятво, припадокъ аневризма повторился сильнѣе перваго, и несчастный истекъ кровью.

На столѣ нашли записку, въ которой онъ откровенно рассказывалъ всю исторію своей жизни и которая оканчивалась словами:

«Я неповиненъ въ смерти вникгда не существовавшего Виль-Крофта, но я, Ванломмель, убійца Вильяма Дарлингга. Я могъ укрыться отъ правосудія людей, но не отъ кары Божіей....»

АМЕРИКАНСКІЙ ИСКАТЕЛЬ КЛАДОВЪ. Господинъ Вельсбергъ, въ своемъ русскомъ переводѣ «Исторіи морскихъ разбойниковъ» съ неизвѣстнаго языка и неизвѣстнаго автора, упоминаетъ между послѣдними флибустиерами о знаменитомъ Киддѣ, предводителѣ сильнаго флота этихъ американскихъ Запорожцевъ. Кстати мы можемъ пополнить свѣденія господина Вельсберга по запискамъ одного англійскаго натуралиста, недавно воротившагося изъ Америки, и рассказать, куда дѣвался богатства, награбленныя Киддомъ въ Панамѣ и Вера-Крусѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорятъ путешественникъ, я былъ въ дружбѣ съ господиномъ Вильямомъ Леграндомъ, потомкомъ старинной гугенотской фамилии, которая долгою цѣлью несчастій была доведена до крайней нищеты. Чтобы избѣжать униженій, которымъ подвергала его бѣдность; другъ мой оставилъ Новый-Орлеанъ, гдѣ жили его предки, и удалился на островъ Селливанъ, чтѣ близъ Чарлзтона, въ Южной Каролинѣ.

Этотъ островъ очень замѣчательнъ. Онъ имѣетъ около трехъ миль длины, а ширина нигдѣ не превосходитъ полу-мили. Почва почти вся состоитъ изъ морскаго песку. Отъ материка островъ отдѣляется узкимъ проливомъ, который роется въ смѣшанной массѣ камышу и грязи, любимомъ убжищѣ болотныхъ курочекъ. Растительность, какъ и должно быть на такой почвѣ, очень тонка и бѣдна; почти нѣтъ ни одного порядочнаго дерева. Близъ

западной оконечности, гдѣ стоятъ крѣпость Мульти и нѣсколько жалкихъ домишекъ, лѣтнія убѣжища чарлзтовскихъ жителей, бѣгающихъ отъ пыли и лихорадокъ, встрѣчается, правда, терпестая пальма, но кромѣ этого одного клочка, на всемъ пространствѣ нѣтъ ничего кромѣ кустарника пахучаго мурта. Растенія это достигаетъ иногда пятнадцати и даже двадцати футовъ вышины, и благоуханія его, въ буквальномъ смыслѣ слова, обременяютъ воздухъ.

Въ этой чащѣ, неподалеку отъ восточной оконечности острова, Леграндъ выстроилъ себѣ маленькую хижину и тутъ случай свелъ насъ. Мы скоро подружились, потому что въ склонностяхъ нашихъ было много сходства, и многое въ характерѣ пустынноика возбуждало мое участіе и заслуживало уваженія. Онъ былъ хорошо образованъ и одаренъ могучимъ умомъ, но нравъ помирчался нѣкоторымъ отбѣнкомъ мизантропіи; онъ былъ попеременно то восторженъ, то хандрилъ. Книгъ у него было много, но онъ рѣдко употреблялъ ихъ. Охота и рыбная ловля служили ему главными развлеченіями. Любилъ онъ также бродить по берегу и въ чащѣ кустарниковъ, отыскивая раковины и насѣкомыя. Его коллекція насѣкомыхъ могла возбудить зависть какого-нибудь Сваммердама. На такихъ прогулкахъ его обыкновенно сопровождалъ старый негръ Джюпитеръ, отнушенный на волю еще до разоренія родителей Легранда. Никто и ничто однако жъ не могло заставить стараго Джюпитера отказаться отъ права служить своему молодому маassa Вилію и слѣдовать за нимъ по пятамъ. Виліамъ даже угрозами и бранью не могъ прогнать его. Очень вѣроятно, что родные Легранда, считая его нѣсколько помѣшаннымъ, поддержали упорство стараго негра и были рады, что могли приставить къ молодому человѣку такого вѣрнаго сторожа.

Подъ широтою острова Селливана зима почти никогда не бываетъ сурога и осенью рѣдко случается разводиться огонь. Однако жъ около половины октября 18... выдался день очень холодный. Передъ самымъ закатомъ солнца я проходилъ черезъ ширтовую рошу, къ хижинѣ моего друга, съ которымъ не видаясь уже нѣсколько недѣль, потому что жилъ въ Чарлзтовѣ, на разстояніи девяти миль отъ острова, а средства къ сообщенію тогда были еще очень плохи. Пришедши къ хижинѣ, а, по обыкновенію, постучался; не получивъ отвѣта, отыскалъ ключъ известнымъ мѣстомъ, отперъ и вошелъ. Въ каминѣ пылалъ огонь. Это была очень пріятная неожиданность. Я сѣлъ въ кресло и

придвинулъ кресло къ огню и сталъ терпѣливо ждать возвращенія хозяевъ.

Къ ночи они явились и приняли меня по дружески. Джюпитеръ, съ улыбкою во все лицо, принялся готовить къ ужину бо-лотныхъ курочекъ; Леграндъ былъ въ припадкѣ восторженности. Онъ нашелъ дотолѣ неизвѣстный нсвѣй видъ двустворчатой раковины и сверхъ того, съ помощью Джюпитера, поймалъ жука, котораго также относилъ къ неизвѣстнымъ и насчетъ котораго однако жъ желалъ еще узнать мое мнѣнiе, на другой день.

— Отчего жъ не теперь? спросилъ я, потирая руки у огня и въ душѣ вовсе не желая заниматься жуками.

— Да, если бъ я зналъ, что вы здѣсь! возразилъ Леграндъ: но какъ же было предвидѣть это! Мы такъ давно не видались. Дорогой я встрѣтилъ поручика Г***, изъ крѣпости, и сдѣлалъ глупость, одолжилъ ему жука до завтра. Но вы у меня почуете; я до зари пошлю Джюпитера, и онъ принесетъ жука. Это чудеснѣйшее насѣкомое въ мiрѣ... съ большой орѣхъ величиною, удивительно золотистаго цвѣту и съ тремя черными пятнами, — двумя круглыми на одномъ концѣ и однимъ продолговатымъ на другомъ. Вы никогда не видывали блеску болѣе металлическаго. Жаль, что до завтра не увидите. Но, въ ожиданiи, я могу дать вамъ нѣкоторое понятiе о его видѣ.

Говоря это, Леграндъ сѣлъ къ столу, на которомъ стояла чернилица съ перомъ, но не было бумаги. Онъ безуспѣшно искалъ ея въ ящикѣ, наконецъ, обшаривъ себя, нашелъ клочекъ въ жилетномъ карманѣ и бѣгло начертилъ перомъ очеркъ.

Я по-прежнему сидѣлъ у огня. Когда Леграндъ подалъ мнѣ рисунокъ, за дверью послышалось скребтанье; Джюпитеръ отворилъ; вбѣжала большая нью-фаундлендская собака, которая бросилась прямо на меня и осыпала ласками. Мы жили въ большихъ ладахъ. Когда привѣтствiя кончились, я взглянулъ на довольно засаленную бумагу и не мало удивился рисунку Легранда.

— Да! сказалъ я, посмотрѣвъ нѣсколько времени на рисунокъ: это въ самомъ дѣлѣ странный жукъ. Я никогда не видывалъ подобнаго. Это очень похоже на человѣческiй черепъ.

— Человѣческiй черепъ! вскричалъ Леграндъ: о!... впрочемъ, это, можетъ-быть, такъ только кажется на бумагѣ. Верхнiя черныя точки похожи на глаза, а нижняя на ротъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ я: но всё-таки, если судить по этому рисунку, вы плохой художникъ, Леграндъ. Чтобы узнать вѣрнаго жука, придется подождать до завтра.

— Не знаю, сказалъ Леграндъ, нѣсколько затронутый: я рисую, кажется, довольно порядочно.

— Но, въ такомъ случаѣ, вы, вѣрно, шутите. Это порядочный, даже очень хорошій черепъ, если угодно, но что до жука... я такихъ не видывалъ. Вы, вѣроятно, назовете его *scaphæus caput hominis*. Название будетъ приличное. Но гдѣ же конечности?

— Какъ гдѣ конечности! вскричалъ Вильямъ: я нарисовалъ ихъ очень ясно.

— Можетъ быть, только я не вижу.

И я подалъ ему рисунокъ, на которомъ дѣйствительно не было слѣда ногъ или усомъ и который гораздо больше походилъ на грубо начерченную мертвую голову чѣмъ на насекомое.

Леграндъ раздражительно схватилъ и готовъ былъ скомкать и бросить бумагу въ огонь, но мелькомъ взглянулъ на нее и остановился; въ лицѣ у него мгновенно вспыхнула яркая краска и вслѣдъ за тѣмъ онъ поблѣднѣлъ. Съ минутой онъ еще продолжалъ внимательно разсматривать рисунокъ, потомъ всталъ, взялъ со стола свѣчу, усѣлся въ другомъ углу комнаты, на сундукъ, и снова принялся разсматривать бумагу съ обѣихъ сторонъ. Онъ ничего не говорилъ, и поведеніе его удивило меня, но я не хотѣлъ дѣлать замѣчаній, чтобы не раздражать изъ-за пустяковъ. Наконецъ онъ бережно уложилъ бумагу въ бумажникъ и заперъ въ столъ на ключъ. Впродолженіи вечера онъ все болѣе и болѣе погружался въ думу, изъ которой ни какими шутками нельзя было вывести его. Я сначала предполагалъ почевать, какъ случалось довольно часто, но видя хозяина въ негостепріимномъ расположеніи духа, рѣшился лучше отправиться домой. Вильямъ не удерживалъ, однако жъ, на прощанье, пожалъ руку крѣпче обыкновеннаго.

Прошелъ мѣсяцъ, впродолженіи котораго я не имѣлъ ни какихъ извѣстій о Леграндѣ. Наконецъ неожиданно явился его старый негръ, Джюпитеръ, съ такимъ печальнымъ лицомъ, что я испугался за моего друга.

— Что новаго, Джюпитеръ? спросилъ я: что дѣлаетъ твой господинъ?

— Не какъ! совѣтъ не какъ слѣдуетъ, масса.

— Нездоровъ? Что же съ нимъ? На что онъ жалуется?

— Онъ никогда ничего не скажетъ; и больна, ничего не скажетъ.

— Онъ очень боленъ? Лежитъ? Что же ты не сказалъ тотчасъ?

— Не! онъ не можно спокойно быть; мнѣ мучить; мнѣ каменъ на сердце отъ масса Виль.

— Я желалъ бы повѣять, что ты говоришь, Джюпитеръ! Твоей господствъ боятъ, но чѣмъ же?

Изъ объясненій негра я не безъ труда узналъ, что масса Виль хотя не бумбъ, однакожь на здорово не похожъ, волнуется, шаживаетъ плечами, все чертитъ цыфры и бредитъ золотомъ даже по снѣ. По мнѣнію Джюпитера все это произошло, оттого что массу Виль укусила золотой жукъ, котораго они нашли передъ послѣднимъ свиданьемъ со мною. Однажды онъ, даже къ великому ужасу стараго слуги, тайкомъ скрылся и пропадалъ цѣлый день, неизвестно гдѣ. Считаю его совершенно сумашедшимъ, дядька Джюпитеръ приготовилъ уже палку, чтобы побить масса Виль за такую шалость, однакожь духу не стало, когда масса Виль поздно ночью воротился.

— Съ чѣмъ же ты пришелъ? спросилъ я потомъ: мистръ Виль приказалъ сказать чтонибудь?

— Не! вотъ масса Виль записка послать.

И негръ подалъ мнѣ записку такого содержанія:

«Любезный другъ, что васъ такъ долго не видно? Надѣюсь, вы не сердитесь на глупую грубость, въ которой я, можетъ-быть, провинился передъ вами. Съ тѣхъ поръ какъ вы были у меня въ послѣдній разъ, я въ большой тревогѣ. Я имѣю нѣчто сообщить вамъ, но не знаю, какъ сказать и сказать ли. Мнѣ нѣсколько дней уже не совѣтъ здоровится, а бѣдъага Джюпитеръ утомляетъ мои терпѣніе своими благонамѣренными поветеніями. Недавно онъ издумалъ было лечитъ меня палкой, зато что я безъ него пошелъ гулять. Къ коллегіи моей я ничего не успѣлъ прибавить послѣ нашего свиданія.

«Если вамъ не очень неудобно, сдѣлайте одолженіе, пріѣзжайте ко мнѣ съ Джюпитеромъ. Мнѣ очень нужно поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ. Увѣрю васъ, что дѣло очень важное.

«Весь вашъ Вильямъ Леграндъ.»

Записка эта послѣ разсказу негра показалась мнѣ чрезвычайно странною. О чемъ мечталъ Леграндъ? Какая фантазія поселилась въ его мозгу? какое у него оказалось важное дѣло? Я не ожидалъ ничего добраго, и въ самомъ дѣлѣ сталъ опасаться за разумъ моего бѣдъага друга.

Я, немедля ни минутой, собрался отправиться съ негромъ. Прибыть на берегъ, я примѣтилъ кося и три новыхъ заступя въ лодкѣ, которая должна была перевезть насъ на островъ.

— Что это значит? спросил я: къ-чему это?

— Это, масса? Это ктоа и три заступъ.

— Вижу; но на что это и кому?

— Не зной; масса Виль самъ не зной. Виновата все золотой жуукъ.

Убѣдившись въ невозможности узнать что-нибудь отъ стараго штегра, котораго весь смыслъ, казалось, былъ поглощенъ жукомъ, я сѣлъ въ лодку и распустилъ парусъ. Попутный вѣтеръ вѣтеръ пригналъ насъ къ берегу, въ маленькую бухту, на сѣверной сторонѣ отъ крѣпости Мультри; оттуда мы прошли мила двѣ пѣшкомъ, до хижины. Мы прибыли часу въ третьемъ по полудни. Леграндъ недалъ съ нетерпѣніемъ и пожалъ мнѣ руку съ такою первою горячностью, что я испугался и еще болѣе укрѣпился въ моемъ подозрѣніи. Онъ былъ смертельно блѣденъ, вѣсные глаза горѣли какииъ-то страннымъ огнемъ. Разспросивъ о здоровьѣ, я отъ нечего сказать, спросилъ, возвратилъ ли поручикъ Г... жука.

— Конечно! отвѣчалъ Леграндъ: я на другой же день взялъ его. Я ни за что въ мирѣ не разстанусь съ этимъ жукомъ. Джюпитеръ совершенно вѣрно опредѣлилъ это чудное насекомое.

— Въ какомъ же отношеніи? спросилъ я съ стѣсненіемъ въ груди отъ предчувствія недобраго.

— Онъ сказалъ, что это золотой жуукъ.

Леграндъ сказалъ это совершенно серьезно, и слушая его я страдалъ невыразимо.

— Этотъ жуукъ составитъ мое счастье, мое благосостояніе, продолжалъ Вильямъ съ торжествующею улыбкой: онъ возвратитъ мнѣ нѣбніе моего отца. Мнѣ стоить только приличнымъ образомъ употребить его въ дѣло, чтобъ найти золото, на существованіе котораго онъ мнѣ указываетъ. Это подарокъ судьбы. Такъ удивительно ли, что я дорожу имъ? Джюпитеръ, подай мнѣ золотого жука?

— Золотой жука? Не! мой не любить трогать золотой жука; берите самъ.

Леграндъ съ важностью всталъ и выпнулъ жука изъ стекляннаго ящика. Это былъ великолѣпный экземпляръ до толѣ неизвѣстной натуралистамъ породы, и поэтому дѣйствительно хорошая находка въ отношеніи къ наукѣ. Черепъ у этого насекомага былъ чрезвычайно крѣпокъ и совершенно походилъ на некропитное золото. Къ тому жъ, и вѣсу онъ былъ примѣчательнаго, и я не удивлялся; что Джюпитеръ назвалъ его золотымъ; я не

могъ только понять, какъ Леграндъ принималъ это названіе тоже, по-видимому, въ буквальномъ смыслѣ. Когда я кончилъ осмотръ, онъ съ важностью сказалъ:

— Я послалъ за вами, любезный другъ, чтобъ попросить нашего совѣту и помощи въ исполненіи подвига, который судьба указала мнѣ посредствомъ этого жука.

— Послушайте, Леграндъ, возразилъ я: вы нездоровы; вамъ нужно принять какія-нибудь мѣры. Ложитесь на постель; я оставусь у васъ, пока вы не оправитесь. У васъ, очевидно, горячка, и....

— Пощупайте мой пульсъ, сказалъ онъ.

Я пощупалъ и не нашелъ ни малѣйшаго указанія на горячку или лихорадку.

— Да, но несмотря на правильный пульсъ, вы всё-таки больны. Позвольте мнѣ быть вашимъ докторомъ; послушайте меня, ложитесь, а я....

— Вы ошибаетесь, другъ мой; я такъ здоровъ, какъ только можетъ быть здоровъ человѣкъ въ сильной тревогѣ. Если вы дѣйствительно желаете мнѣ добра, вы можете успокоить меня.

— Что же я долженъ сдѣлать?

— Вотъ что: я съ Джюпитеромъ отправляюсь за важнымъ дѣломъ на берегъ и мнѣ нужна помощь еще одного человѣка, на котораго бы я могъ вполне положиться. Кромѣ васъ я никого не знаю. Удастся ли ваше предпріятіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это успокоитъ меня.

— Я искренно желаю услужить вамъ, но.... неужели этотъ проклятый жукъ имѣетъ какую-нибудь связь съ вашимъ предпріятіемъ?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ я не могу помочь вамъ, извините, Леграндъ.

— Не хотите, то есть. Жаль, очень жаль. Мы принуждены будемъ отправиться вдвоемъ.

— Но на сколько же времени вы отправляетесь?

— На одну ночь; къ разсвѣту, надѣюсь, воротились бы, если бы насъ было трое.

Нечего было дѣлать, я согласился. Около пяти часовъ мы отправились. Джюпитеръ несъ заступы и косу, кажется, больше изъ опасенія доверить острые орудія своему господину чѣмъ по обязанности слуги. Онъ былъ весьма не въ духѣ и во всю дорогу только и проговорилъ нѣсколько разъ вполголоса:

— Охъ, ужъ нѣтъ этотъ жука!

Я несъ два фонаря и отвѣчалъ на любезности собаки, которая также пошла съ нами, а Леграндъ несъ жука, привязаннаго на шнурѣ и поначивалъ его съ видомъ чародѣя. Глядя и на этотъ несомнѣнный признакъ умственнаго расстройства, я едва могъ удерживаться отъ слезъ. Напрасно я старался узнать что-нибудь о цѣли нашей экспедиціи: на всѣ вопросы Леграндъ отвѣчалъ только: — Увидите.

Мы на лодкѣ перѣехали черезъ заливъ и пошли по холмамъ, на сѣверо-западъ по пустынному мѣсту, гдѣ, казалось, нога человѣческая никогда еще не бывала. Леграндъ велъ насъ довольно нерѣшительно и безпрестанно останавливаясь, чтобы отыскать знаки, которые, вѣроятно, самъ надѣлалъ.

Мы шли часа два. Солнце уже садилось, когда мы прибыли на еще болѣе дикое и безотрадное мѣсто. Это была платформа близъ вершины почти непреступнаго холма, покрытаго снизу доверху густымъ лѣсомъ и загроможденнаго утесами. Глубокіе овраги придавали этому мѣсту торжественный и мрачный видъ.

Платформа была такъ заросши репейникомъ, что безъ помощи косы не было возможности ступить два шага. Джюпитеръ, исполняя приказанія своего господина, очистилъ намъ дорогу къ огромному тюльпанному дереву, которое стояло посреди десятка дубовъ. Оно отъ всѣхъ отличалось красотой и величіемъ широкой, развѣистой своей короны.

Леграндъ обратился къ негру и спросилъ, можетъ ли онъ взлѣзть на это дерево. Старикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на дерево и на господина, и не отвѣчалъ. Леграндъ повторилъ вопросъ; Джюпитеръ обошелъ дерево вокругъ, осмотрѣлъ со вниманіемъ и тогда отвѣчалъ, что попробуетъ. Вообще онъ былъ мастеръ лазить по деревьямъ.

— Такъ полѣзай же живій; скоро стемнѣетъ.

— А до который мѣста полѣзать?

— Полѣзай только; я ужъ скажу тебѣ, когда остановиться. Вотъ этого жука возьми съ собою.

— Золотой жука! О! злой духъ мой возьметъ! Мой не возьметъ золотой жука!

— Если ты, старый, сильный негръ, боишься взять въ руки маленькаго мертваго жука, такъ вотъ, держи за шнуръ. Онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ. Какъ бы то ни было, ты долженъ взять его съ собою; иначе я принужденъ буду раскроить тебѣ башку вотъ этимъ заступомъ.

Негръ осторожно взялъ жука за шитку и, держа какъ можно дальше отъ себя, полѣзъ на дерево.

Тюльпановое дерево, великолѣпнѣйшее изъ всѣхъ въ американскихъ лѣсахъ, въ молодости имѣетъ стволъ совершенно гладкій и до значительной высоты безъ вѣтвей. Подъ старость, кора начинаетъ лущиться, становится шероховатою, и сквозь нее пробиваются мѣстами мелкіе отрѣзки, которые однакожь болѣею частью опять засыхаютъ. Въ такомъ именно состояніи было дерево, на которое Лэграндъ послалъ своего негра. Старикъ не безъ опасности, цѣпляясь за мелкія сухія сучья, возвратился до первой большой вѣтви и оглянувшись внизъ спросилъ:

— Еще полѣзай?

— Еще, еще; полѣзай прямо вверхъ по этой сторонѣ.

Негръ полѣзъ выше и скрылся въ густой кучѣ листьевъ. Черезъ минуту послышался только его голосъ:

— Еще полѣзай?

— Какъ высоко ты залѣзъ?

— Очень высоко. Мой видитъ небо сквозь листья.

— Хорошо; посмотри внизъ и сосчитай, сколько большихъ вѣтвей подѣ тобой съ этой стороны.

— Одна, два, три, четыре, пять.... Пять вѣтви есть внизу.

— Хорошо; залѣзъ еще на одну вѣтвь.

Черезъ минуту негръ закричалъ, что свидѣть на седьмой вѣтви.

— Хорошо, Джюинтеръ! вскричалъ Лэграндъ въ сильномъ волненіи: теперь ты полѣзай вдоль по этой вѣтви, сколько сможешь, и если увидишь что-нибудь необыкновенное, скажи мнѣ.

Въ эту минуту послѣдній остатокъ моего сомнѣнія насчетъ состоянія разсудка моего друга совершенно разсѣялся; я желалъ только какъ-нибудь заставить его воротиться домой. Между тѣмъ какъ я прикидывалъ поводъ, негръ опять закричалъ.

— Мой бонтея полѣзай на эта вѣтвь; совѣтъ сухой вѣтвь.

— Сухая! вскричалъ Лэграндъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, масса, почти совѣтъ гнилой! Мой страшно, не можетъ полѣзай.

— Боже мой! что теперь дѣлать? сказалъ съ отчаяніемъ Лэграндъ.

— Что дѣлать? возразилъ я обрадовавшимся случаю: лучше всего — воротиться домой и лечь на постель. Уже поздно; пойдемте. Вы помните ваше обѣщаніе.

— Джюинтеръ! вскричалъ онъ, не слушая меня: попробуй эту сухую вѣтвь пожеми; можетъ быть, она еще довольно тверда.

— Да, есть... хочется еще держать человека. Мой ползать. Только жука не хочется взять съ собой; проклятый! золотой жука очень тяжелый; хочется дерево сломать.

— Переставь задорь городить, Джюпитеръ. Если ты бросишь жука, я переломлю тебѣ все кости, слышишь?

— Очень хорошо слышишь, масса; вы кричите на бѣдный шагъ напрасно.

— Такъ ползай же; если доберешься до конца вѣтви, я тебѣ дамъ целый долларъ награжденія.

— Хорошо, масса Виль; я ползаю; я почти на конецъ ползала.

— До конца! ты добрался до конца?

— Нѣтъ еще, а скоро.... вотъ.... ахъ! Господи, что тутъ есть.... Ниной дерево! странный!

— Что тамъ такое, говори! вскричалъ обрадованный Лэграндъ.

— Голова! мертвый голова! Одна кость! Мясо все вороны съужали!

— Черепъ человѣческій?

— Да, человѣческій мертвый голова, кость!

— Какъ онъ прикрѣпленъ?

— Странный вещь! странный вещь! Большимъ желѣзнымъ гвоздъ приколочена голова!

— Хорошо, Джюпитеръ, хорошо. Теперь слушай же и исполний въ точности все, что я тебѣ скажу.

— Слушаю, масса Виль.

— Ну, същи лѣвый глазъ въ головѣ... Ты довольно близко добрался?

— Мой близко тутъ, только глаза совсѣмъ нѣтъ; мой не знаетъ, которая лѣвый глаза.

— Глупецъ! ты знаешь, которая у тебя лѣвая рука?

— Лѣвой рука? у меня? О! знаетъ, знаетъ! Лѣвой рука мой дрова колетъ.

— Ну, да; ты лѣва. Слушай же; лѣвый глазъ у тебя на той же сторонѣ, гдѣ лѣвая рука; ты понимаешь? Теперь, ты, камешекъ, можешь найти въ мертвой головѣ дыру, гдѣ былъ лѣвый глазъ. Нашелъ?

Наступило продолжительное молчаніе; потомъ негръ сказалъ.

— Нашелъ! Глаза нѣтъ, а дыра нашолъ отъ лѣвый глазъ.

— Хорошо; пропусти теперь жука на ниткѣ сквозь эту дыру, только берегись не опустить нитки; пропусти, сколько можно, и держи за конецъ.

Впродолженіи всего этого разговору мы не видали негра. Онъ исполнилъ приказаніе и скоро подъ нижними вѣтвями дерева появился на ниткѣ золотой жукъ, блестящій, освѣщенный послѣдними лучами заходящаго солнца. Леграндъ схватилъ лопату и очистилъ подъ нимъ около четырехъ футовъ пространства, потомъ приказалъ негру опустить жука совсѣмъ и воткнулъ въ землю палку на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наскочное ушало. Потомъ онъ тщательно привязалъ къ дереву снурокъ, провелъ его къ палкѣ и по тому же направленію отиравалъ отъ палки пятьдесятъ шаговъ. Джюпитеръ скосилъ рѣпейникъ, и на отысканномъ мѣстѣ воткнули другую палку, а вокругъ нея Леграндъ описалъ кругъ фута на четыре въ поперечникѣ. Потомъ онъ взялъ заступъ и вооруживъ насъ также попросилъ приняться за дѣло.

Правду сказать, мнѣ такое занятіе вовсе не нравилось; напротивъ, я былъ уже довольно утомленъ прогулкой и желалъ до ночи воротиться подъ кровлю, но опасался отказомъ раздражить больного друга. Если бъ можно было рассчитывать на содѣйствіе Джюпитера, я рѣшился бы употребить даже силу, чтобъ увлечь несчастнаго безумца, но трудно было сдѣлать попытку. Ясно было, что Леграндовъ мозгъ поразило какое-нибудь суевѣрное преданіе о кладахъ и что эту мысль подтвердила случайная находка жука, а можетъ-быть и мѣшніе негра, что жукъ этотъ — настоящій золотой. Все это много тревожило меня, но наконецъ я положилъ себѣ добровольно дѣлать, чего требовала необходимость, и сталъ дѣлательно копать землю, чтобы очевидностью доказать помѣшанному неглѣпость его надеждъ.

Мы засвѣтили фонари и принялись за работу съ усердіемъ, достойнымъ болѣе разсудительнаго дѣла. Принявши, какъ свѣтъ падаетъ на насъ и на наши орудія, я не могъ не сказать себѣ, что мы составили очень живописную группу и что занятіе наше могло бы показаться довольно подозрительнымъ всякому, кто увидѣлъ бы насъ.

Копали часа два; разговаривали очень мало. Всего больше заботы намъ причинялъ лай нашей собаки, которая, казалось, принимала большое участіе въ дѣлѣ. Мы опасались, чтобъ она не привлекла кого нибудь изъ окрестности, что во всякомъ случаѣ было бы непріятно. Леграндъ приказалъ негру завязать ей морду платкомъ и она поневолѣ притихла.

Въ два часа мы вырыли яму футовъ въ пять глубины, но ни какого признаку клада не оказывалось, и я надѣялся, что дѣло

кончено. Леграндъ однакожъ отеръ потъ съ озабоченнаго лица и предложилъ увеличить объемъ ямы. Увеличили и прорыли еще на два фута въ глубь, и все ничего нѣтъ! Несчастный искатель кладовъ вышелъ наконецъ изъ ямы съ выраженіемъ самаго горькаго разочарованія и медленно, печально надѣлъ снятое для работы верхнее платье. Я не сдѣлалъ ни какого замѣчанія; Джюпитеръ развязалъ собакѣ морду, подобралъ заступы и мы пошли къ берегу.

Прошли шаговъ пятнадцать, какъ вдругъ Леграндъ съ энергической мѣстною поговоркой подскочилъ къ негру и схватилъ его за воротъ!

— Проклятая черная бестія! вскричалъ онъ: говори, который у тебя лѣвый глазъ?

— Ахъ, Господи! масса Виль! вскричалъ оробѣвшій негръ роняя заступы и упавъ на колѣни: лѣвый глаза у меня вотъ эта! прибавилъ онъ зажавъ пальцемъ правый.

— Ну, такъ и есть! болванъ! вскричалъ Леграндъ не своимъ голосомъ, съ гнѣвомъ и съ восторгомъ: назадъ! назадъ! Еще не все потеряно! Мы не тамъ рыли.

Негръ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня и опять на своего господина, но ни слова не отвѣчалъ.

Леграндъ снова побѣжалъ къ дереву и мы пошли слѣдомъ.

— Джюпитеръ, поди сюда! вскричалъ Леграндъ: какъ прибита мертвая голова, лицомъ вверхъ или внизъ?

— Верхъ, верхъ, масса Виль; вотъ такъ.

И онъ опрокинулъ голову назадъ.

— Хорошо; въ который же глазъ ты пропустилъ жука, въ этотъ или въ этотъ?

Леграндъ пальцемъ ткнулъ ему по лѣвому и по правому глазу.

— Въ эта, въ лѣвый глаза, масса, отвѣчалъ негръ указывая опять на правый.

— Хорошо, попытаемся еще.

И мой другъ, въ безуміи котораго я сталъ находить нѣкоторую послѣдовательность, вытащилъ палку оттуда, гдѣ упало на сѣкомое, воткнулъ дюйма на два подале, восторгову; потомъ протянулъ снурокъ, опредѣлялъ по радіусу точку довольно отдаленную отъ той, гдѣ мы копали яму.

Около этой точки опять описали кругъ, побольше прежняго, и снова принялись за заступы. Я былъ ужасно утомленъ, однако жъ, снѣсъ не повинная отчего, уже не чувствовалъ такого отвращенія

къ вынужденной работѣ, какъ прежде. Она неостыжливѣе образомъ заинтересовала меня. Я работалъ усердно и нѣсколько разъ краснѣя заставлялъ себя за мыслью о воображаемомъ секренищѣ, которое повредило разсудокъ моего друга. Нормалес еще часа полтора, и тутъ насъ снова встревожилъ лай нашей собаки. Въ первый разъ она лаяла, вѣроятно, только изъ прихоти или отъ веселья, а теперь приняла болѣе серьезный тонъ. Когда Джюпитеръ хотѣлъ по-прежнему завязать ей морду, она съ ослепленіемъ воспротивилась, вскочила въ яму и принялась лапами разгребать землю. Въ нѣсколько секундъ она отрыла груду человеческихъ костей, — два полныхъ остова, — нѣсколько мѣдныхъ пуговицъ и остатки истѣгнутой шерстяной ткани. Два-три удара заступомъ открыли еще клинокъ большаго плавскаго князя и нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ монетъ.

При видѣ этихъ денегъ негръ пришелъ въ восхищеніе, но лицо его господина подернулось мрачнымъ выраженіемъ огорченія. Однако жъ онъ просилъ продолжать работу. Едва онъ выговорилъ, я споткнулся, задѣвъ ногою за желѣзное кольцо, которое торчало въ землѣ.

Мы съ жаромъ принялись за дѣло, и никогда въ жизнь мою я не испытывалъ такого лихорадочнаго волювія какъ тутъ продолженіи десяти минутъ. Мы отрыли продолговатый обитый желѣзомъ деревянный сундукъ, который, вѣроятно, былъ пропитанъ какимъ-нибудь предохранительнымъ составомъ, потому что дерево совершенно хорошо сохранилось. Онъ имѣлъ три съ половиною фута длины, три ширины и два вышины. Со всѣхъ четырехъ сторонъ были вѣданы желѣзные кольца. Мы все трое на силу могли тронуть его съ мѣста. Снести оказалось невозможнымъ. Къ счастью, крышка была заперта безъ замка, только двумя задвижками, которые мы безъ труда, но съ трепетомъ и нетерпѣніемъ отодвинули, и насъ поразила груда несметнаго секренища: лучи отъ фонарей упали на громадную кучу золота и драгоценныхъ камней, которые ослѣпили блескомъ ослѣпили насъ..

Не стану описывать, что я испыталъ. Изумленіе поглощаетъ все другія чувства. Леграндъ ни слова не могъ выговорить. У Джюпитера черное лицо поблѣднѣло: онъ съ минуту былъ безъ памяти: потомъ бросился въ сундукъ, запустилъ руки во кучи въ золото и рылся какъ сумашедшій.

— И все это золотой жукъ! кричалъ онъ: хорошенькой, и-

ленькой золотой жука!.... Ахъ, какъ глупый Джюпитеръ обидѣлъ васъ, миленькой золотой жука! Простите Джюпитеръ, хорошенькій золотой жука!...

Нужно было напомнить господину и слугѣ, что пора убрать находку. Ночи прошло уже много и нечего было терять времени, если хотѣли до свѣту перенести кладъ домой. Мы еще потеряли много времени на совѣщаніе, какъ управиться съ тяжестью: мысли у насъ совершенно перемутались. Наконецъ мы выбрали изъ сундука часть сокровища, сложили подъ кустомъ и, привставивъ собаку на караулъ, свесли сундукъ въ хижину. Тогда было около часу по полуночи. Сдѣлать больше въ такомъ состояніи въ канонъ мы находились, было рѣшительно невозможно. Мы отдохнули до двухъ часовъ и поужинали, потомъ, запасшись тремя вѣшками, опять отправились на холмъ. Первые проблески зарисвѣтили вершины деревьевъ, когда мы приняли остатки клада въ хижину.

Мы были совершенно измучены, но сильное волненіе не давало намъ покою. После тревожнаго сна, который продолжался часъ или четыре, мы всѣ разомъ встали, какъ-будто сговорились, чтобы разобрать наше сокровище.

Сундукъ былъ наполненъ до краевъ и мы почти цѣлыя сутки разсматривали его содержаніе. Тутъ было золота и серебра всѣхъ возможныхъ чекановъ и множество драгоценныхъ камней въ болѣею частью вынутыхъ изъ снятыхъ оправъ, часы, цѣпочки, перстни и всякія ожерелья. Хотя цѣну камнямъ опредѣлить было довольно трудно, однако жъ мы оцѣнили всю нашу находку приблизительно въ миллионъ долларовъ.

Окончивъ оцѣнку и честный дѣлежъ и усноковившись вѣсколко, Лэграндъ примѣтилъ, что я горю отъ нетерпѣнія узнать начало этой странной тайны, и сталъ подробно разсказывать.

— Помните, началъ онъ, тотъ вечеръ, когда я зарисовалъ вамъ жука? Я разсердился, когда вы сказали, что я плохо рисую и что мой жукъ похожъ на мертвую голову. Сначала я думалъ вы шутите, но потомъ, вспоминая о странномъ расположеніи пятенъ на насѣкомомъ, призналъ, что ваше замѣчаніе не совсѣмъ несправедливо. Несмотря на это, ваше пренебреженіе къ моему искусству раздражило меня, и когда вы отдали мнѣ рисунокъ, я хотѣлъ скомкать его и бросить въ каминъ.

— Бумажку?

— Это былъ тонкій пергаментъ, а не бумага, какъ я замѣтилъ,

начавъ рисовать. Вы помните, что листокъ былъ очень засаленъ. Комкая его я случайно взглянулъ и, къ изумленію, увидѣлъ дѣйствительно человѣческій черепъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ свой рисунокъ насѣкомаго. Съ минуту мнѣ невозможно было обдумывать хладнокровно. Я взялъ свѣчу и пошелъ въ другой уголъ, чтобы разсмотрѣть пергамень. На оборотѣ я нашелъ свой рисунокъ. Я вспомнилъ притомъ, что на этомъ листкѣ до моего рисунка рѣшительно ничего не было кромѣ грязныхъ пятенъ. Я былъ убѣжденъ въ этомъ, потому что нѣсколько разъ оборотилъ листокъ, чтобы найти чистое мѣсто для рисунка. Если бъ черепъ былъ на немъ, я не могъ бы не увидѣть его. Загадка казалась очень странною, однакожъ и въ ту минуту въглуби нѣ души моей уже таилась мысль, которой истина доказана включеніемъ прошедшей ночи. Я тотчасъ же спряталъ пергамень и рѣшился не думать объ немъ пока не останусь одинъ.

Когда вы ушли и когда Джюпитеръ уснулъ, я снова принялся разсматривать и соображать обстоятельства, при которыхъ достался мнѣ этотъ пергамень. Мы нашли жука на западномъ берегу, немножко повыше черты, до которой доходить приливъ. Когда я взялъ его, онъ укусалъ меня, такъ, что я уронилъ. Джюпитеръ сталъ искать на землѣ листа или чего-нибудь, во что бы завернуть насѣкомое. Въ эту минуту мы оба увидели клочекъ, который приняли за бумагу. Онъ былъ почти совсѣмъ зарытъ въ песокъ, только одинъ уголъ торчалъ. По близости я потомъ примѣтилъ остатки кля. Кораблекрушеніе случилось, вѣроятно, очень задолго, потому что едва едва можно было разобрать, къ чему служили истлѣвшія деревянныя брусля.

Джюпитеръ поднялъ бумагу, завернулъ жука и отдалъ мнѣ. Возвращаясь домой, мы встрѣтили поручика Г***. Я показалъ ему насѣкомое и онъ выпросилъ, чтобы показать въ крѣпости. Я согласился, онъ тотчасъ же положилъ насѣкомое въ жилетный карманъ, безъ пергамента, который во время разговору оставался у меня въ рукахъ и который я потомъ безъ всякой мысли также спряталъ.

Вы помните, что, когда сѣлъ за столъ съ намѣреніемъ набросать рисунокъ и, не найдши бумаги, я сталъ шарить по карманамъ, нѣтъ ли стараго письма. Тутъ мнѣ попался этотъ клочекъ. Я нарочно описываю всѣ эти обстоятельства очень подробно; они произвели на меня глубокое впечатлѣніе.

Вы, конечно, найдете, что воображеніе у меня довольно изо-

брѣтательное. Я связалъ тогда уже два звѣна длинной цѣпи. На берегу находились остатки корабля и подлѣ нихъ пергаментъ, — не бумага, — съ изображеніемъ черепа. Замѣтите, что черепъ — очень извѣстная эмблема пиратовъ.

Я сказалъ — пергаментъ, а не бумага. Пергаментъ прочтенъ, почти нестербимъ. На немъ рѣдко пишутъ что-нибудь неважное. Это повело меня къ мысли, что мертвая голова можетъ имѣть какое-нибудь особенное значеніе. Я замѣтилъ себѣ также форму пергамена. Хотя одного угла недоставало, однако жъ видно было, что онъ имѣлъ продолговатую форму и удобно могъ служить запиской или замѣткой, которую нужно бережно сохранить.

— Но вы говорите, что черепа не было на пергаментѣ, когда вы рисовали жука, замѣтилъ я: какъ же вы могли найти связь между остатками корабля и черепомъ, когда этотъ черепъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ, появился уже послѣ вашего рисунка?

— Вотъ въ этомъ-то и состоитъ вся тайна, хотя мнѣ ничего не стоить разъяснить ее. Шаги мои были вѣрны и могли привести только къ одному результату. Я рассуждалъ такимъ образомъ: когда я рисовалъ жука, на листкѣ не было ни какого слѣда черепа. Конечно рисунокъ, я подаль его вамъ и не сводилъ глазъ, такъ, что вы ничего не могли прибавить. Я припомнилъ всѣ малѣйшія обстоятельства. Вечеръ былъ тогда холодный; въ каминѣ горѣлъ большой огонь. Вы сидѣли близко у огня, когда я подаль вамъ рисунокъ, и въ ту же самую минуту вбѣжала моя собака и бросилась ласкаться къ вамъ. Вы лѣвою рукой трепали ее, а правую, съ листкомъ, опустили на колѣно, очень близко къ огню. Съ минуту мнѣ казалось, что листокъ загорится, и я хотѣлъ уже предупредить васъ, но вы сами прогнали собаку и стали разсматривать рисунокъ. Припомнивая всѣ эти обстоятельства я ни минуты не сомнѣвался, что жаръ вызвалъ на пергаментѣ изображеніе, начерченное химическими тайными чернилами.

Я принялся внимательно разсматривать черепъ. Контуры его были гораздо явственнѣе остальнаго. Ясно, что тепло подѣйствовало недостаточно или неровно. Я тотчасъ же развелъ огонь и подвергъ всю поверхность пергамена сильному жару. Сначала отъ этого только яснѣе обозначились слабыя черты черепа, но потомъ, мало-по-малу, на діагонально противоположномъ углу появилась фигура, подобная козленку.

— Неужели этотъ козленокъ третье звѣно въ вашей цѣпи?

— Именно. Вы, можетъ-быть, слышали о знаменитомъ морскомъ разбойникѣ Киддѣ?

— Какъ не слышать?

— Ну, вы знаете, что Kidd, по-англійски, значитъ козленокъ. Изображеніе козленка на пергаментѣ я тотчасъ же принялъ за гіероглифическую подпись, по отсутствіе всякаго другаго знака приводило меня въ недоумѣніе.

— Вы падѣялись между заголовкомъ и подписью найти что-нибудь въ родѣ документа?

— Именно. Я предчувствовалъ, что мѣня ожидаетъ счастье. Можетъ статься, это было даже и не предчувствіе, а просто сильное желаніе найти что-нибудь подобное, и вы, можетъ-быть, не повѣрите, если я вамъ скажу, что глупое мнѣніе Джюпитера о жукѣ произвело на меня очень сильное впечатлѣніе, но это справедливо. Притомъ обстоятельства были какъ нельзя болѣе примѣчательны. Не странно ли, что жукъ этотъ, такъ сказать, указалъ мнѣ на пергаментъ; что все это случилось именно въ холодный день; что вы именно въ этотъ день пришли, и что собака нѣкоторымъ образомъ заставила васъ нагрѣть пергаментъ, безъ чего я, конечно, никогда не узналъ бы о существованіи вашего сокровища?

— Конечно, конечно; но продолжайте.

— Если вы знаете о Киддѣ, такъ слышали, конечно, и о множествѣ кладовъ, которые онъ съ товарищами, говорятъ, зарылъ на берегахъ Атлантическаго Океана. Надобно было полагать, что эти слухи имѣютъ нѣкоторое основаніе. Мнѣ казалось, они именно потому такъ долго сохранялись, что кладъ оставался не найденнымъ. Если бъ Киддъ спряталъ свою добычу на время и потомъ опять взялъ, то едва ли бы преданіе распространилось. Замѣтите, что рассказы передаются только о такихъ сокровищахъ, которыхъ ищутъ, а не о такихъ, которые уже найдены. Если бъ пиратъ вынулъ свои деньги, дѣло тѣмъ бы кончилось. Известно также, что Киддъ награбилъ огромныя богатства, и у меня родилась надежда... нетолько надежда, почти убѣжденіе, что мой пергаментъ заключаетъ въ себѣ указаніе мѣста, гдѣ схороненъ Киддовъ кладъ.

— Что жъ вы сдѣлали?

— Я снова подвергъ листокъ дѣйствию сильнаго жару, но ничего не оказывалось. Полагая, что причиною неусиѣху можетъ быть грязь и жиръ, которыми былъ покрытъ пергаментъ, я об-

лилъ его горячею водою и, положивъ въ желѣзную кастрюлю, опять поставилъ на огонь. Черезъ минуту я, къ невыразимой радости, увидѣлъ во многихъ мѣстахъ знаки. Я еще оставилъ съ минутою на огнѣ, и вотъ, видите, что оказалось.

Леграндъ подалъ мнѣ листокъ, на которомъ были начерчены строки цифръ и знаковъ такимъ образомъ :

53 !! + 305)) 6 * ; 4826) 4 !!) 4 !) ; 806 * ; 48 + 8 ! 60)) 85 ;
 4 ! (; : ! * 8 + 83 (88) 5 * + ; 46 (; 88 * 96 * ? ; 8) * ! (; 485) ;
 5 * + 2 : * ! (; 4956 * 2 (5 * — 4) 8 × 8 * ; 4069285) ;) 6 + 8)
 4 !! ; 1 (! 9 ; 480 81 ; 8 : 8 ! 1 ; 48 + 85 ; 4) 485 + 528806 * 81 !
 9 ; 48 ; (88 ; 4 (! ? 34 ; 48) 4 ! ; 161 ; : 188 ; ! ? ;

— Но я всё-еще во тьмѣ блуждаю, сказалъ я отдавая пергамень: я не взялся бы разобрать эту грамоту, хоть бы мнѣ сулили за это всю Голконду.

— Между-тѣмъ разборъ вовсе не такъ труденъ, какъ кажется съ перваго взгляду, возразилъ Леграндъ: очевидно, что это криптографъ. Судя по тому, что извѣстно объ образованіи Кидда, и разсудилъ, что его шифры не могутъ быть слишкомъ замысловаты, а должны принадлежать къ простымъ.

— И вы разобрали?

— Разобралъ безъ труда. Я разбиралъ гораздо болѣе замысловатыя. По обстоятельствамъ и по особенной складкѣ ума, я очень любилъ этого роду загадки и полагаю, что человѣческій умъ не въ состояніи изобрѣсть загадку столько мудреую, чтобы другому человѣку совершенно невозможно было разгадать ее. Добившись четкости знаковъ, я едва подумалъ о средствахъ повѣсти ихъ значеніе.

При разборѣ всѣхъ тайныхъ писемъ первый и самый важный вопросъ — на какомъ языкѣ писано, потому что отъ особенностей языка зависитъ и характеръ знаковъ. Въ настоящемъ случаѣ гіероглифическая подпись не оставляла ни какого сомнѣнія: каламбуръ на слово «Киддъ» возможенъ только на англійскомъ языкѣ. Слѣдовательно криптографъ написалъ по англійски.

Вы видите, что между словами нѣтъ промежутковъ. Если бы разстановки существовали, задача была бы сравнительно гораздо легче. Въ такомъ случаѣ я началъ бы съ исчисленія и разбору самыхъ короткихъ словъ, и если бы нашелъ слово состоящее изъ одной буквы, — что, вѣроятно, было бы или *a* или *i*, — ключъ былъ бы отысканъ. Но какъ разстановокъ не оказывалось, то я

прежде всего сосчиталъ знаки, которые повторялись всего чаще, а тѣ, которые встрѣчались рѣже.

Я нашелъ, что знакъ 8 повторяется 33 раза.

;	•	26
4	•	19
!)	•	16
•	•	13
5	•	12
6	•	11
1	•	8
0	•	6
9 2	•	5
: 3	•	4
? 2	•	3
†	•	2
—	•	1

Въ англійскомъ языкѣ всего чаще встрѣчается буква e; другія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: a o i d h n r s t u y c f g l m b k p q x z. Буква e преобладаетъ до такой степени, что почти нѣтъ нѣсколькихъ длинной рѣчи, въ которой бы она не составляла главнаго знака.

Такимъ образомъ мы съ самаго начала имѣемъ основаніе для догадки. Польза этой таблицы вообще очевидна, но въ настоящемъ случаѣ она намъ вовсе не нужна. Какъ чаще всего здѣсь встрѣчаемый знакъ есть 8, то мы просто примемъ его за e, и, для повѣрки этого предположенія, посмотримъ часто ли онъ употребленъ вдвойнѣ. Въ англійскомъ языкѣ есть довольно много словъ, въ которыхъ эта буква удваивается, напримѣръ, meet, greet, seen, и такъ далѣе. Здѣсь мы видимъ его удвоеннымъ пять разъ, хотя криптографъ очень не длиненъ.

И такъ примемъ знакъ 8 за e. Теперь изъ всѣхъ словъ въ англійскомъ языкѣ слово the самое употребительное. Посмотримъ же, нѣтъ ли нѣсколькихъ повтореній въ одномъ и томъ же порядкѣ трехъ знаковъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ бы 8. Если мы найдемъ ихъ, то эти знаки, вѣроятно, будутъ означать слово the. Мы находимъ не менѣе семи подобныхъ сочетаній такого виду ; 48. Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что; изображаетъ букву t, 4 — h, а 8 — e. Такимъ образомъ мы уже значительно приблизились.

Опредѣливъ одно слово, мы приобрѣли средство опредѣлить начало и конецъ многихъ другихъ словъ. Посмотримъ, напримѣръ, на предпоследній разъ, гдѣ встрѣчается сочетаніе ;48, около конца криптографа. Мы знаемъ, что знакъ непосредственно слѣдующій за этимъ сочетаніемъ — начальная буква другого слова. Слово это состоитъ изъ шести знаковъ, изъ которыхъ пять намъ уже извѣстны. Заменяемъ эти знаки буквами и оставимъ для неизвѣстныхъ пустое мѣсто.

t eeth.

Мы можемъ тотчасъ же отнять th, которая не принадлежитъ къ этому слову: отыскивая въ словарѣ буквы, которая бы могла исполнить пустоту, мы находимъ что слова съ такимъ началомъ и съ такимъ окончаніемъ рѣшительно нѣтъ. И такъ у насъ остается только.

t ee.

Пробѣжавъ опять словарь мы находимъ tree (дерево), единственно возможное слово. Такимъ образомъ мы находимъ новую букву r, изображенную знакомъ (, и имѣемъ два объясненныя слова, the tree (дерево). Далѣе мы видимъ опять сочетаніе ;48, и употребимъ его какъ окончаніе непосредственно предшествующаго. Вотъ эти знаки.

the tree ; 4 (1? 34 the,

лад, замѣтна въ знакахъ извѣстныхъ намъ буквами,

the tree thr! ? 3 h the.

Если же мы теперь неизвѣстные знаки замѣнимъ просто точками, —

the tre thr...h the,

то намъ очень естественно представляется слово through (сквозь), и мы узнаемъ еще три буквы, o, n и g, изображенные знаками ! ? и 3.

Отыскивая теперь сочетанія извѣстныхъ намъ знаковъ, мы недалеко отъ начала криптографа находимъ

83 (88 или egree,

очевидно, конецъ слова degree (градуусъ), и узнаемъ еще новую букву d, изображенную знакомъ †. Черезъ четыре буквы далѣе слова degree мы находимъ сочетаніе —

; 46 (; 88 *.

Переведемъ извѣстные знаки и замѣтимъ неизвѣстные точками; мы читаемъ:

th.r.thee.,

что тотчасъ даетъ намъ слово thirteen (тринадцать), и еще двѣ буквы, i и u, изображенные знаками 6 и *.

Посмотримъ теперь на начало криптографа. Оно обстоитъ изъ сочетанія —

5 3 !! †.

Переведа, мы получаемъ слово good, что удостоверяетъ насъ, что первая буква должна быть А и что это два слова — a good (хорошій).

Теперь пора привести нашъ ключъ въ порядокъ въ видѣ таблицы.

Знакъ	5	изображаетъ	букву	a
†	"	"	"	d
8	"	"	"	e
3	"	"	"	g
4	"	"	"	h
6	"	"	"	i
"	"	"	"	n
!	"	"	"	o
("	"	"	r
;	"	"	"	t

Такимъ образомъ мы нашли изображеніе десяти главнѣйшихъ буквъ. Нѣтъ надобности излагать дальнѣйшія подробности разбору. Я достаточно показалъ вамъ, что шифры этого рода нетрудно разгадать, но нужно замѣтить, что этотъ криптографъ принадлежитъ къ самымъ простымъ. Мнѣ остается только дать вамъ полный переводъ его. Вотъ онъ :

«Хорошою зрительною трубой изъ епископскаго замка съ чортова сѣдалища сорокъ-однѣхъ градусъ и тридцать минутъ на сѣверо-сѣверо востокъ седьмая большая вѣтвь на восточной сторонѣ протяни сквозь лѣвый глазъ мертвой головы отвѣсную линію и отъ дерева сквозь пулю на разстояніи пятьдесятъ футовъ.»

— Признаюсь, загадка для меня все такъ же темна, сказалъ я прочитавъ: что это за чортово сѣдалище въ епископскомъ замкѣ?

— Правда, что съ перваго взгляду дѣло дѣйствительно кажется тайнымъ, продолжалъ Леграндъ: и потому я прежде всего постарался приличнымъ образомъ раздѣлить фразы.

— То есть, вы поставили знаки препинанія?

— Именно.

— Какъ же вы это сдѣлали?

— Я разсудилъ, что идеальнѣе, изъ осторожности связывая слова, почти необходимо долженъ былъ всего тѣснѣе поставить свои

знаки именно тамъ, гдѣ оканчивались его фразы. Такихъ мѣстъ я нашелъ въ криптографѣ пять, и сдѣлалъ такое раздѣленіе:

«Хорошею зрительною трубой изъ епископскаго замка — съ чортова сѣдалища — сорокъ одинъ градусъ и тридцать минутъ на сѣверо-востокъ — седьмая большая вѣтвь на восточной сторонѣ — протяжи сквозь лѣвый глазъ отвѣсную линію и отъ дерева сквозь шулю (другую линію) на разстояніе пятидесяти футовъ.»

Хорошо; по всё такъ остается узнать, чтѣ такое епископскій замокъ.

— Вотъ объ этомъ-то я и пустился развѣдывать. Кого я ни спрашивалъ на всемъ островѣ, никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣту, и я уже намѣревался разпространить сѣеру моихъ изслѣдоваій, какъ вдругъ мнѣ пришла мысль, что этотъ епископскій замокъ можетъ имѣть нѣчто общее съ фамиліею Бишопъ (Епископъ), которая съ давнихъ поръ владѣетъ одною старинною плантаціею въ сѣверной части острова.

Я тотчасъ же отправился на плантацію и сталъ разспрашивать у старыхъ негровъ. Замокъ тутъ когда-то существовалъ, но егодавно уже не было. Одна старуха сказала, что знаетъ, гдѣ онъ стоялъ. Я предложилъ ей награду и она привела меня къ грудѣ утесовъ, изъ которыхъ одинъ въ особенности отличался своею формою и вышиною. Я взобрался на его вершину, и тутъ уже не зналъ больше, чтѣ дѣлать.

Въ раздумья я случайно примѣтилъ на восточной сторонѣ утеса узкую платформу, — въ одинъ футъ ширины, не больше, — и на ней, въ стѣнѣ утеса, нишь, нѣскольکو похожій на старинное кресло. Я догадался, что это должно быть Чортово Сѣдалище, и мнѣ показалось, что я разгадалъ всю тайну.

Ясно было, что слѣдовало употребить зрительную трубу. Мѣсто, откуда и куда смотрѣть было съ точностью опредѣлено; «сорокъ одинъ градусъ и тридцать минутъ», очевидно, означали направленіе, которое должно дать зрительной трубѣ. Сильно пораженный этими открытіями, я носѣшилъ воротиться домой за зрительною трубой.

Я снова взобрался на платформу и убѣдился, что въ нишѣ можно сидѣть только въ одномъ положеніи; слѣдовательно, посредствомъ компаса очень легко было найти указанную точку. Отъискивая ее трубою, я нашелъ въ чащѣ роши между купами листьевъ родъ круглаго отверстія, черезъ которое увидѣлъ вѣтвь высокаго дерева и на ней чтѣ-то бѣлое.

Сначала я не могъ разглядѣть, что это такое, но, переставивъ трубу, ясно различилъ человѣческій черепъ. Послѣ этого уже не трудно было исполнить все то, что вы видѣли. Конецъ криптографа ясно показалъ, какимъ образомъ посредствомъ черепа слѣдовало опредѣлить мѣсто клада.

До сихъ поръ на всѣхъ поискахъ Джюпитеръ сопровождалъ меня. Съ нѣкотораго времени онъ рѣшительно не отставалъ отъ меня ни на шагъ. Но на слѣдующій день послѣ восхожденія на Чортово Сѣдалище, мнѣ удалось одному уйти, чтобы отыскать въ роцѣ примѣченное дерево, и за это, по возвращеніи, Джюпитеръ чуть чуть не прибилъ меня.

— Я вовсе не удивляюсь этому, любезный другъ. Нужно признаться, что ваше поведеніе дѣйствительно подавало поводъ подозревать, что вы помѣшаны, даже тогда, когда вы шли и размахивали привязаннымъ на ниткѣ золотымъ жукомъ.

Леграндъ разохотался.

— Я хотѣлъ неможно поминифировать васъ, чтобы наказать, во первыхъ, за явное ваше подозрѣніе; во вторыхъ, за недоувѣрчивость. Притомъ, этого жука очень удобно можно употребить вмѣсто отвѣсу: онъ достаточно тяжелъ, какъ сами вы замѣтили.

— А что вы думаете о скелетахъ, которые мы нашли надъ кладомъ?

— Вотъ это вопросъ, который вы столько же въ состояніи рѣшить, сколько я. Мнѣ кажется ясно, что Киддъ, которому несомнѣнно принадлежало сокровище, зарывая его, принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи товарищей и нашелъ нужнымъ похоронить ихъ вмѣстѣ съ своею тайной. На это двухъ ударовъ кияжалою, вѣроятно, было достаточно.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ. 1) *Il ne faut jurer de rien*, *Ни въ чемъ не должно* клясться, драматическая пословица въ трехъ дѣйствіяхъ въ прозѣ господина Альфреда де-Мюссэ.

2) *Tragadoulbas*. *Трагадалба*, шуточная пьеса (*piece bouffonne*) въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Огюста Вагри.

Эти двѣ пьесы, принадлежащія обѣ весьма даровитымъ и умнымъ людямъ, испытали однакоже различную участь. Драматическій очеркъ Альфреда Мюссэ, имѣлъ полный, блестящій успѣхъ, удостоился самыхъ громкихъ похвалъ во всѣхъ фельетонахъ, тогда какъ фантазія господина Вагри освѣтана самымъ безпощаднымъ образомъ. Ее нашли пошлою, неприличною, безиррав-

ственной, цинической, грязной. Никогда театр Сенмартенскихъ Воротъ не былъ свидѣтелемъ такого неистоваго гвалта, какъ въ первое представленіе Трагадальба. Нѣсколько дней послѣ этого представленія, Огюсть Вакри былъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ въ Парижѣ; на улицахъ только и раздавалось: видѣли ли вы пьесу Вакри? Какъ же! это перчатка брошенная вкусу, здравому смыслу, искусству! Даже задушевные друзья автора не осмѣливались сказать въ своихъ фельетонахъ одобрительнаго слова о его пьесѣ. Но неужели въ самомъ дѣлѣ Вакри, известный своими блестящими, полными ума и критическаго такту фельетонами (въ покойной Ероque и другихъ газетахъ) своими поэтическими произведеніями и наконецъ своей «Антигоной», могъ написать такую отравительную вещь? На этотъ вопросъ, Шарль де-Матарель, фельетонистъ газеты Siècle, отвѣчаетъ слѣдующимъ анекдотомъ.

Однажды, въ одной изъ лучшихъ парижскихъ ресторацій, Вакри, съ нѣсколькими друзьями, такими же оригиналами и умными людьми какъ и онъ, вздумали хорошенько поужинать. Въ винѣ, разумѣется, не было недостатку. Разгоряченный парамп шампанскаго, Вакри началъ сыпать острогами и парадоксами, на которые онъ довольно щедръ и въ трезвомъ видѣ. Одинъ изъ этихъ парадоксовъ показался пріятелямъ Вакри до того смѣлымъ, до того рѣзкимъ, чтобъ не сказать другаго слова, что кто-то произнесъ: Вакри не въ здоровомъ умѣ, оставьте его! Вакри взбѣсился и желая доказать, что это вздоръ, и что онъ сохраняетъ полное присутствіе разсудка, предложилъ друзьямъ слѣдующій вызовъ: Заприте меня одного въ сосѣдней комнатѣ, дайте мнѣ перо и бумаги, поставьте передо мной двѣ свѣчи и стаканъ съ сахарной водой, а сами садитесь играть въ трикъ-тракъ. Когда партія ваша кончится, войдите ко мнѣ, у меня будетъ готова пяти актная пьеса въ стихахъ. Теперь часъ, въ три часа я прочту вамъ ее. Вызовъ конечно былъ принятъ, и черезъ три часа дѣйствительно Трагадальба явился на свѣтъ. Поэтъ прочелъ его при громкихъ, изступленныхъ рукоплесканіяхъ собесѣдниковъ, между которыми находились и Викторъ Гюго и Фредерикъ Леметръ, и при стукѣ пробокъ, летѣвшихъ въ потолокъ. Комедію рѣшили поставить въ самомъ непродолжительномъ времени. Викторъ Гюго обѣщалъ принять ее подъ свое покровительство, а Фредерикъ Леметръ взялся исполнять главную роль. Вотъ происхожденіе этой злосчастной фантазіи, которую не мо.

гда спасти отъ паденія ни рекомендація Виктора Гюго, ни высокохудожественная игра Леметра. Французскія газеты говорятъ, что представленіе Трагадальба напомнило славные дни Гюго, тѣ дни, когда игрались его «Marion de Logne» и «Эрвани». Театръ былъ полонъ отъ верху до низу. Все, что во Франціи искусства, литература и политика считаютъ знаменитаго, собралось смотрѣть пьесу Вагри. У оркестра помѣщался Гюго съ пріятельми, присутствовавшими при рожденіи Трагадальба; въ ложахъ красовались царицы парижскихъ салоновъ. Было-что то торжественное въ этомъ всеобщемъ ожиданіи, предшествовавшемъ поднятію занавѣса, въ этомъ глубокомъ, напряженномъ вниманіи, съ которымъ начали слушать пьесу.... И чѣмъ всему этому суждено было разрѣшиться! Фредерикъ Леметръ не могъ продолжать своего монолога.... Онъ выждалъ пока кончилась шумъ, и, подойдя къ рамкѣ, сказалъ партеру весьма остроумную рѣчь, кончившуюся словами: «Во всякомъ случаѣ, милостивые государи и государыни, вы должны узнать, что авторъ комедіи, которую мы имѣли честь представить вамъ, *гражданинъ Вагри*. Сюжетъ этой пьесы довольно оригиналенъ. Молодецкая кокетка Каприна, видя что мужчины гораздо больше волочатся за замужними женщинами, чѣмъ за дѣвушками, потому что боятся брака, рѣшается навязать себѣ мужа, и такимъ образомъ привлекаетъ въ свои сѣти одного очень нѣжнаго поклонника. Этотъ наемный мужъ Каприны и есть Трагадальба, грязный прощыра, готовый за деньги играть какую угодно роль, лѣбитяй, игрокъ и негодяй, словомъ лицо, которое соединяетъ въ себѣ всѣ качества, дѣлающія человѣка достойнымъ висѣлицы. Это утрированный Фальстаффъ. Такого героя избралъ себѣ Огюстъ Вагри, вложивъ въ уста его самыя циническія рѣчи. Трагадальба нѣсколько разъ въ своихъ плутняхъ рпскуетъ лишиться жизни, но поклонникъ Каприны, считая его за мужа своей красавицы, употребляетъ всѣ возможныя усилія, чтобы спасти его. Ему также какъ и другимъ мужчинамъ не хотѣлось бы жениться на сивьорѣ Капринѣ. Трагадальба очень радъ, что нашелъ себѣ избавителя, а сивьора Каприна, напротивъ, приходитъ въ отчаяніе, что ея поклонникъ никакъ не даетъ ей овдовѣть. Узнавъ всю истину, Трагадальба еще болѣе разбойничаетъ, будучи твердо увѣренъ, что капитанъ Элиза, во что бы то ни стало, спасетъ его отъ всякаго наказанія. Однакоже сивьора Каприна одерживаетъ наконецъ надъ капитаномъ побѣду и женитъ его на себѣ. Трагадаль-

ба, съ отчаяніи, что его уже некому больше спасать, вступаетъ ослепъ въ труппу странствующихъ комедіантовъ.

Теперь о комедіи Альфреда де-Мюсё.

Альфредъ де-Мюсё, безъ сомнѣнія, одинъ изъ лучшихъ современныхъ поэтовъ. Имя его извѣстно не одной Франціи, но и всему образованному, читающему міру. Кто не читалъ его «*Rol-la*» его «*Spectacle dans un fauceuil*», въ которыхъ столько смѣлыхъ, оригинальныхъ мыслей, столько прекрасныхъ поэтическихъ образовъ, столько тайной ироніи... Правда, поэзія Байрона наложила на всѣ эти произведенія печать свою, но тѣмъ не менѣе они обличаютъ въ авторѣ человѣка съ огромнымъ и самобытнымъ дарованіемъ.

А его мелкія лирическія пьесы? Какую раздирающей сердце грустью пронизаны его стансы къ Малбранъ! и напротивъ, какою бойкой, задушевною, граціозною веселостью, какимъ вѣрнымъ колоритомъ мѣстности отличаются его испанскіе романы, такъ превосходно положенные на музыку Иниолитомъ Манну, и расцвѣаемые вездѣ, гдѣ только есть фортепіано. Стихи въ нихъ то дышатъ очаровательной иѣгой и сладострастіемъ подобно южной благоухающей ночи, то какъ волны каскада сверкаютъ и брызжутъ алмазами. Проза Альфреда де-Мюсё у насъ болѣе извѣстна чѣмъ стихи его; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ издалъ томикъ своихъ повѣстей и лучшія изъ нихъ переведены на русскій языкъ. «*Les Deux maitresses. Margal, le fils du Titien, Frédéric et Bernerette*,» послѣдняя повѣсть замѣчательна въ особенности. Мало найдется въ современной французской литературѣ произведеній, которыя бы сравнились съ ней по своему поэтическому, полному сжатости и словъ изложенію. Послѣднее письмо Бернеретты способно извлечь слезы изъ глазъ самаго суроваго, самаго безчувственнаго читателя. Что же касается до драматическихъ пословицъ Альфреда де-Мюсё также собранныхъ имъ въ одинъ томъ Шарпантье, то они также ни сколько не ниже остальныхъ его произведеній: та же оригинальность и тотъ же умъ, та же грустная иронія, та же мастерство поддѣлываться подъ мѣстный колоритъ страны, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Большая часть этихъ драмъ и комедій, почему-то называемыхъ авторомъ пословицами, разыгрывается въ Италіи и Испаніи. Форма ихъ самая прихотливая, самая неправильная и нѣсколько не удовлетворяющая условіямъ сцены. Потому-то Альфредъ де Мюсё и не заботился отдавать свои пословицы на

театръ, пока одной даровитой актрисѣ по прїѣздѣ изъ Россіи не вздумалось дебютировать въ одной изъ нихъ, а именно въ «Un Caprice». Читателямъ Библіотеки эта пьеса известна. Она была переведена въ ней подъ названіемъ «Женскій утъ лучше всякихъ думъ». Это едва ли не единственная изъ пьесъ Альфреда де-Мюссѣ годившаяся для театра. Остальныя требовали значительныхъ измѣненій въ формѣ. Un Caprice имѣлъ въ Парижѣ успѣхъ необычайный; увлеченный имъ, Альфредъ де-Мюссѣ рѣшился перевѣдать другія свои пьесовыя. И вотъ для начала вылетѣла: «Il ne faut jurer de rien». Расскажемъ, что это такое.

— Хочешь ты имѣть хорошенькую жену, заплатить долги и жить спокойно? Это предложеніе едѣмъ превосходный мастеръ Фанъ-Букъ своему повѣстѣ племяннику Валентину. Валентинъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ молодыхъ счастливицевъ, которые, какъ небесныя птицы, ни о чемъ не заботятся, живутъ со дня на день, пренебрегая всѣмъ, что дѣлаетъ существованіе скучнымъ, тягостнымъ, всѣмъ, что составляетъ долгъ, обязанность. Для такихъ людей женитьба, конечно, должна казаться тяжелымъ бременемъ, и Валентинъ, не смотря на угрозы дядюшки, обѣщавшаго не давать ему ни гроша, если онъ не женится, рѣшительно отказался отъ этого предложенія.

Непреодолимая ненависть Валентина къ женитьбѣ, по словамъ его, относится къ одному воспоминанію его юности. Однажды, зимнимъ вечеромъ, рассказываетъ онъ дядѣ, а сидѣлъ у своей любовницы, съ ней и съ мужемъ ея вѣредъ каминномъ; мы говорили о погодѣ. Мужъ встаетъ и хочетъ уйти. Мы обѣщались взорами съ моей красавицей. Я оборнулся и увидѣлъ, что бѣдная надѣваетъ перчатки.

Они были замшевыя, зеленыя, широкія и прорваны на большомъ пальцѣ. Между-тѣмъ какъ онъ погружалъ въ нихъ свои руки, едва замѣтная улыбка скользнула по губамъ жены его и обрисовала какъ легкая тѣнь двѣ ямочки на щекахъ ея. Эта улыбка проникла мнѣ въ сердце. Но по какой-то страхотѣ, воспоминаніе объ этомъ сладкомъ мгновеніи, съ-тѣхъ-поръ неразрѣдно сопряжено въ умѣ моемъ, съ воспоминаніемъ объ огромномъ красномъ пальцѣ барахтающемся въ зеленоватой перчаткѣ... Я не знаю, что было жалостнаго и грустнаго въ этомъ доверчивомъ процесѣ надѣванія, но только я не могу вспомнить объ немъ, безъ того чтобы мнѣ не пришла на умъ и

женская улыбка съ ямочками по угламъ губъ. И я поклялся, что никогда ни какая женщина въ мѣръ не надѣнетъ мнѣ на руки такихъ перчатокъ.... Неправда ли, что это достаточная причина для того чтобы отказаться отъ союза.... Но дядя настаиваетъ и племянникъ наконецъ предлагаетъ ему пари. Вы хотите, говоритъ онъ, чтобы я женился на мамзель Сесили де-Мантъ, но какъ я не хочу вышереченныхъ зеленыхъ перчатокъ, то я не пробую соблазнить ее. Если черезъ недѣлю она не уступитъ, то я жениюсь. Но до тѣхъ-поръ оставьте меня въ покоѣ и не узнавайте меня. Дядя принимаетъ пари и племянникъ отправляется въ свою романтическую экспедицію.

Пріѣхавъ въ замокъ, фонъ-Букъ объявляетъ что его племянникъ отказывается отъ руки Сесили. Потому Валентина приносятъ равнаго. Его вывалили изъ коляски въ оврагъ передъ самымъ замкомъ. Онъ подвзлзалъ себѣ руку и проситъ гостеприимства. Начинаются любовныя продѣлки. Фонъ-Букъ, боясь, чтобы племянникъ его не зашелъ слишкомъ далеко, рѣшается нарушить данное слово, и предупредить баронессу Мантъ. Сесили уже передала любовное письмо, въ которомъ Довъ Жуанъ проситъ свиданія и грозитъ застрѣлиться, если его просьба не будетъ исполнена. Допрошенная матерью, молодая дѣвушка рѣшается показать ей это письмо. Баронесса въ негодованіи прогоняетъ дядю и племянника.

Баронесса принадлежитъ къ числу людей, думающихъ что замокъ есть лучшій сторожъ женской добродѣтели, и потому запираетъ Сесиль въ комнату. Дѣвушка въ отчаяніи. Аббатъ, другъ дома, освобождаетъ ее и она бѣжитъ къ Валентину. Любовники снова встрѣчаются. Ничего нельзя представить свѣжѣе, прелестнѣе, поэтичнѣе этого милого созданія, Сесили. Ихъ разговоръ на память, посреди лѣсу, маленькій *шедевръ*. Мы не можемъ удержаться чтобъ не привести изъ него нѣсколько словъ:

«Спроси у камней и у деревьевъ, что бы они сказали, если бы могли говорить: въ сердцахъ у нихъ любовь, но они не могутъ выразить ея. Люблю тебя! вотъ все, что я знаю, моя милая; вотъ что скажетъ тебѣ эта роза, въ нѣдрахъ земли выбирающая соли, которые должны питать ее, отстраняющая и отталкивающая все, что можетъ помрачить ея свѣжесть! Она знаетъ, что она должна быть прекрасною днемъ и что должна умереть въ своемъ свадебномъ платьѣ передъ этимъ солнцемъ, которое создала ее. Я меньше ее знаю въ астрономіи. Дай мнѣ руку, ты

знаешь больше въ любви. Я дрожу отъ страха и радости, потому что хочу открыть тебѣ свое сердце. Я глупецъ самой злой породы, хотя на то въ чемъ я хочу признаться тебѣ, можно только пожать плечами.

«Съ-тѣхъ» поръ какъ у меня прорѣзались зубы, я только пью, курю и играю. Ты говоришь что не любишь романовъ. Я пере-
челъ ихъ много и самыхъ плохихъ. Есть одинъ, онъ называется *Кларисса Гарло*, который я дамъ тебѣ прочесть когда ты будешь моей женой. Герой полюбилъ такую же какъ и ты, и хочетъ на ней жениться; но прежде хочетъ испытать ее. Онъ похищаетъ ее и увозитъ въ Лондонъ. Послѣ чего, какъ она сопротивляется, приходитъ Бельфордъ... то есть, Томлинсонъ капитанъ... я хочу сказать Мордевъ... нѣтъ, я ошибаюсь... наконецъ, короче: Ловласъ дуракъ и я тоже, оттого что хотѣлъ послѣдовать его примѣру. Слава Богу, ты меня не повяла; я люблю тебя, я женюсь на тебѣ. Если есть правда въ мирѣ, такъ это въ дурачествахъ любви!»

Комедійка чрезвычайно мила. Это произведеніе столько же сценическое сколько литературное. Газеты говорятъ, что Альфредъ де-Мюссэ ставитъ на сцену еще пословицу: «*Le chandelier*». Въ свое время мы дадимъ отчетъ и объ ней. Это лучшая изъ его пьесъ.

Послѣ комедіи Мюссэ, наибольшей успѣхъ имѣла одноактная комедія подъ названіемъ: «*Portraits*». Не знаю только, чему она обязана этимъ успѣхомъ. Судите сами:

3. *Les Portraits*, *Портреты*, комедія въ одномъ дѣйствіи, господъ Куріелля и Барлера.

Маркизь и маркиза, какъ люди свѣтскіе и умѣющіе жить, разъѣхались. При встрѣчахъ они вѣжливо кланялись другъ другу; стараясь впрочемъ встрѣчаться какъ можно рѣже. Случай сводитъ ихъ въ одной гостинницѣ. Маркиза преслѣдуетъ молоденькаго мушкетера, котораго разъ принесли раненаго въ ея замокъ, и за которымъ она весьма усердно ухаживала. Маркизь летѣлъ по слѣдамъ одной прелестной урсулишки. Но Элиза (имя урсулишки) любитъ своего кузена, именно того же мушкетера; а мушкетеръ обожаетъ свою кузину. Чтобы скольконибудь утѣшиться въ разлукѣ, они прибѣгаютъ къ живописи. Она рисуетъ портретъ кузена, онъ рисуетъ портретъ кузины. Но вотъ бѣда. Когда Элиза работаетъ, маркизь торчитъ у нея передъ глазами, а когда мушкетеръ пишетъ, то маркиза сидитъ у него подъ рукою. Всегда-

вѣ этого, кузенъ и кузина по неволѣ написали портреты развѣхавшихся супруговъ. Какое-то вводное лицо вмѣшивается въ дѣло, и портреты достаются въ руки тѣмъ съ кого сняты. Супруги мирятся, любовники жепятся. Игра актеровъ много способствовала успѣху.

4. *Trente heures de sommeil*, *Тридцать часовъ сна*, водевиль господина Фуррьё.

Сюжетъ этого водевиля весьма незатѣйливый. Опъ построенъ на самыхъ обыкновенныхъ приключеніяхъ всеневной жизни. Молодой Дюбулуаръ пріѣхалъ изъ провинціи жениться. Во все время дороги, сосѣдъ его въ дилижансѣ не давалъ ему сомкнуть глазъ. На другой же день по пріѣздѣ въ Парижъ онъ долженъ жениться. Разные хлопоты по свадьбѣ мѣшаютъ ему хорошенько выспаться. Наконецъ онъ заваливается и просыпаетъ день свадьбы. Впродолженіи этого сна, невѣста его выходитъ за другаго, у него похищаютъ наслѣдство, фонды на биржѣ понижаются цѣлою третью и такимъ образомъ для него несчастье, какъ для иныхъ счастье приходитъ восвѣ. Водевиль этотъ очень забавенъ. Въ немъ много весьма комическихъ сценъ.

5. *Les premières coquetteries*, *Первое кокетство*, комедія въ одномъ дѣйствіи господина Жюля Барбы.

Артуръ, увезенный отцомъ въ одинъ замокъ, чтобы жениться на хорошенькой Луизѣ, смертельно скучаетъ, не обращаетъ никакого вниманія на свою невѣсту и только и думаетъ какъ бы ускользнуть въ Парижъ къ друзьямъ, къ ландскнехту, къ загороднымъ баламъ, къ попойкамъ и къ прочему. Но Луиза, подвученая своей горничной Маріанной, опытной въ дѣлахъ любви, скоро открываетъ всѣ тайны, всѣ хитрости, всю любовную тактику, какими женщины опутываютъ самыхъ отчаянныхъ гулякъ. У нея являются всѣ возможные капризы и фантазіи. Хочетъ идти въ паркъ — и не хочетъ, хочетъ заняться музыкой — и вдругъ предлагаетъ своему кузену партію въ ландскнехтъ, съ поцѣлуемъ на мѣсто ставки; проигрываетъ, плутуетъ — и въ добавокъ еще отказывается отъ поцѣлуя. Послѣ двухъ или трехъ такихъ перестрѣлокъ зажигается наконецъ факелъ гименей, безъ котораго не обходятся ни одинъ водевиль.

Комедійка такъ себѣ, самая невинная.

музыкальныя новости. *Лондонъ.* На Ковентгарденскомъ Театрѣ Віардо пѣла въ оперѣ Беллини «Капулетти и Монтеки»,

въ роли Ромео, в имѣла большой успѣхъ, чего нельзя сказать о самой оперѣ. Массоль, какъ и предполагали, будетъ пѣть въ Гугенотахъ, въ роли Неверскаго.

— Труппа французскаго историческаго театра окончательво отказалась отъ представленій на Дрюилленскомъ Театрѣ. Господинъ Митчель великодушно предложилъ ей свой залъ на два вечера.

— На Театрѣ Ея Величества «Донъ Паскуале» замѣнилъ собою «Лучію». Лаблашъ въ этой пьесѣ по обыкновенію сосредоточивалъ на себѣ весь интересъ. Тадолини была прекрасна и исполнила роль Норины съ такимъ же совершенствомъ какъ, двѣ недѣли тому назадъ, роль Ливды. Беллетти занималъ роль доктора, а Лабочетти племянника; успѣхъ ихъ обоихъ былъ посредственный. Здѣсь давали также «Роберта», но только въ трехъ актахъ. Журналы справедливо возстаютъ противъ такого искаженія великаго произведенія Мейербера, но директоры не обращаютъ вниманія на ихъ возгласы. Дженни Ливдъ восхищаетъ всѣхъ въ Алисѣ. Гардонн въ роли Роберта гораздо лучше нежели Фраскини; зато Беллетти (Бертрамъ) очень плохъ. Въ этой роли онъ гораздо слабѣе Штаудигля и Левассёра.

— На Ковентгарденскомъ Театрѣ данъ былъ чрезвычайный спектакль, составленный изъ оперъ «Сорока-Воровка», двухъ актовъ «Капулетовъ» и сцены изъ балета «Нирена» (Fête des fleurs). Зала была полна. Увертюру, изъ «Сороки-Воровки» потребовали вторично. Этотъ спектакль былъ настоящимъ триумфомъ для Гризи, Маріо, Тамбурини, Альбони, Віардо и Кастелланъ, и кончился въ два часа утра.

— Директоръ Union musicale ангажировалъ Карла Галле на два послѣдніе сеанса. Причиною тому былъ необыкновенный успѣхъ, полученный этимъ піанистомъ въ два предшествовавшіе сеанса.

— Дженни Ливдъ ведетъ здѣсь самый уединенный образъ жизни. Первый законъ, строжайше соблюдаемые въ ея жилищѣ, — удаленіе всѣхъ лицъ чуждыхъ обычаямъ ея жизни. Разумѣется, что во главѣ этой дѣвической проскрипціи стоятъ всѣ мужчины. На дняхъ прибылъ въ Лондонъ Мануэлъ Гарціа, бывшій учитель пѣнія знаменитой пѣвицы, и немедленно по пріѣздѣ отправился къ прежней своей ученицѣ. Но увы! двери ея жилища не отверзлись передъ нимъ. Ни увѣщаніе, ни напоминаніе его отношеній къ Ливдъ, не могли поколебать твердости швейцара. Зато на другой день раздосадованный учитель вполне вознагражденъ былъ за вчерашнюю непріятность. Ливдъ сама

явилась къ нему. Она просила его извинить излишнюю акуратность ея прислуги, и видѣвъ съ тѣмъ прибавила, что начать визиты слѣдуетъ ученицѣ, а не учителю. У нея рѣшительно столько же ума и доброты, какъ и таланта.

— Берлиозъ далъ наконецъ давно ожидаемый концертъ. Отлагая подробности объ немъ до другаго разу, скажемъ только, что концертъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Симфонія Гарольда, хоръ пилигримовъ, отрывки изъ «Фауста» и преимущественно сонъ Меинстофеля переданный звучнымъ и могучимъ голосомъ Буше, произвели большой эффектъ. Въ началѣ Виардо пропѣла двѣ мелодіи. Концертъ окончился «Приглашеніемъ на валсъ» Вебера, которое такъ художнически аранжировано Берлиозомъ.

— Батта прибылъ сюда изъ Петербурга и намѣревается дать концертъ.

— Оба итальянскіе театра уже не утомляютъ себя болѣе новостями; они приближаются къ концу своего поприща, и потому сидятъ на старомъ. На Театрѣ Ея Величества повторенъ былъ «Робертъ» съ Дженин-Линдъ; остальные спектакли заняты были «Донъ-Паскуале», «Дочерью полка», «Любовнымъ Напиткомъ» и «Сонамбулой.» На Ковентгарденскомъ Театрѣ шли въ это время «Капулетти», «Севильскій Цирюльникъ», «Лукреція Боржіа», «Сорока Воровка», сцены изъ «Ченерентолы» и «Бетли» съ Альбони и наконецъ «Фаворитка» съ Масолемъ. Въ послѣдней пьесѣ Масоль, въ роли короля, имѣлъ огромный успѣхъ. Виардо съ своимъ прекраснымъ талантомъ является вездѣ, гдѣ только нужно восхищать слушателей и срывать рукоплесканія; она постоянно поетъ и на сценѣ и въ концертахъ.

— Годичный концертъ Бенедикта, отличающійся преимущественно чрезвычайнымъ богатствомъ и чрезвычайною долгою, имѣлъ въ нынѣшнемъ году особенныя достоинства. Во-первыхъ Масоль пропѣла въ немъ большую арію Альфонса изъ «Фаворитки»; далѣе Вилье явилъ на этотъ разъ весь свой талантъ, не только какъ творецъ двойныхъ, тройныхъ и четверныхъ нотъ, извлекаемыхъ имъ изъ валторны, но и какъ гениальный исполнитель. Публика ежеминутно переходила отъ восторга къ удивленію, и во окончаніи увѣнчала виртуоза единодушнымъ вызовомъ. За тѣмъ исполненъ былъ аллегро-концертантъ для двухъ фортепіанъ съ аккомпаниментомъ оркестра, сочиненіе Бенедикта. Партіи фортепіано играли самъ сочинитель и Карлъ Галле. Единство исполненія было удивительное. Оба артиста превзошли сами себя.

Парижъ. Здѣшнее академическое общество, состоящее изъ литераторовъ, живописцевъ и преимущественно изъ музыкантовъ, дало недавно очень интересный концертъ. Главными пьесами были: Септетъ Гуммеля; трио для фортепiano, скрипки и виолончели, — сочиненіе Лебуна, — и анданте и шерцо, сочиненіе альтгиста Нел. Сверхъ того исполнено было нѣсколько пьесъ бравурныхъ и дивныхъ. Въ особенности понравился публикѣ Героическій капризъ для фортепiano, сочиненіе Автона Контеля.

— Не помню въ вѣрно, въ которомъ году, 1807, 1808, 1809 или поздѣе, далаъ Роде, по возвращеніи своемъ изъ Россіи, концертъ въ Парижѣ. Но дѣло не въ годѣ, а вотъ въ чемъ: въ этомъ концертѣ Роде исполнилъ симфонію, слышанную имъ въ Вѣнѣ и чрезвычайно ему понравившуюся. Это была симфонія Бетговена. Тогда имя этого композитора было совершенно не извѣстно во Франціи, считавшей Гайдна и Моцарта высшею степенью совершенства Германской музыки. На речетиціи симфоніи скромно пономчалъ на пульпетѣ; на заголовкѣ ея выставлено было: «Симфонія, сочиненіе Лудвига Фридриха Бетговена.» Всѣ старались разобрать имя, но никто не могъ его выговорить. «Что за странное имя! Настоящее Русское! Сейчасъ видно, что Роде былъ въ Россіи. Ну скажите пожалуйста, можно ли такъ смѣшно называться! Позвольте! позвольте! это советъ не русская, а настоящая нѣмецкая фамилія и значитъ Вѣтреной звѣрь (Vent tête au vent); всѣ нѣмецкія имена непременно значатъ что нибудь, напримѣръ Шмидтъ — кузнецъ. Помните, что тутъ Нѣмецкаго? Повѣрьте, что Роде самъ написалъ эту чепуху и съ умысломъ выставилъ на ней тарабарское имя; я случайно заглянулъ въ первую скрипку, басъ и флейту: Боже мой! что это такое! смыслу нѣтъ. Вотъ вы увидите, что пойдетъ за катавасія, какъ мы примемся играть.» Такія замѣчанія слышались со всѣхъ сторонъ. Еслибы Роде сталъ клятвенно увѣрять, что ни композитора не вымышленное; что Бетговенъ замѣчательный художникъ, и что въ Вѣнѣ онъ лично слышалъ его импровизирующимъ, никто не повѣрилъ бы.

Концертъ начался симфоніею Гайдна исполненною прекрасно; далѣе слѣдовала симфонія Бетговена которая шла очень дурно; въ заключеніе игралъ Роде и игралъ какъ и всегда, божевественно. На другой день газеты провозгласили въ своихъ листахъ, что Роде вывезъ въ своей скрипкѣ весь ледъ изъ Россіи и что въ этомъ концертѣ игралась какая то чепуха, вѣроятно естественнаго сочиненія, но подъ вымышленнымъ именемъ Vent tête au vent.

Лѣтъ двадцать спустя одинъ артистъ только что прибывшій изъ Германіи, присутствовалъ въ концертѣ Парижской Консерваторіи. Играли ту же симфонію Беттговева, которая шла на этотъ разъ прекрасно. Артистъ стоялъ позади двухъ музыкантовъ, участвовавшихъ въ исполненіи. Симфонія кончилась; музыканты разсыпались въ похвалахъ композитору. «Привѣчайтесь, старомой товарищи, сказалъ привѣзшій артистъ, взявши одного изъ нихъ за ухо, что двадцать лѣтъ тому назадъ вы были веридочные ослы: я очень хорошо помню, вы участвовали тогда въ концертѣ Роде, и очень неудачно острелили надъ тою же самою симфоніею, которой теперь восхищаетесь.» Одинъ изъ музыкантовъ замѣтилъ, что это была ошибка съ его стороны, а другой обидѣлся неучтивымъ жестомъ привѣзшаго артиста и потребовалъ удовлетворенія. На другой день прѣтвиванки съ шпагами въ рукахъ сошлись въ Булонскомъ Лѣсу. Дуэль кончилась незначительною царапниною и прекраснымъ завтракомъ, за которымъ выдѣлено нѣсколько бокаловъ вина въ честь великаго Беттговева. Впрочемъ имя этого композитора все таки взяло въ зубы у Французовъ: они называли его Бѣтовѣнъ, (Bettowain) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, и чрезвычайно были довольны тѣмъ, что наконецъ-то и имъ удалось попасть на настоящее произношеніе.

— Оле-Буль по настоящее время еще въ Парижѣ. Онъ трудится самъ въ мастерской Вильома надъ скрипкой для себя. Скрипка эта дѣлается изъ двухсотлѣтняго дерева, вывезеннаго Оле-Булемъ изъ Норвегіи.

— Пианистъ Бертини женился въ Парижѣ на маисель Пикартъ, дочери драматическаго писателя Пикара, пьесу котораго «Дядя и племянникъ» нѣкогда обработалъ Шиллеръ.

— Извѣстный Сюдръ далъ въ парижской консерваторіи концертъ на изобрѣтенномъ имъ инструментѣ, называемомъ телефонія или акустическій телеграфъ. По способу изобрѣтателя для корпуса войскъ легко могутъ сообщаться другъ съ другомъ и передавать всевозможныя приказанія на весьма далекомъ разстояніи, и именно, посредствомъ трубы, барабана и пушки. Въ этомъ концертѣ Сюдръ выказалъ замѣчательный талантъ въ сочиненіи хоровъ и другихъ пьесъ для нѣвня. Еще въ 1843 году сообщивъ о своемъ изобрѣтеніи тогдашнему президенту совѣта министровъ и военному министру, маршалу Суассу, который, послѣ того какъ особая коммиссія удостовѣрилась въ его полнотѣ, обещала изобрѣтателю пятьдесятъ тысячъ франковъ. Надѣясь на слово импе-

стра, Сюдръ открылъ всѣ секреты своего изобрѣтенія, но по настоящее время не получилъ ни франка.

— Роже окончательно простился съ Комическою Оперою, и именно въ пьесѣ «*la Dame blanche*» и въ первомъ актѣ «*l'Éclair*». Отъ выродожденія осьми лѣтъ занималъ здѣсь аншлау перваго тѣнора и переходитъ теперь въ Большую Оперу.

— На театрѣ de la Nation давали «*l'Arraigion*» оперу въ двухъ актахъ и трехъ картинахъ, слова Жермена Делавиня, музыка Беноа. Обработка пьесы не дурна, но мелодій почти вовсе нѣтъ. Опера имѣла succès d'estime.

— Лишившіеся мѣстъ актеры и пѣвцы различныхъ нѣмецкихъ театровъ съговорились давать въ Берлинѣ представленія на театрѣ, принадлежащемъ обществу «Уранія». Главными распорядителями были въ этомъ дѣлѣ фонъ-Бломбергъ (бывшій гамбургскій суфлеръ), Погрель (отставной директоръ странствующей труппы) и Фоссъ (пѣвецъ). Первою оперою, данною этими актерами, была «*Фра-Дяволо*».

— Говорятъ, что королевскій дрюшленскій театръ поступаетъ въ распоряженіе частной компаніи, съ ежегоднымъ вспоможеніемъ отъ города въ двадцать-тысячь талеровъ, за что пѣвцы обязуются пѣть въ извѣстные дни въ католической церкви. Въ настоящее время нѣсящій дефицитъ простирается до пяти-тысячь талеровъ.

— Въ Альтовѣ обанкрутился домъ «Арнеманъ и сыновья»; гдѣ, говорятъ, находился значительный капиталъ Джесси Линдъ.

— Опера Шмидта, «*Принцъ Евгений*», имѣла въ Любекѣ таковой же замѣчательный успѣхъ какъ и во всей Германіи.

— На Йозефштадтскомъ Театрѣ, въ Вѣнѣ, даютъ передѣлку оперы Бальфа «*Haimonskinder*», подъ названіемъ: «*Die vier Haimonskublen, oder Vier Reiter auf einem Schimmel*», сочиненіе Гафнера.

— Итальянская оперная труппа сеньоры Монтегерро, давшая рядъ представленій въ Брюсселѣ, путешествуетъ теперь по Бельгій съ большимъ успѣхомъ. Въ особенности посчастливилось ей въ Намурѣ, Монсѣ и Турнѣ.

— Дюпрѣ дебютировалъ въ Брюсселѣ. Необыкновенная сила голоса, а равно и талантъ, съ помощію которыхъ этотъ артистъ преодолевалъ всѣ трудности, причиняемыя ему слабостію голоса — это истинныя достойныя удивленія. Публика отдала полную справедливость искусству пѣвца, выносившаго на себя выродожденіи десяти лѣтъ всю тягость огромнаго, разнообразнаго репертуара.

Дюпрё на этотъ разъ занималъ роль Элеазара въ «Жидовкѣ» и былъ вызванъ два раза. Въ трио втораго акта и въ дуо в аріи четвертаго вкочашныя рукоплесканія заглушили его пѣніе. Во второй разъ онъ явится въ «Фавориткѣ», въ роли Фернанда.

— Въ Гамбургѣ первое представленіе «Гугенотовъ» было сущимъ праздникомъ для всѣхъ любителей музыки. Формесь, изъ Вѣны, въ роли Марселя, просто восхитилъ слушателей. Дитъ и госпожа Михалези тоже очень понравились. Формесь дебютировалъ передъ тѣмъ въ Гамбургѣ, въ оперѣ Моцарта «Свадьба Фигаро», въ роли Фигаро. Онъ обладаетъ превосходнымъ органомъ, требующимъ, впрочемъ, прилежной обработки. Послѣ «Фаворитки» Формесь пѣлъ въ «Волшебной флейтѣ», въ роли Зороастро, и съ тѣмъ же успѣхомъ.

— Въ Дрезденѣ общество дамъ дало концертъ въ пользу круженицъ, которыхъ такъ много въ округѣ Рудныхъ Горъ. Во Фрейбургѣ тоже былъ музыкальный вечеръ въ пользу мастеровъ безъ работы. Любители исполнили увертюру изъ «Deux jougées» Керубини, хоръ солдатъ изъ той же оперы и «Salut du mineur» кантату Апакера.

— Берлинскій оперный театръ 2 іюля окончилъ свои спектакли. Въ послѣдній разъ дана была «Ясонда» Шпора, въ которой госпожа Кестеръ простилась съ публикою. Вызовомъ и рукоплесканіямъ не было конца.

КНИГИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Пресектѣ, въ домѣ Петилля, № 3).

(Цѣны на серебрѣ.)

ДЮПРЕ. Les moeurs chrétiennes au moyen-âge ou les Anges de Foi. Trad. de l'anglais par Daniéle. Paris 1841. 2 vol. in-8.

В. С.

3 80

- MASSIAS.** Le modèle de la piété au milieu du monde. Paris. 1844.
1 vol. in-8. 1 15
- MAILLIEUX.** Le monde antédiluvien, poème biblique en prose. Paris
1845. 1 vol. in-8. 3 —
- MAISSON-THOMAS.** Monographie de la famille des Miroslawes. Paris
1816. 1 vol. in-8 avec atlas de 14 planches gravées et co-
lorées. 4 —
- MAISON.** Melly ou l'air des siges, précédé de deux mots en
Musée. Paris 1842. 1 vol. in-8. 1 50
- MAISON.** Monographie ou histoire naturelle du genre Groschiller
contenant la description, l'histoire, la culture et les usages
de toutes les Groschilles cannes. Paris 1839. 1 vol. in-8.
avec 24 planches coloriées. 2 50
- MAISON.** Du monopole universitaire au point de vue politique.
Paris 1844. 1 vol. in-8. — 40
- MAISSON-DUMINIL.** Les petits orphelins du hamon. 4 vol. in-18.
1828. — 75
- Alexis, ou la maisonnette dans les bois. Paris 1828. 4 vol.
in-18. — 75
- Les cinquante francs de Jeannette. Paris 1824. 2 vol. — 40
- Lolotte et Kousan. Paris 1823 4 vol. — 75
- Emilio, ou les veillées de mon père. Paris 1811. 4 vol. in-18. — 75
- Les soirées de la chaudière ou les leçons du vieux père.
Paris 1826. 8 vol. in-18. 1 50
- MAISSONTHAUBRIAND.** Abrégé de l'histoire de France. Bruxelles 1836.
1 vol. in-32. avec 8 vignettes. — 25
- MAISSA.** Adèle de Stange. Paris 1827. 2 vol. in-32. — 85
- MAISSAND.** L'Âme élevée à Dieu. Paris 1837. 1 vol. in-18. — 25
- MAISSIEU.** De l'amour de N. S. Jésus - Christ. Paris 1836. 1 vol.
in-32. — 15
- MAISSIGNY.** Les amours de Pierre le Long et de Blanche Baza.
1 vol. in-32. Paris 1819. — 25
- MAISSIN.** Une année de pension. Paris 1836. 1 vol. in-32. — 20
- Anthologie.** Choix des chansons et poésies légères. Paris 1834.
3 vol. — 50
- Des richesses du pauvre et des misères du riche.** Bruxelles 1829.
1 vol. — 25
- MAISSRAND.** Art d'apprendre à lire en 14 leçons. in-32. — 10
- MAISSRIN.** Art d'aider la mémoire. Bruxelles 1839. in-32. — 10
- MAISSRAND.** Art d'apprendre à calculer en 14 leçons. in-32. — 10
- FREDERIC LE GRAND.** L'art de la guerre, poème en 6 chants. Pa-
ris 1830. in-32. — 30

ENCYCLOPÉDIE POPULAIRE, ou les sciences, les arts et les métiers mis à,

la portée de toutes les classes. Contenant :

Traité du calorique. 3 vol. in-18.

Perspective linéaire. 1 vol.

Traité des alimens. 1 vol.

—— d'hydrostatique. 1 vol.

—— de mécanique pratique. 7 vol.

Art du chauffage domestique. 1 vol.

—— de dégraisser et de mettre à neuf les tissus. 1 vol.

—— de la peinture en bâtimens. 2 vol.

—— du menuisier. 8 vol.

—— de la réglure des registres. 2 vol.

Marchand papotier. 2 vol.

Art de fabriquer les chandelles. 1 vol.

—— du magou. 1 vol.

—— de la teinture des laines. 1 vol.

—— de construire les fontaines. 2 vol.

—— de la couturière en robes. 1 vol.

—— du blanchissage. 1 vol.

—— de l'ornemaniste. 1 vol.

—— d'élever les sapins. 1 vol.

—— du vitrier. 1 vol.

—— de fabriquer les couleurs et vernis. 2 vol.

—— de fabriquer les savons. 1 vol.

—— de la conservation des substances alimentaires. 1 vol.

—— de prévenir et d'arrêter les incendies. 1 vol.

La machine à vapeur. 4 vol.

Petite pharmacie domestique. 1 vol.

Géométrie des ouvriers. 1 vol.

Traité de pneumatique. 2 vol.

Le fumiste. 1 vol.

Manuel pour l'éducation des vers à soie. 2 vol.

Discours sur le but, les avantages et les plaisirs de la science. 1 vol.
chaque volume à 10 cop. arg.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Певскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для флейты.

- BRICCIALDI.** Potpourri fantastique sur des motifs de l'opéra: la Straniera pour la flûte avec piano. op. 37 (2 r. 29 c.).
- Fantaisie sur des motifs favoris de l'opéra: Luisa Strozzi. op. 43 (2 r.).
- Divertissement pour la flûte avec piano. op. 44 (1 r. 72 r.). Lucrezia et Lucia. Potpourri fantastique pour la flûte avec piano. op. 46 (2 r.). Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: Macbeth pour la flûte avec piano. op. 47 (1 r. 72 c.).
- Deuxième concertino. Reminiscences de l'opéra Macbeth pour la flûte avec piano. op. 48 (2 r. 85 c.)
- DIABELLI.** Productionen im häuslichen Freundschafts-Zirkel für die Flöte mit Piano. № 73. 74. 75. Drei Potpourris aus der Oper Ernani (chaque 1 r. 43 c.).
- Der musikalische Gesellschafter in eusamen Stunden. Periodisches Werk für eine Flöte. № 81 (1 r. 15 c.).
- DORUS.** Echos des lagunes. Seize airs variés, fantaisies, mélanges etc. sur des mélodies de Donizetti pour la flûte seule. En quatre suites (chaque 72 c.).
- FUERSTENAU.** Rondino sur des motifs de Struensee de Meyerbeer, avec piano. op. 144 (1 r. 15 c.).
- REMUSAT.** Fantaisie sur la Niobé de Pacini pour la flûte avec piano. op. 15 (2 r. 29 c.).
- TULOU.** Robert Bruce. Fantaisie pour la flûte avec piano. op. 95 (2 r. 29 c.).
- Onzième grand solo pour la flûte avec quintaner. op. 93 (2 r. 29 c.) avec piano (2 r.).
- Douzième grand solo pour la flûte avec piano. op. 94 (2 r.).

Танцы для фортепiano.

BERNARD. Les enragés. Galop (50 c.).

- BURGMUELLER.** La brune Thérèse. Valse (58 c.). La fille à Simonette. Valse (30 c.). La sirène de Sorrente. Valse (30 c.).
- Les printaniers. Trois polkas № 1. Eglantine. № 2. Brunette. № 3. Benedetta (chaque 30 c.),
- GUNGL.** Nordlichter. Walzer. op. 36 (85 c.). Strogonoff-Polka (50 c.). Purzichler-Polka (50 c.). Dascha-Polka (50 c.). Alexandra-Walzer (1 r.).
- Venus-Reigen. Walzer. op. 63 (85 c.). Ideal und Leben. Walzer op. 67 (85 c.). Hanseaten-Marsch. op. 70 (30 c.). Matrosen-Polka op. 71 (43 c.). Nord-Deutsche Weisen. Walzer. op. 72 (45 c.).
- Signale für die musikalische Welt. Potpourri. op. 68 (1 r. 72 c.).
- MENRION.** Lola-Polka (72 c.).
- KAZINSKY.** Olga-Polka (50 c.). La sentimentale. Polka - Mazurka (50 c.). La tristesse. Mazurka (50 c.).
- LABITZKY.** Winterblüthen. Walzer. op. 144 (85 c.). Gruss an Paris. Drei Polkas. op. 145 (85 c.). Frühlingsgrüsse. Walzer. op. 146 (85 c.). Colombinen-Galop. op. 147 (58 c.). Amalien-Walzer. op. 148 (85 c.). Orion-Quadrille. op. 149 (59 c.).
- LIADOFF.** Satanilla. Contredances françaises sur le ballet le diable amoureux (60 c.).
- Grande mazurka favorite du ballet Satanilla (75 c.).
- Polka-Mazurka du ballet Satanilla (40 c.).
- Polka tremblante du ballet Satanilla (50 c.).
- La zingarella. Valse favorite du ballet Satanilla (60 c.).
- LUMBYE.** Corsicaner-Galop (30 c.). Nordische Studenten-Polka (40 c.). Krolls Balk'änge. Walzer (85 c.). Berliner Studenten-Polka (30 c.). Hühner-Masken-Quadrille (60 c.). Amelie-Walzer (85 c.). La resignation. Walzer (85 c.). Ornithobolnia-Galop (60 c.). Beduinen-Galop (60 c.).
- MARCAILHOU.** Fenella. Valse brillante (85 c.). Le feu. Grande valse brillante (85 c.).
- PHILIPOT.** Feodora et Zuleika. Deux polkas caractéristiques (72 c.).
- SCHUBERT.** Contredances françaises (60 c.).
- STRAUSS.** DieSchwalben. Walzer. op. 208 (85 c.). Kathinka-Polka. op. 210 (30 c.). Quadrille sur des motifs de l'opéra: la part du diable. op. 211 (58 c.). Marien-Walzer. op. 212 (85 c.). Feldbleateln. Walzer. op. 213 (85 c.). Nader kör. Palatinal-Tanz. Quadrille (59 c.).
- Martha-Quadrille. op. 215 (85 c.). Die Adepten. Walzer. op. 216 (85 c.). Schäfer-Quadrille. op. 217 (60 c.). Tanz-Signale.

Walker, op. 218 (85 с.). Fortuna-Polka, op. 219 (30 с.). Who
not Kreutzer-Polka, op. 220 (30 с.).

Для Русскаго пѣнія.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепиано, аранжированныхъ М. БЕРНАРДОМЪ. Въ четверткѣ отдаленіяхъ 135 пѣсней (цѣна 6 р. сер.).

ДЛЯБЪКВА. Я пережилъ свои желанія. Романсъ (50 к.).

—— Сирота. Чехская пѣснь (40 к.).

ВАРДАМОВА. Я люблю смотреть въ лѣну поченьку. Романсъ (50 к.).

—— Баркаролла на два голоса: Выйдемъ на берегъ (70 к.).

—— Весною передъ пышною розой. Романсъ (50 к.).

—— Испанская пѣсня на два голоса (1 р.).

ВОТЪ НА ПУТИ СЕЛО БОЛЬШОЕ. Цыганская пѣсня (40 к.).

ВІЕЛЬГОРСКАГО (Графа М. Ю.). Волшебный сонъ. Романсъ съ аккомпаниментомъ фортепиано и скрипки (75 к.).

ДЕРФЕЛЬТА. Ворона. Пѣсня (40 к.).

ДОМИЦЕТТИ. Прощальный романсъ изъ оперы: дочь втораго пѣвца (50 к.).

ГУРИЛЕВА. Я говорилъ при разставаньи. Романсъ (40 к.). Сердце. Романсъ (40 к.).

ГЕНЗЕЛЬТА. Три романса и дуэтъ (2 р.).

ОСИПОВА. Черноокой. Романсъ (40 к.).

РОМАНУСА. Я сирота! Романсъ (50 к.).

СТРѢКЛОВА. Молитва. Слова Лермонтова (40 к.).

(Выписывающіе вотъ на суму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не предлагаютъ на мерсылку. Выподою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіемъ непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать чѣрезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были издавы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла осмал тетрадь «Нувеллетта», которая содержитъ въ себѣ: Rosellen. Réverie. — Hoffmann. Etude à la

valse. — Prudent. Le couvre-feu. — Friedrich. La fiancée morte, pensée fugitive. — Swoboda. Mélo-die-Polka. — Strauss. Schäfer-Quadrille. — Burgmüller. Valse sur l'opéra: le bouquet de l'infant. — Wagner. Rondeau alla polacca. — Варламовъ. Богъ съ тобой. Романсъ. — Arnaut. Le croira qui voudra. Romance. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ, № 7. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 1½ руб. 50 коп. сереб.).

Господа, желающіе подписаться на «Нувелюсть» на 1848 годъ, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

=

МОДЫ.

=

— Въ эту минуту, когда лѣто оканчивается, когда платья и шляпки донашиваются, одиѣ только мелочи блестятъ новостью на попривѣ моды. Пардесю и канзу въ особенности отличаются своей разнообразностью и прелестью. Безъ пардесю нельзя выйти изъ уборной, благодаря хомоду и сырости. Эти мантилѣ и мантильки обыкновенно имѣютъ видъ большихъ или малыхъ платковъ, съ острыми или круглыми концами спереди и сзади и обшиваются въ одиѣ, два и три ряда кружевомъ. Маленькія этого роду мантилѣ, на ватѣ, часто бываютъ очень коротки сама собою, но кружево полу-аршинной ширины, которымъ ихъ обшиваютъ, придаетъ имъ приличную длину. Нѣкоторыя представляютъ сзади точно видъ свободно наброшеннаго платка, но спереди бываютъ гладко застегнуты на груди пуговками и обхватываютъ талию подобно капоту; пониже, концы, острые или округленные висятъ свободно. Это очень красиво, удобно и тепло.

— Самыя новыя модели канзу: 1) канзу весь покрытый вышивками, съ острымъ угломъ у талии сзади и двумя длинными округленными концами спереди, собранный складками на высотѣ кушака; нѣсколько открытій у шеи, и обшитый весь мелкимъ кружевомъ; 2) канзу весь гладко застегнутый пуговками спереди, съ двумя рядами вышитой кисеи около шеи.

— Чепчики, чрезвычайно простые и плоскіе, состоятъ, обыкновенно, изъ четырехъ полосокъ рюшеваго тюлю, раздѣленныхъ между собою розовой зубчатой ленточкой; по бокамъ кокарды изъ той же ленточки и тюлю; или изъ полосокъ вышитой кисеи, раздѣленныхъ свернутой зеленой или желтой лентой, и обшитой рюшемъ изъ такой же ленты, которой концы висятъ на обѣихъ сторонахъ лица; или изъ узкаго кружева, расположеннаго удиткой, и прошитаго голубой ленточкой; такой чепчикъ обшивается кругомъ широкимъ кружевомъ, приподнятымъ по бокамъ кокардами изъ голубой ленты, съ концами, или изъ куска широкаго кружева, накинутаго на голову и оканчивающагося по сторонамъ у висковъ, кокардами изъ зеленыхъ и розовыхъ бархатокъ.

— Юбки по-прежнему бываютъ или совершенно гладкія, или съ воланами, которыхъ число простирается отъ одного до пяти, такъ что вся юбка состоитъ изъ волановъ.

— Въ шляпкахъ рѣшительно вѣтъ ничего новаго, и форма будущихъ шляпокъ вовсе неизвѣстна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Танталъ. *Сергья Дурова* 1

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Кларисса, или исторія о юной барышнѣ, содержащая въ себѣ разные важнѣйшія дѣла частной жизни, съ особен-

вымъ указаніемъ на бѣдствія, могущія произойти отъ дурнаго образа дѣйствованія родителей и дѣтей въ отношеніи къ браку. Сочиненіе автора «Памелы», въ семи томахъ. Лондонъ, 1748. Часть четвертая и послѣдняя.	5 ✓
Вудстокъ. Романъ Вальтеръ-Скотта. Часть первая.	98 ✓

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Менеральныя воды Восточной Сибири.	1 ✓
Дневникъ русскаго солдата бывшаго девять мѣсяцевъ въ плѣну у Чеченцевъ. Статья вторая <i>С. Бялева</i>	21 ✓
Шаманскій порогъ на рѣкѣ анганѣ Изъ записокъ путешественника.	49 ✓
Керубинъ. Біографическій очеркъ.	58 ✓

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Торговля мягкой рухлядью. <i>Г. Н—а</i>	
Средства къ увеличенію доходовъ съ имѣній. <i>Бокова</i>	34

V.

КРИТИКА.

Грузія и Арсенія. Три части. Санктпетербургъ, 1848.	1 ✓
---	-----

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Июль и июль 1848.	Новыя книги и брошюры.	1
—	—	Разныя извѣстія. 14

VII.

С М Ъ С Ъ.

ІЮЛЬ.

Путешествіе князя Пючлеръ-Мускау по Сиріи и Малой Азіи.	Мертвое Море. Свиданіе съ леди Стенгопъ. Сказка о султанѣ Мурадѣ. Змѣя Шамаронъ. Проклятый городъ и каменные грибы. Лабранда. Алабанда. Древній театръ. Электрическія дѣвушки. Пляска дервишей. . .	1
Испанскіе романсы. Статья Маньена.		27
Два лексикона.		49
Французскій театръ въ Парижѣ		58
Музыкальныя новости.		68
Новыя французскія книги		38
Новыя музыкальныя сочиненія.		89

СЕНТЯБРЬ.

Али-Синъ. Индѣйскіе сцены. В. Дерикера.		89
Призраки. Необыкновенный случай. Изъ записокъ судьи.		174

Американскій искатель кладовъ	186
Французскій театръ въ Парижѣ.	208
Музыкальныя новости.	215
Французскія книги.	221
Новыя музыкальныя сочиненія.	224
Моды.	227

2

=

JAN 24 1930

